

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІV.

1894.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1894.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	3
Д. М. Позднѣевъ. Вопросы древней исторіи Китая (<i>окончаніе</i>). . .	1
В. Н. Вузецкiй. Ἀθηναίων Πολιτεία Αριστοτέλη, какъ источникъ для исторіи афинской демократіи до конца V вѣка до Р. Хр. (<i>продолженіе</i>). . .	19
И. Н. Ждановъ. Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ и былина „Неразказанный сонъ“ . . .	62
Н. А. Любимовъ. Исторія физики (<i>продолженіе</i>). . .	103

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. П. Никольскій. La Diplomatie Française et la ligue des neutres de 1780 (1776—1783), par <i>Paul Fauchille</i> . Paris. 1893 . . .	148
Н. П.-С. А. Лиласко. Международныя литературныя конвенціи. С.-Пб. 1894 . . .	167
Д. Д. Гриницъ. А. М. Гуляевъ. Наземъ услугъ. Юрьевъ. 1893. . .	172
С. А. Адриановъ. Пермская Старина. Сборникъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. <i>Александра Дмитриева</i> . Выпускъ V. Покореніе Угорскихъ земель и Сибирь. Пермь. 1894 . . .	190
— Книжныя новости . . .	204
П. А. Землячченскій. Нѣкоторыя замѣчанія о трудахъ специальной комиссіи по техническому образованію. . .	1
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ) . . .	8

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Московское Археологическое Общество въ 1893—1894 году. . .	1
Б. А. Тураевъ. Занятія египтологією и ассириологією въ Берлинѣ. . .	12
Л. М. Воспоминаніе о Н. А. Трескинѣ . . .	26

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. И. Х—къ. Пуустовонъ (Miles Gloriosus), комедія Плавта (<i>продолженіе</i>). . .	1

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1887 года по 1891 годъ . . .	177

За редактора С. Платоновъ.

(Вышла 1-го іюля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІV.

1894.

І Ю Л Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1894.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (1-го мая 1894 года). *Объ учрежденіи при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ денежныхъ премій въ память 25-лѣтій царствованія Императора Александра Николаевича.*

Министръ народнаго просвѣщенія всеподданѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе: 1) на учрежденіе при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, изъ процентовъ съ капитала въ 26.700 руб., пожертвованнаго университету общимъ собраніемъ акціонеровъ Харьковского земельного банка въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра Николаевича, трехъ денежныхъ премій за сочиненія по научнымъ изслѣдованіямъ экономическаго состоянія части Россіи, въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области Войска Донскаго и 2) на предоставленіе ему, министру народнаго просвѣщенія, права утвердить положеніе объ означенныхъ преміяхъ.

Государь Императоръ, въ 1-й день мая 1894 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

2. (2-го мая 1894 года). *Объ открытіи въ С.-Петербургѣ трехъ-класснаго юрорскаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта. объ

открытія въ С.-Петербургѣ трехкласснаго городского училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ открытіи въ С.-Петербургѣ трехкласснаго городского училища, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1894 г., въ г. С.-Петербургѣ, трехклассное городское училище на основаніи Высочайше утвержденного положенія 31-го мая 1872 года.

II. Вызываемые означенною мѣрою (отд. I) расходы: а) 3.250 руб. на содержаніе училища и б) 1.750 руб. на наемъ для него помѣщенія, а всего *пять тысячъ* рублей ежегодно, вносить, начиная съ 1895 г., въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія; потребную же на эти надобности въ текущемъ году сумму, въ размѣрѣ *двухъ тысячъ пятисотъ* рублей, отнести на имѣющіе образоваться свободные остатки отъ кредитовъ, ассигнованныхъ по § 6 дѣйствующей смѣты названнаго министерства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

3. (2-го мая 1894 года). *Объ увеличеніи пособія отъ казны Императорскому обществу любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ увеличеніи пособія отъ казны Императорскому обществу любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*:

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ увеличеніи пособія отъ казны Императорскому обществу лю-

бителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ, *мнѣніемъ положили*:

1. Отпускать изъ государственнаго казначейства въ пособіе Императорскому обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи по *одной тысячѣ* рублей въ годъ, въ дополненіе къ нынѣ производимому пособію въ размѣрѣ 2.500 рублей.

2. Потребный на этотъ предметъ расходъ вносить, начиная съ 1895 года, въ подлежащее подраздѣленіе финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

3. Отпустить тому же обществу въ текущемъ 1894 году въ одновременное пособіе *двѣ тысячи* рублей, съ обращеніемъ сего расхода на счетъ остатковъ, образовавшихся въ размѣрѣ 1.673 руб. по § 7 ст. 1 и 327 руб. по § 18 ст. 1 смѣты означеннаго министерства 1893 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

4. (2-го мая 1894 года). *О преобразованіи Ялтинской четырех-классной прогимназіи въ шестиклассный составъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Ялтинской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, изъ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Ялтинской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, *мнѣніемъ положили*:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1894 года, Ялтинскую четырехклассную прогимназію въ шестиклассный составъ.

II. Расходъ по содержанію V и VI классовъ названной прогимназіи, а также по найму квартиры для ея директора, относить, съ 1-го іюля 1894 г. по 1-ое іюля 1898 г., на имѣющіяся для сего мѣстныя средства.

III. Отпустить причитающіеся на ту же надобность (отд. II), по расчету времени съ 1-го іюля 1898 г. по 1-ое января 1899 г., *три*

тысячи триста шестьдесятъ семь рублей пятьдесятъ коп., изъ суммъ государственнаго казначейства.

IV. Начиная съ 1-го января 1899 г., вносить въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе Ятвинской шестиклассной прогимназіи по 19.449 руб. 60 коп. и на наемъ квартиры для ея директора по 1.000 руб., а всего по двадцати тысячъ четыреста сорока девяти рублей шестидесяти коп. въ годъ, показывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, по доходной смѣтѣ сего министерства пособіемъ государственному казначейству жертвуемую ежегодно мѣстнымъ городскимъ обществомъ сумму въ три тысячи пятьсотъ рублей.

V. Могушіе образоваться остатки отъ штатныхъ суммъ Ятвинской прогимназіи раздѣлять на двѣ части, изъ коихъ одну, пропорціональную ассигновалію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую, причитающуюся на долю городского общества, оставлять въ распоряженіи сего общества для употребленія на нужды прогимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

5. (9-го мая 1894 года). *О предоставленіи главной физической обсерваторіи производить повѣрку метеорологическихъ инструментовъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи главной физической обсерваторіи производить повѣрку метеорологическихъ инструментовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о предоставленіи главной физической обсерваторіи производить повѣрку метеорологическихъ инструментовъ, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

1. Главной физической обсерваторіи предоставляется производить повѣрку метеорологическихъ инструментовъ, поступающихъ отъ различныхъ лицъ и учреждений.

2. Порядокъ и условія производства упомянутой повѣрки (ст. 1), а равно размѣръ платы за оную, опредѣляются министромъ народнаго просвѣщенія.

3. Деньги, выручаемыя за повѣрку метеорологическихъ инструментовъ, причисляются къ спеціальнымъ средствамъ министерства народнаго просвѣщенія и обращаются директоромъ главной физической обсерваторіи на вознагражденіе лицъ, занимающихся означенной повѣркой, а также на другіе, связанныя съ этимъ дѣломъ, расходы.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (9-го мая 1894 года). *Объ учрежденіи при Ташкентской астрономической и физической обсерваторіи должности астрофизика.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Ташкентской астрономической и физической обсерваторіи должности астрофизика, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Ташкентской астрономической и физической обсерваторіи должности астрофизика, *мнѣніемъ положилъ:*

1. Учредить при Ташкентской астрономической и физической обсерваторіи должность астрофизика, съ присвоеніемъ ей годоваго оклада содержанія въ размѣрѣ 3.000 руб. (въ томъ числѣ 1.500 руб. жалованья и 1.500 руб. столовыхъ денегъ), квартиры въ натурѣ, VII класса по чинопроизводству, VII разряда по шитью на мундирѣ и V разряда по пенсіи.

2. Впредь до постройки дома при упомянутой въ статьѣ 1-ой обсерваторіи, производить лицу, которое будетъ занимать учреждаемую должность, квартирные деньги по 600 рублей въ годъ.

3. Вызываемый означенными мѣрами (ст. 1 и 2) расходъ вносить, начиная съ 1-го января 1895 года, въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(12-го мая 1894 года). *Утверждено* на три года: керченскій второй гильдіи купецъ *Цыбульскій 1-й*—вновь почетнымъ попечителемъ Керченской Александровской гимназій; архангельскій второй гильдіи купецъ *Починковъ*—почетнымъ попечителемъ Архангельской мужской гимназій.

Назначенъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Некрасовъ*—вновь ректоромъ сего университета, на четыре года.

Командированы, съ ученою цѣлью: а) въ Россію: директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Бредихинъ*—на два мѣсяца, съ 1-го іюня 1894 года, и б) за границу: доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, статскій совѣтникъ *Кесслеръ* и ученый хранитель минералогическаго музея Императорской академіи наукъ, коллежскій ассессоръ баронъ *Толь*—на два мѣсяца, первый—съ 4-го іюня и второй—съ 15-го іюля 1894 года; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Хвольсонъ*—съ 1-го августа по 1-е октября 1894 года; старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Нуренъ*—на два съ половиною мѣсяца; ординарные профессора Императорскаго Новороссійскаго университета: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Успенскій* и статскій совѣтникъ *Заиоровскій*, штатный ассистентъ госпитальной хирургической клиники Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь *Березовскій* и сверхштатный ординаторъ при той же клиникѣ, лѣкарь *Зыковъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Анфимовъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 года и 8 дней; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Деревицкій*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 года и 10 дней; прозекторъ при

каедрѣ гистологіи Императорскаго Московскаго университета, титулярный совѣтникъ *Войтовъ*—съ 15-го мая по 1-е сентября 1894 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Вернадскій*—съ 28-го мая по 1-е октября 1894 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Шестаковъ*—на два года.

Уволены въ отпущкѣ: а) въ Россіи: тайные совѣтники: директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Бредихинъ*—на одинъ мѣсяцъ, съ 1-го августа, и попечители учебныхъ округовъ: Кавказскаго, *Лновскій*—на два мѣсяца, съ 20-го іюня, и Казанскаго, *Потиновъ*—на три мѣсяца, съ 15-го іюня 1894 года, и б) въ Россіи и за границу: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Реніръ*—на три мѣсяца.

(24-го мая 1894 года). *Утвержденъ*, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Сергѣй Лукьяновъ*—въ чинѣ *статскаго совѣтника*, соответственно классу занимаемой имъ должности, съ 18-го мая 1894 года (Выс. пов. 18-го мая 1894 года).

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью: доценту Императорскаго Юрьевскаго университета, надворному совѣтнику *Целе фонъ-Мантейфелю*—по 15-е іюля 1894 года; кандидату Императорскаго университета св. Владиміра *Петражицкому*—по 1-е августа 1894 года.

Командированы съ ученою цѣлью: а) въ Россію и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ *Ястребовъ*—по 20-е августа 1894 года; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Лворскій*—съ 1-го іюня по 15-е сентября 1894 года; и б) за границу: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, статскій совѣтникъ *Воейковъ*—съ 29-го августа по 25-е сентября, Харьковскаго, статскіе совѣтники *Скворцовъ*—съ 10-го августа по 8-е сентября и *Гуровъ*—съ 10-го августа по 10-е сентября 1894 года; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Меклеръ*—съ 1-го іюля по 15-е августа 1894 года; хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго Варшавскаго университета *Морозевичъ*—съ 20-го іюня по 1-е сентября 1894 года; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фойницкій* и статскій совѣтникъ *Георіевскій*,

Московского, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Жуковский* и Казанскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дубюю*, экстраординарный профессоръ сего университета, коллежскій совѣтникъ *Гольдхаммеръ*, приватъ-доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Вульфъ*, преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища, статскій совѣтникъ *Мѣшаевъ* и репетиторъ сего училища, статскій совѣтникъ *Тумскій*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ *Митрофановъ*—съ 25-го мая по 20-е августа 1894 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Базинеръ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 года и 10 дней; лекторъ итальянскаго языка Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Де-Виво*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 года и 15 дней; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Худяковъ*—съ 1-го іюня по 1-е сентября 1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Капустинъ*—съ 1-го іюня по 10-е сентября 1894 года; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Радловъ*—съ 25-го мая по 15-е сентября 1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ *Насоновъ*—съ 12-го декабря 1894 года по 15-е апрѣля 1895 года.

Уволены въ отпускъ въ Россіи: тайные совѣтники, попечители учебныхъ округовъ: Варшавскаго—*Анушинъ* и Рижскаго—*Лавровскій*, оба—на два мѣсяца.

(11-го іюня 1894 года). *Командированн*, съ ученою цѣлью: а) въ Россію и за границу: адъюнкты-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Вотчалъ*—на два мѣсяца, съ 1-го іюля 1894 года; оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, для приготовленія къ профессорскому званію, *Половинкинъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 года; и б) за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета *Васильевъ*—съ 1-го по 28-е сентября 1894 года; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, статскій совѣтникъ *Баклундъ*—на одинъ мѣсяцъ; директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сенitz-Илеръ*—на два мѣсяца, съ 1-го іюня 1894 года; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шмидтъ*—съ 20-го іюня по 20-е сентября 1894 года; при-

вать-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій ассессоръ *фонъ-Штейнъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 года и 10 дней; сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ *Оеофилактовъ* и привать-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Беллинъ*—съ 1-го іюня по 1-е октября 1894 года; сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ зоологін Императорскаго университета св. Владиміра, *Караваевъ*—съ 15-го сентября 1894 года по 15-е марта 1895 года; исправляющій должность адъюнкты-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, титулярный совѣтникъ *Придорогинъ*—на одинъ годъ, съ 1-го сентября 1894 года; привать-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины *Черевковъ*—съ 1-го сентября 1894 года по 25-е октября 1895 года.

Продолженъ срокъ отпуска за границу, почетному попечителю частныхъ гимназій и реальнаго училища К. Мая, въ С.-Петербургѣ, статскому совѣтнику *Маю*—на четыре мѣсяца.

Уволены въ отпускъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Корниловъ*—за границу, по болѣзни, на четыре мѣсяца, съ 20-го іюня 1894 года; тайные совѣтники, попечители учебныхъ округовъ: Западно-Сибирскаго, *Флоринскій*—въ Казань, на 28 дней (Выс. пов. 29-го мая 1894 года) и Кіевскаго, *Вельяминовъ-Зерновъ*—въ Россіи и за границу, на шесть недѣль.

Уволенъ, согласно прошенію: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Бетлинъ*—отъ службы.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (1-го мая 1894 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени торговаго дома К. Ф. Герике при Виндавскихъ мореходныхъ классахъ Курляндской губерніи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 4-го мая 1879 года, на проценты съ капитала въ 1.500 руб., собраннаго по подпискѣ между алебастровыми заводчиками и составляющаго нынѣ съ паросшими на оный процентами 2.137 руб. 68 коп., учреждаются при Виндавскихъ

мореходныхъ классахъ двѣ стипендіи имени торговаго дома К. Ф. Герике, въ ознаменованіе 50-ти лѣтней полезной дѣятельности названнаго торговаго дома на поприщѣ торговли.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двадцати 5% облигаціяхъ III восточнаго займа на номинальную сумму 2.000 руб. и наличныхъ денегъ 137 руб. 68 коп., хранится въ Рижской конторѣ государственнаго банка въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ означенныхъ облигацій, онѣ замѣняются немедленно новыми соотвѣтственной цѣнности государственными или гарантированными правительствомъ процентными бумагами. Могущій образоваться при этомъ остатокъ, а равно % со стипендіальнаго капитала, почему либо не выданные, приобщаются къ стипендіальному капиталу и, по мѣрѣ возможности, обращаются въ таковыя же процентныя бумаги, впредь же до накопленія необходимой для того суммы хранятся на текущемъ счету въ Рижской конторѣ государственнаго банка.

§ 4. Проценты съ первоначально пожертвованнаго стипендіальнаго капитала 1.500 руб., за удержаніемъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются одному, а проценты съ остальной части капитала, за таковымъ же удержаніемъ—другому стипендіату ежегодно 2-го января за текущій учебный годъ.

§ 5. Стипендіаты избираются комитетомъ Видавскихъ мореходныхъ классовъ изъ числа несостоятельныхъ, но отличающихся прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ учениковъ сихъ классовъ и утверждаются Курляндскимъ губернаторомъ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (3-го мая 1894 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Дмитрія Семеновича Лепешкина въ женской ремесленной школѣ Московскаго общества распространенія техническихъ знаний.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ десять тысячъ пятьсотъ руб., завѣщаннаго умершимъ статскимъ совѣтникомъ Дмитріемъ Семеновичемъ Лепешкинымъ, учреждаются при женской ремесленной школѣ Московскаго общества распространенія техническихъ знаний три стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, состоящій изъ 75-ти 4% облигацій Московско-Казанской желѣзной дороги за №№ 82.574, 107.002, 11.501, 11.502, 11.503, за №№ 82.516 по 82.550 включительно и за №№ 99.616 по 99.650 включительно по 100 руб. каждая и трехъ 4% облигацій Московско-Казанской желѣзной дороги за №№ 161.679, 161.602, 161.603, по 1.000 руб. каждая — всего на сумму десять тысячъ пятьсотъ рублей, хранится въ числѣ другихъ специальныхъ средствъ названной школы въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода въ тиражъ какой-либо облигаціи, взаимѣвъ ея должна быть приобретена другая государственная или правительствомъ гарантированная процентная бумага.

§ 3. Часть дохода съ означеннаго капитала, за удержаніемъ съ онаго государственнаго сбора по закону 1885 года, должна быть употребляема на полное содержаніе и обученіе трехъ стипендіатокъ наравнѣ съ другими; изъ ежегоднаго же остатка дохода за время нахождения каждой стипендіатки въ школѣ должно быть отчислено столько, чтобы по окончаніи стипендіаткою полного курса на экипировку ея могло быть выдано 35 руб. Всякіе затѣмъ остатки дохода, безъ исключенія, должны быть присоединяемы къ основному капиталу стипендій на случай уменьшенія его доходности или вздорожанія содержанія воспитанницъ.

§ 4. Право избранія стипендіатокъ принадлежитъ пожизненно душеприкащикѣмъ статскаго совѣтника Д. С. Лепешкина вдовѣ его Агриппинѣ Николаевнѣ Лепешкиной, по смерти ея переходитъ къ ея дочери Маріѣ Дмитріевнѣ Лепешкиной, а по смерти сей послѣдней предоставляется совѣту Московскаго общества распространенія техническихъ знаній. Объ освободившейся стипендіи начальница школы извѣщаетъ означенныхъ въ семь пунктѣ лицъ своевременно.

§ 5. При выборѣ стипендіатокъ преимущество отдается лучшимъ по успѣхамъ и поведенію и особенно нуждающимся воспитанницамъ школы. При очевидномъ нерадѣніи или дурномъ поведеніи стипендіатки могутъ быть лишены получаемыхъ ими стипендій.

§ 6. Въ случаѣ отсутствія въ какой-либо годъ воспитанницъ, удовлетворяющихъ требованіямъ настоящаго положенія, предназначенные къ выдачѣ на содержаніе стипендіатокъ проценты присоединяются къ основному капиталу стипендій.

§ 7. Стипендіи сохраняются и въ случаѣ преобразованія женской ремесленной школы въ другое ремесленное учебное заведеніе.

§ 8. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

3. (3-го мая 1894 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Дмитрія Семеновича Лепешкина въ слесарно-ремесленномъ училищѣ Московскаго общества распространенія техническихъ знаній.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ три тысячи рублей, завѣщаннаго умершимъ статскимъ совѣтникомъ Дмитріемъ Семеновичемъ Лепешкинымъ, учреждается при слесарно-ремесленномъ училищѣ Московскаго общества распространенія техническихъ знаній двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, состоящій изъ 30-ти 4% облигацій Московско-Казанской желѣзной дороги за №№ съ 82.501 по 82.515 включительно и за №№ съ 99.601 по 99.615 включительно по 100 руб. каждая, всего на сумму три тысячи рублей, хранится въ числѣ другихъ специальныхъ средствъ названнаго училища въ мѣстномъ казначествѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода въ тиражъ какой-либо облигаціи, размѣнъ ея должна быть пріобрѣтена другая государственная или правительствомъ гарантированная процентная бумага.

§ 3. Часть дохода съ означеннаго капитала, за удержаніемъ съ онаго государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, должна быть употребляема на обученіе двухъ стипендіатовъ, а изъ ежегоднаго остатка дохода за время нахожденія каждаго стипендіата въ училищѣ должно быть отчисляемо столько, чтобы по окончаніи стипендіатомъ полнаго курса на экипировку его могло быть выдано 35 рублей. Всякіе затѣмъ остатки дохода, безъ исключенія, должны быть присоединяемы къ основному капиталу стипендій на случай уменьшенія его доходности или повышенія платы за обученіе.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно душеприкащикѣмъ статскаго совѣтника Дмитрія Семеновича Лепешкина вдовѣ его Агриппинѣ Николаевнѣ Лепешкиной. По смерти ея право избранія стипендіата на одну изъ стипендій переходитъ къ сыну ея Владиміру Дмитріевичу Лепешкину, а право избранія стипендіата на другую стипендію къ сыну ея Николаю Дмитріевичу Лепешкину; по смерти же каждаго изъ названныхъ въ семъ пунктѣ сыновей душеприкащицы право избранія стипендіатовъ предоставляется совѣту Москов-

скаго общества распространенія техническихъ знаній. Обѣ освободившейся стипендіи директоръ училища извѣщаетъ означенныхъ въ семь пунктѣ лицъ своевременно.

§ 5. При выборѣ стипендіатовъ преимущество отдается лучшимъ по успѣхамъ и поведенію и особенно нуждающимся ученикамъ училища. При очевидномъ нерадѣніи или дурномъ поведеніи стипендіаты могутъ быть лишены получаемыхъ ими стипендій.

§ 6. Въ случаѣ отсутствія въ какой-либо годъ учениковъ, удовлетворяющихъ требованіямъ настоящаго положенія, предназначенныя къ выдачѣ на обученіе стипендіатовъ проценты присоединяются къ основному капиталу стипендій.

§ 7. Стипендіи сохраняются и въ случаѣ преобразования слесарно-ремесленного училища въ другое ремесленное учебное заведеніе.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ПРИКАЗЫ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(12-го іюня 1894 года). *Утверждены:* ординары профессоровъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковалевскій*, Московскаго — протоіерей *Иванцовъ-Платоновъ* и Казанскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Осиповъ* — заслуженными профессорами, первый съ 15-го апрѣля, второй съ 29-го марта, и третій съ 10-го апрѣля 1894 г.; исполняющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, по кафедрѣ церковной исторіи, статскій совѣтникъ *Красносельцовъ* — въ настоящей должности, съ 21-го апрѣля 1894 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — статскій совѣтникъ *Разумовскій* и св. Владимира — титулярный совѣтникъ *Елизаровъ* — ординарными профессорами сихъ университетовъ по занимаемымъ ими кафедрамъ, первый — госпитальной хирургической клиники, съ 9-го, и второй — государственнаго права, съ 22-го апрѣля 1894 года; учитель Кіевскаго реальнаго училища. статскій совѣтникъ *Чернушевичъ* — инспекторомъ народныхъ училищъ, состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, съ 7-го мая 1894 года; исполняющій должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Самой-*

ловъ—въ сей должности, съ 29-го апрѣля 1894 г.; причисленный къ министерству государственныхъ имуществъ, статскій совѣтникъ *Шварцъ*—почетнымъ попечителемъ Острожской прогимназіи, на три года; курскій губерніскій предводитель дворянства, въ званіи камергера дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дурново*, дворянинъ *Курисъ*, и потомственный почетный гражданинъ *Глинскій*—почетными попечителями учительскихъ семинарій: первый—Курской, второй—Херсонской, и третій—Поливановской, всѣ—на три года.

Назначены: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Успенскій*—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на четыре года, съ 30-го апрѣля 1894 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго—статскій совѣтникъ *Колоколовъ*, св. Владимира—коллежскій совѣтникъ *Покровскій*, и Варшавскаго—*Земель*—ординарными профессорами сихъ университетовъ, по занимаемымъ кафедрамъ, первый—уголовнаго права и судопроизводства, съ 9-го, второй—чистой математики, съ 10-го, и третій—римской словесности, съ 7-го апрѣля 1894 года.

Опредѣлены: по Николаевской главной астрономической обсерваторіи: сверхштатные астрономы: *Моринъ*, *Костинскій* и *Ивановъ*, вычислитель *Серафимовъ* и астрономъ-наблюдатель обсерваторіи Императорскаго Казанскаго университета *Ковальскій*, первый—вычислителемъ, а остальные—адъюнкты-астрономами, всѣ съ 1-го мая 1894 г.; изъ отставныхъ: коллежскій совѣтникъ *Вышковскій* и надворный совѣтникъ *Сперанскій* и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Гецъ*—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному: первый—съ 30-го, второй—съ 28-го и третій—съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Виленскаго учебнаго округа, съ 23-го апрѣля 1894 г.

Переведены: прозекторъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Афанасьевъ* и приватъ-доцентъ той же академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Веригъ*—на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ профессорами Императорскихъ университетовъ: первый—Юрьевского, ординарнымъ, по кафедрѣ общей патологіи и патологической анатоміи, съ 10-го апрѣля и второй—Новороссійскаго, экстраординарнымъ, по кафедрѣ физиологіи, съ 24-го апрѣля 1894 года.

Оставлены на службѣ: ординарный профессоръ Императорскаго

С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковалевскій* — по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части, съ 15-го апрѣля 1894 года.

Командированы: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій ассессоръ *Роздаевскій* — на Кавказъ, съ ученою цѣлью, и приватъ-доценты Императорскаго С.-Петербургскаго университета: *Середонинъ* и *Ланто-Данилевскій* — въ Москву, всѣ трое на лѣтнее вакаціонное время 1894 г.; архивариусъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, *Вороновъ* — въ Москву, Кіевъ и Олонецкую губернію, съ ученою цѣлью, по 12-е августа 1894 г., и лаборантъ геологическаго кабинета того же университета, *Макаровъ* — въ Забайкальскую область, для геологическихъ изслѣдованій, по 15-е сентября 1894 года.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: директоръ Казанской 3-й гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Иноземцевъ* — на три недѣли; дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Новицкій* — на 29 дней; директоръ Полоцкой учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Смирновъ*, — съ 25-го іюня по 1-е августа 1894 г.; помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Садоковъ* — на 6 недѣль; директоры: Двинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Князевъ* — съ 10-го іюня по 1-е августа и Ананьевской гимназій, статскій совѣтникъ *Гасиль* — съ 16-го іюня по 15-е августа 1894 г.; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Максимъ* — по 1-е іюля 1894 г.; директоръ Виленской 2-й гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бржезинскій* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Филоновъ* — на два мѣсяца; директоры: Керченской Александровской гимназій, статскій совѣтникъ *Яблонскій* — съ 20-го іюня по 20-е августа 1894 г. и Харьковскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Раевскій* — съ 5-го іюня по 15-е августа 1894 г., сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета *Бартенева* — по 1-е сентября 1894 г., и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Смирновъ* — на четыре мѣсяца; на лѣтнее вакаціонное время 1894 г.: директоры гимназій: С.-Петербургской 3-й, тайный совѣтникъ *Лемонюсъ*, Кронштадтской — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Козеко*, Московской 4-й — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кульчицкій*,

Александровской-Вяземской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Розановъ*. Александровской-Сумской — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сибилевъ*, Варшавской — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ваккеръ*, Казанской 2-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Имшенецкій*, Царицынской— дѣйствительный статскій совѣтникъ *Третьяковъ*. Витебской — статскій совѣтникъ *Введенскій*, Шапелевской — статскій совѣтникъ *Смирлинъ*, Мариупольской—статскій совѣтникъ *Тамосевскій*, Троицкой — статскій совѣтникъ *Тихомировъ* и Бакинской Мариинской женской—статскій совѣтникъ *Демферъ*, Урюпинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Ренчицкій*, Казанскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Парамоновъ*, учительскихъ семинарій: Новобургской — *Крыловъ* и Преславской — *Уаровъ* и Петропавловскаго мужскаго училища въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вернандеръ*, и начальницы женскихъ гимназій: Бакинской-Мариинской — *Латкина* и Петропавловской въ Москвѣ—*Керберъ*; до конца лѣтняго вакаціоннаго времени 1894 г., исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Опацкій*; сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1894 г.: директоръ Самарскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Херувимовъ* — на 14-ть дней, директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Спасскій* и экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Донель*—на 28-мь дней; директоры гимназій: Императорской Казанской 1-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Крелленбергъ*—на 29-ть дней и Тобольской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пановъ* — по 1-е октября 1894 г.; б) въ Россіи и за границу: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ *Новацкій*—на два мѣсяца, директоры гимназій: Кѣлецкой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій* и Лодзинской—статскій совѣтникъ *Рождественскій*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Миславскій* и учитель Сувальской женской гимназіи *Аничковъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1894 г.; директоръ Сарапульскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Генкель* и начальница Тюменской женской прогимназіи *Клерикова* — по 1-е сентября 1894 г., и директоръ Московской 3-й гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій* — на лѣтнее вакаціонное время 1894 г. и 28-мь дней, и в) за границу: учитель гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института

восточныхъ языковъ, статскій совѣтникъ *Юренсенъ* — по 12-е іюля 1894 г., инспекторъ Одесскаго ремесленнаго училища *Платицкій* и учитель Рылской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Хостинскій* — съ 1-го іюля по 20-е августа 1894 г.; ректоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Некрасовъ*, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гиршюрнъ*, библиотекарь Императорской Публичной бібліотеки, надворный совѣтникъ *Радловъ*, секретарь совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Орловъ*, инспекторъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи, статскій совѣтникъ *Плановскій*, начальница Болградской женской гимназіи *Жадовская* и учительница Великолуцкой женской прогимназіи *Шведе* — на два мѣсяца; учитель Камратскаго реальнаго училища *Семеновъ* и домашній учитель Херсонской дирекціи народныхъ училищъ *Фюмель* — по 15-е августа 1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дювернуа* — по 20-е августа 1894 года; лекторъ англійскаго языка Императорскаго Казанскаго университета *Михайловскій*, учитель женской гимназіи Таганцевой въ С.-Петербургѣ, надворный совѣтникъ *Страховъ*, учительница Болградскаго женскаго училища *Гущевъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, князь *Трубецкой* — по 1-е сентября 1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Нейдинъ* — на 5 дней и лѣтнее вакаціонное время 1894 года; сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вальнецъ* — на 28 дней и лѣтнее вакаціонное время 1894 года, и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Аверкіевъ* — на 4 мѣсяца; на лѣтнее вакаціонное время 1894 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — заслуженный, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сергѣевичъ*, Харьковскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Оболенскій* и статскій совѣтникъ *Куллеваскій*, Казанскаго — статскій совѣтникъ *Котовицковъ*, Новороссійскаго — статскій совѣтникъ *Меликовъ*, Варшавскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Востоковъ* и историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, статскій совѣтникъ *Добіашъ*; профессора Императорскаго Московскаго техническаго училища: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Петровъ* и статскій совѣт-

никъ *Колли*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—коллежскій совѣтникъ *Григоровичъ* и св. Владимира — *Яснопольскій*, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета *Илюайскій*, адъюнктъ-профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, статскій совѣтникъ *Дентъ*, лекторъ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Каспари*, приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — *Питтинцкій* и Казанскаго: *Казанскій* и *Айшиловъ*, оставленный при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, для приготовленія къ профессорскому званію, *Покровскій*, младшій помощникъ бібліотекаря II отдѣленія бібліотеки Императорской академіи наукъ *Петерсъ*, директоры: гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской—*Георгиевскій*, Люблинской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Спичалевичъ* и Калишской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Семеновичъ*. Херсонскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Месняевъ* и училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, въ С.-Петербургѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кенизъ*, начальницы женскихъ гимназій: Вятской Марининской—*Дю-Трессель*, Владикавказской Ольгинской—*Соболева*, Петрозаводсквй—*Ульяшенкова* и при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, въ С.-Петербургѣ, *фонъ-Фробенъ*, инспекторы: Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Левенштейнъ*, гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской—*Фомиліантъ* и Московской 2-й—статскій совѣтникъ *Вейеръ*, Варшавской 2-й прогимназія—статскій совѣтникъ *Холодовскій*, Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, статскій совѣтникъ *Картовъ* и Петропавловскаго мужскаго училища въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Иаккъ*; исполняющіе обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: Севастопольскаго, статскій совѣтникъ *Хайновскій*. Мелитопольскаго, статскій совѣтникъ *Яржембовскій*, преподаватели институтовъ: С.-Петербургскаго практическаго технологическаго, надворный совѣтникъ *Селивановъ* и Лазаревскаго восточныхъ языковъ, въ Москвѣ, коллежскій совѣтникъ *Теръ-Захаровъ* и *Хазановъ*, воспитатель и преподаватель коллегіи Павла Галагана, въ Кіевѣ, статскій совѣтникъ *Гордіевичъ*; статскіе совѣтники, заслуженные преподаватели С.-Петербургскихъ гимназій: 1-й—*Керберъ* и 6-й—*Петровъ*, учителя гимназій: при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, статскій совѣтникъ *Зоммеръ*, С.-Петербургскихъ: 1-й—*Висильевъ*, 5-й—*Гошеронъ-де-Лафоссъ* и 6-й—статскіе

совѣтники *Кабеле* и *Вуве*, Императорской Николаевской Царско-сельской—*Александровъ*, Московскихъ: 1-й—статскій совѣтникъ *Каленовъ* и надворный совѣтникъ *Геринъ* и 3-й—*Антельротъ*, Орловской—статскій совѣтникъ *Мало*, Кіевской 2-й—*Коджебаши* и *Лновскій*, Кіево-Печерской—статскіе совѣтники *Валькеръ* и *Руси*, Прилукской—статскій совѣтникъ *Греблдинеръ*, Немировской—коллежскій совѣтникъ *Козловъ*, Одесской 3-й—*Рено*, Кишиневской 1-й—*Марекъ*, Θεодосійской—*Чураевъ*, Павлоградской—*Пасколо*, Симферопольской—*Каттиръ* и *Стовикъ*, Херсонской—*Марекъ*, Александровской—Старобѣльской—*Целиканъ*, Владикавказской—*Гриноревичъ*, Кутаисской—*Нарбутъ*, Ставропольской—*Юртеле*, Варшавскихъ: 1-й—надворные совѣтники *Цытковъ* и *Здановичъ* и 6-й—статскій совѣтникъ *Волковскій*, Калышской—коллежскіе совѣтники: *Козловскій* и *Геріевскій*, Лодзинской—коллежскій ассесоръ *Карпинскій* и Люблинской—статскій совѣтникъ *Толубьевъ*, статскій совѣтникъ *Алексеевичъ* и *Ровняковъ*; исправляющій должность учителя Таганрогской гимназій *Мерсъ*, учителя женскихъ гимназій: Петропавловской, въ Москвѣ—надворный совѣтникъ *Титце*, Севастопольской—*Елисафовъ*, Ващенко-Захарченко, въ Кіевѣ—*Мишке*, княгини Оболенской въ С.-Петербургѣ—*Фидлеръ* и Плоцкой—*Выковскій*; учителя прогимназій: Петергофской—*Ламизъ*, Херсонской—*Индра*, Московской—*Острейко*, Аккерманской, *Шуми* и *Красникъ*, Лятинской—*Рейманъ*, Варшавской 1-й,—коллежскій ассесоръ *Горбаль*; Замостской—*Личкевичъ* и Замостской женской—*Михалскій*; учителя реальныхъ училищъ: Костромскаго—статскій совѣтникъ *Форваньи*, Сумскаго—статскій совѣтникъ *Энemberъ*, Ровенскаго—*Чехакъ*, Полтавскаго—*Коваржикъ*, Кременчугскаго—*Жокнасъ*, Минскаго—*Булае*, Саратовскаго—*Горенбуриъ*, Вятскаго—*Чирихинъ*, Камератскаго—*Семеновъ*, Мелитопольскаго—*Андресиъ*, Севастопольскаго—*Марцъ* и Гуревича, въ С.-Петербургѣ, надворный совѣтникъ *Струе*; учителя училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ—св. Петра—*Анснихъ*, *Бонжуръ*, *Бойль*, *Вороновичъ*, *Зейботъ*, *Піотровскій* и *Фремонъ*; св. Анны—*Бусъ*, *Миасъ*, *Кальникъ* и *Вальденберъ* и св. Екатерины—*Нусбаумъ*; учителя училищъ при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ *Гае*, *Нерлинъ* и *Крейсъ* и Петропавловскаго мужскаго въ Москвѣ—коллежскій совѣтникъ *Дайнъ*, надворный совѣтникъ *Леонарди* и неимѣющій чина *Галле*; учителя Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, статскіе совѣтники *Маркевичъ* и *Тадеръ*, коллежскіе совѣтники: *Ефимовъ* и *Шмидтъ* и неимѣющій чина *Фуксъ*;

учитель Московскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Заравва*, учительница Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Лучицкая*, учительницы женскихъ гимназій: Казанской Маріинской—*Шлитеръ*, Кишиневской—*Дубинская*, Воронежской-Маріинской *Анциферова* и *Ретинская*, Варшавской 2-й—*Вышкова* и *Сарандо* и Плоцкой—*Высоцкая*, надзирательницы женскихъ гимназій: Петропавловской, въ Москвѣ—*Отто* и Воронежской Маріинской—*Блюмъ*; учительницы женскихъ прогимназій: Николаевской—*Вержижковская*, Кролевецкой—*Олевская* и Мелитопольской—*Маларова* и *Андреева*; помощникъ классныхъ наставниковъ Ейскаго реальнаго училища *Богословскій*, и учитель Одесскаго 1-го еврейскаго училища *Троцкій*; до конца лѣтняго вакаціоннаго времени: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, тайный совѣтникъ *Грубе*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Бобровъ*, и начальница Маріинской Гельсингфорсской женской гимназій *Гуть*; сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1894 года: учитель Харьковской 2-й гимназій, статскій совѣтникъ *Шено*—на пять дней; учитель Сумскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Рышетиловичъ*—на семь дней; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поссе*—на восемь дней; исполняющій обязанности инспектора Вятскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Пантелеевскій*—на двѣ недѣли; учитель Житомирской гимназій, статскій совѣтникъ *Гюиненъ*—на пятнадцать дней; директоръ Виленакаго еврейскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Снаескій*—на двадцать дней; учительница Пензенской женской гимназій *Капитко*—на двадцать одинъ день; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Бююродицкій*; учителя: Елисаветградской гимназій *Кончинскій* и прогимназій: Мозырской—*Изенфламъ* и Мелитопольской женской—*Елмашевичъ*—на двадцать восемь дней, и сверхштатный ассистентъ при госпитальной терапевтической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь *Готье-Дюбае* на полтора мѣсяца.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству коллежскій секретарь *Срезневскій*, по случаю опредѣленія на должность старшаго помощника бібліотекаря 1-го отдѣленія бібліотеки Императорской академіи наукъ, съ 5-го марта 1894 года.

Уволенъ инспекторъ народныхъ училищъ, состоящій при управ-

леніи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волинской, статскій совѣтникъ *Грицаи*, согласно прошенію, по болѣзни, отъ службы.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Кишиневской 2-й гимназіи *Херцу*, за пожертвованіе на сооруженіе церкви при гимназіи; потомственному почетному гражданину *Уварову*, за безмездную уступку С.-Петербургской 1-й прогимназіи части помѣщенія и за участіе въ ремонтѣ остающаго помѣщенія, арендуемаго у него прогимназіею; содержательницѣ частнаго учебнаго заведенія 3-го разряда для дѣтей женскаго пола въ С.-Петербургѣ *Урюмовой* и студенту Императорской военно-медицинской академіи *Яковлеву*, за безмездныя труды ихъ по бывшей въ 1893 г. въ С.-Петербургѣ первой всероссійской гигиенической выставкѣ.

Исключены изъ списковъ умершіе: дѣйствительные статскіе совѣтники: заслуженный ординарный профессоръ и деканъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Новороссійскаго университета *Надлеръ* и ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета *Шмидтъ*.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Исторія русской словесности, древней и новой. Сочиненіе А. Д. Галахова. Изданіе 3-е. Томъ I. Отдѣлъ I: Древне-русская словесность. Стр. III+517. Отдѣлъ II: отъ Петра I до Карамзина. Стр. 330 + II. — Томъ II: отъ Карамзина до Пушкина. Стр. 489+II. Москва. 1894. Цѣна за оба тома 3 руб.“ — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) *Lateinisches Elementarbuch. Zur Sexta von J. Lattmann, Dr., Siebente, von neuen Lehrplänen angefasste Auflage.* Göttingen. 1892. S. 118. — 2) *Kleine lateinische Schulgrammatik von Paul Harre.* Berlin, 1890. S. VIII+144. — 3) *Lateinische Wortkunde im Anschluss an die Grammatik, von Dr. Paul Harre.* Berlin. 1889. S.

V+106"—допустить къ употребленію въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ латинскій языкъ преподается на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Сборникъ примѣровъ на правила латинскаго синтаксиса для перевода съ русскаго языка на латинскій. Съ вокабулами, примѣчаніями и русско-латинскимъ словаремъ, также съ приложеніемъ связанныхъ статей. Примѣнительно къ „Латинскому синтаксису въ объемѣ гимназическаго курса“ составлялъ *С. Опацкій*. Изданіе 3-е, значительно измѣненное. Казань. 1894. Стр. II+156. Цѣна 90 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Древне-классическія реалии. Справочная книга и повторительный курсъ для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. По лучшимъ руководствамъ составилъ, согласно съ новымъ учебнымъ планомъ гимназическаго курса, а также и §-мъ 69 правилъ объ испытаніяхъ, *Михаилъ Георгиевскій*, инспекторъ Варшавской 5-й гимназіи. Съ 125 рисунками. Изданіе 2-е, тщательно пересмотрѣнное и значительно дополненное. Часть I: текстъ. Часть II: рисунки. С.-Пб. 1894. Стр. 119+72. Цѣна за обѣ части 70 коп.“—рекомендовать какъ учебное пособие для гимназій и прогимназій.

— Журналъ: „Revue des cours et conférences paraissant tous les jeudis (de Novembre à Juillet). Le № 50 centimes. Paris 15, Rue de Cluny. 1893—94. №№ 1—17“ — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Отрывки изъ греческихъ писателей для письменнаго и устнаго перевода въ V, VI, VII и VIII классахъ гимназій. Составилъ *Ив. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ Московской 1-й гимназіи. Москва. 1894. Стр. VI+354. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Рѣчи Демосфена противъ Филиппа. Для учениковъ гимназій объяснилъ *Іосифъ Добіанъ*. Выпускъ I. Введеніе, первая рѣчь противъ Филиппа и три олинскія рѣчи. Изданіе 2-е, исправленное. Нѣжинъ. 1894. Стр. XXX+156. Цѣна 1 рубль.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ ариметики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Е. Н. Тихомировъ*, преподаватель Орловской гимназіи. Второе, исправленное изданіе. С.-Пб. 1894. Стр. VIII+224.“—

одобрять въ качествѣ руководства при преподаваніи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „С. И. Шохоръ-Троцкий. Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія. С.-Пб. 1892. Стр. 116. Цѣна 60 коп.“ — допустить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Пособіе при изученіи географіи. Книга для чтенія дѣтямъ средняго и старшаго возраста. Составилъ А. Н. Сергеевъ. С.-Пб. 1894. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки для средняго возраста мужскихъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: „Н. И. Верезинъ. Географическія имена. Объясненіе ихъ въ связи съ исторіей открытій. Пособіе для учителей географіи. Выпускъ I. Австралія, Африка, Америка, Азія. С.-Пб. 1894. Стр. 146+IX. Цѣна 1 руб.“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Стѣнные „Карты Великобританіи, Испаніи и Португаліи, составленныя и изданныя преподавателемъ Рязанской прогимназіи Н. Д. Малашикинымъ“ — допустить въ видѣ пособія для учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Юго-Западный край. Популярныя естественно-историческія и географическія очерки П. Тутковскаго, ассистента при кафедрѣ геологіи въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра. Выпускъ первый (съ 4 рисунками въ текстѣ). Кіевъ. 1893. Стр. II + 178+II.“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ средне-учебныхъ заведеній и рекомендовать для означенныхъ библіотекъ сихъ заведеній въ юго-западномъ краѣ.

— Книгу: „Петръ Шлемиль, А. Шамиссо. Peter Schlemihl, A. von Chamisso. Пособіе для класснаго и домашняго чтенія обработано и примѣчаніями, темами для устныхъ и письменныхъ упражненій и словарями — построчнымъ и алфавитнымъ снабдилъ Максъ Фишеръ. Изданіе 2-е. Москва. 1894. Стр. IV+160. Цѣна 50 коп.“ — одобрить какъ пособіе при изученіи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Составилъ д-ръ I'. П. Тернеръ. С.-Пб. 1894. Изданіе Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской“. — рекомендовать для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для

раздачи въ видѣ наградъ учащимся въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

— Книгу: „Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Д-ра *А. И. Кондратьева*. С.-Пб. 1894, въ 16-ю дол., стр. II+102. Цѣна 60 коп.“ — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КИТАЯ ¹⁾.

(По поводу „A short History of China“, by D. C. Boulger. London 1893).

Глава третья, озаглавленная у Бульжера „Долгий періодъ разъединенія“ (р. 21—34), обнимаетъ собою періодъ отъ ханьской до сунской династій (220—960 г.). Эта, нужно сказать, самая темная и не разработанная эпоха китайской исторіи является кормилицею и воспитательницею тѣхъ принциповъ, которыми живетъ Китай доселѣ. Если ханьская династія создала или окончательно закрѣпила весь строй и составъ конфуціанскаго канона; если затѣмъ въ X—XI вѣкахъ мы наблюдаемъ самое широкое развитіе китайской мысли, выразившееся въ разнообразнѣйшихъ и безчисленнѣйшихъ комментаріяхъ на классическія книги, то на промежутокъ между этими двумя эпохами падаетъ скучная подготовительная работа для позднѣйшаго блеска. Равнымъ образомъ по внѣшней исторіи: если танская и затѣмъ сунская династіи могли бороться съ кочевниками болѣе или менѣе успѣшно; если орды помадовъ въ тотъ позднѣйшій періодъ имѣли сравнительно меньшую силу надъ внутреннимъ Китаемъ, то это потому, что въ ихъ перемежающемся движеніи съ восточно-азиатскаго нагорья наступилъ тогда отливъ. Скоро послѣ ханьской династіи они впервые съ молодыми энергичными силами ринулись на обезсильенный раздорами Китай и основали на сѣверѣ его свои имперіи и удѣлы. Если позднѣе Китай могъ объединиться въ нераздѣльное цѣлое, при чемъ владѣствовавшіе надъ нимъ кочевники ничѣмъ не обнаруживаютъ своего этнографическаго различія отъ китайцевъ, —

¹⁾ Окончаніе. См. юньскую книжку Журн. Мин. Нар. Просв. за текущій годъ.

то это показываетъ, что на данный періодъ падаетъ не только завоеваніе Китая инородцами и внесеніе послѣдними отличительныхъ особенностей своей культуры на почву срединной имперіи, но и проявленіе или, по крайней мѣрѣ, начало реакціи со стороны китайскаго населенія, поглощеніе побѣдителей побѣжденными, этнографическое объединеніе совершенно разнородныхъ элементовъ. Эти два явленія, несомнѣнно имѣвшія мѣсто въ данные вѣка, доселѣ не выяснены основательно учеными. Исслѣдованіе ихъ, нужно сказать, составляетъ для историка трудную, мало производительную и скучную работу, и авторъ, который выполнить ее въ будущее время, имѣетъ полное право написать, подобно Момзену, во введеніи къ своему труду: „я писалъ этотъ томъ съ самоотверженіемъ, и читать его нужно также съ самоотверженіемъ“.

Періодъ послѣ ханьской династіи извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ „Сань-го“, то-есть, трехъ государствъ: Вэй, Шу и У, образовавшихся одновременно на территоріи Китая. Источникомъ для исторіи этого времени является историческій романъ „Сань-го-чжи“. Едва ли какое другое литературное произведеніе пользуется въ Китаѣ большею популярностію, чѣмъ Сань-го-чжи. Его читаютъ старый и малый, удивляются ему всѣ ученые и хвалятъ даже невѣжды. Всѣ согласны въ томъ, что это интереснѣйшая изъ всѣхъ, когда либо написанныхъ книгъ, что слогъ, языкъ и приемы ея въ описаніи событий невозможно восхвалить по достоинству, что это перлъ литературы. Въ силу этого ее помѣщаютъ во главѣ серіи произведеній Шя-дай-цзы, то-есть, десяти твореній генія, серіи, которая составляетъ любимѣйшую китайскую бібліотеку для легкаго чтенія. Исторіи, написанныя знаменитыми учеными Китая, сухи, безынтересны и обык. новенно покоятся въ своихъ оберткахъ, тогда какъ Сань-го-чжи старательно перелистывается вслѣдствіе, кто знаетъ достаточное число іероглифовъ для пониманія самой обыкновенной книги. Хотя этотъ романъ и состоитъ изъ 24 томовъ, однако рѣдко можно встрѣтить китайца, который не перечиталъ бы его нѣсколько разъ отъ доски до доски. Всѣ китайцы восхищаются подвигами его героевъ. Поэтическія и ясныя произведенія заимствуютъ изъ него образы, сравненія и выраженія, а храмы, наравнѣ съ частными домами, украшаются картинами, изображающими знаменитыя дѣйствія главныхъ героевъ, или сраженія, гдѣ рѣшалась судьба имперіи. Нѣкоторые изъ личностей этого періода обожествлены и составляютъ донынѣ предметъ поклоненія.

„Сань-го-чжи“ даетъ намъ картину періода 170—317 г. по Р. Хр. Для заинтересованія читателя романъ-хроника усыпаетъ свои страницы разными анекдотами, преувеличиваетъ событія и сводитъ ихъ очень часто на почву таинственности и мистичности. Онъ разказываетъ, какъ два послѣдніе ханьскіе императора Линь-ди (168—190) и Сянь-ди (190—221) бросили имперію въ руки анархіи своею слабостью и развратными привычками; какъ затѣмъ Цао-цао, одинъ изъ генераловъ, номинально сражаясь за императора, положилъ основаніе государству Вэй, Сунь-цюань воздвигъ удѣлъ У, а Лю-бэй, потомокъ ханьской династіи, создалъ царство Шу, иногда называемое позднѣйшей ханьской имперіей, пока ново-возставшіе герои Сы-ма-чжао и Сы-ма-янь не объединили эти три государства подъ властью цзиньской династіи (279 до Р. Хр.).

Таковы вкратцѣ характеристика и содержаніе исторіи Сань-го. Съ перваго взгляда видно, какъ много препятствій къ установленію точныхъ научныхъ данныхъ долженъ встрѣтить историкъ, изслѣдуя и изучая этотъ памятникъ. Намъ нужно сказать, что другихъ источниковъ для изученія этого періода не имѣется. Сравнительное изученіе поэтому оказывается здѣсь почти непримѣнимо, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ лѣтъ въ началѣ и въ концѣ Сань-го-чжи, которые совпадаютъ съ ханьской или цзиньской исторіями. Внесенный въ разказъ Сань-го-чжи элементъ чудесности вредитъ объективности и достовѣрности его повѣствованія и представляетъ одну изъ самыхъ основныхъ препонъ для пошманія дѣйствительнаго хода событій; отъ открытія правильныхъ приемовъ къ устраненію его зависитъ, безъ сомнѣнія, весьма много цѣлность работы по изслѣдованію даннаго историческаго памятника. Безъ опредѣленія степени достовѣрности показаній Сань-го-чжи полагаться на него рискованно. Пусть это историческій, но все же романъ, или поэма, а не объективная лѣтопись. Сколько препятствій къ выясненію дѣйствительнаго хода событій мы встрѣтили бы, пожелавъ исключительно по „Войнѣ и миру“ возстановить исторію похода Наполеона на Россію? То же самое и здѣсь. Необходимо опредѣлить основную тенденцію и міроозрѣніе автора, чтобы умѣть находить истину въ его гиперболахъ и факты въ его мистикѣ; необходимо также опредѣлить его отношеніе къ дѣйствительности, что представляется весьма нелегкою задачею. Сань-го-чжи едва ли ни единственный изъ китайскихъ историческихъ источниковъ, къ которому критикъ необходимо примѣнять такіе способные приемы. Доселѣ всѣ пользовавшіеся имъ европейскіе ученые вѣрили ему и

ссылались на него съ безусловностью (Лакинезъ, Гюцлафъ, Мильнъ, Fries), но намъ подобное довѣріе кажется не убѣдительнымъ, потому что никто не старался провѣрить точность данныхъ Сань-го-чжи. Полной провѣрки, правда, и быть не можетъ, но сводъ его показаній о царствованіяхъ Лянъ-ди и Сянъ-ди изъ ханьской династіи съ исторією этого царствующаго дома, равнымъ образомъ данныхъ о цзиньской династіи съ ея хроникой, значительно могутъ прояснить горизонтъ и опредѣлить характеръ свидѣтельствъ Сань-го-чжи. Пособіемъ при этой работѣ можетъ служить исторія удѣла Шу, или Хоу-хань, называющаяся Сюй-хоу-хань-шу. Ихъ двѣ: одна написана при Сунской, другая при Юаньской династіи. Хотя въ основу ихъ и положено Сань-го-чжи, но тѣмъ не менѣе авторы при переработкѣ старались относиться объективно и могли это сдѣлать, потому что не были заинтересованы въ дѣлѣ лично.

Откидывая всю чудесность въ разказахъ, мы должны сказать, что однимъ изъ довольно загадочныхъ явленій конца ханьской династіи, безъ сомнѣнія, внесшимъ много безпорядка въ ходъ событій, является „мятежъ желтошапочниковъ“, или „желтыхъ тюрбановъ“. Армія ихъ, по показанію Сань-го-чжи, доходила по числу до 500,000 человекъ подъ предводительствомъ трехъ братьевъ, даровитыхъ полководцевъ. Нельзя предугадать, каковъ былъ бы исходъ борьбы ослабѣннаго правительства съ мятежниками, еслибы на зацѣту перваго не выступили три героя, побратимы: Лю-бэй, Гуань-юй (нынѣ превращенный въ бога войны Гуань-гуна) и Чжань-фэй, которые и прекратили волненіе, разбивъ армію мятежниковъ съ помощью магіи и заклинаній, по разказу Сань-го-чжи. Исчезъ ли этотъ мятежъ безслѣдно, или онъ имѣлъ какую связь съ дальнѣйшими событіями, раздорами и распрями—доселѣ не выяснено.

Видъ увлеченія автора хроники-романа его героями, мы должны согласиться съ общемою характеристикой ихъ, указываемою Бульжеромъ. „Безславная попытка узурпатора Вань-мана основать династію была слишкомъ недавня и свѣжа въ народной памяти, чтобы ободрить кого либо взять на себя тяжелую обязанность управленія всей Ханьской имперіей“, поэтому всякій изъ этихъ героевъ старается урвать въ свою пользу какую-либо часть цѣлаго. Цао-цао, служа императору, захватываетъ себѣ удѣлъ Вэй. Лю-бэй сражается въ союзѣ съ нимъ противъ „желтыхъ тюрбановъ“; потомъ вступаетъ съ Чжань-фэй’емъ устраиваетъ заговоръ противъ Цао-цао; дальше оба они мирятся съ нимъ и оканчиваютъ основаніемъ государства Шу. Всѣ они предста-

вляются намъ не больше какъ предводителями бандъ, стремившимися захватить въ свою пользу возможно больше и больше, ловившіе рыбу въ мутной водѣ смутнаго времени.

О внутренней жизни Китая за періодъ Сань-го свѣдѣній у насъ не имѣется, да и трудно говорить о какихъ либо успѣхахъ культуры во времена подобныхъ неурядицъ. Но если при слѣдующей же цзиньской династїи былъ написанъ Сань-го-чжи, произведение, безспорно, образцовое во всей литературѣ Китая, то авторъ его долженъ былъ быть человѣкомъ высокообразованнымъ. Выработка слога и богатство идей требуютъ большой предварительной работы, средства для которой, очевидно, не изскли въ періодъ трехъ государствъ. На эту сторону жизни доселѣ никто не обращалъ вниманія изъ европейскихъ ученыхъ и связь Сань-го-чжи съ остальной литературою Китая, особенно зависимость его отъ предшественниковъ, остается совершенно во тьмѣ.

Въ борьбѣ трехъ царствующихъ домовъ въ III вѣкѣ въ удѣлѣ Вэй выдвинулась фамилія Сы-ма, рядъ поколѣній въ которой обладалъ большими воинскими способностями. Сы-ма и два сына его Сы-ма-ши и Сы-ма-чжао упрочили ея славу въ государствѣ и послѣдній провозгласилъ себя цзиньскимъ ваномъ въ 264 году, каковой титулъ былъ измѣненъ на императорскій сыномъ его Сы-ма-линь ¹⁾. Однимъ изъ замѣчательныхъ, хотя невыясненныхъ доселѣ событій этого времени было прибытіе посольства отъ греческаго императора Θεодосіа въ 284 г. Казалось, что на нѣсколько лѣтъ сосѣднія государства перенесли свои вѣрноподданическія чувства съ вэйскаго дома на цзиньцевъ. Но условія Китая были тогда таковы, что ни одно правитель-ство не могло удержаться, хотя бы во главѣ его стоялъ и способный человѣкъ. Преемники Сы-ма-линя и У-ди не удовлетворяли и этому требованію, и имперія впала опять въ анархію и безпорядки. Начался упомянутый уже нами приливъ кочевниковъ съ восточно-азиатскаго нагорья. Сюнь-пу, ободренные упадкомъ власти въ Китаѣ, возобновили свои нашествія на Китай въ началѣ IV вѣка и въ смутѣ, которое было произведено ихъ атаками извнѣ, равно какъ и волненіями внутренними, авантюристъ Лю-юань успѣваетъ объявить себя

¹⁾ Бульжеръ безъ знанія китайскаго языка не смогъ разобраться въ фактахъ и собственныхъ именахъ и пишетъ: „Ssemachow умеръ въ 265 г. и его сынъ Ssemachu (такого, кажется, исторія не знаетъ) основалъ новую династію Lati (?) Тина“ р. 22.

императоромъ сначала въ Пинъ-янъ (въ Шань-си), а потомъ въ Лоянъ и Чанъ-анъ. Исторія этого періода—хаосъ. На сѣверѣ существуетъ множество микроскопическихъ государствъ; одни основываются Сюнь-ну, другіе сяньбийцами, племенемъ тунгузской расы. Китайская исторія для этого періода носитъ названіе „Ши-лю-го-чунь-цзю“, то-есть, лѣтопись 16 государствъ, и названа она такъ, безъ сомнѣнія, по аналогіи съ тою раздробленностью, въ которой находилась территорія Китая во времена Конфуція. Эта исторія доселѣ не разработана и требуетъ для себя безусловно одного изъ мучениковъ науки. Въ 419 году восточная цзиньская династія, просуществовавъ столѣтія, изсякла, и вмѣстѣ съ нею еще на 200 лѣтъ пропала всякая тѣнь единой державы для Китая. Страна раздѣлилась на двѣ части: южную и сѣверную. На сѣверѣ преемственно правили 4 фамиліи, изъ которыхъ двѣ принадлежали сяньбийцамъ и двѣ китайскаго происхожденія. Вэй (сяньбийцы) (376—534) смѣнялись домомъ Бэй-ци (534—557), одновременно и послѣ была династія Бэй-чжоу (557—581) и въ то же время домъ Лянъ. На югѣ (нань-чао) были всѣ династіи китайскаго происхожденія. Этотъ періодъ раздоровъ окончился съ утвержденіемъ суйской династіи (581—618). Пытаясь сдѣлать какія-либо общія наблюденія надъ указаннымъ вкратцѣ періодомъ, мы отмѣчаемъ здѣсь два довольно крупныя явленія, не исчезающія и въ послѣдующей исторіи Китая: во-первыхъ, замѣчательный фактъ раздѣленія Китая на сѣверъ и югъ; во-вторыхъ, различный характеръ того и другаго въ борьбѣ съ инородцами. Достаточно вспомнить прекрасную характеристику, дающую Т. Meadows'омъ въ книгѣ *Chinese and their rebellions*, современными южными китайцами въ отличіе отъ ихъ сѣверныхъ соотечественниковъ, чтобы понять, что югъ Китая дѣйствительно представляетъ собою страну, совершенно отличную отъ сѣвера въ этнографическомъ, географическомъ, климатическомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Какъ сложилась эта разпница, какіе историческіе факторы участвовали въ ней вмѣстѣ съ естественными условіями—это вопросъ неразработанный. Имѣли здѣсь, думаемъ, огромное вліяніе и Янь-цзы-цзянь и Кантонская рѣка, отдѣляющая еще дальше южныхъ китайцевъ отъ сѣверныхъ и горный хребетъ, идущій отъ Тибета чрезъ Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ къ морю, имѣла значеніе и разпница характеровъ южныхъ и сѣверныхъ жителей и то сознаніе постоянной зависимости отъ сѣверянъ, которое неминуемо должно было вызывать чувство педовольства у населенія юга. Какъ бы то ни было, періодъ существованія Нань-чао

и Вэй-чао, то-есть, южных и северных династий, впервые наглядным образом выразил эту разницу двух окраин, повторявшуюся позднее многократно в истории Китая, и доселе мы не встретили нигде объяснения образования этих двух серий династий с данной точки зрения.

Въ борьбѣ съ инородцами на двухъ окраинахъ Китая проявляется опять безусловная разница въ приемахъ, теченія и исходѣ борьбы, никогда не остававшаяся безъ вліянія на ходъ истории Китая. На сѣверѣ Срединная имперія имѣла дѣло съ кочевниками. Историческимъ закономъ, подтверждаемымъ множествомъ фактовъ, является наблюдение, что въ борьбѣ осѣдлаго населенія съ кочевымъ побѣда на сторонѣ перваго можетъ быть только тогда, когда оно оказывается способнымъ, въ случаѣ нужды, проходить съ своими арміями сквозь всѣ земли, занимаемыя моадами. До той поры, пока такой возможности нѣтъ, побѣда всегда будетъ на сторонѣ кочевниковъ. Палативныя мѣры рано или поздно теряютъ свою силу, и осѣдлые терпятъ отъ своихъ сосѣдей, вносящихъ безнаказанно огонь и мечъ на ихъ территорію. Такой именно періодъ борьбы наблюдаемъ мы въ Китаѣ въ періодъ Вэй-чао.

Характеръ борьбы съ южными инородцами изслѣдовать менѣе: Китай имѣлъ тамъ дѣло съ осѣдлымъ и горнымъ населеніемъ, цѣпившимъ свою независимость не менѣе кочевниковъ. Какимъ образомъ южныя династїи управлялись съ ними, если даже въ самые послѣдніе вѣка правительственныя арміи оказываются безсильными сладить съ горами южныхъ провинцій, остается неизвѣстнымъ.

Объ умственной жизни Китая за этотъ періодъ также извѣстно мало. Мы находимъ нужнымъ привести здѣсь одно извѣстіе, новое въ русской литературѣ. Тибетская лѣтопись „*Dub-thal leg-shad séi-kyi shélop*“ разказывая о правленіи короля *Nam-ri-srón-Isan* изъ періода Бонъ (416—617 г.), то-есть, предшествовавшего введенію буддизма, говоритъ: „Въ правленіе этого короля тибетцы получили первыя познанія въ арифметикѣ и медицинѣ изъ Китая“¹⁾. Дата событія точно не указывается писателемъ. Весьма возможно, что событіе это относится и къ началу правленія суйской династїи, но какъ бы то ни было, а фактъ сношеній Китая съ инородцами и подчиненіе послѣднихъ своей культурѣ заслуживаетъ всякаго вниманія

¹⁾ Contributions on the Religion, History etc. of Thibet. By Baboa Savat Chondra Das. *Asiat. Soc. of Bengal Journal*, vol. L, 1881, p. 218.

и свидѣтельствуешь, что крѣпость внутренняя, принципиальная несколько не ослабѣвала въ Срединной имперіи въ этотъ смутный періодъ.

Суйская династія (589—618), не смотря на свое недолгое существованіе, сохранилась въ народной памяти, благодаря своимъ успѣшнымъ войнамъ и общественнымъ работамъ. Чжоускій императоръ Вэнь-ди, измѣнившій названіе своей династіи на Суй, выказалъ себя весьма способнымъ администраторомъ съ извѣстною широтою взгляда. Его сынъ и преемникъ Инъ-ди, хотя и достигъ трона путемъ убійства своего брата, но былъ также весьма разумнымъ правителемъ и благодѣтелемъ народа. Онъ перенесъ свою столицу изъ Пан-кина въ Ло-янь, рѣшивъ сдѣлать послѣдній великолѣпнѣйшимъ городомъ въ мірѣ. Но ни одна изъ его работъ не можетъ сравниться съ величайшею системою каналовъ, которую онъ соорудилъ и въ связи съ которой имя его вѣчно будетъ жить въ китайскомъ народѣ. За 13 лѣтъ царствованія онъ проложилъ болѣе 5.000 англ. миль каналовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, великій каналъ между Хуанъ-хэ и Инъ-цзы-цзыномъ, до сегодня остаются на столько же полезными сооруженіями, на сколько полезны они были и въ первые дни по своемъ открытіи. Войны Инъ-ди, особенно съ Кореею, были весьма неудачны, и скоро послѣ нея императоръ былъ убитъ фанатикомъ-китайцемъ. Сынъ и преемникъ его испыталъ участь своего отца скоро по вступленіи на престолъ и съ нимъ окончилась суйская династія, что повлекло за собою и запустѣніе ло-яньскаго дворца, который, по выраженію историка, былъ построенъ „для услажденія сердца князя и для удовлетворенія его сластолюбія.“

Не смотря на то, что великій каналъ лежитъ въ сѣверномъ Китаѣ, доступномъ европейцамъ, мы не можемъ сказать, чтобы значеніе его было выиснено вполне и историческая оцѣнка его поставлена на прочную почву. Это сооруженіе даетъ гораздо больше вѣры въ способности и заботы о народѣ задумавшихъ и выполнившихъ его монарховъ, чѣмъ великая стѣна. Изслѣдованіе его вліянія на окрестное населеніе, которому каждая открывающаяся навигація постоянно давала и даетъ возможность пріобрѣтать средства къ жизни, должно составить весьма интересный трудъ не только для географовъ, но и для историковъ культуры Китая. Извѣстно сколько усилій употребляли императоры для урегулированія транзитной доставки хлѣба съ юга на сѣверъ Китая. Она неизбежна и въ обычное время, а въ голодные годы безспорно служить средствомъ спасенія народа отъ смерти, при чемъ великій

каналъ получаетъ огромное значеніе, какъ ближайшій и удобнѣйшій путь.

Китайскіе историки любятъ проводить аналогію между династіями суйскою и слѣдующею за нею танскою (618 — 907), съ одной стороны, и древними циньскою и ханьскою, съ другой. Суйская династія, какъ въ свое время циньская, объединила разрозненный и ослабѣвшій Китай, упрочила память свою великими сооруженіями и пала тогда, когда ничто не предсказывало ей гибели. Ея мимолетное, но полное значенія существованіе является въ большой мѣрѣ загадкою. Причины ея быстрого роста и затѣмъ столь же быстрого исчезновенія, безъ сомнѣнія, кроются во внутреннемъ строѣ современной Суйцамъ китайской жизни, но доселѣ онѣ не выяснены.

Танской династіи было легко уже по слѣдамъ суйской упрочить свое господство надъ всѣмъ Китаемъ. Судьба этой династіи въ европейской литературѣ нѣсколько отлична отъ другихъ: она болѣе другихъ извѣстна, разработана и прославлена. Причины тому лежатъ въ области независимой отъ вліяній танской династіи, и намъ кажется, что такая большая доля преимущественнаго вниманія со стороны европейскихъ ученыхъ въ значительной мѣрѣ не заслужена Танцами. Если на западѣ повторяютъ восхваленія китайскими историками танскихъ императоровъ, то подобныя восхваленія можно найти во всякой династіиной лѣтописи предшествующихъ и послѣдующихъ временъ. Къ панегирикамъ поднебесной нужно относиться съ большимъ скепсисомъ, и заслужены ли эти похвалы дѣйствительнымъ положеніемъ вещей—представляется еще вопросомъ. Причина особеннаго вниманія европейскихъ ученыхъ къ танской династіи лежитъ въ открытіи си-ань-фусскаго памятника о распространеніи христіанства на востокѣ. Всѣ миссіонеры, желавшіе уяснить себѣ судьбы христіанства на почвѣ Китая, обратились на танскую исторію и пытались найти въ ней хотя какіе либо упоминанія о христіанствѣ. Такъ какъ надпись си-ань-фу'скаго памятника трактуетъ о цѣломъ рядѣ императоровъ, то біографіи послѣднихъ проштудированы европейцами и по „Тапъ-шу“, то-есть, по танской лѣтописи. Съ династіей этой произошло то же, что и съ хорошо извѣстными современниками ея въ нагорной Азій—уйгурами. Показанія европейскихъ миссіонеровъ юаньскаго періода о христіанствѣ у уйгуровъ сдѣлали ихъ славными въ Европѣ—и всякій, занимавшійся изученіемъ Азій, считалъ своимъ долгомъ внести посильную помощь въ разрѣшеніе или поясненіе вопроса. Сама по себѣ танская династія, равно какъ и уйгуры, совершенно не выдѣ-

ляется изъ подобнаго же ряда династій и кочевыхъ племенъ, которыми такъ богата исторія Китая. а императоры ея періода нисколько не превзойдутъ въ посвященныхъ имъ китайскою исторіей страницахъ многихъ прежнихъ государей, восхваленныхъ анналистами. Ханьскіе: Гао-цзу, Вэнь-ди, У-ди, Сюань-ди, Гуань-у-ди, Минь-ди, Хо-ди, герон Сань-го-чжи, многіе изъ періода Шя-лю-го и суйскіе Вэнь-ди и Инь-ди представляются нисколько не хуже танскаго Ли-ши-мина, если безусловно вѣрить ихъ панегиристамъ и признавать за факты всѣ повѣствованія о нихъ, не вникая объективно въ исторію событий. Точно также предшествовавшіе уйгурамъ сянь-бійцы, жу-жане и ту-кюзъ пріобрѣтали не менѣе могущества на нагорьѣ, чѣмъ и этотъ народъ, но о нихъ извѣстно гораздо менѣе. Мы не говоримъ уже о позднѣйшихъ тангутахъ, чжурчженяхъ и киданяхъ. Бываетъ иногда въ исторіи, что на долю нѣкоторыхъ народовъ, мѣстностей, эпохъ и авторовъ выпадаетъ большая доля вниманія чловѣчества въ силу условій совершенно стороннихъ, а въ это же время другіе факты и стороны жизни, гораздо болѣе цѣнные и достойные изученія, остаются неизвѣстными.

Танская династія однако создала одну изъ болѣе счастливыхъ для Китая эпохъ, обусловленную, пожалуй, прочностью правительства. Но задачею ея государей, по условіямъ времени, являлась борьба съ сосѣдями и попытка упрочить свою власть на сѣверѣ, защищаясь отъ кочевниковъ, а такое положеніе вещей во многомъ препятствовало внутреннему благосостоянію страны. Даже изъ краткаго изложенія Бульжера мы можемъ видѣть, что это была слошная эпоха войнъ съ помадами, съ Кореей, съ Тибетомъ, войнъ, длившихся много лѣтъ, а правленіе Тай-цзуна захватывающихъ цѣлкомъ. Крайне интереснымъ, но не разъясненнымъ доселѣ вопросомъ оказывается постоянное тяготѣніе Китая къ Корѣ. Географическое положеніе этого полуострова дѣлаетъ его господствующимъ надъ всѣмъ сѣвернымъ Китаемъ и въ то же время изолированнымъ и довольно трудно доступнымъ для армій срединной имперіи. Такое положеніе всегда дозволяло корейцамъ сохранять свою самостоятельность, что раздражало Китай и вызывало частыя столкновенія между двумя государствами. Танскій Гао-цзу совершенно произвольно вмѣшался во внутреннія распри Корей, желая наказать Гай-су-вэн'я, захватившаго въ свои руки верховную власть путемъ цареубійства. Что именно привлекало Китай въ Корею? Сознаніе ли важности этого полуострова для безопасности Китая и для сношеній его съ Японіей, или просто тщесла-

вѣ сильнаго, не выносящее зрѣлища—видѣть и признавать самостоятельность слабого, или, наконецъ, были тому другія причины? Важнѣйшій пунктъ на всемъ материкѣ Средней Азій, Корейскій полуостровъ доселѣ привлекалъ весьма мало вниманія ученыхъ изслѣдователей. Мало извѣстны въ Европѣ корейская литература и языкъ, но не можетъ быть сомнѣнія, что разработка ихъ дастъ множество новыхъ точекъ зрѣнія на исторію взаимныхъ отношеній Кореи съ Китаемъ вообще и на танскую династію въ частности.

О сношеніи Тай-цзуна съ Тибетомъ уже упомянутая нами лѣтопись „*Dub-thah leg-shad sél-kuí mélon*“ сообщаетъ разказъ, нѣсколько различающійся отъ показаній китайскихъ источниковъ: „Тибетскій король *Sron-tsan-Gampo*, знаменитый своими добродѣтелями, услыхалъ о необычайной красотѣ принцессы *Hun-chin kun-ju*, дочери *Seng-tsanpro* или царя Льва Китайскаго (Тай-цзуна), и пожелалъ жениться на ней; съ этою цѣлью онъ послалъ въ Китай знаменитаго перваго министра Гара съ 100 офицерами. Такъ какъ число претендентовъ на руку принцессы было очень велико, и императоръ не зналъ, кого изъ нихъ взять въ зятя и кому отказать, то онъ рѣшилъ отдать принцессу въ замужество тому, чей посолъ окажется первымъ по остротѣ ума и быстротѣ сообразительности. На первый разъ императоръ положилъ предъ собраніемъ посланниковъ щитъ, украшенный сверткомъ бирюзы, одинъ конецъ которой былъ укрѣпленъ въ центрѣ, другой на концѣ щита. Онъ потребовалъ продѣть нитку чрезъ отверстіе свертка отъ одного конца на другой. Это была большая загадка для всѣхъ, исключая Гара, который, привязавши одинъ конецъ нитки къ тонкой талии муравьиной матки, дулъ на нее нотихоньку, пока она прошла сквозь отверстіе. Матка ко всеобщему изумленію совершенно легко пронесла нитку. Императоръ, не желая посылать свою любимую дочь въ такую далекую и варварскую страну, какъ Тибетъ, рѣшилъ повторить испытаніе, но всякій разъ находчивый тибетскій министръ бралъ верхъ надъ всѣми другими. Наконецъ, императоръ рѣшилъ подвергнуть судьбу дочери окончательному испытанію. Онъ приказалъ одѣть 500 дѣвушекъ, одноплѣтокъ дочери, совершенно одинаково съ нею и выставилъ ихъ вмѣстѣ съ принцессой предъ собраніемъ посланниковъ. Хитрый тибетецъ, никогда не имѣвшій недостатка въ вспомогательныхъ средствахъ, изучилъ лицо принцессы, а кромѣ того, предупредившій заранѣе о такомъ испытаніи, онъ узналъ нѣкоторые особые признаки лица принцессы отъ старой кормилицы императорскаго дворца. Такимъ путемъ Гаръ сразу призналъ

дѣйствительную принцессу и, нѣжно коснувшись края ея платья, потребовалъ ее въ супруги своему королю. Испытаніе было окончено. Послѣ всѣхъ приготовленій къ поѣздкѣ въ Тибетъ принцесса сказала императору: „Государь, такъ какъ тебѣ угодно послать меня въ землю Бодъ, гдѣ нѣтъ религіи, то я умоляю, позволь мнѣ взять съ собою великое изображеніе Будды и нѣкоторые томы буддійскихъ сочиненій, а также трактаты о медицинѣ и астрологіи.“ Императоръ согласился на ея просьбу, а услышавъ, что Тибетъ очень бѣдная страна, послалъ туда массу золота и серебра¹⁾. Разказъ этотъ много разнится съ фактами у Бульжера, который, согласно съ „Тунъ-цзянь-ганъ-му“, пишетъ, что Тай-цаунъ отказался выдать замужъ принцессу, что Цзанъ-бо (Sanpou) счелъ этотъ отказъ за оскорбленіе и объявилъ Китаю войну, но былъ разбитъ и купилъ миръ съ Тай-цауномъ цѣною 5.000 лапъ и признаніемъ своей зависимости (р. 29). Разобраться въ этихъ показаніяхъ трудно, но можно, кажется, сказать, что ни тибетская лѣтопись, благодаря ультра-буддійскому направленію, ни китайская хроника, высокопарно трактующая о славіи и побѣдахъ Тай-цуна, не заслуживаютъ безусловнаго довѣрія. Характеръ Тай-цуна въ сношеніяхъ съ инородцами, какъ онъ изображается въ тибетской лѣтописи, положительно противорѣчить дѣйствительности и не согласуется съ общимъ духомъ китайской политики по отношенію къ варварамъ. Никакихъ разговоровъ о нѣжныхъ чувствахъ отца не могло быть въ Си-анъ-фу, потому что Китайъ часто посылалъ подложныхъ принцессъ кочевникамъ и фактъ подобныхъ браковъ обуславливался единственно политическими соображеніями и выгодами.

Тай-цзуну наследовалъ сынъ его Гао-цзунъ (650—684), безпечное безенію котораго кажется особенно яркимъ по сравненію съ энергичнымъ характеромъ его отца. Царствованіе Гао-цзуна занимаетъ однако большое мѣсто въ китайской исторіи, благодаря необыкновенной карьерѣ его жены—У-хоу или У-цзѣ тьянь. Прославленная си-анъ-фу'скимъ памятникомъ за свои злодѣянія, У-хоу сдѣлалась хорошо извѣстною въ трудахъ европейскихъ ученыхъ, но характеристика ея страдаетъ односторонностью, благодаря дурнымъ отзывамъ о ней китайской исторіи. Факты показываютъ, что со всѣми своими жестокостями она понимала, какъ слѣдуетъ держать авторитетъ власти,

¹⁾ Contributions on the Religion, History etc. of Thibet. *Asiat. Soc. of Bengal Journ.*, vol. L, 1881, p. 220—221.

подавлять внутреннія волненія въ странѣ, отражать непріятелей, угадывать и предупреждать народныя желанія. Сдѣлавшись императрицей (655), У-хоу совершенно овладѣла мужемъ и забирала больше и больше власти, пока, наконецъ, послѣ смерти Гао-цзуна (684) взяла все управление имперіей въ свои руки. Ея генералы расширили предѣлы имперіи, а гражданскіе чиновники приводили въ исполненіе ея приказы, которыми она старалась облегчать страданія и улучшать бытъ народа. Ея жестокости низвергались на всѣхъ, кто противился ея волѣ, даже на собственнаго сына и родственниковъ; но она сдѣлала много добра странѣ, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ. Сынъ ея Чжушъ-цзунъ, достигнувъ совершеннолѣтія, устроилъ дворцовый заговоръ и удалилъ мать въ почетное заключеніе въ ея собственные покои, гдѣ она и умерла 81 года отъ роду. Характеръ У-хоу очерченъ китайскими лѣтописцами и народными разказами, ея поведеніе служить для китайцевъ иллюстраціею вреда, происходящаго отъ вѣнательства жещинъ въ правительственныя дѣла,—но исторія этой личности, по нашему мнѣнію, требуетъ кореннаго пересмотра и освобожденія отъ предвзятости въ оцѣнкѣ. Болѣе по чутью, нежели по знанію фактовъ, Бульжеръ отводитъ ей лучшее мѣсто въ исторіи, нежели многіе другіе писатели.

Преемственный рядъ изъ 16 монарховъ владѣлъ тропомъ Средней имперіи послѣ У-хоу, но ни одинъ изъ нихъ не выдѣлялся особенно своими способностями, пока, наконецъ, послѣдніе правители не показали своимъ характеромъ ясныхъ признаковъ упадка династій. Честолюбивые министры, еянухи и дворцовые любимцы овладѣвали императорами и распоряжались ими по произволу. „Après nous le déluge“—можетъ быть названо девизомъ послѣднихъ императоровъ танской династіи, какъ по ихъ поведенію, такъ и по судьбѣ имперіи, ибо послѣдняя была брошена ими въ руки анархіи, продолжавшейся и послѣ паденія Тановъ. Въ слѣдующій за ними періодъ У-дай (907—960) пять династій занимали тронъ въ теченіе 53 лѣтъ, и 13 монарховъ смѣняли одинъ другаго, имѣя такимъ образомъ 4 года среднимъ числомъ для cadaго. Преемство династій: 1) Хоу-лянъ (907—921); 2) Хоу-танъ (923—934); 3) Хоу-цзинъ (936—944); 4) Хоу-ханъ (947—951); 5) Хоу-чжоу (951—960). Общая характеристика ихъ въ краткихъ словахъ сдѣлана очень хорошо Бульжеромъ. Новаго противъ сообщенія именъ и преемства фактовъ въ исторической наукѣ объ этомъ періодѣ пока еще ничего не сказано. Причинъ и законовъ борьбы никто не выяснялъ. Но намъ хо-

чется обратить вниманіе на одно явленіе и поставить вопросъ: почему этотъ періодъ носитъ названіе У-дай, то-есть, пяти династій, а не Лю-дай, то-есть, 6 династій. Вопросъ этотъ вынуждаетъ насъ сдѣлать статья Е. С. Bowra: The Liu family of Canton during the period of the five dynasty (*China Review*, I). Изъ не опубликованной исторіи Гуанъ-дунъ (Гуанъ-дунъ-тунъ-чжи-цянь-ши-ляо-у-дай) авторъ узналъ, что въ періодъ У-дай Кантонъ управлялся самостоятельной династіею, которая игнорирована, не извѣстно почему, китайской исторіей. Основателемъ ея былъ нѣкто Лю-инъ. Владѣя сначала очень небольшимъ округомъ, онъ постепенно усиливался, пока не приобрѣлъ значенія и положенія сильнѣйшаго генерала на югѣ. Одна изъ послѣднихъ опоръ угасающаго танскаго дома, Лю-инъ, какъ большинство вѣрнопопавшихъ китайцевъ, находилъ, что требованія стоящаго у кормила правленія *de facto* гораздо сильнѣе, чѣмъ авторитетъ императора *de jure*, а посему неудивительно, что въ концѣ концовъ все вліяніе Лю-ин'я устремилось на устройство дома Хоу-лянъ, за что онъ и получилъ отъ императора послѣдняго большіе титулы и привилегіи, а по смерти Лю-иня братъ его Лю-инъ былъ назначенъ, за заслуги покойнаго, правителемъ провинціи Гуанъ-дунъ. Лю-инъ обнаружилъ не менѣе смысла, чѣмъ его братъ. Это, повидимому, была одна изъ тѣхъ счастливыхъ семей, которыя, въ силу дарованій своихъ членовъ, всегда занимаютъ выдающее мѣсто среди другихъ, въ какихъ бы условіяхъ ни была страна. Лю-инъ заявилъ себя великимъ покровителемъ наукъ и не щадилъ издержекъ, чтобы собрать вокругъ себя ученыхъ китайцевъ. Казалось, кантонцы сознавали въ это время, что они—потомки населенія древняго удѣла Юэ, а не чистые китайцы, и старались изолироваться отъ сѣвернаго Китая, соперничая съ нимъ въ степени культуры. Лю-инъ, скоро по вступленіи въ должность правителя, поссорился съ древнимъ государствомъ Чу, которое подъ громкимъ именемъ У-юэ ратовало за свою независимость ¹⁾. Императоръ отправилъ посольство, чтобы привести враждующихъ къ миру; въ отвѣтъ на его Лю-инъ отправилъ ко двору богатѣйшіе подарки, а самъ прекратилъ распрю съ Чу'скимъ правителемъ и женился на его дочери. Принявъ затѣмъ отъ двора Хоу-лянъ титулъ цань-пинъ (покой юга), онъ потребовалъ, чтобы тестя его утвердили въ санѣ короля У-юэ. На это требованіе былъ полученъ отказъ и Лю-инъ обвинялъ тогда

¹⁾ О существованіи этого государства намъ ничего не извѣстно.

вельможамъ своей страны. что вся имперія находится въ такихъ условіяхъ, которыя не позволяютъ строго опредѣлить, кто собственно императоръ, что онъ, Лю-янъ, не видитъ никакой пользы въ вѣрно-подданствѣ императору на такомъ далекомъ разстояніи и предполагаетъ посему управлять самостоятельно, порвавъ всякую зависимость отъ Хоу-лянскаго дома. Что подобное основаніе было исполнѣ серьезно для поступка Лю-ян'я и что въ странѣ дѣйствительно царствовала полная анархія, это доказывается существованіемъ въ Цзянь-дун'ѣ (вѣроятно, часть нынѣшней Хэ-нани) болѣе чѣмъ 70 шаекъ разбойниковъ, съ которыми императорскія войска боролись и ничего не могли сдѣлать. Лю-янъ уничтожилъ ихъ всѣхъ и потомъ объявилъ себя въ Кантонѣ императоромъ, назвавъ свою династію Хань, что нужно строго различать отъ Хоу-Хань, царствовавшей двадцатью слишкомъ годами поздиѣ. Онъ назначилъ на должности офицеровъ и чиновниковъ, снабдилъ ихъ всѣми знаками правительственнаго отличія, построилъ храмъ своихъ предковъ и превосходный дворецъ для себя, передѣлилъ провинцію на округа и департаменты, установилъ минъ-хао, то-есть, названіе годовъ правленія и издалъ съ ихъ обозначеніемъ монету. За симъ онъ усилилъ свои связи и вліянію женитьбою сына на дочери самозваннаго короля Минъ-юэ (нынѣ Фу-цзянь). и, чувствуя себя достаточно могущественнымъ, отправилъ посольство къ правителю У-юэ (Ху-нань и Ху-бэй), совѣтуя ему послѣдовать его примѣру.

Разсуждая объективно, Лю-янъ имѣлъ такое же право занимать императорскій тронъ, какъ и какой либо узурпаторъ изъ династіи Хоу-лянъ и онъ, кажется, царствовалъ успѣшнѣе и съ большею дѣйствительною властью, чѣмъ признанные официально китайскою исторіей правители этого періода.

Дворъ былъ безсилеиъ остановить успѣхи Лю-ян'я и его приняты мѣры ограничились тѣмъ, что было повелѣно лишить кантонскаго правителя всѣхъ титуловъ и вычеркнуть имя его изъ императорскихъ таблицъ, па что, конечно, Лю-янъ не обратилъ никакого вниманія. Большаго значенія заслуживала попытка императора возбудить противъ Кантона правителя У-юэ, но и она не привела ни къ чему.

Въ 923 году, когда номинальная власть дома Линъ смѣнилась домомъ танскимъ, Лю-янъ изъ предосторожности рѣшилъ отправить дань трону; въ то же самое время, предписавши послу навестить старательно справки при дворѣ о положеніи дѣлъ и получивъ отвѣтъ, что опасаться съ этой стороны нечего, отложилъ въ сторону всякую заботу

о дани. Онъ царствовалъ безъ всякихъ соперниковъ и далъ каждому изъ своихъ сыновей титулъ короля. Прочный миръ поддерживался во всѣхъ его владѣніяхъ. Послѣдній изъ хоу-танскихъ узурпаторовъ прислалъ къ нему извѣстіе о своемъ восшествіи на престолъ. Лю-янъ отвѣтилъ поздравленіями—и только.

Скоро послѣ этого, около 932 г., Лю-янъ умеръ. Передъ смертью онъ сдѣлался подозрительнымъ и недоувѣрчивымъ и назначалъ на государственныя должности исключительно евнуховъ въ убѣжденіи, что бездѣтный челоѣкъ можетъ отдавать больше вниманія общественнымъ обязанностямъ и долгу, нежели имѣющій жену и дѣтей.

По смерти Лю-янъ'я, его государство сразу же упало и погрузилось въ анархію наравнѣ съ другими, окружавшими его владѣніями. Желаніе Лю-янъ'я назначить въ преемники себѣ способнѣйшаго изъ своихъ 19-ти сыновей было отклонено и видоизмѣнено министрами въ пользу старшаго. Этотъ скоро погибъ отъ руки одного изъ братьевъ, и началась цѣлая серія убійствъ. Сосѣди дѣлали нападенія и захватывали пограничныя земли, начальники отдѣльныхъ округовъ поднимали открыто мятежи; водворился полный хаосъ.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ событій среди террора, царствовавшего тогда въ Кантонѣ, была пиратская экспедиція, снаряженная преемникомъ Лю-янъ'я, пьяницею и жестокимъ тираномъ. Желая добыть средства для задуманной постройки дворца, этотъ императоръ послалъ въ море свой военный флотъ грабить купеческія суда; неизвѣстно, чѣмъ окончилась эта экспедиція и были ли употреблены награбленные богатства для означенной цѣли, но самый фактъ уже достаточно характеризуетъ намъ разложеніе, въ которомъ находилась страна. Въ 940—950 гг. провинція Гуанъ-дунъ уже испытываетъ на себѣ нападеніе императорскихъ войскъ, хотя послѣднія и терпятъ здѣсь пораженіе. Скоро потомъ встрѣчается упоминаніе, что изъ 19 сыновей Лю-янъ'я только одинъ остался въ живыхъ, а остальные всѣ были имъ перебиты. Ши-цзунъ хоу-чжоуской династіи покорилъ Цзянь-бэй, вѣроятно, часть нынѣшней провинціи Ху-бэй. Кантонскій тиранъ струсилъ надвигающейся опасности и поспѣшилъ послать дань, но его приношенія были перехвачены однимъ изъ его злѣйшихъ враговъ въ Чу. Послѣдовали военныя дѣйствія. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ организовать защиту своей страны, тиранъ почувствовалъ себя безсильнымъ и предался отчаянному пьянству. „Только бы мнѣ избѣжать (бѣды). это было бы счастье; къ чему затруднять себя думою о слѣдующихъ поколѣніяхъ!“ говори-

валъ онъ на своихъ оргіяхъ, предупреждая знаменитое après nous le déluge!

Преемникъ этого тирана, сынъ его и внукъ Лю-ян'я, Лю-чанъ былъ такой же преданный разврату и жестокостямъ деспотъ, какъ и его отецъ, и страницы его исторіи напоминаютъ собою времена Нерона и Калигулы. Понятно поэтому, что усиливавшаяся на сѣверѣ сунская династія скоро привлекла на себя вниманіе и упованіе жителей Кантонской провинціи, и скоро противъ нихъ правителя была отправлена Сунцами цѣлая экспедиція. Императорская армія обложала безсильный и неспособный къ сопротивленію Кантонъ; послѣдовалъ приступъ, скоро однако прекращенный вслѣдствіе полной сдачи правителя на волю побѣдителей.

Такъ пала династія, которая съ полнымъ правомъ могла бы стать въ ряду пресловутыхъ пяти династій и измѣнить названіе періода въ шестидинастіонный. Но и этого было бы недостаточно. Параллельно съ указаннымъ государствомъ въ Гуанъ-дунѣ существовали въ различныхъ мѣстахъ имперіи и другія, независимыя отъ какой либо изъ „пяти“ династій владѣнія. Таковы: Лянъ—въ Ху-нан'и и Шанъ-дунѣ; Гуай-нанъ—въ Цзянь-нани; Чжоу—въ Сычуани, въ частяхъ Шэнь-си и Ху-гуанѣ; У-юэ—въ Чжэ-цзин'и; Цзо и Цзинъ-нанъ въ Ху-гуанѣ; Лянъ-нанъ—въ Гуанъ-дунѣ и Уйгуры—въ Тангутѣ. Исторія всѣхъ этихъ микроскопическихъ по значенію государствъ не изслѣдована и остается темною, хотя общіе вопросы о причинахъ существованія подобной массы самостоятельныхъ владѣній на почвѣ одного Китая имѣютъ несомнѣнный интересъ, и подробный отчетъ объ этомъ смутномъ періодѣ имперіи данъ будетъ только послѣ анализа этихъ частныхъ исторій. Впрочемъ, едва ли ученые скоро покончатъ съ этими мелкими владѣніями. Запутанныя среди другихъ, мимолетно возникающія и пропадающія безслѣдно, они не легко поддаются усиліямъ выяснять ихъ судьбу. Напримѣръ, такъ называемое Уйгурское государство въ Тангутѣ за этотъ періодъ подвергалось всевозможнымъ влияніямъ и видоизмѣненіямъ и возстановить строго точную картину его жизни, кажется, не возможно. Оно было самостоятельно, потому что, какъ таковое, оно посылаетъ дань возникающимъ въ Китаѣ династіямъ и имѣетъ своихъ правителей, но оно въ то же время можетъ быть названо зависимымъ, потому что его населеніе, спасаясь бѣгствомъ отъ своихъ побѣдителей Хакасовъ, вступаетъ въ подданство къ князьямъ Тибета и Куку-нора и т. д. Впрочемъ, здѣсь, на почвѣ кочевой жизни, все представляется болѣе яснымъ, потому что кочевой

укладъ болѣе или менѣе извѣстенъ и понятенъ намъ. Въ собственномъ Китаѣ и съ этнографіею, и съ географіею, и съ укладомъ жизни дѣло стоитъ въ болѣе неопредѣленномъ положеніи, а потому и выясненіе историческихъ явленій еще болѣе затруднительно.

Раздробленный Китай объединился, наконецъ, подъ управленіемъ сунской династіи (960—1278), и съ ея возвышеніемъ оканчивается періодъ древней исторіи Китая. Эпоха сунской династіи представляетъ собою переходное время и не можетъ быть причислена строго ни къ древней, ни къ новой исторіи Китая. Во внутренней жизни это—эпоха броженія умовъ. Попытка Ванъ-анъ-ши реформировать экономическій строй Китая и дать совершенно новое направленіе не только дѣйствительной жизни, но и теоретическому пониманію древнихъ классиковъ, произведеніями которыхъ онъ обосновывалъ свои нововведенія, вызвала необыкновенную реакцію среди приверженцевъ древняго конфуціанства, и создала блестящій расцвѣтъ этой школы. Лучшие представители конфуціанской мысли принадлежатъ времени сунской династіи и въ силу ихъ вліянія это направленіе вкоренилось въ умы китайцевъ и неизменно живетъ въ нихъ доселѣ. Начиная именно съ этого періода, мы замѣчаемъ необычайную интенсивность въ распространеніи китайской культуры. На протяженіи немногихъ столѣтій Срединная имперія поглощаетъ и ассимилируетъ множество своихъ побѣдителей Цзиньцевъ, Ляосцевъ, Монголовъ и Манчжуровъ, и если она во весь новый періодъ остается все тѣмъ же единымъ Китаемъ, то она обязана этимъ главнымъ образомъ сунской династіи, создавшей расцвѣтъ конфуціанства.

Димитрій Ноздичевъ.

ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΙΑ, ΚΑΚΉ ΙΣΤΟΡΙΚΉ ΔΙΑΡΚΕΙΑ ΔΙΑ ΤΗΝ ΙΣΤΟΡΙΑΝ ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ ΕΩΣ ΤΗΝ ΕΠΟΧΗ ΤΗΣ ΡΩΜΑΝΕΥΣΕΩΣ.¹⁾

Документальныя данныя и Антида.

До сихъ поръ мы останавливались на сличеніи 'Αθηναίων Πολιτεία съ произведеніями историковъ, которыя, за исключеніемъ лишь Эфора, дошли и до насъ. Но есть въ 'Αθηναίων Πολιτεία цѣлыя отдѣлы, для которыхъ дошедшіе до насъ авторы, очевидно, не были источникомъ. При томъ мы видѣли, что даже и тамъ, гдѣ Аристотель пользуется трудами своихъ предшественниковъ — Геродота, Фукидида и проч., онъ не ограничивается ими, а пополняетъ и комбинируетъ ихъ свидѣтельства съ другими. Посмотримъ, какими еще источниками онъ могъ располагать.

Въ трактатѣ, даже въ первой его части, видное мѣсто занимаютъ *данныя документальнаго характера*. Въ особенности это нужно сказать о главахъ, посвященныхъ перевороту 411 года и восстановленію демократіи въ 403 г. Такъ, 39 глава представляетъ, повидному, дословный текстъ договора между демократами и сторонниками олигархіи; въ 29 главѣ Аристотель не только отмѣчаетъ, что „Мелобій держалъ рѣчь, а Писодоръ внесъ предложеніе“, но и передаетъ дословно самую псефизму Писодора съ прибавкой Клитофона, при чемъ выраженія и стиль тутъ совершенно напоминаютъ обычный официальный языкъ протоколовъ, извѣстный намъ изъ надписей. Достаточно указать, напримѣръ, на такую фразу, какъ: τὰ μὲν ἄλλα κατὰ τὸν Πισόδωρον εἶπεν, προσαναζητήσαι δὲ и т. д. въ поправкѣ Клитофона. Затѣмъ, какъ мы видѣли, Аристотель приво-

¹⁾ Продолженіе. См. юньскую книжку Журн. Мин. Нар. Пр. за текущій годъ.

дять обширный проектъ олигархической конституція (гл. 30—31), или, говоря точнѣе, цѣлыхъ три проекта: 1) предложеніе тридцати соу-граφεіς, 2) проектъ ста, составленный на будущее время (εἰς τὸν μέλλοντα χρόνον) и 3) проектъ, составленный ими для настоящаго—ἐν τῇ παρόντι κλιτῇ,—и упоминаеть, что проектъ пустилъ на голоса—другими словами, предсѣдательствовалъ—Аристомахъ, подробности, опять-таки напоминающая протоколы ¹⁾, въ которыхъ, какъ извѣстно, обозначалось имя предсѣдателя народнаго собранія, а то обстоятельство, что Аристотель при этомъ не приводитъ имени Аристомахова отца и дема, нисколько не противорѣчитъ обычнымъ формуламъ V вѣка ²⁾).

Кромѣ того, упоминается, хотя и не приводится дословно, еще нѣсколько псефизмъ и предложеній, съ обозначеніемъ лица, ихъ внесшаго: въ гл. 14—'Αριστίωνος γραψάντος τὴν γνῶμην; въ гл. 34—ἔγραψε δὲ τὸ ψήφισμα Δραχοντίδης 'Αφιδναῖος; въ гл. 40—'Αρχῖνος.... γραψάμενος τὸ ψήφισμα τὸ ἐπ' αὐτοῦ παρὰ νόμων..... Въ разныхъ мѣстахъ трактата Аристотель цитируетъ формулы, постановленія и законы или, по крайней мѣрѣ, ссылается на нихъ. Такъ, въ гл. 3 онъ приводитъ слова изъ клятвы архонтовъ; въ гл. 8 цитируетъ законы: объ избраніи казначеевъ изъ пентакосіомедимнионъ, относительно навараровъ и противъ общественнаго индифферентизма; въ гл. 9, какъ на примѣръ неясности и запутанности, указываетъ на законъ о наслѣдствахъ и дочеряхъ-наслѣдницахъ, не приводя, впрочемъ, его содержанія; въ гл. 16 цитируетъ законъ противъ попытокъ къ тиранніи; въ гл. 21—постановленіе: „не разбирать филъ“, μὴ φιλοσχεῖν; въ концѣ 26 гл. говоритъ подрядъ о постановленіи, открывшемъ и зевгитамъ доступъ къ архонтству, о возстановленіи такъ называемыхъ „судей по демамъ“ и о проведенномъ Перикломъ законѣ относительно права гражданства; въ 35 гл. приводитъ дословно стѣснительныя оговорки касательно права завѣщанія; въ гл. 37 передаетъ содержаніе двухъ законовъ, внесенныхъ тридцатію въ совѣтъ и направленныхъ противъ Орамена.

Наконецъ, мы видѣли, что Аристотель часто вставляетъ имя архонта, при которомъ совершилось упоминаемое имъ событіе. Такихъ случаевъ въ первой части насчитывается не менѣе 25 ³⁾, не считая

¹⁾ Ср. Wilamowitz-Moellendorf, Arist. u. Athen, I, 108.

²⁾ Sandys, p. 126.

³⁾ См. гл. 4, 14 (два случая), 17, 19, 21, 22 (5 случаевъ), 23, 25, 26 (3 случая), 27, 32, 33, 34 (2 случая), 35 и 41, 39, 40.

того, что говорится объ избраніи Солона въ архонты (гл. 5) и объ архонствѣ Дамасія (гл. 13). Особенно обильна подобными хронологическими указаніями 22 глава. А въ главѣ 32 точно обозначены не только мѣсяць, но и число, когда распущенъ былъ прежній советъ, когда вступилъ въ должность олигархическій и когда долженъ былъ вступить обычный, избранный по жребію, советъ.

Въ основѣ всѣхъ подобныхъ сообщеній, какъ первоисточники, въ концѣ концовъ должны, разумѣется, лежать *документальныя данныя*. Вопросъ состоитъ только въ томъ, откуда ихъ бралъ Аристотель, обращался ли онъ непосредственно къ архивному матеріалу, надписямъ, спискамъ архонтовъ и т. под., или же заимствовалъ эти данныя изъ вторыхъ и третьихъ рукъ.

Высказывалось мнѣніе, что Аристотель по самому своему положенію въ Аоннахъ, какъ не-гражданинъ, не могъ имѣть доступа къ архивамъ и не могъ, слѣдовательно, пользоваться документами. Но такое представленіе объ униженномъ положеніи великаго стагирита совершенно невѣрно и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Напротивъ, Аристотель, окруженный многочисленными учениками, стоя во главѣ цѣлой школы ¹⁾, занималъ, безъ сомнѣнія, выдающееся и почетное положеніе въ тогдашнихъ Аоннахъ. Вспомнимъ, что то было время послѣ Херонейской битвы. Аристотель могъ рассчитывать на покровительство и содѣйствіе могущественнаго македонскаго царя, своего воспитанника, и Антипатра, своего друга, не говоря уже о томъ, что среди его учениковъ были и аонскіе граждане, которые съ своей стороны имѣли возможность достать и собрать для него архивный матеріалъ. Наконецъ, документальныя данныя далеко не были такъ ужъ недоступны; особенно это нужно сказать о дѣйствовавшихъ законахъ, стоявшихъ начертанными на камняхъ или распро-трапленныхъ въ спискахъ ²⁾.

Тѣмъ не менѣе, если Аристотель и имѣлъ возможность пользоваться документами и, быть можетъ, взялъ ту или другую цитату, то или другое извѣстіе непосредственно изъ нихъ ³⁾, онъ не поль-

¹⁾ См. замѣчанія Nissen'a, *Ph. Mus.*, 1892, 171, 193; Erdmann, 10.

²⁾ Wilamowitz-Moellendorf, *Arist. u. Athen*, I, 258.

³⁾ Пользованіе документальными матеріалами допускаютъ — Diels, Gomperz, M. Fränkel, Nissen, F. Dümmler, Busolt, Gilbert, Strehl и друг.; раньше открытія трактата — Oncken, II, 436, 519. О трудности сказать въ точности, пользовался ли Аристотель непосредственно документальными памятниками, см. у Neuman'a, *Cl. Rev.*, 1891, № 4, p. 163.

зовался ими *систематически* ¹⁾. Таково впечатлѣніе, производимое его трактатомъ, въ которомъ иначе мы бы, безъ сомнѣнія, нашли больше документальныхъ свидѣтельствъ, больше точности и подчасъ больше фактическихъ подробностей. Поэтому болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе, что Аристотель черпалъ документальный матеріалъ изъ вторыхъ рукъ. Правда, относительно текста мирнаго договора въ гл. 39, псефизмы Писеодора и конституции 411 г. ничто не мѣшаетъ допустить, что они взяты прямо изъ документовъ; но и тутъ возможно предположеніе, что Аристотель заимствовалъ ихъ если не изъ Аттиды ²⁾, то изъ какого либо собранія на подобіе извѣстной συναγωγή ψηφισμάτων Кратера ³⁾ или изъ литературнаго произведенія, авторъ коего имѣлъ побужденія особенно интересоваться проектами 411 г. ⁴⁾. Относительно же большинства остальныхъ документальныхъ данныхъ, находящихся въ первой части трактата, есть полное основаніе думать, что они взяты изъ *Аттиды*.

Въ особенности напоминаетъ намъ послѣднія *употребленіе имени архонта, какъ даты* ⁵⁾. Какъ извѣстно, стремленіе къ хронологической опредѣленности, датировка событій по архонтствамъ—черта, характеризующая Аттиды, первоначальную основу коихъ составляли списки архонтовъ и свлзанныя съ ними записи или замѣтки о современныхъ событіяхъ ⁶⁾. А такія мѣста Аристотелева 'Αθηναίων Πολιτεία, какъ конецъ 26 гл. и особенно 22 глава, съ ихъ обиліемъ датъ, съ ихъ сухими, краткими и безсвязными перечисленіями фактовъ, совершенно напоминаютъ какую нибудь лѣтопись или хроннику (какъ это было нами замѣчено еще въ первой статьѣ о новооткрытомъ трактатѣ, помѣщенной во II томѣ „Историческаго Обзорѣнія“, стр. 224). Между „Политіей“ Аристотеля и Аттидами есть еще и другія общія черты, напримѣръ, стремленіе объяснить происхожденіе

¹⁾ Ср. *Nissen, Ph. Mus.*, 1892, Ss. 195 — 196; *Swohoda, Üb. d. Proc. des Pericles (Hermes)*, 1893, Ss. 596—598).

²⁾ Какъ думаетъ *Heller*, p. 41.

³⁾ Собраніемъ самого Кратера Аристотель не могъ пользоваться, такъ какъ оно появилось, вѣроятно, позже „Политіи“.

⁴⁾ *Wilamowitz-Moellendorff*, *Arist. und. Athen*, I, 163 сл.

⁵⁾ Въ гл. 34 мы встречаемъ: ἐπὶ Καλλίου τοῦ Ἀγγεληθεὶς ἀρχοντος, и въ надписи C. I. A., II, 22—тоже: Καλλίας Ἀγγεληθεὶς ἦρξεν (*Wilamowitz-Moellendorff*, I, 8). Но обозначать демъ въ данномъ случаѣ было необходимо для того, чтобы отличать этого Каллія отъ одноименнаго ему архонта 411 г. (см. гл. 32).

⁶⁾ *Ed. Meyer, Lit. Centralbl.*, 1894, № 3, Ss. 78—79.

существующихъ учреждений и обычаевъ, а также словъ и поговорокъ ¹⁾. Не чужды Аттидамъ также и анекдоты. У аттидографовъ Аристотель могъ найти и цитаты изъ законовъ; по крайней мѣрѣ, въ сохранившихся отрывкахъ изъ Аттиды мы встрѣчаемъ подобныя цитаты ²⁾. Съ нѣкоторыми псефизмами Аристотель могъ быть знакомъ тоже по Аттидамъ ³⁾.

Что между 'Αθηναίων Πολιτεία и Аттидами есть не мало общаго, что Аристотель былъ знакомъ съ трудами предшествовавшихъ ему аттидографовъ и ими пользовался,—это явствуетъ и изъ сличенія трактата съ сохранившимися фрагментами Аттиды.

Напримѣръ, есть основаніе полагать, что Аристотель имѣлъ подъ рукою трудъ Климедя, или Клитодема, этого „древнѣйшаго“ изъ аттидографовъ ⁴⁾, и пользовался имъ: слова Аристотеля въ концѣ 14 гл. о первомъ возвращеніи Писиястрата въ Аѳины напоминаютъ цитату изъ Климедя, приводимую Athen., XIII, 609c (= *Clid.*, fr. 24) ⁵⁾,

¹⁾ Newman у Sandys'a, p. LVI—LVII.

²⁾ См., напримѣръ, *Androt.*, fr. 4; ср. Wilamowitz-Muellendorff, I, 52; Heller, 40.

³⁾ Вспомнимъ, что Плутархъ, въ документахъ не обращающійся, тоже знаетъ псефизму Аристона или, какъ онъ называетъ его, Ариетона.

⁴⁾ Paus., X, 15, 5: ὅποσοι τὰ 'Αθηναίων ἐπιχώρια ἔγραψαν ὁ ἀρχαιότατος.

⁵⁾ 'Αθ. Пол., 14:

Athen., XIII, 609c:

καὶ γυναῖκα μεγάλην καὶ καλὴν ἐξευρών, ὡς μὲν Ἡρόδοτος φησὶν ἐκ τοῦ δήμου τῶν Παιανίων, ὡς δ' ἐνίοι λέγουσιν ἐκ τοῦ Κολυτοῦ στεφανόπῳλιν Θράτταν, ἣ ὄνομα Φύη, τὴν θεὸν ἀπομιμησάμενος τῷ κόσμῳ συνεισῆγγαεν μετ' αὐτοῦ, καὶ ὁ μὲν Πισιστρατος ἐφ' ἄρματος εἰσῆλαυε παραβητοῦσης τῆς γυναίκας...

καὶ τὴν καταγοῦσαν δὲ Πισιστρατον ἐπὶ τὴν τυραννίδα ὡς 'Αθηναῖος Σωτήρας εἶδος ἔχουσαν, καλὴν φασὶ γεγονέναι, ἥτις καὶ τῇ θεῷ εἴκαστο τὴν μορφήν. στεφανόπῳλις δὲ ἦν καὶ αὐτὴν ἐξείδωκε πρὸς γάμου κοινωνίαν ὁ Πισιστρατος Ἰππάρχῳ τῷ υἱῷ, ὡς Κλειθμος ἱστορεῖ ἐν ὁδόφ. Νόστων „ἐξείδωκε δὲ καὶ Ἰππάρχῳ τῷ υἱεὶ τὴν παραβητήσασαν αὐτῷ γυναῖκα Φύην, τὴν Σωκράτους θυγατέρα.

Замѣтимъ, что у Athen., I. c., сочиненіе Климедя, изъ котораго приводятся цитаты, названо не Аттидой, а Νέστοι. Stiehle (Zu den fragm. d. griech. histor., *Philol.*, VIII Bd., 1859, Sa. 632—633) считаетъ послѣднія за особые труды, отдѣльный отъ Климедовой Аттиды, и предполагаетъ, что у Athl. первоначально стояло 'Αντικλειθης, но переписчики пропустили 'Αντ, а Кλειθης превращено было въ Кλειθμος. Противъ этого см. замѣчанія Wilamowitz'a (I, 30, прим. 2 и 286, прим. 36), доказывающаго, что Νέστοι лишь другое названіе Аттиды. Большая часть изслѣдователей считаетъ, что почти все приведенное выше мѣсто изъ Athl.—фрагментъ изъ Климедя, и поэтому полагаетъ, что упоминаемое Аристотелемъ, I. c., свидѣтельство „нѣкоторыхъ“ (ἐνίοι) принадлежитъ именно Климеду.

при чемъ какъ у Климедя, такъ и у Аристотеля употребленъ одинъ и тотъ же глаголь. очень рѣдкій (παραιβάσας въ 'Αθηναίων Πολιτεία. παραιβάσας—въ цитатѣ изъ Климедя) ¹⁾. Замѣтимъ кстати, что въ 'Αθηναίων Πολιτεία, 22, Гиппархъ, сынъ Харма, первый подвергшійся остракизму, названъ родственникомъ Писистрата (τῶν ἐκείνου συγγενῶν Ἱππάρχος Χάρμου Κολλοταίος); и по Климеду Харма стоитъ близко къ Писистратидамъ: по его свидѣтельству, Писистратъ женилъ Гиппία на дочери Харма, а Хармъ былъ любовникомъ Гиппία (Clid., fr. 24). Впрочемъ, какъ увидимъ, въ этомъ мѣстѣ Аристотель слѣдуетъ Андротиону. Далѣе, и у Климедя, и у Аристотеля говорится о введеніи Клисосомъ „десяти филъ вмѣсто четырехъ“ ²⁾; у обоихъ рѣчь идетъ о навкраріяхъ, но при этомъ ихъ свидѣтельства расходятся ³⁾: по Климеду, Клисоевъ. сообразно новому дѣленію на 10 филъ, доводитъ число навкрарій до 50; по Аристотелю же, онъ устанавливаетъ демарховъ, имѣющихъ ту же обязанность, что и прежніе навкрары, и вводитъ демы взамѣнъ навкрарій. Очевидно, Аристотель здѣсь слѣдуетъ другому какому либо источнику. Оба разказываютъ о раздачѣ денегъ аѣнниамъ, когда послѣднимъ приходилось спасаться на корабли въ виду нашествія персовъ; но по Аристотелю деньги раздаетъ ареопажъ, стратеги же растерялись (гл. 23), а Климедъ виновникомъ раздачи выставляетъ Оемястокла (fr. 13) и сообщаетъ объ употребленной послѣднимъ при этомъ хитрости.

Другой древній аттидографъ, тоже жившій несомнѣнно раньше Аристотеля—*Фанодемъ*, но изъ дошедшихъ до насъ его фрагментовъ только одинъ отрывокъ, именно касающійся ареопага, до нѣкоторой

Но положительно утверждать этого нельзя; дѣло въ томъ, что у Athen. цитата изъ Климедя начинается собственно только со словъ: „ἐξείδωκε δὲ καὶ...“; предыдущія же фразы, въ томъ числѣ и слова относительно Фія: στεφανόπωλις δὲ ἦν, могли быть заимствованы изъ другаго источника. Ср. *Wilamowitz*, I, 29, который полагаетъ, что такъ какъ Клидемъ называетъ отца Фія и сообщаетъ о ея бракѣ съ Гиппархомъ, то онъ не могъ ее считать за στεφανόπωλις ἐκ Κολλοταίου. Впрочемъ, его соображенія не воишь убѣдительны.

¹⁾ Ср. *The Athen.*, № 3310, p. 434—435; *Zingerle Zur 'Αθηναίων Πολιτεία*, des Arist. (*Z. f. d. d. Gymnas.*, 1892, Ss. 207—208; см. *Филологическое Обозрѣніе*, III, 1, 69; *B. Ph. W.*, 1892, № 42, S. 1341), *W. f. kl. Phil.*, 1892, № 32—33, S. 894 и проч.

²⁾ *Clid.*, fr. 8:

'Αθ. Πολ., 21:

δίσκα φουλὰς ποιήσαντος
σάρων.

τῶν τεσ-

συνίναμε πάντας εἰς δίσκα φουλὰς ἀντί
τῶν τεττάρων.

³⁾ Ср. *Gilbert*, S. XXIV.

степени можетъ быть сопоставленъ съ соотвѣствующимъ свидѣтельствомъ 'Αθηναίων Πολιτεία, хотя все-таки большой близости или зависимости тутъ незамѣтно ¹⁾).

Гораздо больше сходства обнаруживается между Аристотелемъ и *Андротіономъ*. Но относительно ихъ зависимости существуетъ разногласіе. Вопросъ въ томъ: можно ли отождествлять аттидографа Андротіона съ ораторомъ Андротіономъ, противъ котораго направлена извѣстная рѣчь Демосеена, или нѣтъ? Если держаться перваго мнѣнія ²⁾, — а въ его пользу говоритъ свидѣтельство Зосима ³⁾ и отсутствіе сколько нибудь вѣскихъ аргументовъ въ пользу втораго, — то въ такомъ случаѣ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Аристотель имѣлъ подъ руками Аттиду Андротіона и пользовался ею, хотя не всегда слѣдовалъ ея свидѣтельству и иногда совершенно расходился съ нею ⁴⁾. Въ этомъ убѣждаетъ сопоставленіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ 'Αθηναίων Πολιτεία съ сохранившимися отрывками Андротіона.

Напримѣръ, слова Аристотеля о первомъ случаѣ примѣненія закона объ остракизмѣ почти буквально совпадаютъ съ отрывкомъ изъ Андротіона, цитируемымъ Гарпократіономъ ⁵⁾, не говоря уже о тождествѣ содержанія: мотивъ къ изданію закона, имя лица, впервые подвергшагося остракизму, его родство съ Писистратомъ, то обстоятельство, что послѣдній сдѣлался тиранномъ изъ демагога и стратега. — все это находимъ у того и другаго ⁶⁾.

¹⁾ *Phanod.*, fr. 15:

ἐπὶ τοὺς ἀσώτους καὶ τοὺς μὴ ἐπὶ τινος περιστάσεως ζῶντας τὸ παλαιὸν ἀνεκχλοῦντό τε οἱ Ἀρεοπαῖται καὶ ἐκόλαζον, ἰσχύσαν Φαυδύμας καὶ Φιλόχορος.

'Αθ. Πολ., 3:

ἡ δὲ τῶν Ἀρεοπαγῶν βουλὴ τὴν μὲν τάξιν εἶχε τοῦ διατρεῖν τοὺς νόμους, ἵψκει δὲ τὰ πλείστα καὶ τὰ μέγιστα τῶν ἐν τῇ πόλει, καὶ κολάζουσα καὶ ζημιούσα πάντας τοὺς ἀσχετοῦντας κυρίως. Ср. и гл. 8.

²⁾ Cf. *Stiehle*, Zu den fragm. d. gr. histor. (*Philol.*, 1853, VIII, 634), *Arn. Schdfer*, Athen. Volksbeschl. v. I. 316 (*Rh. Mus.*, 1878, XXIII, 429—430); *Demosth. u. sein Zeitalter*, Leipz., 1856, I, 351—353; *Heller*, 6; *Blass*, Die att. Beredsamkeit³, Leipz., 1892, 2-te Abth., 20—21; *Sandys*, стр. LV сл.; *Keil*, Die att. Verf., 45—46, 49, 190—191; *Busolt*, Gr. Gesch., I, 364; *Hude*, Zur erm. d. Hipp. (*N. Jahrb.*, 1892, S. 176); *Wilamowitz-Moellendorff*, I, 42, 288.

³⁾ См. *Stiehle*, l. c.

⁴⁾ См. *Keil*, Die att. Verf., который, впрочемъ, заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ стремленіи находить у Аристотеля косвенную полемику противъ Андротіона.

⁵⁾ Ср. *Niese*, Hist. Zeitschr., 1892, S. 54.

⁶⁾ *Androt.*, fr. 5:

'Αθ. Πολ., 22:

Ἰππαρχος... ὁ Χάρμου... περὶ δὲ τούτου τότε πρῶτον ἐχρήσαντο τῷ νόμῳ τῷ

О Палленскомъ сраженіи, о которомъ говорятъ Аристотель въ гл. 14, упоминалъ и Андротіонъ (fr. 42), при чемъ въ Schol. Aristoph. Aschar., 253, въ коихъ и сохранилось указаніе на его свидѣтельство, онъ цитируется рядомъ съ Аристотелемъ, а это даетъ основаніе думать, что ихъ сообщенія въ данномъ случаѣ совпадали, что дополненія къ изложенію Геродота въ этомъ отдѣлѣ Аристотель взялъ изъ Аттиды и именно у Андротіона. Мы видѣли, что по Аристотелю въ 411 г. избрано было 30 συγγραφείς, а не 10, какъ говоритъ Фукидидъ, и по Андротіону ихъ было 30 (*Philoch.*, fr. 122). Вопреки Ксенофону Аристотель различаетъ *два* Kollegia десяти, замѣнившихъ тридцать, и Андротіонъ говоритъ о двухъ Kollegiakh¹⁾. О тѣхъ 10, которые во время владычества тридцати начальствовали въ Пирей, упоминаютъ и Аристотель и Андротіонъ, при чемъ послѣдній принодилъ, вѣроятно, и ихъ имена, судя по Нагросг. s. v. Μόλις (Androt., fr. 11)²⁾.

Если не по подробностямъ и не по выраженіямъ, то по общему смыслу свидѣтельство Андротіона о широкихъ судебныхъ правахъ ареопага³⁾, равно какъ и о его составѣ⁴⁾, находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что говоритъ Аристотель объ этомъ учрежденіи въ древности—до и во время Солона (гл. 3 и 8). Цитата у Аристотеля изъ Солоновыхъ законовъ относительно навкраровъ: ἀναλίσκειν ἐκ τοῦ ναυκραρικοῦ ἀργυρίου (гл. 8), напоминаетъ аналогичное выраженіе въ цитатѣ, приводимой Андротіономъ: διδόναι ἐκ τῶν ναυκληρικῶν ἐφόδιον ἀργύρια, καὶ εἰς

¹⁾ Андротіонъ ἐν τῇ δευτέρᾳ φησὶν, ὅτι συγγραφῆς μὲν ἦν Πεισιστράτου τοῦ τυράννου, καὶ πρῶτος ἐξωστρακισθῆ, τοῦ περὶ τὸν ὠστρακισμὸν νόμου τότε πρῶτον τεθέντος, διὰ τὴν ὑποψίαν τῶν περὶ Πεισιστράτου, ὅτι δημαγωγὸς ὢν καὶ στρατηγὸς ἐτυράννησεν.

περὶ τὸν ὠστρακισμὸν, ὅς ἐτέθη διὰ τὴν ὑποψίαν τῶν ἐν ταῖς δυνάμεσιν, ὅτι Πεισιστράτος δημαγωγὸς καὶ στρατηγὸς ὢν τύραννος κατέστη καὶ πρῶτος ὠστρακισθῆ τῶν ἐκείνου συγγενῶν Ἱπпарχος Χάρμου Κολλυτῆς, ὅς ἐν καὶ μάλιστα τὸν νόμον ἐθήκεν ὁ Κλεισθένης....

²⁾ περὶ τῶν μετὰ τὴν κατάλυσιν τῶν τριάκοντα Ἀθηναῖς χειροτονηθέντων ἀνδρῶν δίκαι καὶ τῶν ἐξῆς (fr. 10). Подчеркнутыя слова С. Müller переводилъ: et de illis, quae secuta sunt; но *De-Sanctis* (Studi sulla costituzione d'Ateue..., p. 18) понимаетъ такъ: et de decem viris, qui secuti sunt; и его пониманіе намъ кажется болѣе правильнымъ. *Keil*, Die sol. Verf., стр. 191, по ошибкѣ сопоставляетъ этотъ 10 fr. не съ 38 гл., а съ 29. См. *Heller*, p. 42, n. 1.

³⁾ *Wilamowitz-Moellendorff*, I, 123.

⁴⁾ *Philoch.*, fr. 17: εἰδικάζον οὖν Ἀρεοπαγίται περὶ πάντων σχεδὸν τῶν ἐπαλήματων ἰ παρανόμων.

⁵⁾ *Philoch.*, fr. 18.

ἄλλο ἐπὶ αὐτῷ δέξαι ἀναλῶσαι (fr. 4) ¹⁾; правда, у Аристотеля речь тутъ идетъ о навкраяхъ, а у Андротіона — о колакретахъ; но все же это служить подтвержденіемъ мнѣнія, что цитаты изъ законовъ Аристотель могъ найти и у аттидографовъ ²⁾. Какъ было замѣчено, Аристотель ни гдѣ въ 'Αθηναίων Πολιτεία не слѣдуетъ слѣпо одному источнику. То же мы видимъ и здѣсь, въ отношеніи Аристотеля къ Андротіону: онъ не вездѣ придерживается послѣдняго, и не вездѣ есть соотвѣтствіе между 'Αθηναίων Πολιτεία и Андротіоновой Аттидой. Напримѣръ, находящагося у Андротіона извѣстія о томъ, что аподекты учреждены были Клисоеномъ вѣсто прежнихъ колакретовъ (fr. 3), и опредѣленія функций послѣднихъ (fr. 4) у Аристотеля мы не встрѣтимъ ³⁾: въ 'Αθηναίων Πολιτεία колакреты упоминаются лишь мелькомъ (гл. 7) по поводу распредѣленія правъ соотвѣтственно пензу, а во второй части трактата говорится о функцияхъ аподектовъ, во время возникновенія этой должности не указывается (гл. 48). А по вопросу о сисахоіи Аристотель совершенно расходится съ Андротіономъ: по Аристотелю сисахоія состояла въ уничтоженіи долговъ, тогда какъ по Андротіону она состояла въ уменьшеніи процентовъ и въ измѣненіи монетной системы ⁴⁾.

¹⁾ Ср. *Wilamowitz-Moellendorff*, I, 52.

²⁾ Извѣстіе Аристотеля: μετὰ τὴν τυράννων κατάλειψιν ἐποιδιὰ ψηφισμὸν, *Heller* (р. 6—7) сопоставляетъ съ свидѣтельствомъ Гарпократіона (s. v. διαψήφισις): ἐντελέστατα δὲ διαίλεται περὶ τῶν διαψήφιστων ὡς γεγονόσιν ἐπὶ Ἀρχίου ἀρχοντος; Ἀνδρотиῶν ἐν τῇ Ἀτθίδι... (см. *Philoch.*, fr. 133), и полагаеетъ, что Аристотель свое извѣстіе могъ взять у Андротіона. Ни отрицать, ни доказать положительно подобной возможности, конечно, нельзя; но такъ какъ архонтство Архія относится къ 419 и къ 346 г., то очевидно, что Аристотель и Андротіонъ тутъ говорятъ не объ однихъ и тѣхъ же случаяхъ примѣненія διαψήφισις, и изъ свидѣтельства Гарпократіона слѣдуетъ лишь заключить, что Андротіонъ въ своей Аттидѣ касался διαψήφισις.

³⁾ *Gilbert*, XXIV.

⁴⁾ 'Αθ. Пол., гл. 6:

καὶ χρηρὼν ἀποκοπὰς ἐποίησε καὶ τῶν ἰδίων καὶ τῶν δημοσίων, ὥς σεισάχθειαν καλοῦσιν....

Гл. 10: πρὸ δὲ τῆς νομοθεσίας ποιῆσαι τὴν τῶν χρηρὼν ἀποκοπὴν, καὶ μετὰ ταῦτα τὴν τε τῶν μέτρων καὶ σταθμῶν καὶ τὴν τοῦ νομίσματος αὔξαι.

Androt., fr. 40:

...οὐκ ἀποκοπὴν χρηρῶν, ἀλλὰ τούτων μετρίῳ-
τητι κουφισθέντας ἀγαπῆσαι τοὺς πένητας,
καὶ σεισάχθειαν ὀνομάσαι τὸ φυλανθρώπειον
τοῦτο, καὶ τὴν αἶμα τοῦτω γενομένην τῶν
τε μέτρων ἐπαύξαι, ἰ τὸ νομίσματος
ἐς τιμήν.

Кѣй усматриваетъ у Аристотеля здѣсь полемику противъ Андротіона, а

Клидемъ, Фанодемъ и, по болѣе основательному мнѣнію, Андротіонъ были предшественниками Аристотеля, и послѣдній могъ пользоваться ихъ Аттидами. Что касается аттидографа Демона, то время его жизни въ точности неизвѣстно; былъ онъ, повидимому, старшимъ современникомъ Филохора, который противъ него писалъ, и жилъ нѣсколько позже Аристотеля, да и изъ имѣющихся отрывковъ его ни одинъ не представляетъ аналогіи сообщеніямъ 'Αθηναίων Πολιτεία, за исключеніемъ развѣ анекдота о Писистратѣ и крестьянинѣ, обработывавшемъ камши ¹⁾. Въ частностяхъ между изложеніемъ Аристотеля и изложеніемъ Демона замѣтна все-таки разница. Основую могъ служить общій источникъ, можетъ быть, даже какая либо Аттида, какъ предполагаетъ *Heller* (p. 12—13).

Немало аналогіи можно найти между Аристотелевою 'Αθηναίων Πολιτεία и Аттидою *Филохора*, которая часто цитируется рядомъ ²⁾. Но Филохоръ, этотъ наиболѣе извѣстный аттидографъ, разумѣется, не могъ служить источникомъ для Аристотеля, такъ какъ жилъ и писалъ свою Аттиду позже его ³⁾. Совпаденія же ихъ извѣстій приходится объяснить тѣмъ, что Филохоръ заимствовалъ у Аристотеля, или что оба они черпали изъ одного общаго источника.

Не всѣ, разумѣется, приведенные примѣры доказываютъ зависимость Аристотелевой „Политіи“ отъ сопоставленныхъ съ нею отрывковъ изъ Аттидъ; но они показываютъ, какъ много аналогіи и точнокъ соприкосновеніи между Аристотелемъ и аттидографами. Съ другой стороны, зависимость перваго отъ послѣднихъ не ограничивается тѣми лишь случаями, которые выше отмѣчены: въ настоящее

Вѣкъ, наоборотъ, въ отдѣлѣ о сисахейи въ 'Αθηναίων Πολιτεία видятъ отсутствіе полемики и на этомъ основаніи полагаютъ, что свѣдѣтельство Андротіона не было извѣстно Аристотелю. Полемическій оттѣнокъ, стремленіе опровергнуть мнѣніе предшественниковъ скорѣе можно видѣть въ фрагментѣ Андротіона (οὐκ ἀποκοιῦ γρηὶν ἀλλ'...); впрочемъ, неизвѣстно, принадлежать ли начальныя слова самому Андротіону или же Плутарху (цитируемому его).

¹⁾ Этого анекдота въ числѣ фрагментовъ Демона въ изданіи *К. Мюллера* (Fr. hist. gr.) нѣтъ; его приводитъ *О. Круциусъ* (Anal. ad Parvum., p. 132 sq.) См. *Crusius*, Die Schrift v. Staate der Athener und Aristoteles über die Demokratie, *Philol.*, 1891, L, 177; *Sandys*, p. 63—64.

²⁾ Замѣтимъ, что не разъ и Андротіонъ цитируется вѣстѣ съ Филохоромъ.

³⁾ См. fr. 146, изъ коего видно, что въ 306 г. Филохоръ былъ ἱεροκόπης. Слова *Э. Р. Штерна* на 39 стр. его реферата объ Аристотелевомъ трактатѣ—оченидная ошибка или опечатка.

время можно считать доказанным¹⁾, что вообще Аттиды служили главнѣйшимъ источникомъ для 'Αθηναίων Πολιτεία Аристотеля. Именно, изъ нихъ онъ черпалъ большую часть дополненій къ извѣстіямъ Геродота и Фукидида. Къ нимъ, какъ источнику, слѣдуетъ отнести, по всей вѣроятности, всѣ тѣ сообщенія 'Αθηναίων Πολιτεία, въ которыхъ мы встрѣчаемъ, какъ дату, имя архонта²⁾. Въ основаніи такихъ отдѣловъ трактата, какъ гл. 13, разказывающая о смутахъ во время отсутствія Солона и о Дамасинѣ, то-есть, о 594—580 годахъ; какъ столь богатая датами и фактическимъ матеріаломъ глава 22, посвященная періоду отъ Клисеена до Саламинской битвы; какъ конецъ 26 главы, гдѣ рѣчь идетъ о реформахъ и законахъ 50-хъ годовъ V вѣка,—въ основаніи такихъ отдѣловъ лежатъ, очевидно, Аттиды³⁾. Можно полагать также, хотя и съ меньшею увѣренностью, что Аттиды въ значительной мѣрѣ являлись источникомъ и для разказа о древнѣйшихъ временахъ⁴⁾, для исторіи перехода отъ монархіи къ республикѣ, и для описанія древнѣйшей политіи (гл. 3), для отдѣла о Соломоной конституціи⁵⁾ (гл. 5 сл.), о Писистратѣ и его сыновьяхъ, гл. 14—20⁶⁾ (за исключеніемъ того, что основано на Геродотѣ и Фукидидѣ), о Клисеоновыхъ реформахъ (гл. 21), о началѣ Аѳинскаго союза (конецъ 23 гл.)⁷⁾; возможно даже, что нѣкоторые данныя въ отдѣлѣ о переворотѣ 411 г.⁸⁾, о тридцати⁹⁾ и восстановленіи демократіи заимствованы изъ Аттидъ.

Къ сожалѣнію, ни одна изъ Аттидъ не дошла до насъ цѣлкомъ, и мы не беремся рѣшать вопросъ, какой именно аттидографъ слу-

¹⁾ См. главн. образ. статью Niese въ *Hist. Zeitschr.*, 1892; Gilbert, XIV—XVII; Reinach, XXII—XXVI; Wilamowitz-Moellendorff—еще до открытія трактата — въ *Phil. Untersuch.*, I, 118, 122, а теперь въ особенности I томъ „*Arist. und Athen*“, passim, преимущественно же гл. 8: „Die Atthis“ (стр. 260—290).

²⁾ Ср. Wilamowitz, I, 260.

³⁾ Wilamowitz, l. c.

⁴⁾ Wilamowitz, I, 57.

⁵⁾ О Драконовой не упоминаемъ по причинамъ, которыя будутъ ясны изъ послѣдующаго.

⁶⁾ Ср. Heller, p. 17.

⁷⁾ Heller считаетъ Аттиды источникомъ и для двухъ анекдотовъ оThemistocles (p. 31), и для извѣстій объ усиленіи ареопага (p. 32), и для перечисленія разныхъ категорій лицъ, получающихъ содержаніе отъ государства, въ гл. 24 (p. 34).

⁸⁾ Heller, p. 42.

⁹⁾ Gilbert, XXII.

жилъ преимущественно источникомъ для Аристотеля, изъ какой именно Аттиды взято то или другое извѣстіе (за исключеніемъ сопоставленныхъ выше мѣстъ), а тѣмъ болѣе не беремся возстановлять предполагаемую Аттиду, воплиѣ раздѣляя на этотъ счетъ мнѣніе Виламовица (I, 260, 276). Ограничимся лишь тѣмъ, что повторимъ, что Клидемъ, Фанодемъ и Андротіонъ—вотъ тѣ извѣстные намъ аттидографы, которыми Аристотель могъ пользоваться, что изъ нихъ наиболѣе точекъ соприкосновенія у него оказывается съ Андротіономъ, и что свидѣтельства послѣдняго могли служить источникомъ для 'Αθηναίων Πολιτεία, и помимо тѣхъ случаевъ, которые мы имѣемъ возможность констатировать.

Сочиненія тенденціозныя.

При составленіи своего трактата Аристотель пользовался не только трудами чисто историческими: въ числѣ его источниковъ находимъ и н сочиненія *публицистическія*, явно *тенденціозною* и *полемическою* характера. Самъ Аристотель не разъ упоминаетъ о версіи, принадлежащей, очевидно, врагамъ демократіи — олигархамъ, и противопоставляетъ ей другую версію—демократическую. Такъ, по поводу извѣстнаго поступка Солоновыхъ друзей, которые, узнавъ о задуманной спсакѣи, заняли денегъ и накупили земли, а потомъ, вслѣдствіе уничтоженія долговыхъ обязательствъ, разбогатѣли, Аристотель говоритъ о „нѣкоторыхъ“, „пытающихся оклеветать Солона“. Это, по словамъ Аристотеля, „желающіе произносить хулу“, οἱ βουλομένοι βλασφημεῖν; они обвиняютъ Солона въ соучастіи. Имъ противопоставляются ¹⁾ приверженцы демократіи, οἱ δημοτικοί, и ихъ версія, ὁ τῶν δημοτικῶν λόγος, по которой Солонъ былъ обманутъ друзьями и которую самъ Аристотель считаетъ болѣе вѣрною (ἀλλὰ πιθανώτερος ὁ τῶν δημοτικῶν λόγος, гл. 6). А касаясь неясности Солоновыхъ законовъ, Аристотель опять приводитъ мнѣніе „нѣкоторыхъ“, которые взводятъ на Солона обвиненіе, будто бы онъ нахѣренно издалъ неясные законы, чтобы сдѣлать демось высшимъ судьею, такъ какъ всѣ возникавшія

¹⁾ Кейль (Die Sol. Verf., напримѣръ, стр. 50) полагаетъ, что Аристотель пользовался такимъ источникомъ (Аттидою), въ которомъ уже имѣлись обѣ версіи—и олигархическая и демократическая. Но нѣтъ основанія дѣлать подобное предположеніе, и намъ кажется гораздо правдоподобнѣе и проще допустить непосредственное знакомство самого Аристотеля съ обѣими версіями.

вслѣдствіе неясности сомнѣнія разрѣшалъ народный судъ, при чемъ Аристотель возражаетъ и противъ этого обвиненія. Въ главѣ 18, въ разказѣ объ Аристогитонѣ, мы снова встрѣчаемъ двѣ версіи, съ различными тенденціями, приводимыя Аристотелемъ и противоположаемыя имъ одна другой: съ одной стороны, упоминаются οἱ ἑθνητικοί, утверждающіе, что Аристогитонъ своими соучастниками называлъ сторонниковъ тиранновъ, съ тою цѣлю, чтобы послѣдніе совершили нечестіе, казнивъ невинныхъ и при томъ своихъ же друзей, съ другой—ἔθνοι, говорящіе, что Аристогитонъ не сочинилъ, а выдалъ дѣйствительныхъ участниковъ заговора. На этотъ разъ Аристотель приводитъ обѣ версіи, безъ всякихъ возраженій или доказательствъ въ пользу той или другой изъ нихъ ¹⁾.

Слѣды пользованія тенденціознымъ источникомъ обнаруживаются и въ 23—28 главахъ 'Αθηναίων Πολιτεία, касающихся „Пятидесятилѣтія“ и времени Пелопоннеской войны до 411 г. ²⁾. Вспомнимъ, наприимѣръ, что у Аристотеля Аристидъ — не прославленный своею справедливостію дѣятель, а виновникъ деспотическаго обращенія афинянъ съ союзниками и развитія крайней демократіи, съ ея системой содержанія гражданъ на счетъ государства. и глава 24 состоитъ главнымъ образомъ изъ перечисленій и цифръ, имѣющихъ цѣлю доказать, что лицъ, получавшихъ содержаніе отъ государства, было не менѣе 20.000. Въ гл. 23 заслуга раздачи денегъ бѣднымъ афинскимъ гражданамъ, въ моментъ нашествія персовъ, приписана ареопагу, а неThemistocle (какъ въ другихъ источникахъ). Но тенденція, враждебнаяThemistocle, а также и Эфіальту, еще рѣзче обнаруживается въ пикантномъ анекдотѣ въ 25 гл. нашего трактата: здѣсь ярко обрисовываются двуличіе и вѣроломство перваго; Эфіальтъ играетъ роль обманутаго и орудія въ рукахъ ловкаго и неразборчиваго на средстваThemistocle. Онъ представленъ даже въ нѣсколько комичномъ видѣ: онъ приходитъ въ страхъ предъ воображаемой опасностью и въ одномъ хитонѣ бросается къ жертвеннику. Впрочемъ, въ принадлежности этого анекдота Аристотелю можно сомнѣваться ³⁾. Но далѣе,

¹⁾ Изъ того, что первую версію Аристотель называетъ принадлежащею демократамъ (οἱ ἑθνητικοί), *Heller* выводитъ заключеніе, что онъ желалъ этимъ отмѣтить ея пристрастіе въ пользу Аристогитона (р. 31).

²⁾ См. преимущественно *Wilamowitz*, I, 121 сл.

³⁾ См. мою статью „Θем. и Эф., реф. ареопага“, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1891 г., іюль.

въ 26 гл., самъ Кимонъ, если держаться поправки, принимаемой те-перь и Виламовицемъ, и Кайбелемъ, названъ *ωσθρότερος*, а пора его побѣдъ, апогей аонискаго могущества, является временемъ, когда аониняне терпѣли огромныя потери вслѣдствіе неопытности полководцевъ. Периклъ (въ 27 гл.), вводя плату судьямъ, дѣйствуетъ по личнымъ, эгоистическимъ мотивамъ, не будучи въ состояніи иначе соперничать съ Кимономъ, обладавшимъ „царскимъ состояніемъ“, и при томъ не самъ онъ придумываетъ это средство, а Дамонидъ, который вообще „во многомъ былъ его вдохновителемъ“. Периклъ оказывается, такимъ образомъ, несамостоятельнымъ. При этомъ Аристотель уже прямо ссылается на „нѣкоторыхъ“, которые обвиняютъ Перикла въ томъ, что, благодаря его нововведеніямъ, суды стали хуже, явились подкуны, и, какъ первый примѣръ, Аристотель приводитъ подкупъ судей Анитомъ (случившійся, замѣтимъ, 20 лѣтъ спустя послѣ смерти Перикла). Если весь отдѣлъ *Ἀθηναίων Πολιτεία*, обнимающій періодъ отъ 480 до 411 г., можетъ быть озаглавленъ, по словамъ Виламовица, *περί τῶν Ἀθηναίων δημοκρατῶν* (I, 125), то въ особенности это можно сказать о 28 главѣ, въ которой перечисляются преемственные вожди той и другой партіи, демоса и знатныхъ, и въ которой отмѣчается, какъ послѣдующіе демагоги вводили въ обманъ демосъ и угождавали передъ нимъ. А въ 34 гл. говорится, между прочимъ, что Клеофонъ воспротивился миру съ Спартой и явился въ народное собраніе „нищій“ и „въ напирѣ“.

Конечно, можно думать, что и въ разсматриваемыхъ главахъ подборъ фактовъ принадлежитъ самому Аристотелю, что здѣсь мы имѣемъ передъ собою его собственные взгляды и сужденія; но все-таки очевидно, что матеріалъ Аристотель беретъ тутъ преимущественно изъ источника, болѣе или менѣе враждебнаго демократіи и ея вождямъ, скорѣе публицистическаго, нежели чисто историческаго характера. На это указываетъ и замѣтная скудость фактическаго матеріала касательно самой исторіи государственнаго строя Аѳинъ въ теченіе 480—411 г., и то обстоятельство, что почти всѣ сообщаемые здѣсь факты, за немногими исключеніями, кладутъ тѣнь на блестящую пору аѳинской демократіи и на ея представителей.

Если, далѣе, считать, что подробное до мелочей изложеніе конституціонныхъ проектовъ 411 г. взято Аристотелемъ изъ произведенія литературнаго, а не прямо изъ документовъ или какого либо сборника (хотя намъ кажется это вполне допустимымъ, ср. выше), то тогда естественнѣе всего предположить, подобно Виламовицу, что

и это произведение было публицистическое, тенденціозное, что его авторъ близко стоялъ къ перевороту или сочувствовалъ ему. А Драконова конституція, описываемая въ 4 гл. нашего текста 'Αθηναίων Πολιτεία, представляетъ много сходнаго съ конституціей 411 г., является какъ бы воспроизведеніемъ плановъ и идеаловъ олигарховъ; но объ этомъ подробнѣе — впереди, тѣмъ болѣе, что въ принадлежности 4 гл. Аристотелю есть основаніе сомнѣваться.

Въ виду сказаннаго и послѣ изслѣдованій *Th. Reinach'a* ¹⁾, *Ферд. Дюммлера* ²⁾, *М. М. Покровскаго* ³⁾, *Виламовица* ⁴⁾ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Аристотель, кромѣ историческихъ произведеній, имѣлъ подъ рукою и сочиненія тенденціозныя, напримѣръ, политическіе памфлеты въ духѣ олигархической партіи. До насъ случайно дошелъ только одинъ памятникъ подобнаго рода — извѣстная Пseudo-Исенофонта 'Αθηναίων Πολιτεία; но политическіе памфлеты были въ Греціи очень распространены. Особенно богаты были ими послѣдніе годы V вѣка ⁵⁾, когда, подъ вліяніемъ тяжелой войны, неудачъ и бѣдствій, начала утрачиваться вѣра въ спасительность и цѣлесообразность демократіи, обществомъ овладѣло подавленное настроеніе, олигархи подняли голову, выступили противъ ненавистной имъ демократіи и ея вождей и два раза — въ 411 и 404 г. — торжествовали побѣду. Тогда-то именно скорѣе всего могло появиться произведение съ нападками и клеветой на Солона, какъ признаваемого всѣми виновника столь ненавистнаго олигархамъ народоправства въ Аѣнахъ. На это имѣются и нѣкоторыя косвенныя указанія. Такъ, Плутархъ (*Sol.*, 15), у котораго находится аналогичный разказъ о поступкѣ Солоновыхъ друзей, приводитъ имена послѣднихъ (чего Аристотель не дѣлаетъ); это — Кононъ, Клиній и Гиппоникъ, то-есть, предки знаменитаго Конона, Алкивіада и Камілія, лицъ, для крайнихъ олигарховъ конца V вѣка болѣе или менѣе ненавистныхъ и опасныхъ. Кромѣ того, Плутархъ сообщаетъ, что упомянутые друзья Солона послѣ этого получили насмѣшливое прозваніе *χρησχοπίδαι*, что напоминаетъ намъ названіе *ἐρηχοπίδαι*, по образцу котораго оно, по-

¹⁾ *Aristote ou Critias?* (*Revue des ét. gr.*, 1891, IV, 143—158).

²⁾ *Die 'Αθηναίων Πολιτεία des Kritias* (*Hermes*, 1892, XXVII, 260—286).

³⁾ „Откуда по Аѣниск. Политикъ Аристотеля“, М., 1893 (гл. обр. см. 1-ю главу I тома).

⁴⁾ *Arist. und Athen*, I, гл. 6 (преимущественно стр. 161 сл.).

⁵⁾ Ср. *Th. Reinach*, стр. 155.

видимому, образовано ¹⁾). Все это наводитъ на мысль, что распространителей клеветы на Солона, тѣхъ, кого Аристотель называетъ βουλομένοι βλασφημεῖν, нужно искать въ средѣ олигархической партіи послѣднего фазиса Пелопоннесской войны, 411 — 404 г. ²⁾). Затѣмъ. указаніемъ служить то обстоятельство, что въ 9 главѣ трактата Аристотель упоминаетъ о неясности законовъ Солона, напримѣръ, относительно *наслѣдствъ* и дочерей-наслѣдницъ, и объ обвиненіи, возводимомъ на него „нѣкоторыми“ по этому поводу; а по словамъ 35 гл. тридцать отиѣнили тѣ Солоновы законы, которые подавали поводъ къ недоразумѣнію, и между прочимъ именно оговорки касательно *права завѣщанія* ³⁾).

Такимъ образомъ, что касается *источника, содержащаго клеветы на Солона*, то его тенденція и происхождение ясны и могутъ считаться установленными прочно: это былъ, по всей вѣроятности, политическій памфлетъ, исходившій изъ лагеря *крайнихъ* олигарховъ конца V вѣка ⁴⁾).

¹⁾ Приведенныя наблюденія, по свидѣтельству *Дюммлера* (*Hermes*, 1892, 262), впервые сдѣланы *Фабриціусомъ*. Ср. *Dümmeler*, стр. 262 сл.; *М. М. Покровский*, *Этюды*, стр. 7 сл.; *Wilamowitz*, I, 62, 64. По поводу приводимаго Аристотелемъ прозванія καλαϊόπλοτοι *М. М. Покровский* указываетъ на встрѣчающееся у *Лисія* (XIX [De bonis Aristoph.], §§ 46—52) выраженіе ἀρχαιοπλοτοι (§ 49) въ примѣненіи, между прочимъ, къ *Каллію*, сыну *Гиппоника*, и *Алкивиаду*, сыну *Деміа* (стр. 17). Замѣтимъ, что у комиковъ (см. *Plut.*, *Arist.*, 5) *Калліи* называется λακκόπλοτος; (*Dümmeler*, стр. 265).

²⁾ *Dümmeler*, стр. 262.

³⁾ Ср. 'Αθ. Пол., 9:

ἔτι δὲ καὶ διὰ τὸ μὴ γεγράφθαι τοὺς νόμους ἀπλῶς μὲν σαφῶς, ἀλλ' ὥσπερ ὁ περὶ τῶν κληρῶν καὶ ἐπικληρῶν, ἀνάγκη πολλὰς ἀμφισβητήσεις γίνεσθαι καὶ πάντα βραβεύειν καὶ τὰ κοινὰ καὶ τὰ ἴδια τὸ δικαστήριον. οἴονται μὲν οὖν τινες ἐπιτήδες ἀσφαfeis αὐτὸν ποιῆσαι τοὺς νόμους, ὅπως ἢ τῆς κρίσεως ὁ δῆμος κύριος.

'Αθ. Пол., 35:

καὶ τῶν Σόλωνος ἡγεμῶν (подра. καθεῖλον) ὅσοι διαμφισβητήσεις εἶχον, καὶ τὸ κύριος ὁ ἦν ἐν τοῖς δικαστ. ἵς κατέλυσαν, ὡς ἐπανορθοῦντες καὶ ποιοῦντες ἀναμφισβήτητον τὴν πολιτείαν οἷον τὸν περὶ τοῦ δοῦναι τὰ ἑαυτοῦ ᾧ ἂν ἐθέλῃ κύριον ποιήσαντες καθάπερ, τὰς δὲ προσοῦσας δυσκολίας „εἰὰν μὴ μανιῶν ἢ γήρων ἐνεκα ἢ γυναικὶ πιθόμενος“ ἀφεῖλον, ὅπως μὴ ἢ τοῖς συκοφάνταις ἐφροδος....

См. *Dümmeler*, стр. 268 сл.; *М. М. Покровский*, стр. 10.

⁴⁾ Кромѣ *Дюммлера*, *М. М. Покровскаго* и *Виламовица*, ср. *Keil*, *Die Sol. Verf.*, 48; *Ad. Bauer*, *Berl. Phil. Wochenschr.*, 1893, № 16. Ed. *Meyer* въ отзывѣ о трудѣ *Виламовица* (*Lit. Centralbl.*, 1894, № 3, S. 76) указываетъ на политическую литературу первой половины IV вѣка. Но это мнѣніе, правдоподобное по отношенію къ источнику Аристотеля въ 23—28 гл., едва ли можетъ быть

Но не всѣ изслѣдователи довольствуются такимъ результатомъ; нѣкоторые не останавливаются на этомъ и пытаются приурочить олигархическую версію къ опредѣленному имени—открыть автора памфлета. И вотъ Дюмлера называютъ *Критіа*, на котораго еще раньше указывалъ *Th. Reinach* ¹⁾ и (правда, мимоходомъ) *Ниссенъ* (*Rh. Mus.*, 1892, S. 196). Критій отличался литературнымъ талантомъ и безпощаднымъ радикализмомъ, былъ главою крайнихъ олигарховъ; извѣстно, что онъ написалъ *Λακεδαιμονίων* и *Θετταλῶν Πολιτεία*, сочиненія во всякомъ случаѣ тенденціозныя; онъ изводилъ обвиненія на Оемистокла и Клоона въ чудовищномъ казнокрадствѣ и лихоимствѣ, и съ этимъ какъ нельзя болѣе согласуется заподозрѣваніе Солона и его друзей; а потомки *παλαίπλοτοι*, особенно Алкивиадъ и Кionoнъ, суть демократическіе противники Критія, которыхъ онъ имѣлъ полное основаніе ненавидѣть или бояться. Наконецъ, Дюмлеръ сопоставляетъ слова Аристотеля въ 9 гл. 'Αθηναίων Πολιτεία относительно неясности Солоновыхъ законовъ съ соотвѣствующимъ извѣстіемъ въ 35 гл. (см. выше), привлекая и нѣсколько аналогичное мѣсто въ „Политикѣ“. 1274a: διό καὶ μέμφονται τινες αὐτῷ· ἄλλοι γάρ θάτερον κύριον ποιεῖσάντα τὸ διστακτήριον πάντων κληρωτὸν εἶναι..., и т. д.

Таковы, говоря вкратцѣ, важнѣйшіе доводы и соображенія Дюмлера въ пользу того, что авторомъ памфлета, которымъ пользовался Аристотель, былъ Критій, и его догадка представляется правдоподобною и доволно основательною ²⁾, *по скольку она касается источника нападокъ и клеветъ на Солона*, хотя и не всѣ его доказательства убѣдительны.

Гораздо дальше Дюмлера заходитъ *М. М. Покровский* въ своихъ интереснѣйшихъ „Этюдахъ по Афинской Политикѣ Аристотеля“. По его

допущено по отношенію къ источнику клеветъ и нападокъ на Солона: такая вражда къ Солону въ IV столѣтіи врядъ ли была возможна; такъ относиться къ великому законодателю могли лишь Критій и крайніе олигархи въ разгаръ борьбы партій.

¹⁾ *Reinach* (l. c.) считалъ его источникомъ, откуда могли быть заимствованы три крупныя интерполяціи, принимаемыя имъ въ текстъ нашей 'Αθηναίων Πολιτεία: описаніе Драконовой конституціи (гл. 4), введеннаго Солономъ способа избранія архонтовъ (нач. 8 гл.) и анекдотъ о Оемистоклѣ и Эфиальтѣ (гл. 25); кромѣ того, онъ полагалъ, что и Аристотель читалъ произведеніе своего предшественника и пользовался имъ.

²⁾ Ср. *Gilbert*, XXXIII; *Ad. Bauer*, l. c.; *И. Г. Виноградовъ*, *Русск. Мысль*, 1892, ноябрь, стр. 217—218.

мнѣнію, Критій служилъ источникомъ для Аристотеля не только въ отдѣлѣ о Солопѣ, но и въ отдѣлѣ о тиранніи и Пештекопятаэтин; и не только былъ онъ источникомъ тутъ для Аристотеля, но и для Плутарха (въ біографіи Аристыда, Оемистокла, Кимона и Перикла), хотя и не непосредственнымъ, даже и для Оукидида! Но при всей находчивости и при всемъ остроуміи автора его гипотеза остается недостаточно обоснованною и недоказанною ¹⁾, за исключеніемъ того, что ка-

¹⁾ Доводы М. М. Покровскаго въ первой главѣ „Этюдовъ“, подтверждающіе гипотезу Дюмилера относительно принадлежности Критію обвиненій противъ Солона, убѣдительно. Но „очень важное указаніе“ на Критія, какъ автора памфлета, служившаго источникомъ для Аристотеля, онъ усматриваетъ въ Hell. Ксенофонта (II, 3, 30—31): здѣсь передается рѣчь Критія, который обвиняетъ Оерамена главнымъ образомъ въ наклонности измѣнить государственное устройство; а отъ такого именно обвиненія Аристотель защищаетъ Оерамена въ концѣ 28 гл. *Ἀθροισμὸς Πολιτείας*. Несомнѣнно, заключаетъ отсюда г. Покровскій, что Аристотель въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду Критія (стр. 17—18). Но ничто не доказываетъ, чтобы слова Критія находились именно въ его памфлетѣ: они могли дѣйствительно принадлежать ему, но быть произнесены устно въ моментъ борьбы, передъ осужденіемъ Оерамена, могли заимѣть сдѣлаться достояніемъ устнаго и письменнаго преданія и широко распространиться, не говоря уже о томъ, что не одинъ Критій былъ подобнаго мнѣнія о Оераменѣ: укажемъ, напримѣръ, на характеристику послѣдняго у *Lucia* (с. *Eratosth.*, §§ 62—78; с. *Agog.*, § 9 сл.) и въ комедіи *Аристофана*, *Ran.*, v. 534 sq., особ. 540, и v. 967 sq.

Что же касается эпохи Писистрата и Писистратидовъ (стр. 19 сл.), то тутъ М. М. Покровскій придаетъ словамъ Аристотеля не совсѣмъ вѣрный смыслъ и отглаголь и видитъ въ трактатѣ то, чего безпристрастный читатель никакъ ужъ не усмотритъ, какъ-то: слѣды традиціи, относящейся саркастически къ представителямъ демократіи—къ Алкмеонидамъ и Гармодію съ Аристокитономъ (замѣтимъ, что *Низе* какъ разъ наоборотъ видитъ въ *Ἀθροισμὸς Πολιτείας* „спасеніе“, защиту Аристокитона, заслуги коего будто бы сильно умалены Оукидидомъ. *Hist. Z.*, 1892, стр. 51), тенденцію, имѣющую цѣлью представить „прославленныхъ Алкмеонидовъ безслѣдными трусами“ (стр. 19); въ застольной пѣснѣ о Лисидріи М. М. Покровскій видитъ „язвительность“, а въ пѣснѣ о Кедронѣ—„такую насмѣшку по адресу Алкмеонидовъ, дальше которой идти нельзя“ (стр. 21); въ характеристикѣ и исторіи Алкмеонидовъ онъ усматриваетъ пропію надъ Пнаеіей (стр. 21), въ характеристикѣ правленія Писистрата—косвенную рѣчь и скрытую полемику (стр. 23), въ исторіи Пятидесятилѣтія—тоже слѣды косвенной полемики, поправки и оговорки. Но въ сущности въ трактатѣ ничего подобнаго нѣтъ (Ср. и *Lit. Centralbl.*, 1893, S. 1792). По поводу застольныхъ пѣсней можно, кромѣ того, замѣтить, что у *Athen.*, XV, 694—695, приводится нѣсколько схолий въ честь Гармодія и Аристокитона (№№ 10—13); объ обоихъ въ этихъ схоліяхъ говорится съ очевиднымъ сочувствіемъ, какъ объ убійцахъ тирана и освободителяхъ Аѳинъ; въ 11 схоліи, напримѣръ, Гармодій названъ „дорогимъ“ и го-

сается Солона. Что Критій не могъ быть *положительнымъ* источникомъ, основою для Аристотеля, напримѣръ, въ отдѣлѣ о Пятидесятилѣтїи, показываетъ критика, направленная противъ βουλόμενοι βλασφημεῖν, и

ворится, что онъ пребываетъ на островахъ блаженныхъ, вмѣстѣ съ быстроногимъ Ахилломъ и Диомедомъ (ср. *Wilamowitz*, II, 320), или вотъ 13-я схолия:

αἰεὶ ὁρῶν κλῆος ἔσεται κατ' αἶαν,
φίλταθ' Ἀρμόδιε καὶ Ἀριστόγειτον,
ὅτι τὸν τύραννον κτανέτην
ἰσονόμους τ' Ἀθῆνας ἐποίησάντην.

(Ср. *Bergk*, *Poet. lug.*, III, p. 1290, № 9).

Совершенно подобнаго же рода и застольныя пѣсни о Лисисдринѣ и Кедонѣ, приводимыя также у Athen. (№№ 21—22). Въ числѣ доказательствъ въ пользу своей гипотезы М. М. Покровский выставляетъ употребленіе такихъ словъ, какъ глаголъ μὴνύειν (стр. 22), или упоминаніе о Кроносѣ (стр. 28). Но подобныя выраженія ничего не доказываютъ: первое (μὴνύειν) нисколько не характерно, да и второе („вѣкъ Кроноса“, ὁ ἐπὶ Κρόνου βίος) вовсе не составляетъ „специфической принадлежности Критіа“, какъ гоноритъ М. М. Покровский (стр. 28), подобно тому, какъ и нашъ „золотой вѣкъ“ нельзя считать исключительною принадлежностью одного, опредѣленнаго писателя. „Вѣкъ Кроноса“ было своего рода поговоркой и нерѣдко встрѣчается у древнихъ авторовъ (см., напримѣръ, *Ps. Plat.*, *Hipp.*, 229 b; *Plut.*, *Arist.*, 24; *Cim.* 10; ипрочеа, М. М. Покровский и это возводитъ къ Критію; ср. *Wilamowitz*, I, 119); на то, что это выраженіе въ примѣненіи къ Лисистратову правленію было въ большомъ ходу, указываетъ и самъ Аристотель: πολλὰκις ἐδρουλαίτο, говоритъ онъ (гл. 16). Мысль о совершенствѣ гражданъ тоже не составляетъ специфической принадлежности Критіа, какъ полагаетъ г. Покровский (стр. 26): съ нею мы встрѣчаемся и у Платона, по которому единственное дѣло хорошаго гражданина совершенствовать согражданъ („*Gorg.*“, 517 b—c).

Главнымъ доказательствомъ того, что для Плутарха (въ біографіяхъ Арстиды, Фемистокла, Кимона и Перикла), равно какъ и для Аристотеля въ отдѣлѣ о Пентеконтаэтіи, Критій служилъ источникомъ (для перваго, вѣроятно, не непосредственнымъ), по мнѣнію М. М. Покровскаго, являются такія подробности, которыя, напримѣръ, указываютъ на симпатіи къ Спартѣ, „филолаконизмъ“, на вражду къ демосу и его вождямъ, ненависть къ морскому владычеству (стр. 30 сл.). Но дѣло въ томъ, что все это черты, болѣе или менѣе общія всѣмъ олигархамъ. Изъ того, напримѣръ, что Критій былъ „лаконистъ“, еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ встрѣчающіеся замѣчанія въ пользу Спарты могли принадлежать только ему, а никому другому; вспомнимъ, что „филолаконизмъ“ мы встрѣчаемъ и у Ксенофонта; преклошеніе предъ Спартой было вообще довольно распространено въ то время. Не будемъ ужъ говорить о томъ, что врядъ ли возможно придавать такое значеніе, какое придаетъ г. Покровский, прозаическому отрывку и стихотворенію Критіа, трактующимъ о томъ, какъ воюютъ лакедемоняне (стр. 42—43). Г. Покровский ссылается еще на симпатіи къ Кимону, какъ характеризующія Критіа. Но, во первыхъ, симпатіи къ Кимону мы встрѣчаемъ и у другихъ

отношеніе Аристотеля къ тиранніи Тридцати: отсюда видно ясно, что Аристотель не сталъ бы довѣрять и слѣдовать Критію, а слѣдовъ той косвенной полемики, о которой говорятъ М. М. Покровский, мы не видимъ въ трактатѣ. Что же касается описанія конституціи 411 г..

авторовъ, напримѣръ, у Іона и у комиковъ,—стоитъ вспомнить слова Кратіа (*Plut., Cim., 10*):

οὐκ ἀνδρὶ θεῖῳ καὶ φιλοξενωτάτῳ
καὶ πάντ' ἀρίστῳ τῶν Πανελλήνων πρό τοῦ
Κίμωνος.....

Вотърыхъ, въ приводимыхъ Плутархомъ словахъ Критія по поводу политики Кимона по время Третьей Мессенской войны слышится скорѣе упрекъ и удивленіе, нежели похвала (какъ полагаетъ М. М. Покровский), и, втретыхъ, — чѣмъ важнѣе, — именно въ отношеніи къ Кимону замѣчается скорѣе противоположность или, по крайней мѣрѣ, значительная разннца между Критіемъ, на сколько мы можемъ судить по цитатамъ изъ него у Плутарха, и Аристотелемъ (ср. *Wilamowitz, I, 137, 165*): Критій говоритъ о μεγαλοφροσύνη Кимона (*Plut., Cim., 10*), а Аристотель называетъ послѣдняго σφρότερος (если держаться поправки) и во всякомъ случаѣ относится къ нему холодно: ни слова не упоминаетъ о его побѣдахъ; напротивъ, эпоха Кимона у него оказывается пренебрежъ, когда аѳиняне вслѣдствіе неопытности полководцевъ несли огромныя потери. А что касается обвиненіяThemistocle и Kleon въ казнокрадствѣ, то опять-таки это не специфическая черта Критія. Подобнаго рода обвиненія по отношенію къ государственнымъ дѣятелямъ Аѳинъ были въ большемъ ходу; обвиненія Themistocle въ подкупности мы встрѣчаемъ, напримѣръ, уже у Геродота, который Критіемъ, разумѣется, не пользовался (ср. свидѣтельство Теофраста и Теопомпа у *Plut., Them., 25*). Или въ комедіи, напримѣръ, у *Локана* (*Legati, fr. 1*), Эпикратъ и Формисій обвиняются въ принятіи подарковъ отъ царя. Считая недоказаннымъ и мало важнымъ, что именно Критій служилъ источникомъ Аристотеля для эпохи Пятидесятилѣтія, мы не можемъ принять и дальнѣйшихъ выводовъ г. Покровскаго, будто Аристотель въ этомъ отдѣлѣ ведетъ косвенную полемику съ Критіемъ.

Еще смѣлѣе и произвольнѣе намъ кажутся утвержденія, что Фукидидъ, говоря о своемъ произведеніи, какъ οὐκ ἔτιμα εἰς ἀκὴν, имѣлъ въ виду Критія (стр. 1), что даже извѣстная характеристика Перикла въ 65 гл. II кн. представляетъ полемическій экскурсъ, направленный противъ Критія (стр. 47—48), что слова Фукидида. I, 20 и VI, 54, въ отдѣлѣ о Писистратидѣхъ намекнуты на Критія; слова эти, говоритъ г. Покровский, направлены „главнымъ образомъ противъ аѳинскаго автора“, который „не знаетъ туземной исторіи, не знаетъ ничего точнаго о своихъ же собственныхъ тираннахъ и не даетъ вѣрныхъ свидѣній о прошломъ вообще“ (стр. 28—29). Но слова Фукидида переданы неточно: греческій историкъ говоритъ въ общихъ выраженіяхъ—οὐκ ἔτιμα καὶ ἀπὸ τῶν ἄλλωνъ, а не οὐκ ἔτιμα καὶ ἀπὸ τῶν ἄλλωνъ авторѣ: Ἀθηναίων γοῦν τὸ πλῆθος... οἴονται... (I, 20), ἀποφανὼ οὐτε τοὺς ἄλλους οὐτε αὐτοὺς Ἀθηναίους περὶ τῶν σφετέρων τυράννων οὐδὲ περὶ τοῦ γενομένου ἀκριβὲς οὐδὲν λέγοντας.... οὐχ Ἰππάρχος, ὥσπερ οἱ πολλοὶ οἴονται,

то оно во всякомъ случаѣ основано не на Критіи ¹⁾: тогдашніе проекты были не его дѣломъ, они были въ духѣ Оерамена, и имъ сочувствовать, ими интересоваться и до мельчайшихъ подробностей воспроизводить ихъ едва ли бы сталъ Критій ²⁾. Различіе въ программахъ партій Критія и партій Оерамена Аристотель отмѣчаетъ ясно: первая стремилась къ крайней олигархіи, вторая къ возстановленію *πάτριος πολιτεία* (гл. 34: τῶν δὲ γινωρίμων οἱ μὲν ἐν ταῖς ἐταιρείαις ὄντες καὶ τῶν φυγάδων οἱ μετὰ τὴν εἰρήνην κατελθόντες ὀλιγαρχίας ἀπεθύμουσιν, οἱ δ' ἐν ἐταιρείᾳ μὲν οὐδεμίᾳ συγκαθεστότες ἄλλως δὲ δοκοῦντες οὐδενὸς ἀπείπεισθαι τῶν πολιτῶν τὴν πατριὸν πολιτείαν ἐζήτουν, ὧν... προεστήκει μάλιστα Θηραμένης).

Иную гипотезу выставилъ *Виламовицъ*. Онъ, вообще столь не сочувствующій погонѣ за именами предполагаемыхъ авторовъ, произведенія коихъ до насъ не дошли, на этотъ разъ измѣнилъ своему обыкновенію: онъ пытается возстановить приблизительно содержаніе предполагаемаго олигархическаго памфлета, служившаго основой для Аристотеля, преимущественно для исторіи V вѣка ³⁾, и рѣшается назвать его автора. По его мнѣнію, это не Критій, а *Θεραμένης*, написавшій свое произведеніе въ видѣ политической программы, во время Тридцати, осенью 404 г. Въ подтвержденіе своего предположенія Виламовицъ указываетъ на похвалы Оерамену у Аристотеля,

αλλ' Ἰππίας πρεσβύτατος ὦν ἔσχε τὴν ἀρχήν (VI, 54). Вообще мнѣніе *М. М. Покровскаго* объ „огромномъ вліяніи Критія на греческую литературу“ намъ кажется преувеличеннымъ; мало правдоподобно, чтобы „историческая литература IV вѣка группировалась около памфлета Критія“: партія *крайнихъ* олигарховъ послѣ 404—403 г. оказывается совершенно скомпрометированною и уничтоженною даже нравственно, и едва ли оказывалось необходимымъ такъ много похемизировать съ ея главнымъ представителемъ.

Мы считали нужнымъ сдѣлать предшествующія замѣчанія, чтобы показать, почему мы находимъ недоказанными большую часть положеній г. Покровскаго, а также въ виду того, что его интересныя, написанныя съ виднымъ воодушевленіемъ „Этюды“ не вызвали въ нашей литературѣ ни возраженій, ни надлежащей оцѣнки до того самого времени, когда составила наша статья. Уже послѣ того, какъ предшествующіи строки находились въ типографіи, появилась статья *Θ. Γ. Мищенко*, въ которой мы имѣемъ теперь обстоятельный разборъ и надлежащую оцѣнку „Этюдъ“ *М. М. Покровскаго*. Проф. *Θ. Γ. Мищенко* тоже относится отрицательно къ гипотезѣ относительно Критія, считая ее недоказанною, а соображенія г. Покровскаго недостаточно осмотрительными.

¹⁾ Этого, впрочемъ, не утверждаетъ и г. Покровскій.

²⁾ Ср. *Wilamowitz*, I, 165.

³⁾ I, 161—163.

видѣвшаго въ немъ „послѣдняго хорошаго государственнаго дѣятеля“, на то, что Аристотель думаетъ, какъ Оераменъ ¹⁾, слѣдуетъ его сужденіямъ, находятъ у него выраженіе своихъ собственныхъ политическихъ убѣжденій; на то, что въ оцѣнкѣ πατριος πολιτεία Аристотель примыкаетъ къ Оерамену и исторію 411 и 404 г. излагаетъ въ его духѣ, такъ что „нмя Оерамена само собой напрашивается на уста“. Главнымъ же основаніемъ для Виламовица служить то, что Аристотель приводитъ собственныя слова Оерамена по поводу 3.000: Οεραμένης δὲ πάλιν ἐπιτιμᾷ καὶ τούτοις. πρῶτον μὲν ὅτι βουλευόμενοι μεταδοῦναι τοῖς ἐπιεικέσι τριαχιλίοις μόνοις μεταδιδόσιν, ὡς ἐν τούτῳ τῇ πλήθει τῆς ἀρετῆς ὡρισμένης, ἔπειθ' ὅτι δύο τὰ ἐναντιώτατα ποιοῦσιν, βίαιόν τε τὴν ἀρχὴν καὶ τῶν ἀρχομένων ἥτις κατασκαυάζοντας (гл. 36). Виламовицъ строитъ такія заключенія: Аристотель пользовался сочиненіемъ Оерамена; Аристотель пользовался олигархическимъ сочиненіемъ изъ времени Оерамена; слѣдовательно, оба сочиненія тождественны ²⁾. Но первое положеніе не доказано: изъ того, что Аристотель приводитъ слова Оерамена, еще не слѣдуетъ, что онъ пользовался его сочиненіемъ. По этому поводу мы можемъ повторить то, что сказано было нами раньше, по поводу совпаденія словъ Ἀθηναίων Πολιτεία съ словами Ксенофонта: приводимыя Аристотелемъ слова могли быть произнесены Оераменомъ (предположеніе, не чуждое и самому Виламовицу, l. c.) и затѣмъ сдѣлаться достояніемъ традиціи; ихъ могли хранить въ памяти; они могли быть записаны, попасть въ какое либо сочиненіе и такимъ образомъ дойти до Аристотеля.

Затѣмъ, совершенно вѣрно замѣчаніе, что Аристотель относится къ Оерамену и къ его идеямъ съ симпатіей, что онъ излагаетъ событія 411 и 404 г. съ точки зрѣнія, близкой къ Оераменовой; но, напримѣръ, рѣзкія нападки и клеветы на Солона врядъ ли могли исходить отъ Оерамена: напротивъ, на сколько мы можемъ судить о его программѣ на основаніи словъ самого же Аристотеля и по поправкѣ Клитифона (προαναζητήσαι δὲ.... καὶ τοὺς πατρίους νόμους οὓς Κλεισθένης εἵθηκεν ὅτι καλίστη τὴν δημοκρατίαν, ὅπως ἂν ἀκούσαντας καὶ τούτων βουλευσώμεναι τὸ ἀριστον, ὡς οὐ δημοτικὴν ἀλλὰ παραπλησίαν οὔσαν τὴν Κλεισθένοῦς πολιτείαν τῇ Σόλωνος, гл. 29), онъ и его партія стояли за πατριος πολιτεία, и отъ нихъ скорѣе можно было бы ожидать преклоненія предъ

¹⁾ I, 126—127.

²⁾ I, 164—166.

Солономъ; нападки на послѣдняго могли исходить только отъ крайнихъ олигарховъ, и, ища ихъ автора въ средѣ тридцати, естественнѣе всего остановиться на Критѣ, какъ сдѣлалъ это Дюмилеръ ¹⁾. Къ Θерамену, какъ источнику, Виламовицъ, повидимому, возводитъ и исторію тридцати, но это уже значить приписывать ему изложеніе даже и тѣхъ событій, которыя случились послѣ его смерти, такъ какъ до конца правленія тридцати Θерамень, вѣдь, не дожилъ. Наконецъ, объ авторской дѣятельности Θерамена намъ ничего неизвѣстно, кромѣ указанія на его сочиненія по *риторикѣ* ²⁾, и такимъ образомъ гипотеза Виламовица лишена почвы и твердаго основанія.

Уже одно разногласіе, существующее по вопросу объ авторѣ политическаго памфлета, которымъ пользовался Аристотель, способно возбудить, въ свою очередь, недовѣріе къ высказаннымъ на этотъ счетъ гипотезамъ. И въ самомъ дѣлѣ, для надлежащаго рѣшенія вопроса недостаетъ данныхъ; здѣсь у изслѣдователя нѣтъ твердой почвы. Тутъ открывается широкое поле для всевозможныхъ болѣе или менѣе смѣлыхъ гипотезъ. Но попытки рѣшенія подобныхъ задачъ и возстановленія предполагаемаго источника, до насъ не дошедшаго, за весьма рѣдкими исключеніями, не приводятъ къ какому либо положительнымъ и прочнымъ результатамъ. Стоитъ, напримѣръ, припомнить, какихъ только предположеній ни дѣлалось относительно источниковъ Плутарховыхъ біографій Θемистокла и Аристиды ³⁾. По отношенію же къ

¹⁾ См. его замѣчанія въ цитированной выше статьѣ, *Hermes*. 1892, стр. 263.

²⁾ *Swid.*, v. v. Θρηζιένης; срв. *Ps.-Plut.* X, orat. v., p. 837a; *Sittl*, Geschichte d. griech. Literatur. München. 1886, II, 76, 89.

³⁾ Одною изъ исходныхъ точекъ при подобнаго рода изслѣдованіяхъ болѣею частью служить взглядъ на разсматриваемаго автора, напримѣръ, Плутарха, какъ на простаго переписчика, кладущаго въ основу только одинъ какой либо источникъ, дословно и слѣпо слѣдующаго ему. Но такой взглядъ въ настоящее время начинаютъ уже оставлять, и даже въ самой Германіи высказываются ужъ мнѣнія противъ того направленія въ изученіи источниковъ, которое тѣмъ преимущественно господствовало и которое улекалось задачею—съ точностью опредѣлить, у кого именно разсматриваемый авторъ вѣлъ то или другое извѣстіе, ту или другую строку или главу, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагаемый или дѣйствительный его источникъ до насъ не дошелъ, и мы о немъ ровно ничего не знаемъ. Напримѣръ, въ монографіи *Ad. Bauer* „Themistokles“ (1881) разсѣяно немало вѣрныхъ замѣчаній на этотъ счетъ; *Гольмъ* въ своей „Gr. Gesch.“ тоже высказывается противъ подобнаго направленія. „Мы,—говоритъ онъ въ предисловіи къ I-му т. (стр. XII),—занимаемся критикою источниковъ, но мы отъ этого получаемъ мало плодовъ: мы анализируемъ писателей, но въ большинствѣ случаевъ не для того, чтобы на основаніи этого составить повѣствованіе, а чтобы построить

Аристотелю рѣшеніе вопроса еще болѣе осложняется и затрудняется тѣмъ, что, какъ мы видѣли выше и какъ прекрасно показалъ это и М. М. Покровский еще въ своей статьѣ, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1892 годъ, Аристотель не слѣдуетъ рабски за своимъ источникомъ и не списываетъ его механически, а при томъ пользуется обыкновенно не однимъ, а одновременно нѣсколькими источниками, комбинируя ихъ.

М. М. Покровский и Виламовицъ говорятъ объ *одномъ* политическомъ памфлетѣ, какъ Аристотелевомъ источникѣ; но съ этимъ не совсѣмъ согласуются только-что упомянутые обычные приемы Аристотеля. Въ вторыхъ, памфлетъ, содержащій обвиненія противъ Солона, и источникъ, которымъ пользовался Аристотель въ главахъ, посвященныхъ 480—411 годамъ, по нашему мнѣнію, никоимъ образомъ нельзя смѣшивать и считать за одно произведеніе. Къ первому Аристотель относится съ полнымъ недоумѣніемъ: въ его глазахъ это — *βωλόμηνος βλασφημία*, и онъ горячо и рѣшительно опровергаетъ его. Совершенно иначе относится Аристотель ко второму: онъ не опровергаетъ его, напротивъ—кладетъ за основу и слѣдуетъ ему.

Такимъ образомъ, въ противоположность другимъ изслѣдователямъ, мы полагаемъ, что подъ рукою у Аристотеля былъ не одинъ, а нѣсколько болѣе или менѣе тенденціозныхъ источниковъ. Къ одной категоріи относится политическій памфлетъ, съ рѣзко выраженной тенденціею, съ нападками на Солона, исполненный ненависти къ демократіи и принадлежавшій крайнему олигарху конца V вѣка изъ лагеря Тридцати, по всей вѣроятности, Критію. Ко второй категоріи относятся произведенія съ болѣе умѣренной тенденціею, съ воззрѣніями, близко подходившими къ взглядамъ и симпатіямъ самого Аристотеля, въ духѣ скорѣе Орамена и олигарховъ 411 года, нежели Критія, съ сочувствіемъ къ *πατριος πολιτεία*. Сочиненія эти тоже могли принадлежать концу V вѣка, но ничто не мѣшаетъ отнести ихъ и

идеальнаго Эфора или Теонома, который скоро и разлетается, такъ какъ, благодаря каждой новой диссертациі, онъ получаетъ новый видъ". Изслѣдованіе источниковъ, по мнѣнію Гольма, должно исходить не изъ реконструкціи утраченныхъ авторовъ, а изъ изученія особенностей, имѣющихся на лицѣ (стр. XIII). Самъ Виламовицъ раньше насмѣшливо отзывался о стремленіи „für jede Zeile den Vater ausfindig zu machen“, да и въ своемъ послѣднемъ трудѣ „*Arist. und Athen*“ онъ не разъ отказывается отъ погони за именами и дѣлаетъ исключеніе только относительно автора политическаго памфлета.

къ первой половинѣ IV столѣтія ¹⁾). По крайней мѣрѣ, и въ IV вѣкѣ мы встрѣчаемъ сходныя идеи, напримѣръ, у Платона, Исократѣ, „Ареопагитинѣ“ котораго является своего рода призывомъ къ возвращенію къ πατριος πολιτεία, и друг. ²⁾).

Наконецъ, говоря о памфлетахъ, слѣдуетъ упомянуть и о комедіи, которая являлась также произведеніемъ тенденціознымъ и выраженіемъ духа партіи, и при томъ большею частью въ рѣзкой, беснотадной формѣ. Какъ извѣстно, всѣ комики были врагами демократіи и демагоговъ. Ихъ свидѣтельства и нападки могли найти нѣкоторый отголосокъ и въ Аристотелевомъ трактатѣ. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ вопросъ объ отношеніи послѣдняго къ комедіи затронулъ лишь одинъ Köhler, да и то мимоходомъ. Въ своемъ сообщеніи: „Die Zeiten der Herrschaft des Peisistratos in der πολιτεία 'Αθηναίων“ ³⁾, онъ указалъ на аналогію между перечисленіемъ различныхъ категорій лицъ, получавшихъ содержаніе отъ государства, въ 24 гл. 'Αθηναίων Πολιτεία и стихами Аристофана въ Vesp., v. 656 sq. (особенно v. 661—662:

ἀπὸ τούτων νῦν κατὰθας μισθὸν τοῖσι δικασταῖς ἐνιαυτοῦ,
ἔξ χιλιάσιν, κοῦπω πλείους ἐν τῇ χώρᾳ κατένασθεν)

и на то, что обѣщаніе Аристида ⁴⁾ и приводимое Аристотелемъ общее число получающихъ содержаніе ⁵⁾ напоминаютъ намъ совѣтъ Бделikleона у Аристофана—на каждый изъ 1000 платящихъ форосъ городовъ возложить обязанность содержать по 20 аоннскихъ гражданъ (Vesp., v. 706 sq.) ⁶⁾.

Можно не соглашаться съ Келеромъ, когда онъ впадаетъ въ преувеличеніе и говорить, что Аристотель не придавалъ серьезнаго значенія своему перечисленію и что онъ съ цѣлью выставить систему

¹⁾ Ср. Ed. Meyer, Lit. Centralbl., 1894, № 3.

²⁾ См. объ этомъ далѣе.

³⁾ Помѣщенномъ въ Sitzungsber. d. Berl. Ak. der Wissensch., 1892, стр. 339 сл.

⁴⁾ συνβούλευεν ἀνταλαμβάνεσθαι τῆς ἡγεμονίας καὶ καταβάντας ἐκ τῶν ἀγρῶν εἰσχεῖν ἐν τῷ ἔστει τροφὴν γὰρ εἶσεσθαι πᾶσι....

⁵⁾ συνέβαινεν γὰρ ἀπὸ τῶν φόρων καὶ τῶν τελῶν [καὶ τῶν συμμάχων] πλείους ἢ διαμυρίους ἄνδρας τρέφεσθαι....

⁶⁾ εἰ γὰρ ἐβούλοντο βίον πορίσαι τῷ δήμῳ, ῥῆξιον ἦν ἂν.
εἰ ἰν γε πόλεις χίλιας, ἢ νῦν τὸν φόρον ἡμῖν ἀπάτρουσιν
τούτων εἰκοσὶν ἄνδρες βόσκειν εἰ τις προσέταξεν ἑκάστῳ,
δύο μυριάδες τῶν δημοτικῶν ἔζων ἐν πᾶσι λαγφοῖς
καὶ στεφάνοισιν παντοδαποῖσιν καὶ κοῦψ καὶ κυριάτῳ,
ἄξια τῆς γῆς ἀπολαύοντες καὶ τοῦ Μαραθῶνι τροπαίου.

вознагражденія въ болѣе яркомъ свѣтѣ представилъ параллель фантастическимъ описаніямъ комика: намъ кажется, что скорѣе въ словахъ самого Аристофана можно видѣть указаніе на дѣйствительное число простыхъ и менѣе состоятельныхъ гражданъ тогдашнихъ Аѳинъ. Но нельзя отрицать нѣкотораго сходства между 'Αθῆναίων Πολιτεία и комедіей: извѣстно, что система вознагражденія, которой такъ не почувствовалъ Аристотель, составляла предметъ насмѣшекъ и комиковъ. Затѣмъ, Аристотель въ 28 гл. отмѣчаетъ то обстоятельство, что „въ прежнія времена“ по главѣ демоса всегда стояли знатные, и что послѣ смерти Перикла впервые избранъ былъ вождемъ человекъ незнатнаго происхожденія—Клеонъ. И въ глазахъ комиковъ незнатность происхожденія—существенный недостатокъ: она служитъ позорнымъ клеймомъ для выводимыхъ на сцену демагоговъ, предметомъ немалыхъ насмѣшекъ и глумленія ¹⁾. Замѣчается аналогія и въ характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ. Такъ, съ выраженіемъ Аристотеля о Кимонѣ—καθρότατος (повторяемъ, если принять поправку), можно сопоставить стихъ Евполида:

κακὸς μὲν οὐκ ἦν, φιλοπότης δὲ κάμωλός (Plut., Cim., 15).

Периклъ у Аристотеля—не совсѣмъ самостоятельный дѣятель; его вдохновителемъ является Дамонидъ. И въ комедіи Периклъ, не говоря уже о другихъ насмѣшкахъ, которымъ онъ подвергается со стороны комиковъ, изображается нерѣдко дѣйствующимъ подъ чужимъ вліяніемъ, напимѣръ, Асназіи (Plut., Pericl., 24, 30) и того же Дамонида, или Дамона; послѣдній служилъ предметомъ нападокъ комедіи, какъ поспитатель и руководитель Перикла (Plut., Per., 4). Характеристика Клеона у Аристотеля совершенно соотвѣтствуетъ характеристикѣ этого демагога не только у Фукидида, но и въ комедіи. Съ тѣмъ, что говоритъ Аристотель о Клеофонѣ въ 34 гл., можно сопоставить намеки Аристофана ²⁾ и нападки комика Платона, написавшаго особую комедію подъ заглавіемъ: „Клеофонъ“. Аристотель (гл. 28) причисляетъ Никію къ лучшимъ государственнымъ дѣятелямъ. И комики относятся къ Никію вообще съ симпатіей ³⁾. Наконецъ, даже отзывъ Аристотеля о Θераμένѣ, замѣчанія о противодѣйствіи послѣд-

¹⁾ Jul. Schvars, Die Demokratie, I, 278; Θ. Γ. Μιμμενκο, Опытъ по исторіи раціон. въ древн. Греціи, 312, прим. 2; В. Бузескулъ, Периклъ, стр. 64.

²⁾ См., напимѣръ, Рапае, v. 678—679 и v. 1632.

³⁾ См., напимѣръ, слова Телекляда (φίλος γὰρ ἀνὴρ, σωφρονεῖν δὲ μοι δοκεῖ), а также Евполида, приводимыя Плулархомъ (Nic., 4).

него противозаконіямъ, находить себѣ нѣкоторое соотвѣтствіе въ намекѣ Аристофана ¹⁾).

Все это показываетъ, на сколько распространены были извѣстія и возрѣнія, подобныя тѣмъ, какія находимъ у Аристотеля въ отдѣлѣ о Пятидесятилѣтій и Пелопоннесской войнѣ, и какъ трудно приурочить къ одному опредѣленному имени антидемократическую тенденцію, нашедшую себѣ отраженіе въ Аристотелевомъ трактатѣ.

Еще труднѣе сказать что либо опредѣленное относительно демократической версіи, на которую ссылается Аристотель, и приурочить ее къ какому либо имени ²⁾). Догадки Дюмлера, высказанныя имъ въ той же статьѣ, о которой уже выше шла рѣчь, оказываются совершенно произвольными и несостоятельными. Существуетъ даже мнѣніе, что версія эта принадлежитъ не какому либо особому тенденціозно-политическому произведенію, а Аттидамъ, посившимъ національную, а слѣдовательно и демократическую окраску, писаннымъ въ духѣ демократіи ³⁾).

Аристотель и Исократъ.

Къ числу тенденціозныхъ публицистическихъ произведеній принадлежатъ въ сущности и рѣчи *Исократа*, съ которыми у Аристотеля какъ въ „Политикѣ“, такъ и въ 'Αθηναίων Πολιτεία оказывается немало точекъ соприкосновенія ⁴⁾). Можно сопоставить, напримѣръ, свидѣтельства того и другаго о Тезеѣ ⁵⁾), не совѣтъ, впрочемъ, со-

¹⁾ См. fr. 466 (Tripholus): ἰγὼ γὰρ ἀπὸ Θηραμένων δίδωκα τὰ τρία ταυτί, καὶ πρὸς αὐτοῖς ἐξήγησά τοι τὴν τριῶν ἐν Θηραμένῃς ἐφηφίσαστο τρεῖς τιμωρίας κατὰ τὸν παράνομον τι δρώντων.

²⁾ Ср. Gilbert, S. XXXV.

³⁾ Wilamowitz, I, 277; Heller (p. 54), который въ частности относительно версіи ἰναι въ гл. 18 (объ Аристогонѣ) полагаетъ, что она принадлежитъ Андротіону.

⁴⁾ См. главнымъ образомъ Keil, Die Sol. Verf., 78 сл., 220—221, прим.; Newman, Class. Rev., 1891, IV, 160 сл.; Gilbert, стр. XXXVIII, прим. Относительно „Политикѣ“ Аристотеля и „Ареопагитикѣ“ Исократа см. слова Spengel'я, приводимыя Krohn'омъ, Zur Kritik Aristot. Schriften, I, Brandenb., 1872, стр. 31—32, и замѣчаніе Sussemitz'а, Polit., Einl., стр. 2, прим.

⁵⁾ Ср. Isocr., Panath., § 128—130:

ναυρ., τὴν μὲν πόλιν διακεῖν τῇ πλήθει πρῶτος ἀπέκλινα πρὸς τὸν ὄχλον..... παρίδωκεν.....

Aristot., fr. 384:

Helena, § 35 sq.:

ὁ μὲν τὸν ἔθμον καθίστη κύριον τῆς πολιτείας.....

'Αθ. Πολ., 41:

ἡ ἐπὶ Θησείως γενομένη, μικρὸν περιεγλήνουςα τῆς βασιλικῆς.

впадающія, тѣмъ болѣе, что Исократъ не разъ противорѣчитъ самому себѣ ¹⁾).

Гораздо больше соответствія въ томъ, что говорится о древнемъ ареопагѣ въ 3, [4] и 8 гл. 'Αθηναίων Πολιτεία и въ Исократовомъ „Ареопагитикѣ“ ²⁾; только 'Αθηναίων Πολιτεία говоритъ объ ареопагѣ до и по время Солона; Исократъ же, подобно олигархамъ конца V вѣка, призывая къ возврату къ πατριος πολιτεία, какъ лучшему средству спасенія, характеризуетъ и прославляетъ „демократію Солона и Клисмена“, такъ что выходитъ, что и учрежденіе самаго ареопага ³⁾ или, по крайней мѣрѣ, возложеніе на него обязанности „ἐπιμελεῖσθαι τῆς εὐκοσμίας“ онъ относитъ къ эпохѣ Солона.

Съ тѣмъ, что говоритъ Аристотель о способѣ избранія архонтовъ при Солонѣ (гл. 8) и послѣ Клисмена (гл. 22), можно сопоставить слова Исократа въ Panath., § 145 ⁴⁾. касающіяся, впрочемъ, періода

¹⁾ По Panath., Тезей слагаетъ съ себя власть; по Helena, онъ только намеренъ сложить ее, но по требованію народа сохраняетъ до самой смерти (Keil, 86). По Panath., основатель демократіи—Тезей (ср. и Paneg., § 39), по Агеораг.—Солонъ и Клисменъ.

²⁾ Isocr., Агеор., § 37:

ὥστε τὴν ἐξ 'Αρείου πάγου βουλὴν ἐπέστησαν ἐπιμελεῖσθαι τῆς εὐκοσμίας, ἥς οὐχ οἶόν τ' ἦν μετασχεῖν πλὴν τοῖς καλῶς γεγενομένοι καὶ πολλὴν ἀρετὴν ἐν τῷ βίῳ καὶ σωφροσύνην ἐνδεδειγμένοις....

§ 39: τὴν δὲ τοιαύτην.... κυρίαν ἐποίησαν ἐπιμελεῖσθαι τῆς εὐταξίας.

§ 42: οὐ τοῦτο πρῶτον ἐσκόπουν, δι' ὧν κολλήσουσι τοὺς ἀκοσμοῦντας....

§ 46: τοὺς ἀκοσμοῦντας ἀνῆγον εἰς τὴν βουλὴν· ἣ δὲ τοὺς μὲν ἐνουθέτει, τοῖς δ' ἡπείλει, τοὺς δ' ὡς προσήκει ἐκόλαζεν.

§ 55: τῆς οὕτω καλῶς ἀπάντων τῶν πραγμάτων ἐπιμεληθείσης.

Ср. также относительно реформы Эфиальта: Isocras., Агеор., § 51: καταλύσαντες τὴν τῆς βουλῆς δύναμιν, и 'Αθ. Пол., 26: περιείλοντο αὐτῶν τὴν δύναμιν, 41: καταλύσας τὴν 'Αρεοπαγίτιν βουλὴν.

³⁾ Такъ понимается Keil, стр. 100.

⁴⁾ Isocr., Panath., § 145:

καθίστασαν ἐπὶ τὰς ἀρχὰς τοὺς προκρίθεντας ὑπὸ τῶν φυλετῶν καὶ δημοτῶν.

'Αθ. Пол., гл. 8:

ἣ δὲ τῶν 'Αρεοπαγιτῶν βουλὴ τὴν μὲν τάξιν εἶχε τοῦ διατηρεῖν τοὺς νόμους, διόψαι δὲ τὰ πλείστα καὶ τὰ μέγιστα τῶν ἐν τῇ πόλει, καὶ κολλάζουσα καὶ ζημιούσα πάντας τοὺς ἀκοσμοῦντας κυρίως· ἣ γὰρ αἵρεσις τῶν ἀρχόντων ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην ἦν, ἐξ ὧν οἱ 'Αρεοπαγῖται καθίσταντο.

гл. 8: τὴν δὲ τῶν 'Αρεοπαγитῶν ἐταξαν ἐπὶ τὸ νομοφυλακεῖν, ὥσπερ ὑπῆρχεν καὶ πρότερον ἐπίσκοπος οὖσα τῆς πολιτείας. καὶ τὰ τε ἄλλα τὰ πλείστα καὶ τὰ μέγιστα τῶν πολιτικῶν διατερεῖ καὶ τοὺς ἀμαρτάνοντας ἡθύνον κυρία οὖσα καὶ ζημιοῦν καὶ κολλάζειν....

'Αθ. Пол., гл. 8:

τὰς δ' ἀρχὰς ἐποίησε κληρωτάς ἐκ προκρίτων, οὓς ἐκάστη προκρίνει τῶν φυλῶν. προῦκρινεν δ' εἰς τοὺς ἐννέα ἀρχοντας ἐκάστη δέκα....

гл. 22: ἐκ τῶν προκρίθεντων ὑπὸ τῶν δημοτῶν πεντακοσίων.

до Солона, а свидѣтельство Аристотеля о способѣ назначенія должностныхъ лицъ въ древности, до Солона, близко подходитъ къ тому, что говоритъ Исократъ въ „Ареопагитикѣ“, характеризуя Солонону и Клисеенову демократію ¹⁾, при чемъ, однако, Исократъ противопоставляетъ описываемый имъ порядокъ избранію посредствомъ жребія; по Аристотелю же, жребій, хотя и въ ограниченномъ видѣ, существовалъ уже при Солонѣ. Замѣчанія Ἀθηναίων Πολιτεία о демократическихъ элементахъ въ Солоновой конституціи представляютъ аналогію словамъ Исократа въ Агеораг. (напримѣръ, § 26) и РанаѠ., § 147 ²⁾.

¹⁾ *Isocr.*, *Агеор.*, § 22:

τὴν δὲ κατὰ τὴν ἀξίαν ἕκαστον τιμῶσαν καὶ κολλῶσαν προχοοῦσαν, καὶ διὰ ταύτης φέχον τὴν πόλιν, οὐκ ἐξ ἀπάντων τὰς ἀρχὰς κληροῦντας, ἀλλὰ τοὺς βελτίστους καὶ τοὺς ἰκανωτάτους ἐφ' ἕκαστον τῶν ἔργων προαρίνοντες.

²⁾ *Isocr.*, *Агеор.*, § 16:

ἐκείνην τὴν δημοκρατίαν, ἣν Σόλων μὲν ὁ δημοτικώτατος γενόμενος ἐνομοθέτησε.....

§ 26—27: ὅτι δαὶ τὸν μὲν δῆμον ὡς περ τύραννον καθιστάνει τὰς ἀρχὰς καὶ κολλᾶειν τοὺς ἐξαμαρτάνοντας καὶ κρίνειν περὶ τῶν ἀμφισβητουμένων..... καίτοι πῶς ἀν τις εὖροι ταύτης βελτιοτέραν ἢ δικαιότεραν δημοκρατίαν, τῆς τοὺς μὲν δυνατωτάτους ἐπὶ τὰς πράξεις καθιστάσης. αὐτῶν δὲ τούτων τὸν δῆμον κύριον ποιούσης.

Ср. *Ranath.*, § 147: καὶ πάντας νομίζειν μηδέποτε ὅν γενέσθαι δημοκρατίαν ἀληθεύσαντα μὴδὲ βελτιοτέραν μὴδὲ μᾶλλον τῇ κλήθει συμφέρουσαν τῆς τῶν μὲν τοιοῦτων πραγμάτων ἀτέλειαν τῇ δῆμῳ διδούσης, τοῦ δὲ τὰς ἀρχὰς καταστήσαι καὶ λαβεῖν δίκην παρὰ τῶν ἐξαμαρτόντων κύριον ποιούσης, ὥς περ ὑπάρχει καὶ τῶν τυράννων τοῖς εὐδαιμονεστάτοις (въ послѣдствіи слугахъ рѣчь идетъ о древнѣйшемъ строѣ, существовавшемъ будто бы „въ теченіи 1000 лѣтъ“, со времени установленія и до времени Солона и Искістрата, § 148)

Ср. также—*De bigis*, § 6, и Ἀθ. Πολ., гл. 8—относительно неспасенія въ случаѣ посягательства на демократію.

Ἀθ. Πολ., 8:

το γὰρ ἀρχαῖον ἢ ἐν Ἀρείῳ πύχῃ βουλῇ ἀνακλησαμένη καὶ κρίνασα καθ' αὐτὴν τὸν ἐπιτήδειον ἐφ' ἕκαστη τῶν ἀρχῶν ἐπ' ἐνὶ αὐτὸν διατάξασα ἀπέστελλεν.

Ἀθ. Πολ., 9:

δοκεῖ δὲ τῆς Σόλωνος πολιτείας τρία ταῦτ' εἶναι τὰ δημοτικώτατα..... τρίτον δὲ (ὡ μάλιστα φασιν ἰσχυκίνα τὸ πλῆθος) ἢ εἰς τὸ δικαστήριον ἔφεσις· κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου, κύριος γίγνεται τῆς πολιτείας..... ἀνάγκη πολλὰς ἀμφισβητήσεις γίνεσθαι καὶ πάντα βραβεύειν καὶ τὰ κοινὰ καὶ τὰ ἴδια τὸ δικαστήριον.....

гл. 10: ἐν μὲν οὖν τοῖς νόμοις ταῦτα δοκεῖ θεῖναι δημοτικά.....

гл. 41: ἢ ἐπὶ Σόλωνος, ἀφ' ἧς ἀρχῇ δημοκρατίας ἐγένετο.

Вообще и у Аристотеля, и у Исократа Солонъ является вождемъ, „предстателемъ“ демоса ¹⁾).

Относительно Писистрата и Исократь отмѣчаетъ, что тотъ сдѣлался тиранномъ, будучи демагогомъ ²⁾, а тому, что говоритъ Аристотель о правленіи Писистрата въ 16 гл. 'Αθηναίων Πολιτεία, у Исократа соотвѣтствуютъ нѣкоторыя черты въ характеристикѣ прежней демократіи въ „Ареопагитикѣ“ ³⁾).

Что касается Клеисеена, то и у Исократа встрѣчается упоминаніе объ изгнаніи имъ тиранновъ и возстановленіи демократіи, но тогда какъ Аристотель различаетъ конституцію Клеисеена отъ конституціи Солопа, считая первую гораздо болѣе демократическою, Исократь не дѣлаетъ между ними различія ⁴⁾, подобно тому, какъ и въ глазахъ

¹⁾ *Isocr.*, *De perm.*, § 232: ἐκείνός τε γὰρ προστάτης τοῦ δήμου καταστάς, κ' 'Αθ. Пол., 2 (οὗτος δὲ πρῶτος ἐγένετο τοῦ δήμου προστάτης) κ' 28.

²⁾ *Isocr.*, *Panath.*, § 148: ὅς ἐδημαγωγὸς γενόμενος..... τὸν τε δῆμον κατέλυσε καὶ τυράννον αὐτὸν κατέστησεν. Ср. приведенный уже выше fr. 5 изъ Андротіона κ' 'Αθ. Пол., гл. 22.

³⁾ Ср. *Isocr.*, *Areop.*, §§ 25, 31—35. Напр., § 32: τοῖς μὲν γεωργίας ἐπὶ μετρίαις μισθώσεσι παραδίδόντες, τοὺς δὲ κατ' ἐμπορίαν ἐκπέμποντες, τοῖς δ' εἰς τὰς ἄλλας ἐργασίας ἀφορμὴν παρέχοντες.....

§ 35: ἦσαν εὐρῶν τοὺς ἡναίεζομένους ἢ τοὺς ἀποδιδόντας. ἀμφοτέρω γὰρ αὐτοῖς συνέβαιεν..... ἅμα γὰρ τοὺς τε πολίτας ὠφέλουν καὶ τὰ σφέτερά αὐτῶν ἐνεργὰ καθίστασαν..... εἰ μὲν γὰρ κτήσεις ἀσφαλεῖς ἦσαν, οἷοι περ κατὰ τὸ δίκαιον ὑπῆρχον, αἱ δὲ χρήσεις κοιναὶ πᾶσι τοῖς δευτέροις τῶν πολιτῶν.

⁴⁾ *Isocr.*, *Areop.*, §§ 16—17: ἐκείνην τὴν δημοκρατίαν, ἣν Σόλων μὲν ὁ δημοτικώτατος γενόμενος ἐνομοθέτησε, Κλεισθένης δ' ὁ τοὺς τυράννους ἐκβαλὼν καὶ τὸν δῆμον καταγαγὼν πάλιν ἐξ ἀρχῆς κατέστησεν. ἥς οὐκ ἂν εὗρομεν οὔτε δημοτικωτέραν οὔτε τῇ πόλει μᾶλλον συμφέρουσαν....

Ср. *De perm.*, § 232: τὸν τε δῆμον κατήγαγε καὶ τοὺς τυράννους ἐξέβαλε καὶ τὴν δημοκρατίαν ἐκείνην κατέστησε...

Ср. также § 306 κ' *De bigis*, §§ 26—27.

Насколько показываетъ, что здѣсь авторъ 'Αθ. Пол. молча направляетъ Исократа.

'Αθ. Пол., 16:

καὶ τοῖς ἀπόροις προεδάναζε χρήματα πρὸς τὰς ἐργασίας, ὥστε διατρέφεσθαι γεωργοῦντας. τοῦτο δ' ἐποίει δυοῖν χάριν, ἵνα μήτε ἐν τῷ ᾧ στείε διατρίβωσιν ἀλλὰ διεσπαρμένοι κατὰ τὴν χώραν, καὶ ὅπως εὐποροῦντες τῶν μετρίων καὶ πρὸς τοῖς ἰδίοις ὄντες μήτ' ἐπιθυμῶσι μήτε σχολάζωσιν ἐπιμελεῖσθαι τῶν κοινῶν. ἅμα δὲ συνέβαιεν αὐτῷ καὶ τὰς προσόδους γίγνεσθαι μείζους ἐξεργαζομένης τῆς χώρας...

См. Ксил., стр. 81 сл., 90—91.

'Αθ. Пол., гл. 20:

ὁ Κλεισθένης προσηγάγετο τὸν δῆμον, ἀποδίδους τῷ πλῑθει τὴν πολιτείαν.

гл. 22: τούτων δὲ γενομένων δημοτικωτέρα πολὺ τῆς Σόλωνος ἐγένετο ἡ πολιτεία.

Ср. κ' гл. 41: ἡ Κλεισθένης, δημοτικωτέρα τῆς Σόλωνος.

олигарховъ 411 г. Клисеева конституція была πάτριος πολιτεία, не демократическая, а близкая къ Солоновой ¹⁾; по словамъ Исократъ, „ту демократію“, которую онъ восхваляетъ въ своемъ „Арсонагитикѣ“. „учредилъ Солонъ и опять сызнова установилъ Клисеевъ“. А къ извѣстію Аристотеля (гл. 19) о томъ, что постройка Дельфійскаго храма доставила алкмеонидамъ средства для изгнанія тиранновъ, ближе стоитъ свидѣтельство Исократъ ²⁾, по которому Клисеевъ убѣждалъ амфиктіоновъ дать ему въ займы храмовыя деньги, нежели извѣстное свидѣтельство Геродота: по крайней мѣрѣ, и у Исократъ Клисеевъ въ своихъ отношеніяхъ къ Дельфамъ является тоже не въ столь ужъ благопріятномъ свѣтѣ: онъ не обнаруживаетъ щедрости по отношенію къ храму (какъ у Геродота), а напротивъ пользуется храмовыми деньгами.

Можно сопоставить также слова Аристотеля и Исократъ о началѣ афинской гегемоніи ³⁾ и отмѣтить у того и у другаго перѣдкое употребленіе глагола παρέρειν по отношенію къ усиливающемуся демосу ⁴⁾. Самые взгляды ихъ перѣдко совпадаютъ какъ нельзя болѣе: и Аристотель, и Исократъ, на примѣръ, въ рѣчи „О мирѣ“ (отступая отъ того, что говорилъ онъ раньше въ „Панегрикѣ“) видятъ въ разви-

¹⁾ 'Αθ. Πολ., 29: τοὺς πατρίους νόμους οὓς Κλεισθένης ἔθηκεν ὅτε καθίστη τὴν δημοκρατίαν, ...ὥς οὐ δημοτικὴν, ἀλλὰ παραπλησίαν οὖσαν τὴν Κλεισθένους πολιτείαν τῇ Σόωνος. *Blass*, Die att. Beredsamkeit³, I, 2, 306, n. 3; *Sandys*, p. 118.

²⁾ *Isocrat.*, De perm., § 232:

Κλεισθένης.... λόγῳ πάσας τοὺς Ἀμφικτυόνας δανείσαι τῶν τοῦ θεοῦ χρημάτων αὐτῶν....

ε

³⁾ *Isocr.*, Paneg., § 72:

τὴν ἀρχὴν τῆς θαλάττης ἔλαβον, δόντων μὲν τῶν ἄλλων Ἑλλήνων, οὐκ ἀμφισβητούντων δὲ τῶν νῦν ἡμᾶς ἀφαιρεῖσθαι ζητούντων.

Ср. и *Areop.*, § 17: πολλὰ καὶ καλὰ διαπραξάμενοι καὶ παρὰ πᾶσιν ἀνθρώποις εὐδοκίμησαντες, παρ' ἐχόντων τῶν Ἑλλήνων τὴν ἡγεμονίαν ἔλαβον, и *De reso.*, § 30: παρ' ἐχόντων τῶν Ἑλλήνων τὴν ἡγεμονίαν ἐλάβομεν.

Здѣсь ἐχόντων у Исократъ не противорѣчить ἀπόντων у Аристотеля: первое относится не къ Спартѣ, а къ эллинамъ вообще или къ „союзникамъ“; второе же—къ лакедемонянамъ (ср. и *Sandys*, p. 93).

⁴⁾ См., на примѣръ, *Isocr.*, *Areop.*, § 8 sq.; *Panath.*, § 138, и Ἀθην. ἰων Πολιτεία, 22, 24, 27, 40.

тін воїнскаго морскаго могущества начало и причину зла, извращенія прежней демократіи ¹⁾, и оба сочувственно отзываются о порѣ преобладанія и могущества ареопага, замѣчая, что афиняне имѣли тогда хорошее правленіе и прославились среди эллиновъ ²⁾. А отзывъ Аристотеля о демагогахъ, начиная съ Клеофона, и о Θераментѣ напоминаетъ слова Исократъ въ Panath., §§ 132—133 ³⁾. Есть доля

¹⁾ *Isocr.*, De pace, § 64: ἐγὼ γὰρ ἡγοῦμαι καὶ τὴν πόλιν ἡμᾶς ἄμεινον οἰκῆσιν καὶ βελτίους αὐτοὺς ἔσεσθαι καὶ πρὸς ἀπάσας τὰς πράξεις ἐπιδύσειν, ἣν παυσόμεθα τῆς ἀρχῆς τῆς κατὰ θάλατταν ἐπιθυμοῦντες. αὕτη γὰρ ἐστὶν ἡ καὶ νῦν εἰς ταραχὴν ἡμᾶς καθιστάσα, καὶ τὴν δημοκρατίαν ἐκείνην καταλύσασα μεθ' ἧς οἱ πρόγονοι ζῶντες εὐδαιμονίστατοι τῶν Ἑλλήνων ἦσαν, καὶ σχεδὸν ἀπάντων αἰτία τῶν κακῶν ὧν αὐτοὶ τ' ἔχομεν καὶ τοῖς ἄλλοις παρέχομεν. Ср. 'Аθ. Пол., наприимѣръ, гл. 24.

²⁾ Ср. *Isocr.*, Агѳор., § 17 (цѣлпр. было выше), § 55; Panath., §§ 151 — 152 (ὅτι καὶ τὴν πολιτείαν εἶχον ἡμῶν οἱ πρόγονοι βελτίω τῶν ἄλλων καὶ σωφρονεστέραν, καὶ προστάταις καὶ συμβούλοις ἐχρῶντο τοιοῦτοις οἷσις χρῆ τοὺς εὐ φρονούντας..... οἱ πρόγονοι..... τῶν τε βελβάρων περιεγέροντο καὶ παρὰ τοῖς Ἑλλήσιν εὐδοκίμησαν); De pace, § 77 (ἀντί μὲν τῆς πολιτείας τῆς παρὰ πᾶσιν εὐδοκιμούσης ἐπὶ τοιαύτῃ ἀκολασίαν ἡ δύναμις ἡμᾶς αὕτη προήγαγεν, ἣν οὐδαίς ἀν ἀνθρώπων ἐπαινέσειαν). Ср. 'Аθ. Пол., гл. 23 (цѣпировано выше, особенно парὰ τοῖς Ἑλλήσιν εὐδοκμήσαι.....).

³⁾ *Isocr.*, Panath., §§ 132—133:

ἐγὼ δὲ φημί τὰς μὲν ιδέας τῶν πολιτειῶν τρεῖς εἶναι μόνας, ὀλιγαρχίαν, δημοκρατίαν, μοναρχίαν, τῶν δ' ἐν ταύταις οἰκούντων ὅσοι μὲν εἰώθασιν ἐπὶ τὰς ἀρχὰς καθιστάνει καὶ τὰς ἄλλας πράξεις τοὺς ἰκανωτάτους τῶν πολιτῶν καὶ τοὺς μέλλοντας ἄριστα καὶ δικαιοῦτα τῶν πραγμάτων ἐπιστατήσιν, τοὺς μὲν ἐν ἀπάσαις τῇς πολιτεῖαις καλῶς οἰκῆσιν καὶ πρὸς σφᾶς αὐτοὺς καὶ πρὸς τοὺς ἄλλους· τοὺς δὲ τοῖς θρασυτάτοις καὶ πονηροτάτοις ἐπὶ ταῦτα χρωμένους, καὶ τῶν μὲν τῇ πόλει συμφερόντων μηδὲν φροντίζουσιν, ὑπὲρ δὲ τῆς αὐτῶν πλεονεξίας ἐτοιμοὶ οὖσιν ὑτιοῦν πιάσειν, τὰς δὲ τούτων πόλεις ὁμοίως οἰκῆσθαι ταῖς τῶν προεστώτων πονηρίαις· τοὺς δὲ μὴ' οὕτω μὴ' ὥς πρότερον εἶπον, ἀλλ' ὅταν μὲν θαρρόωσι, τούτους μάλιστα τιμῶντας, τοὺς πρὸς χάριν λέγοντας, ὅταν δὲ δείσωσιν, ἐπὶ τοὺς βελτίστους καὶ φρονιμωτάτους καταφεύγοντας, τοὺς δὲ τοιοῦτους ἐναλλάξ τοτὶ μὲν χεῖρον τοτὶ δὲ βέλτιον πράττειν.

'Аθ. Пол., 28:

ἀπὸ δὲ Κλεοφώντος ἤδη διεδέχοντο συνεχῶς τὴν δημαγωγίαν οἱ μάλιστα βουλόμενοι θρασύνεσθαι καὶ χαρίζεσθαι τοῖς πολλοῖς πρὸς τὸ παραυτίκα βλέποντες .
δυνάμενος πολιτεύεσθαι κατὰ πάσας (подразум.—τὰς πολιτείας), ὅπερ ἐστὶν ἀγαθὸν πολίτου ἔργον.

сходства и тамъ, гдѣ говорится о потеряхъ аѳинянъ въ войнахъ середины V вѣка ¹⁾)

Свидѣтельство Аристотеля въ 34 гл. 'Αθηναίων Πολιτεία о различныхъ партіяхъ и ихъ программахъ по содержанию можно сравнить съ тѣмъ, что говоритъ Исократъ о противоположности стремленій демократовъ и олигарховъ по окончаніи Пелопонесской войны ²⁾). Объ установленіи Тридцати на основаніи *исефизмы* упоминаетъ и Исократъ ³⁾), но не приводитъ имени лица, внесшаго *исефизму*. Число казненныхъ при Тридцати у Аристотеля и Исократа показано одинаковое ⁴⁾).

Кромѣ Аристотеля, у одного только Исократа находимъ упоминаніе о Ринонѣ, членѣ коллегіи десяти (Adv. Callim., § 6 [и 8?]). То, что сообщаетъ Аристотель объ Архинѣ и о примирительномъ образѣ дѣйствій демократовъ послѣ побѣды надъ олигархами, согласуется съ свидѣтельствомъ Исократа ⁵⁾); но изложеніе Аристотеля подробнѣе и, такъ сказать, документальнѣе.

¹⁾ *Isocr.*, De pace, § 87:

τοὺς κατὰ χιλίους καὶ δις χιλίους ἀποθνήσκοντας τίς ἂν ἐξαριθμῆσαιεν.

²⁾ *Isocr.*, Ageor., § 64:

τοὺς μὲν δημοτικοὺς καλούμενους ἐτοίμους ὄντας ὅτι οὖν πάσχειν ὑπὲρ τοῦ μὴ ποιεῖν τὸ προσταττόμενον, καὶ δεινὸν ἡγούμενους εἰ τις ὄψεται τὴν πόλιν τὴν τῶν Ἑλλήνων ἄρξασαν, καὶ τὴν ὅψ' ἐτέροις οὖσαν, τοὺς δὲ τῆς ὀλιγαρχίας ἐπιθυμήσαντας ἐτοίμως καὶ τὰ τεῖχη καθαίρουντας καὶ τὴν δουλείαν ὑπομένοντας.

³⁾ *Isocr.*, Ageor., § 67 (οἱ μὲν γὰρ ψήφισματι παραλθόντες τὴν πόλιν...) и *Arist.* 'Αθ. Пол., 34.

⁴⁾ *Isocr.*, l. c., πεντακοσίους μὲν καὶ χιλίους τῶν πολιτῶν ἀπείχεσθαι, и 'Αθ. Пол., 35: οὐκ ἐλάττους ἀντρήκεσαν ἢ χιλίους πεντακοσίους.

⁵⁾ Объ Архинѣ—см. *Isocr.*, Adv. Callim., §§ 2—3: ἐπειδὴ γὰρ ἐκ Πειραιῶς κατελθόντες ἐνίοις ἐωρᾶτε τῶν πολιτῶν συκοφαντεῖν ὠμωμένους καὶ τὰς συνθήκας λύει: ἐπιχειροῦντας, βουλόμενοι τούτους τε παῦσαι καὶ τοῖς ἄλλοις ἐπιδειξαι ὅτι οὐκ ἀναγκασθέντες ἐποιήσασθε αὐτάς, ἀλλ' ἡγούμενοι τῇ πόλει συμφέρειν, εἰπόντος 'Αρχίνου νόμον εἶσαθε. ἂν τις δικάζηται παρὰ τοὺς ὅρκους, ἐξεῖναι τῷ φεύγοντι παραγράφασθαι,..... ὁπότερος δ' ἂν ἡττηθῇ, τὴν ἐπωβελίαν ὀφείλειν, ἵν' οἱ τολμῶντες μνησικαχεῖν μὴ μόνον ἐπιποκοῦντες ἐξελέγχοντο μᾶλλον τὴν παρὰ τῶν θεῶν τιμωρίαν ὑπομένουσιν, ἀλλὰ καὶ παραγμήμα ζημοῖντο. Ср. 'Αθ. Пол., 39 (ναпримѣръ, τῶν δὲ παρεληλυθόντων μηδενὶ πρὸς μηδὲνα μνησικαχεῖν ἐξεῖναι) и 40 (ναпримѣръ, ἐπεὶ τις ἤρξατο τῶν κατεληλυθόντων μνησικαχεῖν, ἀκαταγών (подразумѣвается 'Αρχίνος) τοῦτον ἐπὶ τὴν βουλὴν καὶ πείρας ἀκριτον ἀπο-

'Αθ. Пол., 26:

αἰεὶ συνέβαιναν τῶν ἐξόντων ἀνὰ δις χιλίους ἢ τρις χιλίους ἀπόλλυσθαι.

'Αθ. Пол., 26:

οἱ μὲν δημοτικοὶ διασφίεν ἐπειρῶντο τὸν δῆμον, τῶν δὲ γνωρίμων οἱ μὲν ἐν ταῖς ἐταιρείαις ὄντες καὶ τῶν φυγάδων οἱ μετὰ τὴν εἰρήνην κατελθόντες ὀλιγαρχίας ἐπεθύμουν, οἱ δ' ἐν ἐταιρείᾳ μὲν οὐδεμίᾳ συγκαθεστῶτες ἄλλως δὲ δοκοῦντες οὐδενός ἐπιδείκασθαι τῶν πολιτῶν τὴν πάτριον πολιτείαν ἐζήτουν.

Изъ представленныхъ параллелей, конечно, далеко не всѣ достаточно ярки и убѣдительны ¹⁾; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ близость Аристотеля къ Исократу дѣйствительно бросается въ глаза. Таковы, напримѣръ, замѣчанія объ ареопагѣ, о древнемъ строѣ и его упадкѣ, о гегемоніи и проч. Но ораторъ-публицистъ даетъ самыя общія характеристики; его свидѣтельства часто неточны, сбивчивы и противорѣчивы, тѣмъ болѣе, что свои взгляды и убѣжденія онъ мѣнялъ. Исократъ не различаетъ и смѣшиваетъ эпохи, отождествляетъ Солонову и Клисеенову конституцію, черты, характеризующія правленіе Писистрата, переноситъ на демократію Солона и т. д. Аристотель же различаетъ періоды; его изложеніе въ общемъ гораздо болѣе точное и опредѣленное, болѣе обстоятельное и фактическое, и немногое могъ онъ почерпнуть непосредственно у Исократа: скорѣе же онъ пользовался не разъ тѣми же источниками, что и послѣдній ²⁾. Но, какъ это доказываетъ и его „Риторика“, Аристотель, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ съ столь извѣстными и распространенными произведе-

κτείνειν, λέγων ὅτι νῦν δείξουσιν εἰ βούλονται τὴν δημοκρατίαν σφῆζειν καὶ τοῖς ὄρκοις ἐμμένειν· ἀφέντας μὲν γὰρ τοῦτον προτρέψειν καὶ τοὺς ἄλλους, εἰάν δ' ἀνέλωσιν παράδειγμα ποιήσαςιν.....

Объ исполненіи договора ср.

Isocr., Areop., § 68:

ὁ δὲ πάντων κάλλιστον καὶ μέγιστον τεκμήριον τῆς ἐπικειρίας τοῦ δήμου· θανατισμένων γὰρ τῶν ἐν ᾧσται μαινάντων ἑκατὸν τάλαντα παρὰ Λακεδαιμονίων εἰς τὴν πολιορκίαν τῶν τῶν Πειραιᾶ κατατρώοντων, ἐκκλησίαις γενομένης περὶ ἀποδόσεως τῶν χρημάτων, καὶ λεγόντων πολλῶν ὡς δίκαιόν ἐστι διαλύειν τὰ πρὸς Λακεδαιμονίους μὴ τοὺς πολιορκουμένους, ἀλλὰ τοὺς θανατισμένους, ἔδοξε τῷ δήμῳ κοινῇ ποιήσασθαι τὴν ἀπόδοσιν.

Ἀθ. Πολ., 40:

ἀλλὰ δοκῶσιν κάλλιστα δὴ καὶ πολιτικώτατα ἀπάντων καὶ ἰδίᾳ καὶ κοινῇ χρῆσθαι ταῖς προγεγενημέναις συμφοραῖς· οὐ γὰρ μόνον τὰς περὶ τῶν προτέρων αἰτίας ἐξήλειψαν, ἀλλὰ καὶ τὰ χρήματα Λακεδαιμονίους, ἃ οἱ τριάκοντα πρὸς τὸν πόλεμον ἔλαβον, ἀπέδοσαν κοινῇ, κλειυουσῶν τῶν συνθηκῶν ἑκατέρους ἀποδιδόναι χωρὶς, τοὺς τ' ἐκ τοῦ ἄστεως καὶ τοὺς ἐκ τοῦ Πειραιῶς, ἡγούμενοι τοῦτο πρῶτον ἄρχαι δεῖν τῆς ὁμονοίας.

¹⁾ Къ числу такихъ можно отнести еще слѣдующее указаніе. Есть мнѣніе, что Аристотель, говоря въ 23 гл. объ Аристидѣ, какъ совѣтникѣ, иThemistocлѣ, какъ полководцѣ (ὁ μὲν τὰ πολεμικὰ δοκῶν, ὁ δὲ τὰ πολιτικὰ δεινός εἵναι), имѣлъ въ виду Исократовы слова, De pace, § 54—55 (τοσοῦτον δὲ διαφέρομεν τῶν προγόνων, ὅσον ἐκείνοι μὲν τοὺς αὐτοὺς προστάτας τε τῆς πόλεως ἐποιοῦντο καὶ στρατηγούς ἡρῶντο, νομίζοντες τὸν ἐπὶ τοῦ βήματος τὰ βέλτεστα συμβουλευσάι δυνάμενον, τὸν αὐτὸν τοῦτον ἄριστ' ἂν βουλευτάσθαι καὶ καθ' αὐτὸν γινόμενον, ἡμεῖς δὲ τοῦναντίον τούτων ποιούμεν....) и Panath., § 143 (гдѣ почти буквально повторяются только-что приведенныя слова).

²⁾ Ср. Keil, напримѣръ, стр. 90 сл.; Heller, p. 10—11, 35.

ніями, какъ рѣчи Исократѣ, и въ своемъ изложеніи исторіи аѳинской политикѣ иногда имѣлъ ихъ въ виду, то косвенно опровергая, то пополняя свидѣтельства Исократѣ. Ихъ вражда и соперничество не служили тутъ препятствіемъ, подобно тому, какъ не мѣшали они Аристотелю въ „Риторикѣ“ приводить примѣры изъ Исократѣ ¹⁾).

Отдѣльныя точки соприкосновенія найдутся у Аристотелѣ и съ другими ораторами: *Андокидомъ*, *Лисіемъ*, *Эсхиномъ*, *Демосфеномъ*. Но, по крайней мѣрѣ, въ первой части трактата онѣ такъ отрывочны и незначительны или обнаруживаются въ такихъ случаяхъ, что едва ли можно сдѣлать какой либо выводъ: это—или упоминаніе объ однихъ и тѣхъ же личностяхъ и объ однихъ и тѣхъ же фактахъ ²⁾, болѣе

¹⁾ Zeller, II, 2, 18, прим.

²⁾ Солонъ и у Демосфенѣ (De согопа, § 6)—*δημοτικός*. Подобно Исократу, и Демосфенъ сообщаетъ, что Аѳимониды освободили Аѳины отъ тиранин, занявъ деньги въ Дельфахъ (in Mid. § 144); слѣдовательно, и къ его сообщенію слова Аристотелѣ въ 'Αθηναίων Πολιτεία стоятъ ближе, нежели къ версіи Геродота. Но Демосфену тоже выходитъ, что начало аѳинской гегемоніи относится въ 478 г. (Phil., III, § 23; аѳиняне, по его словамъ, стояли во главѣ Греціи 78 года; по 'Αθηναίων Πολιτεία, начало союза—въ архонтство Тимосфенѣ, гл. 23). То число всадниковъ, которое приводитъ 'Αθηναίων Πολιτεία въ гл. 24, приводитъ и *Андокидъ*, De расе, § 7 (ср. буквально тѣ же слова, въ нѣсколько другомъ только порядкѣ,—у *Эсхина*, De f. leg., § 174). Клеофонъ какъ у Аристотелѣ (гл. 28), такъ и у Андокида (De mist., § 146) и у Эсхина (De f. leg., § 76) называется *ὁ λιποπόιος*. Эсхинъ упоминаетъ и о томъ, что Клеофонъ разиратилъ аѳинянитъ раздачей денегъ (ср. сообщеніе 'Αθηναίων Πολιτεία, гл. 28, о введеніи имъ „диобелия“) и что онъ противился миру съ лакедемонянами (съ этимъ можно сопоставить сообщеніе 'Αθηναίων Πολιτεία въ гл. 34); но Эсхинъ приурочиваетъ это ко времени послѣ битвы при Эгостъ-Потамосѣ, а Аристотелъ—ко времени послѣ Аргинусскаго сраженія; объ условіяхъ оба автора говорятъ разнѣчно; есть различіе и въ пикантныхъ подробностяхъ: у Аристотелѣ Клеофонъ является въ народное собраніе въ панцирѣ и въ нетрезвомъ видѣ; а Эсхинъ передаетъ, что Клеофонъ грозилъ отрубить голову тому, кто упомянетъ о мѣрѣ. О томъ, что неспроверженію демократіи способствуетъ отиѳна *γραφὴ παρνύρων*, ср. *Aesch.* in Ctes., § 191 (ср. *Demosth.*, с. Timocr., § 154). Объ очереди дѣлъ въ народномъ собраніи ср. *Aesch.*, с. Timarch., § 23, и 'Αθηναίων Πολιτεία, гл. 30. О *Θεράμενѣ*—*Λυα*, с. *Eratosth.*, § 62 sq.; объ Аристократѣ—*ibid.*, § 66 (ср. [Demosth.], с. Theocr., § 67, при чемъ эпизодъ съ Эстіонейской стѣной отнесенъ ко времени Тридцати; у Аристотелѣ объ этой стѣнѣ упоминается по поводу катастрофы *Θεράμενα* при Тридцати). О Драконтидѣ, внесеннѣ псефизму объ установленіи олигархіи, упоминаетъ и Лисіи, с. *Erat.*, § 73; онъ же говоритъ и объ участіи *Λисандра* въ этомъ дѣлѣ (с. *Erat.*, § 72 sq.; ср. с. *Agor.*, § 34). Число казенныхъ при Тридцати у Эсхина (in Ctes., § 235) показано то же, что и въ 'Αθηναίων Πολιτεία. Объ Архинѣ и *Θрасбулѣ*, о восстановленіи ими демократіи и о договорѣ

или мнѣе общеизвѣстныхъ, или цитаты изъ законовъ и договоровъ ¹⁾, или варианты ходячихъ разказовъ ²⁾. Только два мѣста у Демосфена обращаютъ на себя вниманіе своимъ сходствомъ съ словами 'Αθηναίων Πολιτεία: это—замѣчаніе о „кротости“ демоса ³⁾ и извѣстіе объ уплатѣ демократами долга спартамцамъ, сдѣланнаго олигархами ⁴⁾. Объясняется ли это простою случайностью, или тѣмъ, что Аристотель удержалъ въ памяти слова Демосфена, или тѣмъ, что тутъ въ основѣ лежитъ общій источникъ или преданіе, рѣшать не беремся; но во всякомъ случаѣ рѣчи выдающихся ораторовъ Аристотелю были извѣстны.

Аристотель и Платонъ.

Какъ ученикъ Платона, Аристотель былъ не только знакомъ съ его произведеніями, но и вообще изъ его школы могъ вынести нѣкоторыя изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщается въ своей 'Αθηναίων

говорять Андокидъ (De myst., § 81, въ особ.—§ 90 сл.), Эсхинъ (De f. leg., § 176), Демосфенъ (Adv. Lept., § 11—12; ср. с. Timocr., § 136). О томъ, что Архиппъ выступалъ съ графѣй каранѣмъ противъ Θρασυбула, упоминаетъ Эсхинъ, in Ctes., § 195. По поводу цитаты изъ Солоновыхъ законовъ въ 35 гл. 'Αθηναίων Πολιτεία, по поводу обряда обрученія басиллеса съ Діонисомъ (гл. 3), избранія βασιλεύς'а изъ προκρίτων и Тезея—можно было бы сравнить Demosth., in Steph., § 14 и in Neacr., §§ 75—76; но подлинность этихъ рѣчей заподозрѣна.

¹⁾ Напримѣръ, условія мира между демократами и олигархами—'Αθηναίων Πολιτεία, гл. 39, и Andoc., De myst., § 90 sq.

²⁾ Напримѣръ, о Клеофонѣ—'Αθηναίων Πολιτεία, 34 и Aesch., De f. leg., § 76.

³⁾ Demosth., с. Timocr., § 51: ἤδει τὴν φιανθρωπίαν καὶ τὴν πρωτότητα τὴν ὁμότεραν, и 'Αθηναίων Πολιτεία, § 22: χρώμενοι τῇ εἰσθυίᾳ τοῦ δήμου πρωτότητι.

⁴⁾ Demosth., adv. Lept., § 11—12.

λέγονται χρήματ' οἱ τριάκοντα δανείσασθαι παρὰ Λακεδαιμονίων ἐπὶ τοὺς ἐν Πειραιεῖ. ἐπειδὴ δ' ἡ πόλις εἰς ἐν ἦλθε καὶ τὰ πράγματ' ἐκεῖνα κατέστη, πρίσβεις πέμψαντες οἱ Λακεδαιμόνιοι τὰ χρήματα ταῦτ' ἀπ' αὐτῶν. λόγων δὲ γιγνομένων, καὶ τῶν μὲν τοὺς δανεισθέντας ἀποδοῦναι κελεύοντων, τοὺς ἐξ ἄστεως, τῶν δὲ τοῦτο πρῶτον ὑπάρχειν τῆς ὁμονομίας σημείον ἀξιούντων, κοινῇ διαλῦσαι τὰ χρήματα, παῖσι τὸν δῆμον ἐλεῖσθαι συνεισνεγκεῖν αὐτὸν καὶ μετασχεῖν τῆς δαπάνης, ὥστε μὴ λύσαι τῶν ὁμολογημένων μηδέν.

'Αθ. Πολ., гл. 40:

καὶ τὰ χρήματα Λακεδαιμονίοις, ἃ οἱ τριάκοντα πρὸς τὸν πόλεμον ἔλαβον, ἀπέδοσαν κοινῇ, κελευουσῶν τῶν συνθηκῶν ἐκότερους ἀποδιδόναι χωρὶς, τοὺς τ' ἐκ τοῦ ἄστεως καὶ τοὺς ἐκ τοῦ Πειραιέως, ἡγούμενοι τοῦτο πρῶτον ἀρχεῖν δεῖν τῆς ὁμονομίας.

Πολίτεια. Такъ, въ 27 главѣ Аристотель передастъ, что „Периклъ первый установилъ плату дикастамъ“, отчего, по миѣнiю нѣкоторыхъ, составъ судей сдѣлался хуже; а подобное обвиненiе мы встрѣчаемъ именно у Платона, въ „Горгіѣ“, гдѣ говорится, что Периклъ развратилъ афинитъ, первый введя плату ¹⁾. Напомнимъ еще объ одномъ интересномъ совпадении, котораго намъ приходится касаться въ предыдущихъ статьяхъ: и у Аристотеля, и у Платона мы встрѣчаемъ одну и ту же на первый взглядъ грубую ошибку — сообщенiе о смертномъ приговорѣ будто бы надъ всѣми 10 стратегами, участвовавшими въ битвѣ при Аргинусахъ. И замѣчательно, что и въ

¹⁾ Plat., Gorg., 515e:

...λέγονται Ἀθηναῖοι διὰ Περικλέα βελτίους γεγονέναι, ἢ πᾶν τούναντιον διαφθάρῃαι ὅπ' ἐκείνου. ταυτὶ γὰρ ἔγωγ' ἀκούω, Περικλέα πεποιθέναι Ἀθηναίους ἀργούς καὶ δειλοὺς καὶ λάλους καὶ φιλαργύρους εἰς μισθοφορίαν πρῶτον καταστήσαντα.

Ср. также 519a:

ἔταν οὖν ἔλθῃ ἡ καταβολὴ αὐτῇ τῆς ἀσθενείας, τοὺς τότε παρόντας αἰτιάσονται συμβούλους, Θεμιστοκλέα δὲ καὶ Κίμωνα καὶ Περικλέα ἐγκωμιάσουσι, τοὺς αἰτίους τῶν κακῶν.

'Αθ. Πολ., 27:

ἵποίησε δὲ καὶ μισθοφόρα τὰ δικαστήρια Περικλῆς πρῶτος . . .
κατεσκεύασε μισθοφορὰν τοῖς δικασταῖς· ἀφ' ὧν αἰτιῶνται τινες χεῖρους γενέσθαι.

Сравни. еще Gorg., 515e: τὸ μὲν πρῶτον ἡδονήκει Περικλῆς, и 'Αθ. Πολ., 27: Περικλέους, καὶ πρῶτον εὐδοκίμησαντος. Кейль (Die Sol. Verf., 218 — 220) видитъ у Аристотеля *преднамеренную* полемику противъ высказаннаго въ „Горгіѣ“ взгляда въ томъ, что въ то время, какъ Платонъ осуждаетъ, какъ халхисъ, на первомъ планѣ Перикла, потомъ Кимона, Мильтиада, Θεμιστοκλέα, — Аристотель исключаетъ Мильтиада и Кимона изъ ряда демократовъ, а въ замѣтъ ихъ называетъ Эфиальта и Аристиду, при чемъ послѣдняго, — единственнаго государственнаго дѣятеля, коему въ „Горгіѣ“ воздана хвала, — онъ особенно чернитъ, а о Периклѣ, наиболѣе осуждаемомъ въ Платоновомъ діалогѣ, отзывается сравнительно мягко. Еще яснѣе, по словамъ Кейля, обнаруживается полемика въ другомъ пунктѣ: у Платона „нынѣшніе“ (οἱ οὖν) государственные дѣятели суть непосредственные или посредственные преемники Перикла; а Аристотель говоритъ прямо, что дѣятели демократіи до Перикла (выключительно) были лучше; только уже послѣ Перикла являются демагоги, портящие все. Характеристичны, заключающимися въ словахъ Аристотеля: οἱ μάλιστα βουλόμενοι θρασύνεσθαι καὶ χαρίζεσθαι τοῖς πολλοῖς, πρὸς τὰ παραυτίκα βέβηκτες, Платономъ могли бы быть приурочены къ Периклу, Мильтиаду, Кимону и Θεμιστοκλέу; у Аристотеля же она относится къ Клеофону, Калликрату и имъ подобнымъ. Разницы и противоположности точекъ зрѣнія здѣсь дѣйствительно нельзя отрицать; но *преднамеренной* полемики со стороны Аристотеля въ данномъ случаѣ могло и не быть.

Псевдо-Платоновомъ діалогѣ „Аксиохъ“ повторяется та же ошибка ¹⁾). Можно, пожалуй, подумать, что такова была традиція или версія Платоновой школы.

Изъ этой школы Аристотель могъ вынести и, напримѣръ, свѣдѣнія, касающіяся личности Гиппарха и его отношеній къ Анакреону и Симониду ²⁾). По крайней мѣрѣ, характеристика Гиппарха въ 'Αθηναίων Πολιτεία (гл. 18) сходна съ тою, которая находится въ діалогѣ „Гиппархъ“, принадлежащемъ если и не самому Платону, то все-таки лицу, близко стоявшему къ его школѣ. 'Αθηναίων Πολιτεία называетъ Гиппарха, между прочимъ, φιλόμουσος; и въ упомянутомъ діалогѣ онъ изображается покровителемъ просвѣщенія, воспитывающимъ гражданъ, поклонникомъ и другомъ поэтовъ ³⁾). Какъ по 'Αθηναίων Πολιτεία, такъ и по діалогу, онъ призываетъ въ Афины Анакреона и Симонида ⁴⁾). Далѣе, въ 'Αθηναίων Πολιτεία сказано, что сестра Гармодія, была устранена отъ участія въ процессѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что Гармодій былъ безправственнымъ, μαλακός; и въ діалогѣ отбѣнены любовныя отношенія Гармодія (229с). Но есть, впрочемъ, и разница: Гиппархъ въ діалогѣ называется старшимъ, πρεσβύτατος; поводомъ къ заговору выставляется не оскорбленіе сестры Гармодія, а антагонизмъ между Аристогитомъ и Гиппархомъ въ дѣлѣ воснітанія челоѣка (229с—d). Наконецъ, отзывъ о тиранніи, какъ о золотомъ вѣкѣ, встрѣчается и въ 'Αθηναίων Πολιτεία, и въ діалогѣ ⁵⁾, съ тою, однако, разницею, что у Аристотеля такой

¹⁾ Plat., Apol. Socr., 32b:

'Αθ. Πολ., 34:

Ps.-Plat., Axioch., 368d—e:

ὡμεῖς τοὺς δέκα στρατηγούς τοὺς δέκα στρατηγούς ποῦ δὲ πρῶν οἱ δέκα στρατηγούς τοὺς οὐκ ἀνελομένους τοὺς τῇ ναυμαχίᾳ νικῶντας τηγροῖ; κατεχειροτόνητοὺς ἐκ τῆς ναυμαχίας ἐβού- συνέβη κριθῆναι μιᾷ χειροτο-σαν τῶν ἀνδρῶν ἀκριτον θάλασθ' ἀθροούς κρίνεν... νίξ πάντας. νατον.

²⁾ Heller, p. 18; Wilamowitz, I, 118—120; ср. М. М. Покровскій, „Этюдъ“, стр. 24 сл.

³⁾ Ср. Ps.-Plat., Hipp., 228b—229a, и 'Αθ. Πολ., гл. 18.

⁴⁾ Ps.-Plat., Hipp., 228с:

'Αθ. Πολ., 18:

καὶ ἐπ' Ἀνακρέοντα τὸν Τήϊον πεντηκόντορον στείλας ἐκόμιζαν εἰς τὴν πόλιν Σιμωνίδην δὲ τὸν Κεῖον αἰεὶ περὶ αὐτὸν εἶχε. μεγάλους μισθοῖς καὶ ἡσροῖς πείθων.

καὶ τοὺς περὶ Ἀνακρέοντα καὶ Σιμωνίδην καὶ τοὺς ἄλλους ποιητὰς οὗτος ἦν ὁ μεταπεμπόμενος.

⁵⁾ Ps.-Plat., Hipp., 229b: ἐγγύς τι ἐζῶν Ἀθηναῖοι, ὥσπερ ἐπὶ Κρόνου βασιλεύοντος, и 'Αθ. Πολ., гл. 16: διὸ καὶ πολλὰκις ἐθρωλλεῖτο, ὡς ἡ Πεισιστратου τυραννίς ὁ ἐπὶ Κρόνου βίος εἶη.

отзывъ относится къ тиранніи лишь Писистрата, а правленіе его сыновей называется болѣе суровымъ ¹⁾; авторъ же діалога относитъ этотъ отзывъ ко всему періоду тиранніи, исключая только послѣдніе три года ея, когда послѣ гибели Гиппарха одинъ Гиппій оставался тиранномъ въ Афинахъ ²⁾. Впрочемъ, эта разница, которой Гяльбертъ и Виламовицъ придають значеніе, теряетъ силу въ виду того, что самъ Аристотель далѣе какъ бы противорѣчитъ себѣ, говоря о сыновьяхъ Писистрата: *προφύγοντες τὰ πρῶτα τὸν αὐτὸν.... τρόπον* ³⁾, (то-есть, какъ и ихъ отецъ).

Занимствовалъ ли Аристотель что либо непосредственно изъ діалога „Гиппархъ“, — сомнительно, въ виду значительной разницы въ подробностяхъ, тѣмъ болѣе, что дата послѣдняго намъ неизвѣстна, и мы не можемъ даже сказать положительно, что діалогъ этотъ появился раньше трактата Аристотеля ⁴⁾. Но у нихъ могъ быть одинъ источникъ—общее преданіе, свѣдѣнія, распространенныя въ школѣ Платона ⁵⁾.

Отыскать наконецъ, что и въ названномъ уже раньше Псевдо-Платоновомъ діалогѣ: „Аксиохъ“, есть также совпаденія съ дошедшею до насъ Ἀθηναίων Πολιτεία. О сообщеніи касательно осужденія всѣхъ 10 стратеговъ послѣ Аргинусской побѣды мы уже говорили: затѣмъ, Дракона авторъ діалога считаетъ, повидимому, политическимъ реформаторомъ; по крайней мѣрѣ, „политія Дракона“ упоминается наряду съ „политіей Клизмена“ ⁶⁾. Упоминается о „софронии-

¹⁾ συνέβη γὰρ ὑστερον διαδεξιμένων (по другому чтенію — K.-W., H.-L., K. ³— διὰ τὴν ὕβριν) τῶν υἱῶν πολλῶ γενέσθαι τραυτέρων τὴν ἀρχήν (гл. 16).

²⁾ οὐ (Ἰππάρχου) καὶ ἀποθανόντος τριῖ ἔτη ἑταρῶν αὐτῶν ἑταρῶν Ἀθηναίων ὑπὸ τὰς αὐτῶν ἡγεμονίας. καὶ πάντων ἂν τῶν παλαιῶν ἤκουσας ὅτι ταῦτα μόνον τὰ ἔτη τυραννίς ἐγένετο ἐν Ἀθήναις, τὸν δ' ἄλλον χρόνον ἐγγὺς τῷ..... (Слѣдуютъ уже приведенныя слова о „Кровосовомъ вѣкѣ“). Ср. Gilbert, XXXIV, прим. 2; Wilamowitz, I, 119, прим. 30.

³⁾ Гл. 17. Въ первомъ случаѣ, то-есть, въ гл. 16, Аристотель, можетъ быть, имѣлъ въ виду послѣдніе годы тиранніи; ибо, разсказавъ объ убійеніи Гиппарха, онъ въ нач. 19 гл. повторяетъ почти тѣ же слова, что и въ 16 гл.: μετὰ δὲ ταῦτα συνέβαιεν πολλὰ τραυτέρων εἶναι τὴν τυραννίδα.

⁴⁾ Niebu (Hist. Zeitschr., 1892, стр. 48, прим. 1) здѣсь видитъ заимствованіе со стороны Аристотеля и изъ этого заимствованія изводитъ, что діалогъ — древняго происхожденія и уже былъ извѣстенъ Аристотелю. Ср., однако, Gilbert. XXXIV, прим. 2, и Wilamowitz, I, 119.

⁵⁾ Heller, p. 18.

⁶⁾ ἐπὶ τῆς Δράκοντος ἢ Κλεισθένης πολιτείας (365d). См. ст. Busolt'a, Philol., 1891, 50 Bd., S. 393; Sandys, p. 14.

стахъ" и „косметахъ" ¹⁾, о которыхъ говорится въ 42 главѣ 'Αθηναίων Πολιτεία.

Прочіе источники 'Αθηναίων Πολιτεία.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о прочихъ источникахъ первой части Аристотелева трактата. Источники эти разнообразны.

Такъ, Аристотель пользовался и *стихотвореніями*, въ особенности произведеніями *Солона* ²⁾. Изъ нихъ онъ приводитъ болѣе или менѣе обширныя выдержки, которыя занимаютъ въ его трактатѣ гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ цитаты изъ Солоновыхъ законовъ ³⁾. Въ главѣ 5 Аристотель цитируетъ начало элегии, подавшей поводъ къ избранію Солона въ архонты и законодатели, и цитатами же подтверждаетъ сообщеніе, что Солонъ по состоянію своему принадлежалъ къ среднимъ гражданамъ (*ibid.*). На произведенія же Солона ссылается Аристотель (не приводя, впрочемъ, на этотъ разъ отрывковъ) въ опроверженіе клеветъ, о которыхъ намъ уже приходилось говорить по поводу политическихъ памфлетовъ. Особенно же богата цитатами изъ Солоновыхъ стихотвореній гл. 12, почти сплошь состоящая изъ нихъ: Аристотель приводитъ выдержки въ подтвержденіе того, что Солонъ не принадлежалъ ни къ одной изъ враждовавшихъ партій, а выступилъ посредникомъ между ними; цитатами изъ его стихотвореній характеризуетъ онъ его взглядъ на различные, жгучіе для того времени, вопросы—на управленіе демосомъ, на раздѣлъ земли; самая обширная выдержка говоритъ объ освобожденіи бѣдныхъ путемъ сисахеи, а въ послѣднемъ изъ приводимыхъ Аристотелемъ отрывковъ мы имѣемъ отвѣтъ Солона на тѣ упреки, которыми съ разныхъ сторонъ подвергался великій законодатель.

Не пренебрегаетъ Аристотель и *застольными пѣснями*, и изъ нихъ онъ извлекаетъ указанія на нѣкоторые историческіе эпизоды и лица. Онъ приводитъ двѣ пѣсни: одну по поводу неудачи Алкмеонидовъ при Липсидріи (гл. 19), другую — по поводу Кедона, неудач-

¹⁾ 866d—367a.

²⁾ См. *Wilamowitz*, I, 39 сл. Уже *Опкенъ* („Die Staatslehre des Aristot.", II, 436—437, 442) предполагалъ, что Аристотель зналъ стихотворенія Солона и широко ими пользовался. Ссылка на *Гомера* въ fr. 384, повидимому, принадлежитъ не Аристотелю, а Плутарху.

³⁾ *Newman*, *Class. Rev.*, 1891, № 4, p. 163.

наго предшественника Алкмеонидовъ въ борьбѣ съ тиранией (глава 20) ¹⁾.

Археологическіе памятники, напримѣръ, статуи съ надписями, тоже служатъ источникомъ для Аристотеля. Ихъ свидѣтельства онъ иногда приводитъ въ случаѣ разногласія, какъ, напримѣръ, по поводу ценза второго класса, ἰππᾶς, онъ упоминаетъ о принесенномъ въ даръ богамъ нѣкимъ Аноеміономъ изображеніи коня и цитируетъ находившуюся на этомъ изображеніи надпись (гл. 7), хотя нужно замѣтить, что онъ приводитъ это со словъ другихъ (στίματον δὲ φέρουσι....).

О томъ, что Аристотель пользовался личными наблюденіями надъ современными ему порядками и обычаями и такъ называемыми „переживаниями“, какъ источникомъ для исторіи прошлаго, мы уже говорили въ прежнихъ статьяхъ, гдѣ приводили и примѣры подобныхъ заключеній отъ настоящаго къ далекому прошедшему. Здѣсь замѣтимъ только, что не всѣ такія заключенія принадлежатъ самому Аристотелю: нѣкоторыя уже имѣлись въ тѣхъ источникахъ, которыми онъ пользовался, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ; напримѣръ, относительно начала архонтата онъ говоритъ: ἔμοι δ' ἐκὶ Ἀχάστου φασὶ γενέσθαι τὴν ἀρχὴν στίματον δ' ἐκίφερουσιν... ..

Наконецъ, источникомъ для Аристотеля, даже для нѣкоторыхъ изъ тѣхъ сообщеній, которыхъ намъ приходилось касаться уже выше, могла служить просто *устная традиція*—ходячіе разказы и версія, анекдоты и т. под., распространенные въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ и представлявшие собою нѣчто общезвѣстное, происхожденіе котораго даже не поддается точному опредѣленію.

Что касается отношенія Аристотеля къ источникамъ, его приѣмовъ при пользованіи ими, то они достаточно выясняются изъ предыдущаго. Можно лишь повторить тѣ замѣчанія, которыя были сдѣланы по поводу отношенія Аристотеля къ „отцу исторіи“, и выводы, къ которымъ приводитъ сличеніе Ἀθηναίων Πολιτεία съ Геродотомъ, Фукидидомъ и т. д., можно съ полнымъ основаніемъ распространить вообще на приѣмы Аристотеля, даже и на отношеніе его къ источникамъ, до насъ не дошедшимъ.

¹⁾ Wilamowitz, еще въ Phil. Untersuch., I, 118 — 119, прим. 33, высказалъ предположеніе, что Аристотель эти схоли заимствовалъ изъ устъ народныхъ; Heller же, основываясь на употребленіи прошедшаго времени ἦδον, полагаетъ, что Аристотель взялъ ихъ изъ какого либо сборника или даже и изъ Аттиды (стр. 26).

Своему источнику Аристотель никогда не слѣдуетъ рабски, не придерживается его всюду дословно ¹⁾, не списываетъ и не относится къ нему механически. Онъ обращается съ нимъ свободно ²⁾, относится къ нему самостоятельно, и рядомъ даже съ фразой, почти буквально заимствованной, встрѣчаемъ и иной оборотъ, и сокращенія, и дополненія. Аристотель излагаетъ обыкновенно болѣе сжато, избѣгаетъ многословія и опускаетъ подробности, особенно эпизодическія, а вставляетъ указанія хронологическія и т. под.

Обыкновенно Аристотель пользуется не однимъ источникомъ, а нѣсколькими одновременно, комбинируя ихъ или сопоставляя. Это доказывается, не говоря уже о сличеніи 'Αθηναίων Πολιτεία съ Геродотомъ, Фукидидомъ и другими дошедшими до насъ ея источниками, — ссылками и указаніями, имѣющимися въ самомъ трактатѣ: Аристотель не разъ приводитъ разнорѣчивыя мнѣнія и сообщенія, напримѣръ, относительно времени возникновенія архонтата ³⁾ и времени брака Писистрата ⁴⁾. О различныхъ версияхъ касательно Солона и его друзей и касательно Аристогытона мы уже говорили.

Аристотель относится къ своимъ источникамъ критически. Примѣрами его критики могутъ служить: защита Солона и доказательство неосновательности взведенныхъ на великаго законодателя обвиненій въ соучастіи въ безчестномъ поступкѣ его друзей, ибо членъкъ, проявившій столько умѣренности, безкорыстія и заботы о благодѣи и спасеніи государства, не могъ, по мнѣнію Аристотеля, запятнать себя въ мелкомъ и недостойномъ дѣлѣ (гл. 6); замѣчанія по поводу обвиненія Солона въ преднамѣренной неясности составленныхъ имъ законовъ (гл. 9: οὐ μὴν εἰκός, ἀλλὰ διὰ τὸ μὴ δύνασθαι καθόλου περιλαβεῖν τὸ βέλτιστον· οὐ γὰρ δίκαιον ἐκ τῶν νῦν γιγνομένων, ἀλλ' ἐκ τῆς ἀλλης πολιτείας θεωρεῖν τὴν ἐκείνου βούλησιν); доказательство нелѣпости ходячихъ разказовъ объ отношеніяхъ Солона къ Писистрату и уча-

¹⁾ Такое наблюденіе сдѣлалъ *Diels* еще въ 1887 г., по поводу Аристотелевой „Hist. Animal.“ и Геродота, въ статьѣ „Herodot und Hekataios“ (*Hermes*, 22 Bd., S. 430): „Aristoteles,—говоритъ онъ,—liebt es nicht seine Vorgänger wörtlich auszuziehen, selbst wo er sie citirt“. Ср. *М. М. Покровский, Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1892 г., окт.

²⁾ Ср. *Keil*, стр. 201.

³⁾ Гл. 3: οἱ μὲν γὰρ πλείους ἐπὶ Μείδοντος, ἔνοι δ' ἐπὶ 'Αχάστου φασὶ γενέσθαι τὴν ἀρχήν.

⁴⁾ Гл. 17 (въ концѣ): γῆμαι δὲ φασὶ τὴν 'Αργεῖαν οἱ μὲν ἐκπεσόντα τὸ πρῶτον, οἱ δὲ κατέχοντα τὴν ἀρχήν. Ср. *Heller*, p. 17.

стиі послѣдняго въ войнѣ изъ-за Саламина — на основаніи хронологіи и разницы во времени жизни того и другаго (гл. 17); замѣчанія по поводу ценза класса всадниковъ (гл. 7:.... ἡπάδα δὲ τοὺς τριακόσια ποιοῦντας [ὡς δ' ἑνοί φασὶ τοὺς ἱπποτροφεῖν δυνάμενους..... οὐ μὴν ἀλλ' εὐλογώτερον τοῖς μέτροις διηρῆσθαι καθάπερ τοὺς πανταχοσιομαδίμνους]); возраженіе по поводу свидѣтельства, принадлежащаго, какъ извѣстно, Фукидиду, будто въ Панаэиинейской процессіи участвовали граждане въ вооруженіи (гл. 18); наконецъ, защита Θерамена (гл. 28).

Отсюда видно, какъ несостоятельно мнѣніе *Köhler'a* ¹⁾, будто нелѣпости, напримѣръ, въ хронологіи въ отдѣлѣ о Писистратѣ ('Αθηναίων Πολιτεία, 14 сл.) произошли оттого, что Аристотель не сумѣлъ слить составныхъ частей, а внѣшнимъ образомъ связалъ извѣстія, взятые изъ различныхъ источниковъ, не обративъ вниманія на ихъ противорѣчія: странно было бы, еслибы авторъ, вообще обнаруживающій здравое критическое отношеніе, самостоятельную и умѣлую обработку матеріала въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ источникахъ, до насъ дошедшихъ, въ другихъ случаяхъ не сумѣлъ вдругъ справиться съ своимъ матеріаломъ, не замѣтилъ столь явныхъ, вопіющихъ противорѣчій, словомъ, обнаружилъ бессмысленное, чисто механическое отношеніе къ своимъ источникамъ ²⁾).

В. Бузескуль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Die Zeiten der Herrschaft des Peisistratos in der Hol. 'Αθην. (Sitzungsber. d. Berl. Ak. d. Wiss., 1892, Sa. 339, 342).

²⁾ Ср. и Heller, p. 13—14, 34.

ПОВѢСТЬ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ И ЛЮДОВИКѢ И БЫЛИНА: „НЕРАЗКАЗАННЫЙ СОНЪ“.

„Сказка—складка, а пѣсня—быль“, говоритъ народная пословица. При ближайшемъ ознакомленіи съ нашими былевыми пѣснями это опредѣленіе пословицы не всегда, однако, оправдывается. Законы эпического творчества недостаточно строго охраняютъ межу, отдѣляющую быль отъ складки, полосу историческаго эпоса отъ участковъ, принадлежащихъ „нѣкоему царству, нѣкоему государству“. Въ области русской былевой поэзіи нерѣдко можно напасть на ясные слѣды, указывающіе на вторженіе въ эту область литературныхъ софѣй. Есть даже цѣлыя былины, содержаніе которыхъ повторяется въ памятникахъ сказочнаго характера.

Примѣръ подобнаго параллелизма были и складки представляютъ произведенія, названныя въ заглавіи этой статьи.

Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ занесена къ намъ вмѣстѣ съ Книгой о семи мудрецахъ, переводъ которой появился въ XVII вѣкѣ ¹⁾. Пѣсня „Неразказанный сонъ“, иначе „Похожденія Ивана“

¹⁾ Свѣдѣнія о русскомъ переводѣ. Повѣсти о семи мудрецахъ собраны въ книгѣ г. Ляминна (Очеркъ лит. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 261—260) и въ статьѣ г. Мурко: *Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slaven (Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der k. Akademie der Wiss. zu Wien*, B. 122, 1890). „Въ русскомъ переводѣ,—замѣчаетъ г. Шининъ,—не встрѣчалось намъ прямыхъ указаній на подлинникъ; по аналогіи, отчасти по языку, можно предполагать, что подлинникъ былъ польскій“ (стр. 254). Г. Мурко, говоря о славянскихъ переводахъ семи мудрецовъ, останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на спискахъ русскаго перевода. Сравненіе этихъ списковъ, представляющихъ немалое разнообразіе, приводитъ изслѣдователя къ предположенію, что Книга о семи мудрецахъ могла быть усвоена нашей литературой

(Васильевича), известна по пересказу, записанному г. Рыбниковымъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ ¹⁾).

I.

Повѣсть о семи мудрецахъ известна во множествѣ переводовъ и пересказовъ, принадлежащихъ литературамъ и европейскимъ и азіатскихъ народовъ. Повѣсть, по своему составу, представляеть, какъ известно, сборникъ притчъ и сказокъ, соединенныхъ въ нѣкоторое цѣлое при помощи охватывающей эти притчи повѣствовательной рамки. Эта повѣствовательная рамка, то-есть, разказъ, въ который введены отдѣльныя притчи, сходно передается во всѣхъ версияхъ; разницы замѣчаются лишь въ мелочахъ.

Герой повѣсти—молодой царевичъ. Его воспитаніе поручено семи мудрецамъ (по другой версіи воспитатель царевича — одинъ; семь мудрецовъ выступаютъ, лишь какъ совѣтники царя). Спустя определенное время, царевичъ, воспитывавшійся вдали отъ двора, призванъ къ отцу. Видъ красиваго юноши возбудилъ преступныя желанія въ сердцѣ его мачехи (=одной изъ женъ его отца). По женская страсть не находитъ отголоска въ цѣломудренномъ сердцѣ добродѣтельнаго человѣка. Разгнѣванная неоподатливостью пасынка мачеха обвиняетъ его въ покушеніи на ея супружескую вѣрность. Царевичу грозитъ висѣлица. Мудрыя совѣтники (=воспитатели царевича) уговариваютъ

путемъ постепеннаго перевода: первоначальный „переводъ“ могъ представлять лишь перечиску кириллицей польскаго текста (примѣры такой переписки польскихъ текстовъ известны; см. *Лыжъ*, *op. cit.*, 262); нѣкоторые малозвѣстныя слова могли быть при этомъ замѣнены соответствующими русскими реченіями; позднѣйшія измѣненія и исправленія придали мало-по-малу русской обликъ первоначальному полу-польскому тексту. Этимъ постепеннымъ измѣненіемъ объясняется и обиліе вариантовъ русскаго перевода повѣсти. Текстъ нашего перевода изданъ Обществомъ любителей древней письменности подъ редакціей г. Булакова (Пб., 1878); въ основу изданія положена рукопись XVII вѣка, принадлежащая библіотекѣ Общества; разночтенія взяты изъ двухъ списковъ XVII же вѣка (Публ. библ. и библіот. кн. Вяземскаго). Тексту повѣсти предпослано вступленіе, представляющее бѣглый очеркъ литературной исторіи изданнаго памятника. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ и въ видѣ отдѣльной статьи. Въ XVIII вѣкѣ повѣсть была напечатана въ сказочномъ сборникѣ: „Историческія сказки“, С.-Пб., 1798 (*Лыжъ*, Для любителей книжной старины, стр. 4—6).

¹⁾ „Отъ крестьянина дер. Горки Абрама Еггимьева Чукоева, по прозвищу Бутылка“ (Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ*, т. III, № 58, стр. 305—319).

царя отложить казнь. Мачеха, чтобы поддержать гнѣвъ мужа, разказываютъ притчу, припоровленную къ этой цѣли. На эту притчу отиѣчаютъ (притчей же или по другой версіи, двумя притчами) первый мудрецъ. Слѣдуетъ затѣмъ новая притча царицы и отвѣтная притча (или притчи) втораго мудреца и т. д. Въ этихъ спорахъ проходитъ недѣля. Самъ царевичъ хранить все это время молчаніе. По рѣшенію судьбы, онъ долженъ былъ оставаться нѣмымъ въ теченіе первыхъ семи дней послѣ возвращенія въ родительскій домъ. По истеченіи этого срока даръ слова возвращается къ царевичу, и онъ обличаетъ злую и преступную женщину. Версія, упоминаящая о семи воспитателяхъ, и заканчивается притчей царевича. Редакція, въ которой выступаютъ семь мудрецовъ и воспитатель, присоединяетъ къ притчамъ царевича дополнительный разказъ его наставника.

Притчи, которыми обмѣниваются царица, царевичъ и мудрецы, представляютъ въ пересказахъ повѣсти, принадлежащихъ разнымъ литературамъ, значительное разнообразіе, указывающее на неоднократно передѣлку сказочнаго сборника. По составу притчъ пересказы повѣсти дѣлятся на двѣ главныхъ группы: къ первой группѣ принадлежатъ греческій *Συντίπας* и цѣлый рядъ восточныхъ пересказовъ (сирійскій, еврейскій, персидскій, арабскій); вторую группу составляютъ пересказы западные, къ числу которыхъ принадлежитъ и русскій переводъ Книги о семи мудрецахъ ¹⁾.

¹⁾ Греческій *Συντίπας*; изданъ Буассонадомъ (*Boissonade, De Syntipa et Cyri filio Andreopuli narratio, Paris, 1828*) и Эбергардомъ (*Eberhard, Fabulae Romanenses, vol. I, Leipz., 1872, въ Bibliotheca Teubneriana*). Различаются три редакціи греческой повѣсти. Первая, древнѣйшая редакція, издана впервые Эбергардомъ (по Мюнхенской рукоп. XIV вѣка); вторая редакція извѣстна была по изданію Буассонада; снова напечатана Эбергардомъ (по Вѣнской рукописи XV вѣка съ разночтеніями по двумъ Парижскимъ рукописямъ, извѣстнымъ Буассонаду); изъ третьей редакціи, quae vermone Graecorum recentiore conscripta est, изданы Эбергардомъ лишь excerpta (*Fabulae Romanenses, pag. 186—196, 1—135, 197—224*). О Синтипѣ вообще см. *Krumbacher, Geschichte der byzantinischer Litteratur, 470—473*. Сирійскій пересказъ, ближайшій къ греческому, изданъ *Fr. Baethgen'омъ* (*Sindbad oder die sieben weisen Meister, syrisch und deutsch, Leipz., 1879*). Общее обозрѣніе пересказовъ восточной группы см. въ книгѣ: *Mischke Sindbad, Secundus-Syntipas. Edirt, emendirt und erklärt... v. Paulus Cassel* (1888); на стр. 362—363 помѣщена сравнительная таблица, объясняющая составъ отдѣльных пересказовъ. Подобную же таблицу, касающуюся западныхъ пересказовъ, см. въ статьѣ *K. Goedeke: Liber de septem sapientibus (Orient und Occident, 1864, III)*. Ср. *M. Landau, Die Quellen des Dekameron, 2 Aufl., Tabelle B. Uebersicht der in den wichtigsten Bearbeitungen der sieben Weisen ent-*

Изъ всѣхъ притчъ, занесенныхъ въ Повѣсть о семи мудрецахъ, насъ интересуетъ теперь одна лишь *заключительная притча западной группы пересказовъ*. Согласно съ терминологіей латинскихъ текстовъ, притча эта упоминается обыкновенно подъ заглавіемъ: *Vaticinium*.

Въ спискахъ Повѣсти притча о предсказаніи, *разказанная царевичемъ*, передается неодинаково, въ краткой или болѣе сложной редакціи. Въ спискахъ старорусскаго перевода повѣсти передается разказъ второй, сложной редакціи, но, какъ увидимъ, у насъ не безызвѣстенъ былъ разказъ и краткаго извода.

Содержаніе разказа этого краткаго извода таково: У пѣкаго рыцаря былъ сынъ, умѣвшій понимать языкъ птицъ ¹⁾. Однажды рыцарь, слушая пѣніе птицъ, замѣтилъ: „Дивнымъ бы даромъ обладалъ тотъ, кто умѣлъ бы растолковать, что говорятъ птицы“.—Я ихъ понимаю,—отозвался сынъ.—„Ну, скажи, что говорятъ теперь птицы?“—Онѣ говорятъ, что придетъ время, когда вы, отецъ и мать, впадете въ крайнюю бѣдность; я же достигну такого высокаго положенія, что вы согласитесь подать мнѣ воду для умыванья рукъ. — Отецъ, разсерженный этимъ предсказаніемъ, бросилъ сына въ море, по утопавшій былъ замѣченъ и спасенъ экипажемъ проходившаго неподалеку корабля. Моряки продали юношу въ Сицилію. Въ это время король Сицилійскій не зналъ покоя отъ трехъ вороновъ, которые всюду слѣдовали за нимъ и надоедали ему своимъ крикомъ. Король объявилъ, что отдастъ руку своей дочери и половину царства тому, кто объяснитъ значеніе этого докучливаго спутничества вороновъ. Юноша, купленный однимъ изъ сицилійскихъ рыцарей, объявилъ, что онъ можетъ дать отвѣтъ на королевскій вопросъ. Призванный къ королю, юноша сказалъ: три ворона спорятъ между собой и хотятъ, чтобы король рѣшилъ ихъ тяжбу. Дѣло ихъ слѣдующее: воронъ, который постарше, оставилъ свою подругу и сталъ ухаживать за другой; покинутая ворониха подыскала другаго сожителя, помоложе; когда первый воронъ постарѣлъ, онъ вернулся къ прежней подругѣ и

haltenen Erzählungen. Замѣчательно, что къ группѣ западныхъ пересказовъ принадлежитъ армянскій переводъ. Аналогическое явленіе представляетъ литературная исторія Физіолога, обработки котораго распадутся также на двѣ группы—восточную и западную; армянскій Физіологъ принадлежитъ ко второй, западной, группѣ (*Byzantinische Zeitschrift*, III, 1, 26, въ ст. г. Карпѣва о Физіологѣ).

¹⁾ Разказовъ, основанныхъ на повѣртіи о птичьемъ языкѣ, извѣстно не мало. Я предполагаю коснуться этихъ разказовъ въ особой замѣткѣ.

сталъ предъявлять свои супружескія права; молодой воронъ и его сожительница не признають этихъ правъ. Король рѣшилъ дѣло въ пользу молодого ворона: старикъ, покинувшій когда-то подругу, самъ отказался де отъ своихъ правъ. Послѣ этого птицы оставили короля. Мудрый юноша женился на его дочери.

Предсказаніе о величіи, ожидавшемъ юношу, сбылось. Исполнилось и пророчество объ его родителяхъ. Преступленіе рыцаря, бросившаго сына въ море, стало извѣстно. Онъ былъ изгнанъ за это изъ своего родового замка и поселился съ женой въ Сициліи. Жили они здѣсь въ крайней бѣдности. Однажды королевскій зять проѣзжалъ черезъ Мессину и увидѣлъ здѣсь бѣдныхъ старика и старуху, въ которыхъ узналъ своего отца и мать. Онъ вошелъ въ ихъ жилище, не называя своего имени. Старики подали ему поду для обмыванія рукъ. Знатный гость вступилъ въ бесѣду съ бѣдняками. „Какого наказанія заслуживаетъ отецъ, который убилъ бы такого сына, какъ я?“—спросилъ гость.—„Для такого преступленія нѣтъ достаточно сильнаго наказанія, — отвѣтилъ старый рыцарь. — „Такое преступленіе совершили вы, бросивъ меня въ море, но Богъ спасъ меня. Я не буду платить зломъ за зло“.

Содержаніе этого разказа съ замѣчательной точностью повторяется въ одной изъ великорусскихъ сказокъ. Чтобы наглядно убѣдиться въ этомъ сходствѣ, привожу рядомъ текстъ латинскаго и русскаго пересказовъ:

Pater unus miles fuit et dominus unius castris, qui filium habuit tantae subtilitatis, ut voces avium sic intelligeret, ut voces humanas. Et quia castrum patris erat in insula maris, dum quadam die omnes irent ad castrum et aves multae cantantes sequerentur navem, dixit pater filio et uxori, quam mirabilis virtus esset intelligere istas aves. Cui filius: „Ego optime, quid dicunt, intelligo“. Cui pater: „Obsecro, expone et revela“. Tunc filius respondit: „Dicunt, quod vos venietis cum domina matre mea ad tantam paupertatem, quod panem non habebitis ad comedendum, et ego veniam ad tantum nobilem statum, ut pro lotione manuum detis mihi aquam“.

Въ одномъ городѣ жилъ купецъ съ кучихою, и далъ имъ Господь сына, не по годамъ смышеннаго, по имени Василія. Разъ какъ-то обѣдали они втроемъ, а надъ столомъ висѣлъ въ клеткѣ соловей и такъ жалобно пѣлъ, что купецъ не вытерпѣлъ и проговорилъ: „еслибъ сыскался такой человѣкъ, который отгадалъ бы мнѣ въ правду, чтѣ соловей распѣваетъ и какую судьбу предвѣщаетъ, кажинсь—при жизни бы отдалъ ему половину имѣнія, да и по смерти отказалъ много добра“. А мальчикъ—ему было лѣтъ шесть тогда—посмотрѣлъ отцу съ матерью въ глаза озорливо и сказалъ: „я знаю, что соловей поетъ, да сказать боюсь“. — Говори, безъ утайки! пристали къ нему отецъ съ матерью

Tunc pater indignatus eum projecit in mari, et invento postea de naufragio a nautis de Sardina est elevatus a mari. Et tandem venditus cuidam militi de Sicilia. Pater vero propter scelus et projectionem juvenis a suis hominibus est exheridatus a castro et cum uxore apud Siciliam est exilio relegatus.

Tunc tres corvi sequebantur regem Siciliae quo ibat, et quia per quinque annos tenerant hoc, nec de dio, nec de nocte dabant ei reglem, fecit praecognisari, ut quicumque veraciter exponeret sibi praesagium corvorum et causam sequelae, ipse daret sibi filiam suam cum medietate regni sui. Tunc juvenis hoc audiens accessit ad militem dominum suum rogando, ut praesentaret eum regi, et quia ipse sciebat significationem corvorum. Tunc miles gavisus praesentavit eum regi, supplicando juveni, ut habito bono et medietate regni non esset immemor sui. Tandem rex requirit causam. Juvenis vero requirit confirmationem promissi. Qua facta juvenis sic ait: „Hic sunt duo corvi et una corva, unus antiquus et alter juvenis; unde antiquus lasci-

и Вася со слезами вымолвилъ: „соловой предвѣщаетъ, что придетъ пора-времени, будете вы мнѣ служить: отецъ станеть воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать“.

Слова эти больно огорчили купца съ купчихою, и рѣшились они сбыть свое дѣтище; построили небольшую лодочку, въ темную ночь положили въ нее соннаго мальчика и пустили въ открытое море. На ту пору вылетѣлъ изъ кѣтки соловей вѣщуть, прилетѣлъ въ лодку и сѣлъ мальчику на плечо. Вотъ плыветъ лодка по морю, а на встрѣчу ей корабль на всѣхъ парусахъ летитъ. Увидалъ корабельщикъ мальчика, жалко ему стало, взялъ его къ себѣ, разспросилъ про все и обѣщаль держать и любить его, какъ роднаго сына.... Ни мало, ни много прошло времени, присталъ корабль къ городу Хвалынску¹⁾; а у здѣшняго короля уже сколько годовъ передъ дворцовыми окнами летаютъ и кричатъ воронъ съ воронихою и вороненкомъ, ни днемъ, ни ночью никому угомону не даютъ. Что ни дѣлали, какими хитростями не могутъ ихъ отъ окошекъ отжить; даже дробь не беретъ! И приказано было отъ короля прибыть на всѣхъ перекресткахъ и приставахъ такову грамоту: ежели кто сможетъ отжить отъ дворцовыхъ окошекъ ворона съ воронихою, тому король отдастъ въ награду полцарства своего и меньшую королевну въ жены; а кто возьмется за такое дѣло, а дѣла не сдѣлаетъ, тому отрублена будетъ голова. Много было охотниковъ породниться съ королемъ, да всѣ головы свои подъ топоръ положили. Узналъ про то Вася,

¹⁾ Пропускаю подробности плаванія, во время котораго мальчикъ по пѣнью соловья предсказалъ бурю и встрѣчу съ разбойничьими кораблями. Подробности эти встрѣтятся намъ при разборѣ другихъ сказокъ подобнаго же содержанія (см. гл. III).

vis vacans corvam hanc dimisit, cum qua diu conhabitaverat, et conjunxit se junioribus. Iste corvus juvenis hanc derelictam ab alio in suam recepit ac nutrit et protexit usque nunc. Et quia antiquior corvus dimissus est a junioribus, nunc vult recuperare istam, quam gratis et absque culpa dimisit, eo quod non potest invenire aliam corvam juniorem, et nititur auferre ab isto, quia sic eam protexit. Et quia iste junior modo non vult eam dimittere, sequuntur te, et requirunt iudicium, cujus debet esse". Tunc rex habito consilio et convocatis corvis ad praesentiam suam, dedit sententiam, ut junioris corvi esset corva et non antiqui. Tunc antiquior solus recessit et juvenis cum corva similiter. Tunc juveni datur filia regis. Et militem dominium minorem in suo hospitio constituit.

Tandem sic sublimatus est ad tantum honorem, dum quodam mane equitaret per Messanam, vidit patrem et matrem sedere ad portam cujusdam hospitii in vilissimo habitu. Et non cognitus ab eis, sed ipse eos cognoscens descendit et misit pro cibariis, ut in domo eorum pranderet. Qui portantes aquam ad ablutionem manuum et (quum) accepisset a patre et matre aquam, dum sedissent ad mensam, ait juvenis patri: „Qua poena dignus est pater, qui talem filium, sicut ego sum, interficit?" Cui pater: „Non possent satis multiplicari poenae contra enormitatem tanti peccati". Cui juvenis: „Vos

стали проситься у корабельщика: „позволь пойти къ королю—отогнать ворона съ воронихою". Сколько ни уговаривалъ его корабельщикъ, никакъ не могъ удержать: „ну, ступай, говорить; да, если что недоброе случится, на себя невяй!" Пришелъ Вася во дворецъ, сказалъ королю и велѣлъ открыть то самое окно, возлѣ котораго воронѣ летало. Послушалъ птичьяго крику и говорить королю: „ваше величество, сами видите, что летаютъ здѣсь трое: воронъ, жена его ворониха и сынъ ихъ воронепокъ; воронъ съ воронихою спорятъ, кому принадлежить сынъ — отцу или матери, просятъ разсудить ихъ. Ваше величество! скажите, кому принадлежить сынъ?"—Король говоритъ: отцу. Только изрекъ король это слово, воронъ съ вороненкомъ полетѣли вправо, а ворониха — влѣво. Послѣ того король взялъ мальчика къ себѣ, и жилъ онъ при немъ въ большой милости и чести, выросъ и сталъ молодецъ молодцомъ, женился на королевнѣ и взялъ въ приданое полцарства.

Вздумалось ему какъ-то побѣдить по разнымъ мѣстамъ, по чужимъ землямъ, людей посмотрѣть и себя показать; собрался и поѣхалъ странствовать. Въ одномъ городѣ остановился онъ почевать; переночевалъ, всталъ поутру и велитъ, чтобъ подали ему умываться. Хозяйнъ принесъ ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился съ ними королевичъ, и узналъ, что то были отецъ его и мать, заплакавъ отъ радости и упавъ къ ихъ ногамъ родительскими; а послѣ взялъ ихъ съ собою въ городъ Хвалынскъ, и стали они всѣ вѣсть жить—поживать да добра наживать ¹⁾).

¹⁾ *Дюанасель*, Сказки, кн. II, № 138, стр. 459—461 („Птичій языкъ").

estis ille, qui projecistis me in mari propter declarationem vocum avium, et ideo non reddam vobis malum pro malo, quia a Deo ordinata sunt ista¹. Sta, dico, pater, si interfecisses me, malum tibi procurasses; sed Deus me custodivit a tanto malo²).

Русскій переводъ Повѣсти о семи мудрецахъ, появившійся въ XVII вѣкѣ, передаетъ, какъ было уже замѣчено, разказъ царевича въ иной, болѣе сложной редакціи. Сходство нашей сказки съ латинской притчей краткаго извода не даетъ еще, конечно, права утверждать, что у насъ извѣстенъ былъ другой переводъ повѣсти, но это сходство свидѣтельствуетъ, однако-жъ, о томъ, что разказы Повѣсти распространялись у насъ не изъ одного только источника, извѣстнаго теперь переложения Книги о семи мудрецахъ.

Притчи царевича передаются и въ греческомъ Синтипѣ и въ другихъ пересказахъ восточной группы. Но содержаніе этихъ притчъ не имѣетъ никакого сходства съ только что переданной притчей западныхъ пересказовъ³). Это обстоятельство не предрѣшаетъ, однако, вопроса о первоначальной родинѣ изучаемаго повѣствованія. Если не самая притча, то ея основная тема издавна была извѣстна на Востокѣ. Припомнимъ знакомый всѣмъ съ дѣтства—разказъ объ Іосифѣ. Въ ранней молодости, когда любимому сыну Іакова было семнадцать лѣтъ, приснился ему вѣщій сонъ, будто солнце, луна и одиннадцать звѣздъ поклонились ему. Разказъ Іосифа объ этомъ снѣ возбуждалъ недовольство его отца и братьевъ. Сновидецъ проданъ братьями въ Египетъ. Здѣсь онъ прослылъ мудрецомъ, послѣ того, какъ растолковалъ сны хлѣбодара и виночерпія Фараона. Приглашенный къ Фараону, Іосифъ объяснилъ его сны о полныхъ и пустыхъ колосьяхъ, о жирныхъ и тощихъ коровахъ, далъ при этомъ совѣтъ, какъ предупредить бѣдствія будущихъ неурожаевъ. Мудрый совѣтникъ сдѣланъ былъ правителемъ Египта. Настала неурожайная пора. Голодъ коснулся и земли Ханаанской. Іаковъ два раза посылалъ за хлѣбомъ въ Египетъ своихъ сыновей, а потомъ и самъ двинулся на чужбину

¹) *Orient und Occident*, 1864, III, 420 — 421 (*Goedekes, Liber de septem sapientibus*).

²) Въ греческомъ Синтипѣ находимъ четыре притчи царевича: о людяхъ, отравленныхъ на пиру (*Eberhard*, 86 — 87, 156—159), о мудромъ трехлѣтнемъ мальчикѣ (92—94, 169—161), о мудромъ же пятилѣтнѣмъ (94—99, 161—166), о купцѣ, торговавшемъ благовоннымъ деревомъ (99—110, 165—174).

по приглашенію возвеличившагося сына. Передъ смертью Іаковъ выразилъ желаніе быть погребеннымъ на родинѣ. Іосифъ поклялся, что воля отца будетъ исполнена. „И поклонися Израиль на конецъ жезла его“ (Книга Бытія, гл. XXXVII—XLVII).

Данно уже изслѣдователи обратили вниманіе на то, что основа Повѣсти о семи мудрецахъ (то-есть, разказъ, служащій рамкой для внесенныхъ въ повѣсть притчъ) представляетъ ближайшее сходство съ разказомъ о томъ же прекрасномъ Іосифѣ и о женѣ Пентефрія ¹⁾. Мачеху царевича волнуютъ такія же грѣшныя вожделѣнія, какъ и жену египетскаго вельможи; царевичъ и Іосифъ—цѣломудренныя юноши, которымъ приходится выдержать одинаковое искушеніе и подвергнуться преслѣдованію за добродѣтельное упрямство.

Это сходство могло быть замѣчено еще въ ту далекую пору, когда слагалась западная редакція повѣсти. Быть можетъ, подъ влияніемъ этого именно сходства притчи царевича, извѣстныя по „восточному“ изводу, замѣстились разказомъ, отвѣчавшимъ воспоминанію о томъ же библейскомъ юношѣ, образъ котораго вызванъ былъ уже первыми страницами Повѣсти. Западный изводъ начинается разказомъ объ искушеніи цѣломудреннаго царевича, оканчивается разказомъ о мудромъ юношѣ, предсказавшемъ въ дѣтствѣ свое величіе. И тотъ и другой разказъ напоминаютъ преданія объ Іосифѣ. Вступленіе и заключеніе повѣсти смыкаются такимъ образомъ нѣкоторой связью, подсказанной реминисценціями изъ библейской исторіи.

II.

Вторая редакція разказа царевича—Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ. Повѣсть эта, повторяя все содержаніе разказа первой редакція, присоединяетъ къ нему особое сказаніе о двухъ друзьяхъ ²⁾.

Мудрый юноша, понимавшій языкъ птицъ, носитъ имя Александра. Соловей предсказываетъ ему будущее величіе въ такихъ выраженіяхъ, которые оскорбили его отца. Александръ брошенъ въ море. Корабельщики, вытащивъ его изъ воды, привезли въ Египетъ и продали князю египетскому. Королю Египта не даютъ покоя три ворона. Александръ объясняетъ значеніе этой птичьей неотвѣзчивости: во

¹⁾ P. Cassel, op. cit., 23—24.

²⁾ Передаю содержаніе повѣсти по тексту, данному Обществомъ любителей древней письменности (см. выше гл. I, примѣч. 1).

роны хотятъ, чтобы король разобралъ ихъ тяжбу. Когда дѣло было рѣшено, и вороны удалились, король сказалъ Александру: „О чадо, нынѣ тебѣ приказываю: никого отцомъ не зови, кромѣ меня, и дамъ за тебя дочь свою въ жену, и по моей смерти король будешь въ Египтѣ“. Проживъ въ Египтѣ три года, Александръ сталъ просить короля, чтобы тотъ отпустилъ его къ славившемуся своею мудростью цесарю, да еще бы „у него премудрости навѣкъ“. Король отпускаетъ Александра, но беретъ съ него слово, что онъ вернется: „Заклинаю же тя, да не замедлиши тамо, буди ко мнѣ и поими дщерь мою“.

Прибывъ къ цесарю, Александръ поступилъ къ нему на службу кравчимъ. Была у цесаря дочь, по имени Флорента, необыкновенная красавица. Однажды цесарь приказалъ Александру отнести обѣдъ Флорентѣ. „И Флорента видѣ и рече: кто ты еси? Александръ же сказася ей. Она же рече: Иже кто мя увидитъ, и тотъ умретъ. Александръ же рече: Я и краше тебя видалъ, а не умирывалъ“. Цесарь удивился, что красота дочери не поразила кравчаго, и съ этихъ поръ сталъ посылать его къ Флорентѣ.

„Нѣвкое время“ пріѣхалъ къ цесарю сынъ египетскаго короля, по имени Людовикъ. Молодой иностранецъ опредѣленъ былъ чашникомъ. Александръ и Людовикъ подружились и вступили въ братство названное. „Бѣ же Александръ съ Людвигомъ лицомъ и возрастомъ, власы и гласы приличны другъ другу и молвіемъ въ рѣчахъ во всемъ подобны, токмо мудростію другъ друга раздѣлены“. Была еще разница въ томъ, что „Александръ бѣ зѣло мочень, а Людовигъ младъ и не мочень“.

Свиданія королевской дочери съ кравчимъ не прошли безслѣдно. Флорента полюбила Александра и „хотѣ имѣти себѣ мужемъ, понеже бѣше храбръ и мудръ“. Разъ Александръ попросилъ Людовика замѣстить его при цесарскомъ столѣ. При сходствѣ двухъ друзей цесарь не замѣтилъ, что ему служить не Александръ, и по обычаю послалъ кравчаго отнести обѣдъ Флорентѣ. Красота королевны поразила Людовика: „видѣ красоту ея и смутися и нача скорбѣти о красотѣ ея, и приде въ домъ свой и ляже на смертной постелѣ“. Александръ угадалъ причину болѣзни своего друга и вызвался ему помочь. Купивъ дорогой умывальникъ, золотой съ драгоцѣнными камнями, Александръ передалъ его Флорентѣ отъ имени Людовика и открылъ красавицѣ страданія своего друга. Страданія эти не тронули, однако, Флоренту; она намекнула, что желала бы услышать о любви къ ней не Людовика, а Александра. Вѣрный другъ не обра-

тять вниманія на этотъ намекъ. Онъ снова запасается дорогимъ подаркомъ („купи зеркало драгое“) и снова ходатайствуетъ за брата названнаго. Ходатайство и на этотъ разъ остается безуспѣшнымъ. Только послѣ третьяго подарка („ларецъ драгій со многими различными каменіемъ“) красавица склонилась на просьбу страдавшаго поклонника. Начались починны свиданія Флоренты и Людовика.

Провѣдали объ этихъ свиданіяхъ цесаревы „дворяне“ и задумали погубить удачливаго поклонника Флоренты. Они подстерегали Людовика на дорогѣ. Александръ, узнавъ объ опасности, угрожавшей его другу, напалъ на его подруговъ и избилъ ихъ.

„По днехъ же иѣкѣихъ прииде Александру листъ о смерти короля Египецкаго“. Александръ поспѣшилъ въ Египетъ, чтобы получить королевское наслѣдство. При прощаніи названный братъ подарилъ ему перстень „на воспоминаніе любви“. Замѣстителемъ Александра въ званіи цесарева краучаго явился Сидонъ, сынъ короля Ишпанскаго. Онъ разказалъ цесарю о свиданіяхъ Людовика и Флоренты. Призванный къ отвѣту Людовикъ обозвалъ Сидона клеветникомъ, за что и вызванъ былъ имъ на поединокъ. Страшно стало Людовику, потому что Сидонъ былъ „мужъ возрастомъ мочень“. Флорента посовѣтовала своему поклоннику прибѣгнуть къ обману. „Иди борзо,—сказала она,—къ цысарю отцу моему и глаголи ему, еже отъ отца твоего къ тебѣ листъ пришелъ, что отецъ твой лежитъ на смертной постели и просиси, иже бы отпустилъ отца навѣстить, а день битви отсрочить, я егда ты цысарь отпустишь, ты же поѣди борзо ко кралою Александру и проси у него милости, дабы возстаніе учинилъ, тебѣ помогъ, пріѣхалъ, за тебя съ Сидономъ бился. Вѣмъ убо, что вы оба сличны; оприче меня никто васъ не знаетъ; аще ли се сотвориши, можеша смерти уити и честь свою взяти“. Людовикъ такъ и сдѣлалъ. Онъ прибылъ въ Египетъ какъ разъ наканунѣ свадьбы Александра, но это обстоятельство не помѣшало вѣрному другу исполнить просьбу названнаго брата. „Азъ поѣду къ сроку,—сказалъ Александръ,—на день битви, а ты въ мое мѣсто во Египтѣ буди кралемъ; вѣмъ убо, яко никто тя не познаетъ за наше приличіе... и въ мое мѣсто поими жену мою и справляй, яко краль, егда же придеши на ложе з женою моею, буди въ вѣрѣ, не коснися ея“.

Александръ отправился въ Египетъ, а Людовикъ справилъ мѣсто его свадьбу съ египетской королевной. Довѣріе друга не было обмануто: „вниде на ложе Людовикъ съ кралевою и взя мечъ обнаженъ и положи межъ собою и кралевою, что тѣло его не дотыкалось до кра-

левы тѣла“. Александръ прибылъ между тѣмъ къ цесарю и бился съ Сидономъ. „И поможе Богъ Александру, ссѣче главу Сидону и несе ее къ цысаревнѣ. Цысаревна же, взявъ главу съ веселіемъ, и несе къ отцу своему и рече: Возми главу того, кто мя осрамоти и тебѣ живо оклеветалъ, и мнѣ вдай того въ мужа, которой за мя умиралъ и за мою срамоту невинную“. Цесарь изъявилъ согласіе. Тогда мнимый Людовикъ, ссылаясь на болѣзнь отца, уѣхалъ, обѣщаясь скоро вернуться. Прибывъ въ Египетъ, Александръ разказалъ Людовику о своей поѣздкѣ и посовѣтовалъ другу поспѣшить къ Флорентѣ: „Поѣди з Богомъ и служи цысарю и помни дочь его“. Людовикъ такъ и сдѣлалъ. Но, женившись на дочери римскаго цесаря, Людовикъ не остался у него на службѣ, а вернулся на родину и „королевствова во Израили“.

Египетская королева не подозрѣвала, что въ первое время послѣ свадьбы дѣлила ложе не съ Александромъ, а съ его двойникомъ. Поэтому мечъ, которымъ отдѣлялъ себя Людовикъ отъ жены друга, оскорбилъ и разгнѣвалъ ее. Не догадываясь о перемѣнѣ, она неслася свое недовольство и на возвратившагося Александра, хотя мечъ не отдѣлялъ ея уже теперь отъ мужа. „Кралева же сама въ себѣ помысли: еже ты ми сотвори, азъ тебѣ то же учиню, и отъ тѣхъ мѣстъ нача любити нѣкоего рыцаря и нача съ нимъ мыслити, како бы убити его или окормити смертнымъ ядомъ. Во единъ же день дасть она Александру зелья пити, Александръ же нача пухнути и отрудоватѣлъ. Жена же его рече гражаномъ: Видите, яко краль мой трудовать, не можетъ королевства держати, вы же изрините его изъ королевства. И помалѣ изринуша его отъ королевства“. Больной, изгнанный изъ Египта Александръ упросилъ нѣкоего боголюбиваго челоуѣка отвести его къ Людовику. Добравшись до королевскаго дворца, Александръ, когда настало время обѣда, обратился къ одному изъ слугъ съ просьбой: „Государю мой, иди къ цысарю и рцы ему: убогій азъ для Бога и для египецкаго короли Александра прошу его милости, иже бы азъ напился изъ того кубка, изъ котораго онъ самъ пьетъ“. Кубокъ былъ принесенъ. Александръ опустилъ въ него перстень, который далъ ему Людовикъ. Израильскій король тотчасъ же узналъ свой подарокъ и приказалъ слугамъ смотрѣть за больнымъ, чтобы тотъ не ушелъ. По окончаніи обѣда Людовикъ призвалъ къ себѣ больного. Александръ открылся другу. Призваны были со всѣхъ странъ врачи, осмотрѣли больного и признали его неизлечимымъ. „Цысарь же слышавше велми смутися и повелѣ звати убогихъ и законниковъ, иже

бы ся о немъ молили, а самъ цысарь уклонися такоже на молитву и постися довольно, иже бы далъ Господь здравіе кролю Александру". Молился и самъ Александръ. Разъ ночью онъ услышалъ голосъ: „Аще ли цысарь Лодвикъ убіетъ своихъ пяти сыновъ своими руками и кровь ихъ источитъ и тою кровію обмынешися, да будетъ плоть твоя, яко отrotchate млада". Александръ не рѣшается передать это откровеніе своему другу. Спустя нѣсколько дней услышалъ голосъ и Людовикъ: „Что плачеша и моляшися объ Александрѣ, вѣсть убо и самъ Александръ про себя, чѣмъ можетъ уздравленъ быти". Людовикъ настоялъ, чтобы Александръ открылъ ему возвѣщенное свыше средство исцѣленія. Узнавъ же страшную тайну, вѣрный другъ не задумался пожертвовать дѣтми для спасенія брата названнаго. Онъ искалъ только „подобна времени".

Разъ, когда Флорента была въ церкви, Людовикъ вошелъ въ комнату, гдѣ были дѣти. Убивъ ихъ, онъ собралъ кровь въ сосудъ и принесъ ее Александру. Тотъ умылся кровью, и „ста тѣло его, яко отrotchate, чисто". Флорента, узнавъ объ участи дѣтей, спокойно перенесла страшную вѣсть. Она вполне одобрила рѣшеніе мужа. „Благословенъ день той,—сказала она,—вонъже дѣти побихъ для Александра. Ниѣ же молю тя, дай ми его видѣти. Цысарь же, поемъ ея, иде ко Александру. Флорента же видѣ Александра и паде отъ радости". Стали между тѣмъ готовиться къ похоронамъ дѣтей; пришли въ комнату, гдѣ они были оставлены, и нашли ихъ живыми. „Флорентѣ, Людовику, Александру и всѣмъ людямъ бысть велия радость... и хваляху Бога, показавшаго имъ таковыя чудеса".

Собравъ войско, Людовикъ и Александръ двинулись въ Египетъ. Измѣнница и ея „чужеложникъ" были взяты въ плѣнъ и казнены. Воцарившись снова въ Египтѣ, Александръ женился на сестрѣ Людовика. „Потомъ же помысли ѣхати ко отцу своему и матери своей, отъ которыхъ былъ вкинутъ въ море и посла къ нимъ посла своего, а велѣлъ имъ вѣсть учинити, что хоцетъ къ нимъ крале пріѣхати и столовати у нихъ". Когда король прибылъ къ отцу, „рыцарь же поставилъ обѣдъ и предъ столомъ принесе ему воды на руки, а мати его полотенце; Александръ же видѣвъ то и усмѣхнулся и помысли въ сердцы своемъ соловьево воспѣваніе. Рече цысарь: „Господине мой рыцарь, что ми воду самъ подаешь на руки мои, или у тебя некому служити? И самъ тому разсмѣхнулся". Послѣ обѣда король сталъ спрашивать рыцаря объ его семьѣ. Рыцарь разказалъ о сынѣ, брошенномъ въ море. Александръ открылся: „Азъ вашъ сынъ, его же вкинуста въ море, и

Богъ милосердіемъ своимъ изъ глубины морскія позстави и сотвори мя короля и государя Египту. Они же слышавше то убояшася и падша на землю и прошаху милости. Александръ же рече: не бойтеся, не будетъ злаго ничего, я объемъ цѣлова отца своего и матеръ, и паки рече имъ: „Идите во Египеть и царствуйте со мною“. Пробывъ на родинѣ нѣсколько дней, Александръ отправился въ Египеть, взявъ съ собой и родителей своихъ.

Разказъ о вѣрныхъ друзьяхъ, который повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ сплетаетъ съ притчей о мудромъ юношѣ, извѣстенъ и въ отдельной обработкѣ, виѣ связи съ упомянутой притчей. При обзорѣ литературныхъ произведеній, въ которыхъ сохранилась эта отдѣльная обработка, слѣдуетъ прежде всего остановиться на пересказахъ старо-французской саги о двухъ друзьяхъ, именуемыхъ *Amis* и *Amiles*, *Amicus* и *Amellius* (= *Omellius*)¹⁾. Эти пересказы восходятъ до XI вѣка. Въ виду того, что содержаніе саги повторяется въ передаваемой уже повѣсти, внесенной въ Книгу о семи мудрецахъ, нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ подробностяхъ сказанія объ *Amis* и *Amiles*. Ограничусь лишь припоминаніемъ общей послѣдовательности этого сказанія, какъ оно передается въ *chanson de geste*.

Два друга, *Amis* и *Amiles*, вступаютъ въ ряды дружинниковъ

¹⁾ Въ концѣ XI вѣка французскій монахъ Радульфъ (*Radulphus Tortarius*) въ одномъ изъ своихъ посланій (*Epistolae ad diversos*) пересказалъ *сату* de *Amico et Amelio*, какъ одинъ изъ примѣровъ вѣрной дружбы. Радульфъ замѣчаетъ, что сага пользовалась въ его время значительной распространенностью:

*Historiam Gallus, breviter quam replico, novit,
Novit in extremo littore Saxo situs.*

Отъ XI—XII вѣка дошла *Vita sanctorum Amici et Amelii*. Позже это житіе было пересказано Винцентіемъ Бовэ (въ *Speculum historiale*, lib. XXIV) и Альберикомъ Триумъ фонтиумъ (въ его хроникѣ). Къ XII—XIII вѣку относятся: *chanson de geste* и прозаическій разказъ: *Li amitié de Ami et Amile*. Въ XIV вѣкѣ легенда объ этихъ друзьяхъ обработана была въ драматической формѣ (*Miracle de Nostre Dame d' Amis et Amile*). Въ XV и XVI вѣкахъ появились прозаическіе пересказы, имѣющіе заглавіе „романъ“ и „исторія“ (*Histoire des deux vaillants chevaliers Amis et Amiles*). Извѣстны, кромѣ того, англійскій, итальянскій, исландскій, немецкій пересказы этой саги. Указаніе всѣхъ вариантовъ можно найти въ книгѣ К. Hofmann'a: *Amis et Amiles und Jourdain de Blaivies* (первое изд. 1852, второе 1882). Ср. *Grässe*, *Allg. Literärgeschichte*, II, 3, 348—350; Keller, *Li romans des sept sages*, предисл., стр. CCXXXII; Dunlop-Liebricht, *Geschichte der Prosa-dichtungen*, S. 478, Anm. 213 a; L. Gautier, *Les épopées françaises*, I, p. 463—478 (по 2 изд.), P. Schwegler, *Die Sage von Amis und Amiles* (*Jahresbericht über das K. Friedrich-Wilhelms-Gymnasium zu Berlin*, 1886).

Карла Великаго ¹⁾, принимаютъ участіе въ его походахъ, одерживаютъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ. Одинъ изъ удалцовъ Amis женится на племянницѣ важнаго сановника Hardré и удаляется отъ двора. Amiles остается у Карла. Дочь императора Belissant полюбила Амелія и встрѣтила взаимность. Молодые люди отыскивали возможность увидѣться и отдаться своему чувству. Hardré доноситъ объ этомъ Карлу. Амелій называетъ доносъ клеветой и вызываетъ Hardré на поединокъ. Не довѣряя, однако, своимъ силамъ и опасаясь, что судъ Божій не оправдаетъ его, Амелій рѣшается обратиться за помощью къ своему другу. Поразительное сходство Amis'a и Amiles'a позволяетъ имъ замѣстить одинъ другаго. Amis соглашается исполнить просьбу пріятели, бьется на поединкѣ съ Hardré и побѣждаетъ его. Amiles въ это время остается въ домѣ друга, жена котораго принимаетъ его за своего мужа. Ночью мнимыхъ супруговъ раздѣляетъ мечъ ²⁾. Послѣ счастливо окончившагося поединка роли мѣняются: Amis возвращается къ своей женѣ; Amiles выступаетъ побѣдителемъ и получаетъ руку принцессы.

Спустя нѣкоторое время Amis'a постигло несчастье. Онъ заболѣлъ проказой и принужденъ удалиться изъ своего дома. Послѣ долгихъ блужданій онъ прибылъ къ Amiles'у, который узналъ несчастнаго друга и пріютилъ его у себя. Средство исцѣленія прокаженнаго указано свыше: Amiles долженъ убить своихъ дѣтей и кровью ихъ обмыть больнаго. Въ душѣ Амелія борются чувства привязанности къ дѣтямъ и состраданія къ другу. Последнее чувство побѣдило. Дѣти убиты. Кровь ихъ вылѣчила Amis'a. Жертва любви не осталась безъ награды: дѣти чудомъ возвращены къ жизни.

Вмѣсто именъ Amis и Amiles, Александра и Людовика въ нѣкоторыхъ пересказахъ саги о двухъ друзьяхъ встрѣчаются еще нѣмны имена: Engelhard и Dietrich, Olivier и Artus, Loher и Maller ³⁾.

¹⁾ Въ „Vita“ Amicus—thesaurarius, а Amelius—dapifer Карла.

²⁾ Мечъ, отдѣляющій мнимыхъ супруговъ, извѣстенъ по Иккелунгамъ и по цѣлому ряду позднѣйшихъ повѣствованій (ср. *Dunlop-Liebrecht*, op. cit., 515); находимъ этотъ мечъ и въ народныхъ сказкахъ (*Авантисель*, Сказки, IV, стр. 159). Есть указанія на бытовое значеніе этого эпического обычая (*Grimm*, *Deutsche Rechtsalterthümer*, SS. 169—170).

³⁾ Енгельгартъ и Дитрихъ выступаютъ въ повѣи Конрада Вюрцбургскаго (XIII вѣка): *Engelhart und Engeltrut* (изд. Haupt'омъ). Olivier и Artus—старо-французская повѣсть, извѣстная и въ нѣмецкой передѣлкѣ. Loher und Maller появляются въ нѣмецкомъ разказѣ, основанномъ на французскомъ оригиналѣ (*F. Boberg*, *Geschichte des Romans*, I, 69—70).

Очевидно, одна и та же основная сага развѣтвилась на нѣсколько версій, при чемъ преимущество древности остается несомнѣнно за сказаніемъ de Amico et Amello.

Гдѣ случилось это сказаніе? Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей саги, Швигеръ, настаиваетъ на ея западномъ, европейскомъ происхожденіи: „Ueberschaut man die vielfachen Wandlungen, welche die Sage durchgemacht hat... so ergiebt sich zunächst, dass die Amis-Sage, so wie sie seit dem 11 Jahrhundert auftritt und das ganze Mittelalter durchzieht, keinerlei Beziehungen zu den Fabeln des Orients aufweist, sondern durchaus für das Abendland in Anspruchs zu nehmen ist ¹⁾. Швигеръ обращаетъ при этомъ вниманіе на сходство старо-французскаго преданія съ сагой о Нибелунгахъ. „Da bietet nun eine Vergleichung der Amis-Sage mit den Nibelungen überraschende Anhaltspunkte und Beweise dafür, dass der Kern der Sage viel älter ist als die Zeit Karls des Grossen und bis auf die ältesten Ueberlieferungen der Germanen zurückgeht. Schon Loiseleur wies auf gewisse Anklänge der Amis-Sage an die nordische Sage von Sigurd und seinem Waffengefährten Gunnar hin, und Mone hat ihr mit Recht deutschen Ursprung zugeschrieben ²⁾. Сага о Нибелунгахъ приурочилась къ историческимъ преданіямъ франковъ, соответствующая ей сага объ Amis и Amiles локализовалась въ Бургундіи. Wir haben es in der Amis-Sage nicht mit orientalischer Sage, auch nicht etwa mit keltischer Ueberlieferung oder mit Entlehnung aus dem klassischen Alterthume... zu thun, sondern mit einer ursprünglich deutschen Ueberlieferung, und zwar, da sowohl Clermont in der Auvergne als auch Bourges in Berry zum alten Königreich Burgund gehörten, mit einer burgundischen Stammes-Sage, die sich im Laufe der Zeit in durchaus eigentümlicher und erheblich abweichender Gestalt neben der verwandten fränkischen Sage von den Nibelungen entwickelt hat ³⁾. Изслѣдователь не можетъ, однако, не признать, что въ этой „бургундской сагѣ“ сквозятъ заходяія идейно-литературныя вліянія. Die burgundische Sage steht von vorn herein unter dem mächtigen Einflusse der christlichen Religion, ihre Helden werden zu Märtyrern erhoben. Der Kindermord zeigt deutliche Anlehnung an Isaaks Opfer, und nur verstohlen klingt der alte Aberglaube von der Wun-

¹⁾ Op. cit., 82.

²⁾ Ibid., 34.

³⁾ Ibid., 36. Клермонъ — родина Amis'a, а Буржъ—Amiles'a (по chanson de geste).

derkraft unschuldigen Blutes als eine Erinnerung aus der Heidenzeit in die christliche Darstellung hinein ¹⁾).

Присутствіе загожихъ литературныхъ мотивовъ въ сагѣ объ Amis и Amiles давно предположено было Гриммомъ ²⁾. По его мнѣнію, сага принадлежитъ къ числу сказаній, зашедшихъ на западъ изъ греческой, византійской литературы. Знаменитый филологъ обращалъ при этомъ вниманіе на имя Amelius или *Omelius*. Эту послѣднюю форму Гриммъ сближалъ съ греческимъ ὀμηλικός, familiaris, famulus.

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ догадки Гримма могутъ служить разказы, встрѣчающіеся въ литературахъ, входившихъ въ районъ византійскаго культурнаго вліянія, — разказы, сходные по составу съ преданіями объ Amis и Amiles. И имѣю при этомъ въ виду старорусскую повѣсть о милостивомъ купцѣ и одну изъ грузинскихъ сказокъ.

Полное заглавіе русской повѣсти такое: „Слово о христіюбивомъ купцѣ, ему же сотвори бѣсъ напасть, милостыни его не терпя, благый же Богъ добродѣтели его ради отъ недуга исцѣли, и дѣтища заколениаго его ради чудодѣа въскреси“ ³⁾. Купецъ, о которомъ разказываетъ „слово“, былъ человѣкъ благоутрѣный и милостивый: „елико убо Богъ даяше ему, то все убогимъ раздаваше“. Однажды, во время торговой поѣздки, онъ остановился въ гостинницѣ. Пришелъ туда нищій и попросилъ милостыни. Купецъ отправилъ весь свой товаръ впередъ, и потому ничего не могъ дать бѣдняку, кромѣ обѣщанія оставить для него подарокъ въ слѣдующій пріѣздъ. „Глагола нищій: како убо приходъ твой вѣдомъ будетъ мнѣ? Купецъ же рече: в ты дни ожидай мене; аще ли тогда не обрящещи мене, и

¹⁾ Ibid., 36. Amicus и Amelius налз въ битвѣ, принимая участіе въ войнахъ Карла Великаго съ лонгобардскимъ королемъ Деаидеріемъ. Война начата была по просьбѣ папы Адріана.

²⁾ Въ предисловіи къ изданію поэмы Гартмана von Aue: Armer Heinrich.

³⁾ Памятники старинной русской литературы, вып. I, стр. 117—118; легенда объ умерщвленномъ младенцѣ (по списку XVI вѣка). Легенда помѣщалась въ прологѣ подъ 28-мъ октябрѣ; встрѣчается она и въ поучительныхъ сборникахъ мнаго состава. Въ „Златой Матицѣ“ (рукоп. Погод. древнехрѣн., № 1024, л. 318 об.) Слово о купцѣ помѣщено, какъ чтеніе, приуроченное къ понедѣльнику первой недѣли по Богониліеніи. Г. Драгомановъ въ статьѣ „Славянскіе сказанія за пожертвованіе собственно дѣте“ (Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, кн. I) сопоставляетъ (стр. 81—83) легенду съ тѣмъ кругомъ сказаній, представителями котораго можетъ служить стихъ о женѣ-милосердой. Сходство сопоставляемыхъ сказаній очень отдаленное, почему и самое сопоставленіе теряетъ историко-литературный интересъ.

показа ему дѣску, лежащу ту, и рече къ нищему: что ми Богъ повелѣтъ, подѣ сею положю дского. ты же вѣзми, яже обрящещи, и моли о мнѣ Бога". Купецъ не могъ прибыть въ назначенное имъ время. Нищій, не зная объ этомъ, пришелъ къ гостининицѣ, поднявъ указанную доску и нашелъ подѣ ней „сокровище злата". Накупивъ себѣ всякаго добра, бывшій бѣднякъ „полтъ себѣ жену отъ велможъ и начать жити славно". Спустя нѣкоторое время „пріиде онъ благовѣрный купецъ и, бывъ на мѣстѣ, въспомяну нищаго, и вѣзъ злато в руку, вѣсхотѣ положить под ону дску, якоже обѣщася нищему, и порази его духъ лукавый, и паде нанѣ лъза зла отъ погу и до главы, якоже на блаженнаго Іова; и раздаа все имѣніе врачемъ, и нача самъ, яко единъ отъ нищихъ ходя, просити милостини, и пріиде в домъ сего богатаго, бывшаго прежде нищаго". Богачъ пріютилъ у себя больнаго, приглашалъ врачей, но ни одинъ изъ нихъ не могъ исцѣлѣти страшнаго недуга. „Послѣди же всѣхъ инъ врачъ пріиде, глаголя: ничимъ же възможете страсти тоа исцѣлѣти, но аще кто зарѣжетъ младенецъ первенецъ и тою кровію помажетъ отъ главы и до ногу, и будетъ здоровъ болный. И положи си богатый на сердци, бѣше бо у него младенецъ первенецъ, помысли заклати младенца сдравіа ради недужна. Печаше бо ся велии о того спасеніи за многую любовь. Искаше времени, да без матере младенца заколетъ; обрѣте же часъ, егда жена его в баню иде мытися, видѣ своего младенца на ложи спяща покровенна, и с тицаніемъ притече закла и, и источи кровь в лоханъ, и паки вложи мертваго младенца и покры и, и поимъ болящаго на мѣсто скровно, и сволкъ его, и постави на мѣстѣ пага, и вѣзъ кровь младенца, помаза его по всему тѣлу отъ главы и до ногу, и абіе здоровъ бысть болный, якоже исперва". Когда мать вернулась изъ бани, она подошла къ кроваткѣ ребенка, и „егда откры лице младенца, и нача по обычаю дѣтя верещати. Слышавъ же отецъ притече к дѣтищю ужасенъ и видѣ своего дѣтища жива, его же бѣ заклалъ исцѣленіа ради болнаго, и прослави Бога, таковая створша чудеса, яко болнаго исцѣли, мертваго въскреси. Се же бысть обою вѣры ради и милостыня ради и любви".

Грузинская сказка сходнаго содержанія помѣщена въ сборникѣ Орбелиани. Привожу текстъ этой сказки по переводу проф. Цагарели: „У подошвы Волгисской горы, гдѣ проходила дорога, построили одинъ хорошій постоянный дворъ; тамъ же жилъ содержатель этого двора. Онъ былъ такой человѣкъ, что всякаго путешественника принималъ, давалъ даромъ ночлегъ, ѣсть, пить, для лошади ячмень, со-

лому; не бралъ платы за это и отправлялъ на слѣдующій день. Прибылъ одинъ большой караванъ и остановился тамъ. Онъ хорошо угощалъ ихъ ночью. Въ ту ночь пошелъ такой снѣгъ, что прервалъ сообщеніе въ горахъ, караванъ не могъ ни переправиться черезъ гору, ни воротиться назадъ. Караванъ остался въ томъ постояломъ дворѣ. Содержатель его ничего не позволялъ издерживать, и людей и верблюдовъ содержалъ онъ на собственный счетъ. Богатый купецъ (владѣлецъ каравана) и содержатель постоялаго двора сошлись близко. Купецъ спросилъ его: „есть у тебя сынъ?“ Содержатель двора отвѣтилъ ему: „но нѣтъ“. У него былъ сынъ; но оказалось, онъ его не показывалъ потому, что онъ былъ прокаженный, думая: „моему гостю будетъ непріятно видѣть его, и мои увеселенія не понравятся ему больше“. Онъ сына не выпустилъ на дворъ до тѣхъ поръ, пока купецъ не уѣхалъ. Настала весна, открылось сообщеніе въ горахъ. Этотъ богатый купецъ уѣхалъ признательнымъ и старался отплатить ему за это. Послѣ того содержатель постоялаго двора выпустилъ сына. Этотъ разсердился на отца и сказалъ ему: „такъ какъ ты меня ненавидишь, то уйду отсюда“. Онъ погнался за караваномъ и догналъ его. Богачъ купецъ спросилъ его: „кто ты такой?“ Этотъ сказалъ ему: „я сынъ содержателя постоялаго двора; онъ тебѣ сказалъ, что не нѣтъ сына. думая, что ты пожелаешь видѣть меня, и, такъ какъ я уродъ, то, быть можетъ, ничего бы не понравилось тебѣ. Теперь я разсердился на него и ушелъ, или найду гдѣ нибудь исцѣленіе, или пропаду“. Купецъ далъ ему клятву, говоря: „если можно будетъ тебѣ помочь чѣмъ нибудь, то помогу“. Онъ его взялъ съ собой и отправился. Прибылъ домой; приказалъ привести врача. Тотъ не нашелъ никакого средства вылечить его. Одинъ врачъ сказалъ ему: „Если отецъ добровольно отдастъ единственнаго двухлѣтняго сына красиваго и добраго, закладъ, обагрить его кровью, этимъ онъ вылечится“. Купецъ опечалился. Кто бы согласился дать ему сына? Оказалось, что у этого купца былъ такой сынъ, больше никакого не было. Онъ сказалъ такъ: „если не отдамъ на закланіе сына моего, то чѣмъ я могу отплатить за услуги, оказанныя мнѣ его отцомъ?“ Жену онъ обманомъ отправилъ въ гости къ другимъ, остался дома онъ одинъ, закололъ своего сына и обагрятъ его кровью прокаженнаго. Тотчасъ же отпала съ него кожа, какъ древесная кора, и онъ выздоровѣлъ. Мертваго ребенка купецъ положилъ въ люльку и прикрылъ простыней. Въ гостяхъ жена купца почувствовала жжогу въ сосцахъ и животѣ; прибѣжала и сказала мужу: „у меня сосцы бо-

лать, не случилось ли чего съ ребенкомъ?" Мужъ сказалъ ей: „что же могло случиться? Онъ себѣ спитъ хорошо“. Подошла мать и дала грудь ребенку. Этотъ взялъ ее въ ротъ и сталъ сосать! Она его вынула изъ люльки здороваго такъ, что ребенокъ сталъ смѣяться и ласкаться къ ней. На шеѣ у ребенка было что-то такое, какъ золотой ободокъ. Она позвала мужа, говоря: „что это такое?“ Мужъ, увидѣвъ ребенка живымъ, палъ ницъ, поздалъ благодареніе Богу и разказалъ женѣ все случившееся“ ¹⁾).

Въ сказкѣ перемѣщены нѣкоторыя подробности: заболѣвшимъ представляется не странствующій купецъ, какъ въ русскомъ разказѣ, а сынъ содержателя гостиницы; купецъ жертвуетъ своимъ ребенкомъ для спасенія больного. При этихъ незначительныхъ разницахъ главное, основное содержаніе грузинской сказки вполне совпадаетъ съ нашей повѣстью о христолюбивомъ купцѣ. Есть и западная легенда, близкая по содержанію къ русско-грузинскому сказанію. Легенда разказываетъ о молодомъ человѣкѣ, отправившемся на богомолье въ Компостеллу ²⁾). Дорогою онъ познакомился и подружился съ другимъ пилигримомъ, направлявшимся также на поклоненіе мощамъ св. Іакова. Путешественники уговорились идти вмѣстѣ. Во время пути одинъ изъ нихъ умеръ (таг. убить) ³⁾). Спутникъ

¹⁾ Книга мудрости и лжи (Грузинскія басни и сказки XVII—XVIII стол.) Саввы Сулхана Орбелиани, пер. А. Цагарели, С.-Пб., 1878, стр. 136—138.

²⁾ Ивѣстны нѣсколько пересказовъ легенды на французскомъ, нѣмецкомъ и италіанскомъ языкахъ. Французскій вариантъ носитъ заглавіе: *Le dit des trois pommes*. Заглавіе объясняется исгустительной подробностью, не повторяющеюся въ другихъ пересказахъ: отецъ юнаго пилигрима даетъ ему передъ отпраніемъ въ путь три яблока; если встрѣтятся странники, идущіе также въ Компостеллу, юноша яблоками можетъ испытать ихъ: кто возьметъ яблоко и не подѣлится—человѣкъ, которому довѣрять нельзя; кто возьметъ и подѣлится, съ тѣмъ стоитъ познакомиться и вмѣстѣ продолжать путь. Подобная же подробность встрѣчается въ упомянутой выше повѣсти Конрада Вюрцбургскаго: Engelhard. Обзоръ пересказовъ легенды см. въ статьѣ R. Köhler'a: Die Legende von den beiden treuen Jacobsbrüdern (*Germania*, X, 1865, S. 447—455). L. Gautier причисляетъ *Le dit de trois pommes* къ ряду пересказовъ саги объ Amis и Amiles. По его опредѣленію, *Le Dit*—„Complainte populaire où la fiction est étrangement diffusée“ (*Les épopées françaises*, I, 471). Такое опредѣленіе требуетъ, конечно, доказательства...

³⁾ Замѣчательно, что въ старѣйшемъ пересказѣ легенды (*Le Dit*) убійство странника связано съ пощеніемъ гостиницы. Юноша, слѣдуя совету отца, останавливается въ его гостиницѣ. Ne prends pas,—говоритъ отецъ,—autre hotel au chemin que le mien. На что именно намекаетъ это выраженіе, легенда не объясняетъ.

устроилъ посылки и принесъ мертваго въ Компостеллу. Совершилось чудо: по молитвѣ св. Іакова мертвый воскресъ. Пилигримы пустились въ обратный путь и вскорѣ разстались: каждый вернулся на свою родину. Прошло нѣсколько лѣтъ. Странникъ, носившій мертвеца, заболѣлъ проказой и нашелъ себѣ пріютъ въ домѣ воскресшаго. Таинственный голосъ (vag. совѣтъ пустытника или врача) указываетъ больному средство исцѣленія — дѣтскую кровь. Бывшій товарищъ по путешествію, узнавъ объ этомъ, убиваетъ свое дитя (vag. двухъ дѣтей) и кровью мажетъ больнаго. Прокаженный выздоравливаетъ. Дѣти ожили.

Въ легендѣ, какъ и въ русско-грузинской повѣсти, исцѣленіе кровью связывается съ разказомъ о путешествіи, о дорожной встрѣчѣ. Особенности легенды объясняются приуроченіемъ ея къ кругу сказаній о чудесахъ св. Іакова ¹⁾).

Общая основа всѣхъ приведенныхъ выше разказовъ — широко распространенное повѣрье о врачебныхъ свойствахъ человѣческой, преимущественно дѣтской крови ²⁾. Считалось особенно полезнымъ употребленіе крови именно при проказѣ. По свидѣтельству Плинія. *Aegypti peculiare hoc malum et cum in reges incidisset, populis funebre: quippe in balneis solia temperabantur humano sanguine ad medicinam eam* (Н. Н. 26, 5). По еврейскому преданію, египетскій фараонъ, пораженный проказой, лечился ваннами изъ дѣтской крови. для чего отбирали дѣтей у евреевъ. Господь, видя плачу Израиля, исцѣлилъ фараона. Сходное по основѣ преданіе приурочивалось къ

¹⁾ Такихъ сказаній извѣстно не мало (см. *Acta Sanctorum Julii*, tom VI, p. 47—68).

²⁾ Съ дѣтской кровью соединялось представленіе о чистотѣ, невинности. Вѣряли, что сила этой непорочной жизни можетъ обновить и исцѣлять пораженное нечистотой и разрушающееся тѣло. Поэтому же, кромѣ дѣтской крови, повѣрье указывало также на кровь дѣвственниковъ, какъ на сильное лечебное средство. На этой именно разновидности повѣрья основанъ разказъ Гартмана von Aue о „бѣдномъ Генрихѣ“ (Armer Heinrich). Швабскій рыцарь Генрихъ заболѣлъ проказой. Врачъ изъ Салерно, осмотрѣвъ больнаго, нашелъ, что недугъ можетъ быть исцѣленъ только кровью молодой дѣвушки (der maget herzen blut). Дочь одного изъ „полюныхъ земледѣльцевъ“ (ein fr̄ier b̄man), жившихъ на землѣ рыцаря, согласилась пожертвовать собой для пользы ближняго. Врачъ готовъ уже открыть ей кровь, но Господь оцѣнилъ ее милосердіе и простилъ рыцаря, очистивъ его отъ проказы. Въ Исторіи Св. Граля (*Histoire du S. Graal*) разказывается о женщинѣ, заболѣвшей проказой: для ея исцѣленія пужна кровь дѣвушки, qui fust vierge en volenté et en oeuvre.

имени Константина Великаго. Когда онъ заболѣлъ проказой, жрецы посоветовали ему выкупаться въ крови дѣтей. Человѣколюбивый Константинъ отвергъ это предложеніе; Господь исцѣлилъ его водою крещенія. О папѣ Иннокентіѣ VIII разказывали, будто бы какой-то врачъ совѣтовалъ ему лечиться дѣтской кровью. Употребленіе крови, какъ врачебнаго средства, приписывалось также Людовику XI. Подобные разказы ходили во Франціи даже въ XVIII вѣкѣ: былъ слухъ, что Людовикъ XV для возстановленія силъ бралъ ванны изъ дѣтской крови. Мѣтніе о цѣлебномъ свойствѣ крови повторялось, какъ преданіе старины, и въ ученой литературѣ. *Ab antiquo receptum est, — писалъ Бэконъ, — balneum ex sanguine infantium sanare lepram et carnes jam corruptos restituere, adeo ut hoc ipsum fuerit regibus quibusdam invidiae apud plebem* ¹⁾).

Проникая въ область литературнаго творчества, преданія о дѣтоубійствѣ, кромѣ знакомыхъ уже намъ сочетаній, сплетались и съ иными эпическими подробностями. Примѣромъ такого сплетенія можетъ служить народная сказка, въ которой картина дѣтоубійства соединяется съ разказомъ о женитьбѣ сказочнаго героя на чудной красавицѣ. Въ русскомъ вариантѣ герой сказки ²⁾—Иванъ-царевичъ, добывающій себѣ невѣсту, живущую за тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ. Ивану помогаетъ Булатъ-молодецъ. Завладѣвъ красавицей, Иванъ и Булатъ возвращаются домой. Настала ночь. Василиса Кирбятевна и царевичъ уснули. Булатъ стережетъ ихъ. „Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и сдѣлались двѣнадцать дѣвицъ“. Дѣвицы предсказываютъ

¹⁾ Я привелъ лишь нѣсколько указаній. Обильный матеріалъ извѣстій и преданій, касающихся леченія кровью, можно найти въ сочиненіяхъ: *Die Symbolik des Blutes* und „*Der arme Heinrich*“ von Hartmann von Aue (Berlin, 1882); v. *P. Cassel* (гл. IX, стр. 158—186: von der Heilung des Aussatzes durch Blut); Hartmanns Armer Heinrich mit Anmerkungen und Abhandlungen von *W. Wackernagel*, herausg. v. *W. Toischer* (Basel, 1885), стр. 162—199 (Aussatz und dessen Heilung innerhalb der Geschichte), 199—206 (Sagenhafte Ausbildung und Anwendung des geschichtlichen Stoffes, der mit dem Aussatz und dessen üblicher und vermeintlicher Heilung durch unschuldiges Blut gegeben war). Ср. еще *Der Blutaberglaube in der Menschheit* von *H. L. Strack*, 4 Aufl. (1892) SS. 20—24. Сочиненіе—популярное, направиленное противъ извѣстнаго обвиненія евреевъ въ обрядовомъ употребленіи крови.

²⁾ *Авантюръ*, Сказки, кн. I, № 93, вар. с. стр. 463—472. Ср. Народныя сказки, собр. сельскими учителями, изд. *Эрленвейна*, № XII, стр. 50—72; Труды этногр. статист. экспедиціи въ Юго-Западный край, т. II, № 80, стр. 308—322.

бѣду: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, она вырвется у пса и разорветъ царевича на мелкія части, а кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменной⁴. Въ слѣдующую ночь слышится предсказаніе о конѣ, который вырвется у конюха и убьетъ царевича, а въ третью ночь — о коровѣ, которая подниметъ царевича на рога. Когда царевичъ вернулся домой, онъ приказалъ привести свою любимую собачку, потомъ — коня, наконецъ — корову. Булатъ убиваетъ животных. Разгнѣванный царевичъ приговариваетъ его къ казни. Булатъ объясняетъ свои дѣйствія. „Разказалъ Булатъ-молодецъ про первую ночь, какъ въ чистомъ полѣ прилетали двѣнадцать голубицъ и что ему говорили, и тотчасъ окаменѣлъ по колѣна; разказалъ про другую ночь — окаменѣлъ по поясъ... Разказалъ про третью ночь, и оборотился весь въ камень. Иванъ-царевичъ поставилъ его въ особой палатѣ и каждый день сталъ ходить туда съ Василисой Кирбитьевной да горько плакаться. Много прошло годовъ; разъ какъ-то плачется Иванъ-царевичъ надъ каменнымъ Булатомъ-молодцомъ и слышитъ, — изъ камня голосъ раздается: „что ты плачешь? мнѣ и такъ тяжело!“ — Какъ мнѣ не плакать? вѣдь я тебя загубилъ. — „Если хочешь, можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей — сынъ да дочь, возьми ихъ, зарѣжь, нацѣди крови и той кровью помажь камень“. Иванъ-царевичъ разказалъ про то Василисѣ Кирбитьевнѣ, потушили они, погоревали и рѣшились зарѣзать своихъ дѣтей. Взяли ихъ, зарѣзали, нацѣдили крови и только помазали камень, какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ онъ у царевича и его жены: „что вамъ жалко своихъ дѣтокъ?“ — Жалко. Булатъ-молодецъ! — „Ну, пойдемте въ ихъ комнату“. Пришли, смотрятъ, а дѣти живы. Отецъ съ матерью обрадовались и на радостяхъ задали пиръ на весь міръ⁴.

Въ нѣмецкомъ пересказѣ ¹⁾ рѣчь идетъ о королѣ, который по портрету влюбился въ красавицу, живущую въ золотомъ теремѣ (die Königstochter vom goldenem Dache). Влюбленный и его вѣрный слуга, der treue Johannes, снаряжаютъ корабль и отправляются подъ видомъ купцовъ въ ту страну, гдѣ жила красавица. Королева завлечена на корабль и увезена. Во время обратнаго пути Іоаннъ подслушиваетъ разговоръ трехъ вороновъ, которые предсказываютъ королю бѣду. По пріѣздѣ домой вѣрный дядька дѣйствуетъ также рѣшительно, какъ и нашъ Булатъ, и подобно Булату же превращается

¹⁾ Grimm, Märchen, № 6: Der treue Johannes (стр. 23—30).

въ камень. Изъ камня послышался голосъ: король долженъ убить своихъ дѣтей, кровь ихъ вернетъ къ жизни вѣрнаго слугу. Der König erschrock, als er hörte, dass er seine liebsten Kinder selbst tödten sollte, doch dachte er an die grosse Treue und dass der getreue Johannes für ihn gestorben war, zog sein Schwert und hieb mit eigenen Hand den Kindern den Kopf ab. Und als er mit ihrem Blute den Stein bestrichen hatte, so kehrte das Leben zurück, und der getreue Johannes stand wieder frisch und gesund vor ihm. Er sprach zum König: „deine Treue soll nicht unbelohnt bleiben“, und nahm die Häupter der Kinder, setzte sie auf, und bestrich die Wunde mit ihrem Blut, davon wurden sie ihm Augenblick wieder heil, sprangen herum und spielten fort, als wär ihnen nichts geschehen.

Измѣняя подробности, сказка удерживаетъ, однако, эпическую схему, повторяющуюся и въ сагѣ объ Amis и Amiles и въ цѣломъ рядѣ сходныхъ съ нею повѣстей: король, герой сказки, овладѣваетъ красавицей при помощи преданнаго человѣка; за эту услугу королю приходится расплачиваться кровью своихъ дѣтей; дѣти возвращаются къ жизни. Замѣчательно, что въ одномъ изъ нѣмецкихъ вариантовъ сказки преданный дядька замѣняется вѣрнымъ другомъ. Es ist offenbar die Sage von den treuen Freunden, dem Amicus und Amellus.— замѣчаетъ по поводу этой сказки Гримм¹⁾.

III.

Въ повѣсти объ Александрѣ и Людовикѣ разказъ о мудромъ мальчикѣ, предсказавшемъ свое величіе, соединяется съ преданіемъ объ исцѣленіи проказы человѣческой кровью. Въ области народныхъ сказокъ этотъ же разказъ объ юномъ мудрецѣ встрѣчается въ иныхъ и при томъ неодинаковыхъ сочетаніяхъ. Поэтому составъ сказки представляетъ въ вариантахъ значительное разнообразіе.

а) Мордовская сказка²⁾. Герой сказки—мальчикъ, отданный отцомъ въ ученье какому-то мудрому старцу. Срокъ ученья—три года. Мальчикъ успѣлъ въ это время научиться всѣмъ человѣческимъ языкамъ, потомъ языку животныхъ, наконецъ—языку птицъ. По истеченіи срочныхъ лѣтъ отецъ пришелъ за сыномъ, но встрѣтилъ при

¹⁾ Ibid., III B. (Anmerkungen), S. 18.

²⁾ Ahlqvist, Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik (Пб., 1861), SS. 97—107.

этомъ неожиданное затрудненіе. Оказалось, что мальчикъ можетъ вернуться домой только въ томъ случаѣ, если отецъ узнастъ его въ образѣ сокола, голубя и т. п. При помощи сына отецъ выдерживаетъ испытаніе, узнать свое чадо милое во всѣхъ превращеніяхъ. Желая съ своей стороны испытать сына, отецъ потребовалъ разъ, чтобы мальчикъ объяснилъ ему, что говорить воронъ. Юный мудрецъ сначала отказывается, но послѣ настойчивыхъ требованій объясняетъ, что воронъ говорить, будто настанетъ пора, когда отецъ будетъ пить воду съ ногъ сына. Старикъ разсердился и прогналъ сына. Юноша поступаетъ на службу къ нѣкому царю; успѣваетъ оказать ему важную услугу и получаетъ за это руку царевны ¹⁾. Обидѣвшій отецъ царскаго зятя приходитъ къ нему за милостыней, но не узнаетъ въ немъ своего сына. Старикъ принять былъ радушно. Ночью онъ захотѣлъ пить и взялся за чашку, въ которой, какъ оказалось, сынъ его мылъ ноги. Царскій зять замѣтилъ движеніе старика, удержалъ его отъ питья и открылся ему. Отецъ остался жить у возвеличившагося сына. Перебралась къ нему и мать.

б) Мазурская сказка ²⁾. Богатый купецъ отдалъ своего единственнаго сына въ ученіе челоуѣку, который зналъ языкъ птицъ. Спустя опредѣленное время юноша вернулся домой. Однажды отецъ и мать услышали, что сынъ ихъ разговариваетъ съ жаворонкомъ. По требованію родителей, юноша открываетъ, что говорила ему птичка: „Будешь богатъ; мать будетъ мыть тебѣ ноги, а отецъ вынетъ воду съ твоихъ ногъ“. Разгнѣванный отецъ продаетъ сына заѣзжему купцу. Во время пути обнаруживается мудрость юноши (вѣщіе сны) ³⁾. Прибывъ на чужбину, онъ очищаетъ церковь, которой овладѣли черти. исцѣляетъ королевскихъ дѣтей и отражаетъ нападеніе враговъ. Въ награду за это получаетъ руку исцѣленной принцессы и царство. Сказка оканчивается исполненіемъ предсказанія объ отцѣ и матери юнаго царя.

¹⁾ Услуга такая: царь отправился на войну; понадобились ему какія-то бумаги, оставленныя дома; юноша вызвался доставить ихъ въ необыкновенно короткое время. На обратномъ пути онъ, почувствовавъ утомленіе, прилегъ и уснулъ. Нѣкій коварный генералъ воспользовался этимъ, чтобы выдать себя за исполнителя царскаго порученія: онъ убилъ юношу и захватилъ бумаги. Обманъ, однако, былъ обличенъ, а вѣщій юноша возвращенъ къ жизни.

²⁾ *Tosppen, Aberglauben aus Masuren, Ss. 150—154 (Die Prophezeiung der Lerche).*

³⁾ Эти вѣщіе сны напоминаютъ подобную же подробность русской сказки „Птичій языкъ“ (юноша предсказываетъ бурю и истрѣчу съ ирлатами).

в) Валашская сказка „У одного строгаго отца былъ сынъ Петръ, которому *приснилось*, что онъ сдѣлается знатнѣе всѣхъ своихъ родичей и будетъ современемъ царемъ. Мальчикъ не могъ скрыть своей радости. „Отчего ты такъ веселъ?“ пристаётъ къ нему отецъ, и Петръ, чтобы избѣжать разспросовъ, покидаетъ родительскій домъ. Утомленный долгимъ странствованіемъ, онъ сѣлъ подъ кустомъ и заплакалъ; вдругъ поднялась по дорогѣ пыль, и подъѣхала колесница, запряженная бѣлыми, какъ молоко, лошадьми, въ которой сѣдѣлъ царь; на немъ была бѣлоснѣжная одежда и на головѣ корона. Разспросивши мальчика, о чемъ онъ плачетъ, царь взялъ его съ собою: „я, сказалъ онъ, Бѣлый царь и могу тебя сдѣлать знатнымъ человѣкомъ“. Случилось однажды, — за царскимъ столомъ зашелъ разговоръ о сповиднѣяхъ; царь потребовалъ при этомъ, чтобы Петръ разказалъ свой сонъ, но тотъ, опасаясь возбудить противъ себя подозрѣніе, отказался. Царь, разгнѣванный такимъ упорствомъ, приказалъ заточить его въ развалинахъ замка и уморить голодомъ. Къ счастью, его полюбила царица; она тайно являлась по ночамъ къ заключеннику, приносила ему и питье и пищу. Впослѣдствіи, когда настала въ немъ нужда, Петръ былъ освобожденъ; онъ помогъ Бѣлому царю разрѣшить три загадки, заданныя ему враждебнымъ королемъ (краснымъ); побѣдилъ этого послѣдняго, занялъ его престолъ и женился на прекрасной царицѣ, дочери Бѣлаго царя.“

г) Телеутская сказка ²⁾). Объ этой сказкѣ также, какъ и объ упоминаемой ниже сказкѣ бретонской, я имѣлъ уже случай говорить въ одной изъ прежнихъ статей ³⁾). Поэтому передаю здѣсь содержаніе этихъ вариантовъ съ возможной краткостью. Мальчикъ, отданный на ученіе. Возвращеніе его домой. Разговоръ птицъ. Мальчикъ рассказываетъ свое величіе и униженіе родителей. Удаленіе его изъ родительскаго дома. Прибытіе въ страну, гдѣ умеръ князь. Выборъ новаго князя: избранъ захожій юноша по знаменію заторгѣвшейся свѣчи. Предсказаніе о родителяхъ исполняется.

д) Бретонская сказка ⁴⁾). Мальчикъ, предсказывающій свое ве-

¹⁾ *Schott, Walachische Märchen*, № 9. Содержаніе сказки передано по сокращенному пересказу Аванасьева (Сказки, кн. IV, стр. 314—315).

²⁾ *Radloff, Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens*, I, 208

³⁾ Повѣсти о Вавилонѣ и сказаніе о князяхъ Владимірскихъ, гл. III (Журн. Мин. Нар. Просв., 1891 г.).

⁴⁾ *Mélasine*, 1878, 300—308, 374—388.

личіе. Удаленіе его изъ родительскаго дома. Избраніе въ папы по знаменію. Встрѣча съ родителями.

Общая основа всѣхъ указанныхъ пересказовъ вполне ясна. Особенности отдѣльныхъ пересказовъ объясняются смѣшеніемъ основной притчи съ другими сказками и преданіями.

Бретонская и телеутская сказки соединяють притчу о мудромъ мальчикѣ съ преданіемъ объ избраніи влстителя (царя, папы) по знаменію самовозгорающейся свѣчи ¹⁾. Мазурская сказка говоритъ объ очищеніи зданія, занятаго чертями, объ исцѣленіи царевны; эти подробности повторяются въ той группѣ сказокъ, къ которой принадлежитъ наша сказка о солдатѣ и чортѣ, нѣмецкая *Bruder Lustig* и др. ²⁾. Мордовскій пересказъ сплетаетъ съ притчей изображеніе одного изъ такихъ трудныхъ порученій, о какихъ говорится во многихъ сказкахъ ³⁾. Валашская сказка замѣняетъ предсказаніе птицъ вѣщимъ сномъ, напоминающимъ подобныя же сновидѣнія прекраснаго Іосифа.

IV.

Русскія сказки разсматриваемаго круга представляютъ нѣсколько разновидностей.

а) Не разъ упомянутая выше сказка „Птичій языкъ“ (*Аванасьева*, № 138) сохраняетъ простоту первоначальной притчи, внося въ нее лишь нѣсколько несущественныхъ добавленій.

б) Сказки, помѣщенные въ сборникѣ *Аванасьева* подъ № 140 (варіанты д и е), сплетаютъ знакомую намъ притчу съ сказкой о „Хитрой наукѣ.“ Содержаніе этой послѣдней сказки *безъ комбинаціи съ притчей* ⁴⁾ таково. Нѣкто отдалъ своего сына учиться хитрой наукѣ. Подъ этой наукой разумѣется искусство превращеній. Когда

¹⁾ Ср. статью, указанную выше (Повѣсти о Виллионѣ).

²⁾ *Аванасьева*, Русскія нар. сказки, №№ 90, 91 (кн. 1, стр. 421—427, 427—431); *Grimm*, Märchen, № 81.

³⁾ Ср. *Аванасьева*, Сказки, кн. IV, стр. 271, 295.

⁴⁾ Пересказы безъ соединенія съ притчей: *Аванасьева*, № 140, вар. а, б, с, *Худяковъ*, № 19 (Иванъ Дороголюбленный), № 94 (Учитель и ученикъ); *Эрленгеймъ*, № 18 (Про старикова сына); *Гудченко*, № 29 (Охъ); *Чубинскій*, № 102 (Охъ або чортъ), 103 (Про оха-чудотвора), 104 (Охъ); *Добровольскій*, Смоленскій этногр. сборникъ, ч. I, стр. 615—619, № 34 (Какъ старуха свайго сына Воху на абуčenje отдала). Ср. *Grimm*, Märchen, № 68 и примѣч. (В. III, Ss. 117—119).

отецъ пришелъ въ назначенное время за мальчикомъ, учитель превращаетъ своихъ питомцевъ въ голубей, лошадей и т. п. При помощи условныхъ знаковъ, указанныхъ сыномъ, отецъ узнаетъ его во всѣхъ превращеніяхъ ¹⁾. На пути въ родительскій домъ юноша обочивается то охотничьей собакой, то красивымъ конемъ. Слѣдуя совѣту сына, отецъ продаетъ его въ этихъ превращеніяхъ за дорогую цѣну; оборотень снова принимаетъ человѣческій видъ и возвращается къ отцу. Учитель-волшебникъ отправляется въ погоню за ловкимъ питомцемъ, но овладѣть имъ не можетъ.

Сходство темы,—изображеніе необычной мудрости,—дало поводъ къ смѣшенію этой сказки съ притчей о птичьемъ языкѣ. Вотъ для образца одинъ изъ отмѣченныхъ выше вариантовъ Аванасьева:

„Жилъ-былъ купецъ съ купчихою, и было у нихъ одно дѣтишко любимое; отдали они его учиться на разные языки къ одному мудрецу, аль то же знающему человѣку, чтобъ повсѣчески зналъ—птица ли запоетъ, лошадь ли заржетъ, овца ли заблеетъ; ну, словомъ, чтобъ все зналъ! Поучился онъ одинъ годокъ, а ужъ лучше учителя все зналъ. Какъ кончилось ученье, прѣзжаетъ за сыномъ отецъ, хочетъ его выкупить. А учитель говоритъ старику: „за ученье триста рублей, да прежде того узнай сына!“ и сдѣлалъ онъ изъ тридцати учениковъ своихъ тридцать молодцевъ: молодецъ къ молодцу! А сынъ успѣлъ шепнуть отцу: на моемъ де лицѣ мушка сидеть, а я ее платкомъ смахну. Такъ и сдѣлалъ; но той примѣтѣ старикъ угадалъ сына. „Ну, не ты мудѣрь-хитѣрь,—сказалъ ему учитель,—мудѣрь-хитѣрь твой сынъ! Угадывай сызнова“. На другой разъ выполъ онъ тридцать коней: волосъ къ волосу! Всѣ смирно стоять, а одинъ съ ноги на ногу переступаетъ, и по той примѣтѣ опять угадалъ старикъ своего сына. „Не ты мудѣрь-хитѣрь. мудѣрь-хитѣрь твой сынъ! Угадывай въ третій разъ“,—сказалъ учитель и выпустилъ тридцать сизокрылыхъ голубей; всѣ стоять, не шелохнутся, а одинъ голубокъ крылышкомъ взмахнулъ. И опять-такіи узналъ купецъ сына. Нечего дѣлать, надо было отдать ученика.

Идутъ купецъ съ сыномъ дорогою, а ворона летитъ да кричитъ: „сынъ стааетъ ноги мыть, а отецъ воду пить!“—Что это, дитятко, ворона-то кричитъ?—Сыну стыдно было сказать: „не знаю, батько!“—Экой дурецъ! чему-жъ тебя учили? за что я триста рублей запла-тилъ?—„Не попрекай, батько, деньгами; я тебѣ ихъ съ лишкомъ от-

¹⁾ Ср. указанную выше мордовскую сказку.

дамъ. Дойдемъ до базару. я обернусь конемъ; ты меня продавай, только уздечки не отдавай! Вотъ деньги и воротись". — Сказано — сдѣлано; взялъ купецъ за сына триста рублей. Приходитъ домой, а сынъ уже дома. И во второй разъ сынъ оборотился жеребцомъ; купецъ взял за него еще триста рублей, а уздечки не отдалъ. Вотъ и въ третій разъ пошелъ онъ сына на базаръ. Случись на то время быть тамъ учителю. Присталъ къ купцу: продай, да и продай лошады!—Изволь, давай триста рублей.—„Дамъ, продай съ уздечкою“. Купецъ призадумался. „Продай — надбавлю!“ Соблазнился старикъ и продалъ. Учитель сѣлъ на коня, да и былъ таковъ! Взмылилъ онъ коня, вспѣшилъ ему бока; а самъ бьетъ да приговариваетъ: „я-жъ тебя перехитрю, я-жъ тебя перемудрю!“ До костей пронялъ, и проѣхалъ на немъ безъ отдыха тридцать верстъ къ сестрѣ своей въ гости; привязалъ коня крѣпко-накрѣпко за кольцо къ столбу, а самъ вошелъ въ горницу. Скоро вышла сестра его и увидала на дворѣ ретиваго коня всего въ пѣни; сжалась надъ нимъ, разнудала и дала пшена бѣлояраго и сыты медвяной. Вздумалъ учитель ѣхать домой, вышелъ, глядь—поглядь, а коня какъ не бывало; взѣлся онъ на сестру: „ты мнѣ больше не сестра, я тебѣ не братъ!“ А самъ пустился догонять: плохо пришлось конеческому сыну! На дорогѣ попалась рѣка; онъ скорѣе обернулся карасемъ да въ воду, учитель за нимъ щукою. Конеческій сынъ выскочилъ изъ воды и сдѣлался перстнемъ: лежить на проруби, такъ и сіяетъ! Шла дѣвка-чернавка, увидала перстень, поскорѣй надѣла его на руку — и домой бѣжать. Марфида-царевна запримѣтила у дѣвки-чернавки тотъ перстень, выпросила себѣ, а на промѣнъ дала цѣлыхъ три кольца. Живетъ купеческій сынъ у царевны: днемъ перстнемъ на рукѣ, а ночью добрымъ молодцемъ на постели.

А учитель все знаетъ, все вѣдаетъ; взялъ себѣ гусли звончатые, идетъ по улицѣ, разыгрываетъ. Марфида-царевна и говоритъ царю: „нельзя ли, батюшко, позвать его къ намъ?“ Царь велѣлъ позвать. Вотъ одинъ разъ былъ, на гуслихъ игралъ, царевну съ царемъ потѣшалъ, и въ другой и въ третій былъ. Спрашиваетъ его царь: „чѣмъ тебя наградить, чѣмъ за игру заплатить?“—Да ничего, ваше царское величество, мнѣ не нужно, окромя перстенька, что блеститъ на ручкѣ у твоей царевны. Пришлось Марфидѣ-царевнѣ разлучаться съ перстенькомъ. А купеческій сынъ еще прежде научилъ ее: „какъ будешь отдавать перстень, урони словно пенарокомъ; я разсыплюсь мелкимъ жемчугомъ—наступи ногой на одну жемчужину“. Она такъ

и сдѣлала: перстень упалъ и рассыпался мелкимъ жемчугомъ; учитель обратился въ пѣтуха и давай клевать жемчугъ, а купеческой сынъ въ ту минуту выскользнулъ изъ-подъ ножки царевниной, обернулся соколомъ и свернулъ пѣтуху голову. Ну, дальше что и разказывать: извѣстное дѣло—купеческой сынъ женился на Марфидѣ-царевнѣ и сдѣлался послѣ царемъ.

А отецъ и мать его обѣдняли и стали ходить по дворамъ, побираться. Разъ на праздникахъ пришли они вмѣстѣ съ другими убогими и нищими на царской дворъ. Царь велѣлъ ихъ накормить, напоить да и спать положить; таковъ былъ милосливъ! Вотъ дали имъ комнатку и уложили спать. Ночью старикъ проснулся, захотѣлось ему испить, посмотрѣлъ кругомъ—видитъ: стоитъ свѣтлой тазъ съ водою, давай изъ него пить. А въ томъ тазу царь на ночь ноги полоскалъ: стало быть, правду ворона сказала. Поутру царь началъ убогихъ разспрашивать: откуда, кто и какъ родомъ? и призналъ своихъ родителей. Съ того времени стали они вмѣстѣ жить-поживать, не горевать¹⁾.

b) Сказки въ сборникахъ *Аванасьева* № 133 (Вѣщій сонъ), *Чудинскаго*, № 14 (Вѣщій сонъ), *Худякова* III, № 120 (Двѣнадцать Микитъ) соединяютъ изображеніе вѣщаго сна съ повѣстью о хитрой невѣстѣ. Полное сходство съ этими сказками представляетъ пѣсня, помѣщенная въ сборникъ *Рыбникова* (т. III, № 57, стр. 305 — 319): „Похожденіа Ивана. Неразказанный сонъ“.

Въ сказкѣ о хитрой невѣстѣ разказывается о томъ, какъ царь или царевичъ, прослышавшій о нѣкоей красавицѣ, ѣдетъ къ ней свататься. Дѣвица соглашается выйти замужъ подъ условіемъ, если женихъ рѣшитъ нѣсколько замысловатыхъ загадокъ и исполнитъ нѣсколько трудныхъ порученій²⁾. Царь рѣшаетъ загадки и исполняетъ порученія при помощи одного изъ своихъ слугъ. Въ пересказахъ, отиѣченныхъ выше, этотъ мудрый помощникъ жениха изображается вѣщимъ сновидцемъ; повторяются при этомъ знакомыя намъ подробности: мальчикъ, отвергнутый отцомъ; его возвышеніе; родители находятъ пріютъ у простившаго ихъ сына.

„Было у отца три сына. Вотъ онъ и поставилъ новый домъ и говорить: Надо намъ переходить въ домъ; вамъ надо по ночи ноче-

¹⁾ *Аванасьева*, II, стр. 480—483.

²⁾ О сказкахъ, развивающихъ тему трудныхъ порученій, см. замѣчанія *Аванасьева* (Сказки, т. IV, стр. 271). Ср. *Веселовскій*, Замѣтки по литературѣ и народной словесности, стр. 67—68.

вать.—Большой сынъ почевалъ въ домѣ; что привидѣлось, пришелъ. отцу разказалъ. Другой сынъ ночевалъ; что привидѣлось, пришелъ. разказалъ отцу. На третью ночь пошелъ меньшой. Почевалъ, приходитъ къ отцу, не сказываетъ свой сонъ. Отецъ, мать не стали его любить за это" (*Худяковъ*. III. стр. 159). Въ пересказѣ, помѣщенномъ у *Чудинскаго*, переданы и самые сны. Старшіе братья видятъ во снѣ, что на дворѣ у нихъ много всякаго скота; младшему снится, что кто-то подошелъ къ нему и говоритъ: „Гриша! будешь ты царемъ, только отцу не говорить и даже никому“¹⁾.

За отказъ разказать свой сонъ младшій сынъ посаженъ на три года въ погребъ, но и послѣ этого испытанія онъ не соглашается передать своихъ грѣзъ. „Узналъ про это ихній помѣщикъ и взялъ его къ себѣ: мнѣ, говоритъ, скажетъ“ (*Чудинскій*). Въ пересказѣ *Худякова*: „Приходитъ къ нимъ проѣзжій мужикъ. — Что, говоритъ, вѣрно у васъ сынъ не родной? Продайте мнѣ его. Родной-то онъ родной, да не нуженъ онъ намъ, возьмите его“. Въ сказкѣ *Аванасьева*—два сына. Младшій за нежеланіе разказать сонъ привязанъ къ столбу на большой дорогѣ, освобожденъ проѣзжавшимъ мимо царевичемъ. Въ былинѣ:

При томъ царѣ при Осдорѣ Васильчѣ
Жилъ-былъ бояринъ богатый.
У него было три сына, три любимыхъ,
И выстроилъ всѣмъ по дому по великому.
Посылалъ онъ перво сына старшаго
Во свой во домъ новостроенный,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, мое чадо милое!
Что тебѣ во снахъ привидится,
Тотъ мнѣ сонъ поразкажи“.
Ему во снахъ ничего не привидѣлось.
По другую ночь послалъ сына средняго,
И ему ничего не привидѣлось.
По третью ночь послалъ сына младшаго,
Ему чуденъ сонъ привидѣлся:
„Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
А отецъ опосля тую воду пилъ“.
Убоялся удалый добрый молодецъ.
И не смѣлъ того сна поразказать.
Разсердился родитель его батюшка,

¹⁾ *Чудинскій*, Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки (М., 1864), стр. 70.

Отдалъ его во слуги-рабы

Тому ли большому боярину (ст. 1—22).

Тотъ, кому отданъ былъ юноша, требуетъ, чтобы онъ разказалъ свой сонъ. Юноша отказывается. Вынужденный послѣ этого оставить своего хозяина сповидецъ поступаетъ на службу къ царю. Повторяется вопросъ о снѣ и отказъ юноши. „Царю стало любопытно узнать то же самое. Онъ и говоритъ: „Скажи мнѣ, Гриша, что видѣлъ во снѣ?“ Нѣтъ, не скажу. — „Нѣтъ, скажешь“. — Нѣтъ, что хотите дѣлайте, не скажу. — Царь думалъ, какъ бы выпытать изъ Гриши тайну и велѣлъ засадить его въ каменный мѣшокъ, авось скажетъ! Приказалъ царь сдѣлать каменный столбъ, закласть его въ столбъ и сдѣлать только маленькое окошечко, чтобъ подавать ему туда ѣсть. Туда и засадили“ (*Чудинскій*). Въ пѣснѣ:

Молодой Иванушка Васильевичъ:

Онъ въ солдатухахъ служить три года

У того царя Федора Васильича,

Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,

А царь его любилъ-жаловалъ.

И сталъ его царь спрашивать...

„Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій,

Не скажешь мнѣ сну отцовскаго,

Посажу тебѣ въ тюрьму богадѣльную“.

И говоритъ ему Иванъ Васильевичъ:

„Не сказалъ я сну родитель-батьку

И не сказалъ своему барину,

Не скажу тебѣ, царское величество!“

Разсердился царь Федоръ Васильевичъ,

Посадили его въ тюрьму богадѣльную (ст. 38—43, 47—55).

Спустя нѣкоторое время царь отправился на чужую сторону. „Сбирается потомъ царь ѣхать въ чужія земли жениться и оставляетъ дома одну сестру. Царевна однажды пошла гулять, идетъ мимо этого столба, въ которомъ засоженъ Гриша. Гриша и кричитъ: ваше высочество! прикажите выпустить меня отсюда, а то вашъ братецъ безъ меня тамъ голову положить. Царевна приказала выпустить его. Гриша приходитъ во дворецъ и говоритъ царевнѣ: ваше высочество, чтобы спасти вашего брата, надо мнѣ человѣкъ 200, чтобы были со мной голосъ въ голосъ, ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ. Для Гриши все было исполнено. Сѣлъ потомъ онъ съ этими молодцами на корабль и поѣхалъ“ (*Чудинскій*). Въ сказкѣ *Худюкова* Микита подбираетъ себѣ „одинадцать Микитъ въ одинъ голосъ, въ одинъ волосъ“. То же число 12 повторяется въ сказкѣ *Аванисьева*. Пѣсня не упоминаетъ о спут-

никахъ вѣщаго юноши. Сестра царя Федора Васильевича, проводивъ брата,

Домой пошла и заплакала,
 Зашла она къ затюремщикамъ,
 Подавала имъ по милостинѣ.
 Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:
 „Ай же ты, Анна Васильевна!
 Утѣхалъ твой братецъ за синѣ море,
 Не будешь онъ вздѣ по живности“.
 Тутъ она порасилакалась,
 Стала у него выпрашивать:
 — Ты скажи, удалый добрый молодецъ,
 Почему ты можешь знать,
 Можешь знать и высказывать?
 Тогда онъ порасхвастался:
 „Когда сдѣлаешь со мной заповѣдь великую,
 Повдѣшь за меня замужъ
 И назовешься моей молодой женой,—
 Тогда избавлю отъ смерти отъ напрасныя
 Твоего братца любимаго.
 Тутъ молода Анна Васильевна
 Бѣжала къ отцу ко духовному.
 Писали они тутъ духовную
 И давали ему золотой казны,
 Столько давали, сколько надобно,
 Отправляли его за синѣ море.

(Ст. 62—85).

Дорогой герой пѣсни встрѣчается съ разбойниками, которые ссорились изъ-за шапки-невидимки.

Говорить удалый добрый молодецъ:
 „Я раздѣлю эту шапочку:
 Натяну я свой тугій лукъ,
 Наложу я стрѣлочку каленую,
 Стрѣлю въ одну сторону,
 Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой,
 Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
 Тому она доставается“.
 Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
 Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
 Стрѣлялъ въ одну сторону.
 Тутъ они сорокъ разбойничковъ
 Бросались за этой стрѣлочкой;
 А онъ удалый добрый молодецъ
 Тянулъ шапочку-невидимочку,

Садился во свою лодочку
И поѣзжалъ впередъ по синю морю.

(Ст. 103—119).

Подобнымъ же образомъ достаетъ онъ затѣмъ „скатереточку-хлѣбосолочку“ и „коверь самолетный.“ Въ сказкѣ *Адонисьева* вмѣсто сорока разбойниковъ выступаютъ три старика; молодецъ достаетъ отъ нихъ шапку-невидимку, коверъ-самолетъ и сапоги-скороходы. Въ пересказѣ *Чудинскаго* два чорта спорятъ о коврѣ-самолетѣ и шапкѣ-невидимкѣ. „Гриша и говоритъ: вотъ я брошу цѣлковый, кто скорѣй его найдетъ и принесетъ ко мнѣ, тотъ что хочетъ, то и бери. Черти согласились. Гриша закинулъ цѣлковой далеко. Черти побѣгли, а онъ надѣлъ шапку-невидимку и взялъ подъ мышку коверъ-самолетъ, пришолъ на корабль и говоритъ молодцамъ своимъ: плывите домой теперь, а я пойду пѣший. Они поплыли домой“. Въ сказкѣ *Худякова* изображеніе спора опущено.

Царевна, руки которой ищетъ заѣзжій царевичъ, предлагаетъ ему три задачи. „Пріѣхали вы жениться на мнѣ, такъ сдѣлайте мнѣ штуку такую, которая будетъ у меня, чтобъ была парная къ пей, а если не сдѣлаете, такъ на мнѣ и не женитесь“. Гриша въ шапкѣ-невидимкѣ пробирается къ царевичу и узнаетъ, что нуженъ башмакъ бархатный, украшенный драгоценными камнями. „Башмачникъ началъ шить башмакъ, сшилъ, а Гриша этотъ башмакъ унесъ, да и пошелъ вонъ изъ дворца. Башмачникъ хватился: гдѣ башмакъ? Нѣту. И давай другой такой же шить“. Второе порученіе: принести золотого селезня подъ пару къ серебряной уткѣ. Гриша исполняетъ и это требованіе. Третья задача: нужны серебряные волосы. Царевна достаетъ эти волосы изъ бороды своего дѣдушки. Гриша въ шапкѣ-невидимкѣ отправляется къ тому же дѣдушкѣ: „заранѣе приготовилъ дубовый крюкъ, замоталъ полбороды, да какъ дернетъ, такъ полбороды и вытащилъ“ (*Чудинскій*). Подобныя же задачи перечисляются въ пересказахъ *Адонисьева* и *Худякова*¹⁾. Въ былинѣ трудныя порученія даетъ отецъ невѣсты, грозный царь Василій Левиндовъ. Порученія слѣдующія: сшить башмаки сафьянные, какіе онъ вздумаетъ; сшить шубу черныхъ соболей, а паволока, какую онъ вздумаетъ; принести три волосика золоченыхъ съ жемчужинами. Иванъ Васильевичъ исполняетъ за Федора эти замысловатыя порученія.

¹⁾ Въ сказкѣ *Худякова* исполненію трудныхъ порученій предшествуетъ узнаваніе невѣсты. У царя двѣнадцать дочерей: „кажъ одна, такъ и другая, узнать невозможно“. Царь предлагаетъ жениху указать свою невѣсту. Помогаетъ Никита.

Послѣ того, какъ задачи рѣшены, неподатливой невтѣстѣ приходится полей-неполей исполнить свое слово. Забѣжій царь женится. „Во дворцѣ ли пиво варить, ни вино курить, а вздумали, значить, да тотъ же часъ и за спадобку.—сбѣжичались“ (*Чудинскій*). Пересказъ *Аванасьева* дополняетъ разказъ о свадьбѣ изображеніемъ неудачной попытки царевны узнать того, кто исполнилъ ея задачи. „Разсердилась Елена Прекрасная, побѣжала въ свою опочивальню и стала смотрѣть въ волшебную книгу: самъ ли царевич угадываетъ, или кто ему помогаетъ? И видитъ по книгѣ, что не онъ хитѣръ, а хитѣръ его слуга, Иванъ купеческой сынъ“. У царевича было двѣнадцать слугъ. Елена пыталась уличить того, кто рѣшилъ ея задачи, но это ей не удалось. Пересказъ *Худякова* замѣняетъ узнаваніе хитраго слуги картиной борьбы молодыхъ супруговъ. „Стали ложиться спать. Она и задумала его задушить; онъ и закричалъ: Микита, Микита!—Является Микита и выручаетъ царя изъ бѣды ¹⁾).

Въ пѣснѣ нѣтъ упоминанія ни о борьбѣ, ни объ узнаваніи хитраго слуги.

Послѣ рѣшенія задачъ грозный царь

Повыдалъ замужъ свою дочушку
За того за Федора Васильевича,
Далъ онъ вслѣдъ сорокъ кораблей.

(Ст. 385—387).

Разказывается о двухъ свадебныхъ пирахъ. Первый пиръ заводилъ царь Василій Леонидовъ.

Какъ тутъ Иванушка Васильевичъ
Одѣлъ онъ шалочку-цвѣдимочку,
Пошелъ въ палаты государевы;
Какъ были тамъ столы накрытые,
Обралъ онъ ѣства сахарныя,
Обралъ онъ питья медвяныя,
И вышли всѣ голодны добры молодцы,
Что нечего было ни ѣсть ни пить.

(Ст. 403—410).

Второй пиръ—на кораблѣ у Федора Васильевича:

Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ
Налагалъ свою скатерточку-хлѣбосолочку,
Не могли они ѣствацъ повиѣсти,
Не могли они питьяцъ повипити.

(Ст. 420—423).

¹⁾ Изображеніе подобной борьбы находимъ и въ другихъ сказкахъ. См., напримѣръ, въ сборникѣ *Аванасьева* № 116 (Беззогой и слѣпой богатыри).

Послѣ свадьбы Иванъ-царевичъ призываетъ своего вѣрнаго Гришу и говоритъ: „Чѣмъ мнѣ тебя благодарить за твою услугу?“ А чѣмъ пожалуете, Иванъ царевичъ!—„И вотъ тебѣ дамъ письмо, говоритъ Иванъ царевичъ, отвези его моей сестрѣ“. Гриша простился съ Иваномъ-царевичемъ, сѣлъ на коверъ-самолетъ и полетѣлъ. Приѣзжаетъ въ свое царство, приноситъ царевнѣ письмо. Она прочитала. Написано: „Сестрица милая! Позволяю тебѣ принять его къ себѣ во дворецъ на мѣсто меня и выйти за него замужъ“. Ну, и обвѣнчались. Сдѣлался Гриша царемъ, да и теперь благополучно поживаетъ“. Такъ оканчивается сказка *Чудинская*. Пересказъ *Худякова* присоединяетъ упоминаніе объ отцѣ вѣщаго молодца: „Прибылъ къ нему его отецъ въ гости. Стали ему слуги ноги мыть, сыну-то; оставили помон. Отцу ночью захотѣлось пить; онъ взялъ изъ таза-то этихъ помой-то и напился. Поутру встаютъ. Микита говоритъ: „вотъ сошъ-то, говоритъ, я видѣлъ: что мнѣ будутъ ноги мыть, а тебѣ придется помонить“. По пересказу *Аванассева* вѣрный слуга, вернувшись на родину, снова сѣлъ въ тюрьму. Возвратившійся царевичъ освободилъ его.

Сходно въ былинѣ:

А этотъ Иванушко Васильевичъ
Садился на коверъ самолетный
И полетѣлъ впередъ черныхъ кораблей,
Прилеталъ во землю во Русскую
И садился въ тюрьму богатырную. (Ст. 440—444).

Когда приѣхалъ домой Федоръ Васильевичъ, онъ приказалъ

Повыпустить Иванушка Васильева,
Отдавалъ за него Анну Васильевну.
Отдѣлилъ ему полцарства-полменства.
Тутъ-то Иванушко Васильевичъ
Посылалъ звать своего родимаго батюшка
И заводилъ про него имованье, почестень ниръ.
Накормили его ѣствами сахарными,
Положили спать въ покои царскіе. (Ст. 465—473).

Передъ сномъ Иванъ Васильевичъ вымылъ ноги въ теплой водѣ и поставилъ тазъ подъ кровать.

Какъ спалъ его родитель-батюшка,
Похотѣлося ему пить похмельному,
И взялъ онъ тазъ сподъ кровати
И выпилъ тую теплу подушку. (Ст. 479—482).

Узнавъ объ этомъ, сынъ вспомнилъ о своемъ снѣ и разказалъ его отцу.

Разсердился ты на меня, батюшка,

Потому что я тебѣ сна не разказалъ,
 А я видѣлъ тотъ сонъ во твоёмъ новомъ дому:
 Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
 А ты, батюшка, опосля тую воду пилъ,
 И не смѣлъ того сна поразказать.
 А тебѣ прощаю теперь твою вину.
 Тутъ они съ батюшкой помирились,
 Другъ другу въ ноги поклонились,
 И благословилъ его отецъ царствовать. (Ст. 491—500).

Сложное содержаніе пѣсни о приключеніяхъ Ивана и сходныхъ съ нею сказокъ очевидно. Выше было уже указано на слияніе въ нашей пѣснѣ двухъ сказочныхъ темъ. Одна изъ этихъ темъ, — сватовство, соединенное съ исполненіемъ трудныхъ задачъ, — развивается въ сказкѣ о хитрой невѣстѣ. Вторая тема знакома намъ по одной изъ притчъ Книги о семи мудрецахъ ¹⁾, при чемъ пѣсня и сходная съ нею сказки замѣняютъ предсказаніе птицъ вѣщимъ словидѣньемъ ²⁾. Такая же замѣна встрѣтилась уже намъ выше, въ валашскомъ пересказѣ.

Сверхъ этихъ темъ, нужно отмѣтить еще одну эпическую подробность, примѣшавшуюся въ нашихъ пересказахъ къ повѣсти о мудромъ словидцѣ. Подробность эта, — изображеніе спора о чудесныхъ вещахъ (шанка-невидимка, коверъ-самолетъ и т. п.), — повторяется въ цѣломъ рядѣ сказокъ. Для примѣра можно указать нѣмецкую сказку въ сборникѣ бр. Гриммъ: *Der König vom goldenem Berg* (№ 92). Бѣднякъ отдаетъ сына „черному человѣчку“ (*ein kleines schwarzes Männchen*). Юноша освобождаетъ царевну, находившуюся въ плѣну у чудовища, и женится на ней. Спустя нѣкоторое время, герой сказки отправился посѣтить родину. На прощанье жена дала ему волшебное кольцо (*Wünschring*), но узнала слово, что онъ не

¹⁾ Припомнимъ подобное же соединеніе притчи о мудромъ мальчикѣ съ разказомъ объ его женитбѣ на царской дочери въ приведенныхъ выше мордовской, мауурской и валашской сказкахъ.

²⁾ Есть, впрочемъ, пересказы, въ которыхъ удерживается вступленіе основной притчи. „По другимъ, имѣвшимся въ моихъ рукахъ спискамъ, — замѣчаетъ Леонасьевъ, — особенности встрѣчаются только въ началѣ разказа; такъ въ одномъ спискѣ, вмѣсто вѣщаго словидѣнія, *будущая судьба предсказывается птицами*. Ъхали старикъ съ сыномъ въ тѣлѣгѣ; вдругъ налетѣлъ ястребъ и сталъ долбить старика голову — едва отъ него отдѣлался. „Я знаю, что вѣщаетъ ястребъ“, — сказалъ сынъ. — А что? — спросилъ старикъ. — „Онъ вѣщаетъ, что придетъ время — будетъ матушка мнѣ на руки воды подавать, а ты, батюшка, будешь съ полотенцемъ стоять“... (Сказки, IV, стр. 313).

воспользуется таинственной силой этого кольца, — не будетъ вызывать ее во время путешествія. Мужъ нарушилъ обѣщаніе. Жена явилась, но во время сна мужа поспѣшила удалиться. Герой сказки пускается въ обратный путь. Встрѣтились ему три великана, спорившіе о томъ, какъ подѣлать мечъ-самосѣкъ, плащъ-невидимку и сапоги-скороходы. Путешественникъ обѣщается разобрать ихъ дѣло, если они позволяютъ ему убѣдиться въ чудесныхъ свойствахъ спорныхъ предметовъ. Согласіе дано. Овладевъ диковинками, нашъ герой поспѣшилъ разстаться съ великанами. Въ сапогахъ-скороходахъ онъ мигомъ перенесся домой, въ плащъ-невидимкѣ тайкомъ пробрался во дворецъ, а мечомъ-самосѣкомъ расправился съ собравшимися врагами. Есть сказки такого же содержанія италіанская, мадырская, норвержская ¹⁾. Въ русской сказкѣ: „Въ награду за подвигъ царь выдаетъ за батрака свою дочь, но царица не любитъ мужа. Прогнанная женою онъ идетъ по лѣсу и встрѣчаетъ трехъ спорщиковъ: шумятъ и ссорятся они за три диковинки — за коверъ-самолетъ, сапоги-скороходы и скатерть-самобранку. Батракъ вызывается разсудить дѣло: „полѣзайте-ка, — говоритъ онъ спорщикамъ, — на высокой дубъ; кто прежде влѣзетъ, тому и диковинки!“ Тѣ полѣзли на дерево, а онъ взялъ сапоги да скатерть, сѣлъ на коверъ-самолетъ и былъ таковъ“ ²⁾. Извѣстна эта сказочная тема и на востокѣ ³⁾.

Былина о походе Ивана — сказка въ пѣсенной передачѣ, сказка въ стихахъ. Пѣсня желаетъ, однако, придать сказкѣ нѣкоторую былевую окраску, связывая бродячую повѣсть съ именемъ царя Ивана Васильевича.

Замѣчательно, что это же историческое имя внесено въ другую былинку такого же сказочнаго состава: „О царствѣ подсолнечномъ, царѣ Иванѣ Васильевичѣ и царевичѣ Федорѣ Ивановичѣ“. Припомнимъ въ короткихъ словахъ содержаніе пѣсни. „При царѣ было Василь Михайловичъ, жило при царѣ два мастера“. Одинъ изъ этихъ мастеровъ сдѣлалъ для царя „орла самолетнаго“. Сынъ царскій Иванъ Васильевичъ садится на орла и переносится въ царство Под-

¹⁾ Варіанты сказки указаны *P. Kellermann* въ *Jahrbuch für romanische und englische Literatur*, VII (1866), Ss. 135 — 148 (*Volksmärchen aus Venetien von G. Widder und A. Wolf mit Nachweisen und Vergleichen von R. Köhler*, примѣчаніе къ сказкѣ: *Der arme Fischerknabe*).

²⁾ *Авантисъ*, Сказки, IV, стр. 249.

³⁾ *Liebrecht*, *Zur Volkskunde*, Ss. 117 — 118; *Веселовскій*, Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 35, примѣчаніе. Ср. *Grimm*, *Märchen*, III, Ss. 167—168.

солнечное. Узнаетъ онъ, что у царя подсолнечнаго есть дочь Марья Лиховидьевна и влетаетъ на орлѣ въ ея теремъ. Молодые люди приглянулись другъ другу. „Со тѣхъ поръ, съ того времячка молодой Иванушка Васильевичъ по часту леталъ во царство Подсолнечно“. Родился у Марья сынъ. Иванъ Васильевичъ отдалъ его на воспитаніе „бабушкѣ задворенкѣ“. Когда Ѳеодору Ивановичу исполнилось 16 лѣтъ, онъ отправился къ отцу.

Пріѣзжаетъ онъ къ Ивану Васильевичу,
И услышалъ онъ о своемъ батюшкѣ,
Что отецъ его еще сватаетъ
У того великаго боярина
Молоду Анну Дмитріевичу.

Ѳеодоръ знакомится съ этой Анной. Слухъ объ ихъ свиданіяхъ доходитъ до царя. Онъ приказываетъ казнить захожаго молодца. Передъ казнью открылось, что молодецъ—царскій сынъ. Ѳеодоръ прощенъ и женится на Аннѣ.

А самъ-то Иванъ Васильевичъ
Взялъ Марью Лебедь Бѣлую
У того у царя у Подсолнечнаго ¹⁾.

Сказочный характеръ этой пѣсни несомнѣнъ. Что же могло дать поводъ къ такому смѣшенію пѣсни и складки, историческихъ воспоминаній и сказочныхъ небылицъ? Очевидно, сказка могла втянуть въ себя историческія имена, могла переработаться въ пѣсню былеваго характера только въ томъ случаѣ, если между этой сказкой и опредѣленными былевыми воспоминаніями открывалось нѣчто общее, подмѣчались какія нибудь сходныя черты.

Пѣсня-сказка, о которой идетъ рѣчь, касается эпохи сравнительно поздней, исторически извѣстной. Поэтому опредѣленіе былевыхъ реминисценцій, проникшихъ въ сказку, не требуетъ ни разысканій, ни догадокъ. При сравненіи сказки съ былью оказывается, что сходство ограничивается здѣсь лишь нѣкоторой близостью основной темы.

Есть былевая пѣсня объ Иванѣ IV и его сынѣ Ѳеодорѣ. Пѣсня идетъ отъ опредѣленнаго историческаго факта—убійства Грознымъ царемъ сына его Ивана, имя котораго замѣняется въ пѣснѣ именемъ

¹⁾ Рыбниковъ, Пѣсни, т. III, стр. 319—328. Подробный историко-литературный разборъ пѣсни см. въ статьѣ А. Н. Веселовскаго: Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о Подсолнечномъ царствѣ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1878, апрѣль).

другаго царевича. Поэтическое отраженіе смягчаетъ ужасныя подробности темнаго дѣла. Иванъ приказываетъ казнить сына, но царевичъ спасенъ отъ смерти Никитой Романовичемъ.

Въ пѣснѣ „О царствѣ Подсолнечномъ“ также разказывается о томъ, какъ „Грозный царь Иванъ Васильевичъ“ приказалъ казнить провинившагося удалаго молодца, который оказался его сыномъ:

А тотъ царь Иванъ Васильевичъ
Приказалъ схватить удала добра молодца
И вывести на ступеночку высокую,
Отрубить ему буйна голова.

Открылось, что пригопоренный къ казни—царевичъ.

Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ увидѣлъ сына любимаго,
Бралъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста во сахарныя.

(Рыбниковъ, III, 327—328).

Въ исторической былинѣ:

Скричалъ онъ, царь, зычнымъ голосомъ:
„А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи?
Возьмите царевича за бѣлы ручки,
Ведите царевича со царскаго двора
За тѣ за ворота Москворѣцкія.

Ко той ко плахѣ бѣлодубовой.

Царевичъ спасенъ Никитой. Царь узнаетъ объ этомъ.

Беретъ онъ царевича за бѣлы ручки,
А грозный царь Иванъ Васильевичъ
Цѣловалъ его въ уста сахарныя.

(Кириа Диниловъ, 328—329, 335).

Пѣсня о „Подсолнечномъ царствѣ“ представляетъ примѣръ эпического замѣщенія. Бродячая сказка переработалась въ мнимо-историческую пѣсню, замѣщающую фантастическими подробностями реальныя воспоминанія былины. Основа замѣщенія — нѣкоторое сходство эпической темы.

Подобнымъ же замѣщеніемъ объясняется и внесеніе имени царя Ивана Васильевича въ сказку о пѣщемъ сиѣ. Иванъ Васильевичъ—*первый царь* московскій. Вокругъ этой былевой темы, находившей себѣ выраженіе и въ историческихъ пѣсняхъ, сплотился рядъ сказокъ и преданій, разнообразно отвѣчающихъ на одинъ и тотъ же вопросъ: какъ московскій князь сталъ царемъ? Народные пере-

сказы повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, приурочивая къ Ивану IV захожую сказку о добываніи драгоцѣнностей, принадлежавшихъ Палуходоносору. Преданіе о выборѣ царя въ Москвѣ рассказываетъ о знаменіи самозагорающейся свѣчи; по такому именно знаменію избранъ де былъ въ цари Иванъ, прозванный Грознымъ ¹⁾. Пѣсня о неразказанномъ снѣ замѣняетъ избраніе по знаменію иными подробностями: Иванъ Васильевичъ помогаетъ царю Ѳеодору овладѣть хитрой красавицей и за это получаетъ въ награду руку царицы и царскій титулъ ²⁾.

Пѣсни о Подсолнечномъ царствѣ и о неразказанномъ снѣ даютъ замѣчательные образцы проникновенія захожихъ сказокъ въ область нашего историческаго эпоса. Но сложенные, быть можетъ, въ довольно позднее время эти сказочныя пѣсни не успѣли вытѣснить изъ народной памяти поэтическихъ былей. Поэтому историческая пѣсня о царѣ Иванѣ и его сынѣ и сказка въ стихахъ подобнаго же содержания сохраняются рядомъ, не смѣшиваясь одна съ другой. Но при этомъ неполно является вопросъ: всегда ли были и небылицы, пѣсни историческія и пропикавшія въ ихъ среду сказки могли уживаться такъ мирно, сохраняя свою раздѣльность и особность? Чѣмъ древнѣе историческія пѣсни, чѣмъ раньше могли проникнуть въ ихъ среду сказочныя повѣсти, тѣмъ труднѣе, конечно, могла удержаться раздѣльность пѣсни и сказки, тѣмъ легче, напротивъ, позднѣйшая повѣсть могла не только стать рядомъ, но и замѣнить, вытѣснить старую пѣсню.

ИЗЪ ИЗДАНОГО.

¹⁾ Труды 3-го Археологическаго Съѣзда, I, 337—338 (*Аристотель*, Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ: I. Воцареніе Грознаго).

²⁾ Быть можетъ, частая снѣжная властителей послѣ смерти Ѳеодора Ивановича можетъ объяснить, почему къ преданіямъ о Московскомъ царствѣ присоединились разказы, построенные на мысли объ удачѣ, о быстромъ подъемѣ на высоту власти. Припомнимъ судьбу Бориса Годунова. Разказывали, будто бы занятіе престола было ему предсказано: „истинно тебѣ возвѣщаемъ,—говорили Борису волхвы,—что получиши желаніе свое: будешь на царствѣ московскомъ“ (*Карамзинъ*, II, Г. Р., X, примѣч. 221). Осуществленію предсказанія содѣйствовало свойство Бориса съ царемъ Ѳеодоромъ. Годуновъ сталъ выше другихъ бояръ, какъ царскій шуринъ. Пѣсня разказываетъ также о занятіи престола по предсказанію и по свойству съ царемъ; имя царя—Ѳеодоръ.

ИСТОРИЯ ФИЗИКИ.

ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЯ ЛОГИКИ ОТВЕРТІЙ ВЪ ИХЪ ИСТОРИИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ¹⁾.

Средневѣковая наука внѣ школы: астрологія, алхимія, магія.

А л х и м і я .

IX. *Происхожденіе алхиміи.* Изъ какихъ памятниковъ и источниковъ извѣстна намъ исторія алхиміи? Если астрологія—въ смыслѣ наблюденія небесныхъ свѣтилъ и воздушныхъ метеоровъ и выводовъ, какія изъ наблюденій этихъ дѣлались по отношенію къ происходящему на землѣ,—есть отрасль знанія, упаслѣдованная отъ глубочайшей древности, то нельзя того же сказать объ алхиміи, хотя алхимическіе писатели и указываютъ источникъ ея въ древней египетской мудрости и въ мненческой старинѣ. Писатели первыхъ вѣковъ христіанства нерѣдко ссылаются на апокрифическую книгу Еноха, гдѣ открытіе людямъ тайныхъ искусствъ и наукъ приписывается падшимъ ангеламъ, плѣнившимся дочерьми человѣческими. „Они жили,—сказано въ книгѣ,—съ ними и научили волшебству, чарамъ, свойствамъ корней и деревьевъ, магическимъ знакамъ, искусству наблюдать звѣзды“. Одинъ изъ ангеловъ, „научилъ употребленію браслетъ и украшеній, употребленію живописи, искусству красить брови и носить драгоценные камни и всякія украшенія—такъ что міръ развратился“. „Они,—распространяется о той же легендѣ Тертуліанъ (De cultu feminarum, X),—показали тайны металловъ; научили свойствамъ травъ, от-

¹⁾ *Продолженіе.* См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за текущій годъ.

крыли силу заклинаній и показали всяческія любопытныя знанія до истолкованія звѣздъ включительно (*et omnem curiositatem usque ad stellarum interpretationem designaverunt*). „Падшіе ангелы научили всякимъ прельщеніямъ, доставили золото, серебро и ихъ издѣлія; научили красить шерсть“ (*De Idolatria*, IX. D). Искусство крашенія, въ область котораго входило и измѣненіе пыльного вида металловъ, приводилось въ связь съ тайнами металловъ, то-есть, съ ихъ алхимическими преобразованіями.

Алхимическіе писатели колыбель алхиміи усматриваютъ въ Египтѣ и говорятъ о „священномъ искусствѣ“ (*ars sacra*), какимъ владѣли жрецы, храня его въ великой тайнѣ. Кромѣ тѣснаго круга жрецовъ, она могла быть сообщаемъ лишь сыновьямъ царей. „Жрецы“, говоритъ Клементъ Александрійскій (*Stromates*, V, 7), „никому не сообщали своихъ тайнъ, храня ихъ для наследника престола и для тѣхъ между собой, кои отличались добродѣтелью и мудростью“. Эта таинственность, приписанная жреческимъ познаніямъ и, должно думать, дѣйствительно—на сколько такія знанія имѣлись—ихъ окружавшая, положила печать на всю дальнѣйшую разработку алхимическихъ ученій и приѣмовъ. Непрерывные символы, аллегоріи, скрытый смыслъ терминовъ сдѣлали все загадочнымъ въ алхимическихъ трактатахъ.

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что въ древнемъ Египтѣ былъ запасъ практическихъ свѣдѣній по обработкѣ металловъ, приговленію силъ, производству стекла и эмали. Приготовление лѣкарствъ, бальзамированіе труповъ, въ свою очередь, входили въ кругъ химическихъ занятій. Въ какихъ мѣстахъ и помощью какихъ приѣмовъ производились всѣ эти химическія операціи? „Объ этомъ,—говоритъ Бертелло (*„Les origines de l'alchimie“*, 1885, стр. 235),—намъ въ точности ничего неизвѣстно. Центры металлургической разработки упоминаются у нѣкоторыхъ писателей (Діодоръ Сицилійскій, III, 12, 130). Но въ упоминаніяхъ этихъ идетъ дѣло о добываніи металловъ и первоначальной ихъ обработкѣ на мѣстѣ, а не о химическихъ производствахъ въ тѣсномъ смыслѣ. Эти производства, повидимому, имѣли мѣсто въ сосѣдствѣ святилищъ Пта и Сераписа. Превращеніями металловъ занимались тѣ же лица, какъ и приготовленіемъ лѣкарствъ... При этомъ всякаго рода химическіе приѣмы подобно тому, какъ и медицинскіе, исполнялись въ сопровожденіи религіозныхъ формулъ, молитвъ, заклятій, считавшихся существенными, для успѣха какъ химическихъ операцій, такъ и лѣченія больныхъ. Только жрецамъ предостановилось совершать оба разряда церемоній—и практическія, и ма-

гическія". Однако, до сихъ поръ не найдено слѣдовъ древнихъ лабораторій для производства металловъ, стеколъ, драгоценныхъ камней. Только Масперо въ окрестностяхъ Сіута (Siout) при подошвѣ горы, на мусульманскомъ кладбищѣ, удалось, по показаніямъ туземцевъ, найти помѣщеніе, несомнѣнно служившее нѣкогда лабораторіей. При раскопкахъ, съ цѣлю разысканія золота, на глубинѣ двѣнадцати или тринадцати метровъ, встрѣтили древнюю усыпальницу, когда-то уже разрытую. Она ведетъ въ комнату съ закопченными стѣнами, очевидно, служившею лабораторіей. Тамъ найдена была бронзовая печь, бронзовая дверца отъ другой печи большихъ размѣровъ, пятьсотъ бронзовыхъ вазъ, гипсовыя чашки, нѣсколько золотыхъ предметовъ низкой пробы, приготовленныхъ, повидимому, для расплавки. По различнымъ признакамъ можно заключить, что это, впрочемъ, не древняя египетская лабораторія, а мастерская, принадлежавшая какому-нибудь алхимику или, можетъ быть, фальшивому монетчику VI или VII вѣка нашей эры.

Историческіе памятники въ области алхиміи, въ папирусахъ и рукописяхъ идутъ лишь отъ III вѣка нашей эры. Древнѣйшій памятникъ, изученный Бертело, находится въ собраніи египетскихъ папирусовъ въ городѣ Лейденѣ. Тамъ хранятся три папируса, найденные, сколько извѣстно, при раскопкахъ египетскихъ могилъ въ окрестностяхъ Оивъ. Папирусы относятся учеными къ III вѣку нашей эры; два изъ нихъ на двухъ языкахъ: текстъ греческій и текстъ египетскій; третій папирусъ только греческій (на сколько можно заключить изъ описанія Бертело). Содержаніе папирусовъ составляетъ рядъ рецептовъ и указаній приемовъ для рѣшенія разныхъ практическихъ вопросовъ, химическаго, алхимическаго, магическаго характера: приготовленіе сплавовъ, способы окраски, очищеніе свинца, олова, разные вопросы по обработкѣ металловъ; умноженіе золота (обращеніе сплава золота и металла въ чистое золото), фабрикація золота; любовныя зелья, способы вызывать и посылать сны, мистическіе рецепты для удачи предпріятій, вызовъ призраковъ и т. под.

Въ различныхъ евронейскихъ бібліотекахъ хранится множество рукописей алхимическаго содержанія. Онѣ содержатъ въ себѣ переписанныя въ разные времена (въ XIII, нѣкоторыя даже раньше—въ XI; большинство въ XV и XVI вѣкахъ) сочиненія алхимиковъ эпохи греческой, а затѣмъ арабской.

Священное искусство, какъ именовали алхимию, обнимало собою не одно приготовленіе золота. Кромѣ металлургической алхиміи, имѣю-

щей цѣлью совершенствовать и облагораживать металлы, достигая превращенія ихъ въ золото, была алхимія медицинская, имѣвшая цѣлью отысканіе жизненнаго элексира, общей панацеи противъ всяческихъ болѣзней. Въ одной рукописи, находящейся въ Национальной библіотекѣ въ Парижѣ, приписываемой алхимику начала XV вѣка, дается слѣдующее опредѣленіе алхиміи (Hoefer „Hist. de la chimie“, I, 453. Paris. 1866).

„Алхимія есть тайная часть естественной философіи, наиболѣе необходимая, изъ которой образовалось искусство, не имѣющее себѣ подобнаго и научающее, какъ доводить драгоценные камни несовершенные до истиннаго совершенства, болное тѣло человѣка до благороднѣйшаго здоровья (*à moult noble santé*), а всѣ металлы превращать въ истинное солнце (*en vrai soleil*, то-есть, въ золото) и въ истинную луну (*vrai lune* — серебро). Въ искусствѣ семь всеобщая медицина. Указанія его исполняются работою рукъ (*manuellement*), помощію секретныхъ приемовъ, открытыхъ дѣтями истины, и при посредствѣ теплоты“.

Какая связь между алхиміей металлургической, обращающейся съ міромъ металловъ, и алхиміей медицинской, имѣющей цѣлью сохраненіе и продленіе жизни человѣка? Едва-ли можно связь эту основывать на аналогіи, на томъ, что здоровье есть драгоценнѣйшее изъ богатствъ (какъ говорить, напримѣръ, Гёферъ). Скорѣе можно думать, что связь эта основывается на единствѣ происхожденія. Въ Египтѣ тѣ же жрецы и въ тѣхъ же, повидимому, лабораторіяхъ занимались техникой химической и техникой фармацевтической. Обѣ алхиміи относятся къ одной и той же области—химическихъ изысканій.

Х. *Главная руководящая идея алхимиковъ.* Системы древнихъ греко-латинскихъ философовъ, мечтанія новоплатониковъ и мистиковъ оставили свои слѣды въ ученіяхъ алхимиковъ. Главную руководящую идею алхимическихъ изысканій Бертелло выражаетъ слѣдующимъ образомъ.

Всѣ тѣла природы образованы изъ одной общей основной матеріи. Чтобы получить опредѣленное тѣло, напримѣръ, золото — совершеннѣйшій изъ металловъ, надлежитъ взять какія-нибудь сходныя тѣла, отличающіяся отъ него лишь нѣкоторыми качествами и исключить все, что составляетъ ихъ особенности: привести ихъ къ первой матеріи, то-есть, къ Меркурію (ртуть) философовъ. Его можно получить изъ обыкновенной ртути, лишивъ ее, прежде всего, жидкости, то-есть, влаги, подвижнаго и текущаго элемента, мѣшающаго ей достигъ совершенства. Должно также лишить ее летучести, то-есть, воз-

духа, газообразного элемента, какой она въ себѣ содержитъ. Наконецъ, какъ учили нѣкоторые и между прочимъ Геберъ, надлежитъ отъ ртути отдѣлить землю, земной элементъ, грубый шлакъ (*scorie*), препятствующій ея полному утонченію. Такъ же поступать со свинцомъ, оловомъ, словомъ, стремиться лишить каждый металлъ его частныхъ свойствъ. Надлежитъ у свинца отнять его легкоплавность, у олова—свойственный ему при погнутіи звукъ. На этомъ очень настаиваетъ Геберъ; ртуть отнимается у олова его хрустъ, утверждалъ алхимикъ Стефанъ (*Stephanus*).

Когда такимъ образомъ приготовлена первая матерія всѣхъ металловъ—ртуть философовъ—остается окрасить ее съ помощью сѣры и мышьяка. Подъ этими терминами разумѣлись, вообще, сѣрнистые металлы, различныя горючія тѣла и разныя квинтъ-эссенціи (*matière quintessenciées*), какія алхимики имѣли претензіи изъ нихъ получать. Въ этомъ смыслѣ, въ эпоху арабовъ, всѣ металлы разсматривались, какъ состоящіе изъ сѣры и ртути. Красящія вещества (*les teintures d'or et d'argent*) считались, въ сущности, одного состава. Они то и представляли собою *философскій камень* или подсыпавшій порошокъ (*poudre de projection, xerion*)⁴.

Понятіе о простыхъ веществахъ съ ихъ опредѣленными, неизмѣнными свойствами, есть понятіе новаго времени. Тѣла разнаго состава, если были сходны внѣшними свойствами, обозначались одинаковымъ наименованіемъ. Преобразование даннаго металла—сплавомъ или иными способами—въ видъ, сходный съ другимъ металломъ, есть его превращеніе въ этотъ металлъ, хотя бы и неполное. Металлы представляютъ лѣстницу отъ менѣ совершенныхъ къ болѣе совершеннымъ. Можно сдѣлать бронзу цвѣта золота. Если дополнить это подражаніе, то можно сдѣлать истинное золото со всѣми его свойствами естественнаго золота.

Процессъ образованія металловъ происходитъ и въ природѣ. Въ лабораторіи дѣлается то, что естественно свершается или свершалось въ нѣдрахъ земли. Происходятъ явленія, которыя можно разсматривать какъ рожденіе и наростаніе металловъ. При распространеніи представленіи о землѣ и вообще о природѣ, какъ живомъ организмѣ, алхимическій процессъ разсматривался нерѣдко какъ процессъ жизненный. Философскій камень способенъ, какъ брошенное сѣмя, порождать и возвращать въ металлической почвѣ золото и серебро, преобразуя несовершенные металлы въ болѣе совершенные, и изъ малаго количества золота или серебра производить огромныя ихъ массы.

XI. *Типическія черты средневѣковаго алхимика.* Чтобы яснѣе обрисовать фигуру средневѣковаго алхимика, остановимся для примѣра на двухъ типическихъ представителяхъ этой отрасли тайныхъ знаній. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ концу XIII, другой къ началу XV. Мы говоримъ объ Арнольдѣ Виллановскомъ и о Николаѣ Фламельѣ. Врачъ, странствующій съ мѣста на мѣсто; алхимикъ, приготовляющій философскій камень; ученый, подозрѣваемый въ колдовствѣ, не разъ преслѣдуемый духовною властью и, однако, признаваемый въ Авиньонѣ папою Климентомъ V, страдавшимъ каменною болѣзнію, Арнольдъ изъ Виллановы (Arnoldus de Villanova) былъ авторомъ множества алхимическихъ сочиненій съ изысканными заглавіями, какъ „Зеркало алхиміи“, „Новый свѣтъ“, „Цвѣтокъ цвѣтовъ“, „Четамъ философвъ“, „О лдахъ“, „О винахъ“, и т. д. ¹⁾

Арнольдъ родился около 1240 года, въ какомъ-то Новомъ городѣ (Villa nova), какихъ имѣлось не мало въ то время и во Франціи, и въ Испаніи, и въ Италіи. Біографы застаютъ его то при дворѣ короля арагонскаго Петра III, придворнымъ врачомъ, принужденнымъ скоро оставить должность, вслѣдствіе отлученія, наложеннаго архіепископомъ за неправильныя мнѣнія; то въ Парижѣ, гдѣ на него возводятся обвиненія въ сношеніи съ дьяволомъ и въ обращеніи мѣдныхъ полосъ въ золото; то во Флоренціи, то въ Неаполѣ, то въ Палермо, подъ покровительствомъ императора Фридриха II; то на пути, по вызову папы, въ Авиньонъ, куда онъ не доѣзжаетъ, потерпѣвъ крушеніе. Тѣло его похоронено въ Генуѣ, въ 1319 году. Папа въ томъ же году издаетъ энциклику, въ которой закидаетъ всѣхъ живущихъ подъ его духовною властью сообщить ему: гдѣ скрывается трактатъ Арнольда „Практика медицины“, посвященный папѣ. Это не помѣшало быть подвергнутыми духовной цензурѣ его мнѣніямъ: о предстоящей въ 1335 году кончинѣ міра; о томъ, что буллы папскія суть дѣло человѣка; что практика благотворенія предпочтительнѣе, чѣмъ молитва и даже месса.

По сочиненіямъ Арнольда можно познакомиться съ тѣмъ, каковымъ языкомъ говорила средневѣковая наука. Все выражается въ символахъ и мистическихъ формахъ. Если, напримѣръ, идетъ рѣчь о философскомъ камнѣ, способномъ неблагородные металлы превращать въ золото,—наиболѣе простое изложеніе найдемъ въ письмѣ къ королю неаполитанскому. „Узнай, король, что говорятъ мудрые: есть камень,

¹⁾ Собраніе сочиненій выдано въ 1532 году.

изъ четырехъ натуръ составленный, которыя суть огонь, воздухъ, вода и земля. По виду обыкновенный камень. Ртуть есть его жидкій элементъ, а другой—матерія, какой обыкновенно не встрѣтишь. И замѣть, король, что бѣлая земля называется бѣлымъ камнемъ; красная земля зовется совершенно краснымъ камнемъ; бѣлая земля обращается въ красную безъ всякаго прибавленія. И обрати вниманіе, что философы говорятъ: растопи тѣло, кали его, пока обратится въ воду: вотъ нашъ составъ, обращающійся въ жидкость и отвердѣвающій*. Не легко было уразумѣть такую химию. Въ „Зеркалѣ алхиміи“ Арнольдъ обращается къ ученику: „Въ главѣ этой научу я тебя, мой сынъ, какъ готовить философскій камень. Секретъ не мой, я узналъ его частью отъ моего брата и отъ одного нѣмецкаго монаха“. Слѣдуетъ темное, символическое описаніе, которое трудно не назвать кощунственнымъ. „Скажу тебѣ, что Отецъ, Сынъ и Духъ святой три въ единомъ лицѣ. Какъ міръ погибъ чрезъ жену, такъ чрезъ жену долженъ и возродиться. А потому возьми мать; положи ее на ложе съ восьмью сыновьями. Наблюдай, подвергни строгому искусу, пока очистится отъ всѣхъ грѣховъ. Тогда она произведетъ сына, который будетъ проповѣдывать: знаки показались на Солнцѣ и на Лунѣ. Возьми этого сына, истязай его, дабы гордость его не погубила. Затѣмъ положи опять на ложе. И когда очнется, вновь возьми его, дабы нагаго погрузить въ холодную воду. Опять возложи на ложе и, когда очнется, вновь возьми и отдай жидамъ на пропятіе. Такъ Солнце будетъ распятъ, Луны не будетъ пидио; записъ храма разорвется и будетъ великое трясеніе на землѣ. Тогда время прибѣгнуть къ великому огню. Подымется духъ, относительно котораго многіе обманывались.“ (Noefer, I, 411). Ученикъ довольно разсудительно замѣчаетъ: „Учитель, я ровно ничего не понимаю“. Учитель снисходитъ, говорятъ языкомъ нѣсколько болѣе химическимъ, но степень ясности остается такою же. И вотъ, разбирая подобныя писанія, люди старались разгадать ихъ тайный смыслъ и тратили труды, средства, силы, до потери разсудка, въ надеждѣ овладѣть, наконецъ, небывалымъ секретомъ, будто бы скрытымъ въ подобныхъ иносказаніяхъ. Арнольдъ свои „Четки философовъ“ заключаетъ словами: „скрой эту книжку на груди, никому не показывай и не влагай ее въ руки нечестивыхъ. Въ ней секретъ-секретовъ всѣхъ философовъ. Не бросай бисеръ предъ свиньями—это Божій даръ“. Последнюю фразу розепкрейцеры приняли потомъ девизомъ своего тайнаго общества.

Дюма въ „Урокахъ химической философіи“ („Leçons sur la phi-

iosophie chimique", 1837; p. 30) приводитъ описаніе приготовленія философскаго камня или элексира мудрыхъ по способу Раймонда Люлля (Raymond Lulle), современника и отчасти ученика Арнольда, заимствованное изъ алхимическаго трактата Рипле (Riplee), жившаго сто лѣтъ позже Арнольда и Раймонда. Если принять буквально описаніе Рипле, замѣчаетъ Дюма, то это представляется совершенно непонятнымъ; но если имѣть секретъ загадки, то описаніе окажется замѣчательнымъ по точности изложенія наблюдаемыхъ явленій. Возьми, предписываетъ алхимикъ, ртути философовъ; кальцинируй его пока обратится въ зеленого льва. Продолжай кальцинацію: онъ обратится въ красного льва. Въ песчаной ваннѣ нагревай красного льва съ кислымъ спиртомъ винограда, выпаривая; ртуть обратится въ родъ камеди (gomme), которую можно рѣзать ножомъ. Положи это вещество въ перегонный кубъ и перегоняй. Получишь немѣющую вкуса мокроту, спиртъ и красныя капельки. Стѣнки перегоннаго аппарата покроются, какъ тѣнью, легкимъ налетомъ, а въ аппаратѣ останется истинный драконъ, ибо онъ съѣдаетъ свой хвостъ. Возьми этого чернаго дракона, разотри на камнѣ и коснись раскаленнымъ углемъ. Онъ воспламенится. Воспроизведешь зеленого льва. Пусть онъ съѣстъ свой хвостъ. Вновь дистиллируй. И получишь жгучую воду и кровь человѣческую. Эта кровь и оказывается искомымъ элексиромъ.

Если догадаться, что ртуть философовъ обозначаетъ въ этомъ случаѣ свинецъ, то дальнѣйшія операція разясняется. Нагреваемый свинецъ, окисляясь, переходитъ въ состояніе, во первыхъ, массикоты, (зеленый левъ), затѣмъ сурика (красный левъ). Сурикъ приводится въ прикосновеніе съ уксусомъ; уксусная кислота растворяетъ этотъ окисль свинца. Послѣ выпариванія получается камедообразное вещество—уксуснокислый свинецъ. Послѣ дистиллировки въ перегонномъ аппаратѣ остается въ очень измельченномъ состояніи свинецъ, способный воспламениться отъ угля, обращаясь въ массикоту, растворимую затѣмъ въ жидкомъ продуктѣ перегонки. Послѣ вторичной перегонки получается пиро-уксусный спиртъ (*esprit pyroacétique*)—жгучая вода и красноебурое масло, названное алхимикомъ человѣческою кровью. Оно имѣетъ способность, какъ и многія другія масла, осаждать золото изъ его растворовъ.

Чтобы ознакомиться съ алхимикомъ болѣе поздней эпохи, обратимся къ книгѣ кавалера Арно, изданной въ 1612 году въ Парижѣ и заключающей въ себѣ три трактата (*Trois traités de la*

philosophie naturelle non encore imprimés), а именно: „Тайную книгу“ древняго философа Артемія, гіероглифическія фігуры Николая Фламелья и „Истинную книгу“ ученаго Синезія. Во второмъ изъ трактатовъ отъ имени Фламелья повѣствуется о его алхимическихъ изысканіяхъ и успѣхахъ. Разказъ явственно апокрифическій и, быть можетъ, принадлежитъ самому Арно. Потому правдивой исторіи онъ собою не представляетъ. Но въ легендарныхъ очертаніяхъ повѣствованія тѣмъ съ большею яркестію можно усмотрѣть характерныя черты алхимическихъ изысканій.

„Я, Николай Фламель,—читаемъ въ разказѣ (стр. 481),—публичный писецъ, по кончинѣ родителей моихъ зарабатывалъ хлѣбъ посредствомъ искусства писанія, составляя инвентари, подводя счеты, высчитывая издержки опекуновъ и малолѣтнихъ. Попала мнѣ въ руки, за два флорина, позолоченная книга, очень старая, письма широкая. Она была не изъ бумаги или пергамента, какъ другія, но изъ тонкой коры, какъ казалось мнѣ, иѣжныхъ растений (*déliées es corces, comme il me semblait, de tendres arbrisseaux*). Обложка была изъ тонкой кожи и вся покрыта буквами и странными фигурами... Въ книгѣ было трижды по семи листовъ; каждый послѣдній изъ семи безъ написанія, но съ изображеніемъ жезла и змѣй самопожирających; на второмъ изъ седьмыхъ листовъ крестъ и змѣй на крестѣ (*une croix où un serpent était crucifié*); на послѣднемъ была нарисована пустыня, среди ея текутъ прекрасныя ручьи, изъ нихъ выходятъ множество змѣй, расходящихся въ разныя стороны. На первомъ листѣ большими золотыми литерами было написано: „Авраамъ еврей, князь, священникъ, левитъ, астрологъ и философъ, шлетъ привѣтъ роду іудейскому, глѣвомъ Божиимъ разсѣянному по Галліи“.

„Продавшій книгу не зналъ ея цѣны, какъ не зналъ и я, ее покупая. Думалъ я, что она похищена у презрѣнныхъ евреевъ или найдена гдѣ-нибудь спрятанною въ ихъ старыхъ жилищахъ. На второмъ листѣ авторъ утѣшаетъ свое племя, совѣтуя избѣгать пороковъ, особенно язычества, и ожидать Мессію въ тихомъ терпѣніи... На третьемъ и слѣдующихъ,—чтобы помочь плѣщенной націи уплачивать дань римскимъ императорамъ и для другой цѣли, о которой не скажу,—онъ научаетъ соплеменниковъ своихъ превращенію металловъ, въ обихъ выраженіяхъ, приводитъ съ боку изображеніе сосуда, описывалъ цвѣта и прочее, но ничего не говори о первомъ дѣятелѣ (*premier agent, materia prima*) и только представляя его въ искусственномъ изображеніи (*le peignoit et figuroit par très grand artifice*).

Четвертый и пятый листы были наполнены прекрасными раскрашенными рисунками.

„День и ночь изучалъ я книгу, хорошо понимая всѣ описываемые приемы, но не зная, съ какого вещества надлежитъ начать. Это повергло меня въ великую грусть, заставляло уединяться и ежеминутно вздыхать. Жена моя, Перенелла, которую я любилъ, какъ самого себя, и на которой недавно женился, была крайне удивлена этимъ. утѣшала меня, спрашивала, не можетъ ли мнѣ чѣмъ помочь. Я не скрипалъ отъ нея ничего и показалъ книгу. Она полюбила ее не менѣе меня и испытывала великое удовольствіе, рассматривая прекрасную обертку, гравюры, изображенія, портреты. но такъ же мало, какъ я, могла истолковать видѣнное... Я заставилъ въ квартирѣ моей нарисовать сколько можно натуральнѣе на стѣнахъ фигуры и портреты съ четвертаго и пятаго листовъ и показывалъ многимъ особамъ (*à plusieurs grande clercs*) въ Парижѣ. Они поняли не болѣе моего. Я сообщалъ имъ, что нашелъ изображенія въ книгѣ, трактующей о приготовленіи философскаго камня. Большинство смѣялось надо мною и камнемъ и кромѣ одного лиценціата медицины, Ансельма, хорошо слѣдующаго въ своей наукѣ. Онъ высказывалъ великое желаніе видѣть мою книгу, но я увѣрялъ его, что книги у меня нѣтъ, хотя и сообщалъ подробное описаніе методы. Онъ сказалъ мнѣ, что первая фигура представляетъ время, все пожирающее; что потребно, по числу исписанныхъ листовъ, шесть лѣтъ для приготовленія камня, а по истеченіи ихъ слѣдуетъ остановиться и не грѣть болѣе. И когда сказалъ я ему, что изображенія сдѣланы съ цѣлю указать первый дѣятель (такъ и въ книгѣ упомянуто), онъ отвѣтилъ, что шестилѣтнее нагрѣваніе есть какъ бы второй дѣятель (*que cette coction de six ans était comme un second agent*); что первый дѣятель несомнѣнно изображенъ и есть онъ бѣлая и тяжелая пода,—конечно, ртуть; что обрѣзать ей ноги, то-есть, лишить летучести, можно только чрезъ продолжительное вареніе въ весьма чистой крови младенцевъ. Въ ней ртуть, соединяясь съ золотомъ и серебромъ, обращается въ то, что изображено въ видѣ злака на рисункѣ, а затѣмъ, чрезъ тлѣніе, въ то, что изображено змѣями (*se convertissait premièrement avec eux en vue herbe semblable à celle qui était peinte, puis après par corruption en serpens*). Полученное вещество сушится, вновь подвергается дѣйствию огня и толчется въ порошокъ. Это и есть камень.

„По сей причинѣ, на длинномъ протяженіи двадцати одного года производилъ я тысячи смѣсей, не съ кровью однако же, что есть

дѣло злое и подлое. Да и нашелъ я въ книгѣ моей, что философы (алхимики) именуютъ кровью минеральныя духи, содержащіяся въ металлахъ, особенно въ солищѣ (золото), луиѣ (серебро), меркуриѣ (ртути), къ соединенію коихъ я стремился. Объясненія же эти были болѣе тощкі, чѣмъ истинны. Наконецъ, потерявъ надежду когда нибудь уразумѣть фигуры, далъ я напоследокъ обѣтъ Господу отправиться на поклоненіе святому Іакову и потомъ спросить объясненія изображеній у какого-нибудь іудейскаго священнослужителя въ какой-нибудь испанской синагогѣ. Съ согласія Перенеллы, неся на себѣ извлеченія изъ книги, взявъ одежду и посохъ странника, отправился я въ путь. Прибылъ въ Монжуа, откуда къ святому Іакову, гдѣ набожно исполнилъ обѣтъ поклоненія. Возвращаясь, въ Леонѣ (Leon) встрѣтилъ купца изъ Булони, который познакомилъ меня съ однимъ медикомъ, евреемъ родомъ, но принявшимъ христіанство, очень свѣдущимъ въ высшихъ знаніяхъ, по имени Каншѣ (appelé maître Canche). Когда показалъ я ему извлеченія, онъ обнаружилъ изумленіе и пришелъ въ радость; распранивалъ, что знаю и о книгѣ и откуда извлечены изображенія. Я отвѣчалъ по-латыни, какъ и онъ спрашивалъ, что надѣюсь дать хорошія вѣсти о книгѣ, если кто-нибудь истолкуетъ мнѣ загадочныя рисунки. Тотчасъ съ жаромъ и радостью началъ онъ объяснять мнѣ начало. Коротко сказать, мы рѣшили возвратиться вмѣстѣ, онъ—довольный вѣстью, гдѣ находится книга, я—тѣмъ, что могъ слышать его объясненія. Изъ Леона прибыли въ Овiedo, потомъ въ Сансонъ и оттуда моремъ во Францію. Спутникъ мой истолковалъ мнѣ большую часть фигуръ, гдѣ въ каждой чертѣ усматривалъ великія тайны. Мы были уже въ Орлеанѣ, когда ученый мужъ впалъ въ сильнѣйшую болѣзнь, сопровождавшуюся обильною рвотою, послѣдствіемъ той, которую испытывалъ на морѣ⁴.

Сократимъ разказъ. Спутникъ скончался; Фламель одинъ вернулся въ Парижъ на радость Перенеллы; три года еще продолжалъ испытанія, руководясь объясненіями умершаго спутника. „Все это время,—пишетъ онъ,—я изучалъ и работалъ постоянно моляся Богу, съ четками въ рукахъ, внимательно читая въ книгѣ, взвѣсивая слова философовъ, испытывая разные приемы, какіе придумывалъ по намекамъ этихъ словъ. Наконецъ, нашелъ, чего такъ желалъ. Догадался по сильному распространенію запаху“.

„Въ годъ отъ спасенія человѣческаго рода 1382, 17-го января, въ понедѣльникъ, въ присутствіи одной Перенеллы, я обратилъ около полуфунта ртути въ чистое серебро, лучшее, чѣмъ добываемое изъ

рудниковъ. А 25-го апрѣля того же года, слѣдуя буквально книгѣ, я обратился, также въ присутствіи одной Перенеллы, около пяти часовъ вечера, помощью краснаго камня, такое же количество ртути въ чистое золото, лучшее обыкновеннаго“.

Имѣя такой секретъ, не трудно разбогатѣть. Фламель сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ гражданъ Парижа и употреблялъ значительную часть своихъ средствъ на дѣло благотворенія, строилъ церкви, кладбища, госпитали. На кладбищѣ избіенныхъ младенцевъ (Cimetière des Innocents), при выѣздѣ изъ улицы Сентъ-Дени, на четвертой аркѣ Фламель помѣстилъ изображеніе гіероглифическихъ фигуръ, заимствовавшихъ изъ книги Авраама.

Мы упоминали, что разказъ Фламеля апокрифическій, быть можетъ, составленный самимъ издателемъ трехъ трактатовъ. Въ книгѣ о Николаѣ Фламельѣ и его женѣ, изданной въ началѣ XVII вѣка, однимъ абатомъ указывается, что приводимыя въ разказѣ даты перепутаны и не соответствуютъ дѣйствительности. Происхожденіе богатства Фламеля праги его объясняли тайными сношеніями съ евреями. Намеки на сношенія съ евреями можно видѣть и въ повѣствованіи. Во всякомъ случаѣ черты, въ немъ собранныя, вводятъ насъ въ лабораторію мысли и опытовъ алхимика.

XII. *Опытъ алхимиковъ и опытъ научный. Бернардъ Палисси.* Опытъ алхимика не есть научный опытъ въ смыслѣ новаго времени. Мистическій элементъ, играющій въ немъ главную роль, придаетъ ему особенный характеръ. Препращеніе металловъ для алхимика не было предметомъ научнаго изслѣдованія, не было попросомъ, на который природа должна дать или положительный или отрицательный отвѣтъ: не есть неизвѣстный x , для котораго заранее нѣтъ точнаго рѣшенія. Для алхимика вопросъ рѣшенъ, x найденъ давно. Секретъ извѣстенъ съ древнихъ временъ; заключенъ въ рѣдкихъ и тайныхъ книгахъ, но передать въ яносказательныхъ и символическихъ описаніяхъ, которыя надо разгадать. Истина положена въ ларецъ, надо найти къ нему ключъ. Опытъ есть комментарий къ таинственнымъ книгамъ, помощью котораго надо разгадать значеніе ихъ загадочныхъ нисмеевъ и начертаній. Открытіе разнообразныхъ и удивительныхъ свойствъ тѣлъ и поразительныхъ химическихъ явленій приходило сбоку и не было цѣлью изслѣдованій. Для разгадки таинственной задачи требуется помощь свыше. Многіе алхимики отличались чрезвычайною пажностью и приступали къ опытамъ съ горичею молитвою. Мистическій элементъ въ области алхиміи имѣлъ

своеобразный характеръ, болѣе отвлеченный, чѣмъ, напримѣръ, въ магія, тѣснѣйше связанной съ вѣрою въ духовъ. Сверхчувственный міръ алхимика былъ наполненъ не столько таинственными сознательными существами, дѣйствующими въ физической природѣ, какъ могущественныя личности, сколько таинственными силами, одушевляющими грубую матерію, но не имѣющими личнаго существованія. Черезъ это алхимія во всякомъ случаѣ ближе къ научнымъ воззрѣніямъ, чѣмъ магія.

Алхимія была еще въ полномъ процвѣтаніи, когда уже зарождался иной родъ опытнаго изслѣдованія природы. Однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ новаго направленія былъ знаменитый представитель керамическаго искусства во Франціи, открывшій тайну глазури на фаянсѣ, Бернардъ Палисси, родившійся къ началу XVI вѣка, скончавшійся девяностолѣтнимъ старцемъ, къ его концу. „Я не знаю.—писалъ Палисси,—другой книги, кромѣ неба и земли. Она всѣмъ открыта, всѣмъ дано познавать и читать эту прекрасную книгу“. И этотъ самоучка въ своихъ здравыхъ сужденіяхъ о явленіяхъ природы, въ своихъ внимательныхъ наблюденіяхъ, неутомимыхъ опытахъ стоялъ, какъ не трудно убѣдиться нынѣ, читая его замѣчательныя сочиненія, впереди ученѣйшихъ изъ своихъ современниковъ.

Замѣчательнъ фактъ, что подобно тому, какъ въ области философіи переходъ къ идеямъ новаго времени совершился черезъ такъ-называемую механическую философію Декарта,—придавшюю всѣмъ дѣйствіямъ, постоянно подъ руками нашими находящимся явленіямъ и силамъ перемѣщенія, удара, давленія мировое значеніе,—въ области опытнаго изслѣдованія природы выходъ на новые пути свершился черезъ ремесленную практику.

Заманчивая задача алхиміи не прельстила Бернарда Палисси. Онъ считалъ ее химерою. „Скажи самому ретивому изъ нихъ,—пишетъ Палисси объ алхимикахъ,—пусть раздробитъ орѣхъ, то-есть, и скорлупу его, и зерно, обративъ въ порошокъ; пусть положитъ въ свой химическій сосудъ. Если онъ съумѣетъ собрать раздробленное вещество орѣха или каштана, возвративъ ихъ въ то состояніе, въ какомъ они были, я скажу тогда, что они могутъ дѣлать золото и серебро“. Въ томъ сочиненіи, гдѣ находятся эти строки („Трактатъ о металлахъ и алхиміи“), Палисси выражаетъ свои мысли въ формѣ разговора, какой ведутъ между собою теорія и практика или опытъ. Вотъ отрывокъ ¹⁾ изъ этого діалога:

¹⁾ „Oeuvres de Bernard Palissy“, ed. par *Paul-Antoine. Car.* Paris. 1866, стр. 190.

„Теорія. Развѣ не знаю я, что многіе достигли этого искусства (дѣлать золото) и оставили сколько прекрасныхъ книгъ объ этомъ предметѣ. Между прочимъ, Геберъ, Арнольдъ Вилановскій, Росманъ Розы и прочее. И у насъ встарь нѣкоторые умѣли дѣлать философскій камень. Если положить нѣсколько его въ золото, количество золота увеличится въ сто кратъ. Многіе и сейчасъ ищутъ того же, зная, что прежде это достигалось. Называютъ это „великимъ дѣломъ“.

„Практика“ въ отвѣтъ указываетъ ошибочность идеи алхимиковъ о ростѣ металловъ, какъ растеній изъ сѣмянъ или животнаго изъ яйца. Высиживаютъ золото. Года ждутъ, какъ, напримѣръ, Мегре, жаловавшійся, что бѣдствія войны затушили его лампу, когда онъ уже былъ близокъ цѣли. „Алхимики злоупотребляютъ словомъ сѣмя, какъ и многими другими терминами“. Лицо, говорящее отъ имени теорій, удостовѣряетъ, что само было свидѣтелемъ такого случая. Въ тигль было влито нѣкоторое количество ртути. Тигель поставленъ на огонь. Высыпали нѣкоторое количество какого-то порошка. Теоретикъ самъ мѣшалъ первою попавшеюся палочкою. Въ тиглѣ оказался кусокъ серебра. Ртуть отвердѣла силою порошка. Представитель практики объясняетъ опытъ обманомъ. Алхимикъ воскомъ приклеилъ кусокъ серебра къ концу палочки. Теоретикъ не замѣтилъ. Въ присутствіи короля Карла IX, его камердинеръ Курланжъ, чтобы показать, что онъ знаетъ секретъ алхимиковъ, обратилъ въ двухъ стеклянкахъ ртуть, въ одной въ серебро, въ другой въ золото. „Король взялъ два слитка и пошелъ показать матери, хвалясь, что выучился дѣлать золото и серебро. Но это былъ обманъ, какъ я слышалъ изъ устъ самого Курланжа“, прибавляетъ Палисси.

Палисси былъ изъ первыхъ представителей новаго направленія. „Желаніе,—говоритъ Палисси, обращаясь къ читателю въ сочиненіи „De l'art de tege“,—чтобы чтеніе этой книги принесло тебѣ пользу, побуждастъ меня предупредить, чтобы ты остерегался пѣнять свой умъ знаніями, писанными въ кабинетахъ и диктованными воображеніемъ людей, никогда не дѣлавшихъ опытовъ (qui n'ont jamais pratiqué), и не вѣрилъ мнѣнію тѣхъ, кои говорятъ, что теорія порождаетъ практику. Если бы человѣкъ могъ осуществлять всякіе замыслы своего воображенія, я бы былъ на ихъ сторонѣ и ихъ мнѣнія. Но на дѣлѣ далеко не такъ“.

Въ повѣствованіи Фламея передъ вами былъ средне-вѣковой искатель тайныхъ знаній; въ разказѣ Палисси выступаетъ испытатель природы, предвѣстникъ новой эпохи, девизомъ которой сдѣла-

лось добываніе новыхъ знаній. Палисси отказывается отъ книжныхъ знаній. Его книга—природа. Не безъ оттѣнка самодовольства выставляетъ онъ на видъ свою малую ученость. „Идя этимъ путемъ (роясь въ землѣ много лѣтъ),—говоритъ онъ,—обрѣлъ я много предъ Господомъ, открывшимъ мнѣ тайны, донынѣ остававшіяся неизвѣстными людямъ и даже ученѣйшимъ, какъ можно убѣдиться изъ моихъ писаній. Знаю, что иные посмѣются надо мною, говоря, можно ли, чтобы человѣкъ, не знающій по латыни, могъ имѣть разумнѣе вещей природы. Какаѣ, скажутъ, великая дерзость выступать противъ мнѣній столькихъ славныхъ и древнихъ философовъ, писавшихъ о явленіяхъ природы и міръ наполнившихъ своею мудростію? Другіе, судя по внѣшности, скажутъ, что я простой ремесленникъ. Не смотря на всѣ эти соображенія, я продолжалъ свое предпріятіе, и чтобы пресѣчь клеветы и козни, устроилъ кабинетъ, гдѣ помѣстилъ удивительные и чудные предметы, извлеченные мною изъ нѣдръ земли, свидѣтельствующіе объ истинѣ того, что я гонорю“.

Палисси подробно рассказываетъ, какихъ неимоверныхъ усилій стоило ему открытіе глазури, сдѣлавшее возможнымъ изготовленіе его знаменитыхъ блюдъ и вазъ. Ему попала въ руки фаяисовая чаша, привезенная, по всей вѣроятности, изъ Италіи, гдѣ былъ извѣстенъ секретъ глазури. Онъ задался мыслию достигъ тѣхъ же результатовъ и превзойти ихъ, если возможно. „Не смотря на то, что я не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о глинистыхъ земляхъ (*nulle connaissance de terres argileuses*), я сталъ искать глазури, какъ человѣкъ, ощущывающій въ темнотѣ... Я толочъ всевозможныя пещества, отъ коихъ могъ чего-нибудь ожидать; накупилъ глиняныхъ сосудовъ, разбилъ ихъ на черепки, клалъ раздробленныя вещества и обжигалъ въ печи, какую устроилъ по своей фантазіи“. Безчисленные опыты не привели ни къ какой удачѣ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Палисси не переставалъ „ежедневно толочъ новыя вещества и одна за одною устраивалъ новыя печи, съ великою тратою денегъ и дровъ“.

Терялъ уже надежду, когда разъ отправился на стеклянный заводъ, „имѣя съ собою человѣка, который несъ до трехсотъ разныхъ образцовъ, назначенныхъ для испытанія. Подвергая образцы эти въ теченіе четырехъ часовъ дѣйствію жара плавильныхъ печей завода, я имѣлъ удовольствіе увидѣть, что одинъ изъ образцовъ оказался бѣлымъ и гладкимъ, покрывшись глазурью... Это причинило мнѣ такую радость, что я почувствовалъ себя новымъ созданіемъ“.

Но мелькнувшая удача была только началомъ новыхъ испытаній.

Пришлось воздвигать новыя печи, а средства съ каждымъ днемъ уходили. Чтобы имѣть дрова, Палисси сжегъ рѣшетку сада, столы, полъ своего дома. По городу распускали неблагоприятныя слухи; одни говорили, что онъ дѣлаетъ фальшивую монету, другіе, что онъ сумасшедшій. Продавъ, что могъ, занявъ гдѣ только дали, Палисси устроилъ для рѣшительнаго испытанія новую печь, болѣе обширныхъ размѣровъ. Удачи вновь не было. Несчастный испытатель разбилъ неудавшіеся сосуды и впалъ въ мрачную меланхолію. „Не безъ причины“, прибавляетъ онъ: „мнѣ нечѣмъ уже было содержать семью; дома я слышалъ только упреки. Вмѣсто того, чтобы утѣшить, меня лишь проклинали“. Палисси оставилъ на время опыты, занялся рисованіемъ, но какъ только приобрѣлъ нѣсколько денегъ, вернулся къ изслѣдованіямъ, сдѣлавшимся его страстью. Новыя труды, новыя разочарованія. Надъ печами не на чтѣ было сдѣлать навѣса; приходилось дежурить около нихъ ночью, подъ дождемъ и вѣтрами. Палисси такъ исхудалъ, что „когда ходилъ, подвязки спали съ ногъ и чулки спускались къ пяткамъ... Меня презирали, надо мною смѣялись“.

Шестнадцать лѣтъ длились всѣ эти неудачи. Мало-по-мало, однако, усилѣхъ пришелъ и вознаградилъ за годы трудовъ и лишеній.

Магія.

XIII. Галлюцинаціонная объективировка какъ основаніе маіи. Вѣра въ магію, съ ея тайными силами и дѣйствіями—одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ средневѣковаго міровоззрѣнія. Отрицательное отношеніе къ магіи Рожера Бэкона въ XIII вѣкѣ — не воспрепятствовавшее тому, чтобы онъ за свои научныя занятія былъ на вѣка ославленъ кудесникомъ—далеко опередило его эпоху. Да и имъ тайныя силы природы не отрицались. Онъ возстаивалъ лишь противъ заблужденій и обмановъ лицъ, выдававшихъ себя, — а нерѣдко и считавшихъ, — обладателями магическихъ секретовъ. Весьма распространено было различіе двухъ магій: одной, которая считалась основанной на знаніяхъ, чрезъ вѣка перешедшихъ отъ мудрецовъ древности, преимущественно подъ кровомъ тайны, передававшихся между посвященными, и другой, основанной, на сношеніи съ злыми духами. Это область волшебства — черная магія. Она-то и представлялась Рожеру Бэкону какъ рядъ обмановъ и заблужденій. Богословами осуждалась и первая, какъ идущая изъ языческаго міра и потому имѣющая общій со второю нечистый источникъ.

Чтобы разъяснить значеніе магіи какъ существеннаго элемента и умственной и практической жизни въ средніе вѣка остановимся на происхожденіи тѣхъ понятій и сужденій, на которыхъ основывается магія, какъ часть общаго средневѣковаго міровоззрѣнія, игравшая, чрезъ магическія операціи, важную роль въ практикѣ средневѣковой жизни.

Во второй книгѣ нашего труда („Исторія физики“, ч. I, 26) мы различили два способа размышленія, порождающаго наше знаніе о мірѣ. Одинъ мы назвали діалектическимъ, съ закрытыми окнами чувствъ, когда мысль работаетъ надъ приобрѣтеннымъ матеріаломъ безъ повторной провѣрки и новаго приобрѣтенія впечатлѣній. Другой, наименованный нами предметнымъ, — съ открытыми окнами чувствъ. Предметное размышленіе пользуется наблюденіемъ и опытомъ. Благодаря ему, во вседневной жизни слагается наше бодрственное представленіе объ окружающей насъ дѣйствительности. Оно же есть источникъ положительнаго научнаго знанія.

Размышленіе въ той и другой формѣ имѣетъ своимъ результатомъ то, что мы называемъ *объектировкой*: заключеніе отъ мыслимаго къ дѣйствительному — или почитаемому дѣйствительнымъ — имѣющему независимое отъ размышляющаго бытіе; чтó осталось бы, еслибы размышляющаго лица и не было.

Объектировка, чрезъ которую составилось содержаніе магіи — особаго рода и можетъ быть названа *галлюцинаціонной*. Галлюцинаціею, вообще, мы называемъ *чувственное* представленіе о чемъ-либо, чего на самомъ дѣлѣ, внѣ ощущающаго субъекта, нѣтъ. Каждое чувство наше можетъ доставлять громадное количество обмановъ или галлюцинацій — отъ всѣмъ извѣстныхъ непрерывныхъ ошибокъ чувственного сужденія и до призраковъ, видѣній, помѣшательства. Къ дѣйствительно получаемымъ впечатлѣніямъ мы всегда дѣлаемъ дополненія изнутри, изъ имѣющагося въ мозгу запаса. Видимъ не только то, чтó лучами своими дѣйствительно колетъ насъ въ данный моментъ, — если можно такъ выразиться, — но и чтó воображаемъ видѣть. Воображеніе дѣйствуетъ не только въ томъ случаѣ, когда воображаемый предметъ отсутствуетъ или вовсе не существуетъ. Оно дѣйствуетъ и тогда, когда предметъ находится передъ нами. Благодаря ему, изъ смѣшанной совокупности ощущеній мы составляемъ образъ предмета и чрезъ то одинъ предметъ отличаемъ отъ другихъ.

Во вседневной практикѣ и въ научныхъ умозаключеніяхъ — при бодрственномъ и нормальномъ состояніи — мы провѣряемъ наши за-

ключенія совокупностью чувственныхъ показаній, обращеніемъ съ вещами и научнымъ опытомъ. Галлюцинаціонная объективировка обуславливается особымъ чувственнымъ состояніемъ заключающаго. Условіе это требуется для того, чтобы вещь, не имѣющая реальнаго существованія, а лишь воображаемая, вошла въ кругъ ощущаемыхъ вещей, и размышляющій мнилъ дѣлать надъ ней наблюденіе и опытъ, какъ надъ чувственною вещію. Наблюденіе сопровождается болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ, что вещь эта, при обыкновенныхъ условіяхъ, не подлежала бы чувственному наблюденію и чувственному съ ней обращенію; что свершающійся актъ есть ощущеніе *сверхчувственной въ чувственномъ*.

Признаніе присутствія въ окружающемъ, внутри насъ и вообще въ міръ чего-то, при нормальномъ наблюденіи не усматриваемаго, но проявляющагося и ощущаемаго при извѣстныхъ условіяхъ — вотъ главное положеніе какъ вообще мистическаго міровоззрѣнія, такъ, въ частности, магіи съ ея галлюцинаціонными заключеніями.

Выходъ отъ мыслимаго къ дѣйствительному, отъ ощущеній къ вещамъ, свершается, повторяемъ, или путемъ открытыхъ чувствъ — физическая область, или при закрытыхъ ихъ окнахъ — область метафизическая, если размысленіе остается діалектическимъ. Когда выходъ ставится галлюцинаціоннымъ, онъ происходитъ не въ чувственный физическій міръ и не въ интеллектуальный міръ діалектическаго размысленія, а какъ бы въ сверхчувственный, скрытый въ чувственномъ. Это міръ тайныхъ силъ, матеріальныхъ формъ, не доступныхъ обыкновенному чувственному наблюденію, духовныхъ существъ, скрытыхъ въ природѣ, вызываемыхъ и являющихся при особыхъ условіяхъ. Признаніе такого міра есть основаніе системъ, названныхъ нами общимъ именемъ „магической философіи“, о которой будемъ говорить ниже.

Чтобы придти въ общеніе съ этимъ сверхчувственнымъ міромъ требуются особые условія. Нормальныхъ условій достаточно для общенія съ чувственнымъ міромъ и проникновенія въ міръ интеллектуальный. Они недостаточны для доступа въ міръ сверхчувственный. Тутъ требуется состояніе ненормальное, патологическое. При этомъ такое состояніе признается высшимъ — на сколько сверхчувственное выше чувственнаго. Экстазъ, сонъ, вообще, нервное возбужденіе, кажутся ступенью вышею сравнительно съ нормальнымъ, бодрственнымъ отправленіемъ нервовъ. Психо-физическое мнится чисто психическимъ. Напряженно-чувственное состояніе принимается за со-

стояніе, освобожденное отъ чувственнаго элемента, какъ бы принадлежавшее духовному началу въ его отдѣльности отъ тѣла. Буддійское погруженіе въ Нирвану чрезъ приведеніе ощущеній къ успокоенію, притупленію и молчанію, сознанія къ полному самозабвенію, всего себя какъ бы къ небытію, будучи насильственнымъ психофизиологическимъ состояніемъ, принимается за общеніе съ общимъ духовнымъ началомъ міра. Въ эпоху александрійскихъ неоплатониковъ, жадно усвоившихъ мысль Платона о необходимости удаленія отъ чувственнаго для того, чтобы проникнуть въ умственный міръ идей, состояніе экстаза представлялось, какъ способъ единенія съ сверхчувственнымъ міромъ, доступнымъ духовному началу лишь чрезъ отдѣленіе отъ тѣла. Состояніе экстаза, какъ высшее состояніе души, уподоблялось спу высшаго порядка. Попытки помимо экстаза подняться въ выснія сферы бытія можно, говорили, сравнить съ разказомъ, какой на-яву дѣлается о томъ, что происходило во снѣ, хотя только сонъ имѣетъ о томъ настоящее знаніе ¹⁾).

Въ весьма распространенномъ въ средніе вѣка сочиненіи „*Philosophus autodidactus*“, полуарабскаго происхожденія (авторъ Thorpail въ Севильи; напечатано впервые въ Оксфордѣ 1676 года; въ книгѣ изображается ребенокъ, брошенный на необитаемый островъ и собственнымъ размышленіемъ доходящій до знанія), такъ указывается способъ привести себя въ состояніе „чистой мысли“: надо „устранить всѣ затрудненія, налагаемыя чувственными предметами, закрыть глаза, зажать уши, остановить полетъ воображенія, погрузить всѣ способности въ недѣятельное состояніе, такъ, чтобы привести себя въ состояніе чистой мысли“. Забвенія чувственныхъ отношеній къ окружающему міру предлагается, между прочимъ, достигать помощью быстрого круженія, рекомендуемаго въ подражаніе вращенію свѣтилъ.

XIV. *Магія символовъ и магія общенія съ духами.* Содержаніе магіи въ ея первичныхъ формахъ приводятся къ двумъ основнымъ представленіямъ: область символовъ, обладающихъ силою и дѣйствіемъ, и область духовъ, населяющихъ чувственный міръ, и способныхъ выѣшиваться въ его естественныя явленія. Представленія эти суть необходимый выводъ галлюцинаціоннаго размышленія. Они идутъ изъ глубины вѣковъ и отъ первобытнаго состоянія народовъ. Ихъ источникъ въ самой природѣ пробужденнаго сознанія.

¹⁾ *Dégérando*. „Hist. comp. des systhèmes de philos.“, III, 455, 392. Paris. 1823.

Остановимся на могуществѣ символовъ. Символь не есть сама вещь, а есть знакъ, присутствіе котораго вызываетъ въ сознаніи представленіе вещи. Произнесенное слово есть самый рѣзкій примѣръ символа. Между звукомъ, образующимъ слово, и вещью, которую слово это обозначаетъ, нѣтъ никакой родственной связи, ничего матеріально однороднаго. И однако произнесенное слово вызываетъ представленіе вещи. Мало того. Произнесенное слово можетъ быть приказаніемъ и возбуждать дѣйствіе.

Слово есть звукъ; но для обозначенія вещи или требованія можетъ служить и иной какой-либо знакъ: письменное начертаніе, матеріальный предметъ—переданный камышекъ, прученная раковина и т. под. Связующее звено двухъ такихъ разнородностей, какъ знакъ и вещь или дѣйствіе, есть сознаніе того, кѣмъ знакъ воспринимается, кѣмъ усвоено условное значеніе этой связи. Въ галлюцинаціонномъ размышленіи всякое представленіе объ условномъ значеніи связи утрачивается. Символь или знакъ приобретаетъ значеніе самостоятельной силы; ему приписывается непосредственное могущество, которымъ человѣкъ можетъ воспользоваться, если знаетъ условія его проявленія. Отсюда представленіе объ амулетахъ, талисманахъ, таинственныхъ словахъ, заклинаніяхъ, играющихъ такую огромную роль въ области магіи.

Населеніе окружающей природы духовными существами, выѣшывающимися въ явленія, въ свою очередь, имѣетъ источникъ въ первыхъ приѣмахъ нашего сознанія. Двойственность человѣческой природы, въ смыслѣ тѣла и души, даетъ себѣ чувствовать въ каждомъ актѣ сознанія. Нѣчто мое внутреннее дѣйствуетъ на мое выѣшнее. Хочу достать вещь и двигаю руку. Различеніе внутренняго и выѣшняго, отчетливо или нечетливо представляемаго, есть основной актъ сознанія. Но раздѣленіе это не въ одномъ во мнѣ. Оно очевидно въ окружающихъ людяхъ, входящихъ со мною въ сношеніе, оно несомнѣнно и въ животныхъ. Можетъ быть распространено на каждую вещь. Каждый вещь есть нѣчто, имѣющее внутреннее и выѣшнее, какъ бы душу и тѣло. Такимъ образомъ представленіе объ общемъ одушевленіи сопровождаетъ первые шаги сознанія.

Наблюденіе фактовъ ведетъ къ дальнѣйшимъ, первобытно невольнымъ заключеніямъ. Внутреннее и выѣшнее вещей соединены ли между собою неразрывно, или могутъ быть раздѣлены и имѣть отдѣльное бытіе? Въ явленіи смерти выѣшнее явственно остается безъ внутренняго. Нѣчто исчезаетъ. Исчезаетъ, однако, или отлетаетъ?

Отлетаетъ, ибо до смертнаго акта несомнѣнно пребывало и дѣйствовало. Имѣетъ, значить, вѣтѣлесное самостоятельное бытіе. Неощутимое пребываніе среди окружающей насъ дѣйствительности душъ умершихъ есть одно изъ распространеннѣйшихъ вѣрованій у дикарей и первобытныхъ народовъ. Отсюда одинъ шагъ къ населенію окружающаго міра существами того же порядка, какъ отдѣльныя отъ тѣлъ души умершихъ—духами, демонами.

Такимъ образомъ, къ талисманамъ, духамъ, взаимодѣйствию талисмановъ и духовъ, духовъ между собою, дѣйствию тѣхъ и другихъ на матеріальный міръ сводится содержаніе магіи отъ древнѣйшихъ временъ и до ея послѣдняго процвѣтанія предъ разсвѣтомъ новой науки.

Вѣрованія негра средней Африки сводятся къ суевѣріямъ фетишизма. По свидѣтельству Левингстона („Missionary Travels“, 435. *Mauvy*: „La Magie et l'Astrologie“. 1877, p. 10), негръ отправляется въ путь не иначе, какъ обвѣшанный амулетами, именуемыми „гри-гри“. Эти гри-гри разнообразнѣйшей формы, отъ раковинъ, тряпки и звѣринаго рога до куска искусно выдѣланной кожи и другихъ предметовъ отчетливой отдѣлки. Шаговъ за тысячу до входа въ городъ, говоритъ путешественникъ Гордонъ Лайнгъ (*Mauvy*, 10) стоятъ маленькіе домики, содержащіе въ себѣ раковины, черепа, разныя изображенія. Это жилища гри-гри, ими охраняемые.

Галлюцинаціонная объективка есть основная принадлежность людей къ низшей ступени развитія. Первобытный человѣкъ, подобно ребенку, живетъ въ сказочномъ мірѣ. „Индусъ (*Mauvy*, 9, со словъ англійскаго писателя Робертса) имѣетъ дѣло со столькими демонами, богами, полу-богами, что живетъ въ постоянномъ страхѣ и опасеніи ихъ могущества. Нѣтъ хижины, близъ которой не было бы дерева или какого-либо тайнаго мѣста, почитаемаго жилищемъ злыхъ духовъ. Ночью страхъ индуса удвоется. Только по крайней необходимости рѣшится выйти изъ жилища на закатѣ солнца. А когда вынужденъ это сдѣлать, идетъ съ чрезвычайною опаской, настороживъ уши. Произнося заклинанія, прикасается къ амулетамъ, бормочетъ молитвы, имѣя въ рукахъ головню (*cison*), чтобы прогонять невидимыхъ враговъ. При малѣйшемъ шумѣ, шелестѣ листьевъ, крикѣ животныхъ, считаетъ себя погибшимъ, думаетъ, что его преслѣдуетъ демонъ. Чтобы побѣдить страхъ, начинаетъ пѣть, громко говорить; торопится и вздохнетъ свободно лишь, когда достигнетъ безопаснаго убѣжища“.

Сила галлюцинаціонныхъ заключеній такъ велика, что отъ нея не свободны люди образованные и чуждые предрасудковъ. Боязнь темноты, покойниковъ песьма распространенное явленіе.

XV. *Магія въ древности, по Апулею*. Сочиненія Апулея, — латинскаго философа и ритора перваго вѣка по Р. Хр., автора древнѣйшаго изъ романовъ: „Золотой оселъ“, съ изящнымъ эпизодомъ о Амурѣ и Психеѣ, — даютъ обильный матеріалъ желающему составить понятіе о характеристическихъ чертахъ магіи въ древнемъ мірѣ. Апулей по проискамъ тестя одного изъ его пасынковъ (онъ былъ женатъ на богатой вдовѣ старшей его лѣтами) былъ, вмѣстѣ съ другими взведенными на него напраслинами, обвиненъ въ занятіяхъ магіей и употребленіи ея недозволительныхъ средствъ для своихъ цѣлей. Онъ произнесъ передъ судомъ длинную блестящую рѣчь, именующую „Апологіей“ въ собраніи его сочиненій. Злобныя обвиненія пали сами собою. Воспользуемся „Апологією“, чтобы отмѣтить наиболѣе интересныя указанія Апулея.

„Вы говорите: Апулей магикъ. Но, что такое магикъ, хочу я спросить? Въ Персіи, какъ я читалъ у многихъ авторовъ, это слово имѣеть то же значеніе, что у насъ слово жрецъ. Какое же преступленіе быть жрецомъ?.. Платонъ, говоря о воспитаніи наследника персидскаго трона, называетъ магіей служеніе богамъ. Вотъ слова этого божественнаго генія (въ діалогѣ Алкивіадъ): „въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ молодой принцъ переходитъ въ руки тѣхъ кого именуютъ царскими педагогами. Это четыре лица самыя выдающіяся въ своей спеціальности: самый ученый, самый справедливый, самый мудрый и самый храбрый. Одинъ изъ нихъ обучаетъ принца магіи Зароастра, то-есть, служенію богамъ; онъ же преподаетъ обязанности царствованія“...

Что касается магіи, преслѣдуемой римскимъ закономъ, издавна осужденной еще „Двѣнадцатью таблицами“, она, говоритъ Апулей, — „есть знаніе столь же тайное, сколько мрачное и страшное. Ей предаются обыкновенно ночью, среди мрака, вдали отъ свидѣтелей, при шопотѣ таинственныхъ словъ“.

Обвиняли Апулея въ томъ, что онъ покупалъ на рынкѣ какія-то рыбы, вскрывалъ ихъ внутренности, очевидно-де съ цѣлями магіи. Ссылаясь на свои занятія естественной исторіей, указывая на зоологическіе труды Аристотеля, Апулей осмѣиваетъ своихъ противниковъ. „Вы одни на человѣческой памяти, говорилъ онъ, ухитрились магическую силу травъ, корней, почекъ, камушковъ, помощію нѣкотораго

переворота природы, перемѣстить съ высокихъ горъ въ море и вложить въ брюхо рыбъ. Доселѣ занимающіеся магіей, въ ихъ тайныхъ церемоніяхъ, призывали Меркурія, писателя заклинаній (*scagmiput vester*), соблазнительницу душъ Венеру, Луну, сообщницу ночныхъ дѣяній, Тривію, властительницу тѣней. А теперь, по вашему велѣнію, Нептунъ со всѣмъ хоромъ нерендъ будетъ, вмѣсто бурь на морѣ, подымать бури во влюбленныхъ сердцахъ⁴.

Обвиняли Апулея въ томъ, что онъ будто бы подвергалъ какимъ-то магическимъ дѣйствіямъ мальчика, и тотъ впадалъ въ безсмысленность; заколдовалъ принесенную къ нему жепцину, и она упала на землю. Мальчикъ былъ эпилептикъ¹⁾, пуждался въ медикѣ, а по нѣ магикѣ. Тою же болѣзнію страдала и женщина, которую привозили для медицинскаго совѣта. По поводу мальчика замѣчательно, что Апулей признаетъ возможность приведенія человѣка въ состояніе экстаза, при которомъ онъ можетъ сдѣлаться прорицателемъ. „Я убѣжденъ, говоритъ Апулей, что душа человѣческая, особенно простая и дѣтская, можетъ быть, призываніями заклинаній и дѣйствіемъ пахучихъ веществъ, усыплена и выведена изъ общенія съ окружающимъ міромъ; мало-по-малу съ удаленіемъ и забвеніемъ тѣлеснаго (*gemma corporis temotia*), она приводится и возвращается къ своей природѣ безсмертной и божественной. Тогда, какъ бы въ нѣкоторомъ снѣ, она начинаетъ предсказывать“.

Поставлялось въ вину Апулею, что онъ хранитъ будто бы у себя какую то магическую фигуру, имѣющую видъ скелета. Магическій талисманъ оказался изображеніемъ Меркурія, и Апулей въ собраніи предъявилъ его судьямъ.

¹⁾ Объясняя эпилепсію дѣйствіемъ вредныхъ соковъ, поднявшихся въ голову, Апулей говоритъ: „*Ad summum caput viam molita dirum fluxum cerebro immiscuit: illico regalem partem animi debilitat, quae ratione pollens verticem hominis velut arcem et regiam inedit*“. Французскій переводчикъ В. Бетоло (*Victor Bétolaud*) передаетъ: „*se fraie un chemin jusqu'au sommet de la tête; il se, rapand d'une manière terrible dans le cerveau et frappe d'aneantissement cet organe royal-trône de la raison, où l'âme semble sieger et dominer en souveraine*“. Переводъ, повидимому, точенъ и, однако, далеко не такъ. Мѣсто переложено на нѣтъшніе понятія. Апулей говоритъ объ ослабленіи чрезъ примѣшаніе вредныхъ соковъ къ мозгу, царственной части души, которая, сильная разумніемъ, имѣетъ вершину человѣка своимъ царственнымъ пребываніемъ. *Cerebrum* и *caput* для Апулея не тождественны, какъ для переводчика. Для Апулея не мозгъ царственнымъ органъ человѣка, а голова, не въ смыслѣ мозга, а въ смыслѣ полости, наполненной теплою матеріею.

XVI. Характерная форма средневѣковой магіи. Средневѣковые колдунъ и вѣдьма. Характерною формою средневѣковой магіи было волшебство колдуновъ и въ особенности вѣдьмъ. Оно осуждалось церковью, преслѣдовалось властью и все-таки не исчезало. „Слово магія,—писалъ Боденъ, французскій ученый юристъ XVI вѣка, въ своей „Демономаніи“,—персидское и обозначаетъ знаніе пелцей божественныхъ и естественныхъ. Магъ былъ не иное что, какъ философъ. Но подобно тому, какъ философія была развращена софистами, и мудрость, божественный даръ, нечестіемъ и идолопоклонствомъ язычества,—магія обратилась въ дьявольское колдовство... Колдунъ тотъ, кто дьявольскими средствами, съ сознаніемъ стремится достигнуть какой-либо цѣли. Говорю, съ сознаніемъ, ибо при невѣдѣніи не можетъ быть соучастія, какъ говорить законъ. Такимъ образомъ, больной, съ довѣріемъ пользующійся рецептомъ, даннымъ ему колдуномъ, котораго онъ считаетъ хорошимъ человѣкомъ, не наказуется, ибо имѣетъ оправданіе въ невѣдѣніи. Не то, если колдунъ объяснилъ ему происхожденіе рецепта или при немъ вызывалъ злыхъ духовъ, какъ иногда дѣлается*.

На склонѣ средневѣковаго міровоззрѣнія, къ началу XVII вѣка. встрѣчаемъ массу сочиненій, исполненныхъ учености, въ которыхъ о волшебствѣ и вѣдьмахъ трактуется не какъ о явленіяхъ сказочнаго міра, а какъ о фактахъ дѣйствительности, не только достовѣрныхъ, но и играющихъ громадную роль въ текущей жизни.

Раскроемъ книгу о колдунахъ и вѣдьмахъ (*Discours des sorciers*), издавную въ 1601 году и написанную Боге, французскимъ судьей начала XVII вѣка, судебнымъ авторитетомъ, составителемъ инструкцій для слѣдователей и судей, преслѣдовавшихъ вѣдьмъ и колдуновъ. Боге убѣжденъ, что міръ кишитъ чародѣйствомъ. „Невѣрующіе,—пишетъ онъ,—осмѣливаются говорить, что нѣтъ ни колдуновъ, ни вѣдьмъ. Что меня касается, то не имѣю никакого сомнѣнія въ ихъ существованіи. Стоитъ взглянуть вокругъ, на сосѣдей нашихъ, чтобы увидѣть, какъ всюду кишитъ это несчастное и проклятое племя... Савойя не свободна отъ него и каждодневно шлетъ намъ одоржимыхъ дьяволомъ. А что сказать о Франціи? Нечего прельщать себя мыслию, будто она очистилась отъ того огромнаго ихъ количества, какое было во время, когда осужденъ былъ Труазешель (*Troisechelles*). Нѣтъ, нѣтъ! Колдуны и вѣдьмы ходятъ всюду тысячами, заполняютъ землю, словно гусеница въ нашихъ садахъ. И это къ стыду судей, которымъ принадлежитъ карать преступленія“. Боге полагаетъ, что если „есть

въ насъ сколько-нибудь жалости къ чловѣчеству, то мы должны истребить пагубное племя⁴.

Какъ было сомнѣваться, когда вѣдьмъ и колдуновъ улавливали каждый день! Какъ, однако, улавливали? Боге начинается свое разсужденіе разказомъ о самомъ свѣжемъ событіи¹⁾.

Въ субботу, 15-го іюня 1598 года, восьмилѣтняя дѣвочка Луиза Мальяа (Maillat) неожиданно потеряла употребленіе членовъ, такъ что принуждена была ползати на четверенькахъ и весьма страннымъ образомъ кривляла ротъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Родители рѣшили, что дѣвочка кѣмъ-то испорчена, и подвергли ее очистительному заклинанію (*la fient exorciser*). Открылось, что въ нее посажено пять бѣсовъ, имена которыхъ были: волкъ, кошка, собака, Жюли и Гриффонъ. Спросили, кто ее испортилъ. Больная воскликнула: Франциска Секретенъ и указала пальцемъ на присутствовавшую при закланіи Франциску. На другой день бѣсы вышли. Вышли они ртомъ, въ формѣ клубовъ, величиною съ кулакъ, красные, какъ огонь, кромѣ кошки, оказавшейся черною. Последними вышли два, о которыхъ дѣвочка наканунѣ говорила, что они издохли. Вышедшіе клубы сдѣлали по комнатѣ три или четыре круга около огня и исчезли. Дѣвочкѣ стало легче.

Началось слѣдствіе надъ Францискою Секретенъ. Ее посадили въ

¹⁾ Укажемъ наиболѣе капитальныя сочиненія XVI и XVII вѣка по части демономаніи.

Malleus maleficarum, in tres partes divisus in quibus: 1) concurrentia ad maleficia, 2) maleficiorum effectus, 3) remedia a versus maleficia et modus denique procedendi ac puniendi maleficos abunde continetur. Сочиненіе написано, въ большей части, Шпренгеромъ (Sprenger) и было руководствомъ для судей въ процессахъ вѣдьмъ, особенно въ Германіи (первое изданіе относится къ 1489 году).

De la Démonomanie des sorciers par *Bodin Angevin*. Paris, 1580.

Discours des sorciers par *Baguet*. Lyon, 1610.

Discours des spectres ou visions et apparitions des esprits par *Pierre de Loyer*. Paris, 1608.

De praestigiis daemonum (1563 г.) доктора *Wier*. Мы пользовались французскимъ текстомъ въ новѣйшемъ изданіи въ *Bibliothèque diabolique*, 1885 года.

Apologie pour tous les grands personnages qui ont été soupçonnés de magie, par *Naudé*. Paris, 1625.

Изъ сочиненій болѣе поздняго времени назовемъ:

Causes celebres recueillies par *Gayot de Pitaval*. Paris, 1749.

Biblioteca magica von *Hauber*. 1739.

Daemonologie von *Horst*. Frankfurt am Main, 1818.

Histoire critique des pratiques superstitieuses, par *Le Brun* 1733. Amsterdam.

тюрьму. Съ виду это была пожилая женщина, весьма скромная, казалась, благочестивая, призывавшая Бога и святыхъ и перебиравшая длинныя четки. Одно показалось подозрительнымъ: почему крестикъ на четкахъ былъ поломавъ. По принятому порядку, обвиняемую раздѣли и стали изслѣдовать, нѣтъ ли на тѣлѣ ея бѣсовскихъ знаковъ. Ничего не нашли. Но когда перешли къ головѣ и стали сбивать съ нея волосы, обвиняемая вдругъ обнаружила волненіе, стала дрожать всѣмъ тѣломъ и начала каяться. Призналась, что это дѣйствительно она посадила нять бѣсонъ въ Луизу, что давно уже передалась дьяволу, лилявшемуся ей въ видѣ высокаго мужиины, съ лицомъ мертвеца; что имѣла съ нимъ любовныя сношенія; безчисленное множество разъ была на шабашѣ вѣдьмъ и колдуновъ, назвала мѣсто, гдѣ происходили эти собранія, куда она отправлялась верхомъ на бѣлой палкѣ; тамъ плясала, била по водѣ, приготовляя градъ. Призналась также, что въ сообществѣ съ Жакомъ Боке, по прозванію Толстякъ, отравила одного крестьянина, давъ ему кусокъ хлѣба, посыпанный бѣсовскимъ порошкомъ; что умертвила много коровъ, касаясь ихъ рукою или палочкою, съ произнесеніемъ нѣкоторыхъ словъ. Приведенный на судъ толстый Жакъ обвинялъ, въ свою очередь, Франциску въ томъ, что она обращалась въ волка, но обвиняемая въ томъ не призналась. Послѣ такихъ признаній и показаній, не осталось никакихъ сомнѣній въ виновности Франциски. Рѣшено было сжечь колдунью. Богу радуется, что такимъ образомъ, устами невиннаго младенца, удалось обнаружить такую злую вѣдьму. „Можетъ ли быть человекъ,—говорить онъ,—который бы не согласился, что Франциска была достойна казни и именно обычной казни вѣдьмъ, то-есть, сожженія? Но дьяволъ ее предупредилъ: когда пришли въ тюрьму объявить ей о приговорѣ—ее нашли уже мертвою“. Послѣ осужденія Франциски, начался новый судъ надъ толстымъ Жакомъ и тремя вѣдьмами, имъ въ свою очередь оговоренными. Всѣ четверо признались, что обращались въ волковъ, нападали на дѣтей и пожирали ихъ тѣла, оставляя неприкосновеннымъ лишь правый бокъ. Отъ родителей дѣтей, названныхъ обвиняемыми, было узнано, что дѣти эти дѣйствительно были поѣдены волками.

На собственныхъ показаніяхъ вѣдьмъ и колдуновъ Боге и основалъ описаніе подробностей, въ какія входитъ въ своемъ сочиненіи.

Какъ отправляются вѣдьмы на шабашъ? „Франциска,—говорить Боге,—была переносима на бѣлой палкѣ. Ролаида Вернуа отправля-

лась на толстомъ черномъ баранѣ, на котораго садилась верхомъ, какъ на лошадь. Оіону Паже и Антиду Коласъ переносилъ сатана въ видѣ чернаго человѣка. Другія ѣзды: кто на козлѣ, кто на лошади, кто на метлѣ, кто на салазкахъ (gamasse). Въ послѣднихъ случаяхъ отъѣздъ бываетъ чрезъ трубу⁴. Нѣкоторыхъ уноситъ какъ бы холодный вихрь. Иногда, передъ отправленіемъ, вѣдьмы натираютъ себя особою бѣсовскою мазью и отправляются въ путь голыми. Случалось, что люди, чуждые чарамъ, пробовали натираться такою мазью и мгновенно переносились на шабашъ.

Шабашъ происходитъ ночью, въ пустынномъ мѣстѣ, обыкновенно у воды, иногда на горахъ, преимущественно по четвергамъ. На шабашѣ вѣдьмы и колдуньи свершаютъ обожаніе сатаны, являющагося или въ видѣ чернаго человѣка, или въ видѣ огромнаго козла. Ему подносятъ свѣчи (chandelles) и цѣлуютъ его сзади. Пляшутъ, бьютъ по водѣ, изготовляютъ градъ; свершаютъ мерзости, не поддающіяся печатиному описанію; даютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, отрицаютъ Бога, свершаютъ грязно-кощунственные пародіи церковныхъ таинствъ и обрядовъ. Затѣмъ располагаются передъ столами, уставленными бѣсовскими яствами, но большею частію встаютъ изъ-за стола голодными. Яства дьявольскаго приготовленія оказываются холодными и весьма гадкими: по большей части изъ конины. Подъ конецъ, не рѣдко, сатана, во образѣ огромнаго козла, сжигаетъ себя огнемъ; вѣдьмы разбираютъ пепелъ по рукамъ.

Нѣкоторые ученые того времени утверждали, что вѣдьмы только душою, а не тѣломъ отправляются на шабашъ. Такое мнѣніе основывали на случаяхъ, когда, послѣ трехъ или четырехъ-часоваго безпамятства, вѣдьма разказывала, что время это провела на шабашѣ. Боге не согласенъ съ такимъ мнѣніемъ. Вѣдьмы, по его глубокому убѣжденію, присутствуютъ на шабашѣ и душою и тѣломъ. Въ упомянутыхъ случаяхъ безпамятства, сатана, по мнѣнію Боге, подкладываетъ на мѣсто вѣдьмъ, нѣкоторый призракъ (fantosme). Мужъ ускокавшей вѣдьмы, обманутый сходствомъ, обвиняетъ такое подобіе вмѣсто жены⁴. Иногда, пока вѣдьма находится на шабашѣ, сатана наводитъ крѣпкій сонъ на ея домашнихъ, особенно на того же злополучнаго мужа.

Такія же сказки, въ строго научномъ, докторальномъ изложеніи, находимъ въ другомъ сочиненіи, пользовавшемся громадною извѣстностію и особенно замѣчательномъ по имени автора. Говоримъ о „Демоніонаніи“ знаменитаго Бодена, „перваго человѣка во Франціи“,

въ его эпоху, какъ зоветъ его Ноде въ своей „Апологии“ знаменитыхъ людей, обвинявшихся въ чародѣйствѣ.

И для Бодена міръ наполненъ чародѣями. „Чародѣйство,—прибавляетъ онъ,—не новая болѣзнь... Халдея, Египеть, Палестина были заражены ею. Греція, Италія, когда еще были полунаселенными, кишѣли волшебствомъ“. Относительно вопроса: присутствуютъ ли вѣдьмы тѣломъ на шабашѣ, онъ высказываетъ еще рѣшительнѣе Боге. „Сказанное нами,—пишетъ онъ,—о переносѣ вѣдьмъ на шабашъ душою и тѣломъ, а также множество памятныхъ опытовъ показываютъ ясно, какъ день, и позволяютъ глазами увидѣть, пальцемъ ощупать ошибку тѣхъ, которые писали, будто переносъ есть только воображаемый и не иное что, какъ экстазъ“.

Любопытно, что случаи, которые Боденъ приводитъ какъ-бы въ подтвержденіе тѣлеснаго переноса, скорѣе должны были бы склонить его на сторону тѣхъ, кого онъ такъ рѣшительно опровергаетъ.

Въ 1571 году, разсказываетъ Боденъ, „одна старая вѣдьма въ Бордо покаялась предъ судьями, что она всякую недѣлю, вмѣстѣ съ другими, переносилась на шабашъ, гдѣ былъ огромный козелъ, заставлявшій ихъ отречься отъ Бога и обѣщать служить дьяволу. Затѣмъ каждая цѣловала дьявола сзади, получая порошокъ. Г. Бело (Belot, maître de requetes), желая убѣдиться, правду ли говоритъ вѣдьма, — утверждавшая, что пока она въ тюрьмѣ, она не имѣетъ никакой силы, — рѣшилъ отпустить ее на время. Когда она, нагая, патерлась какимъ-то жиромъ, — стала какъ мертвая; а чрезъ нѣсколько времени, очнувшись, разсказывала многое о вещахъ и мѣстахъ, оказавшееся вѣрнымъ. Исторію эту слышалъ я отъ одного графа и кавалера ордена, который самъ былъ при опытѣ“. Президентъ суда въ Дофинѣ разсказывалъ Бодену, что видѣлъ служанку-вѣдьму, съ которой былъ такой случай. Она пришла въ безпамятство. Хозяинъ билъ ее сильными ударами, жегъ ее въ самыхъ чувствительныхъ мѣстахъ. но она ничего не чувствовала. Утромъ нашли ее спокойно лежащею въ постели. Призналась, что ночью была въ собраніи вѣдьмъ. Ее сожгли.

Читая книгу Бодена, можно подумать, что авторъ ея лишенъ элементарной проницательности: грубый очевидный наговоръ кажется ему достовѣрною уликой. Въ томъ же 1571 году обвинявшійся въ колдовствѣ Труазомель умолялъ пощадить ему жизнь, обѣщая указать своихъ сообщниковъ по сношенію съ дьяволомъ. Его подили по публичнымъ мѣстамъ, и онъ указывалъ тѣхъ, съ кѣмъ бывалъ на

шабашахъ. Въ подтвержденіе словъ онъ утверждалъ, что на тѣлѣ ихъ есть бѣсовскіе знаки. „И дѣйствительно,—увѣряетъ Боденъ,—раздѣвъ, находили такіе знаки или клейма въ родѣ заячьихъ слѣдовъ (comme de la patte ou piste d'un lièvre). Мѣста эти были не чувствительны, такъ что можно было колотъ на нихъ до кости, и колдунъ или колдунья никакой боли не ощущали“. Но между указанными, не безъ сожалѣнія замѣчаетъ Боденъ, были богатые и бѣдные, и одни помогали другимъ ускользнуть, такъ что язва продолжала множиться „на страданіе судей, на которыхъ возложено было веденіе процессовъ“. Книгу свою Боденъ писалъ, по словамъ его, чтобы съ очевидностію показать, что нѣтъ преступленія, которое было бы ужаснѣе колдовства и заслуживало бы болѣе тяжкаго наказанія, а также съ цѣлью отвѣтитъ тѣмъ, которые стараются спасти колдуновъ и вѣдьмъ,—будучи „сатаной привлечены писать, печатать и впускать, будто нѣтъ ничего того, что говорятъ о колдунахъ и вѣдьмахъ“.

Писалъ все это не какой-нибудь легковѣрный повѣжда, не фанатикъ, не приверженецъ инквизиціи, даже не рутинный школьный философъ, но человѣкъ прогрессивный, стоявшій въ первыхъ рядахъ ученыхъ своего времени, замѣчательный политико-экономъ, предшественникъ Монтескье въ государственной наукѣ; во всѣхъ другихъ областяхъ человѣкъ замѣчательно свободнаго ума, проповѣдникъ религиозной терпимости, энергическій противникъ религиозныхъ войнъ. обвинявшійся въ принадлежности къ кальвинизму и едва ускользнувшій отъ кнжалоу Вареевской ножи.

Міровоззрѣніе Бодена обуславливалось крайнею скудностію его познаній о явленіяхъ природы. Его обширнаго ума не коснулись еще идеи новой механической философіи природы, согласно которой механика плотника и механика міросозданія не суть двѣ разнородныя вещи, а, напротивъ, подчинены тѣмъ же неизмѣннымъ законамъ. Въ сочиненіи своемъ *Amphitheatrum patuae* онъ держится еще самыхъ сказочныхъ представленій о природѣ. Система Коперника представляется столь же недоступною его уму, какъ нѣсколько вѣковъ прежде ученымъ была недоступна и казалась очевидною чуждою мысль объ антиподахъ—о томъ, что есть на другомъ концѣ земли люди, стоящіе и ходящіе, по отношенію къ намъ, вверхъ ногами. Достаточно сказать, что кометы, по Бодену, суть духи, жившіе на землѣ и въ послѣдній разъ оказывающіе свое дѣйствіе, уносясь въ невѣдомыя глубины.

Между тѣмъ и въ эпоху Бодена была уже замѣчательная книга,

оказавшая затѣмъ благотѣльное вліяніе, разоблачавшая пагубное заблужденіе, вслѣдствіе котораго сотни жалкихъ и несчастныхъ существъ ежегодно сжигались на кострѣ по обвиненію въ чародѣйствѣ. Мы говоримъ о книгѣ медика Віера (Wierus, Weirus). Авторъ классической исторіи медицины Шпренгелъ (III, 389) называетъ сочиненіе Віера безсмертной книгой. Илліянія демономаніи разобраны въ ней съ замѣчательною наблюдательностію. Подвергнувъ здравой критикѣ и устранивъ безчисленные басни о колдунахъ, вѣдьмахъ, оборотняхъ, раскрывъ обманы, сопровождающіе явленія такъ называемой порчи, ученый врачъ въ спосѣ обширномъ трактатѣ показалъ, что то, что остается въ этой области колдовства и порчи за устраненіемъ сказочнаго элемента и умышленнаго обмана, есть слѣдствіе разстройства организма, болѣзненной фантазіи и помѣшательства.

Боденъ отнесся къ книгѣ Віера съ великимъ негодованіемъ. Онъ почти готовъ самого автора обвинять въ союзѣ съ дьяволомъ. Недаромъ, замѣчаетъ Боденъ, Віеръ выставляетъ себя ученикомъ Агриппы, „злѣйшаго колдуна своего времени“ (le plus grand sorcier qui fut opques de son âge). Случаи такого уговора съ сатаной бывали. „Въ 1453 году, напоминаетъ Боденъ, Гильйомъ-де-Люсь, докторъ богословія, извѣстный проповѣдникъ, былъ уличенъ свидѣтелями и самъ признался, что заключилъ договоръ съ дьяволомъ, каковой договоръ и былъ у него захваченъ. Договоромъ этимъ онъ обязывался проповѣдывать, какъ и дѣлалъ, что все разказываемое о колдунахъ и вѣдьмахъ одна басня и что жестоко осуждать ихъ на смерть. Черезъ это, каляся онъ потомъ, наказаніе чародѣевъ прекратилось, царство сатаны утвердилось, и число колдуновъ и вѣдьмъ громадно возросло“.

Въ томъ, что Віеръ говоритъ о дьяволѣ и его дѣйствіяхъ (предмету этому въ трактатѣ Віера посвящена цѣлая книга), Боденъ усматриваетъ одно притворство невѣрующаго. Не находить милости у Бодена даже встрѣчающееся въ небольшомъ особомъ трактатѣ Віера указаніе на точное число чертей въ мірѣ. Оказалось, что по послѣдней ревизіи ихъ было: 72 главныхъ князей тьмы и 7.405.926 простыхъ чертей, „буде нѣтъ ошибки въ вычисленіи“ (sans l'erreur du calcul)!

Высказалъ Віеръ сомнѣніе относительно быстрого переноса вѣдьмъ чрезъ трубу на отдаленное мѣсто шабаша. Боденъ, входя въ научныя вычисленія, доказываетъ, что въ быстротѣ этой нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ самомъ дѣлѣ, указываетъ онъ, свершаетъ же солнце, отстоящее отъ земли на 1.209 земныхъ радіусовъ (по понятіямъ XVI вѣка; на

самомъ дѣлѣ солнце находится отъ земли на разстояніи 24.000 земныхъ радіусовъ), въ двѣнадцать чѣтыре часа полный кругъ около земнаго шара. А что сказать о восьмомъ небѣ, отстоящемъ въ тридцать шесть разъ дальше отъ земли, чѣмъ солнце! По вычисленію Бодена, онъ во вращеніи своемъ около земли проходитъ по 170.616 лѣ въ минуту (въ книгѣ Бодена ошибочно напечатано 1.706.155), движеніемъ ангела, которому дана эта сила вращенія и „котораго евреи именуютъ херувимомъ, вращающимъ пылающее колесо небеснаго свѣта“.

Подтвержденіе своихъ подозрѣній о томъ, что самъ Вьеръ не чуждъ колдовству, Боденъ видитъ въ дерзости, съ какою Вьеръ, ничего же сумняся, приводитъ кабалистическія слова обращенія къ дьяволу, отъ которыхъ у Бодена „волосы на головѣ становятся дыбомъ“ и произнести которыя онъ считаетъ страшнымъ дѣломъ. Вотъ эти страшныя слова: произносящій ихъ подвергается великой опасности. *Іотъ аланабаротъ въ абіель она тіель амази сидомель тайесъ толоніа эліасъ исхиросъ атапатосъ имасъ іель мессіасъ!* ¹⁾).

¹⁾ Перенесенъ къ концу XVII вѣка и раскрытъ, для примѣра, сочиненіе отца Мазебрана, ближайшаго послѣдователя Декарта, *Исканіе истины* (Recherche de la Verité). Въ послѣдней главѣ второй книги третьей части (о воображеніи) онъ такъ говоритъ объ области волшебства:

„Наиболѣе поразительное дѣйствіе силы воображенія есть страхъ предъ явленіемъ духовъ, предъ колдовствомъ, чарами, оборотнями и всѣмъ, что воображаютъ зависящимъ отъ силъ демона. Ничто такъ не поражаетъ и не устрашаетъ умы, ничто не производитъ въ мозгу болѣе глубокаго слѣда, какъ идея о невидимой силѣ, только и умышляющей, какъ бы причинить предъ и которой нельзя противиться. Всіе разказы, пробуждающіе эту идею, слушаются со страхомъ и любопытствомъ. Люди льнутъ къ тому что необычайно, ощущаютъ особаго рода удовольствіе, разказывая и выслушивая удивительныя исторіи о злыхъ козняхъ сатанъ, какими пугаютъ и себя и другихъ. Печально потому удивляться, что колдунъ и вѣдьма такъ обыкновенны въ мѣстахъ, гдѣ вкоренилась вѣра въ шабашъ и гдѣ всѣ самыя странныя сказки о колдовствѣ слушаются какъ достовѣрныя событія; гдѣ сожигаютъ какъ колдуновъ, сумасшедшихъ и духовидцевъ, воображеніе которыхъ испорчено и этики сказками, и развращеніемъ сердца. Пастухъ въ овчарѣ, поужинавъ съ женою и дѣтьми, разказываетъ что дѣлается на шабашѣ. Такъ какъ онъ увѣренъ, что самъ былъ тамъ и голова его разгорячена виномъ, то говоритъ онъ живо и сильно. Къ естественному краснорѣчію его присоединяется расположеніе, съ какимъ семья его готова слушать эти страшныя разказы и повѣрить имъ. Говоритъ отецъ, мужъ, говоритъ о томъ, что самъ видѣлъ; какъ ему не вѣрять! Разказъ свой пастухъ повторяетъ въ разные дни, и производитъ въ воображеніи матери и дѣтей болѣе и болѣе глубокіе слѣды. Они при-
выкаютъ къ сказкѣ, ихъ разбавляетъ любопытство самими побыть на шабашѣ.

Огромное значеніе по отношенію къ преслѣдованію вѣдьмъ и колдуновъ имѣла была папы Иннокентія VIII, данная въ 1484 году. Преслѣдованіе чародѣйства возведено было въ систему: „люди, желающіе понять болѣе, чѣмъ слѣдуетъ“ (*querentes plura sapere quam oportet*) и которые „даже не стыдятся утверждать, что за преступленіе это (за колдовство) не надо наказывать“, подвергаются въ буллѣ строгому порицанію.

Булла относилась преимущественно къ Германіи. Для искорененія въ ней колдовства и вѣдьмъ, папа назначилъ трехъ инквизиторовъ съ чрезвычайными полномочіями: на рѣшенія ихъ не было апелляціи даже въ Римѣ. Инквизиторы и, главнымъ образомъ, Шпренгеръ со-

Они натираются, ложатся. Расположеніе сердца еще болѣе разгорячаетъ воображеніе, и слѣды въ мозгу, пріоткрытые пастухомъ, открываются достаточно, чтобы они увидѣли предъ собою во снѣ все что описывалось. Встаютъ, повѣряютъ взаимно чтѣ видѣли; чрезъ взаимное сообщеніе слѣды въ мозгу укореняются глубже и глубже; обладающіе болѣе сильнымъ воображеніемъ заправляютъ другими и въ нѣсколько почей слагается воображаемая исторія о шабашѣ. Нѣмцы готовыхъ колдуновъ и вѣдьмъ, сдѣланныхъ пастухомъ, и которые въ свою очередь надѣлаютъ другихъ, если только страхъ не удержитъ ихъ отъ разказовъ“.

Какъ легко въ подобныхъ условіяхъ принять сонъ за дѣйствительность. Малевраншъ поясняетъ еще тѣмъ, что и обыкновенные сны мы перѣдко воспоминаемъ съ полною живостью: „достаточно, чтобы въ мозгу сохранились слѣды, какіе образовались во время сна“. „Главная причина, почему мы не принимаемъ сна за дѣйствительность,—та, что не можемъ связать сна съ вещами, какія дѣлались во время бодрствованія: потому и узнаемъ, что это былъ сонъ. Но воображающій себя колдуномъ не можетъ этимъ путемъ распознать, что его шабашъ былъ сонъ. Онъ нисколько отиранился лишь ночью, и то, что тамъ происходитъ, нельзя связать съ дѣяніями, произведенными въ теченіе дня“.

Такъ могъ говорить, въ концѣ XVII вѣка, ученый философъ-монахъ, не подвергаясь уже упреку въ невѣріи и ереси. „Хотя я и убѣжденъ,—прибавляетъ Малевраншъ,—что истинные волшебники чрезвычайно рѣдки, что шабашъ не болѣе какъ сонъ и что парламенты, не принимающіе обвиненій въ колдовствѣ, поступаютъ справедливо, однако же я не сомнѣваюсь, что могутъ быть и волшебники, и волшебства, и чары. и что дьяволъ можетъ иногда творить козни людямъ по попущенію высшей силы. Но священное писаніе учитъ насъ, что царство сатаны разрушено, что демонъ скованъ и заключенъ въ преисподней, откуда выйдетъ лишь при кончинѣ міра“.

Вообще, если сравнивать то, что писалось въ началѣ XVII вѣка, съ сочиненіями, появившимися къ его концу, то получается впечатлѣніе, какъ еслибы между писаніями этими прошло нѣчто отдѣлившее ихъ между собою цѣлою пропастью. Нѣчто дѣйствительно прошло. Это нѣчто было водвореніе научно-опытныхъ изслѣдованій природы и картезіанская философія.

ставили сочиненіе, приобрѣтшее значеніе какъ бы судебного кодекса или уложенія въ процессахъ вѣдьмъ и колдуновъ. Сочиненіе это— *Malleus maleficarum* („Hexenhammer“, молотъ вѣдьмъ).

Преслѣдованіе вѣдьмъ въ Германіи приняло ожесточенный характеръ въ концѣ XVI и въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка, именно въ эпоху, когда съ разныхъ сторонъ стали подыматься голоса противъ безумія такихъ процессовъ. Протестъ даже ожесточалъ; борьба съ ними казалась борьбою съ ересью. Въ Вюрцбургѣ около 1628 года въ два мѣсяца сожгли около полутора ста жертвъ. Въ курфюрствѣ Триръ въ немногіе лѣтъ было болѣе 5.000 обвинявшихся въ колдовствѣ. Владѣтельные князья имѣли каждый своего брандмейстера по части вѣдьмъ. Въ церквахъ ставились кружки, куда впагались безымянные доносы, тотчасъ получавшіе ходъ.

Лейбницъ въ *Теодицее* (I, § 97) разказываетъ, что іезуитъ Шнее (Spree), провозжавшій на костеръ многихъ колдуновъ и вѣдьмъ и исповѣдывавшій ихъ, пришелъ къ заключенію, что это просто невинные или большіе и помѣшанные, и издалъ сочиненіе, весьма убѣдительно направленное противъ процессовъ колдуновъ и вѣдьмъ („*Cautio criminalis sive de processibus contra sagas*“, 1631), но не рѣшился выставить своего имени на книгѣ. Лейбницъ прибавляетъ, что архіепископъ Майнцскій, убѣжденный книгою Шнее, прекратилъ процессы колдуновъ и вѣдьмъ въ своей епархіи (архіепископъ самъ разказывалъ объ этомъ Лейбницу). Въ свою очередь побуждаемый тѣмъ же сочиненіемъ герцогъ Брауншвейгскій отиѣнилъ преслѣдованіе колдовства въ своихъ владѣніяхъ. Его примѣру послѣдовали и другіе владѣтельные князья Германіи.

Почему вѣдьмъ больше, чѣмъ колдуновъ, и черти соблазняютъ по преимуществу особъ женскаго пола? Авторъ Молотка въ длинномъ разсужденіи объясняетъ это: 1) Женскимъ легковѣріемъ и женскою слабостью. Въ значительномъ числѣ случаевъ чортъ являетелъ женщинамъ первоначально въ видѣ кавалера пріятной наружности. Вопросъ о томъ, можетъ ли онъ скрыть ногти и хвостъ, учеными рѣшался разно: нѣкоторые признавали, что это надлежитъ понимать иносказательно, въ смыслѣ того, что скрываемое злое начало должно рано или поздно обнаружиться. 2) Женскою невоздержанностію языка. Въ подтвержденіе своего ислестнаго сужденія о женскомъ полѣ, Шпренгеръ приводитъ слова св. Хризостома: „Что такое женщина? Врагъ всякаго дружества, неизбѣжное наказаніе, необходимое зло, естественное испытаніе, несчастіе, къ коему стремимся, опасность

домашняго очага, постоянный источникъ слезъ, зло природы, блестящимъ лакомъ прикрытое“.

Есть признаки, по которымъ можно узнать вѣдьму. Вѣдьма, первыхъ, не плачетъ. Приведенная на судъ, она старается извлечь изъ своихъ глазъ слезы, но слезы не идутъ. Шпренгеръ въ особенности рекомендуетъ не поддаваться чувству жалости, которое иногда внушаютъ эти проклятыя существа. „худшія чорта“. Вѣдьмы имѣютъ дьявольскій знакъ или клеймо на тѣлѣ, о которыхъ мы уже говорили выше. Наконецъ, вѣдьма отличается неестественною легкостью тѣла. Когда въ XVIII уже вѣкъ, въ Чегединѣ, въ Венгріи, было въ 1728 году сожжено тринадцать вѣдьмъ, ходилъ разказъ, будто самая тяжелая изъ нихъ вѣсила одинъ лотъ! Относительно легкости тѣла было особое испытаніе помощью воды, употреблявшееся преимущественно въ народномъ судѣ надъ вѣдьмами и колдунами. Вѣдьму или колдуна со связанными руками и ногами бросали въ воду. Если пойдетъ ко дну, значить, невинна, если держится на поверхности—значить, находится въ связи съ нечистой силой.

Бывало не мало случаевъ, когда заподозрѣнные въ колдовствѣ сами просили сосѣдей подвергнуть ихъ испытанію помощью воды. Въ *Замѣчательныхъ процессахъ* (Causés celebres) Питаваля (Т. XII. 180) помѣщенъ нотаріальный документъ, гдѣ значится: „Сегодня, пятого числа іюня 1696 года, около восьми часовъ утра обратились ко мнѣ (нотариусу) Венсанъ Бодо, кузнецъ; вдова Дебефъ. Этьенъ Апуньи, работникъ; его жена, Ренъяръ, вдова Жолитонъ. Говорили, что многіе жители имѣнія Монтины называютъ ихъ колдунами, каковыми они никогда не были. Посему желаютъ они добровольно подвергнуться погруженію въ воду въ глубокомъ мѣстѣ рѣки, дабы видѣть, погрузятся-ли они или нѣтъ и о томъ составить протоколъ“. Это было исполнено. Зазвонили въ колоколъ, собралась громадная толпа, въ которой были и священникъ, и монахи, и дворяне, и лица всякаго пола, званія и возраста, болѣе шестисотъ человекъ. Венсанъ Бодо разъ погрузился; когда вытаскивали, оказался развязаннымъ и при вторичномъ погруженіи не пошелъ въ глубь (l'autre fois n'a été au fond de la dite eau). Вдова Дебефъ и жена Апуньи дважды погрузились въ воду. Но Апуньи мужъ, Ренъяръ и вдова Жолитонъ не погрузились и держались на водѣ „какъ полныя тыквы (gourdes), какими пользуются дѣти, когда учатся плавать“.

И остановился съ нѣкоторымъ вниманіемъ на изображеніи заблужденій, порожденныхъ тѣмъ процессомъ заключенія объ окружаю-

щемъ насъ, который я называлъ галлюцинаціонною объектировкой. Процессъ этотъ игралъ существенную роль въ образованіи средневѣковаго міровоззрѣнія. Съ водвореніемъ системы Коперника и появленіемъ механической философіи произошла великая смѣна міровоззрѣній, о которой будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Смѣна міровоззрѣній. Система Коперника.

1. *Предвѣстники новаго міровоззрѣнія. Николай Кузанскій.* Въ промежутокъ времени съ половины XVI и до половины XVII вѣка совершился великій переворотъ въ умахъ ученыхъ. Перемѣнилось цѣлое міровоззрѣніе. Средневѣковое ученіе о вселенной смѣнилось новымъ, въ кругу котораго обращаются и нынѣ наши знанія. Измѣненіе, впсѣнное новою системой міра, особенно въ послѣдствіяхъ изъ нея вытекавшихъ, было въ такой мѣрѣ радикально, что ею въ первое время могли быть увлечены лишь наиболѣе свободные умы.

Великій шагъ было сдѣланъ ученіемъ Коперника. Но прежде чѣмъ излагать исторію его системы, остановимся на двухъ замѣчательныхъ ученыхъ, предварившихъ свое время, въ которыхъ можно видѣть—въ одномъ предшественника Коперника и Бруно, въ другомъ предвѣстника новой науки во всей ея ширинѣ. Я говорю о Николаѣ Кузанскомъ, учинившемъ за сто лѣтъ до Коперника, что земля не можетъ быть неподвижною, такъ движеніе есть общее свойство тѣлъ, и о знаменитомъ художникѣ Леонардо де-Винчи.

Николай Кузанскій, Nicolaus de Cusa, сынъ рыбака по фамиліи Кребсъ, ученикъ — какъ и Коперникъ — итальянскихъ университетовъ, авторъ многихъ сочиненій церковнаго, философскаго и математическаго содержанія, кардиналъ римской церкви, близкій къ папѣ Пію II (Aeneas Sylvius), родился въ 1401 году въ Куесѣ на Мозелѣ, близъ Трира (умеръ въ 1564 году). Собраніе сочиненій его издано въ 1514 году въ Парижѣ, а въ 1565 въ Базелѣ (послѣднее изданіе имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ: Nicolai de Cusa cardinalis Opera. Basillae, 1565).

Основная смѣлая и оригинальная мысль прелата-математика та, что вселенная не имѣетъ центра. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ дальше Коперника, рассматривавшаго солнечную систему лишь какъ ядро шарообразное вселенной съ солнцемъ въ центрѣ.

Николаю Кузанскому принадлежитъ великолѣпное выраженіе: „все-

ленная есть сфера, центръ которой всюду, а окружность нигдѣ, — нерѣдко предписываемое Паскалю. (Unde erit machina mundi quasi habens ubique centrum et nullibi circonferentiam: quoniam circonferentia et centrum Deus est qui est ubique et nullibi. — Op., 39) ¹⁾.

Николай Кузанскій предшественникъ не столько Коперника, сколько Джіордано Бруно, относившагося къ идеямъ ученаго кардинала съ великимъ уваженіемъ (какъ увидимъ ниже). Двѣ капительныя идеи новаго міровоззрѣнія: что вселенная не имѣетъ центра, и что между земнымъ или элементарнымъ и небеснымъ или астральнымъ нѣтъ различія по существу составляющей матеріи. — высказаны этими предшественникомъ Коперника и Бруно. Земля — такое же небесное тѣло, какъ солнце, луна и другія свѣтила. Она меньше, чѣмъ солнце, но больше, чѣмъ луна. Солнце само по себѣ есть землеподобное тѣло; его сіяніе и теплота зависятъ отъ свѣтлой окружающей его периферіи (начало ученія о солнечной фотосферѣ, развитого Вильямомъ Гершелемъ). Подобная периферія есть и у земли, и для отдаленнаго наблюдателя она должна казаться свѣтящеюся. Луна не кажется намъ ярко свѣтящеюся, какъ солнце, отчасти потому, что мы находимся внутри предѣловъ ея периферіи.

Что касается ученія о движеніи земли, то оно въ сочиненіяхъ Николая изъ Кузы выражено съ большою неясностію. Онъ считаетъ необходимою, чтобы земля имѣла движеніе подобно всѣмъ тѣламъ вселенной. Но въ чемъ именно состоитъ это движеніе? Несомнѣнно, что Николай Кузанскій приписывалъ землѣ обращеніе около осн.

¹⁾ „Сколько бы ни напрягали мы, — говорятъ Паскаль въ своихъ *Мысляхъ*, — наше представленіе за предѣлы пообразимыхъ пространствъ, мы можемъ породить лишь атомы вѣсто дѣйствительности вещей. Вселенная — безконечная сфера, которой центръ всюду, окружность нигдѣ. Это высшее чувственное слѣдствіе всемогущества Божія; воображеніе теряется въ этой мысли“... „Что такое, наконецъ, человекъ среди природы? — говоритъ онъ далѣе: ничто (rien) предъ безконечностію, все предъ ничѣмъ, средина между ничѣмъ и нѣмъ. Онъ безконечно далекъ отъ уразумѣнія предѣловъ; концы вещей и ихъ начала навсегда сокрыты отъ него въ непроницаемой тайнѣ, и онъ одинаково беспомощенъ видѣть и ничто, изъ котораго извлеченъ, и безконечность, которая его поглощаетъ... Человекъ -- самый слабый тростникъ въ природѣ. Чтобы раздавить его, нѣтъ надобности вооружаться всею вселенной. Пары, капли воды достаточно, чтобы его убить. Но еслибы вселенная и раздавила его, все-таки онъ остался бы благороднѣе того, что его убиваетъ, ибо онъ знаетъ, что умираетъ, а о преимуществѣ, которое вселенная имѣетъ надъ нимъ — вселенная ничего не знаетъ“.

Но какое движеніе приписывалъ онъ ей кромѣ того изъ сочиненій и изъ рукописныхъ его замѣтокъ, опубликованныхъ въ сочиненіи Клеменса (Clemens: „Giordano Bruno und Nicolaus von Cusa“, 1847), понять не легко. По крайней мѣрѣ, Геллеръ въ „Исторіи физики“ и Лассвицъ въ „Исторіи Атомистики“ поняли ученіе неодинаковымъ образомъ. „Мы можемъ“, говоритъ Геллеръ (I, 215), „астрономическія воззрѣнія автора „De docta ignorantia“¹⁾ свести къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) каждое небесное тѣло, безъ исключенія, находится въ движеніи; 2) земля имѣетъ тройное движеніе: а) около ея оси, б) около двухъ въ экваторѣ находящихся полюсовъ, с) движеніе обращенія около полюсовъ міра (die Revolutionsbewegung um die Weltpole). Два полюса въ экваторѣ должны служить для объясненія предваренія равноденствій“. Лассвицъ (I, 281) то же ученіе излагаетъ такъ. „Въ природѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, ибо безграничная вселенная не имѣетъ центра, а только центръ могъ бы быть неподвижнымъ. Потому и земля имѣетъ движеніе. Она не покоится въ центрѣ міра и не хуже другихъ звѣздъ. Она сама звѣзда, находящаяся въ движеніи, котораго мы не замѣчаемъ, ибо у насъ нѣтъ сравненія съ неподвижными пунктами. Движеніе земли — чтобы объяснить наклонность эклиптики и предвареніе равноденствій — Николай Кузанскій представлялъ себѣ состоящимъ изъ двойнаго обращенія около собственной оси отъ полюса къ полюсу (Rotation um ihre axe von Pol zu Pol) и изъ обращенія этой оси міра самой около другой оси, полюсы которой лежатъ въ экваторѣ (diese Weltaxe selbst drehbar um eine zweite deren Pole im Aequator liegen). Имѣетъ съ тѣмъ — чтобы получить суточное движеніе звѣздъ — придавъ небесному своду вращеніе въ противоположномъ направленіи съ двойною скоростію. (Während er zugleich um die tägliche Bewegung der Sterne zu erhalten, dem Himmelsgewölbe eine Drehung in entgegengesetzter Richtung von der doppelten Geschwindigkeit gab)“. Отказываемся представить себѣ такое движеніе.

Авторъ прекраснаго сочиненія „Die Reformation der Sternkunde“ (Leipz., 1852), Апелътъ, въ свою очередь, приводитъ цѣликомъ опубликованную Клеменсомъ записку, дополняя замѣчаніями, уразумѣть которыя съ достаточною ясностію намъ не удалось.

¹⁾ Такъ озаглавилъ Николай Кузанскій одно изъ главнѣйшихъ своихъ сочиненій. „De docta ignorantia“ („Ученое незнаніе“) можно точнѣе передать: „О непостигаемомъ“ или „О предѣлахъ постигаемаго“.

Темнота изложенія находится въ связи съ общимъ характеромъ мистическихъ размышленій ученаго прелата. Черезъ разсмотрѣніе математическихъ отношеній и символовъ онъ хотѣлъ приблизиться къ созерцанію божественной безконечности въ ея тріединеніи. Онъ выходитъ отъ разсмотрѣнія „наивсѣчайшаго“. Наивсѣчайшее есть необъятное и единое. Для него нѣтъ протиположнаго. Это абсолютно единое не можетъ быть предметомъ вѣдѣнія. Число обусловливаетъ всякое познаніе, а оно выше всякаго числа. Какъ безконечное, оно не имѣетъ уловимаго отношенія къ конечному. Его познать можно лишь чрезъ символы, особенно математическіе. Математика основана на разсмотрѣніи фигуръ. Фигуры конечны и ограничены. Слѣдуетъ искать ихъ соотношенія, представить себѣ ихъ возрастающими до безконечности, изучить отношеніе тайныхъ, безконечно большихъ фигуръ, затѣмъ отвѣститься отъ фигуръ вообще, чтобы достигъ абсолютнаго („De docta ignor. “с. XII; Apelt, 17). Если линія дѣлается безконечною, она становится одновременно прямою, треугольникомъ, кругомъ, шаромъ, такъ что безконечный шаръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ треугольникъ, кругъ, прямая линія. Дѣйствительно, чѣмъ болѣе радіусъ круга, тѣмъ онъ плоче, тѣмъ меньше его кривизна. Окружность наивсѣчайшаго круга не будетъ имѣть никакой уже кривизны; она будетъ прямою линіей... Безконечно большой треугольникъ состоитъ уже не изъ нѣсколькихъ, а изъ одной линіи и т. д. Вотъ способъ изложенія автора „De docta ignorantia“¹⁾.

Предшественникъ Коперника (Копернику, впрочемъ, сочиненія кардинала-философа, повидимому, извѣстны не были) въ ученіи о движеніи земли, Николай Кузанскій есть также предшественникъ Бекона Веруламскаго въ провозглашеніи великаго значенія экспериментальной науки и приглашенія ученыхъ къ изученію природы путемъ опыта.

¹⁾ Приведемъ въ дополненіе нѣсколько строкъ изъ замѣтки, найденной и опубликованной Клеменсомъ. „Consideravi, quod terra ista non potest esse fixa, sed movetur ut aliae stellae. Quare super polis mundi revolvitur, ut ait Pythagoras, quasi semel in die et nocte, sed octava sphaera bis, et sol parum minus quam bis in die et nocte. Item consideravi, quomodo alii poli debent imaginari neque distantes a polis mundi in aequatore, et super illis revolvitur octava sphaera in die et nocte parum minus quam semel, et solare corpus distat ab uno polorum illorum quasi per quartam partem quadrantis scilicet per 23 gradus vel prope; et per circumvolutionem mundi etiam circumvolvitur sphaera solis semel in die et nocte parum minus, hoc est aer $\frac{1}{1000}$. Sui circuli, ita quod in anno per motum diei unius est retardatio, et ex illa retardatione oritur Zodiacus... и т. д. Не беремся перевести.

Есть замѣчательное сочиненіе, озаглавленное „Николая Кузанскаго діалогъ о статическихъ опытахъ“ („Nicolai Cusani de staticis experimentatis dialogus“, Strassburg 1550, 4°), въ которомъ изображенъ философъ, бесѣдующій съ механикомъ. Философъ и механикъ соединенно обсуждаютъ разные вопросы, подлежащіе изслѣдованію опытомъ. Механикъ указываетъ цѣлый рядъ опытовъ, которые могли бы быть произведены. Философъ соглашается, дѣлаетъ указанія съ своей стороны и принимаетъ на себя составленіе трактата по затронутымъ вопросамъ. „Si me amas diligens esto, vale“, заключаетъ діалогъ механикъ (Heller, I, 221).

Механикъ указываетъ великую пользу вѣсовъ для изслѣдованій разнаго рода. Предлагаетъ измѣрять удѣльный вѣсъ крови старыхъ, молодыхъ, больныхъ, здоровыхъ субъектовъ, надеясь получить заключенія, полезныя для медицинскихъ цѣлей. Рекомендуетъ въ особенности пользоваться для измѣренія времени количествомъ воды, истекающей въ постоянныхъ условіяхъ (способъ, къ которому впослѣдствіи прибѣгъ Галилей). Такъ можно опредѣлять, напримѣръ, какое сравнительно время соотвѣтствуетъ 100 ударамъ пульса, 100 дыханіямъ у разныхъ лицъ, въ разныхъ условіяхъ. Замѣчательный предлагаемый въ діалогѣ опытъ изъ области растительной физиологій. Взять сто фунтовъ земли и посѣять въ ней опредѣленное количество какихъ-либо сѣмянъ. Когда вырастутъ растенія, опредѣлить ихъ вѣсъ и вновь свѣсить землю, въ которой сѣмена были посѣяны. Найдемъ, что земля мало потеряетъ въ своемъ вѣсѣ, такъ какъ питаніе и ростъ растенія происходятъ де главнѣйше на счетъ воды, поливки. Если свѣсить зоду растенія, то, по мнѣнію автора, опредѣлится количество заключающейся въ немъ воды.

Философъ предлагаетъ пускать съ высоты башни камень и такой же величины кусокъ дерева, и опредѣлять по истеченію воды время паденія. Механикъ одобряетъ и находитъ полезнымъ произвести также опытъ съ паденіемъ тѣлъ разной формы, свинцоваго шара, напримѣръ, и такого же вѣса свинцовой пластинки. Еслибы опыты были сдѣланы, ученый кардиналъ, быть можетъ, предупредилъ бы Галилея.

Для опредѣленія глубины моря рекомендуется снарядъ, состоящій изъ пустаго шара, опускаемаго въ море номонцію привѣшаннаго къ нему груза. Механизмъ устроенъ такъ, что, достигнувъ дна, шаръ отцѣпляется отъ груза и всплываетъ. Изъ продолжительности опыта можно сдѣлать заключеніе о глубинѣ.

II. *Предвѣстники новую міровоззрѣнія. Леонардо де-Винчи.*

Предвѣстника новаго міровоззрѣнія можно видѣть въ великомъ художникѣ и ученомъ конца XV вѣка и XVI (1452 — 1519) Леонардо де-Винчи. Фигура этого великаго художника-ученаго во всю величину выяснилась лишь въ послѣднее время.

Въ послѣдніе годы воздвигнуть превосходный памятникъ великому художнику. Этотъ памятникъ—неоконченное еще изданіе въ шести великолѣпныхъ томахъ рукописей Винчи, предпринятое французскимъ ученымъ г. Равессонъ-Мольенъ подъ заглавіемъ: „*Les manuscrits de Leonard de Vinci, publiés en facsimilés, avec transcription littérale française et tables méthodiques par M. Charles Ravaisson-Mollien*“. Послѣ знаменитаго художника осталось множество рукописей, находящихся въ различныхъ книгохранилищахъ Европы: въ библіотекахъ Милана, Виндзора, французскаго Института, и нѣкоторыхъ другихъ. Разобрать ихъ требовался огромный трудъ, какъ можно судить по великолѣпнымъ фотографическимъ снимкамъ, изъ которыхъ состоитъ изданіе; противъ каждаго снимка приведенъ разобранный итальянскій текстъ и французскій его переводъ. Въ рукописяхъ встрѣчается множество чертежей, набросковъ, рисунковъ, которые относятся къ тексту и которые можно изучать въ изданныхъ фотографическихъ снимкахъ. Обстоятельно и критически составленный обзоръ новаго матеріала, вмѣстѣ съ очеркомъ жизни и трудовъ великаго художника и ученаго, можно найти въ недавно изданномъ сочиненіи г. Сэайля: „*Leonard de Vinci l'artiste et savant, essai de biographie psychologique par Garbiel Séailles, maître de conférences à la Faculté de lettres de Paris, 1892*“.

Всѣмъ извѣстенъ Леонардо де-Винчи какъ художникъ, творецъ „Тайной Вечери“, но далеко немногимъ извѣстно его значеніе, какъ великаго ученаго своего вѣка. Значеніе это получило оцѣнку только въ самое недавнее время, и, главнымъ образомъ, благодаря ознакомленію съ рукописями Винчи. Знаменитое сочиненіе о живописи, и въ настоящее время не потерявшее научной цѣлы, уже указывало въ великомъ художникѣ и замѣчательнаго ученаго. Рукописи Винчи раскрываютъ всю широту его научнаго міровоззрѣнія. Леонардо де Винчи прямой предшественникъ Галилея, Бекона, Декарта. Великій, свершившійся въ XVII вѣкѣ, научный и философскій переворотъ, отъ котораго получила начало современная наука и для котораго Беконъ явился, по его выраженію, трубою, зовущею на бой, связывается въ исторіи, обыкновенно, съ этими тремя именами. Оказывается, что Леонардо де-Винчи предупредилъ ихъ цѣлымъ вѣкомъ. Его слѣдуетъ

считать первым провозвѣстникомъ научнаго направленія, которому естествознаніе и вообще наука обязаны своимъ быстрымъ ростомъ въ послѣднія три столѣтія и которое легло въ основаніе философіи новаго времени.

Школьная наука эпохи Винчи сводилась къ истолкованію авторитетовъ древности. Разрывая съ нею связь, великій художникъ провозгласилъ себя служителемъ „опыта“; противопоставляя себя школьнымъ ученымъ, онъ говорилъ: „если я не умѣю, какъ они, приводить мѣста изъ авторовъ, то я призываю нѣчто высшее и достойнѣйшее, призываю *опытъ*, бывшій учителемъ изъ учителей. Я хорошо знаю, что иные напыщенные люди сочтутъ себя въ правѣ порицать меня, ссылаясь на то, что я человѣкъ безъ учености. Безумный народъ! Не знаютъ, что подобно тому, какъ Марій отвѣтилъ римскимъ патриціямъ, я могъ бы сказать имъ: украшающіеся чужими трудами не хотятъ оставить за мною плодъ моего собственнаго труда. Они скажутъ, что, не обладая ученостью, я не могу хорошо выразить того, о чемъ хочу трактовать. Они не знаютъ, что предметы, меня занимающіе, зависятъ отъ опыта, а не отъ словъ. Опытъ былъ учителемъ тѣхъ, которые хорошо писали. Во всякомъ случаѣ, онъ мой учитель“. „Они ходятъ,—говоритъ Винчи въ другомъ мѣстѣ о тѣхъ же школьныхъ ученыхъ,—спѣсиво надувшись, разодѣтые и разукрашенные, и не хотятъ оставить мнѣ плодъ моихъ трудовъ. Они презираютъ меня—изобрѣтателя! Но какихъ же порицаній заслуживаютъ они, не изобрѣтатели, а фанфароны и декламаторы чужихъ трудовъ... Изобрѣтатели по сравненію съ ними то же, что предметъ, стоящій передъ зеркаломъ, по сравненію съ изображеніемъ этого предмета въ зеркалѣ. Предметъ есть нѣчто самъ по себѣ, изображеніе ничто“.

Источникъ изобрѣтенія и знанія для Леонардо Винчи есть опытъ: „мудрость есть дочь опыта“, говоритъ онъ. „Опытъ не обманываетъ; обманываютъ насъ только наши сужденія, ожидающія отъ опыта того, чего онъ не можетъ дать. Напрасно люди жалуются на опытъ и съ упреками обвиняютъ его въ обманѣ. Опытъ не виноватъ; виновны наши пожеланія, тщетныя и безумныя“.

„Утверждаютъ, будто зрѣніе препятствуетъ внимательному и тонкому умственному познанію, при помощи котораго происходитъ проникновеніе въ божественныя тайны науки и будто препятствіе это побудило одного философа лишить себя зрѣнія. На это отвѣчу, что глазъ, какъ владыка чувствъ, исполняетъ свой долгъ, поставляя препятствіе тѣмъ смутнымъ и обманчивымъ разсужденіямъ,—не зову ихъ

научными, которыя, при великомъ шумѣ и хлопаньи ладошъ, происходятъ при диспутахъ. И если одинъ философъ лишилъ себя глазъ, чтобъ удалить препятствіе къ разсужденіямъ такого порядка, то операція эта, нѣтъ сомнѣнія, повліяла на его мозгъ и разсужденія, такъ какъ все это было безумствомъ“.

Идеи Винчи о строеніи вселенной далеко уже отходятъ отъ средневѣковыхъ понятій. Для него нѣтъ различенія между элементарнымъ и астральнымъ. Земля для него такое же небесное тѣло, какъ и другія свѣтила. „Она не въ срединѣ круга солнца, не въ центрѣ міра, но среди своихъ элементовъ, сопровождающихъ ее и съ нею соединенныхъ“. Каждое свѣтило имѣетъ свою сферу склупленія и есть ея центръ. Это еще не ученіе о тяготѣніи, которое взаимно между свѣтилами, а родъ притяженія отдѣльнымъ свѣтиломъ его элементовъ.

„Луна плотна. Какъ плотная, она тяжела. Какъ тяжелая, она не можетъ быть поддержана пространствомъ, какое занимаетъ. Потому она должна бы спускаться къ центру вселенной, соединиться съ землею: или, по крайней мѣрѣ, воды ея должны упасть и она лишиться блеска (*s'unir à la terre, et à son défaut ses eaux doivent tomber et la laisser sans éclat*). Но такихъ послѣдствій не бываетъ: ясное свидѣтельство, что луна одѣта своими элементами—водою, воздухомъ и огнемъ, и такимъ образомъ держится въ себѣ и сама собою (*in se, per se*) въ пространствѣ, точно такъ, какъ наша земля съ своими элементами и въ другомъ пространствѣ. Тяжелыя тѣла среди ея элементовъ дѣлаютъ то же, что они дѣлаютъ среди нашихъ (*les corps graves font dans ses éléments précisément ce qu'ils font dans les nôtres*)“.

Въ эпоху Винчи вѣра въ тайныя науки находилась еще въ полной силѣ; астрологія, алхимія, магія имѣли огромное число приверженцевъ. Противники и преслѣдователи ихъ не отрицали реальности чудесъ, изъ которыхъ слагалось ихъ содержаніе, и только осуждали ихъ источники, усматривая въ нихъ дѣйствія злыхъ духовъ и темныхъ силъ. Винчи, по отношенію къ тайнымъ наукамъ, являлся вполне человекомъ новаго времени. „Изъ всѣхъ человѣческихъ мѣній,—говоритъ онъ,—безумнѣйшее есть вѣра въ волшебство (некромацію), сестру алхиміи“... Винчи перечисляетъ нѣкоторыя изъ этихъ безумствъ. „Духи говорящіе, безъ языка, производящіе дождь и бури; люди, обращенные въ кошекъ, волковъ и другихъ животныхъ, тогда какъ, сказать по правдѣ, въ скотовъ обращаются только утверждающіе подобныя вещи“.

Не ускользнулъ отъ Винчи и тотъ доводъ здраваго смысла про-

тивъ тайныхъ наукъ, который не потерялъ силу и теперь въ при-
мѣненіи къ чудесамъ спиритизма: безплодность всѣхъ этихъ тайнъ.
несоотвѣтствіе между, будто бы, открытыми чудесными силами и нич-
тожествомъ ихъ примѣненій, тогда какъ научное знаніе сопрово-
ждается громадными практическими послѣдствіями. Еслибы на самомъ
дѣлѣ существовали силы, приписываемыя волшебству, то людямъ.
обладающимъ ими, замѣчаетъ Винчи, не было бы ничего невозмож-
наго, „исключая развѣ только—избѣгнуть смерти“. Знаю, продолжаетъ
онъ, что многіе люди для удовлетворенія своихъ вождѣлнй, безъ
зазрѣнія совѣсти готовы были бы отвергнуть Бога и разрушить міръ.
И потому, если волшебства теперь не оказывается между людьми,
значить его никогда и не было.

Алхимики Винчи называетъ лживыми истолкователями природы.
„Лживые истолкователи природы, алхимики,—говоритъ онъ,—утвер-
ждаютъ, что ртуть есть общее сѣмя всѣхъ металловъ, забывая, что
природа разнообразить сѣмена, согласно разнообразію вещей, какіи
хочетъ произвести“.

Съ замѣчательною проникательностью, въ то время, когда не
были еще установлены первыя начала механики движенія, Лео-
нардо де-Винчи признаетъ химерою исканіе „вѣчнаго движенія“,
perpetuum mobile, на три вѣка, предупреждая въ этомъ вопросѣ
свое время, такъ какъ невозможность *perpetuum mobile* окончателью
стало научною аксіомою только съ утвержденіемъ ученія о сохране-
ніи энергіи. „Искатели вѣчнаго движенія“, говорилъ Винчи, обра-
щаясь къ инженерамъ своего времени,—„какое количество пустѣй-
шихъ замысловъ пустили вы въ міръ: идите къ искателямъ золота“.
„Настоящее научное знаніе,—замѣчаетъ Винчи,—палагаетъ узду на
инженеровъ, даетъ имъ чувство возможнаго и не позволяетъ про-
слыть шарлатанами и безумцами“.

Великій художникъ являлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, великимъ инже-
неромъ и механикомъ. Онъ подвергъ самому серьезному изученію ве-
ликую задачу о полетѣ въ воздухѣ. Изслѣдованія его по этому пред-
мету и теперь представляютъ много поучительнаго и внушаютъ удив-
леніе людямъ, изучающимъ этотъ важный вопросъ. Винчи принадле-
житъ первое научное изслѣдованіе механизма полета птицъ.

Великій художникъ, великій инженеръ, былъ кромѣ того и ве-
ликимъ анатомомъ. Признавая огромное значеніе для живописца точ-
наго знанія строенія человѣческаго тѣла, его формъ, костей, муску-
ловъ,—Винчи увлекся анатомическими изслѣдованіями. Анатомія за-

нимала его въ теченіе всей жизни. Онъ оставилъ громадное количество анатомическихъ рисунковъ, сдѣланныхъ съ природы при помощи тщательнаго разсѣченія труповъ, почти не примѣнявшагося въ его время и навлекшаго на Винчи порицаніе папы Льва X, хотя папа этотъ отличался свободомысліемъ. Анатомическіе рисунки Винчи еще не изданы. Знаменитый англійскій хирургъ Гунтеръ, времени Георга III, разсматривая ихъ въ королевской библіотекѣ, говорилъ: „Я ожидалъ встрѣтить анатомическіе рисунки, сдѣланные живописцемъ для потребностей его искусства, но съ великимъ изумленіемъ увидалъ, что они были плодомъ глубокаго и общаго анатомическаго изученія. Если принять въ соображеніе громадность труда, потраченнаго Винчи для каждой части тѣла, высоту его всеобъемлющаго генія, исключительное превосходство его знаній въ гидравликѣ и механикѣ, вниманіе, съ какимъ такой человѣкъ наблюдалъ и изучалъ предметы, которые рисовалъ, то нельзя не придти къ заключенію, что онъ былъ лучшимъ въ мірѣ анатомомъ своего времени. Онъ, несомнѣнно, первый ввелъ практику анатомическихъ рисунковъ“. О запятіяхъ своихъ анатоміей Винчи говоритъ такъ: „Ты любишь эту науку, но тебѣ можетъ воспрепятствовать отвращеніе, страхъ остаться въ ночные часы наединѣ съ трупами лишенными кожи, страшными на видъ. Побѣдишь ты этотъ страхъ, у тебя не достанетъ, быть можетъ, точности въ рисункѣ. Удастся рисунокъ, будетъ ли перспектива, а если ея и достигнешь, овладѣешь ли еще геометрическою методою, исчисленіемъ силъ и крѣпости мускуловъ? Да и хватитъ ли терпѣнія, необходимаго условія точности? Соединились ли во мнѣ всѣ эти требованія, о томъ пусть свидѣлствуютъ 120 книгъ, мною составленныхъ, и составленіе которыхъ затруднялось не скупостію или небрежностію, а только недостаткомъ времени“.

Земля для Леонардо де Винчи такое же небесное тѣло, какъ, напримѣръ, луна. Поверхность земли отражаетъ лучи солнца, и для отдаленныхъ міровъ она должна казаться звѣздою. „Если мы наблюдаемъ звѣзды безъ лучей (такъ кажутся онѣ черезъ малую дырочку, сдѣланную тонкою иглою и поставленную близъ глаза), то увидимъ ихъ столь малыми, какъ точка. Уменьшаетъ ихъ, такимъ образомъ, значительность разстоянія, хотя значительное число ихъ во много разъ больше, чѣмъ звѣзда, какую представляетъ собою земля съ ея океаномъ. Подумай же, какою должна казаться наша звѣзда на такихъ разстояніяхъ, и сообрази, сколько еще звѣздъ могло бы помѣститься въ промежуткахъ между звѣздами, разсѣянными въ пространствѣ“.

Леонардо де Винчи первый нашелъ объясненіе пепельнаго цвѣта луны черезъ освѣщеніе ея лучами, отраженными отъ земли.

Для Винчи, какъ и для современнаго геолога, окаменѣлости и раковины, находимыя въ слояхъ земли,—свидѣтельства ея исторіи въ отдаленнѣйшія эпохи, намѣченный всеразрушающимъ временемъ. „Такъ какъ вещи древнѣе письменъ, то не удивительно, что не сохранилось никакого письменнаго документа о томъ, что многія страны прежде были покрыты морями. Для насъ достаточно свидѣтельства вещей, рожденныхъ въ соленой водѣ и находимыхъ на высокихъ горахъ, теперь удаленныхъ отъ моря... О время, быстрый разрушитель созданныхъ вещей, сколько королей и народовъ унесло ты! Какой рядъ порево́ро́товъ и событій пронесли съ тѣхъ поръ, какъ эта рыба удивительной формы умерла въ этихъ пещерахъ съ глубокими ихъ изворотами! Разрушенная терпѣливымъ временемъ, она лежитъ теперь въ этомъ замкнутомъ мѣстѣ и своимъ оголеннымъ костякомъ служить къ опорѣ горы, надъ нею лежащей“.

Рисуя растенія со вниманіемъ ученаго наблюдателя, Винчи первый замѣчаетъ правильный законъ въ расположеніи листьевъ на стеблѣ и усматриваетъ цѣлесообразность въ этомъ естественномъ ихъ распредѣленіи.

„Художники! Прежде всего изучайте науку“, говорилъ Винчи, и первый подалъ великій примѣръ въ этомъ отношеніи.

Во всѣхъ отрасляхъ естествознанія—въ астрономіи, геологіи, физикѣ, механикѣ, ботаникѣ, Леонардо де-Винчи стоялъ выше своего времени и оставилъ геніальныя блестики въ своихъ рукописяхъ.

И. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

LA DIPLOMATIE FRANÇAISE ET LA LIGUE DES NEUTRES DE 1780 (1776—1783), par
Paul Fanchille, docteur en droit. Ouvrage couronné par l'Institut de
France. Paris. 1893. Pag. 599+XI.

Историческая наука какъ на Западѣ, такъ и у насъ весьма дѣятельно занимается за послѣднія 25 лѣтъ разысканіемъ новыхъ архивныхъ источниковъ и ихъ изученіемъ. Не смотря на нѣкоторую односторонность этого направленія, изученіе архивовъ дало возможность освѣтить многіе темные углы исторіи. Къ числу такихъ темныхъ угловъ принадлежалъ до послѣдняго времени и вопросъ о происхожденіи и развитіи перваго вооруженнаго нейтралитета. Исторія его такъ переплелась съ разными сказками и легендами, что сама обратилась въ сказку, и только съ обнародованія послѣдняго, десятаго, тома издаваемыхъ подъ редакціей проф. Ф. Ф. Мартенса „Договоровъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“, явилась возможность ближе разобраться въ этой запутанной исторіи.

Теперь къ изслѣдованіямъ проф. Мартенса присоединился замѣчательный во многихъ отношеніяхъ трудъ г. Фошля о французской дипломатіи и союзѣ вооруженнаго нейтралитета 1780 года. Г. Фошль извѣстенъ въ наукѣ международного права превосходнымъ изслѣдованіемъ о морской блокадѣ и другими сочиненіями, обличающими въ немъ не только солидныя знанія, но и живой литературный талантъ. Разбираемое сочиненіе г. Фошля составляетъ часть труда, написаннаго имъ вмѣстѣ съ проф. Бекомъ для полученія преміи Даниоля. Академія моральныхъ и политическихъ наукъ

самымъ лестнымъ образомъ отозвалась именно о той части труда, которая написана г. Фошиллемъ и напечатана въ видѣ книги, подлежащей нашему разбору. Сочиненіе это посвящено профессору С.-Петербургскаго университета Ф. Ф. Мартенсу.

Г. Фошиль начинаетъ свое изслѣдованіе съ событій 1776 года, а именно съ объявленія 4-го іюля 1776 года независимости 13-ти Американскихъ штатовъ. Отложеніе англійскихъ колоній въ Америкѣ отъ своей метрополи вызвало англо-американскую войну, которая въ свою очередь повлекла за собою англо-французскую войну. 6-го февраля 1778 г. Людовикъ XVI подписалъ союзный трактатъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, признававшій независимость штатовъ. 13-го марта того же года французскій посолъ въ Лондонѣ маркизь де Ноайль (Noailles) сообщалъ о содержаніи этого договора британскому кабинету, который немедленно отзывалъ изъ Франціи своего посла и предписалъ захватить всѣ французскіе корабли, стоявшіе въ англійскихъ портахъ. Франко-американскій трактатъ былъ особенно ненавистенъ для англичанъ, такъ какъ провозглашалъ принципъ, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, и ограничивалъ право осмотра кораблей (*droit de visite*) простою провѣркою корабельныхъ бумагъ, и контрабандою признавалъ лишь оружіе и военные припасы.

Англія пачала съ преслѣдованія французской морской торгонли, давно уже возбуждавшей ея зависть. Подъ предлогомъ не допускать торговли возмущившихся американскихъ колоній съ иностранными державами англійскіе крейсеры останавливали французскіе корабли въ открытомъ морѣ, грабили ихъ и обивляли своими призами, хотя бы на корабляхъ этихъ и не нашлось военной контрабанды. Англійскіе крейсеры преслѣдовали французскіе корабли даже въ предѣлахъ французскихъ водъ и тамъ стрѣляли въ нихъ ядрами.

Англія въ особенности старалась подвигнуть Голландію противъ Франціи, употребляя для этого какъ угрозы, такъ и болѣе мягкія средства. Въ этомъ направленіи британская дипломатія дѣйствовала на принца Нассаускаго-Оранскаго, голландскаго штатгальтера. Такъ англійскій посланникъ въ Гагѣ обѣщалъ въ 1777 году принцу выдать его дочь за принца Уэльскаго, наследника англійскаго престола. 13-го августа 1777 года французскій посланникъ въ Гагѣ писалъ своему правительству: „Въ Лондонѣ серьезно помышляютъ образовать союзъ между Россіей, Пруссіей и Англіей съ цѣлью сдѣлать диверсію противъ Франціи на случай войны съ послѣдней, при

чемъ намѣрены увлечь въ этотъ союзъ и Голландскую республику". Но Голландская республика отклонила сдѣланныя ей предложенія.

Англійское правительство не ограничилося одпою Голландіей и, какъ только провѣдало о симпатіяхъ французскаго правительства къ возставшимъ американскимъ колоніямъ, немедленно начало переговоры съ Петербургскимъ правительствомъ. Еще въ 1775 году и въ началѣ 1776 года Англія разузнавала, не можетъ ли Россія послать въ Америку 20-ти-тысячный корпусъ. Въ декабрѣ 1776 года французскій посланникъ въ Петербургѣ маркизь Жюинье (Juigné) сообщалъ графу де-Верженнъ, что англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ Оакес въ разговорѣ съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Панинымъ просилъ помощи у Россіи на случай, если Франція и Испанія объявятъ войну Англіи. Французскій министръ не обратилъ особеннаго вниманія на эти хлопоты Англіи, ибо былъ увѣренъ въ осторожности русскаго правительства. Онъ считалъ Екатерину II „слишкомъ искусною для того, чтобы позволить увлечь себя въ войну, въ которой ничто не заставляло ее принимать участіе". Однако, переговоры продолжались, и въ мартѣ 1777 года разнесся слухъ, будто бы русская императрица заключила съ Англіей секретный договоръ, въ которомъ обѣщала дать ей на случай войны съ Франціей и Испаніей 18 кораблей и 9.000 солдатъ. Слухъ оказался ложнымъ, и 1-го апрѣля маркизь де-Жюинье уже объявилъ, что переговоры о заключеніи этого трактата не удались. Въ слѣдующемъ 1778 году Англія возобновила свои попытки, но, по словамъ испанскаго посланника въ Петербургѣ де-Ласси (de Lassy) въ письмѣ отъ 9-го апрѣля 1778 г. къ испанскому министру иностранныхъ дѣлъ, русское правительство отнюдь не склонилось на предложенія Англіи. Въ томъ же смыслѣ писалъ 17-го апрѣля Корберонъ, французскій повѣренный въ дѣлахъ.

Франція въ свою очередь не оставалась безъ дѣла и пыталась мѣшать англійскимъ интригамъ. Французское правительство не добивалось содѣйствія сѣверныхъ державъ, а лишь ихъ нейтралитета. Г. Фошиалль съ самаго начала своего изслѣдованія и безъ достаточныхъ основаній утверждаетъ, что Франція заботилась не объ обыкновенномъ нейтралитетѣ сѣверныхъ державъ, а о союзѣ нейтральныхъ державъ, направленномъ противъ англійской деспотической власти на морѣ. Эту „гравдіозную" мысль г. Фошиалль приписываетъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ графу де-Верженъ (comte de Ver-

geenes)¹⁾. Вѣрнѣе было бы сказать, что французскій министр просто старался привлечь сѣверныя державы на свою сторону. Этого достигнуть было не легко. Шведскій король Густавъ III, человекъ слабый, нерѣшительный, преданный удовольствіямъ придворной жизни, не сочувствовалъ американцамъ. Этотъ Гамлетъ на престолѣ не любилъ никакихъ рискованныхъ предпріятій, а его министр иностранныхъ дѣлъ графъ Шефферъ былъ легкомысленный и неводержимый на языкъ дипломатъ, почти лишенный значенія. При томъ Густавъ III ненавидѣлъ Данію и боялся Россіи. Въ то время, то-есть, въ семидесятыхъ годахъ, господствовала еще такъ называемая сѣверная система (*système du nord*), то-есть, союзъ Россіи, Пруссіи, Даніи и Англіи противъ бургонскаго дома и Австріи. Датскій король Христіанъ VII впалъ въ дѣтство. Страной управляла его теща, вдовствующая королева Юлія-Марія. Она не любила Англіи, но внѣшней политикой не занималась. Внѣшней политикой Даніи завѣдывалъ графъ Бернсторфъ, не терпѣвшій американцевъ и пытавшій симпатіи къ Англіи. Но датскій народъ сочувствовалъ французамъ, если вѣрить донесеніямъ французскихъ представителей при датскомъ дворѣ. Екатерина II была женщина съ мужскою душою („*ce grand homme qu'on appelle Catherine*“, по выраженію Вольтера), рѣдкаго ума и удивительной дѣятельности. Но она не любила ни американцевъ, ни французовъ. Первыхъ она иначе не называла, какъ „буштовщиками“ (*rebelles*). А Францію она не долюбливала за то, что она въ 1768 году побуждала Турцію къ войнѣ съ Россіей, а въ 1772 году посадила Густава III на шведскій престолъ, при чемъ Верженнь въ качествѣ посла въ Константинополѣ и въ Стокгольмѣ игралъ главную роль въ этихъ событіяхъ. Верженнь, вызванный изъ Константинополя герцогомъ Шуазелемъ, говорилъ послѣднему: „Россіи была объявлена война, и я исполнилъ во всей точности волю короля; но я привезъ обратно присланные мнѣ для этого три милліона, я въ нихъ не имѣлъ надобности“²⁾. Французскіе агенты въ Петербургѣ въ своихъ донесеніяхъ рисовали Екатерину II, какъ женщину ка-

¹⁾ Вержанны, родившійся въ 1719 году, былъ первымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVI и оставался въ этомъ званіи до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1787 г. Онъ прошелъ хорошую дипломатическую школу подъ руководствомъ своего дяди, Шавиньи, посланника въ Португалію и въ Германію. Съ 1750 по 1774 годъ онъ самъ былъ посланникомъ въ Ганноверъ, въ Константинополѣ и въ Швецію. Это былъ трудолюбивый дипломатъ-философъ, полный мудрости и умѣренности.

²⁾ *Flassan*, Histoire de la diplomatie française, t. VI, p. 83.

признанію, то рѣшительную, то слабую, то тщеславную и честолюбивую; она любила философовъ, но главнымъ образомъ изъ интереса, ибо въ тотъ вѣкъ они создавали славу и извѣстность. На Екатерину большое вліяніе имѣли Потемкинъ и его недругъ Панинъ. Послѣдній былъ ловкій и осторожный министръ иностранныхъ дѣлъ, весьма опытный и хладнокровный, даже лѣнивый и небрежный. Онъ былъ „лѣнивъ не столько по системѣ, сколько по привычкѣ“. Панинъ былъ другъ Пруссіи, которая къ Англіи относилась почти враждебно. Екатерина не долюбивала Панина и послѣ его смерти писала Гримму 19-го апрѣля 1783 года: „Графъ Панинъ былъ отъ природы лѣнивъ и ловко умѣлъ превратить эту лѣнь яко бы въ обдуманную осторожность; онъ отъ природы не былъ ни такъ добръ ни такъ откровененъ, какъ князь Орловъ, но онъ лучше зналъ свѣтъ и лучше умѣлъ скрывать свои недостатки и пороки, а тѣ и другіе были велики“ ¹⁾.

Особенно трудно было Франціи привлечь на свою сторону Голландскую республику, тяготѣвшую къ Англіи. Голландскій штатгальтеръ принцъ Оранскій, получившій англійское воспитаніе, былъ явно враждебенъ Франціи. Французскій посланникъ въ Голландіи Вогюйонъ писалъ въ началѣ 1777 года Верженню, что у принца „мало ума, дарованія и способностей“. Но изъ семи голландскихъ провинцій четыре были подъ его сильнымъ вліяніемъ. Генеральные штаты были преданы Англіи. Оппозиція была въ Амстердамѣ, наиболѣе вліятельномъ городѣ Голландской провинціи, но эта оппозиція была слаба. Бывшій опекунъ намѣстника, принцъ Людвигъ Брауншвейгскій, былъ менѣе его привязанъ къ интересамъ Англіи, но придерживался политики довольно двусмысленной. Оставалось дѣйствовать непосредственно на голландскій народъ, среди котораго была такъ называемая „патріотическая“ партія, преданная интересамъ Франціи. Но голландцы боялись Англіи, и всѣ усилія французскаго правительства были направлены къ тому, чтобы охранять ихъ отъ ихъ собственнаго страха. Французское правительство прежде всего должно было позаботиться о нейтралитетѣ Голландіи, корабли которой перевозили во французскія колоніи всѣ нужные товары. Нейтралитетъ всѣхъ сѣверныхъ державъ, за исключеніемъ Голландіи, для Франціи немного значилъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ провозглашенія независимости

¹⁾ Correspondance de Catherine avec Grimm, lettre 114, p. 275.

Америки, въ концѣ ноября 1776 года министръ Людовика XVI отправилъ въ Гагу въ качествѣ посланника герцога де-ля-Вогюйона, участвовавшего въ Семилѣтней войнѣ и получившаго въ ней званіе полковника. Ему даны были подробныя инструкціи, какъ поступать для того, чтобы привлечь умы на сторону Франціи. Новый посланникъ старался приобрести друзей не только среди партіи патриотовъ, но и среди друзей и поклонниковъ принца Нассаускаго. Такимъ путемъ онъ могъ удобнѣе слѣдить за всѣми дѣйствіями намѣстника. Потомъ онъ мало-по-малу начиналъ заговаривать объ истинныхъ интересахъ Голландіи, и его рѣчи имѣли успѣхъ. Согласно съ инструкціями министра Верження, французскій посланникъ всячески внушалъ голландцамъ, на сколько выгодно для нихъ вступить въ союзъ съ Франціей, и на сколько опасны для Голландіи притязанія Англіи. Эта политика имѣла успѣхъ: Голландія видимо стала сочувствовать Франціи и тяготиться опекою англичанъ. Впервые это новое настроеніе обнаружилось въ протестѣ Голландіи 26-го марта 1777 г. противъ „угрожающаго тона“, въ какомъ Англія жаловалась на дѣйствія губернатора. Въ апрѣлѣ того же года Голландія рѣшила построить новый флотъ. Работа закипѣла во всѣхъ провинціяхъ. Верженнь объяснилъ эти приготовленія въ благопріятномъ для Франціи смыслѣ. Въ ноябрѣ того же года, по просьбѣ голландскихъ купцовъ, правительство штатовъ рѣшило дать вооруженный конвой судамъ, идущимъ въ Америку, для охраны ихъ отъ нападений англійскихъ крейсеровъ. Англійскій посланникъ въ Гагѣ генералъ Йоркъ былъ этимъ очень недоволенъ. Верженнь воспользовался этимъ настроеніемъ умовъ въ Голландіи и въ январѣ 1778 года поручилъ своему представителю въ Гагѣ неофициально разузнать, какъ отнеслось бы голландское правительство къ мысли о конвенціи съ Франціей и Испаніей, еслибы такая конвенція была ему предложена. Въ крайнемъ случаѣ онъ поручалъ добиться ручательства въ томъ, что Голландія сохранить нейтралитетъ. Въ мартѣ того же года французскій повѣренный въ дѣлахъ бесѣдовалъ по этому вопросу съ Фанъ-де-Бергелемъ. Послѣдній сочувственно отнесся къ мысли о конвенціи. Но великій пенсіонарій Голландіи Блесвикъ отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на симпатіи намѣстника къ Англіи. Пришлось отказаться отъ мысли о конвенціи и ограничиться хлопотами о нейтралитетѣ. Но даже и въ этомъ отношеніи возникли разныя затрудненія.

Въ мартѣ французское правительство сообщило Голландіи содер-

жаніе своего торговаго трактата съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Но результатъ этого сообщенія не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ французскаго министра: благодаря интригамъ Англіи, этотъ трактатъ только встревожилъ голландцевъ. 17-го марта 1778 года англійскій король объявилъ въ парламентѣ, что сдѣлка Франціи съ американцами есть враждебный актъ, равносильный объявленію войны Англіи. Поэтому наступало время исполненія трактатовъ, связывавшихъ Англію съ Голландіей, и положеніе Франціи относительно Голландіи сдѣлалось довольно затруднительнымъ. Въ виду такого оборота дѣлъ французское министерство поручило 26-го марта герцогу де-ла Вогюйону „доказать генеральнымъ штатамъ, что переговорами своими съ американскими колоніями король не совершилъ никакого дѣйствія, враждебнаго Англіи, и что поэтому республика не находится ни въ одномъ изъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ ея трактатами“. Въ то же время де-Верженнь старался отклонить Франклина отъ намѣренія сообщить голландскому правительству текстъ *союзнаго* договора, заключеннаго Франціей съ Соединенными Штатами. Въ апрѣлѣ французскій посланникъ въ Голландіи возбуждалъ вопросъ о нейтралитетѣ голландскаго правительства и получилъ обѣщанія въ этомъ смыслѣ, хотя не воплотилъ опредѣленные. Тѣмъ не менѣе въ Парижѣ убѣдились въ искреннемъ желаніи голландцевъ сохранять нейтралитетъ и позволили Франклину въ концѣ іюля 1778 года сообщить въ Голландію содержаніе договора между Франціей и Соединенными Штатами.

Если переговоры въ Голландіи шли очень туго, то въ Швеціи напротивъ французскому министру не пришлось много хлопотать, чтобы добиться нейтралитета этого государства. Шведскій король Густавъ III обязанъ былъ своей короной Франціи, отъ которой вдобавокъ ежегодно получалъ крупныя субсидіи. Внутреннія дѣла королевства также заставляли его соблюдать нейтралитетъ. Кромѣ того, этотъ король любилъ веселую и роскошную жизнь, и потому о войнѣ не хотѣлъ и думать. Впрочемъ, былъ одинъ моментъ тревоги, въ началѣ 1778 года, когда въ Парижѣ узнали о перепискѣ Екатерины II со шведскимъ королемъ. Французскому министру иностранныхъ дѣлъ было сообщено изъ Парижа, что Екатерина старается „отвратить Густава отъ его связей съ Франціей“. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого Густавъ объявилъ, что будетъ защищать свой флагъ противъ Англіи, и поздравлялъ Людовика XVI съ побѣдами французскихъ кораблей надъ англійскими въ океанѣ.

Что касается Дании, то это государство во второй половинѣ прошлаго вѣка было очень слабо и врядъ ли могло помышлять о войнѣ. Датскій министр иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ стоялъ за нейтралитетъ и въ этомъ смыслѣ давалъ обѣщанія французскому посланнику при копенгагенскомъ дворѣ. Поэтому въ Парижѣ не особенно беспокоились на счетъ Дании и были почти увѣрены въ ея нейтралитетѣ.

Въ Петербургѣ, по словамъ г. Фошля, вліяніе Англіи было преобладающимъ. Императрица враждебно относилась къ американцамъ и съ предубѣжденіемъ къ французамъ. Тѣмъ не менѣе было бы ошибкой утверждать, что она питаетъ симпатіи къ Англіи. Напротивъ, въ своей интимной перепискѣ съ барономъ Гриммомъ она нерѣдко весьма ядовито отзывалась объ Англіи, хотя и цѣнила нѣкоторыхъ выдающихся англійскихъ политиковъ, напримѣръ, лорда Чатама и Фокса. Но въ концѣ 1777 года англійскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ назначенъ былъ ловкій и проницательный дипломатъ Гаррисъ. Французскій резидентъ въ Петербургѣ Корберонъ писалъ про Гарриса въ 1778 году: „Подъ вышностью на видъ простою онъ скрываетъ проницательность и значительную твердость характера“. При томъ же Гаррисъ имѣлъ роскошно обставленный домъ (что много значило при дворѣ Екатерины), тогда какъ представитель Франціи, молодой Корберонъ, былъ простымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ (*chargé d'affaires*) и вынужденъ былъ вести крайне скромный образъ жизни. Онъ въ слѣдующихъ словахъ жаловался французскому министру иностранныхъ дѣлъ на свою бѣдность: „Коляска у меня старая, поломанная, и за четверть часа даетъ знать о себѣ скрипучими звуками, обличающими ея ветхость, двѣ клячи недостаточны для моихъ разъѣздовъ, мнѣ не на что дать даже скудный обѣдъ для друга или дѣловаго человѣка. Вы поймете, на сколько эти обстоятельства для меня непріятны“. Однако Екатерина II не чувствовала ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ войну между Англіею и ея возмущившимися въ Америкѣ колоніями. Поэтому французскому правительству не трудно было поддерживать русскую императрицу въ ея намѣреніяхъ сохранить нейтралитетъ. Французскому агенту помогалъ испанскій посланникъ г. де-Ласси: ему поручено было испанскимъ правительствомъ хлопотать вмѣстѣ съ французскимъ агентомъ о нейтралитетѣ Россіи. 20-го сентября 1779 г. при отъѣздѣ Ласси изъ Петербурга Гаррисъ далъ о немъ такой отзывъ (*Harris, Diaries, I, 160*): „Это былъ человѣкъ очень опасный для Англіи какъ по своей врожденной ненависти къ націи,

изъ которой вышли его предки, такъ и вслѣдствіе своего искусства правиться тѣмъ, кто управлять дѣлами“.

Вслѣдствіе войны съ Америкой Англія лишалась возможности получать оттуда сырье. Россія могла замѣнить для нея американскій рынокъ. Это обстоятельство усмотрѣлъ де-Верженнь и еще въ декабрѣ 1776 г. поручилъ маркизу Жюинье обратить вниманіе русскаго правительства на выгоды, которыя Россія можетъ имѣть отъ американской войны и отъ независимости Америки. 15-го марта 1778 г. Верженнь предписалъ французскому посланнику при петербургскомъ дворѣ извѣстить русское правительство о только что подписанномъ франко-американскомъ трактатѣ, который, по его словамъ, содѣйствовалъ благополучію Россіи. Россія отнынѣ могла не только увеличить свои торговныя сношенія съ Англіей, но и найти новый рынокъ въ Америкѣ. Съ цѣлію устроить сближеніе Франціи съ Россіей де-Верженнь предложилъ въ 1777 году свое посредничество Россіи въ спорѣ съ Турціей изъ-за Крыма. Панинъ отвѣчалъ молчаніемъ на это предложеніе, но въ Константинополѣ французская дипломатія дѣйствовала въ этомъ смыслѣ съ большимъ усиліемъ и убѣдила Порту просить у Россіи мира. Въ мартѣ 1778 г. Панинъ прямо сказалъ Корберону, что императрица очень довольна поведеніемъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ. 20-го марта 1778 года Панинъ объявилъ Корберону, что Россія убѣдилась въ искренности дружбы французскаго короля и „весьма далека отъ мысли о всякомъ союзѣ, который былъ бы подозрительнымъ для Франціи“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого русскій посланникъ во Франціи, князь Барятинскій, получилъ предписаніе вручить гг. Верженню и де-Морена письмо, свидѣтельствовавшее объ особенномъ удовольствіи, испытанномъ императрицею отъ дружескаго посредничества Франціи.

Отношенія Россіи къ Франціи сразу приняли такой характеръ, какого не имѣли ни разу во время царствованія Екатерины II. Еще 2-го (13) февраля 1778 года Екатерина объявляла барону Гримуу, что не намѣрена вмѣшиваться въ американскую распрю (переписка Екатерины съ Гриммомъ, письмо 49). Но это было еще не официальное заявленіе, и лишь въ началѣ апрѣля французскій и испанскій посланники сообщили своимъ правительствамъ о рѣшеніи Екатерины. Между тѣмъ интриги Англіи усиливались. Англичане говорили, что Франція вступила въ союзъ со Швеціей противъ Россіи, поэтому де-Верженнь еще болѣе старался понравиться русскому правительству. Такъ, онъ вмѣшался въ пользу Россіи въ дѣло о баварскомъ наслед-

ствѣ. Корберону было поручено всячески ухаживать за Панинымъ и тщательно избѣгать всего, что могло бы быть непріятно государынѣ. Корберонъ писалъ довольно рѣзко о частной жизни императрицы и получалъ изъ Парижа строгое внушеніе быть болѣе осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Корберонъ по просьбѣ наслѣдниковъ Вольтера вздумалъ отговаривать императрицу отъ покупки его библіотеки, но Вержени и тутъ осудилъ его дѣйствія. Словомъ, дѣло велось очень успѣшно, и въ концѣ 1778 года парижскій кабинетъ былъ вполне увѣренъ въ томъ, что Россія сохранитъ нейтралитетъ.

Въ трактатахъ, заключенныхъ Англіей со Швеціей, Даніей, Россіей и Голландіей въ XVII и XVIII вѣкахъ, прямо было дозволено этимъ государствамъ вести торговлю съ враждебными Англіи государствами и подвозить имъ во время войны морскіе припасы (*munitious navales*), но Англія, вопреки трактатамъ, считала во время войны эти припасы контрабандой, которые подлежали захвату даже на корабляхъ, принадлежащихъ дружественнымъ государствамъ. Такъ она поступала въ 1744 и въ 1755 гг., во время войны съ Франціей. Можно было опасаться того же и въ настоящемъ случаѣ. Чтобы избѣгнуть этой опасности, французское правительство издало 24-го іюня 1778 годъ особую декларацію, которою возстановлялись суровыя предписанія навигационнаго акта 1681 года. Нейтральнымъ державамъ запрещалось подвозить что бы то ни было Англіи, и непріятельскій грузъ вмѣстѣ съ везшимъ его кораблемъ дружеской державы подлежалъ конфискаціи. Такимъ образомъ Франція подражала ошибочной политикѣ Англіи. Скоро невыгоды этой политики соизнаны были въ Парижѣ, и французскій кабинетъ рѣшилъ устроить дѣло такъ, чтобы сами нейтральныя государства заставили Англію уважать ихъ права. Съ этой цѣлью былъ изданъ регламентъ 26-го іюля 1778 года. Этотъ регламентъ значительно смягчалъ постановленія акта 1681 года. Нейтральныя корабли могли возить въ Англію всякіе товары, въ томъ числѣ и морскіе припасы. Контрабанда конфисковалась, а корабль нѣтъ; корабль конфисковался лишь въ томъ случаѣ, если контрабанда составить $\frac{3}{4}$ всего груза. Но эти права предоставлялись Голландіи и сѣвернымъ державамъ лишь съ тѣмъ, чтобы онѣ выхлопотали себѣ отъ Англіи такія же уступки относительно ихъ торговли съ Франціей. На переговоры съ Англіей былъ назначенъ шестимѣсячный срокъ. Де-Вержени возлагалъ особыя надежды на этотъ регламентъ. Но въ Голландіи и Даніи прямо объявили, что врядъ ли Англія согласится предоставить имъ такія же преимущества. Еще болѣе сдер-

жанный приемъ оказанъ былъ этому регламенту въ Петербургѣ; о немъ даже не было обычныхъ разговоровъ между Панинымъ и Корберономъ.

Въ августѣ 1778 года англійскіе каперы захватили нѣсколько голландскихъ судовъ, нагруженныхъ французскимъ оружіемъ. Дѣло это обратило на себя особенное вниманіе французскаго правительства. Чтобы подѣйствовать на Голландію и заставить ее протестовать предъ англійскимъ правительствомъ, де-Верженъ объявилъ, что французское правительство прибѣгнетъ къ репрессаліямъ и вынуждено будетъ предписывать конфискацію англійскихъ товаровъ на нейтральныхъ корабляхъ. На этотъ разъ заявленіе французскаго правительства попало въ удачную минуту. Вся Голландія волновалась и возмущалась поступками англичанъ. 5-го сентября голландскій посланникъ протестовалъ въ Лондонѣ. Оставалось только подождать отвѣта англійскаго правительства. Верженъ рассчитывалъ, что отвѣтъ будетъ удовлетворительный. Но онъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Въ началѣ октября въ Гагѣ разнесся слухъ, что Англія удерживаетъ захваченные голландскіе корабли, нагруженные мачтами, веревками, пенькой и т. п. морскими припасами. Голландскіе министры такъ были испуганы рѣшительностью британскаго правительства, что, не смотря на настояніе французскаго посланника де-Вогюйона, не осмѣлялись протестовать вторично. Хотя Англія явно нарушала трактатъ 1674 г. съ Голландіей, однако перепуганные штатгальтеръ и другіе дипломаты убѣждали Голландскую республику смириться предъ волею Англіи. 26-го октября въ Гагѣ былъ полученъ офиціальный отвѣтъ англійскаго правительства. Въ отвѣтѣ сказано было, что англійскій король желаетъ, чтобы на голландскихъ корабляхъ не подвозились во Францію военные и морскіе припасы; но Англія соглашалась выпустить конфискованные уже грузы. Если Голландія не согласится на это, то должна на основаніи трактатовъ оказать дѣйствительную помощь Англіи въ настоящей войнѣ. Въ Голландіи лишь одинъ городъ Амстердамъ сколько нибудь энергически противился претензіямъ Англіи. Въ другихъ городахъ чувство сопротивленія значительно ослабло вслѣдствіе боязни англійскихъ угрозъ. Въ ноябрѣ 1778 г. голландское правительство признало возможнымъ согласиться на требованіе Англіи, чтобы голландскія суда не смѣли подвозить во Францію кораблестроительные матеріалы. Французскій посланникъ протестовалъ противъ этого рѣшенія. Голландскіе штаты утвердили рѣшеніе адмиралтейства, благоприятное Англіи, а черезъ два дня (21-го

ноября 1778 г.) и генеральные штаты дали свое согласіе. Одни лишь амстердамскіе патріоты издали протестъ противъ упраздненія конвоя судовъ, возившихъ кораблестроительные матеріалы.

Рѣшеніе голландскихъ генеральныхъ штатовъ было почти равносильно отказу Голландіи отъ нейтралитета и переходу ея на сторону Англіи. Поэтому французское правительство стало дѣйствовать рѣшительно. Въ декабрѣ французскій посланникъ вручилъ президенту генеральныхъ штатовъ декларацію французскаго кабинета, въ которой говорилось, что король намѣренъ лишить голландскихъ купцовъ всѣхъ прежнихъ выгодъ и взять назадъ регламентъ 26-го іюля. Голландскіе правители были сильно смущены и старались доказать, что Голландія не уклонилась отъ соблюденія нейтралитета. Французскій посланникъ требовалъ скорago и рѣшительнаго отвѣта. Адмиралтейская коллегія и пенсіонарій Блесвикъ дали отвѣтъ довольно неопредѣленный и уклончивый. Голландскіе штаты утвердили этотъ отвѣтъ, не смотря на протесты французскаго посланника. Голландскому правительству затѣмъ данъ былъ на раздумье двухнедѣльный срокъ. 15-го января 1779 года голландцы лишились своихъ привилегій во Франціи. Только для амстердамскихъ купцовъ сдѣлано было исключеніе. Положеніе становилось критическимъ. Однако, Голландія не спѣшила отвѣчать на рѣшительныя мѣры французскаго правительства. 30-го декабря генеральные штаты снова объявили, что будутъ придерживаться относительно Англіи и Франціи строгаго нейтралитета, но въ общемъ отвѣтъ былъ уклончивый и не могъ удовлетворить французскаго правительства. Французскій посланникъ отказался принять этотъ отвѣтъ и въ то же время сообщалъ генеральнымъ штатамъ конфиденціальное заявленіе насчетъ намѣреній короля. Тогда рѣшеніе генеральныхъ штатовъ было вручено голландскимъ посланникомъ въ Парижѣ самому де-Верженню. Послѣдній объявилъ, что это рѣшеніе „оскорбительно для французской короны“, и отказывался передать его королю. Голландскій посланникъ тогда пожелалъ взять этотъ документъ обратно, но просилъ увеличить срокъ далѣе 15-го января, чтобы дать штатамъ время обсудить новое рѣшеніе. Верженнь согласился и посовѣтовалъ, въ видѣ примирительной мѣры, чтобы голландское правительство отдало тайный приказъ крейсерамъ сопровождать во Францію корабли, нагруженные кораблестроительными матеріалами. Въ концѣ января генеральные штаты, въ угоду Франціи, взяли назадъ рѣшеніе насчетъ крейсеровъ, но англійская партія съ штатгальтеромъ во главѣ считала это рѣшеніе мертвою

буквою. Тѣмъ не менѣ послѣ долгихъ усилій французской дипломатіи удалось въ началѣ 1780 года добиться своей цѣли: Голландская республика согласилась дать военный морской конвой всѣмъ торговымъ кораблямъ, которые возили во Францію корабельный лѣсъ, снасти и т. п. предметы. Къ такому рѣшенію Голландія склонилась въ особенности подъ впечатлѣніемъ Екатерининской деклараціи о вооруженномъ нейтралитетѣ.

Французская политика преслѣдовала тѣ же цѣли въ Даніи и Швеціи, пользуясь тѣмъ, что англійскіе крейсера захватывали шведскія и датскія суда въ Сѣверномъ морѣ, нагруженные товарами для перевозки ихъ во Францію. Тактика французской дипломатіи въ Швеціи и Даніи была та же самая, что и въ Голландіи. Французское правительство грозило этимъ государствамъ репрессаліями, если они не добьются уступокъ со стороны Англіи. Однако, въ 1778 году эти угрозы мало дѣйствовали. Швеція и Данія, правда, предъявляли протесты къ лондонскому двору противъ безчинствъ англійскихъ крейсеровъ, но протесты не были достаточно энергичны. При томъ же въ Копенгагенѣ и въ Стокгольмѣ не рѣшались дѣйствовать сильнѣе, въ виду уклончивой политики русскаго двора. Только въ 1779 году и въ Петербургѣ стали возмущаться поступками Англіи, и произошло сближеніе со Швеціей. Екатерина II, вообще не любившая шведскаго короля Густава III и не щадившая его въ своихъ письмахъ къ барону Гримму, въ этомъ году послала ему (по случаю ожидавшагося рожденія въ королевской семьѣ) „колыбель съ большой одѣтой куклой и совѣты насчетъ воспитанія дѣтей“. Перемѣна настроенія русскаго императрицы сейчасъ же оказала свое вліяніе: датское и шведское правительства заговорили съ Англіей болѣе рѣшительнымъ тономъ. Но, вслѣдствіе новыхъ колебаній русскаго кабинета, предложенный было союзъ между Швеціей и Даніей разстроился, о чемъ датскій канцлеръ графъ Бернсторфъ откровенно объявилъ французскому посланнику при датскомъ дворѣ въ февралѣ 1779 года.

Въ дальѣйшемъ изложеніи г. Фошиль старается доказать, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ 1778 и 1779 годахъ старался побудить русскій дворъ къ заключенію союза нейтральныхъ державъ. Въ февралѣ 1779 г. англійскому посланнику Гаррису удалось побудить русское правительство издать декларацію 28-го февраля (11-го марта) въ пользу Англіи. За это Гаррису пожалованъ былъ орденъ Бани въ первыхъ числахъ марта. Въ Версали были крайне озадачены побѣдою англійскаго посланника, тѣмъ

болѣе, что въ это время французская дипломатія въ Константинополѣ усиленно старалась о перемиріи между Россіей и Портой. Верженъ немедленно сталъ хлопотать, чтобы Швеція отказалась отъ деклараціи Екатерины насчетъ Сѣвернаго моря. Корберонъ въ свою очередь протестовалъ въ Петербургѣ противъ попытокъ Россіи прекратить доступъ въ Сѣверное море французскимъ и американскимъ крейсерамъ. Выѣстѣ съ тѣмъ французскій канцлеръ старался чрезъ Фридриха II подѣйствовать на императрицу. Впрочемъ, при русскомъ дворѣ вѣсть о заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира съ Турціей (апрѣль 1779 г.) снова расположила русское правительство къ Франціи. Корберонъ въ свою очередь хлопоталъ, чтобы привлечь Потемкина на свою сторону. Еще раньше онъ подарилъ этому всемогущему вельможѣ собраніе гравюръ, теперь же онъ предложилъ ему роскошный сервизъ изъ севрскаго фарфора. Сама Екатерина такъ была довольна заключеніемъ Тешенскаго мира (между Австріей и Пруссіей) и въ особенности мира съ Турціей, что подарила Корберону драгоценную табакерку съ 1.000 дукатовъ и выразила желаніе, чтобы онъ былъ назначенъ посломъ при ея дворѣ. Панинъ перемѣнилъ тонъ и объяснилъ декларацію о Сѣверномъ морѣ въ томъ смыслѣ, что русское правительство отнюдь не думало посягать на свободу торговли въ открытомъ морѣ, а лишь хотѣло принять мѣры къ защитѣ русскихъ береговъ. Гаррисъ попробовалъ было переиначить эти объясненія въ пользу Англіи, но неудачно. Мало того, въ маѣ 1779 г. Панинъ отъ имени императрицы Екатерины предлагалъ Франціи посредничество русскаго правительства для заключенія мира съ Англіей. Версальское правительство поблагодарило за это предложеніе, но дало понять, что миръ зависитъ теперь не отъ одного его желанія, а главнымъ образомъ отъ желанія Англіи и сокзиныи Франціи, Испаніи, которая въ апрѣлѣ 1779 г. присоединилась къ Франціи. 25-го іюня 1779 г. испанскій флотъ началъ блокаду Гибралтара, но относительно торговли нейтральныхъ государствъ испанское правительство усвоило чисто англійскія воззрѣнія и объявило въ инструкціи отъ 1-го іюля, что непріятельская собственность подлежитъ конфискаціи даже на кораблѣ, принадлежащемъ дружественному государству,—то-есть, какъ разъ обратное тому, что было сказано во французскомъ регламентѣ 26-го іюля 1778 г.

Въ виду такого непріятнаго оборота дѣлъ, Англія рѣшила добиться союза съ Даніей, Швеціей и Россіей. Осторожный Верженъ старался парализовать интриги Англіи при Петербургскомъ

дворѣ при посредствѣ прусскаго короля. „Екатерина, — писалъ онъ французскому послу при Берлинскомъ дворѣ, маркизу Понсу, — окружена людьми убѣжденных непостоянныхъ и измѣнчивыхъ, такъ что можно опасаться, какъ бы интриги британскаго посла при Петербургскомъ дворѣ не увѣнчались успѣхомъ. Король прусскій могъ бы легко помочь намъ“. Но маркизь долженъ былъ дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Фридрихъ II въ это время мечталъ о союзѣ съ Франціей и Россіей противъ Австріи и былъ сильно возстановленъ противъ Англіи. Дѣйствительно, Гаррисъ сильно интриговалъ въ Петербургѣ. 2-го августа 1779 г. онъ, при содѣйствіи Потемкина, получивъ тайную аудіенцію у императрицы и предложилъ ей послать французскому и мадридскому дворамъ энергическую декларацію и подкрѣпить ея дѣйствіе вооруженіемъ русскаго флота. Но Панинъ высказался противъ вмѣшательства Россіи въ войну. Гаррисъ приготовилъ особую меморію, опровергавшую доводы Панина, и просилъ Потемкина вручить ее императрицѣ. Потемкинъ, однако, предупредилъ Гарриса, что Екатерина не дастъ отвѣта, пока не узнаетъ мнѣній своихъ совѣтниковъ и внимательно сама не обдумаетъ всего дѣла. Чтобы ускорить дѣло, Гаррисъ усердно кормилъ и угощалъ родныхъ и знакомыхъ Потемкина, а послѣднему поднесъ 100.000 рублей, если вѣрить свидѣтельству прусскаго посланника при Петербургскомъ дворѣ Герца.

Пока Гаррисъ предавался этимъ интригамъ, французскій повѣренный въ дѣлахъ Корберонъ, согласно инструкціямъ изъ Версаля, ораторствовалъ при каждомъ удобномъ случаѣ на тему о русскомъ посредничествѣ и выражалъ полное довѣріе къ русской политикѣ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ умышленно держалъ своего агента въ полномъ неvědѣніи насчетъ интригъ Англіи. Ни Панинъ, ни Потемкинъ не говорили ему ничего. Прусскаго посланника, барона Герца, Корберонъ подозрѣвалъ въ потворствѣ Англіи. Корберонъ въ своихъ донесеніяхъ въ Версаль особенно расхваливалъ Потемкина, воображая, что князь былъ на сторонѣ Франціи. Въ половинѣ сентября Екатерина созвала совѣтъ министровъ. Министры единогласно выразили мысль, что не слѣдуетъ мѣнять политики имперіи. Этимъ результатомъ императрица обязана была Панину, разсужденія котораго подѣйствовали на совѣтъ. Только теперь Корберону сказали о томъ, что произошло. Онъ, такъ вѣрившій Потемкину, былъ озадаченъ въ высшей степени. Тѣмъ не менѣе Корбе-

ронъ удвоилъ свое вниманіе къ Потемкину въ надеждѣ чрезъ него и у него узнавать о промислахъ Гарриса.

5-го ноября 1779 г. король англійскій Георгъ III, по совѣту Гарриса, отправилъ Екатеринѣ собственноручное письмо, прося ея вооруженнаго вмѣшательства противъ обоихъ бурбонскихъ домовъ. Гаррисъ, по полученіи депеши объ этомъ письмѣ, въ началѣ декабря поспѣшилъ къ Потемкину, но, къ удивленію, нашелъ его въ настроеніи не совсѣмъ-то пріятномъ. Потемкинъ посоветовалъ Гаррису дѣйствовать непосредственно на канцлера, графа Панина, и сообщить ему значительную часть своего плана. Гаррисъ побывалъ у Панина и просилъ его ходатайствовать предъ императрицей о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ пользу Англій. Но попытки ухаживанія Потемкина и Гарриса за Панинымъ не удалась: напротивъ, онъ представилъ императрицѣ новыя „секретныя“ соображенія противъ союза съ Англійей и постарался возбудить общественное мнѣніе противъ Англій. Великій князь Павелъ также убѣждалъ Панина противиться англійскимъ интригамъ. 8-го декабря Панинъ представилъ императрицѣ свой проектъ отвѣта Англій, а 17-го декабря сообщилъ Корберону, что Екатерина согласилась съ его взглядами. Между тѣмъ Гаррисъ узналъ о готовящейся непріятности и немедленно отправился къ князю Потемкину. Послѣдній не сказалъ ему ничего утѣшительнаго. Однако, въ тотъ же вечеръ Потемкинъ увидѣлъ императрицу и убѣдилъ ее поручить Гаррису представить краткое обзорѣніе данныхъ ему полномочій и инструкцій. Но старанія Потемкина въ концѣ концовъ не имѣли успѣха. 20-го января 1780 года графъ Панинъ пригласилъ Гарриса къ себѣ и вручилъ ему отвѣтъ императрицы. Этотъ отвѣтъ былъ тотъ самый, проектъ котораго Панинъ представилъ императрицѣ въ декабрѣ прошлаго года. Весь декабрь Гаррисъ прохворалъ желтухой со злобы на канцлера. Сама императрица ядовито подписывалась надъ нимъ, сказавъ графу Герцу: „Знаете, отъ чего г. Гаррисъ заболѣлъ желтухой? Непрѣное онъ боленъ отъ злобы“.

Такой оборотъ дѣлъ въ Петербургѣ весьма обрадовалъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ даже рѣшился принять посредничество Россіи и написалъ въ этомъ смыслѣ въ Мадридъ. Но неожиданный фактъ привелъ къ новымъ осложненіямъ. Испанскій крейсеръ арестовалъ русскій корабль „Concordia“, везшій изъ Архангельска въ Барселону хлѣбъ. Грузъ былъ проданъ въ Кадиксѣ съ аукціона, при чемъ разниа съ цѣною порта назначенія оказалась въ 14.000 пэсетовъ. Корберонъ, получивъ извѣстіе объ этомъ событіи,

упалъ духомъ, но сверхъ ожиданій нашелъ, что Панингъ относится къ этому факту спокойно и не придаетъ ему особеннаго значенія. Корберонъ еще болѣе удивился, когда вручилъ Панину 11-го февраля депешу отъ Верження, въ которой изъяснялось согласіе на посредничество Россіи. Осторожный тонъ, какимъ говорилъ Панингъ, нѣсколько встревожилъ Корберона, который заподозрѣлъ новыя интриги Гарриса. Дѣйствительно, послѣдній всячески раздувалъ исторію съ „Конкордіей“, употребляя всѣ средства, чтобы возбудить Потемкина противъ Панина. Такъ, въ это время на Потемкина имѣла большое вліяніе одна изъ его племянницъ, Александра Энгельгардтъ. Гаррисъ, не долго думая, притворился влюбленнымъ въ нее и, кажется, не брезгалъ даже подношеніемъ подарковъ этой вліятельной особѣ, лишь бы только добиться своей цѣли.

Новый подвигъ испанскихъ крейсеровъ, захватившихъ русскій корабль „Св. Николай“ съ хлѣбомъ, такъ раздражилъ Екатерину, что она, по совѣту Потемкина и безъ вѣдома Панина и Остермана, велѣла снарядить въ Кронштадтѣ флотъ изъ 15 кораблей для защиты русскихъ торговыхъ судовъ. Потемкинъ старался объяснить Гаррису эту мѣру, какъ благопріятную для англійской политики. Но Гаррисъ ожидалъ большаго и не скрылъ своего разочарованія въ донесеніи своемъ къ лорду Стормонту. Между тѣмъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ было не мало хлопотъ съ упрямымъ испанскимъ правительствомъ, которое, повидимому, поставило своей задачей вывести русскую императрицу изъ терпѣнія. Испанское правительство дошло до того, что предлагало Портѣ совѣтъ запретить Средиземное море и не пускать въ него русскихъ кораблей. Когда Верженьи узналъ объ этомъ странномъ предложеніи, то пришелъ въ сильное раздраженіе и въ мартѣ 1780 года послалъ въ Мадридъ серьезныя предостереженія. Впрочемъ, пота, вручая испанскому министру Флорида Бланка русскимъ посланникомъ въ Мадридѣ Зиповьевымъ, произвела сильное впечатлѣніе. Правда, Флорида Бланка нашелъ ее „нѣсколько повелительною“, но обѣщалъ французскому послу Монморену отвѣтить на нее „умѣренно и честно“.

13-го марта 1780 года Испанія издала новый морской регламентъ, который хотя провозглашалъ правило, что непріятельская собственность на нейтральномъ кораблѣ конфискуется, однако облегчалъ условія судоходства на Гибралтарскомъ проливѣ. Флорида Бланка сообщилъ объ этомъ регламентѣ прежде всего русскому посланнику Зиповьеву, велѣлъ освободить корабль „Св. Николай“, хотя призовый

судъ уже призналъ его законнымъ призомъ за неправильность корабельныхъ бумагъ, и далъ удовлетворительныя объясненія по дѣлу о переговорахъ съ Портой. Но испанскаго министра, какъ и Гарриса, беспокоила больше всего мысль, что Екатерина заботится не столько объ интересахъ русской торговли, сколько о дѣлѣ болѣе важномъ— объ устройствѣ союза нейтральныхъ державъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ указа адмиралтействъ-коллегии Екатерина черезъ своего секретаря Безбородко поручила графу Панину приготовить декларацію къ воюющимъ державамъ и къ нейтральнымъ государствамъ о покровительствѣ морской торговли. Съ нейтральными государствами графъ Панинъ долженъ былъ заключить особую конвенцію. Графъ Безбородко вручилъ Панину ноту императрицы 14-го (25) февраля ¹⁾. Въ тотъ же день Екатерина послала въ Гагу къ князю Голицыну ноту, въ которой поручала ему узнать, какіи мѣры голландское правительство намѣрено принять противъ *обоихъ* покоющихъ, то-есть, противъ Англіи и Испаніи. Изъ этого видно, что декларація Екатерины о вооруженномъ нейтралитетѣ отнюдь не была мѣрою, направленною противъ Испаніи, какъ вначалѣ думалъ Гаррисъ, а представляла собою мѣру общаго характера, принятую вопреки интересамъ Англіи. Депеша вице-канцлера графа Остермана къ Голицыну отъ 10-го марта свидѣтельствуетъ неоспоримымъ образомъ, что Екатерина въ своей деклараціи имѣла въ виду не одну только Испанію, а и Англію.

Указъ Панину о приготовленіи деклараціи вооруженнаго нейтралитета держался въ строгой тайнѣ отъ представителей дипломатическаго корпуса. Тѣмъ не менѣе Корберонъ узналъ чрезъ графа Строганова, что вооруженный нейтралитетъ имѣетъ чисто мирную цѣль, и что Екатерина болѣе всего хлопочетъ о посредничествѣ между воюющими державами. Что касается графа Панина, то онъ обѣщалъ Корберону и графу Герцу устроить такъ, чтобы лига вооруженнаго нейтралитета была направлена противъ Англіи. 6-го марта (нов. ст.) Панинъ представилъ императрицѣ для подписанія знаменитую декларацію, а 8-го марта лично явился къ Корберону, чтобы сообщить ему эту важную новость. При этомъ Панинъ приписывалъ лично себѣ всю заслугу этого дѣла. Очевидно, подъ впечатлѣніемъ словъ Панина Корберонъ писалъ 10-го марта Верженню: „исходъ всѣхъ этихъ англійскихъ интригъ

¹⁾ Подробности объ этомъ см. въ нашей статьѣ „Происхожденіе системы вооруженнаго нейтралитета“, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1893 годъ.

есть послѣдствіе холодной, строгой комбинаціи Панина, и эта эпоха будетъ безспорно одною изъ прекраснѣйшихъ и славнѣйшихъ за все время управленія его министерствомъ. Удвоеннымъ усиліямъ со стороны Гарриса онъ противопоставилъ твердость и ловкость опытнаго министра, который умѣетъ заглядывать въ будущее и расчитываетъ будущія условія". Прусскій посланникъ, графъ Герцъ, подобно Корберону, писалъ 10-го марта королю Фридриху II, что декларация о пооруженномъ нейтралитетѣ есть мастерской шагъ Панина. Впрочемъ, 7-го марта и Гаррисъ уже зналъ о томъ, что декларация подписана, и послалъ въ Лондонъ объ этомъ событіи весьма сухую, лаконическую депешу. Видимо, декларация разстраивала его планы. Въ письмѣ къ англійскому посланнику въ Копенгагенѣ Эделу Гаррисъ не скрывалъ своего безпокойства.

Г. Фошиль (стр. 348) полагаетъ, что декларация о вооруженномъ нейтралитетѣ 27-го февраля (9-го марта) была дѣломъ самой императрицы Екатерины, что роль Панина заключалась лишь въ редакціи этого акта. Того же мнѣнія былъ Гаррисъ. И самъ графъ Панинъ въ разговорѣ съ Гаррисомъ прямо объявилъ, что декларация есть дѣло самой императрицы. Король прусскій Фридрихъ II писалъ Даламберу 22-го іюня 1780 года, что декларация 27-го февраля обезсмертила имя императрицы Екатерины. Сама Екатерина считала декларацию „своимъ проектомъ“, о чемъ и сказала Гаррису 24-го декабря 1780 года. А, когда Гаррисъ замѣтилъ, что декларация эта считается французскимъ дѣломъ, и что ея собственная была составлена иначе, Екатерина разсердилась и рѣзко сказала: „это гнусная ложь!“

Но почему Екатерина такъ долго медлила съ объявленіемъ декларации? Г. Фошиль объясняетъ это тѣмъ, что русская императрица все еще надѣялась уладить англо-американскую распрю своимъ посредничествомъ. Она прибѣгла къ декларации, когда увидѣла, что эта надежда неосуществима. Что союзъ нейтральныхъ государствъ былъ задуманъ, съ цѣлью скорѣе добиться мира, видно изъ словъ Панина Корберону, просившему о посредничествѣ: „подождите, — сказалъ русскій канцлеръ, — пока наша декларация будетъ принята всѣми; союзъ пяти нейтральныхъ державъ придастъ болѣе важности нашимъ безпристрастнымъ усиліямъ въ пользу мира“. Дѣйствительно, когда въ декабрѣ того же 1780 года былъ заключенъ формальный союзъ Россіи съ Швеціей, Даніей и Голландіей, первымъ дѣломъ императрицы было предложить свое посредничество.

Какъ бы то ни было, но г. Фошиллъ совершенно устраняетъ Панина отъ чести быть дѣйствительнымъ участникомъ знаменитой деклараціи. Зато онъ воздастъ эту честь французскому министру Верженню, который будто бы раздѣляетъ съ Екатериной славу этого великаго дѣла.

На сколько это предположеніе справедливо, мы скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

Дмитрій Шмелевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Пиленко. Международныя литературныя конвенціи. С.-Пб. 1891.

Въ русской литературѣ есть цѣлый рядъ цѣпныхъ изслѣдованій объ авторскомъ правѣ—Табашникова, Спасовича, Шершеневича и др., но по вопросу о международной защитѣ литературной собственности до сихъ поръ не было издано ни одного спеціальнаго трактата. Этотъ пробѣлъ заполняетъ изданный С.-Петербургскимъ университетомъ названный трудъ г. Пиленка, написанный имъ на тему, заданную проф. Мартенсомъ, и удостоенный факультетомъ золотой медали.

Книга г. Пиленка въ значительной своей части носитъ компилятивный характеръ, обусловленный силою вещей. По всѣмъ вопросамъ авторскаго права въ европейской литературѣ существуютъ замѣчательныя спеціальныя изслѣдованія; поэтому при разборѣ этихъ, въ сущности весьма несложныхъ, спорныхъ вопросовъ авторскаго права, г. Пиленку приходилось обыкновенно ограничиваться сопоставленіемъ мнѣній ученыхъ, отвергать одно изъ нихъ на основаніи чужихъ критическихъ замѣчаній, защищать другое, пользуясь готовыми доводами, давно собранными и приведенными въ систему фактами и часто уже избитыми отъ долгаго употребленія цитатами. Г. Пиленко прекрасно овладѣлъ бывшимъ въ его распоряженіи обширнымъ матеріаломъ и часто относится критически къ мнѣніямъ своихъ руководителей. Очеркъ развитія международной контрафакціи составленъ главнымъ образомъ по книгѣ Daggas'a, на основаніи собранныхъ имъ фактовъ и цитатъ, которые г. Пиленко не всегда могъ провѣрить по первоисточникамъ (с. 39, 48, 69). Матеріалъ, сообщаемый Daggas'омъ авторъ дополняетъ фактами изъ замѣтки René Valadon въ *Journal de droit intern.* 1888 года, изъ статьи Chauveguin въ томъ же журналѣ за 1886 годъ и др. Разсматривая развитіе защиты авторовъ въ Германіи,

авторъ пользуется, кромѣ книги Dargras'a, сочиненіемъ Wächter'a: Verlagsrecht; для очерка исторіи авторскаго права въ Италіи г. Пиленку служить пособіемъ обстоятельная статья Rosmini: Des droits des auteurs en Italie.

Анализируя извѣстный французскій декретъ объ авторскомъ правѣ 1852 года, г. Пиленко прекрасно изучилъ богатую литературу по этому вопросу и добросовѣстно отмѣтилъ всѣ источники своихъ разсужденій. Разбирая вопросъ о защитѣ этимъ декретомъ музыкальных и драматическихъ произведеній, авторъ заявляетъ: „мы думаемъ, что пропускъ ст. 426 ясно свидѣлствуетъ, что иностранные авторы отъ публичнаго исполненія ихъ произведеній во Франціи въ силу декрета 1852 г. не защищаются“, и тутъ же отмѣчаетъ, что „такого же мнѣнія“ придерживаются Dargras, Renault, Worms, Pouillet, Dalloz, Flintaux, Pahaille. Касаясь далѣе вопроса о защитѣ указаннымъ декретомъ фабричныхъ рисунковъ, авторъ отвергаетъ мнѣніе своего главного руководителя Dargras'a и придерживается мнѣнія Dalloz и Pahaille. утверждающихъ, что декретъ 1852 года не защищаетъ фабричныхъ рисунковъ. Оригинальное положеніе г. Пиленко занимаетъ въ вопросѣ о защитѣ переводовъ; не соглашаясь ни съ однимъ юристомъ, авторъ утверждаетъ, что декретъ 1852 г. гарантируетъ иностранному автору защиту на срокъ, опредѣляемый его отечественнымъ законодательствомъ, даже тогда, когда этотъ срокъ превышаетъ срокъ защиты, гарантируемой французскими законами.

Большей состоятельностью отличается анализъ литературныхъ конвенцій и знаменитой конвенціи Бернскаго союза. Но и здѣсь въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно поставить въ упрекъ автору, что онъ ограничивается трудами ученыхъ, не обращаясь къ первоисточникамъ. Остановившись на 2 статьѣ Бернской конвенціи, по которой „авторское право подлежитъ въ иностранныхъ государствахъ защитѣ не дольше, какъ на срокъ, установленный національнымъ закономъ автора“, г. Пиленко замѣчаетъ: „члены конференціи, *почему-то*, сочли неудобнымъ придерживаться территоріальной системы во всей ея полнотѣ на томъ основаніи, что „невозможно, чтобы права автора защищались отъ воспроизведенія въ чуждой ему странѣ въ то время, когда его сочиненіе составило уже общественное достояніе на родинѣ“ (с. 266). Весьма поучительные протоколы международной конференціи были въ рукахъ г. Пиленки и, еслибы онъ обратился къ нимъ, онъ легко разрѣшилъ бы свое недоумѣніе. Конференція руководствовалась не одними теоретическими соображеніями, но и прак-

тическою цѣлью согласить desiderata различныхъ правительствъ, выраженныхъ въ инструкціяхъ делегатамъ. Приведенное г. Пиленкомъ соображеніе есть мнѣніе не комиссіи, а лишь нѣмецкихъ делегатовъ Мейера и Рейхардта (*Actes de la conference 1884*, с. 30). Къ германскимъ делегатамъ присоединился шведскій, г. Лагерхеймъ; вопросъ былъ передавъ въ спеціальную комиссію, и конференція приняла статью 2 съ оговоркою: „la commission a d'ailleurs constaté que quelle que soit la réponse donnée à cette question, on ne peut échapper aux inconvénients résultant de ce qu'une oeuvre est tombée dans le domaine public dans un pays, tandis qu'elle est encore protégée dans un autre“ (стр. 42).

Вторая часть книги г. Пиленка не подходитъ подъ заглавіе ея: „Международныя литературныя конвенціи“, представляя изъ себя обстоятельный анализъ основоположеній авторскаго права. Глава о продолжительности защиты авторскаго права обнаруживаетъ значительную общую зависимость г. Пиленка отъ книги проф. Шершеневича, въ построеніи разсужденія, въ доказательствахъ и въ цитатахъ, изъ которыхъ значительную часть авторъ повторяетъ за проф. Шершеневичемъ ¹⁾. Объектомъ авторскаго права, по опредѣленію г. Пиленка, „въ области литературы должно считаться всякое произведеніе литературы, могущее принести автору имущественную выгоду при продажѣ механически повторенныхъ копій“. Этотъ второстепенный признакъ выгоды литературныхъ произведеній для автора г. Пиленко вводитъ въ свое опредѣленіе слѣдуя гг. Побѣдопосцеву, Клостерману и др. Вѣхтеръ признаетъ за объектъ авторскаго права всякое произведеніе, предназначенное къ литературному рынку (*für den literarischen Markt*), проф. Шершеневичъ — произведеніе, „предназначенное къ литературному обороту, къ обращенію въ обществѣ“. Большинство же юристовъ справедливо считаютъ излишнимъ этотъ добавочный признакъ. И дѣйствительно онъ вводится въ опредѣленіе лишь для того, чтобы выдѣлать изъ группы произведеній, составляющихъ литературную собственность, государственные акты, законы, рѣшенія судовъ, приказы, парламентскія рѣчи и т. под. Но всѣ эти произведенія также имѣютъ собственника — государство, правительство; разница между ними и другими произведеніями литературы лишь въ

¹⁾ Ср. *Пиленко*, стр. 315, 328, 334, и др. и *Шершеневичъ*, *Авторское право*, стр. 23, 24, 27 и др.

томъ, что ихъ собственникъ—правительство—добровольно, въ видахъ общественной пользы, отказывается отъ своего авторскаго права.

Слѣдую г. Пиленку, за объектъ авторскаго права должно признавать лишь „произведеніе литературы, какъ выраженіе извѣстной идеи, облеченной въ опредѣленную форму“. Выраженіе „литературное произведеніе“ имѣетъ спеціальный смыслъ и въ данномъ случаѣ оно не вполне уместно. Поваренная книга, лексиконъ, календарь, систематическій каталогъ, хрестоматія и т. под. не есть „литературное произведеніе, какъ выраженіе извѣстной идеи“. Между тѣмъ, всѣ такія сочиненія, требующія отъ автора оригинальнаго интеллектуальнаго труда, имѣютъ несомнѣнное право на защиту отъ контрафакціи и составляютъ также объектъ авторскаго права. Напрасно, поэтому, г. Пиленко не принялъ опредѣленія, даннаго проф. Табашниковымъ, признающаго предметомъ литературной собственности „всякое произведеніе, распространяемое въ публикѣ путемъ письменныхъ или устныхъ знаковъ, ... обязанное своимъ происхожденіемъ интеллектуальному труду автора“. Приведенное же выше опредѣленіе г. Пиленка настолько узко, что оно не обнимаетъ даже обширной особой области собственно литературныхъ произведеній, именно драматическихъ, приносящихъ выгоду автору не путемъ продажи копій, а главнымъ образомъ путемъ исполненія ихъ на сценѣ. Затѣмъ для произведеній въ области живописи, скульптуры, музыки, фотографіи, г. Пиленко даетъ также рядъ особыхъ опредѣленій объекта авторскаго права.

Нѣкоторые промахи и обмолвки г. Пиленка объясняются, вѣроятно, спѣшностью работы. „Въ совершенствѣ перевести „Адъ“ Данта,—категорически заявляетъ молодой авторъ,—задача болѣе трудная, чѣмъ было написать этотъ самый Адъ“ (1) (стр. 382).—„Издать оригиналъ,—замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ г. Пиленко,—есть вопросъ самолюбія и денегъ, издать переводъ — вопросъ только денежный“ (стр. 276). Но почему же тоже не вопросъ денегъ и самолюбія? Для русскаго автора и ученаго въ особенности, напримѣръ, изданіе перевода есть прежде всего вопросъ самолюбія, какъ ступень къ европейской извѣстности и славѣ. Говоря далѣе объ отнѣсѣ въ Россіи литературной копвещіи съ Франціей 1861 года, авторъ восклицаетъ: „стыдно подумать, что въ Россіи находились люди, которые ратовали за уничтоженіе тѣхъ двухъ конвенцій, которыя въ сущности ничѣмъ не защищали авторскаго права, въ то время, когда другія государства подписывали Бернскую конвенцію“ (стр. 59). Отмѣна литературной копвещіи съ Франціей ни въ какомъ случаѣ не служить выраженіемъ принципі-

ального нежеланія защищать авторское право въ международных отношеніяхъ; конвенція 1861 года, какъ это указываетъ самъ г. Пиленко, была въ сущности *pop-sens*; въ литературныхъ кругахъ извѣстны тѣ печальныя недоразумѣнія, которыми она, однако, дала поводъ и которыя и послужили причиной отказа отъ нея русскаго правительства. Значительный промахъ дѣлаетъ г. Пиленко и въ своемъ разсужденіи объ объектѣ авторскаго права въ области скульптуры, видя характерную черту скульптурныхъ произведешій въ томъ, что они, такъ-же какъ произведенія живописи, въ первоначальномъ своемъ видѣ повторены быть не могутъ (стр. 446). Бронзовыя копіи скульптурныхъ произведешій не уступаютъ глинянымъ оригиналамъ, выставляются на судъ публики, какъ оригиналы, и могутъ быть повторены въ первоначальномъ видѣ въ какомъ угодно количествѣ.

Въ заключеніи къ своему обширному труду г. Пиленко разсматриваетъ роль Россіи въ дѣлѣ защиты авторскихъ правъ, даетъ характеристику русскаго законодательства объ авторскомъ правѣ, затѣмъ убѣжденно доказываетъ необходимость присоединенія Россіи къ Бернской конвенціи. Основываясь на интересныхъ статистическихъ таблицахъ о количествѣ печатающихся въ русскихъ журналахъ оригинальныхъ и переводныхъ статей, авторъ полемизируетъ съ проф. Инжуломъ и указываетъ, что собранные имъ факты не подтверждаютъ ходячаго мнѣнія объ особенной важности переводовъ для русскаго народа (стр. 523). Главный доводъ г. Пиленка въ пользу заключенія конвенціи—доводъ протекціонистскій. Свобода международной контрафакціи, по его мнѣнію, вредитъ русской литературѣ тѣмъ, что понижаетъ гонораръ за оригинальныя произведенія. На это уже указывали автору, что русская литература росла и выросла при громадной иностранной конкуренціи и теперь боится ея менѣе, чѣмъ когда-либо. Второй аргументъ г. Пиленка—педагогическій. „Если главнымъ послѣдствіемъ заключенія литературной конвенціи будетъ повышеніе цѣны на бульварные парижскіе романы и уравниеніе цѣны на сочиненія Островскаго и Тихоновскаго, то Россія не получитъ ничего, кромѣ пользы“. Но литературная конвенція не заставитъ извѣстные классы общества забыть для Островскаго — Монтеня и Габрию. Если повысится цѣна на переводные бульварные романы, появятся въ изобиліи, въ отвѣтъ на спросъ, оригинальныя русскія романы, въ родѣ романа „Русская Пана“ или печатающагося теперь въ газетѣ *Русь* кн. Мещерскаго романа „Чары, или русскій факирь“.

Н. И.—С.

А. М. Гуляевъ. Наймъ услугъ. Юрьевъ. 1893.

Исслѣдованіе г. Гуляева о наймѣ услугъ состоитъ изъ введенія (стр. 1 — 8) и двухъ частей. Часть I (стр. 11 — 150) озаглавлена: договоръ о возмездномъ пользованіи услугами въ римскомъ правѣ; часть II (стр. 153 — 260): договоръ о возмездномъ пользованіи услугами по ученію новыхъ юристовъ и въ дѣйствующихъ системахъ гражданскаго права.

Первая часть подраздѣляется на двѣ главы: гл. I: исторія договора, гл. II: догматическое изложеніе договора *locatio-conductio*. Вторая часть состоитъ изъ трехъ главъ: гл. I—глоссы и комментаторы; гл. II—французская юриспруденція, *Code civil*; гл. III—германская юриспруденція; гражданскія уложенія прусское, австрійское и сводъ гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ.

Такова общая схема работы. Обращаясь къ содержанію ея, мы прежде всего должны отмѣтить тотъ поразительный фактъ, что авторъ, пишущій о наймѣ услугъ, съ первыхъ же словъ заявляетъ, что самое выдѣленіе найма услугъ изъ общаго договора найма не можетъ быть оправдано ни съ точки зрѣнія римскаго, ни съ точки зрѣнія современныхъ правъ. Вотъ какъ онъ аргументируетъ: „въ основаніи современнаго различія трехъ видовъ *locatio-conductio* лежитъ не юридическая, а экономическая точка зрѣнія: *locatio-conductio* можетъ быть направлена или на пользованіе вещью (такъ называемая *l. c. rei*), или на пользованіе дѣйствіями (*l. c. operatum operis*). Съ точки зрѣнія юридическаго отношенія между контрагентами сводятся къ одной общей формулѣ: возмездное пользованіе объектомъ“ (стр. 2).

Въ подтвержденіе этого положенія авторъ ссылается на то, что римскіе юристы не установили самостоятельныхъ исковыхъ формулъ для *locatio conductio rei*, *operatum* и *operis*: „юристы удовлетворяются одной формулой, которая очевидно конципирована такимъ образомъ, что допускаетъ подведеніе всѣхъ возможныхъ случаевъ договора о возмездномъ пользованіи чужимъ объектомъ“ (стр. 5).

Другихъ доказательствъ авторъ не приводитъ. Да и къ чему, когда дѣло такъ просто: „одна формула—одинъ искъ; одинъ искъ—опредѣленное единство юридическихъ предположеній, не смотря на различіе ихъ съ экономической точки зрѣнія“ (стр. 3).

„Доказать“ такимъ образомъ, что въ римскомъ правѣ существовало только одинъ общій „договоръ о возмездномъ пользованіи“, ав-

торъ обращается къ современнымъ системамъ частнаго права, по поводу которыхъ онъ замѣчаетъ, что „экономическая точка зрѣнія приводитъ здѣсь къ окончательному признанію отдѣльныхъ видовъ договора о возмездномъ пользованіи“ (стр. 5); это съ его точки зрѣнія тѣмъ болѣе странно, что „новыя системы права не связаны рамками формулъ; каждое притязаніе снабжено искомъ, а потому и не представляется надобности въ детальномъ установленіи предположеній, въ особенности когда разнообразіе предположеній можетъ быть сведено къ общимъ началамъ. Въ духѣ современныхъ системъ было бы по возможности широкое обобщеніе однородныхъ чертъ, свойственныхъ отдѣльнымъ видамъ договора о возмездномъ пользованіи“ (стр. 6).

Всѣ эти разсужденія не выдерживаютъ, на нашъ взглядъ, критики. Строить выводы о матеріальномъ сходствѣ юридическихъ отношеній на томъ одномъ основаніи, что данная группа отношеній защищается одной общей формулой, прямо непозволительно. Вспомнимъ хотя бы съ одной стороны *actio praescriptis verbis*, которая служитъ для защиты всѣхъ возможныхъ безыменныхъ реальныхъ контрактовъ, съ другой стороны кондикцій, въ основаніи которыхъ могутъ лежать самыя разнообразныя, не только договорныя, но и вѣдоговорныя отношенія. Неужели же всѣ эти отношенія съ юридической точки зрѣнія однородны? Конечно, и г. Гуляевъ не станетъ утверждать ничего подобнаго. Но, быть можетъ, онъ намъ возразитъ, что различіе отношеній, лежащихъ въ основаніи *actio praescriptis verbis*, отражалось въ *praescriptio*, замѣняющей демонстрацію, такъ что мы, строго говоря, въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло не съ однимъ искомъ, а съ нѣсколькими? На это мы бы отвѣтили, что то же самое допускаетъ самъ г. Гуляевъ относительно *a. locati* (и *conducti*), когда онъ, реконструировавъ демонстрацію иска въ такомъ видѣ: *Quod A-s A-s N-o N-o locavit: q. d. g. a.*, тутъ же замѣчаетъ: „затѣмъ уже въ конкретномъ случаѣ Q. D. R. A. занюились фактическими предположеніями даннаго спорнаго отношенія“ ¹⁾ (стр. 48). Что касается кондикцій, въ особенности *condictio certi*, то, конечно, невозможно и такое возраженіе. Формула *condictio certi* вездѣ и всегда одна и та же, какое бы отношеніе ни породило долгъ.

¹⁾ Фраза эта, къ слову сказать, совершенно невозможная, ибо слова *qua de re agitur*, конечно, остаются безъ измѣненія и въ данномъ конкретномъ случаѣ; вставка можетъ быть сдѣлана только передъ словомъ *locavit*, наиримѣръ, *Quod A-s A-s N-o N-o fundum locavit*, или *Quod A-s A-s operas N-i N-i locavit, q. d. g. a., а т. д.*

Далѣе, можно указать на *actio mandati* и *depositi*. Въ основаніи *actio mandati* можетъ лежать какъ обыкновенное порученіе, такъ и особая форма поручительства, такъ называемое *mandatum qualificatum*; *actio depositi* возникаетъ какъ при *depositum regulare*, такъ и при *depositum irregulare*, не смотря на коренное различіе въ юридической структурѣ этихъ отношеній.

Далѣе, нельзя также не обратить вниманія и на то обстоятельство, что послѣдовательное проведеніе оспариваемой нами мысли г. Гуляева заставляетъ подводить подъ понятіе отношеній *ex locato-conducto* и отношенія, вытекающія *ex lege Rhodia de jactu*, такъ какъ и тутъ взаимные расчеты между заинтересованными лицами (грузоотправителями и шкиперомъ) регулируются при помощи *actiones locati et conducti*; между тѣмъ, эти отношенія вытекаютъ не *ex contractu*, а *ex lege*, и имѣютъ свою совершенно самостоятельную юридическую структуру, какъ того не станетъ, вѣроятно, отрицать и г. Гуляевъ.

Наконецъ, и то обстоятельство, что при *l. c. operagum* работодатель, а при *l. c. operis* предприниматель предъявляетъ *actio conducti*, и наоборотъ, при *l. c. operagum* работникъ, а при *l. c. operis* хозяинъ прибѣгаетъ къ *a. locati*, совершенно не вяжется съ теоріей г. Гуляева.

Если же все это такъ, то единственный аргументъ, на которомъ покоится его теорія объ однородномъ съ юридической точки зрѣнія характерѣ трехъ видовъ *locatio conductio*, долженъ быть признанъ совершенно несостоятельнымъ.

Но, быть можетъ, самая теорія все-таки вѣрна, и неудачна лишь предложенная авторомъ попытка обоснованія ея? Не трудно доказать противное.

Г. Гуляевъ говоритъ, что съ юридической точки зрѣнія не существуетъ отдѣльной *locatio-conductio regum, operagum* и *operis*, а только одинъ общій консенсуальный договоръ о возмездномъ пользованіи. „Этихъ трехъ признаковъ достаточно для опредѣленія *locatio-conductio* на основаніи римскихъ источниковъ, такъ какъ (а) консенсуальностью и (b) возмездностью экономическая цѣль *locatio-conductio*—пользованіе (с) отличается отъ другихъ правовыхъ фигуръ, облекающихъ также пользованіе“ (стр. 53) ¹⁾.

¹⁾ Не лишнее замѣтить, что авторъ на ряду съ приведеннымъ опредѣленіемъ договора даетъ два другихъ опредѣленія. На стр. 5 онъ квалифицируетъ *locatio*

Противъ этого нельзя не возразить слѣдующее. Несомнѣнно, всѣ три упомянутыхъ договора подходятъ подъ приведенную общую формулу. Но, вопервыхъ, если статья не исключительно на точку зрѣнія чистаго, но и *современнаго* римскаго права, то подъ эту же формулу подойдетъ еще цѣлый рядъ другихъ договоровъ, а именно всѣ безыменные контракты, направленные на возмездное пользованіе, затѣмъ антихрестическій договоръ, наконецъ, согласно ученію *соптиніс opinio*, также договоры объ установленіи сервитутныхъ правъ, эмфитевтическіе и суперфициарные договоры, поскольку всѣ эти права пріобрѣтаются *ex causa operosa*. Странно, что г. Гуляевъ упустилъ это изъ виду, тѣмъ болѣе, что такъ легко было избѣгнуть *этой* неточности: стоило ему только включить въ число признаковъ признаваемыхъ имъ существенными, указаніе на то, что эквивалентъ за пользованіе (по крайней мѣрѣ, по общему правилу) долженъ быть денежный и что право пользованія, порожаемое договоромъ, есть личное. Конечно, онъ можетъ возразить намъ, что имѣлъ въ виду только чистое римское право. На это можно ему отвѣтить, что разъ онъ разбираетъ институтъ, сохранившійся и въ современномъ римскомъ правѣ, и разбираетъ его при томъ преимущественно съ догматической точки зрѣнія, то слѣдуетъ подчиняться общепринятому обычаю и формулировать опредѣленія такъ, чтобы они оказывались пригодными не только съ точки зрѣнія чистаго, но и современнаго римскаго права.

Вовторыхъ, то обстоятельство, что *locatio-conductio rerum, operatum* и *operis* подходятъ подъ предложенную г. Гуляевымъ формулу, даже съ точки зрѣнія чистаго римскаго права, можетъ только служить основаніемъ для выдѣленія этихъ договоровъ въ самостоятельную договорную группу, но отнюдь не есть основаніе для признанія ихъ единымъ договоромъ. Дѣйствительно, для того, чтобы эти договоры могли считаться единымъ договоромъ, очевидно, недостаточно отвѣтить черты сходства между ними, надо еще *доказать*, что нѣтъ матеріальныхъ различій въ юридической структурѣ ихъ, или,

conductio имхоходомъ, какъ договоръ о возмездномъ пользованіи *чужимъ объектомъ*. Это не вѣрно, такъ какъ объектомъ *locatio conductio rerum* можетъ служить и собственная вещь нанимателя. На той же страницѣ нѣсколькими строками ниже, а также на стр. 6, 8 и др. онъ опредѣляетъ *locatio-conductio* просто, какъ договоръ о возмездномъ пользованіи. Подъ это опредѣленіе даже съ точки зрѣнія чистаго римскаго права подойдетъ цѣлый рядъ безыменныхъ контрактовъ, антихрестическій договоръ, и нѣкот. др.

по крайней мѣрѣ, что существующія различія имѣютъ лишь второстепенное значеніе. А этого доказать нельзя. За то очень легко перечислить цѣлый рядъ самыхъ фундаментальныхъ различій.

Отмѣтимъ тѣ изъ нихъ, на которыя указываетъ самъ авторъ въ разныхъ мѣстахъ своей работы. Только при *locatio-conductio rei* можетъ быть рѣчь о юридическомъ владѣніи докатора и detenціи кондуктора по отношенію къ объекту пользованія (стр. 69); только въ примѣненіи къ этому договору допускается въ извѣстныхъ случаяхъ замѣна денежнаго эквивалента плодами (стр. 65); только этотъ договоръ переходитъ какъ *ad heredes*, такъ и *in heredes* обонхъ контрагентовъ (стр. 146). Съ другой стороны, конечно, только къ *l. c. operarum* и *operis* примѣнимо дѣленіе *operae* на *operae liberales* и *illiberales* (стр. 70 и сл.); только при *l. c. operarum* работа непременно должна быть исполнена самимъ работникомъ (стр. 87), тогда какъ при *l. c. operis* это требуется далеко не всегда (стр. 89); только при *l. c. operis* можетъ возникнуть вопросъ объ апробаціи заказчика съ ея особыми предположеніями и юридическими послѣдствіями (стр. 91); только къ послѣднему договору примѣнимо защищаемое г. Гуляевымъ положеніе о безусловной отвѣтственности предпринимателя за *culpa* его подчиненныхъ (стр. 100).

Перечень, какъ видно, вышелъ довольно внушительный. Впрочемъ, онъ не можетъ быть признанъ ни исчерпывающимъ, ни вполне точнымъ, ибо въ немъ отсутствуютъ нѣкоторые дѣйствительно существующіе пункты различія, и встрѣчаются нѣкоторые такіе пункты, съ которыми нельзя согласиться. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на теорію автора о единомъ консенсуальномъ договорѣ о возмездномъ пользованіи, результатъ все тотъ же: эта теорія не выдерживаетъ самой снисходительной критики; она представляетъ собою громадный шагъ назадъ по сравненію не только съ современной доктриной, но даже со взглядами глоссаторовъ, и оказывается совершенно неприменимой на практикѣ.

Послѣднее лучше всего явствуетъ изъ того, что самъ авторъ посвятилъ свое изслѣдованіе договору найма *услугъ*, а не мнимому общему договору о возмездномъ пользованіи. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть полное отреченіе его отъ его собственной теоріи.

Мы идемъ дальше. Разсмотрѣвъ и отвергнувъ исходное положеніе г. Гуляева, мы взглянемъ теперь на детальную разработку имъ его темы.

Онъ начинается съ исторіи договора *locatio-conductio* въ римскомъ правѣ. Прежде всего онъ останавливается на терминологіи, выясняетъ первоначальное значеніе терминовъ *locare* и *conducere* и объясняетъ, какимъ образомъ эти термины мало-по-малу получили техническое значеніе (стр. 10—20).

Ничего новаго онъ при этомъ не даетъ. Его объясненіе, что *locare* первоначально означало просто помѣщать, *conducere*—нести съ собою, высказано еще Дегенкольбомъ, *Platzrecht und Miethe*, стр. 134—136, и Перинсомъ, *Labes*, т. I, стр. 469. То же слѣдуетъ сказать объ объясненіи, которое даетъ авторъ на стр. 19 относительно перестановки ролей *locator'a* и *conductor'a* при *locatio-conductio operis*,—оно также сходится съ объясненіемъ, даннымъ Перинсомъ, хотя авторъ объ этомъ и не считаетъ нужнымъ говорить.

Затѣмъ г. Гуляевъ переходитъ собственно къ исторіи развитія *locatio-conductio* (стр. 20—52). Этотъ очеркъ въ общемъ тоже отличается компилятивнымъ характеромъ, при томъ въ немъ содержится много лишняго, къ дѣлу имѣющаго лишь весьма отдаленное отношеніе; сюда относятся, напримѣръ, элементарныя разсужденія о *mancipatio filifamilias* (стр. 20—22) и объ общемъ значеніи консенсуальныхъ контрактовъ (стр. 49—51).

Свой собственный взглядъ авторъ высказываетъ по вопросу о времени возникновенія отдѣльных видовъ *locatio-conductio*. Признавая, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей, *locatio-conductio rei* и въ частности наемъ движимыхъ вещей (рабовъ, рабочаго скота) наиболѣе раннимъ видомъ договора найма, онъ затѣмъ утверждаетъ, что *l. c. operis* въ свою очередь должна была возникнуть раньше *l. c. operatum* (стр. 30, 39). Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что трудъ свободныхъ лицъ не могъ выдержать конкуренціи съ трудомъ рабовъ. Съ такой постановкой вопроса никакъ нельзя согласиться. Съ одной стороны, конкуренція рабскаго труда одинаково должна была отразиться какъ на обыкновенномъ наймѣ услугъ, такъ и на болѣе простыхъ формахъ *l. c. operis*. Болѣе же сложныя формы послѣдняго договора предполагаютъ уже весьма значительную спеціализацію занятій и распространеніе техническихъ знаній, — два условія, которыя могутъ оказаться на лицо лишь сравнительно поздно. Съ другой стороны, если рабскій трудъ и представлялъ опасную конкуренцію для труда свободныхъ лицъ, все-таки позво- лительно спросить, куда же дѣвались кліенты и вообще вся безземельная мелкота, главный заработокъ которой всегда и вездѣ составлялъ

подешный трудъ, блтрачество. Да, наконецъ, и количество рабовъ на первыхъ порахъ вовсе ужъ не было такъ велико: извѣстно, что число ихъ стало быстро возрастать лишь со второй половины республиканскаго періода. Въ виду всего этого нельзя не признать, что *l. c. operarum* никонимъ образомъ не могла возникнуть позже *l. c. operis*¹⁾.

Болѣе удачной представляется попытка автора реконструировать формулу *actio locati et conducti* (стр. 46 — 48). Авторъ замѣчаетъ, что бланкетный формуляръ *actio locati et conducti* не могъ содержать указанія на объектъ договора, какъ то думаютъ Рудорфъ и Ленель. Это, конечно, мелочь (хотя авторъ и другаго мнѣнія), но замѣчено совершенно правильно.

Мы переходимъ къ догматической части работы. Она открывается съ опредѣленія *locatio-conductio* (стр. 53). Объ этомъ неудачномъ опредѣленіи намъ уже приходилось говорить, поэтому мы прямо обратимся къ слѣдующему параграфу, озаглавленному: анализъ понятія *locatio-conductio* (стр. 55—86).

Авторъ начинается съ того, что *locatio-conductio* есть договоръ консенсуальный, а потому воля контрагентовъ можетъ быть выражена изустно, письменно или совершеніемъ такъ называемыхъ конклюдентныхъ дѣйствій. Разъясненію этого болѣе чѣмъ элементарнаго положенія посвящены стр. 55 — 59. Затѣмъ на стр. 59 — 68 слѣдуетъ объясненіе того, что должно понимать подъ возмездностью договора. Опять излагаются всѣмъ извѣстныя вещи, при томъ такимъ тономъ, что не специалистъ можетъ подумать, будто г. Гуляевъ первый открылъ все это, тогда какъ рѣшительно все, что онъ говорить, можно найти въ любомъ пандектномъ учебникѣ.

Июкопчивъ съ моментами консенсуальности и возмездности, которые, конечно, вовсе не представляютъ собою чего либо специфически свойственнаго одному договору найма, авторъ переходитъ къ моменту пользованія (стр. 68—86).

Констатируя, что пользованіе можетъ быть направлено или на вещи, или на дѣйствія, авторъ замѣчаетъ: „раздѣленіе *locatio-conductio* на виды, въ зависимости отъ экономическихъ особенностей объектовъ пользованія, привело къ тому, что въ литературѣ эти виды подверглись далеко не одинаковой разработкѣ: договоръ о возмездномъ пользованіи вещами, въ частности недвижимостями, привлекалъ

¹⁾ Ср. еще *Karlowa, Römische Rechtsgeschichte*, т. II, стр. 644 и сл.

главное вниманіе изслѣдователей, тогда какъ договоръ о возмездномъ пользованіи дѣйствіями принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ вопросовъ права" (стр. 69). Съ точки зрѣнія автора этому горю, повидимому, очень легко помочь: разъ дѣленіе *locatio-conductio* на *l. c. regum*, *oregatum* и *oregis* не имѣетъ юридическаго значенія, то стоитъ только взять наиболѣе разработанную часть ученія о *locatio-conductio*, то-есть, *l. c. regum immobilium*, и обобщить положенія, касающіяся этого вида найма, распространить ихъ на *l. c. oregatum* и *oregis*. Въмѣсто того авторъ говоритъ вотъ что: „въ виду этого мы не будемъ останавливаться на изученіи объектовъ возмезднаго пользованія — вещей, и обратимъ наше вниманіе на дѣйствія, какъ на возможные объекты *locatio-conductio*, не упуская, однако, изъ вида, что положенія, касающіяся *locatio-conductio*, общи всѣмъ случаямъ примѣненія этого договора“.

Высказавъ это поражающее своей нелогичностью положеніе, авторъ переходитъ къ тому, что собственно составляетъ тему его работы, къ договору о возмездномъ пользованіи услугами, которому посвящены 80 страницъ (стр. 70—150).

Подъ возмезднымъ пользованіемъ услугами авторъ понимаетъ, конечно, какъ *l. c. oregatum*, такъ и *l. c. oregis*.

Г. Гулиевъ начинаетъ съ разграниченія понятій *oregae liberales* и *illiberales* (стр. 70—80). Тутъ онъ опять ограничивается простымъ повтореніемъ того, что съ удобствомъ можно найти въ учебникахъ ¹⁾.

Затѣмъ онъ переходитъ къ разграниченію понятій *oregae* и *opus* (стр. 78—79) и, наконецъ, отмѣчаетъ различіе между *l. c. oregis* и *emptio-venditio* (стр. 80—84). Конечно, и тутъ онъ ничего новаго не говоритъ, что, впрочемъ, нельзя ставить ему въ вину; напрасно только онъ жалѣетъ мѣста на выноски изъ сочиненій своихъ предшественниковъ.

Слѣдующій параграфъ озаглавленъ: искъ контрагентовъ (стр. 86—140).

Сначала авторъ излагаетъ права и обязанности сторонъ, непосредственно вытекающія изъ договора *locatio-conductio* (стр. 86—92: искъ работодателя; стр. 92—93: искъ работника-предприимателя). При этомъ ему поневолѣ приходится останавливаться на особенностяхъ *l. c. oregis*. Такъ онъ совершенно правильно указываетъ на то, что при послѣднемъ договорѣ по общему правилу допускается замѣна

¹⁾ Ср., напримѣръ, *Baron, Pandekten*, 8-е изд., стр. 530.

личныхъ усилій предпринимателя усиліями его помощниковъ, тогда какъ при *l. c. operagum* работа должна быть непременно исполнена самимъ работникомъ. Дальше онъ, какъ на особенность *l. c. operis*, указываетъ на *argobatio*. При этомъ онъ довольствуется всего нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями. Такая чрезмѣрная краткость въ монографическомъ изслѣдованіи не можетъ быть одобрена: вѣдь цѣль такового не можетъ же заключаться въ передачѣ только такихъ свѣдѣній, которыя можно почерпнуть изъ любого учебника. А между тѣмъ авторъ не вездѣ даже ихъ даетъ. Такъ, на стр. 92-й онъ говоритъ: „если работникъ обѣщалъ свои дѣйствія въ виду опредѣленнаго результата, то искъ о платѣ можетъ быть предъявленъ не ранѣе окончанія работы, то-есть, достиженія результата“. Стоило бы автору заглянуть, ну, хотя бы въ пандекты Дернбурга, т. II, § 113, или Барона, § 297, чтобы убѣдиться въ томъ, что плата можетъ быть условлена *in dies singulos* (*l. 51 § 1 D. loc. 19, 2*), что возможны и другія еще комбинаціи (*l. 30, § 3, cod., l. 36 cod.*).

Разсмотрѣвъ требованія сторонъ, непосредственно вытекающія изъ договора, авторъ переходитъ къ модификаціямъ иска работодателя (стр. 95—126), при чемъ онъ рассматриваетъ отдѣльно вліяніе, какое оказываетъ *dolus* и *culpa* работника съ одной стороны и *casus* съ другой.

Въ первомъ отношеніи авторъ послѣ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній о *dolus* и *culpa* (стр. 95—100) останавливается спеціально на вопросѣ объ отвѣтственности предпринимателя при *l. c. operis* за недосмотръ со стороны его помощниковъ (стр. 100—119). Въ литературѣ, какъ извѣстно, существуетъ споръ, отвѣчаетъ ли предприниматель только за *culpa in eligendo*, или же за всякую вообще вину своихъ помощниковъ. Г. Гуляевъ присоединяется къ защитникамъ втораго взгляда и на этотъ разъ не довольствуется двумя-тремя бѣглыми замѣчаніями, а даетъ краткій обзоръ литературы вопроса и пытается по мѣрѣ силъ обосновать принятый имъ взглядъ, при чемъ онъ, однако, слишкомъ ужъ упростилъ свою задачу, не обращая почти никакого вниманія на возраженія, дѣлаемые противниками защищаемой имъ теоріи.

Мы не имѣемъ, конечно, возможности входить въ подробную оцѣнку всего этого спора. Замѣтимъ только, что мы считаемъ защищаемое г. Гуляевымъ положеніе нѣрнымъ *de lege ferenda*, но не *de lege lata*. Общій характеръ римской классической юриспруденціи строго индивидуалистическій. Всякій отвѣчаетъ только за себя, а за третьихъ

лицъ, если только они не состоятъ подъ его властью, лишь по столько, по сколько онъ такъ или иначе самъ оказывается *in culpa*,—такого общее положеніе, изъ котораго могли быть допущены исключенія только на основаніи закона или преторскаго эдикта, а никакъ не на основаніи *responsa* юристовъ. Это подтверждается тѣмъ, что даже при существованіи прямыхъ эдикталныхъ нормъ, расширяющихъ отвѣтственность непосредственнаго контрагента, у юристовъ существуетъ потребность оправдать эту особенность допущеніемъ *culpa ficta* ¹⁾. Другое, конечно, дѣло, на сколько подобная постановка вопроса можетъ быть признана цѣлесообразной. На этой сторонѣ вопроса намъ имѣть нужды останавливаться.

Обращаясь отъ указанныхъ общихъ соображеній къ отдѣльнымъ изреченіямъ юристовъ, на которыхъ останавливается г. Гуляевъ, и оставляя въ сторонѣ l. 25 § 7 D. loc. 19,2, относительно каковаго фрагмента онъ самъ допускаетъ сомнѣніе, нельзя не замѣтить прежде всего, что l. 28 C. de loc. 4,65 вовсе не касается вопроса объ отвѣтственности предпринимателя за упущенія своихъ помощниковъ, а имѣетъ въ виду только непосредственныхъ контрагентовъ.

Что касается l. 11 pr. D. loc. 19,2 то для насъ имѣютъ значеніе слѣдующія слова Ульпіана: *mihi ita placet, ut culpam etiam eorum quos induxit (sc. conductor) praestet suo nomine, etsi nihil convenit, si tamen culpam in inducendis admittit, quod tales habuerit vel suos vel hospites*. Г. Гуляевъ полагаетъ, что *culpa* въ данномъ случаѣ имѣетъ чисто конструктивное значеніе; „conductor несетъ отвѣтственность и безъ спеціальнаго договора,—отвѣтственность предполагается, а необходимая для отвѣтственности *culpa* усматривается въ томъ, что онъ привелъ съ собою такихъ неблагонадежныхъ лицъ; не выборъ помощниковъ, а самый фактъ причиненія вреда чрезъ помощниковъ выдѣляется conductor'у въ *culpa*“ (стр. 110). При такомъ толкованіи остается непоцѣпнымъ, съ чего юристъ вообще упоминать о *conventio*, разъ помимо всякаго соглашенія *conductor* безусловно отвѣчаетъ за *culpa* своихъ помощниковъ. Это одно. Съ другой стороны, какъ согласовать съ толкованіемъ г. Гуляева выраженіе Ульпіана: *si tamen culpam in inducendis admittit; si tamen* очевидно означаетъ:

¹⁾ Ср. итѣя замѣчанія объ этомъ Гольдшмидта въ *Zeitschrift für Handelsrecht*, т. XVI, стр. 340—343; г. Гуляевъ не считаетъ нужнымъ останавливаться на нихъ, что тѣмъ болѣе странно, что онъ самъ на стр. 106 говоритъ о *culpa ficta*. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и тутъ думаетъ, что первый подмѣтилъ этотъ приемъ римскихъ юристовъ?

если только. Неужели это только конструктивный приемъ? Конечно, нѣтъ. Ульпіанъ говоритъ: *conductor отвѣчаетъ за culpa eorum, quos induxit*, даже помимо особаго соглашенія, если только онъ поступилъ неосмотрительно при выборѣ ихъ. Отсюда ясно, что разъ такой *culpa in eligendo* не было, онъ отвѣчаетъ за вину этихъ лицъ только, *si id specialiter convenit*. Слѣдующій фрагментъ—I. 11 § 4. D. h. t. 19,2 опять не имѣетъ ровно никакого отношенія къ разбираемому вопросу, такъ какъ тутъ предполагается *culpa* въ лицѣ самого *conductor'a*, что признастъ, впрочемъ, и г. Гуляевъ (стр. 110). Столь же мало подтверждаетъ его взглядъ и I. 30 § 4 D. h. t. 19,2, такъ какъ въ этомъ фрагментѣ разбирается случай, когда *colonus villam hac lege acciperat. ut incorruptam redderet praeter vim et vetustatem*; другими словами, *conductor* отвѣчаетъ въ данномъ случаѣ предъ локаторомъ на основаніи specialнаго соглашенія. Вдобавокъ, въ этомъ фрагментѣ, какъ и въ предшествующемъ, имѣется въ виду вовсе не *l. c. operis*, а *l. c. rei*!

Дальше авторъ ссылается на I. 30 § 2. D. h. t. 19,2, гдѣ опять имѣется въ виду специальное соглашеніе между контрагентами (*mulas ad certum pondus oneris locavit*): *conductor* нанялъ муловъ для перевозки клади съ специальнымъ уговоромъ не напыючивать на нихъ тяжести свыше опредѣленнаго размѣра; понятное дѣло, что если онъ послѣ этого предоставитъ третьему лицу пользоваться мулами, и тотъ надорветъ силы ихъ, вваливъ на нихъ *ultra certum pondus oneris*, первый будетъ отвѣчать предъ локаторомъ, ибо нарушилъ специально принятую имъ на себя обязанность.

Наконецъ, г. Гуляевъ отмѣчаетъ еще I. 60, § 7 D. h. t. 19,2. Фрагментъ этотъ, по сколько онъ насъ интересуетъ, гласитъ: *servum meum mullonem conduxisti; negligentia ejus tuus mulus perit...si sine definitione personae mullonem a me conduxisti. et ego tibi eum dedissem, cujus negligentia jumentum perierit, illam quoque culpam me tibi praestaturum ajo, quod eum eligissem, qui ejusmodi damno te adficeret*. Итакъ, одинъ нанялъ у другаго раба-погонщика, по винѣ котораго погибъ мулъ нанявшаго. Юристъ говоритъ, что разъ былъ затребованъ погонщикъ безъ specialнаго указанія, кого именно требуется *conductor*, *locator* отвѣчаетъ за неудачный выборъ. Ясно, что рѣчь идетъ о лицѣ, специально готовящемъ опытныхъ погонщиковъ, занимающемуся отдачею ихъ въ наемъ, какъ ремесломъ. Понятно, что такое лицо отвѣчаетъ за добросовѣстный выборъ погонщика, что онъ не долженъ поставлять начинающихъ, неподгото-

вленныхъ къ этому дѣлу лицъ, и что именно это и хотѣлъ сказать юристъ. Если г. Гуляевъ пришелъ къ другому выводу (стр. 112), то потому, что онъ проглядѣлъ всѣ указанныя особенности даннаго случая.

Въ заключеніе, авторъ, по примѣру другихъ, ссылается на рядъ фрагментовъ, касающихся ответственности *pautae*, *сапронес*, *stabularii* съ одной стороны, ответственности по *actio exercitoria* и *institoria* съ другой (стр. 113—117). Всѣ эти фрагменты не имѣютъ доказательной силы, ибо въ этихъ случаяхъ высшій размыръ ответственности хозяевъ за упущенія своихъ подчиненныхъ основанъ на специальномъ преторскомъ эдиктѣ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что и въ данномъ вопросѣ г. Гуляевъ не выказалъ особой ловкости въ защитѣ собственной и въ опроверженіи противной теоріи.

Мы переходимъ къ послѣднему пункту: къ ответственности *conductor'a* за *casus* (стр. 119—126). Здѣсь г. Гуляевъ останавливается на извѣстной антиноміи между Лабеономъ съ одной стороны, Флорентиномъ, Яволеномъ и Павломъ съ другой и разрѣшаетъ ее въ общепринятомъ смыслѣ, то-есть, въ пользу послѣднихъ трехъ юристовъ. Напрасно только онъ примѣшалъ спецификацію (стр. 125); въдѣ *conductor operis* и съ точки зрѣнія Лабеола не становится собственникомъ *opus*, такъ что правило *casum sentit dominus* никакъ не могло служить основаниемъ рѣшенія этого юриста.

Разсмотрѣвъ модификаціи иска работодателя, г. Гуляевъ переходитъ къ модификаціямъ иска работника (стр. 126—140).

При этомъ онъ останавливается на вопросѣ о томъ, обязанъ ли вознаградить работодатель работника за вредъ, причиненный послѣднему по винѣ первого.

Этотъ важный вопросъ разрѣшается чрезвычайно суммарно на основаніи слѣдующихъ соображеній: „расширеніе первоначальнаго объекта иска работника можетъ имѣть мѣсто лишь изъ тѣхъ случаевъ, когда имѣются на лицо тѣ предположенія, на основаніи которыхъ работникъ могъ бы предъявить *actio legis Aquiliae* или *actio de dolo*, *actio injuriarum*, еслибъ онъ не былъ связанъ договоромъ съ работникомъ. Другими словами, работодатель обязанъ возмѣститъ работнику *всякій* вредъ и убытокъ, протисшедшій для послѣдняго по его. работодателя, винѣ“ (стр. 128). И только. Но въдѣ надо доказать, что *actio legis Aquiliae*, *a. doli* и *injuriarum* дѣйствительно покрываютъ весь возможный убытокъ, который могъ быть причиненъ

работнику по винѣ работодателя. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, напротивъ, относительно *actio legis Aquiliae* существуетъ споръ, обвиняетъ ли этотъ искъ случаи примѣненія вреда, вызванные упущеніями; не менѣе сомнительно, на сколько потерпѣвшій можетъ требовать вознагражденіе за то, что для него по винѣ противной стороны „утрачивается вовсе или уменьшается возможность извлекать изъ своихъ силъ и способностей доходъ, выражающійся въ наемной платѣ“¹⁾.

Дальше авторъ говоритъ мелькомъ о вліяніи затратъ, произведенныхъ работникомъ въ интересахъ работодателя (стр. 129—130). и переходитъ затѣмъ къ вопросу о вліяніи казуальной невозможности исполненія работникомъ принятыхъ имъ на себя обязанностей (стр. 130—139). Вопросъ этотъ породилъ свою довольно обширную литературу, съ которой г. Гуляевъ не считаетъ, однако, нужнымъ считаться,—онъ просто обходитъ ее молчаніемъ. Но мало того. На стр. 133 онъ выставляетъ такое положеніе: „гдѣ рѣчь идетъ о случайной гибели объекта пользованія, тамъ договоръ *locatio conductio* прекращается; напротивъ тамъ, гдѣ случайной гибели подвергается не самый объектъ, а лишь *результатъ*, извлекаемый изъ пользованія, тамъ *locatio conductio* остается въ силѣ, а слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ сторона, обязанная къ уплатѣ вознагражденія, не освобождается отъ своего обязательства, тогда какъ въ первомъ случаѣ обязательство ея утрачиваетъ свою силу“. Эта мысль цѣлкомъ заимствована у Данквардта²⁾, при чемъ опять никакихъ ссылокъ не имѣется. Правда, г. Гуляевъ шире понимаетъ это правило, чѣмъ Данквардтъ, подводя подъ категорію гибели объекта и уничтоженіе орудій производства (ср. его разсужденія о l. 15 § 6 D. h. t. 19,2 на стр. 132 и 136). Но это съ одной стороны не слагаетъ съ него обязанности ссылаться на того, у кого онъ позаимствовалъ самую мысль, а съ другой стороны онъ, благодаря этому, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ онъ (подобно Данквардту) объектомъ договора признаетъ услуги работника, а не орудія работы, объ утратѣ каковыхъ только и говорится въ l. 15 § 6 cit (*navis amissa*).

¹⁾ Ср. *Baron*, *Pandekten*, 8 изд., § 313, стр. 563.

²⁾ Ср. *Dankwardt*, *Die locatio conductio operis* въ *Jahrbücher für Dogmatik*, т. XIII, стр. 359: *das Opus als Produkt geht stets dem locator unter*, то-есть, самое обязательственное отношеніе не прекращается; въ связи съ стр. 838 тамъ же, гдѣ говорится объ *Untergang des Objectes*, что ведетъ къ прекращенію обязательственнаго отношенія.

Последний вопрос, на котором останавливается автор, касается прекращения договора (стр. 140—148). Этот обзор вышел до нельзя кратко, не смотря на то, что автор касается всех трех видов *locatio conductio*. Самые важные вопросы разрешаются самым суммарным порядком. Так, что касается влияния смерти одной из сторон, то автор заявляет просто, что „когда объектом пользования являются действия, то смерть того контрагента, который обязался совершить известные действия, прекращает договор, потому что смерть уничтожает самый объект пользования, возможность совершения определенных действий“ (стр. 146). Правда, говорит он, „обыкновенно учат, что смерть контрагентов не оказывает никакого влияния на *locatio conductio*“, и даже ссылаются на источники. Но „понятно, что приведенные общие положения (l. 10 C. h. t. 4, 65, l. 19 § 8 D. h. t. 19, 2, § 6 I. h. t. 3, 24) не распространяются на те случаи *locatio conductio*, где пользование направлено на деятельность (умершего) контрагента“.

Ни обзора литературы, ни критической оценки отдельных мнений, ничего не дается. А между тем, положение, выставленное автором, весьма сомнительно *quoad locatio conductio operis*.

В заключение отыщется еще один курьез. На стр. 148-ой г. Гуляев говорит: „*преемство сингулярное темъ, чѣмъ оно мыслимо, прекращаетъ договоръ*: въ примѣненіи къ найму вещей это правило выражается пареміей—*Kauf bricht Miethе*“. Это совершенно невярно; напротив договор—*inter partes*, какъ известно, сохраняет свою силу, и наниматель может поэтому искуть убытки съ продавца¹⁾. *Kauf bricht Miethе* означает только, что онъ не приобретает никакихъ правъ по отношенію къ новому собственнику, который поэтому и может лишить его объекта пользования. Да и въ этомъ ограниченномъ смыслѣ приведенный принципъ не можетъ считаться безспорнымъ. Иерингъ въ „*Besitzwille*“, стр. 448 и сл., прямо отрицаетъ примѣнимость его со времени Марцелла и Антонина Пия. Страшно, что г. Гуляевъ такихъ вещей не знаетъ.

Этимъ мы закончили рассмотрение первой части работы г. Гуляева. Но прежде чѣмъ разстаться съ нею, предложимъ автору еще одинъ вопросъ: почему онъ нигдѣ не упоминаетъ о *locatio conductio operis irregularis*? Въдь даже въ учебникахъ всегда уделяется мѣсто для

¹⁾ Ср. *Baron, System*, § 295, стр. 528; *Brinz, Lehrbuch der Pandekten*, 2 изд., т. II, стр. 760—761; *Wendt, Lehrbuch der Pandekten*, стр. 626.

этой разновидности названнаго договора. Можно бы было ожидать того же отъ специальной монографіи.

Во второй части авторъ излагаетъ „договоръ о возмездномъ пользованіи услугами по ученію новыхъ юристовъ и въ дѣйствующихъ системахъ гражданского права“.

Гл. I посвящена глоссѣ и комментаторамъ (стр. 153 — 167); въ ней указывается, какъ постепенно складывалось ученіе о трехъ видахъ *locatio conductio*, и какъ стало сглаживаться различіе между *operae liberales* и *illiberales*.

Гл. II гоноритъ о французской юриспруденціи и *Code civil* (стр. 168—190). Авторъ излагаетъ общіе взгляды на *locatio conductio* Альціата, Конняна, Куяція, Донелла, Pothier и Domat, и переходитъ затѣмъ къ *Code civil*, которому, между прочимъ, ставитъ въ упрекъ „отсутствіе опредѣленія *locatio-conductio* вообще“ (стр. 188). На слѣдующей страницѣ онъ опять возвращается къ этому пункту и замѣчаетъ: „С. N. даетъ опредѣленіе обоихъ видовъ *louage* отдѣльно, но не стремится дать общее опредѣленіе *louage en général*; напротивъ, *louage d'ouvrage* разбивается въ свою очередь на три отдѣльные вида, и ни одинъ изъ нихъ не опредѣляется“ (стр. 189). Но развѣ задача кодекса — давать опредѣленія? *Communis opinio doctorum* давно осудила этотъ взглядъ: *definitiones legales* никакой пользы не приносятъ, но за то зачастую вредъ, связывая науку и практику. Было бы много лучше, еслибы г. Гуляевъ вмѣсто такихъ замѣчаній представилъ хотя бы краткій систематическій обзоръ всего современнаго французскаго законодательства по вопросу о возмездномъ пользованіи услугами, тѣмъ болѣе, что это прямо входитъ въ кругъ его задачи. Ничего подобнаго мы не находимъ у него.

Гл. III озаглавлена: „Германская юриспруденція; гражданскія уложенія прусское, австрійское и сводъ гражданскихъ узаконеній губ. прибалтійскихъ“ (стр. 191—246).

Изъ юристовъ г. Гуляевъ отмѣчаетъ Wesenbœccius, Bachovius Echtius, Gaill, Vultejus, Harpprechtus, Huberus, B. Carpzow, Merius, Lauterbach, Schwenderdörffer, Struvius, Schilter, Thomasius, Berger, Boehmer, Heineccius, Coccej, Westphal (стр. 191—212), при чемъ онъ останавливается почти исключительно на опредѣленіяхъ *locatio-conductio*, которыя они даютъ, и на отношенія ихъ къ вопросу объ *operae liberales*, какъ объектъ договора найма услугъ. Едва ли ради достиженія такого результата стоило затратить столько времени, труда и мѣста.

Въ заключение авторъ останавливается на прусскомъ и австрійскомъ гражданскомъ уложеніи и сводѣ гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ, а также на проектѣ новаго общегерманскаго гражданского уложенія. Такой выборъ матеріала нельзя не признать нѣсколько страннымъ. Развѣ можно, напримѣръ, излагать постановленія прусскаго земскаго права, не принимая въ соображеніе дополняющихъ ихъ постановленій германской *Gewerbeordnung*, германскаго торговаго уложенія, прусской *Gesindeordnung*? Съ другой стороны, развѣ авторъ коснулся *Entwurf*а, то неудобно было обойти молчаніемъ саксонское гражданское уложеніе, представляющее собою въ извѣстномъ смыслѣ связующее звено между прусскимъ и австрійскимъ кодексомъ съ одной стороны и названнымъ проектомъ съ другой.

Независимо отъ этого нельзя не замѣтить, что и тотъ матеріалъ, которымъ ограничился авторъ, едва-едва затронуть имъ. Чѣмъ онъ собственно руководствовался при той выборкѣ изъ приведенныхъ законодательствъ, которую онъ даетъ, трудно сказать.

Сначала идетъ рядъ общихъ замѣчаній (стр. 214—220). Вотъ они. Прежде всего авторъ отмѣчаетъ упраздненіе практическаго различія, дѣлаемаго римскимъ правомъ между *origae liberales* и *illiberales* (стр. 214—217); дальше онъ констатируетъ, „что эквивалентомъ пользованія признается не только денежная плата, но какое бы то ни было вознагражденіе“ (стр. 217—218). Замѣтивъ затѣмъ, что по общему правилу для заключенія договора требуется только наличность *consensus*, онъ говоритъ: „въ примѣненіи къ найму вещей *consensus* долженъ быть облеченъ въ письменную форму“, и дальше: „правило *Kauf bricht Miete*, формулирующее взглядъ римскаго права, уступаетъ мѣсто противоположному правилу, въ силу котораго *conductor* приобретаетъ относительно объекта вещное право“ (стр. 219). Это не вполне точно, такъ какъ *Entwurf* въ этомъ отношеніи вернулся къ римскому праву, а сводъ гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ допускаетъ приобретеніе нанимателемъ вещнаго права лишь въ видѣ исключенія. Выбѣтъ съ тѣмъ по этому поводу нельзя не выразить еще разъ удивленія, что даже то обстоятельство, что договоръ найма недвижимостей въ рядѣ современныхъ законодательствъ порождаетъ вещное правоотношеніе, тогда какъ договоръ найма услугъ по существу своему создаетъ личное отношеніе, не заставило г. Гуляева усомниться въ правильности его теоріи о единомъ договорѣ о возмездномъ пользованіи. Неужели же и раз-

личіе между вещнымъ и личнымъ правомъ пользованія имѣть только экономическое, а не юридическое значеніе?

Послѣ приведенныхъ общихъ замѣчаній слѣдуетъ обзоръ „правъ работодателя и соответствующихъ имъ обязанностей работника“ (стр. 220—229) и такой же обзоръ „правъ работника и соответствующихъ имъ обязанностей работодателя“ (стр. 229—244).

Въ первомъ отношеніи авторъ ограничивается почти исключительно перечнемъ постановленій, касающихся вопроса объ отвѣтственности работника-предпринимателя за упущенія его помощниковъ и за собственную *imperitia*.

Относительно размѣра отвѣтственности за ущербъ, причиненный работодателю по винѣ работника, говорится только, что „последній обязанъ возмѣстить истцу весь вредъ, возникшій для него вслѣдствіе ненадлежащаго исполненія обязательства“ (стр. 220). Въ такой общей формѣ это положеніе не можетъ быть признано правильнымъ. Такъ, прусское земское право постановляетъ въ рядѣ статей (ч. I, тит. 11, §§ 881, 889, 937), что работникъ отвѣчаетъ за убытокъ „nach Massgabe des Grades seiner Verschuldung“, то-есть, пропорціонально степени вины. Въ частности, какъ извѣствуетъ изъ постановленій, содержащихся въ ч. I, тит. 6, §§ 10—15, лицо отвѣчаетъ за весь прямой и косвенный убытокъ только при наличности *dolus* и *culpa lata*; при *culpa levis* оно отвѣчаетъ уже въ меньшемъ размѣрѣ, а при *culpa levissima* по общему правилу обязано возмѣстить только прямой убытокъ ¹⁾.

О тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ работникъ отвѣчаетъ только за *dolus* и *culpa lata* (ср., напримѣръ, св. гражд. узак. губ. прибалт., ст. 4204), не упоминается вовсе.

Какую же цѣну могутъ имѣть такія отрывочныя разсужденія автора, переполненныя фактическими погрѣшностями? А между тѣмъ право работодателя искать съ работника убытки, причиненные первому по винѣ послѣдняго, есть единственное изъ правъ работодателя, на которомъ останавливается авторъ.

Что касается правъ работника, то г. Гуляевъ начинаетъ съ заявленія, что *искъ работника не представляетъ интереса по своему содержанію*, определяемому въ подробностяхъ содержаніемъ договора (стр. 220). Мы думаемъ, напротивъ, что содержаніе права работника на вознагражденіе есть предметъ, достойный весьма тщатель-

¹⁾ Ср. *Dernburg*, *Preussisches Privatrecht*, изд. 4-е, т. I, стр. 277.

наго изученія. Какъ извѣстно, нѣкоторые современные законодательства въ цѣломъ рядѣ случаевъ допускаютъ прямое государственное вмешательство въ этой области, опредѣляя ближе, какъ и въ какой формѣ можетъ быть произведено вознагражденіе ¹⁾).

Обращаясь отъ содержанія иска къ условіямъ, при которыхъ работодатель обязанъ уплатить работнику вознагражденіе, г. Гуляевъ останавливается ближе на тѣхъ случаяхъ, когда вознагражденіе должно быть уплачено, не смотря на то, что работникъ не исполнилъ обѣщанной имъ работы, разъ это произошло по винѣ работодателя или саи. И здѣсь дѣло ограничивается выпискою нѣкоторыхъ статей изъ прусскаго, австрійскаго и балтійскаго кодекса съ указаніемъ нѣкоторыхъ отступленій отъ римскаго права. Общее впечатлѣніе, которое вынесъ г. Гуляевъ изъ этихъ выписокъ, передается имъ слѣдующимъ образомъ: „отступленія отъ положеній римскаго права, сдѣланныя современными законодательствами по вопросу о правѣ работника на вознагражденіе, показываютъ, что современное право обнаруживаетъ тенденцію къ покровительственному отношенію къ работнику, вопреки конструкціи договоровъ, основанныхъ на римскихъ принципахъ“. Не беремся судить, заключается ли въ этихъ словахъ одобреніе или порицаніе отмѣченной авторомъ тенденціи. Для насъ важно заключающееся въ приведенныхъ словахъ признаніе автора, что его конструкція идетъ въ разрѣзъ съ положительнымъ правомъ.

Покончивъ съ правами и обязанностями сторонъ, авторъ въ заключеніе говоритъ о прекращеніи договора (стр. 240—244), при чемъ онъ изъ всѣхъ основаній прекращенія упоминаетъ только о смерти одного изъ контрагентовъ и объ одностороннемъ отказѣ.

Этимъ и заканчивается работа г. Гуляева. Намъ остается подвести общій итогъ нашимъ замѣчаніямъ на нее.

Мы видѣли, что общій взглядъ г. Гуляева на отношенія по найму долженъ быть признанъ несостоятельнымъ.

Что касается детальной разработки имъ его темы, то целии прежде всего не замѣтить, что только римское право разработано болѣе подробно; современныхъ системъ авторъ касается только мимоходомъ, при чемъ выборъ матеріала долженъ быть признанъ неудачнымъ, а изложеніе страдать безсистемностью и даже не свободно отъ при-

¹⁾ Ср., напримеръ, соотвѣтствующія постановленія германской Gewerbeordnung, Dernburg, ук. соч., т. II, стр. 568.

мыхъ фактическихъ погрѣшностей, что лишаетъ эту часть его работы всякаго значенія.

Накопецъ, и изложеніе договора найма услугъ по римскому праву страдаетъ весьма существенными недостатками, представляя въ общемъ довольно поверхностную компиляцію; сколько нибудь обстоятельно разработаны собственно только вопросы объ отвѣтственности предпринимателя за упущенія его помощниковъ, да и тутъ авторъ высказался за такое разрѣшеніе этого вопроса, которое едва ли можетъ быть признано правильнымъ *de lege lata*. Въ остальномъ онъ даетъ только тѣ свѣдѣнія, которыя успѣли уже войти въ обширную учебную литературу по римскому праву.

Такимъ образомъ, эта работа едва ли можетъ быть признана новымъ вкладомъ въ нашу цивилистическую литературу. Что въ ней вѣрно, то не ново, а немногое новое не выдерживаетъ критики.

Д. Гриниъ.

Пермская Старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ вѣдѣ. *Александра Дмитриева*. Выпускъ V. Покореніе Угорскихъ земель и Сибиря. Пермь. 1894.

Перескакиваніе за предѣлы методическаго познания служить только личному честолюбію и партійнымъ интересамъ. Для науки оно не только бесполезно, но и въ высшей степени вредно. Правда, и этого никто не станетъ отрицать, что и недоузданные и ложныя гипотезы могутъ стать плодотворными тѣмъ, что вызываютъ стремленіе къ изслѣдованію. Но въ такомъ случаѣ всякій, кто ими подталкивается впередъ, считаетъ ихъ всегда за то, что онѣ есть, то-есть, за нѣчто проблематическое. Но лучше ли было бы, еслибы авторъ такой гипотезы не выдавалъ ей ни за что другое, еслибы онъ не замалчивалъ ни тѣхъ трудностей, которыя еще не рѣшены, ни иныхъ возможностей. Развѣ утратилась бы отъ этого хотя малая доля той будущей силы, которая свойственна гипотезѣ? Наоборотъ, должно опасаться, что возбужденіе, исходящее отъ него (автора) сведется къ успокоенію его на гипотезахъ и къ дальнѣйшимъ построеніямъ, основаннымъ на нихъ, безъ всякой провѣрки¹⁾. Эти соображенія о значеніи гипотезъ въ

¹⁾ Слова Германна Пауля, высказанныя имъ въ поляхъ по вопросу о происхожденіи „Шесни о Нибелунгахъ“ (См. „Шесни о Нибелунгахъ“, съ средне-верхне-нѣмецкаго разбора и податики перевелъ М. И. Кудряшевъ“. С.-Пб. 1889, стр. 115—116).

наукѣ, высказанныя нѣмецкимъ ученымъ по поводу частнаго вопроса, имѣють общее значеніе, и ихъ никогда не слѣдуетъ забывать изслѣдователямъ, имѣющимъ дѣло съ такими историческими фактами, которые еще не установлены прочно и не исключаютъ возможности противорѣчивыхъ мнѣній. Въ такихъ случаяхъ единственный путь къ истинѣ заключается въ томъ, чтобы внимательно прислушаться къ мнѣніямъ различныхъ ученыхъ, взвѣсить тщательно всѣ ихъ доводы и взять изъ каждой гипотезы то, что является въ ней несомнѣннымъ и неизблемымъ. Если добытыхъ такимъ образомъ фактовъ окажется недостаточно для окончательнаго вывода, то въ погонѣ за законченностью изслѣдованія отнюдь не слѣдуетъ увлекаться до такой степени, чтобы гадательное называть несомнѣннымъ, — нѣтъ, а необходимо тщательно отдѣлать строго фактическую часть работы отъ той, гдѣ начинаются уже догадки и, строя предположенія, откровенно указывать соображенія не только въ пользу этихъ предположеній, но и противъ нихъ. Только при такомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу и можно ожидать, если не сразу, то хотя бы въ далекомъ будущемъ положительныхъ результатовъ: выставленные на видъ недоумѣнія привлекутъ вниманіе другихъ тружениковъ науки, которые, можетъ быть, будутъ счастливы и съумѣють найти новые факты и доводы, достаточно сильные, чтобы рѣшить вопросъ безповоротно. Наоборотъ, замалчиваніе затрудненій только тормозитъ дѣло достиженія научной истины. Поэтому, когда какой-нибудь изслѣдователь, увлекшись предвзятой мыслью, станетъ внушать, что его гипотеза — не гипотеза, а строго-научный выводъ, то критика обязана возстать противъ такой неправды и напомнить про умышленно или неумышленно забытые авторомъ спорные пункты. Эти именно соображенія я руководили мной, когда я писалъ рецензію на IV-й выпускъ „Пермской Старины“. Дѣло въ томъ, что взгляды г. Дмитріена на роль Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири, при настоящемъ состояніи вопроса, есть не болѣе, какъ гипотеза, можетъ быть и справедливая, но все же гипотеза, такъ какъ она, во первыхъ, зиждется на фактахъ, очевидность которыхъ еще не доказана, а во вторыхъ, не даетъ удовлетворительнаго объясненія всѣмъ извѣстнымъ намъ фактамъ. Однако г. Дмитріевъ не усумнился провозгласить свое мнѣніе единственно возможнымъ, оставивъ безъ надлежащаго вниманія цѣлый рядъ довольно вѣскихъ фактовъ и соображеній, идущихъ противъ него. Вотъ эта-то излишняя догматичность г. Дмитріева и смутила меня, и я счелъ необходимымъ напомнить про воз-

раженія, забытыя имъ, въ виду того, чтобы вопросъ, въ сущности еще мало разслѣдованный, не показался достаточно уже исчерпаннымъ. Но въ трудѣ г. Дмитріева есть и еще одинъ капитальный недостатокъ. „Пермская Старина“ есть многотомный трудъ, посвященный довольно специальной и узкой темѣ, а отъ такого труда мы въ правѣ требовать, чтобы онъ былъ по возможности деталенъ, то-есть, не оставлялъ безъ должнаго разсмотрѣнія ни одного факта, входящаго въ его сферу. Еще болѣе въ правѣ мы желать, чтобы авторъ пристально изучилъ источники, по которымъ работаетъ, и по возможности, далъ всестороннюю и цѣльную критическую оцѣнку ихъ. Но и этого въ „Пермской Старинѣ“ мы не находимъ. Авторъ не входитъ въ детальное разсмотрѣніе сибирскихъ лѣтописей, не опредѣляетъ времени ихъ составленія, отношенія между ними, степени достовѣрности каждой изъ нихъ, а поэтому, конечно, и не имѣетъ подъ ногами твердой почвы, принимая или отвергая свидѣтельства той или другой лѣтописи. Вотъ эти два недостатка г. Дмитріева—излишняя догматичность и поверхностное отношеніе къ источникамъ—и побудили меня выступить со своей рецензіей, которая, сообразно съ вышесказаннымъ, преслѣдовала двѣ цѣли: во-первыхъ, показать, что сибирскій вопросъ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ, а во-вторыхъ, хотя бы отчасти пополнить пробѣлъ въ трудѣ г. Дмитріева, высказавъ тѣ наблюденія надъ сибирскими лѣтописями, которыя накопились у меня. Для достиженія первой цѣли я выставилъ противъ гипотезы г. Дмитріева другую гипотезу, противоположную, которая, правда, по существу далеко уже не нова, по которую я счелъ необходимымъ отчасти видоизмѣнить и подкрѣпить новыми фактами и соображеніями. Такимъ образомъ, я имѣлъ въ виду выставить только „будущую гипотезу“, то-есть, предположеніе, которое я, считая его не менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ мнѣніе, защищаемое г. Дмитріевымъ, однако не рѣшусь безапелляціонно назвать послѣднимъ и окончательнымъ словомъ науки,—нѣтъ, при дальнѣйшей разработкѣ сибирскаго вопроса я могу оказаться совершенно неправымъ; тѣмъ не менѣе и въ такомъ даже случаѣ моя гипотеза можетъ оказаться нелишней, такъ какъ заставитъ сторонниковъ истиннаго мнѣнія высказать болѣе вѣскіе доводы въ свою пользу, и такимъ образомъ истина сдѣлается очевиднѣе и неуязвимѣе, чѣмъ при настоящемъ положеніи дѣлъ. Вотъ и все значеніе, какое я придавалъ своей рецензіи. Г. Дмитріевъ взглянулъ на дѣло совершенно неожиданно и, совершенно ошибочно приписавъ моей статейкѣ слишкомъ боль-

шой вѣсь, въ отвѣтъ на нее составилъ большую статью, которая и была помѣщена въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ, а затѣмъ перепечатана цѣлкомъ въ V выпускѣ „Пермской Старины“. Въ ней г. Дмитриевъ обвиняетъ меня въ односторонности, натяжкахъ и въ другихъ ненаучныхъ поступкахъ. Оставляя въ сторонѣ такіе знаки огорченія со стороны г. Дмитриева, я перейду прямо къ дѣлу и постараюсь выяснитъ, на сколько и въ какую сторону подвинутъ сибирскій вопросъ послѣднимъ трудомъ пермскаго ученаго.

Есть два способа отстоять свое мнѣніе, когда появляются возраженія со стороны противниковъ: либо шагъ за шагомъ прослѣдить и разбить доводы противниковъ, доказавъ ихъ внутреннюю несостоятельность, либо ввести въ научный оборотъ новыя факты и источники, совершенно опровергающіе мнѣніе противнаго лагеря. Г. Дмитриевъ пробуетъ дѣйствовать и тѣмъ и другимъ оружіемъ. Такъ, онъ указываетъ на новый источникъ, повѣствующій о покореніи Сибири, именно, на „Сказаніе Сибирской земли“, открытое самимъ г. Дмитриевымъ, о чемъ онъ неоднократно сообщаетъ въ V выпускѣ „Пермской Старины“ (см., напримѣръ, стр. 137, 143, 209). Это сказаніе онъ считаетъ очень важнымъ источникомъ и относитъ его „къ далекому отъ 1633 года времени, никакъ не позднѣйшему второй половины XVII вѣка“. Подобное опредѣленіе не можетъ похвалиться точностью: оно позволяетъ считать „Сказаніе“ написаннымъ и въ 1633 и въ 1700 году, а это большая разниця. Если этотъ памятникъ появился въ 1633 году, то его можно считать древнѣйшею изъ всѣхъ сибирскихъ лѣтописей, а, слѣдовательно, и заслуживающею исключительнаго вниманія; наоборотъ, если „Сказаніе“ написано около 1700 года, то оно становится источникомъ третьеразряднымъ, ибо по необходимости должно быть составлено по какимъ-нибудь другимъ, можетъ быть, уже извѣстнымъ лѣтописямъ. Слѣдовательно, во второмъ случаѣ для опредѣленія истинной цѣнности „Сказанія“ необходимо указать его источники. Но этого мало. Посмотримъ, на какомъ основаніи г. Дмитриевъ относитъ открытый имъ источникъ именно къ указанному періоду. Такихъ основаній два. Во первыхъ, г. Дмитриевъ ссылается на слѣдующее мѣсто сказанія: „И даже (Ермакъ) до рѣки Вагая, вверхъ дошелъ до урочища, идеже нынѣ поставленъ Абатской острогъ“. П. А. Словцовъ въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“ сообщаетъ, что Атабашской острогъ на Вагаѣ основанъ въ 1633 году. Отсюда выводъ, что „Сказаніе“ написано въ недалекое отъ 1633 года

время. Но вѣдь слова „нынѣ поставленъ“ могутъ быть истолкованы не только въ смыслѣ „недавно, или на моей памяти поставленъ“, но и въ смыслѣ „нынѣ стоитъ“, а при такомъ толкованіи выводъ г. Дмитриева самъ собою рушится. Повторяю, составитель „Сказанія“ на Вагаѣ засталъ еще старожиловъ, помнившихъ свое происхождение отъ татаръ „Махметова закону“, „Золотой Орды Сибирскаго Царства“, а это опять свидѣтельствуетъ объ относительной древности „Сказанія“ (стр. 211). Ничуть не свидѣтельствуетъ. Неужели память о былой независимости не пережила въ средѣ татаръ и одного вѣка? Вотъ и самое мѣсто, которое имѣетъ въ виду г. Дмитриевъ: „Тогда же изыскано отъ древнихъ иноземцовъ, отколѣ начаше зватися Сибирскіе языки; въ ней старожилы и понынѣ, тѣхъ роду иноземцы, обрѣтаются на рѣкѣ Вагаѣ, отъ Тобольска во сто верстъ; которые жиша татары Махметова закону, царь именемъ Она, и звашася Золотою Ордою. Его же татаринъ державы людей царь именемъ Чингиди (Чингиди?), человекъ богатъ и сильный богатырь, прибравъ себѣ сверстниковъ и приде на страну и доннынѣ звашеся Сибирью“. Это мѣсто, довольно темное и запутанное, находится, повидимому, въ зависимости отъ слѣдующихъ строкъ Осиновской лѣтописи: „Татаровъ законъ моаметовъ... На рѣцѣ Ишимѣ бѣ царь моаметова закона, именемъ Онъ. И возста на него его же державы отъ простыхъ людей именемъ Чингиди, и шедъ на него яко разбойникъ съ протчими, и царя Она уби, и царство самъ Чингиди приемень... Маметь (внукъ Мара, правнука Она) постави себѣ градъ на рѣкѣ Иртышѣ, и назва его градъ Сибирь, сирѣчь начальный... Оттолѣ же и вся страна прозвася Сибирь“¹⁾. Очевидно, ясное извѣстіе Осиновской лѣтописи должно было пройти не черезъ однихъ невѣжественныя руки, прежде чѣмъ появиться въ совершенно искаженномъ видѣ въ „Сказаніи“. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ „Сказаніе“ врядъ-ли самостоятельное. Да и наконецъ, задался-ли г. Дмитриевъ попросомъ, кто приблизительно могъ быть авторомъ вновь открытаго источника? Пить; а между тѣмъ это довольно важно. Въ самомъ дѣлѣ, свидѣтельна „Сказанія“ о татарахъ, живущихъ по Вагаю и объ Атбашскомъ острогѣ могутъ имѣть желательное для г. Дмитриева значеніе только въ томъ случаѣ, когда авторъ „Сказанія“ — сибирякъ, самъ видѣвшій вагайскихъ татаръ и помнящій основаніе острога; въ противномъ случаѣ обѣ фразы должны

¹⁾ Цитирую по книгѣ Небольсина: „Покореніе Сибиря“, стр. 4, 10 и 14 („Сибирскія лѣтописи“).

быть имъ заимствованы изъ какого-нибудь другаго источника, можетъ быть и стариннаго, но ужъ, конечно, это обстоятельство не даетъ намъ никакой возможности судить о древности самого „Сказанія“. А несомнѣнно, что авторъ не только не сибирякъ, но и плохо знакомъ съ Сибирью и ея прошлымъ: онъ путаетъ Сибирское царство съ Золотой Ордой, Обь называетъ Обвой, остяцкій городокъ Пазимъ называетъ Назарнымъ и т. п.; съ татарами онъ, очевидно, тоже незнакомъ, иначе онъ не передѣлалъ бы распространеннаго магометанскаго имени Алей въ христіанское Алексѣй. Слѣдовательно, извѣстія и о пагайскихъ татарахъ, и объ Атбашскомъ острогѣ заимствованы авторомъ „Сказанія“ изъ какого-то другаго источника и никакой роли въ вопросѣ о времени составленія этого памятника играть не могутъ. Гораздо болѣе значенія въ этомъ вопросѣ имѣетъ языкъ „Сказанія“, который представляетъ неумѣлую и подчасъ нелѣпую поддѣлку подъ славянскій. Возьмемъ для примѣра такія выраженія: „усвоеволився противностью его царскому величеству, принявъ себѣ весьма безгласное отчаяніе (?), разбойникъ... животь ихъ пограбиша, сына котораго изгналъ Кучумъ“ и т. п. Отъ послѣдней фразы пахнетъ даже и не второй половиной XVII вѣка, а эпохой болѣе поздней; а между тѣмъ все „Сказаніе“ написано именпо такимъ смѣшаннымъ языкомъ, который заставляетъ видѣть въ немъ неискусную поддѣлку книжника прошлаго вѣка подъ языкъ XVII столѣтія. А если это такъ, то напрасно г. Дмитріевъ придалъ такое важное значеніе своей находкѣ: она должна отступить на задній планъ передъ болѣе древними лѣтописями. Впрочемъ, и самъ г. Дмитріевъ довольно странно относится къ „Сказанію“: онъ совершенно произвольно пользуется одними извѣстіями этого памятника и столь же произвольно отрицаетъ другія. Примѣры такого страннаго отношенія къ источникамъ придется еще указать ниже. Такимъ образомъ довѣріе къ новооткрытому „Сказанію Сибирской земли“ подрываетъ отчасти самъ открывшій его.

Перейдемъ къ другому новому факту, сообщаемому г. Дмитріевымъ. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ вещественнымъ памятникомъ. Это—старинный ружейный стволъ съ надписью на немъ, вылитой славянскими литерами: „въ градѣ Кергеданѣ на рѣцѣ Камѣ дарю я, Максимъ Яковлевъ сынъ Строгановъ, атаману Ермаку лѣта 7090“. Этотъ стволъ хранится въ домѣ графовъ Строгановыхъ въ Петербургѣ. „Что же скажутъ противъ всего этого тѣ историки, которые отвергаютъ всякое участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири? Вѣроятно, они будутъ стараться доказать, что и приведенная надпись

на старинномъ ружейномъ стволѣ есть не болѣе, какъ поддѣлка позднѣйшаго времени" (стр. 145). Не смотря на угрожающій тонъ этихъ строкъ, я все-таки не могу счесть сей стволъ орудіемъ достаточно сильнымъ для того, чтобы окончательно сокрушить „крайнихъ скептиковъ". Вѣдь всѣмъ извѣстна страсть нашего барства къ фамилінымъ древностямъ; извѣстно также, что въ погонѣ за подобными древностями нерѣдко прибѣгали къ поддѣлкамъ. Но пресловутый стволъ станетъ еще подозрительнѣе, когда мы припомнимъ, что Ермакъ выступилъ изъ Строгановскихъ земель какъ разъ въ день новаго года, 1-го сентября 1709 года. Значить, судя по датѣ на стволѣ, ружье было подарено знаменитому атаману въ самый день его выступленія въ походъ. Надпись *вылита*, а не выгравирована, слѣдовательно, день выступленія Ермака въ точности былъ извѣстенъ еще задолго до похода, потому что въ Строгановскихъ владѣніяхъ оружейныхъ заводовъ не было, заказывать стволъ приходилось далеко, а при тогдашнихъ путяхъ сообщенія и при медленности работы заказъ долженъ былъ быть сдѣланъ песьма заблаговременно; для того же, чтобы надпись была *вылита* на стволѣ, ее надо было сообщить при самомъ заказѣ. Право, такая предусмотрительность и пунктуальная точность (за полгода знали не только день, но и мѣсто, гдѣ произойдетъ подношеніе) не можетъ не быть подозрительной. Итакъ, стволъ оказывается также недостаточно вѣскимъ доводомъ.

Наконецъ, говоритъ г. Дмитріевъ, „за всѣмъ этимъ въ Пермскомъ краѣ живы еще народныя преданія о связи Ермака со Строгановыми. Тутъ какъ быть крайнимъ скептикамъ?" (стр. 149). Но какія же это преданія и насколько они заслуживаютъ вѣры? Г. Дмитріевъ ихъ не приводитъ, а, слѣдовательно, и разговаривать о нихъ пока не приходится.

Такимъ образомъ изъ трехъ орудій, которыя вновь привлекъ къ дѣлу г. Дмитріевъ, ни одно не выдерживаетъ серьезной критики, а потому совершенно напрасно думаетъ пермскій ученый. „что въ виду всего сказаннаго упорный скептицизмъ долженъ до нѣкоторой степени поколебаться". Нѣтъ, скептицизмъ не чувствуетъ себя разбитымъ.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію того, какимъ образомъ г. Дмитріевъ опровергаетъ соображенія, высказанныя мною противъ его теоріи въ рецензіи на IV выпускъ „Пермской Старины".

Справедливость заставляетъ сознаться, что пермскій ученый отнесся къ моей статейкѣ не совсѣмъ отрицательно: онъ признаетъ справедливость тѣхъ моихъ выводовъ, которымъ я самъ придаю на-

ибольшее значеніе. Для того, чтобы построить прочное историческое зданіе, необходимо въ основу его положить источники, достовѣрность которыхъ исполнѣ доказана, а въ противномъ случаѣ, вся хранина окажется созданною на пескѣ, и достаточно будетъ легкаго прикосновенія критики, чтобы вся она превратилась въ развалины. До сихъ поръ сибирскій вопросъ оставался спорнымъ и не подвигался ни на шагъ впередъ именно потому, что всѣ ученые, касавшіеся его, очень мало удѣляли вниманія критической оцѣнкѣ источниковъ, на которые опирались. При такомъ положеніи вещей споръ могъ длиться до бесконечности, и единственнымъ выходомъ изъ этого заколдованнаго круга мнѣ казалось розысканіе о достовѣрности сибирскихъ лѣтописей. Такъ какъ г. Дмитріевъ, подобно прочимъ своимъ предшественникамъ, весьма поверхностно отнесся къ этой задачѣ, очевидно, не понимая всей ея важности, то я счелъ долгомъ хотя-бы отчасти пополнить пробѣлъ въ его трудѣ и указать тотъ путь, который одинъ только можетъ привести къ прочнымъ выводамъ. Въ своей рецензіи я разобралъ лѣтописи Строгановскую и Осиповскую и высказалъ нѣсколько соображеній касательно Ремезовской, при чемъ не скрывалъ, что послѣдній источникъ требуетъ еще много успій, пока возможно будетъ дать правильную его оцѣнку. Тщательный разборъ Ремезовской лѣтописи и является въ настоящее время очередною работою, раньше которой сибирскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ окончательно. Г. Дмитріевъ принимаетъ мои выводы относительно происхожденія Осиповской и Строгановской лѣтописей и даже съ удовольствіемъ пользуется моимъ положеніемъ касательно великопермскаго происхожденія послѣдней: этотъ выводъ кажется г. Дмитріеву очень важнымъ и плодотворнымъ. Ужъ одно это обстоятельство могло бы убѣдить пермскаго ученаго въ томъ, что критика лѣтописей вовсе не есть такое пустое дѣло, которымъ не стоитъ заниматься, что, наоборотъ, оно положительно необходимо; однако г. Дмитріевъ и послѣ моей рецензіи не измѣнилъ своихъ критическихъ приѣмовъ: обильно черпая факты изъ Ремезовской лѣтописи, онъ не даетъ всесторонней ея оцѣнки; столь же поверхностно, какъ мы уже видѣли, отнесся онъ и къ „Сказанію Сибирской земли“. Результатомъ такой поверхностности является совершенно произвольное довѣріе къ однимъ извѣстіямъ и столь же произвольное отрицаніе другихъ, почерпнутыхъ изъ одного и того же источника. Такъ „Сказаніе“ приписываетъ мысль о походѣ въ Сибирь Ермаку, а не Строгановымъ. Г. Дмитріевъ отвергаетъ это свидѣтельство и больше

вѣрить Строгановской лѣтописи. какъ мѣстной Великопермской, составитель которой гораздо лучше другихъ лѣтописцевъ долженъ былъ знать все, что случилось въ Пермскомъ краю. Но рядомъ съ этимъ г. Дмитріевъ, вѣдѣвъ за Небольсынымъ и мной, не довѣряетъ извѣстію Строгановской лѣтописи о томъ, что Строгановы дали Ермаку непомогательный отрядъ въ 300 человекъ, а предпочитаетъ слова „Сказанія“, которое сообщаетъ, что Ермакъ набралъ въ земляхъ Строгановыхъ всего 154 человекъ. Это крупный промахъ. Вѣдь Строгановская лѣтопись есть мѣстная Великопермская. по мнѣнію г. Дмитріева эта лѣтопись вполне вѣрно и правдиво передаетъ все, происходившее по сю сторону Урала; какъ же она исказила такой крупный фактъ и изъ 154 человекъ сдѣлала 300? Значить, эта лѣтопись неточно передаетъ факты, случившіеся и въ Пермскомъ краю, а слѣдовательно, и не заслуживаетъ того исключительнаго довѣрія, которымъ ее даритъ г. Дмитріевъ. Но этого мало. Въ рецензіи на IV выпускъ „Пермской Старины“ (стр. 545—546) я указалъ на соображенія, не позволяющія допустить, чтобы Строгановы дали Ермаку хоть малую помощь, а г. Дмитріевъ, ни словомъ не упомянувъ о моихъ доказательствахъ и, не опровергнувъ ихъ, почему-то на слово вѣрить „Сказанію“, памятнику поздняго происхожденія и сомнительной достовѣрности.

Г. Дмитріевъ признаетъ и другую погрѣшность Строгановской лѣтописи: Ермакъ не посылалъ Строгановымъ извѣщенія о покореніи Сибири, какъ свидѣлствуетъ этотъ источникъ. А вѣдь это опять такой фактъ, который долженъ быть хорошо извѣстенъ въ Перми; и вотъ неизвѣстный авторъ Строгановской лѣтописи вторично попадаетъ въ заведомо ложное свидѣтельство, да еще подтверждаетъ свое показаніе ссылкой на царскую грамоту, никогда не существовавшую. Последнее обстоятельство явно показываетъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ простой ошибкой, а съ умышленнымъ искаженіемъ исторической правды изъ какихъ то постороннихъ соображеній. Итакъ оказывается несомнѣннымъ, что Строгановская лѣтопись въ двухъ случаяхъ сообщаетъ факты, которыхъ въ дѣйствительности не было, и при томъ въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о событіяхъ, происходившихъ по сю сторону Урала. Такимъ образомъ рушится утѣреніе г. Дмитріева, что Строгановская лѣтопись является надежнымъ источникомъ для фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ Пермскомъ краѣ, и, наоборотъ, мое мнѣніе о подозрительности этого источника и пристрастіи его къ Строгановымъ остается неопровергнутымъ, ибо, по-

лагаю, источникъ, два раза уличенный въ тенденціозномъ искаженіи фактовъ, не безъ основанія можетъ быть заподозрѣнъ и въ дальнѣйшемъ „вымысленіи“. Но если г. Дмитріеву не удалась реабилитация Строгановской лѣтописи, то, можетъ быть, онъ съ большимъ успѣхомъ подорвалъ наше довѣріе къ Осиповской? Отнюдь нѣтъ. Единственная причина, по которой онъ въ вопросѣ о призваніи Ермака предпочитаетъ первый источникъ второму, заключается въ томъ, что авторъ Строгановской лѣтописи жилъ въ Перми и, слѣдовательно, долженъ хорошо знать все, тамъ происходившее, а Осиповъ жилъ въ Тобольскѣ и не зналъ пермскихъ событій. Но, возразимъ мы, можетъ быть, пермскій лѣтописецъ дѣйствительно хорошо зналъ, какъ попалъ Ермакъ въ Пермь, однако, какъ мы только-что видѣли, могъ и невѣрно передать событія; съ другой стороны, Осиповъ, хотя и жилъ въ Тобольскѣ, но писалъ свою лѣтопись по показаніямъ участниковъ Ермакова похода, а потому никакъ не могъ не знать о всѣхъ фактахъ этого похода, какъ случившихся въ Перми, такъ и происходившихъ за Ураломъ. Поэтому, если Осиповъ ничего не говоритъ о Строгановыхъ и даже изъ цифры сподвижниковъ Ермака исключаетъ тѣхъ 300 человекъ, которые даны были атаману солесарями, то это умолчаніе происходитъ не по незнанію, а умышленно. Весь вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, кто отступилъ отъ истины—Строгановская лѣтопись, или Осиповъ. Но если причины, по которымъ погрѣшила противъ исторической правды Строгановская лѣтопись, ясны, если вообще есть основаніе заподозрѣвать ея правдивость, то ничего подобнаго про Осиповскую лѣтопись сказать нельзя, а, слѣдовательно, ясно, которому источнику мы должны отдать предпочтеніе. Пусть г. Дмитріевъ объяснитъ, почему могъ Осиповъ замалчивать участіе Строгановыхъ въ Ермаковомъ походѣ, и тогда одно изъ самыхъ вѣскихъ возраженій противъ его гипотезы будетъ устранено, а пока мы рѣшительно не видимъ, въ силу какихъ соображеній Строгановская лѣтопись должна расчитывать на большее наше довѣріе, чѣмъ Осиповская.

Правда, согласно со Строгановскою лѣтописью рисуется событія и царская грамота Строгановымъ отъ 16-го ноября 1582 г. Это вѣскій фактъ въ пользу теоріи г. Дмитріева. Но вѣдь я зналъ этотъ фактъ и въ своей рецензій старался показать, что онъ вовсе не такъ неопровержимъ, какъ думаютъ сторонники Строгановской лѣтописи. Вѣдь эта грамота основана на донесеніи воеводы Пелецеланца, а мы знаемъ, какъ далеки отъ истины бывають подчасъ донесенія изъ

охранѣ центральному правительству даже и теперь, а не только въ XVI вѣкѣ. Г. Дмитріевъ однако съ укоризной говорить, что основанія, которыя я указалъ для отрицанія правдивости этой грамоты, придуманы мной съ предвзятой цѣлью. Но вѣдь, вонервыхъ, безъ цѣли никто ничего не придумываетъ, а воторыхъ, и самое придумываніе въ данномъ случаѣ вовсе не является чѣмъ-либо заслуживающимъ укора: въ томъ-то и отличіе гипотезы отъ точнаго построенія, что къ ней приходится прибѣгать, когда извѣстные намъ факты недостаточны для прочнаго вывода, когда далеко не все ясно, а отсюда понятно, что по существу своему гипотеза неразлучна съ придумываніемъ. Еслибы мое мнѣніе строго логически вытекало изъ фактовъ, то оно было-бы не гипотезой, а очевидной истиной, на что я однако не претендую. Изучая противорѣчивыя показанія источниковъ о роли Строгановыхъ въ покореніи Сибири, я былъ поставленъ въ необходимость заподозрить правдивость либо Саввы Осипова, либо Пелепицына. Не смотря на всѣ усилія мысли, я никакъ не могъ придумать причины, руководясь которой Осиповъ замалчиваетъ участіе пермскихъ солеваровъ въ походѣ Ермака, и наоборотъ, мнѣ казалось, что есть причины заподозрить въ уклоненіи отъ истины чердынского воеводу. Пусть г. Дмитріевъ поможетъ мнѣ въ этой работѣ, пусть онъ, вмѣсто риторическихъ фигуръ вопрошенія и восклицанія, займется разборомъ Осиповской лѣтописи и *придумаетъ* удовлетворительное основаніе для подозрѣнія архіепископскаго дѣлка въ искаженіи истины. Тогда я первый съ удовольствіемъ признаю правдивость Пелепицына, если только,—напоминаю еще разъ,—предварительно будетъ покопченъ вопросъ о Ремезовской лѣтописи, то-есть, будетъ показано, изъ какихъ источниковъ почерпнула она свой разказъ о пребываніи Ермака въ Пермскомъ краю, и будетъ доказано, что и эти источники говорятъ неправду. Такимъ образомъ мы опять приходимъ къ такому выводу, что ученые, желающіе подвинуть впередъ Сибирскій вопросъ, должны прежде всего заняться критикой лѣтописей—Осиповской и Ремезовской.

И врядъ-ли ошибусь, если скажу, что вышесказаннаго достаточно, чтобы видѣть, сколь мало удалось г. Дмитріеву опровергнуть соображенія, высказанныя мной противъ его теоріи въ рецензіи на IV выпускъ „Пермской Старины“. Если припомнимъ, что, какъ доказано мной выше, и новыя данныя, припеденныя г. Дмитріевымъ въ защиту своей теоріи, оказываются также шаткими, то, думаю, я буду имѣть право утверждать, что послѣдній

трудъ пермскаго ученаго отнюдь не опровергъ окончательно поддерживаемой мной гипотезы и не защитилъ, какъ слѣдуетъ, своей. Произошло это оттого, что я кладу въ основаніе моего построенія выводы, полученные изъ детальнаго изученія лѣтописей, а г. Дмитріевъ больше основывается на общемъ ходѣ и смыслѣ событій и смотритъ на источники не прямо, а подъ извѣстнымъ угломъ.

Теперь я долженъ поднять ту перчатку, которую бросилъ мнѣ г. Дмитріевъ въ V-мъ выпускѣ „Пермской Старины“. Онъ ставитъ на стр. 158 три дилеммы, которыя и предлагаетъ мнѣ удовлетворительно рѣшить „безъ натяжекъ, на основаніи всей совокупности источниковъ“; если я исполню эту задачу, то г. Дмитріевъ обѣщаетъ перейти на мою сторону, сознавъ свою ошибку. Съ удовольствіемъ принимаю вызовъ и приступаю къ рѣшенію „трехъ основныхъ дилеммъ въ вопросѣ о покореніи Сибири“.

Дилемма № 1. „Если Пелепелицынъ наклеветалъ на Строгановыхъ въ своей челобитной царю, будто они признали Ермака, царь же повѣрилъ клеветѣ и сдѣлалъ ошибку въ грамотѣ 1582 г., повторенную затѣмъ въ послѣдующихъ царскихъ грамотахъ; то почему Строгановы съ своей стороны не жаловались царю на Пелепелицына за то, что онъ допустилъ казаковъ безнаказанно разбойничать въ вотчинахъ Строгановыхъ, по словамъ Ремезова; допустилъ задержанія ихъ съ сосѣдними инородцами, которые все это и выместили жестоко на злополучной Перми тотчасъ по уходѣ казаковъ: клевета съ одной стороны и благодарность за нее съ другой — немыслимы“. Рѣшеніе дилеммы № 1. Успѣхъ Ермака выяснился очень скоро, и Строгановымъ было уже невыгодно оправдываться и отказываться отъ всякой связи съ удалымъ атаманомъ: вѣдь еслибы Сибирь дѣйствительно была покорена людьми Строгановыхъ, то по всей справедливости она должна была бы принадлежать именитымъ солеварамъ. А это былъ такой лакомый кусочекъ, что ради него можно было призвать справедливымъ обвиненіе въ связи съ воровскими казаками, тѣмъ болѣе, что это была вища, которую, въ случаѣ успѣха, легко простили бы въ Москвѣ. Такимъ образомъ крупная выгода, простой матеріальный расчетъ, столь нечуждый вообще Строгановымъ, заставилъ ихъ держаться тактики, по мнѣнію г. Дмитріева, немыслимой.

Дилемма № 2. „Если Пелепелицынъ заведомо по злобѣ сказалъ царю ложь про Строгановыхъ, представивъ ихъ измѣнниками, то почему же Строгановы не приняли никакихъ мѣръ къ оправданію себя въ глазахъ царя, при посредствѣ хотя бы того же князя Елецкаго,

какъ недавняго свидѣтеля всего происходившаго. только что вернувшись изъ Перми въ Москву, или самихъ казацкихъ атамановъ, вскорѣ получившихъ царское прощенье, а съ нимъ и довѣріе: клевета съ одной стороны и молчаніе праваго съ другой, особенно предъ лицомъ царя,—несомнѣстны“. Рѣшеніе дилеммы № 2, которая, въ сущности равнозначуща съ предыдущей, очевидно, будетъ такое-же, какъ и рѣшеніе дилеммы № 1.

Дилемма № 3. „Если песь сибирскій походъ былъ дѣломъ самихъ казаковъ, безъ всякаго участія Строгановыхъ (по Есипову), и даже съ ущербомъ для нихъ (по Ремезову). то почему Строгановы, ранѣе проявившіе на Камѣ и Чусовой такую энергію и предприимчивость, безропотно отказались отъ всѣхъ правъ на данныя имъ обширныя земли въ Сибири, коихъ свободно хватило бы и на ихъ долю по завоеваніи страны казаками; отказались отъ этого богатства, лежавшаго подъ ихъ погами, при тѣхъ широкихъ льготахъ, какія предоставляла имъ грамота 1574 года, почти списанная съ такихъ же грамотъ на земли по Камѣ (1558 года) и Чусовой (1568 года): бить самого себя человѣку несвойственно“. Рѣшеніе дилеммы № 3. „Бить самого себя человѣку несвойственно“, а между тѣмъ въ третьей дилеммѣ г. Дмитріевъ именно это и дѣлаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мысль, высказанная въ этой дилеммѣ, служить однимъ изъ сильныхъ доводовъ противъ сторонниковъ Строгановской лѣтописи, и совершенно непонятно, почему г. Дмитріевъ думаетъ, будто она подкрѣпляетъ его теорію. Вѣдь царская грамота отъ 30-го мая 1574 года отдавала въ руки Строгановыхъ весь бассейнъ Тобола съ правомъ строить крѣпости также „на Иртышѣ и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится“, съ правомъ „на Сибирсково охочихъ людей посылати воевати и въ полонъ Сибирцовъ имати“. Цѣль этого пожалованія очевидна: Москва желала присоединить къ своимъ владѣніямъ Сибирь, но своихъ силъ тратить на покореніе этой области не хотѣла. И вотъ царь отдалъ Зауралье во владѣніе Строгановымъ съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они сами и покоряли эту страну. Испо, слѣдовательно, что, еслибы Сибирь была завоевана строгановскими наемниками, то она и стала бы ихъ вотчиной. Но въ томъ-то и дѣло, что она завоевана не Строгановыми, и даже не Ермакомъ, а царскими воеводами. Значитъ, Строгановы не выполнили условія, на которомъ имъ была дарована Сибирь, и поэтому ихъ права на Зауралье уничтожились: Сибирь стала потчиной великаго государя Московскаго. Вотъ почему пермскимъ солеварамъ и не уда-

лось эксплуатировать сѣверно-азіатскій пустырь, хотя они и имѣли на него притязанія не только въ XVII, но и въ XVIII столѣтіи, какъ показываетъ просьба Александра Строганова, приведенная у г. Новокрещенныхъ ¹⁾.

Итакъ, всѣ три дилеммы, выставленныя г. Дмитріевымъ, разрѣшаются очень просто, безъ всякихъ натяжекъ и для рѣшенія ихъ даже не приходится опираться „на всю совокупность источниковъ“. а достаточно одной здравой логики. Г. Дмитріеву остается только исполнить свое обѣщаніе и стать на мою сторону. Но я на это не претендую: вопросъ еще не рѣшенъ и не можетъ быть поставленъ столь легкомысленно въ зависимость отъ отвѣта на три пустыя дилеммы. Сначала надо хорошенько разработать источники, а тогда уже только станетъ ясно, какая гипотеза справедливѣе.

Въ заключеніе считаю необходимымъ извиниться за безсодержательность настоящей моей рецензіи: она почти вся состоитъ либо изъ азбучныхъ истинъ, либо изъ повтореній сказаннаго уже въ рецензіи на предыдущій выпускъ „Пермской Старины“. Но г. Дмитріевъ самъ къ тому вынуждаетъ: онъ слишкомъ мало обращаетъ вниманія какъ на азбучныя требованія научнаго метода, такъ и на возраженія противниковъ, а потому ставитъ въ необходимость напоминать ему и то, и другое. Вслѣдствіе такой невнимательности г. Дмитріева разрабатываемый вопросъ ни на шагъ не подвигается впередъ, и только въ томъ случаѣ, когда мой антагонистъ измѣнитъ свою тактику, можно будетъ рано или поздно ожидать окончательнаго разрѣшенія сибирскаго вопроса—единственное, къ чему я стремлюсь, независимо отъ того, совпадетъ или нѣтъ истина съ защищаемымъ мною мнѣніемъ.

С. Адриановъ.

¹⁾ Я дѣйствительно съ удовольствіемъ ссылаюсь на г. Новокрещенныхъ и въ зазоръ того себѣ не ставлю, не смотря на негодованіе г. Дмитріева: г. Новокрещенныхъ сообщаетъ важный документъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать, хотя бы критическіе приемы этого писателя и не заслуживали одобренія, съ чѣмъ я вполне согласенъ (см. мою рецензію на брошюру г. Новокрещенныхъ въ *Нотоприческомъ Вѣстникѣ*, 1893 г., т. LIII, стр. 814—815).

КНИЖИНЫ НОВОСТИ.

ТАВРИСА. Опыт указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Составилъ *Арсеній Маркевичъ*. Симферополь. 1894.— Интересъ къ изученію Крыма все растетъ и растетъ, а сообразно съ этимъ увеличивается литература о Крымѣ. Въ настоящее время она достигла уже такихъ размѣровъ, что каждому, изучающему этотъ край, необходимо ознакомиться съ весьма большимъ количествомъ книгъ и статей на разныхъ языкахъ и при томъ разбросанныхъ въ разныхъ иногда весьма рѣдкихъ изданіяхъ. Въ виду этого обстоятельства справочное пособіе, подобное труду г. Маркевича, является существенно необходимымъ и вполне своевременнымъ. Авторъ, повидному, положилъ не мало труда на свой указатель: онъ успѣлъ собрать до 7.300 нумеровъ и такимъ образомъ достигъ значительной полноты; если встрѣчатся пропуски, то они касаются, по большей части, трудовъ только отчасти затрагивающихъ Крымъ (например, Воронежскіе акты, Атласъ г. Замысловскаго и объяснительный текстъ къ нему, Архивъ князя Воронцова и т. п.). Въ виду этого, не занимаясь дополненіями къ работѣ г. Маркевича, мы остановились нѣсколько на самой системѣ, принятой почтеннымъ авторомъ, которая, по нашему мнѣнію, могла бы быть нѣсколько видоизмѣнена не безъ пользы для дѣла. Всю литературу о Крымѣ авторъ разбилъ на 12 крупныхъ отдѣловъ; такъ въ первый отдѣлъ вошли исторія, археологія, археографія, нумизматика, во второй — географія, статистика, этнографія, путешествія, въ третій—описанія, воспоминанія, біографія, беллетристика и т. д. Въ каждомъ отдѣлѣ всѣ сочиненія расположены въ алфавитномъ порядкѣ, сначала написанныя на русскомъ языкѣ, потомъ на иностранныхъ. Но такая система представляетъ значительныя неудобства: для того, чтобы подобрать литературу хотя бы о греческихъ колоніяхъ въ Крыму или о другомъ частномъ вопросѣ по исторіи этого полуострова, приходится пересмотрѣть почти половину всего указателя. Немалое неудобство представляютъ и то обстоятельство, что источники по отдѣламъ отъ пособій. Въ виду этого не лучше ли было бы положить въ основу указателя болѣе дробное дѣленіе. Напримеръ, изъ исторіи сдѣлать особый отдѣлъ и подраздѣлять его примѣрно на слѣдующія группы: исторія Крыма вообще (труды, излагающіе всю исторію Крыма); исторія Крыма съ древѣйшихъ временъ до появленія готовъ на Черномъ морѣ, съ двумя подотдѣлами: греческія колоніи въ Крыму и кипарскіе народы; исторія Крыма отъ появленія готовъ до утвержденія татаръ; эпоха татарскаго владычества; Крымъ послѣ присоединенія къ Россіи. При соответственной группировкѣ матеріала, могли бы выясниться еще болѣе дробныя рубрики. Въ каждомъ отдѣлѣ необходимо было бы сначала помѣстить источники, а затѣмъ уже пособія и при томъ не въ алфавитномъ, а въ хронологическомъ порядкѣ. Такимъ образомъ сразу выяснялась бы вся сумма источниковъ по тому или другому вопросу и постепенный ходъ его разработки. Точно также можно было бы раздробить и другіе отдѣлы. Для удобства справокъ, конечно, необходимо было бы приложить въ концѣ книги алфавитный указатель. Кромѣ того было бы желательно,

чтобы при указаніяхъ на многотомные труды, въ которыхъ только незначительная часть посвящена Крыму, обозначались бы томы и отдѣлы, необходимые для изучающаго Крымъ; при несоблюденіи этого условія указанія становятся мало полезными. Какъ, напримѣръ, воспользоваться ссылками на *Acta Sanctorum*, *Акты Историческіе* и т. п., если не обозначено, какіе именно томы надо взять. Однако все сказанное нами отнюдь не должно влечься къ оужденію весьма полезнаго и почтеннаго труда г. Маркевича, который и въ настоящемъ своемъ видѣ несомнѣнно заслужитъ благодарность всѣхъ, кто займется изученіемъ Крыма.

Исторія Минской архіепископін (1793—1832 гг.) съ подробнымъ описаніемъ хода воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью въ 1794—1796 гг. Изслѣдованіе *Стефана Рункевича*. С.-Пб. 1893.—Трудъ г. Рункевича обнимаетъ собою исторію пераго періода жизни Минской епархіи, до втораго воссоединенія униатовъ, и распадается на двѣ части. Въ первой части авторъ говоритъ о воссоединеніи униатовъ съ православною церковью, сдѣлавшемъ православіе господствующимъ въ западной Россіи не только *de jure*, но и *de facto*. Желая обрисовать положеніе православной церкви въ западно-русскихъ областяхъ при самомъ началѣ воссоединенія, авторъ подробно говоритъ о тѣхъ притѣсненіяхъ и насиліяхъ, которымъ подвергалось православное духовенство отъ латинянъ, о разнаго рода наѣздахъ, грабежахъ и захватахъ, отъ которыхъ оно такъ много терпѣло, объ отнятіи латинянами у православныхъ церквей и монастырей земельныя угодія, о запрещеніи православнымъ публичнаго оказательства своей вѣры, о способахъ удаленія православныхъ священниковъ изъ ихъ приходовъ и совращенія православныхъ въ латинство. Какъ говоритъ самъ авторъ, эта часть его работы не претендуетъ ни на фактическую, ни на библиографическую полноту; цѣль ея — дать живую картину того, что представляла собой православная церковь въ западно-русскихъ областяхъ во второй половинѣ XVIII вѣка, чтобы читатель тѣмъ яснѣе представилъ себѣ, какой великій переворотъ совершился въ ея судьбѣ со времени воссоединенія. Вторая часть труда г. Рункевича говоритъ объ умирной и медленной работѣ постепеннаго приспособленія церковной жизни западно-русскихъ областей къ формамъ, выработаннымъ русскою церковью. Такъ какъ Минская епархія состояла изъ областей, долгое время находившихся подъ владычествомъ Польши, то она въ этомъ отношеніи требовала особенно много труда и усилій отъ владыкъ, стоявшихъ во главѣ ея, и если епархіальная жизнь получаетъ различные оттѣнки въ тотъ или другой моментъ своей исторіи, то это всецѣло зависитъ отъ личныхъ свойствъ руководителей епархіи; поэтому въ этой части работы на первый планъ выступаютъ біографіи епархіальныхъ преосвященныхъ, и все изслѣдованіе посвящено тѣмъ средствамъ для новаго движенія церковной жизни впередъ, какими могли пользоваться руководители епархіи. Авторъ подробно останавливается здѣсь на бытовой сторонѣ жизни, на состояніи епархіальнаго духовнаго просвѣщенія, монастырей, церквей, духовенства и заканчиваетъ упоминаніемъ о тѣхъ мѣрахъ, какія принимало русское правительство по отношенію къ церковной жизни западнаго края Россіи съ цѣлью подготовить почву для постепенно под-

готовившагося воссоединенія униатовъ, совершившагося въ 1839 году. Въ приложеніи къ труду г. Рункевича находимъ указъ императрицы Екатерины объ учрежденіи семинаріи въ Слуцкѣ и сокращенный указатель именъ и названій, паходящихся въ книгѣ г. Рункевича.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— *М. М. Тебеньковъ*. Происхожденіе Руси. Опытъ введенія къ исторіи русскаго народа. Часть первая. Древніе Россы. Тифлисъ.

— *Владимірскій-Будановъ*. Очерки изъ исторіи Литовско-русскаго права. III. Крестьянское землевладѣніе въ Западной Россіи до половины XVI вѣка. Кіевъ. 1893.

— О сокращенномъ обозначеніи единицъ мѣръ и вѣсовъ и т. п. *А. Гасельблатъ*. С.-Пб.

— *М. Демковъ*. О задачахъ серьезной педагогической литературы (изъ „Харьковскаго сборника Историко-филологическаго Общества. 1894).

— *Федоръ Истоминъ*. Къ вопросу объ описаніи актовыхъ книгъ въ архивахъ Западныхъ губерній. Кіевъ.

— Приложение алгебры къ геометріи. По программѣ реальныхъ училищъ составилъ *П. С. Фроловъ*. Харьковъ.

— Пароходы Россійскаго торговаго флота къ 1 января 1894 г.—С.-Пб.

НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ТРУДАХЪ СПЕЦІАЛЬНОЙ КОММИССІИ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, идетъ дѣятельная выработка программъ для давно уже обѣщанныхъ техническихъ училищъ. Дѣло это новое и весьма серьезное. Вполнѣ естественно и даже необходимо, чтобы въ этого рода учебныхъ заведеніяхъ естественныя науки занимали видное мѣсто. Онѣ не только должны знакомить съ различнаго рода естественно-историческими тѣлами, съ которыми будущимъ техникамъ придется имѣть дѣло, но и представлять изъ себя общеобразовательные элементы, способные замѣнить практикуемые въ настоящее время давно избѣженные и рутинные. Разумѣется, понятенъ тотъ интересъ, который возбуждаютъ органы, занимающіеся разработкою программъ преподаванія естествознанія въ техническихъ школахъ. Въ этомъ направленіи уже давно дѣйствуетъ „спеціальная коммиссія“, выдѣлившаяся изъ „постоянной коммиссіи по техническому образованію“, состоящей при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ. Избраніе въ предсѣдатели этой спеціальной коммиссіи самаго ревностнаго и неутомимаго защитника преподаванія естественной исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ подавало надежду на счастливое рѣшеніе вопроса. Дѣйствительно, въ началѣ надежды эти какъ будто оправдывались. Высказаны были основныя принципы, которыми должно руководствоваться, намѣчены главныя цѣли, къ которымъ должно стремиться преподаваніе естественной исторіи. Собственно говоря, коммиссія могла бы этимъ и закончить свои занятія, потому что въ продолженіе остальныхъ засѣданій она только доказывала, что одно дѣло—говорить вообще, рѣшать вопросъ принципиально, и со-

вершено другое — рѣшеніе это сдѣлать жизненнымъ, практически-пригоднымъ. „Вообще“. „принципально“, „не стѣсняясь“, „не подчиняя себя“—живою нитью проходить чрезъ всѣ рѣшенія комиссіи; однимъ словомъ, дѣятельность ея приняла рѣшительный характеръ отвлеченности. Напрасно нѣкоторые изъ принимавшихъ участіе въ трудахъ комиссіи пытались перевести обсужденіе вопросовъ на почву дѣйствительности: принятое направленіе удерживалось съ настойчивостью и, можно сказать, съ упрямствомъ. Даже болѣе того: чѣмъ дальше. тѣмъ окраска односторонности, безпочвенности становилась гуще и гуще, а участвующихъ въ трудахъ комиссіи все меньше и меньше. По крайней мѣрѣ, кажется, значительная убыль членовъ комиссіи, которая наблюдается въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, и отсутствіе на нихъ, такъ сказать, патентованныхъ педагоговъ, знакомыхъ съ практической стороною дѣла, объясняется именно указаннымъ направленіемъ дѣятельности комиссіи. Все это, взятое вмѣстѣ, отразилось, да и не могло не отразиться, на характерѣ тѣхъ программъ по естественной исторіи, которыя приняты и одобрены комиссіей. Программа должна была служить пробнымъ камнемъ для состоятельности и приложимости тѣхъ общихъ принциповъ, которые такъ усердно и неуклонно преслѣдовались; то были отвлеченныя размышленія, а это провѣрка послѣднихъ дѣйствительностью. Комиссіи пришлось самой на себѣ испытать тотъ педагогическій методъ, который она особенно настойчиво проводила. Это было столкновение съ тою дѣйствительностью, которая должна „содѣйствовать ограниченію произвола въ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ...“, какъ гласить одинъ изъ тезисовъ. Такъ какъ комиссія мало практиковала примѣненіе надъ собою названнаго метода, не привыкла еще ограничивать „произволъ въ размышленіяхъ“ и проч., то и вышло полное несоотвѣтствіе программъ тому, что изложено въ общихъ руководящихъ принципахъ.

„Въ общеобразовательномъ курсѣ естественныхъ наукъ“, говорится въ протоколахъ комиссіи, „необходимо отличать три отдѣла: 1) *элементарный*, подготовительный — знакомство съ формою и качествами предметовъ; 2) *систематическій*—изученіе типичныхъ формъ мертвой и живой природы; 3) *теоретическій*—выясненіе физическихъ и химическихъ явленій, а также причинной связи между формою и отправленіемъ какъ въ физиологическомъ, такъ и въ психологическомъ отношеніи“. „I. *Элементарный*—подготовительный курсъ (отъ 8 до 12-лѣтняго возраста, по два урока въ недѣлю, каждый урокъ отъ 30 до 40 минутъ)“. Нигдѣ въ протоколахъ не говорится, что комиссія

(или правильнѣе — ея предсѣдатель) подразумѣваетъ подъ словомъ „отдѣлъ“, относятся ли эти три „отдѣла“ къ тремъ различнаго типа учебнымъ заведеніямъ, или же они предназначаются для одного и того же учебнаго заведенія, но для различныхъ классовъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, послѣднее предположеніе наиболѣе вѣроятно. Если это такъ, то выработанная для „элементарнаго отдѣла“ программа не находитъ для себя достаточнаго оправданія. Въ ней въ сущности мы видимъ всю естественную исторію въ миניатюрѣ; хотя основной пунктъ и гласитъ, что этотъ отдѣлъ имѣетъ въ виду „знакомство съ формою и качествами предметовъ“, но въ представленной программѣ мы видимъ совершенно явственно и минералогію, и ботанику, и зоологію до анатоміи и физиологіи человѣка включительно. Не будемъ говорить о томъ, что въ названной программѣ предлагается для первоначальнаго изученія и въ какомъ порядкѣ, какъ выдержанъ излюбленный девизъ „последовательно и постепенно“; укажемъ только, что, во первыхъ, принятая коммиссіей программа написана, такъ сказать, не на тему, и утверждена коммиссіей, очевидно, по недоразумѣнію; а во вторыхъ, въ содержаніи трехъ указанныхъ отдѣловъ не выдержанъ *принципъ*. Если допустить, что выработанная программа вполне соотвѣтствуетъ тому, что коммиссія своеобразно подразумѣвала подъ „знакомствомъ съ формою и качествами предметовъ“, что расположеніе учебнаго матеріала въ различныхъ „отдѣлахъ“ предполагается сдѣлать „концентрическимъ“, что учащійся сразу знакомится со всѣми отдѣлами естествознанія, только въ различномъ объемѣ въ различныхъ „отдѣлахъ“, — тогда, конечно, программа въ томъ видѣ, въ какомъ она предложена, имѣла бы смыслъ; но очевидно, этого нѣтъ, потому что второй „отдѣлъ“ долженъ содержать въ себѣ „изученіе типичныхъ формъ мертвой и живой природы“, а третій долженъ быть *теоретическій*... Или, быть можетъ, и для нихъ будутъ выработаны программы, не имѣющія ничего общаго съ основнымъ положеніемъ? Программы для „систематическаго отдѣла“ частью уже выработаны. Выработана программа для физики, минералогіи и ботаники. Здѣсь сразу обращаетъ на себя вниманіе ихъ рѣзкая пестрота. Въ то время какъ программа по ботаникѣ носитъ „концентрическій“ характеръ, — въ ней растительный міръ захваченъ съ разныхъ сторонъ: и морфологической, и біологической, только въ болышомъ масштабѣ сравнительно съ „элементарнымъ отдѣломъ“, — программа по физикѣ, нося вполне общесреднеобразовательный характеръ, стоитъ совершенно особнякомъ, программа же по минералогіи, наоборотъ, представляетъ от-

существо общепросветительнаго элемента (въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ коммиссія), и по матеріалу, и по плану не только не имѣетъ ничего оригинальнаго и новаго, но, напротивъ, дѣлаетъ значительный шагъ назадъ. Авторъ ея, во первыхъ, не уяснилъ себѣ принципы и задачи коммиссіи; во вторыхъ, обнаружилъ полное незнакомство съ педагогической стороною образованія вообще, а третьихъ, оказался бессильнымъ разобратися въ томъ научномъ матеріалѣ, который ему, какъ специалисту, безъ сомнѣнія, хорошо знакомъ. Онъ, напримѣръ, съ одной стороны, рекомендуетъ при изслѣдованіи минераловъ „почти только тѣ способы, которыми пользовались наши дѣды“, и удерживаетъ дѣдовскую терминологию и порядокъ въ классификаціи минераловъ, а съ другой стороны, рекомендуетъ ввести „понятіе о плоскости симметріи, но не по отношенію къ наружной формѣ кристалла, а по отношенію ко внутреннему строенію“. Этого можно достигнуть, какъ разъясняется въ программѣ, напримѣръ, производя вытравленіе на плоскостяхъ различныхъ минераловъ и наблюдая характеръ вытравленныхъ фигуръ или же особенныя свѣтовые явленія, которыя можно вызвать на послѣднихъ. Всякій, кто самъ занимался изслѣдованіями подобнаго рода, едва ли скажетъ, что послѣдній методъ выясненія понятія о симметріи простъ, доступенъ тому возрасту, какому назначается программа. Да и самое производство опытовъ требуетъ и много времени, и особеннаго навыка. Конечно, фигуры вытравленія можно вызвать сравнительно скоро и просто, но эти фигуры будутъ видны и будутъ доказательны только опытному наблюдателю, а никакъ не ученику.

Наиболѣе выдающуюся особенность программы по минералогіи составляетъ отсутствіе въ ней кристаллографіи, основныя понятія которой, казалось бы, безусловно необходимы для уясненія законности и связи между собою различныхъ элементовъ ограниченія, если не касаться связи послѣднихъ съ внутреннимъ строеніемъ кристалловъ. Преподавателю ставится въ обязанность „познакомить учениковъ съ условіями образованія кристалловъ при ихъ выдѣленіи изъ раствора“ и проч. „Онъ долженъ демонстрировать вліяніе различныхъ условій на развитіе, ростъ и форму кристалловъ“ и проч. Очевидно, значеніе и интересъ указанныхъ опытовъ въ значительной степени утратятся, разъ не имѣется сколько-нибудь яснаго представленія о различныхъ кристаллическихъ формахъ и ихъ законности, разъ нѣтъ навыка по отдѣльнымъ плоскостямъ возстапавлять изъ слогъ воображеніи полную форму. О педагогическомъ, общепро-

звательномъ характерѣ этой отрасли знанія нечего и говорить. Ея не оспариваетъ ни самъ авторъ программы, ни комиссія. Любопытны „мотивы, руководившіе при составленіи программы минералогіи“, и особенно одинъ, 3-й, послужившій основаніемъ для исключенія кристаллографіи изъ минералогіи. Онъ имѣетъ въ виду „подготовку самихъ преподавателей“. Въ разъясненіи этого пункта авторъ программы приводитъ скорѣе курьезный, нежели убѣдительный аргументъ, доказывающій будто бы отсутствіе въ Россіи людей, достаточно подготовленныхъ для преподаванія кристаллографіи. Онъ приводитъ статистическую справку, изъ которой, по его мнѣнію, можно усмотрѣть, что „въ Россіи кристаллографіей не занимаются, а, слѣдовательно, ея и не знаютъ“. По этой справкѣ оказывается: въ періодъ съ 1885 по 1891 годъ было „по кристаллографіи собственно... въ Германіи—12 авторовъ, 46 работъ, въ Россіи—3 автора, 18 работъ“, а отсюда,—и замѣтите, только отсюда,—выводъ, „что въ Россіи кристаллографіей не занимаются, а, слѣдовательно, ея и не знаютъ“. Печальный выводъ, еслибы онъ былъ правиленъ! Смѣемъ завѣрить автора, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ, какъ ему оно представляется. Въ университетахъ, откуда и набирается контингентъ преподавателей естественно-историческихъ предметовъ, преподаваніе кристаллографіи поставлено весьма широко, во всякомъ случаѣ не уже, чѣмъ остальные отдѣлы естествознанія, исключить которыхъ самъ авторъ не рѣшился. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать отъ преподавателя будущаго технического училища, чтобы онъ написалъ нѣсколько работъ по кристаллографіи, и только въ такомъ случаѣ дозволить ему преподаваніе этого предмета. Ставъ на такую ложную точку зрѣнія, можно договориться до абсурдовъ. Въ самомъ дѣлѣ, и преподаваніе біологическихъ наукъ также должно быть поручено только тому учителю, который удовлетворяетъ указанному условію. Допустимъ даже, что, будучи студентомъ, такой учитель занимался особенно прилежно ботаникой, а съ зоологіей ознакомился только въ предѣлахъ программы государственныхъ экзаменовъ. Поступая логично, такого учителя можно допустить только къ преподаванію ботаники, а не позволять ему преподавать зоологію. Допустимъ, что въ теченіе семи лѣтъ (срокъ автора) никто въ Россіи не занимался органами пищеваренія, а потому надо выпустить изъ программы фізіологіи отдѣлъ о пищевареніи. Никто въ теченіе того же срока не изучалъ въ Россіи спеціально хлорофиллы растеній, а потому въ курсѣ ботаники надо выпустить все о хлорофиллѣ и т. д.

Очевидно, авторъ не дѣлаетъ различія между литературою учебной и специально ученой. Статистическое сравненіе съ Германіей (почему съ одною лишь Германіей?) показываетъ только, что въ Россіи запросы на этого рода литературу ничтожны; а это справедливо не для одной кристаллографіи, но для естественной исторіи вообще. Оно и понятно: въ Россіи существуетъ ничтожное число учебныхъ заведеній, гдѣ еще удержалось преподаваніе этого предмета. Несомнѣнно даже, что еслибы подобный методъ примѣнить къ остальнымъ наукамъ, то пришлось бы придти къ тому же заключенію. Ошибка автора программы заключается въ томъ, что онъ взглянулъ на вопросъ слишкомъ субъективно, такъ сказать, съ *личной* точки зрѣнія. Дѣйствительно, въ настоящее время кругозоръ, задачи, методы кристаллографіи расширились весьма значительно; обнаружилось новое, *многообещающее* направленіе, въ которомъ весьма видное участіе принимаетъ авторъ программы. Но ему должно быть извѣстно, что это новое направленіе заявило о своемъ существованіи, можно сказать, только вчера. Ему также извѣстно, какъ относятся (пока, конечно) къ этому направленію многіе минералоги и математики. Къ нему еще не привыкли, его встрѣчаютъ съ приличествующею осторожностью; и пока оно не выльется въ полную, *общепринятую* систему, пока не получить возможную простоту и удобопонятность, нельзя вводить его въ программу среднихъ учебныхъ заведеній. И дѣйствительно, въ заграничной литературѣ мы не видимъ ни одного руководства, написаннаго въ новомъ направленіи; въ Россіи такое руководство явилось, но совсѣмъ неудачное. Отсюда, однако, вовсе не вытекаетъ, чтобы кристаллографія въ томъ видѣ, въ какомъ она была недавно и въ какомъ она находится пока и въ настоящее время, не должна преподаваться въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не нужно дѣлать изъ нея особаго самостоятельнаго предмета, но она должна быть введена какъ вступительная глава къ минералогіи. Это безусловно необходимо. Кристаллографія среднихъ учебныхъ заведеній не та, конечно, какая желательна для специалистовъ. Въ нее не войдутъ существенныя, наиважнѣйшія идеи, но вѣдь и цѣли среднихъ учебныхъ заведеній нѣсколько иныя, чѣмъ высшихъ. Сущность правильного ограниченія такъ называемыхъ кристалловъ, его законность, связь съ внутреннимъ строеніемъ отъ насъ все-таки остается скрытою, примемъ ли мы одно или же другое теоретическое объясненіе. Законы же могутъ быть выведены или математически, или эмпирически. Боль-

шинство законовъ, какъ видно изъ исторіи наукъ, добыто послѣднимъ путемъ; и только провѣрка, разработка деталей достигнута первымъ. Дедукція представляется какъ идеалъ, какъ мечта натуралиста. Такимъ образомъ естественнѣ всего въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сохранить и разработать путь эмпирическій. Весьма существенныя поправки слѣдовало бы внести и въ представленную программу по минералогіи собственно.

И. Земляченскій.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

- 1) Учебникъ Всѣобщей исторіи. Составилъ *Павелъ Виноградовъ*, профессоръ Московскаго Университета. Часть I. Древній міръ. Изданіе первое. Москва, 1893. Стр. VI+196. — Второе исправленное изданіе. Москва, 1894. Стр. V+187. Цѣна 60 коп.
- 2) Учебникъ Всѣобщей исторіи. Составилъ *Павелъ Виноградовъ*, профессоръ Московскаго Университета. Часть II. Средніе вѣка. Москва. 1894. Цѣна 90 коп.

1) Если лицо, занимающее такое высокое положеніе въ наукѣ, какъ профессоръ П. Г. Виноградовъ, беретъ на себя трудъ составленія гимназическаго учебника, то мы заранѣе должны ожидать, что получимъ нѣчто далѣе возвышающееся надъ обычнымъ уровнемъ нашей школьной литературы. Дѣйствительность вполне оправдываетъ ожиданія. Профессоръ Виноградовъ при составленіи своего руководства по древней исторіи стремился къ достиженію самыхъ высшихъ цѣлей историческаго преподаванія: оно должно дать юношеству основы его гражданскаго образованія, а этого нельзя достигъ сообщеніемъ какихъ-либо отрывочныхъ и безсвязныхъ познаній, тѣмъ обыкновенно ограничивается дѣло. „Если не удастся провести въ умы учениковъ сознанія тѣсной причинной связи между историческими явленіями, органическаго роста государства, взаимодѣйствія между стремленіями людей и условіями, при которыхъ эти стремленія осуществляются, то можно сказать, что историческое преподаваніе проходитъ безъ пользы. Въ утвержденіи такого сознанія заключается главный смыслъ великой исторической работы, которая такъ широко

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученыхъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

развернулась въ нашемъ XIX вѣкѣ, и этотъ смыслъ окажется тогда просмотрѣннымъ, сколько бы ни было заучено именъ и годовъ, какъ живо ни были бы представлены отдѣльные характеры или эпизоды“. Другими словами — цѣлью должно служить развитіе политическаго пониманія, воспитаніе историческаго мышленія. Для достиженія ея учебникъ долженъ отказаться отъ виѣшней анекдотической занимательности и сосредоточить весь интересъ на объясненіи сложныхъ и разнообразныхъ явленій изъ немногихъ основаній — на разумномъ упрощеніи процесса, который кажется съ начала случайнымъ и безпорядочнымъ. „Конечно, полезно и нужно также живое изображеніе прошедшаго въ его лицахъ и событіяхъ, но образное повѣствованіе, оживленное множествомъ конкретныхъ чертъ, вообще можетъ быть дано только отрывками въ средней школѣ, и мѣсто ему не въ учебникѣ, а въ хрестоматіи, въ книгѣ для чтенія; оно требуетъ большаго простора и подробностей, которыми учебникъ не располагаетъ“...

Что касается исполненія, то по истинѣ его нужно признать мастеровскимъ и превосходнымъ. Поражаетъ удивительная выдержанность плана и построенія, соразмѣрность и равномерность всѣхъ отдѣловъ и частей. Все проникнуто однимъ духомъ, и все отлито въ одну строгую форму. Изложеніе отличается поразительною сжатостію, авторъ постоянно стремится вмѣстить все существенное въ точныя краткія формулы, которыя должны запечатлѣться въ умѣ читателей и учениковъ и которыя отмѣчаются въ нужныхъ случаяхъ особымъ шрифтомъ (курсивомъ). Само собою разумѣется, что усвоеніе ихъ потребуетъ значительнаго напряженія мысли, но мы полагаемъ (соглашаясь въ этомъ съ составителемъ учебника), что расчетъ на умственные силы учениковъ восьмага класса не долженъ оказаться преувеличеннымъ... Въ сущности задача проф. Виноградова соотвѣтствуетъ той цѣли, которая имѣлась въ виду учебными планами при установленіи двойнаго прохожденія древней исторіи въ гимназіяхъ, а, за малыми исключеніями, и той программѣ, которая предназначалась для старшаго класса.

Но мы не вполне согласны съ авторомъ относительно пригодности и доступности его книги также и для учениковъ IV класса гимназій. При всѣхъ возможныхъ сокращеніяхъ она оказалась бы для нихъ слишкомъ трудною. Да и цѣль первоначальнаго преподаванія древней исторіи въ четвертомъ классѣ, по нашему мнѣнію, должна быть нѣсколько иною. На первомъ планѣ здѣсь именно должно стоять

возбужденіе нѣкотораго любовнаго отношенія къ классическому міру, согласно съ возрастомъ учениковъ здѣсь должно привлекать главнымъ образомъ *личное* и *героическое*, а не развитіе учреждений и культуры, что составляетъ главное содержаніе разсматриваемой книги. Нужно также имѣть въ виду отношеніе перваго историческаго курса къ общей системѣ и общей экономіи той школы, которая имѣетъ своимъ основаніемъ изученіе древнихъ языковъ, чтеніе древнихъ авторовъ...

Проф. Виноградовъ полагаетъ, что подробности о лицахъ и герояхъ классической исторіи могутъ быть отнесены на долю классной книги или хрестоматіи. Но тогда можно опасаться, что, вопреки нормальному отношенію между учебникомъ и хрестоматіей, центр тяжести будетъ перенесенъ на эту послѣднюю; а если нѣтъ, то, при трудности учебника, при необходимости усиленныхъ и настойчивыхъ разъясненій мало доступнаго содержанія, потребуется для усвоенія учебника столь много класснаго времени, что почти не останется времени для чтенія хрестоматіи или классной книги... Впрочемъ, мы не отвергаемъ, что при особенно счастливомъ составѣ класса и при руководствѣ особенно искуснаго преподавателя, могутъ быть достигнуты хорошіе результаты при пользованіи предлагаемымъ учебникомъ и на первыхъ стадіяхъ изученія древней исторіи. Окончательное рѣшеніе должно принадлежать опыту; а пока наши сомнѣнія въ полной пригодности учебника для IV класса классическихъ гимназій остаются въ силѣ.

2) Никакихъ подобныхъ сомнѣній не представляется относительно учебника по средней исторіи: отличаясь такими же качествами цѣльности и глубокой продуманности, нося на себѣ явный отпечатокъ происхожденія изъ рукъ знатока и мастера, онъ вполне пригоденъ для того единственнаго класса въ гимназіяхъ, въ которомъ средняя исторія проходитъ. Впрочемъ, помимо болѣе развитости учениковъ пятаго класса, уже проходившихъ древнюю исторію въ четвертомъ, самое содержаніе курса средней исторіи, останавливающееся болѣе на вѣднѣйшихъ событіяхъ, чѣмъ на развитіи государственныхъ учреждений, объясняетъ здѣсь лучшее и болѣе полное совпаденіе научныхъ требованій съ педагогическими. Частныя мелкія неловкости, способныя вызвать не столько, впрочемъ, отрицаніе, сколько сомнѣніе и желаніе улучшеній, найдутся и въ этомъ прекрасномъ трудѣ профессора Виноградова; но на нихъ мы теперь не останавливаемся. Во всякомъ случаѣ этотъ учебникъ будетъ лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ.

К. Петеръ. Хронологическія таблицы греческой исторіи. Справочная книга и пособіе при преподаваніи въ низшихъ классахъ гимназій, съ постояннымъ указаніемъ на источники и выдержками изъ нихъ. Перевелъ съ нѣмецкаго *В. В. Смирновъ*, Москва, 1893. Цѣна 1 р. 75 коп.

Хронологическія таблицы извѣстнаго германскаго педагога Петера пользуются или пользовались на родинѣ большимъ уваженіемъ. хотя распространеніе ихъ въ школьномъ употребленіи, повидимому, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ихъ научной репутаціи. Шестое изданіе, появившееся съ 1886 году и послужившее оригиналомъ для русскаго перевода 1893 года, не можетъ служить свидѣтельствомъ широкаго и безспорнаго успѣха, если мы припомнимъ, что первая извѣстность труда относится еще къ шестидесятымъ годамъ. Дѣло въ томъ, что идеи объ историческомъ преподаваніи вообще, а въ частности объ изученіи древней исторіи въ гимназіяхъ, которыя издавна высказывались директоромъ знаменитаго Галльскаго педагогіума, раздѣляются далеко не всѣми,—особенно въ послѣднее время, а учебно-педагогическое назначеніе хронологическихъ таблицъ находится въ тѣсной связи съ этими идеями. Въ основѣ лежатъ двѣ мысли: во первыхъ та, что образовательная цѣль историческаго преподаванія въ средней классической школѣ лучше всего достигается возможно глубокимъ и полнымъ изученіемъ одного отдѣла, именно древней исторіи—преимущественно даже предъ новою и отечественною, такъ какъ вообще качество знаній предпочтительнѣе ихъ количества и только по отношенію къ цѣлостной и законченной исторіи древняго міра возможно и доступно для школьнаго юношества такое глубокое и полное изученіе. Во вторыхъ, для достиженія нѣмлющейся въ виду цѣли необходимо, чтобы учащіеся по возможности почерпали это знаніе прямо изъ источниковъ самостоятельнымъ трудомъ и самостоятельнымъ ихъ изученіемъ—конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, совсѣмъ не предполагающихъ какой-нибудь учености. Нужно прочесть то, что Петеръ говоритъ въ предисловіи къ изданію о *живительномъ* дѣйствиіи изученія источниковъ на него самого, когда онъ ради приготовленія къ своему педагогическому дѣлу перешелъ отъ великихъ трудовъ Нибура, Отфрида Мюллера къ Геродоту, Оукидиду и Ливію и о постепенно созрѣвшемъ въ немъ убѣжденіи, что и ученикамъ—на сколько позволяетъ степенъ ихъ развитія—можно передать не одно только общее понятіе объ источникахъ, а также впечатлѣніе ихъ свѣжести и жизненности. Но если мы съ такими задачами будемъ преподавать древнюю исторію, то не страдаетъ-ли отъ этого преподаваніе новой и новѣйшей? Весьма ха-

ракетистично, что отвѣчаетъ на это Петеръ. Преподаваніемъ новой и новѣйшей исторіи учитель легко можетъ внушить ученикамъ, еще не созрѣвшимъ для составленія *собственной мнѣни*, понятія, которыя или будутъ служить для нихъ препятствіемъ въ будущемъ къ развитію собственныхъ историческихъ взглядовъ, или возбуждать къ себѣ въ послѣдствіи скептическое отношеніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ обратится и на все историческое преподаваніе. Настоящее мѣсто для изученія новой исторіи въ университетѣ...

Чтобы понять, какъ такой высокой цѣли могутъ служить *хронологическія таблицы*, достаточно бросить взглядъ на предлагаемое въ русскомъ переводѣ изданіе. Здѣсь дается не только общій обзоръ источниковъ для каждаго отдѣльнаго періода съ краткимъ указаніемъ на ихъ сравнительное значеніе, но и относительно отдѣльныхъ фактовъ, приведенныхъ въ текстѣ обзорѣнія на верху, всюду—въ примѣчаніяхъ—сдѣланы соответствующія указанія на источники; относительно наиболѣе важныхъ историческихъ моментовъ приведены данныя, при томъ, гдѣ это казалось возможнымъ и цѣлесообразнымъ, въ дословной передачѣ наиболѣе поучительныхъ мѣстъ изъ древнихъ авторовъ. Петеръ полагаетъ, что его таблицы дадутъ возможность ученикамъ самимъ обработать извѣстныя части курса по источникамъ, изложить предъ товарищами результатъ своихъ занятій и такимъ образомъ самимъ принять активное участіе въ преподаваніи исторіи. Это несомнѣнно послужило бы къ оживленію самаго преподаванія. Возможны и ученическіе рефераты на основаніи матеріала, даваемого въ таблицахъ, о важнѣйшихъ событіяхъ и учрежденіяхъ древней исторіи и т. д. и т. д.

Предлежитъ теперь вопросъ, въ какой степени все это примѣнимо и доступно въ нашихъ русскихъ гимназіяхъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ, мы не рѣшаемся, но что такія упражненія учениковъ старшаго класса были бы въ высшей степени желательны, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія.

Что касается русскаго перевода хронологическихъ таблицъ Петера, то, впервыхъ, нужно пожалѣть, что пока появилась только *греческая* половина; мы ожидали, что вскорѣ появится и римская половина, но таковой пока нѣтъ. Между тѣмъ для того, чтобы настоящая цѣль не пострадала вслѣдствіе возможной односторонности, необходимо, чтобы римская исторія не подвергалась опасности быть принесенною въ жертву греческой.

Самый переводъ сдѣланъ очень хорошо и вполне знающимъ че-

ловѣкомъ, который былъ способенъ внести и нѣчто свое, недостающее въ изданіи Петера, появившемся ранѣе одного большаго открытія въ области Лейбниевой исторіи. Именно, принято во вниманіе новооткрытое сочиненіе Аристотеля *Ἀθηναίων Πολιτεία*, сдѣланы на него ссылки и приведены выдержки. Намъ бросился въ глаза только одинъ частный и вѣдѣнный недостатокъ въ написаніи собственныхъ именъ. Закономъ служить Эразмовское произношеніе съ нѣкоторыми совершенно уже необходимыми отступленіями въ пользу утвердившагося обычая; но нѣсколько непонятною остается непоследовательность въ передачѣ греческой *Θ* (ѳиты, теты). Если *Θермопилы*, *Клисоены*, то почему *Теронъ*, *Агатонъ*. Лучше было бы выдерживать ѳиту, предоставляя каждому свободу произносить ее по излюбленному способу. Лично мы были бы вообще за предпочтеніе Рейхлинговскаго произношенія.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей *Льва Георгіевскаго* и *Сергія Манштейна*. Гораций. Избранныя стихотворенія. Выпускъ I. Оды и эподы съ введеніями, примѣчаніями и 20 рисунками. Объяснилъ *О. А. Шеборъ*, проф. Императорскаго С.-Пб. Историко-филологическаго института. Часть I: Текстъ. Ч. II: Комментарій. С.-Пб. 1894. Стр. въ 8-ку III+48+141. Ц. за обѣ части 60 коп.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, издаваемое гг. Л. Георгіевскимъ и С. Манштейномъ, обогатилось новымъ выпускомъ, содержащимъ въ себѣ избранныя лирическія произведенія Горация, редактированныя и объясненныя проф. Шеборомъ. Имя г. Шебора не впервые является въ литературѣ Горация: ему принадлежитъ рецензія всѣхъ произведеній Венузійскаго поэта, появившаяся въ Петербургѣ въ 1890 г., достоинства которой—консервативность отношенія къ вульгатѣ, последовательность интерпункціи и орфографіи, разумный взглядъ на вопросъ объ интерполяціяхъ, обстоятельный указатель—уже были своевременно отмѣчены критикой. Теперь проф. Шеборъ издалъ часть произведеній Горация—его лирическія стихотворенія, и то не цѣликомъ, а въ выборѣ. Всякій разъ, какъ появляется сборникъ избранныхъ произведеній какого либо писателя, самъ собою возникаетъ вопросъ о принципахъ, которыми руководился издатель при своемъ выборѣ, и является недоумѣніе, почему онъ принялъ въ свой сборникъ такія, а не иныя. Въ приложеніи къ одамъ Горация, какъ болѣе или менѣе бесспорныя положенія, могутъ быть выставлены слѣдующія: къ числу избранныхъ не должны

быть относимы оды содержанія эротическаго, оды, текстъ которыхъ представляетъ значительныя трудности и неудобства въ критическомъ отношеніи, наконецъ оды, эстетическія достоинства которыхъ не велики. Примѣняя эти положенія къ выбору, сдѣланному г. Шеборомъ, слѣдуетъ признать, что вездѣ онъ руководился сужденіемъ здравымъ и представилъ читателямъ наиболѣе выдающіяся и характерныя произведенія Горациевой музы. Можно пожалѣть, что онъ не расширилъ еще болѣе рамокъ своего изданія и не включилъ въ него нѣкоторыхъ одъ, заслуживающихъ включенія, но за то данное имъ, дѣйствительно, представляетъ лучшее изъ того, что осталось отъ римскаго лирика.

Комментарію предшествуетъ довольно обширное введеніе, распадающееся на три отдѣла: біографію Горация, характеристику его произведеній и обзорънѣе размѣровъ въ избранныхъ его стихотвореніяхъ. Отношеніе проф. Шебора къ личности Горация, его взглядъ на него, какъ на человѣка и гражданина, вполне правильны, и молодому читателю представляется образъ римскаго поэта въ чертахъ вполне симпатичныхъ, каковы и были, въ дѣйствительности, черты характера Горация. Но біографъ не скрываетъ и слабостей своего героя и указываетъ на нихъ съ должнымъ безпристрастіемъ; слабости эти, въ общемъ, значительно перевѣшиваютъ его сильными сторонами и не выходятъ за предѣлы общечеловѣческихъ недостатковъ. Съ такою же объективностью и обстоятельностью представлена и литературная характеристика произведеній Горация; въ ней, какъ и естественно, авторъ стоитъ не на исключительно эстетической, но также и на исторической точкѣ зрѣнія и даетъ вѣрную и справедливую оцѣнку достоинствъ Горация, какъ писателя. Обзорънѣе размѣровъ и метрическихъ особенностей одъ Горация отличается точностью и полнотою, въ предѣлахъ избранныхъ редакторомъ стихотвореній.

Слѣдующій за введеніемъ комментарий обнаруживаетъ въ составителѣ отличнаго знатока Горация и его литературы и опытнаго педагога. По образцу С. W. Nauck'a, г. Шеборъ предпосылаетъ каждой одѣ характеризующую однимъ, двумя словами ея главную тему, затѣмъ подробнѣе указываетъ ходъ мыслей, развивающихъ эту тему и, наконецъ, переходитъ къ объясненію отдѣльных словъ, оборотовъ, картинъ. Умѣлою рукою составитель даетъ свои объясненія: онъ избѣгаетъ помогать ученику тамъ, гдѣ текстъ не представляетъ непосильныхъ трудностей, и съ другой стороны, не оставляетъ учащихся безъ помощи и указанія тамъ, гдѣ таковыя, дѣйствительно,

необходимы. Чувство мѣры, отличительный признакъ опытнаго педагога, проходить черезъ весь комментарий проф. Шебора. Пожелаемъ, чтобы составитель подарилъ нашу учебную литературу комментированнымъ изданіемъ и сатиры и посланій Горация.

Первая и вторая рѣчи Цицерона противъ Катилины. Объяснилъ А. Гофманъ, директоръ С.-Петербургской седьмой гимназіи. Часть I: Текстъ. Часть II: Комментарій. С.-Пб. 1894. Стр. IV+21+90. Цѣна за обѣ части 30 коп.

Г. Гофманъ стяжалъ себѣ въ нашей учебной литературѣ извѣстность изданіями съ объясненіемъ нѣсколькихъ рѣчей Цицерона. Выпущенное имъ нынѣ въ свѣтъ изданіе двухъ первыхъ рѣчей противъ Катилины достойнымъ образомъ примыкаетъ къ своимъ предшественникамъ. И въ немъ г. Гофманъ обнаружилъ и свое близкое знакомство съ текстомъ Цицерона, и большой педагогическій тактъ, указавшій ему надлежащую мѣру, которой слѣдуетъ держаться при объясненіи рѣчей Цицерона.

Текстъ, изданный отдѣльно отъ примѣчаній, представляетъ собою такъ называемую вульгату, основанную на чтеніяхъ лучшихъ и авторитетѣйшихъ рукописей. Отъ внесенія въ текстъ не малочисленныхъ исправленій, предложенныхъ новѣйшими критиками Цицерона, издатель отказался принципиально. Второй выпускъ открывается введеніемъ, заключающимъ въ себѣ краткое жизнеописаніе Катилины, таковое-же Цицерона, перечисленіе главнѣйшихъ его сочиненій, и схематическое обзорѣніе риторическаго построенія объясняемыхъ рѣчей. За введеніемъ слѣдуетъ комментарий, составленный, какъ замѣчено выше, съ большимъ тактомъ и производящій впечатлѣніе работы зрѣлой и обдуманной. Если и можно предъявить ему нѣкоторыя замѣчанія, то они будутъ имѣть видъ скорѣе придирокъ, нежели возраженій по существу, какъ это можно видѣть изъ приводимыхъ ниже примѣровъ.

Стр. 19 слова: принятіе въ сенаторскую корпорацію мы замѣнили бы выраженіемъ: доступъ.

Стр. 27 cognomen Гая Сервилія Glaucia мы замѣнили бы формою Главкинъ, по аналогіи формъ: Оома, Лука и т. п.

Стр. 37 „Метафора *potum* (опечатка вмѣсто: *potam*) *inungere* здѣсь заимствована отъ обычной выжиганія клѣйма на тѣлѣ несадежныхъ невольниковъ“. Послѣднія слова мы замѣнили бы черезъ: „провинившихся рабовъ“.

Стр. 39. Сокращенія: М. Э. Лепидъ и Л. В. Туллъ мы бы раз-

рѣшили на: М. Эмилиј Лепидъ и Л. Волкацій Туллъ. Тамъ же ошибочно поставлено: Манилій вмѣсто Маниій.

Стр. 43. Не излишне было бы прибавить, что Hercules, первоначальное италійское божество, только впоследствии былъ отождествленъ съ греческимъ Иракломъ.

Стр. 51. Намъ думается, что было бы не излишне подробнѣе объяснить учащимся, въ чемъ состоитъ игра словъ въ сопоставленіи *exsul* и *consul*.

Стр. 65. Тога *praetexta* не была обшита спереди пурпуромъ, но имѣла пурпуровую полосу вытканною въ ней. Сравни слав. препряда.

Стр. 69 выраженіе: „подорожный грабитель“ мы замѣнили бы черезъ: „разбойникъ съ большой дороги“.

Книжка издана изящно и, за исключеніемъ немногихъ опечатокъ, исправно.

Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій. *Гай Саллюстій Крисъ*. Югуртинская война. Пособіе для учениковъ V и VI классовъ классическихъ гимназій и прогимназій. Составилъ Л. Горкевичъ. Борисоглѣбскъ. 1893. Стр. 75 Ц. 45 коп.

Учебными планами 1890 г. требуется, между прочимъ, чтобы время отъ времени ученикамъ „предлагались для перевода съ русскаго языка на одинъ изъ древнихъ фразы и связныя статьи, которыя примыкали бы непосредственно къ латинскому или греческому тексту, читаемому и разбираемому въ данное время въ классѣ.“ Удовлетворить этому требованію для V и VI классовъ гимназій и взялся г. Горкевичъ, представивъ въ своей книжкѣ русскіе тексты, составленные на основаніи Саллюстіева сочиненія объ Югуртинской войнѣ. Тексты эти, хотя и примыкаютъ довольно близко къ латинскому оригиналу, однако не представляютъ дословнаго его перелома и представляютъ широкое поле для самостоятельной работы учащихся.

Въ облегченіе ея, они разбиты на параграфы, въ примѣчаніяхъ къ каждому изъ нихъ даны потребныя указанія для правильной передачи на латинскій языкъ того или другаго оборота, а въ концѣ книги помѣщенъ, тоже расположенный въ порядкѣ параграфовъ, вокабулярій, въ которомъ видное мѣсто отведено важнѣйшимъ и наиболѣе употребительнымъ синонимамъ. Русскій текстъ изложенъ гладкою и правильною русскою рѣчью, въ которой только изрѣдка встрѣчаются фразы не совсѣмъ удачныя; такъ, напримѣръ, на первой же страницѣ читаемъ: „Боясь, чтобы кто нибудь не подумалъ, что онъ занялся

исторіей изъ лѣности и не поставилъ ему этого въ вину, Саллюстій изложилъ причины, почему онъ рѣшился провести жизнь вдали отъ общественныхъ дѣлъ“. Помѣщенные въ вокабуларіѣ синонимы изложены скорѣе въ видѣ краткихъ намековъ, и иногда разница между синонимическими выраженіями или словами представляется неясною, напримеръ, на стр. 38: *Vetus*—противоположный новому, *antiquus*—то, что было прежде; или на стр. 39: *intelligere* путемъ разума, *comprehendere*—охватить умомъ, состояніе.

Краткій систематическій курсъ латинскаго синтаксиса. Примѣнительно къ гимназическимъ программамъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 20 іюля 1890 г. составилъ П. Черняевъ, преподаватель Императорской Казанской 1-й гимназіи. Казань. 1894. Стр. въ 16-ую долю II+114+34. Ц. въ банкѣ 50 коп.

Книжка г. Черняева содержитъ въ себѣ синтаксисъ падежей и сложнаго предложенія, изложенный довольно наглядно и обстоятельно; особенное вниманіе составитель обратилъ на иллюстрирующіе правила примѣры, выбирая ихъ непосредственно изъ древнихъ авторовъ и сопровождая русскимъ переводомъ и объясненіями. Переводамъ этимъ, по его собственному заявленію, онъ старался придать вполне правильную, литературную форму, дабы ученикъ лучше увидѣлъ разницу между языками русскимъ и латинскимъ. Въ первой части синтаксиса текстъ примѣровъ предшествуетъ переводу, въ ученіи же о глаголѣ, наоборотъ, во многихъ случаяхъ, латинскій текстъ идетъ за русскимъ переводомъ, эта разница обуславливалась разною степенью аналогіи въ конструкціяхъ того и другаго языка. Отдѣлъ объ именныхъ формахъ глагола, особенно о причастіи, изложенъ сравнительно подробнѣе, въ виду его относительной важности, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для большей наглядности, присоединены таблицы.

Въ общемъ, книжка составлена не дурно, но въ той ея части, на которую авторъ, повидимому, старался обратить особенное вниманіе, то-есть, въ передачѣ примѣровъ на русскій языкъ, нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ и исправленіи. Вотъ образчики:

Стр. 24: *Temerariis remediis graves morbi curantur*—умѣренными лѣкарствами излѣчиваются и тяжкія болѣзни. *Temerarius* никогда не имѣетъ значенія: умѣренный.

Стр. 25: *Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur*—отъ согласія малыя дѣла возрастаютъ, благодаря же несогласію гибнуть и величайшія. Выраженіе „благодаря“ здѣсь неумѣстно.

Стр. 47: *Omne malum nasceus facile opprimitur, inveteratum fit plerumque robustius* — всякое зло при возникновеніи легко уничтожается, укоренившееся же, въ большинствѣ случаевъ, становится грубѣе. Наше „грубѣе“ не совсѣмъ точно передаетъ латинское *robustius*.

Ibid.: *Inter bonos viros ac deos amicitia est conciliante fortuna* — между добрыми людьми и богами существуетъ дружба, такъ какъ ихъ сближаетъ доблесть. *Fortuna* здѣсь врядъ ли тождественна съ *virtus*.

Ibid.: *Ne mente quidem recte uti possumus multo cibo et potione completi* — мы не можемъ правильно мыслить, будучи сыты; здѣсь не переведено *ne* — *quidem*.

Стр. 48: *Caesar triumphavit* переведено черезъ: Цезарь торжествовалъ — врядъ ли точно, ибо *triumphare* имѣетъ здѣсь специальное значеніе: имѣть, получить триумфъ.

Стр. 65: *Erat oppidum in colle summo* — городъ находился на очень высокомъ холмѣ. Почему же не „на вершинѣ“ холма?

Стр. 66: *Themistocles proditiōis damnatus est* —Themистоклъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ. *Damare* сильнѣе, чѣмъ *accusare*.

На стр. 115 и слѣд. авторъ приводитъ перечисленіе тѣхъ латинскихъ писателей, изъ которыхъ онъ заимствовалъ примѣры, и, между прочими, изъ Авзонія, Колумеллы, Макробія, сообщая при этомъ краткія ихъ характеристики. Мы рекомендовали бы автору совсѣмъ опустить этотъ перечень, какъ излишній и бесполезный.

Начальный курсъ географіи. Съ 1-ю картою и 8-ю картинками. Составилъ А. Линбергъ. Москва. 1893 г. Стр. 40 въ 8-ку. Ц. 50 коп.

Учебникъ г. Линберга, по расположенію матеріала и отчасти по составу его, отступаетъ отъ официальныхъ программъ среднихъ учебныхъ заведеній. На основаніи своего личнаго опыта, авторъ высказывается за синтетическій способъ преподаванія начального курса географіи, поэтому его курсъ начинается съ упражненія учащихся надъ планомъ классной комнаты, улицы, города и надъ воспроизведеннымъ на доскѣ чертежомъ, на которомъ изображается Москва въ маломъ масштабѣ и нѣкоторые города средней Россіи, какъ-то: Тверь, Ярославль, Нижній Новгородъ, Орелъ, Рязань и Смоленскъ, верхнее теченіе Волги, Дняпра, все теченіе Оки и Москвы. Но такой пропедевтический матеріалъ въ учебникѣ не излагается, а авторъ въ предисловіи сообщаетъ какъ бы только планъ и пособія для осуществленія его.

Собственно же учебникъ начинается обзорѣніемъ карты Европейской Россіи, приложенной тутъ же къ тексту. Въ текстѣ коротенько обзорѣваются моря, части моря и суши, поверхность Европейской Россіи; выѣстъ съ тѣмъ попутно даются объясненія горизонта и терминовъ изъ физической географіи: залива, бухты, полуострова, перешейка, озера, рукава рѣки, дельты, возвышенности, низменности, горной цѣли и т. п. Отъ Россіи учебникъ переходитъ къ обзорѣнію частей свѣта, и связью между этими двумя отдѣлами служатъ краткія свѣдѣнія о формѣ земли, объясненіе, что называется глобусомъ, и, сверхъ того, перечень материковъ и океановъ. Самое обзорѣніе частей свѣта ограничивается только послѣдовательнымъ перечнемъ полуострововъ, острововъ, морей, заливовъ, проливовъ, рѣкъ, низменностей и возвышенностей съ краткими топическими, а мѣстами климатическими помѣтками, при этомъ даются опредѣленія терминовъ, по поводу впервые встрѣтившихся формъ земной поверхности, какъ-то: плоскогоріи, пустыни, степи, оазы, вулкана или кратера и т. п.

Обзорѣніе земной шаръ, г. Линдбергъ переходитъ уже къ собственно математической географіи, именно къ суточному и годовому движенію земли, при чемъ дается понятіе о земной оси, полюсахъ, параллеляхъ и меридіанахъ; долгота же и широта опущены, но за то данъ цѣлый § опредѣленія часовъ въ различныхъ частяхъ земли. О климатѣ въ учебникѣ ничего не говорится, но поясамъ посвящено около 6-ти страницъ, при чемъ разсматривается природа каждого отдѣльнаго пояса, именно сѣвернаго холоднаго пояса, сѣвернаго умѣреннаго, жаркаго, южнаго умѣреннаго и южнаго холоднаго.

О племенахъ учебникъ сообщаетъ самыя краткія свѣдѣнія, о вѣрѣ—два-три слова, объ образѣ правленія—ничего. Послѣднія двѣ страницы учебника посвящены перечню важѣйшихъ государствъ и городовъ всѣхъ частей свѣта.

Книга снабжена раскрашеною нѣсколькими тонами картою Россіи и 8-ю картинками, воспроизведенными фототипіей. Изъ 5-ти изъ этихъ картинъ, именно: видъ въ Гренландіи, степь, пустыня и оазы, тропическій лѣсъ въ Южной Америкѣ и видъ въ Австраліи, даны объясненія.

Учебникъ г. Линдберга заключаетъ въ себѣ много достоинствъ. Если имѣть въ виду предполагаемое авторомъ ознакомленіе учениковъ съ родиною, то всюду въ немъ, отъ первой страницы до послѣдней, осуществляется общее дидактическое правило, идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ легкаго къ болѣе трудному. Топическое обо-

зрѣніе земнаго шара, требующее, главнымъ образомъ, памяти. усваивается учениками легко. и авторъ прежде всего останавливается именно на этомъ предметѣ. облегчивъ его, сверхъ того, тѣмъ, что опредѣленіе терминовъ не сосредоточивается въ одномъ мѣстѣ. а распространяется по многимъ страницамъ. Свѣдѣнія изъ математической географіи, какъ бы они ни были кратки, вообще усваиваются учениками съ трудомъ. и авторъ основательно поступилъ, отдаливъ этотъ матеріалъ на сколько возможно далѣе отъ начала курса, что нисколько не вредитъ существу предмета, по крайней мѣрѣ, при начальномъ преподаваніи его. Важно также и то, что составитель сдѣлалъ все. чтобы приблизить учениковъ къ картѣ или къ какому другому естественному географическому пособию. Это отчасти достигается тѣмъ обстоятельствомъ, что географическія данныя, которые на картѣ могутъ быть указаны самими учениками, въ книжкѣ не помещаются, какъ напримѣръ: рукавъ, дельта и т. п.; точно также во всѣхъ случаяхъ, гдѣ приходится въ учебникѣ повторять прежнія данныя или комбинировать ихъ съ новыми, эти данныя уже не вносятся, а вмѣсто того авторъ обращается къ ученикамъ съ вопросами. Но, главнымъ образомъ, приближеніе учениковъ къ картѣ достигается недопущеніемъ въ учебникъ никакихъ свѣдѣній ни изъ области естествознанія. ни изъ исторіи, ни изъ статистики, свѣдѣній столько же обременительныхъ для учениковъ. сколько бесполезныхъ и которыми. между прочимъ. наши начальные курсы перѣдко переполняются. Какъ расчетливъ авторъ въ отношеніи, напримѣръ, цифръ, можно судить уже потому. что во всемъ учебникѣ, если исключить показаніе числа необходимыхъ меридіановъ, получится только около десятка цифръ. и при томъ весьма легко запоминаемыхъ, какъ напримѣръ. длина Каспійскаго моря, высота поверхности средней части Россіи и т. п. Изъ исторіи же взято только два факта, именно: названо имя Христофора Колумба и при томъ въ скобкахъ и указано, что древніе имѣли понятіе о шаровидности земли. Изъ естественной исторіи, при описаніи поясовъ, авторъ упоминаетъ только наиболѣе представительныхъ особей изъ флоры и фауны.

Самыя данныя сообщаются правильно и удобопонятно; поправки требуютъ только опредѣленія полуострова (стр. 8) и озера (стр. 19) и, сверхъ того. Азіатская Россія, то-есть. Сибирь, Туркестанъ и Закавказье, внесена въ разрядъ государствъ (стр. 37).

Напечатанъ учебникъ образцово. только однимъ крупнымъ четкимъ шрифтомъ.

Г. Линбергъ предназначаетъ свой учебникъ для средних учебныхъ заведеній, но едва ли онъ можетъ безусловно удовлетворить хотя одному какому-либо роду учебныхъ заведеній; особенно онъ неудобенъ для мужскихъ гимназій. Синтетическій способъ, котораго придерживается авторъ, безусловно имѣетъ свои достоинства и преимущества, но изложеніе курса такимъ способомъ при многолюдномъ классѣ и при довольно обширной программѣ будетъ соединено съ немалыми затрудненіями, которыя не для всякаго преподавателя могутъ быть преодолимы. Но главное неудобство этого учебника состоитъ въ томъ, что онъ недостаточно даетъ географическаго матеріала, такъ что употребленіе его можетъ затруднить учениковъ въ слѣдующихъ классахъ. Если становиться на точку зрѣнія автора, то-есть, не давать ученикамъ ничего, что превышаетъ ихъ пониманіе, какъ напримѣръ, опредѣленія широты и долготы мѣстъ, опредѣленія климата и зависимости климата каждаго мѣста отъ широты его, высоты надъ уровнемъ океана, отъ морскихъ теченій и господствующихъ вѣтровъ. повторяемъ, если исключить такіе и подобные имъ вопросы изъ начальнаго курса, то все таки въ отдѣлѣ физической географіи останется довольно матеріала, который могъ бы быть по силамъ десятилѣтнихъ учениковъ, но который между тѣмъ не нашелъ въ учебникѣ мѣста. Такъ, г. Линбергъ ничего не говоритъ ни о вѣтрахъ, ни объ атмосферныхъ осадкахъ, хотя матеріалъ такого рода можетъ быть изложенъ просто и удобопонятно. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что статью объ опредѣленіи времени въ различныхъ точкахъ земли онъ внесъ на томъ основаніи, что это „живо интересуетъ учениковъ“; но такіе вопросы какъ происхожденіе тумана, облаковъ, дождя, снѣга, града, росы и инея интересуютъ дѣтей даже 7—8 лѣтъ. Но главнымъ образомъ, недостатокъ матеріала обнаруживается по отношенію къ Россіи. Въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ, что географія Россіи въ начальномъ курсѣ, по существу предмета, должна изучаться не для нея самой, а для того, „чтобы на болѣе близкомъ и доступномъ ученику матеріалѣ ознакомить его съ извѣстнымъ запасомъ географическихъ представленій“. Но по существующимъ программамъ мужскихъ гимназій, географія Россіи проходится въ первомъ классѣ болѣе подробно, въ тѣхъ видахъ, чтобы сколько-нибудь подготовить учениковъ къ урокамъ русской исторіи; эта послѣдняя цѣль при помощи учебника г. Линберга не можетъ быть достигнута. Достаточно, напримѣръ, указать, что въ рассматриваемомъ учебникѣ нѣтъ ничего ни о границахъ Россіи, ни о пространствѣ, ни о народонаселеніи;

городовъ упоминается только 13 и въ числѣ ихъ не нашли мѣста нѣкоторые важные въ историческомъ отношеніи города. Такого рода недостающимъ матеріаломъ составитель легко могъ бы замѣнить тѣ страницы, на которыхъ перечисляются всѣ иностранныя государства съ главными городами, что программой не требуется; но черезъ это курсъ, конечно, потерялъ бы въ своей округленности, а ся, повидимому, домогался авторъ.

Полный курсъ чистописанія для среднихъ учебныхъ заведеній, составленный преподавателемъ *Г. Кондопуло*, согласно учебнымъ планамъ, утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 20-го іюля 1890 года. Москва 1893. Цѣна 60 коп.

Г. Кондопуло старался составить свой „Полный курсъ чистописанія“ согласно учебнымъ планамъ, но обстоятельное ознакомленіе съ его курсомъ обнаруживаетъ не только непониманіе авторомъ учебнаго плана, программы и въ особенности объяснительной къ программѣ записки, но и вообще незнакомство его съ методикой предмета, по которому онъ рѣшился составить руководство. Разсмотримъ всѣ отдѣлы руководства.

Объяснительная записка рекомендуетъ начинать обученіе письму съ предварительныхъ упражненій; съ такихъ упражненій начинается *г. Кондопуло* и свое руководство, но будучи практически незнакомъ съ подобными упражненіями, заимствуетъ ихъ цѣликомъ и съ фотографическою точностью изъ „Полнаго курса русскаго чистописанія“ *В. Пожарскаго*; (сравни. первыя двѣ страницы руководства *г. Кондопуло* и первыя семь стр. 1-го отдѣла русскаго письма *В. Пожарскаго*).

Въ приготовительномъ классѣ по программѣ изучаются строчныя и прописныя буквы въ генетическомъ порядкѣ по графической сѣткѣ. Графическую сѣтку *г. Кондопуло* также заимствуетъ изъ руководства *В. Пожарскаго*; но парныя промежуточныя линіи, служащія у *Пожарскаго* для медкаго письма, назначаетъ безъ всякой цѣли для застрочныхъ буквъ, разстояніе же между наклонными увеличиваетъ, и чрезъ это получается менѣе изящное письмо. Слѣдуя программѣ, *г. Кондопуло* могъ бы дать буквы въ томъ генетическомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ даны тамъ, но, желая тутъ быть самостоятельнымъ или не вполнѣ понимая основанія генетическаго расположенія буквъ, онъ даетъ неправильную группировку буквъ: букву *ы*, состоящую изъ прямыхъ, относитъ къ третьей группѣ изъ полуоваловъ и тутъ же рядомъ помѣщаетъ букву *ь*, давая ей неудобную для

письма и некрасивую форму; въ первой группѣ изъ примыхъ—располагаетъ буквы не въ указанномъ порядкѣ и при томъ раньше болѣе трудныя—и, ц, щ, а потомъ болѣе легкія—а, м; букву і помѣщаетъ согласно программѣ во второй группѣ, но даетъ ей начертаніе изъ полуоваловъ, а слѣдовательно, она должна быть помѣщена въ третьей группѣ. Прописныя буквы расположены въ группѣ согласно программѣ, но нѣкоторымъ изъ нихъ даны некрасивыя и неудобныя для письма формы. Словъ на оба алфавита дано немного, но подборъ и письмо ихъ по сѣткѣ указываетъ на незнакомство автора съ назначеніемъ сѣтки: сѣтка назначается только для первой ступени обученія, а потому и слѣдуетъ подбирать только такія слова, вписываніе которыхъ не нарушаетъ правильности расположенія буквъ и ихъ взаимныхъ отношеній. Для приготовительнаго класса дано всего семь страницъ прописей, включая сюда и страницу латинскихъ буквъ. что, понятно, весьма недостаточно по количеству уроковъ въ этомъ классѣ и по важности начальныхъ упражненій, а между тѣмъ, по странному мнѣнію г. Кондопуло, прописи должны замѣнить учителя и образцамъ послѣдняго онъ не придаетъ значенія: „учитель, объяснивъ на классной доскѣ урокъ“, говорятъ въ весьма краткомъ предисловіи авторъ: „указываетъ на какой страницѣ прописи можно найти то или другое объясненное упражненіе“.

Для перваго класса г. Кондопуло даетъ: одну страницу элементовъ и четыре страницы словъ на строчныя буквы, три страницы словъ и двѣ фразъ на прописныя буквы, двѣ страницы словъ латинскихъ съ переводомъ на русскій языкъ и одну страницу нѣмецкихъ буквъ, расположенныхъ согласно программѣ. Письмо средней величины дано по обыкновенной сѣткѣ, состоящей изъ парныхъ строчныхъ линій, промежуточныхъ и рѣдкихъ наклонныхъ; мелкое письмо дано по одной линіи и тутъ совершенно безцѣльно даны парныя промежуточные линіи, обозначенныя пунктиромъ. Элементовъ для начальныхъ упражненій въ письмѣ средней величины, на которые обращено большое вниманіе въ объяснительной запискѣ къ программѣ, дано весьма немного; словъ, наоборотъ, много, но они подобраны случайно и безъ всякой системы. На связность письма, къ которой ученики приучаются на второй и третьей ступени обученія, не обращено вниманія и, что странно, не связываются буквы, легко соединяющіяся по своему начертанію, и связаны искусственно такія, которыя связи не имѣютъ, такъ у *д* кверху дѣлается трудный и лишній завитокъ. а буквѣ *б* дается начертаніе похожее на *ъ*. На прописныя буквы

дапы имена собственные и тутъ съ русскими именами перемѣшаны иностранныя: Астрахань—Амстердамъ, Бессарабія—Бордо, Варшава—Венеція, Гельсингфорсъ—Гавръ—Галацъ, Житомиръ—Женева, Звенигородъ—Зеландъ и т. д., что не педагогично. Между пословицами встрѣчаются неудачныя: Блаженіе дати, нежели взяти. Іосифовъ сонъ сбылся, да не забылся. Мни лень долъ, волокна будетъ болъ. Рцы слово твердо. Хвастать не колеса мазать. Щиплетъ Оедосья чужіе колосья. Оома не безъ ума.—Наконецъ, нѣмецкія буквы награвированы жирно, некрасиво и съ неправильнымъ наклономъ.

На остальныхъ тридцати страницахъ руководства (всѣхъ страницъ 52) даны небольшія статейки или фразы на русскомъ, латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ безъ лишнѣ, но размѣромъ по одной линейкѣ. Подборъ и этого матеріала нельзя назвать удачнымъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1893—1894 ГГ. ¹⁾.

Самымъ крупнымъ фактомъ въ дѣятельности Общества за истекшій, 29-й годъ его существованія, является IX-й археологическій съѣздъ, бывшій въ г. Вильнѣ съ 1-го по 14-е августа 1893 года. Результаты съѣзда по-истинѣ можно назвать блестящими. Особенно милостивый знакъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества, Державнаго Покровителя Общества, вниманія къ съѣзду выразился въ пожалованіи на нужды съѣзда изъ Собственныхъ средствъ Его Величества 5000 рублей. Затѣмъ Его Величеству благоугодно было указать на г. Ригу, какъ на желательное мѣсто будущаго X археологическаго съѣзда. Эти знаки Высочайшаго вниманія, столь дорогіе для Общества, ясно показываютъ, какое значеніе имѣютъ съѣзды для русской науки, и должны послужить новымъ серьезнѣйшимъ стимуломъ для ихъ дальнѣйшей дѣятельности. Кромѣ сего, Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ пожаловалъ съѣзду 2000 рублей, а Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ, Августѣйшій Почетный Предсѣдатель съѣзда — 1000 рублей. Эти столь щедрія пожертвованія Государя Императора и Августѣйшихъ Членовъ Его Царственной Семьи совершенно покрыли всѣ расходы съѣзда и дали полную возможность нынѣ же приступить къ изданію перваго тома „Трудовъ“ этого съѣзда, который уже начать печатаніемъ подъ редакціей графини П. С. Уваровой.

Съ 1-го по 14-е августа 1893 года, кромѣ поѣздокъ для осмотра

¹⁾ Извлечено изъ отчета о дѣятельности Общества съ 17-го февраля 1893 г. по 17-е февраля 1894 г., читаннаго въ годичномъ засѣданіи Общества 9-го марта 1894 г. секретаремъ Общества В. К. Трутовскимъ.

мѣстныхъ памятниковъ старины и пріемовъ членовъ сѣзда городомъ: администраціей и др., сѣздъ имѣлъ 25 засѣданій, на которыхъ доложено было 83 реферата; кромѣ того, 15 докладовъ остались не прочитанными, за недостаткомъ времени. Членовъ сѣзда было всего 505. то-есть, болѣе, чѣмъ на какомъ-либо изъ восьми предшествовавшихъ сѣздовъ, а археологическая выставка сѣзда, хотя была и не велика по объему, тѣмъ не менѣе представляла значительный интересъ для характеристики мѣстныхъ древностей. Въ средія своихъ занятій сѣздъ былъ ошастливленъ пріѣздомъ 9-го августа Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя съ Супругою Великою Книгинсю Елисаветою Осодоровною. Ихъ Высочества пробыли въ Вильнѣ два дня, посѣтили бывшія въ это время засѣданія сѣзда и милостиво приняли у себя всѣхъ членовъ послѣдняго.

Восьма лснымъ и ошутительнымъ значеніемъ сѣзда для мѣстныхъ ученыхъ и вообще для всего края является просьба мѣстныхъ ученыхъ созвать слѣдующій сѣздъ опять въ Вильнѣ и устроить тамъ отдѣленіе Общества. Последнее ходатайство было разсмотрѣно въ Обществѣ особою комиссіей, при чемъ былъ рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ принципиальный вопросъ о желательности для Общества права открывать свои иногородныя комиссіи, выработать проектъ дополненія къ уставу Общества въ этомъ смыслѣ и разослать на разсмотрѣніе мѣстнымъ ученымъ, возбудившимъ этотъ вопросъ. По полученіи замѣчашій ихъ, это дополненіе устава Общества имѣетъ быть представлено на утвержденіе высшихъ властей.

Рядомъ съ отчетомъ о Вилнскомъ сѣздѣ вполне справедливо поминуть и начавшіеся уже работы Общества по устройству слѣдующаго, X археологическаго сѣзда, въ 1896 году въ г. Ригѣ. Высочайшее указаніе на этотъ городъ, какъ мѣсто X сѣзда, съ одной стороны, и малое знакомство русскихъ ученыхъ съ мѣстными археологическими богатствами, представляющими глубокой научный интересъ, въ особенности для разработки многихъ темныхъ вопросовъ начального періода русской исторіи—съ другой, придаютъ особое значеніе этому сѣзду. Состоявшійся съ 5-го по 8-е января сего года три засѣданія предварительнаго его комитета, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, при секретарѣ В. К. Трутовскомъ, въ присутствіи 33 иногороднихъ и 31 московскаго представителя ученыхъ учреждений и обществъ, еще болѣе усугубили интересъ къ сѣзду, показавъ, какія научныя богатства заключаетъ въ себѣ Прибалтійскій край, а заявленія мѣстныхъ представителей о предполагаемыхъ по-

ѣздахъ, осмотрахъ и раскопкахъ, о выставкахъ при сѣздѣ, равно какъ заявленные вопросы и запросы уже теперь отмѣчаютъ будущій сѣздъ, какъ выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ. Въ виду этого, срокъ сѣзда рѣшено продолжить до трехъ недѣль, вмѣсто обычныхъ двухъ, съ 1-го по 21-е августа 1896 г., и произвести въ теченіе трехъ подготовительныхъ лѣтъ систематическія раскопки и изслѣдованія во всемъ Прибалтійскомъ краѣ. Какъ о продленіи срока сѣзда, такъ и о дарованіи предварительному комитету въ теченіе трехъ лѣтъ до сѣзда, то-есть, съ текущаго 1894 г., 1895 и 1896 гг., сверхсѣтной ежегодной субсидіи на эти изслѣдованія уже послано ходатайство его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія. Что же касается до почетнаго предсѣдателя сѣзда и предварительнаго комитета, то, какъ и прошлый разъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ соизволялъ милостиво принять на себя званіе и того и другаго, и этотъ новый знакъ вниманія Августѣйшаго Почетнаго Члена Общества придаетъ Обществу еще болѣе энергіи въ стремленіи привести дѣло устройства X сѣзда, по возможности, къ самымъ лучшимъ результатамъ.

Начатое Обществомъ въ прошломъ году изданіе ежемѣсячнаго органа подъ заглавіемъ *Археологическія Извѣстія и Замѣтки* было доведено благополучно до конца, превысивъ нѣсколько предположенный объемъ и вполне оправдавъ возлагавшіяся на него ожиданія по отношенію къ содержанію. Что же касается до количества подписчиковъ, то таковыхъ было въ отчетномъ году около 150; для перваго года изданія число это можно считать вполне достаточнымъ, а если принять во вниманіе, что въ объѣмъ на это изданіе бібліотека Общества стала получать многія изданія, доселѣ не имѣвшіяся въ ней, то нельзя будетъ не признать, что новый органъ является для Общества вполне желательнымъ. Въ виду этого и въ виду весьма благоприятныхъ отзывовъ объ *Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ* въ спеціальныхъ и иныхъ изданіяхъ, Обществомъ рѣшено было продолжать это изданіе и въ текущемъ 1894 году, по-прежнему, подъ редакціей дѣйствительнаго члена А. В. Орѣшникова, которому Общество единогласно постановило выразить глубокую благодарность за энергичное и строго добросовѣстное веденіе дѣла.

Умѣстно будетъ затѣмъ остановиться на двухъ весьма крупныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ печальныхъ, въ дѣлѣ сохраненія дорогихъ намъ памятниковъ, фактахъ, относящихся къ одному и тому же учрежденію и вызвавшихъ со стороны Общества энергическія мѣры для прекра-

щенія повтореній подобныхъ случаевъ. Рѣчь идетъ о Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, о пожарѣ въ немъ 3-го марта и о попыткѣ осенью минувшаго года его причта и старосты перекрасить царскія могилы. Зная, что въ этомъ соборѣ хранятся древнѣйшія рукописи, какъ, напримѣръ, Мстиславова Евангеліе, иконы „мѣръ рожденія“ и царскіе портреты, Общество при первомъ же извѣстїи о пожарѣ командировало въ соборъ специальную комиссію съ предсѣдателемъ Общества во главѣ. Комиссія нашла Мстиславова Евангеліе, рукописи, иконы, портреты и др. въ ужасномъ видѣ, въ пыли, загрязненные; кромѣ того и Евангеліе, и рукописи оказались сваленными въ простой не запирающійся деревянный шкафъ, и тамъ подвергались постоянно опасности или сгорѣть, или погибнуть отъ небреженія. Въ виду громадной рѣдкости помннутыхъ предметовъ, Общество вошло съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ къ Его Императорскому Величеству Государю Императору, Державному Покровителю Общества, о Всемилостивѣйшемъ соизволеніи на передачу изъ собора Мстиславова Евангелія и другихъ рукописей въ Патриаршую ризницу, а иконъ „мѣръ рожденія“ и царскихъ портретовъ въ Императорскій Россійскій историческій музей. На это воспослѣдовало 27-го апрѣля 1893 года Высочайшее повелѣніе Св. Синоду объ удовлетвореніи ходатайства Общества; но лишь къ концу года были переданы Мстиславова Евангеліе и рукописи въ Патриаршую ризницу, а въ Историческій музей портреты: Василія Ивановича, Михайла Осодоровича и Алексѣя Михайловича, Оедора Алексѣевича, Оедора Ивановича и князя Скопина Шуйскаго; что же касается до иконъ „мѣръ рожденія“, то объ ихъ передачѣ нѣтъ пока никакихъ извѣстій. Попытка причта и старосты перекрасить царскія могилы въ томъ же соборѣ была замѣчена осенью минувшаго года дѣйствительнымъ членомъ Общества архитекторомъ А. М. Паплиновымъ и остановлена. По осмотрѣ комиссіей Общества этихъ могилъ, оказалось, что рабочіе успѣли закрасить желтой краской подъ мраморъ лишь могилу Скопина-Шуйскаго, когда Общество виѣшалось въ это дѣло. Тогда же было объ этомъ доложено Его Императорскому Высочеству Августѣйшему Московскому генералъ-губернатору, а Его Высочествомъ—Государю Императору.

Озабоченное подготовленіемъ IX археологическаго съѣзда въ Вильнѣ, Общество въ истекшемъ году могло послать одну лишь экспедицію, именно на Кавказъ, на Высочайше дорованныя для сего средства, въ лицѣ дѣйствительнаго члена М. В. Никольскаго и члена-корреспондента А. А. Ивановскаго. Цѣлью экспедиціи было пропѣрить

извѣстныя уже въ наукѣ клинообразныя надписи и, по возможности, отыскать новыя. Какъ извѣстно изъ отчетовъ М. В. Никольскаго и А. А. Ивановскаго, экспедиція удалась исполнѣ, и результаты ея можно назвать богатыми. Много надписей были провѣрены и исправлены, открыта одна очень важная надпись царя Русы, с. Сароура, первой половины VIII вѣка до Р. Х., найдены слѣды древнѣйшаго города ассиро-вавилонской эпохи, и произведены небольшія, но удачныя раскопки. Кромѣ того г. Ивановскому удалось взойти на вершину Арарата и сдѣлать нѣсколько интересныхъ археологическихкихъ и иныхъ наблюдений.

Независимо отъ этой экспедиціи, дѣйствительный членъ А. С. Хахановъ продолжалъ и въ истекшемъ году свои изслѣдованія въ Закавказьѣ, начатыя имъ ранѣе и совершенныя также на Высочайше дарованныя средства.

Въ восточныхъ губерніяхъ производилъ археологическія изслѣдованія членъ-корреспондентъ Ф. Д. Пефедъ (изъ Вятской губерніи), а въ центральной Россіи дѣйствительный членъ В. И. Сизовъ доканчивалъ изслѣдованіе Дьяковского городища и дѣлалъ раскопки въ имѣніи профессора А. Я. Кожевникова, совмѣстно съ владѣльцемъ.

Въ отчетномъ году всѣхъ засѣданій Общества было 22; изъ нихъ 1—годичное, 1—экстренное, 10—распорядительныхъ и 10—обыкновенныхъ, изъ коихъ 4 были въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, Августѣйшаго Почетнаго Члена, и одно—посвященное памяти дѣйствительнаго члена пресвященнаго Амфилохія.

Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ были прочитаны слѣдующіе доклады: 1) *Блокурова С. А.*: О трудахъ гг. Гербачевскаго, Будиловича и Тодоровича по описанію церковныхъ древностей Юго-Западнаго края. 2) *Бялиншевскаго Н. Ѳ.*: Мастерская каменнаго вѣка на Княжей горѣ. 3) *Бугославскаго Г. К.*: Урочище „городокъ“, возлѣ г. Юхнова, Смоленской губ. 4) *Бирона Ж. де-Бай.*: О височныхъ кольцахъ и способахъ ихъ ношенія. 5) *Долова С. О.*: О рукописныхъ Волинскихъ Евангеліяхъ, собранныхъ г. Бугославскимъ и о Галицкомъ Евангеліи 1282 г. изъ собранія Московскаго Румянцевскаго Музея. 6) *Иванова П.*: Къ вопросу о походѣ князей Сѣверскихъ на половцевъ въ 1185 г. 7) *Ивановскаго А. А.*: Отчетъ о поѣздкѣ на Кавказъ. 8) *Иловайскаго Д. И.*: Дополнительная замѣтка объ историческомъ наслоеніи былинъ. 9) *Корсунскаго И. Н.*: Біографическій очеркъ пресвященнаго Амфилохія. 10) *Криштафоровича Н. А.*: Изъ археологиче-

скихъ наблюденій по Московскому уѣзду. 11) *Линиченко Н. А.*: Десятипалъ организациа народа въ древней Руси. 12) *Ею-же*: О вновь открытомъ памятникѣ временъ великаго князя Изяслава Ярославича. 13) *Лихачева Н. Ш.*: Къ вопросу о разрѣшительныхъ грамотахъ посточнаго духовенства. 14) *Люби-Радзимиинская С. В.*: О раскопкахъ въ Волинской губ. 15) *Миллера В. Ѳ.*: Всемирная сказка въ культурно-историческомъ отношеніи. 16) *Ею-же*: Къ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ. 17) *Милокова Н. Н.*: О брошюрѣ прот. В. Успенскаго „Литовскіе пограничныя городки“. 18) *Никольскаю М. В.*: Отчетъ о поѣздкѣ на Кавказъ. 19) *Ею-же*: О раскопкахъ и изслѣдованіяхъ нѣмецкаго восточнаго комитета въ Сиріи. 20) *Павлова А. С.*: О началѣ галицкой и литовской митрополій и о первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по византійскимъ источникамъ XIV вѣка. 21) *Павлинова А. М.*: О Полоцкихъ и Витебскихъ церквяхъ. 22) *Пича О. В.*: О древнихъ могилахъ Чехин. 23) *Пинтусова Н. Н.*: Отчетъ о работахъ по изслѣдованію при-пизненскаго несторіанскаго кладбища въ 1892 г. 24) *Сизова В. Н.*: О новыхъ раскопкахъ въ Могилевской губ. и о древностяхъ Минской губ. 25) *Сорокина Н.*: О загадочномъ знакѣ на монетахъ Св. Владиміра и его сыновей. 26) *Уваровой гр. П. С.*: Отчетъ о IX археологическомъ съѣздѣ въ г. Вильнѣ. 27) *Фетисова.*: Раскопки въ Токмакскомъ уѣздѣ. 28) *Фурсова М. В.*: Раскопки въ Могилевской губ. 29) *Хажанова А. С.*: Отчетъ о поѣздкѣ на Кавказъ. 30) *Харузина Н. Н.*: Движеніе среди французскихъ археологовъ къ изученію Россіи. 31) *Шварца А. Н.*: Гермесъ Праксители на могилѣ Анхіала.

Кромѣ того, въ портфель Общества имѣются еще нѣсколько мелкихъ статей и не доложенныхъ рефератовъ.

Изъ состоящихъ при Обществѣ комиссій *комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ* въ отчетномъ году дѣйствовала въ прежнемъ составѣ и имѣла 14 засѣданій, въ коихъ сдѣлано было 10 сообщеній гг. членовъ комиссіи по осмотру различныхъ древнихъ памятниковъ древности и разсматривалось 49 дѣлъ по сохраненію древнихъ памятниковъ, по которымъ и постановлены были различные рѣшенія. Районъ дѣятельности комиссіи, какъ и въ прошломъ году, не ограничивался одною лишь Московскою губерніею, но захватывалъ и другія, какъ напримѣръ, Ярославскую, Архангельскую, Владимірскую и др. Изъ всѣхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ комиссіи и записанныхъ подробно въ протоколы ея засѣданій, какъ на особенно интересныя, можно указать на слѣдующія:

1) По реставраціи храма Успенія въ Московскомъ Симоновомъ

монастырѣ. Вопросъ о покрытіи главъ этого храма, возбужденный комиссіею по реставраціи, былъ подробно разработать К. М. Быковскимъ и А. М. Павлиновымъ, докладъ которыхъ былъ рассмотрѣнъ комиссіею и предложенъ для руководства при реставраціи.

2) О покрытіи церкви Спаса на Сѣняхъ въ Ростовѣ, проектъ реставраціи коего былъ представленъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Н. В. Султановымъ на обсужденіе комиссіи. Вопросъ этотъ, въ виду значенія храма, былъ особенно внимательно изученъ гг. членами комиссіи; его обсужденію посвящено было два засѣданія, при чемъ были рассмотрѣны mogućію пролить свѣтъ на дѣло рисунки, которые хранятся въ Императорскомъ историческомъ музеѣ и въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

3) Для осмотра трещинъ, появившихся въ Ярославской Пиколо-Мокринской церкви, былъ командированъ отъ комиссіи А. Ф. Мейснеръ. Трещины эти угрожали уничтоженіемъ древнихъ фресокъ. На основаніи осмотра и доклада А. Ф. Мейснера комиссіею были указаны способы для сохраненія фресокъ отъ уничтоженія.

4) Въ Архангельской губерніи, въ Благовѣщенской церкви, Кевроло-Воскресенскаго прихода, Пинежскаго уѣзда предполагалось уничтожить древній интересный иконостасъ; но комиссія, не находя причинъ для этого, по рассмотрѣніи фотографій съ натуры и не находя иконостасъ ветхимъ, предложила сохранить интересный памятникъ старины, подобныхъ которому уже немного остается на нашемъ сѣверѣ.

5) Въ Архангельской церкви Московскаго Чудова монастыря производится реставрація иконъ иконостаса. По предложенію комиссіи гг. члены ея И. Е. Забѣлинъ и В. И. Сизовъ приняли на себя наблюденіе за реставраціею и руководство.

6) Въ комиссію представленъ былъ проектъ на сломку колокольни XVII вѣка при церкви Успенія въ Печатникахъ, въ Москвѣ, и постройки на мѣсто ея новой колокольни. Комиссія постановила сохранить колокольню, а также и древнюю трапезную съ придѣломъ.

7) Подобный же проектъ былъ представленъ на сломку колокольни при церкви Ржевской Божьей Матери близъ Пречистенскихъ воротъ, относящейся къ XVII вѣку. Комиссія, какъ и по предшествующему дѣлу, въ сломкѣ отказала.

8) Въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ по постановленію комиссіи приостановлена начатая безъ разрѣшенія окраска царскихъ гробницъ, которыя предполагалось привести въ такой же видъ, какъ уже успѣли окрасить гробницу князя М. В. Скопина-Шуйскаго.

9) Въ церкви Василія Блаженнаго разрѣшено сломать тамбуръ и предложено согласовать иконостасъ съ внутреннимъ убранствомъ церкви, представляющій по покрытію интересный типъ постройки, образцомъ которой можетъ служить церковь Трифона въ Москвѣ.

10) Въ г. Муромѣ предполагалось сломать колокольню XVII вѣка при храмѣ Воскресенія. Комиссія, по докладу графини П. С. Уваровой, осмотрѣвшей колокольню на мѣстѣ, пришла къ заключенію, что колокольня можетъ быть сохранена, и теперь вмѣсто сломки предложено ее реставрировать.

Изъ приведеннаго краткаго перечня дѣлъ, которыя выдѣлялись по извѣстности памятниковъ старины, какъ и изъ цѣлаго ряда другихъ дѣлъ, по менѣе извѣстнымъ памятникамъ, можно вывести заключеніе, что довольно часто приходится убѣждаться, что сознаніе необходимости сохраненія русской старины далеко еще не всюду проникло въ общество и учрежденія. Мы часто видимъ, какъ легко рѣшается вопросъ объ уничтоженіи памятниковъ и какъ неохотно соглашаются на поддержаніе или реставрацію ихъ. Комиссія съ удовольствіемъ и съ сознаніемъ исполненнаго ею долга можетъ указать на цѣлый рядъ поименованныхъ въ настоящемъ отчетѣ и въ ея протоколахъ памятниковъ, которые она могла сохранить въ должномъ видѣ на долгое время; если же состояніе памятниковъ было таково, что сохранить ихъ по легкости было нельзя, то комиссія сохранила ихъ рисунки, чертежи или фотографіи и такимъ образомъ образцы нашего искусства уцѣлѣли для изученія.

Восточная комиссія въ теченіе отчетнаго года имѣла 6 засѣданій, въ которыхъ было прочитано 16 рефератовъ, а именно:

М. О. Ашмая: По фонетикѣ арабскаго языка. *Х. И. Кучукъ-Юаннесова*: 1) Путешествіе нѣмецкаго ученаго Вальдемара Белькѣ съ археологическою цѣлью по Русской и Турецкой Арменіи. 2) О новомъ трудѣ о. Аляшана „Сисаканъ“. 3) Объ армянской надписи, найденной въ Телавскомъ уѣздѣ. *А. Е. Крымская*: Суффизмъ въ III вѣкѣ гиджры. — Объ арабской надписи, найденной въ Казанской губерніи: *Галустъ Теръ-Мекертьчяна*: О языкѣ ванскихъ клинообразныхъ надписей. *В. Θ. Миллера*: О названіи рѣки Нузы. *Л. З. Маріанца*: 1) По этимологіи языка клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ. 2) Къ интерпретаціи ванскихъ надписей. *М. В. Никольскаго*: 1) Поправка въ изданныхъ текстахъ клинообразныхъ надписей русской Арменіи. 2) О геммѣ съ клинообразною надписью, найденной въ Эриванской губерніи. *Н. Н. Пантусова*: Отчетъ объ изслѣдованіи при-ишпекскаго несторіанскаго

кладбища и его окрестностей осенью 1892 г. *С. С. Случко*: Новые надписи изъ Семирѣченской области, присланныя Н. Н. Пантусовымъ. *А. С. Хазанова*: 1) О виноцминдскихъ актахъ на грузинскомъ языкѣ. 2) По этимологiи древне-грузинскаго языка.

17-го февраля 1894 года исполнился срокъ службы должностныхъ лицъ комиссiи, вслѣдствiе чего произведены были новые выборы. Оказались избранными единогласно: предсѣдателемъ — О. Е. Коршъ, товарищемъ предсѣдателя — В. О. Миллеръ, секретаремъ М. В. Никольскiй.

Славянская комиссiя имѣла за отчетный годъ 10 засѣданiй, въ которыхъ было прочтено и обсуждено 22 реферата и 2 отдѣльных разбора, читанныхъ ранѣе рефератовъ. Читаны рефераты:

1) *А. А. Карпьевымъ*: Новое изслѣдованiе по древне-греческой пословицѣ (по поводу книги К. Крумбаха *„Mittelgriechische Sprichwörter“*). 2) *П. А. Лавровымъ*: Вновь открытые отрывки глаголическаго апостола (по поводу изданiя И. В. Ягича: *Glagolitica*, II). 3) *А. И. Куртичниковымъ*: Хожденiе Богородицы по мукамъ. 4) *А. В. Михайловымъ*: Къ вопросу о бесѣдахъ Константина болгарскаго. 5) *И. А. Линиченкомъ*: Первый опытъ „Славянскихъ древностей“ (о книгѣ: К. G. Anton: *Versuch über die alte Slaven*). 6) *Р. О. Брандтомъ*: По поводу изданiя Паримейника Григоровича. 7) *Л. Г. Нидерле*: (о книгѣ проф. Пича: *„Archeologický, výzkum ve středních Čechách“*). 8) *М. Н. Сперанскимъ*: а) Отчетъ о новыхъ книгахъ по славяновѣдѣнiю. б) Письма П. I. Шафарика къ В. И. Григоровичу. в) О лекцiяхъ Н. С. Тихонравова. 9) *В. В. Бодановымъ*: Къ вопросу о звуковой транскрипцiи живаго русскаго языка. 10) *А. В. Башкировымъ*: О стихотворенiяхъ Юрiя Крижанича. 11) *А. С. Хазановымъ*: Грузинская повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ и Сербская Александрия. 12) *Н. С. Тихонравовымъ*: „Хожденiе iеромонаха Варсополiя во Св. Землю въ 1456 г.“, новый памятникъ русской паломнической литературы. 13) *В. М. Истринымъ*: а) Палейныя сказанiя о столпотворенiи и объ Авраамѣ. б) Палейныя толкованiя нѣкоторыхъ собственныхъ именъ. 14) *М. И. Соколовымъ*: а) Апокрифъ о службѣ тайшъ Христовыхъ. б) Н. С. Тихонравовъ, какъ издатель памятниковъ литературы. 15) *В. О. Миллеромъ*: Наблюденiя надъ географическимъ распространенiемъ былищъ. 16) *А. С. Павловымъ*: Воспомянiя о проф. Н. С. Тихонравовѣ. 17) *С. О. Домовымъ*: а) Сказанiя объ Индiйскомъ царствѣ (по поводу реферата В. В. Истрина въ засѣданiи славянской комиссiи 20-го января 1893 г.). б) Н. С. Тихонравовъ (биографи-

ческій очеркъ). 18) *Н. И. Аммономъ*: Въ память о Н. С. Тихонравовѣ. 19) *Е. А. Дюккимъ*: По поводу реферата В. В. Богданова „О звуковой транскрипціи живаго русскаго языка“ (Засѣданіе славянской комиссіи 23-го февраля 1893 г.). Кроме того прочитаны были некрологи скончавшихся ученых: а) А. И. Вртытка—составленный И. Гавелькой. б) И. Чернаго, в) И. С. Истрובה и г) Фр. Рачкаго, составленные секретаремъ комиссіи.

Въ засѣданіе 23-го января 1894 года приглашенъ былъ сказитель *И. Т. Рябининъ*, спѣвшій нѣсколько былинъ, и *А. С. Аренскій*, записавшій для Славянской комиссіи мотивы этихъ былинъ.

Засѣданіе 19-го февраля 1894 года было посвящено памяти Н. С. Тихонравова.

Вслѣдствіе разрѣшенія распорядительнаго собранія Императорскаго Московскаго археологическаго общества начато, на основаніи § 2 устава славянской комиссіи, изданіе „Трудовъ“ Славянской комиссіи. Изданіе печатается въ типографіи Лиснера и Романа подъ заведываніемъ секретаря комиссіи.

Находящійся въ заведываніи Общества Ростовскій музей церковныхъ древностей и комиссія по административно-хозяйственному управленію Ростовскимъ кремлемъ дѣйствовали въ прежнемъ направленіи, первый—пополняя свои коллекціи, а второй—оберегалъ древніе памятники кремля отъ невѣжественнаго искаженія и разрушенія. Кроме того въ минувшемъ году возникъ въ г. Угличѣ вопросъ объ устройствѣ въ реставрированномъ дворцѣ царевича Дмитрія музея на подобіе Ростовскаго съ тѣмъ, чтобы онъ также находился въ заведываніи Общества.

Въ составѣ должностныхъ лицъ Общества произошло измѣненіе послѣдствіе отказа отъ званія бібліотекаря Общества дѣйствительнаго члена А. И. Станкевича. Общество, съ искреннимъ сожалѣніемъ принявъ этотъ отказъ, единогласно постановило выразить А. И. Станкевичу глубокую благодарность за веденіе имъ труднаго дѣла заведыванія бібліотекой. Составъ членовъ Общества за истекшій годъ значительно измѣнился. Такъ, Общество понесло тяжелыя утраты за отчетный періодъ въ лицѣ дѣйствительнаго члена, преосвященнаго Аммологія, викарія угличскаго († 20-го іюля 1893 г.), бывшаго однимъ изъ старѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ (съ 1864 г.), членовъ-корреспондентовъ: О. О. Чекалина († 22-го декабря 1893 г.) и А. С. Гацискаго († 27-го апрѣля 1893 г.) и заграничныхъ членовъ: Антонія—Ирослава Вртытку, Линденшмидта († 2-го февраля 1893 г.) и Фрэнцо

Рачкія († 1-го февраля 1894 г.), бывшихъ членами Общества съ 1865 г. Что же касается вновь избранныхъ членовъ, то таковыхъ вступило въ отчетномъ году всего: 4 — дѣйствительными членами: проф. В. Г. Васильевскій, А. А. Иловайскій, С. В. Люба-Радзинскій и И. Я. Спрогисъ (послѣдніе трое изъ членовъ-корреспондентовъ), 18 — членами-корреспондентами: Д. В. Айпановъ, М. Н. Бержековъ, Г. К. Бугославскій, слящ. Гербачевскій, С. Е. Звѣренъ, П. И. Зыбинъ, М. С. Корелинъ, Ю. О. Крачковскій, Н. А. Лашковъ, А. В. Лонгиновъ, А. В. Михайловъ, Д. В. Покровский. Е. К. Рѣдинъ, И. И. Смирновъ, Г. Теръ-Мекертчянъ, Н. И. Тодоровичъ, Э. С. Фонъ-Штернъ и М. В. Фурсовъ, и въ члены заграничныя — 10 лицъ: проф. О. Бальцеръ, въ Львовѣ; проф. А. Бенценбергеръ, въ Кенигсбергѣ; А. Кордейро, въ Лиссабонѣ; Кентржинскій, въ Львовѣ; баронъ А. де Лое, въ Брюсселѣ; Г. Л. Нидерле, въ Прагѣ; А. Прохаска, въ Львовѣ; О. В. Пичъ, въ Прагѣ, М. Соколовскій, въ Краковѣ и А. Соляно, въ Неаполѣ. Всего въ настоящее время Общество насчитываетъ 1 члена-основателя (Ю. Д. Филимоновъ), 14 почетныхъ членовъ, 127 дѣйствительныхъ, 130 корреспондентовъ и 97 заграничныхъ; всего-же — 369.

Въ отчетномъ году была совершена также ревизія и приведеніе въ порядокъ библіотеки Общества, въ чемъ уже давно чувствовалась настоятельная необходимость.

Изъ изданій въ минувшемъ году, кромѣ *Археологическихъ Извѣстій и Замятокъ*, Обществомъ не было выпущено ничего. Въ настоящее же время оканчивается печатаніемъ XI томъ *Древностей* и издаются *Археологическія Извѣстія и Замятки*, и кромѣ упомянутыхъ выше „Трудовъ Славянской комиссіи“ и „Трудовъ Виленскаго съѣзда“, начаты печатаніемъ, подъ редакціей гр. П. С. Уваровой, IV томъ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“, составляющій отчетъ о поѣздкахъ графини Уваровой, и II томъ „Трудовъ Московскаго археологическаго съѣзда“.

Музей Общества по-прежнему пополнялся вещами, добытыми изъ раскопокъ экспедицій Общества, и частными пожертвованіями; большинство этихъ поступленій Общество по обычаю жертвовало Императорскому Россійскому историческому музею.

ЗАНЯТІЯ ЕГИПТОЛОГІЕЮ И АССИРІОЛОГІЕЮ ВЪ БЕРЛИНѢ ¹⁾.

По прїѣздѣ въ Берлинъ, согласно данной мнѣ факультетомъ инструкціи, я счелъ себя обязаннымъ немедленно явиться къ моему будущему руководителю проф. Эрману. Освѣдомившись вкратцѣ о моихъ прежнихъ занятіяхъ египтологіей, онъ первымъ дѣломъ посоветовалъ мнѣ пока отнюдь не приступать къ занятіямъ демотическимъ языкомъ, которыя мнѣ были указаны въ инструкціи и которыми руководилъ въ лѣтнемъ семестрѣ 1893 г. знаменитый Бругшъ. Какъ одинъ изъ мотивовъ своего совѣта проф. Эрманъ приводилъ необходимость въ совершенствѣ знать древне-египетскую и коптскую грамматики, а также и лексиконы этихъ языковъ. Тексты пирамидъ поставили и то, и другое на совершенно новую почву, объяснивъ много темныхъ пунктовъ и обогативъ науку цѣнными данными; детальная разработка текстовъ со стороны преимущественно грамматической привела ученыхъ Берлинской школы ко многимъ совершенно новымъ выводамъ, сдѣланнымъ устарѣвшими не только грамматикой Бругша, но и „*Neuägyptische Grammatik*“ самого Эрмана, въ чемъ онъ самъ тутъ же немедленно и признался, изъявляя сожалѣніе, что въ лѣтній семестръ онъ не читаетъ курса грамматики. Дѣйствительно, въ послѣднее десятилѣтіе египтологи были поставлены въ немалое затрудненіе: старыя пособія старѣли, новыхъ не появлялось, если не считать случайныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и не представлявшихъ ничего ни цѣлаго, ни систематическаго. Между тѣмъ давно обѣщанныя для Петермановой *Recht* *linguam* египетская и коптская грамматики не могли скоро поя-

¹⁾ Изъ отчета о занятіяхъ въ 1893—1894 гг. магистранта В. А. Тураева, командированнаго съ ученою цѣлью за границу историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

виться въ виду сложности работы надъ перестройкой старыхъ системъ; результатомъ было то, что только слушатели берлинскихъ профессоровъ имѣли возможность пользоваться ихъ выводами. „Мы требуемъ отъ египтологовъ такихъ же твердыхъ и точныхъ грамматическихъ познаній, какія необходимы для филологовъ-классиковъ; прошло время, когда египетскіе тексты переводились приблизительно; теперь необходимо отдавать отчетъ въ каждомъ знакѣ, въ каждой точкѣ“ — вотъ слова, которыя я услыхалъ затѣмъ отъ основателя и архегета Берлинской грамматической школы. Нельзя не согласиться, что жалоба на неопредѣленность египетской грамматики и лексикона и на произвольность выводовъ египтологин долго были общимъ мѣстомъ, поэтому слова проф. Эрмана доставили мнѣ большое утѣшеніе и облегченіе. И мои первыя впечатлѣнія поддерживали это чувство. Съ первой же лекціи мнѣ пришлось убѣдиться, что нѣмецкая египтологія въ послѣдніе годы сдѣлала громадныя успѣхи и завоевала себѣ господствующее положеніе въ наукѣ. Причиной этого обстоятельства было, отчасти то, что египтологія въ настоящее время вступила въ новый періодъ своего развитія. Открытіе науки, собраніе памятниковъ и матеріаловъ дѣло, какъ извѣстно, французовъ и англичанъ. Но подавляющая масса этого матеріала, колоссальность задачъ, требующихъ непосредственнаго разрѣшенія, дала имъ возможность рѣшить только главнѣйшіе вопросы и намѣтить точки отправленія и планъ дальнѣйшей разработки матеріала. Въ то время, какъ Шампольонъ издавалъ свои монументальные труды, когда Шаба съ Гудвиномъ работали надъ іератическими папирусами и дѣлали, такъ сказать, рекогносцировки въ только что завоеванной области, нѣмецкая наука производила или пресловутыхъ Зейфартовъ и Улемановъ, или ученыхъ, замѣчательныхъ по трудолюбію и таланту, но не отваживавшихся на самостоятельныя работы надъ текстами (напримѣръ, Лепсіусъ, Эберсъ). Переходную ступень въ исторіи нѣмецкой египтологин представляетъ дѣятельность Бругша, который категорически отрицаетъ всякую связь съ старыми нѣмецкими учеными и называетъ себя ученикомъ французовъ. Обнаруживая въ своихъ великихъ произведеніяхъ французскую широту рядомъ съ нѣмецкимъ трудолюбіемъ, онъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ современной нѣмецкой школы, хотя послѣдняя, къ сожалѣнію, не всегда является къ нему справедливой. Уже своими переводами и справочными руководствами, сопоставившими разбросанный матеріалъ и приведшими многое къ единству, онъ сдѣлалъ возможнымъ разработку деталей и частности, то-есть,

другими словами, открылъ періодъ господства въ наукѣ нѣмцевъ. Конечно, нельзя забывать, что первые завоеватели новой научной области, будучи упоены побѣдой, считали себя въ силахъ справляться со всѣми препятствіями и, что еще хуже, стремились какъ можно скорѣе дѣлать свои нерѣдко поспѣшные выводы общимъ достояніемъ. Они читали *in extenso* всякіе тексты, рѣдко сознаваясь въ своемъ безсиліи понимать ихъ. Между тѣмъ дѣло обстоятъ далеко неблагополучно. Египетскій лексиконъ построенъ исключительно на зыбкой почвѣ коптскаго, сохранившаго намъ его незначительную часть въ искаженномъ видѣ, на сомнительныхъ сомитическихъ сопоставленіяхъ, да на неопредѣленныхъ и нерѣдко ошибочныхъ опредѣлительныхъ знакахъ; къ тому же тексты переполнены ошибками и часто сильно пострадали отъ времени. Все это упускалось изъ вида, доказательствомъ чему служить, между прочимъ, и знаменитый словарь Бругша, дающій категорическіе отвѣты почти на всѣ поднимаемые вопросы, а также переводы не только этого автора, но и его современниковъ—французовъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что старая египтологія опиралась во многихъ пунктахъ на позднѣйшіе саисскіе и-ptолемеевскіе источники, не дѣлая различія между ними и классическими, не желая знать того, что въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій смѣнились не только династїи, но и различные періоды культуры во всѣхъ ея проявленіяхъ. Догматъ о „неподвижности“ культуры Египта долго былъ роковымъ для египтологіи. Впервые его несостоятельность замѣтилъ Масперо; Эрману принадлежитъ честь проведенія историческаго метода въ изученіе всѣхъ отдѣловъ египетской культуры и, особенно, языка. Нечего и говорить, что и во время лекцій проф. Эрманъ придерживается тѣхъ же принциповъ, проводя историческій методъ не только въ объясненіе формъ, но даже въ наблюденія надъ орографіей, сообщая слушателямъ правописаніе словъ въ разные періоды и приходя такимъ путемъ иногда къ интереснымъ выводамъ. Кромѣ того признаваться въ незнаніи и безсиліи при чтеніи поврежденныхъ и ошибочныхъ текстовъ у него не считается неудобнымъ; напротивъ, переводы и объясненія съ натяжками тщательно избѣгаются. Съ такимъ отношеніемъ къ дѣлу мнѣ пришлось встрѣтиться уже на первой лекціи, посвященной объясненію текстовъ пирамидъ, этого древнѣйшаго въ мірѣ литературнаго памятника. Къ сожалѣнію, я застаю уже продолженіе этого важнаго курса, начатаго въ зимнемъ семестрѣ. Жаль также, что при одной лекціи въ недѣлю въ теченіе короткаго лѣтняго семестра нельзя было успѣть много прочесть. Занятія сосре-

доточивались на объясненіи 4-й и 5-й сотни Понн I и 6-й сотни текстовъ Тета-Уна. Кромѣ того, въ концѣ зимняго семестра нѣсколько лекцій было посвящено началу текстовъ, что до извѣстной степени восполнило для меня то, чего мнѣ не удалось слушать зимой 1892 г. Характеризовать курсъ можно только сопоставивъ гладкій *in extenso* переводъ Масперо въ „*Recueil*“ съ осторожнымъ, испещреннымъ пропусками и вопросительными знаками переводомъ Эрмана. Такимъ же характеромъ отличалось и чтеніе іератическихъ рукописей: папируса Abbot и нѣсколькихъ Туринскихъ писемъ (66, 2, 3, 4, 5 и тѣхъ др.). Работамъ надъ послѣдними предшествовало краткое введеніе объ египетской эпистолографіи или, точнѣе говоря, объясненіе стереотипныхъ формулъ, обычныхъ въ этомъ родѣ литературы. Кромѣ того, проф. Эрманъ во время лѣтняго семестра читаетъ обыкновенно популярный курсъ египетской археологіи, состоящій въ объясненіи памятниковъ музея. Хотя я не ожидалъ въ этомъ случаѣ услышать что-нибудь для себя особенно новое, тѣмъ не менѣе счелъ не лишнимъ послушать и этотъ курсъ, занимавшійся памятниками въ оригиналѣ. Еще интереснѣе былъ археологическій курсъ проф. Штейндорфа, котораго я засталъ еще въ Берлинѣ; при мнѣ онъ читалъ послѣдній семестръ, будучи вызванъ въ Лейпцигъ. Курсъ его былъ болѣе спеціальнѣ, имѣя предметомъ сначала памятники точно датированные, и потомъ—произведенія египетскаго „мелкаго искусства“. Какъ точно датированные памятники были избраны предметомъ изученія вещи, добытыя въ Кагунѣ, Гуробѣ, Илахунѣ и Телль-эль-Амарнѣ—городахъ, выстроенныхъ съ извѣстной цѣлью и существовавшихъ короткое время. Нельзя, конечно, назвать особенно удачнымъ выборъ для тщательнаго изученія кагунскихъ и даже, отчасти, гуробскихъ древностей: грубыя вещи, принадлежавшія рабочимъ, не могутъ служить представителями искусства эпохи. Интереснѣе и важнѣе древности Телль-эль-Амарны; болѣе тщательное изученіе ихъ можетъ повести къ весьма важнымъ выподамъ. Замѣчу, что предметомъ изученія были почти исключительно произведенія керамики. Изъ памятниковъ египетскаго „мелкаго искусства“ особенное вниманіе обращаютъ на себя скарабей; ихъ изученію и была посвящена вторая часть курса, разсматривавшая ихъ съ хронологической стороны и установившая ихъ классификацію въ этомъ отношеніи на основаніи изображеній, матеріала, цвѣта и т. д.

Занятія языкомъ, литературой и древностями Египта въ зимнемъ семестрѣ отличались еще большими разнообразіемъ, охватывая всѣ

періоды египетской исторіи. Изъ памятниковъ древняго царства разбиралось въ концѣ семестра начало текстовъ пирамидъ, о чемъ я уже имѣлъ случай упомянуть; изъ представителей литературы средняго царства изучались знаменитыя приключенія Синухи и исторія крестьянина (Раруг. Berl. I и II). Первый папирусъ читали не только въ подлинникѣ, но даже по оригиналу, хранящемуся въ Берлинскомъ музеѣ, но успѣли дойти только до конца второй сотни строкъ. Разборъ памятника классической эпохи египетскаго языка, своеобразнаго и не всегда удобопонятнаго въ палеографическомъ отношеніи, не вполнѣ безупречнаго относительно текста, будучи весьма интереснымъ и полезнымъ, представлялъ, однако, серьезныя трудности не только для насъ, но и для профессора. Занявшіеся впервые текстомъ Шаба, Гудвинъ и Масперо, при тогдашнемъ состояніи науки, не могли видѣть всѣхъ этихъ трудностей: они переводили *in extenso* и при томъ, къ сожалѣнію, довольно-таки небрежно, такъ что переводъ Масперо въ его „*Contes populaires*“... прямо опасенъ для не-египтологовъ. Найденный въ Лондонѣ отрывокъ начала разказа давалъ такіе варианты, которые прямо доказывали, что египтяне сами не понимали того, что писали и дѣлали массу ошибокъ. Въ виду этого обстоятельства, конечно, даже самое совершенное знаніе египтологіи безсильно исправить текстъ, и большая пачитанность проф. Эрмана въ египетской литературѣ помогла ему во многихъ мѣстахъ лучше своихъ предшественниковъ уловить нить разказа и общій смыслъ испорченнаго мѣста. Рар. Berl. II мы читали въ транскрипціи и при томъ только первыя 75 строкъ, за которыми слѣдуютъ совершенно непонятныя мѣста. Изъ памятниковъ новаго царства предметомъ занятій служилъ великій папирусъ Гарриса, этотъ замѣчательный и интересный историческій документъ. Прочтено первыхъ 9 страницъ и 5 послѣднихъ. Наконецъ, въ зимнемъ семестрѣ проф. Эрманъ впервые объявилъ курсъ чтенія памятниковъ птолемеевой и римской эпохи. Это совершенно особый и самостоятельный отдѣлъ науки, подобно демотикѣ. Проф. Эрманъ самъ только недавно сталъ систематически заниматься имъ и на лекціяхъ не разъ признавался, что Бругшъ и покойный Дюмихенъ въ этомъ отношеніи авторитетнѣе его. Тѣмъ не менѣе, и на этомъ поприщѣ онъ является драгоцѣннымъ руководителемъ, и остается только пожалѣть, что наше знакомство съ интересной и важной птолемеевой литературой не могло быть полнымъ въ виду незначительности числа лекцій (1 часть въ недѣлю) и краткости времени. Занятія велись въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) Выѣето введенія была прочтена по гипсовому слѣпку Берлинскаго музея надпись изъ времени царствованія Александра II и управленія Египтомъ Птолемея I (такъ называемаго Сатрапова стѣла).

б) Прочтены по оригиналу двѣ неизданныя надгробныя стѣлы 26-й династіи. Вслѣдствіе своего варварскаго письма и варварскаго языка, содержащаго въ іероглифической оболочкѣ коптскія формы, да при томъ и невозможно написанныя, эти надписи могутъ быть смѣло поставлены въ разрядъ гораздо болѣе позднѣйшихъ.

в) Разобраны всѣ неизданныя небольшія надписи, хранящіяся въ Берлинскомъ музеѣ и происходящія изъ разныхъ храмовъ временъ Птолемеевъ и римлянъ (№№ 2117—2123).

г) Для ознакомленія съ храмовой мифологической и ритуальной литературой этого періода прочтено нѣсколько отрывковъ изъ „Textes, relatifs au mythe d'Horus“ Навилля и „Resultate“ Дюмхена. Жаль только, что занятія интересными ритуальными текстами ограничились только Dümich. Result. 35—41.

е) Разобрано два памируса: заукокойный, написанный странными іероглифами и дающій нѣсколько неизвѣстныхъ словъ, и іератическій, представляющій родъ учебника, содержащаго перечень звѣздъ, боговъ, именъ неба, различныхъ духовъ-покровителей. (Въ палеографическомъ и орфографическомъ отношеніи написанъ безукоризненно).

Въ заключеніе добавлю, что въ этотъ семестръ я считалъ не лишнимъ прослушать у проф. Эрмана и грамматическій курсъ, въ чемъ нисколько не раскаиваюсь.

Перехожу къ *коптскому* языку.

По пріѣздѣ въ Берлинъ я засталъ еще проф. Штейндорфа, который въ то время читалъ здѣсь послѣдній семестръ. Этотъ талантливый и, не смотря на свою молодость и сравнительную немногочисленность трудовъ, составившій себѣ почетное имя въ наукѣ ученый также подвизается, главнымъ образомъ, на поприщѣ грамматики и лексикона. Не можетъ быть сомнѣнія, что данно уже обѣщавшая намъ для Петермановой коллекціи и до сихъ поръ не исполнѣ отпечатанная „Koptische Grammatik“ отыѣтитъ настоятельной потребности египтологовъ, которымъ все время пришлось обходиться слишкомъ обширной и нѣсколько устарѣвшей грамматикой Штерна. Заслуга Штейндорфа состоитъ въ установленіи точныхъ фонетическихъ законовъ, приведеніи въ систему обширнаго матеріала, собраннаго Штерномъ, и отведеніи болѣе обширнаго мѣста сравнительному элементу—производству коптскихъ формъ изъ древне-египетскихъ. Въ этомъ отно-

шеніи книга Штейндорфа даетъ много интереснаго, новаго и является естественнымъ дополненіемъ къ египетской грамматикѣ Эрмана, ведя изложеніе параллельно и ссылаясь на соответствующіе параграфы. Практическіе курсы у проф. Штейндорфа состояли: 1) изъ грамматическо-фонетическихъ упражненій при чтеніи алокрифовъ (курсу предшествовало введеніе, состоявшее въ изложеніи коптской фонетики и діалектологіи); 2) изъ палеографическихъ упражненій надъ коптскими папирусами и ostraca. Для ознакомленія слушателей съ канцелярскимъ слогомъ документовъ и съ *scriptura continuata* было предложено прочесть сначала одинъ изъ папирусовъ, изданныхъ Revillout въ „*Actes et contrats*“ подъ № 5 вслѣдствіе колоссальной небрежности автора, почти безъ раздѣленія словъ. Дурное изданіе представляло, конечно, не мало затрудненій для чтенія и пониманія, но еще больше пришлось ихъ встрѣтить при разборѣ факсимиле контракта, изданнаго у Stobart, *Egyptian Antiquit.* Проработавъ съ успѣхомъ надъ этимъ около мѣсяца, мы перешли къ чтенію ostraca въ оригиналѣ. Берлинскій музей необыкновенно богатъ черепками, покрытыми коптскими текстами, представляющими большую частію письма монаховъ, иногда отрывки изъ Св. Писанія и т. п. Будучи, по большей части, письмами и не принадлежа къ книжной литературѣ, они нерѣдко заключали въ себѣ слова и обороты, не встрѣчающіеся въ литературной рѣчи. Это, въ связи съ неудовлетворительнымъ состояніемъ документовъ, является причиною значительныхъ трудностей, съ которыми приходится считаться при разборѣ ихъ. Тѣмъ не менѣе, интересъ, возбужденный ими, заставилъ насъ и лѣтомъ продолжать чтеніе другихъ ostraca, но результаты не соответствовали нашимъ ожиданіямъ: все возможное для прочтенія и пониманія было уже или издано, или прочтено на лекціяхъ; остальное представляло изъ себя жалкіе обломки, покрытые прилипшимъ пескомъ, полустертые и непопятые. Интереснѣе текста были изображенія на нѣкоторыхъ изъ ostraca, представлявшія довольно удачные образцы орнаментовки: заставки, различнаго рода фигуры животныхъ и т. п. Всѣ эти документы написаны на сахидскомъ нарѣчій, что объясняется, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ, недостаткомъ папируса въ Верхнемъ Египтѣ. Наконецъ, предметомъ третьяго практическаго курса проф. Штейндорфа было ознакомленіе съ фаумскимъ діалектомъ коптскаго языка. Берлинскій музей необыкновенно богатъ папирусами, большую частію юридическаго содержанія, письмами, поступившими въ него съ 1877 года изъ Фаума, этого уединеннаго оаза, сохранившаго, благодаря

своей обособленности, діалектъ съ отпечаткомъ древности. Незначительность вполнѣ понятныхъ памятниковъ (напримѣръ, библейскихъ текстовъ), сохранившихся на немъ, его грамматическая непослѣдовательность и отличный отъ другихъ парѣчій лексиконъ, а также неразборчивость и отрывочность папирусовъ, были причиною того, что драгоценные документы, обнимавшіе собой девять первыхъ вѣковъ христіанства, рисующіе канцелярскую, дѣловую и частную жизнь провинціи, а слѣдовательно, важные для египтолога, юриста, византинолога и историка церкви, долго оставались неразработанными и только въ 1885 году Штерну удалось издать нѣсколько лучше сохранившихся и наиболѣе понятныхъ папирусовъ (*Aegypt. Zeitschr.* 1885, 24 sq.). Наши занятія этими памятниками начались уже не задолго до окончанія лѣтняго семестра, тѣмъ не менѣе мы успѣли составить себѣ понятіе о грамматическихъ особенностяхъ діалекта и, начавъ съ одного папируса, изданнаго Штерномъ, съ перемѣннымъ счастьемъ успѣли прочесть нѣсколько новыхъ.

Въ зимнемъ семестрѣ я счелъ не лишнимъ прослушать у проф. Эрмана курсъ коптской грамматики и чтенія отрывковъ изъ „*Arphrhetegmata patrum*“, помѣщенныхъ въ каталогъ Цозги. Курсъ былъ особенно важенъ, благодаря новостіи метода и выводовъ, и полезенъ, благодаря практическому направленію, строго-грамматическому характеру переводовъ и постоянному обращенію къ древне-египетскимъ грамматикѣ и лексикону.

Считаю не лишнимъ упомянуть, что, помимо трудностей лексическихъ, грамматическихъ и т. п., которыми такъ богаты древневосточные тексты и для преодоленія которыхъ требуется вообще не мало времени, намъ приходилось еще считаться съ затрудненіями чисто практическаго характера—съ недостаткомъ книгъ и текстовъ. Не говоря уже объ оригиналахъ, которые, разумѣется, нужно было копировать и копированіе которыхъ полезно и необходимо, намъ приходилось предварительно списывать и изданные тексты, какъ древне-египетскіе такъ и коптскіе. При значительномъ числѣ оріенталистовъ въ Берлинѣ и при сравнительной бѣдности здѣшнихъ библіотекъ, при крайней дороговизнѣ изданій, приходилось довольствоваться однимъ экземпляромъ на всѣхъ слушателей. Чтеніе коптскихъ текстовъ изъ Цозги могло состояться только благодаря тому, что одинъ изъ слушателей имѣлъ возможность привезти экземпляръ изъ копенгагенской университетской библіотеки. Нечего и говорить, что подготовка къ лекціямъ и копированіе іероглифическихъ текстовъ отни-

мали массу времени и не оставляли достаточно мѣста для самостоятельной работы; тѣмъ не менѣе мнѣ удалось изучить почти всѣ тексты времени Рамзеса III, довольно регулярно читать богейрскіе тексты (большую частію, ритуальные по изданіямъ Туки) и, по возможности, слѣдить за египтологической литературой, къ выдающимся произведеніямъ которой въ истекшемъ году слѣдуетъ отнести между прочимъ „Asien und Europa“ Макса Мюллера, „Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches“ Шнигелберга и нѣсколько мелкихъ вещей, большую частію помѣщенныхъ въ журналахъ. Книга Макса Мюллера, несомнѣнно, сдѣлается справочнымъ пособіемъ; потребность въ подобномъ руководствѣ по исторической географіи вѣ-египетскихъ странъ назрѣла уже давно, а трудолюбіе и тщательность автора сдѣлали все возможное для собиранія матеріала и критической его провѣрки. Многіе взгляды автора сдѣлаются достояніемъ науки (напримѣръ, болѣе точное установленіе палестинскихъ географическихъ терминовъ); другіе (напримѣръ, Аморио-хеттская теорія) менѣе убѣдительны, но вообще слѣдуетъ быть благодарнымъ автору за его тщательность и за то, что онъ старался принимать въ соображеніе, по возможности, весь матеріалъ, не исключая такъ называемыхъ мелочей и обращая должное вниманіе на то, что для другихъ оставалось незамѣченнымъ. Жаль только, что стремленіе всегда рѣшать вопросы приводило иногда автора къ натяжкамъ, а желаніе всегда говорить новое—къ отрицанію старыхъ, но въполнѣ возможныхъ предположеній. Особенно достается отъ автора Бругшу, что несправедливо уже потому, что только благодаря неутомимой дѣятельности этого ученаго, создававшего историческую географію Египта, и оказалась возможной детальная разработка предмета. Жаль также, что авторъ не воспользовался въ достаточной степени Телль-эль-Амарной.—Говоря объ исторической географіи и Бругшъ, упомяну кстати, что во время лѣтняго семестра этотъ ученый читалъ ея курсъ. Но онъ былъ рассчитанъ для широкаго круга слушателей, а потому отличался краткостью и популярнымъ характеромъ.

Что касается моихъ занятій *ассириологіей*, то, согласно данной мнѣ факультетомъ инструкціи, я старался слушать, по возможности, всѣ курсы, не исключая и начальнаго. Такимъ образомъ, въ первый семестръ я занимался у проф. Шрадера и Винклера. Отецъ германской ассириологіи, сообщившій ей научный характеръ и много сдѣлавшій для исторической разработки клинописи, является уже теперь заходящимъ свѣтиломъ. Впрочемъ, занятія у него очень полезны для

начинающихъ, такъ какъ онѣ не имѣютъ свойственной другимъ ученымъ привычки торопиться, оставляя многое не разъясненнымъ. Это особенно вредно въ такомъ языкѣ, какъ ассиро-вавилонскій, въ которомъ всѣ наши свѣдѣнія шатки. Лингвистическіе курсы его состояли: 1) въ лѣтнемъ семестрѣ изъ чтенія нѣкоторыхъ надписей Ассур-назирабала и ново-открытой надписи Ассаргадона, которую мы еще читали по корректурнымъ листамъ роскошнаго изданія дирекціи берлинскихъ музеевъ: „Ausgrabungen in Sendschirli“. Оригиналь этой надписи, прекрасно сохранившейся на огромномъ монолитѣ съ интересными изображеніями царя и плѣнныхъ владѣтелей Египта и Тира, находится въ Берлинѣ вмѣстѣ съ другими важными находками нѣмцевъ въ Сиріи. Въ началѣ 1888 года въ Берлинѣ организовался „Orient-comité“, задавшійся цѣлью производить на постокѣ раскопки для снабженія нѣмецкихъ музеевъ и доставленія матеріала нѣмецкимъ ученымъ, которымъ до тѣхъ поръ приходилось довольствоваться разработкою того, что собирали другіе. Идея образованія комитета встрѣтила сочувствіе во всѣхъ слояхъ общества: профессора различныхъ специальностей, дипломатическіе представители Германіи на востокѣ, негодіанты и чиновники спѣшили дѣлаться его членами и оказывать ему не только матеріальное, но и личное содѣйствіе. Раскопки оказались возможнымъ начать въ томъ же году, и онѣ, будучи руководимы извѣстнымъ археологомъ и антропологомъ Люшаномъ, привели къ блестящимъ результатамъ, проливъ неожиданный свѣтъ на культуру, о которой до тѣхъ поръ знали только изъ намековъ въ ассирійскихъ и еврейскихъ источникахъ. Были открыты туземные памятники сѣверной Сиріи на границѣ Малой Азіи у Исскаго залива, то-есть, въ самомъ конечномъ пунктѣ семито-арамейскаго міра и въ области загадочныхъ хетовъ, въ настоящее время пустынной и необитаемой. Открыта колоссальная статуя бога Адада—рѣдкій, почти единственный идолъ семитскаго божества, дошедшій до насъ, а надпись на ней какъ и на статуѣ царя Панаму—древнѣйшіе памятники арамейскаго языка. Слѣдуетъ надѣяться, что дальнѣйшія археологическія изысканія въ этой области прольютъ еще болѣе свѣта на Сирію, которая за послѣднее десятилѣтіе значительно выступила наружу, не переставая напоминать о себѣ отъ времени до времени интересными туземными памятниками. Монолитъ Ассаргадона также принадлежитъ къ числу древностей, найденныхъ въ Sendschirli: это памятникъ побѣды надъ Египтомъ. 2) Зной Шрадеръ читалъ сначала сумерійскую грамматику и руководилъ занятіями по чтенію избран-

ныхъ сумерійскихъ текстовъ и билингвическихъ надписей царей урскихъ, касситскихъ и царя Шамашшумукина. Изложеніе грамматики было нѣсколько устарѣвшимъ.

„Историческіе“ курсы проф. Шрадера состояли: 1) въ лѣтнемъ семестрѣ изъ „ассиро-вавилонскихъ древностей“ и 2) въ зимнемъ— изъ „исторіи древняго востока“. Оба курса читались не для спеціалистовъ, были популярны и кратки, особенно послѣдній. Въ курсѣ древностей представляло нѣкоторый интересъ изложеніе древней географіи Ефратскихъ странъ по новымъ памятникамъ и очеркъ ассиро-вавилонскаго искусства, сопровождавшійся демонстраціями. Вообще, слѣдуетъ признаться, что исторія востока въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, здѣсь далеко не процвѣтаетъ. Здѣсь еще всецѣло господствуетъ старый взглядъ на историческую науку, какъ на изученіе исключительно политической, въ частности, военной жизни народа; нерѣдко приходится слышать даже изъ устъ выдающихся ученыхъ, что тотъ или другой источникъ не заключаетъ въ себѣ ничего цѣннаго для исторіи только потому, что въ немъ не встрѣчается именъ царей и не упоминается о сраженіяхъ. Положимъ, практическія соображенія заставляютъ и у насъ отдѣлять курсы древностей отъ изложенія политической исторіи, но никто никогда не станетъ теоретически обосновывать это дѣленіе; между прочимъ здѣсь первая лекція проф. Шрадера была посвящена именно разграниченію понятій „древности“ и „исторія“. Мало того въ недавно вышедшей, но успѣвшей сдѣлаться пресловутой „Geschichte Babył. u. Assyr.“ Винклера, такъ много сдѣлавшаго для детальной разработки восточной исторіи, каждая глава распадается на „Geschichte“ (не „Politische Geschichte“, что еще, пожалуй, имѣло бы смыслъ), заключающую въ себѣ исторію смѣны царей и перечень походовъ, и „Allgemeines“—изложеніе прочихъ сторонъ жизни народа. Винклеръ также читалъ въ зимнемъ семестрѣ небольшой историческій курсъ: „Памятники и исторія Израиля“. Въ послѣднее время матеріалъ для этой излюбленной темы значительно пополнился; возросла въ такой же пропорціи и литература предмета. Винклеру принадлежитъ также не мало изслѣдованій въ этой области, а поэтому курсъ его въ значительной степени состоялъ изъ сообщенія уже извѣстнаго раньше, остальное представляло, большею частью, гипотезы, которыя нуждаются въ провѣркѣ и подтвержденіи матеріаломъ будущаго. Непріятно поражаетъ слишкомъ задорный тонъ по отношенію къ Библии. Что

касается лингвистическихъ курсовъ Винклера, то они, кромѣ курса грамматики, состояли: а) изъ объясненія ново-вавилонскихъ текстовъ Ассурбанипала. Навуходоносора, Набонида; б) изъ чтенія поэтическихъ текстовъ: избранныхъ гимновъ, VI пѣсни эпоса Гильгамиша, сказанія о схожденіи въ адъ Истары. Въ пониманіи двухъ послѣднихъ текстовъ лекторъ ушелъ немногимъ дальше Іереміаса; неясныя мѣста не получили разъясненія, напротивъ, скептическій ученикъ подвергъ сомнѣнію и многое изъ того, что для послѣднего казалось понятнымъ; с) изъ чтенія депешъ, помѣщенныхъ въ IVR 45. Чтеніе этихъ документовъ представляетъ еще большія трудности, но ознакомленіе съ нимъ для историка въ высшей степени полезно. Въ данномъ случаѣ оно имѣло особенное значеніе, какъ переходъ къ чтенію Телль-эль-Амарны, объявленному на лѣтній семестръ. Методъ Винклера противоположенъ Шрадеровскому; курсъ рассчитанъ не для лингвистовъ, а для интересующихся содержаніемъ памятниковъ, сообразно чему на грамматическую сторону обращается очень мало вниманія и замѣчается стремленіе познакомить слушателей съ возможно большимъ количествомъ памятниковъ. Конечно, для начинающихъ эта метода не совсѣмъ пригодна, но для тѣхъ, кто слушаетъ одновременно проф. Шрадера, занятія у Винклера могутъ служить цѣннымъ дополненіемъ.

Изъ другихъ семитическихъ языковъ я пока занимался только египетскимъ подъ руководствомъ проф. Шрадера. Кромѣ грамматики было прочтено и объяснено нѣсколько библейскихъ отрывковъ. Дальнѣйшія занятія я велъ въ свободное время самостоятельно, взявъ для руководства "Хрестоматію Дильманна.

Съ зимняго семестра 1893—1894 года выступилъ въ Берлинскомъ университетѣ молодой, но уже давно извѣстный ассиріологъ докторъ К. Леманъ. Въ силу обстоятельствъ, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ, онъ былъ принужденъ выступить на кафедрѣ не семитологіи, а всеобщей исторіи, но благодаря этому онъ попалъ на настоящее мѣсто. Дѣйствительно, между здѣшними ориенталистами, онъ болѣе другихъ приближается къ настоящему понятію историка, а потому его курсъ вавилоно-ассирійской исторіи и служившій къ нему дополненіемъ археологическій курсъ въ Музеѣ были полны глубокаго интереса и сообщали не мало новыхъ взглядовъ. Остроуміе, широта мысли, прекрасное знаніе классиковъ и умѣніе извлекать изъ нихъ цѣнныя данныя, строгая, но свободная отъ крайностей критичность,

отсутствіе предвзятыхъ мыслей, этого бича многихъ ориенталистовъ, — вотъ характеристическія черты этого ученаго, отъ котораго наука въ правѣ ожидать еще очень многого. Уже теперь она обязана ему уясненіемъ самаго темнаго періода вавилонской исторіи — древнѣйшихъ городскихъ царствъ и блестящимъ опроверженіемъ анти-сумеристовъ. Для насъ, русскихъ, Леманъ имѣетъ особенный интересъ: онъ ревностно трудится уже нѣсколько лѣтъ надъ разрѣшеніемъ задачи, который по праву и обязанности лежать на нашей наукѣ. Какъ извѣстно, со времени Шульца, Гюйарда, Паткасова и Сэйса, существованіе остатковъ до-арійской культуры въ нашей и турецкой Арменіи было обнаружено и сдѣлалось фактомъ. Клинообразныя надписи на неизвѣстномъ языкѣ, находимыя тамъ, сдѣлались предметомъ попытокъ разбора, увѣнчавшихся успѣхомъ.

Въ недавнее время пониманіе текстовъ и изученіе прошлаго этого загадочнаго народа значительно подвинулись впередъ, благодаря антропологическимъ экспедиціямъ по Арменіи, предпринятымъ по мысли проф. Вирхова. Одинъ изъ участниковъ въ этихъ экспедиціяхъ, разносторонній естествоиспытатель докторъ Болькъ собралъ нѣсколько новыхъ надписей и рѣшилъ путемъ топографическихъ изслѣдованій нѣсколько историческихъ и филологическихъ вопросовъ. Разборомъ новыхъ надписей онъ занялся вмѣстѣ со своимъ другомъ Леманомъ, и оба ученые пришли къ новымъ важнымъ выводамъ, изложеннымъ ими на страницахъ журналовъ: *Zeitschrift für Ethnologie, Verhandlungen d. Berliner Anthropol. Gesellschaft* и *Zeitschrift für Assyriologie*. На сколько вообще слѣдуетъ радоваться этимъ результатамъ, благодаря которымъ вышелъ изъ мрака забвенія еще одинъ древній культурный народъ, бывшій одно время опаснымъ соперникомъ всемірнаго ассирійскаго могущества, на столько же грустно, что наша русская наука сдѣлала такъ мало для разработки остатковъ этой культуры, находящихся не только вблизи нашихъ границъ, но даже въ предѣлахъ Россіи. Трудно, впрочемъ, допустить, чтобы наша наука, не щадившая средствъ для собиранія и разработки греческихъ древностей юга Россіи, оставила безъ вниманія эти несравненно болѣе древніе и, во всякомъ случаѣ, нисколько не менѣе интересные памятники и допустила иностранцевъ не только эксплуатировать соприкасающійся съ Россіей древній востокъ, но и расхищать собственные наши археологическія богатства. Дѣйствительно, Московское Археологическое Общество сознало, повидимому, эту неотложную за-

дачу русской науки, издавъ въ послѣднее время въ своихъ *Запискахъ* нѣсколько Ванскихъ надписей. Тщательность, съ которой, по отзыву видѣвшихъ этотъ трудъ специалистовъ, выполнено со внѣшней стороны это изданіе, заставляетъ насъ съ радостью привѣтствовать его, какъ начало болѣе дѣятельнаго отношенія къ этой интересной и благодарной задачѣ, возложенной на русскую науку Провидѣніемъ.

Б. Тураевъ.

•

ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. ТРЕСКИНѢ.

20-го мая текущаго года скончался въ Москвѣ одинъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ области нашего народнаго образованія—Николай Алексѣевичъ Трескинъ. Имя его не пользовалось широкою извѣстностью въ нашей общественной средѣ; но на избранномъ имъ поприщѣ педагога и писателя для народа онъ поработалъ не мало и проявилъ себя однимъ изъ тѣхъ даровитыхъ, преданныхъ дѣлу и безкорыстныхъ тружениковъ, невидными, но постоянными усиліями которыхъ дѣйствительно поднимается наше общественное развитіе. При своихъ замѣчательныхъ способностяхъ, при высокомъ благородствѣ характера и при неустанной энергіи, онъ отличался удивительною скромностью, и въ этомъ достоинствѣ, не слишкомъ обычномъ въ наше суетное время, заключается одна изъ главныхъ причинъ какъ малой извѣстности, выпавшей на долю этого достойнаго чловека, такъ и того, почему не суждено было ему развернуть свою дѣятельность болѣе широко, соотвѣтственно его дарованіямъ и его усердію къ общей пользѣ. Единственною наградой для такихъ людей можетъ быть лишь сохраненіе доброй о нихъ памяти послѣ того, какъ кончилось ихъ земное поприще. Поэтому нѣсколько воспоминаній о покойномъ Н. А. Трескинѣ кажутся намъ уместными на страницахъ изданія, посвященнаго интересамъ русскаго просвѣщенія.

Н. А. Трескинъ родился въ Кронштадтѣ 5-го іюли 1838 года. Воспитанный сперва въ родительскомъ домѣ подъ руководствомъ отца, весьма умнаго и основательно образованнаго морскаго офицера¹⁾, и

¹⁾ Алексѣй Михайловичъ Трескинъ родился въ 1796 году, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и всю жизнь провелъ на службѣ во флотѣ и по морскому вѣдомству. Въ молодости онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг.,

матери, женщины высокой, чистой души и также прекраснаго образованія, — онъ поступилъ затѣмъ въ Ларинскую (четвертую) гимназію въ Петербургѣ и кончилъ здѣсь курсъ въ 1856 году. Послѣ того онъ былъ принятъ въ число студентовъ С.-Петербургскаго университета, изъ котораго вышелъ въ 1860 году со степенью кандидата историко-филологическаго факультета. Въ то время въ университетахъ дѣйствовалъ еще старый, такъ-называемый Уваровскій уставъ, преподаваніе еще не имѣло того строго спеціальнаго характера, какой получило впоследствии, и факультетъ, на которомъ слушалъ лекціи Н. А. Трескинъ, давалъ преимущественно общее гуманное образованіе, безъ обязательнаго привлеченія слушателей къ той или другой тѣсно опредѣленной группѣ наукъ. Тѣмъ не менѣе, еще на университетской скамьѣ Н. А. Трескинъ обнаружилъ интересъ главнымъ образомъ къ исторіи, и хотя не предназначалъ себя къ чисто ученой дѣятельности, однако успѣлъ приобрести значительную начитанность въ исторической литературѣ. Читалъ онъ преимущественно книги по исторіи первыхъ вѣковъ христіанства и по начальному періоду среднихъ вѣковъ. На этой основѣ сложились его нравственныя и общественныя воззрѣнія; отсюда почерпнулъ онъ интересъ къ народной жизни, къ наблюденіямъ надъ народнымъ характеромъ и уваженіе къ народной самобытности. Въ связи съ историческими чтеніями Н. А. Трескина начались и его литературные труды: еще будучи студентомъ, онъ перевелъ для журнала *Разсвѣтъ* „Рассказы изъ временъ Меровинговъ“ Огюстена Тьерри, а для журнала для юношества *Подснежникъ* составилъ по Прескотту статью „Завоеваніе Перу“. Впоследствии переводъ сочиненія Тьерри былъ изданъ вторично отдѣльною книгой (С.-Пб. 1892).

По окончаніи университетскаго курса Николай Алексѣевичъ опредѣлился домашнимъ наставникомъ въ почтенное семейство князя С. В. Кочубея. Въ этомъ домѣ онъ имѣлъ счастье встрѣтить самый ласковый пріемъ и со своей стороны заплатилъ за него заботливымъ исполненіемъ своихъ обязанностей по воспитанію порученнаго ему юноши (нынѣ также покойнаго). Въ 1861 году Н. А. Трескинъ сопровождалъ семейство князя за границу, при чемъ посѣтилъ Констан-

позже служилъ въ морскомъ корпусѣ и состоялъ членомъ морскаго ученаго комитета. Онъ напечаталъ нѣсколько интересныхъ статей по теоріи и исторіи морскаго дѣла въ *Телеграфѣ* и позже въ *Морскомъ Сборникѣ*. Скончался въ 1884 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

тинополь, сѣверную Италію, Францію и Германію. Этимъ путешествіемъ онъ воспользовался, чтобы дополнить свое образованіе и развить прожденное чувство изящнаго знакомствомъ съ произведеніями искусства въ Венеціи, Парижѣ и Дрезденѣ. Сохранился его тогдашній дневникъ, въ которомъ его путевыя впечатлѣнія и наблюденія изложены со всею живостью молодого чувства и занимательностью, свидѣтельствующею объ его литературномъ дарованіи.

По возвращеніи въ Россію Н. А. Трескинъ разстался съ семействомъ князя Кочубея и въ январѣ 1862 года опредѣлился на государственную службу; по канцелярскія занятія въ департаментѣ внѣшней торговли (нынѣ таможенныхъ сборовъ) оказались несродными его натурѣ; въ 1864 году онъ покинулъ ихъ и снова обратился къ педагогической дѣятельности. Онъ занялъ мѣсто преподавателя географіи въ домѣ воспитанія бѣдныхъ дѣтей (что нынѣ гимназія) Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и оставался здѣсь до 1869 года. Незадолго до его поступленія названное заведеніе, находившееся въ запущеніи, оно приобрѣло новаго директора въ лицѣ П. М. Цейдлера. Этотъ просвѣщенный человѣкъ и прекрасный педагогъ поставилъ себѣ цѣлью обновить управляемое имъ училище какъ въ воспитательномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи; въ лицѣ Николая Алексѣевича онъ нашелъ усерднаго сотрудника и умѣлъ оцѣнить его. Какъ извѣстно, постановка преподаванія географіи еще до сихъ поръ не вполнѣ удовлетворительна въ нашей школѣ,—тридцать же лѣтъ тому назадъ дѣло это находилось на очень низкой степени. Молодому учителю дома воспитанія приходилось не только выработать самостоятельно методъ преподаванія географіи, но и готовить собственные курсы, въ дополненіе къ плохимъ учебникамъ, бывшимъ тогда въ употребленіи. И все это было имъ сдѣлано съ замѣчательнымъ тактомъ, съ большою затратою труда и привело къ дѣйствительно прекраснымъ результатамъ. Со словъ самого П. М. Цейдлера мы знаемъ, что уроки географіи сдѣлались для питомцевъ дома воспитанія самою любимую частью ихъ курса; ясностью, наглядностью и живостью своихъ объясненій Н. А. Трескинъ умѣлъ заинтересовать своихъ учениковъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ остальныхъ преподавателей. Впрочемъ, о характерѣ этихъ школьных его занятій, о задачахъ, которыя онъ ставилъ себѣ здѣсь, и о степени его собственной подготовки къ ихъ выполненію можно судить по нѣсколькимъ статьямъ изъ области географіи, тогда же имъ напечатаннымъ. Онѣ были помѣщены въ 1867 и 1868 годахъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣще-*

нія, къ участию въ которомъ Н. А. Трескинъ былъ приглашенъ тогдашнимъ редакторомъ этого изданія А. И. Георгіевскимъ. По своей содержательности и основательности статьи эти не потеряли интереса до сихъ поръ. Однѣ изъ нихъ касаются географіи какъ учебнаго предмета, другія содержатъ въ себѣ обзорѣе новѣйшихъ открытій и наблюденій въ области землѣдѣнія. Изъ перваго ряда статей укажемъ въ особенности на прекрасный разборъ извѣстнаго географическаго учебника Пуликовскаго (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867 г., сентябрь). Въ этой статьѣ авторъ не только разсматриваетъ съ большою основательностью достоинства и недостатки названной книги, но также высказываетъ свой собственный взглядъ на дѣло составленія школьнаго руководства по географіи. Неудовлетворительность господствовавшихъ учебниковъ и несостоятельность самихъ преподавателей географіи Н. А. Трескинъ весьма справедливо объясняетъ отсутствіемъ каеодры землѣдѣнія въ нашихъ университетахъ. Указаніе на этотъ пробѣлъ было весьма цѣнно въ свое время; но только двадцать-пять лѣтъ спусти послѣ того, какъ оно было сдѣлано, географіи пошла въ кругъ наукъ, читаемыхъ съ нашихъ университетскихъ каеодръ. Въ той же статьѣ Н. А. Трескинъ говорилъ о пользѣ сѣздовъ учителей географіи; опытъ такого совѣщанія былъ осуществленъ въ Москвѣ еще до напечатанія статьи Николая Алексѣевича, но не будучи хорошо подготовленъ, не принесъ значительныхъ результатовъ; это обстоятельство подало Н. А. Трескину поводъ разъяснить въ особой замѣткѣ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1868 года, іюнь) причины этой неудачи и тѣ условія, которыя необходимы для успѣшнаго хода подобныхъ совѣщаній. Въ бумагахъ Н. А. Трескина сохранился и опытъ географическаго учебника, имъ самимъ составленный, но онъ не далъ ему окончательной отдѣлки и не рѣшался пустить его въ печать. Что касается географическихъ обзорѣей, Н. А. Трескинъ составлялъ ихъ для журнала также въ примѣненіи къ учебнымъ цѣлямъ: имѣлось въ виду данать учителямъ географіи запасъ свѣжихъ свѣдѣній изъ области преподаваемаго ими предмета и такимъ образомъ, такъ сказать, постоянно подновлять ихъ географическое образованіе; составитель этихъ статей обнаруживалъ не только свое знакомство съ новыми данными науки, но и строгую обдуманность задачи, которую онъ преслѣдовалъ¹⁾.

¹⁾ Географическія обзорѣия, составленные Н. А. Трескинымъ, напечатаны (безъ его подписи) въ мартовской, сентябрьской и ноябрьской книжкахъ *Журн.*

Какъ ни былъ Н. А. Трескинъ преданъ интересамъ собственно учебнаго дѣла, онъ не могъ ограничиться только ими по живости своего ума. Приобрѣтя обширную начитанность въ географической литературѣ, онъ задумалъ воспользоваться этимъ запасомъ свѣдѣній и для другихъ цѣлей—для популяризаціи географическихъ знаній въ народной средѣ. Въ 1868 году онъ сдѣлалъ первый опытъ такой работы, составивъ очеркъ подъ заглавіемъ; „Сѣверный край Европейской Россіи и его промыслы“. Онъ былъ напечатанъ въ 1870 году въ журналѣ для юношества *Досугъ и дѣло*, а въ 1892 году вышелъ вторымъ изданіемъ. (С.-Пб. 1892); но онъ уже давно заслуживалъ перепечатки, такъ какъ очеркъ этотъ написанъ очень занимательно и читается съ увлеченіемъ; по интересу содержанія и по доступности изложенія это—одна изъ лучшихъ нашихъ книгъ для народнаго чтенія.

Еще раньше, чѣмъ Н. А. Трескинъ занялся этимъ трудомъ, онъ получилъ отъ Географическаго Общества предложеніе принять участіе въ статистико-экономической экспедиціи для изученія нашей хлѣбной торговли и промышленности. На долю Н. А. Трескина выпало изслѣдованіе южныхъ губерній средней полосы Россіи, иначе говоря, бассейна Оки. Съ этою цѣлью онъ совершилъ въ 1867 году поѣздку въ Тамбовскую губернію, изслѣдовалъ движеніе хлѣбныхъ грузовъ по Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ и изучилъ Елецкій хлѣбный рынокъ. То было вообще время перелома въ нашей торговой жизни въ зависимости отъ сооруженія новыхъ желѣзныхъ путей, которые значительно измѣнили прежнее направленіе хлѣбныхъ грузовъ. Это обстоятельство очень усложняло задачи изслѣдователя: приходилось одновременно наблюдать и старые приемы хлѣбнаго торга, и тѣ приспособленія, къ которымъ призывали торговцевъ вновь создающіяся условія ихъ дѣла. Особенно богатый матеріалъ Н. А. Трескину удалось собрать относительно Елецкаго рынка, какъ это можно видѣть по его любопытному сообщенію о значеніи Ельца какъ складочнаго пункта хлѣбной торговли, сдѣланному въ Географическомъ Обществѣ и напечатанному въ его *Извѣстіяхъ* 1868 года. Къ сожалѣнію, болѣзнь, постигшая изслѣдователя по время этой поѣздки, заставила его отказаться отъ продолженія мѣстныхъ изысканій и ограничиться только сводомъ обширныхъ статистическихъ матеріаловъ, имъ собран-

Мин. Нар. Просв. 1867 года. Кромѣ статьи о Московскомъ сѣздѣ и объ учебникѣ Путиловскаго, Н. А. Трескинъ помѣстилъ тамъ же (іюнь 1868 года), разборъ двухъ географическихъ учебниковъ Корнеля.

ныхъ,—окончательная же обработка этихъ данныхъ была сдѣлана уже постороннею рукой. За то разнообразныя наблюденія, вынесенныя Н. А. Трескинымъ изъ его странствованій, пригодились ему въ его дальнѣйшей дѣятельности—опять на педагогическомъ поприщѣ.

Въ сентябрѣ 1869 года Н. А. Трескинъ былъ назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ Рязанской губернии. Дѣло, за которое онъ теперь принялся, было для него новое; но и самое учрежденіе инспекціи состоялось не задолго предъ тѣмъ; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія еще только вырабатывалась инструкция для инспекторовъ народныхъ училищъ; казенныя народныя школы еще только возникали. Н. А. Трескинъ горячо взялся за свое дѣло и въ первые же мѣсяцы своей службы въ Рязанской губерніи успѣлъ основать до тридцати школъ, при чемъ лично объѣхалъ большую часть своего района. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, самъ рязанскій землевладѣлецъ, имѣлъ возможность ознакомиться на мѣстѣ съ дѣятельностью Н. А. Трескина и оцѣнить его способности; при личномъ объясненіи съ графомъ Николай Алексѣевичъ изложилъ ему трудности дѣла, порученнаго инспекторамъ народныхъ училищъ, и между прочимъ указалъ на то, что назначеніе одного лица для надзора за школами цѣлой губерніи представляется крайне недостаточнымъ. Какъ извѣстно, вскорѣ затѣмъ послѣдовало расширеніе инспекціоннаго института. Но Н. А. Трескину не пришлось уже воспользоваться выгодами этого улучшенія, такъ какъ въ октябрѣ 1870 года онъ оставилъ Рязанскую губернію и перешелъ на службу по вѣдомству учреждений императрицы Маріи помощникомъ начальника округовъ Московскаго Воспитательнаго дома.

Новая должность, которую занялъ Н. А. Трескинъ, была въ сущности однородна съ предшествующею и также удерживала его на педагогическомъ поприщѣ. Питомцы Московскаго Воспитательнаго дома размѣщаются въ селеніяхъ Московской губерніи, и для ихъ элементарнаго образованія Воспитательный домъ содержитъ особыя сельскія школы: въ заведываніи ими и состояли обязанности Николай Алексѣевича. Покойный почетный опекунъ А. К. Пфель, подъ управленіемъ котораго находился въ то время Московскій Воспитательный домъ и подвѣдомыя ему учрежденія, прилагалъ особыя заботы къ улучшенію означенныхъ школъ, и въ этомъ отношеніи Н. А. Трескинъ былъ ему отличнымъ помощникомъ. Николай Алексѣевичъ производилъ постоянныя объѣзды и осмотры школъ, слѣдилъ за занятіями учениковъ и учителей и присутствовалъ на школьныхъ испы-

таніяхъ. По временамъ учителя были собираемы въ Москву, и Николай Алексѣвичъ читалъ имъ небольшіе практическіе курсы педагогики примѣнительно къ потребностямъ народной школы. Необходимость улучшить составъ учителей въ школахъ Воспитательнаго дома привела А. К. Пфеля къ мысли учредить для приготовленія учителей въ эти заведенія особую учительскую семинарію. Въ теченіе 1874 года Н. А. Трескинъ занимался составленіемъ проекта устава для нея, и по его утвержденіи Высочайшею властью, послѣдовало въ августѣ 1875 года открытіе этой семинаріи въ Москвѣ. Директоромъ ея былъ назначенъ Н. А. Трескинъ, сохранившій при томъ въ своихъ рукахъ и завѣдываніе самыми школами. Соединеніе тѣхъ и другихъ обязанностей въ одномъ лицѣ было тѣмъ необходимѣе, что воспитанники семинаріи избирались исключительно изъ числа лучшихъ учениковъ сельскихъ школъ Московскаго Воспитательнаго дома.

Заведеніе, во главѣ котораго былъ поставленъ Н. А. Трескинъ, и котораго онъ былъ въ полномъ смыслѣ создателемъ, не уклонялось, по своему плану, отъ общаго типа подобныхъ учреждений. Предметы преподаванія въ немъ были тѣ же, что въ другихъ учительскихъ семинаріяхъ. Но великое достоинство этого скромнаго учрежденія заключалось въ томъ духѣ, какой въ немъ господствовалъ, и которымъ оно было обязано всецѣло своему директору. Н. А. Трескинъ поставилъ себѣ цѣлью не отрывать воспитанниковъ отъ той сельской среды, въ которой имъ предстояло дѣйствовать впослѣдствіи; получая извѣстное образованіе, они въ то же время сохраняли живую связь съ народною жизнью, съ условіями и нуждами деревенскаго быта, изъ котораго они вышли и куда должны были возвратиться черезъ четыре года, то-есть, по окончаніи курса; чтобы прочтѣе укрѣпить эту связь, воспитанниковъ на вакаціонное время отсылали въ крестьянскія семьи, гдѣ они провели свое младенчество и гдѣ теперь обязаны были пріучаться къ крестьянскому труду. Учебный курсъ семинаріи, при всей своей ограниченности, поставленъ былъ очень серьезно; въ число преподавателей Н. А. Трескинъ успѣлъ привлечь прекрасныя педагогическія силы, какъ напримѣръ, для закона Божія отца Петра Смирнова, нынѣ протоіерея Исаіевскаго собора въ Петербургѣ, и отца Андрея Полотебнова, настоятеля церкви въ Московскомъ межевомъ институтѣ, для русскаго языка—К. А. Козмина и И. И. Виноградова, для исторіи и географіи—М. М. Соколова, для математики—В. Ю. Зографа, для физики—А. П. Мишина, и всѣ эти лица ревностно трудились для одной цѣли, одушевляемые примѣромъ

самого директора; замѣчательно, что въ теченіе всего времени директорства Н. А. Трескина составъ преподавателей семинаріи оставался почти безъ перемѣны, потому что дѣло дѣлалось съ полнымъ единодушіемъ и согласіемъ. Самъ Николай Алексѣевичъ читалъ курсъ педагогики; сохранившіяся записки его чтеній доказываютъ, что его курсъ отличался какъ самостоятельностью мысли и полнотой содержанія, такъ и замѣчательною ясностью и простотой изложенія. Что касается воспитательной части заведенія, то она вполне записѣла отъ нравственной личности директора, и можно по справедливости сказать, что въ этомъ отношеніи Николай Алексѣевичъ былъ лучшимъ наставникомъ, какого только можно желать для учебнаго заведенія. Человѣкъ въ высшей степени сердечный, искренній и мягкій, онъ умѣлъ однако держать себя твердо тамъ, гдѣ нужна была твердость, и авторитетъ его стоялъ очень высоко среди воспитанниковъ; онъ не любилъ вообще прибѣгать къ строгости, но было достаточно нѣсколькихъ его внушительныхъ словъ, чтобы пристыдить провинившагося и направить его на путь исправленія. Его воспитанники, безродные сироты, любили его какъ отца и боялись его прямодушныхъ выговоровъ сильнѣе всякихъ строгихъ наказаній; къ такимъ наказаніямъ онъ и не прибѣгалъ, и во все время его управленія едва ли хоть одинъ воспитанникъ былъ исключенъ изъ семинаріи за дурное поведеніе. Окончившіе курсъ питомцы семинаріи сохранили къ своему директору самое теплое чувство благодарности, и не только тѣ изъ нихъ, которые поступали въ учителя сельскихъ школъ Воспитательнаго дома, и за дѣятельностью которыхъ онъ продолжалъ слѣдить со своею обычною внимательностью, но даже тѣ, которые нашли возможность избрать себѣ другую дорогу, неизмѣнно носѣдили его, когда имъ случалось прѣзжать на лошадку въ Москву, либо состояли съ нимъ въ перепискѣ, обращались къ нему съ различными просьбами и всегда находили въ немъ добраго совѣтника и заботливаго ходатая по ихъ нуждамъ. Первые выпуски изъ семинаріи, разумѣется, доставили контингентъ новыхъ учителей для школъ Воспитательнаго дома; но когда семинарія стала давать излишекъ окончившихъ въ ней курсъ, Н. А. Трескинъ принялъ на себя заботу пристраивать своихъ бывшихъ учениковъ по разнымъ другимъ школамъ; многіе изъ питомцевъ семинаріи опредѣлялись учителями въ школы земскія и частныя, а для тѣхъ молодыхъ людей, которые не выходѣ изъ семинаріи оказывались мало способными къ педагогической дѣятельности, Николай Алексѣевичъ старался пріискивать какой-либо другой родъ занятій.

Въ скоромъ времени заведеніе, руководимое Н. А. Трескинымъ съ такою горячею любовью и беззаветною преданностію дѣлу, приобрѣло почетную извѣстность, а самъ директоръ семинаріи занялъ видное мѣсто въ педагогическомъ мірѣ Москвы. Къ сожалѣнію однако, на одиннадцатый годъ существованія этого полезнаго учрежденія, обстоятельства, совершенно постороннія его внутреннему состоянію и развитію, положили предѣлъ его бытію. Въ вѣдомствѣ учреждений императрицы Маріи обнаружилась необходимость сократить расходы, и учительская семинарія питомцевъ Московскаго Воспитательнаго дома была приношена въ жертву этой потребности. Закрытіе семинаріи послѣдовало въ 1886 году, къ немалому горю ея директора, который видѣлъ въ ней свое любимое дѣтище. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. А. Трескинъ былъ причисленъ къ вѣдомству, и на него, какъ опытнаго педагога, была возложена обязанность служить представителемъ центральнаго управленія учреждений императрицы Маріи на экзаменахъ въ московскихъ женскихъ институтахъ; сверхъ того, ему былъ порученъ надзоръ за питомцами Московскаго Воспитательнаго дома, получающими образованіе въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Этими занятіями ограничивалась педагогическая дѣятельность Н. А. Трескина въ послѣдніе годы его жизни. Кромѣ того, съ начала 1887 года онъ несъ цензорскія обязанности въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ, и въ этомъ знаніи скончался.

Не прекращалась до самой смерти и литературная дѣятельность Николая Алексѣевича. Еще въ началѣ своей службы по народнымъ училищамъ онъ составилъ небольшое руководство для сельскихъ школъ: „Первые уроки грамоты и письма“, съ приложеніемъ къ нему „Наставленія о томъ, какъ давать первые уроки грамоты и письма“. Книжки эти, выпущенныя подъ псевдонимомъ Н. Рязанскаго, выдержали съ 1872 по 1879 годъ пять изданій, что доказываетъ ихъ удобоприимчивость къ предназначенной цѣли. Позже, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, Н. А. Трескинъ составилъ планъ цѣлой библіотеки книгъ для народнаго чтенія. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу въ одномъ дружескомъ письмѣ въ августѣ 1878 года: „Въ народныхъ училищахъ нашихъ теперь кончается ученье множество дѣтей, которые однако выходятъ очень молодыми. Они очень скоро забываютъ грамоту, потому что читать имъ рѣшительно нечего. Страсть къ чтенію однако очень велика; она остается безъ удовлетворенія и безъ благого примѣненія. Есть, правда, нѣсколько десятковъ книжекъ для чтенія народа; но это—тощескія книжечки, прочитыва-

смыя въ одинъ вечеръ, и достоинства небольшого. Все это побуждало меня много разъ задумываться надъ тѣмъ, какъ бы пополнить такой пробѣлъ въ нашемъ народномъ образованіи. Писать что-либо оригинальное въ настоящую минуту—по меньшей мѣрѣ дерзости. Между тѣмъ, нашею богатою литературою народъ не пользуется—отчасти потому, что толстыя книги дороги для народа, и онъ ихъ не знаетъ, еще болѣе потому, что пѣтъ такого сочиненія, сложный языкъ котораго, иностранныя слова, наконецъ подробности, не допустимыя въ педагогическомъ смыслѣ, не дѣлали бы такой книги опять-таки недоступною для народа. Все это меня побуждаетъ пріурочить для народнаго чтенія нѣсколько избранныхъ русскихъ произведеній характера повѣствовательнаго и описательнаго. На первый разъ я взялъ „Князя Серебрянаго“, „Тараса Бульбу“, „Капитанскую дочку“ и „Войну и миръ“. Въ такой редакціи у меня уже готовы: „Князь Серебряный“ и „Капитанская дочка“. При этомъ мнѣ приходилось дѣлать не только сокращеніе текстовъ, но даже измѣнять нѣсколько языкъ авторовъ и дѣлать пояснительныя собственныя вставки. Я глубоко убѣжденъ, что такое переименованіе подлинниковъ, на которые мы привыкли смотрѣть какъ на святины, совершенно необходимо,—безъ этого народъ никогда не прочтетъ ни „Капитанской дочки“, ни „Войны и мира“, ни „Серебрянаго“ и пр.; всегда онъ будетъ читать только глупыя естественно-историческіе разказы или жалкія подражанія иностраннымъ литературамъ... Я имѣю цѣлью обработать цѣльную бібліотеку для народа. Впередъ я думаю пустить изданную литературу (русскіе историческіе романы и повѣсти), потомъ нѣсколько путешествій по Россіи, наконецъ передѣлку разныхъ повѣствованій чисто моральнаго содержанія. Цѣлью своей жизни я поставилъ себѣ—служить народной школѣ, въ будущность которой и необходимость я буду вѣрить до гроба... что бы тамъ ни говорили! Между тѣмъ, служить этому дѣлу только практическою дѣятельностью, а не перомъ,—не достаточно. Шаткость нашихъ учительскихъ семинарій это показывается (даже такой *свѣтлой*, въ полномъ смыслѣ слова, какъ моя). Безъ цѣли же жить я не могу. Вотъ тоже причина, почему я взялся теперь за дѣло, о которомъ тебѣ пишу“. Въ 1879 году былъ изданъ былъ первый опытъ такой переработки П. А. Трескина—„Князь Серебряный“, при чемъ передѣлыватель получилъ отъ графини С. А. Толстой разрѣшеніе на это изданіе. Оно быстро разошлось въ продажѣ, но въ одной изъ нашихъ газетъ составителю былъ сдѣланъ упрекъ, будто онъ посягаетъ сво-

нимъ трудомъ на красоту произведеній нашихъ образцовыхъ писателей. Это легкомысленное замѣчаніе заставило Н. А. Трескина поддержать отъ печатанія другихъ имъ подготовленныхъ переработокъ. Въмѣсто того онъ предпринялъ составленіе уже собственныхъ историческихъ очерковъ для народнаго чтенія, но, по разнымъ обстоятельствамъ, успѣлъ приготовить для печати только два изъ нихъ — объ императрицѣ Екатеринѣ II и о князѣ Потемкинѣ; оба эти книжки были изданы Московскимъ Обществомъ для распространенія полезныхъ книгъ и выдержали каждая по два изданія (М. 1879 и 1888).

Рядомъ съ составленіемъ книгъ для народнаго чтенія Н. А. Трескинъ не отказывался и отъ другихъ литературныхъ трудовъ переподанныхъ и оригинальныхъ. Въ 1892 году изданъ былъ въ его переработкѣ замѣчательный этюдъ А. Сореля о г-жѣ Сталь, а въ послѣдній годъ своей жизни Николай Алексѣевичъ, какъ бы возвращаясь къ историческимъ занятіямъ своей ранней молодости, съ увлеченіемъ предпринялъ передачу на русскій языкъ превосходнаго сочиненія Гастона Буассье: „Паденіе язычества“. Переводъ этотъ печатается въ настоящее время въ журналѣ *Пантеонъ Литературы*. Вообще, литературное призваніе проявлялось въ этомъ умномъ и даровитомъ человѣкѣ еще съ раннихъ лѣтъ. Въ его бумагахъ сохранилось нѣсколько поэтическихъ его набросковъ въ прозѣ и стихахъ, между прочимъ нѣсколько прекрасныхъ сценъ изъ не конченной драматической хроники „Москва и Тверь“. Не разъ принимался онъ писать свою семейную хронику, но и изъ нея уцѣлѣли только отдѣльныя части въ черновомъ видѣ. Небольшой отрывокъ изъ этого произведенія, подъ заглавіемъ: „() русскихъ морскихъ фамильныхъ преданій“, былъ напечатанъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1878 года (№ 81) и представляетъ образецъ мастерскаго историческаго разказа. Скропность и строгая требовательность къ себѣ была причиною, почему Н. А. Трескинъ вообще такъ мало печаталъ.

Н. А. Трескинъ скончался внезапно отъ разрыва сердца, и при скорбной вѣсти объ его смерти всѣ знавшіе его могли сказать: „Однимъ хорошимъ человѣкомъ стало на свѣтѣ меньше“.

Л. М.

ПУСТОЗВОНЪ

(Miles Gloriosus)

комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ

съ прологомъ

ТИТА МАКЦИЯ ПЛАВТА

поставлена на сцену въ Римѣ окло 200 г. до Р. Хр. ¹⁾

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе 1-е.

Палэстріонъ (одинъ).

Скажу вамъ, зрители, что здѣсь я—рабъ недавній;
А какъ попалъ сюда въ неволю, чѣмъ доселѣ
Я былъ, сейчасъ узнаете вы отъ меня:
Развѣсьте уши: я-жъ бесѣду поведу.
Жилъ-былъ въ Аѳинахъ юноша,—мой повелитель,
Премилый человекъ! Любилъ онъ тамъ дѣвицу,
Взаимности добился: дѣло шло на ладъ;
Какъ вдругъ его въ Навпактъ услали съ порученьемъ:
„Великую народу службу сослужить!“
Тутъ занесло въ Аѳины этого вояку;
Завелъ знакомство онъ съ подружкой господина,
Старуху мать ея сначала улестилъ,

¹⁾ *Продолженіе. См. юньскую кн. Журн. Мин. Нар. Пр. за текущій годъ.*

Кормилъ ее, поилъ, подарками осыпалъ
И кончилъ тѣмъ, что въ душу ей совѣтъ залѣзъ.
Вотъ случай улучшить, влюбленный воевода
Очки прехитрю потеръ старухѣ той, чью дочку
Любилъ мой господинъ: и мать-то не видала,
Какъ дѣвицу тотъ воинъ на корабль отправилъ
И вотъ сюда въ Эфесъ неволей затащилъ!
Узнавъ, что изъ Аонинъ она исчезла повсе,
Какъ только могъ скорѣй—я судно снарядилъ,
И господину вѣсть о томъ повезъ въ Навпактъ.
Лишь въ море вышли мы, стрелася тутъ бѣда:
По волѣ божіей насъ сцапали корсары,
И я пропалъ, еще на мѣсто не попавши:
Былъ взятъ въ плотоу, и вотъ сюда достался въ рабство.
Едва я въ этотъ домъ съ владыкой новымъ прибылъ,
Нашелъ здѣсь прежнюю подругу господина.
Увидѣвши меня, она мнѣ подмигнула,
Чтобъ съ ней не говорить; а тамъ, въ удобный часъ,
Всю горькую судьбу свою мнѣ разказала:
Что съ радостью она-бъ въ Аонины убѣжала.
На сердцѣ-де у ней—лишь прежнія зазноба,
А воевода ей—по горло надоѣлъ!
Узнавъ тогда ея завѣтное желанье,
Тотчасъ посланнице тайкомъ я настрочилъ,
И къ юношѣ его съ купцомъ однимъ отправилъ,
Сюда чтобъ онъ пріѣхалъ. Тотъ не преминулъ:
Явился, и въ сосѣдствѣ тутъ остановился;
Его отца живетъ здѣсь старый побратимъ.
Прехитрый дѣдъ: онъ въ юношѣ души не чаеть
И намъ совѣтами и дѣломъ помогаетъ.
Устроилъ я у насъ механику со штукой,
Чтобы влюбленнымъ тѣмъ сходиться было можно:
Въ покоѣ тамъ, куда подругу воевода
Упряталъ и приказъ отдалъ, чтобъ ни ногой
Туда никто не смѣлъ,—я стѣну пробуравилъ,
Чтобъ дѣва та могла тайкомъ насъ павѣщать.
И дѣдъ про это знаетъ: онъ насъ надоумилъ.
Есть, правда, стражъ у ней—приставленъ воеводой—
Товарищъ мой: да тотъ—грошевый дуралей;

Своею тонкой плутней и уловкой хитрой
Глаза ему мы такъ навѣрно отведемъ,
Что зрячій за слѣпаго будетъ онъ у насъ!
И вотъ придѣлать-ка: сегодня за двоихъ,
То тамъ, то здѣсь появится дѣвица:
Все та-жъ она, а вдругъ прикинется другою.
И сторожа оставить въ круглыхъ дуракахъ.
А вонъ у старика и двери заскрипѣли:
Да вотъ и дѣдъ-хитрецъ: ишь, легкокъ на поминѣ!

Явленіе 2-е.

Палэстріонъ и Хитроумъ; послѣдній при выходѣ кри-
чить прислугѣ внутри дома:

Хитроумъ.

Если-жъ вы у насъ на крышѣ впредь увидите чужаго,
Всѣ бока ему намните,—шкуру съ васъ не то спущу!
Ишь вѣдь, вздумали сосѣди носъ ко мнѣ домой совать:
Ужъ глядѣтъ на крышу лезать! Мой приказъ теперь вамъ всѣмъ:
Если тамъ изъ воеводскихъ вы поймаете кого,
Кромѣ вотъ Палэстріона,—внизъ того тотчасъ спустить!
Хоть и скажетъ онъ, что ловить пѣтуха или голубку,
Иль мартышку,—запорю всѣхъ, коль отпустите живымъ!
И чтобы, на зло закону, въ „кости“ опъ играть не смѣлъ,
Всѣ переломайте кости вы проказнику тому! ¹⁾

Палэстріонъ.

Чѣмъ-то наши провинились здѣсь, какъ слышу я теперь:
Что переломать всѣ кости имъ велѣлъ сердитый дѣдъ.
Лишь меня сказалъ не трогать: а на прочихъ мнѣ чихать!
Подойду къ нему.

Хитроумъ.

Да это ты никакъ, Палэстріонъ?

¹⁾ Трудно переводимый каламбуръ: tali—пятаки, tali—игральныя кости.

ПУСТОЗВОНЪ.

Палэстріонъ.

Здравствуй, Хитроумъ!

Хитроумъ.

Здорово! Всѣхъ нужнѣй ты мнѣ теперь!
Повидать и перемолвить надобно съ тобой.

Палэстріонъ.

О чемъ?

И на нашихъ расшумѣлся ты за что?

Хитроумъ.

Пропали мы!

Палэстріонъ.

Что-жъ случилось?

Хитроумъ.

Все открылось!

Палэстріонъ.

Что же „все“?

Хитроумъ.

На крышу влѣзъ

Тутъ сейчасъ изъ вашихъ кто-то, къ намъ въ покои заглянулъ,
И увидѣлъ Филокому, съ нашимъ гостемъ какъ она
Цѣловалась!

Палэстріонъ.

Кто же видѣлъ?

Хитроумъ.

Твой товарищъ.

Палэстріонъ.

Кто-жъ такой?

Хитроумъ.

А не знаю: онъ въ минуту съ глазъ убрался.

ПАЛЕСТРИОНЪ.

Ну, кажись,

Я пропалъ!

Хитроумъ.

Ему кричу я вслѣдъ: „Эй ты! Чего на крышѣ
Шаришь тамъ?“—„Ловлю мартышку“, онъ отвѣтилъ, и исчезъ!

ПАЛЕСТРИОНЪ.

Вотъ бѣда! Ужель придется мнѣ пропасть за эту тварь?
Филокома здѣсь, конечно?

Хитроумъ.

Тутъ была, какъ уходилъ я.

ПАЛЕСТРИОНЪ.

Такъ поди, вели ты къ намъ ей поскорѣй перебѣжать,
Чтобы дома показаться, коль не хочетъ нашу братью
Всю съ крестами познакомить баловствомъ она своимъ!

Хитроумъ.

Хорошо, велю. Еще что?

ПАЛЕСТРИОНЪ.

Да скажи-ка ей еще:

Женскаго теперъ лукавства ей никакъ не слѣдъ бросать,
И уловка, и сноровка кстати тутъ какъ разъ.

Хитроумъ.

Зачѣмъ?

ПАЛЕСТРИОНЪ.

Чтобъ глазамъ своимъ не вѣрилъ тотъ, кто здѣсь ее найдетъ;
Разъ хоть сто пусть попадется—запираться до конца,
Не робѣть, хитрить, лукавить надо, прать—и не краснѣть,
Смѣлой, дерзкой быть въ обманѣ, уличителей своихъ
Съ толку сбить божбой и клятвой,—вотъ какъ надо поступать!
Н-да! Ужъ продувную бабу не объѣдешь на кривой:

И откуда что возьмется, какъ поидеть на плутовство!
Улестить, провестъ, надуть-ли, ну—ужъ ихъ на это взять!

Хитроумъ.

Все скажу ей, какъ увижу. Что съ тобой, Палэстріонъ?
Призадумался о чемъ ты?

Палэстріонъ.

Помолчи-ка ты немного:

Я-жъ пока въ умѣ прикину, не придумаю-ль чего,
Какъ тутъ быть, какую штуку мнѣ съ товарищемъ удрать,
Что дѣвицу здѣсь увидѣлъ: какъ глаза ему отвести.

Хитроумъ.

Думай! Я пойду къ сторонкѣ. (Отходить).

(Къ зрителямъ, указывая на Палэстріона).

Посмотрите на него:

Какъ насупился онъ грозно: дума, знать, его крѣпка!
Хлопнулъ онъ себя вотъ по-лбу: подбодрить свой хочетъ умъ.
Повернулся; лѣвой въ бокъ рукой подперся и по пальцамъ
Сталъ высчитывать на правой... Ухъ, какъ здорово хватилъ
По бедру себя онъ: видно, что-то выдумка не въ прокъ!
Щелкнулъ пальцами, на мѣстѣ не стоитъ онъ: знать не ладно!
Головой качать ужъ началъ: вся затѣя не годна.
Тонкая тутъ будетъ плутня, знаю: маху онъ не дастъ.
Призадумался онъ что-то и лицо подперъ рукой...
Охъ, не люблю мнѣ такую „думу“ видѣть! Слышалъ я,
На досугѣ размышляетъ точно такъ поэтъ какой-то,
Что посаженъ за рѣшетку „пораздумать“ кой о чемъ... ³⁾
Славно! молодцомъ глядитъ онъ, продувнымъ глядитъ рабомъ;
Видно, сладилъ! (Палэстріону:)

Эй, послушай! Дѣло дѣлай и не спи!

А не то какъ разъ лозою сгонять сонъ съ твоей спины.
Слышишь ты? Не время празднымъ быть теперь, Палэстріонъ!
Говорю, не спи! Проснись же! Разсвѣло ужъ!

³⁾ Еще въ древности видѣли здѣсь намекъ на Гн. Навія, посаженнаго въ тюрьму за нападки на аристократовъ.

Плѣэстріонъ.

Слышу я!

Хитроумъ.

Эй, гляди! Твоею шкурой врагъ собрался завладѣть!
 Не зѣвай! Готовься, дѣйствуй: къ спѣху дѣло и не ждетъ.
 Перебей врагу дорогу, и сторонкой обойдя,
 Загони его въ засаду; войско славою покрывъ,
 Доканай злодѣевъ вдосталь: и, дорогу проложивъ,
 Укрѣпися, подкрѣпися, грянь, побѣду одержи,
 И—конецъ! Да попроворитъ, разомъ дѣло порѣши!
 Ну, придумалъ, что-ль, уловку? Подавай ее сюда:
 Все подстроимъ, все устроимъ, всѣхъ побьемъ и все возьмемъ!
 Ужъ коль ты за что принялся, будетъ прокъ, увѣренъ я:
 Побѣжить злодѣй со срамомъ!

Плѣэстріонъ.

Слава намъ и страхъ врагамъ!

Хитроумъ.

Будь тебѣ все по желанью!

Плѣэстріонъ.

Будь Юпитеръ надъ тобой!

Хитроумъ.

Ну, такъ что-же изобрѣлъ ты? Подѣлись со мной!

Плѣэстріонъ.

Терпѣнье!

Вотъ сейчасъ свою затѣю выложу передъ тобой;
 Да чтобъ было между нами!

Хитроумъ.

Тамъ возьми, гдѣ положишь.

Плѣэстріонъ.

Мой владыка по догадкѣ и уму, ни дать ни взять—
 Толстокожее полѣно!

Хитроумъ.

Тò—не новость для меня.

Палэстрионъ.

Ну, такъ вотъ какую штуку съ нимъ сыграю я теперь:
Изъ Аоніѣ-де къ Филокомѣ съ другомъ сердца споего
Прибыла сестра родная, лѣтъ однихъ, и по обличью
Схожа съ нею, какъ двѣ капли, въ домѣ-де твоемъ на время
Та чета остановилась.

Хитроумъ.

Дѣльно, дѣльно! Молодець!

Палэстрионъ.

И какъ станетъ мой товарищъ господину доносить,
Что видалъ-де Филокому здѣсь въ объятіяхъ чужихъ,
Объясню ему, въ чемъ дѣло: что, дескать, ея сестра
Тò была съ своимъ любезнымъ.

Хитроумъ.

Превосходно! Такъ и я

Воеводѣ самъ отвѣчу, коли спросить.

Палэстрионъ.

Не забудь:

Схожи-де онѣ до-нельзя; Филокому-жъ научи,
Маху чтобъ не дать въ отвѣтъ.

Хитроумъ.

Плутня тонкая, ей-ей!

Да! А вдругъ обѣихъ видѣтъ воевода-бъ захотѣлъ?
Какъ тутъ быть?

Палэстрионъ.

Нашелъ задачу! Отговорокъ тьму принцемъ:

„Дома нѣтъ.“—„Ушла по дѣлу.“—„Спать.“—„Въ уборной занята.“
„За столомъ.“—„Дѣла мѣшаютъ.“—„Недосугъ.“—„Никакъ нельзя.“
Сколько хочешь тутъ предлоговъ, лишь на первыхъ бы порахъ
Сказку нашу восводѣ сбыть за правду какъ ни какъ.

Хитроумъ.

Быть по твоему!

Палэстрионъ.

Ступай же, и дѣвицѣ прикажи
Къ намъ перебѣжать скорѣе, да втолкуй ей хорошенько
„Двухъ сестеръ,“ что смастерили мы сейчасъ; пускай пойметъ
Все она.

Хитроумъ.

Ужъ постараюсь: на зубокъ знать будетъ роль.
Что еще?

Палэстрионъ.

Иди-жь домой ты.

Хитроумъ.

Ухожу. (Уходитъ.)

Палэстрионъ.

Уйти и мнѣ,
Да смекать того злодѣя, что мартышку тутъ ловилъ.
Хоть товарищъ онъ, а все же старику помочь мой долгъ.
Разболталъ навѣрно дома тотъ слуга кому-нибудь,
Что хозяйскую подругу у сосѣда подглядѣлъ,
И видалъ, какъ цѣловалась съ кѣмъ-то тамъ она съ чужимъ....
Одному владѣть секретомъ—пренесносно, знаю самъ!
Соглядаята я накрою я, къ осадѣ изготонивъ
Свой отрядъ, ударю смѣло, и пѣ полонъ возьму прага!
Если-жь сразу не найдется, по чутью пойду слѣдить,
Какъ борзая по лисицу, и ужъ гдѣ-нибудь словлю!
Вотъ и дѣри заскрипѣли: помолчать пока придется:
А! да это мой товарищъ, Филокомы вѣрвый стражъ.

Явленіе 8-е.

Палэстріонъ и Скеледръ.

Скеледръ.

Неужель во снѣ сегодня я по крышѣ прогулялся?
Нѣтъ! не сонъ то былъ, конечно! Самъ, своими я глазами
Филокомину продѣлку у сосѣда подглядѣлъ.

Палэстріонъ.

А, такъ это онъ, какъ слышу, поцѣлуй тотъ подсмотрѣлъ!

Скеледръ.

Это кто тутъ?

Палэстріонъ.

Твой товарищъ. Какъ живешь, Скеледръ?

Скеледръ.

Здорово!

Это ты, Палэстріонъ? Ну, какъ я радъ!

Палэстріонъ.

Что такъ? Въ чемъ дѣло?

Скеледръ.

Страхъ беретъ!

Палэстріонъ.

Чего-жъ боишься?

Скеледръ.

Познакомиться съ крестомъ

Намъ сегодня всѣмъ придется....

Палэстріонъ.

И знакомъся на здоровье!

Миѣ то чтожъ? Меня нисколько то знакомство не манитъ!

СКЕЛЕДРЪ.

Неужель ты не провѣдалъ, что сегодня тутъ стряслось?

Плѣэстрюнь.

Что случилось?

СКЕЛЕДРЪ.

Неприличность!

Плѣэстрюнь.

И оставь ее себя!

Миѣ и знать ее не нужно!

СКЕЛЕДРЪ.

Миѣ-жъ молчать не въ могу!

Видишь ли: ловилъ мартышку я на крышѣ у сосѣдей....

Плѣэстрюнь.

Такъ, Скеледръ: дряннаго звѣря тамъ ловилъ и рабъ дрянной....

СКЕЛЕДРЪ.

Чтобъ тебѣ тутъ про....

Плѣэстрюнь.

....прослушать то, что началъ ты болтать!

СКЕЛЕДРЪ.

Ладно! Вотъ и заглянулъ я черезъ крышу тутъ къ сосѣду,
И что жъ вижу? Филокома тамъ цѣлуется съ чужимъ
Съ юношей какимъ-то....

Плѣэстрюнь.

Правда-ль? Что за притча тутъ, Скеледръ?

СКЕЛЕДРЪ.

Самъ я видѣлъ!

Плѣэстрюнь.

Самъ?!

СКЕЛЕДРЪ.

Конечно, самъ: вотъ этой парой глазъ!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Убирайся ты! Все враки, что ты видѣлъ!

СКЕЛЕДРЪ.

Слѣпъ я, что ли?

Такъ выходить?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Ну, объ этомъ лекаря-бъ тебѣ спросить!
Только было бы не худо свой языкъ попридержать,
А не то—большое лихо ты накличешь на себя:
Вдвое пропадешь навѣрно, коли глупой болтовни
Ты не бросишь!

СКЕЛЕДРЪ.

Какъ же „вдвое?“

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Какъ? А вотъ сейчасъ скажу:
Разъ—зачѣмъ на Филокому взвелъ ты вздорный свой поклепъ;
Два—зачѣмъ за ней не смотришь, коли правду ты сказалъ.

СКЕЛЕДРЪ.

Ну, ужъ какъ бы тамъ ни вышло: видѣлъ я! На томъ стою!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Ты опять, безумецъ?

СКЕЛЕДРЪ.

Да, опять: и видѣлъ, и скажу!
И сейчасъ-то у сосѣдей тутъ она!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Смотри, не дома-ль?

Скеледръ.

Нѣтъ, ужъ ты поди, взгляни-ка: мнѣ, пожалуй, хоть не вѣры!

Плѣэстріонъ.

Я пойду! (Уходитъ.)

Скеледръ.

Тебя дождусь я здѣсь!—А самъ подкараулю,
Какъ-то съ поля проберется та телушечка домой!
Какъ тутъ быть? Ее стеречь мнѣ всевода наказалъ:
За поклепъ—пропасть мнѣ, знаю. А молчать—опять пропасть,
Коль откроется продѣлка... Ужъ и бабы! Вотъ народецъ!
Я на крышу лишь взобрался, а она изъ дому—шмыгъ!
Вотъ-то смѣлость! А провѣдать всеводѣ-бъ лишь про то,
Полетитъ и домъ сосѣдній кверху дномъ, а я на крестъ
Угожу нанѣрно.... Впрочемъ—лучше-ль сгинути, чѣмъ смолчать?!
Гдѣ-жъ стеречь того мнѣ, кто и самъ себя не бережетъ!

(Входитъ Плѣэстріонъ).

Плѣэстріонъ.

Эй, Скеледръ, Скеледры! послушай! Чистый ты вѣдь сумасбродъ!
Въ часъ лхой на свѣтъ явился ты, на гибель!

Скеледръ.

Это какъ?

Плѣэстріонъ.

Взять, глаза тебѣ бы выдрать, чтобъ не видѣлъ небылицъ!

Скеледръ.

Небылицъ?!

Плѣэстріонъ.

А головѣ твоей теперь ужъ грошъ цѣна!

Скеледръ.

Что случилось?

ПУСТОЗВОНЪ.

Палэстрионъ.

Что за спросъ тутъ?

Скеледръ.

Отчего-жъ и не спросить?

Палэстрионъ.

А вотъ взять, да и отрѣзать, пустомеля, твой языкъ!

Скеледръ.

Да за что-жъ?

Палэстрионъ.

А Филокома-то вѣдь дома! Ты-жъ болталъ,
Что видалъ, какъ у сосѣдей тамъ амурилась она!

Скеледръ.

Ой, никакъ и ты хватилъ ужъ кукольванцу на-тощакъ!

Палэстрионъ.

Я?!

Скеледръ.

Въ глазахъ тебѣ мутится...

Палэстрионъ.

Нѣтъ, любезный! У тебя вотъ
По бѣльму на оба сѣло! Здѣсь она! Я самъ видалъ!

Скеледръ.

Дома? Здѣсь?

Палэстрионъ.

Конечно, дома!

Скеледръ.

Полно! Шутишь ты со мной!

Плѣэстріонъ.

Ну, мараться что-жъ за радость!

Скеледръ.

Какъ?

Плѣэстріонъ.

Да съ дрянью-то шутить....

Скеледръ.

Берегись!

Плѣэстріонъ.

Нѣтъ, берегись-ка самъ, Скеледръ, теперь ужъ ты:
Да глаза впередъ протри-ка, да языкъ свой прикуси!
Вотъ и наша дверь скрипнуть.....

Скеледръ (указывая на дверь Хитроума)

А я за этой присмотрю.

Иначе, какъ не отсюда, ей домой и не попасть!

Плѣэстріонъ.

Да она и такъ вѣдь дома! Охъ, Скеледръ, съ ума ты спятилъ!

Скеледръ.

Съ головой я и съ глазами и себѣ ужъ самъ судья:
Нѣтъ! Ужъ какъ ни увѣрай ты, а она навѣрно тутъ!
Вотъ я стану караулить, чтобъ домой не пробралась.

Плѣэстріонъ (въ сторону)

Ну, попался, другъ! И штуку-жъ удеру я съ нимъ сейчасъ!
(Къ Скеледру)

Хочешь дуракомъ сейчасъ-же самъ себя ругнуть?

Скеледръ.

Хочу.

Плѣэстріонъ.

И слѣпнымъ чурбаномъ хочешь ты прозваться?

ПУСТОЗВОНЪ.

СКЕЛЕДРЪ.

Ну, хочу.

ПАЛЕСТРИОНЪ.

Что-жъ? Подруга воеводы здѣсь, по твоему? (указываетъ на домъ Хитроума).

СКЕЛЕДРЪ.

Конечно!

Самъ видалъ, какъ цѣловалась съ кѣмъ-то здѣсь она съ чужимъ.

ПАЛЕСТРИОНЪ.

И никакъ вѣдь не пролѣзть къ намъ отъ сосѣда: такъ-ли?

СКЕЛЕДРЪ.

Такъ.

ПАЛЕСТРИОНЪ.

Ни лазейки нѣтъ, ни хода—развѣ черезъ крышу? —

СКЕЛЕДРЪ.

Да!

ПАЛЕСТРИОНЪ.

Ну, а если здѣсь она? (указываетъ на дверь Пустозвона).

Коль выйдетъ вонъ изъ этой двери,

Бить тебя, нѣтъ?

СКЕЛЕДРЪ.

Конечно, бить!

ПАЛЕСТРИОНЪ.

Смотри же, карауль

У сосѣда дверь, домой чтобъ не пробраться ей никакъ.

СКЕЛЕДРЪ.

Хорошо!

ПАЛЕСТРИОНЪ.

А я доставлю изъ дому ее сюда. (Уходитъ.)

Скеледръ.

Поглядимъ! Хотѣлъ бы знать я, правду-ль видѣлъ я тогда,
Иль товарищъ мой докажетъ, что и впрямь она у насъ.
Вѣдь глаза-то не чужіе у меня: свои, навѣрно!
Да и онъ—большой лукавецъ: всё-то онъ при господахъ:
И накормленъ-то онъ первымъ, и кусокъ ему жирнѣй!
А всего-то лишь три года, какъ у насъ онъ завелся —
Лучше-жъ всѣхъ ему живется въ нашей челяди, ей-ей!
Ну, пускай! А эту дверь ужъ я не выпущу изъ глазъ:
И на томъ меня навѣрно не поддѣтъ имъ никогда!

Явленіе 4-е.

Скеледръ, Палэстрионъ и Филокома (оба послѣднихъ выходятъ изъ дома Пустозвона).

Палэстрионъ (Филокомѣ, тихо).

Урокъ мой помни!

Филокома.

Сколько-жъ разъ его твердить мнѣ будешь?

Палэстрионъ.

Не сплеховать тебѣ бы тутъ!

Филокома.

Давай мнѣ бабъ десятокъ:

Хитрить—одна всѣхъ научу: про всѣхъ лукавства хватить.

Палэстрионъ.

Ну, начинай свою игру! А я пойду къ сторонкѣ. (Къ Скеледру)
Эй, слышь, Скеледръ!

Скеледръ.

У дѣла я! Что надо? Говори же.

Палэстрионъ.

У городскихъ воротъ тебѣ готово угощенье:
Руками врозь тебя сейчасъ подвѣсятъ тамъ!

ПУСТОВВОНЪ.

СКЕЛЕДРЪ.

За что-жъ такъ?

Палэстрюнъ.

Взгляни направо: это кто?

СКЕЛЕДРЪ.

Что вижу я? О, боги!

Хозяйская подруга тутъ!!

Палэстрюнъ.

И я такъ полагаю!

Ну, что-жъ? Готовъ ты?

СКЕЛЕДРЪ.

Я? На что?

Палэстрюнъ.

На крестъ, безъ отговорокъ!

ФИЛОКОМА.

А гдѣ-жъ слуга усердный тотъ, меня что опорочилъ
И безъ вины?

Палэстрюнъ (указывая на Скледра)

Да вотъ онъ: мнѣ онъ самъ сознался.

ФИЛОКОМА.

Что?! Какъ?!

Ты самъ видалъ, злодѣй, какъ тамъ кого-то я ласкала?

Палэстрюнъ.

Чужой-де юноша то былъ.

СКЕЛЕДРЪ.

Такъ и сказалъ я: точно!

ФИЛОКОМА.

Меня ты видѣлъ?

СКЕЛЕДРЪ.

Видѣлъ, вѣявь!

ФИЛОКОМА.

Глаза тебѣ я вырву,

Чтобъ не мерещилось тебѣ!

СКЕЛЕДРЪ.

И все-жъ на томъ я стану:

Что видѣлъ—видѣлъ!

ФИЛОКОМА.

Съ дуракомъ и говорить не стѣитъ,

Не тѣ и самъ въ глупцахъ пойдешь! Ну, берегись, пріятель!

СКЕЛЕДРЪ.

Къ чему-жъ грозить? Попасть на крестъ мнѣ съ роду суждено ужъ:

Висить отецъ мой тамъ, и дѣдъ, и прадѣдъ, и прапрадѣдъ!

А отъ угрозъ твоихъ никакъ мнѣ вѣрно не ослѣпнуть!

(Къ Палэстріонѹ)

На пару словъ, Палэстріонъ! Скажи ты мнѣ, пожалуй,

Откуда-бъ взяться ей?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Отсюда! (указываетъ на дверь Пустозвона).

СКЕЛЕДРЪ.

Такъ!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Повѣрь мнѣ!

СКЕЛЕДРЪ.

Вѣрю!

А все-жъ чудно, какъ помогло ей къ намъ домой пробраться:

Крыльца тутъ нѣтъ, и сзади нѣтъ лазейки ни единой;

Окно—съ рѣшеткой! Ну, а все-жъ тебя я тамъ примѣтилъ!

Палэстріонъ.

Опять, злодѣй, ты клеветать?

Филокома.

О, боги! нынче ночью

Мнѣ снился сонъ! А вотъ теперь, я вижу, сонъ тотъ въ руку!

Палэстріонъ.

Какой же сонъ?

Филокома.

Сейчасъ скажу. Ну, слушай хорошенько!

Мнѣ видѣлось, что изъ Аѳинъ съ своимъ сердечнымъ другомъ

Сестра моя—мы близнецы—сюда въ Эфесъ примчалась,

И оба тутъ не вдалекѣ пристали по сосѣдству!

Палэстріонъ (Къ зрителямъ)

Палэстріонъ тотъ „видѣлъ“ сонъ: смекнули?

(Къ Филокомѣ)

Ну, что жъ дальше?

Филокома.

Сестру увидѣвъ, я сперва была безмѣрно рада;

А тамъ, во снѣ, я за неѣ-жъ попала въ подозрѣнье:

Ни дать ни взять—какъ этотъ рабъ, изъ нашихъ кто-то молвилъ,

Что видѣлъ-де, какъ юношу чужаго я ласкаю;

А то сестра была моя съ своимъ любезнымъ другомъ.

И всю напраслину я ту во снѣ, что въ явь, видала!

Палэстріонъ.

Неужто? И вѣдь все сбылось, какъ по писанью, нынче:

И правда, въ руку сонъ! Иди-жъ домой и помолися!

А воеводѣ разказать не худо-бы!

Филокома.

Конечно!

Не потерплю, чтобъ тотъ поклепъ оставить безъ отместики! (Уходить.)

СКЕЛЕДРЪ.

Надѣлалъ я дѣловъ: ну-ну! Спина ужъ засвербѣла!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Пропастъ тебѣ!

СКЕЛЕДРЪ (смотря вслѣдъ Филокомѣ)

Теперь она навѣрно дома: ну-ка,
Посторожу я нашу дверь: пождемъ!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

СКЕЛЕДРЪ, послушай!

Какъ сонъ-то вылился у ней: какъ разъ и подозрѣнье
Пригрезилось, точь въ точь твое—въ томъ цоцѣлуѣ, помнишь?

СКЕЛЕДРЪ.

Не знаю, вѣрить-ли себѣ: видалъ я, а выходить
Теперь, какъ будто не видалъ!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

За умъ не худо взяться,
Пока не поздно! Пропадешь, коль „самъ“ про все узнаешь!

СКЕЛЕДРЪ.

Въ глазахъ тогда, знать, у меня мутилось! Это вѣрно!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Слѣпымъ ты вовсе былъ, ей-ей: она все время дома!

СКЕЛЕДРЪ.

Ума не приложу: видалъ! А вышло: нѣтъ, не видѣлъ!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Вотъ то-то! Глупостью своей едва насъ не сгубилъ ты:
Подслуживаться захотѣлъ: а чуть и самъ не сгинулъ!
Чу! у сосѣда дверь скрипнѣть! Молчать пока придется.

Явленіе 5-е.

Тѣ же и Филокома (выходитъ изъ дома Хитроума и обращается къ служанкѣ внутри):

Огня на жертвенникъ! Хвалу и ладонь аравійскій,
Душой лякул, вознесу Діанѣ я Эфесской:
Ея покровъ средь волнъ морскихъ, въ Нептуна царствѣ бурномъ,
Меня отъ бѣдъ извелъ въ пути моемъ многострадальномъ!

Скеледръ.

Палэстріонъ, Палэстріонъ!!

Палэстріонъ.

Скеледръ, Скеледръ! Что надо?

Скеледръ.

Вѣдь это вышла къ намъ сейчасъ хозяйская подруга?
То Филокома, или нѣтъ?

Палэстріонъ.

Ей-ей, опа, какъ вижу!

Скеледръ.

Вотъ чудо-то! Да какъ она сюда пролѣзть успѣла?

Палэстріонъ.

Она-ль, смотри?

Скеледръ.

А по тебѣ: она?

Палэстріонъ.

Она, конечно!

Скеледръ.

Ну, пойдѣмъ, да спросимъ сами.—Филокома!! Это что?!
Что ты тамъ забыла въ домѣ? Что за дѣло тутъ тебѣ?
Что-жъ молчишь? Тебѣ я говорю?

Палэстрюнкъ.

Ужъ видно—самъ себѣ:

Слышишь—нѣтъ отвѣта!

Скеледръ.

Слушай, ты безстыдница! Чего

По сосѣдямъ ты шныряешь?

Филокома.

Да ты съ кѣмъ же говоришь?

Скеледръ.

Съ кѣмъ?! Съ тобой!

Филокома.

А самъ ты кто же? И что надобно тебѣ?

Скеледръ.

Самъ я кто? Не знаешь, что-ли?

Филокома.

Коли знаю, не спрошу.

Палэстрюнкъ.

Ну, его не признаешь ты; а меня?

Филокома.

Поди ты прочь!

Надоѣли оба!

Скеледръ.

Насъ не знаешь?

Филикома.

Нѣтъ!

Скеледръ.

Боюсь я....

Палэстрюицъ.

Ну, чего?

Скеледръ.

Не растеряли-ль гдѣ-нибудь ужъ мы себя:
Видишь, мы—не мы ужъ стали у нея!

Палэстрюицъ.

Хотѣлъ бы знать я,
Наши мы, или чужіе? Какъ-бы тутъ сосѣдъ какой
Насъ не подмѣнилъ съ тобою втихомолку? Такъ, Скеледръ?

Скеледръ.

Ну, ужъ я-то нашъ навѣрно!

Палэстрюицъ.

Какъ и я!

Скеледръ (Филокома)

Ну, берегись!

Слышишь, чтоль? Эй, Филокома!

Филокома.

Что тебѣ? Чего ты бредишь?
Что за имя тамъ чужое мнѣ придумалъ ты?

Скеледръ.

Да ну?

Какъ же звать тебя?

Филокома.

Гликера имя мнѣ!

Скеледръ.

Ну, полно враты!

Вотъ ужъ впрямь чужое имя, Филокома, ты взяла!
Брось! Некстати! И обиду господину въ томъ чинишь!

Филокома.

Я?

СКЕЛЕДРЪ.

Ну да!

ФИЛОКОМА.

Въ Эфесъ вчера лишь изъ Аениъ я прибыла
Подъ вечеръ, съ аенинскимъ другомъ молодымъ!

СКЕЛЕДРЪ.

Скажи ты мнѣ,

Что за надобность въ Эфесѣ у тебя?

ФИЛОКОМА.

Сестра-близнецъ
Здѣсь живетъ, какъ слышно: къ ней и прибыла я!

СКЕЛЕДРЪ.

Ты хитра!

ФИЛОКОМА.

Ужъ скорѣй—глуша, что съ вами разговоръ я повела.
Ухожу.

СКЕЛЕДРЪ.

Нѣтъ, стой: не пустимъ!

ФИЛОКОМА.

Прочь!

СКЕЛЕДРЪ.

Улики на лицо:

Не пущу!

ФИЛОКОМА.

Какъ размахнуся, да какъ тресну я тебя,
Коль добромъ непустишь!

СКЕЛЕДРЪ (Палестріону)

Что-жъ ты, чучело? Держи ее!

ПЛАЭСТРИОНЪ.

Нѣтъ, шалишь! Спина своя, братъ, у меня! А ну, на грѣхъ,
Да не Филокома это, а чужал—вся въ нее?

Филокома.

Пустишь ты, иль нѣтъ?

Скеледръ.

Неволей и насильно къ намъ домой
Я стащу тебя, добромъ коль не пойдешь!

Филокома.

Да здѣсь я вчужѣ;

Домъ въ Аѳинахъ мой!

Скеледръ.

А господинъ-то здѣсь!

Филокома.

Да провались
Твой и домъ и съ господиномъ! Знать не знаю васъ совсѣмъ!

Скеледръ.

Хоть на судъ—готовъ! А впрочемъ, слово дай, что вотъ сюда
(указывать на домъ воеводи)
Ты войдешь, пущу пожалуй!

Филокома.

Силѣ уступить должна:
Слово дамъ! Пусти: увидишь, я войду, куда велишь!

Скеледръ.

Ну, пустилъ!

Филокома.

Пустилъ? Прощай же!

(Уходитъ въ домъ Хитреума.)

Скеледръ.

Всѣ вы на одинъ построй!

Плѣстрюнь.

Эхъ, Скеледръ! Въ рукахъ вѣдь было: что жъ зѣвалъ? Она вѣдь это!
Наша барская подруга! Знаешь что? Скорѣй за дѣло!

Скеледръ.

За какое?

Плѣстрюнь.

Сбѣгай за мечемъ домой!

Скеледръ.

На что тебѣ?

Плѣстрюнь.

Въ домъ вонъ тотъ ворвусь сейчасъ-же, и въ куски тамъ раскрошу
Я того, кто съ Филокомой поцѣлуется при мнѣ!

Скеледръ.

И по 'твоему—она, вѣдь?

Плѣстрюнь.

Хоть поклясться!

Скеледръ.

А вѣдь какъ

Запиралась ловко?

Плѣстрюнь.

Ну же, мечъ давай!

Скеледръ.

Сейчасъ несу! (Уходить.)

Плѣстрюнь.

Хоть храбрѣйшаго изъ храбрыхъ взять у насъ въ любомъ полку,
И того своей отвагой баба за поясъ заткнетъ!

Видѣли? Двоякъ какъ ловко тутъ представила она,
Въ дуракахъ какихъ остался мой товарищъ-простачекъ?
А вѣдь кстати, что въ стѣнѣ-то я лазейку смастерилъ!
(Вбѣгаетъ Скеледръ.)

Скеледръ.

Эй, Палэстрионъ! меча-то и не надобно!

Палэстрионъ.

Какъ такъ?

Скеледръ.

Дома вонъ она!

Палэстрионъ.

Какъ дома?

Скеледръ.

А въ постели: спать себѣ!

Палэстрионъ.

Если такъ—плохое дѣло! Лиха нажилъ ты себѣ!

Скеледръ.

Это какъ?

Палэстрионъ.

За то, что тронуть вздумалъ ты сосѣдку ту.

Скеледръ.

Вдвое страхъ беретъ! Родная, вижу, нашей то сестра:
Ужъ не иначе!

Палэстрионъ.

Ея-то ты и ласку подглядѣлъ,
Дѣло ясное! Она вѣдь и была тамъ!

Скеледръ.

И какъ разъ

Я за свой доносъ пропалъ бы!

Палэстрюиъ.

Напередки тебѣ урокъ:

Не болтай! Слуга хорошій знать все долженъ про себя!
Ну, прощай! Съ тобой не кстати быть мнѣ, вижу я, совѣмъ:
Не по праву кутерьма мнѣ вся твоя! Иду къ сосѣду;
Коли дома спросятъ,—здѣсь я: ты сюда за мной приди. (Уходитъ.)

Явленіе 6-е.

Скеледръ, потомъ Хитроумъ.

Скеледръ.

Ушелъ! И горя нѣтъ ему до службы нашей:
Какъ будто я не рабъ, а самъ онъ по себѣ!
Ну ладно! наша дома, знаю я, теперь:
Самъ видѣлъ, какъ она тамъ спитъ себѣ покойно;
Давай-ка мы на стражу встанемъ поприлежниѣй!
(Входитъ Хитроумъ.)

Хитроумъ.

За бабу честь меня хотятъ, клянусь Иракломъ,
Сосѣдскіе холопы! Шутки вдругъ шутить
Со мною вздумали! Какъ?! Тронуть, оскорбить
На улицѣ мою почтенную жилицу,
Что изъ Аениъ вчера лишь съ другомъ прибыла?

Скеледръ.

Пропалъ я! На меня идетъ сосѣдъ нашъ прямо:
Прогниѣвался старикъ, я слышу! Расхлебать
Мнѣ кашу ту—ой, ой!—навѣрное придется!

Хитроумъ.

А, вотъ онъ! Ты, Скеледръ, сквернавецъ, оскорбилъ
Мою жилицу здѣсь у нашей двери пынче?

Скеледръ.

Сосѣдушка, послушай!

Хитроумъ.

Слушать мнѣ? Тебя?!

Скеледръ.

Дай оправдаться!

Хитроумъ.

Что? Тебѣ нѣтъ оправданья!

Кругомъ ты виноватъ въ томъ мерзостномъ поступкѣ!
Мерзавцы! Что купить васъ всякъ въ солдаты можетъ,
Такъ и разбойничать вамъ воля тутъ дана?

Скеледръ.

Дай слово вымолвить...

Хитроумъ.

Цыцъ! Небо мнѣ свидѣтель:

Коль не вздерутъ тебя лозой на обѣ корки,
Безъ отдыха—съ утра и до зари вечерней,—
За то, что крышу мнѣ изгадилъ ты, ловивши
Мартышку тамъ, тебя достойную скотину,
За то, что подсмотрѣть ты вздумалъ, какъ лобзалъ
Въ моемъ жилищѣ гость любезную подругу,
За то, что барскую наперсницу обнесъ,—
Такую скромницу,—меня съ ней опорочилъ,
За то, что тронулъ гостью у моихъ дверей,—
Коль не издохнешь ты за все подъ батогами,
Держись и господишъ вашъ! Сотворю такое
Я съ нимъ, что по-уши увязнеть онъ въ позорѣ!

Скеледръ.

Въ тупикъ я, Хитроумъ, тутъ всталъ совсѣмъ: не знаю,
Какъ быть: понять ли на тебя мнѣ въ дѣлѣ нашемъ,
Иль повиниться лучше, гостя коль твоя—
Не наша, и не нашу видѣлъ я тогда!
Кого изъ нихъ видалъ я,—и теперь не знаю:
Двѣ капли ваша съ нашей по обличью схожи,
Коль это не одна!

Хитроумъ.

Ступай ко мнѣ: узнаешь!

Скеледръ.

Позволишь ли?

Хитроумъ.

Велю: иди себѣ, не бойся!

Скеледръ.

Пойду, пойду! (Уходитъ.)

Хитроумъ (кричитъ въ дверь дома воеводы).

Эй, Филокома! Бѣгомъ къ намъ
Перебѣги! Скорѣй! Тутъ къ спѣху дѣло! Послѣ жъ,
Какъ выйдетъ вашъ Скеледръ отъ насъ, ты попроворнѣй
Порядкомъ тѣмъ же къ вамъ домой переберись!
Охъ, какъ бы маху въ чемъ она тутъ не дала:
Какъ вдругъ да не найдетъ ея онъ тамъ у насъ,
Пропало дѣло все! А, вотъ онъ самъ выходитъ. (Выходитъ Скеледръ)

Скеледръ.

О, Боги! Женщины одной съ другою схожѣй—
Вѣдь это не одна и та жъ—создать и вамъ,
Я думаю, нельзя!

Хитроумъ.

Ну, что жъ?

Скеледръ.

Винюсь во всемъ!

Хитроумъ.

Ну, ваша, что-ли, здѣсь?

Скеледръ.

Не наша, хоть и наша.

Хитроумъ.

Да ты ее видалъ?

СКЕЛЕДРЪ.

Видалъ: они тамъ съ гостемъ
съ твоимъ цѣлуются.

ХИТРОУМЪ.

Да ваша ль то?

СКЕЛЕДРЪ.

Не знаю!

ХИТРОУМЪ.

А хочешь знать?

СКЕЛЕДРЪ.

Хочу.

ХИТРОУМЪ.

Ступай скорѣй домой,
Да погляди, гдѣ ваша? Дома ли?

СКЕЛЕДРЪ.

Иду;

Ты дѣло говоришь; сейчасъ сюда я выйду. (Уходитъ.)

ХИТРОУМЪ.

Клянусь Поллуксомъ! Видѣть не случилось мнѣ,
Чтобъ въ дуракахъ былъ кто такъ начисто оставленъ!
А, вотъ онъ. (Входитъ Скеледръ.)

СКЕЛЕДРЪ.

Хитроумъ! Тебя я заклинаю
Богами и людьми! Къ твоимъ стопамъ отнынѣ
Глупцомъ я падаю!

ХИТРОУМЪ.

Чего тебѣ?

Скеледръ.

Прости,
Прости мнѣ дураку! Гдѣ у меня глаза,
Гдѣ умъ, гдѣ мысли были? Наша Филокома
Вѣдь дома!

Хитроумъ.

Что жъ теперь ты скажешь, висѣльникъ?
Обѣихъ видѣлъ?

Скеледръ.

Да!

Хитроумъ.

Зови же господина!

Скеледръ.

Да я и самъ теперь себя кругомъ виню,
И вашу гостью оскорбилъ совѣтъ напрасно!
Но вѣдь ее за барскую я счелъ подругу,
А ту стережъ—строжайшій отданъ мнѣ приказъ.
Изъ одного колодца не черпнешь ты двухъ
Ковшей, столь схожихъ межъ собой, какъ эти двѣ!
И въ томъ винюсь, что съ крыши заглянулъ къ тебѣ
Я давеча.

Хитроумъ.

Еще-бы! Самъ тебя я видѣлъ.

Скеледръ.

И въ томъ, что гостью вашу въ ласкѣ тамъ засталъ.

Хитроумъ.

Засталъ ее?

Скеледръ.

Ну, да: на что жъ мнѣ запираяться?
Самъ видѣлъ! Но ее за Филокому счелъ!

Хитроумъ.

Меня-жъ ты счелъ ужель совсѣмъ за негодяя?
Ужли съ умысломъ дозволю надъ сосѣдомъ
И у себя въ дому такъ нагло потѣшаться?

Скеледръ.

Какъ дѣло разобралъ, такъ я свою я глупость
Увидѣлъ самъ теперь; по умысла худаго
Тутъ не было!

Хитроумъ.

И все-жъ ты виноватъ: слуга
„Что видѣлъ—не видалъ, что слышалъ—не слыхалъ“
Запомнить долженъ!

Скеледръ.

И жъ съ сегодняшняго дня
Коль словомъ занкнусь,—хотя-бъ навѣрно зналъ,—
Въ куски меня изрѣжь! Отдамся самъ тебѣ!
Теперь-то лишь прости!

Хитроумъ.

Скрѣпитесь, видно, сердцемъ:
И глупости твоей вину мнѣ отпустить?
На этотъ разъ—прошу!

Скеледръ.

Воздай тебѣ всевышній!

Хитроумъ.

Но только чтобъ и ты, коль жизнь не надобла,
Впередъ попридержался: знать, дескать, не знаю.
И вѣдать я не вѣдаю!

Скеледръ.

Спасибо въ словѣ!
Такъ я запомню! А теперь что?

Хитроумъ.

Убирайся!

Скеледръ.

Велишь мнѣ что?

Хитроумъ.

Впередъ ты мнѣ не попадайся!

Скеледръ (въ сторону)

Хитрить старикъ: ишь какъ на милость расщедрился!
И гнѣвъ прошелъ! Смекаю, что онъ тутъ задумалъ:
Лишь только воевода съ форума домой,—
Меня и цапнуть! Ужъ давно, я знаю, точать
Она съ Палэстріономъ зубы на мени;
Да только въ эту петлю лѣзть я не намѣренъ!
Задамъ-ка стрекача на иѣсколько деньковъ,
И скроюсь гдѣ-нибудь, пока гроза утихнетъ:
Довольно языкомъ себѣ бѣды я нажилъ! (Уходитъ)

Хитроумъ.

Убрался, наконецъ! Ей-ей, свиная туша
Умнѣе во сто разъ, чѣмъ этотъ дуралей!
Обдѣланъ ловко онъ: ужъ самъ себѣ не вѣрить:
И уши, и глаза, и голову съ мозгами—
Все намъ онъ заложилъ! Н—да! чистая работа!
И дѣва на руку охулки не взяла!
Теперь въ „сенатъ“ пойдёмъ! Онъ—у меня въ палатахъ:
Палэстріонъ ужъ тамъ, Скеледра—слѣдъ простылъ;
Всѣ на лицо: идемъ, откроемъ засѣданье!
Спѣшу, чтобъ безъ меня дѣлежъ не состоялся!

ДѢЙСТВІЕ II.

Явленіе 1-е.

Палэстріонъ, потомъ Хитроумъ и Плевзиклъ.

Палэстріонъ.

Вы постойте-ка съ Плевзикломъ тамъ за дверью на минутку:

Дайте я взгляну сначала, какъ бы кто не подстерегъ
Нашей сродки: понадежнѣй нужно выбрать мѣсто намъ,
Чтобъ никакъ не доставался нашъ совѣтъ врагу въ полонъ.
Хороша твоя затѣя, да врагу она достанься—
Такъ ему она и въ пользу, а тебѣ—совѣтъ не въ прокъ;
Лишь твой умыселъ лихіе люди свѣдаютъ, какъ разъ—
Имъ тебѣ и руки свяжутъ, имъ и ротъ тебѣ заткнуть,
Да твоею же затѣей самого жъ тебя побьютъ!
Поглядѣть однакожъ, какъ бы не подкрался лиходѣй
Къ намъ изъ-за угла, да чуткихъ не развѣснѣлъ бы ушей!
Итъ: по улицѣ все пусто вдоль до самаго конца:
Вызвать ихъ! Эй, Хитроумъ съ Плевзникломъ, выдѣте-ка сюда!

Хитроумъ.

Вотъ и мы!

Палэстрионъ.

Съ людьми такими живо дѣло въ ходъ пойдетъ!
Ну, такъ что же? Какъ мы дома порѣшили съ дѣломъ тѣмъ,
Такъ и будетъ?

Хитроумъ.

Не иначе: не придумать лучше намъ.

Палэстрионъ (Плевзнику)

Ну, а ты какъ полагаешь?

Плевзникъ.

Мнѣ отъ васъ не отставать!

(Хитроуму) Кто-жъ тебя мнѣ тутъ родище?

Хитроумъ.

На привѣтъ исполать!

Палэстрионъ.

Умный сказъ, божусь!

Плевзникъ.

А все же мнѣ совѣтъ не по себѣ:

На душѣ скребетъ порядкомъ!

Хитроумъ.

Что такъ? Въ чемъ кручина та?

Плевзикль.

Въ томъ, что старцу я ребячество на шею навязалъ,
Въ томъ, что дѣломъ неприличнымъ я тебя тутъ занималъ,
Въ томъ, что мнѣ въ угоду самъ ты всѣ старанья приложилъ,
Намъ помочь въ любовномъ дѣлѣ, самъ поступковъ натворилъ,
О какихъ и помышлять-то старикамъ не надлежить:
Что связалъ тебѣ я руки—вотъ что тутъ меня крушить!

Палэстрионъ.

Вотъ любви! Совсѣмъ повинка! Коли совѣстно тебѣ,
Гдѣ-жъ любви? Ея въ поминѣ тутъ, Плевзикль, и пѣть совсѣмъ!

Плевзикль.

Что-жъ? Коль я влюбленъ, такъ старцы хлопотать за то должны?

Хитроумъ.

Полно врать! Чего въ могилу прочить вздумалъ ты меня?
Что ты въ гробъ меня собираешь? Развѣ вѣкъ ужъ конченъ мой?
Пятьдесятъ четыре года лишь на свѣтѣ я прожилъ,
Не ослѣпъ, ногами крѣпокъ и руками не ослабъ!

Палэстрионъ.

Сѣдина тутъ не помѣха: старъ онъ видно, не умоу;
И душой онъ бодръ на славу: за себя ужъ постоитъ!

Плевзикль.

Вѣрно! На себѣ извѣдалъ я все то, Палэстрионъ!
Тароватъ онъ и покладливъ, словно юпоша какой.

Хитроумъ.

Это—что еще, гость милый! Поживешь, увидишь самъ
Помощь всю мою и ласку.

Плевзикль.

Развѣ я ихъ не видалъ?

Хитроумъ.

Да! влюбленныхъ покровитель долженъ самъ чрезъ то жъ пройти:
 На себѣ чтобъ все извѣдать, на себѣ чтобъ все узнать.
 Мнѣ любовниковъ не жалко, коли самъ я не любилъ!
 Ну, а я по этой части не совѣмъ еще въ напасти:
 И въ пріятныхъ тѣхъ занятыхъ несовѣмъ ужъ инвалидъ!
 Шуткой острою забавить, за столомъ себя держать—
 Я съумѣю: въ споръ да въ ссору не полѣзу я ни съ кѣмъ.
 Честь я помню и за пиромъ: до безчестья не дойду;
 Рѣчь начну—все будетъ кстати, все въ обрѣзъ тутъ у меня;
 Рѣчь другой педеть—я чинно помолчать ему готовъ.
 Харкнуть тамъ, или сморкнуться—я невѣжествомъ сочту!
 Ужъ къ чужой подругъ рукъ я на пиру не протяну.
 Ужъ не сунуся ни къ блюду, ни къ вину я не попадѣ,
 Ужъ хмѣльнаго не затѣю я раздору никогда,
 А пристанетъ кто,—безъ шуму я домой, не тратя словъ.
 Милымъ гостемъ я въ пирушкѣ, презабавнымъ шутникомъ:
 Знать въ Эфесѣ я родился, а не въ „Глуновѣ“ какомъ! ¹⁾

Палэстрионъ.

Ну, коль это все не шутка—что за прелесть онъ у насъ:
 Знать самую онъ Венерой и воспринять, и повить!

Хитроумъ.

Больше ласки я сдержу тебѣ, чѣмъ давеча сулилъ!

Плевзиклъ.

Ужъ и такъ, божуся, лаской только можешь ты дышать!

Палэстрионъ.

Трехъ такихъ найди мнѣ,—съ вѣсу ихъ на золото куплю!

Плевзиклъ.

Ну, паврядъ въ такія лѣта ты другаго здѣсь пайдешь,
 Чтобъ на всѣ годился руки, за друзей горой стоялъ!

¹⁾ Въ подл. poemum in Aprilis, poemum Aminulae.

Хитроумъ.

Самъ увидишь, молодцомъ какимъ тебѣ я покажусь,
Какъ во всемъ, вездѣ и всюду я тебѣ тутъ пригожусь!
Нуженъ злой тебѣ заступникъ, непривѣтный?—Это я.
Нуженъ ласковый? Въ затишье больше море набурлитъ,
Нашумитъ Зефиръ сильнѣе, чѣмъ себя я поведу!
Собутыльникомъ веселымъ на пирункѣ быть съумѣю,
Паразитомъ—на отличку, въ тонкихъ блюдахъ—зватокомъ;
Въ плясъ пушусь—и плесуновъ всѣхъ тотчасъ за поясъ заткну!

Палэстрионъ.

Ну, какой сюда прибавки ты еще бы пожелалъ?

Плевзикль.

Отплатить ему, какъ должно, за его добро добромъ,
И тебѣ,—за безпокойство, за тревогу я-бъ хотѣлъ!
Разорять тебя мнѣ совѣстно порядкомъ!

Хитроумъ.

Глупъ ты, братъ!
Для жены злой разораться, иль на недруга—убытокъ!
На пріятеля иль гостя что истратишь—въ барышахъ;
Божьей милостью мнѣ хватить, чѣмъ теби тутъ угостить:
Ѣшь да пей, да веселися: будь какъ дома у меня!
Все жилище—на раснашку, нѣтъ стѣсненій никакихъ.
А вѣдь, божьимъ изволеньемъ, по своимъ я средствамъ могъ
Взять жену домой съ приданнымъ, изъ хорошей взять семью:
Да сварливой бабѣ двери отворять я не хочу!

Плевзикль.

Отчего жъ? Себѣ на радость ты дѣтей взростить бы могъ.

Хитроумъ.

Нѣтъ, ужъ лучше быть бездѣтнымъ, да зато безбѣднымъ жить!
Коль и есть на бѣломъ свѣтѣ гдѣ хорошая жена,
Гдѣ жъ искать ее прикажешь? Что жъ? Такую, что-ли, взять,
Что ни разу мнѣ не молвить: „мужъ, купи-ка шерсти мнѣ,
Плащъ тебѣ сотку я теплый, да туники зимнихъ днѣ,

'Чтобъ не мерзнуть'; пѣтъ! такихъ ужъ не услышишь ты рѣчей!
 Пѣтъ! За то тебя подниметь вотъ она до пѣтуховъ.
 И начнеть: „дай денегъ! мать ужъ въ новый годъ подарка ждетъ.
 Дай на сласти! Дай на на праздникъ мнѣ гадальщицъ подарить,
 'Что и сны мнѣ истолкуютъ, и судьбу всю объяснятъ!
 Да уборщицѣ гостинице я должна хорошій дать,
 Да постельница все злится, что давно ей ничего,
 Бабка все глаза мнѣ колетъ, что послали ей на грошъ!
 Ахъ, чуть няньку не забыли, что за дворней ходитъ здѣсь:
 Обдѣлать ее не думай: съѣсть поѣдомъ насъ советъя!“
 Какъ подумаешь объ этомъ (да еще не все вѣдь тутъ),
 И отдумаешь жениться, чтобъ тѣхъ пѣсень не слышать!

Палэстрюнь.

Ты не глупъ, хвала всевышнимъ! Стоить разъ попасть въ полонъ.
 На свободу ужъ отсюда вридь-ли вырвешься, ей-ей!

Пленникъ.

Судишь ты, положимъ, здраво о себѣ и о другихъ:
 Все-жъ похвально быть богатымъ, родовитымъ быть къ тому,
 Да дѣтей еще взлелѣять,—родъ свой съ честью поддержать!

Хитроумъ.

У меня родни съ избыткомъ, такъ на что мнѣ тутъ дѣтей?
 Въ счастья я живу въ довольствѣ; что хочу, то я творю;
 Помирать сберуся—той же все родни добро отдамъ;
 Ужъ они за мной и ходятъ, и изъ глаза мнѣ все глядятъ.
 Дѣ-свѣту придутъ да спросятъ, все-ль спокойно почивалъ.
 Въ жертву что богамъ зажарятъ—лучшій мнѣ кусокъ несутъ,
 На обѣдъ меня, на ужинъ и на праздникъ позовутъ,
 Кто всѣхъ меньше мнѣ подносить, тотъ судьбу свою клянетъ!
 Взапуски подарки носятъ; я жъ себѣ смекаю такъ:
 „Пусть себѣ меня балуютъ: имъ добро мое пойдетъ!“

Плевзникъ.

Да! Недурно ты устроился, какъ вижу я теперь:
 Власть живешь ты—все одно, что куча у тебя ребятъ!

Хитроумъ.

Охъ, съ ребятами не мало-бъ горя я хватилъ, ей-ей!
Запоздалъ-ли сынъ съ гулянки—у меня-бъ изъ-за него
Сердце тотчасъ заболѣло; лихорадкой захвораю онъ—
Я-бъ на смерть перепугался; пьяный онъ споткнись, съ коня-ль
Упади—„свернулъ онъ шею“, я-бъ кричалъ,—„онъ безъ поги!“

Плевзикль.

Стоишь вправду ты богатства, лѣтъ несчѣтныхъ стоишь ты:
Зря не тратишь, ублажаешь и себя ты, и друзей!

Палэстрюнь.

Славный человекъ онъ, право! Кстати было бы, клянусь,
Расцѣнить богамъ людскую жизнь получше, какъ теперь!
Честный староста на рынкѣ цѣну ставить на товаръ:
Что получше—подороже, по достоинству вдетъ,
Что похуже—и въ убытокъ продавца. какъ разъ, введетъ;
Вотъ и кстати бы въ оцѣнку всѣхъ людей богамъ пустить:
Милосердыхъ бы въ отличку долгой жизнью надѣлить,
Негодяямъ и злодѣямъ—вдосталь вѣкъ укоротить!
Было бъ такъ—лихихъ не густо развелось бы тутъ людей,
На дурное дѣло сразу не рѣшился бы злодѣй,
Възъ бы хлѣбъ свой безъ печали добрый человекъ, ей-ей!

Хитроумъ.

Ну, боговъ намъ не учить ужъ: свой у нихъ, навѣрно, умъ!
Заболтались мы однако: время думать о другомъ.
За съѣстными пойти мнѣ нужно, чтобъ принять и угостить
Дорогихъ гостей на славу, не ударить въ грязь лицомъ.

Плевзикль.

Я и такъ теперь все каюсь, что тебя въ убытокъ ввелъ,
Да къ тому-жъ, пріѣдетъ въ гости хоть пріятель дорогой,
Такъ и тотъ дня въ три навѣрно всѣмъ по-горло надоѣстъ;
А дней десять загостится—тутъ хоть изъ дому бѣги!
Пусть хозяинъ и крѣпится—слуги пѣть заговорить.

Хитроумъ.

Нѣтъ, братъ! У меня по стрункѣ слуги всѣ ходить должны:
 Не указывать ихъ дѣло, а служить, какъ прикажу.
 Коли имъ я не по праву служба—я хозяинъ здѣсь:
 Ужъ тамъ хочешь или не хочешь, а приказъ мой исполняй!
 Ну, теперь пойду на рынокъ!

Плевзикль.

Быть по твоему! Но все-жъ
 Не бросай напрасно денегъ: знаешь, я неприхотливъ!

Хитроумъ.

Перестань! Стара, братъ, пѣсня! Поновѣе что начини!
 У народа эти въ модѣ отговорки, знаешь самъ.
 Какъ за сытный столъ залягутъ, и начнутъ они скулить:
 „Да на что-жъ ты издержался такъ сегодня ради насъ?
 Ахъ, безумецъ! Тутъ вѣдь хватить и десятокъ накормить!“
 А небось никто не скажетъ, какъ на столъ имъ подадутъ:
 „Убери-ка это блюдо! Прочь тотъ окорокъ возьми!
 Не хотимъ свинины! Рыбу-жъ и холодную съѣдимъ!
 Убирай! Долой! Не надо!“ Словъ такихъ въ поминѣ нѣтъ!
 А съ ногами влѣзть готовы всѣ на столъ, какъ ѣсть начнутъ:
 Все ворчать да попрекають,—все жъ до капельки сожрутъ!

Плевзикль.

Это такъ, клянусь Поллуксомъ! Тонко схвачено! Умно!

Палэстрюнь.

Какъ онъ славно ихъ отдѣлалъ! Мастеръ!

Хитроумъ.

Сотой доли тутъ
 Перебрать мнѣ не пришлось! Разсуждать-то недосугъ!

Палэстрюнь.

Это такъ! Теперь за дѣло примемтесь мы поскорѣй!
 Ну, прислушайтесь же оба! Хитроумъ, теперь нужна
 Помощь мнѣ твоя: придумалъ штуку славную вѣдь я:

И кудлатаго вояку мы на совѣсть подстрижемъ,
И его вотъ съ Филокомой мы въ дорогу снарядимъ:
Пусть ихъ ѣдутъ на здоровье!

Хитроумъ,

Будь любезенъ, объясни!

Палэстрионъ.

Ты-жъ любезенъ будь—колечко дай мнѣ это.

Хитроумъ.

А зачѣмъ?

Палэстрионъ.

Дай сначала, а потомъ все и узнаешь отъ меня.

Хитроумъ.

На, бери! (даетъ ему свой перстень.)

Палэстрионъ.

Теперь въ отплату слушай, что придумалъ я.

Хитроумъ.

Начинай! Ты видишь, уши оба приложили мы.

Палэстрионъ.

Бабы прихвостня такого, какъ хозяинъ нашъ. на свѣтѣ
Не было, да и не будетъ!

Хитроумъ.

То извѣстно мнѣ давно.

Палэстрионъ.

Образною Паряса онъ считаетъ предъ собой.
И кричить, что всѣ въ Эфесѣ бабы бѣгаютъ за нимъ.

Хитроумъ.

Охъ, и многіе-бъ хотѣли ложью рѣчь твою считать,

Да все правда тутъ, я знаю! Нечего, Палэстріонъ,
Слопъ на это тратить вовсе: ты объ дѣлѣ говори.

Палэстріонъ.

Ну, такъ вотъ: сыскать нельзя-ли мнѣ красотки тутъ какой,
Чтобъ хитра была до-нельзя, и лукава, какъ никто.

Хитроумъ.

Изъ свободныхъ, или вольную?

Палэстріонъ.

Какую ни найдешь:
Чтобы деньги лишь любила, да себя собой кормила,
Съ головой была-бъ, а сердца съ нихъ и спрашивать нельзя!

Хитроумъ.

Изъ „бывалыхъ“, значить, пужно?

Палэстріонъ.

Чтобъ была кровь съ молокомъ,
Да съ лица бы посмазливѣй, номоложе поници.

Хитроумъ.

Есть изъ „легкихъ“ тутъ кліентка молодая у меня;
А на что тебѣ?

Палэстріонъ.

Следи-ка ты ее къ себѣ домой,
Да матроною почтенной наряди ее сполна,
Голову пели убрать ей, я пускай себя она
За твою сунругу выдастъ, ей скажи!

Хитроумъ.

Въ толкъ не возьму!

Палэстріонъ.

Все поймешь потомъ! Служанка есть у ней?

Хитроумъ.

Преловкая.

Палэстрюнь.

И она тутъ пригодится. Вотъ что имъ ты накажи:
Безъ ума-де въ воеводу влюблена твоя жена,
И кольцо-де то служанкѣ отдала, служанка мнѣ,
Я-жъ подосланъ воеводѣ-могъ вручить его.

Хитроумъ.

Смекнулъ:

Не глухому говоришь ты: выучу обоихъ я
На отличку.

Палэстрюнь.

Къ воеводѣ отъ жены-де я твоей
Посланъ сводникомъ; а нашъ-то страсть до этого охотникъ,
Волокитство да безпутство только въ мысли у него.

Хитроумъ.

Днемъ съ огнемъ такихъ бабенокъ двухъ нигдѣ ты не найдешь,
Какъ мои знакомки эти: будь спокоенъ, сладятъ все! (Уходитъ.)

Палэстрюнь (ему вслѣдъ).

Ну, за дѣло принимайся ты скорѣй!—Плевзикль, послушай!

Плевзикль.

Слушаю.

Палэстрюнь.

Ты вотъ что сдѣлай: какъ вернется воевода,
Ты подругу Филокомой не зови!

Плевзикль.

А какъ же звать?

Палэстрюнь.

Да Гликерой.

пустозвонъ.

Плевзникъ.

Уговоръ и былъ таковъ.

Палэстріонъ.

Теперь ступай.

Плевзникъ.

Не забуду; хоть не знаю, ния ей къ чему мѣнять?

Палэстріонъ.

Объясню, когда придется, а теперь ты помолчи:
Нашъ старикъ пока у дѣла, а потомъ и твой чередъ.

Плевзникъ.

Ну, прощай!

Палэстріонъ.

Иди, да помни хорошенько мой наказъ.
(Плевзникъ уходитъ).

Явленіе 2-е.

Палэстріонъ, потомъ Лукріонъ.

Палэстріонъ.

Въ большой походъ со всѣмъ снарядомъ я пустился:
И воеводу подружку увезу,
Коль не сплоскаетъ рать моя въ горячемъ дѣлѣ!
Позвать его. Эй ты, Скледръ! Коли не занятъ,
Поди сюда: Палэстріонъ тебя зоветъ. (Входитъ Лукріонъ).

Лукріонъ.

Скледру недосугъ.

Палэстріонъ.

Что такъ?

Лукріонъ.

Онъ захлебнулся!

Палэстрионъ.

Какъ захлебнулся?

Лукрионъ.

То-бишь: онъ захлопотался:

Да вѣдь это одно выходить на одно....

Палэстрионъ.

Ну, спать онъ что-ль?

Лукрионъ.

Не весь: носъ у него не спать:

Работаетъ во всю!

Палэстрионъ.

Добрался, знать, до чарки

Нашъ ключникъ и настойку вылакалъ до дна!

Эй ты, злодѣй подключникъ! Слышишь, что-ли, ты?

Лукрионъ.

Чего тебѣ?

Палэстрионъ.

Да какъ заснуть онъ умудрился?

Лукрионъ.

Глаза зажмурилъ, и....

Палэстрионъ.

Да не объ томъ, негодный!

Поди сюда! Смотри, всю правду мнѣ подай!

Ты доставалъ вино?

Лукрионъ.

Нисколько.

Палэстрионъ.

Какъ нисколько?

ЛУКРІОНЪ.

Конечно, нѣтъ: вѣдь онъ велѣлъ не говорить:
Ему осьми я кружекъ въ ендову не вылилъ,
И грѣтаго съ нимъ вмѣстѣ за столомъ не пилъ....

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Не пилъ?

ЛУКРІОНЪ.

Ни-ни, хотя бъ на мѣстѣ провалиться!
Не до питья пришлось!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Какъ такъ?

ЛУКРІОНЪ.

Всего разочекъ
Горячаго хватилъ, и сжегъ себѣ всю глотку....

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Ишь, пьяница! И дѣла нѣтъ имъ до другихъ!
Хорошими сторожамъ повѣрили нашъ погребъ!

ЛУКРІОНЪ.

А будь онъ у тебя, не то-бъ еще случилось:
А не дали тебѣ—вотъ и браниться началъ!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Да прежде онъ таскалъ вино, скажи, злодѣй?
Да заруби себѣ на память хорошенько:
Соврешь ты, Лукріонъ,—не быть тебѣ живому!

ЛУКРІОНЪ.

Дуракъ я, что-ли? Самъ меня ты послѣ выдашь,
Изъ погреба меня тогда ужъ по шеямъ,
И допивать его тебя поставятъ вѣрно!

Палэстріонъ.

Клянусь, не выдамъ! Ну, смѣлѣе говори.

Лукріонъ.

Чтобъ онъ таскалъ—я не видалъ; а вотъ въ чемъ дѣло:
Онъ мнѣ приказывалъ, а я ужъ и таскалъ!

Палэстріонъ.

И бочки отъ того тамъ часто кувыркались....

Лукріонъ.

Ей-ей не отъ того валились бочки на бокъ,
А было въ погребѣ тамъ скользкое мѣстечко,
Ендовка жъ мѣры въ двѣ у бочки пріютилась:
Споткнется бочка—ну, ендовка и полна!
Ендовка пьетъ да пьетъ, а бочка то и на бокъ!

Палэстріонъ.

Поехалъ домой! Ишь вѣдь, нашли себѣ потѣху
Вы въ погребѣ! Сейчасъ хозяину скажу.

Лукріонъ.

Ой, изведетъ меня онъ, какъ домой вернется,
За то что въ-время ему я не донесъ. (Къ зрителямъ.)
Хоть на день отъ бѣды куда-нибудь сбѣгу;
А вы ему (указывая на Палэстріона) о томъ, прошу, не проболтайте!

Палэстріонъ.

Куда бѣжишь?

Лукріонъ.

Послали; ворочусь сейчасъ.

Палэстріонъ.

Послалъ кто?

Лукріонъ.

Филокома.

пустовонъ.

Палэстрюнь.

Ну, скорѣй ходи!

Лукріонъ.

Ужъ будь такъ добръ, коль безъ меня бѣда стрясется,
И всѣмъ достанется, мою прими ты часть! (Уходитъ.)

Палэстрюнь.

Смекаю я, что дѣва наша учинила:
Скеледръ—безъ заднихъ ногъ, а этотъ сторожъ ея
Спровоженъ: къ милому она собралась,—ладно!
А, вонъ и Хитроумъ ведетъ кого просилъ я:
Какая милочка! Ну, боги, знать, за насъ!
Да какъ наряжена,—вѣдь точно не гетэра:
Наладилось совсѣмъ, какъ вижу, наше дѣло!

Явленіе 3-е.

Палэстрюнь, Хитроумъ, Акротелія и Мильфидиппа.

Хитроумъ.

Всю штуку, Акротелія, тебѣ я съ Мильфидиппой
Ужъ дома выложилъ вполнѣ; но коль еще хотите,
Продѣлку нашу я готовъ растолковать вамъ снова;
А коли поняли, мы рѣчь другую поведемъ-ка.

Акротелія.

Ужъ было-бъ глупостью прямой, скажу я безъ утайки,
Совать въ чужое дѣло носъ мнѣ свой съ тобою вмѣстѣ,
Коль не съумѣла-бъ въ дѣлѣ томъ схитрить я на отличку.

Хитроумъ.

Все лучше, какъ напомнимъ!

Акротелія.

Ну, всѣмъ людямъ то извѣстно,
Что насъ учить—лишь трудъ пустой! Едва ты заикнулся

Мнѣ, помнишь, о своей нуждѣ, тотчасъ сообразила
Сама я, какъ получше намъ обдѣлать воеводу.

Хитроумъ.

Хорошъ одинъ умъ, два же лучше; и не разъ видалъ я,
Какъ люди бродятъ вкривь да вкось, дороги не нашедши.

Акротеля.

Ужъ нашей-то сестрѣ ума не занимать на хитрость:
И память тутъ у насъ на все прекрѣпкая бываетъ;
А по хорошему ступить—и памяти не хватить,
И безтолковость нападетъ тотчасъ на человѣка!

Хитроумъ.

Вотъ то-то и бѣда, что здѣсь всего есть по немножку:
Добро—мнѣ сдѣлать вы должны, а воеводѣ—пакость.

Акротеля.

Добро-то ужъ у насъ всегда выходить ненарокомъ.

Хитроумъ.

Негодницы же вы, бабѣ!

Акротеля.

Подъ стать вамъ, негодьямъ!

Хитроумъ.

Что съ васъ и спрашивать! Идемъ.

Палэстріонъ.

Пойду-ка имъ на встрѣчу.

Хитроумъ.

Ну, кстати-жъ ты, Палэстріонъ! А вотъ тебѣ и помощь:
Точь въ точь какихъ ты самъ велѣлъ привести.

Палэстріонъ.

Желанный, здравствуй!

Ну, какъ я радъ, что ты здоровъ!—Что за нарядъ прелестный!
Привѣтъ мой Акротеліи!

Акротелія.

Кто онъ таковъ, скажи мнѣ,
Что ния знаетъ онъ мое?

Хитроумъ.

А это—нашъ механикъ.

Акротелія.

Механикъ, здравствуй!

Палэстрионъ.

Здравствуй! Чтожь, свое ты наставленье
Ужь получила отъ него?

Хитроумъ.

Наставлены ужъ обѣ!

Палэстрионъ.

Хотѣлъ бы слышать самъ: боюсь, не вышло бы прорухи!

Хитроумъ.

Но вѣдь къ твоимъ наказамъ я ни слова не прибавилъ!

Акротелія.

Сыграть ты штуку съ воеводой хочешь?

Палэстрионъ.

Это вѣрно.

Акротелія.

Ну, это дѣло на мази,—претонко разыграемъ!

Палэстрионъ (указывая на Хитроума.)

Его супругой ты должна явиться.

Акротеля.

Такъ и будетъ.

Плэстрюнь.

И въ воеводу ты должна влюбиться.

Акротеля.

Такъ и будетъ.

Плэстрюнь.

А я съ твоей прислугой тутъ посредникомъ быть долженъ.

Акротеля.

Загадывать ты мастеръ: все сойdetъ, какъ по писанью.

Плэстрюнь.

А перстенёкъ-де этотъ мнѣ съ служанкой ты прислала,
Въ подарокъ воеводѣ отъ тебя.

Акротеля.

Сказалъ ты вѣрно.

Хитроумъ.

Чего-жъ еще учить ихъ тутъ? Урокъ прекрасно знаютъ!

Акротеля.

Не худо и еще, натронъ, напомнить: дѣльный мастеръ
Для судна остовъ лишь чертитъ и ставить по рисунку,
А остальное—пустяки при опытныхъ рабочихъ.
Теперь и этотъ нашъ корабль заложенъ ужъ на славу:
И мастеръ, и рабочіе—свое всё дѣло знаютъ;
Лишь поставщикъ бы не подвелъ,—за нимъ теперь лишь стало,—
Ужъ за себя мы стоимъ, поспѣеть судно скоро!

Плэстрюнь.

А съ нашими воеводой ты знакома-ль?

АКРОТЕЛИЯ.

Ну, еще бы:

Давно прѣлся всѣмъ нахалъ завитый, раздушенный;
Такого бабника не знать!

Палэстрюнь.

А онъ тебя?

АКРОТЕЛИЯ.

Нисколько:

Меня не видѣлъ онъ въ глаза!

Палэстрюнь.

Ну, лучше и не надо:

На славу сдѣлаемъ дѣльцо!

АКРОТЕЛИЯ.

Ты укажи мнѣ только,

Кого дурачить, и конецъ! Обдѣлаю прелестно!

Не то—моя вина во всемъ!

Палэстрюнь.

Ступайте же домой вы,

Да помните, чтобъ не сплюшать!

АКРОТЕЛИЯ.

Оставь ужъ насъ въ покоѣ!

Палэстрюнь.

Ну, Хитроумъ, веди домой ихъ; я-жъ пойду на форумъ,

Найду хозяина, отдамъ колечко и прибавлю,

Что отъ жены оно твоей, влюбленной въ воеводу.

А какъ вернемся мы, тотчасъ служанку къ намъ пошлите.—

Тайкомъ-де къ „самому“ идетъ она....

Хитроумъ.

Не безпокойся!

Палэстрюиъ.

Ужъ постарайтесь; а его обставляю я, какъ должно!

Хитроумъ.

Ну, въ добрый часъ! (Палэстрюиъ уходитъ.)

А если мнѣ сегодня все удастся,—

Коль вызволить мой гость свою подругу изъ неволи,

Въ Аѳины увезетъ, и все обдѣлаемъ дѣльцо мы,—

Чѣмъ подарить тебя?

Акротелия.

Чѣмъ самъ ни вздумаешь: все ладно!

Лишь та бы женщина намъ въ дѣлѣ нашемъ пособила,

Сойдетъ все чисто-гладко съ рукъ—увѣрена я въ этомъ.

Ужъ какъ вдвоемъ мы съ ней теперь поднимемся на хитрость,

Такъ ни одинъ лукавый врагъ насъ вѣрно не осилитъ.

Хитроумъ.

Идемъ домой, да обо всемъ порядкомъ поразмыслимъ,

Чтобъ аккуратно, мастерски намъ дѣло наше сладить,

Чтобъ маху намъ не дать.

Акротелия.

Слова ты тратишь по пустому. (Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ III.

Явленіе 1-е.

Пустозвонъ и Палэстрюиъ.

Пустозвонъ.

Сердцу радость, какъ идетъ все по желанью на успѣхъ:

Нынче я къ царю Селевку съ паразитомъ отослалъ

Всю военную дружину, для него что нанималъ

Охранять его державу: отдохнуть теперь не грѣхъ!

Палэстрыонъ.

И оставь-ка ты Селевка въ сторонѣ; а вотъ теперь
Новую тебѣ утѣху я доставляю—просто всласть!

Пустозвонъ.

Прочь дѣла! Теперь съ тобою позаймуся отъ души;
Говори: свои я уши заложить тебѣ готовъ!

Палэстрыонъ.

Осмотришь-ка: не подслушалъ насъ бы кто-нибудь, какъ разъ;
Втихомолку это дѣло мнѣ обдѣлать былъ приказъ.

Пустозвонъ.

Никого тутъ нѣтъ.

Палэстрыонъ.

Прими-ка вотъ задаточекъ любви.

Пустозвонъ.

Это что? Откуда это?

Палэстрыонъ.

Отъ красотки, да какой!
Влюблена въ тебя безъ мѣры: спать и видить быть твоей;
Черезъ ея служанку перстень получилъ я для тебя.

Пустозвонъ.

Изъ какихъ она? Гражданка, или бывшая раба?

Палэстрыонъ.

Экъ хватилъ! Да развѣ смѣлъ бы съ либертилкой я придти:
И гражданамъ смѣты нѣту, что съ ума ты свелъ давно!

Пустозвонъ.

Изъ замужнихъ или вдовыхъ?

Палэстрыонъ.

Замужемъ вдова!

Пустозвонъ.

Какъ такъ?

Что за притча?

Палэстрионъ.

Молодушка замужемъ за старикомъ!

Пустозвонъ.

Славно!

Палэстрионъ.

А съ лица—ну, прелесть!

Пустозвонъ.

Берегися ты солгать!

Палэстрионъ.

И тебѣ—какъ разъ подъ пару!

Пустозвонъ.

Знать—на рѣдкость красота!

Кто-жъ такая?

Палэстрионъ.

А сосѣда, Хитроумова жена;

Влюблена въ тебя до смерти; старика же гонить прочь.

Бить челомъ тебѣ велѣла, чтобъ позволилъ ей сойтись

Ты съ тобой.

Пустозвонъ.

Клянусь Иракломъ—я согласенъ, коли хочеть.

Палэстрионъ.

Хоть сейчасъ готова!

Пустозвонъ.

Нашу-то куда же намъ дѣвать?

Пустозвонъ.

Плэстрюнь.

Отпусти на всѣ четыре: тутъ какъ разъ ея сестра
Съ матерью въ Эфесъ приплыли и зовутъ ее къ себѣ.

Пустозвонъ.

Какъ, и мать ея въ Эфесъ?

Плэстрюнь.

Говорять: самъ слышалъ я.

Пустозвонъ.

Вотъ и случай мнѣ пришелся отъ моей отдѣлаться.

Плэстрюнь.

Знаешь, сдѣлать какъ лучше?

Пустозвонъ.

Говори, давай совѣтъ!

Плэстрюнь.

Хочешь сбыть ее сейчасъ же, по добру чтобы ушла?

Пустозвонъ.

Ну, хочу.

Плэстрюнь.

Ты вотъ какъ сдѣлай: у тебя богатства вдоволь:
Золото и всѣ уборы, что ты сдѣлалъ для нея,
Ей отдай совсѣмъ, и съ ними, куда хочетъ, отпусти!

Пустозвонъ.

Дѣльно сказано; а если та уйдетъ, а эта вдругъ
На попятный?

Плэстрюнь.

Что за шутки: эта страсть какъ влюблена!

Пустозвонъ.

Знать, Венеринъ я любимецъ!

Палэстріонъ.

Стой: вотъ дверь скрипитъ; пойдёмъ-ка
Мы къ сторонкѣ: ужъ вспорхнула вѣстницей та ласточка,
Что колечко принесла мнѣ для тебя.

Пустозвонъ.

Ей-ей, она

Недурна!

Палэстріонъ.

Предъ тою эта—обезьяна и сова!
Высмотрѣть кого-то хочеть, что-то выслушать она!

Явленіе 2-е.

Тъ же и Мильфидиппа.

Мильфидиппа (въ сторону)

Вотъ театръ, свою игру гдѣ разводить придется мнѣ;
Притворюсь, что ихъ не вижу: будто нѣтъ ихъ тутъ совсѣмъ.

Пустозвонъ (Палэстріону)

Помолчи: хочу я слышать, про меня-ль тутъ будетъ рѣчь.

Мильфидиппа.

Нѣтъ-ли до чужаго дѣла тутъ охотниковъ какихъ,
Кто своимъ накормленъ хлѣбомъ *), и подглядывать мастакъ?
Какъ-бы мнѣ такіе люди не попались, или той,
Что сюда придетъ украдкой, что отъ страсти чуть жива,
Что въ героя и красавца всей душою влюблена—
Въ Пустозвона воеводу?

*) Въ подлинникѣ: qui de vespere vivat suo, то-есть, своими средствами, съ полной возможностью располагать своимъ временемъ.

Пустозвонъ.

Пустозвонъ.

И она въ меня влюбилась?

Ишь, какъ хвалить!

Палэстріонъ.

Да! зомы ей на языкъ совѣтъ не нужно.

Пустозвонъ.

Это какъ?

Палэстріонъ.

Да видишь, чисто какъ все сказано у ней;
И сама она—красотка на отличку, хоть куда!

Пустозвонъ.

Это вѣрно: я ужъ страстью весь горю, Палэстріонъ!

Палэстріонъ.

Не выдавъ ея хозяйки?

Пустозвонъ.

Ту я вижу за глаза,
Эту-жъ ласточку въ лицо я полюбилъ.

Палэстріонъ.

Ужъ сдѣлай милость,

Не люби: моя невѣста вѣдь она; коль ту сегодня
Ты возьмешь, беру я эту.

Пустозвонъ.

Что-жъ ты съ ней не говоришь?

Палэстріонъ.

Ну, пойдешь.

Пустозвонъ.

Иду послушно.

Мильфидиппа.

Какъ бы тутъ мнѣ повидать,
Для кого сегодня вышла съ порученьемъ я сюда!

* * *

Палэстрюонъ.

Всѣ желанья твои въ исполненье придуть: не робѣй, и тревогой не
мучься;
А за вѣмъ послана—человѣчекъ одинъ ужъ смекнулъ.

Мильфидиппа.

Но кого же я слышу?

Палэстрюонъ.

Кто съ тобой заодно, кто участникъ давно въ замышленьяхъ твоихъ
и уловкахъ.

Мильфидиппа.

Если такъ—я открою, что скрыть я должна.

Палэстрюонъ.

Но вѣдь скроешь ты
это едва-ли?

Мильфидиппа.

Почему-жъ?

Палэстрюонъ.

Отъ чужихъ ты скрываться должна; тутъ—своя, — что
за радость таяться?

Мильфидиппа.

Ты изъ нашей дружины? Давай же мнѣ знакъ.

Палэстрюонъ.

Влюблена тутъ красотка въ кого-то!

ПУСТОЗВОНЪ.

Мильфидиппа.

Бабу влюбленныхъ не мало.

Палэстрионъ.

Но мало такихъ, что съ любимымъ перст-
немъ расстаются!

Мильфидиппа.

Вотъ теперь поняла! Какъ изъ лѣсу меня сразу вывелъ на ровное
мѣсто!

Но вѣдь мы не одни?

Палэстрионъ.

Хочешь да, хочешь нѣтъ!

Мильфидиппа.

Отойди-ка со мною къ сторонкѣ.

Палэстрионъ.

Рѣчь долга-ли твоя?

Мильфидиппа.

Въ трехъ словахъ все скажу.

Палэстрионъ (всёводѣ).

Подожди: я вернусь сейчасъ же.

Пустозвонъ.

Какъ же я? Съ красотой и съ геройствомъ можнѣ тутъ стоять по
пустому все буду?

Палэстрионъ.

Потерпи и постой: для тебя-жъ хлопочу!

Пустозвонъ.

Попроворяй: мнѣ ждать не
подъ силу.

Палэстрюиъ.

Что за спѣхъ? Самъ ты знаешь, товарищъ такой съ одного не стор-
гуешь ты разу.

Пустозвонъ.

Ладно, ладно! Ужъ дѣлай, какъ лучше найдешь!

Палэстрюиъ (въ сторону).

Нѣтъ глупѣе на свѣтѣ
чурбана!

Я сейчасъ! (Къ Мильфидиппѣ)

Пу, что нужно тебѣ, говори?

Мильфидиппа.

Какъ за дѣло приняться, скажи мнѣ.

Палэстрюиъ.

Уговоръ былъ давно, что въ него влюблена...

Мильфидиппа.

Знаю, знаю я это отлично.

Палэстрюиъ.

Расхвалить ты его красоту не забудь, и геройство, какъ должно,
прославить;

Все старанье къ тому приложить ты должна, и урокъ мой на славу
отвѣтить;

Ну, а тамъ на меня хорошенько смотри, и къ моей ты прислушайся
рѣчи!

Пустозвонъ.

Слушай! Что-жъ, обо мнѣ вспомнишь ты, наконецъ? Подойди-ка сюда
поскорѣе!

Палэстрюиъ.

Вотъ и я! Повели, все исполнить готовъ.

Пустозвонъ.

Что она говорить?

Пустозвонъ.

Палэстрюнь.

О, ужасно

Истерзалась ея госпожа, извелась, и отъ плача ужъ сходить въ могилу!

Все тоскуеть, горюеть она по тебѣ: вотъ еѣ за тобою прислала!

Пустозвонъ.

Позови-ка сюда.

Палэстрюнь.

Знаешь, какъ поступить? Гордецомъ ты прикинься надменнымъ,

Не сдавайся мольбамъ; и меня обругай, что твоей красоты не жалѣю.

Пустозвонъ.

Такъ и будетъ: исполню!

Палэстрюнь.

Позвать ли еѣ? Вѣдь къ тебѣ она съ просьбой явилась.

Пустозвонъ.

Пусть идетъ, коли надо!

Палэстрюнь (Мильфидиппѣ).

Ступай же сюда!

Мильфидиппа.

Мой привѣтъ красотѣ
несравненной!

Пустозвонъ.

Да, меня такъ зовутъ. Да пошлютъ же тебѣ по желанью всевышніе боги!

Мильфидиппа.

Скоротать бы съ тобою весь вѣкъ...

gnement de la philologie classique. (Strassbourg, Bonn et Leipzig) par F. Collard. 1879.—1882.—См. статью И. Помяловскаго: Преподавание классической филологии въ германскихъ университетахъ.

2861. Die Stundenpläne für Gymnasien, Realgymnasien und lateinlose Realschulen in den bedeutendsten Staaten Deutschlands. Zusammengestellt von G. Uhlig. Heidelberg. 1884.—Рец. 1884, ч. 235, сентябрь, отд. II, стр. 236—237.

2862. Zürlingibl dr. Eberh. Studien

über das Institut der Gesellschaft Jesu mit besonderer Berücksichtigung der pädagogischen Wirksamkeit dieses Ordens in Deutschland 1869.—Рец. Н. К. 1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 314—315.

2863. Verhandlungen der Commission zur Prüfung der Frage der Ueberbürdung der Schüler höherer Lehranstalten des Grossherzogthums. Bericht und Protokollen. Darmstadt. 1883.—См. статью: Къ вопросу объ обремененіи учащихся въ Германіи.

IV. ИСТОРИЯ И НАУКИ ВОПОМОГАТЕЛЬНЫЯ ИСТОРИИ.

1. МЕТОДИКА И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ.

А. Статьи.

2864. Е. Н. Вестушевъ-Рюминъ. Методы историческихъ занятій. (По поводу книги Эдуарда А. Фримана: The Methods of Historical Study. Lond. 1886).—1887, ч. 249, февраль, отд. II, стр. 291—319.

Поправка (опечатка)—ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 187.

2865. М. С. Еуторга. Объ истори-

ческомъ развитіи понятія исторіи отъ древнѣйшей эпохи на востокъ до нашего времени.—1868, ч. 137, февраль, отд. II, стр. 283—297; мартъ, отд. II, стр. 648—872.

2866. Д. Я. Самохвасовъ. О методѣ ученой разработки историческихъ источниковъ. — 1873, ч. 170, декабрь, отд. II, стр. 241—252.

Б. Рецензії.

2867. Н. Карпезъ. Основные вопросы философіи исторіи. 2-е переработанное изданіе. Два тома. С.—Пб. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 530. (Кн. новости).

2868. Н. Карпезъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Вып. I-й. С.—Пб. 1890.—Рец. 1889, ч. 266, декабрь, отд. II, стр. 563—567. (Кн. новости).

2869. Robert Flint. The philosophy

of history in France and Germany. — Рец. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 272—273.

2870. Edward Freeman. Historical Essays. London. 1872.—Рец. 1872, ч. 164, декабрь, отд. II, стр. 419—420.

2871. E. Freeman. Historical Essays. Т. II.—Рец. 1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 307—309.

2872. The Methods of Historical Study

¹⁾ Статьи по исторіи церкви см. въ отд. I (Богословіе); по исторіи права—въ отдѣлѣ наукъ юридическихъ.

Eight Lectures read in the university of Oxford with the inaugural lecture on the office of the Historical professor, by *Ed. A. Freeman*.

тап. Lond. 1886.—См. статью К. Н. Вестушева-Ромкина: Методы исторических занятій.

2. ИСТОРИЯ НАРОДОВЪ ВОСТОКА (АЗІИ И АФРИКИ) ¹⁾.

А. Статьи.

2873. Н. А. Астафьевъ. Вавилоно-Ассирійскія клинообразныя надписи.—1876, ч. 188, декабрь, отд. II, стр. 171—193.

2874. Н. А. Астафьевъ. Развалины Вавилона и Ниневіи.—1878, ч. 195, январь, отд. II, стр. 1—17 (съ чертежами).

2875. Н. А. Астафьевъ. Лѣтописи ассирійскихъ царей.—1879, ч. 203, июнь, отд. II, стр. 165—201; 1880, ч. 207, январь, стр. 73—135.

2876. А. Н. Веселовскій. Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ. (Отзывъ о трудахъ: 1) Разказъ и путешествіе по св. мѣстамъ *Даніила митроп. Ефесскаго*, издан., переводъ и объясненіе Г. Дестунисомъ. Православн. Палест. Сборн. Вып. 8. С.-Пб. 1884. 2) Хожденіе *архим. Гревскаго* во св. Землю. Изд. Я. И. Горожанскій. Русск. Филолог. Вѣстн. 1884, № 4, 1885, № 1).—1885, ч. 239, май, отд. II, стр. 166—183.

2877. Н. И. Веселовскій. Новые матеріалы для исторіи Кокаискаго ханства. (По поводу сочиненій: 1) *Тарихи Шахрози*. Исторія владѣтелей Ферганы. Сочиненіе муллы Ніязи Мухаммедъ бенъ Ашуръ Мухаммедъ, Ховандца. Издана Н. Н. Лантусомъ. Казань. 1885. 2) Краткая исторія Кокаискаго ханства.

Составилъ В. И. Наликинъ. Казань. 1886).—1886, ч. 248, ноябрь, отд. II, стр. 175—195.

2878. А. Гаржани. О древѣйшемъ, нынѣ существующемъ городѣ во всемъ мірѣ.—1872, ч. 162, августъ, отд. II, стр. 310—326.

2879. А. Гаржани. По вопросу о іудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Крыму.—1877, ч. 192, июль, отд. II, стр. 98—121.

2880. В. В. Григорьевъ. Походъ Александра Великаго въ западный Туркостанъ.—1881, ч. 217, сентябрь, отд. II, стр. 24—67; октябрь, стр. 175—208.

2881. В. В. Григорьевъ. Объ отношеніяхъ между кочевыми народами и осѣдлыми государствами.—1875, ч. 178, мартъ, отд. II, стр. 1—27.

2882. В. В. Григорьевъ. Объ арабскомъ путешественникѣ X вѣка. Абу-Долефъ и странствованіе его по Средней Азій.—1872, ч. 163, сентябрь, отд. II, стр. 1—45.

2883. Я. Г. Гуревичъ. Эпоха Псамметиха (по Геродоту и Діодору).—1871, ч. 157, сентябрь, отд. II, стр. 104—142; октябрь, стр. 280—329.

2884. Г. О. Дестунисъ. Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ (Отзывъ объ изданіи: *Διῆγησις Ἐπιφανίου περὶ τῆς Ἱερουσαλὴμ καὶ τῶν ἐν αὐτῇ*

¹⁾ Статьи о русскихъ паломникахъ и путешественникахъ по востоку см. въ отдѣлѣ русской литературы.

- τόπων. Σύγγραμμα ἑλληνικὸν τῆς 'Θέκας-
τονταστηρίδος ἐκδοθέν, ῥωσιστὶ με-
ταφρασθὲν καὶ διερμηνευθὲν ὑπὸ Βα-
σιλείου Βασίλειουσκη. Православн.
Палестина. Сборникъ. Т. IV, вып.
2. С.-Пб. 1886).—1886, ч. 247, сеп-
тябрь, отд. II, стр. 125—143.
2885. В. Жужовскій. О положеніи
гербовъ въ Персіи. — 1885, ч. 237,
январь, отд. II, стр. 77—94.
2886. Замѣненіе Императорской Ар-
хеологической Комиссіи (о Муром-
скомъ кладѣ восточныхъ монетъ).
—1869, ч. 143, май, отд. II, стр. 182
—183.
2887. Д. И. Иловайскій. Стоврат-
ныя Оивы.—1882, ч. 220, мартъ, отд.
II, стр. 52—72.
2888. Н. В. Кондыревъ. Историко-
этнографическій очеркъ Передней
Азіи древнѣйшаго времени.—1869,
ч. 146, ноябрь, отд. II, стр. 106—135.
2889. В. О. Миллеръ. Мнѣ о Ню-
бѣ на Востокѣ. — 1877, ч. 193, ок-
тябрь, отд. V, стр. 59—71.
2890. И. П. Минаевъ. Старая Индія.
Замѣтки на „Хожденіе за три моря“
Афанасія Никитина.—1871, ч. 215,
іюнь, отд. II, стр. 165—241; ч. 216,
іюль, стр. 1—58.
2891. И. П. Минаевъ. Новые факты
относительно связи древней Индіи
съ Западомъ.—1870, ч. 150, августъ,
отд. II, стр. 225—239.
2892. И. П. Минаевъ. Пеналь и его
исторія. (По поводу книги: History
of Nepal, translated from the par-
batiya by Munshi Shew Shunker
Singh end Pandit Shri Gunanand.).
—1878, ч. 195, январь, отд. II, стр.
61—85.
2893. И. П. Минаевъ. Поиски зо-
лота. (Отзывъ о соч. „Посольство
къ Зюнгарскому хану-тайджи Це-
вань-Рабтану капитана Ив. Усоев-
скаго и путевой журналъ его за
1721—1724 гг. Документы, изданные
съ предисловіемъ и примѣчаніями
Н. И. Веселовскаго. С.-Пб. 1887.
„Зап. И. Русск. Георг. Общ. по отд.
этногр.“, т. X, в. 1).—1888, ч. 257,
май, отд. II, стр. 237—249.
2894. К. Паткановъ. Изъ новаго
списка географіи, приписываемой
Моисею Хоренскому.—1883, ч. 226,
мартъ, отд. II, стр. 21—32.
2895. К. П. Паткановъ. Ванскія
надписи и значеніе ихъ для исторіи
Передней Азіи. Исторія Арменіи
по ассирійскимъ памятникамъ. —
1874, ч. 171, январь, отд. II, стр.
96—128; 1875, ч. 177, январь, стр.
148—185; ч. 179, іюль, стр. 292 —
348; 1881, ч. 214, апрѣль, стр. 247
—288; 1883, ч. 230, декабрь, стр.
199—274.
2896. К. П. Паткановъ. О клипо-
образныхъ надписяхъ Ванской си-
стемы, открытыхъ въ предѣлахъ
Россіи.—1882, ч. 224, декабрь, отд.
II, стр. 225 — 241. (Со снимками
надписей).
2897. Вар. В. Розенъ. О предпола-
гаемомъ изданіи арабскаго исто-
рика Табары. — 1876, ч. 186, іюль,
отд. II, стр. 167—172.
2898. Варонъ В. Розенъ. Еще объ
изданіи Табары, арабскаго летопис-
ца.—1877, ч. 194, ноябрь, отд. II,
стр. 107—113.
2899. Ргенъ Индра. Изъ Иранской
муссогонии.—1869, ч. 146, декабрь,
отд. II, стр. 249—266.
2900. П. А. Сырзу. Николай Спа-
тарій. (По поводу изданія: Notice
biographique et bibliographique sur
Nicolas Spatar Milesco, ambassadeur
du tzar Alexis Mihalovité en Chine.
l'ar Émile Picot. Paris. 1883).—1885,
ч. 239, іюнь, отд. II, стр. 335—346.
2901. О. И. Успенскій. Франція на
востока въ XIV вѣкѣ. (Отзывъ о
соч.: La France en Orient au XIV
siècle. Expéditions du maréchal Bou-

- cisant. Par I. Delaville le Roulx. Paris. 1886).—1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 486—504.
2902. А. Цагарели. Новые архивные материалы для истории Грузии XVIII столѣтія.—1883, ч. 225, январь, отд. II, стр. 117—137.
2903. В. III. Религіозные символы древних вавилонян.—1881, ч. 218, ноябрь, отд. II, стр. 83—157.—Приложенія къ статьѣ: I. Объ именахъ ассирійскихъ и вавилонскихъ божествъ. II. Рисунки, списокъ ихъ, съ показаніемъ откуда заимствованы.
- Б. Рецензи.*
2904. М. Amari. Storia dei musulmani in Sicilia. 1854 — 1872.—Ред. 1873, ч. 163, сентябрь, отд. II, стр. 136—138.
2905. Древности Вавилоно-Ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ. Составилъ проф. Н. Астафьевъ. С.-Пб. 1882.—Ред. В. П. III. 1884, ч. 235, сентябрь, отд. II, стр. 160—177.
2906. П. Беръ. Краткая библейская исторія. Перевелъ *Бернардъ Сеталь*. Варшава. 1870. — Ред. 1871, январь, ч. 153, отд. III, стр. 50—52.
2907. П. Беръ. Исторія Израиля отъ сотворенія міра до возвращенія израильтянъ изъ вавилонскаго плѣненія. Перевелъ и дополнилъ *Абрамъ Соломонович*. Варшава 1870.—Ред. 1871, январь, ч. 153, отд. III, стр. 50—52.
2908. Древне-еврейскія монеты. С. А. Булатовъ. (Съ рисунками). Кіевъ. 1886.—Ред. 1886, ч. 244, апрѣль, отд. II, стр. 438—439. (Кл. новости).
2909. Busch, D-r. Moritz. Abriss der Urgeschichten des Orients bis zu den medischen Kriegen. Leipzig. 1869. (Очеркъ древней исторіи Востока до Мидійскихъ войнъ).—Ред. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 154—155.
2910. History of Bokhara from the earliest period down to the present, composed for the first time, after oriental known and un-known historical manuscripts, by *Arminius Vambergy*. London. 1873. — Ред. В. В. Григорьева. 1873, ч. 170, ноябрь, отд. II, стр. 105—137.
2911. Краткій очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи, сост. М. Венюковъ. С.-Пб. 1875. — Ред. И. Миннаева. 1876, ч. 184, май, отд. II, стр. 157—161.
2912. Посольство къ Зюнгарскому хунь-тайджи Цеванъ-Растану капитана *Ио. Уиковскаго* и путевой журналъ его за 1722—1724 г. Документы, изданные съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. И. Весселовскаго („Записки И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“ т. X, в. I).—См. статью И. П. Миннаева: Понскіе золоты.
2913. Handbücher der alten Geschichte.—Aegyptische Geschichte von A. Wiedemann. — Babylonisch - Assyrische Geschichte von P. Tiele.—Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia von Georg Busolt. Gotha. 1888. — Ред. А. Н. Неафелъда. 1889, ч. 262, апрѣль, отд. II, стр. 398—407.
2914. Geschichte der islamischen Völker von Muhammed bis zur Zeit des Sultan Solim, übersichtlich dargestellt von d-r Gustaw Weil. Stuttgart. 1866.—Ред. В. В. Григорьева. 1867, ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 193—203.
2915. Gobineau (comte de). Histoire des Perses d'après les auters orientaux, grecs et latins et particulièrement d'après les manuscrits orientaux

- inédits, les monuments figurés, les médailles, les pierres gravées etc. 2 vols. Paris, 1869. — Рец. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 318—320.
2916. *Хождение архимандрита Грегория во св. Землю. Изд. Я. И. Горюхиной.* (Рус. Филолог. Вѣстникъ, 1884, № 4; 1885, № 1). — См. статью А. Н. Веселовскаго: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ.
2917. Путешествіе по Востоку и его научные результаты. Отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1887—1888 году, съ приложеніями, доцента Кіевской духовной академіи А. Дмитриевскаго. Кіевъ. — Рец. 1890, ч. 269, июль, отд. II, стр. 381—385. (Кн. новости).
2918. Разсказъ и путешествіе Даміа митр. Эфесскаго, изданіи, переведенныя и объясненныя Г. Дестунисомъ. (Православн. Палестин. Сборн., вып. 8. С.-Пб. 1884.). — Отзывъ въ статьѣ А. Н. Веселовскаго: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ.
2919. La France en Orient au XIV siècle. Expéditions du maréchal Boucicaut. Par J. Delaville de Roulx. Paris. 1886.—См. статью Э. И. Успенскаго: Франція на востокъ въ XIV вѣкѣ.
2920. Ekkehardi Urangiensis abbatiss Hierosolymita. Nach der Waitz'schen Recension mit Erläuterungen und einem Anhangе herausgegeben von H. Hagenmeyer.—Рец. В. Г. Васильевскаго, 1880, ч. 207, январь, отд. II, 223—268.
2921. Ανήγγεος 'Επιφανίου περί 'Ιερουσαλήμ και τῶν ἐν αὐτῇ τόπων. Σύγγραμμα 'Ελληνικὸν τῆς 'Είκατονταετηρίδος ἐκδοθέν, ῥωσιστὶ μεταφρασθὲν καὶ διερμηνευθὲν ὑπὸ Βασιλείου Βασιλεῦσιν. Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ и сущихъ въ немъ мѣстѣ. Изданная Л. Г. Васильевскимъ. (Правосл. Палестин. Сборн., т. IV, вып. 2. С.-Пб. 1886).— Отзывъ въ статьѣ Г. Дестуниса: Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ.
2922. Православный Палестинскій Сборникъ, т. IV, вып. 2-й. (Повѣсть Епифанія о Сиріи и св. Градѣ, изд. В. Г. Васильевскимъ). — Рец. 1886, ч. 245, май, отд. II, стр. 193. (Кн. новости).
2923. *Ehrmann, Geschichte der Israeliten von den urältesten Zeiten bis auf die Gegenwart.* 2 Th. Brunn. 1869. — Рец. 1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 304.
2924. History of Nepal, translated from the parbatiya by Munshi Shew Shunker Singh and Pandit Shri Gunanand. With an introductory sketch of the country and people of Nepal by the editor Daniel Wright, M. A., M. D. late Surgeon-Major N. M. 's indian Medical service, and residency Surgeon at Kathmandu. Combridge. 1877.—См. ст. И. П. Миннаева: Непаль и его исторія.
2925. H. Cavanol, Les monuments on Chaldée, en Assyrie et à Babylone, d'après les récentes découvertes archéologiques, avec neuf planches lithographiées. Paris. 1870. — Рец. 1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 303—304.
2926. *Рои Гонзалез де-Клавихо.* Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ въ 1403 — 1406 гг. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакцію И. И. Срезневскаго. С.-Пб. 1881.—Рец. Н. Веселовскаго. 1882, ч. 224, ноябрь, отд. II, стр. 123 — 137.
2927. Средняя Азія и подвореніе въ ней русской гражданственности, состав. кап. ген. штаба Л. Костенко. С.-Пб. 1870 (съ картою).—Рец. В. Г.

- 1871, ч. 154, мартъ, отд. II, стр. 77—90.
2928. Три статьи къ русскому Палестиновѣдѣнію, изданныя архимандритомъ Леонидомъ (Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 16-й), С.-Пб. 1889. — Рец. 1890, ч. 268, мартъ, отд. II, стр. 262. (Книжные новости).
2929. *G. Lombroso. L'Egitto al tempo dei Greci dei Romani.* Roma. 1882. — Рец. 1884, ч. 232, мартъ, отд. II, стр. 180—181. (Учело-литературныя новости по классической филологіи).
2930. *La bibliothèque du palais de Ninive, par M. Joachim Menant.* Paris. 1880. — Рец. П. Моравежа. 1891, ч. 217, сентябрь, отд. II, стр. 153—169.
2931. Краткая исторія Кокандскаго ханства. Составилъ В. П. Паликинъ. Казань. 1886. — Отзывъ въ статьѣ Н. Веселовскаго: Новые матеріалы для исторіи Кокандскаго ханства.
2932. Описаніе Турецкой имперіи, составленное русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII вѣкѣ. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, подъ редакціей П. А. Сыржу. С.-Пб. — Рец. 1891, ч. 273, январь, отд. II, стр. 241—242. (Кн. новости).
2933. *Тарихи Шахрохи.* Исторія владѣтелей Ферганы. Сочиненіе муллы Ніязи Мухаммедъ бенъ Ашуръ Мухаммедъ, кокандца. Издана Н. Н. Памтусовымъ. Казань, 1885. — Отзывъ въ статьѣ Н. Веселовскаго: Новые матеріалы для исторіи Кокандскаго ханства.
2934. Ансарин. Изслѣдованіе К. Д. Летковича (Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 19-й). С.-Пб. 1889. — Рец. 1890, ч. 268, мартъ, отд. II, стр. 264 — 265. (Книжные новости).
2935. Notice biographique et bibliographique sur Nicolas Spatar Milesku, ambassadeur du tzar Alexis Mihailovitch en Chine. Par Émile Picot. Paris. 1883. — См. статью П. А. Сыржу: Николай Спафарій.
2936. *Plew, Eug. De Sarapide,* Königsb. 1868. — Рец. (въ статьѣ: Нов. иностр. ученой литер.). — 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 525—526.
2937. Монгольская лѣтопись «Эрдэ-пийнъ эрихъ». Подлинный текстъ съ переводомъ и поясненіями, заключающими матеріалы для исторіи Халхи съ 1636 по 1736 г. А. Позднѣева. С.-Пб. 1883. — Рец. Н. И. Веселовскаго. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 237—262.
2938. А. Н. Позднѣевъ. Отвѣтъ Н. И. Веселовскому. По поводу его критической статьи о „Монгольской лѣтописи Эрдэпийнъ эрихъ“, въ подлинномъ текстѣ, съ переводомъ и поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636 по 1736 гг.“. — 1884, ч. 236, декабрь, отд. II, стр. 269—304.
2939. Православный Палестинскій Сборникъ, т. IV, вып. I. Памятники грузинской старины въ Святой Землѣ и на Синаѣ. — Александра Цацарели. С.-Пб. — Рец. 1888, ч. 260, ноябрь, отд. II, стр. 174—175. (Книжные новости).
2940. Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 20-й: Peregrinatio ad Loca Sancta saeculi IV exeuntis edita, rossice versa, notis illustrata ab Joh. Potulowsky. Паломничество по Святымъ Мѣстамъ конца IV вѣка, изданное, переведенное и объясненное Н. В. Помяловскимъ. С.-Пб. 1889. — Рец. И. И. Холодьяка. 1889, ч. 265, октябрь, отд. II, стр. 352—355.
2941. Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 23. Іоанна Фоки

- сказаніе вкратцѣ о городахъ и странахъ отъ Антиохіи до Іерусалима, также Сиріи, Финикіи и о святыхъ мѣстахъ Палестины, конца XII вѣка, изданное въ подлинникѣ и рускомъ переводѣ *И. Троицкимъ*. С.-Пб.—Рец. 1889, ч. 265, октябрь, отд. II, стр. 355. (Кн. новости).
2942. Православный Палестинскій Сборникъ. Выпускъ 24-й. Хожденіе пнока *Зосими*. Подъ редакціей *Х. М. Донарева*. С.-Пб.—Рец. 1889, ч. 266, декабрь, отд. II, стр. 563. (Нижнія новости).
2943. Надписи Персидскихъ царей изъ рода Ахеменидовъ. Транскрипція и переводъ ассирійскаго текста трехъ-язычныхъ надписей. Составилъ *И. Радлинскій*. Вып. I. Надписи царя Дарія. Варшава. 1881.—Рец. В. III. 1882, ч. 221, июнь, отд. II, стр. 249—272.
2944. Bibliotheca Geographica Palaestinae. Chronologisches Verzeichniss der auf die Geographie des Heiligen Landes bezüglichen Literatur, von 333 bis 1878, und Versuch einer Cartographie, herausgegeben von *Reinhold Röpke*, Berlin. H. Reuther's Verlagsbuchhandlung. 1890.—Рец. В. X. 1891, ч. 273, февраль, отд. II, стр. 361—388.
2945. *А. Розовъ*. Христіанская Нубія. Ч. I. Источники для исторіи христіанства въ Нубіи. Историко-критическое и церковно-археологическое изслѣдованіе. Кіевъ. 1890.—Рец. 1891, ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 464. (Кн. новости).
2946. *В. Д. Смирновъ*. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII вѣка. С.-Пб. 1887.—Рец. Н. И. Веселовскаго. 1889, ч. 261, январь, отд. II, стр. 163—203.
2947. Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ Абу-Али-Ахмеда Бей-Омаръ Ибнъ-Даста, неизвѣстнаго доселѣ арабскаго писателя начала X вѣка. *Д. Хольсманъ*. С.-Пб. 1869.—Рец. 1870, ч. 152, ноябрь, отд. II, стр. 87—89.
2948. *Asie Mineure. Description physique, statistique et archéologique de cette contrée par P. de Tchihatcheff*. Paris. 1853.—Рец. Страхова. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 243—244.

3. ИСТОРИЯ КЛАССИЧЕСКИХЪ НАРОДОВЪ.—ГРЕЦІЯ И ЕЯ КОЛОНИИ.—РИМЪ И ПРОВИНЦІИ.

1. КЛАССИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ. НАДПИСИ. МУНИЦИПАЛИТЕТЫ.

А. Статьи.

2949. *Н. А. Александровскій*. Раскопки Епидаврійскаго святилища Асклепія.—1890, ч. 269, июль, отд. V, стр. 81—128. (Съ планомъ).
2950. *П. Э. Вурачковъ*. Замѣтка по поводу мѣстнаго В. В. Латышева о мѣстонахожденіи Ипполаева мыса.—1887, ч. 250, апрѣль, отд. V, стр. 307—314.
2951. *Э. Вертъ*. По поводу одного мнимо-славянскаго имени, открытаго г. Модестовымъ въ Помпейскихъ надписяхъ.—1876, ч. 184, мартъ, отд. V, стр. 39—45.
2952. *Э. А. Вертъ*. Г. Модестовъ какъ критикъ и ученый.—1876, ч. 185, май, отд. V, стр. 7—39.
2953. *Э. Вертъ*. Мое послѣднее слово

- о мнимо-славянскомъ имени въ Помпейскихъ надписяхъ.—1876, ч. 186, июль, отд. V, стр. 12—35.
2954. Э. Вертъ. Последнее слово г. Модестову. — 1876, ч. 187, октябрь, отд. V, стр. 92—103.
2955. М. П. Драгомановъ. Палатинскій холмъ въ Римѣ по повѣстнымъ раскопкамъ (1847—1872).—1873, ч. 169, октябрь, отд. II, стр. 221—259 (съ картой и рисунками).
2956. В. К. Ернштедъ и В. В. Латышевъ. Одна изъ вновь найденныхъ военныхъ надписей.—1880, ч. 212, ноябрь, отд. V, стр. 467—471.
2957. С. А. Жебелевъ. Замѣтка о мѣстоположеніи апата въ епидаврійской святыхъ Асканіи. — 1890, ч. 271, сентябрь, отд. V, стр. 112—116.
2958. Э. Ф. Зильновскій. Происхождение христіанской базилики (Разборъ соч. K. Lange: Haus und Halle. Studien zur Geschichte des antiken Wohnhauses und der basilika. Lpz. 1885).—1885, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 226—231.
2959. О раскопкахъ въ древней Олимпіи.—1876, ч. 187, октябрь, отд. IV, стр. 230—238. (Изъ статьи Конце въ Preussische Jahrbücher).
2960. Д. Корольковъ. Нѣсколько неизданныхъ мегарскихъ надписей.—1883, ч. 229, сентябрь, отд. V, стр. 56—75 (Съ снимками надписей).
2961. Д. Н. Корольковъ. Новые раскопки въ Елевсифѣ (съ планомъ).—1884, ч. 232, апрѣль, отд. V, стр. 88—101.
2962. Ю. А. Кулаковский. Древнія надписи Черноморскаго побережья. (Отзывъ объ изданіи: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graeco et latinae. Iussu et impensis Societ. Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latschev. Vol. I. Petropoli. 1885). — 1886, ч. 244, мартъ, отд. II, стр. 100—111.
2963. Ю. А. Кулаковский. Древнія надписи Черноморскаго побережья. (Отзывъ объ изданіи: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latschev. Volumen secundum, inscriptiones Regni Bosporani continens. Petropoli. 1890).—1891, ч. 275, май, отд. II, стр. 171—182.
2964. В. В. Латышевъ. Эпиграфическіе этюды.—1880, ч. 212, ноябрь, отд. V, стр. 441—466; 1881, ч. 214, мартъ, отд. V, стр. 157—169; ч. 216, июль, стр. 305—313. — (Поправка къ этюду III). Замѣтка о копіи писемъ Аптонина. — 1883, ч. 225, февраль, отд. V, стр. 70.—Эпиграфическіе этюды. IV. Надписи изъ города Нароанія.—1882, ч. 222, июль, отд. V, стр. 271—310 (съ тремя снимками надписей и картой части древней Феоидиды). — Эпиграфическіе этюды: V. Халкидонскія надписи. (Со снимками). — 1885, ч. 239, июнь, отд. V, стр. 297—324.
2965. В. В. Латышевъ. Нѣсколько замѣчаний къ вновь найденному Ламисакому декрету. — 1882, ч. 219, февраль, отд. V, стр. 69—88. Поправки (опечатки). Ibid., стр. 104.
2966. В. В. Латышевъ. Археологическія изслѣдованія въ Херсонѣ, въ 1879 и 1880 годахъ.—1882, ч. 219, февраль, отд. V, стр. 89—104.
2967. В. В. Латышевъ. Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго.—1884, ч. 233, июнь, отд. V, стр. 35—77 (съ двумя таблицами надписей).
2968. В. В. Латышевъ. Еще о мѣстоположеніи Ипполаева мыса. (От-

- віт г. Бурачкову).—1887, ч. 251, май, отд. V, стр. 36—42.
2969. В. В. Латышевъ. Новыя херо-нейскія надписи о посвященіи ра-бовъ.—1883, ч. 225, февраль, отд. V, стр. 25—70.
2970. В. И. Модестовъ. Еще по по-воду славянскаго имени въ Пом-пейскихъ надписяхъ (Отвѣтъ г-пу Верту).—1876, ч. 185, июль, отд. V, стр. 90—97.
2971. В. И. Модестовъ. Новости фи-лологической учености и полемики. По поводу статьи г. Верта: „Г. Мо-дестовъ какъ критикъ и ученый“.—1876, ч. 187, сентябрь, отд. V, стр. 26—56.
2972. А. В. Никитскій. Одна изъ незадавшихся надписей Олимпіи. (Со-снимкомъ).—1884, ч. 235, сентябрь, отд. V, стр. 1—15.
2973. А. В. Никитскій. Незада-ныя надписи изъ Дельфы. — 1884, ч. 236, ноябрь, отд. V, стр. 36—39. (Со снимкомъ).
2974. А. В. Никитскій. Надписи изъ западной Локриды. — 1884, ч. 236, декабрь, отд. V, стр. 47—65. (Со снимками).
2975. Н. Новосадскій. Критскія надписи.—1885, ч. 240, июль, отд. V, стр. 347—351. (Со снимкомъ).
2976. И. В. Помяловскій. Осскія надписи. (По поводу трудовъ Н. Цомтаева: 1) Сборникъ осскихъ над-писей. Киевъ. 1877. 2) Sylloge in-scriptionum ossensium. Pars prior. Petropoli. Pars posterior. Lipsiae. MDCCCLXXVIII).—1879, ч. 205, ок-тябрь, стр. 125—226.
2977. И. Помяловскій. Австрійскія ученныя экспедиція въ Ликію. (Ре-цензія книги: O. Benndorf. Vorläu-figer Bericht über zwei österreichi-sche archäologische Expeditionen nach Kleinasien. Wien. 1882).—1883, ч. 230, ноябрь, отд. II, стр. 114—134.
2978. И. В. Помяловскій. Къ статьѣ И. А. Ровинскаго „Раскопка дре-вней Діоклен“.—1890, ч. 270, августъ, отд. II, стр. 412.
2979. И. В. Помяловскій. Два рим-скіе военные диплома, найденные недавно въ Болгаріи.—1880, ч. 209, май, отд. II, стр. 61—106.
2980. Раскопки въ Порто и Винья Чеккарелли (въ статьѣ: Новости иностранной ученой литературы).—1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 482—483.
2981. В. Э. Регель. О нѣкоторыхъ надгробныхъ памятникахъ въ Ви-еннѣ.—1888, ч. 257, июль, отд. V, стр. 49—57. (Со снимками).
2982. В. Э. Регель. Объ одной по-гребальной пещерѣ въ Виеннѣ.—1886, ч. 245, июль, отд. V, стр. 113—117. (Со снимкомъ).
2983. В. Э. Регель и Н. Д. Ново-садскій. Надгробныя надписи изъ Нинев.—1886, ч. 246, июль, отд. V, стр. 25—36. (Со снимкомъ).
2984. В. Э. Регель. О городѣ Да-скіяни и о Даскилійскомъ озерѣ.—1887, ч. 251, май, отд. V, стр. 1—7.
2985. В. Э. Регель. О мѣстополо-женіи древнихъ Абдеръ.—1890, ч. 269, май, отд. V, стр. 75—80.
2986. П. А. Ровинскій. Раскопка древней Діоклен, произведенная по указанію и на счетъ Его Высо-чества Черногорскаго князя Нико-лая. — 1890, ч. 270, июль, отд. V, стр. 1—17. (Съ планомъ раскопки).
2987. П. А. Ровинскій. Продолже-ніе раскопки древней Діоклен.—1890, ч. 271, октябрь, отд. V, стр. 17—22.—Поправка (опечатка).—1890, ч. 272, декабрь, отд. V, стр. 152.
2988. С. А. Селивановъ. Самось и Приппа предъ судомъ царя Лиси-маха и родосскаго народа.—1890, ч. 268, апрѣль, отд. V, стр. 1—40.
2989. С. А. Селивановъ. Замѣтки о

- раскопкахъ въ Греціи въ 1890 году.—1890, ч. 271, октябрь, отд. V, стр. 1—16.
2990. С. А. Селивановъ. Нѣсколько неизданныхъ родоскихъ надписей.—1891, ч. 274, апрѣль, отд. V, стр. 1—24; ч. 276, августъ, стр. 53—56.
2991. Э. Э. Сомоловъ. Афинское постановленіе въ честь Аристотела Аргосскаго.—1879, ч. 206, ноябрь, отд. V, стр. 369—417.
2992. В. П. Тепловъ. О мѣстѣ битвы при Граникѣ.—1889, ч. 263, июнь, отд. V, стр. 102—112.
2993. И. И. Холодникъ. Elogia Scipionum, какъ матеріалъ для изученія архаической латыни.—1884, ч. 231, январь, отд. V, стр. 27 — 64; февраль, стр. 65—98; ч. 232, мартъ, стр. 26—65.
2994. И. И. Холодникъ. Къ надписи Сципіона Барбата.—1888, ч. 259, сентябрь, отд. V, стр. 221—222.
2995. И. И. Холодникъ. Prosegrnaei или prosegrnai.—1887, ч. 251, июнь, отд. V, стр. 91—93. (Со снимкомъ).
2996. И. Цвѣтаевъ. Италійскія надписи.—1882, ч. 220, мартъ, отд. II, стр. 1—31; ч. 222, июль, стр. 58—101; 1883, ч. 230, ноябрь, стр. 55—93; декабрь, стр. 327 — 346; 1836, ч. 243, январь, стр. 1—33; ч. 247, сентябрь, стр. 114—141.
2997. Вл. Шморницъ. Оравіискій городъ Верія.—1885, ч. 240, июль, отд. V, стр. 339—346.
2998. Шлиманъ. Орхомень. (Переводъ съ рукописи). — 1881, ч. 215, июнь, отд. V, стр. 297—304.
2999. Э. Шульце. О раскопкахъ въ Олимпѣ, Пергамѣ и южной Россіи.— 1882, ч. 223, сентябрь, отд. V, стр. 378—390; ч. 224, декабрь, стр. 461—488.
3000. Э. М. Шульце. О новыхъ раскопкахъ въ Помпеяхъ. — 1884, ч. 234, августъ, отд. V, стр. 75—80.
3001. Э. М. Шульце. Новые раскопки въ Делосѣ. — 1884, ч. 235, сентябрь, отд. V, стр. 39—54.
3002. Э. М. Шульце. Римскій форумъ. Описаніе его на основаніи повѣстныхъ раскопокъ и топографическихъ изслѣдованій.—1886, ч. 247, октябрь, отд. V, стр. 1 — 51. — При ч. 248, ноябрь, приложенъ планъ: Forum Romanum et quae adjacent.
3003. А. Н. Щукаревъ. Три неизданные мегарскія надписи. — 1888, ч. 257, май, отд. V, стр. 1—9. (Со снимкомъ).
3004. А. Ячевскій. Замѣтки къ двумъ греческимъ надписямъ IV вѣка до Р. Хр.—1883, ч. 228, июль, отд. V, стр. 18—25.

В. Рецензін.

3005. Пальмира. Археологическое изслѣдованіе, вв. Абаменскъ-Лазарева. С.-Пб. 1884. — Рец. И. В. Помяловскаго. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 267—286.
3006. О. Benndorf. Vorläufiger Bericht über zwei österreichische Expeditionen nach Kleinasien. Wien. 1882. — См. статью И. Помяловскаго: Австрійскія ученые экспедиціи въ Ликию.
3007. Н. Blumner. Archäologische Studien zu Lucian. Breslau. 1867. — Рец. (въ ст. Новости иностр. ученой литературы).—1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 521—522.
3008. E. Brentano. Troia und Neulion. Heilbronn. 1882. — Рец. 1833,

- ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 476—479. (Учено-литературные новости).
3009. Заграничные издания *А. Бутоскаю* по истории и древностям гор. Тия. 1) *Recherches historiques sur la ville de Tium (en Bithynie)*. Paris. 1864. 2) *Recherches historiques sur la ville de Tium. Supplément*. Heidelberg, 1867. — Рец. **Θ. А. Струве**. 1864, ч. 139, июль, отд. II, стр. 361—362.
3010. *E. Curtius, F. Adler und G. Hirshfeld*. Die Ausgrabungen zu Olympia. I Uebersicht der Arbeiten vom Winter und Frühjahr 1875 — 1877. — Рец. 1877, ч. 191, май, отд. II, стр. 185—197.
3011. *K. Lange*. Haus und Halle. Studien zur Geschichte des antiken Wohnhauses und der Basilika. Lpz. 1885. — Отзывъ въ статьѣ **Θ. Залковского**: Происхождение христіанской вазиллики.
3012. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit *Basilius Latyshev*. Vol. I. Petropoli 1885. — См. статью **Ю. Кулаковского**: Древнія надписи Черноморскаго побережья.
3013. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Iussu Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit *Bas. Latyshev*. Vol. I. Petropoli 1885. — Рец. 1885, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 254—255. (Книжные новости).
3014. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit *Basilius Latyshev*. Volumen secundum, inscriptiones Regni Bosporani continens. Petropoli. 1890. — См. статью **Ю. Кулаковского**: Древнія надписи Черноморскаго побережья.
3015. *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. Paris et Rome. 1881—1882. — Рец. **А. С.** 1883, ч. 227, май, отд. II, стр. 159—163.
3016. Московскій Публичный и Румянцевскій музеи. Нумизматическій каталогъ. Вып. II. Каталогъ римскихъ монетъ. М. 1885. — Рец. 1886, ч. 245, май, отд. II, стр. 190—191. (Книжные новости).
3017. *А. Д. Оршниковъ*. Объ зрѣ на монетахъ Писохориды, царицы Понта. М. 1885. — Рец. 1886, ч. 245, май, отд. II, стр. 191. (Книжные новости).
3018. *Imagines inscriptionum Graecarum antiquissimarum in usum scholarum*, *Hermann Roehl*. Berlin. 1883. — Рец. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 483—485. (Учено-литературные новости по классич. филологіи).
3019. *Inscriptiones Graecae antiquissimae praeter Atticas in Attica repertas*. Edidit *Hermann Roehl*. Berlin. 1882. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 413—444. (Учено-литературные новости по классической филологіи).
3020. *Joseph Rubino*. Beiträge zur Vorgeschichte Italiens. Leipzig 1868. (*Рубино*. Пособія для изученія стародавней исторіи Италіи). — Рец. **Θ. С.** 1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 214—219.
3021. Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 гг. *Н. Цюмалева*. М. 1883. — Рец. **И. Помяловскаго**. 1885, ч. 226, апрѣль, отд. II, стр. 282—290.
3022. *Цюмалевъ*. Сборникъ осскихъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологіи и глоссаріемъ. Кіевъ. 1877. — Рец. **И. В. Помяловскаго** въ статьѣ: Осскія надписи.
3023. *Sylloge inscriptionum oscarum ad archetyporum et librorum fidem edidit I. Zvetacff*. Pars prior textum, interpretationem, glossarium continens.

- Petropoli. — Pars posterior, tabulas continens. Lipsiae. MDCCCLXXVIII. — Рец. И. В. Помяловскаго въ статьѣ: Осскія надписи.
3024. Inscriptiones Italiae mediae dialecticae. Ad archetyporum et librorum fidem edidit *Iohannes Zvetaeff*. Tabulae. Lipsiae. 1885. — Рец. О. Е. Корша. 1887, ч. 252, августъ, отд. II, стр. 315—371.
3025. Inscriptiones Italiae inferioris dialecticae. In usum praecipue academicum composuit *Iohannes Zvetaeff*. M. 1886. — Рец. О. Е. Корша. 1887, ч. 252, августъ, отд. II, стр. 315—371.
3026. Inscriptiones Italiae inferioris dialecticae in usum praecipue academicum composuit *Iohannes Zvetaeff*. M. 1886. — Рец. 1886, ч. 245, май, отд. II, стр. 189—190. (Книжные новости).
3027. Dialectorum Italicarum aevi vetustioris exempla selecta. In usum scholarum edidit *Engelbertus Schneider*. Ph. D. Vol. I, dialecti Latinae praeae et Falisciae exempla selecta. P. I. Lipsiae. 1886. — Рец. И. И. Холодняка. 1887, ч. 249, февраль, отд. II, стр. 287—397.

II. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И БЫТОВАЯ. МИФОЛОГИЯ. ДРЕВНОСТИ. ПИСАТЕЛИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ.

А. Статьи.

3028. Кн. С. Абамелек-Лазаревъ. Фереѣскіе тирахны. — 1880, ч. 211, сентябрь, отд. V, стр. 351—402.
3029. Аонское государственное устройство Аристотеля. Переводъ Н. Я. Шубина. — 1891, ч. 275, май, отд. V, стр. 58—70, июнь, стр. 71—79; ч. 276, июль, стр. 1—11, августъ, стр. 25—44.
3030. Basiner Oscar. De Parmenione et Philota, duobus Macedonum ducebus. — 1879, ч. 203, июнь, отд. V, стр. 193—226.
3031. В. П. Вузецкулъ. Къ вопросу о политическомъ демократизмѣ Оуклида. (Отвѣтъ О. Г. Митскому. По поводу статьи его: „Оуклидъ—сторонникъ аонской демократіи“). — 1890, ч. 272, декабрь, отд. V, стр. 142—150. Поправка (опечатка). — 1891, ч. 274, мартъ, отд. V, стр. 129.
3032. В. П. Вузецкулъ. Новый взглядъ на государственную дѣятельность Перикла. (Отзывъ о сочиненіи: *Max. Duncker. Geschichte des Alterthums. Neue Folge. I—II. Band. Leipzig. 1884—1886.*) — 1888, ч. 256, апрѣль, отд. II, стр. 449—495.
3033. В. П. Вузецкулъ. Оемистоклъ и Эфиалтова реформа ареопага. (Замѣтка по поводу 25-й главы 'Αθηναίων Πολιτεία Аристотеля). — 1891, ч. 276, июль, отд. V, стр. 12—24.
3034. К. Вѣдницкій. De Sphinge Thebana. — 1874, ч. 175, сентябрь, отд. V, стр. 1—38.
3035. Д. В.—въ. Къ вопросу о міровоззрѣніи Эврипида. — 1877, ч. 190, апрѣль, отд. V, стр. 82—108.
3036. Д. Вѣдницкій. Воззрѣнія Еврипида на сословія и состоянія, внутрошнюю и вѣншнюю политику Аѣны. — 1882, ч. 223, сентябрь, отд. V, стр. 355—377; октябрь, стр. 391—423; 1885, ч. 241, сентябрь, стр. 459—464; октябрь, стр. 465—492.
3037. В. Г. Васильевскій. Взглядъ

- Грота на исторію Афинской демократіи. По поводу книги: *Athen und Hellas. Forschungen zur nationalen und politischen Geschichte der alten Griechen, von W. Olsken. Erster u. zweiter Theil. 1865—1866.*—1867, ч. 134, апрѣль, отд. II, стр. 87—145.
3038. В. Г. Васильевскій. Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка.—1868, ч. 139, августъ, отд. II, стр. 407—466; сентябрь, стр. 867—907; ч. 140, ноябрь, стр. 443—318; 1869, ч. 141, январь, стр. 164—202; февраль, стр. 364—394; мартъ, стр. 22—105.
3039. Л. Ф. Воеводскій. Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ. Опытъ по исторіи развитія нравственности.—1873, ч. 170, декабрь, отд. V, стр. 80—136; 1874, ч. 171, январь, стр. 50—65; февраль, стр. 78—104; ч. 172, мартъ, отд. V, стр. 44—70.
3040. П. Гвоздевъ. Образованность и литературные права въ римскомъ обществѣ временъ Плинія Младшаго.—1873, ч. 169, октябрь, отд. V, стр. 87—121; ч. 170, ноябрь, стр. 3—33.
3041. К. Гельбе. Общественное положеніе и семейная жизнь женщинъ у древнихъ римлянъ.—1878, ч. 198, августъ, отд. V, стр. 37—63.
3042. И. М. Гревсъ. Новое изслѣдованіе о колонатѣ (Отзывъ о сочиненіи: *Fustel de Coulanges. Recherches sur quelques problèmes d'histoire.*—I. *Le colonat Romain.* Paris. 1885).—1886, ч. 248, ноябрь, отд. II, стр. 118—165; декабрь, стр. 307—354.
3043. В. В. Григорьевъ. Походъ Александра Великаго въ Занадний Туркестанъ.—1881, ч. 217, сентябрь, отд. II, стр. 24—67; октябрь, стр. 175—218.
3044. В. В. Григорьевъ. Греко-Бактрийское царство.—1867, ч. 136, ноябрь, отд. II, стр. 321—359.
3045. Г. С. Дестунисъ. Возстановленіе одного Плутархова сочиненія въ его первобытной послѣдовательности (трактатъ Плутарха о происхожденіи душъ).—1870, ч. 149, июнь, отд. II, стр. 435—442.
3046. Г. С. Дестунисъ. Какими путями нужно изслѣдовать древній классическій греческій міръ.—1868, ч. 140, декабрь, отд. II, стр. 887—895.
3047. М. Драгомановъ. Положеніе и задача науки древней исторіи.—1874, ч. 175, октябрь, отд. II, стр. 152—181.
3048. Ф. Н. Дьячанъ. Изслѣдованіе о родинѣ и годѣ рожденія Геродота.—1875, ч. 179, май, отд. V, стр. 1—24.
3049. В. К. Ериштедтъ. Саламинская битва.—1882, ч. 220, мартъ, отд. V, стр. 105—127.
3050. В. Ериштедтъ. Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго.—1884, ч. 233, июнь, отд. V, стр. 35—82.
3051. С. А. Жебелевъ. Къ исторіи Діадховъ.—1889, ч. 266, ноябрь, отд. V, стр. 13—32.
3052. Ф. Ф. Зѣлинскій. Кипръ и его богиня (Отзывъ о сочиненіи: *Elytis. Kypros und der Ursprung des Aphroditekultes.* „Записки Императорской Академіи Наукъ“, т. 34, № 13).—1888, ч. 258, августъ, отд. II, стр. 423—452.
3053. Ю. А. Кулаковскій. Учебныя пособія по классической филологіи. (Отзывъ о *Handbuch der klassischen Alterthums-Wissenschaft.* Herausgegeben von *W. Müller* и др.)—1886, ч. 247, сентябрь, отд. III, стр. 1—12. (См. № 970).
3054. Ю. А. Кулаковскій. Новое ру-

- ководство по римским древностямъ (Отзывъ о соч.: *Manuel des institutions Romaines par Bouché-Leclercq.* Paris. 1886).—1886, ч. 248, декабрь, отд. II, стр. 370—382.
3065. Ю. А. Кулаковский. Коллегія въ средѣ рабовъ въ Римской имперіи.—1882, ч. 221, июнь, отд. V, стр. 255—270.
3066. Ю. Кулаковский. Отношенія римскаго правительства къ коллегіямъ (въ первые три вѣка имперіи).—1882, ч. 219, январь, отд. V, стр. 45—61.
3067. Ю. А. Кулаковский. Новыя книги по исторіи римской имперіи. (Разборъ соч.): 1) *Römische Geschichte von Theod. Mommsen.* 5 B. 2. Auflage. Berl. 1885. 2) *Der Kaiser Hadrian. Gemälde der römischhellenischer Welt zu seiner Zeit.* Von *Ferd. Gregorovius.* Dritte Auflage. Stuttgart. 1884).—1885, ч. 242, отд. II, стр. 199—217.
3068. Ю. Кулаковский. *Praemia militiae* въ связи съ вопросомъ о падѣлѣ ветерановъ землею.—1880, ч. 210, июль, отд. V, стр. 265—300.
3069. М. С. Куторга. Введеніе въ исторію древней греческой образованности. — 1867, ч. 133, январь, отд. II, стр. 154—172.
3060. М. С. Куторга. Изъ незаданныхъ сочиненій. О правительственной дѣятельности афинскихъ гражданъ и понятіяхъ древнихъ эллиновъ о службѣ.—1891, ч. 278, декабрь, отд. II, стр. 342—392.
3061. В. В. Латышевъ. Муниципальная жизнь въ Атикѣ. (Отзывъ о сочиненіи: *La vie municipale en Attique. Essai sur l'organisation des démes au quatrième siècle* par *B. Haussoullier.* Paris. 1884). — 1885, ч. 237, январь, отд. II, стр. 140—156.
3062. В. В. Латышевъ. Къ вопросу о культѣ Аммона въ Аеннахъ.—1881, ч. 213, январь, отд. V, стр. 24—44.
3063. В. В. Латышевъ. Къ аеннской зортологіи.—1883, ч. 225, январь, отд. V, стр. 1—23. (Съ двумя снимками надписей).
3064. В. В. Латышевъ. Календарь Мегаръ и ихъ колоній.—1882, ч. 221, июль, отд. V, стр. 243 — 254. (Со снимкомъ надписи).
3065. В. В. Латышевъ. Исслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи.—1887, ч. 249, январь, отд. V, стр. 1 — 48; февраль, стр. 49—112; ч. 250, мартъ, стр. 113—192; 1887, ч. 250, апрѣль, стр. 193—306.
3066. В. В. Латышевъ. Къ исторіи города Ольвіи. — 1890, ч. 267, февраль, отд. V, стр. 68 — 71. (Со снимкомъ).
3067. В. В. Латышевъ. Къ исторіи города Оропа.—1885, ч. 242, ноябрь, отд. V, стр. 533—547.
3068. Р. Х. Леперъ. Къ вопросу о димахъ Атики.—1891, ч. 278, ноябрь, отд. V, стр. 54—64; декабрь, стр. 65—110.
3069. И. Лукьянъ. Лагерь Квинтилія Вара въ Тейтбургскомъ лѣсу.—1882, ч. 220, апрѣль, отд. V, стр. 193—196. Поправка (опечатки), *ibid.*, ч. 221, май, отд. II, стр. 158.
3070. К. Любечки. Новыя взгляды на мнѳологію. (Отзывъ о трудахъ *Л. Вассермана*: 1) *Каннибализмъ въ греческихъ мнѳахъ.* С.-Пб. 1874, 2) *Введеніе въ мнѳологію Одиссея,* ч. 1, Одесса. 1881).—1882, ч. 220, мартъ, отд. II, стр. 126—143.
3071. Ф. Г. Мищенко. Не въ мѣру строгій судья Геродота. (Разборъ трудовъ: 1) *A. H. Sayce. The ancient of the East. Herodotos I—III.* With notes, introductions and appendices. Lond. 1883. 2) *A. H. Sayce The ancient Empires of the East.*

- Lond. 1864).—1886, ч. 244, апрѣль, отд. II, стр. 382—400.
- 3072. Э. Г. Мищенко.** Къ вопросу объ источникахъ и о добросовѣстности Геродота. (Отзывъ о сочиненіи: *De historiae Herodoteae fontibus scripsit Hugo Panofsky*. Berolini. 1884). — 1888, ч. 258, июль, отд. II, стр. 165—175.
- 3073. Э. Г. Мищенко.** Неудачная и ненужная защита Геродота. (Отзывъ о сочиненіи: *B. Heil: Logographis qui dicuntur num Herodotus usus esse videatur. Dissertatio inauguralis. Marburgi Cattorum*. 1884). — 1888, ч. 260, декабрь, отд. II, стр. 267—271.
- 3074. Э. Г. Мищенко.** Къ біографіи Фукидида.—1887, ч. 251, июнь, отд. V, стр. 76—90.
- 3075. Э. Г. Мищенко.** Къ вопросу о времени и порядкѣ составленія Фукидидомъ исторіи Пелопонесской войны.—1887, ч. 251, май, отд. V, стр. 19—35.
- 3076. Э. Г. Мищенко.** Фукидидъ сторонникъ афинской демократіи.—1890, ч. 270, августъ, отд. V, стр. 33—48.
- 3077. Э. Г. Мищенко.** Федерация этолъ и ахейцевъ. (Отзывъ о сочиненіи. *Les ligues Etolienne et Achéenne, leur histoire et leurs institutions, nature et durée de leur antagonisme, par M. Dubois*. Paris. 1885). — 1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 154—164.
- 3078. Э. Г. Мищенко.** Общность имуществъ на Ликарскихъ островахъ. — 1891, ч. 278, ноябрь, отд. V, стр. 36—53.
- 3079. А. В. Никитовъ.** Клеомистъ, тиранъ Мессины. — 1885, ч. 240, августъ, отд. V, стр. 411—412. (Со снимкомъ).
- 3080. Д. П. Никольскій.** Юридическое положеніе иностранцевъ въ древней Греціи.—1890, ч. 270, июль, отд. V, стр. 18—29.
- 3081. М. Novosadsky.** Responsum Toerflero² (на рецензію соч. „Елеазинскія мистеріи“ въ *Deutsche Literaturzeitung*). — 1891, ч. 274, мартъ, отд. V, стр. 122—128.
- 3082. Н. Новосадскій.** Нѣсколько замѣтокъ объ Елеазиніи.—1885, ч. 239, июнь, отд. V, стр. 325—332.
- 3083. Н. Д. Новосадскій.** Котито. — 1886, ч. 245, июль, отд. V, стр. 118—124.
- 3084. Н. Новосадскій.** Къ вопросу о культѣ Изиды въ Греціи.—1885, ч. 239, июль, отд. V, стр. 333—336; ч. 240, июль, стр. 337—338.
- 3085. А. Радоневскій.** Погребальныя обряды древнихъ римлянъ (по Кирхманну).—1874, ч. 176, декабрь, отд. V, стр. 61—92.
- 3086. Л. Раамуссенъ.** О двухъ преданіяхъ у Геродота.—1876, ч. 186, августъ, отд. V, стр. 45—64.
- 3087. А. П. Рославскій-Петровскій.** Персидскія войны.—1871, ч. 154, мартъ, отд. II, стр. 21—57.
- 3088. Э. Э. Соколовъ.** Третье столѣтіе до Р. Х.—1886, ч. 246, июль, отд. II, стр. 1—16.
- 3089. А. А. Стрѣльцовъ.** Къ исторіи медицины у древнихъ римлянъ. — 1837, ч. 254, ноябрь, отд. V, стр. 103—154.
- 3090. А. А. Счастьевъ.** Вовипосапитарное дѣло древнихъ римлянъ. — 1887, ч. 251, июнь, отд. V, стр. 49—75.
- 3091. П. Тахоновичъ.** Театръ у древнихъ грековъ.—1869, ч. 146, декабрь, отд. II, стр. 267—327.
- 3092. И. И. Турцевичъ.** Новый русскій переводъ сочиненій Тацита. (Рецензія перевода сочиненій К. Тацита, сдѣланнаго В. И. Модестовымъ и нѣсколько экскурсовъ къ Тациту).—1889, ч. 266, декабрь, отд. V, стр. 45—116.

3093. А. Фесенко-Навроцкий. Борьба Демосфена съ Эсхиномъ по поводу посольства къ Македонскому царю Филиппу II въ 346 г. до Р. Хр. — 1874, ч. 176, декабрь, отд. V, стр. 126—131; 1875, ч. 177, январь, стр. 1—36; февраль, стр. 77—122.
3094. Г. К. Шмидтъ. Когда К. Курций Руфъ написалъ свое сочиненіе: „De gestis Alexandri Magni“. — 1874, ч. 174, июль, отд. V, стр. 1—36; августъ, стр. 69—110.
3095. Е. Шмидтъ. Мисологическія изслѣдованія. Гермесь. — 1879, ч. 206, декабрь, отд. V, стр. 440—449.
3096. Э. Шульцъ. De clavo purpureo, tunicae Romanae ornamento. — 1874, ч. 176, ноябрь, отд. V, стр. 17—21.
3097. А. Н. Щукаревъ. Къ каталогу аеянскихъ архонтовъ. — 1887, ч. 251, май, отд. V, стр. 46—48, 1888, ч. 257, июнь, стр. 58—83.
3098. А. Н. Щукаревъ. Изслѣдованія въ области каталога аеянскихъ архонтовъ III вѣка до Р. Хр. — 1889, ч. 261, июль, отд. V, стр. 1—48, августъ стр. 49—96; ч. 265, сентябрь, стр. 97—144, октябрь, стр. 145—187.
3099. Э. Ю. По поводу греческой историографіи (Оувидіа). — 1874, ч. 173, май, отд. V, стр. 1—14.

Б. Рецензії.

3100. П. Н. Аландскій. Исторія Греціи. Кіевъ. 1885. — Рец. 1885, ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 94—95. (Книжные новости).
3101. П. Ардашевъ. Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. М. 1890. — Рец. 1891, мартъ, ч. 274, отд. II, стр. 231—232. (Книжные новости).
3102. А. Doetticher. Olympia, das Fest und seine Stätte. Nach den Berichten der Alten und den Ergebnissen der deutschen Ausgrabungen. — Рец. 1893, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 392—393. (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3103. Ios.-Jul. Binder. Die Borgwerke im römischen Staatshaushalte. 1890—1881. — Рец. 1884, ч. 232, мартъ, отд. II, стр. 178—190. (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3104. Oskar Bohn. Ueber die Heimat der Praetorianer. Berlin. 1883. — Рец. 1884, ч. 232, мартъ, отд. II, стр. 176—177. (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3105. Gustav Braumann. Die Principes der Gallier und Germanien bei Caesar und Tacitus. 1883. — Рец. 1884, ч. 232, мартъ, отд. II, стр. 173—176. (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3106. G. Brännert. Sallust und Dictys Cretensis. Programm des K. Gymnasiums zu Erfurt. 1883. — Рец. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 464—465. (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3107. Перикль. Историко-критическій этюдъ, В. Бузескула. Харьковъ. — Рец. 1889, ч. 263, май, отд. II, стр. 234. (Книжные новости).
3108. Dr. Georg. Busolt. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. I. Theil: bis zu den Perserkriegen. Gotha. 1886. — Рец. А. И. Нейфельда. 1897, ч. 250, апрѣль, отд. II, стр. 343—349.
3109. Handbücher der alten Geschichte. Griechische Geschichte bis zur

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла майская и июльская книжка общепедагогическаго журнала

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Содержаніе ихъ: 1. Правительственныя распоряженія. 2. Изъ исторіи народной школы въ Казанской губерніи. М. Керчикера. 3. Изъ дневника учительницы посресской школы. (Наблюденія и замѣтки). Н. А. Роль прѣча въ школѣ. Пер. съ нѣмецкаго Ж.-лрача Е. Дренгеля. 5. Воспитаніе умственныхъ способностей. (Окончаніе). А. С. Виреніуса. 6. Воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ трезвости и поддержанія. Есафа Новалевскаго. 7. О самообразованіи учителя М. И. Демцова. 8. Богатѣйшія бібліотеки на земномъ шарѣ. (Окончаніе). А. Я. Острогорскаго. 9. Дѣтскіе дешные пріюты въ Берлинѣ. М. А. Сабашниковой. 10. Съѣзды народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическая мѣра. А. М. Тютюмова. 11. Объ устройствѣ публичныхъ бібліотекъ при городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. А. Д. Козьменкова. 12. Учебныя пособія, учительскія и ученическія бібліотеки въ начальныхъ городскихъ школахъ Москвы и Петербурга. Е. 13. Потенціалная теорія электрическихъ явленій на основаніи аналогій. В. Л. Розенберга. 14. Къ вопросу о дѣтнихъ (канникулрныхъ) естественно-историческихъ занятіяхъ учащагося юношества. Проф. Д. Н. Майгородова. 15. Къ вопросу о примомъ почеркѣ. И. Е. Есеева. 16. Расположеніе учебнаго матеріала при преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ Д. И. Тихомирова. 17. Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1893 года. И. П. Бѣлоконскаго. 18. Критика и библіографія: а) Анастасіевъ, А. инспекторъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи 1-го района. Народная школа. Руководство для учащихся въ начальныхъ училищахъ. Симбирскъ. 1893 г. Изданіе второе, значительно дополненное и исправленное. Ц. 3 р. И. 3. б) Краткія указанія для готовящихся къ преподавательской дѣятельности. Вып. 1. Казань. 1894 г. Цѣна 40 к. в. Люстрицаго. с) Фармаковский, директоръ народныхъ училищъ. Два циркуляра гг. инспекторамъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи и лицамъ, заведывающимъ низшими учебными заведеніями въ дѣлѣ Херсонской дирекціи. 1893 г. М. д) Физическая карта Евразійской Россіи, изданіе Ильина. А. Ѳ. Соколова. е) Атласъ къ систематическому задачникъ по техническому-проекціонному черченію. Выпускъ первый, тѣла применія. Составилъ и издалъ инженеръ-технологъ А. А. Комовъ. Изд. первое. Воронежъ. 1893 г. И. Мейера. f) И. Евсѣевъ. Обученіе искусству письма съ гигиенической точки зрѣнія. Съ 11-ю рисунками. М. 1893 г. Ц. 25 к. В. 4. g) Contes et récits tirés des meilleurs auteurs français contemporains annotés par A. Crottet et Al. Mann. 1 rouble. S.-Petersbourg. П. М. h) И. Сильченко-Рожданъ Азбука. Одесса. 1893 г. Ц. 20 к. А. Н. i) Изданія для народа: 1) „Южно-Уссурийскій край и переселенцы“, географическій очеркъ А. Новикова; 2) „И. А. Жуковский“; 3) „Очерки изъ американской жизни“; 4) „Годовый годъ“. Всѣ четыре книжки—изданіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. И. И. Тулузова. к) Авонаріусъ. Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ разказовъ. С.-Петербургъ. 1893. Стр. 229. Цѣна 1 р. 50 к. л) С. Дестунисъ. Провращенія. Разказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 8-ю картинками. С.-Петербургъ. 1894 г. Ц. 30 к. м) Мои мѣ друзья. Разказы для дѣтей младшаго и старшаго возраста. Автоинны Вѣлзоръ (О. А. Боровитиновой). С.-Пб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. н) Русскіе богатыри. Избранія былины въ пересказѣ для дѣтей. О. И. Роговой (Шимидъ-Москвитиновой). Цѣна каждаго выпуска 75 к. С.-Петербургъ. Изданіе Девриэна. о) Отвѣтъ г. Соколову по поводу рецензіи его „Русская Школа“, ноябрь 1893 г.) на учебникъ сравнительной географіи VI кл. реальнхъ училищъ. И. Матченко. р) Возраженіе на отвѣтъ г-на Матченка.

А. Ф. Сенецова. 19. Обзор иностранных педагогических журналов. Вопросы текущей жизни американской школы. П. Г. Шшупова. 20. Педагогическая хроника: Обще-германский съезд народных учителей в 1894 г.—Выставка учебных пособий в Штуттгарде. М.—Десятое собрание сербских учителей. —А. Нейфельда. — Четырехсотлѣтне закона объ обязательном обученіи. А. Ф.—Народное образованіе въ Японіи. А. Ф.—Народное образованіе негровъ въ Америкѣ. Ф.—Народное образованіе въ Рио-де-Жанейро. Ф.—Народное образованіе на о-вѣ св. Маврыкія. Ф.—Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова.—Въ Московскомъ Комитетѣ грамотности. Н. Т.—ва.—Въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности. В. Д.—Изъ отвѣтовъ окончившихъ курсъ начальной школы въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ.—Народное образованіе въ Тверской губерніи.—Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ. М.—Городскія начальные школы въ Москвѣ.—Лѣтнія колоніи Московскихъ городскихъ училищъ. М.—Актъ С.-Петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ. 21. Разныя извѣстія и сообщенія: Учрежденіе рускаго археологическаго института въ Константинополѣ.—Первый художественный съездъ въ Москвѣ.—Преобразование Московскаго техническаго училища.—Преобразование Петровско-Разумовской Академіи.—Общество распространенія практическихъ знаній.—Новое положеніе о морскомъ корпусѣ и техническомъ морскомъ училищѣ.—Бессарабское училище ликвидирова. —Новое попечительство о призрѣніи калѣкъ и идиотовъ въ Петербургѣ.—Петербургское Общество для содѣйствія физическому развитію дѣтей.—Гимназио-сауатори.—Плучиія экскурсіи и путешествія учащихся.—Общество вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета.—Общество вспомошествованія слушателямъ педагогическихъ курсовъ.—С.-Петербургское православное снархальное Братство.—Педагогическая выставка.—Техническіе классы для рабочихъ.—Практическіе ремесленные классы.—Химико-механическая школа въ Саратовѣ.—О школахъ рисованія въ Одесскомъ учебномъ округѣ.—Сельскохозяйственная техническая школа.—Музей для народныхъ учителей.—Преподаваніе медицины въ городскомъ училищѣ.—Ученые садовники.—Уставъ историко-филологическаго Общества въ Пѣтѣбургѣ.—О правахъ учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ, окончившихъ курсъ первыхъ трехъ и четырехъ классовъ и о порядкѣ обозначенія правъ этихъ въ свидѣтельствахъ. (Письмо въ редакцію сенатора А. А. Горке).

Продолжается подписка на 1894 г.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА“ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжками, не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—ШЕСТЬ рублей въ годъ; съ доставкой ШЕСТЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою СЕМЬ рублей; съ пересылкою за границу ДЕВЯТЬ рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголь Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, Калмыковой.

За 1891, 1892 и 1893 годы имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Оъ соизволеніи Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Вячеславу Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтной и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

изданіе ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. 1894 г.

Одобрена Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вышласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе пятое дополненное, 1893 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вышласснаго чтенія; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Востъ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

•ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ•.

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Тропцкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльных его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІV.

1894.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія	29
В. М. Владиславлевъ. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи	207
Е. В. Пѣтуховъ. Михаилъ Никитичъ Муравьевъ	265
Н. А. Любимовъ. Исторія физики (продолженіе).	297
Л. А. Саккетти. О музыкальной художественности древнихъ грековъ.	326

КРИТИКА И ВѢДОГРАФІЯ.

М. К. Любавскій. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ	348
Ю. А. Кулаковскій. <i>И. В. Нестушичъ</i> . Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Выпускъ первый. Харьковъ. 1891	394
Н. Н. Дебольскій. <i>В. Сергеевичъ</i> . Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. Томъ II. Власть. Вып. 1. Вѣче и князь. С.-Пб. 1890—1893	405
— Книжныя новости	448
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	25

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библіотека въ 1891 году	37
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	47
А. О—въ. Н. М. Ядринцевъ (некрологъ).	59

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Х. И. Х—къ. Путозвонъ (Miles Gloriosus), комедія Плавта (окончаніе).	65
О. А. Шеборъ. Hor. Sat. I. 9. 43 sqq.	103
О. Г. Мищенко. Thucyd. VIII 97, и Aristot. Ἀθηναίων. Πολит. 32.	107

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ	193

За редактора С. Платоновъ.

(Вышла 1-го августа).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІV.

1894.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1894.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

7. (9-го мая 1894 года). *Объ утвержденіи положенія и штата Александровскаго караимскаго духовнаго училища въ г. Евпаторіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проектамъ положенія и штата Александровскаго караимскаго духовнаго училища въ г. Евпаторіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи проектовъ положенія и штата Александровскаго караимскаго духовнаго училища въ г. Евпаторіи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Проекты: 1) положенія объ Александровскомъ караимскомъ духовномъ училищѣ въ г. Евпаторіи, и 2) штата сего училища поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, по воспослѣдованіи Высочайшаго утвержденія проектовъ положенія и штата училища (отд. I), утвердить уставъ означеннаго учебнаго заведенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ. 9-го мая 1894 года.

Положеніе объ Александровскомъ карантинскомъ духовномъ училищѣ въ г. Евпаторіи.

1. Александровское карантинское духовное училище въ г. Евпаторіи учреждено въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества и Августѣйшей Его Семьи отъ опасности, угрожавшей Имъ 17-го октября 1888 года.

2. Училище имѣетъ цѣлью сообщать молодымъ карантинамъ общее образованіе и затѣмъ готовить ихъ къ духовной дѣятельности, въ качествѣ газзановъ и карантинскихъ вѣроучителей.

3. Училище находится въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Одесскаго учебнаго округа, подъ ближайшимъ наблюденіемъ таврическаго и одесскаго карантинскаго гахама.

4. Средства училища составляютъ: 1) проценты съ основнаго его капитала; 2) сборъ отъ платы за ученіе, и 3) mogućия поступать въ пользу училища пожертвованія.

5. Полный курсъ училища проходитъ въ теченіе семи лѣтъ, съ распредѣленіемъ на пять классовъ: четыре общеобразовательныхъ и одинъ спеціальный. Курсъ въ первыхъ трехъ классахъ продолжается по году, а въ четвертомъ и пятомъ—по два года въ каждомъ. Четвертый и пятый классы подраздѣляются каждый на два отдѣленія: младшее и старшее.

6. Въ училищѣ преподаются слѣдующіе предметы: 1) общеобразовательные: карантинское вѣроученіе, древнебиблейскій языкъ, русскій языкъ и словесность, географія (всеобщая и русская), исторія (всеобщая и русская), арифметика, практическая геометрія, физика, нѣмецкій языкъ и чистописаніе, и 2) спеціальные: догматическое богословіе (по карантинскому ученію), нравственное богословіе (этика) и библейская экзегетика.

7. Русскій языкъ со словесностью, исторія, географія и нѣмецкій языкъ преподаются въ размѣрѣ курса шести классовъ гимназій, а арифметика, геометрія и физика—въ размѣрѣ курса городскихъ училищъ. Программы преподаванія древнебиблейскаго языка и богослов-

скихъ предметовъ составляются таврическимъ и одесскимъ караймскимъ духовнымъ правленіемъ и утверждаются попечителемъ учебного округа.

8. Преподаваніе въ училищѣ происходитъ на русскомъ языкѣ.

9. При училищѣ состоятъ: 1) инспекторъ; 2) педагогическій совѣтъ; 3) попечительный совѣтъ, и 4) почетный попечитель.

10. Инспекторъ есть непосредственный начальникъ училища.

11. Педагогическій совѣтъ составляютъ, подъ предсѣдательствомъ инспектора, почетный попечитель и преподаватели. Педагогическому совѣту вѣрится обсужденіе вопросовъ, относящихся къ учебной и воспитательной частимъ училища.

12. Въ составъ попечительнаго совѣта входитъ: таврический и одесскій караймскій гахамъ, почетный попечитель, инспекторъ училища и три почетныхъ карайма. Сии послѣдніе избираются, на три года, закрытою баллотировкою, находящимися въ Евпаторіи, во время выборовъ, караймами и утверждаются, по представленію гахама, попечителемъ Одесскаго учебного округа. Въ попечительномъ совѣтѣ предсѣдательствуетъ гахамъ. Попечительный совѣтъ управляетъ хозяйственною частью училища и наблюдаетъ за ея преуспѣяніемъ.

13. Инспекторъ училища избирается попечительнымъ совѣтомъ и утверждается въ должности попечителемъ Одесскаго учебного округа.

14. Преподаватели древнебиблейскаго языка и караймскаго вѣроученія избираются изъ русскихъ подданныхъ таврическимъ и одесскимъ караймскимъ гахамомъ, по соглашенію съ инспекторомъ училища, и, по представленію послѣдняго, утверждаются въ должностяхъ попечителемъ Одесскаго учебного округа. Учители общеобразовательныхъ предметовъ избираются инспекторомъ, по соглашенію съ гахамомъ, и утверждаются въ должностяхъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и преподаватели древнебиблейскаго языка и караймскаго вѣроученія.

15. Инспекторъ и преподаватели училища, получившіе высшее образованіе, пользуются правами государственной службы, предоставленными инспекторамъ и преподавателямъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, причемъ пенсіи означеннымъ лицамъ назначаются съ окладовъ инспектора и преподавателей Симферопольской гимназій по штатамъ 17-го апрѣля 1859 года. Преподаватели училища, имѣющіе званія учителей уѣздныхъ или городскихъ училищъ, пользуются правами службы по сему званію.

16. Почетный попечитель училища избирается караймами, находящимися въ Евпаторіи во время выборовъ, закрытою баллотировкою, на три года, изъ мѣстныхъ почетныхъ караймовъ и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію таврическаго и одесскаго караймскаго гахама, чрезъ попечителя Одесскаго учебнаго округа. Почетный попечитель заботится о благоустройствѣ училища въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Попечитель, пока состоитъ въ семъ званіи, считается находящимся на государственной службѣ. Ему усвоивается VI классъ по должности и VI разрядъ по штыю на мундирѣ.

17. Воспитанники училища, вынужденные жребіемъ, опредѣляющій поступленіе ихъ на службу въ войска, пользуются правомъ на отсрочку по отбыванію воинской повинности, въ случаѣ заявленнаго ими желанія, для окончанія образованія, до 22 лѣтъ отъ роду. Окончившіе полный курсъ училища пользуются, по отбыванію означенной повинности, льготами, опредѣленными въ уставѣ о воинской повинности для лицъ, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ перваго и втораго разряда, поименованныхъ въ приложеніи къ статьѣ 53 сего устава, а окончившіе общеобразовательный курсъ училища—льготами, предоставленными лицамъ, окончившимъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ третьяго разряда, поименованныхъ въ томъ же приложеніи.

18. Воспитанники училища, обучавшіеся въ немъ бесплатно и окончившіе полный курсъ, обязаны прослужить въ одномъ изъ караймскихъ обществъ три года въ качествѣ помощниковъ учителей или вѣроучителей и три года въ качествѣ газзановъ или вѣроучителей. Въ теченіе обязательной службы они пользуются содержаніемъ отъ общества: въ первые три года—въ размѣрѣ не менѣе 300 р., а въ остальные три года—въ размѣрѣ не менѣе 600 рублей. Отъ обязательной службы освобождаются не привлеченные къ ней въ продолженіи одного года по окончаніи курса.

19. Училище имѣетъ печать утвержденнаго для губернскихъ установленій образца, съ надписью вокругъ государственнаго герба: „Александровское караймское духовное училище“.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ Гатчинѣ.

„Быть по сему“.

9-го мая 1894 года.

Ш Т А Т Ъ

Александровскаго Караимскаго духовнаго училища въ гор. Евпаторіи.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Рубли.	Классы и разряды.		
			По долж-ности.	Пошитою на мундиръ.	По пенсіи.
Инспекторъ училища, при квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ .	1	1.000	VI	VI	По учеб-ной службѣ.
Учителей караимскаго вѣроученія и древне-библейскаго языка	2	1.740			
Учитель русскаго языка и словесности .	1	1.120	VIII	VIII	По учеб-ной службѣ.
Учитель исторіи и географіи	1	840			
математики и физики	1	840			
нѣмецкаго языка .	1	630	IX	IX	VII
чистописанія	1	210	X	X	VIII
гимнастики .	1	75			
На содержаніе дома.	—	500			
библіотеку и учебныя пособія	—	200			
Итого	—	7.155			

Примечаніе:

Изъ жалованья инспектора училища и преподавателей, пользующихся правомъ на пенсію, производится установленные вычеты въ пенсіонный капиталъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

8. (9-го мая 1894 года). *Объ учрежденіи въ 1. Туль ремесленную и въ 1. Иваново-Вознесенскъ низшаю механико-техническую училищъ и объ утвержденіи штата Иваново-Вознесенскаго технического училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мѣненіе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Туль ремесленного и въ г. Иваново-Вознесенскѣ низшаго механико-техническаго училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мѣненіе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Туль ремесленного и въ г. Иваново-Вознесенскѣ низшаго механико-техническаго училищъ, *мѣненіемъ положила:*

I. Учредить, съ 1-го сентября 1894 г., въ г. Туль ремесленное училище и въ г. Иваново-Вознесенскѣ низшее механико-техническое училище въ соединеніи съ общеобразовательною школою, на точномъ основаніи общихъ о промышленныхъ училищахъ правилъ (ст. 1814—1854 уст. учебн. зав., св. зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 г.), съ примѣненіемъ притомъ къ Тульскому ремесленному училищу Высочайше утвержденного штата 26-го іюня 1889 г.

II. Проектъ штата Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

III. Таблицу числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ означенномъ училищѣ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества рассмотрѣніе.

IV. Расходы по устройству помѣщеній Тульскаго ремесленного и Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училищъ, по содержанію сихъ училищъ съ 1-го сентября 1894 г. по 1-е января 1895 г., а равно по обзаведенію Иваново-Вознесенскаго училища, отнести на жертвуемые мѣстными обществами и частными лицами средства.

V. Потребныя на содержаніе упомянутыхъ учебныхъ заведеній суммы, а именно: а) Тульского ремесленного училища: въ 1895 г. *десять тысячъ восемьсотъ шестьдесятъ* рублей, въ 1896 г.—*одиннадцать тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ* рублей и, начиная съ 1897 г.,— по *одиннадцати тысячъ девятисотъ шестидесяти* рублей въ годъ и б) Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища: въ 1895 г.—*тринадцать тысячъ девятисотъ семьдесятъ* рубль, въ 1896 г.—*восемнадцать тысячъ триста тридцать* рублей, въ 1897 г.—*двадцать тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ* рублей, въ 1898 г.—*двадцать девять тысячъ девятисотъ десять* рублей, и начиная съ 1899 г.,—по *двадцать три тысячи шестьсотъ четыре* рубля ежегодно, вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія, показывая, вѣсть съ тѣмъ, въ той же смѣтѣ пособіемъ государственному казначейству на содержаніе: 1) Тульского ремесленного училища, жертвуемые Тульской городской думою *девять тысячъ* рублей ежегодно и проценты съ капитала Ваныкина по *четыреста семидесяти пяти* рублей въ годъ, и 2) Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища — жертвуемые мѣстнымъ городскимъ обществомъ *девять тысячъ пятьсотъ* рублей ежегодно и проценты съ капитала Шодчина—по *одной тысячѣ* рублей въ годъ.

Подлинное мѣтніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ написано: Государь Императоръ изволилъ разсматривать въ Гатчинѣ 9-го мая 1894 года.

Подписаль: Государственный секретарь *Плесе*.

Т А Б Л И Ц А

числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ Иваново-Вознесенскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ.

	К Л А С С Ы.					Всего	
	I.	II.	III.	IV.	V.		
<i>Предметы преподаванія.</i>							
Законъ Божій.	2	2	1	1	1	7	
Русскій языкъ .	4	3	3	—	—	10	
Исторія .	2	2	—	—	—	4	
Географія .	2	2	—	—	—	4	
Арифметика .	6	4	1	—	—	23	
Алгебра .	—	2	2	} 2	—		
Геометрія .	—	3	3				
Физика съ объясненіемъ главныхъ химическихъ явленій .	—	—	3	4	2	9	
Механика .	—	—	—	4	3	7	
Устройство машинъ .	—	—	—	3	3	6	
Механиче- скія про- изводства.	{ Обработка металловъ и дерева	—	—	2	2	2	12
		—	—	2	2	2	
<i>Графическія занятія.</i>							
Рисованіе .	16	18	17	18	13	82	
Черченіе	3	4	4	—	—	11	
	3	3	4	6	6	22	
<i>Практическія занятія.</i>							
Въ механическихъ мастерскихъ .	6	7	8	6	6	33	
	20	20	20	22	29	111	
Всего	42	45	45	46	48	226	

Примѣчаніе:

Министру народнаго просвѣщенія предоставляется допускать, по указанію практики, необходимыя измѣненія въ распредѣленіи числа уроковъ по классамъ и по предметамъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы общее число часовъ какъ предметныхъ, такъ и графическихъ и практическихъ занятій оставалось неизмѣннымъ.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

На подлинномъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
Въ Гатчинѣ.
9-го мая 1894 года.

Ш Т А Т Ъ

Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища.

	Содержаніе въ годъ.					Классы и раз- ряды.			
	Число лицъ.	О д н о м у.			Всего.	По должно- сти.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.	
		Жако- ванья.	Столо- выхъ.	Квартир- ныхъ.					
									Р у б л и.
Директору .	1	1.140	760	Натурою.	1.900	VI	VI	По учебной службѣ.	
Преподавателю добавоч- ныхъ за исполненіе обязанностей инспек- тора .	—	—	—	—	300	VII	VII		
Законоучителю .	1	—	—	—	350	VIII	VIII		
Учителю общеобразова- тельныхъ предметовъ.	1	—	—	—	1.260				
Остальнымъ учителямъ за уроки.	—	—	—	—	6.904				
Руководителямъ практи- ческихъ занятій .	—	—	—	—	2.100				
Надзирателю .	1	480	240	Натурою.	720	X	X		По меди- цинской службѣ.
Секретарю совѣта	—	—	—	—	180				
Библіотекарю	—	—	—	—	180				
Письмоводителю (онъ же бухгалтеръ)	1	360	240	Натурою.	600	VIII	VIII		
Врачу	1	—	—	—	360				
На учебныя пособія	—	—	—	—	900				
— матеріалы иinstru- менты .	—	—	—	—	1.200				
— наемъ мастеровъ, под- мастерьевъ, машини- ста и на лѣтнія занятія учениковъ .	—	—	—	—	3.800				
На канцелярскіе рас- ходы	—	—	—	—	350				
— содержаніе дома и прислуги .	—	—	—	—	3.500				
Итого .	—	—	—	—	23.604				

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

9. (12-го мая 1894 года). *Объ утвержденіи рисунка медали для преміи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Батюшкова.*

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 29-й день мая 1893 г., Высочайше соизволилъ на принятіе Императорскою академіею наукъ капитала въ десять тысячъ рублей, пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Батюшкова, для учрежденія преміи его имени за лучшія сочиненія по изученію Сѣверо-Западнаго края, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить правила о выдачѣ таковой преміи.

Въ настоящее время Императорская академія наукъ доставила въ министерство народнаго просвѣщенія, для утвержденія, проектъ положенія объ упомянутыхъ преміяхъ, согласно коему рецензентамъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе преміи имени Батюшкова предполагается выдавать золотыя медали съ изображеніемъ: на лицевой сторонѣ портрета дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Батюшкова съ надписью вокругъ его „*Могу ошибаться, ошибаюсь, но не лгу ни себѣ, ни людямъ*“, а на оборотной сторонѣ надписи вокругъ медали „*Въ память Помня Николаевича Батюшкова*“ и по срединѣ имени получающаго медаль.

Министръ финансовъ отзывался, что къ изготовленію этой медали въ техническомъ отношеніи препятствій не встрѣчается.

О вышеизложенномъ министръ народнаго просвѣщенія Всеподданнѣйше донодя до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, предварительво утвержденія положенія о преміяхъ имени Батюшкова, представилъ на Высочайшее утвержденіе рисунокъ предполагаемой медали.

Государь Императоръ, въ 12-й день мая 1894 г., рисунокъ этотъ Высочайше утвердить соизволилъ.

10. (23-го мая 1894 года). *Объ окладахъ пенсій и единовременныхъ пособій лицамъ, служащимъ по учебной части въ городскихъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ окладахъ пенсій и единовременныхъ пособій лицамъ, служащимъ по учебной части въ городскихъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о размѣрѣ пенсій и единовременныхъ пособій должностнымъ лицамъ городскихъ училищъ Виленскаго учебнаго округа, *мнѣніемъ положило*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

„Пенсій и единовременныя пособия служащимъ по учебной части въ городскихъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа назначаются изъ окладовъ, присвоенныхъ соответствующимъ должностнымъ лицамъ двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ означеннаго округа согласно Высочайше утвержденнымъ 15-го іюня и 19-го октября 1865 года штатамъ сихъ училищъ“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

11. (23-го мая 1894 года). *Объ учрежденіи въ г. Константинополѣ Русскаго археологическаго института и объ утвержденіи устава и штата названнаго института.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ учрежденіи въ г. Константинополѣ Русскаго археологическаго института Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Константинополѣ Русскаго археологическаго института, *мнѣніемъ положило*:

I. Проекты устава и штата Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе и, по воспослѣдованіи онаго, ввести въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1894 года.

II. Потребный на содержаніе означеннаго института расходъ: въ 1894 г.—въ размѣрѣ *шести тысячъ рублей золотомъ*, а начиная съ 1895 г.—въ размѣрѣ *двенадцати тысячъ рублей золотомъ* ежегодно,

обратить на средства государственнаго казначейства, со внесеніемъ сего расхода въ подлежащія подраздѣленія смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ, 23-го мая 1894 года.

Уставъ Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.

1. Русскій археологическій институтъ при Императорскомъ посольствѣ въ Константинополѣ имѣетъ цѣлю направлять на мѣстѣ научныя занятія русскихъ ученыхъ древностями и исторіею Греціи, передней Азіи и вообще земель, входившихъ въ составъ Византійской Имперіи, преимущественно временъ христіанства, и тѣмъ способствовать развитію русской археологической науки на основѣ непосредственнаго изученія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ поименованныхъ странъ.

Примѣчаніе. Для приготовленія лицъ, присылаемыхъ въ институтъ для ученыхъ занятій, директоръ института и ученый секретарь читаютъ имъ спеціальныя курсы по предметамъ, относящимся къ задачамъ института.

2. Научныя задачи археологическаго института заключаются въ изслѣдованіи, согласно ст. 1, монументальныхъ памятниковъ древности и искусства, изученіи древней географіи и топографіи, описаніи древнихъ рукописей, занятіяхъ по эпиграфикѣ и нумизматикѣ, изслѣдованіяхъ быта и обычнаго права, языка и устной словесности народностей, входившихъ въ составъ Византійской Имперіи (нынѣшнихъ Греческаго королевства и Оттоманской Имперіи).

3. Институтъ производитъ археологическія раскопки и устраиваетъ научныя экскурсіи въ разныя мѣстности на основаніи особыхъ соглашеній русскаго посольства въ Константинополѣ и русскаго посланника въ Аѣянахъ съ правительствами Турціи и Греціи.

4. Институтъ издаетъ ежегодно отчетъ о своей дѣятельности и печатаетъ труды своихъ членовъ и подробныя протоколы засѣданій (ст. 21). Отчетъ института представляется министру народнаго просвѣщенія и сообщается Императорской академіи наукъ для напечатанія, по усмотрѣнію академіи, въ ея изданіяхъ.

5. Институтъ состоитъ въ ученомъ и административномъ отноше-

ніяхъ подѣ непосредственнымъ начальствомъ министерства народнаго просвѣщенія, во всемъ же, что касается его дѣятельности внѣ Россіи, онъ находится въ зависимости отъ російскаго посла въ Константинополѣ и подѣ его ближайшимъ покровительствомъ, при чемъ посолъ считается почетнымъ предсѣдателемъ института.

6. Личный составъ института образуютъ: директоръ, ученый секретарь и члены института.

7. Директору ввѣряется ближайшее управленіе институтомъ въ административномъ, ученое и хозяйственное отношеніяхъ. Онъ избирается изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень доктора русскихъ университетовъ и пріобрѣвшихъ почетную извѣстность своими научными трудами по специальностямъ института.

8. Директоръ института опредѣляется и увольняется Высочайшими указами по представленію министра народнаго просвѣщенія, который входитъ относительно избранія кандидата на эту должность въ предварительное сношеніе съ президентомъ Императорской академіи наукъ и съ почетнымъ предсѣдателемъ института.

9. На обязанности директора института лежатъ:

а) руководство членовъ института при исполненіи ими ученыхъ работъ;

б) содѣйствіе русскимъ ученымъ въ предѣлахъ дѣятельности института;

в) устройство археологическихъ раскопокъ и экскурсій, предпринимаемыхъ институтомъ и его членами (ст. 3);

г) руководство членовъ въ ихъ непосредственномъ ознакомленіи съ мѣстными памятниками древностей;

д) составленіе ежегоднаго отчета о дѣятельности института (ст. 4);

е) собраніе свѣдѣній объ открытіяхъ и вообще научной дѣятельности на мѣстѣ (въ сферѣ специальности института) ученыхъ мѣстныхъ и пріѣзжихъ;

ж) сношенія съ представителями консульской власти и вообще съ учреждениями и лицами, содѣйствіе которыхъ окажется полезнымъ институту.

10. Ученый секретарь института есть непосредственный помощникъ директора въ кругѣ его обязанностей и дѣйствуетъ согласно его указаніямъ: на немъ, сверхъ того, лежитъ храненіе коллекцій института, завѣдываніе его библіотекою и дѣлопроизводство института.

11. Ученый секретарь института избирается изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень доктора или магистра, и назначается министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію директора.

12. Въ отсутствіе директора, ученый секретарь исправляетъ его должность.

13. Членами института состоятъ назначаемые министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ почетнымъ предсѣдателемъ института:

а) члены ученыхъ обществъ и ученые, о которыхъ найдутъ возможнымъ ходатайствовать сіи общества, и

б) служащіе въ российскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, а также въ миссіи въ Аѳинахъ, при заявленіи ими о томъ желаніи.

Кромѣ того членами института во время командировки ихъ въ Константинополь состоятъ:

р) лица, окончившія курсъ по факультетамъ историко-филологическому, юридическому и восточныхъ языковъ и командированныя, по ходатайству университетовъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія;

г) кандидаты и магистры духовныхъ академій, командированные Святѣйшимъ Синодомъ, для ученыхъ занятій, на Востокъ, и

д) лица, окончившія курсъ въ Императорской академіи художествъ и командированныя академіей.

14. Всѣ лица, означенныя въ п. п. а, в, и д ст. 13, обязаны, по прибытіи въ Константинополь, явиться къ директору института и предъявить ему инструкціи, которыми они снабжены отъ командировавшаго ихъ учрежденія. Они получаютъ отъ директора разъясненія касательно направленія своей дѣятельности и сообщаютъ ему отчеты о ходѣ своихъ занятій.

15. Время пребыванія въ Константинополѣ, Аѳинахъ и въ ученыхъ экскурсіяхъ на Востокъ для лицъ, командированныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, Святѣйшимъ Синодомъ и Императорскою академіею художествъ, опредѣляется данными имъ при отправленіи инструкціями.

16. Кандидаты и магистры духовныхъ академій, во все время своего пребыванія въ институтѣ, находятся въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода. Въ занятіяхъ своихъ въ институтѣ означенныя лица руководствуются спеціальными программами, данными имъ отъ тѣхъ духовныхъ учреждений, которыми они присланы въ институтъ, сообразно роду задачъ, на нихъ возложенныхъ; общей программой института лица эти руководствуются настолько, насколько она служитъ подспорьемъ для успѣшнаго выполненія ихъ спеціальной задачи.

17. По истеченіи срока своего пребыванія въ институтѣ, лица, означенныя въ п. п. а, в и д ст. 13, представляютъ чрезъ директора отчетъ о своихъ занятіяхъ командировавшему ихъ учрежденію.

18. Члены института могутъ пользоваться учеными пособіями и коллекціями института, а также, съ согласія директора, участвовать въ научныхъ предпріятіяхъ института и обнародовать свои труды въ его изданіяхъ. При своихъ разъѣздахъ по Востоку они могутъ получать, по представленію директора, открытые листы и рекомендаціи отъ російскаго посла въ Константинополь и російскаго посланника въ Аѳинахъ.

19. Расходы по пребыванію членовъ института въ ихъ командировкѣ на Востокъ не относятся на счетъ института, но, въ случаѣ участія членовъ въ археологической экскурсіи, предпринимаемой институтомъ, директоръ его можетъ назначать имъ соотвѣтствующее денежное пособіе изъ суммы, ассигнуемой на экскурсіи.

20. Институтъ имѣетъ почетныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ, утверждаемыхъ въ этомъ званіи министромъ народнаго просвѣщенія, по представленіямъ директора, одобреннымъ почетнымъ предсѣдателемъ института. Почетными членами и сотрудниками могутъ быть назначаемы и иностранцы, въ особенности изъ находящихся на мѣстѣ специалистовъ, занимающихся предметами, входящими въ кругъ дѣятельности института.

21. По мѣрѣ накопленія научнаго матеріала, директоръ назначаетъ засѣданія института, въ конхъ принимаютъ участіе какъ наличные его члены, такъ и посторонніи лица, съ разрѣшенія директора.

22. При институтѣ могутъ быть устраиваемы открытыя собранія и чтенія.

Примѣчаніе. Къ участію въ чтеніяхъ могутъ быть допускаемы и иностранцы, съ разрѣшеніемъ чтенія на иностранныхъ языкахъ.

23. При институтѣ учреждаются: научная бібліотека и кабинетъ древностей.

24. Институтъ имѣетъ печать съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью своего наименованія.

25. Средства института составляютъ: а) суммы, отпускаемыя на его содержаніе изъ государственнаго казначейства, и б) причисляемыя къ его специальнымъ средствамъ суммы отъ продажи изданій и другія случайныя поступленія.

26. Институту предоставляется пересылать въ Имперіи слѣдующіе по дѣламъ его пакеты, посылки и тюки, вѣсомъ до одного пуда въ одномъ отправленіи, безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

На повелѣніемъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою записано:

Въ Гатчинѣ.

„Быть по сему“.

23-го мая 1894 года.

ШТАТЪ

Русскаго археологическаго института въ Константиновѣ

	Число членовъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.	По должностямъ.	По штату на мушкетеръ.	По пенсіи.
		РУБЛИ						
Директоръ .	1	3.000	1.000	Въ штатѣ.	4.000	IV	IV	По учебной службѣ.
Ученый секретарь	1	1.500	500		2.000	VI	VI	
Наемъ помѣщенія института .	—	—	—	—	2.500			
Полноцінное библіотеки и музея	—	—	—	—	1.000			
Ученыя экскурсіи и раскопки .	—	—	—	—	1.000			
Ученыя изданія института	—	—	—	—	1.000			
Наемъ служителя и разныя расходы .	—	—	—	—	500			
Итого	2	—	—	—	12.000			

Примечаніе:

Директоръ и ученый секретарь института пользуются всѣми правами учебной службы какъ по производству въ чины, такъ и относительно пенсій и единовременныхъ пособій, на одинаковыхъ основаніяхъ съ профессорами Императорскихъ русскіихъ университетовъ, при чемъ директоръ относительно размѣра пенсій сравнивается съ ординарными профессорами университета, а секретарь съ экстраординарными профессорами; но если директоръ или секретарь института, по выслугѣ тридцати лѣтъ, будетъ оставленъ въ своей должности, то онъ не переходитъ въ число пенсіонеровъ, а продолжаетъ пользоваться присвоеннымъ должности по штату содержаніемъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

12. (30-го мая 1894 года). *Объ увеличеніи оклада содержанія лаборанта при физическомъ кабинетѣ Императорской академіи наукъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ увеличеніи оклада содержанія лаборанта при физическомъ кабинетѣ Императорской академіи наукъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, объ увеличеніи оклада содержанія лаборанта при физическомъ кабинетѣ Императорской академіи наукъ, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Должности лаборанта физическаго кабинета Императорской академіи наукъ присвоить окладъ содержанія въ размѣрѣ *одной тысячи двухсотъ* рублей въ годъ (въ томъ числѣ: 700 р. жалованья, 350 р. столовыхъ и 150 р. квартирныхъ).

2) Вызываемый означенною мѣрою (отд. 1) ежегодный расходъ, въ количествѣ *одной тысячи двухсотъ* рублей, вносить, начиная съ 1-го января 1895 года, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

13. (30-го мая 1894 года). *О преобразованіи Оренбургскаго учительскаго института въ реальное училище.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи Оренбургскаго учительскаго института въ реальное училище, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи оренбургскаго учительскаго института въ реальное училище, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Преобразовать, съ начала 1894—1895 учебнаго года, Оренбургскій учительскій институтъ въ реальное училище съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ и съ VII дополнительнымъ классомъ, съ тѣмъ, чтобы съ 1-го іюля 1894 г. былъ прекращенъ приемъ въ первый классъ института и были открыты приготовительный, I и II классы реального училища, а въ послѣдующіе годы закрывалось по одному классу института до окончательнаго упраздненія его и прибавлялось по одному слѣдующему классу реального училища впередъ до полнаго сформированія послѣдняго.

II. Служащихъ въ Оренбургскомъ учительскомъ институтѣ лицъ, если они не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

III. Находящееся въ Оренбургскомъ учительскомъ институтѣ движимое имущество: книги, учебныя пособія и т. п. передать въ другія учебныя заведенія съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія.

IV. Содержаніе остающихся классовъ Оренбургскаго института и открываемыхъ классовъ Оренбургскаго реального училища въ 1894 г. отнести на кредитъ, ассигнованный по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на упомянутый институтъ; въ 1895 и 1896 гг. отпустить на ту же надобность по 26.400 р. въ годъ, а затѣмъ ассигновать на содержаніе Оренбургскаго реального училища: въ 1897 и 1898 гг.—по 26.400 руб., въ 1899 г.—25.737 руб. и, начиная съ 1900 г.,—по 25.074 руб. ежегодно, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія имѣющіе образоваться отъ означенныхъ кредитовъ, за время съ 1-го іюля 1894 года по 1-е іюля 1899 года, остатки обратить на покрытие расходовъ: а) въ 17.040 р. 66 к.—по приспособленію зданія Оренбургскаго учительскаго института подъ помѣщеніе реального училища, по устройству физическаго и естественно-историческаго кабинетовъ, рисовальнаго класса и чертежной для училища, а также по приобрѣтенію для него классной мебели и б) въ 6.000 р.—по постройкѣ зданія для Троицкаго городского двухкласснаго училища.

V. Расходъ по содержанію приготовительнаго класса при Оренбургскомъ реальномъ училищѣ, въ размѣрѣ 1.100 руб. въ годъ, относить на средства, жертвуемыя мѣстнымъ городскимъ обществомъ, и вносить, начиная съ 1895 г., въ расходную смѣту министерства народнаго просвѣщенія, показывая въ то же время равную сумму

по доходной его смѣтѣ пособіемъ казнѣ изъ средствъ городского общества.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

14. (30-го мая 1894 года). *Объ учрежденіи должности окружнаго инспектора училищъ Приамурскаго края.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. объ учрежденіи должности окружнаго инспектора училищъ Приамурскаго края, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ. въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи. рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи должности окружнаго инспектора училищъ Приамурскаго края, *мнѣніемъ положили:*

I. Учредить, съ 1-го іюля текущаго года, должность окружнаго инспектора училищъ Приамурскаго края, съ присвоеніемъ ей V класса по чинопроизводству, V разряда по штыю на мундирѣ, правъ на пенсію по учебной службѣ и годоваго оклада содержація въ *три тысячи* рублей (въ томъ числѣ 1.500 р. жалованья. 1.050 р. столовыхъ и 450 р. квартирныхъ денегъ) и, кромѣ того, по *одной тысячѣ* рублей въ годъ на разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній.

II. На содержаніе окружнаго инспектора училищъ Приамурскаго края вносить ежегодно, начиная съ 1895 года, въ подлежація подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія по *четыре тысячи* рублей; потребный же на эту надобность въ текущемъ году расходъ, въ размѣрѣ *двухъ тысячъ* рублей, отнести на общіе остатки по дѣйствующей смѣтѣ названнаго министерства.

III. Примѣчаніе къ статьѣ 63-й свода уставовъ ученыхъ учреждений и учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (св. зак. т. XI, 1-е изд. 1893 г.) отмѣнить, а изъ статьи 68-й того же свода исключить содержащееся въ ней указаніе на Забайкальскую область.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

15. (30-го мая 1894 года). *О преобразованіи Кокандскаго приходскаго училища въ двухклассное городское и съ утвержденіи штата упомянутаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи Кокандскаго приходскаго училища въ двухклассное городское. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Кокандскаго приходскаго училища въ двухклассное городское, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1894 года, существующее въ г. Кокандѣ, Ферганской области, приходское училище для дѣтей обоего пола въ двухклассное городское, по положенію 31-го мая 1872 года.

II. Проектъ штата Кокандскаго двухкласснаго городского училища поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

III. Вписать ежегодно, начиная съ 1-го января 1895 года, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе Кокандскаго двухкласснаго городского училища по *три тысячи двести восемьдесятъ два рубля пятидесяти копѣекъ*, показывая, вѣстѣ съ тѣмъ, по доходной смѣтѣ сего министерства пособіемъ государственному казначейству жертвуемую изъ мѣстныхъ городскихъ средствъ сумму въ *тысячу девятьсотъ восемьдесятъ два рубля пятидесяти копѣекъ*; потребный же въ текущемъ году на означенную надобность расходъ обратить на кредитъ, ассигнованный на содержаніе преобразуемаго приходскаго училища и на мѣстныя средства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственнымъ Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написанно:

Въ Петергофѣ.

„Быть по сему“.

30-го мая 1894 года.

Ш Т А Т Ъ

Конандскаго двухкласснаго городского училища.

	Число лицъ.	Содержанія въ годъ.				Классы и разряды.		
		Одном у.		Всего.		По должностн.	По штату на мѣсяцъ.	По пенсіи.
		Жалованья.	Столовыхъ.					
		Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.			
Законоучителю .	1	225	135	360	—	—	—	По учебной службѣ.
Учителямъ .	2	525	285	1.620	—	X	X	
Добавочныхъ учителю, завѣдывающему училищемъ (при казенной квартирѣ) .	—	—	—	112	50			
Квартирныхъ второму учителю.	—	—	—	112	50			
На уроки пѣнія .	—	—	—	75	—			
— преподаваніе гимнастики .	—	—	—	75	—			
— учебныя пособія .	—	—	—	80	—			
— канцелярскіе расходы .	—	—	—	22	50			
— содержаніе и ремонтъ дома и на паемъ прислуги .	—	—	—	825	—			
Итого .	—	—	—	3.282	50			

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

16. (30-го мая 1894 года). *Объ открытіи при Батумскомъ ремесленномъ училищѣ шелкоткацкаго отдѣленія.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ открытіи при Батумскомъ ремесленномъ училищѣ шелкоткацкаго отдѣленія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи при Батумскомъ ремесленномъ училищѣ шелкоткацкаго отдѣленія *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить съ 1-го января 1895 года при Батумскомъ ремесленномъ училищѣ шелкоткацкое отдѣленіе.

II. Расходъ, потребный на содержаніе упомянутого отдѣленія (отд. I), въ количествѣ *трехъ тысячъ пятисотъ девяноста* рублей въ годъ, вносить, начиная съ 1-го января 1895 года, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

III. Отпустить единовременно изъ средствъ государственнаго казначейства на первоначальное обзаведеніе ткацкой, шелкокрутильной и красильной мастерскихъ учреждаемаго отдѣленія *три тысячи двести пятьдесятъ три* рубля, со внесеніемъ свго расхода въ смѣту названнаго министерства на 1895 годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

17. (30-го мая 1894 года). *О примѣненіи къ Перновской мужской гимназій общаго устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о примѣненіи къ Перновской мужской гимназій общаго устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ. въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о примѣненіи къ Перновской мужской гимназій общихъ устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года, *мнѣніемъ положила*:

1. Примѣнить къ Перновской гимназій, съ начала 1894—1895 учебнаго года, Высочайше утвержденные, 30-го іюля 1871 г., уставъ и штатъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также удостоенную, 12-го іюни 1890 года, Высочайшаго рассмотрѣнія таблицу числа недѣльныхъ уроковъ въ сихъ заведеніяхъ, за исключеніемъ постановленій упомянутаго устава о хозяйственномъ комитетѣ и почетномъ попечителѣ и съ соблюденіемъ при томъ ниже слѣдующихъ особыхъ правилъ:

1) Церковно-славянскій языкъ обязателенъ только для учениковъ православнаго исповѣданія.

2) Обученіе древне-еврейскому и эстонскому языкамъ, въ качествѣ необязательныхъ предметовъ, допускается за особую умѣренную плату, которая за недостаточныхъ учениковъ можетъ производиться изъ специальныхъ средствъ гимназій.

3) Въ штатъ гимназій вводится законоучитель лютеранскаго исповѣданія на одинаковыхъ съ законоучителемъ православнаго исповѣданія основаніяхъ.

4) Число штатныхъ преподавателей древнихъ языковъ ограничивается тремя.

5) При гимназій образуется для завѣдыванія хозяйственною частью, взаимнѣй хозяйственнаго комитета, коллегія, которая состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется попечителю Рижскаго учебнаго округа.

6) Коллегія состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора гимназій, изъ четырехъ членовъ, изъ коихъ двое избираются на три года Перновскою городскою думою и утверждаются въ должностяхъ, по соглашенію съ губернаторомъ, попечителемъ учебнаго округа, а двое назначаются симъ послѣднимъ изъ числа преподавателей Перновской гимназій.

7) Къ правамъ и обязанностямъ коллегія относятся: а) управленіе

хозяйственной частью гимназій и представленіе городской думѣ предположеній объ увеличеніи средствъ гимназій, постройкахъ и ремонтныхъ исправленіяхъ; б) представленіе попечителю учебнаго округа предположеній о возвышеніи или уменьшеніи размѣра платы за учение; в) освобожденіе отъ платы недостаточныхъ учениковъ и назначеніе отличнѣйшимъ изъ нихъ по успѣхамъ и поведенію стипендій и единовременныхъ пособій, по ходатайствамъ педагогическаго совѣта; г) заступленіе имущественныхъ правъ и интересовъ гимназій и назначеніе уполномоченнаго для защиты оныхъ по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію судебныхъ учреждений; д) составленіе годовыхъ отчетовъ по хозяйственной части гимназій и представленіе ихъ попечителю учебнаго округа и городской думѣ; е) составленіе къ установленному сроку годовой смѣты прихода и расхода суммъ гимназій; ж) производство расходовъ изъ специальныхъ средствъ гимназій, сверхъ смѣты, до 30 р. на отдѣльный предметъ по своему усмотрѣнію, а на большую сумму—съ разрѣшенія попечителя округа и з) рекомендація на вакантныя учительскія мѣста кандидатовъ изъ лицъ, имѣющихъ на то право, и представленіе объ утвержденіи ихъ въ должностяхъ на усмотрѣніе попечителя округа.

8) Дѣла въ коллегіи рѣшаются по большинству голосовъ. При несогласіи съ большинствомъ предсѣдателя коллегіи, дѣло представляется на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа.

9) Члены коллегіи отъ городской думы, пока состоятъ въ семь званіи, считаются на государственной службѣ. Имъ присвоивается заурядъ VI классъ по должности и VI разрядъ по шитью на мундирѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но безъ правъ на чинопроизводство и на пенсію.

10) Министръ народнаго просвѣщенія издастъ, въ случаѣ надобности, инструкцію въ руководство для дѣятельности училищной коллегіи.

11) Служащимъ по учебной части, а также семействамъ ихъ, пенсія и единовременныя пособія опредѣляются изъ окладовъ: директору—1.100 р., инспектору—800 р., православному и лютеранскому законоучителямъ—400 руб., учителямъ наукъ и русскаго и древнихъ языковъ—700 р., учителямъ новыхъ языковъ—550 р. и учителямъ рисованія—300 р.

Примѣчаніе. Лица, занимающія нынѣ въ гимназій должностяхъ высшими пенсіонными правами, сохраняютъ эти права.

II. Тѣхъ изъ служащихъ въ Перновской гимназіи, которые, съ примѣненіемъ къ ней общаго устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года, не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

III. Въ счетъ исчисленныхъ на содержаніе Перновской гимназіи суммъ, въ количествѣ двадцати семи тысячъ четырехсотъ сорока рублей, отпускать, съ 1-го января 1895 г., 12.975 р. изъ государственнаго казначейства, 9.200 р. изъ средствъ города Пернова и 5.265 р. изъ сбора за ученіе въ сей гимназіи.

IV. Могущіе образоваться отъ содержанія Перновской гимназіи остатки, по окончаніи смѣтнаго періода, раздѣлять на двѣ части, изъ коихъ одну, пропорціональную ассигнованію изъ казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи коллегіи при гимназіи для употребленія на нужды сего учебнаго заведенія.

V. Специальныя средства Перновской гимназіи освободить отъ установленныхъ вычетовъ въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и въ капиталы: строительный среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства сего министерства и на содержаніе параллельныхъ отдѣленій тѣхъ же заведеній.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

18. (3-го іюня 1894 года). *О закрытіи Вытегорской учительской семинаріи и Краснослободской прогимназіи, о преобразованіи Харьковской прогимназіи и объ учрежденіи въ г. Валкѣ учительской семинаріи и утвержденіи штата оной.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о закрытіи Вытегорской учительской семинаріи и Краснослободской прогимназіи, о преобразованіи Харьковской прогимназіи и объ учрежденіи въ г. Валкѣ учительской семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ

представленіе министерства народнаго просвѣщенія о закрытіи Вытегорской учительской семинаріи и Краснослободской прогимназіи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Закрыть, съ 1-го іюля 1894 года, Вытегорскую учительскую семинарію и Краснослободскую прогимназію, съ оставленіемъ служащихъ въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ должностныхъ лицъ, буде они не получатъ другаго назначенія, за штатомъ, на общемъ основаніи, и съ производствомъ имъ заштатнаго жалованья изъ казны.

II. Отнести на средства государственнаго казначейства расходъ по перемѣщенію имѣющихъ остаться въ Вытегорской учительской семинаріи къ 1 іюля 1894 года казенныхъ воспитанниковъ въ другія учительскія семинаріи С.-Петербургскаго учебнаго округа и по содержанію ихъ тамъ до окончанія курса.

III. Передать имущество упраздняемыхъ учительской семинаріи и прогимназіи (ст. I) другимъ учебнымъ заведеніямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія по ближайшему усмотрѣнію начальствъ подлежащихъ учебныхъ округовъ; книги же Краснослободской прогимназіи предоставить учебно-окружному начальству передать частью въ бібліотеку при управленіи округа, а частью въ педагогическій отдѣлъ историко-филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

IV. Освободить, съ 1-го іюля 1894 года, г. Краснослободскъ и Краснослободское уѣздное земство отъ лежащихъ на нихъ обязательствъ по содержанію Краснослободской прогимназіи.

V. Учредить, съ 1-го іюля 1894 года, въ городѣ Валкѣ, Лифляндской губерніи, учительскую семинарію на основаніи правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 2382—2410 уст. учебн. зав. (свод. зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 г.), съ тѣмъ, чтобы въ число воспитанниковъ этой семинаріи, кромѣ лицъ православныхъ, принимались и лица евангелическо-лютеранскаго исповѣданія и чтобы временно, до устройства зданія для означенной семинаріи въ городѣ Валкѣ, она была открыта въ городѣ Ригѣ въ наемномъ помѣщеніи.

VI. Проектъ штата Валкской учительской семинаріи поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

VII. Преобразовать, съ 1-го іюля 1896 года, Харьковскую четырехклассную прогимназію въ шестиклассный составъ.

VIII. Предоставить министру народнаго просвѣщенія открывать классы Валкской учительской семинаріи, а также V и VI классы

Харьковской прогимназіи, постепенно, начиная съ младшихъ, съ тѣмъ, чтобы семинарія была приведена къ полному составу классовъ не позже начала 1896—1897 учебнаго года, а прогимназія — не позже начала 1897—1898 учебнаго года.

IX. Отпустить въ 1894 году изъ государственнаго казначейства: а) на обзаведеніе Валкской учительской семинаріи 2.575 рублей; б) на перемѣщеніе 40 воспитанниковъ Вытегорской учительской семинаріи въ прочія учительскія семинаріи С.-Петербургскаго учебнаго округа 1.120 рублей; в) на содержаніе Валкской учительской семинаріи и на наемъ для нея помѣщенія 6.297 рублей 50 копѣекъ, и г) на содержаніе бывшихъ воспитанниковъ Вытегорской учительской семинаріи въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ кои они будутъ перемѣщены, 2.560 рублей.

X. Вносить въ подлежащія подраздѣленія финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія: 1) въ 1895 году: а) на обзаведеніе Валкской учительской семинаріи 1.255 рублей, б) на содержаніе сей семинаріи 14.395 рублей (въ томъ числѣ 3.000 рублей на наемъ для нея помѣщенія) и в) на содержаніе воспитанниковъ бывшей Вытегорской учительской семинаріи 4.212 рублей; 2) въ 1896 году: а) на содержаніе Валкской учительской семинаріи 18.787 рублей 50 копѣекъ (въ томъ числѣ 3.000 рублей на наемъ для нея помѣщенія), б) на содержаніе бывшихъ воспитанниковъ Вытегорской учительской семинаріи 1.652 рубля и в) на дополнительное содержаніе Харьковской прогимназіи 1.220 рублей; 3) начиная съ 1897 года: а) на содержаніе Валкской учительской семинаріи по 18.320 рублей, б) на наемъ для нея помѣщенія, впредь до перевода ея въ городъ Валкъ, по 3.000 рублей и в) на дополнительное содержаніе Харьковской прогимназіи по 4.140 рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственномъ Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написанно:

Въ Петергофѣ.

„Быть по сему“.

3-го Іюня 1894 года.

Ш Т А Т Ъ

Валиской учительской семинаріи.

	Число лѣтъ.	Годовое содержаніе.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсін.
		Жалованья.	Столовыхъ.				
		Р у б л я .					
Директору (при казенной квартирѣ) .	1	1.200	1.300	2.500	V	V	По учебной службѣ.
Законоучителю православнаго исповѣданія (при казенной квартирѣ)	1	700	500	1.200			
Законоучителю лютеранскаго исповѣданія	1	700	500	1.200			
Наставникамъ (при казенной квартирѣ)	3	700	500	3.600	VIII	VIII	
На обученіе музыкѣ и пѣнію .	—	—	—	750			По медицин. службѣ.
Врачу	1	—	—	200	VIII	VIII	
На плату учителю чистописанія и рисованія .	1	—	—	400			
На плату учителю гимнастики .	1	—	—	240			
На вознагражденіе за уроки ручнаго труда	—	—	—	240			

На вознагражденіе за уроки эстонскаго и латышскаго язы- ковъ .	—	—	—	240			
На содержаніе казенныхъ вос- питанниковъ .	40	100	—	4.000			
На больницу .	—	—	—	200			
На награды окончившимъ курсъ воспитанникамъ .	—	—	—	100			
На библиотечку, учебныя посо- бія, ремонтъ музыкальныхъ инструментовъ и на матеріалы для ручнаго труда .	—	—	—	500			
На наемъ писца и канцелярскіе расходы .	—	—	—	300			
На содержаніе дома, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ мебели, наемъ прислуги и на непред- видѣнные расходы .	—	—	—	1.200			
<i>По двухклассному образцовому училищу.</i>							
На вознагражденіе законоучи- телямъ семинаріи, по 150 р.	3	—	—	450			
Учителямъ (при казенной квар- тирѣ) .	2	500	—	1.000			
Итого .	—	—	—	18.320			

Примчаніе:

Въ случаѣ невозможности прінскать законоучителя лютеранскаго исповѣданія, могущаго преподавать Законъ Божій на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ, начальству семинаріи предоставляется пригласить для преподаванія двухъ лютеранскихъ законоучителей: одного для эстонцевъ, а другаго для латышей, съ производствомъ имъ вознагражденія по 600 р. въ годъ каждому.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать 4-го іюля 1894 года, по министерству народнаго просвѣщенія, за отличія неслужебныя орденами:

Св. Владиміра четвертой степени: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: почетнаго попечителя Кунгурскаго технического, Губкина, училища и Кунгурской Елисаветинской руководѣльной школы, кунгурскаго перпои гильдія купца Александра *Кузнецова*, и механика при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ Александра *Эдельберга*.

Св. Станислава второй степени: почетнаго блюстителя Дулевскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія Покровскаго уѣзда, коммерціи совѣтника Матвѣя *Кузнецова*, и потомственныхъ почетныхъ гражданъ: старосту Александро-Невской церкви при Симферопольской мужской гимназій, симферопольскаго второй гильдіи купца Георгія *Христофорова* и попечителя Александринскаго начальнаго народнаго училища, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, с.-петербургскаго второй гильдіи купца Петра *Фокина*.

Св. Анны третьей степени: преподавателя военной гимнастики и военнаго строя въ Угличскомъ городскомъ приходскомъ училищѣ, отставнаго подполковника Владиміра *Николаева*; почетнаго блюстителя Кушчевскаго, Кубанской области, Александровскаго двухкласснаго сельскаго училища, отставнаго эсаула Харитона *Прилипскаго*, и почетнаго члена попечительнаго совѣта Комисаровскаго технического училища въ Москвѣ потомственнаго почетнаго гражданина Станислава *Паутинскаго*.

Св. Станислава 3-й степени: попечителей училищъ Рѣчанскаго начальнаго народнаго, Сумскаго уѣзда, кандидата Императорскаго Юрьевскаго университета Вильгельма *фонъ-Доретцъ-Эблина*, и Диди-Джихашинскаго сельскаго, Кутанскаго губерніи, князя Александра *Чендзс*.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 21-го минувшаго іюня, пожаловать нижепоименованныхъ лицъ, оказавшихъ своею дѣятельностью и пожертвованіями пользу учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія медалями съ надписью «за усердіе» для ношенія на шеѣ: золотыми на лентахъ: Александровской, почетнаго попе-

чителя Брянскаго низшаго механико-техническаго училища, брянскаго городского голову *Василія Сафонова*, и *Станиславской*: купцовъ второй гильдіи: членовъ попечительныхъ совѣтовъ женскихъ прогимназій: Ейской—Ивана *Струцкаю* и Арзамасской Екатерининской—Александра *Будылина* и члена Молочанскаго меннонитскаго училищнаго совѣта, Бердянскаго уѣзда, Ивана *Клатта* и почетнаго блюстителя Пурехскаго сельскаго приходскаго училища, Балахнинскаго уѣзда, балахнинскаго кунца Ивана *Кудрянцева*; *серебряными на лентахъ*: *Аннинской*, почетнаго блюстителя Вертичевскаго приходскаго училища, Донской области, казака Гавріила *Бабушкина*, и *Станиславской*: купцовъ второй гильдіи: почетнаго смотрителя Телавскаго городского училища Ивана *Бадоева* и члена попечительнаго совѣта Липецкой женской прогимназій *Михаила Голикова*, московскихъ купцовъ: почетныхъ блюстителей двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Хомутовскаго, Богородскаго уѣзда, *Сергія Зубкова* и Соболевскаго сельскаго—Льва *Рибенки*, попечителей пародныхъ училищъ: Бахчисарайскаго земскаго—бахчисарайскаго второй гильдіи купца Дмитрія *Пачаджи* и Макеевскаго начальнаго Донской области, купческаго сына, временнаго второй гильдіи купца Ивана *Древицкаю*, учителя Высокушскаго земскаго училища, Угличскаго уѣзда, *Николая Фарфорофскаю* и нижнихъ служителей: старшаго, Ярославской гимназій, отставнаго старшаго унтеръ-офицера Петра *Шатиру* и Александровскаго орловскаго реальнаго училища, отставнаго унтеръ-офицера *Алексѣя Федосеева*, и для *пошенія на зруди: золотыми на лентахъ*: *Аннинской*: почетнаго смотрителя Везенбергскаго трехкласснаго городского училища Эстляндской губерніи мѣщанина гор. Везенберга, Гавріила *Бабина*, швейцара Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, отставнаго рядоваго Филиппа *Голубева* и попечителя Оедорицкаго начальнаго училища, Рыбинскаго уѣзда, крестьянина дер. Сельца, того же уѣзда, *Василія Григорьева* и *Станиславской*: почетнаго смотрителя Закатальскаго городского училища, личнаго гражданина гор. Закаталы Ивана *Мелкумова*, попечителя Микель-Габріельскаго сельскаго училища, Озургетскаго уѣзда, Кутаисской губерніи, крестьянина Масико *Горделадзе* и нижняго служителя Ярославской гимназій отставнаго рядоваго Андрея *Лисицына*, и *серебряными на лентахъ*: *Аннинской*: старшину сунджунскаго сельскаго общества, Сенакского уѣзда, Кутаисской губерніи, *Георгія Макилатія*, казака торговаго общества Емельяна *Попова* и почетнаго блюстителя Симферопольскаго

однокласснаго еврейскаго училища, московскаго первой гильдіи купца Аврама *Юфе*, в *Станиславской*: учителя графическихъ искусствъ Ирбитскаго трехкласснаго городского училища, имѣющаго званіе сельскаго учителя Григорія *Ханалова* нижняго служителя Александровскаго-орловскаго реальнаго училища отставнаго рядоваго Акіма *Истрова*, крестыяннина Макара *Баронова*, почетнаго смотрителя Любимскаго городского двухкласснаго училища, любимскаго купца *Фалелыса*; почетныхъ блюстителей училищъ: Бекешевскаго двухкласснаго сельскаго, отставнаго унтеръ-офицера Михайла *Соколова*, Урюпинскаго приходскаго Донской области, казака торговаго общества Ивана *Смѣлова*, Конеловскаго двухкласснаго сельскаго, отставнаго казака Трофима *Серіенко* и Дѣдиновскаго женскаго двухкласснаго образцоваго, министерства народнаго просвѣщенія, Зарайскаго уѣзда, крестьяннина Кузьму *Мимрикова*, попечителей училищъ: Ключищенскаго, Нижегородскаго уѣзда, торгующаго по купеческому свидѣтельству Михайла *Бѣлянина*, Холмовскаго начальнаго, пошехонскаго мѣщанина Аванасія *Мозокина*, Голо-Пристанскаго 1-го народнаго, Дмитровскаго уѣзда, алешковскаго мѣщанина Константина *Масляникова*, Царскаго ставичнаго, отставнаго казака Семена *Сушкова*, Нармочскаго начальнаго, Меленковскаго уѣзда, Ивана *Слѣпова*, Алферовскаго сельскаго, Егорьевскаго уѣзда, крестьяннина Аванасія *Ширкина*, Дашатнскихъ мужскаго и женскаго начальныхъ, Меленковскаго уѣзда, крестьяннина Алексѣя *Гальцова*, Передѣлинскихъ мужскаго и женскаго, Балахнинскаго уѣзда, крестьяннина Корнилія *Привалова*, Константиновскаго сельскаго начальнаго народнаго, Бердянскаго уѣзда, крестьяннина Архима *Панасенко*, Лѣтовскаго народнаго, Донской области, крестьяннина Петра *Растрепина*, Верхне-Себряковскаго начальнаго народнаго, той же области, крестьяннина Ивана *Трофименкова* и Бадзійскаго сельскаго, Кутанской губерніи, крестьяннина Гито *Чичинаву*, крестьянъ старшинъ сельскихъ обществъ: ланчутскаго, Озургетскаго уѣзда, Кутанской губерніи, Михайла *Имнадзе* и хетскаго, Зугдидскаго уѣзда, той же губерніи, Николая *Габисоніа*, вахтера Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, отставнаго рядоваго Павла *Баубеля*, нижняго служителя Московской шестой гимназіи, отставнаго рядоваго Макара *Кондратьева*, жителя посада Вилково, Бессарабской губерніи, Кирилла *Новикова* и крестьянъ: кулашскаго сельскаго общества, Кутанскаго уѣзда, Гессе *Ахабадзе* и деревни Острой Луки, Спасскаго уѣзда, Гавріила *Чикина*.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія министерства народнаго просвѣщенія всемілостивѣйше соизволилъ, 21-го минувшаго іюня, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, *серебряною медалью съ надписью «за усердіе» на Александровской лентѣ*, для ношенія на груди: коллежскихъ регистраторовъ: учителей училищъ: Бердянскаго однокласснаго приходскаго, *Михаила Прусакова*, Новопрагскаго начальнаго, Александрійскаго уѣзда, *Ивана Бессарабу* и Темиргоевского однокласснаго сельскаго, *Тимофія Казанова*; неизмѣняющихъ чиновъ: учителей приходскихъ училищъ: Уржумскаго городского, *Алексія Кострова*, втораго мужскаго, въ гор. Стерлитамакѣ, *Іосифа Князева*, Иргинскаго однокласснаго, Красноуфимскаго уѣзда, *Петра Манохина*, перваго Воронцовскаго сельскаго, Павловскаго уѣзда, *Михаила Зиновьева* и Павловскаго городского, *Митрофана Нарцева*, учителей-завѣдывающихъ училищами: двухклассными сельскими министерства народнаго просвѣщенія: *Іовинскимъ, Іосифа Макарова, Пологскимъ, Николаемъ Веселовскаго, Ярцевскимъ, Ивана Днѣпровскаго и Карпиненскимъ, Киншневскаго уѣзда, Павла Житкевича*, двухклассными сельскими: Раешеватскимъ, *Петра Растегаева, Копеловскимъ, Николаемъ Плюхля, Бекешевскимъ, Савву Топтекина, Вознесенскимъ, Ікова Нересина, Аскинскимъ, Бирскаго уѣзда, Дмитрія Филипповича и Сустовскимъ* однокласснымъ министерства народнаго просвѣщенія. *Александра Макинскаго*, завѣдывающаго Джигыгаринско-чубарскою волостною школою, Тургайской области, *Семена Меркурьева*; учителя Новопрагскаго двухкласснаго образцоваго училища министерства народнаго просвѣщенія, Александрійскаго уѣзда, *Андрея Семенова* и учителя Абинскаго двухкласснаго сельскаго училища *Василія Звора*; учителей сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: двухклассныхъ: Озерницскаго, *Ивана Медвѣдева, Бичуринскаго, Казанской губерніи, Семена Данилова, Кукарскаго, Вятской губерніи Алексія Мамтурова и Ольховатскаго, Воронежской губерніи Павла Мактева и Тимофея Калыченко*, одноклассныхъ: Ординскаго, Осишскаго уѣзда, *Евгенія Кузнецова* и Каргинскаго, Красноуфимскаго уѣзда, *Андрея Мичкова*; старшихъ учителей начальныхъ училищъ въ гор. Москвѣ: *Андроньевскаго мужскаго, Константина Востокова, Петровско-Якиманскаго 2-го мужскаго городского, Сергія Волкова, Якиманскаго 2-го мужскаго городского Николая Успенскаго, Крестовскаго мужскаго, Николая Цюлжева и Грузинскаго мужскаго Петра Бюльбова*; учителей училищъ: начальныхъ: Сер-

пуховскаго уѣзда: Васильинскаго, Ивана *Лебедева*, Дидяковскаго: Алексѣя *Михайлова*, Дорогобужскаго городскаго, Егора *Горбатова*, Симбирскаго 6-го, Ивана *Петлева*, Сызранскихъ: 3-го, Алексѣя *Прокофьева*, 4-го, Василия *Полякова* и волостнаго, Ивана *Розанова*, втораго Ейскаго однокласснаго городскаго, Александра *Теофилова*, Медвѣдско-Александровскаго, Константина *Салина*, Петровскаго 1-го, Георгія *Косолядова*, Арзгирскаго, Михаила *Тихомирова*, Лѣтницкаго, Сергѣя *Соловьева* и Септкульскаго русско-башкирскаго, Оренбургскаго уѣзда, Александра *Кузьмина*, Александрійскаго уѣзда: Мартоивановскаго, Гурія *Андреева*, Онуфриевскаго, Максимиліана *Бюлинскаго*, Новгородковскаго, Василия *Сошкина* и Калиновскаго, Сергѣя *Швачко*, Елисаветградскаго уѣзда: Захарьевскаго, Василия *Ессаулова*, Черняковскаго, Ивана *Шойкита*, Канишскаго, Павла *Косюру*, Ровенскаго 2-го, Петра *Снесаревскаго*, Добровеличковскаго, Ивана *Сokolova* и Добрянскаго, Сергѣя *Павловскаго*, Бердянскаго уѣзда: меновитскихъ: Францальскаго, Бернгарда *Фаста*, Гамбергскаго, Абрама *Исаака* и Тигскаго, Исаака *Эдлера*, начальныхъ народныхъ: Волковскаго, Рузскаго уѣзда, Николая *Солнцева*, Zubовскаго, Волоколамскаго уѣзда, Александра *Никольскаго*, Осиенскаго уѣзда: Таушинскаго мужскаго, Филиппа *Никифорова*, Степановскаго, Михаила *Хаипова* и Комаровскаго, Порфирія *Горина*, Красноуфимскаго уѣзда: Сыринскаго, Василия *Кондюрина* и Молебскаго, Ивана *Рюозинникова*, Соликамскаго уѣзда: Дедюхинскаго мужскаго, Михаила *Шмонина*, Егвинскаго, Ѳедора *Лопачева* и Верхъ-Нердвинскаго, Ѳедора *Матлина*, сельскихъ начальныхъ: Дракинскаго, Серпуховскаго уѣзда, Михаила *Сахарова* и Ратчинскаго, Смоленской губерніи, Николая *Бердлева*, Кишиневскаго уѣзда: Волчинецкаго, Дмитрія *Киртоки*, Садовскаго, Михаила *Орлова* и Сипотенскаго, Алексѣя *Долышакова*, Бердянскаго уѣзда: Берестоватскаго 3-го, Сергѣя *Новикова*, Владимірскаго, Артемія *Пархошенко*, Новоалексѣевскаго. Лазаря *Фролова*, Преславскаго, Василия *Голунскаго* и Зеленовскаго, Георгія *Смаковскаго*, сельскихъ начальныхъ народныхъ: втораго Воронцовскаго, Воронежской губерніи, Ефима *Данишевскаго*, Сидѣльниковскаго земскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Михаила *Давыдова*, Свияжскаго уѣзда: Верхне-Услонскаго земскаго, Ефрема *Бурнашевскаго* и Нижне-Услонскаго земскаго, Степана *Башкирова*, Елабужскаго уѣзда: Умьскаго, Степана *Краснопорова*, Кокшанскаго заводскаго, Ивана *Иванова*, Граховскаго, Василия *Собонова*, Пудгинскаго, Семена *Тукмачева*, Ижевскаго, Сарапульскаго уѣзда, 2-го мужскаго, Кирилла *Царкаева* и параллельнаго от-

дѣленія того же училища, Петра *Рябова*, Нолинскаго уѣзда: Богословскаго, Оедора *Муратовскаго*, и Архангельскаго, Николая *Дернова*, Уржумскаго уѣзда: Буйскаго, Оедора *Главозинина*, Кузнецовскаго, Николая *Колпикова* и Токтай-Бѣлякскаго, Ивана *Сильверстова*, Жемковскаго, Сызранскаго уѣзда, Николая *Амтарева*, Симбирскаго уѣзда: Базарно-Уренскаго, Сергѣя *Кожевникова*, Грязнухинскаго, Ивана *Ефимова* и Шиловскаго, Петра *Дерюгина*, Сентилеевскаго уѣзда: Кузоватовскаго, Владиміра *Фитинюфова*, Больше-Борлинскаго, Александра *Старова*, Мазинскаго, Ивана *Тимашева*, Теревгинскаго, Алексѣя *Бутырина*, Смышляевскаго, Николая *Смирнова* и Чертановскаго Василія *Боголюбова*; учителей: русскаго класса при медресе въ д. Стерлибашѣ, Стерлитамакскаго уѣзда, Шарафутдина *Махмудова*, Медвѣдскаго станичнаго училища Александра *Леонтьева*, сельскихъ училищъ: Верейскаго уѣзда: Слѣпушкинскаго, Василія *Интюлитова*, Назарьевскаго, Ивана *Маркова*, Крышскаго, Егора *Чиждова* и Петровскаго, Оому *Инатовича*, Звенигородскаго уѣзда: Игловскаго земскаго, Николая *Яковлева* и Пятницкаго-Берендеевскаго земскаго, Александра *Дмитревскаго*, Адаргинскаго, Перекопскаго уѣзда, Якова *Пфанцлера*, учительницу приготовительнаго класса Бирской женской прогимназіи Анну *Фальковскую*, смотрительницу и учительницу Харьковской городской Александровской женской бесплатной школы Екатерину *Антушевичъ*, учительницу, учредительницу и распорядительницу Харьковской женской воскресной школы Христину *Алчевскую*, учительницъ приходскихъ училищъ: Харьковскаго, содержимаго ремесленнымъ обществомъ, Наталью *Сальникову* и Александрійскаго, Анну *Андрееву*, начальныхъ училищъ: Аджамскаго, Александрійскаго уѣзда, Александру *Климкину*, Елисаветградскаго уѣзда: Ольвіопольскаго городского, Параскеву *Жукову*, Андреевскаго, Лидію *Буличъ* и Плетено-Ташлыкскскаго, Екатерину *Вадзинскую*, Бердянскаго уѣзда: Нововасильевскаго, Евгенію *Васильевичъ*, Борисовскаго сельскаго, Мароу *Денежную*, Романовскаго сельскаго, Евдокію *Майеръ* и Бердянскаго женскаго перваго, Елизавету *Колосову*; начальныхъ народныхъ училищъ: Харьковскаго, содержимаго городскимъ обществомъ: Павлу *Бѣлоконятову* и Марію *Дашкиеву*, Чистопольскаго уѣзда: Биллярскаго женскаго, Анну *Лаврову*, Змиевскаго, Марію *Авонскую*, Бисертскаго, Красноуфимскаго уѣзда, Марію *Изертину*, Пермскихъ жепскихъ городскихъ: 1-го, Анну *Трубинову* и 2-го, Елизавету *Воронину*, Мотовилихинскаго женскаго, Пермскаго уѣзда, Надежду *Степанову* и Никитинскаго женскаго, Соликамскаго уѣзда, Ольгу *Плет-*

неву; сельскихъ училищъ: Мигновичскаго народнаго, Смоленской губерніи, Анастасію *Рубанову* и Ново-Водолажскаго женскаго, Валковскаго уѣзда, Александру *Домницкую* и Старобѣльскаго уѣзда: Штормовскаго, Рахиль *Буткевичъ* и Бѣловодскаго женскаго, Параскеву *Лѣвову* и бывшую учительницу, нынѣ смотрительницу Одесскаго городского дѣвичьяго училища, имѣющую званіе домашней наставницы, Александру *Мокіевскую*.

Государь Императоръ, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 21-го минувшаго іюня, на награжденіе студента Демидовскаго юридическаго лицея Николая *Ульрихи*, за совершенный имъ подвигъ человеколюбія, *серебряною медалью, съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“, на Владимирской лентѣ, для ношенія въ петлицу.*

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

17-го іюня 1894 года. *Назначены:* директоръ Симбирской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Свѣшниковъ* и заслуженный преподаватель Владивостокской прогимназій *Маргаритовъ*—окружными инспекторами, первый—Казанскаго учебнаго округа и второй—училищъ Приамурскаго края, оба съ 1-го іюля 1894 г.; состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, бывшій Балашонскій уѣздный предводитель дворянства, въ званіи камеръ-юнкера князь *Петръ Волконскій*—членомъ сельско-хозяйственнаго совѣта министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ отъ министерства народнаго просвѣщенія и чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Емграфъ *Ковалевскій*—замѣстителемъ члена означеннаго совѣта, оба съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ.

Утверждены почетными попечителями на три года: Нарвской гимназій—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гамъ*; Скопинскаго реальнаго училища—Скопинскій уѣздный предводитель дворянства, отставной майоръ *Худековъ*.

Командированы, съ ученою цѣлью, за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Брандтъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 г.; адъюнкты

профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ *Кнабе*—на два мѣсяца, съ 15-го іюня 1894 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго с.-петербургскаго университета *Сирку*—на іюль и августъ мѣсяцы 1894 года.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

4. (22-го іюня 1894 года). *Циркулярное предложеніе и. попочителѣмъ учебныхъ округовъ о принятіи мѣръ къ разведенію садовъ и огородовъ при народныхъ училищахъ.*

При разсмотрѣніи годовыхъ отчетовъ управленій учебныхъ округовъ, а также при чтеніи отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ по обзорѣнню ими низшихъ учебныхъ заведеній мною замѣчено, что во многихъ мѣстностяхъ при начальныхъ народныхъ училищахъ, снабженныхъ земельными участками, заведены сады и огороды, которые доставляютъ учителямъ сихъ училищъ возможность не только улучшать условія своей жизни, или увеличивать средства школъ, но и содѣйствовать распространенію въ мѣстномъ населеніи необходимыхъ знаній по садоводству и огородничеству путемъ приученія воспитанниковъ школъ къ симъ занятіямъ и сообщеніемъ взрослымъ крестьянамъ полезныхъ въ семъ отношеніи совѣтовъ и указаній, а равно снабженіемъ ихъ изъ воздѣлываемыхъ при школахъ садовъ и огородовъ сѣменами, прививками, черенками и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ оказывается изъ упомянутыхъ отчетовъ и другихъ имѣющихся въ министерствѣ свѣдѣній, занятія по садоводству и огородничеству вызываютъ такое сочувствіе, что для школъ, за неимѣніемъ при нихъ земли, сады и огороды снимаются на аренду на мѣстные средства. Занятія эти ведутся иногда съ такимъ успѣхомъ и усердіемъ, что въ однѣхъ мѣстностяхъ, по отчетамъ губернаторовъ, удостоились обратить на себя Высочайшее Его Императорскаго Величества вниманіе, а въ другихъ дали школамъ возможность экспонировать произведенія ихъ садовъ и огородовъ на мѣстныхъ выставкахъ. Но, къ сожалѣнію, все-таки оказывается, что при большинствѣ школъ, даже надѣленныхъ землею и находящихся въ благопріятныхъ условіяхъ для занятій садоводствомъ и огородничествомъ, не заведено доселѣ ни садовъ, ни огородовъ, а школьнымъ

земли или пустуютъ, или отдаются въ пользованіе для постороннихъ надобностей.

Объясняя это послѣднее недостаткомъ вниманія со стороны мѣстныхъ училищныхъ начальствъ къ важному значенію, какое въ экономическомъ, а отчасти и воспитательномъ отношеніи можетъ имѣть веденіе при школахъ занятій по садоводству и огородничеству, а также, при имѣніи потребнаго количества земли, посѣвы хлѣбовъ и травъ (люцерны, эспарцеты, клевера и т. п.) и распространеніе этимъ путемъ сельскохозяйственныхъ знаній въ той средѣ населенія, для которой преимущественно устроятся школы, я пужнымъ считаю обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою предложить какъ училищнымъ совѣтамъ, такъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, а чрезъ названные совѣты и чиновъ инспекціи, попечителямъ и попечительницамъ училищъ или почетнымъ блюстителямъ и блюстительницамъ оныхъ, озаботиться принятіемъ мѣръ, какія по мѣстнымъ условіямъ окажутся необходимыми и важными, къ разведенію садовъ и огородовъ, равно какъ и посѣвовъ хлѣбовъ и травъ при тѣхъ изъ сѣхъ училищъ, при коихъ имѣются достаточные участки земли, пригласивъ къ содѣйствію въ устройствѣ садовъ и огородовъ мѣстныя сельскія и городскія общества и земскія учрежденія и поручивъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, чтобы они въ отчетахъ по образованію училищъ помѣщали свѣдѣнія о томъ, при какихъ изъ школъ, надѣленныхъ землею, имѣются сады, огороды и сельскохозяйственные посѣвы и при какихъ не имѣются, съ объясненіемъ причинъ отсутствія таковыхъ и указаніемъ мѣръ, необходимыхъ для ихъ устройства.

5. (22-го іюля 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени камергера двора Его Императорскаго Величества дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Андреевича Бѣлухи-Кохановскаго при Полтавской Марининской женской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Полтавской Марининской женской гимназій учреждается стипендія имени умершаго камергера двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Андреевича Бѣлухи-Кохановскаго на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу руб. пожертвованнаго дочерью покойнаго Надеждою Торповскою и Александрю Волковою.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, составляя собственность Полтавской женской гимназіи, хранится въ Полтавскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ стипендіальныхъ средствъ сей гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе одной воспитанницы Полтавской Маріинской женской гимназіи, пачиная съ 3-го класса, изъ дворянъ Полтавскаго, Константиноградскаго или Золотоношскаго уѣздовъ, а въ случаѣ неимѣнія таковой воспитанницы, безъ различія сословія, но исключительно православной.

§ 4. Право назначенія стипендіатки принадлежитъ пожизненно Надеждѣ Михайловнѣ Торновской или Александрѣ Михайловнѣ Волковой, а во время ихъ отсутствія и послѣ ихъ смерти попечительному совѣту гимназіи.

§ 5. Проценты, могущіе оказаться свободными по случаю незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ, причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія стипендіи.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Полтавской Маріинской женской гимназіи стипендіальный капиталъ на вышензложенныхъ основаніяхъ передается тому учебному заведенію, которое будетъ учреждено въ Полтавѣ взамѣнъ означенной гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

V. ПРИКАЗЫ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

20-го іюня 1894 года *утверждены*: магистръ государственнаго права *Коркуновъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета по каедрѣ государственнаго права, съ 12-го мая 1894 г.; докторъ русской исторіи *Лихачевъ*—членомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія съ 10-го мая 1894 г.

Назначенъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Панормовъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета, по каедрѣ медицинской химіи, съ 1-го іюля 1894 г.

Опредѣлены: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Светловъ*—дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 23-го мая 1894 г.; занимающійся письмоводствомъ въ правленіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института *Брижатовъ*—бухгалтеромъ сего института, съ 7-го апрѣля 1894 г. (согл. Выс. пов. 12-го мая 1894 г.).

Перемѣщены, экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, по кафедрѣ факультетской хирургической клиники, статскій совѣтникъ *Подрезъ*, тѣмъ же званіемъ на кафедру госпитальной хирургической клиники сего университета, съ 14-го мая 1894 г.

Командированы, съ ученою цѣлью: ординарные профессора Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Штукенбергъ* въ Пермскую и Уфимскую губерніи и *Нагуевскій* въ С.-Петербургъ и другіе города Россіи, оба на лѣтнее вакаціонное время 1894 г., исправляющій должность адъюнкты-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоведства въ Новой Александріи, коллежскій секретарь *Сибирцевъ*—въ Россіи по 4-е іюля и съ 25-го іюля и 1-го сентября 1894 г. и ассистентъ сего института *Безпалый*—въ разныя губерніи Россіи по 25-е августа 1894 г., чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Ковалевскій*—въ Москву и во внутреннія губерніи Россіи съ 1-го іюня по 1-е сентября 1894 г., ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цагарели*—на Кавказъ, съ 1-го іюня по 1-е октября 1894 г. и ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковальскій*—въ Крымъ и на Кавказъ, по 1-е октября 1894 г.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: начальникъ Радомской учебной дирекціи, статскій совѣтникъ *Стефиновичъ*, съ 8-го іюля по 8-е августа 1894 года, директоръ Виленскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Богомоленскій*, съ 15-го іюня по 25-е іюля 1894 г., окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Одинцовъ*, съ 25-го іюня по 10-е августа 1894 г., директора: Вольской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зимницкій*, съ 15-го іюня по 1-е августа 1894 года и Могилевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Пигулевскій*, съ 10-го іюня по 1-е августа 1894 года, ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета,

тайный совѣтникъ *Щелковъ*, съ 20-го іюня по 20-е августа 1894 г., директоръ Ставропольской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гниповъ* и начальникъ Варшавской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Родевичъ*, оба съ 15-го іюня по 15-е августа 1894 г., директоръ народныхъ училищъ Тифлисской губерніи, статскій совѣтникъ *Дарскій*, по 1-е августа 1894 года, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Фортунатовъ*, по 28-е августа 1894 г., дѣйствительные статскіе совѣтники: заслуженный ординарный профессоръ того же университета *Высоцкій*, директоръ Рязанской гимназіи *Сергичевъ*, оба по 1-е сентября 1894 года и начальница Тамбовской женской гимназіи, *Красильникова*, на четыре мѣсяца; на лѣтнее вакаціонное время 1894 года: инспекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Барсовъ*, инспекторы студентовъ Императорскихъ университетовъ: дѣйствительные статскіе совѣтники: Казанскаго — *Адіянъвичъ* и Новороссійскаго — *Балдинъ*, директоръ высшихъ женскихъ курсовъ, тайный совѣтникъ *Кулинъ*, директоры гимназій: дѣйствительные статскіе совѣтники: С.-Петербургской седьмой — *Гофманъ*, Московской второй — *Гулевичъ*, Варшавской третьей — *Соколовъ*, Тифлисской первой — *Марковъ*, Николаевской — *Балыкъ*, Радомской — *Смородиновъ*, статскіе совѣтники: Астраханской — *Котовицковъ*, Ковенской — *Кольнеръ*, Юрьевской — *Тихомировъ*, Холмской — *Эльмановичъ*, Прагской — *Водолазинъ*. Старобѣльскаго-Александровскаго — *Преображенскій* и Императора Александра III, въ Болградѣ — *Ипрамковъ*, начальницы женскихъ гимназій: Сарапульской — *Крелленбергъ* и Царицынской-Маріинской — *Колчина*, директоръ Сергіево-Посадской шестиклассной прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихомировъ*, директоры реальныхъ училищъ: дѣйствительные статскіе совѣтники: Костромскаго — *Булакъ*, Бакинскаго — *Каменскій* и Астраханскаго — *Виноградскій*, статскіе совѣтники: Московскаго — *Зегеръ*, Кропштадтскаго — *Фридрихсбергъ*, Одесскаго св. Павла — *Каминскій*, Екатеринбургскаго Алексѣевского — *Стешинъ*, Николаевскаго — *Клосовскій*, Комратскаго — *Коржинскій*, Череповскаго — *Корчакъ-Гречина*, Пинскаго — *Циклинскій*, Елабужскаго — *Деницкій* и Юрьевскаго, коллежскій совѣтникъ *Соколовъ*, директоръ Комисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Леоновичъ*, директоры учительскихъ семинарій: статскіе совѣтники: Тотемской — *Соболевъ*, Кубанской — *Кривцовъ* и Новочеркасскаго — *Григорьевскій*; сверхъ лѣтняго ва-

каціоннаго времени 1894 года: статскіе совѣтники: директоры Ломжинской мужской гимназіи—*Турау* по 15-е сентября и Сызранскаго реальнаго училища—*Ивановъ* на 28 дней; 6) въ Россіи и за границу: директоръ Варшавской II-й мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Троицкій* и лекторъ Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Хонякевича*—оба на лѣтнее вакаціонное время 1894 г., и в) за границу: директоръ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, титулярный совѣтникъ *Эпнецъ*, по 1-е іюля 1894 г.; директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, тайный совѣтникъ *Канановъ*, съ 15-го августа по 30-е сентября 1894 г.; врачъ Рижскаго реальнаго училища императора Петра I, надворный совѣтникъ *Рудаковъ*, съ 15-го августа по 1-е октября 1894 г.; учитель Рижскаго городского шестикласснаго женскаго училища, статскій совѣтникъ *Глазенапъ*, съ 20-го іюня и до конца каникулъ; ректоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Будиловичъ*, съ 10-го іюня по 10-е августа 1894 г.; надзирательница Ломжинской женской гимназіи *Фелькнеръ*, съ 15-е іюня по 15-е августа 1894 г.; статскіе совѣтники: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія *Мусселиусъ*, съ 15-го іюня по 15-е августа 1894 г.; инспекторъ Виленской I-й гимназіи *Доброхотовъ*, съ 7-го іюня по 7-е августа 1894 г.; учителя реальныхъ училищъ: Бѣлостокскаго—*Кудрянецъ*, съ 7-го іюня по 7-е августа 1894 г. и Херсонскаго, *Шиновъ*, съ 8-го іюня по 8-е августа 1894 г., и учитель Кишиневскаго еврейскаго начальнаго училища *Слувись*, съ 1-го іюня по 1-е августа 1894 г.; учитель Ревельской гимназіи Императора Николая I *Ветникъ*, по 7-е августа 1894 г.; приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—*Брауде* на три мѣсяца и Московскаго—князь *Трубецкой* по 20-е августа 1894 г.; деканъ физико-математическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета, заслуженный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Совѣтовъ*, законоучитель римско-католическаго исповѣданія при Либавской Николаевской гимназіи ксендзъ *Ольшескій*, учитель Якубовицкаго начальнаго училища, Оpatовскаго уѣзда, Радомской губерніи *Гонсовскій*; всѣ трое по 1-е сентября 1894 г.; сверхштатный лаборантъ при зоологической лабораторіи Императорскаго Харьковскаго университета *Сомовъ*, по 15-е октября 1894 г. и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Лузининъ*, по 1-е ноября 1894 г.; на лѣтнее вакаціонное время 1894 г.: заслуженные ординарные профессора Им-

ператорскихъ университетовъ: дѣйствительные статскіе совѣтники: Московскаго—*Столытовъ* и Юрьевскаго—*Драендорфъ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зиловъ* и надворный совѣтникъ *Бялковъ* и Юрьевскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гершельманъ*, статскіе совѣтники: *Барфуртъ*, *Мукке* и *Кнезеръ*, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, статскій совѣтникъ *Гамбаровъ*, Казанскаго, коллежскій совѣтникъ *Шершеневичъ* и Варшавскаго титулярный совѣтникъ *Александренко*, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вылещинскій*, доценты Императорскихъ университетовъ: Юрьевскаго, статскій совѣтникъ *фонъ-Шредеръ* и коллежскій совѣтникъ *Штадельманъ* и Московскаго, коллежскій секретарь *Павловъ*, приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Московскаго: *Езецкий* и *Бобровъ*, Харьковскаго: *Колтачки* и *фонъ-Зелеръ* и Юрьевскаго, коллежскій совѣтникъ *Гроубе*, штатный ординаторъ терапевтической клиники Императорскаго Харьковскаго университета *Сурукчи*, лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Флери*, бібліотекаръ Императорскаго Юрьевскаго университета, титулярный совѣтникъ *Шлютеръ*, младшій надзиратель пансіона Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая, титулярный совѣтникъ *Яворовскій*, директоры: С.-Петербургскихъ частныхъ гимназій и реальнаго училища Гуревича, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гуревичъ*, Измаильской прогимназій, статскій совѣтникъ *Чеховской* и Бѣлостокскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Витте*, исправляющій должность инспектора Ченстоховской мужской гимназій, статскій совѣтникъ *Геевскій* и исполняющій обязанности инспектора Θεодосійской гимназій *Стовикъ*, помощница начальницы женской гимназій княгини Оболенской—*Герстфельдъ*, преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института *Явейнъ*, учитель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, статскій совѣтникъ *Голланъ*, преподаватели Рижскаго политехническаго училища: *Кизерицкий*, *Ловисъ*, *Моль*, *Бекъ*, *Мильхеръ*, *Глазенанъ*, *Томсъ*, *Ливенталь*, *Иффуль*, *фонъ-Книришъ*, *Кохъ*, *Грюблеръ*, *Бишовъ* и *Шиндлеръ*, учителя мужскихъ гимназій: С.-Петербургскихъ: восьмой—*Пальцинъ* и частной г. Гуревича, надворный совѣтникъ *Фельм*, Царскосельской, коллежскій ассесоръ *Цыбульскій*, Тамбовской, статскій совѣтникъ *Полоній*, Кшишевской второй—*Фотъ*, Кіевской первой, статскій совѣтникъ *Чер-*

куновъ и коллежскій совѣтникъ *Григоровичъ*, Прилукской, статскій совѣтникъ *Ружицкій*, Варшавскихъ: второй, статскій совѣтникъ *Герцъ* и шестой—*Неръ*, Петроковскій—*Сиротининъ*, Плоцкой, коллежскій совѣтникъ *Езеръ*, Прагской—*Диспутъ* и *Жакъ*, Радомской, *Каль* и *Нуларедъ*, Рижской городской, коллежскій совѣтникъ *Боке*, надворный совѣтникъ *Данненбергъ*, *фонъ-Гольстъ*, *Пфлаумъ* и *Якубовскій*, Либавской Николаевской, надворный совѣтникъ *Яндеръ* и коллежскій ассесоръ *Тюленсъ*, Ришельевской, *Бавлинкъ* и Болградской, *Гуйо*, сверхштатный учитель С.-Петербургской пятой гимназіи, *Лебединскій* и помощникъ классныхъ наставниковъ Житомирской гимназіи, *Щуревичъ*, учителя женскихъ гимназій: С.-Петербургской частной Э. П. Шаффс, надворный совѣтникъ *Образцовъ*, Одесской Маріинской, *Дренгеръ* и Лодзинской, статскій совѣтникъ *Жуковъ*; учительницы женскихъ гимназій: Одесской, учрежденной А. И. Бракенгеймеръ, *Орбинская*, Кіевской. *Маникина-Невструева*, Варшавскихъ: первой, *Брендель* и четвертой: *Квятковская* и *Вигандтъ*, Петроковской, *Кинцель*, Лодзинской, *Рейтардтъ*, Калишской, *Цейтлинъ*, Роменской, *Шевчикъ*, и состоящей при Вознесенской евангелическо-лютеранской церкви въ Харьковѣ, *Бренфо*, классныя дамы женскихъ гимназій: Варшавской третьей, *Васильева*, Ломжинской: *Дикманъ* и *Небольсина*, Люблинской, *Бородина*, и Лодзинской, *Яроцкая*, надзирательницы женскихъ гимназій: Варшавской первой, *Шикеръ*, Лодзинской, *Маслова*, и Радомской, *Милеванова*, учителя прогимназій: Варшавской, статскій совѣтникъ *Радлинскій*, Замостской: коллежскій ассесоръ *Новакъ*, *Вольфензонъ*, *Ясинскій* и *Киричинскій*, учителя реальныхъ училищъ: частнаго Вознесенскаго въ Москвѣ, коллежскій совѣтникъ *Беркутъ*, Кіевского, коллежскій ассесоръ *Таурке*, Рижскихъ: Императора Петра I: статскій совѣтникъ *Штепанекъ* и надворный совѣтникъ *Сивицкій*, и городского: статскій совѣтникъ *Эккардтъ*, коллежскіе совѣтники: *Фозтъ* и *Бютиеръ*, надворный совѣтникъ *Пилеманъ* и *Вестбергъ*, Одесскаго, *Ладженскій*, Комратскаго, *Якоби*, Николаевскаго, *Генель*, Тифлисскаго, коллежскій совѣтникъ *Лейцинеръ*, Самарскаго, *Боатыревъ*, Елабужскаго, *Емельяновъ*, Митавскаго, статскій совѣтникъ *Видеманъ*, Либавскаго, коллежскій совѣтникъ *Купферъ*, и Ловичскаго: *Плейультъ* и *Дубсъ*, помощникъ классныхъ наставниковъ Рижскаго реального училища Императора Петра I *Остроуховъ*, преподаватель коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ, статскій совѣтникъ *Ярсинъ*, учительница Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Доманская*, учитель Варшавскаго

трехкласснаго городского училища *Кильтминовичъ* и учителя Рижскихъ городскихъ начальныхъ училищъ: Ашинскаго, *Кришканъ*, и Андреевскаго, *Меднисъ*; сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1894 г.: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Вельфрингъ*—на 8 дней, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Гириманъ* и ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Федоровъ*, приватъ-доцентъ сего университета *Дыновскій* и инспекторъ Рижскаго городского шестикласснаго женскаго училища, пасторъ *Вербатусъ*, всѣ четверо—на 10 дней, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дыдинскій*—на 12 дней, учитель Курской гимназій, статскій совѣтникъ *Брезоваръ*—на 15 дней, директоръ Ченстоховской мужской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дашновичъ*—до 15-го августа 1894 года, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Гротъ*—до 1-го сентября 1894 г., исправляющій должность лаборанта при фармацевтической лабораторіи Императорскаго Харьковскаго университета *Спасскій*, директоры: Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ, камергеръ Двора Его Императорскаго Величества *Ляхницкій* и Волчанской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Хорошевскій*, всѣ трое—на 28 дней, сверхштатный преподаватель Московской пятой гимназій *Гіацинттовъ*—на одинъ мѣсяць и надзирательница Варшавской IV женской гимназій *Дементьева*—по 20-е октября 1894 года.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству, статскій совѣтникъ *Титковъ*, по случаю назначенія его начальникомъ Ковенской женской гимназій, съ 28-го апрѣля 1894 года.

Уволенъ, согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зарубинъ*—отъ службы, съ 13-го мая 1894 г., съ дозволеніемъ ему носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія предводителю дворянства Ковенскаго уѣзда *Муратову*, за его заботы о начальныхъ училищахъ уѣзда.

Исключены изъ списковъ умершіе: директоръ Тифлисской физической обсерваторіи, статскій совѣтникъ *Миллибергъ* и правитель канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Жеваховъ*.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „На пути въ Іерусалимъ и въ Іерусалимѣ. Впечатлѣнія и замѣтки поручика Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка *А. И. Недумова*. С.-Пб. 1890. Стр. 128“ — допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*, преподаватель Кишиневскаго реального училища. 5-е, исправленное изданіе. Одесса. 1894. Стр. VI+176. Цѣна 80 коп.“ — одобрить для употребленія въ среднихъ и высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Cours théorique et pratique de langue française à l'usage de la jeunesse, humblement dédié à son Altesse Imperiale Madame la Princesse Eugénie d'Oldenbourg par *M. Bobristcheff-Pouschkin*. С.-Пб. 1894. Стр. 420+XIV. Цѣна 2 руб.“ — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки и одобрить для ученическихъ старшаго возраста бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Изданныя одесскимъ книгопродавцемъ Я. Шермономъ тетради „Дисникова“ *Вл. Краузе* для записыванія уроковъ — допустить къ приобрѣтенію, по принадлежности, желающими изъ учениковъ гимназій, а также реальныхъ и еврейскихъ училищъ.

— Сочиненіе *Потьмина*: а) справочная книжка для пчеловодовъ (С.-Пб. 1891 г.) и б) Учебникъ пчеловодства (С.-Пб. 1893 г.) одобрить для учительскихъ бібліотекъ городскихъ и сельскихъ училищъ, а также для учительскихъ семинарій.

— Сочиненіе *Кормильцева*. „Руководство для преподаванія рисованія по стенографическому способу въ классѣ и дома“ — одобрить какъ учебное пособіе при обученія начальному рисованію для начальныхъ школъ и приготовительныхъ классовъ гимназій.

— Сочиненіе *А. И. Ковригина*. „Учебникъ англійскаго коммерче-

скаго языка"—одобрить для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ.

— Сочиненіе *А. А. Костина*. „На пользу ближняго“. Кронштадтъ. 1893 г. — одобрить для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ городскихъ и народныхъ школъ.

— Сочиненіе *Э. Кернъ*. „Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе“. Съ тридцатью пятью рисунками въ текстѣ и двумя таблицами. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1894 г. 123 стр.—рекомендовать въ библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Сочиненіе *Л. Брониша и В. Фишера*. „Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ. Выпускъ I. Изд. 1891 г. и выпускъ II изд. 1893 г. — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Сочиненіе *А. Фортунатова*. „Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи“ — рекомендовать въ библиотеки промышленныхъ училищъ и одобрить для учебныхъ заведеній съ сельскохозяйственной спеціальностью.

— Сочиненіе *Сюзева*. „Слесарное дѣло“ — допустить какъ учебное пособие въ техническихъ и ремесленныхъ училищахъ.

— Книгу: „*А. Киселевъ*. Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ большаго количества упражненій и статьи: главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Второе, исправленное изданіе. Москва. 1893. Стр. VIII+299+IV+IV. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — одобрить какъ учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*В. П. Мининъ*, преподаватель Московской 4-й гимназіи. Сборникъ геометрическихъ задачъ. Изданіе пятое (35-я тысяча экземпляровъ), значительно дополненное. Съ приложеніемъ большаго числа задачъ, рѣшаемыхъ совмѣстнымъ примѣненіемъ геометріи и тригонометріи. Москва. 1894. Стр. V+203. Цѣна 90 коп.“ — одобрить какъ учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Новая тригонометрія. Рѣшеніе треугольниковъ съ помощью теоремы Агапова: произведеніе разности между полупериметромъ и стороною треугольника на тангенсъ половины угла, противолежащаго этой сторонѣ, есть величина постоянная для каждаго треугольника, равная радіусу круга, вписаннаго въ треугольникъ. 45 случаевъ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Составилъ *Д. В. Апановъ*. Оренбургъ. 1894. Стр. X + 124. Цѣна 85 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Начала космографія (математическая географія), учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *М. Понрузенко*, инспекторъ классовъ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса. Москва. 1894. Стр. VIII+148. Цѣна 1 руб.“ — какъ лучший изъ существующихъ нынѣ учебниковъ по математической географіи, допустить какъ руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Исторія минской архіепископій (1793 — 1832 гг.) съ подробнымъ описаніемъ хода воссоединенія униатовъ съ православною церковію въ 1794 — 1796 гг. Изслѣдованіе *Стефана Рункевича*. С.-Пб. 1893. Стр. XVI+572+II+XXVIII. Цѣна 4 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Столѣтіе открытій въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV и XVI вѣка. Составилъ по проф. Шотту и другимъ *Э. Гранстремъ*. С.-Пб. 1893. Стр. 814. Цѣна въ переплетѣ 2 рубля“—одобрить для ученическихъ старшаго и средняго возраста бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Goethe. Egmont. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen.* (Гете. Эгмонтъ). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *Е. А. Лёас*, преподаватель С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища. Изданіе *С. А. Манштейна*. С.-Пб. 1893, въ 12-ю д. л. Стр. 131 + 80. Цѣна со словаремъ 40 коп., въ папкѣ 50 коп.“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия при изученіи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „*Wallensteins Tod. Trauerspiel in fünf Aufzügen von Friedrich Schiller.* Mit historischen und grammatischen Anmerkungen und einem Wörterbuch zur den Schulgebrauch herausgegeben von I. Grospletsch. Смерть Валленштейна. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ *Фридриха Шиллера*. Съ примѣчаніями историческими, грамматическими и словаремъ, для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ издалъ *І. Гроспичъ*. Москва. 1893. Стр. XV + 173. Цѣна 60 коп.“ — допустить для употребленія при преподаваніи нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Избранныя баллады и стихотворенія Ф. Шиллера (*Schillers Ausgewählte Balladen und Gedichte*) съ приложеніемъ объяснительнаго матеріала (стихотвореній и статей въ прозѣ) изъ другихъ классическихъ писателей. Поэзія часть II. Введеніями, примѣчаніями, словаремъ и правилами нѣмецкаго стихосложенія снабдилъ *Максъ Фишеръ*. Изданіе второе. Москва. 1892. Стр. VIII + 282. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — одобрить какъ полезное пособіе при изученіи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Нѣмецкая хрестоматія для низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Часть I. Составили: *И. Линкевичъ*, преподаватель женской гимназіи Стеблинъ-Каменской и Видеманской гимназіи и *К. Тибертъ*, преподаватель 1-й гимназіи, 2-го реального училища, Еленецкаго института и пріюта принца Петра Ольденбургскаго. С.-Пб. 1893. Стр. 229 и въ словарь (отдѣльно) стр. 101“ — одобрить для употребленія въ низшихъ и среднихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Начальствомъ Кавказскаго учебнаго округа разрѣшено преобразование съ начала 1894—1895 учебнаго года Ейскую женскую шестиклассную прогимназію въ гимназію.

— Начальствомъ Харьковскаго учебнаго округа разрѣшено открыть, съ начала 1894—1895 учебнаго года, при женской гимназій Вознесенской евангелическо-лютеранской церкви въ гор. Харьковѣ VIII дополнительный классъ, на первое время съ однимъ отдѣленіемъ новыхъ языковъ.

— Начальствомъ Харьковскаго учебнаго округа разрѣшено открыть, съ 1894—1895 учебнаго года, при Ростовскомъ на Дону городскомъ четырехклассномъ училищѣ пятый классъ, на средства мѣстнаго городского общества, назначившаго на сей предметъ по 310 рублей ежегодно.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 8-го марта сего года Богородское одноклассное сельское училище, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи, преобразовано въ двух-классное сельское министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ учащихся состояло: въ I-мъ классѣ 59 человѣкъ и во II-мъ 10 человѣкъ.

КЪ АГРАРНОМУ ВОПРОСУ ВЪ ЛИФЛЯНДИИ.

Въ задачи настоящей статьи не входило дать полное и подробное представление о положеніи аграрнаго вопроса въ Лифляндіи. Автору хотѣлось лишь намѣтить главныя потребности края въ этомъ отношеніи, которыя важно было бы принять въ соображеніе при проведеніи аграрной реформы, повѣщенной однимъ Высочайшимъ указомъ прошлаго года. Именно предполагается на части земель, находящихся въ распоряженіи помѣщика подъ названіемъ „квоты“, устроить самостоятельныя хозяйства мызныхъ батраковъ. Для того, чтобы лучше раскрыть, какія мѣры представляются необходимыми для поднятія теперешняго аграрнаго строя въ Лифляндіи, авторъ счелъ за лучшее сначала дать краткій очеркъ аграрной исторіи края за нынѣшнее столѣтіе, затѣмъ подробно остановиться на ходѣ и формахъ образованія „квоты“ ¹⁾, изъ всего этого вывести практическое и теоретическое значеніе предполагаемой реформы и, наконецъ, высказать нѣкоторыя соображенія о необходимости расширить собственно „квотную“ реформу въ реформу всего аграрнаго строя въ Лифляндіи, какъ не соответствующаго въ его теперешнемъ положеніи интересамъ казны и крестьянскаго благосостоянія.

I.

Земля въ Лифляндіи по способу обрабатыванія дѣлится на крестьянскую и мызную. Первая обрабатывается путемъ отдачи ея въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ (если не находится въ ихъ полной собствен-

¹⁾ Не могу при этомъ не упомянуть съ искреннею благодарностью о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ секретаремъ лифляндскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Н. Н. Бордоносомъ при наведеніи нѣкоторыхъ дополнительныхъ справокъ, бывшихъ недоступными мнѣ лично вслѣдствіе теперешняго пребыванія моего не въ Ригѣ.

ности), вторая—батраческимъ способомъ, съ помощью наемнаго труда. Въ отношеніи общественныхъ и земскихъ повинностей оба эти разряда назывались—первый податнымъ или повинностнымъ, второй—неподатнымъ. До 1804 г. помѣщикъ имѣлъ полное право обрабатывать ту или другую землю способомъ, который казался ему болѣе выгоднымъ. Точно также ничѣмъ не былъ ограниченъ произволъ помѣщика въ требованіи съ крестьянъ барщины, какъ платы за арендуемую ими землю. По законъ 1804 г. все это измѣнило¹⁾. Онъ утвердилъ за крестьянами право на дальнѣйшую аренду той земли, которую они въ моментъ изданія закона арендовали, и точно опредѣлилъ размѣръ повинностей, которыя помѣщикъ могъ требовать отъ каждаго крестьянина²⁾. Присоединить крестьянскую землю къ мызной помѣщику разрѣшено было только при паличности нѣкоторыхъ условій, напимѣръ, если онъ докажетъ передъ специальными, такъ называемыми „ревизионными“ комиссіями, что въ такой прирѣзкѣ существенно пуждаются интересы его мызнаго хозяйства³⁾. Затѣмъ, если комиссія, признавъ правильными заявленія помѣщика, разрѣшить ему произвести эту прирѣзку, то крестьянинъ, отъ участка котораго отрѣзалась земля, получалъ право на вознагражденіе отъ помѣщика, пропорціональное величинѣ и цѣнности отрѣзанной части (ст. 38). Отъ распоряженія своимъ участкомъ крестьянинъ могъ быть отрѣшенъ только за небрежное веденіе хозяйства, за неоплатные долги и т. под., при чемъ авторитетнымъ учрежденіемъ въ такомъ дѣлѣ

¹⁾ Очень характерны подробности его составленія. Потребность въ ограниченіи власти помѣщика давно созрѣвалась, но само дворянство никакъ не могло согласиться между собою въ размѣрахъ этого ограниченія. Ландтагъ дважды собирался и оба раза неудачно. Тогда были учреждены особой комитетъ изъ пяти лицъ по назначенію Государя Императора. Предсѣдателемъ былъ назначенъ министр внутреннихъ дѣлъ графъ В. П. Кочубей, членами: тайный совѣтникъ Осипъ Козодавлевъ, графъ Павелъ Строгановъ и два дворянина-депутата—Романъ Аирепъ и Густавъ Будденброкъ. Правителемъ дѣлъ былъ русскій—Львовъ Дружининъ. Какъ будетъ видно ниже, положенія 1804 г. окажется необходимымъ приписать перенѣсу русскаго вліянія надъ нѣмецкими въ комитетѣ 1804 года.

²⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXVIII, № 21.162, Полож. 20-го февраля 1804 г. статьи 54—75.

³⁾ Ibid., ст. 33. Замѣтимъ, что въ предсѣдателя такихъ комиссій (ихъ было всего четыре), по закону, назначались Государемъ Императоромъ лица, не имѣющіе имѣній въ Лифляндской губерніи, а въ члены—лица, выбранныя тоже Государемъ изъ 12 кандидатовъ, представленныхъ особо для каждой комиссіи дворянствомъ. Инструк. ревиз. комиссій, ст. 3 (И. С. З., т. XXVIII, стр. 127).

былъ мірской судъ. Въ случаѣ отрѣшенія, распоряженіе участкомъ переходило къ старшему сыну отрѣшеннаго или, за его неспособностью, ко второму сыну или къ ближайшему родственнику; вообще участокъ какъ бы прикрѣплялся къ роду крестьянскому, пользовавшемуся имъ въ моментъ вступленія въ силу закона 1804 г. (статьи 40—42).

Для опредѣленія размѣра податей, слѣдующихъ съ крестьянъ помѣщику, восстановлена была старинная шведская система. Такъ какъ въ послѣдствіи придется неоднократно касаться тѣхъ или другихъ подробностей земельного строя Лифляндіи, то не бесполезно будетъ остановиться подольше на этой своеобразной системѣ, сколько мнѣ извѣстно, совершенно единственной въ своемъ родѣ.

Шведскимъ правительствомъ было принято за основаніе, что въ среднемъ на участкѣ въ 14.000 шведскихъ квадратныхъ локтей высѣвается одна бочка ржи. Такой величины участокъ, по названію тонштель (Tonnställe), состоя изъ земли *высшаго* достоинства, даетъ при среднемъ урожаѣ столько хлѣба, что, за вычетомъ потребнаго на продовольствіе крестьянской семьи, на будущій посѣвъ и на удовлетвореніе тогдашнихъ податныхъ требованій королевства, оставалась еще бочка ржи. Эта бочка ржи была признана шведскимъ правительствомъ за нормальный доходъ помѣщика съ крестьянскаго пахотнаго участка лучшей земли величиной въ тонштель. Такимъ образомъ, доходъ помѣщика съ озимой пашни высшаго достоинства равнялся количеству посѣва. Въ то время, въ концѣ XVII вѣка, средняя продажная цѣна бочки ржи равнялась приблизительно одному талеру, или 90 грошамъ. Поэтому, при переводѣ на денежный счетъ, тонштель пашни перваго достоинства обложенъ былъ въ пользу помѣщика талеромъ. При переводѣ же денежной повинности на издѣльную или барщинную талеръ былъ приравненъ къ 30 днямъ пѣшей работы и 22½ днямъ конной. Всѣ участки пашни низшаго достоинства подводились подъ нѣсколько категорій, при чемъ пропорціонально ихъ достоинству установлено было за ними и количество слѣдующихъ помѣщику грошей, или хлѣба, или дней пѣшей и конной работы. Этимъ же способомъ былъ нормированъ доходъ помѣщика и съ другихъ статей крестьянскаго земельного хозяйства, какъ-то: огородовъ, сѣнокосовъ, перелоговъ и выгона. Всѣ эти разряды земель были обложены въ пользу помѣщика пропорціонально отношенію ихъ доходности къ доходности тонштели пашни и разбиты въ свою очередь на категоріи по достоинству ¹⁾.

¹⁾ Полож. 1804 г., прим. къ ст. 55.

Принципъ этой стройной системы, вносявшей строгое соотвѣтствіе податей крестьянина съ его доходомъ и вполнѣ ограничивавшей произволъ помѣщика, былъ заимствованъ нашими правительствомъ для положенія 1804 г. и окончательно разработанъ въ Высочайше утвержденныхъ 28-го февраля 1809 г. правилахъ ¹⁾. Въ составъ земли, приносящей доходъ крестьянину и слѣдовательно подлежащей пропорціональному обложенію въ пользу помѣщика, вошли четыре рода земли: пашня, садъ (иначе: огородная земля), перелогъ (иначе: кустовая земля, *Buschland*) и луга. Выгопь, входившій въ оцѣнку при шведскомъ правительствѣ, русскимъ былъ исключенъ изъ нея ²⁾. Всѣ четыре рода земли были разбиты на четыре категоріи по достоинству. Пашня и огороды были приняты за равныя по размѣрамъ статьи дохода и потому одинаково обложены. Тонштель огорода и пашни перваго разряда былъ, какъ и при шведахъ, приравненъ талеру, втораго—75 грошамъ, третьяго—60, четвертаго—45. Тонштель высшаго разряда перелоговъ оцѣненъ былъ въ 30 грошей, а низшаго въ 15, такъ что единица перелога была опредѣлена втрое менѣ доходной, чѣмъ соотвѣтственная единица пашни. Тонштель высшаго разряда луга былъ оцѣненъ въ 16¹/₂ грош., а низшаго въ 5³/₄ гр., то-есть, уже въ 6—8 разъ ниже соотвѣтственныхъ тонштелей пашни.

Вся совокупность земель каждой отдѣльной усадьбы переводилась указаннымъ способомъ на талеры, и пропорціонально ихъ количеству каждой усадьба облагалась барщинной работой и натуральными податями. На каждый *икхъ* крестьянской земли (икхъ = 80 талерамъ) была сдѣлана скидка въ 8% (или 6 тал. 36 гр.) въ возмездіе за отправление крестьянами новыхъ казенныхъ и общественныхъ натуральныхъ повинностей, напримѣръ, за содержаніе дорогъ и т. под. ³⁾. Изъ остальныхъ 73 тал. 54 гр.—³/₄ (то-есть, 55 тал. 18 гр.) уплачивались барщинной работой, а ¹/₄ (то-есть, 18 т. 36 гр.)—натуральными взносами (хлѣбомъ и т. под.). Эта пропорція должна была наблю-

¹⁾ П. С. З., т. XXX, № 23,505, стр. 817—836.

²⁾ Не смотря на это, число категорій разныхъ родовъ земли увеличилось, такъ какъ шведскимъ правительствомъ было установлено для крестьянской земли всего три категоріи: въ первой пашня, во второй перелогъ и залежи всякаго рода (*Wustacker, Dresch. u. Buschland*) и въ третьей негодная земля или выгопь (*ausgenutztes Buschland*). См. *Astaf v. Transsehe-Roseneck. Gutsherr und Bauer in Livland im 17-ten und 18-ten Jahrhundert*, 1890, стр. 61.

³⁾ Пол. 1804 г., ст. 48; Прав. 1809 г., ст. 21—22. А. Рихтеръ, Исторія крестьянскаго сословія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, Гига, 1860, стр. 31.

даться въ отношеніи къ каждому крестьянскому участку въ отдѣльности, каковы бы ни были его размѣры¹⁾). Для того, чтобы крестьяне всегда были въ состояніи въ должныхъ размѣрахъ оплачивать помещику за обрабатываемую имъ землю, было установлено, что на каждой четверти гака, отданной въ распоряженіе крестьянъ, должно быть не менѣе трехъ работниковъ и трехъ работницъ. Изъ такой же пропорціи должно было находиться число работниковъ къ размѣрамъ участковъ другой величины. Чтобы не оказывалось недостатка въ навозѣ для удобренія пашни, было установлено, что въ каждомъ крестьянскомъ участкѣ на три талера пашни долженъ приходиться по крайней мѣрѣ одинъ талеръ сѣнокоса²⁾). Было также установлено обязательное количество инвентарныхъ принадлежностей на участкахъ разной величины³⁾).

Въ дополнительныхъ правилахъ 1809 г. содержится любопытное узаконеніе относительно нѣкоторой части батраковъ: именно, введенъ обязательный надѣлъ земель для *женатыхъ* работниковъ, служащихъ по найму у *крестьянъ*. Этотъ надѣлъ былъ опредѣленъ въ 4¹/₂ лофштел. пашни въ трехъ поляхъ; если хозяинъ не могъ немедленно по вступленіи закона въ силу одѣлать такимъ образомъ своего работника, то обязывался для этой цѣли въ теченіе шести лѣтъ обратить подъ пашню такое же количество кустовой земли (перелогу), при этомъ „лучшей и въ удобнѣйшемъ мѣстѣ лежащей“, до того же времени давать работнику и его женѣ содержаніе, опредѣленное закономъ для неженатаго работника и незамужней работницы. По полученіи работникомъ участка къ послѣднему каждые три года прирѣзывается полулофштель новаго перелогу взаменъ такого же количества пашни⁴⁾). „Съ опредѣленнаго такимъ образомъ участка,—говорится въ 41 статьѣ,—женатый работникъ содержитъ и кормитъ какъ самого себя, такъ жену и дѣтей“.

Дополнительными правилами 1809 г. были упразднены четыре ревизіонныхъ комиссіи, учрежденныя въ 1804 г., и взаменъ была основана одна подъ названіемъ межевой ревизіонной, съ генерал-губернаторомъ Прибалтійскихъ губерній въ качествѣ предсѣдателя. Результаты дѣятельности этой комиссіи по устройству крестьянскаго быта, обмежеванію земли и опредѣленію размѣра повинностей запо-

¹⁾ Пол. 1804, ст. 63.

²⁾ Ibid., ст. 58, b; ст. 57.

³⁾ Ibid., ст. 45.

⁴⁾ Прав. 1809 г., ст. 39—40.

сились въ особыя книги, отдѣльныя по каждому мѣстному, такъ называемые „вакенбухи“ ¹⁾). Вакенбухи заготовлялись въ трехъ экземплярахъ: одинъ выдавался помѣщику, другой отправлялся въ ландратскую коллегію и, наконецъ, третій хранился въ мѣстномъ приходскомъ судѣ ²⁾). Крестьянамъ-дворохозяевамъ выдавались отдѣльныя выписи изъ вакенбуха, касающіяся ихъ усадебъ ³⁾). Дѣйствія ревизіонной комиссіи продолжались, по мнѣнію Гагемейстера, до 1827 г., но, какъ можно заключить изъ опубликованія общихъ результатовъ ея дѣятельности лишь въ 1832 г., продолжались и дальше ⁴⁾). Общая податная способность крестьянской земли въ частныхъ мѣстностяхъ и пасторатахъ Лифляндской губерніи была опредѣлена въ 6.715 ²/₁₀₀ гаковъ, а въ казенныхъ владѣніяхъ—въ 1.030 ²/₁₀₀ гаковъ ⁵⁾).

Курьезною чертой дѣятельности ревизіонной комиссіи было то, что она продолжалась въ то время, когда уже произошло коренное измѣненіе законодательства въ духѣ совершенно противоположномъ принципамъ Положенія 1804 г. Это Положеніе давало прочное обезпеченіе крестьянскому землевладѣнію и устанавливало законныя размѣры барщины. Благодаря такой постановкѣ аграрныхъ отношеній къ помѣщику, крестьяне *фактически* были уже свободны. Въ самомъ законѣ 1804 г. былъ проведенъ такой взглядъ. По ст. 31 крестьяне имѣли право пріобрѣтать въ собственность и продавать землю „по примѣру другихъ состояній въ государствахъ“, какъ сказано въ По-

¹⁾ Названіе „вакенбухъ“ происходитъ отъ соединенія латышскаго слова „вака“, волость, съ нѣмецкимъ Buch, книга, и означаетъ „волостную книгу“. Вакенбухи, какъ упомянуто, составлялись по каждому мѣстному отдѣльно, а территория мѣстнаго обыкновенно совпадала съ территоріей волости.

²⁾ См. объ этомъ, между прочимъ, Инстр. межевой комиссіи, ст. 36 (въ II. С. З., т. XXX, стр. 834), а также сочиненіе г. Тобиана, ниже цитируемое, *Balt. Mon.*, V. XXVIII, стр. 704.

³⁾ Нѣкоторые изъ этихъ выписей я лично видѣлъ.

⁴⁾ Такого же мнѣнія придерживается и г. Тобианъ въ своемъ обширномъ изслѣдованіи по исторіи аграрнаго законодательства Лифляндіи: *Beiträge zur Geschichte des livländisch, Agrargesetzgebens*, *Balt. Monatschr.*, Band XXVIII, Heft. 9 стр. 704. Онъ думаетъ, что комиссія дѣйствовала до 1832 г., тогда какъ, по моему мнѣнію, она закончила свои дѣйствія около 1829 года. О мнѣніи Гагемейстера см. *Materialien zu einer Geschichte der Landgüter Livlands*. 1836, т. I, стр. 36.

⁵⁾ А. Тобианъ, *Beiträge z. Gesch. d. liv. Agrarges.*, *Balt. Monatschr.*, Bd. XXVIII, II. 9, стр. 704. Этотъ итогъ былъ опубликованъ въ такъ называемомъ „гакенномъ спискѣ“ (Hakenrolle) въ № 43 Патентовъ Губ. Прав. отъ 21-го октября 1832 г.

ложеніи. Но въ 1819 г. для Лифляндіи было утверждено новое Положеніе, торжественно провозглашавшее личную свободу лифляндскихъ крестьянъ и за то возстановлявшее неограниченное право помѣщика на распоряженіе крестьянской землею, какъ полной собственностью, а опредѣленіе размѣровъ барщины предоставлявшее свободному соглашенію отдатчика земли съ арендаторомъ ¹⁾. Въ сущности этотъ законъ лишалъ крестьянъ той фактической свободы, которою до него они начинали пользоваться, такъ какъ въ случаѣ несоглашенія съ помѣщикомъ объ условіяхъ возобновленія аренды крестьянинъ долженъ былъ со всѣмъ своимъ скарбомъ сниматься съ участка и идти неизвѣстно куда, къ сосѣднему помѣщику, который, быть можетъ, уговорился съ его прежнимъ господиномъ не принимать къ себѣ непокорныхъ арендаторовъ. Эта перспектива, конечно, заставляла крестьянина быть податливымъ на условія помѣщика, какъ бы тяжки они ни были. Кроме того, въ законѣ 1819 г. разсыпаны статьи, увеличивающія зависимость крестьянъ отъ помѣщика. Напримѣръ, по ст. 13-й всякій отпущенный на волю въ течение первыхъ трехъ лѣтъ можетъ завязать земельныя отношенія къ другимъ помѣщикамъ лишь въ предѣлахъ *своею прихода* (въ приходѣ отъ 3 до 20 имѣній), въ слѣдующіе три года—въ предѣлахъ своего ордуицгс-герихта (нынѣшнихъ двухъ уѣздовъ) и лишь по прошествіи шести лѣтъ со дня освобожденія—во всей губерніи. Эта постепенность была мотивирована въ законѣ опасностью рѣзкаго перехода отъ рабства къ свободѣ (п. IV). Затѣмъ въ ст. 25-й говорится: „Для приѣма работника въ другое мірское общество требуется согласіе *помѣщика* и мірскаго общества“. Мірскимъ обществомъ была совокупность лицъ крестьянскаго сословія, живущихъ, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ *одного имѣнія* (ст. 57). Такимъ образомъ, работникъ, лично объявленный свободнымъ, но не поладившій съ помѣщикомъ, не могъ выбраться изъ сферы его вліянія, *прикрѣплялся къ мѣсту*, даже если за нимъ не числились никакія недоимки, никакіе долги, никакія обязательства. Это очень своеобразное состояніе—въ теоріи права и, вѣроятно, невыносимое—въ жизни.

Начало освобожденія крестьянъ было отложено до 1823 г. Этотъ годъ былъ взятъ за исходную точку, вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ этомъ году должны были быть закончены дѣйствія коммиссіи. Осво-

¹⁾ Полн. Собр. Зах., т. XXXVI, прил. къ № 27.735, стр. 542 и слѣд.—Пол. 1819 г., изд. I и VII, ст. 1—46.

боженіе должно было закончиться въ 1826 г. Затѣмъ каждому крестьянину было предоставлено право въ теченіе трехъ лѣтъ по объявленіи ему свободы придерживаться въ отбываніи барщины вакенбуховъ. Такимъ образомъ, обязательная сила вакенбуховъ прекращалась повсемѣстно въ Лифляндіи въ 1829 г. Къ этому же времени, вѣроятно, закончилась и дѣятельность комиссіи (ст. 5; IV, 2; 18; 40).

Послѣдствія закона 1819 г. не замедлили скоро сказаться. Получивъ право свободнаго распоряженія крестьянской землей, помѣщики стали часть этой земли обрабатывать батраческимъ способомъ, отказывая нѣкоторымъ арендаторамъ въ продолженіи аренды. Толчкомъ къ этому послужило пронесшееся въ тридцатыхъ годахъ по Остзейскому краю увлеченіе новою еще тогда плодопереѣмною системою обработки полей ¹⁾. Вотъ какъ высчитываетъ Генъ движеніе батраческаго хозяйства за первую половину нынѣшняго столѣтія. Гупель, по его словамъ, опредѣлилъ приблизительное количество крестьянскихъ дворовъ ко времени 1789 г. въ 40.000, а комиссія, установленная впоследствии для введенія положенія 1849 г., нашла, что во время ея дѣйствій въ пользованіи ливляндскихъ крестьянъ находилось всего 584.430 тал. 58 гр.; слѣдовательно, если принять среднюю величину крестьянскаго участка въ 15 тал., то общее число крестьянскихъ участковъ около 1849 г. выразится цифрой 38.962 ²⁾. Такимъ образомъ, если Гупель мало уклонился отъ истины со своей приближенной цифрою, и если дѣйствительно средняя величина крестьянскаго участка отвѣчала въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія цифрѣ въ 15 тал., то къ 1849 г. крестьянскихъ участковъ оказалось слишкомъ на тысячу меньше, чѣмъ было въ концѣ прошлаго столѣтія, вмѣсто того, чтобы рѣзко увеличиться (за 60 лѣтъ времени!). Весьма вѣроятно, что цифра уничтоженныхъ дворовъ, выведенная при участіи двухъ приблизительно взятыхъ цифръ, неточна и лишь въ отдаленной степени приблизительно. Но фактъ уменьшенія района аренднаго хозяйства несомнѣненъ и находитъ себѣ подтвержденіе, между прочимъ, въ слѣдующемъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ мызныя правленія должны были, въ числѣ разныхъ свѣдѣній, довести приходскимъ судьямъ ³⁾ и о

¹⁾ А. Рунгстръ, Ист. крестьянск. сосл. въ Приб. губ., стр. 148.

²⁾ С. Нелъ, Die Intensität der livländisch. Landwirtschaft, Dorp., 1858, стр. 13—26.

³⁾ Судебно-административныя власти, выбиравшіяся изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ.

томъ, сколько крестьянской земли обращено подъ обработку мызнымъ способомъ въ ихъ имѣніяхъ съ 1804 г. по время донесенія. Нѣкоторыя изъ дѣлъ, принадлежащихъ бывшимъ приходскимъ судамъ и содержащихъ этого рода свѣдѣнія, были у меня подъ рукою. Изъ дѣла 2-го Деритскаго приходскаго суда видно, что изъ 30 имѣній, правленія которыхъ прислали свѣдѣнія,—19 показаны вовсе ничего не присоединившими къ мызнымъ землямъ, а 11 имѣній присоединили вмѣстѣ 1078 лофштелей $13\frac{2}{3}$ к. пашни и огородовъ¹⁾. Лофштель равняется $\frac{1}{4}$ десятины. Слѣдовательно въ районѣ одного 2-го Деритскаго приходскаго суда было присоединено болѣе 350 десятинъ пахотной земли и огородовъ. Замѣтимъ, что въ этомъ округѣ было еще 9 имѣній, изъ которыхъ одно сообщило лишь названіе присоединенной усадьбы безъ указанія ея размѣровъ, а 8 остальныхъ не сообщили никакихъ свѣдѣній, сославшись на необмежеванность имѣющейся у нихъ крестьянской земли²⁾. Изъ дѣла 2-го Рижскаго приходскаго суда³⁾ видно, что изъ 44 имѣній, приславшихъ свѣдѣнія, ничего не присоединили 24 имѣнія, то-есть, около половины. Изъ остальныхъ 20-ти—16 присоединили $1121\frac{51}{100}$ л. или болѣе 370 десятинъ пашни и огородовъ, одно присоединило всю крестьянскую землю, въ размѣрѣ $\frac{3}{4}$ гака, или, считая всего въ гакѣ среднимъ числомъ 171 лофш. сада и пахотной земли, болѣе 127 лоф., или 42 десятины, а три имѣнія присоединили не менѣе 203 лоф. или 67 дес.⁴⁾. Всего въ 43 имѣніяхъ присоединено не менѣе 1451 лоф. О 8 имѣніяхъ не имѣется никакихъ свѣдѣній въ дѣлѣ.

¹⁾ Въ этой цифрѣ есть и перелогъ, но приравненъ онъ къ пашнѣ по счету 8 лофштелей=1 лоф. пашни. Дѣла втораго Деритскаго приходскаго суда хранятся въ архивѣ комиссара по крестьянскимъ дѣламъ I участка Юрьевскаго уѣзда.

²⁾ Acta d. Einführungs-Commission, № 132, донесеніе 2-го Деритскаго приходскаго судьи комиссіи для введенія полож. 1849 г. отъ 22-го января 1853 г. за № 135.

³⁾ Хранятся въ архивѣ комиссара по крестьянскимъ дѣламъ I участка Рижскаго уѣзда.

⁴⁾ Въ гакѣ среднимъ числомъ 171 лоф. сада, перехода и пашни (считая 3 лоф. перехода=1 лоф. пашни), по Гагемейстеру, см. его Materialien z. ein. Gesch. der Landgüter Livlands, I, стр. 25. Его средняя цифра только приблизительная, едва ли даже добытая статистическимъ путемъ. Цифра „67 десятинъ“ добыта слѣдующимъ образомъ. Эти три имѣнія: Нахтигаль, Гренгофъ и пасторатъ Лоддигеръ, имѣютъ по гаковому списку всего $61\frac{1}{10}$ гак. Всѣ они присоединили, какъ видно изъ дѣла, не менѣе 88 лоф. саду и пашни (и перелогу) съ гака, слѣдовательно не менѣе 203 лоф. въ совокупности.

Оба эти дѣла взяты мною, какъ наиболѣе полныя свѣдѣніями по интересующему насъ предмету, такъ какъ остальные, попадавшіеся мнѣ подъ руку, страдаютъ еще болѣе значительными пробѣлами, чѣмъ эти. Въ общемъ данныя обоихъ этихъ дѣлъ можно принять за основаніе при вычисленіи приблизительной цифры всего пространства земель, присоединенныхъ до 1849 г. къ мызнымъ землямъ въ Лифляндіи. Въ упомянутыхъ дѣлахъ съ донесеніями мызныхъ правленій есть свѣдѣнія и о томъ, сколько гаковъ числится въ томъ или другомъ имѣніи по вакенбухамъ межевой ревизіонной комиссіи. Оказывается, что всего въ 30 имѣніяхъ 2-го Дерптскаго приходскаго суда 252⁶³/₁₄₀ гака; въ 40 имѣніяхъ 2-го Рижскаго—269³¹/₄₀; въ четырехъ имѣніяхъ, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній этого рода въ упомянутыхъ дѣлахъ, по вакенному списку 1832 г. числится всего 7²/₅ гака ¹⁾). Такимъ образомъ, всего въ 74 имѣніяхъ обоихъ приходско-судебныхъ округовъ было по межеванію ревизіонной комиссіи—529¹⁰¹/₁₄₀ гака. Если теперь взять количество присоединенной земли съ этого числа гаковъ за среднюю цифру, то получимъ, что на общее количество гаковъ въ частныхъ имѣніяхъ и пасторатахъ, определенное въ вакенномъ спискѣ 1832 г. цифрой 6.715²/₂₀, приходилось присоединенной земли не менѣе 18.418 ²⁾ лот. или 6.139 дес. или 59 кв. верстъ пашни и огорода (и перелога, считая 3 л. пер.=1 л. пашни).

Болѣе точныя свѣдѣнія о количествѣ присоединенныхъ земель могутъ быть установлены съ помощью рукописнаго матеріала, хранящагося въ Лифляндской ландратской коллегіи, куда, въ силу закона 1849 г., всѣ приходскіе суды Лифляндской губ. представляли свѣдѣнія, между прочимъ, и о количествѣ крестьянской земли, присоединенной къ мызнымъ землямъ въ первую половину нынѣшняго столѣтія. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, главнымъ образомъ, вѣроятно, въ тѣхъ, о которыхъ въ дѣлахъ приходскаго суда не имѣется свѣдѣній, присоединена была вся крестьянская земля. 14-го февраля 1842 г. на лифляндскомъ ландтагѣ, въ пылу спора съ бар. Нолькеномъ о мѣрахъ поднятія крестьянскаго быта, извѣстный Фелькерзамъ объявлялъ во всеуслышаніе, что ему лично извѣстны два случая уничтоже-

¹⁾ Патентъ Лифл. губ. правл. 1832 г. за № 43. Названія этихъ четырехъ имѣній: Штрембергсгофъ, Грейгофъ, Нахтигаль и паст. Лоддигеръ.

²⁾ То-есть, $\frac{6715 \cdot 145}{529}$. И откинулъ дробь, не важная при такихъ крупныхъ цифрахъ.

нія крестьянскихъ обществъ цѣликомъ, до единого двора ¹⁾). Ораторъ не называлъ этихъ случаевъ, но можно думать, что онъ имѣлъ въ виду, между прочимъ, имѣние своего противника, Нолькена, „Cabinna“²⁾, въ которомъ, если вѣрить свидѣтельству Ландратской коллегіи ³⁾, крестьянская земля вся была уничтожена къ 1849 г., хотя еще по гакенному списку 1832 г. составляла 148 талеровъ (1¹⁷/₂₀ гак.) ⁴⁾. Мнѣ извѣстны факты уничтоженія крестьянской земли цѣликомъ главнымъ образомъ въ небольшихъ имѣніяхъ, напримѣръ, въ Банусѣ (въ 1832 г. было 1³/₂₀ гака), въ Штрембергсгофѣ (въ 1832 году ³/₄ гака) ⁴⁾.

Легко себѣ представить, какое дѣйствіе на мѣстное крестьянское населеніе должна была произвести подобная урѣзка района аренднаго хозяйства. Передъ крестьяниномъ возникала дилемма: или поступать простымъ батракомъ на мызу, или отѣзжать къ другому помѣщику. Но прежде, чѣмъ избрать первый исходъ, дворохозяинъ, конечно, перепробуетъ всѣ остальные. Отѣздъ къ другому помѣщику, будучи самъ по себѣ сопряженъ съ расходами, былъ бесполезенъ уже потому, что сокращеніе аренднаго хозяйства было повсемѣстно въ Лифляндіи, и переселенецъ долженъ былъ истратить на мѣстѣ прибытіи такой же избытокъ предложенія арендныхъ силъ надъ спросомъ, какой заставлялъ его отѣхать отъ прежняго помѣщика. Такое положеніе дѣлъ заставляло дворохозяевъ придерживаться своихъ участковъ во что бы то ни стало и, слѣдовательно, тянуло арендныхъ цѣны кверху ⁶⁾. Барщинныя работы должны были сильно понизиться въ цѣнѣ. Это и было констатировано впоследствии, въ 1846 г., министерствами государствен-

¹⁾ *Todien*, Beiträge, Balt. Mon. 1892 г., Bd. XXVIII, стр. 718.

²⁾ Отъ 29-го января 1891 г. за № 48. Замѣчу при этомъ, что Фелькерзамъ и Нолькенъ оба были деритскіе помѣщики.

³⁾ Патентъ Лифм. губ. правл. 1832 г. за № 43. См. Деритскій уѣздъ.

⁴⁾ Свидѣніи о количествѣ гаконъ см. въ гакенномъ спискѣ. Имѣніе Банусъ принадлежало къ Деритскому уѣзду, такъ что не на эти ли два имѣнія: Банусъ и Кабинна, намекалъ Фелькерзамъ?

⁵⁾ „Прибавьте къ этому,—справедливо говоритъ Самаринъ,—естественную, до страсти доходящую, очень часто нерасчетливую привязанность крестьянина къ насиженному мѣсту, къ дому, который онъ выстроилъ или, по крайней мѣрѣ, чинилъ и поддерживалъ, къ полю, которое онъ удобрилъ, къ кустовой землѣ, которую онъ распахалъ, очистилъ, изъ которой создалъ пашню, и вы, конечно, согласитесь, что вовсе не трудно, пригрозивъ ему удаленіемъ изъ усадьбы, довести его до принятія условій, для него не только невыгодныхъ, но даже разорительныхъ“ (Окраины Россіи, I, стр. 90).

ныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ ¹⁾). Въ концѣ концовъ, первое холодное и дождливое лѣто (сухое и жаркое въ Прибалтійскомъ краѣ обыкновенно урожайное) должно было произвести крахъ крестьянскихъ хозяйствъ по всей Лифляндіи. И вотъ въ маѣ 1841 г. въ Ригѣ, передъ замкомъ генераль-губернатора трехъ Прибалтійскихъ губерній, собралась огромная толпа народа, заявляя о полномъ своемъ разореніи, о невозможности вести хозяйство при существующихъ аграрныхъ условіяхъ и о своемъ желаніи искать „теплыхъ странъ“, гдѣ имъ вѣсѣть было бы лучше. Эти „теплыя страны“ послужили призывомъ къ общему переселенію, и вскорѣ отовсюду къ Ригѣ, какъ къ сборному пункту, стали стягиваться обозы переселенцевъ „на югъ“. Такой неожиданный поворотъ дѣла лишалъ мѣстное дворянство какъ арендаторовъ, такъ и батраковъ. Губернское начальство приложило всѣ силы къ остановкѣ этого движенія. Помимо принятія энергичныхъ полицейскихъ мѣръ, немедленно учреждена была коммиссія для изслѣдованія на мѣстѣ причинъ движенія и присканія средствъ его остановить. Генераль-губернаторъ баронъ Паленъ лично отправился въ объѣздъ по Лифляндской губ., но, не смотря на все это, пришлось прибѣгнуть къ русской военной силѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого понадобились Лифляндіи и русскія деньги. Рядъ неурожаевъ вызвалъ здѣсь такой голодъ, что дворянство, бывшее собственно виновникомъ всѣхъ этихъ неурядицъ, обратилось въ 1844 г. за помощью въ Петербургъ. Императоръ Николай отпустилъ на Лифляндскую губернію 200.000 р. и до 50.000 четв. ржи. Кромѣ того, на 1845—1846 гг. былъ разрѣшенъ безошлинный ввозъ всякаго зерна во всѣ порты Лифляндской губ. ²⁾).

Всѣ эти событія обнаружили необходимость унороченія крестьянскаго быта законодательнымъ путемъ. Для выработки принциповъ новаго законодательства былъ учрежденъ въ Петербургѣ комитетъ изъ слѣдующихъ лицъ: ландмаршала Ф. Лиліенфельда, генерала бар. Палена, тайн. сов. бар. Гана, бар. Мейендорфа, генераль-адъютанта гр. Палена, министра внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскаго, министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева, тайнаго совѣтника Сня-

¹⁾ На засѣданіи Петербургскаго комитета въ 1846 г. тайный совѣтникъ Снявчинъ заявилъ, что, по свѣдѣніямъ министерствъ государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, крестьянскія повинности въ Лифляндіи совсѣмъ не соответствуютъ доходности земель, такъ какъ оцѣнены слишкомъ низко. *A. Tobien, Beiträge, Balt. Mon., Bd. XXIX, N. I, стр. 84.*

²⁾ *Tobien, Beiträge, Balt. Mon., Bd. XXVIII, стр. 730.*

вина, директора сельско-хозяйственной школы Байкова, одного члена государственныхъ имуществъ, ф. Самсона, ф. Фелькерзама, ландрата ф. Эттингена и уѣзднаго депутата барона Нолькена ¹⁾.

Этотъ комитетъ выработалъ, между прочимъ, слѣдующія основанія для будущаго законодательства.

Крестьянская арендная земля должна быть отдѣлена отъ мызной и предоставлена въ исключительное пользованіе крестьянъ, при чемъ за помѣщикомъ остается право только выбора арендатора, но ни въ какомъ случаѣ не обрабатыванія ея батраческимъ путемъ ²⁾. Арендные контракты не должны быть заключаемы на сроки менѣе 6 лѣтъ; инвентарь желательнo сохранять безъ дробленія на части послѣ смерти арендатора. Но самую оригинальную мѣрой, придуманной комитетомъ, была попытка обезпечить земельнымъ надѣломъ *мызныхъ батраковъ* на подобіе узаконенія 1809 г. относительно *крестьянскихъ батраковъ*. „Для основанія благоустройства мызныхъ батраковъ,—говорится въ пунктѣ 6-мъ постановленій комитета,—и для ихъ обезпеченія мызовладѣлецъ уполномочивается опредѣленную долю земли (*eine Quote Landes*)—именно 1½ лф. пашни въ каждомъ изъ трехъ полей вмѣстѣ съ принадлежащими къ тому лугами и выгономъ—отдѣлать отъ крестьянской земли для батрака. На тѣхъ имѣніяхъ, на которыхъ часть повинностной земли уже обращена въ мызную послѣ окончанія въ 1832 г. межеванія, эта земля должна быть принята въ расчетъ при отдѣленіи отъ крестьянской земли участковъ для батраковъ“ ³⁾.

Къ этимъ руководящимъ началамъ будущаго закона комитетъ присоединилъ еще принятое имъ предложеніе ландмаршала Лиліенфельда воспретить пока, до окончательной выработки закона, всякое дальнѣйшее присоединеніе крестьянскихъ земель къ мызнымъ.

Протоколъ съ этими и нѣкоторыми другими пунктами былъ одобренъ Государемъ, за исключеніемъ лишь одного пункта, касавшагося полицейской власти помѣщика надъ крестьянами. Затѣмъ была осно-

¹⁾ *Tobien, Beiträge, Balt. Mon., Bd. XXIX, стр. 82.*

²⁾ Это запрещеніе батраческаго способа обработки, будучи ясно выражено въ п. 2-мъ изложенія г. Тобиюмъ постановленій комитета, весьма двусмысленно изложено въ 3-мъ пунктѣ, именно вотъ какъ: „Поэтому, если даже помѣщикъ не принцетъ арендатора среди крестьянъ, то и тогда онъ не можетъ присоединить ее (крестьянскую землю) къ мызной, и долженъ обрабатывать ее *не иначе, какъ на основаніяхъ, имѣющихъ быть выработанными ближайшимъ ландтагомъ*“. Этимъ полномочіемъ ландтагъ воспользовался, какъ увидимъ, въ пользу помѣщиковъ.

³⁾ Такъ изложено это постановленіе у г. *Тобина*, см. его *Beiträge, Balt. Mon., Bd. XXIX, стр. 82—83.*

вана специальная, чисто-дворянская по личному составу, комиссія, съ цѣлью выработки предварительной редакціи новаго закона, для внесенія его на разсмотрѣніе ландтага. Изъ засѣданій этой комиссіи интересно одно, установившее размѣръ будущей прирѣзки крестьянской земли къ мызной для батраковъ. За основаніе былъ принятъ § 58-й ст. Положенія 1804 г., по которому на участкѣ величиною въ $\frac{1}{4}$ гака должно было быть не менѣе трехъ работниковъ. Одинъ изъ этихъ работниковъ, въ качествѣ хозяина, не долженъ былъ быть принятъ въ расчетъ. Выходило, такимъ образомъ, 8 человекъ на гакъ, или, считая по $4\frac{1}{2}$ лофш. пашни въ трехъ поляхъ на человека, 36 лофш. пашни на гакъ. Это и было признано законною нормой отрѣзки земель изъ разряда крестьянскихъ ¹⁾).

Этотъ расчетъ нельзя не признать крайне курьезнымъ. Законъ 1804 г. 58-й статьей регулировалъ распредѣленіе рабочихъ рукъ на *крестьянской* землѣ; слѣдовательно, эта статья, къ тому же потерявшая свою обязательную силу съ 1829 г., могла служить показателемъ числа *крестьянскихъ* батраковъ, но никакъ не *мызныхъ*, работавшихъ совсѣмъ на другой землѣ и при другихъ условіяхъ. Число мызныхъ батраковъ находилось въ зависимости отъ размѣровъ мызной земли, число крестьянскихъ—отъ размѣровъ крестьянской. При этомъ крестьянская и мызная земли постоянно зависѣли въ своихъ размѣрахъ одна отъ другой, увеличиваясь или уменьшаясь на счетъ другъ друга. Такимъ образомъ, еслибы ужъ устанавливать размѣръ земли, необходимой для устройства мызныхъ батраковъ въ зависимости отъ числа крестьянскихъ, то слѣдовало бы брать обратно пропорціональное, а никакъ не прямо пропорціональное къ нему отношеніе.

Впрочемъ, сама комиссія не придавала никакого серьезнаго, логическаго значенія изобрѣтенной ею цифрѣ. Дѣло въ томъ, что она сочла себя въ правѣ своею властью *отмѣнить* предназначеніе этихъ 36-ти лофштелей служить матеріаломъ для самостоятельнаго батрацкаго хозяйства. „Эта земля.—излагаетъ г. Тобинъ постановленіе комиссіи,—должна быть предоставлена въ полное свободное распоряженіе помѣщика, къ чему комиссію привело то соображеніе, что для крестьянскаго общества должно быть безразличнымъ, дѣйствительно ли на этой землѣ будутъ водворены батраки, или же доходомъ съ нея будетъ оплачиваемъ ихъ трудъ“ ¹⁾). Этимъ заключеніемъ дворянская

¹⁾ A. Tobien, Beiträge, Balt. Mon., Bd. XXIX, стр. 88.

¹⁾ A. Tobien, Beiträge, Balt. Mon., Bd. XXIX, стр. 89

комиссія раскрыла карты, показавъ, что заботилась о поддержкѣ не крестьянскаго хозяйства, а мызнаго!

Видоизмѣненіе, внесенное отъ себя дворянскою комиссіей, было, разумѣется, принято и ландтагомъ. Генераль-губернаторъ князь Суворовъ, извѣстный сторонникъ нѣмецкаго самоуправления, препровождая выработанный ландтагомъ проектъ съ такимъ измѣненіемъ, далъ о немъ весьма лестный отзывъ ¹⁾. Для окончательнаго проведенія его въ жизнь лифляндскому дворянству удалось добиться рассмотрѣнія его не въ обычномъ законодательномъ порядкѣ, не въ государственномъ совѣтѣ, а въ особомъ „остзейскомъ комитетѣ“, личный составъ котораго былъ болѣе благоприятенъ интересамъ лифляндскаго дворянства, чѣмъ составъ высшаго общенѣмецкаго законодательнаго учрежденія ²⁾. На основаніи журналовъ этого комитета Государь Николай Павловичъ утвердилъ проектъ закона 9-го іюля 1849 года.

Поземельныя отношенія помѣщика и крестьянъ такъ были устроены этимъ закономъ ³⁾:

Между крестьянской и мызною землею должна была быть проведена граница какъ на картахъ имѣній, такъ и въ натурѣ. За помѣщикомъ оставалось право пользоваться мызною землею, какъ ему было угодно, но крестьянскою—только путемъ отдачи ея въ аренду или продажи членамъ мѣстнаго волостнаго общества. Выѣстъ съ тѣмъ помѣщику было предоставлено право одновременно и не въ примѣръ будущему отдѣлять отъ крестьянской земли часть для *пріобщенія къ мызной*, въ количествѣ 36-ти лофштелей съ гака. Если помѣщикъ желалъ прирѣзати выѣсто пашни огородной земли, то каждый лофштель этой послѣдней долженъ былъ быть сочтенъ равнымъ лофштелю пашни. Если помѣщикъ присоединялъ перелогн, то могъ брать три лофштеля перелога выѣсто одного лофштеля пашни. Кромѣ пашни, помѣщикъ могъ присоединять луга и выгоны, но лишь въ пропорціи, равной отношенію отдѣленной пашни къ оставленной у крестьянъ ⁴⁾.

¹⁾ Ю. О. Самаринъ, Окраины Россіи, вын. I, стр. 76.

²⁾ Членами комитета были, главнымъ образомъ, генералы и тайные совѣтники съ нѣмецкими фамиліями, см. Самаринъ, Окр. Россіи, I, стр. 95. О порядкѣ утвержденія проекта закона см. Пол. Собр. Зак., т. XXIV, отд. I, № 23.385.

³⁾ Пол. 1849 г., ст. 7—21, II. С. З., т. XXIV, отд. I, № 23.385.

⁴⁾ „Лишь въ соразмѣрности пахотныхъ земель, такъ чтобы при отѣмѣ, на примѣръ, по 12 десятинъ (то-есть, 36 лофшт.) пахотной земли съ гака, было принимаемо въ соображеніе отношеніе остающейся въ пользованіи у крестьянъ земли этого рода къ отрѣзанной въ пользу помѣщика“, Пол. 1849 г., ст. 13.

За основаніе для расчета размѣровъ присоединенія были приняты результаты межеванія ревизіонной комиссіи (въ законѣ сказано: „регулированія 1804 года“). при чемъ изъ получавшагося числа лофштелей должно было быть вычтено то, что уже было присоединено помѣщикомъ съ 1804 г. (то-есть, вѣрнѣе съ 1826 г.).

Свобода выбора земель была ограничена лишь въ томъ смыслѣ, что „все пространство, такимъ образомъ присоединяемое къ мызной землѣ, не имѣть быть отрѣзываемо въ видѣ частицъ отъ каждаго оброчнаго участка, а исключительно отбираемо цѣлыми оброчными усадьбами въ полномъ ихъ составѣ.... Надлежитъ обращать вниманіе на то, чтобы выдѣляемая доля была отмежевана, по мѣрѣ возможности, въ видѣ большихъ неразобщенныхъ пространствъ. Случайное пересѣченіе или раздробленіе нынѣшнихъ оброчныхъ усадебъ не составляетъ при семъ законнаго препятствія“ (ст. 12).

„Для отдѣленія, на основаніи указанныхъ началъ, повинностной земли отъ мызной, каждое помѣстье, прежде всего, обязано испросить отъ мѣстнаго приходскаго судьи свидѣтельство, въ коемъ должно быть означено:

„а) сколько гаковъ крестьянской земли числится въ помѣстьѣ, по регулированію 1804 года;

„б) какая затѣмъ доля, по установленной въ § 8 соразмѣрности (то-есть, по 36 л. съ гака), имѣть быть прирѣзана къ мызнымъ дачамъ, и сколько повинностной земли должно быть отведено по закону;

„в) присоединена ли въ томъ помѣстьѣ послѣ регулированія 1804 г. нѣкоторая часть крестьянскихъ земель къ мызнымъ и, въ такомъ случаѣ, сколько именно лофштелей присоединено;

„г) надлежитъ ли, за вычетомъ уже присоединенныхъ дачъ, еще выдѣлить нѣкоторую часть крестьянской земли для причисленія къ мызной и, въ такомъ случаѣ, какое именно пространство имѣть быть выдѣлено“ (ст. 16).

По полученіи такого свидѣтельства отъ приходскаго судьи, мызное правленіе обязывалось въ теченіе года, со дня изданія уложенія, рѣшить, „гдѣ и въ какой мѣжѣ оно предполагаетъ отобрать присоединяемое къ мызнымъ дачамъ пространство“ (ст. 16).

Въ теченіе перваго же годичнаго срока должны были извѣщены мѣстныя крестьянскія общества о томъ, какія именно усадьбы причисляются на будущее время къ крестьянскимъ, а также должна была быть обозначена на планѣ имѣнія принадлежность этихъ усадебъ къ крестьянской землѣ.

На обозначеніе границъ въ натурѣ былъ положенъ пятилѣтній срокъ, со времени истеченія перваго годичнаго срока. „Въ противномъ случаѣ помѣстья, замедлившія исполненіемъ, имѣютъ быть принуждены къ тому судебнымъ порядкомъ“ (ст. 18). Во избѣжаніе могущихъ изъ этого выраженія возникнуть недоразумѣній о принудительности отдѣленія отъ крестьянской земли части для присоединенія къ мызной, въ ст. 19-й сказано: „Ни одно помѣстье не можетъ быть принуждено воспользоваться, вполне или отчасти, правомъ расширенія предѣловъ мызной земли“.

Земля, присоединяемая къ мызной и получившая наименованіе „квоты“, должна была сохранить на время свое податное свойство.

Когда границы проведены и въ натурѣ и на картахъ имѣній, то дальнѣйшее присоединеніе крестьянской земли къ мызной допускается лишь путемъ обмѣна желаемаго участка на равноцѣнный въ хозяйственномъ отношеніи участокъ мызной земли. Необходимыя условія для совершенія обмѣна: удостовѣреніе землемѣра въ равноцѣнности обмѣниваемыхъ участковъ и согласіе на обмѣнъ со стороны мѣстнаго волостнаго общества. „Соразмѣрное достоинство участка, передаваемого волости,—говоритъ ст. 129-я,—при обмѣнѣ, въ видѣ равноцѣннаго вознагражденія, имѣетъ быть доказано ревизорскимъ межеваніемъ и оцѣнкою. Затѣмъ мѣстный приходскій судъ, по разсмотрѣніи дѣла и по отобраніи показаній отъ волостнаго общества, приводитъ въ исполненіе предположенный обмѣнъ и совершаетъ о томъ письменный актъ“. Представителемъ волости въ такихъ случаяхъ является волостной судъ; согласіе выражается простымъ большинствомъ голосовъ“ (ст. 128—130).

Въ арендныхъ отношеніяхъ отдатчика земли и наниматели было сохранено проведенное въ законѣ 1819 г. начало вполне свободнаго соглашенія между обоими контрагентами. Положеніе 1849 г. ограничилось лишь признаніемъ барщины несомнѣнною преградой для развитія крестьянскаго благосостоянія, въ учрежденіи поземельнаго банка, какъ способа постепеннаго перехода къ денежно-аренднымъ отношеніямъ. На этотъ банкъ возлагалась еще другая задача: способствовать скорѣйшему переходу отъ аренднаго содержанія къ владѣнію на правѣ собственности. „Дворянство,—говоритъ ст. 5-я,—учреждаетъ въ видѣ способа къ достиженію сказанной цѣли крестьянской непрерывно-доходный банкъ, который, открывая имъ (крестьянамъ) соразмѣрный кредитъ, открываетъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность перехода къ прочнымъ денежно-аренднымъ отношеніямъ, произвольнымъ не-

рѣшѣніямъ не подлежащимъ и *постепенно превращающимся*, посредствомъ незначительной ежегодной уплаты, въ права прямой поземельной собственности⁴. Дѣятельность этого банка въ отношеніи покупокъ земли очень походила на операціи крестьянскаго банка по внутреннимъ губерніямъ имперіи, съ тою лишь существенною все-таки разницей, что ливондскій банкъ не ссуды выдавалъ на покупку, а обезпечивалъ за собою будущій доходъ крестьянина въ качествѣ уплаты за перешедшій въ его собственность участокъ, при чемъ получалъ и право прерывать эти отношенія, если крестьянинъ нарушитъ тѣ или другія обязательныя постановленія закона о способѣ пользованія участкомъ (ст. 25—86).

Хотя отъ несоглашенія въ арендныхъ условіяхъ страдаетъ главнымъ образомъ арендаторъ, однако въ законѣ 1849 года допущены нѣкоторыя льготы только для помѣщика. Если, напримѣръ, какая нибудь часть крестьянской земли послѣ изданія закона оставалась не заарендованной, то помѣщикъ могъ обрабатывать ее непосредственно, съ помощью батрацкаго труда въ продолженіе шести лѣтъ, съ единственнымъ условіемъ: не присоединять ея къ мызнымъ землямъ; по истеченіи этого срока помѣщикъ терялъ право на непосредственное заведываніе ею до тѣхъ поръ, пока она не побываетъ снова въ арендѣ у крестьянина (арендные контракты заключаются на сроки не менѣе 6 лѣтъ, — ст. 143). Если же крестьянскіе участки оставались не заарендованными до изданія закона 1849 г., то помѣщикъ пріобрѣталъ право непосредственнаго заведыванія ими и на болѣе продолжительные сроки (до 12-ти лѣтъ), по истеченіи которыхъ эти участки должны были предварительно побывать по крайней мѣрѣ въ такой же продолжительной арендѣ у крестьянина, чтобы потомъ помѣщикъ могъ снова получать право обрабатывать ихъ непосредственно, однако уже не долѣе шести лѣтъ (ст. 131—135).

Сущность этихъ постановленій превращала крестьянскую землю въ полу-арендную, полу-мызную, тогда какъ статья 126-я того же Положенія торжественно провозглашала, что *„помѣщикъ не властенъ, ни въ какомъ случаѣ и ни по какому бы то ни было поводу, ни непосредственно, ни посредствомъ пользоваться повнѣшностною землею иначе, какъ посредствомъ отдачи оной въ арендное содержаніе или продажи членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ“*. Двойственный характеръ крестьянской земли давалъ помѣщику возможность почти безубыточно для себя играть арендными цѣнами, какъ ему было угодно, такъ какъ въ половинѣ случаевъ послѣ отказа арен-

датора онъ имѣлъ право обрабатывать арендную землю непосредственно. Между тѣмъ положеніе крестьянина въ случаѣ разстройства сдѣлки было обставлено законодательствомъ гораздо хуже. Если его договорныя отношенія съ помѣщикомъ были уже денежно-арендные, то ему оставался одинъ исходъ—покидать участокъ; если же отношенія были еще барщинныя, то онъ могъ подать жалобу въ приходскій судъ на чрезмѣрную высоту требованій помѣщика; въ такомъ случаѣ для присутствованія при разбирательствѣ отъ обѣихъ сторонъ является въ судъ по депутату. Если приходскій судъ признаетъ жалобу основательною, то особая „приходская коммиссія“ переоцѣниваетъ повинности по правиламъ вакенбуховъ ревизіонной коммиссіи. „Эти приходскія коммиссіи состояются въ округѣ каждаго приходскаго суда изъ предсѣдателя, избираемаго дворянствомъ на три года, изъ члена—по назначенію помѣщика, на котораго приносится жалоба, и изъ члена по избранію крестьянъ той общины, изъ которой поступаетъ жалоба, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній не принадлежалъ самъ къ этому помѣстью“ (ст. 149). Изъ этой статьи видно, во первыхъ, что коммиссія состоитъ изъ двухъ дворянъ и лишь одного не дворянина; кромѣ того, депутатъ помѣщика назначается имъ самимъ, тогда какъ депутатъ крестьянина—тѣмъ обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ. Но даже если признать, что коммиссія была на высотѣ своего третейскаго положенія, то и тогда нужно помнить, что помѣщикъ всегда, во время дѣйствія контракта, могъ перейти съ барщинныхъ условій на денежно-арендныя, при чемъ арендатору, если онъ съ этимъ былъ несогласенъ, предоставлялось прекратить контрактъ, и только ¹⁾).

Такимъ образомъ, если взять законъ 1849 г., какъ попытку исправить недостатки крестьянскаго положенія по указаніямъ событій сороковыхъ годовъ, то приходится констатировать слѣдующее. Эти событія причиной бѣдствія выставляли право помѣщика сокращать площадь аренднаго хозяйства и свободнымъ арендными отношеніями между нимъ и крестьянами. Одно давало ему возможность повышать арендные цѣны до крайней степени; другое—ничего не терять въ случаѣ отказа крестьянина отъ аренды. Но такъ какъ этотъ же отказъ для другой стороны, для крестьянина, имѣлъ своимъ послѣдствиемъ боль-

¹⁾ Ст. 109—112. Ст. 111: „арендаторъ не въ правѣ противиться введенію денежной оброчки, но властенъ безпрепятственно отказаться отъ аренднаго контракта“.

шія издержки по ликвидаціи прежняго хозяйства, по обзаведенію новымъ и по передвиженію на другое мѣсто, а также взамѣнъ насильственнаго мѣстечка открывалъ неизвѣстное и сомнительное будущее, то крестьянинъ нерѣдко соглашался принять условія, прямо для него разорительныя, лишь бы не оставлять своего участка. Чтѣ же дало крестьянству Положеніе 1849 г.? Первымъ дѣломъ оно сократило районъ именно аренднаго хозяйства, будто бы въ пользу батраковъ, на самомъ же дѣлѣ въ пользу мызнаго хозяйства. Если на это соглашались такіе члены петербургскаго комитета, какъ графъ Киселевъ, то, вѣроятно, подъ вліяніемъ увѣренности, что эта отрѣзываемая часть земли дѣйствительно послужитъ для образованія самостоятельнаго хозяйства батраковъ, какъ первой ступени къ будущему, можетъ быть, обращенію ихъ въ разрядъ крестьянъ-дворохозяевъ. Но, какъ мы видѣли, эта цѣль, хотя отчасти оправдывавшая уменьшеніе крестьянскихъ земель, была вовсе оставлена въ сторонѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у факта уменьшенія крестьянскихъ земель была отнята всякая цѣлесообразность съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ. Это, впрочемъ, было не ошибкою со стороны дворянства, а вполне сознательнымъ и рассчитаннымъ шагомъ, какъ видно изъ того необычнаго хода, которымъ былъ проведенъ проектъ Положенія на возвращеніе и утвержденіе Государя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ 1849 года сохранилъ начало полной свободы въ арендныхъ отношеніяхъ помѣщика и крестьянъ, хотя это начало, будучи проведено въ Положеніи 1819 года, уже было скомпрометтировано, вмѣстѣ съ принципомъ батраческаго хозяйства, событіями сороковыхъ годовъ. Мало того, въ то время, какъ крестьянинъ ничѣмъ не вознаграждался въ случаѣ несоглашенія его на счетъ арендной платы съ помѣщикомъ и слѣдовательно былъ въ этомъ случаѣ оставляемъ совершенно на волю судьбы, помѣщикъ въ этомъ же случаѣ получалъ при извѣстныхъ условіяхъ право непосредственнаго, мызнымъ способомъ, завѣдыванія участкомъ даже той земли, которая отъ мызнаго хозяйства отдѣлялась якобы непреходимою чертой.

II.

Въ настоящей главѣ я нѣсколько подробнѣе останавлиюсь на ходѣ и формахъ образованія квоты, то-есть, того разряда земель, который образовался отъ присоединенія крестьянскихъ участковъ къ мызнымъ землямъ.

Надзоръ за точнымъ и неукоснительнымъ проведеніемъ въ жизнь закона 1849 года былъ возложенъ на особую „Коммиссію для введенія крестьянскаго и аграрнаго Положенія 1849 года“. Личный составъ ея былъ слѣдующій: предсѣдатель—рижскій гражданскій губернаторъ и члены: очередной ландратъ, совѣтникъ мѣстной палаты государственныхъ имуществъ, два депутата отъ дворянства и депутаты отъ Риги, какъ представитель городовъ Лифляндской губерніи ¹⁾. Дѣйствія этой коммиссіи по разъясненію и приведенію во взаимное согласіе разныхъ статей Положенія должны были происходить подъ высшимъ руководствомъ генералъ-губернатора Прибалтійскаго края. Впрочемъ руководство это было въ значительной степени номинальнымъ. Хотя коммиссія неоднократно испрашивала разрѣшенія генералъ-губернатора на то или другое разъясненіе, на тотъ или другой свой циркуляръ, но не было, кажется, случая, когда коммиссія не настояла бы на своемъ взглядѣ, заставляя своего „руководителя“ (кн. Суворова) мѣнять свое первоначальное рѣшеніе ²⁾. Фактическимъ руководителемъ введенія Положенія 1849 года былъ секретарь коммиссіи, докторъ правъ Дерптскаго университета фонъ-Эттингенъ, большой знатокъ крестьянскаго дѣла въ Лифляндіи. Его рукой писаны черновики всѣхъ отношеній, представленій, предписаній, журналовъ и докладовъ коммиссіи.

Коммиссіи пришлось принять довольно дѣятельное участіе въ рас-

¹⁾ Пол. 1849 г., ст. 1181—1182.

²⁾ Въ архивѣ коммиссіи, хранящемся теперь при губернской по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи въ Ригѣ, имѣется не мало любопытныхъ указаній на это обстоятельство. См., напримѣръ, въ дѣлѣ № 70 „betreffend die Vermarkung des Gehorchtslandes“ слѣдующую переписку: По вопросу о тѣхъ имѣніяхъ, которыя еще до 1849 года присоединили больше, чѣмъ 36 лотштедтскія съ гака, представленія коммиссіи отъ 10-го марта и 31-го мая 1852 года за №№ 168 и 776, предложеніе генералъ-губернатора отъ 29-го марта 1852 года за № 258 и, наконецъ, циркуляръ коммиссіи приходскимъ судьямъ отъ 18-го іюля 1852 года за №№ 808—835; по поводу одного выраженія въ и. е. ст. 16-й—представленія коммиссіи отъ 19-го іюня и 18-го сентября 1851 года за №№ 612 и 726, предложеніе генералъ-губернатора отъ 22-го октября 1851 года за № 1619 и циркуляръ коммиссіи отъ 9-го ноября 1851 года за №№ 1175—1202; по вопросу о полицейскомъ имѣнительствѣ приходскихъ судей въ дѣло испрошенія кнотныхъ свидѣтельствъ—представленія коммиссіи отъ 29-го сентября 1851 года и 10-го марта 1852 года за №№ 915 и 184, предложенія генералъ-губернатора отъ 22-го октября 1851 г. и 29-го марта 1852 г. за №№ 1620 и 202 и циркуляръ коммиссіи отъ 12-го апрѣля 1852 г. за №№ 594—621.

толкованіи закона, такъ какъ приведеніе его въ дѣйствіе сопровождалось возникновеніемъ неоднократныхъ недоразумѣній ¹⁾).

Однимъ изъ первыхъ былъ возбужденъ вопросъ: какъ понимать въ выраженіи статьи 8-й о прирѣзкѣ къ квотной пашнѣ „соразмѣрнаго количества луговъ и выгоновъ“ слово „соразмѣрнаго“ въ случаѣ, если усадьба не цѣликомъ присоединяется къ имѣнію, а лишь частью, такъ что другая часть ея остается въ разрядѣ крестьянской земли? „Соразмѣрнаго“—съ чѣмъ?—съ количествомъ всей крестьянской земли имѣнія, или только данной усадьбы въ отдѣльности? То-есть, положимъ, на каждую единицу крестьянской пашни такого-то имѣнія приходится въ среднемъ 3 единицы сѣнокоса и выгона, а въ усадьбѣ, пашни которой отрѣзается только частью въ разрядъ квоты, пропорція пашни къ сѣнокосу и выгону равняется 1 5. Вотъ приходскій судья 2-го Рижскаго округа и представилъ на разрѣшеніе комиссіи вопросъ: „по сколько сѣнокоса нарѣзать въ такихъ случаяхъ, по 3 или по 5 единицы?“ Этотъ вопросъ осложнился въ умѣ того же судьи еще новымъ недоумѣніемъ: что брать за исходную точку расчета упомянутой „соразмѣрности“—пространство ли луговъ къ пространству пашни, или же взаимное отношеніе талерныхъ стоимостей того и другаго разряда земель? Пользуясь аналогіями, именно въ одномъ случаѣ примѣнялась къ 13-й статьѣ того же закона ²⁾, въ другомъ руководясь тѣмъ, что на картахъ имѣнія обозначено пространство луговъ, а не ихъ качество,—комиссія разъяснила первый вопросъ въ смыслѣ соразмѣрности между разными частями раздѣляемой усадьбы, а второй въ смыслѣ соразмѣрности пространственной, а не талерной ³⁾.

Особенно много подвергся интерпретаціи комиссіи 16-й параграфъ. Впервыхъ, было поневолѣ перемѣщено самое основаніе расчета—„регулированіе 1804 года“, такъ какъ въ 1804 году никакого регулированія не было, а началось оно въ одинъ изъ послѣдующихъ годовъ, главнымъ образомъ въ 1809 году, и продолжалось до 1829 года, то-есть, около 20 лѣтъ. Вакенбухами этого регулированія и были замѣщены несуществующіе вакенбухи регулированія 1804 года. Для

¹⁾ При ссылкахъ на дѣла комиссіи я буду пользоваться сокращеннымъ ея наименованіемъ „Einführungs-Commission“.

²⁾ См. прим. 4 на стр. 221.

³⁾ Циркуляръ комиссіи отъ 18-го сентября 1851 г. за № 760—787, Act. Einführ.-Commiss., № 70, „betreff. die Vermerk. d. Gehorchsl.“. Запѣчу, что этотъ, равно какъ и тѣ циркуляры, содержаніе которыхъ ниже излагается, разосланы послѣ предварительнаго формальнаго испрошенія согласія генералъ-губернатора.

тѣхъ же имѣній, которыя и въ это время не были обмежеваны, было предписано принимать въ основаніе труды всѣхъ слѣдовавшихъ за ревизіонной комиссіей межевыхъ учреждений, которыя дѣйствовали въ правилахъ, установленныхъ закономъ 1804 года ¹⁾. Тѣмъ же имѣніямъ, которыя не были обмежеваны за періодъ времени 1804—1849 годовъ, комиссія предоставляла на выборъ или тотчасъ же обмежеваться по правиламъ 1804 года и на основаніи результатовъ этого межеванія произвести отдѣленіе квоты въ порядкѣ, указанномъ закономъ 1849 года, или принять за основаніе гакенный списокъ, составленный, между прочимъ, и по такъ называемымъ конвенціоннымъ вакенбухамъ, и въ такомъ случаѣ опять-таки или отмежевать отъ крестьянской земли по 36 лофнтелей на гакъ при условіяхъ, указанныхъ въ законѣ, или же отиѣтить въ качествѣ повинностной земли $\frac{1}{3}$ того числа гаковъ, которое значится по списку 1832 года, а остальное взять въ разрядъ квоты ²⁾. Вслѣдствіе того, что все наличное количество землемѣровъ было расхвачено по рукамъ тѣми помѣщиками, которые ранѣе другихъ успѣли получить указанныя въ статьѣ 16-й квотныя свидѣтельства и уже осуществляли отдѣленіе въ своихъ имѣніяхъ повинностной земли отъ мызной, — многіе владѣльцы необмежеванныхъ имѣній, предпочитая другимъ все-таки первый выходъ, указанный въ только-что приведенномъ циркулярѣ комиссіи, обратились къ послѣдней съ просьбой объ установленіи болѣе продолжительныхъ сроковъ для производства ихъ операцій. Комиссія циркуляромъ отъ 21-го января 1853 года за № 43—70 ³⁾ разъяснила приходскимъ судьямъ для дальнѣйшаго распространенія среди помѣщиковъ, что она на всѣ такіе случаи кладетъ трехлѣтній срокъ, считая его съ 18-го іюля 1852 года, какъ со дня изданія ея циркуляра о способахъ отдѣленія земель въ необмежеванныхъ имѣніяхъ.

Одинъ приходской судья возбуждалъ вопросъ, принимать ли во вниманіе при расчетѣ законныхъ размѣровъ квоты такъ называемые „водные гаки“ (Wasserhaken). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія вотчинникъ иногда уступалъ право рыбной ловли мѣстнымъ крестьянамъ за

¹⁾ Напримѣръ, труды частныхъ или присяжныхъ дворянскихъ земле мѣровъ въ свое время официально признанные произведенными правильно. Циркуляры комиссіи отъ 10-го марта 1852 года за №№ 140—1 67, Act. Einf.-Comm., № 70 „betr. d. Verm. d. Gehorchsl.“.

²⁾ Циркуляры комиссіи отъ 18-го іюля 1852 г. за №№ 841—868, Act. Einf.-C., № 70, „b. d. Verm. d. Geh.“.

³⁾ Act. Einf.-C., № 70, „b. d. Verm. d. Geh.“.

повышеніе въ извѣстныхъ размѣрахъ талерной стоимости отданныхъ имъ въ аренду усадебъ. Сумма этихъ надбавокъ и составляла въ нѣкоторыхъ случаяхъ „водяной гакъ“. Возникъ вопросъ: принимать ли его во вниманіе при расчетѣ квотнаго свидѣтельства? Для помѣщиковъ было бы выгодно—принимать, но вмѣстѣ съ тѣмъ было слишкомъ ясно, что Положеніе 1849 года устанавливало размѣры квоты въ пропорціи къ землѣ, а не ко всему тому, что могло быть когда либо занесено въ вакенбухъ въ качествѣ талерной цѣнности. Поэтому коммиссія совершенно справедливо разрѣшила этотъ вопросъ отрицательно: не принимать ¹⁾).

Нельзя того же сказать о другомъ разъясненіи коммиссіи, отмѣнившемъ, прямо въ разрѣзъ съ требованіемъ закона, одну очень важную гарантію сохранности крестьянскихъ интересовъ. Именно пунктомъ в статьи 16-й требуется помѣщать въ квотныхъ свидѣтельствахъ вслѣдъ за указаніемъ: „какая доля, по установленной въ § 8 соразмѣрности, имѣетъ быть прирѣзана къ мызнымъ дачамъ“, также указаніе: „сколько *новинностной* земли вообще должно быть *отведено* по закону“. Отведено въ смыслѣ „установлено“—und wie viel Gehorchsland überhaupt einzurichten ist, сказано въ нѣмецкомъ текстѣ закона. Это потъ послѣднее указаніе коммиссія нашла возможнымъ вовсе выкинуть изъ формы квотныхъ свидѣтельствъ, предложивъ циркулярно приходскимъ судьямъ не обращать на него вниманія ²⁾). На такое разъясненіе коммиссія получила согласіе генераль-губернатора лишь послѣ вторичнаго представленія, такъ какъ первое было совершенно справедливо имъ отклонено. Въ этомъ эпизодѣ все странно. Вопервыхъ, генераль-губернаторъ выказалъ себя на столько безхарактернымъ, что допустилъ явное измѣненіе весьма важнаго пункта статьи 16-й, именно устраненіе обозначенія всего того количества крестьянской земли, которое, за образованіемъ квоты, должно впредь оставаться въ пользованіи крестьянъ. Опредѣленіе этого количества, идущее бокъ-о-бокъ съ указаннымъ въ статьѣ 17-й проведеніемъ на картахъ нѣнія границы между мызной и крестьянской землей, потому особенно важно, что въ случаѣ потери или гибели какимъ нибудь образомъ карты оставался бы еще документъ съ приблизительнымъ указаніемъ размѣровъ крестьянской земли. Вовторыхъ, изумителенъ доводъ въ пользу этой

¹⁾ Цирк. отъ 12-го апрѣля 1852 г. за №№ 561—588, Act. Ein.-C., № 70, „betr. d. Verm. d. Geh.“.

²⁾ Цирк. отъ 9-го ноября 1851 г. за №№ 1175—1202, Act. Ein.-C., № 70, „b. d. Verm. des Geh.“.

отмѣны, выставленный комиссіей: именно невозможность опредѣлить талерную цѣнность остающейся крестьянской земли, прежде чѣмъ помѣщикъ окончательно не укажетъ, какія усадьбы предназначаются имъ къ отдѣленію въ разрядъ квоты, а это указаніе будто бы возможно только послѣ того, какъ помѣщикъ узнаетъ отъ приходскаго суда законные размѣры квоты въ его имѣніи. Между тѣмъ, какъ это видно изъ дѣлъ, приходскій судья составлялъ квотное свидѣтельство на основаніи тѣхъ документовъ и тѣхъ личныхъ показаній, которыя сообщалъ ему помѣщикъ. Слѣдовательно, послѣдній всегда зналъ, какъ будутъ опредѣлены размѣры его законныхъ правъ на квоту, и, стало быть, ничто не мѣшало ему одновременно съ просьбой о выдачѣ свидѣтельства указать, какія именно усадьбы и какой величины по вакепбуху ревизіонной комиссіи обращаетъ онъ въ квоту. Въ доказательство того, что это и въ самомъ дѣлѣ не создавало препятствій, я могу сослаться на нѣкоторые хранящіеся въ архивахъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ дѣла бывшихъ приходскихъ судовъ о выдачѣ квотныхъ свидѣтельствъ, напримѣръ, на дѣло 2-го Рижскаго приходскаго суда, изъ котораго видно, что многія, почти всѣ, мызныя правленія такъ и дѣлали, то-есть, одновременно съ просьбой о выдачѣ имъ свидѣтельства представляли указанія, какія именно усадьбы предназначаются ими къ обращенію въ квоту ¹⁾. Мало того, часть квотныхъ свидѣтельствъ, выданная приходскими судьями до полученія этого циркуляра, содержитъ въ себѣ такіе указанія ²⁾. Такимъ образомъ, невозможность своевременнаго полученія такихъ указаній создана воображеніемъ канцеляріи комиссіи для введенія. Кромѣ того, не ясно, почему подъ выраженіемъ „сколько“ комиссія понимала „сколько талеровъ“, а не „сколько лофштелей“. Аналогія другихъ статей, говорящихъ только о лофштеляхъ, да и самъ здравый смыслъ, — такъ какъ талерная цѣнность есть вещь перемѣнчивая, — единогласно

¹⁾ Это дѣло хранится у комиссара 1-го участка Рижскаго уѣзда. Любопытно прослѣдить по этому дѣлу, какъ мызныя правленія присылали указанія усадьбъ, предназначенныхъ къ обращенію въ квоту, а приходскіе судьи не заносили этихъ указаній въ квотныя свидѣтельства, вопреки закону, но въ силу распоряженія комиссіи, руководившейся невозможностью своевременнаго полученія такихъ указаній.

²⁾ Напримѣръ, вотъ какъво содержаніе пункта 2-го квотнаго свидѣтельства, выданнаго 5-мъ Рижскимъ приходскимъ судьей 8-го октября 1851 года за № 703 правленію имѣнія Оргисгофъ: „dass demnach dem Hofe von diesem Bauerlande 203½, Loffstellen Acker überhaupt zufallen und 574½, Loffstellen als Gehurchsland gesetzlich einzurichten sind“.

указываютъ, что подъ выраженіемъ: „сколько вообще повинностной земли должно быть отведено по закону“, нужно подразумѣвать пространство, а не талерную цѣнность земли ¹⁾). Какъ бы то ни было, подъ прикрытіемъ вышеприведенныхъ рискованныхъ соображеній, важная для будущаго гарантія цѣлости крестьянской земли была откинута прочь.

Въ той же статьѣ 16-й сказано, что изъ общей суммы законныхъ размѣровъ квоты нужно вычитать уже ранѣе, за время съ 1804 года по 1849 годъ, присоединенное къ мызнымъ землямъ. Практика многихъ приходскихъ судовъ потребовала разрѣшенія вопроса, какъ быть съ тѣми имѣніями, въ которыхъ до 1849 года присоединено болѣе дозволеннаго закономъ этого года. Въ виду того, что законъ не могъ имѣть обратной силы, коммиссія предложила приходскимъ судьямъ обязать такія имѣнія ничего болѣе не присоединять къ мызнымъ землямъ и отмѣтить у себя какъ на картахъ, такъ и въ натурѣ всю остальную землю повинностной ²⁾).

Въ виду того, что нѣкоторые приходскіе судьи, не получая отзвѣтовъ отъ помѣщиковъ на свои циркуляры съ предложеніемъ послѣднихъ испрошеніемъ кроткихъ свидѣтельствъ, считали возможнымъ принимать это за молчаливый отказъ помѣщиковъ отъ пользованія тѣми правами, которыя имъ предоставлялись новымъ Положеніемъ, коммиссія разъяснила, что право помѣщика касается только образованія квоты, при чемъ воля его въ этомъ вопросѣ должна быть опредѣленно имъ самымъ выражена, все же остальное, какъ-то: отдѣленіе земли въ натурѣ и на планахъ, увѣдомленіе волостнаго общества и т. п., составляетъ его *обязанность*, принудить къ исполненію которой долженъ, въ случаѣ отказа или небреженія, приходскій судъ, и именно въ лицѣ своего предсѣдателя, приходскаго судьи ³⁾).

Въ виду того, что межевщики были расхвачаны по рукамъ нѣсколькими мызными правленіями, коммиссія разрѣшила остальнымъ въ случаѣ дѣленія усадебъ на части при отдѣленіи квоты отъ повинностной земли самимъ нанести на карты имѣній предварительныя

¹⁾ Такъ поняли законъ и тѣ приходскіе судьи, которые успѣли до циркуляра коммиссіи выдать свидѣтельства, напримѣръ, 5-й Рижскій приходскій судья. См. предыдущее примѣчаніе.

²⁾ Цирк. отъ 18-го іюля 1852 г. за №№ 808—835, Act. Ein.-C. №, 70, „b. d. Verm. d. Gehorch.“.

³⁾ Циркуляры отъ 12-го апрѣля и 31-го октября 1852 г. за №№ 594—621 и 1118—1145, Act. Ein.-C., № 70.

тонкія линіи границъ съ тѣмъ, чтобы когда явится возможность воспользоваться услугами межевыхъ чиновъ, послѣдніе провели эти линіи прочно и окончательно ¹⁾).

Въ общемъ, процедура отдѣленія земель съ образованіемъ квоты происходила очень вѣло и медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ полагалось законодательствомъ. На выдачу свидѣтельствъ и на увѣдомленіе мѣстнаго волостнаго общества объ имѣнахъ усадьбы, обращаемыхъ въ квоту, закономъ полагался годъ времени, считая со дня опубликованія закона. Такимъ образомъ срокъ для этой процедуры истекалъ въ концѣ 1850 г. Между тѣмъ въ докладной запискѣ секретаря комиссіи фонъ-Эттингена предсѣдателю, помѣченной 4-го *юли* 1852 г., говорится, что, за исключеніемъ 1-го Перновскаго приходскаго округа, ни въ одномъ другомъ не закончена часть разграниченія, на которую назначался годъ времени. Какъ послѣ оказалось, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одно только полученіе свидѣтельствъ затянулось до конца 1853 г. и даже до начала 1854 г. ²⁾. „Причины такого замедленія,—говорится въ докладной запискѣ,—заключаются главнымъ образомъ въ недостаточномъ наличномъ количествѣ землебровъ, въ непониманіи закона мызными правленіями, въ отсутствіи владѣльцевъ имѣній, повизнѣ дѣла и пробѣлахъ въ законѣ (*Lückenhaftigkeit des Gesetzes*)“ ³⁾. Вслѣдствіе этого доклада комиссія 12-го сентября 1852 г. постановила предписать всѣмъ приходскимъ судьямъ, за исключеніемъ 1-го Перновскаго и 1-го Венденскаго, доставлять ежемѣсячными свѣдѣнія о ходѣ выдачи свидѣтельствъ и только двумъ вышепоименованнымъ судьямъ нашла своевременнымъ предложить приступить къ обозначенію границъ въ натурѣ ⁴⁾.

Этими донесеніями приходскихъ судей раскрывается необыкновенно разнообразная картина возникновенія квоты въ Лифляндской губерніи.

Обычный порядокъ составленія свидѣтельствъ заключался въ при-

¹⁾ Циркуляръ отъ 22-го янв. 1853 г. за №№ 77—104, Ас. Einf.-Com., № 125, „betreff. die Abth. d. Gehorcht. im 3 Wendenssch. Bezirk“.

²⁾ Напримѣръ, изъ числа имѣній, находящихся въ районѣ б. 1-го Рижскаго приходскаго суда, им. Шмиллингергофъ получило свидѣтельство 15-го окт. 1853 г., пасторатъ Роденнойскъ — 18-го ноября того года, а пасторатъ Аллашъ — 20-го января 1854 г.

³⁾ Ас. Einf.-Com., № 70, докладъ 4-го *юли* 1852 г.

⁴⁾ Ас. Einf.-Com., № 70. Циркуляръ былъ разосланъ 30-го сент. 1852 г. за №№ 979—1006. Всего приходскихъ судей—28.

ссылкѣ мызными правленіями вмѣстѣ съ вакенбухами свѣдѣній о размѣрахъ присоединенія съ 1804 г. Кажется, всѣ судьи провѣряли эти свѣдѣнія путемъ опроса представителей мѣстнаго волостнаго общества. Но крайней мѣрѣ мыѣ не попадалось прямаго указанія на то, чтобы кто либо изъ нихъ, довѣряя добросовѣстности мызныхъ правленій, вносилъ въ свидѣтельства сообщенныя ими свѣдѣнія безъ подобнаго опроса.

Большинство имѣній показано ничего не присоединившими съ 1804 г. и потому пользовалось правами, предоставленными закономъ 1849 г. въ полномъ размѣрѣ. Такъ, напримѣръ, во 2-мъ Дерптскомъ приходско-судобномъ участкѣ изъ 30 имѣній, о квотѣ которыхъ имѣются свѣдѣнія въ подлежащемъ дѣлѣ бывшаго приходскаго суда, 19 показаны ничего не присоединившими къ мызнымъ землямъ до 1849 г., а въ участкѣ 2-мъ Рижскаго приходскаго суда изъ 44 имѣній было такихъ всего 24 ¹⁾. Въ числѣ этихъ имѣній, не смотря на провѣрку доставленныхъ свѣдѣній путемъ опроса представителей волостнаго общества, было, вѣроятно, нѣсколько такихъ, которыя *несомнѣнно* значатся въ квотныхъ свидѣтельствахъ ничего не присоединившими. Я не дѣлалъ систематическаго разслѣдованія въ этомъ направленіи, но случайно мыѣ попался въ руки одинъ такой примѣръ. Именно, мызное правленіе имѣнія Оргисгофъ, принадлежавшаго къ району 5-го Рижскаго приходскаго суда, показано въ квотномъ свидѣтельствѣ отъ 8-го октябрия 1851 г. за № 705 ничего не присоединившимъ, тогда какъ еще въ 1846 г. изъ состава этого имѣнія былъ исключенъ путемъ продажи *мельнику* (Гринбергу), то-есть, не члену мѣстнаго волостнаго общества, крестьянскій земельный участокъ Вецъ-Земнѣкъ ²⁾.

Меньшинство имѣній состояло изъ такихъ, которыя показаны кое-что присоединившими до 1849 г. На 74 имѣнія въ двухъ вышеназванныхъ округахъ ихъ приходилось 31. Въ полученныхъ ими свидѣтельствахъ значилось, что, за вычетомъ уже присоединеннаго, они

¹⁾ Архивы комиссаровъ по кр. д. 1-го Рижскаго и 1-го Юрьевскаго уч., дѣла о выдачѣ квотныхъ свидѣтельствъ б. 2-мъ дерптскимъ и 2-мъ рижскимъ приходскими судьями.

²⁾ См. справку крѣпостнаго отдѣленія при Риги-Вольмарскомъ сѣздѣ мяровыхъ судей отъ 20-го янв. 1892 г. за № 360 и представленіе комиссара по кр. д. 1-го уч. Вольмарск. у. отъ 11-го марта 1892 г. за № 606 въ дѣлѣ б. комиссін кр. дѣла № ¹⁷/₉₀, хранящемся при Лифл. губ. по кр. д. присутствію.

имѣютъ присоединить не хватающее до нормы, указанной въ законѣ. Были и такія имѣнія, которыя успѣли присоединить въ большей пропорціи, нежели какая указана въ законѣ 1849 г. На округъ 2-го Рижскаго приходскаго суда такихъ имѣній оказалось четыре: именно имѣнія Гренгофъ, Штрембергсгофъ, Нахтигаль и пасторатъ Лоддигеръ. Изъ нихъ имѣніе Штрембергсгофъ успѣло присоединить къ мызнымъ землямъ всю крестьянскую землю, которой по гакенному списку 1832 г. было еще $\frac{3}{4}$ гака, то-есть, 60 талеровъ ¹⁾. Тѣ имѣнія, которыя еще до 1849 г. присоединили свыше нормы, вовсе не получали никакихъ свидѣтельствъ, напримѣръ, имѣніе Кава, такъ какъ такія свидѣтельства имѣли смыслъ и значеніе только для тѣхъ имѣній, которыя въ присоединеніи земель не дошли еще до нормы, указанной въ законѣ. Впрочемъ, и тутъ попадаются исключенія. Напримѣръ, имѣніе Екъ получило свидѣтельство, въ которомъ сказано, что присоединенная уже земля должна быть обозначена на картѣ мызой (Hofesland), а вся остальная крестьянская—повинностной ²⁾.

Одинъ фактъ сообщенія невѣрныхъ свѣдѣній попался мнѣ и въ разрядѣ этихъ имѣній. 12-го мая 1852 г., за № 223, 6-й Венденскій приходскій судъ донесъ комиссіи, что небольшое имѣнныце „Bahhus“, по сообщеннымъ правленіемъ имѣнія свѣдѣніямъ, имѣло когда-то всего одну крестьянскую усадьбу въ 26 тал. 13 гр., но что и эта усадьба уже много лѣтъ назадъ присоединена была къ мызнымъ землямъ. Между тѣмъ, еслибы этотъ приходскій судья навелъ справки въ гакенномъ спискѣ, то онъ бы нашелъ, что въ 1832 г. въ имѣніи Bahhus числилось $\frac{12}{20}$ гака, то-есть, 52 тал., или почти ровно вдвое больше. Донесеніе приходскаго судьи состоялось еще до циркуляра комиссіи отъ 18-го іюля 1852 г. за №№ 808—835, и онъ, съ недоумѣніемъ донося объ имѣніи Банусъ, испрашивалъ руководящихъ указаній: „mithin also zu viel eingeぞogen; was wird aber nun dabel zu thun sein?“ ³⁾.

Относительно того, въ какой разрядъ, квоты или мызныхъ земель, должны быть занесены земли, еще до 1849 г. присоединенныя къ

¹⁾ См. гакенный списокъ 1832 г., Рижскій уѣздъ, и дѣло б. 2-го Рижск. прих. суда о выдачѣ квотныхъ свѣдѣт., въ архивѣ комиссара по кр. д. 1 уч. Рижск. уѣзда.

²⁾ Ac. Einf.-Comm., № 120: „betreff. die Abtheilung d. Gehorchslandes im 4 ten Rig. Bezirk“, донесеніе судьи отъ 25-го ноября 1852 г., за № 2212.

³⁾ Ac. Einf.-Comm., № 71: „Berichte sämmtlicher Kirchspielsrichter über den Fortgang der Einrichtung des Gehorchslandes“.

мызнымъ полямъ, въ Положеніи 1849 г. нѣтъ прямыхъ указаній. Квотныя земли въ натурѣ сливались въ одинъ разрядъ съ мызными. но, участвуя въ разверсткѣ крестьянскихъ податей, онѣ заносились въ вакенбухъ наравнѣ съ крестьянскими усадьбами. Между тѣмъ нужно ли заносить въ вакенбухъ, въ отдѣлъ квоты тѣ усадьбы, которыя были присоединены къ мызнымъ землямъ до 1849 г.,—ни Положеніе, ни коммиссія не указали. Собственно говоря, въ виду того, что эти земли принимаются въ расчетъ при отдѣленіи квоты, слѣдовало бы и ихъ занести въ этотъ отдѣлъ. Но въ такомъ случаѣ это было бы обратнымъ дѣйствіемъ закона и слѣдовательно, чтобы быть ему *обязательнымъ*, необходимо прямое указаніе на это въ законѣ. Однако, въ законѣ нѣтъ по этому предмету никакихъ указаній. Поэтому каждое имѣніе поступало по своему усмотрѣнію. Въ имѣніи Нурмистъ, Вольмарскаго уѣзда, въ разрядъ квоты вошла и усадьба Прекаль, присоединенная къ мызному хозяйству до 1849 г., а квоту имѣнія Гинценбергъ, Рижскаго уѣзда, составили только усадьбы, присоединенныя на основаніи квотнаго свидѣтельства, тогда какъ усадьба Клазмейеръ, присоединенная до 1849 г., числится мызною неподатною въ спискахъ коммиссіи 1874 г. ¹⁾

Владѣльцы нѣкоторыхъ имѣній повсе отказались отъ пользованія правомъ образовывать квоту. Среди нихъ не мало было пасторатовъ, на-примѣръ, пастораты капеллы св. Петра, Оппекальнъ, но были и имѣнія, на-примѣръ, Лимсхенъ, Карльсбергъ ²⁾.

Нѣкоторые помѣщики,—на-примѣръ, владѣльцы имѣній Пальцмаръ, Зербигаль, Аугустенталь и Грундзаль,—сначала получили свидѣтельства по старымъ вакенбухамъ, а передъ отдѣленіемъ земель стали переоцѣнивать свои имѣнія. Новая переоцѣнка земель была имъ тѣмъ полезна, что безошибочно указывала, какія усадьбы дальше другихъ продвинулись впередъ въ талерной стоимости и слѣдовательно какія было бы особенно выгодно присоединить къ мызному хозяйству, дер-

¹⁾ Относительно им. Нурмистъ см. отношенія лѣфл. ландратской коллегіи къ лѣфл. крест. коммиссіи отъ 20-го ноября 1892 г. и 6-го апр. 1893 г. за №№ 1096 и 460 въ дѣлахъ коммиссіи 31—91 и 33—91. Относ. им. Гинценбергъ см. архивъ коммисс. по кр. д. 1 уч. Рижск. уѣзда, дѣла: Catastrirungs-Sachen über verkauften und verpachteten Gesinde, Сп. Д. I.

²⁾ Act. Einf.-Comm., №№ 118, 127, 121 и 132—донесенія приходскихъ судей: 2-го Рижскаго—отъ 8-го мая и 23-го іюня 1853 г. за №№ 1718 и 2079, 5-го Венденскаго—отъ 10-го августа 1853 г. за № 551, 5-го Рижскаго—отъ 4-го ноября 1852 г. за № 807 и 2-го Дерптскаго—отъ 12-го декабря 1852 г. за № 2611.

жась въ предѣлахъ составленнаго по старому вакенбуху свидѣтельства. Такой расчетъ или ему подобный довольно ясно сквозить изъ донесенія 6-го Венденскаго приходскаго судьи отъ 12-го мая 1852 г. за № 223, въ которомъ говорится, что хотя упомянутыя выше имѣнія и получили свидѣтельства, но еще измѣряются, и потому владѣльцы ихъ не опредѣлили, какія усадьбы и въ какихъ границахъ прирѣжутъ къ мызнымъ землямъ ¹⁾).

Извѣщеніе мѣстнаго волостнаго суда о томъ, какія усадьбы переходятъ въ разрядъ квоты и какія на будущее время остаются крестьянскими, происходило или въ присутствіи приходскаго судьи, какъ, напримѣръ, въ 4-мъ Венденскомъ округѣ ²⁾), или же письменно, отношеніемъ мызнаго правленія къ волостному суду. Въ послѣднемъ случаѣ нѣкоторые приходскіе судьи, напримѣръ, 3-й Венденскій ³⁾), требовали отъ волостныхъ судовъ удостовѣреній, что такое извѣщеніе дѣйствительно состоялось, а другіе, напримѣръ, 4-й Рижскій ⁴⁾), довольствовались простымъ показаніемъ самого мызнаго правленія о фактѣ такого извѣщенія. Комиссія не слѣдила за тѣмъ, чтобы фактъ извѣщенія удостовѣрялся волостнымъ судомъ или приходскимъ лично, какъ это видно изъ положенной на соотвѣтственномъ донесеніи 4-го Рижскаго приходскаго суда резолюціи „die fernere Berichterstattung abzuwarten“ ⁵⁾).

Такъ какъ въ законѣ 1849 г. не было никакого отвѣта на вопросъ: кто долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы помѣщики присоединяли квоту въ законныхъ, а не болѣшихъ слѣдуемаго размѣрахъ, — то никто и не наблюдалъ за дѣйствіями помѣщика и никто не справлялся у членовъ мѣстнаго крестьянскаго общества, правильно ли отдѣлены земли въ томъ или другомъ имѣніи.

Послѣ повсемѣстнаго въ Лифляндіи образованія квоты судьба крестьянскихъ земель раздвоилась. Одна часть, именно земли, отмѣченныя въ натурѣ и на планахъ имѣній новиншостными, осталась

¹⁾ Ас. Einf.-Comm., № 71: „Berichte sämmtlich. Kirchspielsrichter üb. d. Fortg. d. Einr. d. Gehorchsl.“

²⁾ Ас. Einf.-Comm., № 126: „Abtheilung d. Gehorchslandes im 4-ten Wendensch. Bezirk“, представленіе судьи отъ 21-го ноября 1852 г. за № 2108.

³⁾ Ас. Einf.-Comm., № 125: „Abtheilung d. Gehorchsl. im 3-ten Wendensch. Bez.“, представленіе судьи отъ 24 окт. 1852 г. за № 730.

⁴⁾ Ас. Einf.-Comm., № 120: „Abth. d. Gehorchsl. in 4-ten Rtg. Bezirk“, представленіе судьи отъ 2-го апрѣля 1853 г. за № 709.

⁵⁾ Ас. Einf.-Comm., № 120 (см. предыдущее примѣчаніе).

подъ защитой специальныхъ крестьянскихъ положеній, и пользованіе ею было заключено въ нѣкоторыя опредѣленные рамки. Другая часть, отмежеванная въ разрядъ мызныхъ, подъ названіемъ квоты, была предоставлена въ безконтрольное пользованіе помѣщика съ однимъ только воспрещеніемъ—переходить съ денежной платы на барщинную, послѣ того какъ ландтагъ найдетъ возможнымъ окончательно воспретить эту послѣднюю по всей губерніи ¹⁾. Въ виду такого раздвоенія съ 1849 г. юридическаго положенія прежнихъ крестьянскихъ земель, изложеніе ихъ далѣйшей исторіи, равно какъ и обсужденіе необходимыхъ относительно ихъ реформъ, естественно распадается на двѣ отдѣльныя части. Поэтому сначала займемся квотнымъ вопросомъ, а потомъ уже перейдемъ къ вопросу о повинностныхъ земляхъ.

III.

Квотная земля по своему образованію сохранила связь съ крестьянскими землями только въ томъ отношеніи, что продолжала участвовать въ разверсткѣ лежавшихъ на нихъ податей. Поэтому крестьянское общество было заинтересовано въ перечисленіи квотныхъ земель въ разрядъ мызныхъ или неподатныхъ. Но право обращаться въ присутственныя мѣста съ жалобами на неправильности этого рода было предоставлено мѣстнымъ крестьянскимъ обществамъ только въ 1889 году, именно одновременно съ замѣною чисто дворянскихъ по направленію дѣятельности приходскихъ судовъ русскими комиссарами по крестьянскимъ дѣламъ ²⁾. Немедленно по вступленіи въ исполненіе своей должности, комиссары были завалены жалобами на неправильное перечисленіе квоты въ разрядъ мызныхъ неподатныхъ, а также на неправильное образованіе квоты вообще. Законъ 9-го іюля 1889 г. возложилъ на комиссаровъ не самостоятельное разрѣшеніе дѣлъ по этимъ жалобамъ, а лишь предварительное разслѣдованіе съ изложеніемъ мнѣнія и съ представленіемъ всего дѣла на окончательное постановленіе лифляндской комиссіи крестьянскихъ дѣлъ ³⁾, личный составъ которой тѣмъ же закономъ 1889 г. былъ измѣненъ въ духѣ, благопріятномъ для крестьянскихъ

¹⁾ Пол. 1849 г., ст. 6 и 181.

²⁾ Временныя правила объ мѣстн. сост. и предм. вѣдомства крестьянск. присутств. мѣстъ, ст. 8, см. Прилож. къ № 78 Собр. узакон. и распор. правит. за 1889 годъ.

³⁾ Тамъ же, ст. 9.

интересовъ. По закону 1860 г., коммиссія состояла изъ тѣхъ же должностныхъ лицъ, которыя входили въ составъ коммиссіи для введенія Положенія 1849 года ¹⁾. Закономъ 1889 года въ число членовъ были введены вице-губернаторъ и двое совѣтниковъ губернскаго правленія, чѣмъ данъ былъ перевѣсъ въ рѣшеніи аграрныхъ споровъ въліянію русской администраціи надъ въліяніемъ дворянскимъ ²⁾. Жалобы на постановленія коммиссіи должны были подаваться министру внутреннихъ дѣлъ ³⁾.

Накопленіе въ министерствѣ дѣлъ по этимъ жалобамъ было, конечно, поводомъ къ ближайшему ознакомленію министерства съ положеніемъ крѣпостнаго вопроса въ Лифляндіи и съ несоотвѣтствіемъ его постановки съ требованіями событій сороковыхъ годовъ вообще и заключеніями комитета 1846 г. въ частности. Это ознакомленіе создало почву для слѣдующаго именнаго Высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 18-го февраля 1893 года:

„Признавъ своевременнымъ приступить къ окончательному разрѣшенію вопроса о земляхъ, отдѣленныхъ отъ повинностной земли въ Лифляндской губерніи и отъ крестьянской арендной земли на островѣ Эзеля и въ Эстляндской губерніи, подъ соотвѣтствующими названіями квоты и шестой доли, повелѣваемъ: 1) министру внутреннихъ дѣлъ, по надлежащемъ выясненіи вопроса, войти въ установленномъ порядкѣ съ представленіемъ объ обращеніи сихъ земель къ законному ихъ назначенію, и 2) временно, впредь до разрѣшенія сего представленія, приостановить: а) производство по дѣламъ о неправильныхъ присоединеніяхъ, въ качествѣ квоты и $\frac{1}{6}$ доли, участковъ повинностной и крестьянской арендной земли къ мызымъ угодьямъ и б) продажу участковъ изъ состава означенныхъ земель, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда покупателями ихъ явятся лица мѣстнаго крестьянскаго сословія, не состоящіе ни собственниками, ни арендаторами крестьянскихъ участковъ, а продаваемые участки, по размѣрамъ своимъ, не превышаютъ установленнаго мѣстными положеніями наименьшаго размѣра крестьянскихъ арендныхъ участковъ (Лифл. Пол. 1860 г., ст. 114; Прав. устр. острова Эзеля 1865 г., ст. 21; Эстл. Полож. 1856 г., ст. 58)“ ⁴⁾.

Изъ этого указа видно, что предполагается изъять крѣпостныя земли

¹⁾ Пол. 1860 г., ст. 1107—1108.

²⁾ Правила объ изм. сост. и предм. и т. д., ст. 10.

³⁾ Тамъ же, ст. 11.

⁴⁾ *Правительственный Вѣстникъ*, 1893 г., марта 4-го, № 74.

изъ свободнаго распоряженія помѣщика и обратить ихъ „къ законному назначенію“. Предполагается за этими землями сохранить нѣкоторое отличіе отъ крестьянскихъ земель: пунктомъ *б* наименьшій законный размѣръ, установленный для крестьянскаго участка ¹⁾, установленъ въ качествѣ наивысшаго для квоты. Вѣроятно, значитъ, изъ состава крѣпостныхъ земель будутъ устроены участки для самостоятельнаго обзаведенія мызныхъ батраковъ. Правительство, кажется, намѣрено провести реформу на почвѣ того принципа, который въ числѣ другихъ былъ установленъ комитетомъ 1846 г., именно о предназначеніи квоты служить обезпеченіемъ батрацкаго быта.

Изъ изложенныхъ мною во II-й главѣ подробностей возникновенія квоты можно легко вывести тѣ затрудненія, которыя повлечетъ за собою проведеніе въ жизнь будущаго крѣпостнаго закона и которыя поэтому должны быть заранѣе приняты во вниманіе при его составленіи.

Какъ мы видѣли, отдѣленіе квоты отъ крестьянскихъ земель приняло въ разныхъ мѣстахъ разныя формы; кое-гдѣ въ квоту зачислена земля, присоединенная до 1849 г., хотя въ другихъ мѣстахъ она оставлена, какъ раньше было, въ разрядѣ мызныхъ неподатныхъ; большинству нѣмѣній были выдаваемы крѣпостныя свидѣтельства, но нѣкоторымъ, именно присоединившимъ еще до 1849 г. свыше нормы, не выдавались; въ большинствѣ крѣпостныхъ свидѣтельствъ указывались размѣры только квоты, въ очень немногихъ—и повинностной земли. При такомъ разнообразіи формъ возникновенія квоты большія затрудненія вызоветъ на практикѣ первый вопросъ, съ которымъ придется считаться законодателю, именно то: *какъ найти и опредѣлить квоту* въ общемъ составѣ мызныхъ, податныхъ и неподатныхъ земель нѣмѣнія? Потребуется точное и обстоятельное разслѣдованіе того, какія усадьбы, а если части усадебъ, то какія части, были обращены въ пятидесятыхъ годахъ въ квоту. Собравъ всѣ вакенбухи 1804—1829 гг., по которымъ совершалось отдѣленіе квоты, можно было бы высчитать относительно каждаго нѣмѣнія порознь указанную въ ст. 8-й и другихъ статьяхъ Положенія 1849 г. пропорцію и затѣмъ эту же пропорцію вновь вернуть въ разрядъ повинностной земли. Поправкой или проверкой такого способа подсчета могли бы служить крѣпостныя свидѣтельства тамъ, гдѣ они сохранились. Обильное количество этихъ послѣднихъ могли бы дать, во первыхъ, ладратская

¹⁾ Положеніе 1849 г. его опредѣляло въ $\frac{1}{12}$ гака, но Положеніе 1860 г. его повысило до $\frac{1}{8}$ гака, или до 10 тал. (см. 114 ст.).

коллегія, которой согласно 21 ст. Положенія 1849 г. представлялись для свѣдѣній приходскими судьями копіи этихъ свидѣтельствъ, и, вовторыхъ, архивы комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, принявшихъ при введеніи реформы 1889 г. дѣла прежнихъ приходскихъ судовъ съ черновиками квотныхъ свидѣтельствъ и съ донесеніями мызныхъ правленій приходскимъ судьямъ о томъ, какія именно усадьбы съ какимъ количествомъ пашни и луговъ они обратили въ квоту. Но неполнота исчисленія этимъ путемъ изъясна, причиненнаго крестьянской землѣ закономъ 1849 г., заключается въ слѣдующемъ.

Вопервыхъ, Положеніе 1849 г. не опредѣлило пропорціи обращае-
мыхъ въ квоту луговъ и выгона къ количеству обращаемой пашни:
оно указало только пропорцію къ общей наличности пашни въ имѣ-
ніи. Когда усадьба присоединялась цѣликомъ, то вопроса о коли-
чествѣ луговъ не возникало: луговъ присоединялось столько, сколько
было ихъ въ этой усадьбѣ. Когда же присоединялась часть усадьбы,
то, для раздѣленія принадлежащаго къ этой усадьбѣ луга, брали въ ос-
нованіе, согласно циркуляру комиссіи отъ 18-го сентября 1851 г. за
№№ 760—787, пропорцію пашенной земли въ обѣихъ частяхъ усадьбы.
Поэтому, сопоставивъ старыя вакенбухи и донесенія мызныхъ правленій,
содержащія имена клотныхъ усадебъ, — количество луговъ есть еще
возможность опредѣлить. Совѣтъ иначе обстоитъ дѣло съ выгономъ.
Въ вакенбухахъ о немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Какъ не записан-
ный въ аншлагъ имѣнія, онъ объявленъ былъ принадлежащимъ къ
разряду земель, состоящихъ въ безконтрольномъ пользованіи помѣ-
щика. Поэтому опредѣленіе количества выгона, который долженъ
былъ быть предоставленъ въ пользованіе крестьянскаго общества
или же прирѣзанъ къ усадьбамъ, обращаемымъ въ квоту, вполне за-
висѣло отъ усмотрѣнія помѣщика. Свѣдѣнія о количествѣ присоеди-
неннаго къ квотѣ выгона, можетъ быть, имѣются въ мызныхъ кон-
торахъ, но ихъ нѣтъ ни въ какомъ официальномъ документѣ. Свѣдѣнія
же о количествѣ выгона, вообще состоявшаго тогда въ распоряженіи
крестьянскаго общества, могли бы быть добыты изъ старыхъ плаховъ
(составленныхъ до 1849 г.), еслибы только они не были такъ рѣдки
теперь, и еслибы на всѣхъ ихъ проводилась линія между крестьян-
скимъ и мызнымъ выгономъ, что, какъ извѣстно, было уже не обяза-
тельно послѣ закона 1819 г. Такимъ образомъ, совершенно невоз-
можно рѣшить вопросъ: сколько выгона нужно *возвратить* въ раз-
рядъ крестьянскихъ земель.

Вовторыхъ, усадьбы обращались въ 1849 г. въ квоту не по

дѣйствительному ихъ тогдашнему хозяйственному состоянію, а по даннымъ вакенбуха 1804—1820 гг. Такимъ образомъ, на дѣлѣ въ квоту было обращено большее количество лофштелей, нежели какое значится въ квотномъ свидѣтельствѣ приходскаго судьи или какое можно получить по расчету, указанному Положеніемъ. Напримѣръ, земельный участокъ, по вакенбуху 1804—1829 гг., состоявшій, положимъ, изъ 10 лофштелей пашни, 30 лофштелей перелогу и 30 лофштелей луга,—къ 50-мъ годамъ, благодари разработкѣ земли, совершенно мѣнялъ свою фیزیомію, а, увеличивая пространство высшихъ разрядовъ земли, напримѣръ, пашни, на счетъ низшихъ, перелога или луга, этотъ же участокъ могъ обратиться въ участокъ, состоящій изъ 30 лофштелей пашни, 15 лофштелей перелога и 25 лофштелей луга или во что нибудь подобное. Между тѣмъ надо помнить, что при расчетѣ размѣровъ квоты 3 лофштеля перелога приравнивались 1 лофштелю пашни, а лугъ и вовсе не вводился въ расчетъ. Приходскій судья, руководствуясь вакенбухомъ, обозначалъ такой участокъ состоящимъ изъ 20 лофштелей пашни (то-есть, 10 лофштелей пашни+30 лофштелей перелога), тогда какъ на дѣлѣ онъ уже имѣлъ 35 лофштелей пашни (то-есть, 30 лофштелей пашни+15 лофштелей перелога). Разница между расчетомъ и дѣйствительнымъ состояніемъ присоединяемыхъ усадебъ могла быть на практикѣ еще большей, вследствие предоставленнаго помѣщикамъ права выбора усадебъ. Съ 1804 по 1849 г. всѣ усадьбы неравномѣрно увеличились въ талерной стоимости. Если взять двѣ усадьбы равной величины, то разработка земли и обращеніе перелога въ пашню шли быстрѣе и успѣшнѣе въ той усадьбѣ, въ которой было больше рабочихъ рукъ, чѣмъ въ той, въ которой ихъ было меньше. Пользуясь правомъ выбора, помѣщикъ могъ остановиться преимущественно на тѣхъ усадьбахъ, которыя въ сельскохозяйственномъ отношеніи наиболѣе подвинулись впередъ, сравнительно съ ихъ состояніемъ въ 1804 г. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, вычетъ изъ мызныхъ земель номинально присоединеннаго количества лофштелей пашни былъ бы мѣрой, далеко не охватывающей фактическихъ размѣровъ квоты.

Втретѣхъ, передъ производствомъ вычисленія размѣровъ необходимо разрѣшить принципиальный вопросъ: какъ поступить съ тѣми землями, которыя, будучи присоединены до 1849 г., тѣмъ не менѣе (совершенно, впрочемъ, согласно съ Полож. 1849 г.) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ названы квотными и потому несутъ крестьянскія повинности. Эти земли не будутъ затронуты предполагающимся будущимъ закономъ, который явно коснется только той части квотныхъ земель,

которая отрѣзана отъ крестьянскихъ въ силу закона 1849 года. Если не измѣнить юридическаго характера этихъ земель, то останется особый отдѣлъ квоты, который отъ прежняго будетъ отличаться только значительно меньшими размѣрами и пѣ миниатюрѣ повторить всѣ неудобства его существованія. Въ юридическомъ отношеніи этотъ отдѣлъ будетъ нѣкоторой аномаліей, такъ какъ одновременно съ нимъ земли, тоже обращенныя въ мызныя до 1849 г., будутъ оставаться мызными неподатными только потому, что такими отмѣтилъ ихъ владѣлецъ имѣнія. Поэтому, если земли, присоединенныя до 1849 г., оставить въ разныхъ юридическихъ разрядахъ, то этимъ самымъ разное пониманіе закона въ сущности возводилось бы въ самостоятельный законъ. Такъ какъ земли, присоединенныя до 1849 г., принимались въ расчетъ при вычисленіи размѣровъ квоты, то было бы весьма логично причислить и ихъ къ этому разряду. Но для этого, при испрошеніи Высочайшаго соизволенія на проектируемый министерствомъ внутреннихъ дѣлъ кютный законъ, необходимо будетъ особо упомянуть объ этой мѣрѣ, такъ какъ она, выходя за предѣлы закона 1849 года, касается дѣйствій помѣщика, совершенныхъ вслѣдствіе закона 1819 г., предоставлявшаго въ свободное распоряженіе помѣщика и крестьянскія земли.

Такимъ образомъ, рассматривая практическую сторону отдѣленія квоты отъ мызныхъ земель, нельзя не прійти къ заключенію, что въ виду затруднительности точнаго возстановленія этой бывшей части крестьянскихъ земель и осложненія этого возстановленія цѣлымъ рядомъ вопросовъ, съ которыми крайне трудно было бы считаться, придется ограничиться лишь приблизительными и общими мѣрами, съ допущеніемъ зафѣдомыхъ неточностей. Въ такомъ случаѣ является естественнымъ вопросомъ: имѣются ли какія нибудь серьезныя логическія основанія въ пользу того, чтобы теперь, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ, проводить законодательнымъ путемъ мѣру, предначертанную комитетомъ 1846 г. и не осуществленную закономъ 1849 г.? Будетъ ли земельный надѣлъ для батраковъ дѣйствительно оплотомъ благосостоянія и независимости отъ помѣщичьяго произвола? Если и крестьянину со своимъ надѣломъ, не могущимъ быть, по лифляндскимъ законамъ, менѣе 10 талеровъ, трудно бываетъ отстоять самостоятельность отъ вліянія крупнаго землевладѣльца-помѣщика, то какая самостоятельность будетъ у батрака, хотя бы обезпеченіе его содержанія основывалось не на наемной платѣ, а на обработкѣ имъ самимъ опредѣленнаго участка земли? По моему мнѣнію, самостоятельности не прибавится. Точно также и благосостояніе батраковъ врядъ ли связано съ земельнымъ

надѣломъ. Еслибы это было такъ, то помѣщики, заинтересованные въ томъ, чтобы батраки были у нихъ въ рукахъ, избѣгали бы одѣленія ихъ земель; а между тѣмъ житейская практика говоритъ другое. Бывшій секретарь лифляндскаго статистическаго комитета ф. Юнгъ-Штиллингъ въ своемъ изслѣдованіи „О сельскомъ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ“ (стр. 100—119) приводитъ любопытныя свѣдѣнія о размѣрахъ и характерѣ годовой платы батракамъ. Оказывается, что уже въ концѣ 60-хъ годовъ очень много батраковъ фактически были надѣлены землей взамѣнъ денежной наемной платы. Въ одномъ помѣстьѣ прихода Сиссегаль, Рижскаго уѣзда, работники получали для обработки исключительно на себѣ отъ 8—9 лофштелей пашни и отъ 15—30 лофштелей сѣнокоса. Ни денежной платы, ни натуральной они не получали. Въ одномъ имѣніи того же уѣзда, но Кремонскаго прихода, поселенный на землѣ работникъ получалъ $\frac{1}{2}$ лофшт. огородной земли, 9 лофшт. пашни и 10 лофшт. сѣнокоса. Въ другомъ имѣніи того же прихода (замокъ Кремонъ) „поселенный“ получалъ деньгами 5 рублей и 11 лофшт. пашни, $\frac{1}{2}$ лофшт. огорода и 12 лофшт. сѣнокоса. И такъ было по многимъ приходамъ другихъ уѣздовъ Лифляндской губ. Но какъ въ только что приведенномъ примѣрѣ имѣнія „замокъ Кремонъ“ „поселенный“ иногда получаетъ небольшую денежную прибавку, къ земельному надѣлу, такъ точно и батраки, главный доходъ которыхъ состоитъ въ жалованьи деньгами или натурой, получаютъ въ видѣ дополненія небольшой клочокъ земли для самаго необходимаго земельного хозяйства. Такъ въ одномъ имѣніи упомянутого выше Сиссегальскаго прихода батраки (холостые) получали по 36 рублей денежнаго жалованья и по $\frac{1}{2}$ лофшт. пашни подъ носѣнъ льна. Въ одномъ имѣніи Рижскаго прихода женатыя батраки получали: 50 рублей деньгами, 10 лофовъ ржи, 2 лофа крупы, 2 лофа гороха, $\frac{1}{2}$ бочки сельдей, $\frac{1}{2}$ кожи на обувь, 3 воза сѣна, 2 воза яровой соломы, 1 возъ озимой соломы и *1 лофштитель унавоженнаго картофельнаго поля*. Въ примѣрахъ, приведенныхъ Юнгъ-Штиллингомъ, за двумя-тремя исключеніями, всѣ женатыя работники имѣли земельные надѣлы, колебавшіеся отъ $\frac{1}{8}$ лофшт. огорода, какъ, напримѣръ, въ приходѣ Эксъ, Дерптскаго уѣзда, до $12\frac{1}{2}$ лофшт. пашни и 14 лофшт. сѣнокоса, какъ, напримѣръ, въ приходѣ св. Варволомея въ томъ же уѣздѣ. Такимъ образомъ, проектъ надѣленія батраковъ землей уже предупрежденъ самой дѣйствительностью. Вѣроятно, тамъ, гдѣ много земли срѣднительно съ количествомъ рабочихъ рукъ, гдѣ обмѣнъ хлѣба на денежные знаки идетъ не очень бойко вслѣдствіе удаленности отъ мѣста быта, или въ зависимости отъ какихъ нибудь другихъ обстоятельствъ

мѣстнаго свойства, жизнь выработала болѣе выгодныя для обѣихъ сторонъ условія найма въ видѣ исключительнаго или совмѣстнаго съ денежной и натуральной платой земельного надѣла батраковъ. Изъ этого факта слѣдуетъ, кажется, вывести, что и земельный надѣлъ не представляетъ собою болшей преграды для проявленія помѣщичьяго произвола надъ батраками, чѣмъ, напримѣръ, денежная или натуральная плата. Всѣ эти три вида наемной платы имѣютъ одинаковое право на уваженіе или преслѣдованіе, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія на нихъ смотрѣть; но на то, чтобы выдѣлять одну изъ нихъ изъ общаго порядка, врядъ ли имѣются какія-нибудь основанія: по крайней мѣрѣ, мы ихъ не видимъ ¹⁾.

Въ своемъ мѣстѣ я показалъ, какъ мысль объ обезпеченіи быта крестьянъ постепенно извращалась въ законодательныхъ собраніяхъ сороковыхъ годовъ. Сначала было отвлечено вниманіе отъ крестьянскихъ интересовъ къ батрацкимъ, какъ будто всѣ неурядицы 1841—1846 гг. касались именно послѣднихъ, а не первыхъ. Затѣмъ батрацкіе интересы были замѣнены уже интересами однихъ помѣстій. Слѣдовательно, все это предпріятіе съ обезпеченіемъ батраковъ землей на счетъ крестьянъ не что иное, какъ одинъ актъ изъ очень ловко и тоцко разыгранной игры, и предполагать въ немъ серьезное зна-

¹⁾ Земельный надѣлъ могъ бы стать источникомъ батрацкой независимости только въ томъ случаѣ, еслибы подобно мѣропріятіямъ 1804 г. относительно крестьянъ была бы установлена для батраковъ связь между размѣрами работы на хозяина и величиной участка, вѣщаго взаимѣ денежной платы. Однако, хотя размѣры участка поддаются опредѣленію до мельчайшихъ подробностей, за то размѣры работы батрака на хозяина трудно опредѣлить. Что взять за единицу труда? часъ работы? пространство воздѣланной земли? Но, какъ всякому извѣстно, часъ часу работы рознь. Сильный, трудолюбивый и желающій угодить хозяину наработаетъ вдвое болѣе, чѣмъ слабый, вялый и не желающій угождать господину. За хозяиномъ должна быть непремѣнно сохранена свобода выбора себѣ работниковъ. Установленіемъ часовъ работы, то-есть, выборомъ времени труда, а не его производительности будетъ нанесенъ сильный ударъ всякому крупному хозяйству (возможность веденія котораго необходимо оставить для приложенія силъ наиболѣе предприимчивыхъ помѣщиковъ), такъ какъ хозяева лишатся возможности поощрять за усердіе и отказывать за лѣнь и неповиновеніе. Съ другой стороны, выбирать территоріальное выраженіе батрацкой работы немислимо потому, что работа батрака происходитъ въ разныхъ мѣстахъ и совмѣстно съ другими работниками, чрезвычайно разнообразно, и во всякомъ случаѣ не измѣряется количествомъ воздѣланной каждымъ въ огдѣльности земли. Поэтому юридическое опредѣленіе размѣровъ крестьянскаго участка и аредной платы за него невозможно перенести на отношенія хозяина къ батраку, имѣющія въ своей основѣ такую шаткую и неопредѣленную вещь, какъ *работа не на себя въ разныхъ мѣстахъ и совмѣстно съ другими*.

ченіе можно только по незнанію условій батрацкаго быта. Напомню, что въ 1846 г. эта мѣра была придумана въ ущербъ крестьянскимъ интересамъ; надо предполагать, что тотъ же противокрестьянскій характеръ будетъ въ ней, только въ нѣсколько слабѣйшей степени, и теперь. Какъ можно видѣть изъ „Матеріаловъ къ изученію аграрныхъ условій Лифляндской губ.“ (Рига, 1885), изданныхъ Лифляндской ландратской коллегіей, часть крѣпостныхъ земель находится въ арендѣ у мѣстныхъ крестьянъ и даже въ полной собственности. Чтобы дать возможность судить о размѣрахъ крестьянскаго землепользованія въ разрядѣ квоты, я приведу цифры. Всего въ Лифляндіи этого рода земель 269,780 дес. (считая лѣсъ, выгонъ, неудобную землю и пр.). Талерная стоимость ихъ равняется 116,336 тал. 31 гр. Изъ нихъ:

въ аренду сдано:	182,313 дес. — 79,287 тал. 38 гр.
продано:	49,052 „ — 19,754 „ 44 „

Всего сдано и продано: 231,365 дес. — 99,041 тал. 82 гр.¹⁾

Такимъ образомъ, почти $\frac{2}{3}$ общаго пространства квоты *сдано въ аренду и продано* (главнымъ образомъ, конечно членамъ мѣстныхъ крестьянскихъ обществъ).

Если дѣйствовать по логикѣ 1846 г., то слѣдуетъ теперь пожертвовать этими землями въ угоду воображаемымъ батрацкимъ интересамъ. Если же руководиться болѣе современными соображеніями, то было бы нелогично интересамъ вполне самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства предпочитать интересы хозяйства независимаго лишь на половину. Но разъ будетъ взята вторая часть этой дилеммы, разъ будетъ оставлена мысль о батрацкихъ надѣлахъ, то выдвинется вопросъ, не слѣдуетъ ли обратить вниманіе на положеніе крестьянскаго хозяйства въ Лифляндіи и на то, какое значеніе имѣетъ оно для общегосударственныхъ интересовъ сравнительно съ хозяйствомъ нѣмца, и слѣдовательно, какъ должно опредѣляться отношеніе къ нимъ обомъ самому государству.

IV.

Чтобъ отвѣтить на вышепоставленные вопросы, я не буду распространяться объ общихъ преимуществахъ работы крестьянина-хозяина надъ крестьяниномъ-батракомъ и слѣдовательно о преимуществахъ мелкаго хозяйства надъ крупнымъ. Они слишкомъ извѣстны изъ учебниковъ и курсовъ политической экономіи. И позволю себѣ указать при этомъ на одну особенность Лифляндской губ.: въ ней

¹⁾ Стр. 104—127.

до 1.400 обществъ всякаго рода. Эта широко развитая общественность заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ выгоды, которыя имѣетъ за собою крупное хозяйство и которыя его рѣдкіе въ наукѣ сторонники представляютъ въ видѣ доводовъ противъ мелкаго. Какая нибудь паровая молотилка возможна болѣе, чѣмъ гдѣ либо, во всѣхъ лифляндскихъ крестьянскихъ хозяйствахъ именно вслѣдствіе умѣнья ихъ соединить свои маленькія средства въ одинъ большой капиталъ для покупки этой машины и для пользованія ею въ извѣстной очереди. Эта общественность на почвѣ необыкновенно высоко развитой въ Лифляндіи грамотности способствуетъ живѣйшему распространенію сельско-хозяйственныхъ примѣтъ, наблюденій, книжныхъ свѣдѣній, вообще сельскохозяйственного опыта (въ широкомъ смыслѣ), обладателемъ котораго во внутренней Россіи, благодаря неровному распределенію грамотности, донынѣ правильно считается скорѣе помѣщикъ хозяйство, чѣмъ крестьянское. Я не берусь дать полную картину мызнаго и крестьянскаго хозяйства въ Лифляндіи, такъ какъ это могло бы составить предметъ отдѣльнаго очерка. Я позволю себѣ ограничиться здѣсь сообщеніемъ лишь нѣкоторыхъ свѣдѣній, прямо касающихся интересующаго насъ вопроса.

Вотъ какъ лѣтъ тридцать тому назадъ высказался по этому предмету одинъ изъ мѣстныхъ экономистовъ, магистръ Дерптскаго университета Карлъ Генъ: „Гдѣ крестьяне сдѣлались земельными собственниками или по крайней мѣрѣ арендуютъ землю на денежныхъ условіяхъ, тамъ они обнаруживаютъ ясное пониманіе, какой путь идетъ впередъ („haben sie gezeigt, dass es ihnen vollkommen klar ist, auf welchem Wege sie vorwärts zu schreiten haben“); они съ величайшимъ рвеніемъ предались меліорационнымъ работамъ, улучшаютъ скотъ, цѣлесообразно распределяютъ свои рабочія силы и улучшаютъ способъ обработки своей пашни. Особенно заявили себя въ этомъ отношеніи русенскіе дворохозяева, которымъ недавно умершій (умеръ въ 1858 г.) баронъ Фелькерзамъ продалъ ихъ землю. Точно также благоденствуютъ дворохозяева нѣмціи Лунія у Дерпта, которымъ покойный баронъ Георгъ Нолькенъ продалъ ихъ землю уже тридцать лѣтъ назадъ“¹⁾.

¹⁾ Die Intensität der livländischen Landwirthschaft, Dorpat, 1858, стр. 73. Упомянутыя тутъ лица — историческія. Это тѣ самые противники, выступавшіе одинъ противъ другаго на ландтагѣ 1842 г., о которыхъ я несколько упомянулъ въ первой главѣ. Они противники, а между тѣмъ поступили въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ одинаково, и даже Нолькенъ, въ преніяхъ 1842 г. заявившій себя ретроградомъ, на дѣлѣ опередилъ своего либеральнаго врага. Этотъ Ноль-

Быть можетъ, скажутъ, что эти наблюденія субъективны, а относительно отдѣльных фактовъ нѣтъ гарантіи, что они не единичны. Могутъ сказать: покажите намъ цифры! Цифры доставила на этотъ разъ сама ландратская коллегія въ изданныхъ ею въ 1885 г. „Матеріалахъ къ изученію аграрныхъ условій Лифляндской губерніи“. Эти „Матеріалы“ показываютъ, что изъ соответственнаго разряда мызной или крестьянской земли въ Лифляндіи состояло въ два разныхъ періода времени слѣдующее количество (стр. 13):

	На мызной землѣ:		На крестьянской землѣ:	
	въ 1866 г., въ 188 ¹ / ₂ г.	%	въ 1866 г., въ 188 ¹ / ₂ г.	%
Подъ садами и пашнею	12,86	15,10	19,28	23,19
покосами	11,93	13,75	26,04	25,60
перелогомъ } выгонами }	6,39	13,12	21,87	38,01
лѣсомъ.	46,24	39,77	5,20	3,93
неудобной земли	22,58	18,26	27,61	9,27
	100	100	100	100

Изъ этой таблички, вѣрность которой я оставляю исполнѣ на отвѣтственности ея составителя, ландратской коллегіи, видно, что процентное отношеніе трехъ высшихъ родовъ земли, подлежащихъ оцѣнкѣ и способныхъ къ успѣшному несенію общественныхъ повинностей, гораздо рѣзче увеличилось на крестьянской землѣ, чѣмъ на мызной, а именно:

Увеличилось	На мызной землѣ	На крестьянской землѣ
саду и пашни.	на 2,24 ⁰ / ₀	на 3,91 ⁰ / ₀
перелогу (и выгона ¹)).	на 6,73 ⁰ / ₀	на 16,14 ⁰ / ₀

Только четвертый разрядъ земель, обложенныхъ повинностями, при томъ самый *низшій*—луга, оказался незначительно сократившимся на крестьянской землѣ, а на мызной, напротивъ, увеличившимся, и именно въ слѣдующихъ размѣрахъ:

кемъ—личность довольно загадочная и, кажется, исполненная противорѣчій. Въ одномъ мѣстѣ, Луниа, онъ распродалъ всю землю крестьянамъ, въ другомъ, Кабинша, напротивъ, разогналъ ихъ всѣхъ, обративъ ее подъ мызную обработку. (См. выше).

¹) Напомню, что перелогъ стоитъ въ срединѣ рослиси цѣнныхъ въ земледѣльческомъ отношеніи сортовъ земли. Топштелъ пашни и сада оцѣненъ въ 90—45 гр., перелога—въ 30—15 гр. и, наконецъ, луга въ 16⁷/₂—5³/₂ гр.

Выгонъ совершенно справедливо по своему значенію для сельскаго хозяйства помѣщенъ издателями „Матеріаловъ“ въ одинъ разрядъ съ перелогомъ.

на крестьянской уменьшился на 0,44%.

на мызной увеличился. на 1,82%.

Что же касается до земель, не несущихъ общественныхъ податей, то ихъ въ вышеупомянутой таблицѣ всего два разряда: лѣсъ и такъ называемая „неудобная“ земля. Пространство обоихъ этихъ разрядовъ земель сократилось и на мызной и на крестьянской землѣ, при томъ въ слѣдующемъ видѣ:

	на мызной землѣ	на крестьянской землѣ
лѣса .	на 6,47%.	на 1,27%.
неудобной земли	на 4,32%.	на 18,34%.

Слѣдовательно, первый разрядъ, въ сбереженіи котораго заинтересовано всякое сельское хозяйство, на мызной землѣ сократился въ процентномъ отношеніи въ пять разъ больше, чѣмъ на крестьянской, а второй разрядъ, сокращеніе котораго составляетъ культурное завоеваніе, сократился на крестьянской землѣ слишкомъ вчетверо больше, чѣмъ на мызной.

Трудно собрать въ небольшой табличкѣ столько краснорѣчивыхъ доводовъ въ пользу крестьянскаго хозяйства, сколько собрала ихъ его великодушная или, можетъ быть, олошная противница, ландрацкан коллегія. Изъ этой таблички отчетливо видно, что въ періодъ времени отъ 1866 — 188½ гг. на крестьянской землѣ сравнительно съ мызной дѣятельнѣе шли распахка земли, огородинчанье, и вообще быстрѣе распространялись лучшіе сорта земель насчетъ низшихъ и медленнѣе шло сокращеніе такого сберегателя влаги и регулятора погоды, какъ лѣсъ. Изъ этого въ свою очередь самъ собою напрашивается выводъ, что лифляндскіе крестьяне своимъ небольшимъ хозяйствомъ распоряжаются лучше, чѣмъ помѣщики—большимъ. Поэтому и законодательство, въ интересахъ казны и государственной экономіи, должно раздвинуть районъ самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства въ Лифляндіи. Вопросъ только въ томъ, въ какой мѣрѣ это нужно сдѣлать. Для того, чтобы выяснить размѣръ этой потребности, нужно произвести специальное изслѣдованіе, принявъ во вниманіе многія статистическія данныя о ростѣ крестьянскаго аренднаго хозяйства, о количествѣ рабочихъ рукъ на мызныхъ и крестьянскихъ земляхъ, о количествѣ крестьянскихъ и мызныхъ земель, о количествѣ „носеленныхъ“ батраковъ и земли, находящейся въ ихъ самостоятельномъ пользованіи, о нормѣ земельного надѣла на одного работника въ зависимости отъ лифляндскихъ условій и т. под. Могущая оказаться неполнота цифръ по тому или другому вопросу могла бы быть отчасти пополнена личными воззрѣніями естествен-

ныхъ знатоковъ лифляндскаго крестьянскаго быта: мѣстныхъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, непремѣннаго члена и секретаря мѣстнаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Точно также только совмѣстная работа нѣсколькихъ знатоковъ-специалистовъ можетъ установить размѣры потребностей лифляндскаго крестьянскаго хозяйства въ законодательномъ расширеніи площади арендной обработки земли.

Въ настоящей статьѣ мнѣ бы хотѣлось указать необходимость реформы, кромѣ чисто земельнаго, еще въ нѣкоторыхъ другихъ, тѣсно связанныхъ съ ними, направленіяхъ, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ арендныхъ отношеній отдатчика земли съ ея панимателемъ и нѣкоторыхъ другихъ. Съ этой цѣлью я продолжу прерванный мной на 1849 г., для разсмотрѣнія квотнаго вопроса, очеркъ законодательной исторіи лифляндскаго крестьянскаго хозяйства.

V.

Крестьянское Положеніе 1849 г. дѣйствовало на практикѣ до 24-го іюня 1863 г., когда вступило въ силу новое крестьянское положеніе, утвержденное покойнымъ Государемъ 13-го ноября 1860 г. Въ противоположность закону 1849 г. новый законъ былъ разсмотрѣнъ не только въ Остзейскомъ комитетѣ, но и въ Государственномъ Совѣтѣ, что не осталось безъ нѣ котораго, хотя и слабаго, отраженія на его свойствахъ ¹⁾.

Крестьянское Положеніе 1860 г. не измѣнило ни одного постановленія закона 1849 г. о взаимномъ отношеніи трехъ родовъ земель въ Лифляндіи: повинностной, квотной и мызной. „Помѣстные земли, — было сказано въ п. V положенія о введеніи новаго закона ²⁾, — издавна уже раздѣленные на мызные и крестьянскіе, сохраняютъ безъ измѣненія прежнее неподатное (Schatzfreie) или податное (Steuerpflichtig) свойство. Земли, доселѣ не подлежавшія податямъ, остаются и впредь неподатными, хотя бы онѣ приобрѣтены были членами крестьянскихъ волостныхъ обществъ въ собственность или по временное пользованіе. Наоборотъ, податныя земли неизмѣнно подлежатъ всѣмъ лежавшимъ на нихъ обязанностямъ, хотя бы сказанные земли и были отдѣлены отъ повинностныхъ дачъ (Gehorchsland) и присоединены къ мызнымъ

¹⁾ Печ. указъ Лифл. Губ. Правл. отъ 7-го іюня 1863 г., № 53, см. Справочную книгу для комиссаровъ по кр. д. Лифл. губ., сост. *Е. В. Якоби*, стр. 5; Поля. Собр. Зак., т. XXXI, отд. 2, № 36.312.

²⁾ П. С. З., т. XXXI, отд. 2, № 36.312.

(Hofsland) или же инымъ способомъ поступили въ собственность или временное владѣніе лицъ неподатнаго званія⁴. Въ ст. 101 было снова сказано, что помѣщикъ можетъ „пользоваться повинностной землей не иначе, какъ посредствомъ отдачи оной въ арендное содержаніе или продажи членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ“. Но за то были нѣсколько смягчены исключенія изъ этого общаго правила. Напримѣръ, по новому закону помѣщикъ могъ непосредственно завѣдывать крестьянскимъ участкомъ *вторично* не долѣе *шести лѣтъ* (ст. 106—110). Такимъ образомъ группа статей, шедшихъ въ разрѣзъ со ст. 101, хотя и не была вовсе выкинута изъ новаго закона, была однако нѣсколько смягчена.

Точно также измѣнены и дополнены были нѣкоторыя мелкія постановленія 1849 г., прямо не касавшіяся отношеній крестьянъ къ помѣщику и потому мной не упомянутыя выше, но, тѣмъ не менѣе, имѣющія большое значеніе для крестьянскаго благосостоянія. Положеніе 1849 г. установило въ качествѣ наименьшаго предѣла для крестьянскаго участка норму въ $\frac{1}{12}$ гака; положеніе 1860 г. увеличило ее до $\frac{1}{6}$ гака. Эти предѣльные нормы были установлены на основаніи „соображенія необходимыхъ условій самобытнаго существованія одного семейства на какомъ либо поземельномъ участкѣ“¹⁾. Положеніемъ 1849 г. былъ установленъ и высшій предѣлъ крестьянскаго участка въ 80 талеровъ. Положеніе 1860 г. сохранило эту норму. Высшимъ предѣломъ законодательство имѣло въ виду, вѣроятно, помѣшать чрезчуръ крупному нарушенію равновѣсія въ земельной силѣ отдѣльныхъ членовъ крестьянскаго общества²⁾.

Повидимому, общее направленіе внутренней политики Императора Александра II произвело нѣкоторое давленіе и на лифляндское дворянство, составлявшее проектъ положенія 1860 г. Но крайней мѣрѣ, въ немъ есть нѣсколько статей, направленныхъ, какъ можно заключить по ихъ вѣнѣшнему виду, къ ограниченію преимуществъ помѣщика надъ крестьяниномъ въ дѣлѣ разрыва арендныхъ отношеній. Прекращеніе аренднаго контракта является обыкновенно критиче-

¹⁾ Пол. 1849 г., ст. 139; Пол. 1860 г., ст. 114.

²⁾ Косвенно, впрочемъ, предполагалось, можетъ быть, достичь и другой цѣли, именно устранить изъ крестьянской среды овсагнаго конкурента самому имѣнію. Въ качествѣ наименьшихъ размѣровъ, дозвоительныхъ для дворянской вотчины еще въ 1849 г., была указана площадь въ 900 лотшт., „кромяъ полей, болотъ и иныхъ неудобныхъ пространствъ“; принимая во вниманіе, что какъ среднимъ числомъ былъ нѣсколько больше 300 лотшт., получаемъ, что, значить, законный минимумъ размѣровъ дворянской вотчины равнялся приблизительно 3-мъ гакамъ.

скимъ моментомъ для благосостоянія заинтересованной крестьянской семьи. Тутъ все зависить отъ того, уравнило ли законодательство невыгоды дальнѣйшаго несоглашенія для обѣихъ сторонъ, отдатчика и арендатора, или нѣтъ. И вотъ какъ высказалось по этому предмету Положеніе 1860 года.

Во первыхъ, была установлена процессуальная сторона возобновленія контракта: были указаны сроки для объявленія помѣщикомъ новыхъ арендныхъ условій и для выраженія со стороны прежняго арендатора согласія на нихъ или несогласія. Въ послѣднемъ случаѣ, то-есть, если арендаторъ несогласенъ на новыя условія, то помѣщикъ, кромѣ вознагражденія за улучшенія, долженъ уплатить въ видѣ отступнаго бывшему арендатору разницу между новой годовой арендной платой и платой за *последній* годъ прежнихъ арендныхъ отношеній, — тройную, если прекращаемый арендный контрактъ былъ заключенъ на время меньше 12 лѣтъ, и двойную, если контрактъ былъ заключенъ на срокъ отъ 12 до 24 лѣтъ. Если же дѣйствіе прежняго контракта продолжалось не менѣе 24 лѣтъ, то помѣщикъ не уплачивалъ никакого отступнаго ¹⁾. Если же отношенія крестьянина къ помѣщику оставались еще барщинными, то барщина могла быть переведена на деньги по таксѣ вакенбуховъ, „принималъ повинностный талеръ не равномерно вездѣ въ четыре рубля серебромъ, а соображался съ оцѣнкой, устанавливаемою въ каждомъ округѣ приходскимъ судомъ, по средней сложности контрактныхъ цѣнъ за послѣднія шесть лѣтъ“ ²⁾.

Эти статьи о размѣрахъ вознагражденія прежнему арендатору отъ помѣщика дѣйствовали на практикѣ всего нѣсколько лѣтъ. Въ 1865 г. Остзейскій Комитетъ составилъ другія правила о размѣрѣ вознагражденія, которыя дѣйствуютъ и понынѣ. По п. 1 Высочайше утвержденнаго 22-го мая 1865 г. журнала Остзейскаго Комитета, помѣщикъ уплачивалъ арендатору въ случаѣ несоглашенія тройную разницу, если прежній контрактъ былъ заключенъ на время менѣе 24 лѣтъ, и двойную, если контрактъ былъ заключенъ не менѣе, какъ на этотъ срокъ. Такимъ образомъ, сумма уплаты крестьянину была повышена, а относительно нѣкоторыхъ контрактовъ прямо-таки вновь создана.

¹⁾ По ст. 122 Полож. 1860 г. участки повинностной земли не могутъ отдаваться въ аренду на сроки болѣе пятидесяти лѣтъ. Единственное изъятіе изъ этого правила составляютъ, по слѣдующей 123 ст., арендные договоры съ условіемъ двукратнаго перенаслѣдованія, которые, какъ всякому видно, могутъ иногда и переступить этотъ предѣлъ.

²⁾ Ст. 116, п. 1—3; п. 7, прим. 3.

При поверхностномъ взглядѣ не трудно прійти къ заключенію, что въ данномъ случаѣ крестьянину дѣйствительно обезпечивается вознагражденіе, пропорціональное высотѣ новыхъ арендныхъ требованій помѣщика. Но на дѣлѣ не такъ. Обратите вниманіе на то, что разница создается изъ арендной платы за *последній* годъ дѣйствія прежняго контракта и изъ *средней годовой* платы новаго. Указанная особенность нововведеній 1860 и 1865 гг. внушила помѣщикамъ цѣлесообразную для обхода неудобствъ новаго закона привычку распредѣлять уплату арендной платы такъ, чтобы на первый годъ аренды приходился минимумъ, а на послѣдній—максимумъ платы. Крестьянину это нравится, такъ какъ временно облегчаетъ исполненіе денежныхъ обязательствъ къ помѣщику, но послѣднему за то даетъ возможность ничего не платить послѣ отказа прежняго арендатора на высокія арендныя условія новаго контракта. Такимъ образомъ, новыя правила о вознагражденіи крестьянина, покидающаго участокъ, свидѣлствуютъ только о сознаніи лифляндскимъ дворянствомъ необходимости положить на отдѣльныхъ своихъ членовъ подобную сдержку, но на практикѣ не имѣютъ серьезнаго значенія, хотя и могли бы его имѣть, еслибы не было включено коварное выраженіе „за послѣдній годъ“, а была бы принята за основаніе разница между прежней и новой *средней годовой* платой. Впрочемъ, по правиламъ Остзейскаго Комитета, помѣщикъ можетъ и съ другой стороны обойти невыгоды этого закона. Именно, пунктомъ 4-мъ помѣщику предоставляется по прекращеніи аренднаго контракта отдѣлнить отъ освободившагося земельного участка часть земли подъ единственнымъ условіемъ, чтобы отдѣленная часть была менѣ четверти его, и въ такомъ уменьшенномъ видѣ пустить его опять на прежнихъ условіяхъ, не платя ничего прежнему арендатору. Поэтому, если почему либо средняя годовая плата по новому арендному контракту оказывается все-таки выше прежней платы за *последній* годъ, то помѣщикъ, не желающій платить арендатору ни копѣйки отступнаго, можетъ соотвѣтственнымъ образомъ уменьшить прежній участокъ, пока уменьшенная вслѣдствіе этого новая годовая плата не сравняется съ платой за послѣдній годъ по прежнему контракту.

Благодаря этимъ двумъ средствамъ обхода сущности закона, помѣщикъ ничѣмъ не связанъ въ установленіи новой арендной платы, а арендаторъ ничѣмъ не вознаграждается въ случаѣ невозможности согласиться на нее.

По тому же журналу Остзейскаго Комитета помѣщикъ долженъ

уплатить покидающему участокъ арендатору только за тѣ улучшения, которыя послѣдній произвелъ съ *своимъ помѣщикомъ*, *согласію*, выраженнаго письменнымъ образомъ. Но при этомъ удобреніе почвы, обращеніе перелоговъ въ пашню и т. под. не считается улучшеніемъ (Boden-Mellioration), опять-таки если въ контрактѣ нѣтъ по этому предмету особаго соглашенія ¹⁾.

Въ общемъ, вопросъ о вознагражденіи арендатора въ случаѣ необходимости для него отказа отъ продолженія аренды слѣдуетъ считать вполне зависящимъ отъ соглашенія сторонъ. Между тѣмъ, что терять арендаторъ послѣ отказа отъ продолженія аренды, и что терять помѣщикъ?

Арендаторъ, при заключеніи контракта, обязывается довести такъ называемый „железный инвентарь“ до извѣстной опредѣленной пропорціи съ величиной участка. Въ составъ железнаго инвентаря входятъ не только орудія, но и рабочій скотъ. Этотъ инвентарь, разъ заведенный въ установленной нормѣ, остается навсегда „крѣпкимъ къ участку“. При этомъ, если арендаторъ разстается со своимъ участкомъ, то за потерю инвентаря ничѣмъ не вознаграждается. Арендаторъ можетъ увеличивать инвентарь и сверхъ обязательной нормы. Этотъ излишекъ уже составляетъ движимую собственность арендатора и не крѣпокъ къ участку ²⁾. Теперь, послѣ отказа отъ продолженія аренды, арендаторъ долженъ со всѣми лишними лошадьми, коровами, плугами, зерномъ и разной домашней рухлядью переселиться на другое мѣсто, если онъ условился съ другимъ помѣщикомъ объ арендѣ какго нибудь участка, или же, въ случаѣ неимѣнія въ виду земледѣльческаго занятія, поскорѣе реализовать это имущество. Во въ первомъ случаѣ особенности попога участка потребуютъ, можетъ быть, распродажи части скота и орудій для составленія новой комбинаціи инвентаря, болѣе подходящей къ особенностямъ новаго участка. Во второмъ же случаѣ арендаторъ явно долженъ продешевить, такъ какъ распродажа должна будетъ произойти *на мѣсть*, вслѣдствіе того, что въ другихъ волостяхъ и имѣніяхъ одновременно съ нимъ будетъ происходить распродажа инвентаря такими же, какъ и онъ, неудачниками. Если же, наконецъ, у арендатора нѣтъ лишняго инвентаря, то у него есть жена и дѣти и домашній скербъ, съ которыми нужно куда нибудь дѣться. „Прибавьте къ

¹⁾ Прав. 22-го мая 1865 г., п. 5; Полож. 1860 г., ст. 137—139.

²⁾ Полож. 1860 г., ст. 124—133.

этому,—справедливо замѣчаетъ Самаринъ,—естественную, до страсти доходящую, часто нерасчетливую привязанность крестьянина къ насиженному мѣсту, къ дому, который онъ выстроилъ или, по крайней мѣрѣ, чинилъ и поддерживалъ, къ полю, которое онъ удобрилъ, къ кустовой землѣ (Buschland), которую онъ распахалъ, очистилъ, изъ которой онъ создалъ пашню...“¹⁾.

Что же теряетъ помѣщикъ? Прискать другого арендатора трудно, но даже въ случаѣ неудачи въ этомъ дѣлѣ помѣщикъ часто можетъ непосредственно пользоваться освободившимся участкомъ при условіяхъ, указанныхъ въ 109 и 110 ст. Положенія 1860 г. Такимъ образомъ, не смотря на то, что случай недачи въ аренду повинностнаго участка въ худшемъ случаѣ будетъ только непріятной мелочью въ общемъ бюджетѣ помѣщика, послѣднему все-таки представляется закономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ избавиться не только отъ этой мелочи, но даже, можетъ быть, выиграть, получивъ въ видѣ исключенія возможность обрабатывать съ помощью батраческаго труда ту землю, которая вообще подлежитъ отдачѣ въ аренду или продажѣ въ собственность крестьянамъ.

Таковы послѣдствія, наступающія для обѣихъ сторонъ, если онѣ не сойдутся въ условіяхъ продолженія контракта. Но надѣ арендаторомъ даже во время арендованія имъ земли виситъ, какъ Дамокловъ мечъ, возможность отказа со стороны помѣщика отъ участка даже въ случаѣ вполне аккуратнаго исполненія имъ всѣхъ контрактныхъ условій. Это въ томъ случаѣ, если помѣщикъ отыщетъ покупателя на арендуемый участокъ. Арендаторъ имѣетъ право лишь на преимущественную покупку участка по объявленной помѣщикомъ цѣнѣ. Впрочемъ, должно указать и невыгоды, которыми эта продажа участка обставлена для помѣщика. Если онъ сошелся въ цѣнѣ не съ арендаторомъ продаваемаго участка, а съ другимъ лицомъ, то долженъ въ промежуткѣ отъ 25-го іюля до 1-го декабря заключить со своимъ контрагентомъ запродажную, въ которой должны быть точно опредѣлены всѣ условія купли-продажи. Эти условія должны быть не позже 1-го декабря объявлены арендатору продаваемаго участка, подъ его росписку или въ присутствіи мѣстнаго волостнаго суда. Затѣмъ въ теченіе четырехнедѣльнаго срока арендаторъ обязанъ увѣдомить помѣщика черезъ волостной судъ, согласенъ ли онъ купить участокъ на изложенныхъ въ запродажной условіяхъ. Если въ этотъ

¹⁾ Окраины Россіи, вып. I, стр. 90—91.

срокъ арендаторъ изъявить на нихъ согласіе, то участокъ продается ему, если же не изъявить, то продается тому лицу, съ которымъ совершена запродажная. Очистить участокъ арендаторъ обязанъ въ такомъ случаѣ къ началу сельско-хозяйственнаго года, то-есть, къ 23-му апрѣля. Въ видѣ вознагражденія арендатору за противоконтрактную передачу его участка другому лицу помѣщикъ уплачиваетъ, во-первыхъ, сумму, равную арендной платѣ за послѣдній годъ, и, во-вторыхъ, 5% со средней годовой платы за каждый остающійся до конца контракта годъ ¹⁾). Для оцѣнки того, на сколько должна сдерживать помѣщика уплата этого вознагражденія арендатору, нужно имѣть въ виду два случая. Если помѣщикъ при заключеніи нарушаемаго контракта прибѣгалъ къ уменьшенію аренднаго участка, а не къ неравномѣрному распредѣленію арендной платы, то денежная потеря при нарушении контракта не представляется особенно крупной. Но если не участокъ былъ уменьшенъ, а арендная плата была распредѣлена по годамъ съ повышеніями къ концу контракта, тогда нарушение его влечетъ за собою лишеніе помѣщика самаго выгоднаго годоваго поступленія. Однако, и тутъ противовѣсомъ денежнаго вознагражденія арендатора является то обстоятельство, что, покидая участокъ, онъ лишается инвентаря, быть можетъ, только-что обновленнаго имъ, только-что пополненнаго имъ съ большой денежной тратой. Помѣщикъ всегда можетъ выбрать именно самый выгодный для него годъ для операціи продажи участка. Какая изъ двухъ упомянутыхъ тяжестей перевѣшиваетъ другую, обстоятельства каждаго отдѣльнаго случая заставляютъ разнорѣшать, но необходимо имѣть въ виду ихъ обѣ, а не только одно денежное вознагражденіе арендатора, указанное въ законѣ, хотя въ большинствѣ случаевъ оно и имѣетъ рѣшающее значеніе.

Принимая во вниманіе все предыдущее, слѣдуетъ признать арендные отношенія крестьянъ и помѣщика въ Лифляндіи *свободными* по ихъ юридическому существу. Между тѣмъ какая же свобода можетъ фактически существовать при неравной матеріальной силѣ состоящихъ сторонъ и при неравныхъ убыткахъ, вытекающихъ для нихъ изъ прекращенія арендныхъ отношеній? Само лифляндское дворянство это понимало и, создавая свои будто бы защитительныя для арендатора правила, вѣроятно, платило дань господствовавшему тогда въ русскихъ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ освободительному дви-

¹⁾ Высоч. утвержд. 22-го мая 1866 г. журн. Остз. Комит., нп. 9—11.

женію, заявившему себя незадолго предъ тѣмъ освобожденіемъ русскихъ крестьянъ съ *землей* и опредѣленіемъ оброка ¹⁾. Какъ бы то ни было, но „свободныя“ арендныя отношенія позволяютъ помѣщику повышать арендную плату до той цифры, которая мѣшаетъ образованію въ крестьянскихъ рукахъ свободного капитала, столь необходимаго для крестьянскаго хозяйства вслѣдствіе неустойчивости урожаевъ, цѣнъ на хлѣбъ и т. под. Вслѣдствіе этого увеличивается вѣроятности повторенія бѣдствій 1841—1846 гг. Если они до сихъ поръ не повторились, то только потому, что рядомъ съ чертами, неотрицательными лишь для помѣщиковъ, въ законѣ 1860 г. есть не мало чертъ, положительныхъ и для крестьянства.

Во взаимныхъ отношеніяхъ отдатчика и арендатора очень часто бывають случаи, когда обѣ стороны заинтересованы въ одномъ и томъ же, когда ихъ интересы не враждебны другъ другу. Въ этихъ-то случаяхъ помѣщикъ, какъ лицо, заинтересованное въ платежной способности своего арендатора, является естественнымъ его руководителемъ для обоюдной ихъ пользы. Это очень умно и практично установлено лифляндскими законами. Помѣщику предоставляется право налагать въ извѣстныхъ случаяхъ запрещенію или, наоборотъ, давать позволеніе на ту или другую мѣру арендатора. Напримѣръ, по ст. 146-й „арендный хозяинъ крестьянскаго поземельнаго участка ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права продавать сѣно ни передъ уборкой, ни послѣ оной, ни солому, безъ особаго на то каждый разъ дозволенія собственника“. Съ другой стороны, „землевладѣлецъ обязанъ разрѣшать арендатору продажу сѣна, въ той мѣрѣ, на сколько наличность оного превышаетъ количество, необходимое на прокормленіе скота и лошадей, составляющихъ инвентарь, который представленъ арендаторомъ по контракту въ залогъ исправнаго выполненія принятыхъ имъ на себя обязанностей, и который онъ обязался постоянно содержать въ удовлетворительномъ состояніи“. Въ случаѣ неоднократнаго повторенія нарушеній арендаторомъ *справедливаго* запрещенія помѣщика, — помѣ-

¹⁾ Давленіе тогдашняго русскаго общественнаго мнѣнія на лифляндскія дѣла отразилось, между прочимъ, и на появленіи въ 60-хъ годахъ немалого количества составленныхъ лифляндскими уроженцами брошюръ на русскомъ языкѣ, цѣлью которыхъ было „дать возможность вѣстѣ, незнакомимъ изъ личнаго наблюденія съ положеніемъ крестьянъ въ Лифляндіи, составить себѣ самостоятельное и безпристрастное сужденіе о немъ“ (см. *Юли-Штиллини*, О сельск. бытѣ лифл. крестьянъ, 1868 С.-Петербургъ; также см. *А. А. Рихтера*, Исторія хр. сосл. въ Приб. губ., Рига, 1860).

щикъ можетъ требовать *отъ суда* прекращенія контракта (ст. 147). Въ ст. 207—218 наложены другія условія, дающія право помѣщику выступать со своимъ *вето*, при ослушаніяхъ налагать взысканіе, а при повтореніи ихъ — требовать прекращенія контракта. Контрактъ, печатная форма котораго вырабатывается комиссіей крестьянскихъ дѣлъ, содержитъ въ себѣ точное опредѣленіе того, какъ долженъ арендаторъ поступать со всѣми статьями ввѣреннаго ему участка, при чемъ оставляется до извѣстныхъ предѣловъ свобода и для личнаго соглашенія помѣщика съ крестьяниномъ¹⁾.

Кромѣ правилъ, включенныхъ въ контрактъ, имѣются еще и такіе, которые въ него не попали, но, будучи помѣщены въ законѣ, равно обязательны для арендаторовъ и собственниковъ крестьянскихъ участковъ. Въ ст. 141 — 145 указанъ законный способъ обращенія перелоговъ въ пашню. Ст. 124 — 133 содержатъ обязательныя постановленія о такъ называемомъ желѣзномъ инвентарѣ аренднаго хозяйства, объ его судьбѣ при перенаслѣдованіи, при дробленіи участка и т. п. Къ первой изъ этихъ статей приложена таблица, въ которой подробно указано, сколько на какой долѣ гака должно быть лошадей, рогатаго скота и яровыхъ сѣмянъ. Очень умно и цѣлесообразно для благосостоянія крестьянскаго участка была установлена *неразрывность* его судьбы съ инвентаремъ. „Желѣзный инвентарь, — говоритъ 129 ст., — не иначе можетъ состоять въ чемъ либо владѣніи, или подлежать ипотека, какъ совокупно съ участкомъ, къ которому онъ принадлежитъ, и равнымъ образомъ можетъ не иначе, какъ нераздѣльно съ цѣлымъ участкомъ, быть обращаемъ на удовлетвореніе какихъ либо обязательствъ владѣльца, не различая ихъ видовъ и свойствъ, какъ-то: въ случаѣ конкурса, при взысканіи податныхъ недоимокъ, магазинныхъ долговъ, при секвестраціи и т. д.“. Благодаря этому, въ Лифляндіи невозможно критическое положеніе крестьянина съ землей и сѣменами, но безъ лошади и плуга, или съ лошадей и плугомъ, но безъ сѣмянъ.

За общимъ Положеніемъ 1860 г. послѣдовало нѣсколько частичныхъ его измѣненій. Такъ, напримѣръ, 19-го февраля 1866 г. утверждено было новое положеніе о крестьянскомъ самоуправленіи во всемъ Прибалтійскомъ краѣ. Имъ создана была новая общественно-административная единица, сходъ выборныхъ, въ кругъ дѣйствій котораго

¹⁾ Ст. 196—201, также см. печатную форму контракта, продающуюся въ Губернской типографіи въ Інгѣ.

вошли всѣ административнаго характера функціи волостнаго суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ на сходѣ выборныхъ легли многія обязанности, прежде лежавшія на волостномъ сходѣ, напримѣръ, наблюденіе за цѣлостью повинностной земли и ненарушимостью ея законныхъ границъ, изъясненіе согласія на обмѣнъ повинностныхъ и мызныхъ земель ¹⁾.

Вслѣдъ за этимъ Положеніемъ, 11-го іюня того же 1866 г. Высочайше утверждены были очень важныя для благоустройства экономической жизни волостныхъ обществъ „правила объ общественномъ благосостояніи въ волостяхъ Остзейскихъ губерній“. Правила эти касаются раскладки и сбора податей, раскладки и взиманія повинностей, организаціи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и кассъ волостныхъ, призрѣніи бѣдныхъ, больныхъ, умалишенныхъ, одержимыхъ заразительными болѣзнями и пр. Изъ перечисленныхъ правилъ наибольшее значеніе для экономическаго благосостоянія крестьянскаго населенія имѣютъ правила о хлѣбныхъ магазинахъ и кассахъ, заботливо и умно предусматривающія и предотвращающія малѣйшую заминку въ ходѣ хозяйства отдѣльныхъ членовъ и всей волости. Изъ магазиновъ производятся ссуды хлѣбомъ, изъ кассъ—деньгами. Ссуды выдаются съ процентами или безъ нихъ, смотря по состоятельности занимающаго. Рѣшаетъ этотъ вопросъ сходъ выборныхъ. Размѣры запасовъ въ магазинахъ должны быть всегда пропорціональны числу членовъ волости. „Если имѣющійся въ магазинѣ хлѣбный запасъ, вслѣдствіе существовавшаго доселѣ высшаго законнаго размѣра, превышаетъ установленную норму, то оказывающійся излишекъ хлѣба не подлежитъ раздачѣ между членами общества, а продажѣ, по постановленію схода выборныхъ, и съ обращеніемъ вырученныхъ денегъ въ особый, принадлежащій обществу продовольственный капиталъ“ ²⁾. Такая организація взаимопомощи въ дѣлѣ ссудъ хлѣбомъ и деньгами гораздо лучше всякихъ карательныхъ законовъ дѣлаетъ невозможнымъ существованіе въ Лифляндской губ. ужаснаго бича русской крестьянской среды, кулачества.

Весьма существеннымъ дополненіемъ къ правиламъ 11-го іюня 1866 г. была прекрасно разработанная инструкция „объ управленіи хлѣбными запасными магазинами и кассами въ волостныхъ обществахъ Остзейскихъ губерній“ (утвержденная 22-го октября 1869 г. прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ). Въ ней строго разграничена

¹⁾ П. С. З., т. XLI, № 43.034.

²⁾ П. С. З., т. XLI, № 43.969, ст. 2, прим. 1.

была отвѣтственность волостныхъ старшинъ и особыхъ магазинныхъ надзирателей за малѣйшія неправильности по управленію магазинами, ссыпкѣ хлѣба, выдачѣ и возврату ссудъ; точно также установленъ былъ порядокъ *ежегодной* репизии ихъ приходскими судьями ¹⁾).

Кромѣ этихъ прямо благопріятствовавшихъ крестьянскому благосостоянію обстоятельствъ, слѣдуетъ упомянуть еще одно косвенное, и едва ли не самое вліятельное: прекрасную постановку школьнаго образованія. Еще съ 1819 г. въ Лифляндіи проведено законодательнымъ путемъ слѣдующее общее правило: „Всѣ дѣти, кромѣ только тѣхъ, которыя именно уволены, или которымъ болѣзнь препятствуетъ, должны быть съ 10 года посылаемы въ школу до тѣхъ поръ, пока священникъ не признаетъ, что они имѣютъ уже достаточныя познанія; въ противномъ же случаѣ родители, воспитатели или хозяева подвергаются взысканію штрафа по 5 копѣекъ мѣдною монетою въ пользу мірской казны за каждый день небытности въ школѣ дѣтей, что означается отмѣтками, которыя учитель дѣлать долженъ“ ²⁾. Для осуществленія этого громаднаго массоваго обученія было постановлено, что на каждыя 500 душъ мужскаго пола одного или нѣсколькихъ соединенныхъ волостныхъ обществъ должно быть основано по одной волостной школѣ; кромѣ того, „въ каждомъ приходѣ, содержащемъ въ себѣ 2.000 душъ мужскаго пола, должна быть учреждена приходская школа... Приходы, содержащіе въ себѣ менѣе 1000 душъ мужскаго пола, обязаны, буде не пожелаютъ завести особенной школы, соединиться между собою, смотря по величинѣ и положенію своему“ ³⁾. Это было еще въ 1819 г. Съ тѣхъ поръ до нынѣшняго времени заботы о народномъ образованіи въ Лифляндіи не ослаблялись, а только усиливались, вслѣдствіе чего процентъ грамотности въ Лифляндской губерніи теперь необыкновенно высокъ.

Совокупность этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ не только уравниваетъ, но даже, вѣроятно, перевѣшиваетъ невыгоды, простирающіяся для крестьянскаго хозяйства изъ нѣкоторой подчиненности произволу помѣщика. Возвращаясь къ этой сторонѣ лифляндскаго крестьянскаго быта, мы видимъ, что изъ нея сами собой вытекаютъ нѣсколько побочныхъ мѣръ поддержки крестьянскаго хозяйства. Мѣры эти должны заключаться въ доведеніи до конца тѣхъ мѣропріятій, которыя робко или неопредѣленно начаты законодательствомъ

¹⁾ См. Справочную книжку Якоби, прил. (стр. 171—175).

²⁾ Пол. 1819 г., ст. 516—517.

1860 и 1865 гг. Впервыхъ, слѣдуетъ измѣнить статьи о вознагражденіи помѣщикомъ арендатора за отказъ отъ продолженія аренды. Въ нихъ слѣдуетъ устранить двѣ лазейки, существующія къ услугамъ помѣщика, не желающаго платить что либо въ случаѣ отказа и, можетъ быть, повисить въ нѣсколько разъ размѣръ самаго вознагражденія. Вторая мѣра должна вычеркнуть въ дѣйствующемъ законѣ статьи 106 — 110, нарушающіи основной принципъ законнаго способа пользованія повиностною землею, провозглашенный въ 101 статьѣ Положенія 1860 г. Эти двѣ мѣры будутъ дополненіемъ къ вышепроектированной, то-есть, къ расширенію юридическихъ границъ повиностной земли насчетъ мызой. Въ то время какъ расширеніе границъ повлечетъ за собою, вѣроятно, и обращеніе части мызныхъ батраковъ въ дворохозяевъ, двѣ вспомогательныя мѣры обезпечатъ молодую самостоятельность ихъ отъ отказа въ продолженіи аренды. Кромѣ того, обѣ мѣры расширятъ площадь аренднаго труда и укрѣпятъ наследственность аренднаго владѣнія, конечно, и для нынѣшняго крестьянскаго населенія.

Съ юридической точки зрѣнія законодательное вмѣшательство въ эту область будетъ отчужденіемъ во имя общихъ интересовъ права свободнаго пользованія собственностью. Не забудемъ, что такого рода законъ будетъ далеко не первымъ въ исторіи края: онъ будетъ лишь дальнѣйшимъ шагомъ на томъ пути реформъ, по которому шло въ XVII вѣкѣ шведское правительство, а въ 1804 г. и наше. Послѣдующія законодательства были шагомъ впередъ только въ техническомъ или, такъ сказать, обстановочномъ отношеніи, принося много отдѣльныхъ полезныхъ мѣръ; въ отношеніи же къ основному вопросу объ обезпеченіи самостоятельнаго крестьянскаго труда они были шагомъ назадъ. Исправить эти ошибки, возстановить основанія закона 1804 г. и развитъ ихъ сообразно съ требованіями нашего времени— вотъ что главнымъ образомъ предлагается настоящею статьей.

Кромѣ указанныхъ мѣръ, должны быть произведены измѣненія еще нѣкоторыхъ статей, напримѣръ, касающихся обмѣла, такъ какъ ихъ теперешняя редакція не достаточно обезпечиваетъ крестьянскому міру цѣлость находящейся въ его пользованіи земли. Это послѣднее обстоятельство видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго.

Всѣ крестьянскія земли измѣрены, оцѣнены и занесены въ отдѣльныя по каждому имѣнію книги, называемыя накенбухами. Тамъ означено, сколько въ какой крестьянской усадьбѣ нашини, сада, перелога и луговъ, какого именно достоинства, и все это сведено въ талеры.

Такъ какъ нѣтъ никакихъ указаній въ законѣ относительно того, какъ часто должны составляться вакенбухи, а между тѣмъ расходы по ихъ составленію ложатся цѣлкомъ на владѣльца имѣнія, то не удивительно, что въ среднемъ они составляютъ лѣтъ черезъ 30—40, не чаще. Однако, если вакенбухъ составленъ правильно, то-есть, съ соблюденіемъ законныхъ формъ (ст. 118 дѣйств. законодательства), то означенныя въ немъ свѣдѣнія признаются обязательными впредь до производства новаго межеванія и составленія новаго вакенбуха. Легко себѣ представить, какъ разойдется къ концу періода въ 30—40 лѣтъ дѣйствительное хозяйственное состояніе всѣхъ земельныхъ участковъ имѣнія съ показаніями стараго вакенбуха. Обыкновенно количество пашни и сада сильно увеличивается за это время насчетъ низшихъ разрядовъ земли, перелога, луговъ и выгона. Кромѣ того, вслѣдствіе интензивности земледѣлія въ Прибалтійскомъ краѣ, нерѣдко бываетъ перемѣщеніе пашни изъ низшаго разряда въ высшій, а, слѣдовательно, тоже повышеніе ея талерпой стоимости. И вотъ землеѣры, въ случаѣ обмѣна крестьянской усадьбы на мызный участокъ, на одной сторонѣ расчета обмѣна выставляютъ именно ту цифру талеровъ въ обмѣниваемой усадьбѣ, какая показана въ послѣднемъ вакенбухѣ, а для заполнения другой, именно рубрики о мызной землѣ, они обыкновенно производятъ особое межеваніе и оцѣнку земель, такъ какъ число талеровъ и границы мызной земли указаны только относительно цѣлаго имѣнія или большихъ частей его (подмызковъ, Hoffage и т. под.), и для опредѣленія идущей въ обмѣнъ части дѣйствительно необходимо особое межеваніе и особая оцѣнка. Такимъ образомъ, если крестьянская усадьба показана, напримѣръ, въ 30 тал., то землеѣръ отхватываетъ отъ мызной земли именно 30 тал. и аттестуетъ этотъ участокъ равноцѣннымъ упомянутой усадьбѣ. А между тѣмъ эта послѣдняя ко времени обмѣна представляеть въ дѣйствительности величину болѣе 30 талеровъ и тѣмъ большую, чѣмъ больше времени прошло со времени составленія дѣйствующаго вакенбуха, и чѣмъ больше рукъ работало на ней съ того времени. Правда, для совершенія обмѣна требуется закономъ, кромѣ засвидѣтельствовапшаго землеѣромъ расчета, еще согласіе двухъ третей схода выборныхъ. Но, не будучи специалистомъ-землеѣромъ, очень трудно судить, на сколько вѣрно составленъ расчетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Обыкновенно приходится вѣрить на-слово расчету, и потому послѣдній играетъ выдающуюся роль. Обмѣнъ надо такъ обставить съ законодательной стороны, чтобы онъ не могъ, если неправиленъ по

существо, быть оформленъ законнымъ образомъ. Одновременно съ измѣненіемъ статей объ обмѣнѣ было бы полезно измѣнить въ духѣ послѣднихъ реформъ учрежденіе присижныхъ дворянскихъ землемѣровъ. Они находятся въ вѣдѣніи и распоряженіи ландратской коллегіи (центръ дворянскаго самоуправленія и мѣстной оппозиціи реформамъ). Между тѣмъ теперь, при обостреніи правовыхъ отношеній между нѣмцами и эстолатышами, могутъ ли землемѣры-нѣмцы, зависящіе отъ нѣмцевъ же дворянъ, сохранять должное безпристрастіе? Отвѣтъ, кажется, не можетъ быть положительнымъ. Я думаю, что еслибы землемѣры, оставаясь „присяжными“, перестали быть „дворянскими“, и въ то же время личный ихъ составъ былъ бы измѣненъ введеніемъ въ него третьей, безпристрастной по самому своему положенію стороны—русскихъ, то этимъ дѣйствіемъ были бы усилены гарантіи безпристрастнаго межеванія и оцѣнки.

Кромѣ преобразованія межевой части и статей объ обмѣнѣ, подлежатъ переработкѣ еще не мало другихъ статей Положенія 1860 г. Я не буду ихъ тутъ указывать; упомяну только, что вслѣдствіе разныхъ измѣненій, поправокъ, вставокъ и помарокъ, произведенныхъ со стороны разныхъ законодательныхъ учрежденій, какъ-то: Государственнаго Совѣта, Остзейскаго комитета, бывшаго генераль-губернатора Прибалтійскаго края, комиссіи крестьянскихъ дѣлъ и губернскаго правленія, Положеніе 1860 г. оказывается теперь въ неузнаваемомъ видѣ: только самыя основныя статьи, носящія наиболѣе общій характеръ, уцѣлѣли отъ разгрома. Лично въ этомъ убѣдиться особенно легко путемъ просмотра весьма своевременно и цѣлесообразно изданной по распоряженію лифляндскаго губернатора генерала Зиповьева справочной книги для комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ Лифляндской губерніи. Пестрота происхожденія дѣйствующихъ статей закона еще болѣе усилится, когда осуществится проектируемый законъ объ обращеніи крѣпостныхъ земель на нужды батраковъ или крестьянъ. Созданіе новаго общаго кодифицированнаго положенія станетъ тогда еще болѣе жгучей потребностью. Да и пора, судя по времени. Съ 1860 г. прошло болѣе 33-хъ лѣтъ, то-есть перейденъ высшій въ лифляндской исторіи предѣлъ для промежутка между коренными аграрными законами, которые чередовались въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: 1804, 1819, 1849, 1860. Какъ видимъ, самый большой промежутокъ времени равняется 30-ти годамъ. Нынѣ же съ 1860 г. идетъ уже 34-й годъ.

Если въ Эстляндіи аграрное дѣло находится въ такомъ же поло-

женіи, какъ и въ Лифляндіи, если тамъ наблюдаются тѣ же нужды, то было бы весьма желательно объединить законодательнымъ путемъ очень похожій въ дѣйствительности другъ на друга сельско-хозяйственный строй обѣихъ губерній. Законодательство, общее для двухъ, если не для всѣхъ трехъ губерній Прибалтійскаго края, быть можетъ, облегчило бы въ будущемъ возможность законодательства общаго для края и имперіи. Многія особенности законодательства Прибалтійскаго края очень полезны были бы для нашихъ внутреннихъ губерній, равно какъ нѣкоторые постановленія, касающіяся этихъ послѣднихъ, хорошо было бы, можетъ быть, распространить на Прибалтійскія губерніи. Взаимный обмѣнъ этими статьями создать почву для законодательства, могущаго объединить характеръ поземельныхъ отношеній отдатчиковъ и арендаторовъ въ Прибалтійскихъ и внутреннихъ губерніяхъ.

Въ интересахъ практичности отдѣльныхъ статей необходимо, чтобы въ данномъ случаѣ былъ принятъ нѣсколько новый порядокъ составленія закона. Высшее правительство должно намѣтить лишь главныя основы закона, или, лучше сказать, цѣли, какія нужно имъ достигнуть. Между тѣмъ выработка средствъ для достиженія указанныхъ цѣлей, выработка подробностей закона должна произойти, по моему мнѣнію, при самомъ тѣсномъ и живомъ участіи мѣстныхъ силъ, именно комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, непремѣнныхъ членовъ и секретарей крестьянскихъ присутствій. Только въ этомъ случаѣ законъ достигнетъ высшей степени практичности и цѣлесообразности. Когда каждая статья будетъ проредактирована совмѣстными усиліями нѣсколькихъ, русскихъ по происхожденію, знатоковъ практики крестьянскаго быта Прибалтійскихъ губерній, тогда правительство можетъ уже не бояться повторенія тѣхъ неудачъ, которыя сопровождали осуществленіе его благихъ намѣреній въ 1819, 1849 и 1860 годахъ.

В. Владиславскій.

МИХАИЛЬ НИКИТИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы конца XVIII и начала XIX вѣка М. Н. Муравьевъ представляетъ собою одну изъ замѣчательныхъ и по истинѣ заслуженныхъ личностей. Наставникъ великихъ князей Александра и Константина, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, кураторъ Московскаго университета, человекъ весьма образованный и писатель съ рано пробудившеюся страстью къ литературѣ, Муравьевъ располагалъ разнообразными способами вліянія на своихъ современниковъ. Его личность является весьма любопытной для историка въ смыслѣ типическаго для данной эпохи сочетанія обширнаго образованія, дѣятельной любви къ просвѣщенію и душевной мягкости, доходившей до чувствительности и родившей его въ этомъ отношеніи съ другомъ его Н. М. Карамзиннымъ. Литературная дѣятельность Муравьева, не будучи очень обширной, представляется, однако же, небезынтересной въ смыслѣ той же своей типичности и тѣсной связи съ главнѣйшими литературными теченіями его эпохи.

I.

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ родился 25-го октября 1757 года въ Вологдѣ. Въ 1760 году отецъ его Никита Артамоновичъ былъ переведенъ на должность вице-губернатора въ Оренбургъ; здѣсь, съ восьмалаго года, молодой Муравьевъ учился нѣмецкому языку у нѣкогого Калау, а математикѣ у своего отца, служившаго нѣкогда въ инженерахъ. Въ 1768 году Муравьевъ переехалъ со своимъ отцомъ въ Москву и отданъ былъ сначала въ университетскую гимназію, директоромъ которой въ то время былъ М. М. Херасковъ, а потомъ

въ университетъ, въ кураторство В. Е. Ададунова, который приходился М. Н. Муравьеву двоюроднымъ братомъ. Будучи ученикомъ гимназіи, Муравьевъ отличался былъ наградами по разнымъ предметамъ, а на гимназическомъ актѣ 17-го декабря 1769 года удостоился произнести рѣчи на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ ¹⁾. Въ университетѣ Муравьевъ слушалъ съ особеннымъ увлеченіемъ А. А. Барсова (краснорѣчіе) и І. М. Шадена (философія), о которыхъ и вспоминаетъ позднѣе въ своихъ „Запискахъ“ и въ „Посланіи къ И. П. Тургеневу“ (1774 года). Въ пору ранняго дѣтства привязанности мальчика, одареннаго отъ природы нѣжной и восприимчивой душой, ограничивались семейнымъ кругомъ. Онъ любилъ и уважалъ отца и сестру, о которыхъ позднѣе вспоминаетъ такимъ образомъ: „кто у меня отыщетъ чувствованія любви и почтенія къ родителю, который боится меня оскорбить даже въ желаніяхъ моего блага, даже въ наставленіяхъ, влагаемыхъ въ него мудростію? къ сестрѣ, любящей меня со всей силой невинности, имѣющей нѣжной и просвѣщенной вкусъ и разумъ выше и постояннѣе обыкновеннаго разума женщины?“ ²⁾. Мать потерялъ онъ очень рано ³⁾. Въ гимназіи и въ университетѣ Муравьевъ въ особенности сошелся со своимъ сверстникомъ и товарищемъ по ученью Ив. Петр. Тургеневымъ, весьма извѣстнымъ впоследствии директоромъ Московскаго университета. Въ упомянутомъ къ нему посланіи Муравьевъ такъ вспоминаетъ о своихъ школьныхъ годахъ:

Съ тобою почерпнуть мы прежде тѣлились знанья:
Счастливы отроки въ возлюбленныхъ мѣстахъ,
Гдѣ вѣючись Москва въ кичливыхъ берегахъ
Изображаетъ Кремль въ сребрѣ своихъ кристалловъ,
Гдѣ музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ Шуваловъ;
Гдѣ Ломоносова пріемля мирный звонъ,
Поповскій новый путь открылъ на Геликонъ;
Гдѣ Барсовъ сталъ по немъ ревнитель русска слова
И Шаденъ истину являетъ безъ покрова:
Тамъ друзья сладостной услышали мы гласъ... ⁴⁾.

¹⁾ С. Шмаревъ, Исторія Московскаго университета, стр. 170.

²⁾ Соч., III, 304. Какъ здѣсь, такъ и вездѣ ниже, ссылки дѣлаемъ по первому „Полному собранію сочиненій Михаила Никитича Муравьева“, въ трехъ частяхъ, С.-Пб., 1819—1820. Другія изданія, перепечатанныя съ перваго безъ измѣненій Смирдинымъ: С.-Пб., 1847, и С.-Пб., 1856, оба въ двухъ томахъ.

³⁾ Соч., III, 288.

⁴⁾ Соч., I, 68.

Къ этимъ годамъ относится и другое школьное знакомство Муравьева съ Н. Р., подь которымъ нѣкоторые склонны разумѣть Николая Рахманова ¹⁾. Этотъ молодой человекъ былъ взятъ отцомъ Муравьева на житье изъ университета, гдѣ былъ казеннымъ воспитанникомъ, къ себѣ въ домъ, въ товарищи своему сыну, о чемъ и сохранилъ краткія воспоминанія, дышущія чувствомъ величайшей преданности и привязанности къ сановному впоследствии своему другу: „онъ былъ кротокъ и смиренъ,—говорится въ этихъ воспоминаніяхъ о Муравьевѣ, — пріятелями онъ имѣлъ одного или двоихъ одинаковыхъ лѣтъ и одинакихъ правовъ; былъ весьма добродѣтеленъ, ибо ежели изъ бѣдныхъ кто просилъ у него милости, то отдавалъ онъ все, что у него было“ ²⁾. Въ эту же пору своего пребыванія въ гимназій Муравьевъ сдѣлался лично извѣстнымъ М. М. Хераскову, директорство котораго продолжалось до 18-го мая 1770 года. Во время обученія Муравьева въ гимназій и въ университетѣ Херасковъ уже пользовался весьма значительной литературной извѣстностью, и о знакомствѣ съ его сочиненіями въ юношескіе годы упоминаетъ Муравьевъ въ своихъ Запискахъ ³⁾. О Херасковѣ Муравьевъ вообще говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій съ величайшимъ уваженіемъ и въ Запискахъ своихъ оставилъ слѣдующій его портретъ: „Михайло Матвѣевичъ говоритъ о стихотворствѣ съ удовольствіемъ, котораго онъ не старается скрывать. Его промежутки молчанія кажутся мгновеніями размышленія. Разговоръ его твердъ, благороденъ, оживленъ быстротою зора его. Голосъ жесткій, имѣющій нѣкое паденіе, принимаетъ часто тонъ пристрастія. Рѣчь его болѣе сильна, нежели избранныя. Усмѣшка выразительная. Иронія, имѣющая много желчи, соединяется съ его важностью...“ ⁴⁾. Изъ писателей, съ сочиненіями которыхъ познакомился Муравьевъ на школьной скамьѣ, онъ называетъ въ своихъ Запискахъ еще В. Майкова, Львова, Ханькова, Дьякова, Новикова. Отсутствие датъ въ цитуемомъ нами весьма важномъ касательно жизни и характера Муравьева источникѣ не позволяетъ опредѣлить время знакомства его съ В. В. Ханьковымъ, но несомнѣнно, что эти отношенія играли весьма видную роль въ душевной жизни нашего писателя: „кто отыметъ у меня, — говоритъ

¹⁾ Соч. К. П. Батюшкова, подь ред. Л. Н. Майкова, II, 417.

²⁾ *Москвитинъ*, 1855, № 7, стр. 169.

³⁾ Соч., III, 285.

⁴⁾ Соч., III, 316—317.

онъ, — мои драгоцѣннѣйшія чувствованія къ Хераскову, къ Львову, къ Ханыкову, которой, кажется, не сдѣланъ, чтобы остаться въ неизвестности. духъ смѣлой и возвышенной“ ¹⁾, а въ другомъ мѣстѣ о дружбѣ съ Ханыковымъ говоритъ онъ еще опредѣленнѣе и теплѣе: „никто изъ постороннихъ людей не любилъ меня, не почиталъ меня столько, какъ В. В. Ханыковъ. Другіе любятъ своихъ пріятелей за похвалы и угощенія, отъ нихъ получаема; этотъ любилъ меня для удовольствія хвалить меня. По несчастію, сіе воспаленіе въ мою пользу мнѣ послужило мало: я не есмь прекрасной человѣкъ. Но сердце Х. для меня всегда было святилищемъ. Кто обо мнѣ думалъ такъ выгодно? Кто имѣлъ болѣе ко мнѣ пристрастія?“ ²⁾. Къ Ханыкову обращено и стихотворное письмо „объ изученіи природы“ ³⁾.

Пробывъ два года въ гимназіи и три или четыре въ университетѣ, Муравьевъ переѣхалъ со своимъ отцомъ на недолговременное жительство въ Архангельскъ, куда тотъ посланъ былъ по дѣламъ своей службы. Путь ихъ пролегалъ черезъ родную для М. Н. Вологду. Во время этой поѣздки молодой М. велъ переписку съ однимъ изъ своихъ московскихъ друзей, можетъ быть, съ упомянутымъ Н. Р. Изъ этой переписки дошло до насъ три письма, не лишенныхъ интереса въ смыслѣ характеристики наклонностей и образа мыслей Муравьева за эту пору. Шестнадцатилѣтній юноша, полный стремленій къ дальнѣйшему самообразованію, онъ былъ тогда подъ сильнымъ впечатлѣніемъ недавнихъ учебныхъ отношеній. Онъ высказываетъ своему другу опасеніе, что пребываніе въ отдаленной провинціи можетъ содѣйствовать въ немъ „непросвѣщенію въ поступкахъ и обхожденіи“, и только отчасти надѣется на то, что „продолженіе прерванныхъ ученій наполнить пустоту сію“. Онъ признается своему другу въ „ревности къ ученію“ и сообщаетъ ему о книгахъ, которыя читаетъ въ дорогѣ, о прошломъ Архангельска, пересказываетъ главнѣйшія черты изъ біографіи Ломоносова, при видѣ мѣстъ, гдѣ знаменитый писатель, бывшій предметомъ неизмѣннаго благоговѣнія Муравьева, родился и проводилъ свои дѣтскіе годы. Въ наблюденіяхъ надъ окружающей дѣйствительностью, также отчасти отразившейся въ этихъ письмахъ, видна всего болѣе добрая и чувствительная душа Муравьева, склонная къ мечтательности и оптимизму. Тутъ передастъ онъ

¹⁾ Соч., III, 304.

²⁾ Соч., III, 262.

³⁾ Соч., I, 47—49.

своему другу о „смирнномъ градоначальникѣ“, который никогда не слыхалъ именъ Кладдія, Нерона, Цицерона и „находить все свое благополучіе въ спокойной неизвѣстности“, но „подъ чертами котораго честность сама одушевлена кажется“; онъ рассказываетъ также объ архангельскихъ „земледѣльцахъ“, состояніе которыхъ „здѣсь довольно счастливо“; о жизни вологодскаго дворянства дѣлаетъ онъ такой отзывъ: „тщаніе къ домостроительству, согласіе, пріятность общежитія составляютъ выгодное умонастроеніе сего благороднаго общества“ ¹⁾. Жажда самообразованія не осталась у Муравьева одними словами: по его собственнымъ словамъ, онъ „просиживалъ дни за Корнелемъ въ городѣ Архангельскомъ и въ Вологдѣ за Виргиліемъ, котораго разумѣлъ половину“ ²⁾.

Эта поѣздка Муравьева на отдаленный сѣверъ, безъ сомнѣнія, обогатившая его впечатлительный умъ многими свѣжими наблюденіями природы и безыскусственной жизни, была очень непродолжительна, такъ какъ Никита Артамоновичъ вскорѣ переѣхалъ въ Петербургъ ³⁾, а затѣмъ почти немедленно получилъ назначеніе въ тверскую казенную палату. Въ Твери молодой Муравьевъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, оставивъ объ этомъ времени краткое и весьма одностороннее воспоминаніе: „въ Твери совершилось развращеніе моего разума“ ⁴⁾. Затѣмъ, когда ему не было еще и 17-ти лѣтъ, мы видимъ его въ Петербургѣ, уже на службѣ въ Измайловскомъ полку.

Разнообразная и шумная жизнь столицы открыла молодому и даровитому юношѣ много способовъ для удовлетворенія давнихъ стремленій къ литературѣ и самообразованію. Можно предполагать, что къ этому именно времени относится знакомство Муравьева съ Н. А. Львовымъ, о которомъ, какъ было указано выше, вспоминаетъ онъ въ своихъ Запискахъ. Львовъ также служилъ въ Измайловскомъ полку и также страстно любилъ литературу. По отзыву компетентнаго изслѣдователя, это былъ „пламенный любитель всѣхъ отраслей искусства и знатокъ во многихъ изъ нихъ — поэтъ, живописецъ, архитекторъ, механикъ, а отчасти и музыкантъ“; „будучи необыкновенно даровитъ и любознательнъ, онъ много читалъ, путешествовалъ и

¹⁾ Соч., III, 247—252.

²⁾ Соч., III, 278—279.

³⁾ Этотъ переѣздъ изъ Вологды въ Петербургъ описанъ Муравьевымъ въ стихотвореніи „Путешествіе“: Соч., I, 18—20.

⁴⁾ Соч., III, 278.

усвоилъ себѣ лоскъ свѣтскаго образованія¹⁾. Онъ былъ душою того литературнаго кружка, въ который, какъ свои люди, входили Державинъ, Хемницеръ, Капнистъ и др. Такая личность не могла не заинтересовать и не привлечь къ себѣ Муравьева, и глубокое впечатлѣніе, произведенное ею на послѣдняго и отразившееся въ приведенномъ выше сопоставленіи имени Львова рядомъ съ драгоценными для Муравьева именами Хераскова и Ханыкова въ его Запискахъ, является вполне естественнымъ. Весьма вѣроятно, что въ эту же пору и, всего вѣрнѣе, черезъ посредство Львова Муравьевъ познакомился и съ И. И. Хемницеромъ, который только-что выступалъ тогда на литературное поприще, и которому впоследствии Муравьевъ посвятилъ стихотвореніе „Спокойствія пловецъ желаетъ, бурю видя...“. Тутъ, меланхолически представляя въ будущемъ спую могилу, Муравьевъ обращается къ обоимъ друзьямъ съ такими словами:

Когда-жъ со Львовымъ вы пойдете мимо оба,
И заколеблются цвѣты на дернѣ гроба,
Изливъ сладчайшій духъ;
Я заклинаю васъ: постойте, не бѣгите
И, въ тихомъ трепетѣ обнявшись, скажите:
Здѣсь спитъ нашъ вѣрный другъ!²⁾

Есть извѣстіе, что къ этому же времени относится и знакомство Муравьева съ извѣстнымъ уже тогда поэтомъ В. И. Майковымъ, который руководилъ первыми литературными опытами начинающаго писателя³⁾, и о которомъ позднѣе Муравьевъ вспоминалъ съ чувствомъ величайшей благодарности⁴⁾. Въ Запискахъ своихъ онъ даетъ такую характеристику этого писателя: „Василій Ивановичъ Майковъ цѣлый день бывалъ занятъ забавами общества и никогда не заговаривалъ самъ о стихахъ. Но наединѣ и съ людьми, которые показывали стараніе пользоваться его знаніями и вкусомъ, охотно любилъ онъ разговаривать о стихотворствѣ. Онъ былъ чувствителенъ къ прелестямъ похвалы. Въ лицѣ его было чистосердечное выраженіе добродушія и любви его къ стихотворству! Въ искусствѣ своемъ имѣлъ онъ нѣкоторыя собственныя мнѣнія, которыя защищалъ онъ съ живостію“⁵⁾.

¹⁾ И. Гротъ, Жизнь Державина, стр. 279.

²⁾ Соч., I, 56.

³⁾ Л. Н. Майковъ, Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст., С.-Пб., 1889, стр. 279.

⁴⁾ Соч., III, 288, 304.

⁵⁾ Соч., III, 317.

Рядомъ съ литературными знакомствами Муравьевъ, служа въ Измайловскомъ полку, не упускалъ случаевъ пополнять свое научное образованіе, для чего посѣщалъ лекціи профессоровъ Академіи Наукъ и, между прочимъ, слушалъ математику у Эйлера, а физику—у Крафта. Въ это же время, хорошо знакомый съ языками латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, онъ сталъ изучать языки греческій, англійскій и итальянскій; эти занятія способствовали расширенію литературнаго образованія Муравьева и содѣйствовали въ послѣдствіи пріобрѣтенію имъ репутаціи весьма свѣдущаго и страстнаго любителя древней филологіи¹⁾. Выѣстъ со всѣмъ этимъ молодой гвардеецъ, при своей молодости, связяхъ и удобствахъ столичной жизни, не могъ не желать вращаться въ обществѣ, такъ что позже ему съ сожалѣніемъ пришлось вспоминать о „расточенныхъ минутахъ суетной и несвободной жизни въ Петербургѣ“ и о томъ, что онъ тогда по временамъ долженъ былъ „оправдываться передъ собственной совѣстью въ своемъ бездѣйствіи“²⁾.

Мы не располагаемъ точными свѣдѣніями о томъ, какъ протекала собственно служебная дѣятельность Муравьева въ Петербургѣ, но въ 1785 году видимъ его уже призваннымъ на видный постъ наставника при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ, которымъ онъ преподавалъ нравственную философію, русскую словесность и русскую исторію. Эту обязанность свою выполнялъ онъ съ величайшимъ усердіемъ и увлеченіемъ; результатомъ его занятій съ великими князьями явились статьи, изданныя позднѣе какъ самимъ Муравьевымъ, такъ и другими лицами. По окончаніи воспитанія великихъ князей Муравьевъ перешелъ изъ военной службы въ статскую, въ 1800 году былъ назначенъ сенаторомъ, въ 1801 г. статсъ-секретаремъ у принятія прошеній при императорѣ Александрѣ, въ 1803 г. ноября 21-го — товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и попечителемъ Московскаго университета. Передъ этимъ послѣднимъ назначеніемъ, до отъѣзда въ Москву, Муравьевъ своимъ нѣлѣпнымъ ходатайствомъ передъ императоромъ оказалъ русской исторической наукѣ немалую услугу, выхлопотавъ Карамзину, издававшему въ то

¹⁾ М. И. Сухомятиновъ. Статьи и изслѣдованія, I, 12. Муравьевъ трудился, между прочимъ, надъ переводомъ на латинскій языкъ поэмы Ломоносова „Петръ Великій“ (см. Сочиненія М. В. Ломоносова, подъ ред. акад. М. И. Сухомятинова, т. II, прим., стр. 312).

²⁾ Соч., III, 277—278.

время (въ 1802 — 1803 годахъ) *Вѣстникъ Европы*, званіе исторіографа (рескриптъ отъ 31-го октября 1803 года), позволившее ему оставить журнальную дѣятельность и всецѣло предаться труду составленія „Исторіи Государства Россійскаго“ ¹⁾). Тутъ же умѣстно припомнить объ отношеніяхъ Муравьева и къ другому выдающемуся писателю, ему современному — Батюшкову. О сношеніяхъ Муравьева съ Батюшковымъ, который приходился ему родственникомъ, и которому онъ оказывалъ покровительство и много содѣйствовалъ его умственному и нравственному образованію, положительно извѣстно съ 1802 года; безъ сомнѣнія, эти сношенія въ дѣйствительности начались гораздо раньше. Вліяніе это было столь глубоко и существенно, что впоследствии Батюшковъ самъ говорилъ, что обязанъ Муравьеву своимъ образованіемъ ²⁾). Неизмѣнную привязанность къ семьѣ Муравьева Батюшковъ сохранилъ и далеко послѣ смерти своего покровителя; онъ много содѣйствовалъ появленію въ свѣтъ нѣкоторыхъ сочиненій покойнаго Муравьева и написалъ „Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева“ (1814 года), въ которомъ сдѣлалъ весьма благопріятную оцѣнку его какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ сочиненій.

Назначеніе М. Н. Муравьева на постъ попечителя Московскаго университета было какъ нельзя болѣе благопріятно для послѣдняго: университетъ пріобрѣлъ въ немъ не только весьма просвѣщеннаго и дѣятельнаго начальника, но еще и такого человѣка, который былъ связанъ съ этимъ первенствующимъ высшимъ свѣтскимъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи воспоминаніями своихъ школьныхъ лѣтъ, и уже по одному этому могъ принимать къ сердцу ближе обыкновеннаго разнообразнаго университетскія дѣла и отношенія. Дѣйствительно, заслуги Муравьева въ качествѣ попечителя Московскаго университета громадны и уже нашли себѣ обстоятельное изображеніе и оцѣнку ³⁾). Довольно упомянуть объ усиленіи матеріальныхъ средствъ по всѣмъ почти отдѣламъ преподаванія, о возбужденіи духовной дѣятельности университетской корпораціи путемъ учрежденія при университетѣ ученыхъ обществъ (между прочимъ, Общества исторіи и древностей Россійскихъ, основаннаго въ маѣ 1804 года), периоди-

¹⁾ *Полодинъ*, Ник. Михайл. Карамзинъ, II, 17—19.

²⁾ *Д. Н. Майковъ*, О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, стр. 17.

³⁾ *Шевыревъ*, Исторія Московскаго университета, стр. 321—384; *Сузюминовъ*, Статьи и изслѣдованія, I, 12—13.

ческихъ изданій и публичныхъ чтеній, о вызовѣ значительнаго числа иностранныхъ профессоровъ и о пригласеніи за границей профессоровъ изъ русскихъ,—чтобы видѣть, чѣмъ обязанъ Московскій университетъ попечительству своего бывшаго воспитанника: во всѣхъ этихъ дѣлахъ Муравьеву принадлежала обыкновенно и мысль и дѣятельное изысканіе средствъ для ея выполненія. При Муравьевѣ данъ былъ Московскому университету (5-го ноября 1804 года) новый уставъ, предоставившій ему не мало новыхъ и весьма существенныхъ привилегій; въ составленіи проекта этого устава Муравьевъ также принималъ дѣятельное участіе ¹⁾. Чтобы видѣть, съ какой ревнивой любовью относился попечитель къ Московскому университету, достаточно перечитать собственноручныя его записки о дѣятельности университета за нѣкоторые годы и о его нуждахъ; выдержки изъ нихъ приведены у Шевырева ²⁾. Такое вниманіе къ самымъ мелкимъ нуждамъ университета должно казаться тѣмъ болѣе замѣчательнымъ и исключительнымъ, что Муравьевъ, по должности товарища министра народнаго просвѣщенія, жилъ постоянно въ Петербургѣ, а въ Москву пріѣзжалъ только на время.

Столь энергическій ревнитель просвѣщенія, уже сдѣлавшійся извѣстнымъ своими литературными трудами, М. Н. Муравьевъ не могъ не обратить на себя вниманія Россійской Академіи, въ члены которой онъ единогласно избранъ былъ 28-го мая 1804 года, и въ этомъ званіи исполнялъ нѣкоторые порученія Академіи по части разсмотрѣнія представляемыхъ на академическія преміи сочиненій: такъ отъ него остался разборъ трагедіи „Нума Помпилій“ и похвальныхъ словъ Минину и Пожарскому; кромѣ того, онъ участвовалъ въ работахъ по академическому словарю и доставлялъ въ Академію по этому дѣлу свои соображенія и справки, которыя обнаруживаютъ столько же его извѣстную любовь къ филологическимъ занятіямъ, сколько и свѣдѣнія въ разныхъ языкахъ ³⁾. При разсмотрѣніи проектовъ и составленіи новаго устава Академіи Наукъ, предпринятыхъ въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, Муравьевъ былъ назначенъ въ число четырехъ членовъ спеціально учрежденной для этой цѣли комиссіи ⁴⁾. Свое уваженіе къ наукѣ и заслуженнымъ ея представителямъ Му-

¹⁾ *Шевыревъ*, Исторія Московскаго университета, стр. 356.

²⁾ Тамъ же, стр. 327—339.

³⁾ *Сухомлиновъ*, Исторія Россійской Академіи, VII, 260—267.

⁴⁾ Тамъ же, II, 369—370.

равьевъ выразилъ также тѣмъ, что послѣ смерти академика И. И. Лепехина († 6-го апрѣля 1802 года) предоставилъ Академіи Художествъ премию за лучшій проектъ надгробнаго памятника знаменитому натуралисту ¹⁾).

29-го іюля 1807 года М. Н. Муравьевъ скончался на 50-мъ году жизни. Одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Московскаго университета, извѣстный Н. О. Кошанскій, такъ, между прочимъ, вспоминалъ по этому поводу о заслугахъ покойнаго, какъ попечителя: „Изъ любви къ мѣсту образованія принялъ онъ въ пѣжное попеченіе свое университетъ Московскій, и щедроты монархіи полились на него рѣкою. Вдругъ явились въ немъ новыя полезныя заведенія; профессоры чужихъ странъ распространили различныя отрасли наукъ и искусствъ изящныхъ. Каждый профессоръ, каждый питомецъ чувствовалъ благотворное дѣйствіе нѣжныхъ его попеченій; ибо онъ зналъ цѣну истинныхъ питомцевъ просвѣщенія и самъ былъ любимцемъ музъ и грацій. Съ какими кроткими снисхожденіемъ, ему только одному свойственнымъ, умѣлъ онъ ободрять ихъ! Съ какой нѣжной заботливостью открывалъ имъ путь къ знаніямъ, съ какими нѣжными участіемъ образовалъ ихъ! Самъ желалъ видѣть и знать многихъ питомцевъ, самъ руководствовалъ ихъ, ободрялъ съ улыбкою, возвышалъ духъ ихъ, воспламенялъ юность любовію къ наукамъ и искусствамъ, вливалъ въ сердца огонь къ прекрасному“ ²⁾). Позднѣе, въ 1816 году, К. Н. Батюшковъ въ споей „Рѣчи о вліяніи легкой поэзіи на языкъ“, произнесенной въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ, такъ характеризовалъ М. Н. Муравьева и его просвѣтительныя заслуги: „Муравьевъ, какъ человѣкъ государственныи, какъ попечитель, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Подъ руководствомъ славнѣйшихъ профессоровъ московскихъ въ пѣдрахъ своего отечества, онъ приобрѣлъ сіи обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ ума человѣческаго, которымъ нерѣдко удивлялись ученые иностранцы; за благодаренія наставниковъ онъ платилъ благодареніями сему свитилищу наукъ; имя его будетъ любезно сердцамъ добрымъ и чувствительнымъ; имя его напоминаетъ всѣ заслуги, всѣ добродѣтели. Ученость обширную, утвержденную на прочномъ основаніи, на знаніи языковъ древнихъ,

¹⁾ Тамъ же, II, 293.

²⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1807 г., № 19.

рѣдкое искусство писать онъ умѣлъ соединить съ искреннею кротостію, съ снисходительностію, великому уму и добрѣйшему сердцу свойственною. Казалось, въ его видѣ постигъ землю одинъ изъ сихъ геніевъ, изъ сихъ свѣтильниковъ философіи, которые пѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Атики для разлитія практической и умозрительной мудрости, для утѣшенія и назиданія чело-вѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ¹⁾).

II.

Характеристическая для своего времени личность М. И. Муравьева выразилась довольно рельефно въ его „Запискахъ“, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, извѣстны намъ лишь отрывки, вошедшіе въ собраніе его сочиненій. Вотъ какъ говорить о нихъ самъ авторъ, объясняя внутренніи побужденія, по которымъ „Записки“ были писаны: „Бесѣдовать въ уединеніи иногда столько-жъ пріятно и часто болѣе полезно, нежели въ обществѣ. Всякая новая мысль есть приобрѣтеніе для разума, всякое чувствованіе приобрѣтеніе для сердца. Ничто мое не будетъ ново для другаго; но теперь не для другаго пишу я, а для себя. Непримѣчательно ни для кого трогаетъ меня мое писаніе тѣмъ самымъ, что для меня оно только писано. Я познаю мое сердце, углубляюсь въ него, и радуюсь жизни своей, радуюсь, что могу съ собою обходиться“²⁾). Содержаніе „Записокъ“, какъ видно даже и изъ отрывковъ, въ самомъ дѣлѣ чуждо какихъ либо косвенныхъ цѣлей и представляетъ по мѣстамъ весьма откровенныя изліянія чувствъ автора, который часто не щадитъ и самого себя, его „восхищенія, раскаянія, надежды и отчаянія“. Когда начаты и окончены эти „Записки“, мы не знаемъ, но, въ виду того, что онѣ носятъ характеръ дневника, по двумъ-тремъ отиѣткамъ можно заключать, что начало имъ положено не позднѣе 1779 г.³⁾, а закончены онѣ не ранѣе 1784 г.⁴⁾; во всякомъ случаѣ, это не есть произведеніе послѣднихъ лѣтъ жизни Муравьева, что видно изъ слѣдующихъ начальныхъ строкъ нашихъ отрывковъ: „для меня истинное наслажденіе *послѣ пятнадцати-двадцати лѣтъ жизни* развернуть мои рукописи и видѣть въ моемъ

¹⁾ Сочиненія К. И. Батюшкова, подъ ред. Л. И. Майкова, II, 245—246.

²⁾ Соч., III, 306.

³⁾ Соч., III, 288.

⁴⁾ Соч., III, 281.

журналѣ всѣ прежнія радости мои и печали. Я могу обратить взоры на постепенно уходящую жизнь, какъ странникъ, съ высокаго холма обозрѣвающей извивающуюся дорогу цѣлаго утра. *Приближаясь къ степеннымъ водамъ зрѣлости и старости, переносу наслажденія мои въ прошедшее*¹⁾.

Авторъ „Записокъ“ производитъ цѣльное впечатлѣніе личности глубоко-нравственной. Единственно возможное и дѣйствительно прочное человѣческое счастье заключается для него въ „добродѣтели“: „всѣ наслажденія заключены въ добродѣтели, а ели лишенному ничто не благосклонствуетъ. Все убѣгаетъ отъ сердца, изъ котораго она убѣжала“²⁾. Но эту „добродѣтель“ понимаетъ онъ не исключительно, какъ форму личнаго совершенствованія, а именно—въ смыслѣ стремленія дѣлать другимъ добро³⁾; самое знаніе цѣнитъ онъ по столько, по сколько оно ведетъ къ нравственному улучшенію человѣка⁴⁾. Съ другой стороны, просвѣщеніе онъ считаетъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для пріобрѣтенія добродѣтели: „просвѣщаясь, становимся мы добродѣтельными. Ученіе оживотворяетъ въ сердцѣ нашемъ сѣмена добрыхъ качествъ“⁵⁾. Вообще, уваженіе къ знанію, къ просвѣщенію, хотя и нѣсколько условное, составляетъ столь же видную и характеристическую черту въ духовномъ складѣ Муравьева, какъ и его стремленіе къ добродѣтели; далекій отъ мысли о способности знанія замѣнить добрую нравственность, онъ былъ чуждъ и другой крайности, по которой, съ легкой руки Ж. Ж. Руссо, наука считалась препятствіемъ къ человѣческому счастью. Научный кругозоръ Муравьева былъ широкъ; уваженіе его къ знанію не было односторонне въ пользу какой либо одной области вѣдѣнія: тутъ сказался въ немъ человѣкъ обширнаго ума и основательнаго образованія. Свой взглядъ на знаніе выразилъ онъ всего яснѣе слѣдующими словами: „сколько счастливы тѣ, въ какомъ бы состояніи, въ какомъ бы возрастѣ онъ ни былъ, который съ душевнымъ удовольствіемъ пробѣгаетъ поле наукъ! Вы мнѣ хвалите невѣжество первыхъ временъ, вы меня приглашаете предаться наслажденію жизни и пущамъ моимъ безъ размышленія; слабый разумъ мой не можетъ ничего противоположить вашимъ умствованіямъ, но не думайте, чтобы

¹⁾ Соч., III, 303. Ср. 287, 289, 299.

²⁾ Соч., III, 290.

³⁾ Соч., III, 298.

⁴⁾ Соч., III, 267.

вы его уловили. Приманенъ прекрасными видами знаній, онъ чувствуетъ живо, что также, какъ тѣло, имѣть и онъ потребности. Нѣтъ нужды, что мы никогда не совершаемъ пути знаній: сей путь уже довольно привлекателенъ по тѣмъ картинамъ, которыя окрестъ его представляются нашему взору. Сколь сладостно на немъ успокоиться! Движеніе снѣтилъ небесныхъ, строеніе тѣла, зрѣлище внутренностей земли, разсмотрѣніе человѣческихъ пороковъ и добродѣтелей, картина умершихъ поколѣній, картины чувствованій сердечныхъ, размышленіе о законахъ, искусствахъ: вся система наукъ, величественное и разнообразное зданіе, есть спокойное убѣжище отъ пороковъ, страстей и праздности“¹⁾. Широкій жизненный смыслъ знанія опредѣляетъ онъ такимъ образомъ: „все то, чего мы сами понять не можемъ, мы почитаемъ или бездѣльнымъ или недостойнымъ насъ занимать или, напротивъ того, признаемъ за нѣчто высшее и священное; почему и случается часто, что какъ презрѣніе, такъ и великое почитаніе чего либо происходитъ отъ общаго источника, отъ невѣдѣнія“²⁾.

Постоянное стремленіе къ расширенію и углубленію своего образованія, неизмѣнная потребность въ удовлетвореніи запросовъ ума не разъ наподили мысль Муравьева на вопросъ о чтеніи: „чтеніе есть одна изъ спящихъ обязанностей человѣка... Человѣкъ, мало читающій, лишаетъ себя многихъ случаевъ вспомнить свои правила, упражнять свой разумъ и сердце; воображеніе его тупѣетъ и понятія запутываются“³⁾.

Въ счастливо одаренной и уравновѣшенной натурѣ Муравьева важную роль играли и побужденія сердца; это была дѣйствительно мягкая душа, съ сильнымъ оттѣнкомъ чувствительности, которую питали начавшіяся въ ту пору у насъ вліянія новыхъ литературныхъ вкусовъ, выразителемъ и представителемъ которыхъ въ русской литературѣ скорѣ явился покровительствуемый Муравьевымъ Н. М. Карамзинъ. Въ способности чувствовать Муравьевъ находилъ наиболѣе вѣрное средство наслаждаться жизнью⁴⁾. Изъ такихъ склонностей и понятій прямо вытекаютъ тѣ мысли о дружбѣ, объ отношеніяхъ къ людямъ и проч., которыя разбросаны Муравьевымъ въ

¹⁾ Соч., III, 268—269.

²⁾ Соч., III, 280.

³⁾ Соч., III, 324, 261—262.

⁴⁾ Соч., III, 283, 320, 323.

его „Запискахъ“: „трудно жить, когда не имѣешь слѣпыхъ привычекъ“ ¹⁾; „когда ты полюбишь вновь человѣка, это—достоинство; когда ты охладѣешь къ тому, кого ты любилъ, это—несчастье: ты сдѣлался хуже“ ²⁾; „не обижать людей ниже словомъ—какая великая, необходимая наука! Я бы далъ много за дарованіе (которое я имѣлъ и потерялъ) не говорить никогда дерзновеннаго слова: слѣдствіе добраго души состоянія, боящейся въ комъ нибудь оскорбить священное званіе человѣка“ ³⁾. Велѣдствіе тѣхъ же мягкихъ и мирныхъ свойствъ снося духовной организаціи Муравьевъ скорѣе склоненъ былъ видѣть въ людяхъ доброе, чѣмъ злое; онъ рекомендуетъ строгость къ себѣ и снисходительность къ другимъ. Общий его взглядъ на жизнь—оптимистическій: „есть въ свѣтѣ прекрасное. Если ты его не видишь, это отъ того, что ты пороченъ“ ⁴⁾. Дѣятельный и постоянно занятый разнообразными обязанностями службы, наукой или литературой, Муравьевъ считалъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ и необходимыхъ условій счастія для человѣка трудъ ⁵⁾; но чтобы трудиться съ пользою и удовольствіемъ, для этого надо всецѣло быть преданнымъ тому дѣлу, которому себя посвящаешь ⁶⁾. Какъ человѣкъ, обязанный всѣмъ главнымъ образомъ самому себѣ, онъ цѣнилъ прежде всего дѣйствительное, внутреннее достоинство, или, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ нему, чуждое виѣшнихъ постороннихъ побужденій; на этомъ должно основываться истинное благородное человѣческое честолюбіе: „какъ должно стараться собирать въ средоточіе самого себя все то, что составляетъ наши преимущества! Несчастный случай можетъ спосить надежды нашего честолюбія. Коварство можетъ помрачить наше имя... Основательнѣйшее честолюбіе есть то, котораго причины въ насъ самихъ сохраняются; наше достоинство внутреннее не прирастаетъ съ новымъ чиномъ, который исканія или докучливость вырвали“ ⁷⁾. Но уравновѣшенная и полная благородныхъ побужденій, не оставшихся, какъ мы знаемъ, безплодными и въ практическомъ смыслѣ, натура Муравьева выработалась съ его стороны не безъ успѣховъ: „Записки“ оставили намъ нѣсколько указаній на мо-

¹⁾ Соч., III, 288.

²⁾ Соч., III, 290.

³⁾ Соч., III, 291.

⁴⁾ Соч., III, 288.

⁵⁾ Соч., III, 265, 277.

⁶⁾ Соч., III, 294.

⁷⁾ Соч., III, 262—263.

менты сильнаго упадка духа ихъ автора, когда онъ чувствовалъ заблужденія своего ума, жесткость сердца и слабость воли. Изъ сожалѣнiю, отсутствiе дѣтъ не позволяетъ воспользоваться этими мѣстами въ смыслъ собственно біографическомъ и привести ихъ въ связь съ тѣми или иными фактами изъ жизни Муравьева, несомнѣнно въ дѣйствительности существовавшую. Въ одномъ мѣстѣ мы читаемъ: „съ какою жалостію долженъ я оглянуться на успѣхи лѣности и разрушеніе силъ душевныхъ, почти для меня неизбежное. Въ три мѣсяца не могу собраться прочесть Тасса; Виргиліа читаю съ тѣмъ равнодушіемъ, которое недавно почиталъ я самъ несчастіемъ. Если примусь по случаю за какое нибудь упражненіе, то лѣность въ то же мгновеніе упражняется сыскать причину покинуть его. Минутъ легка уже кажется самая скука, сіе бремя человѣчества, въ сравненіи труднаго и малѣйшаго вниманія, которое должно употребить на чтеніе, на чувствованіе читаемаго. И послѣ сего я еще сплю спокойно и терплю бытіе мое и бытіемъ своимъ скучаю тѣмъ, которымъ долгъ мой есть дѣлать онымъ же удовольствіе“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу ощущаемой утраты способности любить людей, которую Муравьевъ считаетъ обязательной и врожденной доброму и неиспорченному сердцу, онъ говоритъ: „когда вопль совѣсти, тишечно подавляемый, возвышается противъ насъ, когда противорѣчится сильнѣйшая любовь, любовь самого себя, тогда природа отъемлетъ у насъ мало-по-малу свои прелестныя зрѣлища и наслажденія. Свѣтлость наша исчезаетъ, желанія наши становятся мертвы, а философія наша безъ силы и пріятности. Мы отмщамъ себѣ самимъ за сіе преступленіе противъ природы, нами обезображенной, спѣдая самихъ себя, муча, ненавидя. Намѣренія наши становятся безпорядочны, поступки дики и непріятны, рѣчи запутаны, слогъ варварской“²⁾.

Такимъ представляется М. Н. Муравьевъ, на основаніи его „Записокъ“, со стороны общихъ и наиболѣе характеристическихъ свойствъ своей личности. Но Муравьевъ былъ еще и писатель; въ „Запискахъ“ его есть не мало мѣстъ, характеризующихъ эту сторону его духовнаго образа; съ другой стороны, и самыя произведенія его, прозаическія и стихотворныя, не лишены, въ смыслѣ общей характеристики автора, извѣстнаго значенія; то и другое можно усмотрѣть изъ слѣдующаго ниже разсмотрѣнія его литературной дѣятельности.

¹⁾ Соч., III, 278.

²⁾ Соч., III, 283—284.

III.

Въ „Запискахъ“ Муравьева мы находимъ нѣсколько замѣчаній, касающихся литературы и имѣющихъ интересъ для характеристики собственной его дѣятельности въ этой области. Будучи человекомъ своего времени, когда преимущественнымъ уваженіемъ пользовалась стихотворная форма литературы, и вкусъ къ прозаической формѣ, въ которой съ успѣхомъ заявлялъ себя Н. М. Карамзинъ, только лишь началъ получать нѣкоторое признаніе, Муравьевъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи общему мнѣнію и, говоря о литературѣ въ серьезномъ смыслѣ, почти исключительно разумѣлъ стихотворство. Выработать изъ себя поэта-стихотворца было весьма рано зародившеюся мечтой Муравьева, привлекавшей его независимо отъ какихъ либо постороннихъ соображеній: „я не желаю пустой чести быть стихотворцемъ, но желаю счастья говорить, живописать чувствованія, драгоценныя человѣчеству, возбуждать способности, изнемогающія въ душѣ моей... Въ нашей землѣ, въ наше время стихотворство не есть ни обогащеніе, ни степень къ честямъ. Кто не умѣетъ жить съ собою и не полагаетъ всего своего награжденія въ собственномъ наслажденіи и въ томъ, что книга его пойдетъ въ потомство, того музы не удостоиваютъ своего обхожденія ¹⁾. Но онъ скоро почувствовалъ скромные размѣры своихъ стихотворныхъ дарованій ²⁾. Отъ ложнаго обольщенія и напрасныхъ усилій сдѣлаться стихотворцемъ во что бы то ни стало (примѣры чего въ ту пору были весьма перѣдки) спасли Муравьева его широкая и основательная образованность, знакомство съ образцами поэзіи какъ иностранныхъ, такъ и нашихъ русскихъ, наконецъ, чуждая всякихъ корыстолюбивыхъ побужденій любовь къ литературѣ. Высшимъ изъ всѣхъ родовъ поэзіи Муравьевъ считалъ эпическую; лучшихъ эпиковъ видѣлъ въ Гомерѣ и Виргиліѣ, Энеиду котораго называлъ „божественнымъ твореніемъ“: „читать Виргилія многоходомъ есть оскорбленіе стихотворства и чувствительности. Съ нимъ надобно познакомиться и никогда не отчуждаться его“ ³⁾. Очень высоко ставилъ Муравьевъ также и форму драматическую: однимъ изъ самыхъ настоячивыхъ литературныхъ желаній его было

¹⁾ Соч., III, 270.

²⁾ Соч., III, 321.

³⁾ Соч., III, 315.

написать трагедію „Болеславъ“: „симъ сочиненіемъ хочу я быть извѣстенъ“, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ ¹⁾, но намѣреніе это осталось неисполненнымъ: въ бумагахъ его остались лишь отрывки изъ этого труда ²⁾, въ связи съ которыми находится стихотвореніе „Болеславъ, король польскій“ ³⁾. Поклонникъ литературы древне-классической и хорошій знатокъ ея, Муравьевъ ставилъ для современныхъ ему писателей произведенія древнихъ поэтовъ образцами, особенно достойными изученія и подражанія: „питомецъ живописи, прежде нежели дерзнетъ испытать кисть свою въ писаніи съ природы, долго упражняетъ ее надъ списываніемъ образцовъ и изученіемъ древности. Такой же путь предначертанъ и стихотворцу: не достааетъ ли сему послѣднему изобилія образцовъ? И противъ Рафаэлевъ, Тиціановъ и Корреджіевъ развѣ не имѣетъ стихотворство поставить Гомеровъ, Виргиліевъ и Анакреоновъ“ ⁴⁾? Поэтому совершенно понятно, что въ другомъ мѣстѣ Муравьевъ считаетъ своими образцами то Виргилія, Тасса, Расина, Клопштока и Виланда, осуждая при этомъ Марини и Катулла ⁵⁾, то Сумарокова, Хераскова, Майкова, Княжнина ⁶⁾, хотя достоинства этихъ писателей далеко не одинаковы, но они могутъ быть объединены литературными вкусами Муравьева въ пользу классицизма какъ подлиннаго, такъ и возрожденнаго. Изъ отечественныхъ писателей наибольшимъ уваженіемъ его пользовались Сумароковъ, Херасковъ и особенно Ломоносовъ, высокую оцѣнку котораго онъ высказываетъ какъ въ своихъ „Запискахъ“ ⁷⁾, такъ и въ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ въ одномъ („Видѣніе“) онъ называетъ его „краса отечества, безсмертный Ломоносовъ“ ⁸⁾, а въ другомъ („Избраніе стихотворца“) прямо говоритъ:

Я блескомъ обольщенъ прославившихся россовъ,
На лавръ пробуждать хвалебный гласъ учусь
И за кормой твоей, отважный Ломоносовъ,
Какъ малая ладья, въ свирѣный поитъ несусь ⁹⁾.

¹⁾ Соч., III, 270.

²⁾ Соч., I, 197.

³⁾ Соч., I, 22—24.

⁴⁾ Соч., III, 295.

⁵⁾ Соч., III, 310.

⁶⁾ Соч., III, 270.

⁷⁾ Соч., III, 319.

⁸⁾ Соч., I, 6.

⁹⁾ Соч., I, 16.

Если выгоды поэта-стихотворца, дѣйствительно преданнаго дѣлу, какъ мы видѣли. Муравьевъ усматривалъ единственно въ близости его къ источнику истиннаго наслажденія, то на роль писателя вообще смотрѣлъ онъ съ точки зрѣнія высокаго его призванія проповѣдывать благородныя и возвышенныя истины, серьезную и строгую мораль, а для этого самъ писатель долженъ проникнуться такими истинами, быть на самомъ дѣлѣ въ полномъ соответствіи съ такой моралью: „не имѣть нравовъ, быть безпечнымъ къ добродѣтели или еще болѣе— быть ся отступникомъ, наносить безчестіе и тому, который знаетъ худо азбуку, колымъ наче имѣющему исключительное право мыслить, поспитанному, просвѣщенному, имѣющему высокій духъ и дарованія, колымъ наче такому. каковымъ льстятся быть писатели: не для того, чтобъ естествомъ они были выше челоуковъ, но для того, что они болѣе другихъ упражняли разумъ свой и не желали себѣ ничего, кромѣ мудрости“¹⁾. Строгий сторонникъ нравственной тенденціи въ литературѣ, Муравьевъ. удивляясь дарованіямъ Катулла, Овидія, Марини и Лафонтена, не могъ отдать имъ своего сочувствія и, напротивъ, преклонялся по этому самому предъ Клейстомъ, Клопштокомъ, Гесснеромъ и Галлеромъ²⁾. Муравьевъ былъ того мнѣнія, что писатель, желающій имѣть вліяніе на умы и сердца своихъ читателей, долженъ знать жизнь, а для этого—вращаться въ обществѣ: „надобно читать, чтобы судить о книгахъ; чтобы судить о людяхъ, надобно съ ними обращаться“³⁾; по выѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ, что для писателя не менѣе необходимо и уединеніе: „уединеніе необходимо не только отъ того, что присутствіе посторонняго нарушаетъ спокойное упражненіе его; иногда стоитъ ему труда быть совершенно одному и тогда, когда съ нимъ никого нѣтъ... Въ пустынѣ только сотворится мудрецъ, стихотворецъ и вспыльчивый защитникъ истины, то-есть, собственныхъ своихъ мыслей“⁴⁾.

Литературная дѣятельность Муравьева началась очень рано: въ бумагахъ его, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, имѣется переводъ съ французскаго въ стихахъ, помѣченный 1768 годомъ, когда переводчику было 11 лѣтъ. Къ 1771 году относится стихотворная эклога его, написанная въ подражаніе Virgilію и по-

¹⁾ Соч., III, 321.

²⁾ Соч., III, 273.

³⁾ Соч., III, 266.

⁴⁾ Соч., III, 265.

священная А. В. Олешову ¹⁾. Вообще въ ранніе годы своей литературной дѣятельности Муравьевъ писалъ, главнымъ образомъ, стихами ²⁾. По формѣ стихотворенія Муравьева являются то въ видѣ оды („Военная пѣснь“, „Храмъ Марсовъ“), то въ видѣ посланія („Сельская жизнь“, „Письма“ къ „Феофѣ“, къ „Хемницеру“, къ „И. П. Тургеневу“), ученаго стихотворенія („Зрѣніе“, „Объ изученіи природы“), историческаго стихотворенія („Болеславъ, король польскій“, „Фарсальская битва“), epitaphii (Елизаветѣ Львовнѣ Парышкиной) и т. п. Всѣ эти формы имѣлись въ нашей литературѣ и до Муравьева, который не сумѣлъ влить въ нихъ особенно оригинальнаго или вообще замѣчательнаго содержанія, такъ что, какъ стихотворецъ, Муравьевъ не можетъ быть выдвинутъ изъ числа посредственныхъ писателей своего времени. Мы уже видѣли, что въ этомъ отношеніи Муравьевъ относительно самого себя не обманывался. Въ одномъ изъ стихотвореній, обращаясь къ музѣ, онъ говоритъ:

И мнѣ съ младенчества ты Фею была,
Но благосклоннѣе сначала,
Ты утро дней моихъ прилежитѣй посѣщала.
Почто-жъ печальная распространилась мгла
И ясной полдень мой своей прикрыла тѣнью?

¹⁾ Соч., I, 11—15. Объ Алексѣѣ Вас. Олешовѣ и его отношеніяхъ къ М. Н. Муравьеву см. замѣтку *М. Лонгинова* „А. В. Олешовъ“ въ *Русской Старинѣ*, 1870, I, стр. 541—543.

²⁾ Кромѣ вошедшихъ въ собраніе сочиненій (I, 3—66), назовемъ еще слѣдующія отдѣльныя изданія стихотвореній Муравьева, оригинальныхъ и переводимыхъ (см. *Геннадіи* „Справочный словарь“, II, 354, и *М. Лонгинова* „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій М. Н. Муравьева“ въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 г., № 11—12):

Басни въ стихахъ, кн. I, С.-Пб., 1773.

Переводныя стихотворенія, С.-Пб., 1773.

Петронія Арбитра гражданская брань, поэма. Съ латинскаго перевелъ л.-гв. Измайловскаго полку капитанармусъ Мих. Муравьевъ. Безъ мѣста и года (по Сопикову № 2873: С.-Пб., 1774).

Разныя оды, С.-Пб., 1775.

Ода Е. Н. В. Государынѣ Екатеринѣ II, Императрицѣ Всероссійской, на замиреніе Россіи съ Портою Оттоманскою. Соч. л.-гв. Измайловскаго полку капитанармуса Мих. Муравьева. С.-Пб., безъ года (1775). И затѣмъ въ журналахъ:

Епистола къ П. Р. Р. (*Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго собранія при Московск. университетѣ*, ч. IV, 1778, стр. 292). Ода „Утреннія размышленія“ (*Утренній Свѣтъ* Н. Новикова, ч. IV, 1778, стр. 378). „Время“ (*Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова*, ч. II, 1783, стр. 129). „Зелесъ и Грошъ“ (*Вѣстникъ Европы*, 1810, № 9, стр. 49).

Иль лавровъ по слѣдамъ твоимъ не соберу?
 И въ пѣсляхъ не преѣду къ другому поколѣнью?
 Или я весь умру? ¹⁾).

Являясь во многихъ случаяхъ данью уваженія современнымъ литературнымъ формамъ, стихотворенія Муравьева не представляютъ собою выраженія непосредственного настроенія ихъ автора въ тѣ или иные минуты жизни, а потому очень бѣдны данными для его личной характеристики; въ этомъ отношеніи они очень мало могутъ дополнить указанія „Записокъ“. Идеалъ жизни, по скольку онъ выразился въ стихотвореніяхъ Муравьева, былъ спокойный, близкій къ природѣ:

Не слава, о мой другъ, не шумъ оружія бранныхъ,
 Жизнь сельская зоветъ согласія мон,
 Въ долинахъ, муравой цвѣтущею усталыхъ,
 Гдѣ Лухта льетъ тебѣ прозрачныя струи;
 Гдѣ ты изъ терема, куда ни кинешь взоры,
 Повсюду мирное свое владѣнье зришь.
 Тебѣ окружныя желтѣютъ жатвой горы,
 Поля, гдѣ шествуешь, присутствіемъ живишь,
 Тѣснятся вокругъ тебя прилежные селяне,
 И нимфы вьютъ тебѣ вѣнки изъ васильковъ;
 Съ зарею встаютъ восхода солнца ранѣ,
 Желѣзомъ вооружась блистающихъ серповъ.
 Ахъ, счастливы стократъ, свое колы счастье знаютъ!
 Трудятся, суетно свой умъ не бременя;
 Гуляньемъ лѣтні дни иль пляской заключаютъ
 И пѣсенки поютъ у зимняго огня ²⁾).

Счастіе авторъ представляетъ себѣ такимъ образомъ:

„Сіянье пышнее отличій и честей,
 Души тѣснотной пища,
 Благополучія не доставляютъ ей,
 Колю нѣтъ внутри оя спокойствію жилища:
 Для добрыхъ, незлобной души
 Минуты счастья текутъ во всяко время;
 Не пѣтъ, а въ насъ самихъ и бѣдъ и счастья сѣмя,
 И дни прекрасныя лишь намъ хороши ³⁾)).
Счастливы тотъ и тотъ одинъ свободенъ,
 Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходитъ,
 Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
 Въ себѣ самомъ свое достоинство сокрылъ;

¹⁾ Соч., I, 65.

²⁾ Соч., I, 20—21 („Сельская жизнь“).

³⁾ Соч., I, 34 („Размышленіе“).

Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури умирняетъ
И скуку житія ученіемъ украшаетъ ¹⁾.

Удачныѣе и съ лучшимъ соотвѣтствіемъ формы содержанію тѣ немногія стихотворенія Муравьева, въ которыхъ выражается тихая грусть, меланхолическая мечтательность и идиллическая настроенность автора: эти мотивы были въ особенности сродны натурѣ нашего писателя, требовали съ его стороны наименьшаго искусственнаго напряженія при замыслѣ и выполненіи, и потому выходили естественнѣе и проще. Таково, напримѣръ, стихотвореніе „Ночь“.

Прозанческія сочиненія Муравьева, по сколько они извѣстны въ печати ²⁾, представляютъ собою главнымъ образомъ изложеніе тѣхъ уроковъ, которые, какъ выше упомянуто, давалъ онъ великимъ князьямъ Александру и Константину, въ качествѣ наставника ихъ по предметамъ русской исторіи, русской словесности и нравственной философіи ³⁾. Сочиненія эти, облеченныя въ форму краткихъ статей, по содержанію своему не представляютъ какихъ либо изысканій въ названныхъ областяхъ, но, сообразно своему первоначальному назначенію, являются легкимъ и эпизодическимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ изъ круга нравственной философіи, исторіи и словесности съ неизмѣнно проводимой общей правоучительной подкладкой.

Предметъ нравственной философіи, или „нравоученія“, Муравьевъ понимаетъ очень широко, включая сюда „естественное право“, опредѣляющее отношеніе человѣка къ Богу, къ ближнему, къ самому себѣ; „политику“, въ которую входитъ изложеніе гражданскихъ обязанностей, и „народное право“, соотвѣтствующее, по современной терминологіи, праву международному, преимущественно въ нравственныхъ его примѣненіяхъ. „Нѣкоторой науки предметъ не положенъ къ намъ столь близко, не соединенъ болѣе съ благосостояніемъ существа нашего, не можетъ болѣе возвысить человѣка, если пространный ра-

¹⁾ Соч., I, 68 („Епистола къ П. П. Тургеневу“).

²⁾ Еще до выхода въ свѣтъ перваго собранія сочиненій Муравьева нѣтъ самими изданы были (въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и не для продажи) нѣкоторыя статьи въ книжкѣ: „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Въ грядѣ снутаго Петра, МДССХС года“; „Опыты исторіи, писемъ и нравоученій. Печатано въ Императорской типографіи 1796“. Затѣмъ, Карамзинскими были изданы въ 2-хъ частяхъ „Опыты исторіи словесности и нравоученія, М., 1810“, а потомъ К. Н. Батюшковымъ и А. П. Оленинымъ „Обитатель предѣстья и Эмиліевы письма, С.-Пб., 1815“.

³⁾ См. замѣтку П. Б. „Учебная тетрадь Императора Александра Павловича“ въ *Русскомъ Архивѣ* 1886 г., № 1, стр. 111—113.

зумъ, чувствительное и нѣжное сердце имъ заемяются, какъ сія трогательная часть философіи¹⁾. Оптимистически смотря на природныя начала каждой человѣческой личности, авторъ высказываетъ мнѣніе, что стоитъ только знать, какъ и что дѣлать, чтобы вообще дѣлать и поступать хорошо, быть вполне нравственнымъ: „мы только отъ того порочны, что мы незнающіи“²⁾. Отсюда глубокая вѣра въ практическую силу „философіи нравственной“, какъ науки. Высшимъ развитіемъ личной нравственности человѣка является полное и вѣрное пониманіе имъ своихъ общественныхъ обязанностей; въ этомъ онъ полагаетъ главное „достоинство человѣка“, какъ существа, живущаго „для общества и для потомства“. Однако, въ дальнѣйшемъ развитіи этого положенія Муравьевъ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою: поставивъ себѣ задачей опредѣлить, въ чемъ заключается истинное „блаженство“ человѣка, онъ, вмѣсто того, чтобы представить систему упомянутыхъ общественныхъ обязанностей въ ихъ идеальномъ примѣненіи, видитъ блаженство въ такого рода состояніи, которое почти совершенно освобождаетъ человѣка отъ всякихъ обязанностей общественнаго характера: „ежели бы мнѣ надобно было представить очевидное изображеніе человѣка, я сказалъ бы: блаженъ обитатель спокойной сѣни, на уединенномъ лугу, близъ источника тихой и прозрачной рѣчки, подъ деревомъ, имъ самимъ насажденнымъ, и котораго благотворный листъ защищаетъ его отъ свирѣпости вѣтра! Уединеніе и бѣдность ограждаютъ его отъ нападенія нечестивыхъ. Путь жизни его есть тайная тропинка, которую любить находить пріятная задумчивость чувствительнаго человѣка...“ и т. д.³⁾ словомъ, рисуется картина идиллической жизни въ сантиментально-мечтательномъ вкусѣ, имѣющая мало общаго не только съ общественными обязанностями, но и вообще съ какой бы то ни было живой дѣйствительностью. Вторую часть „напоученія“, политику, Муравьевъ излагаетъ весьма кратко, а третьей, народнаго права, совсѣмъ не касается. Мы не имѣемъ данныхъ судить о томъ, былъ ли таковъ курсъ Муравьева по нравственной философіи его царственными ученикамъ и въ дѣйствительности, или онъ былъ обстоятельнѣе и полнѣе, а въ печать попали изъ него лишь отдѣльныя статьи: послѣднее прѣостыѣе.

¹⁾ Соч., III, 1.

²⁾ Соч., III, 46.

³⁾ Соч., III, 52—53.

Статья по русской исторіи, занимающія почти весь II-й томъ собранія его сочиненій ¹⁾, собраны подъ слѣдующими рубриками: „Эпохи русской исторіи“, „Письма къ молодому человѣку о предметахъ, касающихся исторіи и описанія Россіи“, „Краткое начертаніе русской исторіи“, „Разсѣяныя черты изъ землеописанія русскаго“. Эпизодическій способъ изложенія, въполнѣ естественный при педагогическихъ цѣляхъ Муравьева, когда въ сравнительно короткое время нужно было объять обширный кругъ историческихъ событій, оправдываетъ авторъ еще и безотносительно: „въ шестин исторіи не должно останавливаться надъ происшествіями безплодными и уединенными, которыхъ дѣйствіе было мгновенно или тѣсными предѣлами ограничено, надъ сею утомляющею картиною брани и сраженій, давно позабытыхъ, съ маловажными причинами, ихъ внушившими. Тѣ токмо происшествія заслуживаютъ все наше вниманіе, которыя были ступенями или препятствіями народнаго восхожденія отъ дикости и невѣжества къ просвѣщенію и знаменитости. Начертаніе ихъ, освобожденное отъ побочныхъ обстоятельствъ, впечатлѣваетъ въ разумъ неизгладимое воспоминаніе. Особенно достойны вниманія наблюдателя нравы, владычествующій образъ мыслей, успѣхи общества, правила, заблужденія, обряды, которыми отличается каждое столѣтіе“ ²⁾. Изъ этихъ послѣднихъ словъ, кромѣ того, видна и общая точка зрѣнія Муравьева при выборѣ изъ обширнаго историческаго матеріала именно того, что наиболѣе существенно и въ образовательномъ отношеніи наиболѣе полезно; эта точка зрѣнія, дѣйствительно заслуживающая вниманія, у него въ самомъ дѣлѣ выдержана: онъ болѣе говоритъ о внутреннихъ условіяхъ народной жизни и гораздо менѣе о вѣншихъ. Историческіе его очерки имѣютъ цѣлію болѣе историко-культурную, чѣмъ въ узкомъ смыслѣ историческую задачу: рядомъ съ вопросами политическими онъ говоритъ не только о климатическихъ и другихъ природныхъ условіяхъ страны, о торговлѣ, промышленности, финансахъ, законодательствѣ, но и объ успѣхахъ изящныхъ искусствъ и литературы. Историческое изложеніе прерывается черѣдко правоучительными вставками: „ложное разсужденіе политики, — говоритъ авторъ объ удѣльныхъ временахъ, — составило, кажется, несчастіе Россіи. Воображали, что трудное преимущество управлять народами, подобно лич-

¹⁾ Въ началѣ тома (стр. 1—86) помѣщенъ рядъ эпизодическихъ очерковъ по всеобщей исторіи.

²⁾ Соч., II, 110.

ному имѣнію государя, можетъ и долженствуетъ по справедливости быть раздѣляемо ровно между дѣтей его. Опыты и здравый разумъ свидѣтельствуютъ, напротивъ того, что санъ государя, какъ отца народа, есть въ государствѣ одинъ и нераздѣлимъ; государственное есть не только право владѣнія, но и домъ превосходной благотворительности“¹⁾; „государство столь пространное, какъ Россія,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—не можетъ имѣть другого образа правленія, кромѣ единоначалія, соединяя всѣ силы государства въ рукахъ одной особы, награждаетъ отдаленность предѣловъ скоростію исполненія“²⁾ и т. п.

Еще болѣе правоучительнаго элемента въ тѣхъ статьяхъ, которыя, какъ можно предполагать, входили въ курсъ Муравьева по словесности; послѣдней онъ даетъ наименованія то „изящныхъ писемъ“, то „прекрасныхъ писемъ“, то „словесныхъ наукъ“. Современное общеобразовательное значеніе словесности выразилось въ такомъ ея опредѣленіи Муравьевымъ: „словесныя науки первыя пріемлютъ и воспитываютъ человѣческій разумъ, едва исходящій изъ младенчества, смѣняя почувствительнымъ образомъ грубыя игры перваго возраста нѣжнѣйшими и возвышеннѣйшими забавами разумнія, чувствованія, воображенія. Чтеніе открываетъ ему сокровище природы, разверзаетъ передъ нимъ завѣсу прошедшаго. Сердце чувствительнаго молодого человѣка бьется съ сладостнымъ восхищеніемъ при трогających дѣяніяхъ благотворительности и великодушія, которыя ему или исторія сохранила, или сотворяетъ вымыслъ. Онъ пріучаетъ слухъ свой къ нѣмлющему согласію стихотворства, къ важному теченію періодовъ оратора“... и т. д.³⁾. Понятія о нравственности и добродѣтели, какъ мы уже выше видѣли, тѣсно связаны у Муравьева съ понятіемъ хорошаго литературнаго произведенія, которое необходимо дѣйствуетъ въ нравственномъ смыслѣ благоприятно на человѣка, облагораживая его умъ и сердце, отвлекая его отъ дурного въ томъ или другомъ отношеніи. Способность такого нравственнаго воздѣйствія принадлежитъ искусству вообще: „кто восхищается красотами поэмы или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія своего въ несчастія другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безпутства или въ исканіи подлой корысти“⁴⁾. Поэтому ин-

¹⁾ Соч., II, 233—234.

²⁾ Соч., II, 394.

³⁾ Соч., III, 111—112.

⁴⁾ Соч., III, 123.

интересъ къ искусствамъ считаетъ Муравьевъ признакомъ просвѣщеннаго ума, къ какой бы сферѣ жизненныхъ отношеній человѣкъ ни принадлежалъ ¹⁾. Главенствующее положеніе художественной литературы въ кругу искусствъ выражено Муравьевымъ въ такомъ опредѣленіи „Исторіи письменъ“, какъ особаго „отдѣленія исторіи“, по которому она „занимается повѣствованіемъ разныхъ преобращеній человеческого разума, начала успѣховъ, паденія искусствъ и просвѣщенія“ ²⁾,—опредѣленіе неясное, приближающее „исторію письменъ“ къ исторіи мысли, просвѣщенія и вообще внутренней духовной культуры и указывающее на неясность понятій объ этой сферѣ знанія въ концѣ прошлаго вѣка; этимъ обстоятельствомъ и слѣдуетъ объяснять присутствіе въ статьяхъ разбираемой категоріи весьма разнообразнаго и съ теперешней точки зрѣнія далеко не однороднаго матеріала.

Общая свѣдѣнія изъ первоначальной исторіи человеческого слова и связанныхъ съ нимъ логическихъ понятій можно найти въ статьяхъ: „О свойствѣ и происхожденіи языковъ“, „Внутреннее сознаніе, второй источникъ понятій“, „Совокупленіе идей“ и др. Въ научномъ отношеніи эти статьи въ настоящее время не могутъ уже представлять никакого интереса, да и въ свое время онѣ, повидимому, были мало на него расчитываемы: это скорѣе—рядъ замѣчаній легкихъ и берушихъ предметъ вообще; тѣмъ же характеромъ отличаются и теоретическія замѣтки по вопросамъ словесности, разбросанныя у Муравьева въ разныхъ статьяхъ и не сведенныя въ одно цѣльное изложеніе.

Весьма типическимъ образомъ литературно-критическихъ приемовъ Муравьева можетъ служить статья, не вошедшая въ собраніе его сочиненій и напечатанная имъ еще до начала своихъ педагогическихъ занятій: это—„Разсужденіе о различіи слога въ высокаго, великолѣпнаго, величественнаго, громкаго, надутаго“, помѣщенное въ „Опытѣ трудовъ Вольнаго Россійскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“ (ч. VI, 1783). Этюдъ—чисто стилистическій. Логическое происхожденіе разныхъ оттѣнковъ высокаго слога, указанныхъ въ заглавіи статьи, авторъ объясняетъ такимъ образомъ: „известно, что слогъ пріемлетъ различныя измѣненія и свойства менѣе словами, нежели самымъ содержащимъ дѣла... Одинъ, понимая высокую мысль, устремляетъ все свое вниманіе къ

¹⁾ Соч., III, 122.

²⁾ Соч., III, 177.

основательности и силѣ оной и изображаетъ ее просто, но сильно. Другой понимаетъ ее только съ той стороны, которая наиболѣе обѣщаетъ его воображенію; та же самая мысль изъясняется имъ, но болѣе льститъ разуму, нежели поражаетъ душу. Иной, представляя ее же, того только смотритъ, подѣ какими бы чертами могла она соединить болѣе прелестей для согласія. Къ высотамъ мысли присоединяетъ онъ такіе выраженія, такіе слова, которыя удачнымъ звукомъ своимъ находятъ пѣкую потаенную стезю намъ правиться и возбуждаютъ новыя соображенія. Есть и такой, который, плѣнившись смущеніемъ высоты, изыскиваетъ въ сей же самой мысли новыя черты величія и сильнѣйшихъ выраженій, истощаетъ ее и не перестаетъ гоняться за высотой, покуда принужденъ будетъ недостаткомъ малыхъ и низкія понятія принимать за высокія. Сила и громкость выраженія исчезаютъ, есть ли мысль, которую онѣ сопровождаютъ, слаба, чтобы съ ними сравниться, и сіе-то называется надутымъ¹⁾. Далѣе идутъ объясненія каждаго изъ оттѣнковъ высокаго слога, съ приведеніемъ соотвѣтствующихъ примѣровъ изъ иностранныхъ писателей и изъ Ломоносова.

Слѣдомъ практическихъ занятій Муравьева съ великими книжками русской словесности остались прозаическія піесы: „Обитатель предмѣстія“, „Эмилиевы письма“, „Тетрадь для сочиненій“, „Доброе дитя, драматическая сказочка“, „Оскольдъ, повѣсть очерпнутая изъ отрывковъ древнихъ готскихъ скальдовъ“, „Разговоры мертвыхъ“. Разсматривать ихъ, какъ литературныя произведенія, можно лишь при особой точкѣ зрѣнія на нихъ, опредѣляемой педагогическимъ ихъ назначеніемъ. Наиболѣе интересными изъ нихъ должны быть признаны „Обитатель предмѣстія“ и „Эмилиевы письма“. Оба сочиненія написаны въ формѣ писемъ. Письма „Обитателя предмѣстія“ помѣчены 1790 годомъ, со 2-го августа по 1-е ноября; „Эмилиевы письма“ имѣютъ на себѣ лишь даты дней и мѣсяцевъ, безъ указанія года. Обѣ піесы находятся между собою въ связи: въ первой есть указаніе на вторую²⁾ и во второй — на первую³⁾; содержащія обѣихъ служатъ картины изъ обывальной жизни, сопровождаемыя разнообразными сужденіями по ихъ поводу. Въ первой піесѣ — передъ нами нѣсколько личностей, заслуживающихъ вниманія по влагаемымъ въ

¹⁾ Стр. 4—5.

²⁾ Соч., I, 87.

³⁾ Соч., I, 191, 196.

нихъ нравственныхъ тенденціямъ автора. Таковъ, напримѣръ, графъ Благотворовъ, въ которомъ нарисованъ идеаль помѣщика; это лицо исполнено всевозможныхъ прекрасныхъ качествъ: добросердечія, самопожертвованія, величайшей честности, полного безкорыстія и т. п., по самымъ выдающимся изъ нихъ является умѣніе его дѣлать людей счастливыми, не выключая и своихъ крестьянъ, на отношеніяхъ къ которымъ графа Благотворова авторъ особенно останавливается: „онъ не имѣетъ слугъ, ежели симъ именемъ означаются несчастные и равные намъ люди, которые принуждаются бѣдностью состоянія своего исполнять безъ награжденія всѣ наши своеправія. Онъ кажется окруженъ толпою внимательныхъ пріятелей, которыхъ покровительствуетъ. Не помнятъ въ домѣ, чтобы онъ огорчилъ кого грубымъ словомъ, не для того, чтобы не случилось никогда ошлошности,—это невозможно, но онъ почитаетъ обязанностию своею исправить преступившаго съ тихостию и думаетъ, что обезчеститъ самого себя, ежели въ домашнемъ своемъ унизить ругательствомъ достоинство человѣка. Часто отлагаетъ и самыя кроткія увѣщанія свои, затымъ, что видитъ въ сердцѣ преступника величайшее наказаніе. Тотъ, кто былъ удостоенъ его выговора, не промѣнялъ бы ни за что утѣшенія быть имъ наставлену. Столько тихость господина дѣлаетъ сердца служителей кроткими и чувствительными!... Говоря со слугами своими, онъ никогда не забываетъ, что говорить съ людьми. Всѣ его приказанія умягчены какою нибудь ласкою: „потрудишься, другъ мой; не тяжело ли тебѣ будетъ?“ или что нибудь подобное. При исполненіи какого нибудь порученія, никогда не преминетъ хвалить за скорость и исправность“¹⁾. О графѣ Благотворовѣ говоритъ авторъ и въ „Эмилиевыхъ письмахъ“: „графъ Благотворовъ (никогда имя не сходствовало болѣе со свойствомъ человѣка) полагаетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы дѣлать добро другимъ. Богатство, почести, знатность, кажется, получилъ онъ для того, чтобы быть полезнымъ большому числу людей. Оказывая благодѣянія, онъ первой ихъ позабываетъ. Умолчать добро, которое сдѣлалъ, для него самое величайшее удовольствіе“²⁾. Эта же личность, подъ именемъ графа Евергетона, нашла себѣ нѣкоторое выраженіе и въ одной небольшой статьѣ „Симпатія“³⁾. Какъ бы для отбѣненія превосходной личности графа Благотворова, Муравьевъ въ

¹⁾ Соч., I, 92—94.

²⁾ Соч., I, 143.

³⁾ Соч., III, 243—245.

„Обитателѣ предмѣстія“ рисуеъ подѣ именемъ князя . . . личность совершенно ему противоположную: крестьяне у него бѣдны и несчастны, самъ онѣ страстно преданъ развлеченіямъ охоты, пировъ и грубаго шутовства; презирая истинную пользу въ своемъ хозяйствѣ и въ своей домашней обстановкѣ, онѣ предпочитаетъ этому блестящую роскошь; крестьянъ своихъ онѣ считаетъ не за людей, а за какія-то особыя низшія существа, обязанныя на него работать; онѣ невѣжественъ и грубъ въ обхожденіи ¹⁾. Въ сочувственно-саентиментальномъ свѣтѣ рисуеъ авторъ сельскаго священника ²⁾, судью Карманова ³⁾, купца Кормилина ⁴⁾. Въ письмахъ „Обитателя предмѣстія“ видно желаніе автора внушить чувство уваженія къ простому народу, къ „селянамъ“, на которыхъ онѣ смотритъ съ крайнимъ идеалистическимъ и идиллическимъ оптимизмомъ. Чертами русскаго „народнаго умоначертанія“ онѣ считаетъ „бодрость духа, разсужденіе простое и здоровое, неутомимое трудолюбіе“. Личное достоинство для него выше всякихъ другихъ виѣшнихъ и случайныхъ преимуществъ: „оно одно принадлежитъ человѣку и возвышаетъ всякое состояніе“.

„Эмилиевы письма“, писанныя къ другу Филарету, отличаются преобладаніемъ собственно литературнаго содержанія: тутъ можно найти общія сужденія о литературѣ и искусствахъ и отзывы о писателяхъ, главнымъ образомъ иностранныхъ. „Не можно быть чувствительну къ пріятностямъ *красноречія* и *стихотворства* и не отдавать достойнаго почтенія *изящнымъ искусствамъ*. Онѣ соединены сродственнымъ союзомъ между собою. Подражаніе природѣ служить всѣмъ имъ основаніемъ, и одни только способы ихъ различны. Живопись подражаетъ ей чертами, музыка—звуками, стихотворство—словомъ. Всѣ онѣ обращаются къ чувствованію и воображенію, всѣ представляютъ увеселеніе чистое и возвышенное, достойное человѣка“ ⁵⁾. Тутъ же можно найдти сужденія о необходимости подражанія древнимъ въ литературѣ ⁶⁾, о задачахъ переводчика классическихъ писа-

¹⁾ Соч., I, 97—99.

²⁾ Соч., I, 70—71, 88—90.

³⁾ Соч., I, 105—106. Письмо Муравьева къ этому Карманову, который является тутъ, какъ, вѣроятно, и нѣкоторыя другія личности, спискомъ съ живаго оригинала, отъ 1776 г. См. въ „Лѣтоп. русск. литературы и древностей“ Н. С. Тихонравова, т. IV, 1862 г., стр. 69—70.

⁴⁾ Соч., I, 109—110.

⁵⁾ Соч., I, 151—152.

⁶⁾ Соч., I, 171—172.

телей ¹⁾, объ отличительныхъ свойствахъ Шекспира, Корнелия и Ра-сина, Мольера, Лафонтена, Вольтера, Томаса, Делиля и др. ²⁾. Касательно русской литературы авторъ писемъ говоритъ своему другу: „ты знаешь, раздѣляю ли я ревностное желаніе твое, чтобъ прекрасный языкъ нашъ имѣлъ наконецъ своихъ классическихкихъ писателей, чтобы мы не принуждены были удивляться однимъ только иностран-нымъ умамъ... Зачѣмъ у насъ пристрастіе къ прекраснымъ писме-намъ не столь же дѣйствительно (какъ въ Германіи) и не побу-ждаетъ молодыхъ чувствительныхъ людей къ заслуженію благодарно-сти отечества? Мы менѣе прилѣпляемся къ ученію древнихъ и оболь-щены пріятностями чужаго языка, который сдѣлался языкомъ хоро-шаго общества, мы отчаиваемся напередъ достигнуть того же совер-шенства на своемъ собственномъ“ ³⁾.

Слѣдующіи затѣмъ три названія выше статьи въ литературномъ отношеніи не представляютъ интереса. Послѣднія, „Разговоры мерт-выхъ“, интересна по своимъ тенденціямъ, сущность которыхъ вы-ражена въ видѣ афоризмовъ, выставленныхъ въ началѣ каждого отрывка. Таковы: „вольность можетъ существовать только въ томъ народѣ, который имѣетъ и почитаетъ законы справедливыя и благо-разумныя“ ⁴⁾; „нѣтъ ничего столь блестящаго и превосходнаго, какъ жребій государя, составляющаго блаженство народа своего просвѣ-щеніемъ, законами, умягченіемъ нравовъ, возвышеніемъ сердецъ и разума“ ⁵⁾; „герой, который прощаетъ непріятелей своихъ, дѣлаетъ имя свое драгоценнымъ человѣческому роду“ ⁶⁾; „совѣты благора-зумнаго и добродѣтельнаго друга столь же полезны Государю, сколь вредны винушенія подлаго и злобнаго ласкателя“ ⁷⁾; „государ-ственный человѣкъ обязанъ жертвовать частными своими пристра-стіями общему благу“ ⁸⁾; „недовольно еще Государю самыхъ блестя-щихъ дарованій, ежели не пріобрѣтъ онъ любви народа неусыннымъ попеченіемъ о благѣ онаго“ ⁹⁾; „народы достигаютъ истинной славы

¹⁾ Соч., I, 165—166.

²⁾ Соч., I, 179—180, 181—184, 185—187, 188—190, 191, 198.

³⁾ Соч., I, 195.

⁴⁾ Соч., I, 302.

⁵⁾ Соч., I, 321.

⁶⁾ Соч., I, 330.

⁷⁾ Соч., I, 334.

⁸⁾ Соч., I, 341.

⁹⁾ Соч., I, 348.

единственно тогда, какъ могущество ихъ украсится письменами и просвѣщеніемъ" ¹⁾).

IV.

Ближайшіе современники смотрѣли на сочиненія Муравьева благосклонно. Карамзинъ, въ предисловіи къ изданію прозаическихъ статей въ 1810 году, отдавалъ дань уваженія мыслямъ и правиламъ автора, которыя отражаютъ „прекрасную, нѣжную душу его, исполненную любви къ общему благу“. Батюшковъ, по поводу этого изданія, писалъ Глѣбичу 13-го марта 1811 года: „Муравьева сочиненія доказываютъ, что онъ былъ великаго ума, рѣдкихъ познаній и самой лучшей души человѣкъ. Ихъ нельзя читать безъ удовольствія. Они заставляютъ размышлять" ²⁾. Въ упомянутомъ выше „Письмѣ къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева" тотъ же писатель даетъ весьма сочувственный разборъ прозаическихъ статей Муравьева, въ которомъ онъ, по его собственнымъ словамъ, „опираясь на судъ людей просвѣщенныхъ, знатоковъ въ нашей словесности“, а затѣмъ говорить слѣдующее: „стихотворенія г. Муравьева, безъ сомнѣнія, будутъ стоять на ряду съ лучшими его произведеніями въ прозѣ. Въ нихъ то же достоинство: философія, которой источникъ чувствительное и доброе сердце; выборъ мыслей, образованныхъ прилежнымъ чтеніемъ древнихъ; стройность и чистота слога" ³⁾. Въ этихъ отзывахъ со стороны лицъ, близко привязанныхъ къ Муравьеву чувствами благодарности, дружбы и даже родственными узами и находившихся подъ обаяніемъ его дѣйствительно благородной и весьма привлекательной по уму, душевнымъ свойствамъ и характеру личности, есть, конечно, значительная доля субъективности и пристрастія. Но, съ другой стороны, мысли и чувства, нравственныя тенденціи сочиненій Муравьева дѣйствительно достойны признанія и уваженія. Муравьевъ былъ писатель-моралистъ попреимуществу: въ его стихотвореніяхъ весьма мало поэтической образности и силы, а прозаическія статьи не почти связаны условіями своего спеціальнаго назначенія, и уже по одному этому въ собственно-литературномъ смыслѣ строгимъ требованіямъ удовлетворить не могутъ. Если въ оцѣнкѣ литературной дѣятельности Муравьева мы не можемъ

¹⁾ Соч., I, 378.

²⁾ Соч. К. Н. Батюшкова, II, 115.

³⁾ Тамъ же, II, 87.

согласиться съ его собственнымъ крайне строгимъ мнѣніемъ о себѣ, высказаннымъ въ увлеченіи грустными мыслями и чувствомъ временной потери довѣрія къ своимъ силамъ ¹⁾, то не можемъ принять и сужденія совершенно противоположнаго ²⁾; то и другое—крайности, одинаково далекия, по нашему мнѣнію, отъ истины. Въ чтеніи сочиненій Муравьева въ настоящее время немногіе найдутъ удовольствіе, какое можно найти, напримѣръ, въ чтеніи сочиненій его младшаго современника Карамзина; въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ судьбу литературнаго наслѣдія многихъ изъ нашихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Весь ихъ интересъ отонемалъ въ исторію, и для характеристики литературныхъ вкусовъ и приѣмовъ названнаго времени сочиненія Муравьева въ самомъ дѣлѣ не лишены значенія: въ особенности должна быть выдвинута въ нихъ мягкость и чувствительность, роднящая Муравьева въ этомъ отношеніи съ Карамзинымъ и лишній разъ показывающая, что знаменитый основатель сентиментальнаго направленія въ нашей литературѣ не оставался совершенно безъ предшественниковъ, хотя бы въ самыхъ слабыхъ и несовершенныхъ зачаткахъ.

О дѣятельности Муравьева въ качествѣ наставника великихъ князей мы располагаемъ въ данномъ случаѣ слишкомъ недостаточ-

¹⁾ Въ Запискахъ: „Вчера разсматривалъ я свои старія бумаги: мнѣ попадались начала стихотвореній, отрывки разсужденій и проч. Во всѣхъ нашелъ я такое сокровище глупости, такую пустоту, слогъ столь бѣдный, рѣчмы столь ошутительныя, что я почти признавался самъ себѣ во лжи, вспоминая, сколько чести обыкновенно приписываю я своей молодости. Если я знаю, что такое остроуміе, возвышенныя понятія, благородство чувствованій, твердость разсужденія, то все это не изъ себя извлекаю. Зрѣлище міра доставляетъ мнѣ сіе счастье. Всѣ сіи качества извѣстны мнѣ потому, что я зналъ батюшку, сестру, нѣсколькихъ писателей, въ моей молодости прочтенныхъ: Малкова, Львова, Ханыкова, Хераскова, Дякова, Новикова, Муравьева и проч. Въ послѣдніе годы противу разиращенія сердца я сдѣлалъ было себѣ ицѣть изъ Клейста, Руссо и Виланда и присвоивалъ себѣ или, лучше сказать, воображалъ, что присвоивалъ ихъ языкъ, ихъ чувствованія... Вижу себя иснадашаго до степеней послѣднихъ рѣмачей, ибо думалъ, что стихотворство есть вдохновеніе, и что вдохновенный—я! Черты прекрасныя добродѣтели одѣяны облакомъ и смѣшаны предъ очами моими; ибо я мало и съ сердцемъ неосвѣщеннымъ ее разсматривалъ; размышленіе мое слабо, бѣдно, мрачно“... (Соч., III, 285—286).

²⁾ „Мих. Ник. Муравьевъ былъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей и послѣ Карамзина въ прозѣ лучшимъ у насъ писателемъ своего времени“,—писалъ Вигель; ср. *Литинъ*, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, изд. 2-е, С.-Пб., 1885, стр. 19.

ными свѣдѣніями, чтобы сдѣлать его оцѣнку съ этой стороны. По скольку она выразилась въ разобранныхъ выше сочиненіяхъ, можно сказать, что вліяніе Муравьева на своихъ царственныхъ учениковъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ могло быть не иначе, какъ благотворно, содѣйствуя въ нихъ благородному образу мыслей, гуманному взгляду на человѣческія отношенія, возвышенному пониманію правъ и обязанностей Государя, наконецъ пробуждая и укрѣпляя уваженіе къ наукѣ и литературѣ, выразившееся, между прочимъ, въ покровительствѣ Императора Александра I Карамзину и Жуковскому. Поэтому намъ кажется весьма вѣроятнымъ мнѣніе ¹⁾, что М. Н. Муравьевъ, какъ наставникъ, могъ содѣйствовать образованію того идеализма, который составлялъ, какъ извѣстно, весьма характерную особенность нравственнаго склада Александра I-го ²⁾.

Е. Шѣтуковъ.

¹⁾ *Литиния*, назв. соч., стр. 18—19.

²⁾ Мы должны выразить сожалѣніе, что представленный нами очеркъ жизни и литературной дѣятельности М. Н. Муравьева страдает неполнотой, особенно въ біографической своей части: мы располагали лишь печатными матеріалами, и то не въ такой полнотѣ, какая бы была желательна. Рукописный матеріалъ по данному вопросу слѣдуетъ искать въ Императорской Публичной Библіотекѣ (среди бумагъ М. И. Погодина), въ архивѣ Московскаго университета и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій, съ которыми соприкасался Муравьевъ по своему служебному положенію.

ИСТОРИЯ ФИЗИКИ.

ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЯ ЛОГИКИ ОТКРЫТІЙ ВЪ ИХЪ ИСТОРИИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ ¹⁾.

Свѣта міровоззрѣній.—Система Коперника.

III. *Общепринятое ученіе о строеніи вселенной въ эпоху Коперника.* Раскрываемъ страницу изъ одной книги эпохи Коперника. Книга, принадлежащая автору второстепеннаго значенія, встрѣчена нами въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Она напечатана въ Парижѣ въ 1557 году и озаглавлена: „Les Institutions astronomiques contenant les principaux fondemens et premieres causes des cours et mouvemens celestes. A monsieur de Roissy conseiller du roi, maistre des requestes ordinaire de son hostel, Paris. 1557“. На заглавномъ листѣ имени автора не значится, но подъ посвященіемъ стоитъ: par le tout nostre perueu et tres obeissant seruiteur Iean Piere de Mesmes. По самому тому, что сочиненіе это не есть какой-либо оригинальный трактатъ, а представляетъ собою лишь отчетливое изложеніе астрономическихъ ученій своего времени, изъ него особенно удобно ознакомиться съ общепринятыми понятіями о строеніи вселенной въ

¹⁾ *Продолженіе.* См. июльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

эпоху появленія системы Коперника. Де-Мемъ такъ начинается свой трактатъ:

„Вся эта великая масса, именуемая міромъ, благоустроенная, представляющая собою соединеніе тѣлъ небесныхъ и земныхъ, обнимаетъ двѣ великія, удивительныя области. Одна—*небесная*, блестящая, чистая, простирающаяся отъ нижняго круга луны до вогнутости неба, содержитъ въ себѣ воображаемые круги неподвижныхъ звѣздъ (*les cercles imaginez des estoilles arrastees*) и круглые кривыя пути семи планетъ. По путямъ этимъ небесныя тѣла идутъ и возвращаются, и ихъ различныя движенія производятъ различіе лѣтъ, мѣсяцевъ, дней. Ихъ таинная и скрытая сила производятъ перемѣны въ элементной природѣ и съ теченіемъ времени измѣняетъ строй и порядокъ нижнихъ (подлунныхъ) вещей, порождая новыя дѣйствія и уничтожая прежнія и старыя.

„Другая область—*элементная*, отъ круга луны до центра земли, содержитъ въ себѣ четыре стихіи, а именно: огонь, воздухъ, воду и землю, которыя порождаютъ, сохраняютъ, божественно питаютъ людей, животныхъ, растеній и всѣ видимыя и употребляемыя вещи (*toutes choses visibles et maniables*). Стихіи эти однако же подчинены небеснымъ тѣламъ и первымъ качествамъ (*aux corps celestes et premieres qualitez*) по волѣ и согласію первой причины, то-есть Господа Бога, создавшаго все это удивительное строеніе изъ ничего, единымъ словомъ, дабы помѣстить здѣсь природу человѣческую, да дивятся Ему и восхваляютъ Его въ Его твореніи.

„И не думайте—какъ дѣлаютъ многіе—что облака, громы, молніи и нныя верхнія явленія (*choses sublimes*) принадлежать къ первой, небесной области. Нѣтъ, они происходятъ, какъ свидѣтельствуешь опытъ, какъ бы посреди элементной области. Вителліонъ (*Vitellion*) доказываетъ это на основаніи оптическихъ показаній, свидѣтельствующихъ, что облако уходитъ отъ земли на 50.000 шаговъ или 26 французскихъ лье. Другіе утверждаютъ, что оно удаляется неравно, иногда дальше, иногда ближе...

„Небесная область, по согласію всѣхъ философовъ, именуется квинта-эссенціею. Ничего не имѣя отъ четырехъ стихій, она совершенно изъята отъ всѣхъ качествъ, свойственныхъ стихіямъ. Она состоитъ изъ матеріи блестящей, чистой, спокойной, сосѣдней съ воздушною природою, простой, очень свѣтлой, тихой (*soye*)“.

Такая архитектоника вселенной ведетъ начало отъ Аристотеля. Земля, учили въ школѣ, комментируя греческаго философа,—тлелый

элементъ. Всѣ тѣла стремятся къ ней и, сообразно съ ея круглою фигурой, къ ея центру. Что стремится къ центру, то должно, следовательно, быть въ покоѣ, когда находится въ этомъ центрѣ. Такимъ образомъ, земля со всѣми частями своими должна быть въ покоѣ въ средоточіи вселенной. Къ этому заключенію ведетъ разсмотрѣніе движеній, какія могутъ быть въ природѣ. Простое движеніе можетъ быть двухъ родовъ: либо круговое, либо прямолинейное, — послѣднее либо вверхъ, либо внизъ. Такимъ образомъ, возможны три простыя движенія: отъ центра, къ центру и около центра — круговое. Землѣ и водѣ, называемымъ тяжелыми, приличествуетъ стремленіе внизъ, то-есть къ центру; воздуху и огню, которые имѣютъ легкость, прилично стремиться вверхъ, то-есть отъ центра. Тѣламъ небеснымъ принадлежитъ движеніе около центра, по кругамъ.

Ученіе основывалось на идеѣ совершенства, какое греческій философъ приписывалъ круговому движенію и которое объяснялъ превосходствомъ круговой линіи надъ прямою. Вълѣдствіе того и тѣла, которымъ приличествуетъ круговое движеніе, должны быть имѣть чѣмъ тѣ, которымъ приличествуетъ движеніе прямолинейное. На сколько круговое движеніе совершеннѣе прямолинейнаго, на столько болѣе совершенна природа первыхъ сравнительно со вторыми. Въ какой мѣрѣ капитальнымъ считалось такое различіе движеній и тѣлъ, видно уже изъ того, что Галилей въ своемъ „Диалогѣ о системахъ міра“ прежде всего останавливается на опроверженіи этой школьной доктрины.

IV. *Коперникъ и его система.* Коперникъ родился въ Торнѣ въ 1473 году — по показанію астронома Местлина ¹⁾, 19-го февраля въ 4 часа 48 минутъ. Отецъ Коперника былъ родомъ изъ Кракова и можно полагать польскаго происхожденія. Мать Коперника имѣла Вайссельроде (Waisseleode), сестра епископа. Семейный языкъ Коперника былъ нѣмецкій, и, что осталось отъ него письменнаго, писано или по латыни, или по нѣмецки. Имя свое астрономъ писалъ *Copernicus* (въ латинскихъ сочиненіяхъ *Copernicus*).

Учился Коперникъ въ Краковѣ медицинѣ, языкамъ, философіи и астрономіи, рано сдѣлавшейся его любимымъ предметомъ. Его учителемъ астрономіи былъ Брудзевскій (*Brudzewsky*) научившій его

¹⁾ Moestlin, профессоръ въ Тюбингенѣ, род. 1550, ум. 1631. Такъ приписываетъ и биографъ Коперника Гассенди. Есть другое показаніе относящее рожденіе Коперника къ 1472 году, 19 января, 4 часа 38 минутъ.

пользоваться астролябіей. Астрономическія знанія процвѣтали въ ту эпоху въ Германіи, благодаря, главнымъ образомъ, трудамъ астрономовъ Пурбаха ¹⁾ (правильнѣе Reuerbach) и Региомонтана (Regiomontanus, собственно Müller; иногда подписывавшійся „Johannes Germanus de Regio monte“). 23 лѣтъ Коперникъ отправился въ Италію, гдѣ нѣсколько лѣтъ занимался въ Болоніи, Падуѣ, Римѣ. Въ Болоніи учителемъ его былъ Доминикъ Марія (Dominico Maria Novara). Сравнивая широты разныхъ мѣстъ, указанныя Птолемеємъ, съ наблюденіями болѣе новаго времени, Марія пришелъ къ смѣлой, хотя и неосновательной мысли, что земная ось перемѣстилась въ земной толщѣ. По замѣчанію Апелта (Apelt, „Die Reformat. d. Sternkunde, 1852. p. 116), это ученіе могло дать Копернику первую идею о перемѣщеніи земли. По возвращеніи на родину, Коперникъ, благодаря дядѣ, получалъ мѣсто каноника соборной церкви въ Флауенбургѣ и остался до конца жизни на этомъ мѣстѣ, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ отдаваясь уединенному научному труду. Годъ изданія его великаго творенія „De revolutionibus orbium coelestium“, которое, уступая просьбамъ друзей, онъ рѣшился, наконецъ, выпустить въ свѣтъ, былъ годомъ смерти великаго ученаго. Умиравшій Коперникъ имѣлъ утѣшеніе держать въ своихъ рукахъ книгу, которая дѣлала его безсмертнымъ ²⁾.

¹⁾ Не лишне указать на грубую ошибку, вкравшуюся въ „Исторію физики“ Поггендорфа и перешедшую затѣмъ въ „Исторію физики“ Геллера. У Поггендорфа (Gesch. d. Physik, 1879, p. 140) читаемъ, что Коперникъ, окончивъ ученіе въ Краковѣ, отправился въ Вѣну, чтобы воспользоваться преподаваніемъ двухъ знаменитѣйшихъ астрономовъ того времени, Пурбаха и Региомонтана („nach beendigten Studien nach Wien begab, um den Unterricht der beiden berühmtesten Astronomen damaliger Zeit Purbach und Regiomontanus zu genießen“). То же находимъ у Геллера (Gesch. d. Ph. I, 256), съ упоминаніемъ о Гассенди. Между тѣмъ (какъ значится и у Геллера и у Поггендорфа) Пурбахъ умеръ въ 1461 году, когда Коперникъ еще не родился, а Региомонтанъ въ 1476, когда Копернику было едва три года. Это не мѣшаетъ и Розенберу (Die Gesch. d. Phys. 1882, I. 110) говорить: „Kopernikus war noch ein Zeitgenosse und sogar noch ein directer, Schüler der Peurbach“. Вотъ что значитъ рутинное переписываніе изъ книги въ книгу!

²⁾ Между многочисленными изданіями сочиненій Коперника слѣдуетъ указать сдѣланное въ 1851 году великолѣпное изданіе въ латинскомъ подлинникѣ съ польскимъ переводомъ, исполненное подъ руководствомъ директора Варшавской астрономической обсерваторіи г. Барановскаго. Въ это изданіе вошло главное сочиненіе Коперника: „De Revolutionibus orbium coelestium“ (Объ обращеніи сферъ небесныхъ) и нѣсколько мелкихъ его трудовъ, по-

Какимъ путемъ пришелъ Коперникъ къ своей системѣ, прослѣ-
дить трудно. Онъ ссылается на чтеніе древнихъ авторовъ, убѣдив-
шее его въ существованіи въ древности мысли о движеніи земли.
Неудовлетворенный сложностію и запутанностію системы Птолемея,
онъ обратился къ твореніямъ древнихъ писателей. „Тогда, говоритъ
онъ въ посвященіи папѣ, предпринялъ я трудъ перечестъ сочине-
нія всѣхъ философовъ, какія я только могъ достать, изыскивая, не
найду ли такихъ, которые бы имѣли о строеніи вселенной инныя мнѣ-
нія, чѣмъ тѣ, которыя преподаются въ школахъ“. Оживленіе инте-
реса къ твореніямъ древнихъ въ Италіи въ годы ученія Коперника
могло содѣйствовать его изысканіямъ. Въ Флоренціи была цѣлая
Платоновская академія, интересъ которой по преимуществу сосре-
доточивался на философскихъ школахъ, изъ которыхъ вышли древнія
ученія о движеніи земли.

По мнѣнію біографа Коперника Гассенди, ближайшее вліяніе на
построеніе новой системы міра могли имѣть ученія Марціана Ка-
пелла и Аполлонія Пергскаго. Капелла (Marcianus Capella), писатель
пятого вѣка, держался системы египтянъ, согласно которой Меркурій
и Венера движутся вокругъ солнца (суть какъ бы спутники солнца),
солнце же и три верхнія планеты (Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ)
имѣютъ землю центромъ своего движенія.

По ученію Аполлонія Пергскаго (грека, жившаго 200 лѣтъ до
Р. Хр. въ Александріи, автора важнаго сочиненія о коническихъ
сѣченіяхъ) всѣ пять планетъ движутся вокругъ солнца, само же
солнце вмѣстѣ съ такою системою пяти спутниковъ обращается вокругъ

явившихся въ этомъ изданіи въ первый разъ. Портретъ Коперника, изображе-
ніе двухъ памятниковъ, воздвигнутыхъ Копернику въ Варшавѣ и Торнѣ, меда-
лей, выбитыхъ въ честь его, украшаютъ книгу. „Когда Александръ Македонскій,—
замѣтилъ я, сообщая объ этомъ изданіи въ № 137 „Московскихъ Вѣдомостей“
1855 года,—въ срединѣ Азіи, между завоеванными сокровищами Дарія нашелъ
великолѣпный ящикъ, украшенный золотомъ, жемчугомъ, драгоценными каменьями,
онъ сказалъ: „оставьте этотъ ящикъ для меня, я положу въ него моего Гомера,
ибо это лучший и вѣрнѣйшій совѣтникъ, каковаго я только имѣлъ въ военномъ
дѣлѣ. Справедливо, чтобы богатѣйшее произведеніе искусства хранило въ себѣ
драгоценнѣйшее произведеніе ума человѣческаго“. Изданіе сочиненій Коперника
достойно творенія, заключающагося въ его страницахъ.

Въ Варшавѣ находится поставленный въ 1830 году памятникъ Копернику съ
надписью: „Николаю Копернику благодарное отечество“. Памятникъ сдѣлалъ
Торвальдсенъ, по порученію Наполеона I, предназначавшаго его для города
Торна.

неподвижной земли. Это та самая система, которую принялъ потомъ Тихо-Браге, которая объясняетъ всѣ видимыя движенія свѣтилъ съ такою же легкостью, какъ система Коперника. Тихо-Браге отдалъ ей преимущество предъ системою Коперника, потому что она сохраняетъ въ неизмѣненности ученіе о неподвижности земли, составлявшее основаніе всего до-коперниканскаго міровоззрѣнія. Весьма замѣчательно, что Коперникъ не остановился на системѣ Аполлонія, хотя она была ему извѣстна. Если бы его единственною цѣлью было найти такое геометрическое, или точнѣе кинематическое построеніе системы міра, которое устранило бы запутанность построенія Птолемея, то система Аполлонія удовлетворила бы его цѣли. Но кругъ соображеній его не былъ, очевидно, исключительно кинематическимъ. По объясненію Гассенди, Коперникъ нашелъ невѣроятнымъ, чтобы цѣлая громадная система тѣла, состоящая изъ солнца, но множество разъ превышающаго величиною землю, и пяти планетъ, его спутниковъ, вращалась вокругъ небольшой земли, какъ пѣкотораго общаго центра вселенной. Когда ученіе Коперника подверглось церковному осужденію и признано было противнымъ писанію, Тихо-Браге отвергъ это ученіе, указывая, что для объясненія видимыхъ движеній достаточно принять систему обращенія вокругъ земли солнца съ планетами, какъ спутниками, не нарушая догмы неподвижности земли.

Двѣ смѣлыя идеи руководили Коперникомъ и побуждали его къ принятію ученія о движеніи земли, какъ наиболѣе согласнаго съ природою. Во первыхъ, идея о громадныхъ, сравнительно не только съ землею, но и со всею солнечною системою, размѣрахъ вселенной. Разстояніе, отдѣляющее совокупность земли, солнца и планетъ отъ сферы неподвижныхъ звѣздъ, согласно Копернику, безконечно превышаетъ размѣры всей этой совокупности. Другая идея та, что тяжесть не есть стремленіе къ центру міра, а стремленіе частей однихъ къ другимъ въ каждомъ лобосномъ тѣлѣ отдѣльно. „Тяжесть, говоритъ Коперникъ, я рассматриваю, какъ вложенное Создателемъ въ малѣйшія частицы естественное стремленіе, вслѣдствіе котораго онѣ стремятся соединиться въ одно цѣлое и склукнуться въ шары“. (De Revol., I, 9).

„Когда я принялъ, говоритъ Коперникъ, тѣ движенія, которыя приписываю землѣ, я понялъ, послѣ внимательнѣйшаго изслѣдованія, что если отнести движенія небесныхъ тѣлъ къ движеніямъ земли, то не только наблюдаемыя явленія представятся надлежащимъ образомъ, но и распредѣленія путей небесныхъ тѣлъ, однихъ отно-

сительно другихъ и по отношенію къ цѣлому, окажутся въ такой связи, что нельзя перемѣнить малой какой либо части системы, не внося спутанности въ цѣлое“.

Коперникъ сознавалъ важныя послѣдствія, вытекающія изъ его системы, по отношенію ко всему принятому въ его эпоху міровоззрѣнію. Онъ зналъ, что въ началѣ лишь немногіе въ силахъ будутъ оцѣнить его идеи. Тридцать шесть лѣтъ трудился онъ, прежде чѣмъ рѣшился, уступая настояніямъ друзей, издать свое сочиненіе. Онъ даже думалъ, не выпуская въ свѣтъ своего труда, передать свое ученіе, подобно нѣкоторымъ древнимъ философамъ, небольшому кружку избранныхъ друзей, которые сохранили бы его и передавали ученикамъ своимъ какъ преданіе. Онъ не могъ не предвидѣть, что смѣлое ученіе встрѣтитъ недовѣріе и осужденіе, хотя и гордо высказывалъ презрѣніе къ суду невѣждъ. „Если найдутся, говорилъ онъ, легкомысленные, которые, не зная математики, рѣшатся подать свое сужденіе и, основываясь на кривомъ толкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ священнаго писанія, осуждать мое ученіе, то о нихъ я не забочусь и съ презрѣніемъ смотрю на ихъ притязанія“. Для знающихъ математику онъ надѣялся сдѣлать ученіе свое „яснѣе солнца“.

Рѣшившись издать свой трудъ, и убѣжденный въ величій своихъ идей, Коперникъ посвятилъ свое сочиненіе папѣ Павлу III. Обращаясь къ главѣ католическаго міра, онъ хотѣлъ подъ авторитетомъ его имени укрыться отъ легкомысленнаго суда несвѣдущихъ. Нѣкоторые историки астрономіи (какъ Деламбръ, Монтиюкла) считали это посвященіе дипломатическимъ оборотомъ и находили, что Коперникъ, внутренно убѣжденный въ истинѣ своей мысли о движеніи земли, нарочно представляетъ эту мысль какъ одно математическое предположеніе, удобно объясняющее движеніе свѣтилъ небесныхъ, но которое итъ причинъ считать физически достовѣрнымъ. Замѣтимъ однако, что въ посвященіи папѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы показало, что Коперникъ считаетъ свое ученіе только математическою гипотезою; напротивъ, слышится спокойная и прямая рѣчь челоука, глубоко проникнутаго истиною своихъ убѣжденій. Мысль, что движеніе земли есть одно математическое предположеніе, развивается въ „обращеніи къ читателю о гипотезахъ этого сочиненія“, обращеніи, которое, какъ доказано, писано не самимъ Коперникомъ, а Андреемъ Оссіандеромъ, однимъ изъ лицъ, которые приняли на себя издавіе труда Коперника. Въ обращеніи Оссіандера, помѣщенномъ въ началѣ книги, дѣйствительно движеніе земли называется

гипотезою и ставится наравнѣ съ тѣми астрономическими предположеніями, о которыхъ можно сказать: „нѣтъ надобности, чтобы они были истинны и даже вѣроподобны, а достаточно, чтобы помощію ихъ можно было согласить наблюденіе съ вычисленіями“.

Чтобы судить объ ученіи Коперника въ томъ видѣ, какъ оно выразилось въ его сочиненіи, мы должны перенестись въ эпоху появленія великаго труда. Всякій съ именемъ Коперника соединяетъ представленіе о челопкѣ, доказавшемъ движеніе земли около ея оси и около солнца, но немногіе знаютъ, что система міра, называемая Коперниковою, несъма отлична отъ оригинальнаго ученія Коперника. Коперникъ признавалъ не два только движенія земли (около оси и около солнца), а присоединялъ еще третье (движеніе по склоненію), которое, по его мнѣнію, во всякій моментъ приводитъ ось земли въ положеніе параллельное тому, какое она занимала прежде. Коперникъ не зналъ еще, что два движенія земли (около оси и около солнца) независимы одно отъ другаго, и потому нѣтъ причины, чтобы въ то время, какъ центръ земли движется около солнца, ось земная измѣнила свое направленіе и перестала быть параллельною своему прежнему положенію въ пространствѣ. Далѣе, замѣняя своею системою систему Птолемея, Коперникъ еще не изгналъ чрезъ это главной идеи этой системы, идеи объ эпициклахъ, и самъ употребляетъ эпициклы для объясненія неравенствъ въ движеніи планетъ. Ложная идея, что движенія свѣтилъ небесныхъ должны происходить по кругамъ, имѣла еще для Коперника силу истины.

Онъ не отказывался еще и отъ представленія о вселенной, какъ о нѣкоторой громадной сферѣ, малое ядро которой составляетъ солнечная система, „такъ какъ величина вселенной столь огромна, что разстояніе земли отъ солнца есть величина совершенно незамѣтная въ сравненіи съ сферою неподвижныхъ звѣздъ“. Первая глава сочиненія Коперника называется: „О томъ, что вселенная сферической формы“. „Вопервыхъ, говоритъ Коперникъ, должны мы принять во вниманіе, что вселенная имѣетъ сферическую форму, или потому, что эта форма есть совершеннѣйшая, какъ всецѣльная и не представляющая угловъ; или потому, что изъ всѣхъ фигуръ это самая имѣстительная, наиболѣе, слѣдовательно, приличная, чтобы заключать все въ себѣ, или также потому, что главнѣйшія тѣла вселенной, какъ солнце, луна, звѣзды, имѣютъ такую форму; или потому, что всѣ тѣла стремятся принять такую форму, что можно замѣтить на капляхъ воды и другихъ жидкихъ тѣлахъ, когда они свободно могутъ

принять форму. Оттого никто не сомневается, что такая же форма должна быть приписана тѣламъ небеснымъ⁴.

Излагая свою систему, Коперникъ останавливается преимущественно на геометрической ея сторонѣ. О физической сторонѣ великаго явленія движенія нашей планеты онъ говоритъ весьма немного.

V. *Джіордано Бруно, продолжатель Коперника.* Въ ученіи о строеніи вселенной ближайшимъ продолжателемъ Коперника былъ Джіордано Бруно, отвергшій два главныя положенія средневѣковаго міровоззрѣнія: существованіе центра вселенной и матеріальное различіе земнаго и звѣзднаго, и погибшій на кострѣ инквизиціи 17-го февраля 1600 года.

Въ началѣ февраля онъ въ послѣдній разъ приведенъ былъ предъ судилище инквизиторовъ, чтобы на колѣнахъ выслушать свой приговоръ. Ему прочли обвиненіе, въ которомъ указаны были событія его жизни, его заблужденія и тщетныя попытки заставить его отказаться отъ своихъ пагубныхъ мнѣній. Затѣмъ онъ былъ лишень сана, отлученъ и переданъ для наказанія свѣтскимъ властямъ съ обычною оговоркою: „ut quam elementissime et citra sanguinis effusionem rupiretur“ (дабы быть наказаннымъ снисходительнѣе и безъ пролитія крови). Ужасающая иронія, обозначающая сожженіе на кострѣ.

Бруно—все біографы единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ—выслушалъ приговоръ съ чрезвычайною твердостью и громко сказалъ: „majori forsitan cum timore sententiam in me dicitis, quam ego accipiam“ (вы болѣе испытываете страха, произнося мой приговоръ, чѣмъ я, его принимая). Мнѣнія, за которыя Бруно подвергся осужденію, были ¹⁾: 1) что существуютъ безчисленные міры, 2) что душа переходитъ изъ одного тѣла въ другое и даже изъ одного небснаго шара въ другой и можетъ даже одушевлять одновременно два тѣла. 3) что магія—хорошая, допустимая наука, 4) что свитой духъ есть душа міра, и что міръ вѣченъ, 5) что Моисей дѣлалъ чудеса естественнымъ образомъ и законодательства свои измыслилъ самъ, 6) что діаволь можетъ опять сдѣлаться святымъ, 7) что отъ Адама и Евы пошли лишь Евреи, другіе же народы отъ диухъ первозданныхъ непоименованныхъ перволюдей (Быт. I, 27).

Чтобы дать точное понятіе объ ученіи Бруно, приведемъ въ сокращеніи Риспера и Зибера бесѣду изъ сочиненія: „Del'infinito Unverso, et de'mondi (Venet. 1584).

¹⁾ *Zedler's „Real-Lexicon“; Bayle, „Diction.“; Risner und Siber „Leben und Lehrmeinungen berühmter Phys am Ende XVI Jahrh. 1829“, Heft V.*

„*Филотео*. Небо одно,—неизмѣримое пространство, все обнимающія вѣдра, безграничный зоирный океанъ, въ которомъ движется и перемѣщается все жизнь имѣющее, безчисленныя солнца и земли, изъ коихъ одни мы чувственно наблюдаемъ, о другихъ заключаемъ. Вселенная такимъ образомъ слагается изъ безконечнаго зоирнаго пространства и безчисленныхъ въ немъ движущихся тѣлъ. Небо не представляетъ собою твердыхъ, хрустальныхъ сводовъ, въ которые подобно гвоздямъ воткнуты звѣзды, но вся зоирная область есть одна недѣлимая жидкая непрерывность, въ которой каждое свѣтило, въ силу собственной жизни, свободно вращается вокругъ своего центра и вокругъ своего солнца.

„*Эльнино*. Мы должны, значить, сказать, что луна—тѣло такое же, какъ наша земля—движется собственною жизнію вокругъ солнца, что также Венера, Меркурій и другія свѣтила движутся по кругамъ вокругъ этого же источника всякой жизни...

„*Филотео*. Такъ; каждое свѣтило имѣетъ собственное движеніе вмѣстѣ съ движеніемъ общимъ. И эти собственные движенія такъ различны и не сходны, что нельзя найти двухъ небесныхъ тѣлъ, которыхъ движенія были бы совершенно одинаковы.

„*Эльнино*. Могутъ, значить, быть и еще безчисленныя солнца съ обращающимися вокругъ нихъ землями, подобно тому, какъ семь земель обращаются вокругъ нашего солнца?

„*Филотео*. Такъ.

„*Эльнино*. Но почему вокругъ другихъ собственный свѣтъ имѣющихъ свѣтилъ, которыя суть солнца, мы не видимъ обращающихся земель? И почему всѣ другія небесныя тѣла, кромѣ семи планетъ и кометъ, остаются въ одинаковомъ положеніи и неизмѣнныхъ между собою разстояніяхъ?

„*Филотео*. Причина въ томъ, что мы видимъ солнца, которыя суть большія, очень большія тѣла, и не видимъ обращающихся вокругъ нихъ земель, такъ какъ земли эти сравнительно малы. Возможно, что около нашего солнца движутся еще землеподобныя тѣла, которыхъ мы не видимъ, или по причинѣ ихъ слишкомъ большаго разстоянія, или по причинѣ ихъ малости, или потому, что на нихъ нѣтъ отражающихъ поверхностей, или поверхности эти не обращены къ намъ. Потому нѣтъ чего-либо чудеснаго и противнаго природѣ, если иногда и солнце затмѣвается, хотя луна и не была между нами и имъ. А звѣзды, за исключеніемъ семи планетъ и кометъ, потому остаются въ одинаковыхъ положеніяхъ и неизмѣнныхъ между собою

разстояніяхъ, что находятся отъ насъ на громадныхъ разстояніяхъ, такъ что мы не можемъ замѣтить ихъ движенія, къ тому же медленнаго.

„Эльино. Но рѣшаетесь ли вы утверждать, что тѣла, невидимыя нами вслѣдствіе ихъ огромнаго удаленія, могутъ получать свѣтъ и жизненную теплоту отъ солнца?”

„Филотео. Чѣмъ дальше они удалены, тѣмъ большіе описываютъ круги, тѣмъ медленнѣе движутся,—слѣдовательно, болѣе подвержены теплымъ и огненнымъ лучамъ солнца. А если они, при медленномъ движеніи около солнца, быстро вращаются около своей оси, то могутъ быть достаточно, и даже съ избыткомъ нагрѣваемы, но безъ вреда, такъ какъ данная часть попеременно то подвергается дѣйствію солнечныхъ лучей, то уходитъ отъ него.

„Хотя я и не рѣшаюсь утверждать, что всѣ звѣзды по ту сторону Сатурна суть неподвижныя солнца,—никто, вслѣдствіе ихъ громаднаго удаленія, не можетъ знать, дѣйствительно ли они неподвижны,—но несомнѣнно, что въ неизмѣримой вселенной находится множество солнцъ, кромѣ нашего, ибо многія изъ этихъ солнцъ, кажушіяся намъ въ видѣ малыхъ звѣздъ, по всей вѣроятности суть самыя большія изъ небесныхъ тѣлъ.

„Эльино. Во всякомъ случаѣ, это весьма возможно и допустимо. Но въ чемъ различіе солнцъ и земель?”

„Филотео. Вѣрите всего въ томъ, что солнца неподвижны, земли движутся; солнца сверкаютъ, земли пѣтъ. И этотъ второй знакъ болѣе бросается въ глаза и легче наблюдается, чѣмъ первый.

„Эльино. Происходитъ ли сверканіе только отъ значительности удаленія?”

„Филотео. Еслибы это было такъ, то солнце сверкало бы менѣе другихъ звѣздъ, и малыя звѣзды въ качествѣ наиболѣе удаленныхъ сверкали бы наиболѣе сравнительно съ большими, какъ ближайшими.

„Эльино. А обитаемы ли огненные міры (солнца) такъ же, какъ водные (земли)?

„Филотео. Ни болѣе ни менѣе.

„Эльино. Но какія же существа могутъ жить въ огнѣ?”

„Филотео. Никакъ не должно думать, что небесное тѣло состоитъ изъ однородной стихіи (это была бы масса, а не небесное тѣло). Такъ какъ перво-матерія одна для всѣхъ вещей, то солнце-подобныя тѣла—того же матеріальнаго состава, какъ наша земля. Это признавали Тимей, Платонъ и другіе древніе философы. Но немногіе могли

это уяснить себѣ. А въ наше время никого не нашлось, кто бы вновь это понялъ; за то многіе на тысячу способовъ разстроили истинное знаніе, выставяя пустыя начала и портя научную методу.

„Эльмю. Только „Ученое Незнаніе“ („La dotta ignoranza“) Кузнецкаго приблизилось къ понятіямъ древнихъ, хотя и не вполне ихъ обилло. Говоря о свойствѣ земли, онъ выражается такъ: „Не должно думать, что земля, потому что она темна и черна, хуже, благородіе другихъ міровыхъ тѣлъ. Если бы мы были обитателями солнца, то оно намъ не показалось бы блистающимъ и свѣтлымъ, какъ кажется теперь съ нашего мѣстожительства. Да если мы и отсюда внимательно обратимъ глазъ къ солнцу, то откроемъ, что въ срединѣ своей оно имѣетъ ядро землеподобное, а затѣмъ нѣчто въ родѣ жидкой облачной массы испускающей свѣтъ. А потому солнце, какъ и земля, есть тѣло, сложенное, повидимому, изъ различныхъ элементовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы кто-либо смотрѣлъ на землю съ другаго свѣтила, она показалась бы ему свѣтлою звѣздой, подобно тому, какъ отъ насъ солнце представляется яркимъ свѣтиломъ. Луна уже менѣе свѣтла, потому, можетъ-быть, что мы наблюдаемъ лишь отраженный ею отъ солнца свѣтъ, а не ея собственный“.

„Филосо. Этотъ проникательный мужъ дѣйствительно имѣлъ великія познанія и былъ однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ гениевъ Европы. Но наблюденія его были, какъ наблюденія мореходца на морѣ, когда его корабль полнами то подымается, то опускается, и онъ не стоитъ твердо и спокойно, какъ наблюдатель на сушѣ, не по временамъ лишь, а непрерывно видящій полный и яркій свѣтъ. Причина въ томъ, что онъ самъ не всѣ еще отложилъ ложныя положенія, въ какихъ былъ воспитанъ. Оттого онъ, по всей вѣроятности намѣренно, и во всякомъ случаѣ крайне осторожно, свою книгу озаглавилъ—ученое незнаніе или незнающая ученость (della dotta ignoranza, e della ignorante dottrina).

„Если допустить, что солнце само свѣтитъ и грѣетъ, то необходимо, чтобъ ядро его было какъ камень или какъ раскаленный въ огнѣ не расплаивающійся металлъ, и, слѣдательно, принять, что въ то время, какъ земля сама по себѣ, по природѣ своей, холодна и темна, солнце, напротивъ того, свѣтло и горячо. Холодъ и иракъ получаетъ оно въ такомъ случаѣ или дѣйствіемъ извнѣ, или отъ того, что въ себѣ содержитъ свѣжую воду, подобно тому, какъ холодная земля заключаетъ огонь, отъ времени до времени воспламеняющійся. И если на совсѣмъ холодной и каменной землѣ, благодаря

солнечной теплотѣ и солнечному свѣту, пребываютъ животныя существа, то и на горячемъ и огненномъ тѣлѣ солнца могутъ быть, вслѣдствіе охлаждающаго окруженія, живыя существа.

„Элипино. А что скажешь о свѣтѣ?”

„Филотео. Скажу, что солнце, земля и вообще всякое тѣло свѣтятъ не сами отъ себя, но отъ своего окруженія. Потому и земной свѣтъ мы, жители земли, не наблюдаемъ, а наблюдать его могутъ жители луны.

„Элипино. Ты утверждаешь, значить, что солнце не само даетъ своимъ жителямъ дневной свѣтъ, а другія звѣзды?”

„Филотео. Да. Развѣ трудно это себѣ представить?”

„Элипино. Почему же трудно? Именно это допущеніе позволяетъ уразумѣть, какъ слѣдствіе, многое другое,—особенно то, какъ ошибаются утверждающіе, будто небесныя тѣла состоятъ изъ пятого элемента (*quinta essentia*), о которомъ ничего сказать не могутъ, кромѣ того, что онъ противоположной природы съ четырьмя земными элементами.

„Фра Касторіо (*Fra Castorio*, еще участникъ бесѣды). Да, да! Все доселѣ сказанное совершенно согласно со здравымъ смысломъ и разумніемъ.

„Бурчіо (*Burchio*—другой собесѣдникъ). Не съ моими однако. Все это, кажется мнѣ, одно заблужденіе.

„Фра Касторіо. Хорошо, любезный Бурчіо. Ты будешь представлять мнѣ собою Аристотеля, а я возьму на себя роль несвѣдущаго селянина, понятія не имѣющаго о томъ, что есть въ мірѣ философія Аристотеля, нашего Филотея или вообще какая-нибудь. Въ этой роли я принадлежу толпѣ; вѣрю по слуху въ великій авторитетъ перипатетической школы и прихожу къ тебѣ за наученіемъ. Скажи мнѣ прежде всего, какое превеликое, великое, среднее или какое либо различіе имѣется между небесными и земными тѣлами?”

„Бурчіо. Различіе дѣйствительно превеликое. Тѣ божественны, эти грубо матеріальны; тѣ никакимъ страданіямъ не подвержены, не измѣняемы, неразрушимы, вѣчны; эти совсѣмъ наоборотъ. Тѣ движутся по совершеннымъ кругамъ, эти лишь по прямымъ линіямъ.

„Фра Касторіо. Но почему могу я знать, что небесныя тѣла дѣйствительно движутся по кругамъ около земли, а не земля движется по кругу? Находящемуся на кораблѣ кажется, что берегъ бѣжитъ, а корабль стоитъ. Почему, далѣе, знаю я, что только небесныя тѣла свѣтятъ, а не свѣтитъ земля; что разнообразіе и переменныя элемен-

товъ бываютъ только у насъ, а не происходятъ на другихъ небесныхъ тѣлахъ; что луна не есть такое же тѣло, какъ земля, и что сама земля не имѣетъ, подобно лунѣ, свѣта, видимаго съ другихъ небесныхъ тѣлъ?

„Бурчіо. Значить ты рѣшительно признаешь, что небесныя тѣла ничѣмъ существенно отъ земли не отличаются?

„Фра Касторіо. Какъ же быть, если я никакого основанія не имѣю для противоположнаго заключенія? То, что наблюденіе показываетъ мнѣ съ земли на другихъ тѣлахъ, не должно ли съ другихъ тѣлъ представляться на землѣ?

„Бурчіо. Но что же остается отъ прекраснаго распредѣленія, отъ правильнаго восхожденія по ступенямъ, начиная отъ плотнѣйшаго и грубѣйшаго изъ тѣлъ—земли, къ менѣе плотной водѣ, отъ воды къ туману, отъ тумана къ чистому воздуху, отъ воздуха наконецъ къ огненному зениту и небеснымъ тѣламъ? Восхожденіе отъ темнаго къ менѣе темному, къ свѣтлому, къ болѣе свѣтлому, свѣтлѣйшему; восхожденіе отъ тьмы къ свѣту, отъ измѣнчиваго и разрушаемаго къ неизмѣнному и неразрушаемому, отъ тяжелаго къ легкому и легчайшему, отъ подвижнаго къ неподвижному, отъ движущагося ad septentrionemъ къ движущемуся a centro, и отъ этого опять къ движущемуся circa centrumъ.

„Фра Касторіо. Распредѣленіе природы по отдѣльнымъ ступенямъ есть сонъ, химера, бредни.

„Бурчіо. Значить, ты отрицаешь даже знаменитое различіе элементовъ?

„Фра Касторіо. Нисколько, но предоставляю каждому усматривать различія, какія ему угодно. Я отрицаю только распредѣленіе, по которому земля вѣтъ ея окружена и заключена водою, вода воздухомъ, воздухъ огнемъ, огонь, наконецъ, верхнимъ небеснымъ сводомъ!“

Фра Касторіо распространяется далѣе о совмѣстномъ пребываніи и взаимномъ проникновеніи элементовъ. Море, источники, рѣки, горы, ущелья съ заключающимися въ нихъ и окружающими ихъ воздухомъ должны разсматриваться какъ разпородныя составныя части того же небеснаго тѣла, находящіяся между собою въ томъ же почти соединеніи и взаимодействіи, какъ составныя части животнаго тѣла. Такимъ образомъ океанъ и источники заключены въ нѣдрахъ земли, какъ въ нѣдрахъ тѣла животнаго печень, принимаемая за первоисточникъ крови, распространяющейся по всему тѣлу чрезъ развѣтвленныя жилы, въ которыя кровь заключена какъ въ особыхъ сосудахъ.

Въ заключеніе приводитъ вышесказанное ученіе о строеніи вселенной къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ. 1) Вселенная есть безконечное, все въ себѣ заключающее пространство, въ которомъ находятся безчисленные міры, подобные нашему; ни одинъ изъ нихъ не находится болѣе, чѣмъ другіе, въ центрѣ вселенной, ибо вселенная безъ границъ и безъ центра. 2) Центръ и границы принадлежать лишь отдѣльнымъ, во вселенной заключающимся мірамъ; нѣкоторые изъ нихъ суть солнца или неподвижныя звѣзды, вокругъ которыхъ другіе, какъ планеты,—то-есть, земли и луны—обращаются по кругамъ, имѣя въ то же время вращеніе около своихъ осей, вслѣдствіе чего жителямъ ихъ кажется, какъ будто небо со всѣми звѣздами обращается вокругъ ихъ какъ центра.

VI. *Общее значеніе новой системы міроздація.* Система Коперника есть не только громадный переворотъ въ астрономической наукѣ,—она есть переворотъ въ самомъ существѣ нашего познанія о природѣ. Она есть свидѣтельство, что чувственный глазъ есть лишь орудіе глаза умственного, и чувственное познаніе вообще лишь средство для познанія умственного. Дѣйствительность есть заключеніе ума отъ того, что кажется, къ тому, что есть. И если заключеніе ума можетъ измѣнить такое, повидимому, прочное показаніе чувствъ, какъ неподвижность земли, то какое должно быть могущество умственного глаза въ чувственномъ мірѣ! То, что открывается только умственному глазу и чувственно воспринимается лишь воображеніемъ, будучи однако столь же дѣйствительнымъ, какъ и то, что непосредственно доступно чувственному наблюденію, можетъ быть названо *научнымъ сверхчувственнымъ*, въ отличіе отъ магическаго и мистическаго сверхчувственного. Мы не видимъ вращенія земли; не чувствуемъ, что несемся въ пространствѣ вокругъ солнца со скоростью около ста тысячъ перстѣ въ часъ. Для непосредственнаго чувственнаго наблюденія земля есть прочная неподвижная опора, и солнце ходитъ по небесному своду. И однако движеніе земли есть фактъ достовѣрный не менѣе какого угодно самаго ощутительнаго явленія. Научное воображеніе имѣетъ дѣло съ образами, какія наши чувства получили бы при другихъ условіяхъ наблюденія, фактически намъ недоступныхъ. Будь эти условія достижимы, они сдѣлали бы подлежащимъ чувственному наблюденію то, что теперь доступно лишь научному воображенію. Такъ было бы, напримѣръ, еслибы мы могли удалиться отъ земли на столько, чтобы увидѣть ее катящеюся въ пространствѣ, или еслибы безъ сравненія усилились наши оптическія средства, и зрѣніе могло проникнуть въ

далъ пространства и въ невидимый міръ малѣйшихъ частицъ, составляющихъ тѣла. Образъ солнца, какъ огненной массы, планетъ, какъ землеподобныхъ глыбъ, звѣздъ, какъ отдаленныхъ солнцъ, далѣе, мысленно пробѣгаемыя міровыя глубины пространства—все это факты дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ лишь заключенія ума, создающаго и ставящаго предъ воображеніемъ картину ви́димаго міра, какъ она представляется умственному глазу. Воображеніе всегда есть дополненіе и замѣна образовъ, доставляемыхъ видимыми предметами, образами, вызываемыми внутреннею дѣятельностью мозга; но воображеніе, названное нами научнымъ—касается ли оно громадныхъ міровъ, или малѣйшихъ частицъ—отличается отъ воображенія въ тѣсномъ смыслѣ, фантазіи, тѣмъ, что есть заключеніе, дающее отчетъ въ своихъ послышкахъ и провѣряемое.

Замѣтимъ, что основанное на непосредственныхъ чувственныхъ показаніяхъ противоположеніе земли и неба дѣлаетъ до нынѣ нашъ способъ выраженія о явленіяхъ міростроенія до-коперниканскимъ и въ поэзіи, и въ обиходѣ жизни. Всякій говоритъ, что восходитъ солнце, вмѣсто того, чтобы сказать, что повернулась земля. Изображеніе безпредѣльныхъ пустынь міроваго пространства въ Мессіадѣ Клопштокъ оставляетъ воображеніе холоднымъ и являетъ собою рѣзкую противоположность съ яркими красками мнѳологическаго міростроенія древнихъ и средневѣковаго въ Комедіи Данта.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣднее слово средневѣковой науки. Магическая философія.

І. Черты новаго міровоззрѣнія. Система Коперника—не говорю самъ Коперникъ,—и ученіе его продолжателя Бруно вели умы къ новому міровоззрѣнію, характеризующемуся, во первыхъ, отрицаніемъ центральности земли и вообще идеи о центрѣ вселенной и, во вторыхъ, признаніемъ единства матеріи въ мірѣ, безъ различенія небснаго или звѣзднаго (астральнаго, сидеральнаго) и подлуннаго или земнаго (элементарнаго).

Предшествовавшее, средневѣковое міровоззрѣніе имѣло въ основаніи своемъ ученіе о движеніи, шедшее отъ Аристотеля. Переворотъ въ ученіи о движеніи былъ первымъ шагомъ къ созданію науки о природѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она стала достояніемъ новаго вре-

мени. Съ реформы ученія о движеніи и началъ Галилей, оправдывая систему Коперника физическими началами и полагая основаніе современной механики природы.

Съ пробужденіемъ экспериментальной науки въ теченіе великаго XVII вѣка создалось воззрѣніе на строеніе вселенной, которое можно назвать механическимъ. Ученіе о природѣ получило характеръ механики природы; философія природы стала механическою, и Ньютонъ изложеніе своего великаго механическаго ученія назвалъ „Началами натуральной философіи“ („Principia philosophiae naturalis“), какъ еще прежде Декартъ „Началами философіи“ („Principia philosophiae“) назвалъ свое изложеніе системы міра.

II. *Магическая философія въ ея отличіи отъ философіи новаго міровоззрѣнія, механической.* Но прежде чѣмъ совершилась смѣна міровоззрѣній, философія природы въ эпоху, непосредственно предшествовавшую вѣку великихъ физическихъ открытій, прошла чрезъ ступень, заслуживающую большаго вниманія. Средневѣковое міровоззрѣніе сказало свое послѣднее слово. Философія природы, прежде чѣмъ стать *механическою*, приняла характеръ философіи *магической*. Магическая философія такое же произведеніе пытливости ума, какъ и вся наука. Стремленіе къ изысканію, къ опыту было весьма сильно во многихъ ея представителяхъ. Но есть и громадная разница между двумя философіями. Разница—въ первомъ началѣ. Основное воззрѣніе на явленія природы различно въ той и другой философіи. По механической философіи (по крайней мѣрѣ, въ чистой ея формѣ картезіанства) каждое естественное взаимодействіе въ матеріальномъ мірѣ совершается чрезъ матеріальное посредство—механическимъ путемъ. По магической философіи возможно непосредственное взаимодействіе двухъ вещей, не требующее механическаго посредства и ненуждающееся въ механическомъ объясненіи. Взаимодействіе происходитъ въ силу сродства вещей, порождающаго ихъ естественную симпатію и антипатію.

Другое, связанное съ идеею объ естественной симпатіи и антипатіи вещей, характеристическое положеніе магическаго воззрѣнія въ отличіе отъ механическаго то, что вещей въ тѣсномъ смыслѣ одушевленныхъ нѣтъ въ природѣ. Все въ природѣ одушевлено и вслѣдствіе одушевленія живетъ. Для воззрѣнія механическаго, матерія сама по себѣ есть косная масса, подчиненная единственно механическимъ взаимодействіямъ. Матеріальная природа съ ея явленіями есть задача механики. Наука о природѣ есть механика природы.

Для магическаго воззрѣнія наука о природѣ есть наука о жизни природы, не механика, а біологія или фізіологія.

Съ подвореніемъ въ науки,—въ неразрывной связи съ экспериментальною методой—механической філософіи начались громадныя успѣхи естествознанія. Потому філософія эта можетъ быть признана основою, по отношенію къ матеріальной природѣ, міровоззрѣнія новаго времени. Но не должно думать, чтобы наступившее господство этой філософіи было безраздѣльно, и чтобы ею въ полнотѣ исчерпывалось міровоззрѣніе новаго времени. Механическую філософію въ чистомъ видѣ можно усматривать въ філософіи Декарта, подчиняющей механическому объясненію весь матеріальный міръ съ животными и тѣломъ человѣка включительно. Осторожная філософія Ньютона, сподящая механику природы къ понятію о *силахъ*, дѣйствующихъ по опредѣленнымъ законамъ, но устранившая физическое объясненіе ихъ происхожденія, есть уже компромиссъ чисто механической філософіи съ понятіями иного порядка. Съ другой стороны, начала філософіи, названной нами магическою, далеко не исчезли изъ умовъ съ подвореніемъ механическаго міровоззрѣнія. Нельзя сказать, что магическая філософія имѣетъ значеніе лишь какъ поучительное заблужденіе прошлыхъ вѣковъ и есть средневѣковое наслѣдіе, сложенное въ архивъ исторіи. Начала ея многократно оживали, мѣняя форму. Они играютъ не малую роль и въ современномъ міровоззрѣніи.

Что касается вопроса о строеніи вселенной, то въ XVI вѣкѣ представители міровоззрѣнія, названнаго нами магическимъ, держались геоцентрической системы и ученія о принципиальномъ различіи астральнаго и элементнаго.

III. Парацельсъ какъ типическій представитель магической філософіи. Типическаго представителя магической філософіи природы можно подѣсть въ Парацельса. Филиппъ Бомбасть фонъ-Гогенгеймъ, или, какъ онъ писалъ въ своихъ сочиненіяхъ, *Philippus Aureolus Theophrastus Paracelsus, Alpinus, Eremita*, родился въ 1493 году. „Изъ Эппендельна, шпейцаренъ по родинѣ, гонорить онъ ¹⁾ ... Благодаря Бога, что родился швецкимъ человѣкомъ, и хвалу Ему воздаю, что попустилъ Онъ меня юность провести въ бѣдности и голодѣ“. Отецъ Парацельса, незаконный сынъ весьма знатнаго дворянина, самъ былъ ученый врачъ, но сильно нуждался въ средствахъ жизни. Учителями Парацельсъ имѣлъ отца и нѣкоторыхъ ал-

¹⁾ См. *Rizner und Siber*, I Heft, 5. Дальнѣйшія ссылки на страницы относятся къ этой книгѣ.

химиковъ. „Съ дѣтства занимался я этими вещами,—говорилъ онъ объ алхимическихъ свѣдѣніяхъ,—и обучился имъ отъ наставниковъ, хорошо свѣдущихъ въ алхимической наукѣ (*Philosophia adeptae*)“⁴. Затѣмъ много лѣтъ провелъ онъ въ странствованіяхъ по университетамъ Германіи, Италіи, Франціи; приобрѣлъ обширныя знанія и самъ выступилъ на поприще врача и лектора съ шумомъ и шарлатанствомъ, соединявшимся, впрочемъ, съ дѣйствительною гениальностію. Человѣкъ новыхъ вѣяній, онъ рѣзко высказывался противъ книжной учености и призывалъ къ опыту, какъ истинному способу изученія природы. „Не школы и книги образуютъ истиннаго врача, а практика. Чтеніе лишь подножка практики, и если бы, чтобы быть врачомъ, было довольно читать и болтать по-латыни, по гречески и еврейски, то отсюда слѣдовало бы, что можно сдѣлаться полководцемъ только чрезъ чтеніе Ливія. Не чрезъ чтеніе и не со словъ надо учиться медицинѣ, но изъ природы и помощію Вулкана (чрезъ огонь)“⁴. „Мой запасъ книгъ (писалъ онъ въ 1431 году), какъ всякій знаетъ, изъ шести листовъ, да и на нихъ можно бы еще листъ исписать. А мои секретари должны засвидѣтельствовать, что все диктуемое мною быстро течетъ изъ моихъ устъ, и что сочиненія мои содержать 600 изобрѣтеній, которыхъ не зналъ ни одинъ философъ, ни древній, ни новыи. Однако, вѣдомо, что десять лѣтъ не читалъ я ни одной чужой книги“⁴.

Богъ—первый и высшій писатель (67 стр.) и Его мудрость—первый нашъ текстъ: вселенная—истинная бібліотека человѣка. Всѣ травы, корни, сѣмена, деревья, плоды, все, что на землѣ и въ стихіяхъ, не иное что, какъ буквы книги природы... Что есть философія? Не иное что, какъ познаніе отраженій міра въ человѣкѣ и человѣка въ мірѣ. Кто знаетъ человѣка, знаетъ весь міръ, и наоборотъ, кто не знаетъ міра, не знаетъ и человѣка (макрокосмъ и микрокосмъ). Природа человѣка (134 стр.) тройственна. Его природа изъ трехъ частей: элементная, сидерическая или небесная, божественная или бессмертная. Въ немъ надо потому различать тройкую жизнь, тройкое питаніе, три области. Элементная часть человѣка есть его видимое, осязаемое тѣло, образованное изъ превращеннаго въ плоть и кровь родительскаго сѣмени. Это тѣло имѣетъ лишь растительную жизнь. Сидерическая составная часть человѣка есть эфирное, огне и газоподобное дыханіе, заимствованное изъ верхней, небесной или астральной сферы. Отъ него зависитъ чувствительность и дѣятельность органовъ чувствъ: зрѣніе глазомъ, слуханіе ухомъ

и т. д. Безъ этого дыханія жизни органы эти ни къ чему не служили бы. Это чувствующее дыханіе, однако, разруσιμο и смертно. На него надо смотрѣть какъ на второе, невидимое, неосязаемое тѣло, въ которомъ живетъ безсмертная, Богомъ созданная, душа. Чувствительность и инстинктъ—его область. Земное, элементное тѣло мутно и темно; сидерическое тѣло, составляющее средину между душою и элементнымъ тѣломъ, свѣтло и прозрачно. Земному тѣлу все темно и смутно. Сидерическому все темное и смутное ясно, прозрачно какъ кристаллъ. Оно можетъ въ горѣ видѣть внутренность ея чрезъ камни и скалы. Наконецъ, безсмертная, по образу и подобию Божію созданная душа находится въ такомъ же отношеніи къ сидерическому дыханію, въ какомъ сидерическое дыханіе находится къ тѣлу. Элементное тѣло имѣетъ пищу изъ элементнаго міра чрезъ ротъ, а еще болѣе чрезъ кожу, ибо многіе люди меланхолическаго сложенія цѣлые годы могутъ оставаться безъ пищи и питья, поддерживая жизнь впитываніемъ чрезъ кожу. Сидерическое дыханіе имѣетъ пищу изъ астральнаго міра невидимо и неосязаемо, чрезъ вліяніе и тайное сообщеніе чрезъ дальнее разстояніе. Безсмертная душа имѣетъ питаніе чрезъ слова Божія, вѣру и снѣтое причащеніе. Сидеральное дыханіе витаетъ въ предсердіи (precordium), подобно тому какъ въ макрокозмѣ, при началѣ, духъ Божій носился поверхъ первоуды жидкаго хаоса. Безсмертная душа живетъ въ срединѣ сердца. Оттого сказано: полюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою твоею, всѣмъ разумѣніемъ твоимъ (Мате. XXII, 37).

Сидерическое, невидимое тѣло человѣка оживляетъ и ведетъ элементное тѣло, есть его руководящее свѣтило, astrum. Оно источникъ и учитель всего естественнаго знанія и умѣнія, удѣленнаго частію и животнымъ, но вполнѣ принадлежащаго лишь человѣку, именуемому потому справедливо совершеннѣйшимъ и высшимъ животнымъ. Чрезъ тайныя, отъ дальнихъ разстояній приходящія сообщенія и вліянія въ немъ лежитъ, хотя смутно и нераздѣльно, знаніе всѣхъ отдаленныхъ въ пространствѣ и времени вещей; а также первоначальныя знанія всякихъ искусствъ, какъ тѣхъ, кои прежде были извѣстны, а нынѣ не существуютъ, такъ и тѣхъ, что нынѣ процвѣтаютъ и въ будущемъ имѣютъ быть открыты. Если бы мы знали то, что скрыто лежитъ въ глубинѣ нашей сидеральной части, мы обладали бы многими, что кажется недоступнымъ человѣку. Иногда во снѣ прорывается тайна скрытаго въ насъ врожденнаго знанія. Наша вина, если мы не всегда умѣемъ излекать пользу отъ

проявленія сидеральнаго духа, то-есть невидимаго, неослазаемаго, внутренняго человѣка. Животныя имѣютъ естественную способность предвѣщанія; въ сколь болѣеи степени способность эта должна принадлежать человѣку! Только человѣкъ долженъ сохранить себя чистымъ и незапятнаннымъ, чтобы внутреннее существо его оставалось свободнымъ и не затрудненнымъ.

Познаніе того, что недоступно тѣлесному глазу, — будущаго, отдаленнаго, имѣющаго быть открытымъ, — совершается чрезъ встрѣчу и соприкосновеніе сидеральной части человѣка съ сидерическою областію міра. *Liquor vitae* кипитъ въ человѣкѣ и во всѣхъ созданіяхъ и гонитъ тонкія дыханія въ высоту. Подобно тому, какъ каждое существо имѣетъ собственный голосъ и звукъ, оно посылаетъ изъ себя въ даль свой духовный, лишь нетѣлесному глазу видимый образъ на сотни и тысячи миль вокругъ.

Весьма интересно, что нынѣшнее ученіе о *внушеніи* мы встрѣчаемъ уже у Парацельса. Рекомендуя врачамъ обращать вниманіе на видѣнія и предвѣщанія больныхъ и напоминая, какъ многое естественное, лишь по незнанію, считается чудеснымъ, онъ говоритъ: „Невозможно даже слѣдующее. Я говорю кому-нибудь, — „поди, лягъ спать и скажи мнѣ, что желаешь увидѣть и испытать по снѣ; я сдѣлаю такъ, что ты именно это увидишь“. Онъ уйдетъ, живо возбужденный моими словами и, вѣря имъ, будетъ обращать ихъ въ мысли споей, пока заснетъ. И съ нимъ непременно случится то, что я обѣщалъ. Подобнымъ образомъ говорю другому: „стань ночью на такой-то площади подъ открытымъ небомъ и внимательно жди двѣнадцати часовъ. Когда часы пробьютъ, ты услышишь въ воздухѣ голосъ, который дастъ тебѣ отвѣтъ на то, что ты у меня спрашиваешь“. Какъ скоро возмущеніе его будетъ возбуждено достаточно сильно, такъ что онъ ни о чемъ другомъ не въ состояніи будетъ и думать, пѣтъ сомнѣнія, онъ услышитъ на указанномъ мѣстѣ въ сказанный часъ голосъ и отвѣтъ какъ бы невидимаго человѣка. При этомъ слышаніи голоса, человѣкъ какъ бы раздвоится, то-есть говорить съ самимъ собою и себѣ даетъ отвѣты. И дѣлается это при посредствѣ сидерической части или, лучше сказать, при помощи внутренняго умственнаго свѣта, дающаго отвѣтъ проникнутому мыслию лицу. Этому не должно удивляться или считать это невозможнымъ, или осмѣивать, какъ обычно между софистами. Я самъ испытывалъ это надъ многими, и они сознавались мнѣ, что съ ними именно такъ случалось, какъ сказано, и они убѣдились въ истинѣ моихъ словъ“.

(143) Въ угадывательныхъ снахъ сидерическая часть человѣка находится въ сношеніи съ сидерическою, небесною областію вселенной, и, если сообщеніе это не нарушается внимательствомъ элементарнаго тѣла, приобретаются удивительныя знанія и умѣнія.

Авторы книги о Парацельсѣ (Rixner und Siber), извлеченіями которыхъ мы пользовались, цитуютъ при этомъ Гете (Zur Naturwissenschaft. В. I, 91). Великій поэтъ, рѣшительный противникъ Ньютона въ ученіи о цвѣтахъ, во многомъ держался воззрѣній, охарактеризованныхъ нами подъ наименованіемъ магической философіи природы, въ противоположность механической. Иногда, говоритъ Гете, нѣкоторыя воззрѣнія и образы какъ бы носятся въ воздухѣ, такъ что одновременно многіе люди принимаютъ ихъ и должны принимать. При этомъ поэтъ цитуетъ неизвѣстнаго автора (Companella „De sensu rerum“, какъ полагаютъ Рикснеръ и Зиберъ): „воздухъ—точно общая душевная среда, всѣхъ обнимающая и всѣхъ приводящая въ сообщеніе. Вслѣдствіе того проникательныя и пламенные умы иногда изъ воздуха воспринимаютъ то, что думаетъ другой человѣкъ“. „Immanet aër, sicut anima communis, quae omnibus praesto est et qua omnes communicant invicem; qua propter multos sagaces spiritus et ardentis subito ex aëre persentiscunt, quod cogitat alter homo“. Отсюда одновременность многихъ открытій.

(87) Все въ природѣ живетъ. Жизнь — невидимая, неосоздаваемая сущность. Она — принадлежность не только вещей, имѣющихъ чувствительность и потому движущихся, но всего, что имѣетъ тѣло. Въ каждомъ тѣлѣ сокрыто одушевляющее начало. Жизнь сѣры — ея горючесть, жизнь соли — ея vis coaglosiva; жизнь драгоценнаго камня — его цвѣтъ и блескъ; жизнь кварца — его твердость; жизнь элементовъ воды — ея текучесть, огня — его летучесть и т. д. Что живетъ, то разрушается и умираетъ. Умерщвленіе сѣры происходитъ чрезъ ея сжиганіе; умерщвленіе металловъ чрезъ разрушеніе ихъ тягучести; воды чрезъ огонь, огня чрезъ воду и проч. Одушевляющее производящее начало имѣетъ у Парацельса особое наименованіе — *архей*. Архей небеснаго круга порождаетъ дождь, снѣгъ, градъ, росу, молнію и другія явленія; архей воды порождаетъ изъ нея соли, камни, металлы; архей земли производитъ деревья и травы, растущія изъ земли. При этомъ Парацельсъ указываетъ, что архей не суть какія-либо личныя существа или духи, но силы природы.

Вообщемъ, и у Парацельса, и у другихъ представителей магической философіи природы должно отличать плодovitость, пестрый метафизи-

ческий способ выражения и самую мысль, лежащую въ основѣ цѣлѣ-
тистаго выраженія. Магическая философія отъ грубой магін волшеб-
ныхъ дѣйствій отличается именно тѣмъ, что въ ней произвольное
вышатаство сознательныхъ существъ того же духовнаго порядка,
хотя и иной ступени, чѣмъ человѣкъ, замѣняется присущими тѣламъ
природы силами и свойствами, необходимо, безсознательно, но цѣле-
сообразно дѣйствующими. Это не исключало признанія магін какъ
великаго искусства, указываемаго самою природой. Природа сама, по
выраженію Парацельса, магъ, ибо она могущественнѣйшая преврати-
тельница. Природа—пророкъ, ибо возвѣщаетъ отдаленное и будущее.
Она—врачъ, дающій цѣлительную силу травамъ. Если природа магъ,
то и врачъ долженъ быть магомъ.

„Магія есть искусство (187), говорить Парацельсъ, чрезъ неиз-
вѣстныя тайныя силы и особенно чрезъ непосредственное воздѣйствіе
одушевляющаго начала одного человѣка на одушевляющіе начала
другихъ людей и природы производить, при посредствѣ могущества
и силы вѣры и воображенія, невозможныя для иныхъ путей вещи,
съ благотѣльною или вредною цѣлю“. Въ первомъ случаѣ это ма-
гія въ добромъ смыслѣ, во второмъ—колдовство и колдовство.

Парацельсъ умеръ въ Зальцбургѣ въ 1541 году, на сорокъ вось-
момъ году жизни, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ насильственною
смертью. Возвращаясь съ вечерняго пира, гдѣ было нѣсколько вра-
чей, тайно ему враждебныхъ, онъ былъ подосланными людьми сбро-
шенъ съ высотъ и разбилъ себѣ голову. Впослѣдствіи, когда тѣло
Парацельса, по случаю перестройки церкви, было перенесено въ дру-
гую могилу, Земмерингъ нашелъ на его черепѣ большую трещину,
о которой можно было заключить, что она получена при жизни. Под-
твержденіе своей догадки Земмерингъ и нашелъ въ сочиненіи Гесс-
линга о Парацельсѣ, изданномъ въ 1662 въ Шпейерѣ, а затѣмъ
въ 1663 въ Гамбургѣ, гдѣ упоминается приведенный выше разказъ
(*Elias Iohannes Hesselius*, „*Theophrastus redivivus illustratus*“).

IV. *Другіе представители магической философіи:* Характеристи-
ческія черты философіи природы, наименованной нами магическою,
встрѣчаемъ также у современника и отчасти ученика Парацельса,
Корнелия Агриппы; далѣе, у Кардана, Телезія, Патриція, Кампа-
неллы, Фашь-Гельмонта. Антипатія, симпатія, *qualitates occultae*, *spi-*
ritus mundi, выдающіяся слова въ словарѣ Агриппы (1486—1535).
Два способа дѣйствія на разстояніи: чрезъ истеченія и выходящіе
образы и чрезъ антипатію и симпатію. Все въ соотвѣтствіи: *spiritus*

mundi въ духовномъ мірѣ, солнце въ небесномъ, камень мудрости въ элементномъ мірѣ, сердца въ микрокозмі. Связь со звѣздами имѣеть источникъ въ симпатіи (*Sprengel*, III, 23).

Кардана. Сынъ миланскаго адвоката, Кардана родился въ 1501 году, учился въ Падуѣ, гдѣ и получилъ званіе доктора медицины; практиковалъ въ своемъ родномъ городѣ, былъ затѣмъ профессоромъ въ Павіи и Болоньѣ; умеръ въ Римѣ въ 1576 году. Алгебра обязана ему существенными успѣхами, хотя извѣстная подъ его именемъ формула для рѣшенія уравненій третьей степени не принадлежитъ ему, а заимствована имъ отъ Тарталеа (*Niccola Tartaglia*). Главнѣйшія сочиненія Кардана: „*De subtilitate rerum*“ и „*De varietate rerum*“.

Противникъ Аристотеля и школьной философіи, на сочиненіяхъ его основанной, Кардана въ ученіи о движеніи остается однако въ кругѣ представленій того же порядка, какъ и греческій философъ. И для Кардана движеніе бываетъ естественное и насильственное. Самую классификацію движеній онъ дѣлаетъ нѣсколько отлично отъ Аристотеля, различая общія движенія, свойственныя матеріи, и особенныя. Первое и сильнѣйшее изъ естественныхъ движеній есть стремленіе матеріи наполнить пустоту: движеніе „*ex fuga vacui*“. Ему повинуются всѣ тѣла (*huic sunt cuncta obediencia*); тяжелыя поднимаются вопреки тяжести, легкія спускаются вопреки легкости. Второе естественное движеніе прямо противоположно первому; оно обнаруживается сопротивленіемъ, какое тѣла оказываютъ взаимному проникновению (непроницаемость, разсматриваемая какъ нѣкоторое отталкиваніе въ противоположность притяженію, какое обнаруживаетъ пустота). Третій родъ естественнаго движенія: опусканіе тяжелыхъ тѣлъ вверхъ, восхожденіе легкихъ вверхъ. Эти три рода движенія матеріи Кардана называетъ общими, различая затѣмъ особыя движенія. Всперныхъ, небесное—самое естественное изъ всѣхъ; вопторыхъ, движенія, происходящія отъ особаго притяженія—*a quodam obediencia rerum*: таковы движенія воды къ луиѣ (приливъ), желѣза къ магниту и т. п.; въ третьихъ, произвольныя движенія животныхъ (*motus voluntarius*): въ четвертыхъ—насильственныя движенія (*volentus*) отъ толчка, удара и т. п.

И въ общемъ міровоззрѣніи, сильно отступая въ частностяхъ и отъ школы, и отъ Аристотеля, Кардана сохраняетъ однако принципиальное различіе небеснаго и подлуннаго, признаетъ гео-центрическую систему, помещающую землю въ центрѣ вселенной, а о дѣйствіи свѣтилъ на земныя явленія выражается такъ: „никто не мо-

жетъ сомнѣваться во вліяніи свѣтилъ и въ ихъ скрытой силѣ, помощію которой они управляютъ всѣмъ преходящимъ; столько вещей совершаются вопреки всякаго чаянія и противъ обычнаго хода природы, что должна же гдѣ-либо лежать ихъ причина“.

Телезій. Много далѣе въ отрицаніи Аристотеля и школьнаго міровоззрѣнія идетъ Телезій, родившійся въ 1508 году въ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ городѣ Consenza (Consentinae), въ весьма образованной и достаточной семьѣ. Онъ основалъ въ Миланѣ собственную школу для юношества; былъ также основателемъ ученаго общества „Academia Consentina“, закрытаго по распоряженію римской куріи. Распоряженіе это такъ огорчило Телезія, что онъ впалъ въ болѣзнь, отъ которой и скончался въ 1558 году. Изъ произведеній древности любимымъ сочиненіемъ его было „De rerum natura“ Лукреція. И свое главное сочиненіе онъ назвалъ „De rerum natura“, хотя собственную систему основывалъ главнымъ образомъ на философіи Парменида. Кромѣ матеріи, какъ начала пассивнаго, Телезій принимаетъ два дѣятельныя начала: тепло и холодъ, — тепло въ смыслѣ расширительной силы, холодъ въ смыслѣ силы сжимательной. Идея, въ которой можно усматривать зародышъ будущихъ воззрѣній Канта на силы природы. Относительно строенія вселенной Телезій держался гео-центрической системы. Къ одной школѣ съ Телезіемъ можно причислить Патриція и Кампанеллу.

Патрицій. Патрицій (Patricius) родился въ Истрии въ 1529 году, много странствовать, поселился затѣмъ въ Италіи и умеръ въ Римѣ въ 1593 году. Идея всеобщаго одушевленія съ большою яркостью выражена Патриціемъ (*Rizner und Siber, IV, 48*).

„Между божественными душами знаменитѣйшіе философы первое мѣсто отводятъ мировой душѣ, дающей жизнь, знаніе и движеніе совершеннѣйшему изъ всѣхъ тѣлу. Въ этомъ согласна вся іонійская школа — Фалесъ, Гераклитъ, Анаксагоръ, Архелай; изъ итальянской школы Пиногоръ и его приверженцы; Парменидъ, Зенонъ, Эмпедокль; Платонъ съ его учениками и почти всѣ стоянки; наконецъ, даже Демокритъ, по свидѣтельству Плутарха. Только Левкинъ и Эпикуръ высказались за противоположное и утверждаютъ, что міръ неодушевленъ. Но авторитетъ этихъ двухъ философовъ малъ сравнительно съ такимъ числомъ великихъ мужей, державшихся противнаго мнѣнія, и они не выставляютъ достаточно вѣскихъ аргументовъ, чтобы предпочесть душѣ владычество случая, чтимаго ими какъ Богъ.“

„Послѣ двухъ этихъ философовъ, обращающихъ міръ въ трупъ,

Аристотель, который, пока былъ другомъ Платона и слышалъ изъ устъ его, что міръ имѣетъ животную природу и снабженъ разумною душой,—и самъ училъ подобнымъ образомъ, потомъ, отпавъ отъ Платона, составилъ свое ученіе, что не весь міръ одушевленъ, а одушевлена лишь часть его. Одушевлено небо, имѣющее въ себѣ начало своего движенія; элементы же не одушевлены и не имѣютъ въ себѣ принципа движенія. И звѣздамъ онъ приписываетъ душу и, повидимому, разумную... Но какъ же? Неужели сочтемъ мы этотъ міръ,—который и въ цѣломъ и въ частяхъ всѣ философы и съ ними самъ Аристотель признаютъ совершеннѣйшимъ,—какимъ-то уродомъ (*monstrum*), который на половину, то-есть по отношенію къ небу — одушевленъ, на половину, то-есть по отношенію къ землѣ—бездушень?..

„Комментаторы Аристотеля, Александръ Афродизій, Филогонъ, Симплицій, доказываютъ многими аргументами, что небо одушевлено, а Симплицій утверждаетъ даже, что звѣзды не только одушевлены, но и имѣютъ чувствующую душу (*animus sensitivus*). Наши христіанскіе богословы, древніе и новые, раздѣляются на три мнѣнія. Одни предпочитаютъ аристотелевскій монстръ и говорятъ, что одушевлены небо и свѣтила: таковы Оригенъ, Іеронимъ, Августинъ, а между новыми Тома, Скоттъ, Каетанъ, Ореолъ, Теофрастъ. Другіе и это отрицаютъ, какъ Лактанцій, Василій, Кирилъ, Амвросій и Дамаскинъ. Нѣкоторые, наконецъ, колеблются и сомнѣваются, или отказываются отъ того, что прежде принимали, какъ это случилось съ Августиномъ, Іеронимомъ и Томаю. Что касается священнаго писанія, то тамъ, если не измѣняетъ мнѣ память, нигдѣ и не утверждается, что небо, звѣзды и міръ одушевлены, и не отрицается. Потому богословы могутъ безъ грѣха держаться того или другаго мнѣнія. А потому и намъ да будетъ дозволено утверждать то, что кажется намъ болѣе служащимъ къ славѣ Божіей.

„Мы утверждаемъ потому, что не только звѣзды и сферы (если существуютъ въ небѣ сферы), но и все небо одушевлены. Но, чтобы не дѣлать міра съ перипатетиками нѣкоторымъ уродомъ, мы вѣстѣ съ первоначальнымъ Аристотелемъ,—когда онъ держался мудрѣйшаго еще мнѣнія,—съ Платономъ и другими древними, какъ греками, такъ и не-греками (*barbaris*), египтянами, халдеями, утверждаемъ кромѣ того, что и весь міръ одушевленъ. Слѣдовательно, не только небо и всѣ его части, но и всѣ элементы и ихъ части, пока не отдѣлены отъ цѣлаго, одушевлены. Нашему утвержденію не противорѣчитъ то, что небо, звѣзды, а также элементы и металлы, камни и растенія

не имѣютъ орудій чувствованія. Нельзя вслѣдствіе этого обстоятельства отказывать имъ въ жизни, ибо жизнь не соединяется необходимымъ образомъ съ чувствованіемъ“.

По отношенію къ строенію вселенной Патрицій держится средне-вѣковыхъ понятій. И хотя обращеніе земли около оси кажется ему уже болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ обращеніе всего небеснаго свода около земли, онъ тѣмъ не менѣе принимаетъ, что земли находится въ центрѣ вселенной, облекая его собою. Звѣзды огненной, пламенеподобной природы; одушевлены свѣтомъ и первоначальною теплотой, въ которыхъ источникъ одушевленія (*fontanus animus*), изливающий сѣмена всего образующагося, всѣхъ рождающихся вещей.

Кампанелла (*Campanella*) родился въ Калабріи въ 1568 году; училъ въ Римѣ, Флоренціи, Венеціи и Падуѣ; въ 1598 году, въ Неаполѣ, обвиненный, по пронскамъ враговъ, въ участіи въ заговорѣ противъ испанскаго правительства, былъ ввергнутъ въ тюрьму, гдѣ и томился двадцать семь лѣтъ. Освобожденный настояніями папы Урбана VIII, Кампанелла послѣдніе годы жизни провелъ въ Парижѣ, обласканный королемъ Людовикомъ XIII и кардиналомъ Ришелье; умеръ въ 1639 году.

О душѣ міра учить и Кампанелла, по отношенію къ строенію вселенной также держащійся гео-центрической системы. Звѣзды имѣютъ обращеніе около оси, вслѣдствіе чего и сверкаютъ. Планеты не имѣютъ обращенія около оси и всегда обращены къ намъ одною стороною, какъ луна. Антипатія и симпатія одно изъ важнѣйшихъ началъ, объясняющее множество явленій. Кампанелла приводитъ много примѣровъ, заимствованныхъ изъ области легковѣрія и предразсудковъ и выдаваемыхъ имъ за факты. Барабанъ изъ кожи овцы лопается, когда вблизи его звучитъ барабанъ, обтянутый волчьей кожей. Два инструмента, струны на которыхъ сдѣланы изъ кишокъ враждующихъ между собою звѣрей, взаимно разстраиваются и лопаются. Гусситъ Жишка далъ посмертное приказаніе сдѣлать изъ его кожи барабанъ, чтобы наводить ужасъ на враговъ. Наоборотъ, сходныя вещи согласны между собою, и звучащая струна одной арфы приводитъ въ звучаніе подобную струну другой арфы и т. д.

Фанъ-Гельмонтъ. Мысль Парацельса объ „археѣ“ нашла продолжателя и истолкователя въ Фанъ-Гельмонтѣ. Фанъ-Гельмонтъ, изъ знатнаго нидерландскаго рода, родился въ Брюсселѣ въ 1577 году; рано и восторженно предался наукѣ; приобрѣлъ докторскую медицинскую степень, странствовалъ по Швейцаріи, былъ во Франціи и Анг-

ліи, прославился какъ химикъ — онъ первый различалъ и изучалъ газы — и какъ врачъ. Скончался близъ своего роднаго города, 30-го декабря 1644 года, написавъ наканунѣ смерти своему другу въ Парижъ: „Хвала и честь Создателю во вѣки. Ему угодно было призвать меня въ этотъ міръ. Жизнь моя, какъ полагаю, не продлится болѣе 24 часовъ. Сегодня выдержалъ я приступъ лихорадки. При слабости и недостаткѣ жизненной дѣятельности это послѣдній“. Объ археѣ Гельмонтъ училъ такъ. Всѣ естественныя тѣла, какъ бы тверды и плотны ни были, заключаютъ въ себѣ нѣкоторое жизненное пламя, вѣлніе, духъ (*includunt in se flammam, augam et spiritum vitalem*). Это дыханіе жизни потенциально, въ неясномъ очертаніи, какъ нѣкоторое плодоносное сѣмя, содержитъ въ себѣ то, что должно обнаружиться при дѣйствительномъ появленіи. Это оживляющее дыханіе въ растеніяхъ проявляется въ образѣ ихъ сложнаго сока, въ металлахъ какъ плотная однородность массы. Во всякомъ случаѣ мы не должны сомнѣваться, что всему, безъ исключенія, данъ этотъ даръ. Его зовемъ археемъ, сѣмяносящимъ духомъ, внутреннимъ работникомъ и строителемъ, дѣйствующимъ какъ внутренняя плодотворящая причина. Этотъ мастеръ (*faber*) въ себѣ заключаетъ образъ мѣющаго произойти... Бываетъ, что беременная женщина передаетъ своему ребенку образъ вишни, которую тѣла съ наслажденіемъ, именно на томъ мѣстѣ, какова на своемъ тѣлѣ касалась, когда имѣла желаніе. Черезъ это въ тѣлѣ ребенка образуется настоящая вишня, которая по временамъ года, измѣняется, какъ вишня на деревѣ, дѣлаясь изъ зеленой блѣдною, желтою, красною, на томъ же ребенкѣ созрѣвая ранѣе въ Испаніи, чѣмъ въ Нидерландахъ. Точно такимъ образомъ въ археѣ сѣмени подъ дѣйствіемъ полового наслажденія возбуждается живой образъ животнаго, развивающійся потомъ до полноты въ процессѣ рожденія*.

Допущеніе симпатическаго взаимодѣйствія вещей одно изъ основныхъ положеній ученія Гельмонта. Взаимное притяженіе неодушевленныхъ предметовъ происходитъ вслѣдствіе естественнаго чувствованія или знанія, въ которыхъ источникъ всякой естественной симпатіи. Когда магнитъ направляется къ полюсамъ — онъ долженъ знать, гдѣ они лежатъ, чтобы направиться безошибочно. А когда отклоняется отъ полярнаго положенія, вслѣдствіе приближенія желѣза, онъ долженъ ощущать и знать приближеніе куска. Тотъ же магнитъ въ разныхъ случаяхъ обнаруживаетъ разные чувстваванія, и ему слѣдуетъ приписать движенія любви и склонности и нѣкоторое есте-

ственное воображеніе. Оно иного рода, когда магнитъ направляется къ полюсамъ, или когда притягиваетъ желѣзо, или когда удерживаетъ истеченія и кишки, или когда притягиваетъ пѣчто изъ расплавленного стекла. Если бросить кусочекъ магнита въ расплавленное стекло, то оно бѣлѣетъ, тогда какъ иначе было бы зеленоватымъ или желтоватымъ.

Такова смѣсь фактовъ и небывальщинъ, наблюденій и фантазій, проникательности и легковѣрія, встрѣчаемая въ произведеніяхъ представителей ученія, названнаго нами магическою философіей. Она призывала чудеса знанія, но чудеса эти пришли инымъ путемъ. Ихъ принесла эпоха механической философій и научнаго опыта, породившая великія открытія XVII вѣка.

III. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О МУЗЫКАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ ¹⁾.

Отъ древне-греческой музыки осталось весьма мало памятниковъ. Но немногіе уцѣлѣвшіе образцы вѣстѣ съ мыслями, высказанными о музыкѣ греческими писателями, помогаютъ намъ составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе объ этомъ искусствѣ древнихъ грековъ. Музыка представляетъ интересный контрастъ съ остальными искусствами названнаго народа. Въ поэзіи, архитектурѣ, въ особенности же въ скульптурѣ греки создали образцовыя по своему художественному совершенству произведенія; увеличивающіяся въ послѣднее время свѣдѣнія о греческой живописи показываютъ намъ и это искусство упомянутаго народа въ свѣтѣ все болѣе и болѣе благоприятномъ. Напротивъ, памятники греческой музыки не доставляютъ намъ эстетическаго наслажденія или, во всякомъ случаѣ, доставляютъ несравненно меньшее, чѣмъ греческія произведенія въ области остальныхъ искусствъ.

Недавно наши свѣдѣнія о древней греческой музыкѣ обогатились крайне важными находками. Въ 1883 г. была найдена въ Траллахъ, въ Лидіи, надпись на небольшой мраморной колоннѣ, служившей, по видимому, постаментомъ для портретной статуи жертвователя, италького Сейкиля, жившаго, вѣроятно, въ I вѣкѣ по Р. Х. Еще важнѣе находка папируса въ коллекціи эрцгерцога Райнера съ отрывкомъ партитуры къ „Оресту“ Еврипида, состоящей изъ мелодіи и инструмен-

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Неофилologischескомъ обществѣ 19-го марта 1893 г., въ Археологическомъ обществѣ 18-го мая 1893 г., въ С.-Петербургской консерваторіи 18-го марта 1894 г. и 8-го апрѣля 1894 г.

тального аккомпанимента ¹⁾. Въ упомянутую мелодію входятъ четверти тона, недоступныя нашему слуху, воспринимающему полутоны, какъ самый малый промежутокъ. Впрочемъ, повидимому, мельчайшіе интервалы, входившіе въ энгармоническій родъ, представляли отбѣнки звуковой высоты, не всѣмъ доступные и въ древней Греціи. „Толкунъ о какомъ-то сгущеніи тоновъ.—пишетъ Платонъ,—и прикладывая уши, они извлекаютъ звукъ какъ бы изъ ближайшихъ звуковъ. Одни изъ нихъ говорятъ, будто слышатъ какой-то еще отголосокъ въ срединѣ, такъ что разстояніе, которымъ надобно измѣрять звуки, у нихъ самое малое; а другіе спорятъ, что звучаніе въ подобіи доходитъ уже до тожества, но какъ первые, такъ и послѣдніе ставятъ уши выше ума“ ²⁾.

Осенью 1893 г. появилось въ газетахъ извѣстіе о томъ, что французскіе археологи нашли въ Дельфахъ на каменныхъ обломкахъ надписи, содержащія текстъ съ музыкальными знаками. Объ этой чрезвычайно важной находкѣ Вейль и Рейнахъ помѣстили статьи въ *Bulletin de correspondance hellénique*, VIII—XII, Paris, 1894. Тамъ же приложена транскрипція греческихъ музыкальных знаковъ на современные ноты.

На всѣхъ найденныхъ памятникахъ сохранились лишь мелодіи, безъ всякаго аккомпанимента. Изъ нихъ особенно важенъ „Гимнъ Аполлону“, благодаря которому мы, наконецъ, имѣемъ образчикъ греческой музыки, принадлежащій III или II вѣку до Р. Х. Съ нашей точки зрѣнія, мелодія упомянутаго гимна написана въ до-минорѣ (съ си бекаромъ). Это совпаденіе греческой мелодіи съ теперешней

¹⁾ Karl von Jan сомнѣвается въ инструментальныхъ нотахъ отрывка изъ музыки къ „Оресту“ Еврипида и считаетъ ихъ знаками, служащими указаніемъ раздѣленія стиховъ (*Berliner Philologische Wochenschrift*, 1893, № 36, Spalte 1125—1131).

²⁾ Платонъ, Политика, или государство. См. сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ Карповымъ, С.-Пб., 1863, часть III, стр. 379. О истинѣ Сейкиля и музыкальномъ отрывкѣ къ „Оресту“ Еврипида см. Crusius: „Ein Liederfragment auf einer antiken Statuenbasis“ и „Zu neuentdeckten antiken Musikresten“ въ *Philologus*, 1891, Ss. 163 — 172, и 1893, Ss. 160—200; Wessely, Papyrus des Chorgesanges von Euripides Orest, 330 ff. mit Partitur, въ V Bande der Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer, 1892 и „Le papyrus musical d'Euripide“ въ *Revue des études grecques*, t. V, № 19, juillet-septembre; Петръ, „Вновь открытые памятники античной музыки“ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893 г., октябрь и ноябрь.

тональностью весьма замѣчательно и „служить доказательствомъ древности и устойчивости современнаго музыкальнаго чувства“ ¹⁾. Хроматизмъ, встрѣчающійся въ этой мелодіи, даетъ намъ интересный примѣръ этого рода музыки древнихъ грековъ, оставшіеся музыкальные памятники которыхъ, за исключеніемъ энгармоническихъ звуковъ мелодіи въ отрывкѣ къ „Оресту“ Еврипида, написаны въ діатоническомъ родѣ.

Рейнахъ думаетъ, что авторъ текста и мелодіи „Гимна Аполлону“ — одно лицо ²⁾. Въ упомянутомъ произведеніи замѣтно соответствие музыки словамъ. „Изъ этого видно, что гармонія между сущностью и формой такъ же свойственна музыкѣ грековъ, какъ и остальнымъ вѣтвямъ ихъ искусства“ ³⁾.

„Не стану,—продолжаетъ Рейнахъ,—опредѣлять съ болѣею точностью эстетическій характеръ этой мелодіи. Слишкомъ многого недостаетъ намъ, чтобы достигнуть полной достовѣрности на этотъ счетъ. Замѣчу лишь, что въ этой мелодіи ничего нѣтъ общаго съ неопредѣленнымъ и колеблющимся пѣніемъ современной восточной музыки, которую поверхностная теорія пытается сблизить съ греческой: послѣдняя, наоборотъ, отличается ясностью и точностью своихъ контуровъ. Если что либо изъ современной музыки напоминаетъ мелодію „Гимна Аполлону“, такъ это „пѣсни пастуховъ“ горныхъ странъ, столь навязныя и меланхолическія, а также навязанныя ими ученныя сочиненія, напримѣръ, соло англійскаго рожка, открывающее 3-й актъ „Тристана и Изольды“ Рихарда Вагнера“ ⁴⁾.

Кромѣ упомянутыхъ памятниковъ греческой музыки, отъ нея остались еще три гимна: Каліопѣ, Геліосу и Немезидѣ. Эти произведенія относятся ко II, а можетъ быть, и къ IV вѣку по Р. Х. Они были найдены Винченцо Галилеемъ (отцомъ великаго астронома) въ бібліотекѣ кардинала San Angiolo въ Римѣ, въ трактатѣ Аристиды Квинтиліана и манускриптѣ Бриенніуса (Briennius). Эти гимны заключаются также въ рукописяхъ, хранящихся въ Неаполитанской, Венеціанской, Мюнхенской, Парижской и Лейденской бібліотекахъ.

¹⁾ Reinach, La musique des hymnes de Delphes, *Bulletin de correspondance hellénique*, VIII—XII, Paris, 1894, p. 600.

²⁾ Ibidem, p. 696.

³⁾ Reinach, La musique des hymnes de Delphes, *Bulletin de correspondance hellénique*, VIII—XII, Paris, 1894, p. 602.

⁴⁾ Reinach, La musique des hymnes de Delphes, *Bulletin de correspondance hellénique*, VIII—XII, Paris, 1894, p. 602.

Винченцо Галилей присоединилъ эти три гимна къ своему труду: *Dialogo della musica antica e della moderna* (1581 — 1602), но не попытался переложить ихъ на наши ноты.

Впервые эта попытка была сдѣлана Ercole Botrigari (1531 — 1612 г.), который въ своемъ сочиненіи „*Il Melone. Discorso armonico*“ (1602 г.) перевелъ греческія ноты гимна Каллиопа, но безъ ритма. Семьдесятъ лѣтъ послѣ появленія книги Ботригари упомянутые три гимна были снова дешифрованы (безъ ритма) Эдмундомъ Шильмедомъ (Edmond Chilmead), канцелярномъ въ Оксфордѣ, и напечатаны въ концѣ астрономической поэмы Арата (Aratus), изданной въ Оксфордѣ въ 1672 г. Джономъ Феллемъ (John Foll). Текстъ и ноты этихъ греческихъ гимновъ въ упомянутомъ изданіи заимствованы изъ рукописи, принадлежавшей ирландцу Ussetius'у. Въ ней всѣ три гимна носятъ имя автора Діонисія (Denus). Шильмедъ старается опредѣлять, кто этотъ Діонисій, и находитъ у Свида трехъ поэтовъ этого имени: изъ Митилены, Византіи и Коринфа. Былъ также Діонисій Галикарнассскій, не историкъ, не авторъ „Римской Археологій“, а музыкантъ и поэтъ, жившій во времена императора Августа.

Плутархъ упоминаетъ въ своемъ трактатѣ „О музыкѣ“ Діонисія, поэта и пѣвца, прозваннаго Ямбическимъ. Много было еще и другихъ, называвшихся этимъ именемъ. Кто изъ нихъ былъ авторъ гимновъ, опредѣлить трудно ¹⁾.

Burette (1665 — 1747 г.) на основаніи фрагмента Іоанна Филадельфійскаго, греческаго писателя, жившаго во времена императора Юстиніана, сообщаетъ въ *Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres*, t. V, p. 188—189, что авторъ гимна Немезидѣ былъ Mésodmès. Впрочемъ, Burette думаетъ, что это имя написано не вѣрно, и слѣдуетъ читать Mésomédès. Свое мнѣніе Burette подтверждаетъ, ссылаясь на хронику Евсевія, сообщающаго о Месомедѣ, какъ о композиторѣ оды Немезидѣ, жившемъ во времена Антонина Благочестиваго. Точно также Калитоліи въ жизнеописаніи Антонина упоминаетъ о Месомедѣ.

Burette замѣчаетъ, какъ знатокъ греческой музыки вообще и греческой нотации въ частности. Онъ основывался на Алипіѣ (Alypius). О греческой нотации есть свѣдѣнія также у Гауденція и Ари-

¹⁾ Крузійусъ даже выражаетъ сомнѣніе въ авторствѣ Діонисія. См. ст. О. Crusius'a „Ein Liederfragment auf einer antiken Statuenbasis“, помѣщенную въ журналѣ *Philologus*, 1891, S. 172.

стида Квинтилиана. Трактаты упомянутыхъ писателей помѣщены у Мейбома въ его „*Antiquae musicae auctores septem*“ (1652 г.). О греческой нотации пишетъ и Бозцій въ своемъ сочиненіи „О музыкѣ“.

Кромѣ Burette, изслѣдованіями въ области греческой семеиографіи замѣчательны: 1) Perne (см. *Exposition de la séméiographie, ou Notation musicale des Grecs*, Paris, 1815); 2) Fétis (см. *Histoire générale de la musique*, t. III); 3) Gevaert (см. *Histoire et théorie de la musique de l'antiquité*, 1875—1881); 4) Fortlage (см. *Das musikalische System der Griechen in seiner Urgestalt*, 1847); 5) Friedrich Bellermann (см. *Die Tonleiter und Musiknoten der Griechen*, 1847). Тотъ же Фридрихъ Беллерманъ издалъ въ 1840 г. „*Die Hymnen des Dionysos und Mesomedes*“, гдѣ помѣщенъ переводъ этихъ гимновъ на современные ноты. Съ нѣкоторыми измѣненіями въ дешифровкѣ упомянутые памятники греческой музыки напечатаны въ книгѣ Вестфала: *Die Musik des griechischen Alterthumes*, Ss. 327—336). На стр. 337—341 той же книги читатель найдетъ отрывки (весьма краткіе) инструментальной музыки грековъ изъ анонимнаго трактата.

Вотъ и все, что считается за автентическіе памятники древне-греческой музыки.

Трудно предположить, что въ дешифровку греческихъ музыкальных знаковъ вкрались ошибки. „Значеніе греческихъ музыкальных нотъ,—пишетъ Гевартъ,—установлено внѣ всякаго сомнѣнія трудами Беллермана, Вестфала и Фортлаге такъ, что чтеніе греческой музыкальной нотации несравненно легче любого средне-вѣковаго музыкальнаго манускрипта“. Тѣмъ не менѣе древне-греческія мелодіи не доставляютъ намъ художественнаго наслажденія. Амбросъ пишетъ о трехъ вышеупомянутыхъ гимнахъ, что „ихъ едва ли можно назвать нѣвучими. Въ нихъ слышатся декламаторскія фразы, и выражено какое-то особенное, страстное безнокойство въ немногихъ нотахъ, движущихся подобно дикой пойманной птицѣ, туда и сюда порхающей по клѣткѣ, не находя желаннаго выхода“¹⁾.

Гораздо красивѣе въ музыкальномъ отношеніи мелодія оды Пипи-

¹⁾ *Ambros*, *Geschichte der Musik*, I, S. 451. Амбросъ усматриваетъ вліяніе этихъ гимновъ на первый хоръ музыки Мендельсона къ *Антигонѣ*. Строгую критику на это произведеніе написалъ *A. M. Little*: *Mendelssohn's music of the Antigone of Sophocles*, Washington, 1893. Въ этой брошюрѣ авторъ высказываетъ много интересныхъ мыслей о древне-греческой драмѣ вообще и ея музыкальномъ сопровожденіи въ частности.

дара, помѣщенная Кирхеромъ (1602—1680 г.) въ его книгѣ „*Musurgia universalis*“ (I, pag. 542). Но эта мелодія возбудила сомнѣніе въ своей подлинности, потому что Кирхеръ не указалъ съ надлежащей точностью того источника, которымъ пользовался. Кирхеръ упоминаетъ лишь о томъ, что названный памятникъ найденъ въ монастырѣ Санъ-Сальвадоръ (около Мессины). Поиски въ библиотекѣ этого монастыря не привели къ желаннымъ результатамъ. Отсюда возникло сомнѣніе въ подлинности этого памятника. Но такъ какъ часть библиотеки упомянутого монастыря поступила въ Ватиканъ, а другая въ Эскуріалъ, то, можетъ быть, оригиналъ этой мелодіи еще найдется.

Фетисъ пишетъ, что „характеръ факсимиле, даннаго Кирхеромъ, поражаетъ своею автентичностію, разсѣивающей всякое сомнѣніе. Не рѣдко встрѣчаются въ древнихъ манускриптахъ вещи, которыхъ совсѣмъ не искали, съ содержаніемъ, совершенно чуждымъ другимъ работамъ, вошедшимъ въ составъ книги. Прежде, чѣмъ будутъ рассмотрѣны по страницамъ всѣ греческіе манускрипты, принадлежащіе или принадлежавшіе библиотекѣ Санъ-Сальвадоръ, было бы слишкомъ смѣло утверждать, что мелодія, обнародованная Кирхеромъ, апокрифическая. Что касается до насъ,—замѣчаетъ Фетисъ,—то мы вполне признаемъ этотъ памятникъ за самый древній изъ греческой музыки“¹⁾.

Амбросъ обращаетъ вниманіе на то, что Кирхеръ невѣрно дешифровалъ ноты греческой мелодіи, помѣщенной въ его книгѣ „*Musurgia universalis*“ (I, pag. 542). Неудача въ дешифровкѣ Кирхера служить въ пользу автентичности самой мелодіи²⁾.

Бёкъ въ своей книгѣ „*De metris Pindari*“ считаетъ эту мелодію не только греческою, но даже признаетъ самого Пиндара за ея автора. Одинъ изъ главныхъ его аргументовъ заключается въ томъ, что эта мелодія начинается съ соло, исполняемаго корифеемъ, а потомъ вступаетъ хоръ съ кноарамъ³⁾. Вестфаль сначала соглашался съ Бёкомъ въ признаніи автентичности мелодіи, найденной Кирхеромъ, но потомъ измѣнилъ свое мнѣніе: „Фрагментъ первой Пиндийской оды,—пишетъ Вестфаль,—сообщенный Аванасіемъ Кирхеромъ,

¹⁾ *Fétis*, Histoire générale de la musique, t. III, p. 242. Самая мелодія тамъ же, на стр. 243—246.

²⁾ *Ambros*, Geschichte der Musik, I, Ss. 446—447.

³⁾ *Böckh*, De metris Pindari, pag. 266—267.

признаваемый Бёкомъ, а прежде и мною за настоящую греческую мелодію, есть поддѣлка, которой, кажется, содѣйствовала какаянибудь христіанская мелодія, напримѣръ: „*Mater amata intemerata*“¹⁾.

Эта мелодія, приписываемая Пиндару, кромѣ Кирхера, дешифрована многими: Burette (*Mémoires de l'Académie des inscriptions*, t. V, p. 206, pl. 5)²⁾, Фетисомъ и др. Наиболѣе удачную дешифровку мы находимъ у Фетиса, который въ 1835 г. въ своемъ „*Resumé philosophique de l'histoire de la musique*“, помѣщенномъ въ первомъ изданіи его „*Biographie universelle des musiciens*“, t. I, p. CXIX, предложилъ свои соображенія относительно ритмики. Фетисъ напечаталъ свой опытъ переложенія на наши ноты мелодіи, приписываемой Пиндару, въ своей „*Histoire générale de la musique*“, t. III, p. 246. Та же мелодія, ритмованная Вестфалемъ и гармонизованная частью Лангомъ и частью Науманомъ, помѣщена въ „*Illustrierte Musikgeschichte*“, Bd. I, S. 131, послѣдняго³⁾.

Выше было замѣчено, что для Бёка самое вѣское доказательство автентичности этой мелодіи заключается въ ея исполненіи сначала однимъ корифеемъ, а затѣмъ всѣмъ хоромъ съ аккомпаниментомъ киноаръ. Но какъ пѣлъ греческій хоръ, что играли аккомпанирующіе инструменты.—вотъ вопросы, крайне важные: отвѣты на нихъ могутъ содѣйствовать установленію правильнаго понятія о древне-греческой музыкѣ вообще. Впрочемъ, о греческомъ хоровомъ пѣніи едва ли можетъ быть сомнѣніе. Аристотель въ своихъ „Проблемахъ“ пишетъ: „отчего въ пѣніи употребляется только октава?“ „Потому что только ею сопровождается струнный инструментъ магась (магодисъ), а не какимъ инымъ интерваломъ“. Число струнъ на магодисѣ доходило до сорока. На этомъ инструментѣ играли октавами.

Вестфаль, защитникъ многоголосія въ греческой музыкѣ, принимаетъ во вниманіе слова Аристотеля и не сомнѣвается въ томъ, что греческій хоръ пѣлъ или унисонами, или октавами⁴⁾. Но Вестфаль

¹⁾ *Rudolf Westphal*, Die Musik des griechischen Alterthumes, Leipzig, 1883, S. 326. „Точно также нѣтъ данныхъ признавать автентичность сообщенныхъ Марчелло мелодій къ тремъ гекзамерамъ Гомеровскаго гимна къ Деметрѣ“ (ibidem, S. 25).

²⁾ Дешифровку Бюретта перепечатали: *Marpurg* (Kritische Einleitung in die Geschichte und Lehrsätze der alten und neuen Musik), *Burney* (A general history of music) и *Forkel* (Allgemeine Geschichte der Musik).

³⁾ Оттуда она заимствована мною для моего „Сборника образцовыхъ музыкальныхъ произведеній прежнихъ временъ“—(премія журнала *Муза* за 1892 г.).

⁴⁾ *R. Westphal*, Die Musik des griechischen Alterthumes, Ss. 169—170.

думаетъ, что инструментальный аккомпаниментъ былъ многоголосный. Онъ основываетъ свое мнѣніе на словахъ Плутарха, который въ своемъ трактатѣ „О музыкѣ“ пишетъ: „Лазъ изъ Герміоны ввелъ многоголосіе въ аккомпаниментъ духовыхъ инструментовъ и сталъ употреблять разные, далеко отстоящіе другъ отъ друга звуки; такимъ образомъ онъ установилъ въ музыкѣ своего времени новую точку зрѣнія“ ¹⁾.

Самый авторитетный писатель изъ музыкантовъ, раздѣляющій мнѣніе Вестфаля о многоголосіи въ древне-греческой музыкѣ,—Гевартъ. Но есть нѣкоторое разногласіе между Вестфалемъ и Гевартомъ. Последний пишетъ въ своей статьѣ о греческой музыкѣ, помѣщенной въ „Musikalisches Conversations-Lexikon“ (Bd. IV, S. 369) Менделя: „Первый музыкантъ, сдѣлавшій попытку въ гармоническомъ сопровожденіи, былъ Архилохъ; но ничего неизвѣстно о дальнѣйшемъ развитіи полифоніи въ послѣдующіе вѣка музыкальнаго прогресса. У грековъ, преимущественно склонныхъ къ поэзіи, эта музыкальная отрасль не могла достигнуть полного развитія. Полифоническое сопровожденіе не было существеннымъ и самостоятельнымъ, а появлялось тамъ и сямъ, преимущественно при заключеніяхъ и, говоря съ Аристотелемъ, было лишь приправою для музыки“.

На сколько правъ Гевартъ въ своемъ мнѣніи о низкой степени развитія греческой полифоніи, на столько една ли можно съ нимъ согласиться въ признаніи Архилоха за изобрѣтателя двухъ-голоснаго аккомпанимента ²⁾. Вестфаль указываетъ на то, что Архилохъ жилъ двумя поколѣніями позже Терпандра, употреблявшаго, по свидѣтельству Аристоксена, уже неунисонное сопровожденіе ³⁾.

Если же творецъ многоголоснаго аккомпанимента былъ Лазъ, жившій въ VI вѣкѣ до Р. Х., то оказывается вотъ какая странность: греки, благодаря Лазу, будто бы узнали красоту одновременныхъ созвучій; тѣмъ не менѣе, по совершенно непонятнымъ причинамъ, они не пользовались одновременными звуковыми сочетаніями въ вокальной, хоровой музыкѣ. Аристотель, жившій двумя вѣками позже

¹⁾ *Plutarch, Ueber die Musik. Von R. Westphal. Breslau. 1866. S. 53.* Любопытно, что эти слова Плутарха извѣстны Амбросу: послѣдній приводитъ ихъ на стр. 279 — 280 первого тома своей исторіи музыки; тѣмъ не менѣе, въ противоположность Вестфалю, Амбросъ отрицаетъ многоголосную музыку у древнихъ грековъ.

²⁾ *Westphal, Die Musik des griechischen Alterthumes, S. 111.*

³⁾ *Ibid., Sa. 111, 170.*

Лаза, не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ того, что греки пѣли только въ унисонахъ или въ октавахъ. Слѣдовательно, благодаря инструментальному (будто бы многоголосному) аккомпанименту, греки должны были знать созвучія по крайней мѣрѣ въ продолженіе двухъ столѣтій и все-таки не перенесли красоть гармоніи на вокальную музыку. Не смотря на существованіе (по мнѣнію Вестфали) полифоніи въ аккомпаниментѣ греческой музыки, Аристотель все-таки считаетъ за благозвучное сочетаніе только октаву. „Почему,—спрашиваетъ Аристотель въ „Проблемахъ“.—двѣ ноты, изъ которыхъ одна квинта, или двѣ ноты, изъ которыхъ другая — кварта, не консонируютъ, тогда какъ двѣ ноты діапазонъ (октава) консонируютъ?“ „Отчего,—спрашиваетъ Аристотель далѣе въ „Проблемахъ“,—нѣтъ консонанса при повтореніи двухъ нотъ, находящихся другъ къ другу въ отношеніи квинты или кварты, тогда какъ двѣ ноты въ разстояніи октавы консонируютъ?“ Въ греческой теоріи, еще благодаря Пифагору, установилось понятіе о томъ, что консонируютъ лишь кварта, квинта и октава. Но изъ приведенныхъ словъ Аристотеля видно, что греческій слухъ находилъ вполне благозвучнымъ только октаву. Такииъ образомъ едва ли возможно предполагать въ древне-греческой музыкѣ многоголосіе въ нашемъ смыслѣ слова.

Даже и новогреки мало расположены къ красотамъ гармонической музыки. Хрисанъ, архіепископъ въ Дураццо, жившій въ первой половинѣ XIX вѣка, пишетъ на стр. 221 своего теоретическаго труда: „Θεωρητικὸν μέγα“ слѣдующее: „Для многоголоснаго пѣнія нужны слушатели, привыкнущіе находить въ немъ удовольствіе. Для насъ же, не чувствующихъ ни малѣйшаго наслажденія при его слушаніи, говорить далѣе объ этомъ совершенно излишне и отнюдь не можетъ быть пріятно“. Если современные греки не испытываютъ наслажденія отъ слушанія многоголосной музыки, столь теперь совершенной, то едва ли можно съ увѣренностію утверждать противное объ ихъ предкахъ.

Извѣстіе Плутарха о многоголосномъ инструментальномъ аккомпаниментѣ, можетъ быть, слѣдуетъ понимать такъ: къ вокальной музыкѣ иногда присоединялись звуки инструментовъ, игравшихъ въ данный моментъ не всегда одну и ту же ноту, которую пѣлъ пѣвецъ, но и ея октаву, квинту и кварту, хотя послѣдніе два интервала, по Аристотелю, производили на греческій слухъ менѣе благозвучное впечатлѣніе, чѣмъ первый.

Такия созвучія встрѣчаются въ музыкѣ дикихъ и восточныхъ на-

родовъ ¹⁾, совершенно чуждыхъ полифоніи. Китайцы аккомпанируютъ свои мелодіи основнымъ тономъ. Иногда они сопровождаютъ верхнія ноты мелодіи квинтами, а нижнія квартами ²⁾.

Арабы, тоже не расположенные къ красотамъ гармонической музыки, играютъ на своей двойной флейтѣ „аргуль“ мелодію, сопровождаемую нижнимъ тономъ. Они поютъ подъ аккомпаниментъ своего струннаго, смычковаго инструмента ребаба, родоначальника нашей скрипки, и тянутъ на немъ одну и ту же ноту, прерываемую по временамъ группетто ³⁾.

Такія же созвучія, вѣроятно, существовали и въ греческой музыкѣ. Но подобныя созвучія не составляютъ еще полифоніи въ нашемъ смыслѣ слова. Главный интервалъ теперешнихъ одновременныхъ звуковыхъ сочетаній, аккордовъ, есть терція. Она считалась греками за диссонансъ ⁴⁾. Дѣйствительно, терція, установленная Пифагоромъ, не производитъ благозвучнаго впечатлѣнія. Онъ принялъ въ основу своей системы квинту. Терція является пятой квинтой отъ тоники: до - соль - ре - ля - ми.

Если эти квинты построены вполне чисто, то „ми“ въ отношеніи „до“ есть терція нѣсколько болѣе высокая, чѣмъ наша, кажуцаяся намъ гораздо благозвучнѣе. Терція производитъ консонирующее впечатлѣніе, если она равна естественной, то-есть, пятому тону натуральной скалы. Отъ естественной терціи весьма мало отличается темперованная (на нашемъ фортепіано).

Вотъ числовыя отношенія этихъ терцій (естественной, пифагорейской и темперованной). Терція естественная является результатомъ того, что число колебаній въ одну секунду верхняго тона относится къ числу колебаній въ то же время нижняго тона, какъ 5 къ 4. Слѣдовательно, терція есть $\frac{5}{4}$ числа колебаній нижняго тона. Терція темперованная равна $\frac{5}{4} \times \frac{127}{126}$, а пифагорейская — $\frac{5}{4} \times \frac{81}{80}$. Для лучшаго пониманія разницы между естественною и пифагорейскою терціями нужно имѣть въ виду, что этотъ интервалъ дастъ въ обращеніи сексту, то-есть, если верхнюю ноту терціи переставить на октаву внизъ, такимъ образомъ сдѣлать нижней, а нижнюю верхней,

¹⁾ *Ambros*, Geschichte der Musik, I, S. 10. *Baker*, Ueber die Musik der Nordamerikanischen Wilden, S. 63, № IX.

²⁾ *Neumann*, Illustrierte Musikgeschichte, I, S. 84.

³⁾ *Fétis*, Histoire générale de la musique, t. II, pp. 105, 157—158.

⁴⁾ „Греки не могли знать гармоніи, пока считали терцію за диссонансъ“. *Ambros*, Geschichte der Musik, I, S. 458.

то терція превратится въ сексту. Слѣдовательно, секста есть, такъ сказать, опрокинутая терція. Такимъ образомъ станетъ ясенъ слѣдующій любопытный опытъ, предлагаемый Гельмгольцемъ: „Послѣ того какъ струны настроены по вѣрнымъ квинтамъ, пусть скрипачъ отыщетъ на струнѣ А то мѣсто, на которое слѣдуетъ поставить палецъ, чтобы получить тотъ Н, который даетъ вѣрный квартовый консонансъ II—Е. Теперь пусть при неизмѣнной постановкѣ пальцевъ онъ воспроизведетъ однимъ штрихомъ смычка тоже Н съ струною D. Интервалъ D—II долженъ былъ бы быть по обыкновенному способу позрѣнія большою секстою, но онъ пиагорона секста. Чтобы получить консонансъ сексты D—II, исполнитель долженъ отодвинуть свой палецъ внизъ на протяженіи $1\frac{3}{4}$ парижской линіи, удаленіе легко ошущаемое при постановкѣ пальцевъ и которое замѣтно измѣняетъ какъ высоту тона, такъ и въ особенности благозвучіе консонанса¹⁾“. Пиагоръ основывалъ свои музыкальныя изслѣдованія не на слухѣ, который отвергалъ, а на акустически-математическихъ данныхъ. Числа управляютъ мировой гармоніей. Движенія свѣтилъ, колебанія звучащихъ тѣлъ опредѣляются числами. Между ними есть таинственная связь, и гармонія движеній небесныхъ сферъ звучитъ неземной музыкой въ воображеніи мудреца-поэта.

Для своихъ акустически-математическихъ изслѣдованій Пиагоръ пользовался монохордомъ, называемымъ также канономъ. Поэтому послѣдователи названнаго греческаго философа назывались канониками²⁾.

Необходимость акустическихъ изслѣдованій для изученія музыки отрицалъ ученикъ Аристотеля, Аристоксенъ, думавшій даже, что они могутъ лишь сбить съ толку музыканта. Вестфаль замѣчаетъ, что со своей точки зрѣнія Аристоксенъ былъ правъ, „такъ какъ акустика классической Греціи еще не достаточно возвысилась, чтобы оказать музыкальной наукѣ существенное содѣйствіе. Скажемъ безъ опасенія: для музыкальной теоріи было счастьемъ, что Аристоксенъ удалялся отъ пиагорейцевъ, и для нея предполагалъ найти лучшую основу въ логикѣ Аристотеля“³⁾.

Аристоксенъ—глава школы „гармониковъ“. Онъ писалъ о „Гармо-

¹⁾ Гельмгольцъ, Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физиологическая основа для теоріи музыки. Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія. С.-Илб., 1875 г., стр. 462.

²⁾ Weitzmann, Geschichte des Clavierspiels und der Clavierliteratur, S. 224.

³⁾ R. Westphal, Die Musik des griechischen Alterthumes, S. 181.

нических элементах", но под словом гармонія слѣдуетъ понимать не аккорды, а ряды гамм (Octavengattungen)¹⁾.

Аристоксенъ считаетъ необходимымъ руководствоваться при занятіяхъ музыкой слухомъ. Но послѣдній не помогъ Аристоксену исправить ошибочное мнѣніе о терціи.

Приближеніе къ болѣе правильнымъ числовымъ отношеніямъ терціи замѣчается у Птоломея (120 л. до Р. Х.) и Дидима (30 л. до Р. Х.). Но ни тотъ, ни другой не признали терціи за консонаисъ. Впрочемъ, въ энгармоническомъ родѣ, въ составъ котораго входили четверти тона, была уже найдена большая терція, равная естественному строю (съ отношеніемъ $\frac{5}{4}$), Архитомъ, жившимъ въ IV вѣкѣ до Р. Х., а малая терція естественнаго строя (съ отношеніемъ $\frac{3}{4}$) — въ хроматическомъ строѣ Эратосееномъ, жившимъ въ III вѣкѣ до Р. Х. Но на практику эти теоретическія свѣдѣнія вліянія не имѣли. Консонирующій характеръ терціи постепенно усвоивается лишь въ средніе вѣка. Терція причислена къ „несовершеннымъ“ консонаисамъ („конкордансамъ“) Франкономъ Кельнскимъ, жившимъ въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка по Р. Х. Теоретическое санкціонированіе и окончательное ея установленіе въ роли консонаиса мы встрѣчаемъ въ „Dimostrazioni harmoniche“ Царлино (1517—1590 года). Послѣ него исчезаютъ послѣдніе слѣды сомнѣнія въ консонирующемъ значеніи терціи, и она появляется даже въ заключительныхъ аккордахъ, тогда какъ до Царлино заключительное созвучіе состояло лишь изъ октавъ и квинтъ. Считаю пужнымъ обратить особенное вниманіе читателя на то, что въ данномъ случаѣ теоретическое знаніе тотчасъ отражается на практикѣ. Наоборотъ, въ греческой и восточной музыкѣ теорія стоитъ особнякомъ отъ практики. Кизеветтеръ пишетъ: „Уже давно меня преслѣдуетъ мысль, что практическая музыка разныхъ древнихъ и новыхъ азіатскихъ народовъ есть нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ метафизическая или математическая музыка ихъ философовъ, теорія которыхъ была продуктомъ одного лишь спекулятивнаго мышленія и отъ практики всегда была далека. Мнѣ кажется, что мы всегда ошибались, когда судили о свойствахъ ихъ искусствъ по найденнымъ трактатамъ систематиковъ тѣхъ народовъ и воображали, что знали ихъ музыку. Поэтому не слѣдуетъ говорить: музыка китайцевъ, индійцевъ, арабовъ, персовъ и такъ далѣе, а музыкальныя системы или таинства китайскихъ, индійскихъ, арабскихъ,

¹⁾ R. Westphal, Geschichte der alten und mittelalterlichen Musik, S. 25.

персидскихъ философовъ. Можетъ быть,—прибавляетъ Кизеветтеръ,—то же самое было и въ музыкѣ древнихъ грековъ¹⁾. Далекость теоріи музыки отъ практики, замѣчаемая въ исторіи этого искусства вплоть до появленія контрапункта, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что это искусство не только не имѣетъ образца въ природѣ, подобно архитектурѣ, но даже принуждено создавать себѣ матеріалъ. Оттого, по выраженію Наумана, „музыка есть самое искусственное искусство“ („Die künstlichste Kunst“)²⁾. Само собой разумѣется, что народная, такъ сказать, естественная музыка, коренясь въ крикахъ, возгласахъ, непосредственныхъ выраженіяхъ горя и радости, пользуется природнымъ органомъ, голосомъ. Но художественная музыка, музыка, какъ искусство, должна установить гамму, чтобы изъ нотъ послѣдней создавать свои произведенія. Гаммы въ природѣ нѣтъ. „Музыка,—пишетъ Гельмгольцъ.—должна была сама художественно избрать и обработать матеріалъ, въ которомъ она созидаетъ свои произведенія“³⁾. „Въ музыкѣ,—продолжаетъ Гельмгольцъ,—господствуетъ большая и полнѣйшая свобода въ употребленіи матеріала, чѣмъ во всякомъ другомъ искусствѣ, но правильное употребленіе абсолютной свободы сдѣлать, конечно, труднѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ внѣшнія условія ограничиваютъ ширину пути, на который слѣдуетъ вступить артисту. Вотъ почему развитіе звуковаго матеріала для музыки и совершалось гораздо медленнѣе, чѣмъ развитіе остальныхъ искусствъ“⁴⁾.

Науманъ въ своей книгѣ „Die Tonkunst in der Culturgeschichte“ подробно занялся вопросомъ объ относительномъ возрастѣ искусствъ въ главѣ: „Gruppierung der Künste bezüglich ihres Alters“ и пришелъ къ заключенію, что музыка самое молодое изъ всѣхъ⁵⁾. Во времена древне-греческой культуры это искусство было еще очень далеко отъ

должна ограничиваться лишь приведеніемъ въ сознаніе того, что найдено инстинктивнымъ творчествомъ гения. Для доказательства моихъ словъ, я принужденъ сдѣлать небольшое отступленіе: мнѣ кажется, для пониманія художественныхъ законовъ полезно присматриваться къ аналогичнымъ явленіямъ въ исторіи разныхъ искусствъ. Вотъ что пишетъ Louis Gonze о готической живописи въ своей книгѣ „L'art gothique“ (р. 383): „Наши старые художники обнаружили на практикѣ своего искусства, въ которомъ свѣтъ играетъ первенствующую роль, удивительный инстинктъ въ оптикѣ цвѣтовъ; они открыли чисто эмпирически нѣкоторые любопытные законы, подтверждаемые современной наукой, благодаря Шеврелю, Гельмгольцу, Роде и др.“. Здѣсь мы видимъ плодотворное отношеніе науки къ искусству. Не то было въ музыкѣ. Особенность ея матеріала создала необходимость теоретику стать пионеромъ развитія этого искусства. Но премированіе теоріи, необходимое для разработки музыкальнаго матеріала, было опасно для свободнаго, художественнаго творчества композиторовъ. Греческая теорія музыки, установивъ диссонирующее значеніе терцій, помѣшала появленію гармоніи не только во времена греческой культуры, но явилась тормазомъ въ развитіи контрапункта, отодвинувшимъ возникновеніе послѣдняго въ средніе вѣка. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Кизеветтеръ, что „новая (христіанская) музыка развилась лишь въ той мѣрѣ, въ какой ей удалось освободиться отъ навязанныхъ ей греческихъ системъ“ ¹⁾.

Не одна теорія препятствовала художественному развитію древнегреческой музыки. Одна изъ причинъ, неблагопріятныхъ прогрессу названнаго искусства, заключалась въ томъ, что греки смотрѣли на музыку не столько съ художественной, сколько съ нравственной, воспитательной и государственной точки зрѣнія. Они отъ музыки ожидали пользы, хотя понимаемой и въ духовномъ смыслѣ, но все же пользы въ этическомъ, педагогическомъ и политическомъ отношеніи. Взглядъ грековъ на музыку былъ слишкомъ серьезенъ. Оттого они проглядѣли въ ней красоту. Шиллеръ въ своихъ письмахъ „Ueber die aesthetische Erziehung des Menschen“ устанавливаетъ значеніе игры въ художественной дѣятельности: „Der Mensch soll mit der Schönheit nur spielen, und er soll nur mit der Schönheit spielen“ ²⁾.

¹⁾ Kieseewetter, Geschichte der europaeisch-abendländischen oder unserer heutigen Musik, S. 1.

²⁾ Schiller, Ueber die ästhetische Erziehung des Menschen. Fünfzehnter Brief.

Музыка сдѣлалась искусствомъ, открыла человѣческому слуху свои красоты лишь тогда, когда стала игрою. „Музыка.—замѣчаетъ Зиммель,—есть теперь игра и должна быть игрою, чтобы быть искусствомъ. Сначала она была дѣломъ серьезнымъ, какъ серьезень языкъ, крикъ и всякій иной естественный крикъ“¹⁾. Для грековъ музыка не была „игрою“... Въ древнія времена законы пѣлись. „Почему номы (законами) называются мелодіи, которыя поются?—спрашиваетъ Аристотель въ „Проблеммахъ“. „Потому что,—отвѣчаетъ онъ,—до изобрѣтенія буквъ, законы пѣлись, чтобы ихъ не забыть“. Отсюда Аристотель объясняетъ терминъ „номы“, дававшійся мелодіямъ. Солопъ пѣніемъ побудилъ аоніянъ завоевать Саламинъ. Тиртей укрѣплялъ воинское мужество спартацевъ тоже пѣніемъ. Пифагоръ пользовался музыкой не для выраженія страстей, а для ихъ успокоенія. Есть извѣстіе, что ему удалось музыкой остановить одного ревнивца, порывавшагося поджечь домъ своей невѣсты²⁾.

Серьезный взглядъ грековъ на музыку приводилъ къ строгому консерватизму. Эфоры слѣдили за артистами. Фринисъ изъ Лесбоса сталъ играть на девяти-струнной лирѣ. Одинъ изъ эфоровъ ему отрѣзалъ двѣ. Тимофей изъ Милета былъ изгнанъ изъ Спарты за то, что навязалъ на лиру 11 струнъ, изъ которыхъ ему оставлены лишь семь. Декретъ эфоровъ по поводу изгнанія Тимофея изъ Спарты,—декретъ, упрекающій его за разныя нововведенія, будто бы вредныя для нравственности молодого поколѣнія, помѣщенъ въ первой книгѣ трактата Боэція „О музыкѣ“³⁾.

Весьма высокое нравственное значеніе приписываетъ музыкѣ Платонъ. Въ Тимѣѣ онъ пишетъ, что музыка „дана намъ музами, какъ помощница, которая должна упорядочивать и приводить въ согласіе съ собою вращеніе нашей души, когда она бываетъ полна диссонансовъ“. Имѣя въ виду лишь одну нравственную, педагогическую цѣль, Платонъ считаетъ необходимымъ, чтобы пѣсни и ритмы были установлены такъ же твердо, какъ государственные законы. Онъ хвалитъ египтянъ за ихъ консерватизмъ въ искусствѣ. Ихъ примѣры доказы-

¹⁾ *Simmel, Psychologische und ethnologische Studien ueber Musik* (См. *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*, Bd. XIII, S. 282).

²⁾ *Boethius und die griechische Harmonik. Des A. M. S. Boethius fünf Bücher über die Musik, übertragen und erklärt von O. Paul, 1872, S. 4—5.* Начало первой книги трактуетъ о нравственномъ влияніи музыки.

³⁾ *Ibidem, S. 4, 171—172.*

ваетъ, что „есть возможность установить прочно и надолго пѣсни, исполнѣ прекрасныя“, замѣчаетъ Платонъ въ своихъ „Законахъ“.

„Всякая фигура, всякая мелодія,—пишетъ Платонъ въ „Законахъ“,—выражающія хорошія душевныя или тѣлесныя качества или ихъ представленія,—прекрасны: и наоборотъ, если онѣ выражаютъ дурныя свойства“. Въ своемъ „Государствѣ“ Платонъ допускаетъ только дорійскую и фригійскую гармонію (то-есть, гаммы, „Octavengattungen“). По его мнѣнію, смѣшанно-лидійская (миксолидійская) плагина, іонійская и лидійская расслабляютъ. Поэтому ихъ слѣдуетъ исключить.

Аристотель не согласенъ съ Платономъ въ мнѣніяхъ о гармоніяхъ. Въ своей „Политикѣ“ Аристотель пишетъ, „что въ „Государствѣ“ Платона Сократъ поступилъ нехорошо, рекомендуя только фригійскую гармонію вмѣстѣ съ дорійской, тѣмъ болѣе, что онъ отвергаетъ флейту, между тѣмъ фригійская гармонія имѣетъ то же мѣсто въ числѣ прочихъ гармоній, какое занимаетъ флейта въ числѣ всѣхъ другихъ инструментовъ, именно: музыка флейты и композиція фригійской гармоніи по характеру страстны“. Такой взглядъ на гармоніи, то-есть, на лады, долженъ былъ значительно суживать матеріалъ греческой музыки.

Весьма любопытенъ взглядъ Платона на флейту, на прочіе инструменты и вообще на инструментальную музыку. Лирѣ и китарѣ онъ допускаетъ въ городѣ, пастушескую флейту (сиринксъ, флейту пана, цѣвницу) въ деревнѣ. Многострунные тригоны и звукообильныя флейты не пользуются расположеніемъ названнаго философа. Вообще онъ подозрительно относится къ инструментальной музыкѣ. Въ ней, по мнѣнію Платона, высказанному имъ въ „Законахъ“, „очень трудно отгадать, чтб означаютъ эти ритмы и эти мелодіи, лишеныя словъ, и на какой родъ имитации, хотя сколько нибудь разумный, это походить. Напротивъ, нельзя не признать во всемъ этомъ полного отсутствія вкуса, въ особенности въ этомъ стремленіи къ нагроможденію звуковъ, похожихъ на крики животныхъ, чрезвычайно быстрыхъ и безостановочныхъ, и въ этой манѣ играть на китарѣ или флейтѣ не для сопровожденія пляски или пѣнію. Это употребленіе инструментовъ безъ человѣческаго голоса есть варварство и шарлатанство“¹⁾.

¹⁾ Эти слова Платона свидѣтельствуютъ о его незначительныхъ музыкальных дарованіяхъ. Россоліно пишетъ въ своей статьѣ „Къ физиологіи музыкальнаго таланта“, что „для человѣка со слабо развитымъ музыкальнымъ органомъ недостаточно однихъ музыкальных ассоціацій для возбужденія настроенія; онъ прибѣгаетъ на помощь слова, словесную программу, зрительныя и тому подобныя,

Интересно сопоставить взглядъ Платона на флейту и инструментальную музыку съ мнѣніемъ о нихъ Алкивіада. „Начавъ учиться.—пишетъ Плутархъ въ „Сравнительныхъ жизнеописаніяхъ“,—Алкивіадъ выказалъ большое прилежаніе въ своихъ занятіяхъ съ различными учителями, но онъ совсѣмъ не хотѣлъ учиться играть на флейтѣ. Это занятіе ему казалось достойнымъ презрѣнія и исприличнымъ свободному человѣку. Онъ говорилъ, что умѣнье владѣть плектромъ и игра на лирѣ не измѣняютъ чертъ лица и не искажаютъ благородства его выраженія, тогда какъ при игрѣ на флейтѣ ротъ искривляется, и все лицо измѣняется до того, что даже друзьямъ играющаго трудно его узнать. Кромѣ того, играющій на лирѣ можетъ одновременно и пѣть, а флейта закрываетъ ротъ музыканта, такъ что играющій не въ состояніи произнести ни слова“. Въ этихъ полустутивыхъ, полу-серьезныхъ словахъ Алкивіада, заслужившихъ, однако, похвалу, какъ замѣчаетъ Плутархъ, сказывается крайне характеристическая черта греческаго вкуса. При игрѣ на флейтѣ измѣняется лицо, говоритъ Алкивіадъ. Грекъ, преимущественно занятый пластическою красотою, не можетъ отрѣшиться отъ нея, даже слушая музыку. Мнѣ сдается, что грекъ менѣе слушалъ музыку и болѣе смотрѣлъ на музыканта. Скульптура не только преобладающее искусство грековъ, но у нихъ всѣ роды художественной дѣятельности носятъ на себѣ пластическій отпечатокъ. „Музыка,—пишетъ Амбросъ,—если можно такъ выразиться, была тоже пластична, на сколько ей это возможно. Она доставляла слову поэта болѣе рѣзкую опредѣленность, преподносила это слово слушателю, какъ округленное мраморное изображеніе. Можно даже сказать, что музыка грековъ была скорѣе декламация, возвысившаяся до музыкально-соизмѣримыхъ то-

не относящихся къ музыкѣ, впечатлѣнія, и тогда, хотя путемъ сложной мозговой работы, но цѣль достигнута, за то наслажденіе получается уже не вполне музыкальное и не въ примѣръ менѣе интенсивное“ (см. *Вопросы философіи и психологіи*, 1893, сентябрь, стр. 58).

Можетъ быть, уравновѣшенность душевныхъ силъ, психическое здоровье грековъ мѣшало имъ музыкальности. Россолимо пишетъ, что „мало-мальски выдающаяся степень музыкальной способности, а тѣмъ болѣе высокая музыкальная талантность больше, чѣмъ какой либо другой видъ таланта, идетъ рука объ руку съ такъ называемымъ психическимъ вырожденіемъ, что для существованія талантности вообще, а въ частности музыкальной, необходима большая или меньшая степень психической неуравновѣшенности“ (тамъ же, стр. 38). Далѣе авторъ приводитъ интересные примѣры психической дегенерации (?) талантливыхъ музыкантовъ.

новъ, чѣмъ настоящее пѣніе. Музыка не открывала греку безпредѣльной области романтическихъ чудесъ, откуда такъ и вѣтеть загадочнымъ ужасомъ или восторгомъ упоенія; нѣтъ, она только ставила передъ нимъ сцену Софокла или оду Пиндара на полный свѣтъ яснаго эллинскаго дня. Греческая музыка была тѣмъ же самымъ для поэзіи, чѣмъ полихромія для статуи. Какъ полихромія предназначалась къ тому, чтобы, скромно подчиняясь зодчеству, только слегка подживлять взвѣсившіе члены, какъ она допускалась въ статуѣ не для того, чтобы обманывать призракомъ дѣйствительности, а единственно лишь съ тѣмъ, чтобы служить далекимъ (но все же усиляющимъ) на нее намекомъ, такъ точно и музыка должна была не поглощать словъ поэта, своекорыстно выставляясь впередъ, а только придавать имъ впервые звуковую отчетливость и ясность. Пусть изъ дивнаго, безконечнаго царства тоновъ предстаютъ намъ вереницами видѣнія и облики,—мелодія грековъ должна была просто тянуться въ своихъ глубоко-осмысленныхъ предѣлахъ, какъ излучистая стрѣла меандровъ по архитраву эллинскаго зданія¹⁾.

Пластическій характеръ греческой художественности мѣшалъ развитію музыки, подчинилъ ее тексту, допускалъ ее лишь въ качествѣ звуковой полихроміи къ поэзіи. Эта особенность греческой художественности была вредна развитію музыки и тѣмъ болѣе, что въ свою очередь зависѣла отъ глубокой психологической причины.

Едва ли древній грекъ жилъ такою интенсивною духовною жизнью, какая необходима для того, чтобы музыка, это искусство душевныхъ настроеній, могла найти себѣ пищу. Пластичность греческой художественности являлась результатомъ греческаго міросозерцанія, направленного преимущественно не на внутреннія, а на внѣшнія явленія. Въ скульптурѣ древній грекъ воспроизводилъ красоту своего тѣла. Древне-греческая поэзіи тоже проникнута пластическою художественностію. А. В. Шлегель говорилъ, что Софокла можно понимать, лишь глядя на Ніобу и Лаокоона. Въ своемъ письмѣ къ Шиллеру 8-го апрѣля 1797 г. Гете пишетъ, что надняхъ ему показались нѣкоторыя сцены въ Аристофанѣ совершенно подобными античнымъ барельефамъ²⁾.

Подобно пластикѣ, изображающей красоту тѣла, древне-греческая

¹⁾ *Ambros, Geschichte der Musik*, I, S. 221.

²⁾ *Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe in den Jahren 1794—1805*, Theil 3, 1829, Ss. 59—60.

поэзія воспроизводитъ преимущественно внѣшнюю сторону жизни. Есть ли въ древне-греческой литературѣ что либо равное по глубинѣ психическаго анализа съ силою изображенія физическихъ страданій Филоклетѣ въ трагедіи того же имени или Геркулеса въ „Трахинянкахъ“ Софокла? Ограничился ли бы современный поэтъ намеками на сердечную драму, переживаемую Деянирой отъ своей любви къ мужу, ей измѣнившему?

Въ греческой литературѣ мы находимъ трогательныя изображенія супружеской привязанности: Гектора и Андромахи въ Иліадѣ, Одиссея и Пенелопы въ Одиссеѣ, Альцесты и Адмета въ „Альцестѣ“ Еврипида. Жгучія страданія отъ любви изливаются въ лирикѣ Сафо.

Любовь къ Ипполиту доводитъ Федру Еврипида до изступленнаго экстаза, внушающаго ей чудовищную жестокость и приводящаго ее къ самоубійству. Даже у Теоокрита Эротъ

„.... богъ безжалостный и полный ярой злобы,
И львицей вскормленный въ гѣсахъ...

Ты жжешь мнѣ кровь и пепелишь мнѣ кости!“

Такъ восклицаетъ пастухъ, влюбленный въ Амариллину ¹⁾.

Но есть ли тотъ отбѣнокъ въ любви древняго грека, та „эротическая сентиментальность“, служащая едва ли не главнымъ мотивомъ современной музыки свѣтскаго рода? Едва ли эта „эротическая сентиментальность“ встрѣтится намъ въ древнѣйшую эпоху и даже позже, въ пору высшаго расцвѣта греческой культуры. Эротическая сентиментальность явится „излюбленнымъ сюжетомъ, почти исключительнымъ содержаніемъ александрійской эротики; любовь, понятая, какъ всеѣмъ движущая сила, какъ главный интересъ жизни, любовь, звучащая по всеѣмъ тонамъ гаммы: неясное стремленіе, трагическій рокъ, тихо плѣняющее, сентиментальное чувство. Такое представленіе любви было непонятно и неизвѣстно древнему греку“ ²⁾.

Исключеніе представляетъ едва пробуждающаяся склонность Навзикаи къ Одиссею, о которомъ дочь Аякинна восклицаетъ:

„О! когда бы подобный супругъ мнѣ нашелся, который,
Здѣсь поселившись, у насъ навсегда захотѣлъ бы остаться“ ³⁾.

Delorme въ своей книгѣ „Les hommes d'Homère“ совѣсть не на-

¹⁾ Амариллина, пер. Л. Мея.

²⁾ А. Н. Вессловскій, Греческій романъ. См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1876 г., ноябрь, стр. 107.

³⁾ Одиссея Гомера, пер. Жуковскаго, VI, 244—245.

ходить любви въ нашемъ смыслѣ слова между героями и героинями Илиады и Одиссея ¹⁾).

Кажется, греки и гречанки вообще были склонны относиться другъ къ другу, какъ ихъ боги и богини, столь мѣтко охарактеризованные Гете въ его III Римской элегии:

„In der heroischen Zeit, da Götter und Göttinnen liebten,
Folgte Begierde dem Blick, folgte Genuss der Begier“.

Гдѣ первенствующую роль играетъ поясъ Киприды со всѣми его чарами, тамъ музыка въ высшемъ, художественномъ смыслѣ не при чемъ... Долгое отсутствіе „эротической сентиментальности“ въ греческой жизни лишало музыку одного изъ главныхъ элементовъ ея свѣтскаго рода.

Что же касается до религіозной музыки грековъ, то и въ этой области названное искусство было лишено своего могущественнѣйшаго импульса. Древній грекъ былъ чуждъ настроенія христіанской молитвы. Едва ли онъ зналъ, что такое умиленіе, вдохновившее христіанскихъ композиторовъ на созданіе такихъ недостижимыхъ образцовъ художественнаго совершенства, каковы, напримѣръ, произведенія Палестрины, „Matthäus Passion“ I. С. Баха, „Мессія“ Генделя, „Requiem“ Моцарта, „Missa Solemnis“ Бетховена и пр.

Если надежда на божью помощь обманывала древняго грека, то онъ обращался къ Зевсу далеко неуважительно:

„Громко воскликнулъ и въ бедра съ досады ударилъ руками
Азіѣ Гиртаидъ, и, ропщущій на небо, такъ говоритъ онь:
Зевсъ Олимпійскій, и ты уже сдѣлался явный желюбецъ!“ ¹⁾).

Греки совершенно иначе понимали набожность, чѣмъ христіане. „Имъ и въ голову не приходитъ, что почитаніе бога можетъ обнаружиться умерщвленіемъ плоти, постомъ, трепетной молитвой, глубокимъ раскаяніемъ грѣшника; имъ кажется, напротивъ, что пужно принять участіе въ веселіи боговъ, доставить имъ зрѣлище совершенной красоты нагаго тѣла, разукрасить въ честь ихъ городъ, возвысить человѣка до нихъ, освобождая его на мгновеніе отъ жалкаго

¹⁾ „Rien dans Homère ne semble de nature à faire soupçonner l'amour“. De-
lorme, Les hommes d'Homère, Paris, 1861, p. 316. Дартъ Delorme замѣчаетъ:
„Pour Homère et son siècle Eros est tout simplement un appétit, un désir, un
besoin, tantôt la faim, tantôt un autre“. Ibidem, p. 317—318.

¹⁾ Илиада Гомера, переведенная Н. Гидичемъ, часть первая, изданіе третье
XII, 163—165.

положенія смертныхъ, при содѣйствіи всей роскоши, какую могутъ представить соединенныя усилія искусства и поэзіи" ¹⁾).

Совсѣмъ иной характеръ свойственъ христіанской религіозности. Христіанскія молитвы наполняли душу человѣка совершенно новымъ настроеніемъ, чуждымъ древнимъ грекамъ. И онѣ-то, быть можетъ, явились сильнѣйшимъ импульсомъ развитію музыки. Настроенія христіанской молитвы на столько глубоки, что слово оказалось недостаточнымъ для ихъ выраженія. На помощь явилась музыка. Въ Греціи она подчинялась тексту, въ христіанской духовной музыкѣ она царитъ надъ текстомъ.

Въ древне-греческихъ мелодіяхъ почти вездѣ каждому слогу текста соответствуетъ отдѣльная нота. Въ немногихъ случаяхъ одинъ слогъ поется на два, на три звука. Въ христіанской музыкѣ встрѣчаются молитвы, растягивающія слова на весьма большое число нотъ. Такъ, напримѣръ, въ *Cantus paschalis ad processionem in die S. Resurrectionis D. Ноткера Занки* (*Notker Balbulus*, 840—912 г.) слово „alleluja“ растянуто на 89 нотъ, изъ которыхъ 81 приходится на одинъ слогъ „le“ ²⁾).

Такія „кolorатуры“ или „пневмы“ ³⁾ преимущественно встрѣчаются на словѣ „аллилуй“, то-есть, въ тѣ моменты, когда религіозный экстазъ достигаетъ высшаго пароксизма радостнаго восторга, который не находитъ словъ для выраженія. Молящійся изливаетъ свою душу въ одной мелодіи, потому что, по словамъ Дурандуса (†1332 г.), „хвала Богу невыразима и непонятна. Пневма означаетъ радость вѣчной жизни, радость, которую не можетъ выразить никакое слово, потому пневма есть голосъ безъ опредѣленнаго значенія“ ⁴⁾).

Христіанство сосредоточило интересы человѣка во внутреннемъ мірѣ и обогатило сердечную жизнь новыми, несравненно болѣе глубокими настроеніями. Они нашли себѣ выраженіе преимущественно въ музыкѣ. Оттого это искусство такъ пышно расцвѣло лишь въ христіанскую эпоху. Во времена греческой культуры музыкѣ въ нашемъ

¹⁾ *Тамъ*, Искусство въ Греціи, переводъ Чудинова, выпускъ III, Воронежъ, 1874, стр. 34.

²⁾ Упомянутое проназеденіе Ноткера Занки помѣщено у *Anselm Schubiger*: „Die Sängerschule St.-Gallens vom achten bis zum zwölften Jahrhundert. Einsiedeln und New-York. 1858. Exempla. № 40, Sa. 38—39.

³⁾ „Coloraturen, welche den Athem (πνεῦμα) der Sänger in Anspruch nahmen“ (*Ambros*, Geschichte der Musik, Breslau, 1864, Bd. II, S. 62).

⁴⁾ *Durandus*, Rationale divinarum officiorum.

смыслъ слова не доставало матеріала для выраженія ¹⁾. Поэтому разрабатывалась преимущественно теорія этого искусства. Практическая же сторона античной музыки едва ли находилась на той художественной высотѣ, до которой достигла греческая поэзія, греческая архитектура и въ особенности греческая пластика.

Но тутъ возникаетъ вопросъ. Если греческая музыка, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, едва ли могла достигнуть высокой степени художественнаго развитія, то почему греки такъ любили ее? Какимъ образомъ она могла оказывать на нихъ столь могущественное дѣйствіе, о которомъ неопровержимо свидѣлствуетъ ихъ литература? Чѣмъ объяснить высокое мѣсто столь развитыхъ въ эстетическомъ отношеніи грековъ объ ихъ музыкѣ, которая едва-ли соперничала съ другими болѣе совершенными отраслями античной художественности?

На всѣ эти вопросы можно отвѣтить, что Греція, вѣдь, есть юность европейской культуры. А въ юные годы впечатлѣнія живѣе. Теперь самое гениальное произведеніе искусства почти не въ состояніи привести насъ въ тотъ восторгъ, какой мы переживали въ дѣтствѣ, слушая сказки и пѣсни нашихъ матерей и нянекъ. Греки были впечатлительны, какъ дѣти. Дѣтьми и считали ихъ египтяне; а сами греки называли слухъ чувствомъ наиболѣе „патетическимъ“.

Л. Самикети.

¹⁾ Я разумѣю музыку художественную. Народныя пѣсни древнихъ грековъ, вѣроятно, были такимъ же искреннимъ выраженіемъ радости и горя, какъ и у прочихъ націй. Чтобы могли возникнуть образцовыя произведенія Палестрины, Баха, Моцарта, Бетховена и пр., нуженъ былъ специально-музыкальный прогрессъ, соотвѣтствующій обогащенію внутренней, психической жизни человѣчества.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстныхъ управленіи
въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

Ө. Леонтовича „Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе государственной территоріи.“ С.-Петербургъ 1894.

Настоящими замѣтками я имѣю въ виду отблагодарить г. Леонтовича за вниманіе, оказанное имъ моему труду „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута“. Г. Леонтовичъ своими многочисленными ссылками на мое изслѣдованіе констатировалъ, хотя и не прямо, его положительныя стороны и кромѣ того, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ, удѣлилъ не мало мѣста критикѣ моего труда. Этимъ онъ нравственно обязалъ меня съ полною внимательностью отнестись къ его труду, родственному съ моимъ, и разобраться въ его результатахъ. Хотя моя замѣтки будутъ носить преимущественно критическій характеръ, тѣмъ не менѣе я считаю ихъ достойною формою благодарности по отношенію къ г. Леонтовичу, который такъ высоко цѣнитъ научное безпристрастіе¹⁾). Пользуюсь случаемъ, чтобы разъяснить нѣкоторыя недоразумѣнія, возникшія у г. Леонтовича по поводу разныхъ мѣстъ моей книги, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ нѣкоторыхъ заблужденій, которыя отчасти были указаны г. Леонтовичемъ, отчасти замѣчены мною самимъ по прочтеніи его изслѣдованія. Въ общемъ моя статья, такимъ образомъ,

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 209, пр. 4.

должна служить добавленіемъ къ разработкѣ вопроса, которымъ мы почти одновременно занимались, и съ этой точки зрѣнія должна имѣть общій интересъ.

Прежде всего нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ труда г. Леонтовича. Почтенный профессоръ выбиралъ нужный ему матеріалъ изъ „Очерка исторіи великаго княжества Литовскаго“ В. Б. Антоновича, изъ монографій о литовскихъ князьяхъ—Стадницкаго и Вольфа, Смольки, Прохаски, Барбашева, Латковскаго, Левницкаго и Конечнаго, отчасти изъ генеалогическихъ трудовъ Окольскаго, Папроцкаго, Несѣцкаго, Радзимиинскаго и главнымъ образомъ Бонецкаго, затѣмъ изъ „Древней Польши“ Балинскаго и Липинскаго, изъ новаго „Географическаго словаря королевства Польскаго“, изъ вышеупомянутаго моего труда, изъ монографій Стецкаго и Андрияшева и статьи Яблоновскаго о Волинской землѣ, изъ монографіи Молчановскаго о Подольской землѣ, изъ книги Филевича „Борьба Польши и Руси-Литвы за Галицко-Владимірское наслѣдіе“. По разнымъ частностямъ г. Леонтовичъ привлекалъ къ дѣлу и нѣкоторые другія изслѣдованія, указанныя имъ въ примѣчаніяхъ, но вышеупомянутые труды легли въ основаніе его очерка и дали ему большую часть содержанія. Г. Леонтовичъ не ограничился одною компилятивною работою, но пересмотрѣлъ и часть печатныхъ источниковъ, откуда черпали его предшественники, и отчасти дополнилъ и исправилъ ихъ сообщенія и сужденія, какъ ему представлялось нужнымъ. Въ результатъ получилась книга, содержащая въ себѣ перечень всѣхъ княжествъ, изъ которыхъ сложилась государственная территорія великаго княжества Литовскаго, а также и тѣхъ, которыя возникли на этой территоріи вслѣдствіе пожалованій государя и разныхъ другихъ причинъ.

На нашъ взглядъ, г. Леонтовичъ сдѣлалъ здѣсь много лишняго. Княжества, которыя возникали на образовавшейся уже государственной территоріи, нужно было трактовать по столько, по скольку они были элементами дробленія, распада. Но многія изъ нихъ, какъ справедливо замѣтилъ самъ г. Леонтовичъ, были простыми имѣніями, принадлежавшими князьямъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всякія другія крупныя имѣнія — панамъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, г. Леонтовичу надо было уже до конца вести счетъ княжескимъ имѣніямъ, возникавшимъ въ XVII и XVIII вѣкахъ до самаго раздѣла Речи Посполитой, надо было перечислять и крупныя панскія имѣнія, по значенію своему одинаковыя съ княжескими. Едва-ли, однако, онъ счелъ бы такую работу для его цѣли нужною; а между тѣмъ на дѣлѣ онъ

выполнилъ часть ея. Все это произошло отъ увлеченія матеріаломъ, которымъ пользовался почтенный профессоръ и который постоянно отвлекалъ его въ сторону побочныхъ политическихъ, генеалогическихъ и историко-географическихъ частныхъ въ ущербъ разработкѣ основной темы. Почтенный профессоръ по преимуществу удѣлялъ свое вниманіе изслѣдованіямъ въ ргоров и сравнительно поверхностно отнесся къ тому, что составляло его главную задачу. Самую эту задачу онъ недостаточно точно и ясно себѣ опредѣлялъ. За множествомъ не идущихъ къ дѣлу подробностей процессъ образованія государственной территоріи великаго княжества литовскаго остался у него недостаточно рельефно очерченнымъ, остались мало разъясненными тѣ связи, которыя стягивали присоединившіяся къ Литвѣ земли въ единую государственную территорію, остался даже не намѣченнымъ самый моментъ, когда закончилось ея образованіе. Хотя г. Леонтовичъ и много удѣлялъ мѣста въ своемъ очеркѣ удѣльнымъ князьямъ и ихъ владѣніямъ, но онъ мало, какъ будетъ показано ниже, выяснилъ, чѣмъ были удѣльные князья въ Литовско-русскомъ государствѣ, кака была разница между ними и князьями служилыми, въ какой связи состояли многочисленныя княжества съ великокняжескими владѣніями. Для вопроса объ образованіи государственной территоріи выясненіе всего этого, на мой взглядъ, должно было бы стоять на первомъ планѣ. Нельзя сказать, чтобы у г. Леонтовича ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи; но для историка-юриста, назвавшего свой трудъ очеркомъ исторіи литовскаго права, сдѣлано слишкомъ мало, и территорія великаго княжества Литовскаго, какъ извѣстный объектъ государственнаго права, осталась въ блѣдномъ и неясномъ освѣщеніи.

Много лишняго сдѣлано г. Леонтовичемъ и по части библиографическихкихъ указаній, которыя не всегда связаны органически съ текстомъ его книги и даны только мимоходомъ. Неопытному читателю вслѣдствіе этого представляется опасность—потратить напрасну время, просматривая книгу, указанную г. Леонтовичемъ, въ которой однако нѣтъ ничего по данному вопросу. Такъ, читатель сдѣлалъ бы крупную ошибку, еслибы, повѣривъ г. Леонтовичу, для вопроса объ образованіи государственной территоріи сталъ изучать статью Н. Ивановича „О древнихъ сельскихъ общинахъ юго-западной Россіи“, или статью г. Лучицкаго „Сябринное землевладѣніе въ Малороссіи.“¹⁾ За библиографическія указанія въ ученыхъ трудахъ нельзя не быть

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 13, 14, прим. 2.

благодарнымъ, но лишь только въ томъ случаѣ, если эти указанія педуть читателя по прямой и кратчайшей дорогѣ, послѣдовательно напѣчая ему разработку даннаго вопроса въ книгахъ и статьяхъ. Къ сожалѣнію, библиографическія указанія г. Леонтовича совсѣмъ иного характера. Въ нихъ онъ часто отмѣчаетъ труды, которые по данному вопросу не даютъ рѣшительно ничего новаго, трактуютъ его совершенно самостоятельно, по другимъ книгамъ или статьямъ, о которыхъ г. Леонтовичъ, однако, забываетъ упомянуть. Такъ, напримеръ, для справки о переходахъ Смоленска отъ Литвы къ Москвѣ и обратно отъ Москвы къ Литвѣ по ссылкѣ г. Леонтовича служатъ: *Петровъ*, Вѣлоруссія, 150. *Ясинскій*, Уставныя земскія грамоты, 57. *М. Владиміръскій-Вудиновъ*, Государства Московское и Литовское (Кіевск. Унив. Изв. 1882, стр. 4 и слѣд.). *Baliński*, Starożytna Polska IV, 478; *Ślown. geograph.* X, 897. Сравни. *Kotlubaj*, Odsiecz Smoleńska i rokój Polanowski (1858). *Цебриковъ*, Смоленская губернія (1862). Памятнал книжка Смоленской губерніи на 1857. *Мурзакевичъ*, Исторія Смоленска. 1848.—Въ этомъ перечнѣ пять ни Карамзина, ни Соловьева, которые трактовали документально исторію переходовъ Смоленска, и упомянуты труды, которые на нихъ основывались. Заставилъ читателя свѣрить свой разказъ о переходахъ Смоленска съ перечисленными книгами и статьями, г. Леонтовичъ задалъ ему много лишняго и совершенно бесполезнаго труда. Вообще въ своихъ цитатахъ г. Леонтовичъ заботился не объ удобствахъ читателя и научныхъ требованіяхъ, а лишь только о полнотѣ цитатъ, которой онъ, конечно, не достигалъ. Обзору разныхъ земель онъ предносилъ длинные перечни книгъ и статей, изъ которыхъ читатель кое-что можетъ узнать о данной землѣ и часто совсѣмъ ничего по тѣмъ вопросамъ, которые затрогиваетъ книга г. Леонтовича. Но такимъ перечнемъ мѣсто въ спеціальныхъ библиографическихъ указателяхъ, а не въ ученомъ трудѣ, гдѣ они являются простымъ балластомъ. Погоня за полнотою цитатъ помимо того, что увеличила очеркъ г. Леонтовича множествомъ лишннихъ строкъ, которыхъ въ немъ и безъ того не мало, вредно отразилась на его трудѣ и въ томъ отношеніи, что развлекла его вниманіе и заставила допустить рядъ такихъ промаховъ и ошибокъ, которые довольно странно видѣть у такого строгаго и требовательнаго къ другимъ ученаго. Чтобы не быть голословнымъ, я укажу на эти промахи и ошибки.

На стр. 42, въ примѣч. 1 (я буду разбирать и то, что находится въ примѣчаніяхъ у г. Леонтовича, и что часто важнѣе содержаща-

гося въ текстѣ; у почтеннаго профессора нѣтъ настоящей границы между текстомъ и примѣчаніями), г. Леонтовичъ утверждаетъ, что Радзивиллы, кромѣ родовыхъ вотчинъ въ Литовской землѣ, въ XV и XVI вв. принадлежали обширныя владѣнія въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ: Олита—въ Троцкой землѣ; Несвижъ, Клецкъ и Мирже въ Новгородскомъ повѣтѣ; Гонидзъ и Медель—въ сѣверной Подляхѣ, именно въ Вѣльской землѣ. Въ доказательство онъ ссылается на Несвицкаго и Балинскаго. Но по провѣркѣ оказывается, что почтенный авторъ не особенно внимательно отнесся къ ихъ сообщеніямъ. На стр. 280 и 281 четвертаго тома *Starożytna Polska*, на которыхъ, между прочимъ, ссылается г. Леонтовичъ, нѣтъ извѣстій о томъ, что бы Олита принадлежала Радзивилламъ. Тамъ сообщается только, что король Сигизмундъ Августъ давалъ Олиту въ доживотье женѣ своей Барбарѣ Радзивиловнѣ. Почтенный профессоръ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе г. Малышевскимъ, который въ своей статьѣ „Люблинскій съѣздъ 1569 года“ вольно передалъ титулъ Николая Радзивила: „Божьєю милостью князь Олитскій и Несвижскій“¹⁾. На самомъ же дѣлѣ Николай Радзивилъ былъ княземъ „на Ołusie i Nieświeżu, и эта Олука (а не Олита) находилась въ землѣ Волинской, а не Троцкой, какъ это явствуетъ изъ сообщенія Балинскаго и Липинскаго²⁾. Она досталась Радзивилламъ по женской линіи отъ павловъ Кишковъ въ началѣ XVI вѣка, равно какъ и Несвижъ³⁾. Клецкъ попалъ во владѣніе Радзивиловъ послѣ королевы Боны, во второй половинѣ XVI вѣка; Миръ (а не Мирже) приобрѣтенъ Радзивиллами отъ павловъ Ильиничей также въ XVI вѣкѣ⁴⁾; Ганянь или Гоніондзъ (по польскому произношенію) былъ пожалованъ Радзивилламъ въ 1509 году⁵⁾; Медель (а не Медель) попалъ во владѣніе Радзивиловъ также въ XVI вѣкѣ⁶⁾. Какъ же можно утверждать, что эти владѣнія принадлежали Радзивилламъ и въ XV вѣкѣ? Затѣмъ: Клецкъ и Несвижъ въ составъ Новгородскаго повѣта попали со времени об-

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 35, прим. 1.

²⁾ *Starożytna Polska* III, 47.

³⁾ *Starożytna Polska* III, 47; IV, 505; *М. Любавская*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута, стр. 119. Москва. 1893.

⁴⁾ *Starożytna Polska* IV, 526, 529.

⁵⁾ *Starożytna Polska* III, 459; *Bonieckiego*, *Poczet rodów*, str. 271.

⁶⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 112.

ластного разграниченія, производившагося въ 1564—1566 годахъ, но не ранѣе; Мидель вовсе не находилась въ сѣверной Подляхѣ, а въ Виленскомъ повѣтѣ при озерѣ того же имени (нынѣ Вилейскаго уѣзда), а со времени новаго областного разграниченія—въ Ошмянскомъ ¹⁾.

Еслибы г. Леонтовичъ не пропустилъ сообщенія Балаяскаго и Лининскаго объ Олыкѣ, онъ, быть можетъ, не сталъ бы выводить Радзивилловъ отъ мноическихъ князей Биржанскихъ ²⁾. Въ этомъ сообщеніи прямо говорится, что Радзивиллы получали титулъ князей, и при томъ Священной Римской Имперіи, отъ императора Карла V въ 1549 г., а король Сигизмундъ Августъ на сеймѣ въ Берестѣй подтвердилъ за ними этотъ титулъ. До 1549 года Радзивиллы не назывались князьями, и это вовсе не потому, что они низшли въ ряды простыхъ военнослужившихъ людей, какъ думаетъ г. Леонтовичъ. Дѣйствительные потомки князей, какъ бы низко не спускались на общественной лѣстницѣ, всегда удерживали свой титулъ, каковы, напримѣръ, князья Свирскіе ³⁾. Съ какой же стати могли потерять этотъ титулъ Радзивиллы, являющіеся ближними людьми государя, крупными землевладѣльцами съ тѣхъ поръ, какъ только начинаютъ говорить о нихъ источники? Ясное дѣло, что до 1549 года они никогда не были князьями. Г. Леонтовичъ не только выводитъ Радзивилловъ отъ мноическихъ Биржанскихъ князей, но даже рассказываетъ про нихъ, что при Ягеллѣ и Витовтѣ они еще удерживали вполне значеніе удѣльныхъ владѣтелей. На чемъ основано это утвержденіе почтеннаго профессора, извѣстно только ему одному. „Лишь во второй половинѣ XV вѣка,—продолжаетъ онъ,—князья Биржанскіе Радзивиллы стали входить въ разрядъ литовскихъ служивыхъ князей“. И это утвержденіе—полнѣй голословное, при томъ же мало говорящее воображенію о перемѣнѣ, происшедшей въ положеніи Радзивилловъ, въ виду слѣдующей оговорки г. Леонтовича: „Впрочемъ Радзивиллы еще долго пользовались, если не *de jure*, то *de facto* положеніемъ владѣтельныхъ князей. Въ 1564 г. Кристофъ Радзивиллъ даетъ г. Вирже привилей на магдебургское право, подтвержденный затѣмъ королемъ. Какъ выше замѣчено, Николай Радзивиллъ титулуется въ грамотѣ 1562 года

¹⁾ Ibidem., стр. 111, 112, 126—133; *Starożytna Polska* IV, 199, 504, 528.

²⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 42, 43.

³⁾ Въ 1528 году нѣкоторые изъ нихъ выставили на ратное поле одного коня, а самое большое—четыре. Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ I, л. 36.

„Божією милостію княземъ (Ольцикиъ“¹⁾).—Но мы уже видѣли, какого происхожденія этотъ титулъ. Что же касается дарованія магдебургскаго права, то неужели г. Леонтовичъ полагаетъ, что это какое-то особенное право князей? Даровать магдебургское право своему мѣсту могъ тогда всякій панъ съ утвержденія господаря, какъ было и въ данномъ случаѣ²⁾. Г. Леонтовичъ на стр. 35 и 203 своего очерка самъ же разказалъ о погонѣ литовскихъ магнатовъ XVI вѣка за княжескимъ титуломъ, о дѣйствительной фабрикаціи родословныхъ и привилеевъ на княжеское достоинство, и самъ же вѣрять въ эти родословныя. Не проще ли было объяснить выдающееся положеніе Радзивиловъ именно тѣмъ, что они были „добрыми думцами“ литовскихъ господарей, и не тревожить уже прахъ Пармунта, старшаго сына Завилейскаго князя Ромуна³⁾. Если предки Радзивиловъ и были когда нибудь князьями, то развѣ только такими, о которыхъ говорятъ наши лѣтописи при Мендовѣ⁴⁾.

На стр. 43, изображая судьбу другаго мионическаго княжества—Утенскаго, г. Леонтовичъ говоритъ между прочимъ: „Княжество Утенское существовало въ качествѣ самостоятельной области до конца XIV вѣка, когда большая его часть вошла въ составъ королевныхъ владѣній великихъ князей Литовскихъ“. Въ доказательство того, что Утена была великокняжескою волостью въ концѣ XIV вѣка, г. Леонтовичъ указываетъ, что въ числѣ лицъ, подписавшихъ (?) привилей свиреймъ 1388 г., упоминается будто бы державца Утенскій—князь Михаилъ Глинскій. Обратившись къ привилею, данному свиреймъ въ 1388 году въ Луцкѣ, мы въ дѣйствительности не найдемъ въ немъ и не можемъ найти имени кн. Михаила Глинскаго. „А при томъ были тые светковне,—читаемъ здѣсь: князь Федоръ, воевода Луцкій, будучи того часу Зимонтъ (а Рымонтъ) рыцаре, а любо бояре зъ Литвы, и тежъ Минкгайло изъ Ошмены, и тежъ зъ Литвы иншіе бояре“.—Гдѣ же нашелъ г. Леонтовичъ кн. Михаила Глинскаго? Въ припискѣ къ этому привилею, которая содержитъ указаніе на его подтвержденіе королемъ Сигизмундомъ „лѣта нароженія Христова полторы тысячи и семь“⁵⁾. Иное

¹⁾ Очерки исторія литовско-русскаго права, стр. 43, прим. 2.

²⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 788.

³⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 43, прим. 1.

⁴⁾ Ibidem, стр. 48.

⁵⁾ Zbiór praw litewskich, str. 108, 109; С. А. Вершадская, Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 1. С.-Пб. 1882.

дѣло, что вышеупомянутый князь Михаилъ Глинскій не кто иной, какъ извѣстный и перенизвѣстный князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, бывшій державцею Утенскимъ въ концѣ княженія Александра и въ началѣ княженія Сигизмунда ¹⁾, всѣ другія лица, присутствовавшія въ господарской радѣ вѣстѣ съ княземъ Глинскимъ, — должностныя лица того же времени. Съ такимъ вниманіемъ почтенный профессоръ читалъ столь важный для него документъ! Но за то тутъ же онъ составилъ такую ученую цитату относительно княжества Утенскаго: „См. *Baliński, Starożytna Polska*, 2-е изд., IV, 220—225. *Sulimierski, Słown. geogr.* X, 600. *Niesiecki, Herbarz*, 2-е изд. III, 473; IV, 119; VIII, 370“. Неужели г. Леонтовичъ серьезно полагаетъ, что эта цитата *научно* обосновываетъ то, что онъ говоритъ о княжествѣ Утенскомъ? Вѣдь всѣ приведенныя имъ сочиненія черпали свои свѣдѣнія изъ одного и того же мутнаго источника — изъ литовскихъ генеалогическихъ и топографическихъ домысловъ и преданій; издатели же „Географическаго словаря“ пересказывали то, что даетъ *Starożytna Polska*, какъ въ большинствѣ случаевъ они поступали относительно Литвы и западной Россіи. Конечно, отчего не воспользоваться и преданіемъ, но пользоваться надо съ оговоркою, что это преданіе; а г. Леонтовичъ разказываетъ о княжествѣ Утенскомъ такъ, какъ будто бы все то, что онъ говоритъ, основано на точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣтельствахъ. Такова его манера и въ отношеніи къ другимъ княжествамъ въ Литовской землѣ, манера, которая можетъ вводить только въ заблужденіе читателей, не вооруженныхъ знаніемъ литературы и источниковъ трактуемаго вопроса.

На стр. 56—61 своего очерка г. Леонтовичъ ставитъ гипотезу о существованіи особаго Городенско-Вѣльско-Кобринскаго княжества въ концѣ XIV вѣка, по смерти Ольгерда. Онъ предполагаетъ, что Кобринъ былъ взятъ тогда Койстутомъ и вѣстѣ съ Вѣльскомъ отданъ имъ „въ значеніи вѣна“ (посага?) за дочь или родственницею княжиною Вассою *русскому* князю Михаилу Семеновичу, владѣвшему будто бы Городномъ въ Подляхѣи (близъ Вѣльска). Такъ, по его мнѣнію, лучше всего объяснить показанія актовъ, относящихся до церкви Рождества Богородицы въ Вѣльскѣ, именно: грамоты короля Александра 1507 года (?!), гласящей, что церковь основана „зъ наданія княгини Вассы Михайлоуое, бабки нашео“; ревизіи

¹⁾ Областное дѣленіе и хѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 88.

1637 года, свидѣтельствующей, что церковь основана „нѣкды княземъ Михайломъ Семеновичемъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобринскимъ и княгинею Вассою“; описанія фундушей бѣльскихъ церквей, составленнаго въ 1787 году и повторающаго фактъ основанія вышеупомянутой церкви „od I. O. książąt *Ruskich* Michała y Wasila Semenowiczów Horodeńskich, Bielskich y Kobińskich dziedziców“ (г. Леонтовичъ вмѣстѣ съ Вольфомъ признаетъ, что князь Василій попалъ сюда вмѣсто княгини Вассы по ошибкѣ составителя описи, не умѣвшаго разобрать вышеупомянутую грамоту короля Александра 1507 г.). Изъ этихъ показаній, казалось бы, надо считаться только съ показаніями первыхъ двухъ документовъ, имѣющими самостоятельный характеръ. Показанія описанія 1787 г. не даютъ ничего новаго, да къ тому же идутъ отъ лица, по признанію самого г. Леонтовича, не умѣвшаго читать старинныхъ русскихъ пергаминовъ. Тѣмъ не менѣе г. Леонтовичъ беретъ отсюда наименование князя Михаила Семеновича русскимъ и придаетъ ему особенное значеніе. „Здѣсь мы наталкиваемся,—говоритъ онъ,—на фактъ, имѣвшій мѣсто чуть ли не во всѣхъ русскихъ областяхъ Литовскаго государства,—фактъ существованія удѣльныхъ князей русскаго происхожденія и послѣ присоединенія западной Руси къ Литвѣ“. На нашъ взглядъ, мы здѣсь не наталкиваемся ни на что подобное: составитель описанія 1787 года называетъ князя Михаила Семеновича не по чему другому „русскимъ“, какъ потому, что онъ былъ *русской* вѣры и построилъ *русскую* церковь, похороненъ въ *русской* церкви. Вѣроятно, г. Леонтовичу не безызвѣстно, что значилъ терминъ „русскій“ въ западной Руси въ XVIII вѣкѣ. Г. Леонтовичъ заставляетъ этого русскаго князя Михаила владѣть какимъ-то подляшскимъ Городномъ, которое онъ разыскивалъ на картѣ г. Андриянова, но безуспѣшно. Намъ это нисколько не должно удивлять, потому что никакого особеннаго подляшскаго Городна не существовало. Всѣ тѣ акты, на которые ссылается г. Леонтовичъ въ доказательство того, что существовало особое подляшское Городно ¹⁾, относятся въ дѣйствительности къ Городну на Пѣмалѣ, которое граничило и съ Гализемъ, и съ Райгородомъ, и съ Бѣльскомъ ²⁾. Пробовалъ ли г. Леонтовичъ, взявъ въ руки подробную карту, слѣдить по ней за тѣми ограниченіями Городен-

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 68, прим. 2.

²⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 176—180, 184—186 и карту.

скаго повѣта, на которыя онъ указываетъ? Мы говоримъ: нѣтъ; иначе онъ не сталъ бы доказывать ими существованіе особаго подлянскаго Городна на сѣверо-востокѣ отъ Бѣльска. У насъ подъ руками не мало было актовъ, относящихся къ Подляшью вообще и къ Бѣльскому повѣту въ частности и современныхъ тѣмъ ограниченіямъ, на которыя указываетъ г. Леонтовичъ. Но ни малѣйшихъ признаковъ существованія особаго подлянскаго Городна мы въ нихъ не встрѣтили и, на сколько намъ извѣстно, о такомъ Городѣ нѣтъ никакихъ указаній и въ существующихъ историко-географическихъ трудахъ, такъ что честь открытія его должна принадлежать всецѣло г. Леонтовичу. Ему же принадлежитъ и установленіе особеннаго смысла въ названіи „бабка“. Вольфъ совершенно ясно показалъ, кто такая была княгиня Васса, и какимъ образомъ она доводилась королю Александру бабкою. Эта была—княжна Гольшанская, сестра королевы Софіи (жены Ягелла), бывшая въ первый разъ замужемъ за княземъ Иваномъ Владимировичемъ Ольгердовичемъ¹⁾. Но такъ какъ она жила въ XV вѣкѣ, а г. Леонтовичу слѣдовало отыскать княгиню Вассу XIV вѣка, то онъ отвергъ мнѣніе Вольфа о княгинѣ Вассѣ: по его словамъ, король Александръ въ своей грамотѣ называетъ княгиню Вассу бабкою въ общемъ смыслѣ прародительницы (?), а не потому, чтобы она приходилась ему дѣйствительно бабкою, хотя бы и не родною. Но такое толкованіе г. Леонтовича уже чересчуръ вольное: мы не знаемъ другихъ примѣровъ употребленія словъ „дѣдъ“ и „бабка“ въ такомъ неопредѣленномъ и даже неопредѣлимомъ значеніи, на которомъ настаиваетъ г. Леонтовичъ. Въ виду всего этого, съ полнымъ правомъ можно сказать, что вся гипотеза г. Леонтовича объ особомъ Городенско-Бѣльско-Кобринскомъ княжествѣ конца XIV вѣка виситъ въ воздухѣ, не имѣя подъ собою никакихъ основаній въ источникахъ.

Какъ же, однако, быть съ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Городенскимъ, Бѣльскимъ, и Кобринскимъ? На нашъ взглядъ можно допустить существованіе старшаго брата Михаила у князя Ивана Семеновича *Кобринскаго*; онъ могъ быть современникомъ княгини Вассѣ и жениться на ней, когда она овдовѣла (послѣ 1446 г.). Предполагать это можно съ тѣмъ большею вѣроятностію, что у князей Кобринскихъ были уже семейныя связи съ домомъ князей Гольшанскихъ: князь Семенъ Романовичъ былъ женатъ на княжнѣ Юліаніи Се-

¹⁾ *Wolff*, Ród Gedimina, str. 104. Kraków. 1886.

менованъ Гольшанской ¹⁾). За теткою своею Казимиръ могъ дать Бѣльскъ если не въ вотчину, то въ дожипотье. Такая щедрость не должна насъ удивлять, если мы припомнимъ, какъ много сдѣлали для Казимира князья Гольшанскіе при возведеніи его на литовскій престолъ, не говоря уже о близкомъ родствѣ съ нимъ и княгини Вассы, и князей Кобринскихъ. Княгиня Васса жила съ мужемъ въ Бѣльскѣ и въ то время фундавала церковь Рождества Богородицы по совѣту съ мужемъ. Повидимому она пережила мужа и умерла, не имѣя отъ него дѣтей, послѣ чего Бѣльскъ сналъ на господаря, который назначилъ туда своимъ намѣстникомъ пана Бартоша Монтовтовича (онъ выступаетъ по актамъ въ 1484 году, какъ разъ по смерти княгини Вассы) ²⁾. Князь Михаилъ Семеновичъ, повидимому, владѣлъ имѣніями въ Городенскомъ повѣтѣ, по близости отъ Бѣльска, изъ которыхъ также жаловалъ церкви Рождества Богородицы по особымъ грамотамъ. Имѣя подъ руками эти грамоты, составитель той надписи объ основаніи церкви, о которой упоминаетъ ревизія 1637 года, и повеличалъ его княземъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобринскимъ, не умѣя иначе объяснить жалованныхъ грамотъ кн. Михаила, относящихся къ повѣту Городенскому, какъ тѣмъ, что онъ былъ княземъ въ Городѣ. Это тѣмъ легче могло произойти, что надпись составлялась въ 1562 году, когда церкви переносили на другое мѣсто. Къ тому времени память о князѣ Михаилѣ Семеновичѣ могла уже затемниться, а имѣвшіеся въ церкви грамоты его обветшать настолько, что и разобрать ихъ, какъ слѣдуетъ, было трудно. На это указываетъ и то обстоятельство, что древнѣйшая фундушевая грамота Богородичной церкви дошла до насъ не въ подлинномъ видѣ, а въ спискѣ съ подлинника, который переписчикъ не могъ уже полностью прочесть, а потому кое-гдѣ пополнилъ по собственному разумѣнію, вслѣдствіе чего получились разныя несообразности. На эти несообразности г. Леонтовичъ не обратилъ должнаго вниманія, хотя и сдѣлалъ укоръ Вольфу въ невнимательности къ актамъ, относящимся до князя Михаила Семеновича. Онъ пропатентовалъ bona fide ³⁾ грамоту, въ которой титулъ короля Александра таковой, какой польскіе короли могли носить только съ 1634 года, со времени заключенія Поляповскаго мира: „великій король (?) Польскій,

¹⁾ Ibidem, str. 129.

²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 86; *Wolffa*, *Ród Gedimina*, str. 104.

³⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 56, прим. 5.

князь Литовскій, Русскій, Пруссскій, Жомонтескій, *Шверскій*, Мазовецкій, *Инфлянскій* и иных⁴: помѣчена эта грамота 17-го апрѣля 1507 года, когда короля Александра уже не было на семь свѣтъ (умеръ 19-го августа 1506 года); подписана она какимъ то Василіемъ Горностаемъ, писаремъ совершенно неизвѣстнымъ по другимъ источникамъ того времени ¹). Еслибы г. Леонтовичъ остановился надъ всѣмъ этимъ и искалъ бы объясненія всѣмъ этимъ несообразностямъ, тогда, быть можетъ, онъ напалъ бы и на болѣе прямую дорогу къ князю Михаилу Семеновичу Городенскому, Бѣльскому и Кобринскому. Предоставляю читателю самому разсудить, чья гипотеза имѣетъ подъ собою болѣе основаній, наша ли или гипотеза г. Леонтовича.

На стр. 77 очерка г. Леонтовича находится удивительное сообщеніе о князѣ Михаилѣ Борисовичѣ Тверскомъ. „Во второй половинѣ XV столѣтія,—говоритъ почтенный профессоръ,—выдѣляется въ Слонимскомъ повѣтѣ волость Лососино, пожалованная князю Михаилу Борисовичу, сыну московскаго выходца (съ 1393 года) тверскаго князя Бориса Александровича“. Что это за московскій выходецъ, тверской князь Борисъ Александровичъ, ушедшій въ Литву съ 1393 года, мы не знаемъ и ждемъ на этотъ счетъ разъясненій г. Леонтовича. Мы знаемъ, что Борисъ Александровичъ († 1461) былъ отцомъ послѣдняго великаго князя тверскаго Михаила Борисовича, и этотъ Михаилъ Борисовичъ ушелъ въ Литву и тамъ держалъ въ кормленіѣ нѣсколько волостей. Лососинная принадлежала именно этому великому князю тверскому, какъ это совершенно ясно изъ жалованныхъ грамотъ на эту волость, выданныхъ въ 1504 г. князю Василию Львовичу Глинскому, а въ 1510 году, послѣ измѣны его, князю Семену Александровичу Чорторыйскому ²). Почему г. Леонтовичъ не пошелъ за прямыми указаніями источниковъ и предпочелъ удивить читателя вышеупомянутымъ сообщеніемъ, остается тайною ³).

¹) Сравни *Wolffa*, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego. Kraków. 1885. Этимъ трудомъ г. Леонтовичъ почему-то совершенно не пользовался, а между тѣмъ знакомство съ нимъ могло бы предотвратить нѣкоторыя крупныя ошибки, напавшія въ его очеркъ, о чемъ см. ниже.

²) Акты Зап. Рос. I, № 218; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 56. Сравни *Соловьева*, Исторія Россіи, т. V, стр. 61 по изд. второму.

³) Впрочемъ, мы готовы разъяснить эту тайну. На стр. 354 книги г. Бонеевскаго *Poszet rodów* г. Леонтовичъ прочиталъ: „W 1393 r. potwierdził Borys Alexandrowicz, w. ks. twerski, ugodę zawartą z Witoldem, w. ks. Litewskim. Cod. Epist. Witoldi i M. L. 6“. И въ такомъ видѣ это сообщеніе—прямая несообраз-

На стр. 78 г. Леонтовичъ даетъ устарѣвшія и совершенно невѣрные свѣдѣнія о воеводствѣ Новгородскомъ. „Въ административномъ отношеніи,—говоритъ онъ,—области, образовавшіяся на территории Черной Руси, въ XV столѣтіи (съ 1413 года) тянули къ Трокскому воеводству. Въ 1500 году изъ него выдѣлилось особое Новгородское воеводство; въ составѣ Трокскаго воеводства остался лишь одинъ Городенскій поветъ. Новгородское воеводство образовалось изъ трехъ отдѣльных поветовъ. Бывшее Новгородское княжество было раздѣлено на два повета: восточная половина его, со включеніемъ сосѣднихъ областей сѣвернаго Полѣся (княжествъ Случкаго, Клецкаго и Несвижскаго), составила поветъ Новгородскій; западная половина, съ Волковыскомъ во главѣ, отчислена въ особый поветъ. Бывшій Слонимскій удѣлъ образовалъ третій поветъ“.—Въ этихъ сообщеніяхъ оказался „знаменательный фактъ плохой прививки новыхъ научныхъ выводовъ“ въ трудѣ г. Леонтовича, который „повторяетъ задѣ“ (пользуемся его собственными выраженіями), и при томъ очень устарѣлые. Теперь же извѣстно, что намѣстникъ Новгородскій сталъ постоянно именоваться воеводою только съ 1507 года, въ силу особаго привилея, выдашаго князю Ивану Львовичу Глинскому, такъ что и учрежденіе Новгородскаго воеводства можно датировать только 1507 годомъ ¹⁾). Но и это только въ крайнемъ случаѣ. Въ своемъ трудѣ, который былъ въ распоряженіи г. Леонтовича, и привелъ документальныя данныя ²⁾, свидѣтельствующія, что Новгородскій поветъ и послѣ 1507 года входилъ въ составъ Виленскаго воеводства, а пожалованіе Новгородскому намѣстнику титула воеводы только понизило его въ радѣ великаго князя и не внесло никакихъ перемѣнъ въ положеніе Новгородскаго повета ³⁾). Поэтому и учрежденіе особаго Новгородскаго воеводства, равнозначащаго съ Виленскимъ, Трокскимъ и т. д., слѣдуетъ отнести къ 1564—1566 гг., а тогда, а не въ 1500 г., вошли въ составъ его поветы Слонимскій и Волко-

ности, какъ указалъ уже Барбашенъ (Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы, стр. 90, прим. 56), а г. Леонтовичъ еще по своему прочиталъ сообщеніе Бонеекаго, такъ что получилась двойная несообразность.

¹⁾ *Wolfa, Senatorowie i dygnitarze W. ks. Litewskiego*, str. 34—36.

²⁾ Перенисъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ 1528 г. по воеводствамъ и поветамъ, Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 26—34.

³⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 126, 127.

ныйскій, княжества Слуцкое, Клецкое и Песвижское ¹⁾). На стр. 162 и 163 своего труда я указалъ, что Слонимъ и Волковыскъ во всѣхъ перечняхъ дворовъ великаго княжества, дошедшихъ отъ времени Александра и Сигизмунда I, называются дворами *Троцкими*; въ перенеси военнотруженихъ землевладѣльцовъ 1528 года они поставлены *въ воеводство Троцкомъ* ²⁾). По г. Леонтовичъ почему-то презрѣлъ мои сообщенія и предпочелъ пересказать то, что даетъ *Starożytna Polska*, то-есть, вопиющій анахронизмъ ³⁾).

На стр. 87 г. Леонтовичъ на основаніи лѣтописи Быховца утверждаетъ, что князь Андрей Владимировичъ Ольгердовича былъ княземъ Могилевскимъ. „Въ числѣ литовскихъ князей,—говоритъ онъ,—присутствовавшихъ въ Краковѣ на коронаціи Владислава-Ягеллы (въ 1386 г.) упоминается, могилевскій князь Андрей Владимировичъ, принявшій тутъ же вмѣстѣ съ Ягеллой католицизмъ“. По ниже, на стр. 98, въ прим. 1, онъ признаетъ уже, что Вольфъ доказалъ неистинность показанія лѣтописи Быховца по отношенію къ Андрею Владимировичу. Читатель остается въ недоумѣніи, былъ ли или нѣтъ Андрей Владимировичъ княземъ Могилевскимъ. Его недоумѣнію должно быть тѣмъ сильнѣе, что г. Леонтовичъ считаетъ Могилевъ уже съ конца XIV вѣка не во владѣніи кн. Андрея Владимировича, а королевы Ядвиги, житіе которой онъ продолжаетъ на XV вѣкъ. „Въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія Могилевъ съ волостью принадлежалъ королевѣ Ядвигѣ, въ качествѣ вѣна, полученнаго ею отъ мужа Владислава-Ягеллы“. Итакъ, королева Ядвига, умершая 17-го іюля 1399 г., оказывается, жива была еще въ началѣ XV вѣка. Такъ „механически комбинировалъ“ г. Леонтовичъ содержаніе своей книги. Прошу у него прощенія за то, что ненамѣренно внесъ его въ заблужденіе: королева Ядвига попала въ XV вѣкъ по моему недосмотру, и г. Леонтовичъ заимствовалъ свѣдѣнія о ней изъ моей книги, на которую онъ почему-то не сослался въ данномъ мѣстѣ, но предпочелъ взять изъ нея цитату ⁴⁾).

¹⁾ См. „Списанье повѣтовъ великаго князства Литовскаго и впадинковъ въ нихъ“ и „Описанье повѣтовъ и границъ“ въ Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII. л. 197—203; 117—126.

²⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 96—99.

³⁾ Что Слуцкое княжество до 1664 года не входило въ составъ Понггородскаго повѣта, объ этомъ г. Леонтовичъ могъ бы узнать изъ сеймонныхъ постановленій 1644 года, напечатанныхъ въ книгѣ, бывшей у него подъ руками: *Zbiór praw litewskich*, стр. 401. Познань, 1841.

⁴⁾ Справ. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 122.

На стр. 92 г. Леонтовичъ утверждаетъ, что въ Минскѣ удѣльные князья держались до начала XV столѣтія. Въ доказательство онъ приводитъ привилей короля Владислава-Ягелла отъ 1387 года, который, однако, прямо говорить противъ его утвержденія. По этому привилею Ягелло пожаловалъ брату своему Скиргеллу „на Руской сторонѣ городъ Менескъ Литовскаго жъ княженья весь и со всѣми людьми и съ землею и съ всякою пошатиною и съ доходомъ и клязи служебные, тѣмъ усѣмъ володѣти князю Скирикгайлу, брату нашему“¹⁾. Откуда же видно, что въ Минскѣ были *удѣльные* князья? Видѣ привилей прямо говорить, что существовали *служебные* князья, и при томъ въ Минской землѣ, а не въ самомъ Минскѣ. Еслибы удѣльные князья существовали въ Минскѣ, развѣ могъ бы Ягелло жаловать тогда Минскъ „со всѣми людьми, и съ землею, и со всякою пошатиною, и съ доходомъ“, не устраняя самихъ удѣльныхъ князей? Г. Леонтовичъ, ставя свою гипотезу, думаетъ, очевидно, что—могъ, противорѣча тому, что самъ говорить объ удѣльныхъ князьяхъ, объ удѣльной самостоятельности. Его соблазнилъ Минскій князь Урустай, который, по сообщенію нашихъ лѣтописей, прибылъ въ 1408 году вѣстѣ съ Свидригелломъ въ Москву. Но этотъ князь, очевидно, былъ изъ числа служебныхъ князей, о которыхъ говорить привилей 1387 года, и притомъ, судя по названію, едва ли не татаринъ.

„Удѣлы, входившіе въ составъ Минской земли.—продолжаетъ г. Леонтовичъ,—въ началѣ XV вѣка въ большинствѣ были присоединены къ короннымъ владѣніямъ и, по рѣшенію Городельскаго сейма 1413 года, составили отдѣльное намѣстничество“. Мы не знаемъ откуда почерпнулъ г. Леонтовичъ это странное извѣстіе, странное потому, что выдвигаетъ Городельскій сеймъ въ несвойственной ему роли и не соглашается съ тѣмъ, что мы знаемъ о позднѣйшей судьбѣ минскихъ волостей. Если большинство минскихъ удѣловъ въ началѣ XV вѣка присоединены были къ короннымъ (лучше было бы сказать: къ господарскимъ) владѣніямъ, то зачѣмъ же сейму еще надо было рѣшать, что бы они составили намѣстничество? Разъ они сдѣлались господарскими, ео ipso они стали и намѣстничествомъ. Можно было бы понять сообщеніе г. Леонтовича въ томъ смыслѣ, что сеймъ постановилъ, чтобы господарь не отдавалъ ихъ никому въ вотчину и не разбивалъ по управленію на нѣсколько намѣстничествъ. На дѣлѣ

¹⁾ *Описанные Записки*, 1829, январь, № CV.

мы ничего подобного не видимъ въ послѣдующее время. Айна несомнѣнно входила въ составъ Минскаго княжества, а между тѣмъ она была пожалована великимъ княземъ Витовтомъ Андрею Владимировичу Ольгердовича, а въ началѣ XVI вѣка была отдѣльною державою. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ, подтвержденные ссылками на источники, г. Леонтовичъ могъ бы найти во второмъ очеркѣ моей книги, который былъ въ его распоряженіи ¹⁾.

Въ этой же книгѣ, на стр. 13 и 102, г. Леонтовичъ могъ бы найти и нѣкоторые указанія на то, что Минскъ съ его повѣтомъ долгое время и послѣ 1500 года входилъ въ составъ *Виленаго воеводства* ²⁾ и управлялся намѣстниками. Въ книгѣ г. Вольфа *Senatowic i dygnitarze W. Ks. Litewskiego* даны свѣдѣнія о томъ, когда было организовано воеводство Минское. Но г. Леонтовичъ предпочелъ остаться вѣрнымъ *Starożytna Polska*. „Окончательная организація его (намѣстничества Минскаго) въ воеводство, — говоритъ почтенный профессоръ, — принадлежитъ 1500 году (sic!) ³⁾, когда область эта была раздѣлена на повѣты, съ введеніемъ въ нихъ земскихъ учреждений, общинъ для всѣхъ литовскихъ областей“. Обозначенныя курсивомъ слова принадлежать г. Леонтовичу, и въ *Starożytna Polska* (t. IV, str. 666) ихъ нѣтъ. Всѣмъ извѣстно, что земскія учрежденія, то-есть, земскіе суды и повѣтовые сеймики, введены въ Литовско-Русскомъ государствѣ не задолго до Люблинской уніи, одновременно съ изданіемъ новаго статута ⁴⁾. Отъ г. Леонтовича мы узнаемъ, что земскія учрежденія были введены въ 1500 году. Или, быть можетъ, почтенный профессоръ разумѣлъ что-нибудь другое подъ земскими учрежденіями 1500? Крайне интересно было бы узнать отъ него о реформѣ 1500 года, которая имѣла общегосударственный характеръ и, однако, ускользнула отъ вниманія всѣхъ изслѣдователей литовско-русской старины, даже тѣхъ, кто наиболѣе документально ее изучалъ.

¹⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 101, 102.

²⁾ Объ этомъ г. Леонтовичъ могъ бы узнать и изъ стр. 401 *Zbiór praw litewskich*.

³⁾ Это не помѣшало г. Леонтовичу ниже, на 96 стр., признать существованіе въ Минскѣ намѣстниковъ державцевъ, (а не воеводъ) и послѣ 1500 года. См. его ссылку на Акты зап. Рос. II, № 10, 76.

⁴⁾ Акты зап. Рос. III, № 38; Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. XXIII.

На стр. 101, говоря о Свислочи, г. Леонтовичъ сообщаетъ между прочимъ: „Другое документально-достоверное свидѣтельство о Свислочи, какъ удѣльномъ владѣніи, находимъ въ привилей. данной въ 1387 году королемъ Владиславомъ-Игеллой его брату Скиргайлу на цѣлый рядъ удѣльныхъ владѣній въ Бѣлоруссіи. къ составу которыхъ принадлежалъ и городъ Свислочь съ данью, землями людьми и доходами“. Что Свислочь была нѣкогда особымъ княжествомъ, это несомнѣнно, и г. Леонтовичъ привелъ указанія на это источниковъ (стр. 101, прим. 1). Но никакъ нельзя согласиться съ нимъ, чтобы на Свислочь, какъ на удѣльное владѣніе, указывалъ привилей 1387 года, развѣ только въ томъ смыслѣ, что она должна была войти въ составъ удѣла Скиргелла. Вѣдь, если принять Свислочь за отдѣльное княжество, тогда нужно принимать за таковыя же и Юбруйскъ, Рѣчицу, Любечъ, Пропойскъ, Любошаны и т. д., однимъ словомъ всѣ волости, которыя перечисляетъ привилей Игелла, и которыя пожалованы были Скиргеллу также съ данью, землями, людьми и доходами. Между тѣмъ привилей Игелла называетъ *княжествомъ* только Троки съ городами и волостями, къ нему тянувшими, а владѣнія „на Руси“ не называетъ княжествами, хотя нѣкоторые изъ нихъ и были прежде таковыми: для него все это уже великокняжескія волости. Подробное исчисленіе этихъ волостей понадобилось не потому, что это были отдѣльными владѣніями, а потому, что не все на Руси Игелло уступалъ брату, часть волостей оставлялъ за собою. Г. Леонтовичъ въ привилей 1387 года второй разъ вычитываетъ то, чего въ немъ нѣтъ. Мнѣ кажется, произошло это оттого, что самого привилея онъ не читалъ въ полномъ видѣ, а знаетъ его только въ извлеченіи Даниловича¹⁾, хотя могъ бы прочесть и въ полномъ видѣ, такъ какъ онъ напечатанъ въ сборникѣ актовъ, который г. Леонтовичу, вѣроятно, небезызвѣстенъ²⁾.

На стр. 106 г. Леонтовичъ говоритъ: „Съ этихъ поръ (съ 1442 года) Смоленская земля пошла въ составъ литовскихъ провинцій и управлялась намістниками; были и воеводы, но лишь въ значеніи замѣстителей послѣднихъ и вообще подчиненныхъ имъ органовъ“. Въ доказательство онъ предлагаетъ справиться съ № 78, 108, 128, 160 и др. Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи. Читатель,

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, 101, прим. 2.

²⁾ Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia, tomus II. Codex saeculi quindecimi. № IX. Cracoviae. 1876.

который сталъ бы разыскивать въ этихъ и другихъ актахъ подтвержденія словамъ г. Леонтовича, потерялъ бы напрасно время, потому что въ актахъ говорится только о намѣстникахъ Смоленскихъ, а съ начала княженія Сигизмунда о воеводѣ. На сосуществованіе намѣстника и воеводы въ Смоленскѣ и на подчиненіе втораго первому въ актахъ нѣтъ даже и малѣйшаго намёка, и не изъ актовъ г. Леонтовичъ почерпнулъ свои свѣдѣнія. Подобно другимъ изслѣдователямъ, напримѣръ, г. Ясинскому ¹⁾, г. Леонтовичъ былъ введёнъ въ заблужденіе лѣтописью Быховца, которая рассказываетъ о томъ, что панъ Иванъ Гаштольдъ, вызванный великимъ княземъ Сигизмундомъ изъ Смоленска на сеймъ въ Троки, передалъ городъ воеводѣ Андрею Саковичу. Названіе „воевода“ употреблено здѣсь составителемъ лѣтописи Быховца въ общемъ смыслѣ, безъ претензіи точно назвать должность Андрея Саковича. По актамъ мы знаемъ, что названіе „воевода“ стало постояннымъ титуломъ только въ приложеніи къ пану Юрію Глѣбовичу, державшему Смоленскъ въ 1508—1514 годахъ. До этого же времени въ Смоленскѣ были намѣстники, при чемъ намѣстникомъ же былъ между прочимъ и тотъ же панъ Юрій Глѣбовичъ (въ 1492—1499 гг.) ²⁾. Изъ этого видно, что должность воеводы была несколько не ниже должности намѣстника, а скорѣе наоборотъ. Во всякомъ случаѣ званіе „воеводы“ было почетнѣе, вслѣдствіе чего главный намѣстникъ Смоленской земли подобно другимъ такимъ же намѣстникамъ съ теченіемъ времени и переименованъ былъ въ „воеводу“. Поставивъ въ параллель съ извѣстіемъ Быховца извѣстіе литовской древнѣйшей лѣтописи объ Андрѣ Саковичѣ, мы найдемъ ключъ къ правильному пониманію и факта передачи Смоленска Гаштольдомъ пану Андрею Саковичу. Древнѣйшая лѣтопись прямо говоритъ объ Андрѣ Саковичѣ, что онъ „дѣржалъ Смоленскъ отъ Жидимонта“ ³⁾; слѣдовательно, Иванъ Гаштольдъ сдалъ Смоленскъ Саковичу не какъ своему замѣстителю, а какъ преемнику. Г. Вольтъ поступилъ совершенно правильно, поставивъ въ своемъ перечнѣ Смоленскихъ намѣстниковъ пана Андрея Саковича преемникомъ Ивана Гаштольда ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ г. Леонтовичу для доказательства своего мнѣнія о воеводахъ Смоленскихъ слѣдовало бы принести побольше данныхъ

¹⁾ Уставнымъ земскія грамоты литовско-русскаго государства, стр. 59, 118, прим. 70, Кіевъ. 1889.

²⁾ *Wolffa, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego*, стр. 50, 51.

³⁾ Лѣтопись великихъ князей литовскихъ, стр. 54.

⁴⁾ *Senatorowie i dygnitarze*, стр. 49.

источниковъ и не основываться на одной только лѣтописи Бытовца, ненадежность которой, какъ историческаго источника, онъ самъ же признастъ⁴⁾. Беремъ смѣлость посоветовать г. Леонтовичу не искать этихъ данныхъ, такъ какъ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Воеводы смоленскіе никогда не были въ той роли, въ какой представляетъ ихъ г. Леонтовичъ согласно съ г. Исинскимъ, у котораго онъ заимствовалъ взглядъ на воеводу смоленскаго и о которомъ, однако, почему-то счелъ лишнимъ упомянуть въ своей цитатѣ.

Вообще и въ цитатахъ своихъ г. Леонтовичъ оригиналенъ, какъ рѣдко кто-другой. Ссылаясь постоянно на литературу тамъ, гдѣ нужно бы сослаться на источники, онъ ссылается на источники тамъ, гдѣ нужны были бы указанія на литературу. Кромѣ только что изложеннаго случая съ воеводою Смоленскимъ, можно указать и еще на одинъ характерный примѣръ. На стр. 108, перечисляя вяземскія волости, г. Леонтовичъ упоминаетъ между прочимъ о *Глинкахъ* отчинѣ князей Глинскихъ. Обо всѣхъ Вяземскихъ волостяхъ, въ томъ числѣ и о Глинкахъ, г. Леонтовичъ предлагаетъ справиться въ XXXV томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, №№ 2, 3, 9, 16, 20, 31, 37, 124—129, 136, 151. Но, очевидно, что самъ онъ не просматривалъ этого XXXV тома, въ противномъ случаѣ *страницы* не обозначилъ-бы, какъ *номера*, не упомянулъ-бы и о Глинкахъ, потому что въ напечатанномъ тамъ матеріалѣ *нѣтъ никакихъ указаний ни Глинки*. Откуда же г. Леонтовичъ взялъ эти Глинки? Изъ книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута“. Авторъ этой книги, составляя карту Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ, наткнулся на нѣсколько урочищъ на верхнихъ рѣкахъ Москвы съ названіемъ Глинки. Онъ сдѣлалъ предположеніе, что, вѣроятно, отъ владѣній этими Глинками вѣтъ князей Вяземскихъ стала называться Глинскими; но подосмотру, эту гипотезу онъ выразилъ въ категорической формѣ: Глинки—отчина князей Глинскихъ. Г. Леонтовичъ, взявъ отсюда весь перечень вяземскихъ волостей, не обмолвился ни единымъ словомъ о книгѣ, откуда онъ взялъ свои свѣдѣнія, а предпочелъ выбрать изъ этой книги ссылки на XXXV томъ Сборника Русскаго Историческаго Общества, расположивъ ихъ въ порядкѣ цитированныхъ страницъ и назвавъ страницы номерами. Мы не знаемъ, для чего это сдѣлано, и при томъ

⁴⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 98, прим. 1.

такъ неудачно; думаемъ только, что на источники имѣть право ссылаться только тотъ, кто ихъ дѣйствительно изучалъ или, по крайней мѣрѣ, просматривалъ. Въ другихъ мѣстахъ г. Леонтовичъ выбираетъ ссылки изъ данной книги, и при этомъ цитируетъ ее ¹⁾. И за то спасибо!

На стр. 123, въ примѣчаніи 1-мъ, г. Леонтовичъ неизвѣстно по какимъ соображеніямъ отступилъ отъ общепринятаго мнѣнія о князьяхъ Пинскихъ, какъ потомкахъ Святослава Изяславича, и назвалъ ихъ волынскими князьями ²⁾. Мнѣ кажется, что это отступленіе надо было бы мотивировать извѣстными доказательствами. Но г. Леонтовичъ не приводитъ на этотъ счетъ никакихъ соображеній. Точно также неизвѣстно, почему онъ называетъ великаго князя Сигизмунда Кейстутовича Сигизмундомъ-Войдатомъ (стр. 126). Самъ же на стр. 75-й разсказываетъ, что Войдаты Кейстутовичъ умеръ въ 1362 году; тамъ же онъ различаетъ двухъ братьевъ Кейстутовичей, Войдату и Сигизмунда, и вдругъ мы узнаемъ отъ него, что Сигизмундъ (ум. въ 1440 году) и Войдаты одно и тоже лицо!

На стр. 137-й г. Леонтовичъ полемизируетъ съ Вольфомъ, который въ своей книгѣ *Ród Gedimina* отнесъ начало владѣнія королевы Боны Пинской къ 1523 году. Г. Вольфъ основывался на документальныхъ данныхъ, сохранившихся въ „Ревизіи пущъ и переходовъ звѣриныхъ“ ³⁾; но г. Леонтовичъ нашелъ, что онъ воспользовался не всѣми этими данными. „Сохранились,—говоритъ онъ,—двѣ грамоты королевы Боны, данныя ею въ качествѣ „господарни“ Пинскаго княжества раньше привилеи 1523 года. Одна грамота послана королевой изъ Кракова еще въ октябрѣ 1520 года „державцы нашему князю *титу* нашему Пинскому Ивану Михайловичу“ о назначеніи Богданца на его отцовскій приходъ Пинской церкви св. Юрія, вмѣсто попа, опредѣленнаго раньше княземъ Ярославичемъ (Ревизія пущъ, стр. 252). Другою грамотою 23-го февраля 1522 года королева Бона заявляетъ: „была намъ боярыня *наша пинская* Анна Василевская и просила, збыхмо ей съ ласки *нашое* на хлѣбокормленье дали двѣ дворыща въ *новѣтѣ* *нашомъ Пинскомъ*... которые дворыща мужъ ее небожыкъ Василевскій за листомъ *нашимъ* до воли и ласки *нашое* держалъ, я на нихъ ее отумеръ, на которыхъ она до сего часу спокойне

¹⁾ Ср., напримѣръ, стр. 48 и 49 его книги со всѣми примѣчаніями со стр. 45 и 50 книги г. Вольфа *Ród Gedimina* съ примѣчаніями.

²⁾ Ср. *М. Довнара-Запольскаго*, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія, стр. 131—133. Кіевъ 1891.

³⁾ *Ród Gedimina*, стр. 112, nota 1.

сѣживала⁴; королева дала ей нѣтъ мужа „до воли и ласки нашею господарское (ibid., стр. 242)“. Изъ этихъ грамотъ, указанныхъ г. Леонтовичемъ, только вторая дѣйствительно отодвигаетъ начало владѣнія королевы Пинскомъ на болѣе раннее время по сравненію съ опредѣленіемъ г. Вольфа. Что касается первой грамоты, то г. Леонтовичъ слишкомъ уже положился на правильность ея печатнаго текста. Дѣло въ томъ, что она помѣчена 12 индикта, который падаетъ не на 1520, а на 1524 годъ (по сентябрьскому численію). Очевидно, въ подлинномъ актѣ стояло первоначально „подъ лѣты Божіею Нароженья 1520 и 4, мѣсеца октября 8 день, индиктъ 12“, а затѣмъ 4 (буква д) стерлось и потому въ копію ревизіи попала только 1520. Быть можетъ здѣсь и простой недосмотръ лица, списывавшаго акты ревизіи. Во всякомъ случаѣ г. Леонтовичу слѣдовало бы внимательнѣе отнестись къ несоотвѣтствію хронологическихъ датъ, и тогда онъ не сталъ бы утверждать, что королева Бона получила Пинскъ во владѣніе будто бы еще при жизни князя Ярославича, а князь Ярославичъ (правильнѣе было бы писать: Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославича) сведенъ былъ на нѣсколько волостей, данныхъ ему ради „хлѣбокормленія“¹⁾. Чтобы утверждать это, недостаточно было сослаться на грамоты королевы, надо было объяснить еще, почему князь Ѳеодоръ Ивановичъ, получивъ отъ короля Сигизмунда въ 1509 году привилей на владѣніе Пинскомъ „до живота“, вопреки этой гарантіи лишень былъ Пинска. Еслибы г. Леонтовичъ задалъ себѣ этотъ вопросъ, онъ, быть можетъ, подозрительнѣе отнесся бы къ вышеупомянутой грамотѣ якобы 1520 года и нашелъ бы, что королева Бона вступила во владѣніе Пинскомъ не при жизни, а по смерти князя Ѳеодора Ивановича Ярославича (умеръ въ 1521 г.). За одно нужно благодарить г. Леонтовича въ данномъ случаѣ—это за указаніе на грамоту 1522 г. Эта грамота наводитъ на мысль, что Пинскъ отданъ былъ королевѣ Бонѣ ранѣе выдачи ей формальнаго привилея (въ 1524 году) на это княжество. Въ этомъ смыслѣ авторъ настоящихъ замѣтокъ и желалъ бы исправить то, что сказано

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 137, 138. Г. Леонтовичъ снѣло ставитъ „хлѣбокормленіи“ въ кавычкахъ, хотя и не нашелъ это выраженіе прямо изъ документа. Почему же онъ такъ неимлостивъ къ автору настоящихъ замѣтокъ, который позволялъ себѣ поставить выраженіе „въ кормленіи“ также въ кавычкахъ, примѣнивъ его предположительно къ Любарту, что и оговорилъ прямо? См. стр. 218, 219, примѣчаніе 4-е. Ср. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства, стр. 39.

на стр. 23-й его книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“.

На стр. 140-й, въ примѣчаніи 3, г. Леонтовичъ утверждаетъ, что Городенъ въ Полѣсѣ въ первой половинѣ XVI столѣтія вмѣстѣ съ Пинскомъ принадлежалъ къ владѣніямъ королевы Боны. Въ доказательство онъ ссылается на акты, помѣщенные на стр. 174 и 179 „Ревизіи пущъ и переходовъ звѣринныхъ“. На самомъ же дѣлѣ эти акты относятся вовсе не къ Городну полѣсскому, а къ Городну на Нѣманѣ, который королева Бона получила около 1540 г. ¹⁾ Въ повѣтъ именно этого Городна лежали волости: Кринки, Жорославка, Молявица, Квасовка, о которыхъ упоминаютъ указываемые г. Леонтовичемъ акты ²⁾. И вообще весь этотъ „реестръ покладанья листовъ и привилеевъ пановъ, земянъ, шляхты и бояръ повѣту Городенского“, напечатанный въ „Ревизіи пущъ и переходовъ звѣринныхъ“ съ 171 стр., относится къ повѣту Городенскому на Нѣманѣ, а не къ Городну въ бассейніи Припети, какъ думаетъ г. Леонтовичъ, и ни въ какомъ случаѣ, слѣдовательно, не доказываетъ его утвержденіи, что Городенъ Полѣсскій входилъ въ составъ Пинскаго княжества королевы Боны. Этотъ Городенъ (или Городно) принадлежалъ къ составу Луцкаго повѣта Волинской земли ³⁾.

На стр. 142 и 143 г. Леонтовичъ утверждаетъ, что вдова Свиригелла—Анна жива была еще въ 1492 году, и въ доказательство указываетъ на одну изъ ея записей, относящуюся будто бы къ 1492 г. (напечатана на 330 стр. „Ревизіи пущъ и переходовъ звѣринныхъ“). Запись эта дѣйствительно помѣчена такъ: „День 15 декабря, въ лѣто по семой тысящы, индикта 7“. Но развѣ можно было принимать эту дату безпрекословно и, основываясь на ней, опровергать утвержденіе Вольфа, что княгиня Анна умерла до 1486 года? Вѣдь въ 1492 году былъ не седьмой индиктъ, а десятый. Г. Леонтовичъ совершенно не хочетъ знать того, что называется критикою источниковъ, но предпочитаетъ, натолкнувшись на противорѣчія, обходить ихъ разными неудачными предположеніями. Такъ онъ поступилъ и въ данномъ случаѣ, встрѣтивъ грамоты короля и князи Ивана Васильевича Ярославича, относящіеся къ Городку и писанныя ранѣе

¹⁾ *Starożytna Polska* IV, 302; Акты Виленской Археографической Комиссіи I, отд. 2-е, № 1.

²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства, стр. 175, 177, 178, 179.

³⁾ *Ibidem.*, стр. 224, 225.

1492 года, когда, по его мнѣнію, княгиня Анна была еще жива. „Можно думать,—говоритъ онъ,—что Городецъ еще при жизни княгини Анны отошелъ въ распоряженіе короля; за ней остались только нѣкоторыя волости въ значеніи „хлѣбокормленья до живота“¹⁾. При жизни же княгини Анны (около 1492 г.) Городецкое княженіе было пожаловано королемъ Казиміромъ выходцу изъ Москвы князю Ивану Васильевичу Ярославича (сыну удѣльнаго князя Боровского, Василья Ярославича), получившему во владѣніе, кромѣ Городка Давидова, также Клецьк и Рогачевъ“. Напрасно г. Леонтовичъ все это написалъ. Грамоты княгини Анны напечатаны въ такомъ видѣ, что строить на ихъ хронологическихъ датахъ какія: либо предположенія, а тѣмъ болѣе возраженія—невозможно. Напримѣръ, одна изъ нихъ, напечатанная на 358-й стр. „Ревизіи“ датирована такъ: „Данъ въ Городцу. Октября 1 день, въ лѣто по шестой тысящы, индикта 10“. Неужели г. Леонтовичъ станетъ на основаніи этого доказывать, что княгиня Анна жила въ 1492 году? Предположимъ, что тутъ ошибка, что надо читать „по семой тысящы“ (тогда и индиктъ совпадаетъ); но какъ же помирить тотъ фактъ, что княгиня выдаетъ грамоту въ Городкѣ, съ тѣмъ, что говорить г. Леонтовичъ объ отобраніи у нея Городка? Г. Вольфъ неопровержимо доказалъ, что княгиня Анна уже не жила въ 1486 году, ибо отъ этого года дошелъ подтвердительный привилей короля Казимира, выданный Богдану Волчковичу²⁾ на имѣніе Привередовъ, выслуженное имъ „ни небожичиу княгини Шветригайлвоѣ“. Г. Леонтовичъ не хотѣлъ этого признать и указалъ на то, что подтвердительный привилей короля Казимира помѣченъ однимъ 4 индикта, безъ указанія года; слѣдовательно-де это могъ быть и другой годъ. Прекрасно; но какой-же годъ? Въ интересахъ г. Леонтовича указывать или 1501, или 1506-й годъ; но врядъ-ли онъ согласится продолжать настолько бытіе княгини Анны. Вольфъ, когда переводилъ 4-й индиктъ на 1486-й годъ имѣлъ свои основанія, и основанія болѣе вѣсныя, чѣмъ Даниловъ, помѣтившій грамоту княгини Анны 1393 г., когда ее и въ живыхъ не было, и издатели Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, помѣстившіе гра-

¹⁾ Опять въ кавычкахъ слова, не взятія изъ документовъ.

²⁾ Вольфъ по недосмотру вмѣсто Богдана Волчковича поставилъ ключника луцкаго Андрушка Федьковича. Имѣніе подтверждено было Богдану Волчковичу, но привилей былъ выданъ ему въ формѣ извѣщенія ключника луцкаго, въ повѣтъ котораго входилъ Привередовъ („подъ Мыньскимъ повѣтомъ“). Акты Зап. Росіи I, № 59. Литов. Метр. кн. запис. IV, л. 123.

моту подъ 1456—1472 г., ибо эта грамота вписана въ книгѣ Литовской Метрики между документами 1482—1491 г. ¹⁾). Но г. Леонтовичъ не захотѣлъ разбираться во всемъ этомъ и предпочелъ поставить въ параллель утвержденію г. Вольфа дату Даниловича, не смотря на то, что эта послѣдняя представляетъ бьющій въ глаза анахронизмъ (на той же самой страницѣ г. Леонтовичъ констатировалъ, что княгиня Анна вышла замужъ въ 1431 году).

На стр. 144 встрѣчаемъ у г. Леонтовича новую путаницу, происшедшую отъ слишкомъ бѣглого и невнимательнаго просмотра (чтенія—не могу сказать) источниковъ. „Какъ видно изъ современныхъ актовъ,—говоритъ г. Леонтовичъ,—князь Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославичъ еще при жизни (sic!) былъ устраненъ отъ управленія Городецкою волостью: во второй половинѣ 1520 года Городецъ Давидовъ находится уже въ непосредственномъ владѣніи короля Сигизмунда, распоряжавшагося Городецкою волостью чрезъ назначенныхъ имъ старостъ-намѣстниковъ. Грамоты Сигизмунда I по управленію всею Городецкою волостью доходятъ до 1523 года. Въ слѣдующемъ году „господарыней“ Городка съ тянувшими къ нему волостями становится королева Бона, послѣдняя Городецкая княгиня“. — Обращаясь къ актамъ, на которые ссылается г. Леонтовичъ въ доказательство того, что Городецъ со второй половины 1520 года былъ уже въ непосредственномъ владѣніи Сигизмунда, мы встрѣчаемъ прежде всего грамоты, относящіяся къ *повѣту Городенскому на Нѣмань*, а не къ *Городецкому княжеству* ²⁾). Это—грамоты изъ того же „реистра“, о которомъ я упомянулъ выше, и который здѣсь продолжалъ вводить въ заблужденіе г. Леонтовича. Упоминаемый въ нихъ староста панъ Станиславъ Петровичъ былъ не кто иной, какъ староста Городна на Нѣмань ³⁾). Одна изъ указываемыхъ г. Леонтовичемъ грамотъ, судя по индикту, относится къ 1521 году, а другая къ 1512 году ⁴⁾). Почтенный профессоръ не останавливался надъ такими мелочами и смѣло распространялся объ отнятіи владѣній у князя Ѳеодора Ивановича Ярославича еще при его жизни. Другія грамоты, на которыя

¹⁾ С. Л. Пташкинъ, Описаніе книгъ и документовъ Литовской Метрики, С.-Пб. 1887, стр. 81.

²⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 178, 184, 185.

³⁾ Wolff, Senatorowie i dygnitarze W. Kr. Litewskiego, str. 168; М. Лобавскаго, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 176, 176, 178.

⁴⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 178, 185.

сослался г. Леонтовичъ, дѣйствительно относится къ Городецкому княжеству и указываютъ на непосредственное владѣніе имъ короля Сигизмунда. но самыя раннія изъ нихъ—1522 года: одна помѣчена „іюля 15-ый день, индиктъ 10^а, а другая—„мая 16-й день, индиктъ 10^а“¹⁾. Изъ этого видно, что князь Федоръ Ивановичъ Ярославичъ не имѣлъ несчастья при жизни лишиться своихъ владѣній, какъ не имѣла этого несчастья и вдова Свидригелла.

Королева Бона, по мнѣнію г. Леонтовича, не сразу вступила во владѣніе Городецкимъ княжествомъ. „Изъ сопоставленія датъ послѣднихъ (по времени) грамотъ Сигизмунда I по управленію Городецкою полостью и первыхъ грамотъ королевы Боны выходить, что въ промежутокъ времени отъ 1524 до 1528 года (включительно) Городекъ съ волостями управлялся одновременно Сигизмундомъ I и королевой Боной. Первому принадлежать отъ этого времени двѣ грамоты: 1525 и 1528 года (Ревизія, 171 и 173; быть можетъ сюда относится также грамота на стр. 350). Тому же времени принадлежать пять грамотъ королевы Боны (ibid., 337, 339, 345, 356). Обстоятельство это мы объясняемъ въ такомъ смыслѣ, что первоначально королева Бона получила въ управленіе Городецкое княжество въ неполномъ составѣ,—часть полостей оставалась въ непосредственномъ распоряженіи Сигизмунда I. Съ 1529 года Бона стала владѣть Городецкимъ княжествомъ въ полномъ его составѣ“²⁾.—Нѣтъ, не съ 1529 года королева Бона стала владѣть Городецкимъ княжествомъ въ полномъ составѣ, а съ 1522 или 1523 года, какъ только получила Городекъ отъ мужа. Грамоты, упоминаемыя г. Леонтовичемъ, относятся опять-таки не къ Городецкому княжеству, а къ *Городенскому повѣту*, при чемъ одна изъ нихъ (напечатанная на стр. 173 „Ревизіи“) выдана не Сигизмундомъ, а королемъ Казимиромъ, а слѣдовательно и не въ 1528 году. Грамота же 1528 года относится даже и не къ Городенскому повѣту, а къ Ожскому, который въ 1528 году еще не входилъ въ составъ Городенскаго повѣта, а былъ особою державою въ повѣтѣ Троцкомъ³⁾. Грамота Сигизмунда, напечатанная на 350, 351 стр. „Ревизіи“ дѣйствительно относится къ Городецкому княжеству, но выдана она 16-го мая 1522 года, а слѣдовательно не подтверждаетъ предполо-

¹⁾ Ibidem, стр. 339, 350.

²⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 144, прим. 4.

³⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 155, 156.

женіе г. Леонтовича, что будто бы Сигизмундъ и Бона совместно правили въ Городкѣ.

Съ такимъ же вниманіемъ, какъ источники, читаль иногда г. Леонтовичъ и чужіе труды. На стр. 175 онъ говоритъ между прочимъ: „Такимъ образомъ, города Мценскъ и *Любутскъ*, принадлежавшіе въ старое время къ княжеству Карачевскому, уже въ первой половинѣ XV столѣтія управлялись великокняжескими намістниками“. Въ доказательство онъ ссылается на мою книгу, стр. 51—52. Но развѣ я говорилъ тамъ, что Любутскъ принадлежалъ къ Карачевскому удѣлу? Напротивъ, на стр. 52, я высказалъ предположеніе, что Любутскъ принадлежалъ прежде къ рязанскимъ владѣніямъ и былъ отторгнутъ отъ нихъ либо Ольгердомъ, либо Витовтомъ во время борьбы съ Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ.

На стр. 197, говоря о судьбѣ Любеча, г. Леонтовичъ утверждаетъ, что Любечъ по смерти князя Василя Михайловича Верейскаго перешелъ къ дочери его, бывшей замужемъ за Гаштольдомъ; за послѣднимъ Любечъ признанъ былъ сначала въ качествѣ простаго „держанія“, а въ 1516 г. пожалованъ на вѣчность. Но въ моей книгѣ, которою пользовался почтенный профессоръ, прямо сказано, что Любечъ въ 1503—1508 гг. принадлежалъ Москвѣ, а по возвращеніи отъ Москвы былъ отданъ *въ держанье* пану Юрью Михайловичу Моптовтовичу, а въ 1516 году на вѣчность пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду „подлѣ данины цтю его“¹⁾.

На стр. 244, въ прим. 1, г. Леонтовичъ выводитъ князей Велицкихъ изъ какой-то Велички (это не подъ Краковомъ ли?). У г. Бонецкаго г. Леонтовичъ могъ бы найти болѣе правильное названіе родового гнѣзда этихъ князей—Велицкъ(о), а не Величка²⁾.

Историко-географическія сообщенія г. Леонтовича подчасъ удивляютъ своею оригинальностью. Такъ рѣзко разнятся они отъ того, что можно найти въ книгахъ которыми онъ пользовался.

На стр. 249 онъ сообщаетъ, что королева Бона, жививъ у князя Василя Михайловича Сангушковича (съ его согласіемъ) Ковель, дала ему взамѣнъ „принадлежавшія ей владѣнія въ *Минскомъ повѣтѣ*—Смоляны, Обольце и Горволя“. Смоляны или Смолянны, равно Обольцы, никогда не находились въ Минскомъ повѣтѣ. До областного разгра-

¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 244.

²⁾ *Poczet rodów*, str. 366.

наченія 1564—1566 гг. Оболицы были, по всѣмъ даннымъ, въ Виленскомъ повѣтѣ, а Смолняны въ Рошскомъ повѣтѣ Витебской земли; со времени же новаго областного разграниченія и Оболицы вошли въ составъ этого послѣдняго ¹⁾. Что касается Горволя, то это была одна изъ Подиѣирскихъ волостей, тянувшихъ къ Трокамъ ²⁾; со времени же областного разграниченія 1564—1566 гг. Горволь входила въ составъ Рѣвnickаго повѣта Минскаго воеводства ³⁾.

На стр. 257 и 259 читаемъ у г. Леонтовича: „Въ половинѣ XV столѣтія (около 1459 г.) къ владѣніямъ князей Чарторыйскихъ присоединяется по пожалованію Казимира обширная волость (къ востоку отъ Луцка) Клеванъ (на р. Стубель, притокъ Горыни) съ цѣлымъ рядомъ пригородовъ и другихъ поселеній (Пересопница, Жуковъ, Житанъ, Бубновъ и др.)“⁴⁾. Въ своей книгѣ я привелъ данныя источника, указывающія, на то, что Жуковъ въ началѣ XVI вѣка не принадлежалъ князьямъ Чарторыйскимъ (въ 1516 г. онъ пожалованъ былъ пану Богушу Боговининовичу) ⁵⁾. Что касается Клевани, то часть Клеваницы была пожалована князю Михаилу Чарторыйскому еще Свидригелломъ въ 1446 году ⁶⁾. Пожалованіе Казимира было ни чѣмъ инымъ, какъ только подтвержденіемъ дарственной записи Свидригелла на часть Клеваницы, а не на всю Клеванъ, ибо еще въ началѣ XVI вѣка король Александръ раздавалъ имѣнія въ Клеванской волости разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и князьямъ Чарторыйскимъ ⁷⁾.

На стр. 258 г. Леонтовичъ сообщаетъ, что въ 1446 году князю Михаилу Чарторыйскому пожалована была въ Подляхн часть Клещеля (правильнѣе было бы сказать: Клещелязей) съ волостью. Мы не знаемъ, откуда взялъ онъ это извѣстіе, потому что ни у Вольфа, ни въ *Starożytna Polska*, на которыхъ онъ ссылается, объ этомъ ничего не говорится. Очевидно, почтенный профессоръ мелькомъ взглянувъ на 99 страницу труда г. Вольфа и попавъ глазами на „część

¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 124, 125, 251, 252.

²⁾ Ibidem, стр. 166.

³⁾ *Starożytna Polska* IV, 694. Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ VII, л. 203.

⁴⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 216, 217.

⁵⁾ *Wolffa*, *Ród Gedimina*, стр. 99.

⁶⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 217.

Klęwańszczyznę“, прочиталъ эти слова неправильно. Благодаря этому мы имѣемъ новую многочисленную подробность о князьяхъ Чарторыйскихъ. Замѣчательно, что онъ ссылается при этомъ, кромѣ Вольфа, еще на 422 страницу *Starożytna Polska*. Но тамъ напечатанъ привилей, выданный королемъ Сигизмундомъ въ 1523 году мѣстечку Клещелязиямъ, въ которомъ читаемъ: „што есмо перво сего розказали воеводѣ Виленьскому канцлеру нашему. небожнику пану Миколаю Миколаевичу мѣсто на насъ садити у Клещелезѣхъ на земли Бѣльскаго повѣта“ и т. д. Очевидно, г. профессоръ отыскалъ только страницу, гдѣ въ *Starożytna Polska* находятся сообщенія о Клещелязияхъ и не прочиталъ самихъ сообщеній.

„Послѣ возвращенія изъ Москвы, — говоритъ г. Леонтовичъ. — князь Александръ Васильевичъ Чарторыйскій получилъ привилей на обширную область (sic!) въ Бѣлоруссiи (въ Минской землѣ)—Логойскъ, Осташинъ, Споровъ и Каменецъ (Литовскій)“. Но развѣ Осташинъ и Споровъ находились въ Минской землѣ? Вѣдь эти волости составляли часть Новгородскаго повѣта, о чемъ г. Леонтовичъ могъ бы узнать изъ документальныхъ указаній моей книги ¹⁾.

На стр. 317, въ примѣчаніи, г. Леонтовичъ доказываетъ, что слово „повѣтъ“ не заимствовано Литовскою Русью у Польши, такъ какъ употреблялось и до 1387 года: „Отъ 1383 года ²⁾ сохранилась жалованная грамота Витовта Василю Карачевскому о предоставленіи ему права „садити село Княжую Луку на сиромъ корени, у Подольской землѣ, у Каменецкомъ повѣтѣ“.—Но развѣ можетъ быть такая грамота Витовта отъ 1383 г.? Вѣдь Витовтъ, по собственному признанію г. Леонтовича, взялъ себѣ Подольскую землю только въ 1393 году, а до этого времени въ ней распоряжались на полныхъ правахъ удѣльныхъ князей Коріатовичи ³⁾. Правда грамота эта, писанная отъ имени великаго князя Витовта, датирована „лѣта отъ Рождества Христова тысячного трисотного осмьдесятаго третего“. Но это, очевидно, ошибка списка грамоты, въ подлинномъ видѣ, повидимому, не дошедшей ⁴⁾.

На стр. 351, въ прим. 1, читаемъ у г. Леонтовича: „Въ 1449 году король Владиславъ далъ въ доживотье пану Бучацкому замки: Ка-

¹⁾ Ibidem, стр. 114, 128, 129.

²⁾ Курсивъ г. Леонтовича.

³⁾ Очерки исторiи литовско-русскаго права, стр. 370, 371.

⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 6.

рауль на Днѣстрѣ. Чорный городъ при его устьи и Качибей". Мы сочли бы приведенную здѣсь хронологическую дату за простую неусмотрѣнную опечатку, если бы ранѣе не встрѣчали примѣровъ, какъ вольно обходится съ хронологіею г. Леонтовичъ. Спрашивается: какой же Владиславъ пожаловалъ Бучацкому замки, Владиславъ II или Владиславъ III, не жившіе уже въ 1449 году, или Владиславъ IV, родившійся въ 1595 году?

Оставляемъ въ сторонѣ другіе промахи г. Леонтовича, такъ какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы судить о томъ, съ какою тщательностью, съ какимъ вниманіемъ и критикою матеріала составлялась его книга, и какъ осторожно нужно ею пользоваться. Не можемъ обойти молчаніемъ извращенія множества географическихъ и личныхъ именъ, отчасти перешедшаго въ книгу г. Леонтовича изъ польскихъ сочиненій, отчасти произведеннаго самимъ г. Леонтовичемъ. Онъ вездѣ говоритъ о Радзивилахъ, тогда какъ для того времени правильнѣе было бы называть ихъ Радивилами или Радивилевичами. Но это еще небольшая вина. Но нельзя называть волость Демену Демяпомъ, рѣку Высу — Васою, волость Алоповъ или Олоповъ — Оленовымъ (стр. 120, прим. 2); нельзя князей Путлячей называть Пуцятами, князей Коркодяновъ или Коркодяновичей — Коркордианами, князей Жижемскихъ — Зиземскими (стр. 121, прим. 1), городъ Остеръ Кіевской земли — Островомъ (стр. 196) и т. д., и т. д. Г. Леонтовичъ до такой степени проникся польскимъ слоупотребленіемъ, что толкуетъ вездѣ о „коронныхъ“ владѣніяхъ великихъ князей Литовскихъ и даже объ ихъ „крулевщинахъ“ (стр. 51, прим. 4), тогда какъ въ актахъ есть собственное русское названіе для такихъ имѣній — „господарскія“. Но въ томъ-то и бѣда, что акты, документы не оживляли представленій г. Леонтовича о литовско-русской старинѣ, не читали и его рѣчи. Онъ ссылается на нихъ большею частью по чужимъ указаніямъ, не читая ихъ или же только бѣгло просматривая.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разбору книги г. Леонтовича, считаю долгомъ поблагодарить его за указаніе на промахи въ моей книгѣ по поводу князя Юрія II и его жены. Еггге hupapish.... Не думаю только, что моя книга много потеряла отъ этихъ промаховъ: князь Юрій II и его жена въ этой книгѣ побочная подробность... Г. Леонтовича я долженъ поблагодарить за то, что онъ далъ мнѣ случай исправить, хотя и поздно, — но лучше, чѣмъ никогда, — досадный недосмотръ относительно королевы Ядвиги. Признаю за

тѣмъ, что г. Леонтовичъ болѣе правильно, чѣмъ я, установилъ дату смерти Мстиславскаго князя Ивана Юрьевича. отнеся ея согласно съ Вольфомъ къ 1489, а не къ 1495 году ¹⁾. На стр. 322 книги г. Леонтовича со словъ Вольфа даны свѣдѣнія, которыя восполняютъ одинъ пропускъ въ моей книгѣ, именно, что съ 1392 по 1396 годъ Кременецкимъ удѣломъ владѣлъ Скиргелло въ силу пожалованья Ягелло и Витовта ²⁾. Примѣчаніе 4 на стр. 329 книги г. Леонтовича обнаружило крупный пропускъ, допущенный въ моей книгѣ и отразившійся на ея картѣ; я упустилъ изъ виду, что „Ратно и Любомль то было великаго князства и взято (Польшей) за короля Казимира“. По сравненію съ моей книгой книга г. Леонтовича вообще даетъ гораздо болѣе свѣдѣній о князьяхъ и ихъ владѣніяхъ, и при всей своей неудовлетворительности въ смыслѣ очерка права, при всей своей несамостоятельности, она могла бы быть научною полезностью въ качествѣ справочной книги о князьяхъ и ихъ владѣніяхъ. Къ сожалѣнію поспѣшность и невнимательность, съ какими почтенный авторъ трактовалъ свой предметъ, въ значительной степени лишили его книгу и этого значенія. Мы сочили бы свою цѣль достигнутою, если бы своими замѣтками намъ удалось хотя бы отчасти возстановить это значеніе книги г. Леонтовича, уничтоживъ для будущихъ ея читателей необходимость считаться со всѣми сообщеніями и домыслами, основанными на простомъ недоразумѣніи или же на упущеніи новыхъ данныхъ. Въ одномъ отношеніи только не можемъ помочь читателю: благодаря особому способу изложенія и особой системѣ цитатъ, г. Леонтовичъ совершенно закрывалъ отъ его глазъ фундаментъ, на которомъ воздвигалъ свою ученую постройку, и тѣмъ заставлялъ его чаще, чѣмъ было бы нужно, обращаться къ сочиненіямъ, которыми пользовался.

Отъ фактической стороны дѣла перейдемъ къ разнымъ разсужденіямъ г. Леонтовича. Почтенный профессоръ въ общемъ совершенно правильно объясняетъ образованіе Литовско-Русскаго государства, и мы прочли страницы его книги, посвященныя этому вопросу, съ истиннымъ удовольствіемъ. Не завоеваніе, не насиліе были главнымъ факторомъ образованія Литовскаго государства, а „пріязнь“, въ которую входили литовскіе князья съ населеніемъ разныхъ русскихъ земель и

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 115; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 14.

²⁾ Срав. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 40.

княжества, тяготѣвшихъ къ Литвѣ по инстинкту самосохраненія видѣвшихъ въ ней избавителей отъ татаръ. Жаль только, что г. Леонтовичъ пналъ при этомъ въ нѣкоторую утрировку и не хотѣлъ допустить, чтобы и сила оружія что-нибудь тутъ да значила ¹⁾). Въ человеческихъ дѣлахъ ничто не совершается просто и гладко, такъ сказать, прямолинейно. Помимо „пріязни“ съ русскимъ населеніемъ литовскіе князья дѣйствовали иногда и силою оружія, и нѣкоторыя русскія княжества и владѣнія, какъ, напримѣръ, Подиѣпрскія волости. Мстиславль, Торонецъ, Ржева, Любутскъ и т. д. завоеваны были Литвою ²⁾). Это тѣмъ легче могло произойти, что политически нѣкоторыя части западной Руси слишкомъ разбились, слишкомъ измельчали, а Литва съ теченіемъ времени усилилась и своими и русскими колонистами и присоединеніемъ западно-русскихъ земель. Что западная Русь была объектомъ не только политики, но и добычи литовскихъ князей, на это какъ нельзя лучше указываетъ договоръ Ольгерда съ Кейстутомъ *дѣлать пополамъ* все, что ни придобудуть.

На стр. 34, въ прим. 2 г. Леонтовичъ слишкомъ односторонне объясняетъ причину паденія удѣльной системы въ Литовско-Русскомъ государствѣ. „Удѣльная система,—по его словамъ,—пала въ Литовской Руси не въ силу ясно созданнаго принципа государственнаго единодержавія, не подъ вліяніемъ объединительной политики литовскихъ государей, но подъ давленіемъ сословныхъ интересовъ. Удѣлы князей шли въ разрѣзъ съ стремленіемъ магнатовъ превратить государство въ сплошную сѣть староствъ и державствъ, сперва пожизненныхъ владѣній пановъ, а затѣмъ ихъ наслѣдственныхъ вотчинъ, немногимъ отличавшихся отъ старыхъ княжескихъ удѣловъ“.—Справедливо, что уничтоженіе удѣловъ было въ интересахъ литовскихъ магнатовъ, которые могли связывать съ нимъ надежды на полученіе новыхъ „держаній“ и даже пмѣній; и мы знаемъ примѣры участія магнатовъ въ уничтоженіи удѣловъ. Но развѣ самъ государь не имѣлъ въ томъ же свой собственный интересъ, и даже болѣе настоятельный, чѣмъ интересы пановъ? Видѣь большая часть доходовъ съ волостей, которыя онъ раздавалъ своимъ панамъ въ держаніе, шла въ XV и первой половинѣ XVI вѣка еще въ его пользу, не говоря уже о разныхъ политическихъ выгодахъ и удобствахъ единодержавія. Г. Ле-

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 20—30.

²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 12—15, 83, 34 и др.

онтовичъ, называя староства и державства въ эпоху паденія удѣльной системы „пожизненными владѣніями“, допускаетъ вопіющій анахронизмъ, тѣмъ болѣе странный, что акты XV и XVI столѣтія ему небезызвѣстны по прежнимъ его работамъ, а въ этихъ актахъ онъ могъ бы найти бездну указаній на дѣйствительное значеніе староствъ и державствъ за это время. Въ эпоху паденія удѣльной системы староства и державства въ Литовско-Русскомъ государствѣ были еще древне-русскими намѣстничествами и тивунствами, дававшимися на неопредѣленное время, иногда пожизненно, иногда по годамъ, но характера „владѣній“ еще не носили. Доходы съ нихъ большею частью шли на господаря ¹⁾).

Говоря о княжествахъ, г. Леонтовичъ сообщаетъ, что такое-то княжество было удѣльнымъ и удержало этотъ характеръ до такого-то времени, другое утратило или приобрѣло его. Эти сообщенія сплошь и рядомъ являются произвольными догадками, ни на чемъ не основанными. Выше былъ приведенъ примѣръ относительно мнимыхъ князей Биржанскихъ-Радзивиловъ. На стр. 76 г. Леонтовичъ говоритъ: „Старое удѣльное значеніе Крошина восстанавливается въ 1499 году, когда этотъ господарскій дворъ былъ пожалованъ великимъ княземъ Александромъ кievскому воеводѣ князю Дмитрію Путятичу“. По откуда же видно, что старое удѣльное значеніе Крошина восстановилось? Въ книгѣ Бонецкаго, на которую сослался г. Леонтовичъ, сказано только, что Крошинъ былъ пожалованъ князю Дмитрію Путятичу, и ничего болѣе. Но, быть можетъ, онъ пожалованъ былъ, какъ простое имѣніе, съ обязанностию нести съ него земскую службу наравнѣ съ мѣстными боярами? Вѣдь высказываетъ же подобное мнѣніе г. Леонтовичъ о князьяхъ Гедройскихъ (стр. 44). Упомянувъ объ отобраніи Витовтомъ у князей Гедройскихъ удѣла, онъ говоритъ: „За Гедройскими князьями остались только волости, составлявшія раньше удѣлы *Golgtis* и *Kulwa*, но безъ старыхъ владѣтельныхъ правъ. Часть отобранныхъ владѣній возвращена Гедройскимъ великимъ княземъ Сигизмундомъ Кейстutowичемъ (около 1440 года) въ значеніи жалованныхъ вотчинъ (то-есть, подъ условіемъ земской службы, лежавшей на мѣстной шляхтѣ)“. На чемъ опять основаны всѣ эти сообщенія, совершенно неизвѣстно. На стр. 75 читаемъ у г. Леонтовича: „на старомъ удѣльномъ положеніи князя Свирскіе

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ третьемъ очеркѣ книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“.

упоминаются еще въ XVI столѣтіи⁴. Но ниже, на стр. 50, г. Леонтовичъ уже говоритъ: „Княжества: Лошское, Биржанское, *Свирское* и Трабское, а также удѣлы князей Довговдовичей и другихъ мелкихъ удѣльныхъ владѣльцевъ утрачиваютъ удѣльный характеръ къ концу XV столѣтія⁵. Говоря о выслугахъ и купляхъ князей Збаражскихъ и Вишневцевскихъ въ XVI и XVII вѣкахъ, г. Леонтовичъ сообщаетъ: „Но не эти выслуги и купленыны принадлежали князьямъ Вишневцевскимъ и Збаражскимъ на простомъ вотчинномъ правѣ, безъ стараго удѣльнаго значенія (стр. 330, 331)⁶. Но выше, на стр. 199, о тѣхъ же князьяхъ Вишневцевскихъ онъ говоритъ: „Въ XVI и XVII столѣтіяхъ самыми крупными магнатами-владѣльцами въ Кіевщинѣ являются Волинскіе князья — *Ружинскіе* и особенно *Вишневцевскіе*. Своими обширными помѣстьями они владѣли чуть ли не на такомъ же обособленномъ положеніи, какъ и старыя удѣльные князья, именно нѣ всякой административной зависимости отъ государственныхъ наместниковъ старость⁷. По временамъ г. Леонтовичъ совершенно забываетъ о различіи между удѣльными и служебными князьями и называетъ послѣднихъ удѣльными, какъ это мы видѣли на примѣрѣ мишскихъ князей.

Г. Леонтовичъ пытается не разъ характеризовать удѣльныхъ литовско-русскихъ князей и отрицательными, и положительными признаками. Но эти характеристики мало ему удаются и совсѣмъ не отличаются тою строгостью, точностью и опредѣленностью, какихъ мы вправѣ ожидать отъ историка-юриста. Такъ, удѣльныхъ князей онъ отличаетъ отъ служилыхъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что послѣдніе владѣли своими имѣніями на простомъ вотчинномъ правѣ, то-есть, служили съ нимъ земскую службу наравнѣ съ мѣстными боярами¹). Но развѣ удѣльные князья не обязаны были нести земскую службу, то-есть, являться на войну съ своими боярами и слугами? При королѣ Сигизмундѣ удѣльные князья совершенно сравнены были въ отношеніи отбыванія военной службы съ другими землепладѣльцами, въ томъ числѣ и боярами, то-есть обязаны были выѣзжать съ извѣстнымъ „почтомъ“ сообразно количеству имѣющихся въ ихъ владѣніяхъ крестьянскихъ службъ²). Но, быть можетъ, въ XV вѣкѣ они служили иначе, чѣмъ простые бояре? Быть можетъ;

¹) Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 44.

²) Сравни. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 549, 550, 843—855, ХCV.

но въ такомъ случаѣ надо эту разницу показать документально или хотя бы предположительно, а не отдѣливаться общеою фразою, не поселяющею въ умѣ читателя никакого представленія.

На стр. 46, говоря о князьяхъ Гольшанскихъ, г. Леонтовичъ указываетъ на то, что первый князь изъ этого рода по своимъ владѣтельнымъ правамъ ничѣмъ не отличается отъ удѣльныхъ князей Гедиминовичей. „Нравитъ съ послѣдними,—говоритъ г. Леонтовичъ, онъ участвуетъ въ дипломатическихъ договорахъ великихъ князей съ нѣмцами, скрѣпляетъ ихъ своею подписью; подобно всѣмъ литовскимъ князьямъ, онъ даетъ присягу вѣрности (*homagium*) королю Владиславу-Ягеллѣ, обязуется „не отлучаться отъ короны польской со всѣми нѣмцами, съ города, съ мѣсты и съ земли“, даетъ въ качествѣ удѣльнаго князя жалованныя грамоты на земли монастырямъ (Кіево-Печерской Лаврѣ); послѣ Скиргайлы ему ввѣряется управленіе Кіенскимъ удѣломъ чуть ли не на правахъ удѣльнаго князя; наконецъ, онъ роднится съ Ягеллонами; его дочь выходитъ замужъ за Витовта“. Здѣсь наговорено много такого, что повсе не свидѣтельствуешь о какихъ-либо „владѣтельныхъ правахъ“, а о фактическомъ положеніи князя Ивана Ольгимунтовича. Князь Иванъ Ольгимунтовичъ участвовалъ въ переговорахъ съ нѣмцами не въ силу своихъ владѣтельныхъ правъ, а въ качествѣ члена великокняжеской рады, бывшаго въ данное время при великомъ князѣ, подобно тому, какъ участвовалъ въ нихъ Кимунтъ Гинвилъ, намѣстникъ Троицкій¹⁾. Еслибы это участіе обуславливалось его значеніемъ, какъ владѣтельнаго удѣльнаго князя, то почему же не участвовало въ этихъ переговорахъ множество другихъ удѣльныхъ князей? Жалованныя грамоты Кіево-Печерскому монастырю также ничѣмъ не выдѣляютъ его изъ ряда другихъ князей и владѣльцевъ. Жаловать въ монастыри могли всѣ землевладѣльцы, имѣвшіе право свободного распоряженія своими недвижимыми имуществами, князья, паны, бояре и мѣщане. Если г. Леонтовичъ хотѣлъ найти здѣсь доказательство, онъ долженъ былъ бы показать, чѣмъ могли жаловать удѣльные князья и чѣмъ не могли жаловать другіе землевладѣльцы²⁾. Что касается намѣстничества въ Кіевѣ „чуть ли не правахъ удѣльнаго князя“ и родства съ Витовтомъ, котораго г. Леонтовичъ почему-то считаетъ

¹⁾ *Scarbies dyplomatów*, № 695. Сравни. Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 198.

²⁾ Сравни. также Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 45, прим. 1.

Яснѣе, то я думаю, и самъ г. Леонтовичъ согласится, что это не доказательства владѣтельныхъ *правъ* удѣльнаго князя „Положеніе преемниковъ Ивана Ольгимунтовича.—продолжаетъ г. Леонтовичъ,—не измѣняется. Еще въ концѣ XV столѣтія они титулуются въ издаваемыхъ имъ актахъ князьями „Божіею милостію“, вполнѣ самостоятельно распоряжаются своимъ удѣломъ, имѣютъ своихъ бояръ—думцевъ“ и т. д.—Но мы видѣли, что Радзивилы, получивъ княжескій титулъ отъ императора Карла V, стали величаться князьями „Божіею милостію“. Съ другой стороны, нѣкоторые князья, которыхъ г. Леонтовичъ, признаетъ удѣльными, напримѣръ, Ѳеодоръ Ивановичъ Ирославича, въ своихъ грамотахъ не титулуютъ себя „Божіею милостію“ ¹⁾. Да и вообще это такой неуловимый признакъ, по которому нельзя различать особия *владѣтельныя права* удѣльнаго князя. Иное дѣло—утвержденіе, что удѣльные князья вполнѣ самостоятельно распоряжались своимъ удѣломъ. Но это утвержденіе въ такой общей формѣ врядъ ли годится для характеристики удѣльнаго князя. Мы имѣемъ факты вишатательства центрального правительства по внутреннія дѣла такихъ княжествъ, которыя г. Леонтовичъ считаетъ удѣльными, напримѣръ, Пинскаго, Слуцкаго и Мстиславскаго ²⁾. Что касается „бояръ-думцевъ“, то въ актахъ, на которые ссылается г. Леонтовичъ, о такихъ боярахъ князей Гольшанскихъ нѣтъ свѣдѣній. Въ вѣнковой записи князя Семена Юрьевича, которую онъ выдалъ жентѣ своей въ бытность на *Волини* старостою Луцкимъ, *свидѣтелями* совершенія акта (въ Ровномъ) поименованы: владыка Луцкій, архимандритъ Жидичинскій, городничій луцкій, нѣкоторые князья и паны волинскіе, „а бояръ нашихъ: пан Бут, а пан Тохриц, а пан Еря, а пан Вщовскій, а пан Федко Пашковичъ“ ³⁾. Но эти бояре вовсе не думцы, при участіи которыхъ князь Гольшанскій правилъ въ Гольшанахъ, а слуги, которыхъ мѣстные пра-

¹⁾ См. Грамоты кн. Ѳеодора Ивановича въ Актахъ Зап. Россіи и особенно въ Ревизіи пущъ и переходовъ звѣринныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ.

²⁾ Акты Зап. Россіи, № 191; Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 304; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 614—616. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Леонтовичъ самъ признаетъ это вишатательство (стр. 130, прим. 1).

³⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXXV. Здѣсь грамота по ошибкѣ напечатана подъ 1483, а не 1499 г. Сравни. *Wolffa, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego*, стр. 22.

вители брали съ собою, когда ѣхали намѣстничать, и которые занимали при нихъ разные мелкія второстепенныя должности, выполняли ихъ разнообразныя порученія ¹⁾). Такихъ бояръ въ XV вѣкѣ имѣлъ уже почти каждый болѣе или менѣе крупный владѣлецъ, даже не носившій княжескаго титула. Въ виду всего этого для насъ остается недоказаннымъ, что положеніе преемниковъ князя Ивана Ольгимунтовича до конца XV вѣка осталось неизмѣннымъ, какъ неясно и то, что будто бы въ началѣ XVI вѣка они утратили значеніе удѣльных князей, что утверждаетъ г. Леонтовичъ (и опять неизвѣстно, на какомъ основаніи).

На стр. 65, говоря о князьяхъ Кобринскихъ, г. Леонтовичъ повторяетъ тѣ же доводы относительно удѣльнаго ихъ значенія, съ тѣмъ различіемъ, что уже документально доказываетъ существованіе при нихъ бояръ-думцевъ. Но недостаточно было констатировать существованіе боярской рады; нужно было выяснить при этомъ и то, какую особенность создавало существованіе этой рады въ положеніи удѣльнаго князя и въ отношеніяхъ его къ великому по сравненію съ тѣми князьями, при которыхъ не было такой рады.

Нѣсколько чертъ удѣльнаго князя намѣчено и на стр. 129. „Владѣтели Пинскаго удѣла,—говоритъ г. Леонтовичъ,—имѣли значеніе такихъ же „господарей“, какъ и другіе литовскіе удѣльные князья. Въ пинскихъ привилеяхъ, изданныхъ княгинею Маріею съ дѣтьми, она постоянно титулуется „Божьею милостью“, управляетъ волостями чрезъ намѣстниковъ и другихъ урядниковъ и издаетъ привилеи и листы, главнымъ образомъ, на пожалованіе имѣній и земель своимъ служилымъ людямъ. Кромѣ того есть привилей на покунку слугой дворища у мѣщанина и на льготы отъ мѣстныхъ службъ и повинностей. Всѣ привилеи и листы пинской княгини носятъ совершенно самостоятельный характеръ; не видно, что бы требовалось утвержденіе ихъ великимъ княземъ“. Напрасно г. Леонтовичъ придалъ особенное значеніе названію „господарь“: въ той грамотѣ, на которую онъ сослался, слово это является въ общемъ смыслѣ „владѣльца“ ²⁾). Въ такомъ значеніи оно постоянно встрѣчается въ актахъ. Такъ, въ 1500 году 23-го декабря Александръ пожаловалъ мыщарю Шлякгеру нивы, сѣнжати и лѣсъ „въ Ковеньскомъ повѣтѣ, въ мѣсть-

¹⁾ Подробнѣе см. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 663—667.

²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 190.

скомъ фридѣ“, „которіи жъ нивы и сѣножати и лѣсъ мящаме Ковеньскіи, юсподарм тыхъ нивъ и сѣножатей и лѣсу, заставили были пану Станьку Судипоевичу пѣ пенязѣхъ“ ¹⁾ и т. д. Въ судномъ листѣ короля Александра по дѣлу королевы Елены съ паномъ Юрьемъ Ильиничемъ „озабранѣ земель и пущи двора Контягинского“ читаемъ между прочимъ: „многихъ юсподарей девяти волостей люди свѣтчили передъ ними (судьями, разбиравшими дѣло на мѣстѣ) въ одно слово, што жъ тая земля звѣчная пуща двора Контягинского“ ²⁾.—Что касается намѣстниковъ, то они встрѣчаются и въ крупныхъ панскихъ имѣньяхъ, не составляя особеннсти удѣловъ ³⁾. Встрѣчаемъ и другихъ урядниковъ у пановъ, напримѣръ—подскарбія, ключника, писаря, дьяка, маршалка, городничаго и т. д. Въ записяхъ времени княженья Александра читаемъ между прочимъ: „Господарь его милость великій князь казалъ на память записати, што воеводина Троцкая, пани Мартиновая Кгаштовича, дала служебнику пана Юрьеву Илинича Шимку Иванковтовича сто конѣ грошей черезъ подскарбею своего Ивашка Осташковича по матцѣ Божьей перво у полторы недѣли. У Вильни, августъ 27, индиктъ 14 (1496 г.)“ ⁴⁾. Въ записи допроса, производившагося въ Вильнѣ въ 1498 году, читаемъ между прочимъ: „Р'атомскій свѣтчиль тымъ обычасмъ: Коли панъ Петръ прѣхалъ до Станкова и съ панею своею до дѣлу своего, и я тогды намѣстникомъ былъ отъ пана старосты. И пани его позвала мене и пытала мене, есть ли полотна. И я исповѣдиль полотна въ той клѣтѣ, въ которой скарбъ былъ; и велѣла мнѣ ключника познати и клѣтъ отомкнути. И я велѣлъ клѣтъ отомкнути“ ⁵⁾“ и т. д. Въ подтвердительномъ листѣ короля Александра выданномъ городничему Городенскому пану Оедьку Гавриловичу Мелешковича между прочимъ написано: „Такежъ повѣдиль передъ нами што жъ дьякъ его Микятка купилъ огородцы пѣ мѣстѣ Городенскомъ... и тыхъ дей всихъ огородовъ, купилъ свое, ему, пану своему, ся поступилъ“ ⁶⁾. Въ тестаментѣ пана Петра Станиславвича, старосты Жомонтскаго, записан-

¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 110.

²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 197, 198. См. также Акты Зап. Рос. I, № 208; II, № 70.

³⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 115, 249, 282, 357, 633, 649, 815, 816.

⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 275.

⁵⁾ Ibidem, л. 273.

⁶⁾ Ibidem, л. 245, 246.

номъ въ книгу Метрики подъ 1534 г. мая 3, читаемъ: „И пры нихъ (эзекуторахъ тестаментъ) уставямъ служебниковъ моихъ для всихъ потребныхъ послугъ дѣтемъ моимъ: *маршалка* моего Александра Тарновскаго а *намѣстника* Освейскаго Богдана Ивановича, а *намѣстника* Видуклевскаго Богдана Костянтинова, а *писарей* нашихъ Крыштофа Коморовскаго а Щастиваго Абрамовича“¹⁾. Въ Литовской Метрицѣ можно найти также и грамоты, которыя выдавали паны своимъ боярамъ, мѣщанамъ и слугамъ, и которыя носятъ такой же „самостоятельный характеръ“, какой г. Леонтовичъ признаетъ только за грамотами удѣльныхъ князей. Вотъ одна изъ такихъ грамотъ (приводимъ ее цѣликомъ): „Отъ Олбрахта Мартиновича Кгаштолта, воеводы Виленскаго, канцлера господаря короля его милости, намѣстнику нашему Воложинскому Добрынскому и инымъ намѣстникамъ нашимъ, кто и напотомъ будетъ тотъ дноръ нашъ Воложинъ отъ насъ держати. Билъ намъ чолснъ *юродничій нашъ Кьереноинскій* Васька Игнатовичъ, абымо ему дали три земли пустовскихъ, на имя Сивичкихъ, которыми даровалъ насъ панъ Ялѣ Юревичъ Пемировича. Ино мы, бачучи его вѣрную и тежъ пилую къ намъ службу и тежъ на его чоломбѣ, то вчинили, тыи три земли Сивичкихъ, на имя Олхивовщину, Мѣховщину и Головизневщину, ему самому и его жонѣ, а ихъ дѣтемъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ дали на вѣчность. А онъ намъ маєтъ съ тыхъ земель службу служити конне а збройне, какъ на войну слушати. И ты бы въ тыи три земли пустовскихъ увязалъ копечно. И на то есмо дали ему сеє нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ нъ Родошковицохъ подъ лѣты Божего Нарожения 1526, мѣсеца юня, 23-й день“²⁾. По формѣ эта грамота—точное подобіе тѣхъ, которыя выдавалъ самъ господарь великій князь. Ни въ какомъ подтвержденіи господаря она не нуждалась, такъ какъ опредѣляла фактъ, исключительно внутренній для панскаго имѣнья. Другое дѣло, если бы панъ пожаловалъ имѣнье съ правомъ „кому хотя служити“: тогда лицо, получившее имѣнье, для утвержденія его за собою обязательно должно было выхлопатывать подтвержденный листъ господаря великаго князя. И это справедливо не только относительно панскихъ пожалованій, но и относительно княжескихъ, какъ признаетъ и самъ г. Леонтовичъ³⁾. Итакъ, всѣ тѣ

¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 187.

²⁾ Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXIV, докум. 37.

³⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 616, 617; Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 129, прим. 8.

признаки удѣльных князей, которые выдвигаетъ г. Леонтовичъ, говоря о Пинскихъ князьяхъ (и Острожскихъ на стр. 193, 194), оказываются у нихъ общими съ крупными землевладѣльцами—панами, а потому и не могутъ служить для нихъ характеристики.

„Въ составъ „вотчинныхъ“ правъ князей Четвертенскихъ, говорить на 300-й стр. г. Леонтовичъ,—по старымъ удѣльнымъ обычаямъ входило между прочимъ право взиманія „мыта“ (таможенныхъ пошлинъ) въ своихъ владѣніяхъ,—одно изъ владѣтельныхъ правъ старыхъ удѣльныхъ князей, *удержавшееся* за князьями Четвертенскими, какъ и за другими головными князьями еще въ пору описи Волинскихъ замковъ (въ половинѣ XVI столѣтія), когда мѣстные князья, въ томъ числѣ и Четвертенскіе, уже отошли въ разрядъ земель“¹⁾.—Но вѣдь и простые земляне, нетитулованные, какъ видно изъ той же описи Волинскихъ замковъ, собирали мыто въ имѣніяхъ²⁾. При чемъ же тутъ старые удѣльные обычаи, разъ собраніе мыта было уже общимъ правомъ всѣхъ землевладѣльцевъ? Съ другой стороны, изъ „реистра“, поданнаго луцкими мѣщанами королевскому ревизору въ 1545 году, мыто князей Четвертенскихъ поставлено въ числѣ тѣхъ, которыхъ не было при королѣ Казимирѣ, и которыя „за щастливого панованія Александра короля и дасейшого господара нашего старшого ново прибыли“³⁾. Относительно этого мыта ревизоръ рѣшилъ: „Въ Четверыни князей Четвертенскихъ ничего не брати, бо сами были, а *приислесеа* своихъ не положили“³⁾. Какъ же въ виду всего этого можно было говорить о томъ, что будто бы право князей Четвертенскихъ на сборъ мыта было остаткомъ, переживаніемъ ихъ удѣльнаго значенія? Сборъ мыта уже въ XV вѣкѣ не былъ особымъ правомъ удѣльныхъ князей, а въ XVI вѣкѣ и подавно. Отъ 1488 года дошелъ „безмытный листъ“ короля Казимира, выданный минскому мѣщанину Лукѣ Терешковичу, конимъ онъ освобождался отъ платежа „по всимъ нашимъ (господарскимъ) мытомъ и по князскимъ, и по панскимъ, и по боярскимъ сухимъ путемъ и водою“⁴⁾. Въ 1524 году король Сигизмундъ освободилъ купца Нисана Смишича „отъ плаченья мыта старого“ (за исключеніемъ восковничаго и соленичаго) „по всимъ мытомъ нашимъ и князьскимъ, и паньскимъ, и духовнымъ“⁵⁾. Въ 1540 г. король

¹⁾ Źródła dziejowe, tom VI, str. 60, 61.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, str. 67.

⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 148. Ср. Акты Зап. Рос. I, № 149, 182.

⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 192.

Сигизмундъ писалъ панѣ Софѣ, женѣ воеводы Виленскаго и канцлера Альбрехта Мартиновича Гаштольда, чтобы она запретила своимъ урядникамъ въ Любечѣ собирать мыто съ мѣщанъ кievскихъ: „для ихъ недостатку и впаду и шкоду, которыи они завжды на той украинѣ отъ поганства татаръ пріймуютъ, отпустили есмо имъ вси мыта паша и князскіи, и паньскіи, духовныи и свѣтскіи, по всей отчизнѣ нашой, великому князеству Литовскому, сухымъ путемъ и водою“¹⁾. Если такъ, то, значить, нельзя сборъ мыта считать признакомъ удѣльныхъ князей.

На стр. 308 и 309 г. Леонтовичъ говоритъ о князьяхъ Курцевичахъ: „Утвержденіе королемъ Казимиромъ Ягеллономъ за Курцевичами ихъ отчины въ качествѣ потомственного владѣнія, „ничего на себѣ не вымѣняючи“, указываетъ именно на владѣтельный характеръ правъ князей Курцевичей“.—Но вѣдь подобные же привилегіи давались и простымъ панамъ. Такъ въ 1516 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Богушу Боговитиновичу дворъ Жуково въ Луцкомъ повѣтѣ „со всемъ правомъ, панствомъ и властью, какъ ся съ стародавна и тыми разы тотъ дворъ въ собѣ имеетъ и какъ на насъ былъ держанъ, ничего оттолъ на насъ и на наши наслѣдки не вымѣняючи“²⁾.—Гдѣ же тутъ особенныя права удѣльнаго князя?

Много и другихъ подобныхъ недоумѣній можетъ возникнуть, если мы будемъ выѣсть съ г. Леонтовичемъ разсматривать литовско-русскихъ князей въ исторической перспективѣ, не различая подобно ему XIV вѣка отъ XVI и подчасъ XVII вѣка, если не будемъ обращать вниманія съ одной стороны на успѣхи верховной власти въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ, съ другой—на политическія права, приобретенныя за то же время крупными землевладѣльцами. Короче сказать, трактуя вопросъ объ удѣльныхъ князьяхъ, надо считаться съ уравниемъ удѣльныхъ князей съ другими крупными землевладѣльцами, происходившимъ въ XV и XVI вѣкахъ, и только при этомъ условіи можно выдѣлить то, что составляло специальную особенность удѣльныхъ князей. Это выдѣленіе, конечно, потребуетъ глубокаго и подчасъ тонкаго юридическаго анализа, основаннаго на широкомъ и всестороннемъ изученіи государственныхъ и общественныхъ отношеній великаго княжества Литовскаго, и предпринять его безъ изученія ар-

¹⁾ Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 39.

²⁾ Литов. Метр. кн. запис. VII, л. 591, 592. Срав. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 118, 129, 130.

живнаго матеріала, на нашъ взглядъ, немислимо. Кромѣ того, необходимо гораздо внимательнѣе и строже чѣмъ это слѣлалъ г. Леонтовичъ отнестись къ различнымъ *наслоеніямъ* въ составѣ литовско-русскаго князья, даннымъ различными эпохами государственнаго объединенія. Нельзя, напримѣръ, ставить на одну доску съ князьями Слуцкимъ, Мстиславскимъ, Кобринскимъ какихъ-нибудь князей Жижемскихъ, Соломерецкихъ, Козловскихъ, Свирскихъ, Трабскихъ и т. п. Надо непремѣнно различать князей, которые въ данный моментъ являются въ роли удѣльныхъ государей болѣе или менѣе крупныхъ территорій, отъ тѣхъ, которые являются уже въ составѣ высшаго земскаго класса данной области. Затѣмъ, не надо упускать и различія между дѣйствительными удѣлами князей, которые въ качествѣ таковыхъ заняли извѣстное мѣсто въ объединившемся государствѣ, и пожалованными князьямъ имѣніями, положеніе которыхъ опредѣлялось уже ранѣе этого пожалованья, въ родѣ, напримѣръ Дубна и Крошна. Такія имѣнія и послѣ пожалованья князьямъ тянули судомъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ), военною повинностью, городовою работою и т. д. къ центрамъ тѣхъ округовъ, къ которымъ онѣ ранѣе принадлежали ¹⁾. Еслибы г. Леонтовичъ принялъ все это во вниманіе, онъ гораздо короче и совершенно иначе разработалъ бы свою тему. По его вопросу слѣдовало бы имѣть дѣло не столько съ князьями и ихъ владѣніями, сколько съ цѣлыми землями, съ обстоятельствами ихъ присоединенія, съ тѣмъ положеніемъ, которое онѣ занимали въ въ новомъ государствѣ и т. д. Князья играли конечно извѣстную роль въ объединеніи государства, но не всегда въ качествѣ государей извѣстныхъ территорій, а часто въ качествѣ высшаго земскаго класса. Въ настоящихъ замѣткахъ мы не имѣли претензіи рѣшать поставленныхъ г. Леонтовичемъ вопросовъ, а хотѣли только намѣтить будущимъ изслѣдователямъ путь, которымъ по нашему мнѣнію слѣдуетъ подходить къ ихъ рѣшенію, и тѣмъ избавить ихъ отъ напраснаго блужданія вѣстѣ съ г. Леонтовичемъ.

Г. Леонтовичъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги говорить и о мѣстномъ управленіи Литовско-Русскаго государства, при чемъ отвергаетъ положенія, выставленныя въ моей книгѣ „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“. Мнѣ ка-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ нашей книгѣ: Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 628—683, 829—832, 853—856, 61—863.

жется, что г. Леонтовичу слѣдовало бы повременить съ споями осужденіями до выхода въ свѣтъ послѣднихъ частей моей книги, гдѣ и изображается собственно мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства. Еслибы онъ дождался этихъ частей, онъ былъ бы, можетъ быть, болѣе милостивъ ко мнѣ и не сталъ бы обвинять меня въ излишней смѣлости по поводу утвержденія, что при намѣстникахъ главныхъ городовъ областей состояли судебно-административныя „рады“ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ какихъ состояли рады при удѣльныхъ князьяхъ ¹⁾; не сталъ бы, можетъ быть, обвинять меня въ изобрѣтеніи термина „сеймъ“ земли Волинской ²⁾ и т. д. Собственныя попытки г. Леонтовича характеризовать мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, такъ же неудачны, какъ и попытки характеризовать князей.

Прежде всего, очень ясныя и опредѣленныя спѣдѣнія дать онъ читателю о самыхъ органахъ мѣстнаго управленія. На стр. 38 г. Леонтовичъ говоритъ между прочимъ: „Съ Витовта княжество Трокское управлялось намѣстниками и старостами, а съ 1413 года воеводами“. Читатель недоумѣваетъ, были ли намѣстники, старосты, воеводы разныя, или одни и тѣ же должностныя лица, только съ разными названіями. На стр. 144 г. Леонтовичъ разсѣиваетъ нѣсколько это недоумѣніе, говоря, что король Сигизмундъ управлялъ Городецкою воюдостью чрезъ назначенныхъ имъ „старостъ-намѣстниковъ“; ясное дѣло, что намѣстники и старосты—одно и то же. На стр. 179 въ примѣчаніи г. Леонтовичъ говоритъ: „Старое земское единство и самобытность западно-русскихъ областей, какъ увидимъ ниже, въ литовскую эпоху были въ корнѣ разрушены очень рано начавшимся дробленіемъ земель на „староства“ и „повѣты“ съ своими особыми старостами, великокняжескими намѣстниками, позже воеводами, непосредственно подчинявшимися литовскимъ господарямъ“. Тутъ какъ будто бы уже намѣстники и воеводы—одно и то же, при чемъ старосты управляютъ „староствами“, а намѣстники-воеводы—„повѣ-

¹⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 864—869. Срав. Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 193, прим. I. Свое обвиненіе меня въ излишней смѣлости г. Леонтовичъ даже посолгилъ, только не аттическою солью: по поводу моего выраженія „судебно-административное присутствіе“ онъ спрашиваетъ въ скобкахъ: „не губернскае ли правленіе нашего времени?“

²⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 869—873. Ср. Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 316. прим.

тама". Но на 191 стр. г. Леонтовичъ уже говоритъ, что „каждый намѣстникъ-староста вѣдалъ, на одинаковыхъ основаніяхъ съ воеводою, своею *воlostью—повѣтомъ*". На слѣдующей 192 стр. читатель узнаетъ о существованіи „урядниковъ-намѣстниковъ, державцевъ и старостъ, назначавшихся литовскимъ господаремъ правителями отдѣльныхъ кievскихъ волостей, староствъ и повѣтовъ", при чемъ неясно, кому идутъ волости, кому—староства, кому—повѣты и есть ли между ними какая нибудь разница. На стр. 200 представленіе читателя окончательно спутывается. „Въ правобережной Кіевщинѣ,—говоритъ г. Леонтовичъ,—со времени упраздненія великаго кievскаго княженія, образовался рядъ отдѣльныхъ намѣстничествъ или староствъ—административныхъ районовъ, имѣвшихъ каждый своихъ особыхъ правителей, называвшихся то господарскими намѣстниками, то старостами, то державцами". И не говорю, что тутъ есть что-нибудь невѣрное по существу, но г. Леонтовичъ мало заботился при этомъ о читателѣ и способомъ своего изложенія повергъ его въ совершенное недоумѣніе. Кромѣ того по обычаю своему онъ внесъ въ эти разсужденія анахронизмы, утверждая, напримѣръ, что у Любарта были „старосты" (стр. 233, прим. 1) что слово „повѣтъ" употреблялось еще при Ольгердѣ въ тридцатыхъ годахъ XIV столѣтія (стр. 317 прим.) На дѣлѣ употребляя слова „повѣтъ" и „волость" *вполнѣ согласно* съ данными въ моей книгѣ толкованіями ¹⁾, г. Леонтовичъ тѣмъ не менѣе грозитъ въ будущемъ разоблаченіемъ моего яко-бы совершенно произвольнаго толкованія этихъ названій, хотя у меня нѣтъ ни одного слова, не оправданнаго ссылкой на источники ²⁾.

Отсылая читателя къ вопросу о мѣстномъ управленіи Литовско-Русскаго государства къ моей книгѣ, изъ которой достаточно можно убѣдиться, разрушено-ли было *въ корнѣ* земское единство областей Литовско-Русскаго государства, какъ утверждаетъ г. Леонтовичъ, или нѣтъ, я разберу здѣсь только тѣ доводы, которые выставилъ г. Леонтовичъ противъ моего утвержденія, что власть воеводъ и старостъ не ограничивалась предѣлами ихъ собственныхъ державъ, а простиралась также и на повѣты намѣстниковъ-державцевъ и тиву-

¹⁾ Въ дополненіе къ только что приведеннымъ примѣрамъ см. еще 194 стр. его книги.

²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства стр. 71—77.

новъ, которые подчинены были воеводамъ и старостамъ, какъ замѣстителямъ (въ извѣстныхъ отношеніяхъ) удѣльныхъ князей, какъ высшей судебно-административной инстанціи. Г. Леонтовичъ не хочетъ признать этихъ высшихъ инстанцій и всѣ факты правительственной дѣятельности воеводъ и старостъ, собранные въ моей книгѣ, объясняетъ частными порученіями, которыя господарь давалъ воеводамъ и старостамъ ¹⁾. Прекрасно. Но вотъ что является непонятнымъ при этомъ: почему это воеводы и старосты получаютъ господарскіи порученія относительно волостей или повѣтовъ *извѣстнаго округа*, который считается ихъ повѣтомъ? Затѣмъ: въ моей книгѣ приведены прямые указанія, что воеводы и старосты всылали дѣцкихъ и слугъ въ державы своего повѣта, судили ихъ людей, помимо господарскихъ порученій, въ силу своего *права*, которое прекращалось съ отдачею этихъ державъ „въ заставу“; указано, что самыя державы раздавались по представленію воеводъ и старостъ, что державцы по жалобамъ частныхъ лицъ на ихъ неправильный (не по Статуту) судъ судились *воеводами своего повѣта* и т. д. и т. д. Но г. Леонтовичъ оставилъ все это безъ вниманія, а мои разсужденія о положеніи Кіевскаго воеводы, основанныя на нѣкоторыхъ указаніяхъ актовъ и на аналогіи съ тѣмъ, что было въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, обозвалъ гипотезою, „въ научномъ отношеніи не имѣющею никакого серьезнаго значенія“. Что же дѣлать, если г. Леонтовичъ не читаетъ, какъ бы слѣдовало, ни источниковъ, ни чужихъ книгъ. Это ужъ его собственная вина, и распространяться по поводу этого было бы излишне. Здѣсь же ²⁾ онъ, между прочимъ, укоряетъ меня въ томъ, что я глухо ссылаюсь на архивныя матеріалы, и что по примѣру г. Прохаски и С. А. Бершадскаго я не напечаталъ предварительно документовъ, на основаніи которыхъ составлялъ свою книгу. Но, во первыхъ, всѣ документы, которыми я пользовался, нѣтъ никакой возможности напечатать частному лицу и въ скоромъ времени; во вторыхъ, я зналъ, что важнѣйшіе изъ нихъ уже напечатаны С. А. Бершадскимъ, хотя и не выпущены въ свѣтъ ³⁾; въ третьихъ, для очерка историко-географическаго не было особенной надобности печатать документы *in pleno*, а достаточно было тѣхъ выдержекъ и указаній, которая даны въ моей

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 190—193.

²⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 192, прим. 1.

³⁾ Историческое обозрѣніе, т. IV, стр. 310, С.-116. 1892.

книгѣ. Въ отдѣлѣ о мѣстномъ управленіи я даю болѣе полныя выдержки, а отчасти и документы in pleno, и г. Леонтовичу слѣдовало бы попременить съ своими сѣтованіями до выхода въ свѣтъ этого отдѣла моей книги.

На стр. 315, въ примѣч. 3-мъ, у г. Леонтовича находимъ странное утверждение, что будто бы „князья и земляне во всемъ Литовско-Русскомъ государствѣ подчинялись только суду господаря съ радюю“. Справедливо, что князьямъ, боярамъ-шляхтѣ и землянамъ *не запрещено было* судиться прямо у господаря, минуя мѣстныхъ правителей, но и то съ нѣкоторыми ограниченіями, напримѣръ, въ земляхъ Полоцкой, Витебской и Жмудской ¹⁾. Но чтобы князья и земляне не обязаны были подчиняться суду мѣстныхъ правителей, которые будто-бы судили ихъ только по порученіямъ центрального правительства, это ужъ „миражъ“ г. Леонтовича. Въ нашей книгѣ собрано не мало указаній на то, что мѣстные правители судили князей, бояръ-шляхту и землянъ ex officio, а не по порученіямъ только господаря. Отсылая читателей къ этимъ указаніямъ, которые тамъ легко найдти, приведемъ здѣсь только статью кievскаго земскаго привилея: „А хто бы, не вступая у право передъ нашимъ воеводою, отозвался на насъ господаря, того пустити передъ насъ, а призвавши ихъ, обоихъ сутяжцовъ, передъ собою, дати имъ рокъ подобный передъ нами ихъ стати; а который бы зъ нихъ на тотъ рокъ передъ нами къ праву не сталъ, вымѣняя службы наше, або (Боже ухой!) немоцы, а отволокая правомъ; *тогда воевода нашъ маєть моцно передъ собою его къ праву поставити, безъ каждаго отзыватья передъ насъ, и справедливостъ тому вчинити на обѣ стюроны*“.

На стр. 192, отвергая мою гипотезу о старшинствѣ старосты Луцкаго среди урядниковъ земли Волинской, г. Леонтовичъ говоритъ между прочимъ: „Въ волинскихъ актахъ находимъ указанія на такіе случаи разсмотрѣнія дѣлъ нѣсколькими мѣстными урядниками по „господарскому приказанью“, когда первенство давалось, напримѣръ, кременецкому намѣстнику, луцкій староста и волинскій маршалокъ занимали при этомъ второстепенное положеніе“. Такой случай принадлежитъ 1475 году по дѣлу о дѣльницахъ князей Збаражскихъ (Archiw. Sang. I, № LXXIV, стр. 69—70). Замѣчательно, что г. Лю-

¹⁾ См. Ясинскаго, Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 120, 121, прим. 79. Ср. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 638—642.

бавскій ссылается, между прочимъ, и на актъ 1475 года тамъ, гдѣ онъ излагаетъ свою гипотезу о главенствѣ луцкаго старосты, не смотря на то, что этотъ актъ рѣшительно отвергаетъ упомянутую гипотезу. Такое невнимательное отношеніе автора къ показаніямъ актовъ, обнаруженныхъ въ печати, невольно наводитъ на сомнѣніе въ томъ, чтобы онъ излагалъ въ надлежащемъ освѣщеніи и архивныя данныя, извлеченныя имъ изъ рукописныхъ матеріаловъ Литовской Метрики⁴. Слѣдовало бы ожидать, что г. Леонтовичъ, дѣлая мнѣ такой упрекъ, бросая тѣнь на мою, 'такъ сказать, научную правоспособность, самъ-то, по крайней мѣрѣ, прочтетъ внимательно и акты, и мою книгу. Но г. Леонтовичъ, повидимому, не считалъ нужнымъ церемониться съ 'молодыми начинающими учеными'. Откуда онъ взялъ, что *намѣстникъ Кременецкій* имѣлъ первенство на судѣ 1475 года? Въ актѣ, на который онъ ссылается, на первомъ мѣстѣ поставленъ князь Александръ Сангушковичъ, а за нимъ панъ Михаилъ Монтовтовичъ, староста Луцкій. панъ Олизаръ Шиловичъ, маршалокъ Волынской земли, староста Володимирскій. Но былъ-ли князь Александръ Сангушковичъ въ 1475 г. намѣстникомъ Кременецкимъ, не извѣстно; скорѣе всего, что не былъ, такъ какъ ни въ этой грамотѣ, ни въ слѣдующей¹⁾ онъ не записанъ таковымъ. Намѣстникомъ Кременецкимъ, сколько намъ извѣстно по актамъ, онъ упоминается впервые только въ 1489 году. Въ этомъ году (іюня 2-го, индикта 7-го) король давалъ ему въ числѣ другихъ жалованье²⁾. Но даже, еслибы г. Леонтовичъ былъ правъ, и князь Александръ Сангушковичъ былъ тогда дѣйствительно намѣстникомъ Кременецкимъ, слѣдуетъ-ли отсюда, что я невнимательно читалъ акты? Свою гипотезу я строилъ не на томъ только, что староста Луцкій въ актахъ упоминается прежде другихъ, а и на нѣкоторыхъ другихъ признакахъ. Дѣло идетъ о дѣлѣжѣ отчинными имѣніями князей Збаражскихъ, которыя лежали въ Кременецкомъ повѣтѣ; а между тѣмъ гдѣ оно рѣшается? — въ *Луцкѣ*. Затѣмъ: хотя въ грамотѣ, на которую ссылается г. Леонтовичъ, князь Александръ Сангушковичъ и поставленъ на первомъ мѣстѣ, но въ дѣльчей грамотѣ самихъ князей Збаражскихъ, произведшихъ дѣлежъ согласно указа-

¹⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sangušków I, № LXXV.

²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 81. Въ этой книгѣ содержатся приходо-расходныя записи и различные привилеи не ранѣе 1482 года. См. С. Я. Пта-шинскаго, Описание книгъ и актовъ Литовской Метрики, стр. 81. С.-Пб. 1887.

ніямъ вышеупомянутыхъ судей и въ ихъ присутствіи, прино сказано: „А то свидѣю пану Михайлу Монтонтовичу, старостѣ Луцкому, а владыцѣ Луцкому Олексію, а князю Олександру Сангушковичю, а пану Олизару Шиловичу, старостѣ Володимирьскому, маршалку земьскому“¹⁾. Въ первой же грамотѣ, которая писана отъ имени самихъ судей, Александръ Сангушковичъ поминованъ первымъ, повидимому, въ уваженіе къ его княжескому титулу или къ тому мѣсту, которое онъ занималъ въ радѣ господаря великаго князя. Во всякомъ случаѣ, когда мы ставили свою гипотезу о старшинствѣ старосты Луцкаго, то основывали ее не на одномъ только этомъ вѣншнемъ признакѣ²⁾.

Пропускаю разныя другія разсужденія и сообщенія г. Леонтовича³⁾, ибо критическій разборъ ихъ потребовалъ бы написанія статьи, едва ли не равной по объему книгѣ г. Леонтовича. Замѣчу только вообще, что, на мой взглядъ, книга г. Леонтовича нисколько не увеличила свѣдѣній и не усовершенствовала представленій о Литовской Руси.

Матвій Любавскій.

П. В. Нетушилъ. Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Выпускъ первый. Харьковъ. 1894. Стр. 232.

Первымъ выпускомъ „Очерка римскихъ государственныхъ древностей“ проф. Нетушилъ началъ изданіе обширнаго труда, для полной публикаціи котораго понадобится, вѣроятно, не одинъ годъ времени. Авторъ не снабдилъ этого выпуска предисловіемъ, но на первой, прибавочной и не включенной въ счетъ, страницѣ онъ далъ перечисленіе слѣдующихъ пяти отдѣловъ, которые въ своей совокупности составляютъ полный очеркъ римскихъ древностей, а именно: „I) Государственное устройство до Августа, II) Государственное устройство въ императорскій періодъ, III) Отрасли государственнаго

¹⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguzsków I, № LXXV.

²⁾ См., напримѣръ, еще Азты Западной Россіи, III, № 13, стр. 65.

³⁾ Ср., напримѣръ, то, что говоритъ г. Леонтовичъ о „хлѣбохормленѣ“ и „доживотѣ“ (стр. 128, прим. 2) съ выдержками актовъ, приведенныхъ на 594-й стр. нашей книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“.

управления, IV) Богослужебныя древности, V) Частныя древности". Если такова общая схема предпринятаго авторомъ изданія (самъ онъ, впрочемъ, ничего не сказалъ объ этомъ), то вышедшій нынѣ въ свѣтъ первый выпускъ составляетъ приблизительно лишь седьмую или восьмую часть его труда, такъ какъ въ немъ исполнена лишь приблизительно половина перваго изъ пяти намѣченныхъ отдѣловъ, а именно: разсмотрѣны царскій періодъ Рима и республиканская магистратура. Судя по общей манерѣ изложенія, а также и разѣрамъ перваго выпуска (232 страницы компактной печати), авторъ задумалъ никакъ не учебникъ и не университетскій курсъ, а обширное пособіе, въ которомъ онъ пожелалъ представить цѣльную обработку всего предмета. Нельзя не привѣтствовать съ полнымъ признаніемъ благоу рѣшимость проф. Нетушила публиковать компендіумъ римскихъ древностей на русскомъ языкѣ. Доселѣ по этой спеціальной рубрикѣ въ нашей отечественной литературѣ существовали только переводы руководствъ, какъ-то: Адама, Виллемса, Целлера. Съ самымъ искреннимъ желаніемъ автору довести свой трудъ до конца въ возможно непродолжительномъ времени, мы позволимъ себѣ предложить вниманію читателя общую характеристику вышедшаго нынѣ въ свѣтъ перваго выпуска этого перваго на рускомъ языкѣ самостоятельнаго компендіума римскихъ древностей.

Прежде всего надлежитъ отмѣтить, какъ достоинство „Очерка“, простоту и ясность изложенія. То великое множество трудныхъ, неясныхъ, спорныхъ, а порою и неразрѣшимыхъ вопросовъ, которые мучили и продолжаютъ мучить изслѣдователей судебъ Рима и учреждений, изложены просто, ясно и опредѣленно у г. Нетушила. Догматическое изложеніе съ простымъ и яснымъ отвѣтомъ по существу вопроса какъ будто даже и устраняетъ тѣ трудности и препоны, которыя давали и даютъ возможность существовать множеству контроверзовъ. Съ литературой предмета г. Нетушилъ знакомъ очень хорошо, и разныя спеціальныя изслѣдованія цитуетъ онъ въ изобиліи въ своихъ примѣчаніяхъ. Чтобы привести примѣръ его вниманія къ ученой литературѣ, укажемъ на 155 стр., гдѣ онъ, по поводу возникновения квесціоннаго процесса, цитуетъ замѣчаніе, которое недавно сдѣлано было проф. Зѣлинскимъ въ его статьѣ, озаглавленной *Vergrin* (*Philologus*, 1893, стр. 266). Нѣкоторые частныя вопросы касательно древнѣйшихъ судебъ Рима были предметомъ собственнаго изслѣдованія г. Нетушила въ этюдахъ, которые онъ помѣщалъ въ Московскомъ *Филологическомъ Обозрѣніи*. Отмѣтимъ наконецъ и

постоянное желаніе автора по каждому поводу точно указать на мѣсто въ нашихъ источникахъ, въ которомъ дано свидѣтельство, относящееся къ трактуемому вопросу. Особенно много этихъ ссылокъ, помѣщенныхъ большею частью въ самомъ текстѣ, въ скобкахъ, относится, какъ то естественно, къ Ливію. Такимъ образомъ авторъ постоянно даетъ своему читателю возможность обратиться къ матеріалу и провѣрить основанія для его утвержденій.

Общій планъ распредѣленія матеріала, который положенъ авторомъ въ основу изложенія, вполне насъ удовлетворяетъ. Обзоръ римскихъ государственныхъ учреждений долженъ предстать въ „Очеркѣ“ въ схемѣ дѣленія римской исторіи на три періода: царскій, республиканскій, императорскій. Проф. Нетушиль сознательно устранился отъ подчиненія авторитету Моммзена, который въ своемъ *Handbuch't* слилъ всѣ три періода въ одно теоретическое изложеніе системы „римскаго государственнаго права“. Мы далеки отъ мысли порицать его за эту свободу и думаемъ, напротивъ, что разсмотрѣніе учреждений императорскаго Рима отдѣльно отъ республиканскаго поможетъ внести большую опредѣленность и ясность въ изложеніе, а также и усилить элементъ исторической перспективы. Но это касается будущаго. Пока предъ нами только обзоръ учреждений царскаго періода и начало разсмотрѣнія республиканскихъ учреждений, и мы не можемъ не сознаться, что, по нашему мнѣнію, выдѣленіе царскаго періода въ особый отдѣлъ послужило въ ущербъ „Очерку“ проф. Нетушиля, какъ будетъ то разъяснено въ дальнѣйшемъ. Царскому періоду отведено 77 страницъ изложенія, которое распредѣлено на слѣдующіе параграфы: I. Этнографическія свѣдѣнія, II. Топографическія свѣдѣнія, III. Сказаніе и теорія о началѣ Рима, IV. Древнѣйшее дѣленіе римской территоріи и ея населенія, V. Родовое начало, VI. Словія, VII. Реформа Сервія, VIII. Политическое устройство общины, IX. Царскія власти (*sic*), X. Латинскій союзъ и расширеніе Лація.

Какъ видно изъ представленнаго перечисленія заголовковъ, авторъ пожелалъ сообщить въ своемъ „Очеркѣ римскихъ государственныхъ древностей“ свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ, какіе относятся къ древнѣйшей исторіи Рима. Онъ исполнилъ это, — должны мы прибавить, — безъ тѣни сомнѣнія насчетъ правильности и несомнѣнной истинности того, что онъ изложилъ. Тутъ и начинается наше разногласіе съ почтеннымъ авторомъ, умолчать о которомъ мы не считаемъ себя въ правѣ, предлагая разрѣшеніе спора на судъ другихъ специалистовъ. Мы позволяемъ себѣ думать, что авторъ далъ въ этомъ обзорѣ

слишкомъ много, какъ въ количественномъ, такъ особенно въ качественномъ отношеніи, и произошло это отъ того, что онъ, повидимому, считаетъ возможнымъ трактовать темную для насъ исторію римскихъ царей, какъ ясный и доступный намъ позднѣйшій періодъ, время Цицерона или Августа. Еслибы дѣло стояло такъ, то не было бы ничего проще, какъ комбинировать данныя Ливія и Діонисія и представить полную исторію событій и учреждений. Такъ и поступалъ въ свое время Ролленъ. Но теперь дѣло стоитъ иначе, и самъ авторъ это хорошо знаетъ, такъ какъ онъ самъ въ своихъ упомянутыхъ уже этюдахъ касался нѣкоторыхъ спорныхъ и темныхъ вопросовъ, критиковалъ преданіе и предлагалъ свои комбинаціи данныхъ и свои гипотезы. Отъ такого способа отношенія къ преданію не отказывается онъ и въ этомъ „Очеркѣ“. Но разъ это такъ, то нельзя же не чувствовать невозможности строить цѣльную и ясную картину изъ комбинаціи данныхъ преданія и избранныхъ гипотезъ. Отъ такого отношенія къ предмету равно страдаетъ какъ исторія, такъ и теорія. Авторъ то скользитъ надъ вопросомъ, то совершенно произвольно его рѣшаетъ недопускающимъ сомнѣнія тономъ историческаго повѣствователя. Для примѣра позволимъ себѣ привести слѣдующую выдержку изъ его изложенія о „словіяхъ“: „Хотя генетильная земля въ принципѣ составляла собственность всей патриціанской общины, однако всѣ старозаимочные участки ея сдѣлались съ теченіемъ времени наследственнымъ владѣніемъ (*hereditium*), но сперва еще не отчуждаемымъ какъ для патриціевъ, такъ и для кліентовъ, но позднѣе, уже въ республиканское время, превратившимся въ полную собственность съ правомъ отчужденія, какъ это было издавна у плебеевъ. Патриціи, не уждаясь въ кліентелѣ со времени военной реорганизации, начатой Сервіемъ Тулліемъ, охотно признавали своихъ кліентовъ полными хозяевами насаженныхъ участковъ, такъ какъ освобождались этимъ отъ дальнѣйшаго попеченія о нихъ; сами же становились въ свою очередь также полными хозяевами старозаимочныхъ земель, имѣя возможность получать, кромѣ того, все новые надѣлы для пользованія изъ увеличивающагося постоянно въ своихъ размѣрахъ *ager publicus*“ (стр. 32). Повидимому, тутъ все ясно, но смѣемъ думать, что только для самого автора, который сумѣлъ проникнуть даже въ настроеніе, въ какомъ находились патриціи, уступая кліентамъ въ полную собственность свою землю, а также и уловить мотивы, по которымъ такъ именно дѣйствовали патриціи.

Тутъ, что ни слово, то гипотеза и разрубаніе гордіевыхъ узловъ,

между тѣмъ не допускающій сомнѣнія тонъ автора можетъ привести читателя къ ошибочному представленію, будто все это намъ доподлинно извѣстно, и всѣ изслѣдователя римской древности давно порѣшили, что дѣло было именно такъ, а не иначе.

На слѣдующей страницѣ, излагая о плебейхъ, авторъ утверждаетъ слѣдующее: „Богами, признанными со стороны патриціанскаго государства, плебеи могли приносить жертвоприношенія, но это позволялось только *privatim*, между тѣмъ какъ *publice* считалось это за *nefas*“.

По этому поводу авторъ цитуетъ извѣстную статью Крюкова (Pellegrino): „Мысли о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи“. Но между появленіемъ работы Крюкова и нашей современностью лежитъ пятидесятилѣтіе, и хотя статья эта не потеряла и теперь нѣкоторыхъ своихъ достоинствъ, но современное отношеніе къ матеріалу традиціи начальной исторіи Рима стало совсѣмъ другимъ, и высказываться съ такой опредѣленностью въ такихъ и подобныхъ вопросахъ врядъ ли можетъ современный изслѣдователь. Этотъ фальшивый, quasi-историческій методъ автора оказывается повсемѣстно и даетъ его изложенію ясность, которая въ дѣйствительности оказывается совершенно мнимой. Укажемъ еще, для примѣра, на стр. 58 и 59. Здѣсь авторъ говоритъ о царской власти. „Въ виду первоначальной автономности семей и родовъ у индоевропейцевъ, всякая верховная власть для болѣе обширнаго общества людей должна была носить лишь случайный характеръ, будучи вызвана къ жизни особо для каждаго отдѣльнаго случая. Временные же вожаки индоевропейскихъ коленъ, племенъ или народовъ могли дѣйствовать такимъ образомъ только на основаніи и въ предѣлахъ даннаго имъ порученія. Но разъ ихъ власть сдѣлалась пожизненной, то съ теченіемъ времени должна была сама собою накопиться извѣстная сумма функций, присваивавшихся обычаями власти царя: *regia potestas*. Она аналогична съ *patria potestas*, но не тождественна. Между тѣмъ какъ предѣлы послѣдней вполне точны, то (?) содержаніе первой столь же мало опредѣлено, какъ и условія для достиженія ея. Все зависѣло отъ личныхъ качествъ царя: энергичный человѣкъ могъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ общественныя дѣла, слабый же, или дряхлый могъ напротивъ лишиться всякаго значенія“. Отсюда выводится далѣе, что „римскій царь является прежде всего верховнымъ исполнителемъ и блюстителемъ обычнаго права“. Мы съ своей стороны не будемъ спорить съ авторомъ насчетъ того, такъ ли это было въ Римѣ, и уклонимся на томъ про-

стомъ основаніи, что мы этого не знаемъ. Но авторъ идетъ далѣе. Онъ различаетъ въ царской власти „другое теченіе“, а именно: „проявленія власти, основанныя на специальномъ порученіи (*imperium*) и соотвѣтствующія основной или исходной ступени (?) самого возникновенія этой власти. Порученіе могло исходить или отъ всей общины въ ея расприхъ съ сосѣдними народами (военное *imperium*) или отъ отдѣльныхъ лицъ въ ихъ взаимныхъ спорахъ (судебное *imperium*)“¹⁾. Совершенно независимо отъ того, правильно или нѣтъ этимологическое толкованіе авторомъ слова *imperium*, мы никоимъ образомъ не можемъ съ нимъ согласиться въ его пониманіи власти римскаго царя, такъ какъ считаемъ совершенно невозможнымъ дознаться, разсматривалъ ли когда нибудь римскій царь Ромулъ свою судебную или военную власть, какъ „порученіе“, возложенное на него частнымъ лицомъ въ одномъ случаѣ, и общиной въ другомъ.

Оптимизмъ автора въ его отношеніи къ царскому періоду исторіи Рима проявляется не только въ возсозданіи „исторіи“ тамъ, гдѣ ея нѣтъ, но также и въ смѣлыхъ поправкахъ нашего преданія.

Онъ не только вѣрнѣе въ „исторію царской власти“, но и приводитъ ее въ лучший и болѣе рациональный видъ. Такъ, на стр. 55 онъ усваиваетъ шестому царю традиціи, Сервію Туллію, характеръ и значеніе „римскаго національнаго царя“, каковыхъ, по его утверженію, терпѣла въ Римѣ иноземная династія Тарквиніевъ. Признаніе въ Тарквиніяхъ этрусскихъ владыкъ Рима — это та гипотеза, которую отстаивали и мы сами въ изслѣдованіи: „Къ вопросу о началѣ Рима“ (Кіевъ, 1888). Тѣмъ не менѣе мы рѣшительно отказываемся такъ далеко идти за авторомъ и полагаемъ, что въ „Очеркѣ древностей“ никоимъ образомъ нельзя вводить гипотезу за гипотезой, и къ тому же еще излагать подобнаго рода недоказуемыя предположенія, какъ стоящіе внѣ всякаго сомнѣнія факты.

Въ отношеніи къ Нумѣ Помпилію г. Петушилъ идетъ еще далѣе. По его утверженію, Нума былъ также „національнымъ царемъ въ

¹⁾ Позволимъ себѣ замѣтить, что Моммзенъ при всемъ своемъ догматизмѣ сопровождаетъ свое превосходное изложеніе о компетенціи римскаго царя (R. Staatsrecht, II, I, 3—16, 2-е изд.) весьма существенной оговоркой. Онъ выражается такъ: „Die Competenz des Königs oder, bescheidener und genauer gesprochen, das, was das Staatsrecht der römischen Republik unter königlicher Amtsgewalt versteht, ist...“ А въ примѣчаніи къ этому мѣсту замѣчаетъ, что въ нашихъ источникахъ нѣтъ опредѣленій царской власти. На сколько рѣшительнѣе и догматичнѣе проф. Петушилъ!

болѣе позднее время, когда власть національныхъ римскихъ царей ограничивалась преимущественно сферою римскаго сакральнаго права". Это передвиженіе Нумы изъ начала царскаго періода во времена болѣе позднія авторъ доказываетъ такими соображеніями: „Традиція, считавшая Нуму Помпилія „ученикомъ“ Пиеагора, подтверждаетъ это какъ нельзя лучше. Такъ какъ Пиеагоръ умеръ около времени водворенія въ Римѣ республиканскаго строя правленія, то пиеагореецъ Нума долженъ уже быть отнесенъ ко времени республики, но, конечно, не къ очень позднему времени ея существованія. Съ періодомъ важныхъ мѣропріятій по устройству и переустройству государства, выразившихся, между прочимъ, въ дѣятельности децемвировъ, какъ можно болѣе согласуется (?) и урегулированіе календаря, неотъемлемо связанное въ представленіи древнихъ съ именемъ Нумы Помпилія и составляющее центръ его „дѣятельности“ (почему такъ?). Также и сабинскія имена Нумы Помпилія болѣе всего подходятъ къ тому времени, когда изъ сабинскихъ „пришельцевъ“ съ Аппіемъ Клавдіемъ во главѣ, учреждена новая триба римскихъ гражданъ (tribus Claudia). Перенесенъ же онъ въ число древнѣйшихъ царей не безъ умысла, а именно со стороны понтификовъ. Коллегія послѣднихъ, занимавшая первоначально весьма невысокое положеніе, при какомъ-то благоприятномъ для нея стеченіи обстоятельствъ, прибрала къ своимъ рукамъ всю римскую церковь (терминъ!!) въ административномъ отношеніи, вытѣснивъ даже и самого гех засгогит изъ древняго дворца (regia), въ которомъ по традиціи помѣщался еще Нума Помпилій. Въ интересахъ возвысившихся сразу понтификовъ лежало затемнить какъ можно болѣе первоначальную исторію царей-жертвоприносителей и въ особенности ихъ историческую связь съ древними національными царями; въ ихъ интересахъ лежало отдѣляться отъ столь громкаго имени царя сакрификула, какъ имя Нумы Помпилія, перенесеніемъ его въ разрядъ древнѣйшихъ царей. И это было для нихъ нетрудно, въ виду ихъ положенія въ качествѣ оффиціальныя апиалистовъ римскаго народа“.

Да проститъ намъ читатель эту длинную выдержку, но она будетъ послѣдняя. Въ своемъ цѣломъ она даже слишкомъ краснорѣчива. Нагляднѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ своей книги, авторъ даетъ здѣсь свидѣтельство отсутствія историческаго чутья, а равно и навыка въ трактовкѣ подобныхъ вопросовъ. Неужели возможно путемъ хронологическихъ соображеній о датѣ смерти Пиеагора тревожить царя Нуму съ его мѣста въ началѣ римской исторіи? Развѣ

не очевидно, что установление связи между царем Нумой и Пиеагоромъ есть древній ученый домыселъ (неизвѣстно какого времени), какихъ внесено не мало въ традицію о началѣ Рима. И какъ тонко проникаетъ авторъ въ соображенія, помыслы и расчеты коварныхъ понтификовъ, „захватившихъ въ свои руки римскую церковь“!! Неужели не ясно, что царь Нума по праву стоитъ въ началѣ исторіи Рима, ибо онъ есть первый образъ къ царю-основателю Ромулу. Онъ есть основатель религіи, какъ Ромулъ—государственныхъ учреждений. Въ этомъ значеніи образовъ первыхъ царей заключается ихъ сущность и реальность, совершенно независимо отъ того, что оба они не суть *историческія лица*. Традиція, усваивая имъ значеніе такихъ, по-своему совершенно права, и намъ нѣтъ никакой нужды ее въ этомъ поправлять. Мы должны только понять эти образы, а не помогать пріятелю древняго Варрона, астроному Таруцію, который честно потрудился надъ установленіемъ точныхъ датъ не только рожденія Ромула, но и дня зачатія его матерью, Реей Сильвіей. Но г. Нетушилъ думаетъ иначе. Онъ тѣмъ же хочетъ дать этому *реальному* образу царя-основателя религіи болѣе, по его мнѣнію, подлинную, историческую реальность, передвигая его съ того мѣста, которое онъ по праву занимаетъ, на другое, и полагаетъ при этомъ, что ему удалось открыть новое коварство римскихъ понтификовъ.

Но если г. Нетушилъ, основываясь на хронологической датѣ жизни Пиеагора, поправляетъ римское преданіе о начальныхъ судьбахъ государства, то мы съ своей стороны считаемъ себя въ правѣ указать ему на одну ошибочную подробность въ его изложеніи, происшедшую отъ невниманія къ хронологическимъ датамъ дѣятельности скульптора Фидія. На стр. 10 г. Нетушилъ сообщаетъ, въ ряду фактовъ, свѣдѣтельствующихъ о культурномъ вліяніи грековъ на римлянъ въ древнѣйшую пору, будто „статуя Капитолійскаго Юпитера подражала Фидіевой статуѣ Зевса“. Полагая, что авторъ употребилъ здѣсь слово „подражала“ вмѣсто „была подражаніемъ“, позволимъ себѣ напомнить, что сооруженіе храма Юпитера Капитолійскаго приурочено въ преданіи ко времени послѣдняго царя, а окончаніе его и дедикація связаны съ именемъ консула Горация; а что до Фидія, то онъ работалъ въ Олимпіи много позднѣе. Эта подробность, въ которую вкралась ошибка, въ сущности совершенно не нужна въ данной связи; авторъ вставилъ ее, какъ и многое другое излишнее, въ свое изложеніе о царскомъ періодѣ исторіи Рима и сдѣлалъ это непокидающимъ его догматическимъ тономъ повѣствователя о безспорныхъ

историческихъ данныхъ, точно засвидѣтельствованныхъ и критически провѣренныхъ. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ г. Нетушила, который хорошо знакомъ съ ученой литературой въ данной области и слѣдилъ за нею вплоть до самаго времени изданія въ свѣтъ своего труда (какъ мы имѣли уже случай указать на это выше), оказался внѣ всякаго вліянія отъ самаго духа современной научной критической разработки началъ римской исторіи и, повидимому, пребываетъ въ увѣренности, что возможно воссоздать эти начала въ той же ясной и опредѣленной послѣдовательности, въ какой можно трактовать событія времени Цицерона и Цезаря. Великій исслѣдователь римской древности былъ Теренцій Варронъ, и не даромъ его другъ, Цицеронъ, сказалъ ему похвалу: *nos in nostra urbe peregrinantes errantesque tamquam hospites tui libri quasi domum reduxerunt* (Acad. post., I, 3, 9); но и онъ, повидимому, не дошелъ въ своихъ построеніяхъ до многого, что теперь съ такой ясностью и опредѣленностью оказывается извѣстнымъ, если вѣрить г. Нетушину. Варронъ оставилъ глубокій слѣдъ въ той пресловутой ясности преданія о началѣ Рима, которую похвалялъ Цицеронъ, видя въ этомъ преимущество римской традиціи передъ греческой (De ger., II, 2, 4). Но вѣдь современные исслѣдователи иначе относятся къ этой мнимой „ясности“ и въ схематизмъ Варрона готовы признать даже одну изъ причинъ темноты для насъ исторіи началъ римской государственности. Позволимъ себѣ назвать хотя бы недавнюю статью профессора Борманна, вѣроятно, извѣстную профессору Нетушину: *Die älteste Gliederung Roms, von Bormann (Eranos vindobonensis, Wien, 1893, pp. 345—358)*. Мы не можемъ въ настоящее время ходить по слѣдамъ Варрона и поправлять римскую традицію способами аналогическими съ тѣми, какіе были въ ходу въ то давнее время. Окидывая изложеніе царскаго періода въ книгѣ г. Нетушила однимъ общимъ взглядомъ, нельзя не признать, что авторъ не чувствовалъ всей трудности предпринятаго имъ дѣла, а мы считаемъ себя въ правѣ указать ему на это съ полнымъ благожелательствомъ сотоварища по специальности. По нашему мнѣнію, очеркъ римскихъ древностей г. Нетушила чрезвычайно много могъ бы выиграть, если бы первый отдѣлъ его книги былъ сокращенъ самымъ существеннымъ образомъ и не заключалъ бы въ себѣ ничего, кромѣ того, что необходимо для пониманія системы республиканскихъ и императорскихъ учрежденій, изложеніе которой должно являться главнымъ содержаніемъ всякаго подобнаго изданія. Если же авторъ думаетъ иначе и считаетъ необходимымъ представить полный разборъ

данныхъ, относящихся къ царскому періоду, то въ компендіумѣ древностей ему не оставалось иного пути, какъ тотъ, какимъ шель Lange въ своихъ *Römische Alterthümer*. Ланге возсоздаетъ царскій періодъ и даетъ свѣдѣнія обо всемъ, къ нему относящемся, но онъ сообщаетъ также при этомъ и критику всего матеріала, ясно различая традицію, фактъ, гипотезу и предположеніе. Правда, ему понадобилось на это болѣе 500 страницъ въ первомъ изъ трехъ томовъ, составившихъ его трудъ; г. Нетушилъ задумалъ изданіе не въ такихъ размѣрахъ, но тогда ему и не слѣдовало касаться всего, что можетъ быть отнесено къ обзору царскаго періода. У него этотъ отдѣлъ вышелъ догматическимъ изложеніемъ гипотезъ и предположеній, изъ которыхъ многія вызываютъ самыя рѣшительныя возраженія. Если есть между ними и такія, которыя раздѣляются многими, а равно, быть можетъ, и такія, которыя г. Нетушилъ счумѣлъ бы блестящимъ образомъ оправдать, то изъ этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы можно было предлагать въ „Очеркѣ“, рассчитывающемъ по преимуществу на обращеніе среди учащихся, догматическое изложеніе сомнительнаго, темнаго и неяснаго, выдавая это за точныя и достовѣрные результаты всего того мелочнаго, копотливаго и проницательнаго ученаго труда, который былъ затраченъ и продолжаетъ затрачиваться на разработку началъ римской исторіи.

Гораздо меньше замѣчаній имѣемъ мы по поводу второй части перваго выпуска. Здѣсь авторъ переходитъ къ республиканскому періоду. Вслѣдъ за краткимъ общимъ введеніемъ подъ заголовкомъ: „Правительственныя власти“ (стр. 78—82), авторъ трактуетъ о магистратурѣ, подраздѣливъ этотъ отдѣлъ на двѣ группы вопросовъ: „а) общая часть“ (стр. 82—139) и „б) отдѣльныя магистратуры“ (стр. 139—232). Имѣя здѣсь дѣло съ данными, обстоятельно и однородно разработанными въ каждомъ курсѣ и руководствѣ по римскимъ древностямъ, и не претендуя на обновленіе матеріала и метода, авторъ ведетъ изложеніе точно и послѣдовательно. Не можемъ не отмѣтить, впрочемъ, нашего несогласія съ нимъ въ томъ, что онъ вноситъ въ изложеніе о римскихъ учрежденіяхъ нѣкоторыя понятія, совершенно чуждыя классическому міру. Такъ его „общая часть“ начинается съ разъясненія объ „отдѣленіи государства отъ церкви“, которое, по его словамъ, произошло въ Римѣ вмѣстѣ съ установленіемъ республики. Эта мысль является у него слѣдствіемъ теоріи, которую онъ утверждаетъ въ изложеніи о царскомъ періодѣ, будто римскіе „плебеи не были индоевропейскаго происхожденія“ (какъ вы-

ражается онъ на стр. 5), а потому и были „иновѣрны“ съ патриціями (стр. 82). Несомнѣнный фактъ, что жречество и магистратура были раздѣльны (хотя и не всегда исключали другъ друга), явился бы въ болѣе правильной формѣ, еслибы авторъ не былъ слишкомъ увѣренъ въ справедливости названной выше своей теоріи. Быть можетъ, впрочемъ, эта рѣчь объ „отдѣленіи государства отъ церкви“ есть погрѣшность языка, который многократно измѣнялъ автору, хотя въ большинствѣ случаевъ не въ ущербъ смыслу. Таковы, напримѣръ, заголовки параграфовъ: „царскія власти“, „правительственные власти“. Въ первомъ авторъ даетъ краткія свѣдѣнія о *tribunus celerum*, *praefectus urbis* и т. д., во второмъ трактуетъ о государственной власти въ республикѣ. На стр. 72, помянувъ о царскомъ совѣтѣ, авторъ выражается такъ: „которымъ онъ (то-есть, царь) окружалъ себя въ болѣе *тяжкихъ* случаяхъ“; на стр. 74 встрѣчается такая фраза: „закалывали бѣлаго быка, мясо котораго распредѣлялось между всѣми *передовыми* общинами союза“; на стр. 133—„въ древнѣйшее время республики не допускалось совмѣстительство свѣтской магистратуры съ *духовной* должностью“; стр. 119—„планъ полководца назывался *tabula*, которую позднѣе смѣнила *краткая* накладка“; на стр. 121—„*sella curulis* сама по себѣ ничто и никакъ *полковой стулъ*“; на стр. 81—„Такъ какъ римская консервативность“....; на стр. 85—„между тѣмъ какъ въ послѣднемъ случаѣ *imperium* оживало въ полной силѣ, *то* въ городѣ“....; на стр. 86—„новыя магистратуры оказались *всунутыми* между консулатомъ и квестурой“; на стр. 222—„съ 338 г. чеканились въ Римѣ мѣдныя монеты, съ 269—серебряныя, а съ 217—золотыя“; на стр. 137—„для процессовъ за *ambitus* противъ избранныхъ только что магистратовъ“ (курсивъ во всѣхъ этихъ случаяхъ принадлежитъ намъ). Такихъ погрѣшностей довольно много въ изложеніи г. Нетушила, но перечислять ихъ было бы излишне. Съ сожалѣніемъ встрѣтили мы также и нѣкоторое равнодушіе къ правильной передачѣ терминовъ. Такъ, центуріатныя комиціи авторъ почему-то предпочитаетъ называть „центуріатскими“ и трибутныя—„трибутскими“ (къ счастью, впрочемъ, не „трибными“, какъ онѣ именуется въ одномъ переводномъ руководствѣ), куріатныя—„куріатскими“ (стр. 194, пр. 3). Но эти мелочи не ропаютъ, конечно, нисколько ученыхъ достоинствъ изложенія во второй половинѣ перваго выпуска труда г. Нетушила.

Заканчивая этимъ нашу замѣтку, позволимъ себѣ еще разъ высказать сердечное пожеланіе, чтобы почтенный авторъ принялъ благо-

склонно наше разногласіе, не усматривая въ немъ ничего личнаго. Для этого послѣдняго элемента нѣтъ и не можетъ быть никакого основанія, и это тѣмъ болѣе, что г. Нетушила оказалъ вниманіе и нашей работѣ, въ одномъ соглашаясь съ нашими положеніями и расходясь въ другомъ. Мы питаемъ къ нему за это вниманіе искреннюю признательность и считаемъ своимъ долгомъ высказать здѣсь это. Но такъ какъ, говоря словами Теренція, —

— — — in medio omnibus

Palmas esse positam, qui artem tractant musicam,

и ученый споръ при разногласіи въ воззрѣніяхъ есть дѣло обязательное, а появленіе пераго на русскомъ языкѣ самостоятельнаго „Очерка римскихъ древностей“ есть само по себѣ событіе въ нашей ученой литературѣ, то мы и сочли своимъ долгомъ откровенно высказать наше сужденіе о томъ, что, по нашему мнѣнію, является существеннымъ недостаткомъ въ трудѣ г. Нетушила.

Юліанъ Кулаковскій.

В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. С.-Пб. 1890 г. Томъ II. Власть. Вып. 1. Вѣче и князь. С.-Пб. 1893 г.

„Въ наше время отъ исторіи требуютъ раскрытія законовъ развитія человѣческихъ обществъ“.

(*В. И. Сергѣевичъ*, Государство и право въ исторіи).

По поводу всякой монографіи можно сдѣлать много отдѣльных замѣчаній, указать много нерѣшенныхъ вопросовъ, и этимъ будетъ исполнено дѣло критика. Когда же передъ нами лежатъ части цѣлой системы, дѣло становится, безъ сомнѣнія, гораздо сложнее: не будетъ абсурдомъ сказать, что можетъ быть вѣрное мировоззрѣніе, подкрѣпленное невѣрными фактами. Поэтому, касаясь цѣлой научной системы, критикъ долженъ или ограничиться однимъ формальнымъ разборомъ, указаніемъ содержанія, опредѣленіемъ мѣста даннаго труда въ ряду ему подобныхъ, выясненіемъ, наконецъ, его общаго значенія; или онъ долженъ коснуться тѣхъ общихъ теорій, которыя вложены въ основу разбираемаго сочиненія, такъ какъ истинность отдѣльных положеній всецѣло зависитъ отъ истинности исходнаго пункта. Предметомъ настоящей статьи будетъ формальный разборъ вышеприм-

веденнаго труда проф. В. И. Сергѣевича. Причинами этому служить, во первыхъ, убѣжденіе автора, что стройная научная система вырабатывается цѣлою жизнію ученой дѣятельности и потому можетъ быть съ достаточнымъ основаніемъ разбита и измѣнена лишь тѣмъ, кто выставитъ взамѣнъ ея новую систему (и можно было бы удивляться тогда, „quid sit, quod... ego potissimum surrexerim, quo neque aetate, neque ingenio, neque auctoritate sim... comparandus“) ¹⁾, а повторныхъ, глубокое уваженіе къ тѣмъ теоріямъ, которыя составляютъ основу разбираемаго труда.

I.

Въ 1867 году проф. В. И. Сергѣевичъ выступилъ съ первымъ своимъ произведеніемъ: „Вѣче и князь“. Это была его магистерская диссертация. Самый диспутъ происходилъ въ 1868 году ²⁾. Книга вызвала сильное волненіе въ научныхъ кругахъ и встрѣтила съ одной стороны горячее сочувствіе, съ другой не менѣе горячій протестъ. Лешковъ, славянофилъ и защитникъ общинной теоріи, писалъ ³⁾: „эта диссертация до того дѣльна, что требуетъ отъ читателя столь же дѣльнаго, внимательнаго чтенія, до того отчетлива, что въ самомъ читателѣ предполагаетъ отчетливое знакомство съ дѣломъ и, содержа много, написана со всевозможною сдержанностію, безъ всякихъ увлеченій“, и затѣмъ далѣе въ своемъ разборѣ съ одобреніемъ передаетъ тѣ воззрѣнія проф. Сергѣевича, которыя сходились съ воззрѣніями славянофиловъ, и усиливаетъ тѣни на тѣхъ, которыя не были достаточно рѣзко очерчены осторожнымъ авторомъ. Въ то же время Д. Щ. въ *Голосѣ* ⁴⁾ говоритъ: „авторъ увлекается предвзятыми мнѣніями“. Въ то время какъ Лешковъ упрекаетъ г. Сергѣевича въ излишней осторожности въ вопросѣ о вѣчѣ въ различныхъ городахъ древней Руси (стр. 225), рецензентъ *Голоса* замѣчаетъ: „г. Сергѣевичъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы ограничился только вѣрными, несомнѣнными свидѣтельствами лѣтописей о народныхъ рѣшеніяхъ посредствомъ вѣча; въ такомъ случаѣ его списокъ городовъ былъ бы короче, но имѣлъ бы больше значенія для науки“. Болѣе поздній и очень

¹⁾ *M. Tull. Cicero*, „Pro S. Roscio Amerino“, cap. I, § 1.

²⁾ *М. Погодинъ*, Диспутъ г. Сергѣевича (*Русскій*, 1868, I, стр. 17).

³⁾ *Московскія Университетскія Извѣстія* (1869 г., № 3, стр. 206); перепечатано изъ газеты *Русскій* (1868 г., №№ 48, 49, 51, 53).

⁴⁾ *Голосъ*, 1868, № 307

пристрастный ¹⁾ критикъ М. О. Кояловичъ говорить ²⁾: „Въ сочиненіяхъ проф. Сергѣевича можно видѣть какъ бы середину между славянофильствомъ и западничествомъ“. Какъ мы постараемся далѣе доказать, проф. В. И. Сергѣевичъ въ своихъ трудахъ является черезчуръ безпристрастнымъ ученымъ, чтобы быть западникомъ или славянофиломъ, чтобы все подчинить общинной или родовой теоріи. Если нужно однимъ словомъ охарактеризовать его теорію, скажемъ даже, его школу, то лучшимъ названіемъ будетъ школа сравнительнаго изученія. Владимірскій-Будановъ справедливо указываетъ ³⁾, что существо ученія В. И. Сергѣевича—въ опредѣленіи обще-европейскихъ культурныхъ сторонъ въ исторіи русскаго права. Въ своихъ трудахъ проф. Сергѣевичъ примѣняетъ конкретно-дедуктивный методъ, указанный Д. С. Миллемъ для социальныхъ изслѣдованій ⁴⁾. Этими онъ избѣгаетъ безпочвеннаго стремленія выводить государственное право изъ абсолюта, какъ дѣлали нѣмецкіе представители философіи права, а, съ другой стороны, не впадаетъ въ крайности школы археологической. Свои воззрѣнія на методъ и задачу государственнаго права проф. В. И. Сергѣевичъ выразилъ въ докторской диссертациі, появившейся въ 1871 г.: „Задача и методъ государственныхъ наукъ, очеркъ современной политической литературы“. Онъ говорить ⁵⁾: „цѣль нѣмецкой философской науки о государствѣ далеко расходится съ реальными условіями жизни, а потому есть основаніе сомнѣваться въ пользѣ ея осуществленія“; и далѣе ⁶⁾: „задача чистой науки (права), въ противоположность къ задачѣ нѣмецкой философіи права, заключается не въ установленіи самыхъ нормъ права, а въ раскрытіи законовъ сосуществованія и послѣдовательности социальныхъ явленій фактической государственной жизни, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова“. Очевидно, что и для славянофиловъ и для западниковъ, къ числу которыхъ принадлежало большинство тогдашней ученой среды, для людей, выросшихъ на преданіяхъ сороковыхъ годовъ, которыхъ „жизнь была поглощена изученіемъ и обсу-

¹⁾ См. рец. К. Н. Бестужева-Рюмина въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1885 г., № 1, стр. 95—140.

²⁾ *Исторія русскаго самосознанія*, С.-Пб., 1884 г., стр. 272.

³⁾ *Обзоръ исторіи русскаго права*, 2-е изд., Киевъ, 1888 г., стр. 9.

⁴⁾ *Логика*, русск. пер., ч. II, „О методѣ нравственныхъ наукъ“, гл. IX, стр. 171.

⁵⁾ Стр. 8.

⁶⁾ Стр. 34.

жденіемъ Гегеля и Шеллинга, Гёте и Шекспира“¹⁾, когда Н. Станкевичъ говорилъ²⁾: „человѣкъ... не долженъ бояться мысли ни въ какомъ отношеніи“,—В. И. Сергѣевичъ былъ чуждъ со своимъ очевиднымъ предпочтеніемъ позитивизма. Мы не станемъ входить въ оцѣнку того и другаго направленія, замѣтимъ лишь, что нельзя отрицать значительныхъ заслугъ позитивизма въ сферѣ социальныхъ и естественныхъ наукъ, и что направленіе В. И. Сергѣевича было знаменіемъ того времени, когда молодое поколѣніе шло противъ абсолютныхъ теорій своихъ учителей и отцовъ. Но замѣчательно, что, отрицая методъ построенія науки изъ абсолюта, В. И. Сергѣевичъ не примкнулъ и къ лагерю русскихъ позитивистовъ 1860—1870 годовъ³⁾, которые въ сферѣ specially юридической послѣ судебной реформы выдвинули на первый планъ изученіе дѣйствующаго положительнаго права и методъ догматическій⁴⁾, а проф. Сергѣевичъ былъ совершенно чуждъ догматики⁵⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что съ момента появленія его магистерской и докторской диссертаций онъ остался внѣ лагерей, на которые дѣлилось тогдашнее ученое сословіе. Слѣдующими работами проф. В. И. Сергѣевича, работами подготовительными къ его курсу исторіи русскаго права, были: „Земскіе соборы Московскаго государства“⁶⁾ и „Государство и право въ исторіи“⁷⁾. Основными положеніями первой статьи были: „отрекаясь отъ бояръ, царь, естественно, ищетъ поддержки въ народѣ; такова мысль перваго собора“⁸⁾. „Одной патріотической дѣятельности земскихъ соборовъ начала XVII вѣка уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностію“⁹⁾; „для борьбы съ боярами были они (земскіе соборы) созваны въ первый разъ, на злоупотребленія

¹⁾ П. Виноградовъ, И. В. Кирѣевскій и начало Московскаго славянофильства (*Вопросы философіи и психологіи*, 1892 г., январь, кн. II, стр. 101).

²⁾ Ibid., стр. 126.

³⁾ См. рецензію А. Л. на сочиненіе В. И. Сергѣевича: Метода и задача государственныхъ наукъ (*С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1873 г., №№ 182 и 208), и отвѣтъ В. И. Сергѣевича (ibid., № 208).

⁴⁾ Объ этомъ направленіи jurisprudenціи см. *Шершеневичъ*. Наука гражданскаго права въ Россіи, Казань, 1893, стр. 79—80 и слл.

⁵⁾ О догматизмѣ позитивистовъ вообще см. *S. J. Gruber, August Comte, der Begründer des Positivismus*. Freiburg im Breisgau, 1889, S. 117.

⁶⁾ *Сборникъ государственныхъ знаній*, изд. Безобразовымъ, т. II, С.-Пб., 1875 г., стр. 1—59.

⁷⁾ Ibidem., т. VII, изд. 1879 г., стр. 19—96.

⁸⁾ Стр. 5.

⁹⁾ Стр. 41.

бояръ указываютъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ, но борьба эта велась не одинаковымъ оружіемъ и не при равныхъ условіяхъ. Бояре были ближе къ царю и успѣли, наконецъ, удалить отъ лица его представителей земли¹⁾. Вопросъ о земскихъ соборахъ очень часто поднимался и рѣшался различно, но въ большинствѣ случаевъ противно взглядамъ В. И. Сергѣевича. Происходило это и отъ вліянія иного построенія хода исторіи Московскаго государства²⁾ и отъ того, что земскіе соборы сравнивали съ твердо организованными представительными парламентами Западной Европы³⁾, отъ чего самъ В. И. Сергѣевичъ предостерегаетъ, указывая ихъ несонзѣримость⁴⁾. Вторая статья для насъ болѣе важна; она вошла въ видѣ введенія въ „Лекціи и изслѣдованія“ 1883 года и рѣшаетъ вопросъ о методѣ исторіи и о значеніи различныхъ факторовъ ея. Здѣсь В. И. Сергѣевичъ склоняется къ понятію исторіи, какъ науки о законахъ развитія человѣческихъ обществъ⁵⁾. Онъ раскрываетъ сравнительную незначительность вліянія природы на строй общественной жизни и выставляетъ два основныхъ дѣятеля въ исторіи: 1) прямая передача и 2) вліяніе одинаковыхъ причинъ, къ которымъ онъ причисляетъ и происхожденіе отъ общаго корня. Что касается метода, то онъ принимаетъ сравнительный методъ⁶⁾. Затѣмъ далѣе авторъ опредѣляетъ національность лишь вліяніемъ сходныхъ причинъ. Онъ говоритъ⁷⁾: „единство происхожденія семьи индоевропейскихъ народовъ, есть твердо установленный фактъ науки. Въ этой группѣ народовъ, слѣдовательно, всѣ національныя различія не только могутъ, но и должны быть объясняемы различіемъ историческихъ условій, а никакъ не искони приращенными и навсегда неизмѣнными свойствами“. Послѣ этого В. И. Сергѣевичъ указываетъ на неопредѣленность понятія прогресса и кончаетъ установленіемъ періодовъ русской исторіи, которыхъ онъ

¹⁾ Стр. 59.

²⁾ Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2-е, М., 1883, и „Составъ представительства на земскихъ соборахъ“ (*Русская Мысль*, 1892, № 1).

³⁾ Б. Н. Чичеринъ, О народномъ представительствѣ, М., 1866.

⁴⁾ XXIX присужденіе Уваровскихъ премій. Рец. соч. Латкина (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1886, № 10).

⁵⁾ Стр. 21 и слѣд.

⁶⁾ Интересно, что когда писалась статья В. И. Сергѣевича, въ наукѣ меньше всего обращалось вниманіе на прямую передачу. Теперь, благодаря соч. *Tarde: Les lois de l'imitation*, она выдвинута впередъ, равно какъ и теорія параллельнаго развитія противъ эволюціонизма (см. „*Les transformations des lois*“ того же *Tarda*).

⁷⁾ Стр. 27.

принимаетъ три ¹⁾: княжескій, московскій и императорскій. Какъ мы уже сказали, только что приведенныя двѣ статьи были подготовительными работами къ курсу лекцій. Въ 1883 году В. И. Сергѣевичъ выпустилъ свои „Лекціи и изслѣдованія“. Это, можно сказать, капитальѣйшая изъ его работъ, если не считать „Юридическихъ древностей“. Послѣдующія изданія лекцій были или перепечаткой этого изданія (въ 1885 г.) или съ вѣскольکو сокращеннымъ содержаніемъ (въ 1890 г.) ²⁾. Мы не будемъ останавливаться на фактическомъ содержаніи „Лекцій и изслѣдованій“, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, а передадимъ лишь его оглавленіе, такъ какъ, очевидно, что по такому же плану будетъ издаваться тотъ трудъ В. И. Сергѣевича, который и составляетъ специальную задачу настоящаго разбора. Согласно вышеприведенному мнѣнію, авторъ дѣлитъ русскую исторію на три періода: княжескій, московско-царскій и императорскій. Въ каждомъ изъ нихъ разсматривается: 1) источники права, 2) государственное право, 3) уголовное право, 4) гражданское (сѣеиное, вещное и наследственное) и судопроизводство. Въ отдѣлѣ государственнаго права разсматривается устройство и управление. Этими мы ограничимся ³⁾ для выясненія общихъ взглядовъ В. И. Сергѣевича, на сколько они выяснились въ предыдущихъ его трудахъ.

II.

Разбираемый нами трудъ проф. Сергѣевича названъ „Русскія юридическія древности“; самое названіе ихъ приводитъ на память вѣстное сочиненіе Якова Гримма „Deutsche Rechtsalterthümer“. Вотъ какъ опредѣляетъ Гриммъ задачу изслѣдователя юридическихъ древностей, сравнивая его съ юристомъ историкомъ ⁴⁾: „Ich... will den Unterschied erklären, der zwischen dem historischen Rechtsgelehrten eintritt und dem Alterthumsforscher. Jener erläutert das neue aus

¹⁾ Стр. 74 и слѣд.

²⁾ Итъ „Территоріи“.

³⁾ Кромѣ названныхъ статей, В. И. Сергѣевичемъ редактированы IV, VIII, XIV, XXXII, XXXVI и XLIII тт. „Сборника Императорскаго Историческаго Общества“, гдѣ содержатся матеріалы Екатерининской комиссіи для составленія уложенія, и написаны рецензіи: 1) соч. *Затирковича* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876, ч. 183, № 1 (январь), стр. 204—236; 2) изд. *Полномощныхъ* матеріалы Екатерининской комиссіи, *Вѣстникъ Европы*, 1876 г., № 1, и 3) соч. *Пахмана*: Исторія кодификаціи гражданскаго права, *Вѣстникъ Европы*, 1876 г., № 11.

⁴⁾ *J. Grimm*, *Deutsche Rechtsalterthümer*, Göttingen, 2-te Ausgabe, 1854, Vorrede.

der Geschichte des alten, dieser das alte aus dem alten selbst und nur hielfsweise aus dem jüngeren; jener lässt das ganz veraltete dieser das bloss neue bei Seite liegen. Jener ist gezwungen, das alte dem System des neuen Rechts anzufügen, dieser wird geneigt sein, die viel gestaltige Erscheinung des alten auf ihrer breiteren, freieren Grundlage ruhen zu lassen. In dem Alterthum war alles sinnlicher enstaltet, in der neuen Zeit drängt sich alles geistiger zusammen. Hier ist vorzugweise Erwägung, Begründung und Darstellung geboten, dort Sammlung und einfache Erzählung“. Очевидно, потребности нашего времени, куда “drängt sich alles geistiges zusammen“, заставили уже и самого Я. Гримма отступить от простаго разказа и собиранія древностей и дать рядъ изысканій и доказательствъ. Это мы видимъ и у Ланге въ его “*Römische Alterthümer*“ и у Шафарика въ его “*Славянскихъ древностяхъ*“ и даже у Гавріила Успенскаго въ “*Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ*“. Шафарикъ говорить ¹⁾: “полное описаніе славянскихъ древностей будетъ содержать въ себѣ, кромѣ изслѣдованія о происхожденіи народа, древнѣйшую внутреннюю и внѣшнюю исторію его, съ самаго отдаленнаго времени, въ какое только можно открыть существованіе славянъ, до той поры, гдѣ начинается настоящая исторія каждаго отдѣльнаго племени“. Этими уничтожается, въ сущности, разница между исторіею въ широкомъ смыслѣ и древностями ²⁾. И трудъ профессора Сергѣевича можно разсматривать, какъ исторію древняго нашего права, хотя, слѣдуя указанію Гримма, авторъ говоритъ ³⁾: “на новыхъ явленіяхъ московской жизни мы останавливаемся, на сколько они имѣютъ прямое отношеніе къ старинѣ, отрицая ее или дополняя“. И дѣйствительно, разсматривая курсы исторіи русскаго права, напри- мѣръ, Мрочека-Дроздовскаго ⁴⁾, Владимірскаго-Буданова ⁵⁾ и неполный курсъ проф. Загоскина ⁶⁾, мы, оставляя въ сторонѣ различіе взглядовъ, получимъ аналогическое содержаніе; курсы же самого профессора В. И. Сергѣевича совершенно сходны съ его юридическими древностями (разумѣется, въ тѣхъ частяхъ, о которыхъ гово-

¹⁾ Шафарикъ, Славянскія древности, пер. О. Бодляскаго, М., 1848, т. I, кн. 1, стр. 4, § 2.

²⁾ Ср. *Römische Alterthümer Lange* съ *Römische Geschichte Schwegler's*.

³⁾ В. И. Сергѣевичъ, Юридическія древности, т. I, предисловіе.

⁴⁾ Исторія русскаго права, М., 1892.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, 2-е изд., Кіевъ, 1888 г.

⁶⁾ Исторія права Московскаго государства, т. I, Казань, 1877.

рятся въ вышедшихъ томахъ послѣдняго сочиненія), отличаясь лишь тѣмъ, что въ курсахъ нѣтъ текста цитать, на который ссылается авторъ, и кое-что сокращено. Это призналъ и самъ В. И. Сергѣевичъ, отсылая читателей въ послѣднемъ изданіи своихъ лекцій къ должествующей появиться первой части его юридическихъ древностей¹⁾. Признавъ это, мы невольно должны задать вопросъ: къ чему же въ такомъ случаѣ это изданіе проф. Сергѣевича? Я думаю, что на это можно дать довольно удовлетворительный отвѣтъ: лекціи всегда носятъ характеръ неполнѣ отдѣланный, издаются не въ большомъ числѣ экземпляровъ самими слушателями и только просматриваются профессоромъ. Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, профессоръ не съ равною полнотою читаетъ всѣ отдѣлы своего курса, разнообразіе изложеніе изъ года въ годъ. Для экзамена пробѣлы пополняются изданіемъ лекцій, которое дѣлается обыкновенно по изданіямъ предыдущихъ лѣтъ. Очевидно, что со временемъ ученый, желая дать большому кругу читателей свою исторію права въ системѣ, долженъ почти сызнова пересмотрѣть, почистить, такъ сказать, свой курсъ. Вообще, если можетъ быть вопросъ въ этомъ случаѣ, то только относительно заглавія новаго изданія. Но это послѣднее—вещь до такой степени субъективная, что навѣрно никто не станетъ претендовать на автора за то, что онъ взялъ то, а не другое. Но въ названіи профессоръ В. И. Сергѣевичъ выказываетъ тонкую разницу между университетскимъ курсомъ и книгой, назначенной для общаго чтенія; лекціи должны быть, въ нѣкоторомъ родѣ, символомъ вѣры даннаго профессора: онъ долженъ дать въ нихъ своимъ слушателямъ твердое и определенное понятіе о своемъ предметѣ; ученый же не можетъ съ такою самоувѣренностію выступить со своею системою, и вотъ вмѣсто исторіи русскаго права передъ нами лежатъ русскія юридическія древности; еще Гизо указывалъ на отвѣтственность историка, говоря: „Историкъ, едва ли и не болѣе всякихъ другихъ писателей, обязанъ отдавать публикѣ отчетъ о своей личности; онъ ручается за достоверность тѣхъ фактовъ, которые онъ намъ разказываетъ“.

Первый томъ „Русскихъ юридическихъ древностей“ посвященъ территории и населенію. Въ книгѣ первой, о территоріи, авторъ разсматриваетъ вопросы о первоначальномъ составѣ и дѣленіи Русской земли, о взаимныхъ отношеніяхъ городовъ и пригородовъ и, наконецъ, о возникновеніи единого Московскаго государства. Вторую книгу составляютъ

¹⁾ Лекціи, изд. 1890 г., стр. 92.

изслѣдованія о населеніи. В. И. Сергѣевичъ дѣлитъ все населеніе на свободныхъ и несвободныхъ. Онъ разбираетъ разные виды несвободныхъ и разнообразныя разряды свободнаго населенія (смерды, закупы, крестьяне, изгой, числяки, ордынцы, дѣлюн, закладни, купцы, гости, посадскіе люди, бояре, вольные слуги, дѣти боярскіе, путные бояре); затѣмъ разсматриваются, какъ отдѣльный видъ населенія, дворовыя чины (бояре введенные, окольничіе, дворецкіе, конюшіе, крайчіе, казначеи, дворяне думные, оружничіе, постельничіе, стряпчіе съ ключемъ, ловчіе и сокольничіе, печатники и стольники) и дьяки. Поводъ выдѣленія послѣднихъ отдѣловъ авторъ объясняетъ въ предисловіи: „это потому, что дворъ московскихъ государей является дѣлательнымъ факторомъ, существенно изъясняющимъ обликъ высшихъ классовъ населенія. Придворная служба, привлекающая къ себѣ все большія и большія силы, перерабатываетъ старыхъ вольныхъ слугъ въ тѣ чиновныя разряды населенія, которые наполняютъ города и уѣзды Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкѣ“ ¹⁾. В. Н. Латкинъ въ рецензій на этотъ томъ ²⁾ упрекаетъ В. И. Сергѣевича за то, что, говоря о населеніи, онъ не упоминаетъ о духовенствѣ. Странно было бы, еслибы авторъ ввелъ въ отдѣлъ о населеніи духовенство, такъ какъ права и обязанности этого послѣдняго вытекаютъ не изъ общихъ правъ и обязанностей всего населенія. Какъ власти гражданскія выдѣлены въ отдѣльную книгу, такъ и власти духовныя должны занимать отдѣльное мѣсто. Томъ второй носитъ заглавіе „Власти“. Первый выпускъ составляетъ „Вѣче и князь“. В. И. Сергѣевичъ въ предисловіи къ этому выпуску замѣчаетъ, что хотя онъ и носитъ то же заглавіе, какъ и магистерская диссертация автора, но не названъ вторымъ изданіемъ, такъ какъ почти цѣликомъ переработанъ. Этотъ выпускъ дѣлится на двѣ книги: 1) вѣче и 2) князь. Въ первой разсматриваются вопросы: гдѣ и когда было вѣче, и объ устройствѣ и исторіи вѣчевыхъ собраний. Во второй изслѣдуется положеніе князя (договорное право, его значеніе, княжескіе съѣзды и конецъ договорнаго права), указывается распредѣленіе волостей между князьями (отношенія князей между собою и съ народомъ) и, наконецъ, говорится о служебныхъ князьяхъ. Въ видѣ дополнительной главы къ этому выпуску является разборъ теоріи родового быта по отношенію ея къ княжескому устройству древней Руси.

¹⁾ Предисловіе, стр. II.

²⁾ *Историческій Вѣстникъ*, 1890, стр. 668.

III.

В. И. Сергѣевичъ говоритъ ¹⁾: „наша древность не знаетъ единого „государства Россійскаго“, она имѣетъ дѣло со множествомъ одновременно существующихъ небольшихъ государствъ“. Въ этомъ его воззрѣніе сходно съ воззрѣніями Гизо, по которому исторія Франціи началась также съ отдѣльныхъ государствъ ²⁾, и Г. Вебера, по которому всякое государство начинается свою исторію съ отдѣльныхъ мелкихъ единицъ ³⁾. При этомъ надо замѣтить, что В. И. Сергѣевичъ не считаетъ государство Россійское единымъ и въ смыслѣ народнаго сознанія. Какъ мы увидимъ далѣе, онъ указываетъ на то, что первоначальный лѣтописецъ есть, собственно говоря, лѣтописецъ полянъ ⁴⁾. Въ этомъ онъ расходится кореннымъ образомъ съ славянофилами, по которымъ „единство русскаго народа должно быть аксіомой въ его исторіи“ ⁵⁾, а также и съ новѣйшею школою федераціи князей, представителемъ которой является М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Этотъ послѣдній говоритъ ⁶⁾: „главнымъ основаніемъ союза было сознаніе національнаго единства въ самомъ населеніи“. Такое воззрѣніе В. И. Сергѣевича согласно съ его взглядомъ на національность, по которому эта послѣдняя есть результатъ исторіи и вліянія одинаковыхъ причинъ ⁷⁾. Затѣмъ авторъ указываетъ на то, что первоначально территорія носила названіе „волости“, и говоритъ, что этотъ терминъ „очень хорошо выражаетъ юридическую природу государственной территоріи: все, что находится въ предѣлахъ территоріи, состоитъ подъ одною властью, а потому и составляетъ одно государственное цѣлое — волость“ ⁸⁾. Эти волости состоятъ изъ городовъ и пригородовъ. „Городъ“ означаетъ собственно всякое укрѣ-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 1.

²⁾ „Histoire de la civilisation en France“, Paris, 1862, vol. 1, page 211 sqq.

³⁾ Всеобщая исторія, т. I, стр. 27 sqq., русск. пер. Андреева, М., 1885 г.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 84 sqq.

⁵⁾ В. Лешковъ, Русскій народъ и государство, М. 1858, стр. 93, хотя К. Аксаковъ и признаетъ дробность политическую (Соч., т. I, стр. 144).

⁶⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, Кіевъ, 1888 г., I, стр. 110^о ср. стр. 25 sqq.

⁷⁾ Государство и право въ исторіи (Сборникъ госуд. знаній, Безобразова, т. VII, стр. 51 sqq.).

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 3.

пление съ цѣлью обороны ¹⁾. Городъ образуетъ центръ, вокругъ котораго группируются волости. Такое воззрѣніе на значеніе города вообще господствуетъ въ литературѣ ²⁾. Только Д. И. Самоковъ стоитъ отдѣльно, отождествляя городъ и волость; но его мнѣніе отличается больше оригинальностью, чѣмъ доказательностью, равно какъ и желаніе его выводить общественную жизнь древней Руси изъ городовъ въ селенія, а не наоборотъ, что принято наукою ³⁾.

Интересно замѣтить, что В. И. Сергѣевичъ не начинаетъ своего изслѣдованія съ семьи, рода, общины и т. п., какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, А. Никитскій ⁴⁾, а прямо съ политическихъ единицъ: этимъ онъ избѣгаетъ многихъ спорныхъ вопросовъ, которые, къ тому же, относятся не къ специально русской исторіи, а къ общей исторіи политическихъ учреждений. Такимъ же образомъ поступаютъ и историки римскаго права. Э. Кунце говоритъ просто ⁵⁾: „Wir haben demgemäss anzunehmen, dass Rom aus der Vereinigung einer latini-schen Colonie mit einem sabinischen ver sacrum emporwuchs und das junge Gemeinwesen im latnischen Verbund blieb, aus ihm seine Hauptnahrung zog und dann Repräsentant des latnischen Geistes wurde“; а Игерингъ прямо замѣчаетъ ⁶⁾: „настоящее положеніе дѣла заключается въ томъ, что все это (право, религія и нравственность) существовало уже до Рима, и всѣ основатели Рима принесли съ собою этотъ багажъ“. Опредѣливъ положеніе города въ волости, В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ взаимныя отношенія городовъ и пригородовъ и процессъ сложенія и разложенія волостей. Какъ на причины выдѣленія изъ состава старыхъ волостей новыхъ территориальныхъ единицъ, авторъ указываетъ на стремленіе пригородовъ, съ ихъ усиленіемъ, отдѣлиться отъ старшихъ городовъ и затѣмъ на желаніе князей имѣть независимое отъ другихъ князей положеніе. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁷⁾: „Весьма понятное стремленіе членовъ кня-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 4 и прил. 1.

²⁾ См. рец. Ф. И. Леонтьевича на соч. Самоковова: Древніе города Россіи (Сборникъ госуд. знаній, Безобразова, т. II, стр. 35).

³⁾ Древніе города Россіи, С.-Пб., 1873, стр. 33 sqq. и 143 sqq.

⁴⁾ Очеркъ внутренней исторіи Пскова, С.-Пб., 1873, стр. 6.

⁵⁾ *Curia des Römischen Rechts*, 2-te Auflage, Leipzig, 1879, § 51, S. 25.

⁶⁾ „Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія“, ч. I, русск. пер., С.-Пб., 1875, стр. 84 sqq.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 13.

жескаго рода, этихъ прирожденныхъ правителей, имѣть независимое отъ другихъ князей положеніе, ведетъ то къ соединенію, то къ дробленію первоначальныхъ волостей. Князь, у котораго была только одна волость, но нѣсколько сыновей, чувствуя приближеніе смерти, старшему сыну даетъ обыкновенно старшій городъ, пригороды же раздѣляетъ между сыновьями, но въ качествѣ самостоятельныхъ волостей". Затѣмъ авторъ приводитъ исторію Ростовской волости, какъ иллюстрацію своихъ положеній и для подтвержденія того, что старшіе города постоянно противились дробленію волостей и отдѣленію отъ нихъ пригородовъ. При этомъ онъ указываетъ на то, что, тогда какъ князья не имѣли мысли о единомъ цѣломъ существѣ волости, эта мысль была политическимъ *credo* бояръ ¹⁾. Эти вопросы неразрывно связаны съ междукняжескими отношеніями и съ отношеніями князя къ народу, и мы еще къ нимъ вернемся, когда будемъ разсматривать 1-й выпускъ II-го тома. Замѣтимъ, что уже тутъ высказывается мнѣніе В. И. Сергѣевича, что лучшія теоріи и дѣянія владимірскихъ, а потомъ московскихъ князей и царей были дѣломъ бояръ, плодомъ ихъ патріотизма и опытности, при чемъ подъ боярами понимаются не придворные чины, а старые вольные слуги.

Указавъ затѣмъ на то, что волости назывались еще отчинами, не въ смыслѣ современной вотчины, а какъ наименованіе отчаго стола, авторъ замѣчаетъ, что „въ этомъ же... смыслѣ и московскіе князья называютъ своей отчиной Москву и великое княженіе Владимірское, а не въ смыслѣ своей частной собственности“ ²⁾. Это замѣчаніе надо имѣть въ виду, такъ какъ нерѣдко злоупотребляютъ вотчинной теоріей. В. И. Сергѣевичъ самъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ ³⁾: „на первыхъ ступеняхъ развитія мы вездѣ встрѣчаемся съ преобладаніемъ частныхъ началъ надъ общими, государственными“. Но сомнительно, чтобы до-монгольскій періодъ могъ быть названъ первичною формою развитія. Костомаровъ говорилъ ⁴⁾: „тѣ заблуждались, которые воображали себѣ, что древніе князья были вотчинниками или владѣльцами своихъ удѣловъ“. Укажемъ здѣсь, что защитникомъ вотчиннаго обладанія князьями своихъ волостей былъ Б. Н.

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 15—30.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 32.

³⁾ Государство и право въ исторіи (Сборникъ госуд. знаній, *Безобразова*, VII, стр. 24).

⁴⁾ Начало единодержавія въ древней Руси (*Вѣстникъ Европы*, 1870, XI, стр. 32).

Чичеринъ ¹⁾. Далѣ В. И. Сергѣевичъ останавливается на политической самостоятельности волостей и говоритъ ²⁾: „волости-княженія... составляли самостоятельныя государства. Все, что находилось въ предѣлахъ территоріи каждаго такого государства, подлежало дѣйствию мѣстной власти“, и далѣ ³⁾: „полная политическая особность волостей есть наша древность“. Это воззрѣніе почтеннаго автора стоитъ, можно сказать, особнякомъ. Противъ него и родовая теорія съ Эверсомъ и С. М. Соловьевымъ, и федеративная теорія Костомарова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова. За него одинъ Б. Н. Чичеринъ, но и тотъ исходитъ изъ совершенно другаго принципа, именно принципа частной собственности. Согласно своей задачѣ, мы не будемъ входить въ оцѣнку ни одного изъ этихъ направленій. Замѣтимъ лишь, что какъ, съ одной стороны, нельзя отрицать внутренней независимости данныхъ волостей, такъ, съ другой, врядъ ли возможно доказать, что взаимныя отношенія ихъ были отношеніями международными (рѣчь идетъ о времени до-монгольскомъ). В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁴⁾: „первыя наши князья, Владиміръ и Ярославъ, которыхъ можно назвать князьями правителями, а не предводителями только вольной дружины, не были основателями единого Россійскаго государства. Представляется въ высшей степени вѣроятнымъ, что такая мысль была чужда князю Владиміру. Что же касается сына его, Ярослава, то завѣщаніе его не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ не смотрѣлъ на современную ему Россію, какъ на единое политическое тѣло“. Замѣтимъ, что со времени Карамзина нѣтъ защитниковъ политическаго единства древней Руси. Вопросъ заключается лишь въ способѣ и принципахъ ея дѣленія. Далѣ авторъ говоритъ, что „волостной порядокъ государственнаго устройства продолжается у насъ до возникновенія Московскаго государства“ ⁵⁾. Честь сознательнаго отношенія къ вопросу о единствѣ своей волости, какъ политическаго цѣлаго, В. И. Сергѣевичъ приписываетъ Дмитрію Ивановичу Донскому или, вѣрнѣе, его боярамъ. Авторъ указываетъ, что послѣ смерти отца Дмитрій остался девяти лѣтъ: „но въ этомъ обстоятельствѣ и заключалось чрезвычайно благоприят-

¹⁾ Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей (*Русскій Вѣстникъ*, 1867 г., т. VII, стр. 657, и т. VIII, стр. 6).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 84.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 87.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 47.

⁵⁾ Ibidem.

ное условіе для успѣшнаго развитія московской территоріи. Въ малолѣтство князей управление находилось въ рукахъ бояръ великаго княженія Владимірскаго¹⁾. Надо замѣтить, что мнѣніе проф. В. И. Сергѣевича по этому вопросу—господствующее въ настоящее время. Далѣе авторъ излагаетъ исторію расширенія территоріи московскихъ князей, пока Иванъ Грозный не оставилъ своему сыну „царство Русское“. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ выясняетъ вопросъ о происхожденіи наименованія „русское“ и касается одного изъ самыхъ спорныхъ и запутанныхъ вопросовъ русской исторіи, именно о происхожденіи Руси. Авторъ начинаетъ съ того, что въ XII вѣкѣ Русью называли землю полянь, придѣлпровьѣ, Кіевское княженіе. Для этого онъ приводитъ лѣтописныя сказанія по разнымъ спискамъ²⁾. Установивъ такимъ образомъ терминологию, В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что производство слова „Русь“ отъ варяговъ-руси было лишь догадкою перваго лѣтописца по поводу этого и тогда уже спорнаго вопроса³⁾. По этому поводу С. М. Соловьевъ писалъ⁴⁾: „Вопросъ о происхожденіи Руси есть вопросъ лѣтописный. Много было написано, можно еще больше написать изслѣдованій филологическихъ и всякихъ по этому вопросу; но въ основаніи его лежитъ вопросъ о лѣтописи. Кто не согласится рѣшать легко трудные вопросы, тотъ не согласится считать баснею лѣтописное извѣстіе о происхожденіи князей, не согласится признать, что правнуки не знали о происхожденіи своего прадѣда, что народъ, лучшіе въ немъ люди не знали, позабыли, откуда пошла Русская земля“. В. И. Сергѣевичъ съ большимъ основаніемъ раздѣляетъ вопросъ: онъ говоритъ, что весьма вѣроятно сказаніе о призваніи князей изъ-за моря. Что же касается до названія „русь“, то въ виду того, что это названіе имѣетъ одно кіевское княженіе, тогда какъ варяги первоначально основались въ Новгородѣ, Полоцкѣ и вообще на сѣверѣ, надо признать его именемъ не варяжскаго происхожденія⁵⁾. Надо замѣтить, что В. И. Сергѣевичъ не рѣшаетъ вопроса о происхожденіи этого имени. Самъ С. М. Соловьевъ указываетъ, что тогда какъ князья пришли съ сѣвера, названіе „русь“—происхожденія южнаго⁶⁾. Но оба автора, воз-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 63.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 80—84.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 85.

⁴⁾ Начало Русской земли, II (Сборникъ госуд. знан., VII, стр. 6).

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 86—88.

⁶⁾ Исторія Россіи съ древѣйшихъ временъ, т. I, изд. 4-е, М., 1866, стр. 104.

ражая противъ норманскаго происхожденія имени руса, не входятъ въ разсмотрѣнiе готской теорiи ¹⁾. При этомъ позволимъ себѣ замѣтить, что возраженiя В. И. Сергѣевича и С. М. Соловьева хотя направлены противъ изслѣдователей, соединявшихъ имя руси съ князьями-варягами, но могутъ служить въ качествѣ возраженiй вообще противъ вывода имени „русь“ съ сѣвера, какъ это дѣлали Костомаровъ, выподя его изъ Литвы ²⁾, и Иловайскiй, производя его отъ славянъ ³⁾. Мы, конечно, не можемъ здѣсь входить въ разборъ варяжскаго вопроса. Позволимъ себѣ лишь привести слова нашего историка ⁴⁾: „Если влiянiе норманской народности было незначительно, если, по признанiю самыхъ сильныхъ защитниковъ норманства, влiянiе варяговъ было болѣе наружное, если такое наружное влiянiе могли одинаково оказать и дружины славянъ поморскихъ, столько же храбрыя и предприимчивыя, какъ и дружины скандинавскiя, то ясно, что вопросъ о національности варяговъ-руси теряетъ свою важность въ нашей исторiи“. Изслѣдованiе о территорiи древней Руси В. И. Сергѣевичъ кончаетъ опредѣленiемъ времени и условiй передачи имени Русскаго государства Московскому княженiю. Онъ говоритъ ⁵⁾: „къ наименованiю царства Русскаго примѣнено оно (имя Руси) лишь московскими великими князьями и, думается намъ, не безъ влiянiя церковнаго единства Русской земли, которое на много вѣковъ опередило наше государственное единство“. Авторъ указываетъ, что митрополиты стали называться русскими отъ Кiева. Перейдя въ Москву, они продолжали именоваться „всея Руси“. Князья московскiе присоединили къ своему титулу это „всея Русь“, чтобы не казаться ниже власти духовной ⁶⁾. Замѣтимъ здѣсь, что В. И. Сергѣевичъ не затрогиваетъ

¹⁾ *Васильевскiй*, Византия и печенѣги (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1872, № 11 — 12), Русско-византийскiе отрывки (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876, №№ 3 и 6).

²⁾ Тезисы его теорiи въ *Архивъ историч. и практич. свѣд.*, *Калачова*, 1860—1861 г., I, стр. 90 sqq.

³⁾ О званiи призванiи варяговъ, М., 1871.

⁴⁾ *Исторiя Россiи съ древнѣйшихъ временъ*, т. I, изд. 4-е, М., 1866, стр. 310. Вообще о варяжскомъ вопросѣ см. *Бестужевъ-Рюминъ*, *Русская исторiя*. С.-Пб., 1872, т. I, стр. 68—96. Укажемъ, что нѣкоторые, напримѣръ, Шевыревъ, считали норманское влiянiе значительнымъ (*Исторiя русской словесности*, т. I, ч. 1, гл. 2. С.-Пб., 1887, изд. 3, стр. 47).

⁵⁾ *Юридич. древности*, I, стр. 89.

⁶⁾ *Юридич. древности*, I, стр. 89—90. Позволимъ себѣ замѣтить, что уже Иванъ III Васильевичъ назывался: „Юанъ Божiею милостию великiй Государь царь всеа

въ этомъ мѣстѣ вопроса о возникновеніи московскаго самодержавія и единой державія, которыя возбуждали и возбуждаютъ столько теорій и споровъ ¹⁾, но рѣшаетъ только вопросъ о терминѣ Русскаго государства. Этимъ авторъ кончаетъ первую часть перваго тома своихъ „Юридическихъ древностей“. Нарисованная имъ картина территориальнаго устройства древней Руси соприкасается съ массою другихъ вопросовъ, и поэтому самъ авторъ возвращается къ нему при изслѣдованіи власти вѣча и князя. Территорія является лишь формой, въ которую выливается строй жизни; отношенія городовъ и пригородовъ непосредственно связаны съ вѣчевымъ порядкомъ. Сложеніе и разложеніе волостей — результатъ въ значительной степени княжескихъ между собою отношеній. Созданіе единого Русскаго государства есть слѣдствіе приобрѣтательной дѣятельности московскихъ князей. Народное же сознаніе, даже послѣ великаго акта единенія въ защиту православія, не твердо остановилось на мысли о единомъ государствѣ. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ²⁾: „но и царство Русское и государство Московское все еще продолжаетъ состоять изъ разныхъ государствъ... Волостная старина потеряла уже всякій живой смыслъ въ Московскомъ государствѣ, а въ языкѣ продолжаетъ еще жить“.

IV.

Книга вторая перваго тома „Русскихъ юридическихъ древностей“ посвящена вопросу о населеніи. Авторъ говоритъ въ самомъ началѣ ея ³⁾: „Древняя исторія каждаго народа начинается съ неизвѣстнаго нашему времени дѣленія людей на свободныхъ и рабовъ. Это дѣленіе составляетъ принадлежность и нашего древняго права“. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ приступаетъ къ разсмотрѣнію положенія несвободнаго населенія древней Руси. Указавъ, что несвободные люди существовали у насъ подъ разными именами, онъ разбираетъ два вида холоповъ: полные холопы (которыхъ положеніе было то же, что и всѣхъ до нихъ

Руси Володимирскія, Московскія и Новгородскія и Псковскія и Тверскія и Югорскія и Вятскія и Пермскія и Болгарскія и иныхъ“ (см. *Востоковъ*, Опис. рукоп. Румянцевскаго музея, № XLIV, 5, стр. 60).

¹⁾ См., напримѣръ, соч. *Костомарова*: Начало единой державы въ древней Руси (*Вѣстникъ Европы*, 1870, № 12), *Иловайскаго*: Исторія Россіи, т. III, *Дьяконова*: Власть московскихъ государей, С.-Пб., 1889; *В. И. Сергѣевича*: Лекція, изд. 1890 г., стр. 244—254.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 91—92.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 93.

существовавшихъ несвободныхъ), и холоны кабалыше, возникшіе въ XVI вѣкѣ. Мы послѣдуемъ за авторомъ. Онъ указываетъ, что въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ не опредѣлены права господина по отношенію къ холону, хотя многіе говорятъ объ этихъ послѣднихъ ¹⁾. Объясняется это тѣмъ, что институтъ рабства, происходя изъ обычая, древнѣ всякихъ указовъ. Вообще, хотя на холоповъ смотрѣли, какъ на собственность господина, но не могли не различать того, что есть разница между собственностью-человѣкомъ и всякою другою собственностью. Поэтому по отношенію къ холопамъ существуетъ отдѣльный отъ другихъ вещныхъ отношеній рядъ законовъ. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ пространство правъ господина на раба по Русской Правдѣ и опредѣляетъ цѣну ихъ, полемизируя съ проф. Мрочекъ-Дроздовскимъ о словѣ „рядовичъ“, которое В. И. Сергѣевичъ понимаетъ, какъ „простой рабъ“, а проф. Мрочекъ-Дроздовскій, какъ „приказчикъ“ ²⁾. Послѣ сего авторъ излагаетъ послѣдствія вины холоповъ. Онъ указываетъ, что за кражу холоны не наказываются, такъ какъ они несвободны; хозяинъ ихъ долженъ только заплатить убытки или выдать раба пострадавшему. Что же касается другихъ преступленій, то авторъ полагаетъ, что до временъ сыновей Ярослава Владиміровича пострадавшій могъ расправиться съ рабомъ, какъ онъ пожелаетъ, могъ даже убить его. Съ этого же времени постановлено, чтобы за ударъ холопа не убивали, а могли его только бить. Замѣтимъ здѣсь отличіе воззрѣнія В. И. Сергѣевича на институтъ рабства отъ воззрѣній другихъ изслѣдователей: онъ разсматриваетъ его въ отдѣлѣ государственнаго права, тогда какъ Владимірскій-Будановъ ³⁾ и Ключевскій ⁴⁾ считаютъ холопство институтомъ гражданскаго права. Б. Н. Чичеринъ ⁵⁾ занимаетъ середину между ними, видя въ вышеприведенномъ случаѣ удара холопомъ свободнаго мужа единственный примѣръ уголовной отвѣтственности холопа. В. И. Сергѣевичъ возражаетъ ⁶⁾: „всякая вина его (раба)... имѣла лично для него послѣд-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 97.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 101.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, К., 1888, 2-е изд., стр. 85.

⁴⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи (*Русская Мысль*, 1886 г., стр. 2).

⁵⁾ Опыты по исторіи русскаго права, М., 1858, стр. 150, „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка“.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 106.

ствія". Укажемъ, что врядъ ли можно безъ нѣкоторой натяжки разсматривать положеніе холоповъ въ отдѣлѣ гражданскаго права; по крайней мѣрѣ историки римскаго права относятъ этотъ вопросъ въ отдѣлъ государственнаго права ¹⁾. Согласно своему взгляду на положеніе холопа, В. И. Сергѣевичъ тотъ фактъ, что если рабъ скроется въ домѣ господина, то онъ тамъ въ безопасности отъ мести имъ оскорбленнаго, разсматриваетъ, какъ институтъ убѣжища; между тѣмъ г. Владимірскій-Будановъ говоритъ ²⁾: „злодѣянія, совершаемыя холопами, не считаются преступленіями и не влекутъ для него уголовныхъ взысканій отвѣтственнымъ лицомъ предъ потерпѣвшими является господинъ холопа“, В. И. Сергѣевичъ говоритъ ³⁾: „уже съ Ярославъ, то-есть, съ первой половины XI вѣка, рабы, при столкновеніи ихъ съ третьими лицами, не были предоставлены полному ихъ произволу. Вопросъ о винѣ ихъ рѣшается судомъ“. Лучшимъ основаниемъ для мнѣнія о томъ, что рабы были не простыми объектами права, служить то, что, по словамъ В. И. Сергѣевича, ограниченіе права господина по отношенію къ рабамъ является уже въ XII вѣкѣ ⁴⁾. Затѣмъ авторъ указываетъ на гуманитарное вліяніе церкви. Онъ указываетъ на ограниченія правъ господина на рабынь, на поученія проповѣдниковъ русской церкви и приводитъ два указа—Бориса Годунова и Шуйскаго, изданные въ пользу рабовъ ⁵⁾. Далѣе В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ вопросъ объ имуществѣ рабовъ. Онъ говоритъ ⁶⁾: „какъ это на нашъ взглядъ ни странно, но есть въ памятникѣ первой половины XIII вѣка статья, которая предполагаетъ у рабовъ собственное имущество и наследниковъ этого имущества“. Это, по мнѣнію автора, не новый законъ (вопреки мнѣнію Чичерина и Владимірскаго-Буданова), а „порядокъ вещей.... исконный, ... наша старина“ ⁷⁾. Рабы вообще служили посредниками въ совершеніи господами различныхъ сдѣлокъ. Это общій порядокъ вещей, какъ у насъ, такъ и въ Римѣ ⁸⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ

¹⁾ *E. Künze, Cursus des Römischen Rechts, Leipzig, 1879, 2-e Auflage, Sa. 45 und 46.*

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, К., 1888, 2-е изд., стр. 261.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 110.

⁴⁾ Юридич. древности, стр. 111.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 112—116.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 116.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 118.

⁸⁾ Ср. I, I, D. L. XV: *si cum impubere filio familias vel servo contractum sit. ita dabitur in dominum vel patrem de peculio*“.

разсматриваетъ положеніе различныхъ видовъ холоповъ и указываетъ, что въ качествѣ тиуновъ и ключниковъ эти послѣдніе исполняли даже обязанности судей и приказныхъ людей. Тутъ онъ касается вопроса о ключѣ. По мнѣнію автора, это символъ власти. Деревни покупаются на ключъ, холопы даются на ключъ; по ключникамъ же, управлявшимъ извѣстными деревнями, самыя села дѣлятся на ключи ¹⁾. Далѣе указывается, что исправленіе холопами различныхъ должностей государственныхъ продолжается еще въ концѣ XVI вѣка и говорится ²⁾: „Итакъ старые холопы не совѣтъ то, что мы привыкли понимать подѣ безгласной собственностью, подѣ вещь“. Различные виды холоповъ по ихъ близости къ господамъ пользовались различнымъ положеніемъ. Есть и большіе и меньшіе между ними. Разница эта выражалась, между прочимъ, въ различной оцѣнкѣ ихъ по случаю убійства. Кромѣ того, у холоповъ есть честь, и „при томъ высшая, чѣмъ у крестьянъ“ ³⁾. Что касается до собственного имущества холоповъ, то послѣднее „принадлежало имъ попущеніемъ ихъ господъ“ ⁴⁾. Хотя иска у рабовъ на господина нѣтъ, но они „сами отвѣчаютъ за себя на судѣ (по имуществу), допускаются ко всякимъ суднымъ дѣйствіямъ“ ⁵⁾. Разсмотрѣвъ положеніе полного холопа, В. И. Сергѣевичъ переходитъ къ способу его установленія. „Плѣнь есть, конечно, одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ установленія рабства“ ⁶⁾. Затѣмъ Русская Правда (Троицкій сп. ст. 102—104) говоритъ: „Холопство обельное трое: оже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставитъ, а ногату дать передъ самѣмъ холопомъ. А второе холопство: поиметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоять. А се третье холопство: тивунство безъ ряду или привяжетъ ключъ къ собѣ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будетъ рядилъ на томъ же стоять“ ⁷⁾. По этому поводу В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁸⁾: „Древнему времени была чужда всякая забота объ огражденіи свободнаго состоянія человѣка.... древность заботилась только о томъ, чтобы

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 121.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 123.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 123.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 124.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 129.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 131.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 133—141.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 133.

фактъ добровольной продажи себя былъ точно удостовѣренъ¹⁾. Простая продажа самого себя въ рабство продолжалась до XV вѣка, когда уже порядокъ заключенія этой сдѣлки усложнился большими формальностями, именно актъ продажа себя въ рабство долженъ былъ совершаться передъ извѣстнымъ правительственнымъ агентомъ. Этотъ актъ носить названіе доклада, и холопы отъ него стали называться докладными холопами. По поводу доклада В. И. Сергѣевичъ полемизируетъ съ проф. Ключевскимъ, который думаетъ ²⁾, что докладными холопами были только ключники. Авторъ разбираемаго нами труда говоритъ ³⁾: „Надо думать, что авторъ (г. Ключевскій) наведенъ на такое заключеніе выраженіемъ докладныхъ грамотъ „даются мнѣ на ключъ“.... Выше мы имѣли уже случай объяснить значеніе термина купить на ключъ“. Онъ указываетъ, что это символъ того, что одинъ человекъ отдается подъ власть другого. Что касается разныхъ видовъ холопства, то всѣ они одинаковы по своему качеству *hominis alieni juris*, каковъ бы ни былъ способъ установленія ихъ ⁴⁾. Кромѣ добровольной продажи себя въ рабство, были слѣдующіе способы стать рабомъ: бракъ съ несвободнымъ, ключъ, преступленіе и неисправное долговое обязательство ⁵⁾. Что касается до способовъ прекращенія рабства, то они сводятся къ очень немногимъ: это отпущеніе на волю при жизни, которое съ теченіемъ времени дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, благодаря различнымъ формальностямъ; отпущеніе на волю по духовному завѣщанію; освобожденіе рабовъ правительствомъ за дурное съ ними обращеніе; измѣна господина и крещеніе раба у некрещеннаго иноземца ⁶⁾. Очертивъ положеніе полнаго холопа, В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ отдѣльный видъ холопства, возникшій въ XVI вѣкѣ, именно холоповъ кабальныхъ. Авторъ указываетъ на то, что постепенно проценты по заемнымъ роспискамъ (кабаламъ) стали уплачиваться натурою, работою должника. Такъ какъ весь его трудъ шелъ на уплату процентовъ, то онъ становился почти въ безвыходное положеніе, не имѣя ничего для уплаты капитала. Судебникъ 1550 г. уже считаетъ нужнымъ регулировать этотъ институтъ, ограничивая возможность дѣ-

¹⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи, (*Русская Мысль*, 1885, № 8, стр. 19 и сл.).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 135, примѣч.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 137.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 139—145.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 145—147.

латься кабальнымъ холопомъ ¹⁾). Послѣдующіе законодательные памятники стараются также по возможности уменьшить этотъ поря-докъ, ограничивая и срокъ службы кабальнаго холопа и устанавли-вая докладъ для заключенія кабальной записи. Замѣтимъ при этомъ, что вопросъ о кабальныхъ холопахъ принадлежитъ къ довольно спор-нымъ вопросамъ. Проф. Владимірскій-Будановъ думаетъ ²⁾, что до-говоръ кабалы былъ отдѣльно отъ договора займа. Проф. Ключев-скій считаетъ институтъ кабальнаго холопства очень важнымъ въ дѣлѣ установленія взаимныхъ отношеній различныхъ классовъ Мо-сковскаго государства. Онъ указываетъ, что кабальное холопство, по-лучивъ нѣкоторыя черты отъ холопства полного докладнаго, въ свою очередь оказало на послѣднее сильное вліяніе, постепенно его вы-тѣснило и послужило однимъ изъ основаній крѣпостнаго права ³⁾. В. И. Сергѣевичъ совершенно раздѣляетъ докладное холопство и ка-бальное ⁴⁾. Постепенно, правда, велѣно было брать кабалы на тѣхъ людей, которые служили добровольно не менѣе полугода. Но до поло-вины XVII вѣка у насъ продолжаетъ рядомъ существовать и хо-лопство полное. Только Уложеніе постановило, чтобы вмѣсто продажи себя въ рабство люди давали служилую кабалу ⁵⁾. Но и въ это время полное холопство поддерживалось рожденіемъ отъ старыхъ холоповъ. Въ заключеніе изслѣдованія положенія несвободной части населенія древней Руси В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ статьи Уложенія о холопахъ, выводя изъ того, что Уложеніе запрещаетъ рабамъ имѣть имущество и вообще лишаетъ ихъ нѣкоторыхъ правъ, то слѣдствіе, что раньше они пользовались этими правами ⁶⁾. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что вопросъ о положеніи рабовъ всегда очень сложенъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ зиждется на обычаяхъ, въ за-конѣ упоминается по отдѣльнымъ случайнымъ поводамъ, регули-руется разнообразными актами, и часто истинное положеніе дѣла едва видно изъ-за завѣсы законодательныхъ положеній.

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 147—152.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, К., 1888. 2-е изд., стр. 137.

³⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи (*Русск. Мысли*, 1875, № 8, стр. 20—82).

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 154 примѣч.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 156.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 158—160.

V.

„Древняя Россія,—говорить В. И. Сергѣевичъ ¹⁾),—не знала словѣй. Они народились только въ московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши“. Затѣмъ авторъ указываетъ, что все свободное населеніе носило названіе „мужей“ или въ качествѣ собирательнаго цѣлаго „людіе“. Выдѣлялись лишь изъ общей массы, по занятіямъ, княжескіе мужи и, по экономическому положенію, большіе люди и меньшіе, или чернь. Различные разряды меньшихъ людей, смотря по мѣстности и времени, носятъ различныя наименованія: смерды, закуны, изгой, изорники, огородники, кочетники, сироты, серебрепники, крестьяне; затѣмъ: „выше смердовъ и крестьянъ стоятъ купцы, а еще выше вольные слуги и бояре“ ²⁾). В. И. Сергѣевичъ начинаетъ обзоръ положенія свободныхъ людей со смердовъ. Авторъ не касается происхожденія слова смердъ. Шевыревъ производилъ его отъ шведскаго *smard* — homo pauci, низшій человѣкъ ³⁾). По своему социальному положенію смердъ въ тѣсномъ смыслѣ совершенно подходилъ подъ такое опредѣленіе. Но дѣло въ томъ, что слово смердъ употреблялось въ древности въ двухъ смыслахъ: „Въ тѣсномъ смыслѣ оно означаетъ пахаря, сельскаго работника“... Но, „означая мелкаго человѣка, слово смердъ можетъ быть, однако, примѣнено и ко всему населенію“ ⁴⁾). В. И. Сергѣевичъ, по аналогіи съ словомъ мужъ, которое сперва означало все населеніе, а потомъ стало примѣняться лишь къ низшей его части, думаетъ, что смердъ первоначально употреблялось въ болѣе широкомъ смыслѣ, а потомъ уже въ болѣе тѣсномъ ⁵⁾). Въ этихъ двухъ значеніяхъ слово смердъ употреблялось, пока оно вообще употреблялось. Что касается до его юридическаго положенія, то авторъ разбираемаго труда говоритъ ⁶⁾): „Смерды составляютъ свободное населеніе. Это совершенно ясно изъ Русской Правды“. Смерды составляютъ низшій слой свободнаго населенія, они живутъ трудами рукъ своихъ

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 161.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 165.

³⁾ Исторія русской словесности, С.-Пб., 1887 г., изд. 3-е, т. I, ч. I, гл. 2, стр. 48.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 166.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 167.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 170.

и, по общему правилу, занимаются земледѣліемъ" ¹⁾). Нѣкоторыхъ изслѣдователей смущало то обстоятельство, что убійство смерда цѣнилось ниже нѣкотораго вида хлопотъ. Но В. И. Сергѣевичъ справедливо говоритъ ²⁾): „По московскимъ памятникамъ XVI вѣка честь лучшихъ боярскихъ холоповъ оцѣнивалась въ пять разъ больше чести свободныхъ крестьянъ. Поэтому не можетъ представлять ничего удивительнаго, что по памятникамъ XI вѣка за смерть княжескаго холопа взыскивали не менѣе того, что полагалось за смерть смерда“. Затѣмъ авторъ указываетъ, что смерды могутъ достигать высшихъ ступеней ³⁾). В. И. Сергѣевичъ по поводу нихъ полемизируетъ съ В. И. Лешковымъ, Никольскимъ, Никитскимъ, Цитовичемъ, Ключевскимъ и Владимірскимъ-Будановымъ. Первые четверо считаютъ смердовъ въ зависимости отъ князя, тогда какъ Русская Правда противопоставляетъ княжого коня коню смерда. В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ ⁴⁾) по этому поводу: „Но въ Русской Правдѣ княжой тивунъ противопоставляется тивуну боярскому; авторы, мнѣнія которыхъ мы разсматриваемъ, кажется, не замѣтили этого противоположенія, иначе они должны были бы говорить о такой же зависимости бояръ отъ князя, въ какой находились отъ него смерды. Отъ одинаковой зависимости имъ бы слѣдовало заключить и къ одинаковости социальнаго положенія смердовъ и бояръ“. Затѣмъ, проф. Ключевскій считаетъ смердовъ государственными крестьянами, Владимірскій-Будановъ также. Для доказательства приводятъ извѣстный эпизодъ съ Яномъ Вышатичемъ. В. И. Сергѣевичъ не разсматриваетъ здѣсь этого факта, считая его уже разъ навсегда яснымъ: кудесники были смердами, то-есть, подданными Святослава; поэтому Янъ ихъ требуетъ не какъ рабовъ спсого князя, а какъ преступниковъ, подлежащихъ суду ихъ князя. Что касается до теоріи, признающей смердовъ государственными крестьянами, то несостоятельность ея вытекаетъ, если стать на точку зрѣнія В. И. Сергѣевича, изъ отсутствія единой опредѣленной государственной территоріи у cadaго изъ князей. Авторъ этого не говоритъ, но это слѣдуетъ само собою. Слѣдующимъ видомъ свободного населенія древней Руси были закупы. Слово закупъ объясняется въ Русской Правдѣ, какъ наймитъ. Но почему же онъ называется закупомъ? Слово купить

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 171.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 172.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 173.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 176.

въ старину означало и наемъ. А потому, кто хотѣлъ указать, что онъ вещь не нанялъ, а приобрѣлъ въ собственность, то говорилъ: „купилъ въ прокъ“, „купилъ въ дернь“, „въ вѣкъ“ и т. д. Такое употребленіе слова купить въ смыслѣ найма и донныѣ встрѣчается въ Лужскомъ уѣздѣ ¹⁾. Въ толкованіи слова закупъ В. И. Сергѣевичъ полемизируетъ съ К. А. Неволнымъ, который по одной грамотѣ думаетъ, что закупъ значитъ залогъ. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что слово закупъ употребляется тамъ попеременно со словомъ продажа. Но такъ какъ памятникъ, на который ссылается Неволный, принадлежитъ къ XVII вѣку, то слово продажа употреблено уже въ современномъ его значеніи ²⁾. Укажемъ, что вмѣсто словъ „купля-продажа“ во Псковѣ даже въ концѣ XV вѣка употребляли слова: дать воде-рень, грамота дерноватая ³⁾. М. Ф. Владимірскій-Будановъ опредѣляетъ иначе положеніе закупа. Онъ говоритъ ⁴⁾: „Закупъ—человѣкъ взявшій въ долгъ деньги и отработывающій ихъ личнымъ трудомъ, а не нанявшій имущество другаго—участокъ земли и взявшій деньги на обзаведеніе: слѣдовательно закупничество не есть только личный закладъ (должника кредитору), а есть результатъ соединенія договора займа съ договоромъ личнаго найма и найма имущества“. Проф. Ключевскій говоритъ ⁵⁾: „Кабальные холопы XV и XVI вѣка были тѣ же закупы Русской Правды, полусвободные люди, вступавшіе во временную, условную зависимость, но при этомъ не терявшіе права личности и не перестававшіе быть членами русскаго общества“. В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ ⁶⁾: „Закупа Русской Правды нѣтъ основанія приравнивать къ кабальному холопу. Кабальный холопъ служилъ за проценты съ занятаго капитала; закупъ же служилъ за наемную плату и погашаетъ свой долгъ, если беретъ плату впередъ, работой“. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ рассматриваетъ положеніе зауповъ. Закупъ имѣетъ свою собственность и отвѣчаетъ за убытки, причиненные имъ нанимателю. Авторъ говоритъ про зауповъ: „Это бѣдные люди, ко-

¹⁾ Юридич. древности, т. I. стр. 177.

²⁾ Ibidem, примѣч.

³⁾ *Востокъ*, Опис. рукописей Румянц. музея, № LIV, стр. 87, обводная грамота 1491 года.

⁴⁾ Хрестоматія по исторіи русск. права, вып. I, К., 1885, стр. 58—59, примѣч. 97.

⁵⁾ Происхожденіе христіанскаго права въ Россіи (*Русская Мысль*, 1885, № 8, стр. 11).

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 178.

торые ни плуга, ни бороны не имѣютъ. Весь рабочій припасъ получаютъ они отъ нанимателя, живутъ въ его дворѣ, пасутъ его скотъ и исполняютъ всякія его порученія. Такіе наемники, если берутся для пашенныхъ работъ, носятъ наименованіе ролейныхъ закуповъ¹⁾. Какъ свободный человѣкъ, закупъ заключаетъ договоры и имѣетъ право иска даже противъ нанимателя. Явный уходъ со двора господина для займа денегъ и даже побѣгъ для принесенія на него жалобы не ведутъ къ рабству. Но онъ все-таки не самостоятельный человѣкъ, а слуга другаго человѣка. Этимъ надо объяснить, что закупы хотя несомнѣнно были свободными людьми, но подлежали нѣкоторому ограниченію своихъ правъ²⁾. Что касается того постановленія, что сбѣжавшій закупъ дѣлается холопомъ, то оно выражаетъ собою стремленіе нанимателя стѣснить свободу наймита³⁾. Вопросъ о закупкахъ В. И. Сергѣевичъ заканчиваетъ подробнымъ обзоромъ литературы этого вопроса⁴⁾. Онъ полемизируетъ противъ мнѣнія, считающаго ихъ самозалогомъ (Мейеръ, Неволинъ и Чичеринъ), и противъ проф. Бѣляева, считающаго обыкновенныхъ закуповъ прототипомъ кабальныхъ хлоповъ, а ролейныхъ—прототипомъ владѣльческихъ крестьянъ. Укажемъ, что далѣе В. И. Сергѣевичъ приводитъ институтъ залога людей самихъ себя—это „закладни“, но это институтъ отдѣльный отъ закуповъ⁵⁾. Земледѣльцы древней Руси, такъ же какъ и теперь, носятъ названіе „крестьянъ“. Вопросъ о крестьянахъ затрогиваетъ два очень интересныхъ, но очень спорныхъ пункта, именно—общинное устройство и крѣпостное право. В. И. Сергѣевичъ начинаетъ обзоръ положенія крестьянъ съ указанія происхожденія этого слова изъ „христианниъ“⁶⁾. Замѣтимъ здѣсь, что въ наименованіяхъ разныхъ классовъ общества мы замѣчаемъ одну особенность, именно употребленіе цѣлаго виѣто части (*totum pro parte*). Мы видѣли раньше, что слово смердъ сперва употреблялось въ широкомъ смыслѣ народа, а потомъ примѣнительно лишь къ низшей его части, слово крестья-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 180. Позволимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе: В. И. Сергѣевичъ и другіе ученые не знаютъ какъ объяснить наименованіе „войскій“ конь. Нельзя ли его поставить въ связь съ именемъ „подвойскаго“, встречающагося въ Новгородской судной грамотѣ (ст. 23)

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 181—182.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 183—184.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 184—190.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 269 sqq.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 191.

нинъ—также. Укажемъ еще, что нѣмецкое *Sklaue* произошло отъ имени побѣжденныхъ славянъ ¹⁾). Словами „народъ, люди“, у насъ называютъ простой пародъ, равно какъ въ Римѣ словомъ *homo* означали лишь рабовъ ²⁾). Интересно, кстати, что тогда какъ у насъ наименованіе земледѣльческаго класса было почетное съ точки зрѣнія религіозной, въ католическихъ странахъ къ сельскому населенію примѣнялось названіе язычниковъ—*pagani* ³⁾). „Быть крестьяниномъ,—говоритъ В. И. Сергѣевичъ,—значитъ занимать на себя опредѣленный участокъ пахатной земли“ ⁴⁾). Въ этомъ смыслѣ говорить о нихъ Судебное Уложеніе. Кромѣ того, ихъ называютъ просто: люди, сироты. Въ Псковской грамотѣ зовутъ ихъ: изорники, огородники, кочетники ⁵⁾). „Крестьяне сидятъ или на чужихъ, владѣльческихъ земляхъ, къ которымъ мы относимъ и княжескія, или на своихъ собственныхъ“, къ которымъ В. И. Сергѣевичъ относитъ и волостныя тяглыя земли ⁶⁾). На владѣльческихъ земляхъ они сидятъ на основаніи извѣстнаго договора, ряда; „дошедшіе до насъ памятники, въ которыхъ есть указаніе на свободный переходъ, принадлежатъ ко времени сравнительно позднему. Они не старѣе XIV вѣка. Но нѣтъ никакого основанія думать, что это новый порядокъ вещей. Свободный переходъ крестьянъ есть исконное явленіе“ ⁷⁾). При этомъ переходъ дозволяется не только въ предѣлахъ одного княжества, но и изъ одного княженія въ другое. Такой переходъ не только предполагается грамотами, но и поощряется ими. То обстоятельство, что въ договорахъ князей между собою не упоминается о свободѣ такого перехода крестьянъ, подало поводъ къ мнѣнію, что онъ запрещался. Между тѣмъ запрещается лишь самовольный выводъ (безъ извѣщенія мѣстнаго начальства) должника и холопа ⁸⁾).

Древнѣйшую попытку ограничить переходъ крестьянъ за предѣлы волостной территоріи встрѣчаемъ мы въ Великомъ Новгородѣ. Но и это не запрещеніе крестьянамъ самимъ переходить, а обязательство московскихъ князей и служилыхъ людей самимъ не вызы-

¹⁾ *Шафарикъ*, Славянскія древности, пер. О. Бодянской, М., 1848, изд. 2-е, т. I, кн. 1, стр. 89—91 и примѣч. 6; тамъ же много другихъ примѣровъ.

²⁾ *Dernburg*, Pandekten, 1-er Band, Berlin, 1884, § 108, § 49, Anmerk. 1.

³⁾ *Ambrosii Calepini Bergomatis Lexicon*, ed. 1523, sub vocab. „*Paganus*“.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 191.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 191—193.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 193.

⁷⁾ *Ibidem*.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 195.

вать новгородскихъ крестьянъ ¹⁾). Свобода перехода изъ княженія въ княженіе предполагала, какъ необходимое условіе, свободу перехода въ предѣлахъ отдѣльныхъ княженій. Подати и всякаго рода повинности были распределены между крестьянскимъ населеніемъ въ высшей степени неровно ²⁾. (Позволимъ себѣ замѣтить, что со второй половины XVI вѣка въ методѣ обложенія произошелъ переворотъ въ смыслѣ нѣкотораго уравниенія податей) ³⁾. Неравенство экономическаго положенія владѣльческихъ и не владѣльческихъ крестьянъ повело къ ограниченію права перехода крестьянъ не владѣльческихъ на владѣльческія земли ⁴⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ условія, на какихъ крестьяне занимали владѣльческія земли. Хотя дошедшія до насъ порядныя не старѣе XVI вѣка, но порядокъ, въ нихъ указанный, сложился ранѣе. Самый простой случай былъ, когда крестьянинъ садился на разработанный уже участокъ земли съ готовыми постройками. За это онъ обязывался платить какъ государственныя повинности, такъ и владѣльческую подать, состоящую какъ изъ платы денегъ, такъ и изъ барщины. Кроме того, крестьянинъ обязывался хранить полученные постройки ⁵⁾. Гораздо сложнее содержаніе порядныхъ тѣхъ крестьянъ, которые снимали новые земли или давно запущенныя старыя, постройки которыхъ развалились и нуждались въ ремонтѣ. За работы надъ приведеніемъ своего участка въ порядокъ крестьянинъ получалъ нѣкоторыя льготы. „Иногда крестьяне получали еще и *подмогу* деньгами, хлѣбомъ, скотомъ“ ⁶⁾. Подмога давалась съ обязательствомъ исправить недостатки того земельного участка, который занятъ крестьяниномъ. Чтобы этотъ послѣдній не ушелъ, не исполнивъ обязательства, устанавливалась неустойка. Отъ подмоги надо отличать заемъ. „Заемъ (по другимъ памятникамъ *ссуди*) есть процентный долгъ, который погашается уплатой полученнаго въ займы капитала. Договоры о займѣ не входятъ въ составъ порядныхъ. Для этой цѣли пишется особый актъ, заемная кабала“ ⁷⁾. Укажемъ здѣсь, что въ связи съ подмогой нѣ-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 195.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 196—197.

³⁾ Миллюковъ, Сворные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, С.-Пб., 1892, стр. 50.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 197—199.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 200—201.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 201.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 202—203.

которые изслѣдователи ставятъ происхожденіе крѣпостнаго права. Такъ П. Н. Милюковъ, полемизируя съ В. И. Сергѣевичемъ, говоритъ ¹⁾, что ссудную запись надо считать переходной ступенью отъ крестьянъ сядящихъ на владѣльческихъ земляхъ, къ крестьянамъ крѣпостнымъ. Вообще какъ онъ, такъ и Ключевскій стремятся подмѣтить постепенный переходъ отъ одного института къ другому. В. И. Сергѣевичъ же указываетъ, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакой связи, и что крѣпостное право было дѣломъ указа 1584—1585 года ²⁾. В. И. Сергѣевичъ предлагаетъ свое объясненіе для издѣльнаго серебра; онъ говоритъ ³⁾: „за право пользованія владѣльческой землей крестьяне обязывались, на основаніи порядныхъ, нести въ пользу землевладѣльца извѣстныя повинности. Они должны были работать на него (дѣло дѣлать) и платить ему денежный и хлѣбный оброкъ... Серебро въ нашѣхъ и есть крестьянскій денежный оброкъ, который обратился въ долгъ, потому что не былъ уплоченъ въ срокъ“. И далѣе ⁴⁾: „если предлагаемое объясненіе вѣрно, то только ростовое серебро есть ссуда, а не издѣльное“. Укажемъ здѣсь, что приводимый П. Н. Милюковымъ ⁵⁾ характерный (по его мнѣнію) образецъ ссудной записи соответствуетъ опредѣленію В. И. Сергѣевича и ничуть не указываетъ на то, чтобы это былъ переходъ къ крѣпостному состоянію. Впервые, крестьянинъ беретъ ссуду деньгами. Это обыкновенный заемъ. Въ вторыхъ, то обстоятельство, что онъ обязуется никуда съ этою ссудою не сходить съ владѣльческой земли, ничуть не ставитъ его въ новое положеніе. И до этого времени „кто имѣетъ холопа или должника, а поставить передъ волостелемъ, въ томъ ему вини нѣтъ; а выведетъ изъ полости, и передъ волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина“ ⁶⁾. Укажемъ, какъ на примѣръ, на порядную запись ⁷⁾, напечатанную у М. Ф. Владимірскаго-Бу-

¹⁾ Спорные вопросы финансовой политики Московскаго государства, С.-Пб., 1892, стр. 86.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 245—246.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 203—204.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 204.

⁵⁾ Спорные вопросы финансовой политики Московскаго государства, С.-Пб., 1892, стр. 86.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 194.

⁷⁾ Достойно замѣчаніе, что В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что порядныя иногда назывались ссудными (Русск. Юридич. древности, I, стр. 203, примѣч., а П. Н. Милюковъ замѣчаетъ, что ссудныя иногда называются порядными (Спорные вопросы финансовой политики Московскаго государства, стр. 86).

нова ¹⁾. Тамъ Иванъ Дмитріевъ сынъ, прозвищемъ Мазой, вольный человекъ, съ женою и съ дѣтьми порядился въ крестьяне, съ тѣмъ, чтобы и дворъ строить, и хоромы ставить... и луга расчищать. А ссуды онъ взялъ у владѣльца лошадь, корову и хлѣба, ржи и овса и ячменя и всякой дворовой житейской посуды, всего на двѣнадцать рублей. А не учнеть онъ за владѣльцемъ въ его помѣстьѣ жить во крестьянѣхъ, или живучи не учнеть государевыхъ податей и его оброковъ платить и издѣлья дѣлать и двора строить вновь и т. д. или изъ того помѣстья, за кого онъ вонъ выйдетъ, или заложится и сбѣжить, и на немъ взять владѣльцу по сей записи ссуда все сполна и впредь по сей записи крестьянства сполна. А на оборотѣ сказано: такой-то „сказалъ, что онъ во крестьянѣ за Ивана Савинова сына Неблова съ женою и съ дѣтьми порядился и такому порядиую записъ въ ссудѣ ему... далъ на себя“... О процентахъ нигдѣ ни слова: это обыкновенная порядица съ подмогою. Вообще надо замѣтить, что хотя самъ П. Н. Милюковъ указываетъ на нѣкоторыя ²⁾ крайности проф. Ключевского, но не можетъ освободиться отъ того взгляда, что всякое видоизмѣненіе въ терминѣ и формѣ указывало въ древней Руси на измѣненіе содержанія ³⁾. Напротивъ, по словамъ В. И. Сергѣевича, „наше право весьма долгое время и уже на глазахъ исторіи оставалось въ... состояніи недостаточной определенности, выражавшемся въ одновременномъ дѣйствіи разнообразныхъ началъ обычнаго права и въ разгулѣ индивидуальнаго самопредѣленія“ ⁴⁾. Укажемъ два вѣрныхъ замѣчанія П. Н. Дьяконова. Въ рецензіи на цитированный нами трудъ проф. Милюкова онъ говоритъ ⁵⁾: „Преимущества въ положеніи, выдвигающія автора „Спорныхъ вопросовъ“ въ рядъ первыхъ знатоковъ нашихъ архивныхъ источниковъ, едва ли, однако, даютъ ему право ставить въ вину другимъ изслѣдователямъ, не стоящимъ въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ, ихъ опыты такъ или иначе осмыслить доступный ихъ наблюденію неполный и случайный матеріалъ“. И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ проф.

¹⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, выд. II, К., 1887, стр. 224—225.

²⁾ Спорные вопросы, стр. 86.

³⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи (*Русская Мысль*, 1885 г., № 10, стр. 45).

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, С.-Пб., 1894, стр. 12.

⁵⁾ *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1893, июль, стр. 203.

Дьяконовъ замѣчаетъ ¹⁾: „всѣ имѣющіеся въ виду документы относятся большею частью ко второй половинѣ XVI вѣка и по содержанию своему представляютъ, можно думать, данные, свидѣтельствующія о томъ, какъ замирало право перехода крестьянъ и посадскихъ людей не только ранѣе 1592 г., но и ранѣе 1584 г. — первого года царствованія Федора Ивановича“. Другими словами, неправы гг. Ключевскій и Милюковъ, связывая переходъ отъ владѣльческихъ крестьянъ къ крестьянамъ крѣпостнымъ съ ссудною записью, но неправъ и В. И. Сергѣевичъ, совершенно отрицая промежуточные стадіи крестьянскаго прикрѣпленія и все приписывая указу 1584 года. Но мы къ этому еще вернемся далѣе. В. И. Сергѣевичъ, разобравъ вопросъ о ссудныхъ и порядныхъ, указываетъ, что въ разныхъ мѣстностяхъ древней Руси и смотря по различію промысловъ крестьяне носили различныя наименованія. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ объ отказѣ крестьянъ отъ помѣщика. Онъ говоритъ: „крестьянинъ могъ отказаться, не смотря на то, что былъ долженъ господину. Долгъ имѣлъ слѣдствіемъ искъ объ уплатѣ подмоги или ссуды, а не искъ о возвращеніи ушедшаго крестьянина“ ²⁾, и далѣе: „крайнія послѣдствія иска изъ кабалы заключались въ томъ, что должникъ, если съ правеза не платилъ по обязательству, отдавался кредитуру заживать свой долгъ“ ³⁾. Не можемъ не привести одного мѣста изъ памятника, указаннаго П. Н. Милюковымъ, которое нѣкоторымъ образомъ колеблетъ категорическое рѣшеніе этого вопроса: „А будетъ я... съ той ссудою... сбѣгу... имѣ... меня... по сей ссудной записѣ взять вольно, гдѣ они меня сыщутъ“ ⁴⁾. Съ другой стороны, приводимыя проф. Дьяконовымъ грамоты времени Ивана Грознаго свидѣлствуютъ, что какъ въ старину, такъ и тогда запрещали не отказъ крестьянъ, а переманиванье крестьянъ одними владѣльцами у другихъ ⁵⁾. Что касается до сроковъ отказа, то съ одной стороны В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что крестьяне имѣ

¹⁾ „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893, июнь, стр. 339).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 207.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 208.

⁴⁾ Спорные вопросы, стр. 86. Замѣтимъ, что П. Н. Милюковъ, придавая большую важность названію „ссудная записъ“, самъ далѣе указываетъ, что это тоже порядная, приспособленная къ новому порядку вещей.

⁵⁾ Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893 г., июнь, стр. 374—379, приложения).

не стѣснялись, оставляя владѣльцу лишь право искать убытки ¹⁾, а съ другой стороны проф. Дьяконовъ указываетъ, что и помѣщики этимъ срокомъ не стѣснялись ²⁾. Вообще надо замѣтить, что проф. В. И. Сергѣевичъ не отрицаетъ того обстоятельства, что помѣщики стремились ограничить свободу крестьянъ; онъ только защищаетъ то мнѣніе, что для этого они употребляли мѣры постороннія, въ видѣ кабалъ, а это не вытекало изъ порядныхъ того времени ³⁾.

Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ переходитъ къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на черныхъ, тяглыхъ, волостныхъ земляхъ. Онъ опредѣляетъ эти термины и подробно останавливается на вопросѣ о томъ, кто собственникъ земли черныхъ крестьянъ ⁴⁾. Этимъ онъ опять затрогиваетъ въ высшей степени спорный пунктъ. Извѣстно, что направленія славянофиловъ и западниковъ особенно разогласили по вопросу о существованіи до-московской крестьянской общины. Собственно говоря, и тѣ и другіе признавали ея существованіе. Но тогда какъ С. М. Соловьевъ говорилъ ⁵⁾: „нельзя сомнѣваться въ томъ, что и славяне, впоследствии образовавшіе Русское государство, первоначально отправились отъ собственности родовой или патріархальной“, и затѣмъ въ другомъ мѣстѣ ⁶⁾: „съ половины IX вѣка черезъ внесеніе новыхъ общественныхъ элементовъ вслѣдствіе появленія князей варяжскихъ произошло между нашими восточными славянами движеніе, поведшее необходимо къ ослабленію первоначальнаго родового быта и къ развитію быта общиннаго“,—И. Бѣляевъ ⁷⁾, К. Аксаковъ ⁸⁾, Ю. Самаринъ ⁹⁾ утверждаютъ, что община на Руси была явленіемъ исконнымъ, такъ какъ Россія не знала родового быта. Какъ видоизмѣненіе въ этихъ взглядахъ, надо указать взглядъ Б. Н. Чичерина ¹⁰⁾, который защищалъ вторичное значеніе общины, но ука-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 210—211.

²⁾ Къ исторіи крестьянскаго приярвленія (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893 г., июнь, стр. 341).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 209.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 212—226.

⁵⁾ Споръ о сельской общинѣ (*Русскій Вѣстникъ*, 1856 г., ноябрь, стр. 286).

⁶⁾ Сочиненія, С.-Пб., 1882. Историческія письма, стр. 262.

⁷⁾ Рецензія на соч. Чичерина (*Русская Бесѣда*, 1856 г., № 1).

⁸⁾ О состояніи крестьянъ въ древней Россіи (Полн. собр. сочин., I, 1861, стр. 415—494).

⁹⁾ Поземельная собственность и общинное владѣніе (*Сельское благоустройство*, 1858 г., № 12).

¹⁰⁾ Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи (*Русскій Вѣстникъ*, 1856 г., №№ 3 и 4).

зываетъ, что она была дѣломъ княжеской власти, такъ какъ крестьяне вообще не имѣли собственной земли, которая была княжескою, и считались только владѣльцами, и взгляды Турчиповича ¹⁾, доказывавшаго, что земля въ древней Руси принадлежала не роду, не общинѣ, а семьѣ. Въ сторонѣ отъ этихъ взглядовъ стоитъ В. И. Сергѣевичъ. Хотя въ литературѣ мы встрѣчаемъ защитниковъ личной собственности передъ общинной, но они рассматриваютъ этотъ вопросъ лишь съ утилитарной точки зрѣнія, многіе даже соглашались съ тѣмъ, что раньше былъ общинный бытъ ²⁾. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ³⁾: „прежде всего не можетъ подлежать никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что волости считаютъ тяглыя земли своими“. Затѣмъ далѣе авторъ, указавъ, что крестьяне порознь отвѣчаютъ за свои земельные участки, говоритъ ⁴⁾: „не одни только крестьяне считаютъ волостныя земли своими. Это признаетъ и судъ. Всѣ споры о волостной землѣ предьявляются къ крестьянамъ. Они отвѣтчики, они и истцы. Если они плохо защитили свое дѣло, волостная земля отбирается у нихъ и передается монастырю“... Затѣмъ проф. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что волость несла всѣ податныя тягости. Крестьяне волости обязаны участвовать въ платежѣ ихъ. Что же касается до ихъ отношенія къ волостной землѣ, то авторъ, указавъ на мнѣніе г. Чичерина о потомственномъ и вѣчномъ владѣніи крестьянъ землею, говоритъ ⁵⁾: „Мысль совершенно вѣрная. Но мы идемъ далѣе. Проф. Чичеринъ не признаетъ ни за волостью, ни за отдѣльными ея членами правъ собственности на волостную землю. Собственникъ у него—одинъ князь, у крестьянъ же вѣчное и потомственное владѣніе, да еще съ правомъ распоряженія. Мы не находимъ различія между такимъ владѣніемъ и собственностью и думаемъ, что отдѣльные крестьяне приобретали волостныя земли въ собственность;... въ собственности же волости оставалось только то, что не было освоено отдѣльными ея членами,

¹⁾ О поземельной собственности и наслѣдіи въ древней Руси, С.-Пб., 1853.

²⁾ См. Бутковский, Общинное владѣніе и собственность (*Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., июль, стр. 9—15); С. С. Иванова, Поземельная собственность и общинное владѣніе (*Русскій Вѣстникъ*, 1858, августъ, стр. 613—640 г.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 213.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 214, ср. Лекціи и исследования, С.-Пб., 1894 г., стр. 313—316, гдѣ авторъ рассматриваетъ литературу этого вопроса и положеніе земельного владѣнія на западѣ Европы. Замѣтимъ, что были мнѣнія (Рейца и Бѣллева), что земля была собственностью *крестьянскаго сословія*, но они не затрогивали вопроса объ общинѣ или единоличной собственности.

⁵⁾ Юридич. древности, стр. 216.

и чѣмъ они пользовались безъ раздѣла, напримѣръ: выгонъ, строевой и дровяной лѣсъ, и пр. и пр.". Рядомъ же съ индивидуальною волостною собственностью В. И. Сергѣевичъ указываетъ собственность товарищества и въ этомъ примыкаетъ къ мнѣнію, раньше мелко высказанному Кошелевымъ ¹⁾. Далѣе приводятся акты, подтверждающіе фактъ собственности крестьянъ на освоенную ими землю ²⁾, и указывается на аналогическія явленія въ германской маркѣ и лѣво-бережной украинѣ ³⁾, и авторъ говоритъ ⁴⁾: крестьяне—первые по времени землевладѣльцы и собственники. Землевладѣльцы не земледѣльцы всегда и вездѣ явленіе позднѣйшее. „Черные люди... признаются кизылыми собственниками, они продаютъ свои земли... Первый Судебникъ формально различаетъ черныя земли отъ земель великаго князя“ ⁵⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что отдѣленіе черныхъ людей въ отдѣльный разрядъ основывалось на томъ, что на нихъ особенно лежали всякія государственныя повинности, и казнѣ было невыгодно, что измѣнялся земельный составъ черныхъ волостей ⁶⁾, „участки или доли земли отдѣльныхъ членовъ волости были далеко не одинаковы ⁷⁾. Поэтому иногда крестьяне „сажали на своихъ земляхъ другихъ крестьянъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это дѣлали монастыри и иные частныя владѣльцы“ ⁸⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что тяглые люди были обременены большими повинностями, и это нерѣдко заставляло ихъ переходить на владѣльческія земли. Крестьяне могли своими землями мѣняться; могли на посадѣ имѣть лавки. Авторъ говоритъ, заканчивая обзоръ положенія крестьянъ и переходя къ вопросу объ ихъ переходѣ ⁹⁾: „Таково древнѣйшее положеніе крестьянъ. Въ большинствѣ случаевъ это мелкіе люди, живущіе землепашествомъ; но и между ними были собственники, и даже не тяглыхъ земель, и торговцы. Крестьяне незаметно сливаются съ высшими разрядами“. Право крестьянскаго перехода при обиліи земель и недостаткѣ рабочихъ рукъ не могло оди-

¹⁾ Редакціонныя замѣчанія къ рецензіи Бѣляева на соч. Чичерина (*Русская Бесѣда*, 1856 г., I).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 217—220.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 220—225.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 225.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 226.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 227—230.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 230.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 231.

⁹⁾ Юридич. древности, I, стр. 233.

наково всёмъ нравиться. Постоянно слышатся жалобы на крестьянскіе переходы. Выпускаются даже сингулярные княжескіе указы, ограничивающіе то тамъ, то здѣсь крестьянское право перехода, пока наконецъ, первымъ Судебникомъ не постановлено, чтобы крестьяне отказывались за недѣлю до Юрьева дня для осенняго и недѣлю послѣ него. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ¹⁾: „таково первое общее опредѣленіе крестьянскаго перехода. Крестьянамъ для выхода данъ двухнедѣльный срокъ, но и на этотъ срокъ переходъ не былъ свободенъ. Крестьянинъ долженъ былъ уплатить „пожилое“ за пользованіе дворомъ“. Авторъ указываетъ, что „пожилое“ было установлено для уничтоженія споровъ о вознагражденіи за испорченный дворъ, бывший на снимаемомъ крестьяниномъ участкѣ земли ²⁾. Второй Судебникъ увеличилъ размѣръ пожилаго. Но ни онъ, ни первый Судебникъ не запретили уходить должникамъ, не ввели въ общее правило то, что постановляли иногда отдѣльные указы. Вообще „указамъ московскихъ государей не легко достается борьба съ старыми народными обычаями“ ³⁾. И во вторую половину XVI вѣка крестьяне переходятъ не въ срокъ безплатно. Узаконенія Судебниковъ сходны съ узаконеніями по этому вопросу Псковской судной грамоты ⁴⁾. Но какія же были, спрашиваетъ далѣе В. И. Сергѣевичъ, послѣдствія установленія опредѣленнаго срока для крестьянскихъ переходовъ? Имѣлъ ли господинъ искъ о возвратѣ ушедшаго? Нѣтъ: иска о возвратѣ не было, хозяинъ могъ лишь искать своихъ убытковъ. Уголовной кары за безсрочный выходъ и выводъ не было. Такой порядокъ тянулся до конца XVI вѣка ⁵⁾. „Только памятники послѣдняго десятилѣтія (XVI вѣка) начинаютъ говорить о *бѣглыхъ* крестьянахъ и объ искахъ о возвращеніи ихъ на прежнія мѣста“ ⁶⁾. Но кто такой бѣглый? В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что подъ бѣглыми крестьянами надо понимать не тѣхъ, кто ушелъ не въ Юрьевъ день, а всѣхъ ушедшихъ крестьянъ. Основаніемъ иска о ихъ возвратѣ надо признать не Судебникъ, а указъ объ отмѣнѣ Юрьева дня ⁷⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ касается до сихъ поръ не рѣшеннаго вопроса о томъ, кто былъ

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 236.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 236.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 237.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 238—239.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 240—242.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 242.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 243.

виновникомъ крестьянскаго прикрѣпленія. Укажемъ, что по этому вопросу существуетъ три главныхъ мнѣнія: Бѣляевъ ¹⁾, Костомаровъ ²⁾ и В. И. Сергѣевичъ ³⁾ считаютъ, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ произошло по указу, изданному между 1584—1592 годами. Погодинъ совершенно отрицалъ крестьянское прикрѣпленіе: онъ говоритъ ⁴⁾: крестьяне оставались свободными. Они отдавались временно, такъ сказать, въ услуженіе помѣщикамъ, отъ одного къ другому, за ихъ службу государству и не принадлежали къ ихъ имуществу“. Затѣмъ Энгельманъ ⁵⁾, Владимірскій-Будановъ ⁶⁾, Ключевскій ⁷⁾, Милуковъ ⁸⁾, Дьяконовъ ⁹⁾, отрицая указъ о прикрѣпленіи крестьянъ, самое прикрѣпленіе признавали и выводили его изъ постепеннаго экономическаго стѣсненія крестьянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что временемъ выхода въ свѣтъ указа о прикрѣпленіи крестьянъ надо признать первый или второй годъ царствованія Оедора Ивановича, то-есть, 1584-й или 1585 годъ ¹⁰⁾. „Прикрѣпленіе конца XVI вѣка не было, однако, полнымъ и безусловнымъ. Бѣглыхъ рабовъ можно было изстари отыскивать безъ срока, бѣглыхъ же крестьянъ—только въ теченіе извѣстнаго срока, который получилъ въ нашихъ памятникахъ наименованіе урочныхъ или указныхъ лѣтъ“ ¹¹⁾. Затѣмъ урочные годы удлиннли до 10 лѣтъ. Наконецъ, по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ отмѣнили совершенно. В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ ¹²⁾: „Что же мѣшало до сихъ поръ крестьянской крѣпости? Не вольный переходъ и не Юрьевъ день, которыхъ уже давнымъ давно нѣтъ,

¹⁾ Крестьяне на Русь, М., 1879, стр. 97, sqq.

²⁾ Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права въ Россіи? (Архивъ Калачова, 1859 г., № 2).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 244—253.

⁴⁾ Историко-критическіе отрывки, кн. 2, М., 1867, стр. 202.

⁵⁾ Die Leibeigenschaft in Russland, Dorpat, 1894.

⁶⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, вып. III, К., 1886, стр. 94—95, пр. 21.

⁷⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи (*Русская Мысль*, 1895 г., №№ 8 и 10).

⁸⁾ Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, С.-Пб., 1892, стр. 21.

⁹⁾ Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1893 г., июнь).

¹⁰⁾ Юридич. древности, I, стр. 246.

¹¹⁾ Ibidem.

¹²⁾ Юридич. древности, I, стр. 247.

а урочные годы. Они и отмиѣняются". При этомъ по писцовому указу 1646 года прикрѣпленіе распространяется и на всѣхъ родственниковъ, которые живутъ въ одномъ дворѣ съ домохозяиномъ. Это заставляетъ думать, что и послѣ XVI вѣка до 1646 г. были вольные люди, которые могли селиться, гдѣ хотѣли. Эти вольные люди по-прежнему садились на владѣльческія земли по поряднымъ, „но новый порядокъ долженъ былъ отразиться и на порядныхъ. Отъ XVII вѣка къ намъ дошли двѣ порядныя, въ которыхъ отрицается уже переходъ" ¹⁾. „Понятно, однако, что порядныя XVII вѣка — остатокъ старины, фактъ переживанія, не болѣе. Онѣ не соответствуютъ новому строю жизни, а потому Уложеніе и вводитъ иной способъ поступленія въ крестьянство: записку въ крестьяне въ Помѣстномъ приказѣ" ²⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что со времени прикрѣпленія прошла рѣзкая граница между тяглыми государевыми крестьянами и владѣльческими. Крестьяне крѣпкіе землѣ натурально продаются съ землею ³⁾. Но сами крестьяне могли давать деньги въ займы и даже подъ залоги недвижимостей. Владѣніе городскими дворами и лавками имъ запрещено, но они могутъ торговать съ возовъ и струговъ. „Уложеніе отмѣчаетъ любопытный фактъ, что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ землевладѣльцы... Наконецъ, Уложеніе запрещаетъ всякія жалобы крестьянъ на господъ. Оно допускаетъ только доносы въ государственныя преступленія... Хотя Уложеніе и отличаетъ еще владѣльческихъ крестьянъ отъ холоповъ, но оно содержитъ уже въ себѣ всѣ необходимые элементы, изъ которыхъ должно было развиться самое строгое крѣпостное право" ⁴⁾.

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 248.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 249. Интересно здѣсь отмѣтить, что рѣзкая критика П. Н. Милюкова этого мѣста изъ сочиненія проф. Сергѣевича произошла исключительно по недоразумѣнію. Это споръ о словахъ. Московскій профессоръ говоритъ, что договоръ въ крестьянство совершался по ссуднымъ грамотамъ, В. И. Сергѣевичъ, — по поряднымъ. А въ самихъ грамотахъ, въ одной и той же, исчертываются оба эти термина. (Акты относящ. до юридич. быта, III, № 359, II). Что же касается до содержанія, то оба говорятъ совершенно одно и то же. Надо при этомъ указать, что, говоря о постепенномъ прикрѣпленіи крестьянъ самою жизнью, П. Н. Милюковъ приводитъ порядную не XV, даже не XVI вѣка, а конца XVII вѣка (Спорные вопросы, стр. 86).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 250—251. Отмѣтимъ, что отъ конца XVII вѣка (1671 г.) сохранился документъ, свидѣтельствующій о продажѣ крестьянъ отдѣльно отъ земли, вмѣстѣ съ ихъ движимостью. (*Ярославскія Губернскія Вѣдомости*, 1853 г., часть не-офиц., № 6, стр. 50).

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 251—253.

Разсмотрѣніе вопроса о крестьянахъ В. И. Сергѣевичъ кончаетъ обзоромъ литературы этого вопроса. Онъ указываетъ, что еще Рейцъ ¹⁾, затѣмъ Бѣллевъ, склонялись къ мнѣнію, что крестьяне были собственниками. Самъ авторъ, какъ мы видѣли, склонился къ подобному же выводу. Онъ полемизируетъ противъ мнѣнія, что земля крестьянъ есть земля князя. Онъ указываетъ, что это мнѣніе есть *contradictio in adjecto*, что изъ того, что князь распоряжается территоріею, эту послѣднюю нельзя признавать его частною собственностью. „Чѣмъ сильнѣе центральная власть, тѣмъ менѣе стѣсняется она частными правами ²⁾. (Замѣтимъ, что В. И. Сергѣевичъ говоритъ здѣсь не объ общинномъ или единоличномъ владѣніи, а о томъ, чья была земля—князя или крестьянъ). Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ разбираетъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые отрицаютъ подлинность указа о крестьянскомъ прикрѣпленіи, и въ частности возстаетъ противъ мнѣнія г. Ключевского, что прикрѣпленіе выразилось не въ связи крестьянъ съ землею, а въ лишеніи ихъ личной свободы ³⁾. В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ (довольно рѣзко), что проф. Ключевскій смѣшиваетъ два юридическихъ понятія, кабалу и порядную, что онъ не доказываетъ своего мнѣнія источниками и даже подчасъ противорѣчить имъ. (Интересно, что мнѣніе проф. Ключевского, по скольку оно не касается вопроса объ указахъ о крестьянскомъ прикрѣпленіи, даже среди его учениковъ встрѣтило нѣкоторое сомнѣніе) ⁴⁾. Этимъ В. И. Сергѣевичъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе крестьянскаго вопроса древней Руси. Что касается до вопроса объ ихъ финансовомъ положеніи, о тяглахъ, налогахъ и т. д., то въ „Юридическихъ древностяхъ“ онъ не затрогивается ⁵⁾. Слѣдующимъ разрядомъ свободныхъ людей были *изюи* ⁶⁾. В. И. Сергѣевичъ указываетъ тѣ два памятника, гдѣ встрѣчается наименованіе изгоевъ: Русскую Правду и церковный уставъ новгородскаго князя Всеволода ⁷⁾. Онъ гово-

¹⁾ *Reits*, „Versuch über die geschichtliche Ausbildung d. russ. Staats und Rechtsverf.“, 1829, Ss. 157 und 210.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 257.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 258—263.

⁴⁾ П. Н. Милуковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, С.-Иб., 1892, стр. 87, пр. 1.

⁵⁾ См. его Лекціи и изслѣдованія, С.-Иб., 1884, стр. 198—203.

⁶⁾ Укажемъ, что г. Владимірскій-Будановъ рассматриваетъ и изгоевъ въ раздѣлѣ гражданскаго права при вопросѣ о правоспособности (Обзоръ исторіи русскаго права, 2-е изд., К., 1888, стр. 328).

⁷⁾ Юридич. Древности, I, стр. 263—264.

рить: ¹⁾ „Всѣ четыре вида изгоевъ, отнесенныхъ къ церковнымъ людямъ, имѣютъ общій признакъ, соединяющій ихъ въ одну группу. Это бѣдные, жалкіе люди, лишившіеся обыкновенныхъ въ ихъ положеніи способовъ существованія, а потому и нуждающіеся въ особомъ покровительствѣ, которое предоставляется церкви“. Затѣмъ авторъ, указавъ, что по аналогіи слово изгой стало употребляться въ при-
мѣненіи вообще къ низшимъ людямъ, склоняется въ пользу производ-
ства этого слова отъ латышскаго *izi*—иду, *izgois*—вышедшій, кото-
рое предлагаетъ Микутскій. Сперва имя изгоевъ употреблялось спе-
ціально по отношенію къ рабамъ, вышедшимъ изъ холопства, а по-
томъ вообще ко всѣмъ, вышедшимъ изъ прежняго состоянія, выби-
тымъ изъ колен ²⁾. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что, какъ мнѣ-
ніе Калачова ³⁾, считавшаго изгоевъ изгнанниками изъ рода, такъ и
К. Аксакова ⁴⁾, признававшего ихъ выгнанными изъ общины суть
лишь догадки, и говоритъ ⁵⁾: „по историческимъ... памятникамъ изгой
не имѣетъ никакого отношенія ни къ роду, ни къ общинѣ; онъ не
преступникъ и въ правахъ не уменъ; наоборотъ, онъ поставленъ
подъ особое покровительство церкви, какъ человѣкъ бѣдный, жалкій“.

Далѣе В. И. Сергѣевичъ упоминаетъ о числякахъ, ордынцахъ,
дѣлюяхъ. Онъ говоритъ ⁶⁾: „Упоминанія источниковъ... такъ кратки
и отрывочны, что не представляется возможнымъ составить себѣ о
нихъ отчѣтливое понятіе“. Авторъ указываетъ, что эти разряды лю-
дей были слѣдствіемъ татарскаго завоеванія и съ прекращеніемъ за-
висимости Московскаго государства отъ орды исчезли. Числяки или
численные люди назывались вслѣдствіе татарской переписи. Ихъ от-
личаютъ отъ черныхъ людей. Но они также сидятъ на собственныхъ
земляхъ. В. И. Сергѣевичъ склоняется къ толкованію Рейца, что чи-
сленные люди это тѣ, которые попали въ послѣднюю татарскую пере-
пись и, платя татарскую дань, можетъ быть, были избавлены отъ
всякаго инаго тягла. Укажемъ здѣсь на то, что въ наукѣ встрѣ-
чается и иной взглядъ на этотъ вопросъ: Сперанскій ⁷⁾ считалъ чи-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 264.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 265—266.

³⁾ Архивъ историко-юр. свѣд., 1850, кн. I, стр. 53—68.

⁴⁾ Полн. собр. соч., I, стр. 38.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 267.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 267.

⁷⁾ Историческое обозрѣніе имѣній въ правѣ поземельной собственности и въ
состояніи крестьянъ (Архивъ историческихъ и практическихъ свѣд., 1850, кн. 2).

сленныхъ людей первымъ проблескомъ крѣпостнаго права. Къ этому мнѣнію присоединяется и П. Н. Милуковъ ¹⁾. Проф. Дьяконовъ указываетъ на нѣкоторую проблематичность этого воззрѣнія ²⁾. Что касается до ордынцевъ и дѣлюевъ, то они тоже плоды татарщины. На нихъ, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, лежитъ особая служба. Авторъ думаетъ, что она заключалась въ доставленіи содержанія и подводъ ордынскимъ посламъ и т. п. Въ заключеніе этого вопроса В. И. Сергѣевичъ приводитъ мнѣніе Карамзина, который считалъ ордынцевъ татарами, поселившимися въ Россіи, и Соловьева, который считалъ ихъ плѣнниками, выкупленными изъ татарской неволи. Мнѣнія эти авторъ оставляетъ безъ разбора и критики ³⁾. Послѣ этого В. И. Сергѣевичъ разбираетъ вопросъ о „закладняхъ“. Онъ указываетъ, что этотъ терминъ встрѣчается во многихъ грамотахъ. „Закладень, по мнѣнію автора, одинаково обозначаетъ какъ землю, такъ и человека, служащаго обезпеченіемъ долга“ ⁴⁾. „Въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ закладная обращалась въ кунчую, а закладень-человѣкъ въ холопа“ ⁵⁾. Положеніе закладня было нѣкоторымъ образомъ особое: онъ судился и вѣдался не мѣстными властями, а кредиторами, хотя можетъ жить и не во дворѣ у него ⁶⁾. Русская Правда не знаетъ закладней. Но они упоминаются уже съ XIII вѣка. Когда государство окрѣпло, оно стало противиться такой зависимости закладней отъ ихъ кредиторовъ. Но борьба эта ведется медленно: сперва князья запрещаютъ иноземцамъ брать закладней въ ихъ волостяхъ. Затѣмъ Уложеніе запрещаетъ тяглымъ людямъ закладываться, равно какъ и брать ихъ въ залогъ. Вольные, гулящіе люди и тогда еще могли становиться закладнями ⁷⁾. Вопросъ о закладняхъ В. И. Сергѣевичъ кончаетъ справедливымъ замѣчаніемъ, что о закладняхъ очень мало упоминается въ нашей литературѣ. По мнѣнію Б. Н. Чичерина, закладень есть переходъ отъ закупа къ кабальному холопу ⁸⁾. Но В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что закладень не

¹⁾ Стороны вопроса финансовой исторіи Московскаго государства, С.-Пб., 1892, стр. 21.

²⁾ Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1893 г., июль, стр. 348—350).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 268—269.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 269.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 270.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 270—273.

⁸⁾ Опыты по исторіи русскаго права, М., 1858, стр. 154.

моложе закупа, а съ другой стороны кабальное холопство вовсе не вытѣснило закладничества, которое существуетъ и въ XVII вѣкѣ; онъ говоритъ, что Соловьевъ даже въ XVIII вѣкѣ указываетъ примѣры самозалого ¹⁾).

Отъ закладничества В. И. Сергѣевичъ переходитъ къ разсмотрѣнію положенія купцовъ, гостей, посадскихъ людей. Авторъ указываетъ, что какъ слово купецъ, такъ и гость означало торговца. Первый разъ упоминаетъ ихъ договоръ Игоря съ греками 945 года. Въ томъ же смыслѣ встрѣчаемъ мы ихъ и въ памятникахъ московскаго времени, XVI вѣка ²⁾. „Гости и купцы, однако,—говоритъ авторъ,—не составляли въ древности особаго сословія. Въ старину всѣ могли торговать: и князья, и духовенство, и служилые люди, и крестьяне, и дѣйствительно торговали“... „Съ другой стороны, лица, специально занимавшіяся торговлею, не были исключены отъ пользованія какими либо другими правами“ ³⁾. За убійство купцовъ та же плата, что и за убійство княжескихъ чиновниковъ. Они принимаютъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, они выступаютъ даже въ качествѣ воиновъ. Недвижимостями купцы могли обладать наравнѣ съ лицами другихъ специальностей ⁴⁾. Какъ въ древнее время, такъ и въ московское торговля не была у насъ приурочена къ городамъ. Даже Уложеніе не запрещаетъ торговымъ людямъ, если только они не посадскіе, держать лавки на владѣльческихъ земляхъ ⁵⁾. Торговые люди, хотя имѣли право вступать на княжескую службу, рѣдко пользовались этимъ правомъ. Но были специальности, въ общественныхъ дѣлахъ, близко соприкасающіяся съ торговымъ дѣломъ, которыя издавна поручались купцамъ: сюда относятся сборы пошлинъ съ торговли ⁶⁾. В. И. Сергѣевичъ при этомъ рассматриваетъ терминъ *пошлины*, который приданъ грамотой новгородскаго князя Всеволода Мстиславича тѣмъ купцамъ, которые имѣли право избирать церковныхъ старостъ въ церкви св. Іоанна. Авторъ полагаетъ, что пошлимъ купечествомъ названо такое, которое изстари, по пош-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 274.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 274—276, см. у *Шошинскаго*, Городское (ли среднее состояніе русскаго народа, С.-Пб.,—1852, стр. 46, о различныхъ толкованіяхъ слова „гости“.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 276.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 276—278. Замѣтимъ, что купцы могли имѣть и холоповъ (см. Новгородскую судную грам., ст. 86—36).

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 278—279.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 279—282.

линіѣ, дѣлало вклады въ пользу церкви ¹⁾). Укажемъ здѣсь, что проф. Владимірскій-Будановъ пошлымъ купечествомъ считаетъ потомственное) ²⁾, а проф. Никитскій думаетъ ³⁾, что грамотою Всеволода Мстиславича устанавливалась гильдія. В. И. Сергѣевичъ противъ послѣдняго мнѣнія возражаетъ, что проф. Никитскій пришелъ къ своему заключенію, благодаря сходству 6 членовъ комиссіи, вѣдавшей Ивановскими дѣлами съ шестигласной думой, но упустилъ изъ виду, что странно учреждать гильдіи специально для дѣлъ одной церкви, и что въ этой комиссіи было лишь два купца, остальные же лица постороннія ⁴⁾). Мнѣніе В. И. Сергѣевича совпадаетъ съ мнѣніемъ и С. М. Соловьѣна ⁵⁾). Какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ купцы были приставлены къ таможенному дѣлу ⁶⁾). Въ московское время для обозначенія торговыхъ людей появился терминъ „посадскіе“. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁷⁾: „Думаемъ, что терминъ этотъ возникъ отъ сидѣнья въ лавкѣ торговыхъ людей, а затѣмъ сообщился и самому мѣсту, гдѣ лавки были устроены, которое поэтому и называлось посадомъ“. Позволимъ себѣ замѣтить, что врядъ ли таково происхожденіе этого слова. Вѣрнѣе, что посадъ названъ потому, что люди сидятъ вокругъ города или села, а не въ лавкахъ. Самъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ ⁸⁾, что на посадѣ жили и крестьяне, что весьма вѣроятно, что крестьяне первыми поселились тамъ, и что только въ Судебникахъ мы находимъ формальное разграниченіе посадскихъ людей и крестьянъ по вопросу о безчестьѣ. „Только съ конца XVI вѣка московское правительство начинаетъ принимать мѣры къ большому обособленію торговаго класса, но только лучшихъ его людей“ ⁹⁾). Въ Москвѣ за службу купцовъ по таможенному и кружечному сборамъ жалуютъ ихъ юстинимъ именемъ и даютъ имъ на это званіе грамоту

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 281.

²⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, вып. I, К., 1866 г., изд. 3-е, стр. 233, пр. 9.

³⁾ Св. Вел. Иванъ на опокахъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1870, т. CL, стр. 207 sqq.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 291.

⁵⁾ Исторія Россіи съ древѣйшихъ временъ, т. III, М., 1870, изд. 4-е, стр. 69.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 282.

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Стр. 283—286.

⁹⁾ Юридич. древности, I, стр. 286. Ср. *Плошинскій*, Городское или среднее состояніе русскаго народа, С.-Пб., 1862, стр. 7.

за красной печатью. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ¹⁾: „званіе гостя изъ бытоваго явленія переходитъ въ отличіе, жалуемое московскими государями за вѣрную службу“. Гостямъ въ жалованныхъ грамотахъ представляются нѣкоторыя привилегія, хотя эти привилегіи въ Москвѣ даются отдѣльнымъ лицамъ, тогда какъ въ Новгородѣ цѣлому классу купцовъ. „Новгородъ Великій ограждалъ не лица, а торговлю“ ²⁾. Съ конца XVI вѣка въ Москвѣ занялись нѣкоторой организаціей купеческаго званія, устроили изъ лучшихъ людей городскихъ черныхъ сотенъ и слободъ двѣ московскихъ сотни—гостиную и суконную, которымъ специально поручались таможенные и кружечные сборы. Сравнивая положеніе этихъ сотенъ съ новгородскимъ пошлымъ купечествомъ, В. И. Сергѣевичъ говоритъ ³⁾: „Въ Новгородѣ стать пошлымъ купцомъ есть дѣло свободы, досуга и призванія; въ Москвѣ это тяжелая обязанность, которая отрываетъ отъ торговли и промысловъ всѣхъ лучшихъ торговыхъ людей“. „Гостинная и суконная сотня были расписаны на статьи: большую, среднюю и меньшую. Каждой статьѣ Уложеніе опредѣляетъ особое безчестье“ ⁴⁾. Въ московское время не знали твердаго различія между городомъ и деревнею. И въ городахъ и въ селахъ живутъ и торговцы и земледѣльцы ⁵⁾. Вопросъ о купцахъ В. И. Сергѣевичъ заканчиваетъ разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ мнѣній (его полемику относительно Ивановаго пошлаго купечества мы видѣли). Затѣмъ онъ указываетъ, что „изысканія о торговыхъ людяхъ нерѣдко приводятъ къ изслѣдованію вопроса объ отдѣленіи городовъ отъ селъ“ ⁶⁾. Авторъ „Юридическихъ древностей“ разбираетъ три сочиненія, на сколько они касаются указающаго пункта. Пригара думалъ, что уже въ концѣ XV вѣка города обособились отъ селъ, и что причина этого въ заботахъ правительства объ исправномъ поступленіи налога ⁷⁾. Б. Н. Чичеринъ ⁸⁾

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 286.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 288.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 289.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 290.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 290—291.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 291—292.

⁷⁾ Описаніе историческаго состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи 1865. Мы цитируемъ по соч. В. И. Сергѣевича; такого же мнѣнія, какъ Пригара, и г. Владимірскій-Будановъ (*В. И. Сергѣевичъ*, Юридич. Древности, I, стр. 294).

⁸⁾ Опыты по исторіи русскаго права, М., 1868. Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи, стр. 36—38.

относить это обособленіе къ XVII вѣку, къ указу 1648 г. Наконецъ проф. Градовскій занимаетъ середину между этими мнѣніями, указывая лишь, что Михаилъ Федоровичъ и Алексѣй Михайловичъ „тщательно отдѣляютъ города изъ состава прочаго населенія“ ¹⁾. Противъ перваго мнѣнія возражаетъ В. И. Сергѣевичъ, что какъ таможи, такъ и торги были какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, безъ всякаго различія ²⁾. Относительно взгляда проф. Чичерина В. И. Сергѣевичъ говоритъ, что и въ XVII вѣкѣ не знали различія города и села: „населеніе посадовъ попрежнему остается смѣшанное изъ торговыхъ людей и напашенныхъ крестьянъ. Напашенные крестьяне могутъ имѣть тамъ лавки и торговать на условія посадскаго тягла“ ³⁾. Укажемъ, что, кромѣ приведенныхъ мнѣній, есть еще одно, котораго держались представители стараго взгляда, что всѣ современные институты можно разсматривать въ историческомъ ихъ развитіи, упуская изъ виду, что исторія многихъ изъ нихъ очень кратка по времени. Выразителемъ этого мнѣнія можетъ быть названъ Плошинскій ⁴⁾. По его мнѣнію, въ Россіи всегда отдѣляли города отъ селъ, и только во время, при самозванцахъ, нѣсколько перемѣшались жители тѣхъ и другихъ. Къ такому же выводу приходитъ и другой изслѣдователь, хотя по соображеніямъ иного рода. Это Д. Я. Самоквасовъ ⁵⁾, мнѣніе котораго по вопросу о городахъ мы уже видѣли. Мнѣніе Плошинскаго, разумѣется, не выдерживаетъ критики. Противъ теоріи Самоквасова въ высшей степени основательно возражаетъ О. И. Леонтовичъ ⁶⁾.

П. Н. Дебольскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи (Сборникъ гос. знан., VI, стр. 99).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 292—294.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 296.

⁴⁾ Городское или среднее состояніе русскаго народа въ историческомъ его развитіи 1852 г.

⁵⁾ Древніе города Россіи. С.-Пб., 1873.

⁶⁾ Рецензія на соч. Самоквасова о городахъ (Сборн. госуд. знан., т. II, стр. 36).

КНЯЖИЯ НОВОСТИ.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтонисца. Книга восьмая. Издана подъ редакціею *П. В. Владимірова*. Кіевъ.— Настоящая книга дастъ свѣдѣнія о дѣятельности Общества Нестора Лѣтонисца за годъ съ 27-го октября 1892 г. по 27-е октября 1893 г. Она заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества въ этомъ году съ краткимъ изложеніемъ сообщеній, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ, извлеченія изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества за вѣдущій годъ и текстъ новоутвержденнаго устава Общества. Кромѣ того мы находимъ въ настоящей книгѣ напечатанныя цѣлкомъ двѣ рѣчи проф. *П. В. Владимірова*: „Начало славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV и XVI вѣкахъ“ (эта рѣчь произнесена въ торжественномъ засѣданіи Общества 19-го декабря 1893 г.) и „Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ“ (произнесена въ торжественномъ засѣданіи Общества 27-го октября 1892 г.), и наслѣдованія *А. И. Соболевскаго* (Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи), *М. Н. Бережкова* (Крымскія шертныя грамоты), *Н. П. Каманина* (Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго) и *Н. П. Оглоблина* (Бунтъ Томской „Литвы“). Въ отдѣлѣ матеріаловъ помѣщены сообщенныя *Н. М. Каманинымъ* „Матеріалы по исторіи казацкаго землевладѣнія“, затѣмъ сообщенная *А. И. Соболевскимъ* „Похвала Исаѣи Балабану 1611 г.“ и замѣтка и матеріалы *А. А. Андріевскаго* о русскихъ конфидентахъ въ Турціи и Крыму. Наконецъ, отдѣлъ бібліографіи заключаетъ въ себѣ статью *В. И. Щербини* объ Archivum domus Sapiehanae, и замѣтку *Н. Нишова* по поводу реферата, прочтеннаго *А. В. Логинковымъ* на IX Археологическомъ съѣздѣ, а затѣмъ изданнаго отдѣльно подъ заглавіемъ: „Князь Федоръ Любартъ Ольгердовичъ“.

Празднованіе Императорскимъ Казанскимъ университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія *Н. И. Лобачевскаго*. Казань.—22-го октября 1893 г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія знаменитаго русскаго геометра *Н. И. Лобачевскаго*, память о которомъ всегда свято чтится въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ покойный ученый воспитывался и гдѣ онъ потомъ много лѣтъ трудился въ качествѣ профессора, а затѣмъ и въ качествѣ ректора. Еще въ 1868 г. Казанскій университетъ, по пиндіативѣ профессора *М. А. Ковальскаго*, предпринялъ изданіе полнаго собранія сочиненій *Н. И. Лобачевскаго* по геометріи; изданіе это вышло въ свѣтъ въ 1883 — 1886 годахъ. Затѣмъ, въ 1891 г. Физико-математическое Общество при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ просило совѣтъ университета ходатайствовать о разрѣшеніи ему повсемѣстной подлинки для составленія капитала имени *Н. И. Лобачевскаго*, съ цѣлью утѣковичить его память учрежденіемъ преміи его имени и постановкою бюста. Подписка эта разрѣшена была 8-го августа 1891 года. Желая достойнымъ образомъ чествовать столѣтнюю годовщину дня рожденія *Н. И. Лобачевскаго*, ученая корпорация Казанскаго университета избрала

из своей среды особый комитет подъ председательствомъ ректора университета, выработавшій программу трехдневнаго торжества, посвященнаго памяти Лобачевского. Въ этомъ праздествѣ пожелали участвовать Казанская Городская Дума и Физико-математическое общество, состоящее при Казанскомъ университетѣ. Давая отчетъ объ этомъ праздествѣ совѣту Казанскаго университета, ректоръ университета сказалъ: „Произнесенныя во время празднованія рѣчи рисуютъ величавый образъ великаго ученаго и неутомимаго университетскаго дѣателя, каковымъ Николай Ивановичъ являлся,—образъ дорогой и поучительный для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, воспитывавшихся въ Казанскомъ университетѣ. А многочисленныя привѣтствія, сдѣланныя университету со стороны ученыхъ учреждений и лицъ, составляютъ драгоценный памятникъ симпатичнаго отношенія образованнаго міра къ Казанскому университету, какъ школъ, достойно выполняющей задачу насажденія и распространенія научныхъ знаній въ обширномъ восточномъ краѣ Россіи.... И думаю, что рѣчи и привѣтствія, которыми былъ почтенъ нашъ университетъ, должны быть сохранены на долгое время и не въ однихъ только официальныхъ документахъ, а въ особомъ печатномъ изданіи, посвященномъ празднованію Императорскимъ Казанскимъ университетомъ столѣтней годовщины для рожденія Николая Ивановича Лобачевского“. Раздѣляя мнѣніе г. ректора, совѣтъ университета единогласно постановилъ: напечатать отдѣльною книгою описаніе юбилейнаго торжества въ память Н. И. Лобачевского съ приложеніемъ полученныхъ адресовъ, привѣтствій и телеграммъ, произнесенныхъ на немъ рѣчей, а также портрета Н. И. Лобачевского. Эту книгу мы теперь имѣемъ передъ собою. Она заключаетъ въ себѣ, кромѣ описанія юбилейнаго празднованія, рѣчь ректора университета, въ которой онъ сообщаетъ біографію покойнаго ученаго, привѣтствія, адреса, поздравительныя телеграммы и письма, полученные Казанскимъ университетомъ отъ различныхъ учреждений и частныхъ лицъ, рѣчи профессора *Θ. М. Суворова*, проф. *А. В. Васильева*, директора реальнаго училища *И. А. Изюмскова* и рѣчь проф. *А. И. Смирнова*. Проф. Суворовъ въ своей рѣчи охарактеризовалъ состояніе геометріи до Лобачевского, разъяснилъ сущность его геометрическихъ изслѣдованій и научное ихъ значеніе. Проф. Васильевъ обрисовалъ Лобачевского, какъ мыслителя-геометра, отвѣчавшаго своими изслѣдованіями на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, поставленныхъ философіею и математикою его времени, и какъ человѣка, вся прекрасная жизнь котораго соответствовала правдивѣйшимъ принципамъ, изложеннымъ въ его рѣчи: „О важнѣйшихъ предметахъ воспитаній“. И. А. Изюмскій сообщилъ свѣдѣнія о дѣятельности Н. И. Лобачевского, какъ члена Казанскаго Экономическаго Общества, и о многихъ важныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ, поднятыхъ Лобачевскимъ. Съ особеннымъ вниманіемъ покойный ученый относился къ вопросу о народномъ образованіи. Проф. Смирновъ въ своей рѣчи „Объ аксиомахъ геометріи въ связи съ ученіемъ негеометровъ о пространствахъ разныхъ формъ и многихъ измѣреній“ выяснилъ значеніе идей Лобачевского въ отношеніи къ нѣкоторымъ вопросамъ психологіи и теоріи познанія и развивалъ ту мысль, что эти идеи русскаго геометра представляютъ самый крупный успѣхъ въ философскомъ ученіи о пространствѣ со времени Ньютона и Канта.

Въ теченіе іюля въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, издаваемый при управленіи Кавказскаго учебнаго округа. Вып. XVIII. Тифлясь.

— Обзоръ народнаго образованія въ Казанскомъ уѣздѣ за 1892 — 1893 учебный годъ. Казань.

— Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Составилъ учитель *Д. Г. Онанскій*. Цѣна безъ карты Европейской Россіи 60 коп.; съ картою 75 коп. Кіевъ.

Изданія Постоянной Комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ:

— Слитыи города Вильны. *Е. Ѳ. Карскаго*. Цѣна 10 коп.

— Императоръ Николай Пятыи. Съ портретомъ. Ц. 12 к.

— Путешествіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича на востокъ въ 1890—1891 гг. Два чтенія: I. Въ иноземныхъ странахъ. II. По Сибири. Съ портретомъ Его Императорскаго Высочества. Ц. 15 к.

— Гора Араратъ. *Е. П. Ковалевскаго*. Ц. 10 к.

— О Греціи и грекахъ. Ц. 10 к.

— Олонекскій край. Ц. 10 к.

— О Тамбовской старинѣ. *П. Падучева*. Ц. 8 к.

— О холерѣ. Народное чтеніе доктора *В. В. Гориневскаго*. Съ рисункомъ въ текстѣ. Ц. 5 к.

— Дешевое и выгодное кормленіе домашнихъ животныхъ, особенно при неурожаѣ кормовъ. Для сельскихъ хозяевъ и крестьянъ. Составилъ ветеринарный врачъ С.-Петербургскаго Земства *С. Н. Самборскій*. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлають бумагу и какъ печатаются книги. *А. Бастіарова*. Съ тремя картинками. Ц. 10 к.

— Повѣсть о славномъ атаманѣ Блякѣ и о юномъ княжичѣ Федорѣ. *А. Ситковой (Катенкина)*. Ц. 35 к.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Иллюстрированное собрание греческих и римских классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей *Льва Георгіевскаго* и *Сергія Манштейна*. 1) Гомеръ. Одиссея. Пѣснь IX, съ примѣчаніями и 10 рисунками. Объяснилъ *Н. А. Счастливцевъ*, преподаватель Вилонской 1-й гимназіи. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. С.-Пб., 1893, въ 8-ку стр. 80 (20+60) Цѣна 40 к. 2) Софокль. Антигона. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 21 рисункомъ и схемами лирическихъ размѣровъ. Объяснилъ *А. Н. Деревницкій*, профессоръ Императорскаго Новороссійскаго Университета. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. С.-Пб., 1893, въ 8-ку стр. 181 (59+122). Цѣна 80 к.

Означенные труды, составляя отдѣльные выпуски извѣстнаго уже изданія классиковъ, по распредѣленію матеріала, по плану изложенія и по изяществу типографской отдѣлки не отличаются отъ своихъ предшественниковъ; не уступаютъ они имъ и по достоинству научныхъ приѣмовъ: № 1 составленъ педагогомъ-филологомъ, уже неоднократно имѣвшимъ возможность высказывать свою способность комментировать пѣсни Гомера, почему и естественно, что и нынѣшній его трудъ вполне соответствуетъ какъ требованіямъ науки, такъ и дидактики; № 2, содержащій въ себѣ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Софоклова гения, въ лицѣ г. Деревницкаго нашелъ весьма достойнаго составителя. Введеніе, въ 9 отдѣлахъ, охватываетъ все, что необходимо знать для полнаго пониманія трагедіи: происхожденіе драмы, время и условія постановки драматическихъ

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

произведеній на сценѣ; хоръ и актеры; устройство греческаго театра; техническое дѣленіе трагедій; языкъ трагедій; краткія свѣдѣнія о Софоклѣ и его произведеніяхъ; содержаніе Софокловой „Антигоны“ и, наконецъ, краткія свѣдѣнія изъ греческой метрики. Особеннаго вниманія заслуживаютъ послѣдній отдѣлъ введенія и приложенныя къ тексту въ видѣ таблицъ схемы лирическихъ размѣровъ; въ этой части книги г. Деревницкій обнаруживаетъ глубокое знаніе предмета, требующаго не только основательнаго изученія теоріи греческой музыки, но и умѣнія излагать трудный по своимъ свойствамъ предметъ общепонятнымъ способомъ. Вообще трудъ г. Деревницкаго во всѣхъ отношеніяхъ слѣдуетъ признать очень удачнымъ. Возраженія, могущія возникнуть по поводу нѣкоторыхъ варіантовъ и объяснительныхъ примѣчаній, на столько несущественны, что объ нихъ и упоминать не стоитъ.

Рѣчи Демосфена противъ Филиппа. Для учениковъ гимназій объяснилъ *Иосифъ Добіашъ*. Выпускъ II. Введеніе и рѣчи: о мирѣ и о дѣлахъ Херсонесскихъ. Изданъ. 1893. Стр. 108+XXX. Цѣна 1 рубль.

Этотъ выпускъ труда г. Добіаша, составленъ съ тѣмъ-же умѣніемъ и на основаніи того-же плана, какъ и первый выпускъ, содержащій въ себѣ первую рѣчь противъ Филиппа и три рѣчи Олипскихъ. Греческій текстъ предлагается по рецензіи Вильгельма Диндорфа и напечатанъ удовлетворительно; опечатки, за исключеніемъ немногихъ (какъ, напримѣръ, стр. 15 *προς ποτῆσοι* вм. *προς ποτῆσοις*, стр. 25 *αὐτοῖς* вм. *αὐτοῖς*, стр. 86 *Φίλιππος* вм. *Φίλιππος*, стр. 94 *ὁ πατριάρχης* вм. *ὁ συνεπατριάρχης*), показаны въ приложенномъ спискѣ. Объяснительныя примѣчанія, при помощи лучшихъ источниковъ, перечисленныхъ въ предисловіи, какъ и въ первомъ выпускѣ, составлены толково и обнимаютъ педагогическій тактъ автора: вещественныя изложенія ясно и подробно, не допуская никакого недоразумѣнія. а формальныя, по своей редакціи, направлены на развитіе самостоятельнаго мышленія ученика. Синтактическія, стилистическія, фразеологическія и синонимическія, на сколько нужно, сообщены въ предѣлахъ объясняемаго мѣста, безъ напрасныхъ задержекъ ученика при изученіи читаемаго: по для ученика, желающаго познакомиться съ правиломъ въ полномъ его объемѣ, казалось бы не лишнимъ прибавить и ссылки на какую-либо греческую грамматику. Впрочемъ, комментарий г. Добіаша нисколько не освобождаетъ ученика отъ надоб-

ности пользоваться общимъ греко-русскимъ словаремъ и грамматикою греческаго языка, что вполнѣ оправдывается принципомъ благоразумной дидактики и здравой педагогики.

Введеніе, предпосланное разбираемому труду, вкратцѣ, но точно и ясно излагаетъ политическую обстановку греческихъ государствъ, преимущественно вѣшнюю и внутреннюю жизнь Аѳинской республики во время ея борьбы за свою самостоятельность противъ Филиппа Македонскаго; историческая картина, раскрывающаяся передъ читателемъ въ введеніи, не можетъ не дать понятія о гибельно сложившихся для автономіи Греціи обстоятельствахъ, которыя вызвали подвигъ высокаго патріотизма рѣчи великаго оратора.

Иліада Гомера. Пѣсни VI и VII объяснилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи. Москва. 1893. Въ 8 долей стр. 93. Цѣна 50 коп.

Г. Радецкій, заявившій себѣ уже комментаторомъ и другихъ пѣсней Гомеровскихъ эпоней, снова предлагаетъ педагогическому міру изданіе VI и VII рпсодій Иліады. И въ этомъ трудѣ онъ выказываетъ знаніе учебнаго дѣла и преподавательскую онытность, не упуская изъ виду и научныхъ результатовъ, добытыхъ по этой части литературы работами самыхъ извѣстныхъ толкователей Гомера, какъ Ameis, Faesi, Koch, Piergion и другихъ. Греческій текстъ, который составленъ по редакціи Диндорфа, воспроизведенъ весьма четкимъ шрифтомъ. Объяснительныя примѣчанія вполнѣ соотвѣтствуютъ здравому дидактическому принципу, полагающему главнымъ основаніемъ языкознанія грамматику и общій словарь; поэтому примѣчанія ограничиваются лишь тѣмъ матеріаломъ, который не входитъ въ составъ упомянутыхъ учебныхъ пособій, находящихся въ рукахъ учащихся. Мнѳологическія разъясненія, логическая связь эпического разказа, его синтактическія особенности и, гдѣ нужно, русскій перифразъ составляютъ ихъ содержаніе, облеченое въ точную и ясную редакціонную форму. Есть, правда, нѣкоторые недосмотры, какъ напримѣръ, лишнее повтореніе одного и того-же объясненія въ разныхъ мѣстахъ вѣсто ссылокъ на первое примѣчаніе по тому же предмету; есть также мѣста, которыя могли бы вызвать возраженіе, какъ напримѣръ, VI. 94. ἦντις—candentes, гдѣ принято неосновательное предположеніе Гзбеля, заимствованное комментаторомъ Faesi, будто ἦντις происходитъ отъ какого-то корня 'AN (блестѣть), тогда какъ схоластика прямо объясняетъ

слово ἥως (ἑως—ἑως) словами ἐνιαυτός, νέος (годовалый); или VI. 288 „просторная (κῆρυξ)“, а κῆρυξ значить не „просторный“, но „благоухающий“ и такъ далѣе. Но это лишь мелочи, не умаляющія достоинства изданія г. Радецкого. Въ заключеніе нельзя обойти молчаніемъ, что составитель, противъ прежнихъ своихъ комментаріевъ, не безъ основанія, далъ разсматриваемому труду характеръ болѣе узкій, ограниченный, такъ какъ ученики, приступающіе къ чтенію Илиады, изъ занятій своихъ по Одиссееѣ уже познакомились съ важнѣйшими особенностями Гомеровскаго діалекта, почему составитель во многихъ мѣстахъ предлагаемаго нынѣ выпуска довольствовался одними только ссылками на его же изданіе: „Введеніе къ чтенію Гомера“, которое заключаетъ въ себѣ между прочимъ и особенности Гомеровскаго стихосложенія и діалекта. Книга г. Радецкого вполнѣ заслуживаетъ вниманія какъ учащихся, такъ и учащихся.

Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ. *Е. Бѣлявскаго.* Изданіе шестое, вновь пересмотрѣнное и дополненное. Москва. 1893. Стр. 113+VI. Цѣна 65 коп.

„Теорія словесности“ г. Бѣлявскаго, не представляя ничего оригинальнаго и, такъ сказать, повторяя уже выработанное теоретиками, даетъ сравнительно полный курсъ теоріи словесности, обнимающій почти всѣ важнѣйшіе вопросы, подлежащіе среднему учебному заведенію, и въ доступной формѣ. Теорія словесности Бѣлявскаго изложена методомъ синтетическимъ, по вынесенному авторомъ изъ практики убѣжденію, что „аналитическому разбору образцовъ словесности мѣсто не въ учебникѣ, а на урокахъ: что учебникъ долженъ синтезомъ привести въ стройный порядокъ и освѣтить добытое во время уроковъ анализомъ и не долженъ стремиться къ тому, чтобы замѣнить собою классное преподаваніе и отстранить надобность въ хрестоматіи (VII). Съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться, особенно при нынѣшней постановкѣ гимназическаго курса. Въ учебникѣ есть и равномѣрность, и пропорціональныя важности факта, и соотвѣтственность въ объясненіяхъ того или другого вопроса изъ теоріи словесности. Напримѣръ, о драмѣ и трагедіи находится достаточно (102—110) историческихъ свѣдѣній—о происхожденіи драмы у грековъ, у ново-европейскихъ народовъ, о разныхъ періодахъ и видахъ ея развитія.

Если можно видѣть нѣкоторую неточность, неполноту въ опредѣленіи юмора (27 стр.), въ замѣчаніи (102 стр.) будто только въ драмѣ „на первомъ планѣ духъ человѣка...“, то нельзя не согласиться со всѣми остальнымъ. Въ большинствѣ случаевъ мелкимъ шрифтомъ напечатаны замѣчанія о происхожденіи или словопроизводствѣ почти каждаго термина въ теоріи словесности, но отъ этого только выигрываетъ обстоятельность изложенія. Вотъ, напримѣръ, опредѣленіе сарказма: „Иронія, соединенная съ злобною ѣдкостью называется сарказмомъ (отъ *sarx* тѣло, откуда *sarxázw* терзаю тѣло)“ (стр. 27).

Нынѣшнее шестое изданіе пересмотрѣно и пополнено дѣльными и выработанными статьями „о сочиненіи вообще“ (§ 3), объ „искусствѣ и поэзіи“ (§§ 78—88). Къ учебнымъ планамъ 1890 года учебникъ весьма подходит удобствомъ и пользою. Это приписываніе къ учебнымъ планамъ авторъ объясняетъ исторіей своего труда, составленнаго по указаніямъ комиссіи подъ руководствомъ О. И. Буслаева въ Москвѣ, при попечителѣ Левшинѣ. Комиссія эта тогда выработала тотъ планъ, которому пришлось увидѣть свѣтъ въ программахъ 1890 года, въ особенности же по вопросу изученія теоріи словесности въ VIII-мъ классѣ.

Учебникъ теоріи словесности. Составилъ Г. Гвоздиковъ, преподаватель Елатомской гимназіи. С.-Петербургъ. 1893. Стр. 76. Цѣна 60 коп. (Посвящается памяти проф. А. А. Потебни).

„Учебникъ теоріи словесности“ Г. Гвоздиковъ, судя по предисловію, въ большинствѣ страницъ представляетъ или прямо заимствование изъ лекцій проф. Потебни, или выводы и соображенія, внушенные лекціями. Поэтому—учебникъ этотъ съ начала до конца отличается нѣкоторою своеобразностью воззрѣній и самого изложенія, и мало имѣетъ данныхъ сдѣлаться удобнымъ для учащихся руководствомъ.

Метода авторъ держится аналитическаго, то-есть, пытается вывести теоретическія положенія изъ разсмотрѣнія образцовъ. Опредѣленія довольно важныхъ видовъ прозы и поэзіи даются короткія, несостоятельныя. Такъ на стр. 71—72 только нѣсколько словъ и нѣсколько собственныхъ именъ приводится по вопросу о происхожденіи драмы. Опредѣленія романа (стр. 57) точнаго, яснаго нѣтъ, хотя ниже о повѣсти сказано, что она—тотъ же романъ. Напротивъ, не особенно важное излагается полнѣе, чѣмъ это было-бы нужно. Такъ,

не особенно трудное ученіе о тропахъ занимаетъ страницы отъ 9 до 17 и снабжается даже чертежами. Для уясненія *діалога*, понятнаго по переводу слова, приводится выдержка изъ „Капитанской дочки“. Въ учебникѣ много опредѣленій, изложенныхъ туманно, неопредѣленно, или на столько безсодержательныхъ, что изъ нихъ ничего не вынесетъ ученикъ. Таково, напримѣръ, все введеніе, пытающееся опредѣлить два вида дѣятельности человѣческой. гдѣ на стр. 4-й читаемъ: „перваго рода дѣятельность, предполагающая непосредственное пользованіе предметомъ, называется ремесломъ, если преслѣдуетъ удовлетвореніе физическихъ потребностей, или же въ противномъ случаѣ можетъ быть названа *установленіемъ* (констатированіемъ факта)“.

На стр. 36 читаемъ: „*исторіей* называется наиболѣе совершенное изложеніе фактовъ, имѣющихъ общесъ значеніе“.

На стр. 52: „*западкой* называется такая метафора, въ которой 1) разстоеніе между обозначающимъ и обозначаемымъ довольно значительно; 2) въ обозначающемъ не дается чертъ изъ обозначаемаго“ и т. д.

На стр. 54: „*Народной эпической поэмой* называется произведеніе, повѣствующее о дѣлнхъ боговъ и героевъ съ указаніемъ на ихъ психическое состояніе и отличающееся естественно-возвышеннымъ складомъ изложенія“.

На стр. 58-й между прочимъ *типъ* опредѣляется такъ: „Словесное выраженіе типа представляетъ собою видъ сложной синекдохи“. Не пойметъ ученикъ значенія выраженій: „возвышенность впечатлѣній“ (стр. 56), „Комедія интриги“ (75 стр.) и тому подобныхъ.

Часто встрѣчаются неточныя или ошибочныя выраженія; напримѣръ: „*фигурами* называются пріемы, которые нарушаютъ обыкновенное спокойное теченіе рѣчи“ (стр. 18); „*разсужденіемъ* называется *установленіе* несомнѣнной причинной связи между извѣстными фактами при помощи другихъ фактовъ, или, иначе говоря, доказательство извѣстной мысли“ (стр. 37); „*сатирой* называется лирическое стихотвореніе, вызванное недостатками окружающаго“ (66 стр.). Много встрѣчается въ учебникѣ г. Гвоздиковъ мелочнаго, неважнаго для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Къ чему, напримѣръ, наполнять голову юноши замѣчаніями о *стилистической* прони (стр. 17), объ *анонимѣ* (стр. 32), о *схемахъ строфъ* терцина, сонета (33 стр.)? Излишне въ учебникѣ теоріи словесности напоминать о примѣрахъ „фигуры градаци“ въ Севильскомъ Цирюльникѣ Бомарше (19 стр.),

или характеризовать стадіи развитія романа только именами Лесажа, Фильдинга, Гольдсмита и другихъ (стр. 59). Въ заключеніе не можемъ не привести удивительнаго опредѣленія *сарказма*: „Если во время произнесенія ироніи говорящій и слушающій находятся въ такомъ состояніи, которое исключаетъ шутку, такая иронія называется *сарказмомъ*“.

Учебный курсъ теории словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. В. Савицкій. Изд. 3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. С.-Пб. 1894. Стр. 177. Цѣна 90 коп.

На оберткѣ новаго изданія труда г. Савицкаго значится, будто оно авторомъ пересмотрѣно и исправлено. Оно, дѣйствительно, „не является точною перепечаткою втораго изданія“, но *существенныхъ* исправленій въ немъ не сдѣлано никакихъ. Важная перемѣна, вызванная въ преподаваніи теории словесности учебными планами 1890 года (которыми предметъ этотъ перенесенъ изъ V* класса въ VIII и обращенъ изъ курса пропедевтическаго въ курсъ заключительный, представляющій собою какъ бы синтезъ словесныхъ занятій въ гимназіи, теоретическій выводъ изъ нихъ) вовсе не принята во вниманіе. Г. Савицкій, напротивъ, счелъ нужнымъ перепечатать предисловіе къ первому изданію своей книги съ указаніемъ на принятую имъ форму изложенія какъ на „безусловно полезную“ (?) *именно въ классахъ V и VI*. Нигдѣ авторъ не опирается на курсъ, пройденный въ семи первыхъ классахъ гимназій, считаетъ нужнымъ пересказывать (и при томъ пересказываетъ неудовлетворительно) содержаніе произведеній, знакомство съ которыми обязательно при переходѣ въ VIII классъ („Евгеній Онегинъ“, „Полтава“ даже „Пѣснь о вѣщѣ Олеги“), не обращаетъ достаточнаго вниманія на приглашеніе „учебныхъ плановъ“ при курсѣ словесности пополнить данныя эстетическаго развитія учащихся чтеніемъ произведеній, которыя ранѣе были имъ мало доступны, но могутъ быть вполне сознательно изучены юношами за нѣсколько мѣсяцевъ до полученія аттестата зрѣлости. Съ другой стороны въ книгѣ много лишняго; напримѣръ, ученіе о періодахъ, заниматься которыми въ VIII классѣ не приходится.

Уже одни эти соображенія указываютъ на малую пригодность книжки г. Савицкаго для среднихъ учебныхъ заведеній. Но въ ней есть и другіе крупные недостатки: она написана языкомъ крайне тяжелымъ; мысли автора выражены неясно, туманно; встрѣчается также множество недосмотровъ.

Чтобы судить о характерѣ изложенія, достаточно, напрямѣръ, просмотрѣть хотя бы стр. 91, на которой авторъ пытается пояснить „существенныя свойства поэтическихъ произведеній, отличающія ихъ отъ произведеній прозаическихъ“:

Поэтическія произведенія, замѣчаетъ г. Савицкій, *въ строеніи своемъ* представляютъ слѣдующія особенности:

1) *Въ содержаніе* ихъ можетъ входить не только то, что дѣйствительно было, но и то, что могло или *должно было* быть по представленію поэта, то-есть — другими словами — допускается *вымыселъ подробностей* событія, вполне впрочемъ, согласныхъ съ *историческою* или *бытовою* правдою и *логическою необходимостью*, *опредѣляемою цѣлію поэта*“.

Какъ разница въ строеніи произведеній проявляется въ его-содержаніи?... Вымыселъ не всегда изображаетъ то, что могло или должно было быть... Неужели въ поэтическомъ произведеніи вымыселъ допускается только въ *подробностяхъ* событія?... и т. д.

2) „Въ поэтическихъ произведеніяхъ мысль поэта *выражается не логическими понятіями*, воспринимаемыми умомъ, какъ въ прозѣ, продолжаетъ г. Савицкій, а помощью картинъ, *заимствованныхъ изъ жизни* и воспроизводящихъ тѣ или другія стороны ея съ *цѣлью* уясненія ихъ жизненнаго смысла и значенія, а *вмѣстѣ* съ тѣмъ и съ *цѣлью* образнаго или нагляднаго представленія основной идеи или главной мысли, положенной поэтомъ въ основу изображаемыхъ картинъ... *Отсюда* полное и тѣсное сліяніе идеи поэта съ картинами его произведенія, какъ поэтическою формою выраженія, составляетъ одно изъ главныхъ условий *художественности* всякаго *поэтическаго* произведенія“.

Какъ мысль выражается понятіями? Если въ поэтическихъ произведеніяхъ картины непременно должны быть заимствованы изъ жизни, воспроизводить жизнь,—какъ же въ нихъ допускается вымыселъ? Для ученика это требуетъ поясненія. Далѣе: картины рисуются съ *цѣлью* уяснить жизненный смыслъ этихъ картинъ; онѣ же должны „выражать мысль—(ту же мысль, которую г. Савицкій въ прозаическихъ произведеніяхъ предлагаетъ какъ-то выражать логическими понятіями)... и *отсюда* выводить сліяніе идеи поэта съ картиною, какъ формою выраженія идеи... Какъ понимать это „отсюда“?...

Конечно, человѣкъ подготовленный, перечитавъ нѣсколько разъ такую страницу, догадается, что — по вѣроятію — *хотѣлъ* сказать г. Савицкій, но развѣ такое изложеніе допустимо въ учебникѣ!

Еще болѣе вопросъ объ отличительныхъ свойствахъ поэтическихъ произведеній запутанъ на стр. 92-й и въ результатѣ оказывається, что *цѣли, проза и поэзія* прямо пзаймно *противоположны!*

Отнюдь не лучше выяснено понятіе синонимахъ (стр. 10); различіе сложныхъ предложеній отъ періодовъ (стр. 12); все ученіе о видахъ періодовъ (стр. 16), понятіе о повѣствованіи (стр. 56), о запискахъ (мемуарахъ) (стр. 59), о значеніи дидактической поэзіи (стр. 63), объ идеализмѣ (стр. 93), о сказкѣ и баснѣ (стр. 104), объ эпосѣ (стр. 110), объ одѣ (стр. 133), о построеніи драматическихъ произведеній (стр. 141), о ложно-классической комедіи (стр. 159), и проч.

О вниманіи, съ которымъ г. Савицкій редактировалъ и издавалъ свою книгу, могутъ свидѣтельствовать хотя бы слѣдующія строки:

Стр. 35. „Если, при изображеніи *бытовой стороны жизни людей* (?), рѣчь писателя отличается *ироническимъ* характеромъ, при чемъ *насмѣшка* сказывается подъ видомъ простодушной шутки, возбуждающей смѣхъ, *то* такое свойство образной (?) рѣчи называется *юморомъ*, а по немъ и самый слогъ юмористическимъ“.... Юморъ, слѣдовательно, является свойствомъ рѣчи, да еще непримѣнно образной рѣчи, и отождествляется съ ироніей... Что-то совсѣмъ невѣроятное!

Стр. 59. „Записки современниковъ или мемуары по характеру изложенія принадлежать къ виду *прагматическихъ* повѣствованій. Напримѣръ, рукописи о севастопольской оборонѣ, записки Порошина“! Очевидно г. Савицкій или о прагматикѣ имѣетъ самое смутное понятіе, или никогда не видалъ упоминаемыхъ имъ мемуаровъ, хотя бы, напримѣръ, записокъ Порошина, которыя по изложенію немногими отличаются отъ гоф-фурьерскаго журнала.

Стр. 61. Соединеніе элементовъ ученаго и художественнаго г. Савицкій признаетъ въ историческихъ трудахъ Граповскаго, Кудрявцева, Костомарова. Не мѣшало бы прибавить къ этимъ именамъ и имя Карамзина, хотя бы потому, что учащіеся предполагаются знакомыми съ „Исторіей Государства Россійскаго“, знакомство же съ сочиненіями Граповскаго, Кудрявцева для нихъ не обязательно.

Стр. 62. Описаніями путешествій называются такіе сочиненія, въ *содержаніи которыхъ* авторъ-путешественникъ вноситъ не только описанія видѣвшихся имъ народонъ съ ихъ образомъ жизни, нравами и обычаями, но и *историческіе очерки странъ, городовъ и мѣстечекъ* и рассказы о мѣстныхъ событіяхъ и приключеніяхъ во время

путешествій, съ сообщеніемъ при этомъ интересныхъ мѣстныхъ преданій и любопытныхъ анекдотовъ... Неужели безъ историческихъ очерковъ безъ „любопытныхъ анекдотовъ“ описаніе путешествій невозможно?

На стр. 70 г. Савицкій „къ роду дидактическихъ сочиненій“ относитъ „кромя разсужденій — монографіи, критику и науку“! О наукѣ вообще въ книгѣ сообщаются невозможныя понятія; на-примѣръ:

На стр. 71 еще читаемъ: „Разсужденія, монографіи и критика служатъ матеріаломъ для особно вида дидактическихъ сочиненій, которыя называются наукою“. Г. Савицкій не замѣчаетъ, что равно странныя понятія о наукѣ, изложенныя на стр. 70 и 71, несовмѣстны.

На стр. 72. Г. Савицкій классифицируетъ религіи такъ: „христіанство, мусульманство, язычество.“

На стр. 74. „Системою“, учить онъ, называется „совокупность мыслей, относящихся къ одному предмету, раскрытая изъ одного начала, и изложенная въ стройной логической связи и строгомъ порядкѣ по закону подчиненія... А такъ какъ безъ системы нѣтъ науки, то системою въ частности называютъ также и науку... Съ развитіемъ просвѣщенія число наукъ увеличивается... По мѣрѣ же накопленія истинъ, относящихся къ новой сферѣ, составляется естественная классификація, вмѣстѣ съ которою является и наука“... Умозрительные и дедуктивные пути познанія такимъ образомъ спутаны въ узелъ, развязать который учащимся, очевидно, не подъ силу.

На стр. 84. Указавъ значеніе политическихъ рѣчей, г. Савицкій поясняетъ, будто въ новѣйшее время такія рѣчи называются *парламентскими* и *практикуются* въ Англіи, Франціи и вообще въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ представительный образъ правленія*. Будто въ наше время внѣ парламентовъ политической рѣчи и произнести нельзя? Точно также *предметомъ* судебныхъ рѣчей, по мнѣнію г. Савицкаго, „служить только *обсужденіе* разнаго рода преступленій“... Такъ въ гражданскомъ процессѣ г. Савицкій судебныхъ рѣчей не допускаетъ.

На стр. 101 разказано, будто Илья Муромецъ *разскажетъ* поганое идолище *шлятою* земля греческой; а въ борьбѣ его съ Жидовиномъ изъ земли Козарской изображена борьба съ распространеніемъ жидовской ереси.

На стр. 105 „западки“ относятся къ области *поэтическихъ произ-*

ведений на основаніи тѣхъ же признаковъ, по которымъ и пословицы считаются поэтическими произведениями". Какъ согласовать эти строки съ ученіемъ самого г. Савицкаго о свойствахъ поэтическихъ произведеній?

На стр. 107. „Въ поэмі кромѣ важности событія въ отношеніи общенародныхъ интересовъ жизни въ извѣстную эпоху изображаются существенныя и наиболее выдающіяся стороны жизни цѣлаго народа"... Изображаются важность событія и существенныя стороны жизни народа?...

На стр. 109—поразительный корректурный недосмотръ: въ ряду наиболѣе извѣстныхъ поэмі упоминается у французовъ „Генріада“ Вольтера (1694—1778), повѣствующая о жизни Бючеловика на землѣ до его вознесенія на небо". Очевидно, въ наборѣ выпало строки двѣ, и рѣчь идетъ о „Мессіадѣ", но ошибка нигдѣ не оговорена.

На стр. 118. Г. Савицкій пишетъ: „Вліяніе рыцарскихъ романовъ было такъ сильно, что и до настоящаго времени въ романахъ изображаютъ большею частью любовь и разныя похождения"... При чемъ тутъ вліяніе рыцарскихъ романовъ?

На той же страницѣ г. Савицкій учитъ будто идиллія непременно должна изображать „сельскую жизнь людей", хотя и противорѣчитъ этому взгляду на слѣдующей же страницѣ.

На стр. 122 читаемъ: „Литературно-художественное значеніе баллады „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ" заключается не только въ наглядномъ представленіи того факта, что у современниковъ Олега существовала вѣра въ предсказанія, но и въ наглядномъ изображеніи причинъ, по которымъ держалось въ народѣ подобное суевѣріе"...

На стр. 129 разказывается, будто „новѣйшія народныя пѣсни, въ отличіе отъ древнихъ народно-устныхъ, слагаются не въ народѣ" (?), а также, будто „образы для выраженія народныхъ чувствъ въ этихъ пѣсняхъ, не смотря (?) на заимствованіе ихъ изъ народной жизни и на полное соотвѣтствіе ихъ съ народнымъ міровоззрѣніемъ, отличаются литературно-художественною обработкою"...

На стр. 132 стихотворенія „Когда волнуется желтѣющая пшва" Лермонтова и „Нива" Майкова причисляются къ антиклерикальнымъ.

На стр. 137 авторъ, указавъ, что сатира можетъ быть насмѣшливой или карающей, и назвавъ лучшими сатириками Горация, Персія и Ювенала, прибавляетъ: „Сатира Горация по характеру содержанія принадлежитъ къ виду карающихъ".

На стр. 152. Г. Савицкій разказываетъ, будто ложно-классическая трагедія ввела *наперсниковъ* „которые, подобно *въстаникамъ* греческихъ трагедій, должны были сообщать о тѣхъ обстоятельствахъ, которые происходили въ разныхъ мѣстахъ, и черезъ довольно большіе промежутки времени“...

„Драматическія произведенія, создаваемые на основаніи *изложенной французской теоріи*“ говоритъ г. Савицкій, „посили названіе ложно-классическихъ“. Но *исподство этой теоріи не помышало Шекспира* (1564—1616) явиться основателемъ новой трагедіи... Первая ложно-классическая трагедія во Франціи („Клеопатра“ Жюделя) дѣйствительно появилась до Шекспира (1552 г.), но *исподствующими* ложно-классическіе образцы еще при немъ не были, во всякомъ случаѣ свободныя, самостоятельныя формы трагедіи, независимыя отъ французскаго классицизма, утвердились въ Англіи еще при предшественникахъ Шекспира.

Впрочемъ, г. Савицкій поражаетъ страпностями въ оцѣнкѣ писателей не только иноземныхъ, но и русскихъ. На стр. 155, напримѣръ, даетъ слѣдующій образчикъ своихъ критическихъ воззрѣній на сущность комизма въ „Ревизорѣ“.

„Въ *фальшивыхъ опасеніяхъ* (чиновниковъ уѣзднаго городка) и проявляется комизмъ борьбы, *достигающей высшей степени* при изображеніи тревогъ и недоразумѣній, испытываемыхъ Хлестаковымъ и городничимъ въ первыя минуты ихъ встрѣчи“... Высшій комизмъ „Ревизора“, по мнѣнію г. Савицкаго, заключается слѣдовательно въ сценахъ полу-подевильнаго характера? Протипъ такого положенія ему пожалуй придется выслушать дѣльныя возраженія и отъ учениковъ VIII класса гимназій, которыми сущность комическаго должна быть усвоена еще въ VII классѣ.

Самыми замѣчательными представителями ложно-классической комедіи г. Савицкій называетъ Мольера, Корнеля и Расина... Хотя Корнель и написалъ комедію „Le Menteur“, а Расинъ шутку „Les Plaideurs“,—врядъ ли кому-нибудь кромѣ г. Савицкаго приходило въ голову указывать на нихъ, какъ на образцовыхъ писателей въ псевдо-комическомъ родѣ. Къ тому же, „Plaideurs“—произведеніе во многомъ отступающее отъ псевдо-классическихъ преданій.

Г. Савицкій, впрочемъ, и самъ не чуждъ нѣкоторыхъ ложно-классическихъ взглядовъ. На стр. 160 онъ пишетъ: „дѣйствующими лицами драмы могутъ быть не только люди, занимающіе высокое обще-

ственное положеніе, какъ въ трагедіи, но и люди обыкновенные, принадлежащіе къ различнымъ слоямъ общества...

Не станемъ продолжать выписокъ, хотя недосмотры г. Савицкаго далеко не исчерпаны.

Учебникъ зоологіи, составленный примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ. Часть I. (Отдѣлъ позвоночныхъ). Составилъ С. К. Персональный, преподаватель естественной исторіи и физики въ Ивалово-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ. Москва. 1893. Цѣна 85 коп.

Книга эта расположена въ точности по примѣрной программѣ, данной въ „Учебныхъ плапахъ“ 1889 года. По объему она почти не превосходитъ того, что можетъ быть пройдено въ 40 уроковъ, назначенныхъ на зоологію въ III-мъ классѣ реальныхъ училищъ. Наконецъ, она изложена довольно точнымъ, краткимъ и яснымъ языкомъ, какъ того требуетъ всякій учебникъ. По всему этому она не можетъ не быть пригодною какъ руководство для реальныхъ училищъ, не смотря на нѣкоторые свои недостатки.

Въ отношеніи къ матеріалу можно замѣтить, что слишкомъ много дано мѣста описанію нравовъ и образа жизни животныхъ, а также описанію ихъ ловли и всякой охоты за ними. Эти свѣдѣнія не входятъ въ составъ науки, и не слѣдовало бы ставить ихъ наравнѣ съ научными опредѣленіями. На стр. 67-й довольно много разказывается о *кашалотахъ* и даже упоминается объ ихъ „страшныхъ зубахъ“, но опущено то обстоятельство, что эти зубы существуютъ только въ нижней челюсти. Такихъ замѣчаній можно сдѣлать довольно много.

Въ отношеніи къ порядку можно замѣтить, что отряды расположены почти произвольно. Напримѣръ, китообразныя поставлены между ластоногими и копытными, хищныя птицы между голубиными и голенастыми, черепахи между крокодилами и инсиринцами, и т. д. и т. д. Естественный порядокъ здѣсь существуетъ, хотя онъ менѣе ясенъ, чѣмъ порядокъ классовъ: млекопитающіе, птицы, пресмыкающіеся, земноводныя, рыбы; признавая порядокъ классовъ, нужно уже послѣдовательно держаться того-же принципа въ расположеніи отрядовъ.

Въ отношеніи къ языку, нельзя одобрить въ разбираемой книгѣ употребленія нѣкоторыхъ оборотовъ, къ сожалѣнію, очень распространенныхъ въ нашей литературѣ. Въмѣсто краткаго и опредѣленнаго *есть* пишутъ *является*, *представляется* и т. п. Что хорошаго, на-примѣръ, въ слѣдующемъ выраженіи г. Персональнаго.

„Каждая человѣческая особь представляетъ изъ себя организмъ, слагающійся изъ различныхъ органовъ и системъ“ (стр. 6). Зачѣмъ тутъ каждая? И особь, а не *тѣло человека*? Почему *представляетъ изъ себя*, а не просто *есть*? Почему *слагающійся*, а не *состоящій*? Для ученика III-го класса реального училища въ этихъ выраженіяхъ могутъ почуяться какія-то загадки, а никакихъ загадокъ тутъ нѣтъ.

Такія замѣчанія можно сдѣлать во многихъ мѣстахъ, но вообще языкъ автора имѣетъ точность и простоту, и потому тѣмъ досаднѣе эти мелкія погрѣшности. Есть, впрочемъ, грѣхи и противъ точности, больше всего тамъ, гдѣ дѣло идетъ о психологія животныхъ. Такъ, напримѣръ, нельзя говорить, что животные „обнаруживаютъ волю“; обыкновенно это выражается такъ: *произвольно двигаются или обладаютъ произвольнымъ движеніемъ*. Очень неправильны слѣдующія выраженія:

„Многія домашнія млекопитающія понимаютъ не только привычныя приказанія хозяина, но даже *смыслъ человеческой рѣчи* (слоны, собаки), а нѣкоторыя (слоны, обезьяны) имѣютъ *разговорный языкъ въ его простѣйшей формѣ*, благодаря которому могутъ передавать собратіямъ свои мысли и чувства“ (стр. 44).

Какъ бы ни были понятливы животныя и какъ бы ни сообщались звуками и знаками между собою, нужно говорить объ этомъ съ большою осторожностью; имъ нельзя приписывать ни *пониманія смысла рѣчи*, ни *языка* или *мыслей* въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ мы приписываемъ все это человѣку. Если кто выражается такъ, какъ нашъ авторъ, то можно бы отъ него потребовать, чтобы онъ точно указалъ тѣ *простѣйшія формы* ума, которыя онъ приписываетъ животнымъ, и тогда онъ не будетъ въ силахъ отвѣчать. Зачѣмъ же задавать такія загадки ученикамъ?

Не смотря на указанные недостатки, рассматриваемый учебникъ нельзя не признать старательно обработаннымъ.

Н. Е. Цабель. Курсъ общаго ботаники. Часть II. Растенія безцвѣтковые или споровыя. Изданіе второе, переработанное и сокращенное. Москва. 1893. Стр. V+95. Цѣна 50 коп.

Двѣ части курса ботаники г. Цабеля, а равно и атласы къ нимъ, были въ свое время (1885, 1886, 1887 годы) отмѣчены какъ полезныя пособія. Нынѣ вторая часть является въ новомъ изданіи, измѣненномъ согласно съ дидактическимъ опытомъ автора, который самъ пре-

подааетъ естественныя науки (онъ состоитъ инспекторомъ 4-ой Московской женской гимназіи). Именно, авторъ нашелъ нужнымъ сократить эту вторую часть, тогда какъ о первой части онъ говоритъ, что „на основаніи личнаго опыта находить ее удовлетворительною цѣлямъ обученія“ (*Предисловіе*, стр. III). Вторая часть была „затруднительна для учащихся по значительному числу подробностей“, поэтому авторъ сократилъ ее въ той мѣрѣ, какую нашелъ нужною; Кромѣ того, переработанъ отдѣлъ о грибахъ на основаніи новыхъ изслѣдованій.

Нѣтъ сомнѣнія, что мы, такимъ образомъ, имѣемъ передъ собою учебникъ испытанный и улучшенный. Но при этомъ нельзя не принять во вниманіе, что преподавалъ по учебнику самъ его авторъ, слѣдовательно, вносилъ въ преподаваніе свои знанія и свое умѣнье. Для другихъ преподавателей можно опасаться, что матеріалъ, заключающійся въ учебникѣ, все еще довольно сложенъ. Впрочемъ, ученая ясность и точность и строгій порядокъ изложенія, коими отличается эта книга, даютъ возможность сдѣлать сокращенія, если они понадобятся. Кромѣ того, подробности легко усвоятся, если пользоваться атласомъ.

Достоинства точности и научной отчетливости, указанныя нами относительно перваго изданія, сохраняются и во второмъ; къ несчастію, не вполне устранены недостатки языка, обиліе иноязычныхъ словъ и нѣкоторыя неправильности русской рѣчи.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи.

Составилъ А. К. Кліоновскій, преподаватель Калишской мужской гимназіи. Варшава. 1893. Стр. 61. Цѣна 40 коп.

Новыя правила объ испытаніяхъ учениковъ гимназій требуютъ, чтобы темы на испытаніи изъ геометріи для полученія аттестата зрѣлости заключали въ себѣ такія условія, при которыхъ необходимо введеніе тригонометрическихъ величинъ.

Такое требованіе заставило гг. преподавателей прилагать тригонометрію къ рѣшенію многихъ интересныхъ геометрическихъ задачъ, не рѣшаемыхъ безъ помощи тригонометріи, и вызываетъ появленіе задачникковъ, составленныхъ въ указанномъ направленіи. Къ такого рода задачкамъ принадлежитъ и разсматриваемый задачникъ г. Кліоновскаго.

Онъ содержитъ въ себѣ 215 искусно составленныхъ задачъ. Дан-

ныя и условія въ этихъ задачахъ подобраны такимъ образомъ, чтобы ученики, по возможности, не только имѣли случай возстановлять въ памяти значительное большинство изученныхъ теоремъ, но, разбирая различныя отношенія и взаимныя положенія тѣлъ и ихъ элементовъ, составили бы о послѣднихъ болѣе ясныя понятія.

Авторъ говоритъ, что онъ избѣгалъ слишкомъ замысловатыхъ задачъ, такъ что всѣ его задачи таковы, что онѣ могутъ, при нѣкоторомъ небольшомъ усиліи, рѣшаться средними учениками.

Большинство задачъ составлены такимъ образомъ, что результаты ихъ рѣшеній могутъ быть приведены къ виду, удобному для логарифмированія, такими способами, знаніе которыхъ обязательно для учениковъ. Книга издана опрятно.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ 1891 ГОДУ ¹⁾.

Болѣ десяти лѣтъ тому назадъ въ зданіи Императорской Публичной Библиотеки сталъ ощущаться недостатокъ мѣста для правильного распредѣленія вновь поступающихъ въ нее книгъ и рукописей. Удобнѣйшимъ средствомъ для устраненія этого затрудненія было признано возведеніе пристройки къ нынѣшнему библиотечному зданію, обращенному фасадомъ на площадь Александринскаго театра. Осуществленіе этого предположенія оказалось возможнымъ послѣ того, какъ министерство Императорскаго двора и С.-Петербургское городское управленіе согласились уступить Библиотекѣ принадлежавшіе имъ участки земли на углу вышеозначенной площади и Толмазова переулка. Въ 1891 году Библиотека вступила въ фактическое владѣніе обоими участками, и такимъ образомъ открылась возможность предпринять сооруженіе новаго флигеля, какъ скоро на сей предметъ будетъ ассигнованъ особый кредитъ изъ суммъ государственнаго казначейства. Но въ 1891 году такого ассигнованія еще не послѣдовало, ибо возбужденъ былъ вопросъ о переводѣ всей Библиотеки въ зданіе Инженернаго замка, впрочемъ, также оставшійся безъ разрѣшенія до истеченія отчетнаго года.

Внутреннее устройство нынѣшняго библиотечнаго зданія значительно улучшилось въ 1891 году окончательнымъ введеніемъ электрическаго освѣщенія въ читальной залѣ. При прежнемъ газовомъ освѣщеніи залы температура въ ней повышалась иногда до такой

¹⁾ Извлечено изъ только что отпечатаннаго Отчета Библиотеки за 1891 годъ

степени, что становилась тягостною для посѣтителей; съ устройствомъ эдиссоновскихъ лампъ это неудобство окончательно устранено.

Общая сумма средствъ, которыми Библіотека располагала въ 1891 году, простиралась до 92,200 р. 85 к. Изъ нихъ собственно на обогащеніе Библіотеки, то-есть, на приобрѣтеніе книгъ и рукописей и на доставленіе ихъ изъ-за границы, на переплетъ ихъ, на написаніе инвентарей и карточекъ для каталоговъ, а также на отпечатаніе каталоговъ и отчетовъ, израсходовано 33,484 р. 28 к. Прочія статьи расхода составляютъ содержаніе личнаго состава и служителей и содержаніе зданій Библіотеки.

Обогащеніе Библіотеки идетъ непрерывно, увеличиваясь при томъ съ каждымъ годомъ въ своихъ размѣрахъ. Источниками обогащенія служатъ, съ одной стороны, пожертвованія, постоянно поступающія въ Библіотеку, а съ другой—приобрѣтеніе книгъ и рукописей путемъ покупки. Въ 1891 году, какъ и въ предшествующіе, одни изъ приобрѣтеній сдѣланы въ формѣ цѣлыхъ коллекцій, другія — въ видѣ розничныхъ поступленій.

Важнѣйшія изъ *цѣлыхъ коллекцій*, поступившихъ въ Библіотеку въ 1891 году, были слѣдующія:

1) Съ Высочайшаго соизволенія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ передано собраніе старинныхъ армянскихъ книгъ и рукописей, хранившихся въ архивѣ армяно-католической церкви св. Николая въ Каменцѣ-Подольскѣ. Рукописей въ этомъ собраніи имѣется 45, а печатныхъ книгъ 54. Какъ тѣ, такъ и другія, почти всѣ содержанія духовнаго: книги Священнаго Писанія, сборники богослужебные, церковно-историческіе, духовно-нравственные и т. п.; рукописей, не имѣющихъ прямого отношенія къ религіи, только три: два армянскихъ словаря и письменникъ. Старѣйшая изъ рукописей, Тріодъ, писана въ половинѣ XIV вѣка; прочія относятся къ послѣдующимъ вѣкамъ вплоть до настоящаго. Нѣкоторыя изъ старинныхъ рукописей, въ томъ числѣ и Тріодъ XIV вѣка, украшены миниатюрами и заставками. Печатныя книги исключительно богослужебныя; нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательны по старинѣ и рѣдкости.

2) Собраніе индійскихъ рукописей, принадлежавшее извѣстному русскому индіанисту, профессору С.-Петербургскаго университета И. П. Минаеву, и привезенное въ даръ его племянницами, г-жами Швейдъ. Собраніе это, содержащее въ себѣ до 300 манускриптовъ, составлено покойнымъ И. П. Минаевымъ во время его трехъ путешествій въ Индію въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ и заключаетъ въ себѣ

сочиненія брахманскія, буддійскія и джайнскія на языкахъ санскритскомъ, палийскомъ и разныхъ пракритскихъ и современныхъ индійскихъ нарѣчійхъ. При собраніи этой коллекціи покойный ученый имѣлъ главнымъ образомъ въ виду свои работы по исторіи религій Индіи, и потому она отличается характеромъ большой цѣльности; въ особенности многочисленны тутъ рукописи буддійскія, между которыми не мало памятниковъ буддійскаго канона и толкованій къ нимъ. Большинство палийскихъ рукописей этого собранія писано на пальмовыхъ листахъ сингальскими, камбоджскими и бирманскими письменами. Любопытны также нѣкоторыя буддійскія рукописи на санскритскомъ языкѣ, содержащія въ себѣ не изданные памятники. Рукописи джайнскія представляютъ интересъ не только по содержанію, но и потому еще, что писаны не въ новое время, а въ XV и XVI вѣкахъ, что составляетъ для бумажныхъ индійскихъ манускриптовъ значительную старину.

3) Собраніе южно-славянскихъ рукописей, приобретенное отъ сербо-болгарскаго археолога С. И. Верковича, издателя сборника болгарскихъ пѣсенъ подъ заглавіемъ „Веда Словена“. Всѣхъ рукописей въ этой коллекціи 34, и изъ нихъ 12 писаны на пергаментѣ, а остальные—на бумагѣ. По содержанію это—либо книги Священнаго Писанія, либо богослужебныя. Вообще это собраніе имѣетъ большое значеніе для работъ по исторіи славянскаго языка, и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны двѣ средне-болгарскія рукописи — такъ называемый Слѣпченскій Апостолъ, писанный уставомъ XII вѣка и украшенный заставками и фигурными буквами, и Орбелъская Тріодь, писанная уставомъ XII—XIII вѣковъ, также съ заставками и фигурными буквами. Остальные пергаменные рукописи этой коллекціи относятся къ XIII и XIV вѣкамъ, а бумажныя—къ XV и XVI. Въ-стѣ съ рукописями приобретенъ отъ г. Верковича экземпляръ Минеи Праздничной, венеціанскаго изданія 1538 года.

4) Собраніе бумагъ, относящихся до дворянскаго рода Макаровыхъ, принесенное въ даръ Н. И. Макаровымъ. Въ этой коллекціи находится 470 документовъ XVIII и XIX столѣтій; они почти исключительно касаются имущественныхъ дѣлъ извѣстнаго кабинетъ-секретаря Петра Великаго А. В. Макарова и его потомства; кромѣмъ, нѣкоторыя бумаги относятся и до службы А. В. Макарова и такимъ образомъ пополняютъ запасъ біографическихъ о немъ свѣдѣній.

5) Собраніе большею частью собственноручно писанныхъ сочиненій и писемъ В. И. Туманскаго, принесенное въ даръ генераломъ-

лейтенантомъ графомъ Г. А. Милорадовичемъ. В. И. Туманскій принадлежалъ къ числу писателей Пушкинскаго времени, и его бумаги представляютъ интересъ для литературной исторіи той эпохи.

6) Собраніе бумагъ и сочиненій А. И. Стронина, автора нѣсколькихъ сочиненій по исторіи и общественнымъ наукамъ, изданныхъ въ періодъ съ 1869 по 1885 годъ. Въ этой небольшой коллекціи находятся еще нѣкоторыя сочиненія Стронина, большею частью белетрическаго содержанія, оставшіяся не издавшимися, затѣмъ не лишенный интереса дневникъ его за время съ 1863 по 1888 годъ, съ особымъ прибавленіемъ за болѣе ранній періодъ жизни автора, и его письма къ брату, П. И. Стронину, который и приписъ означенныя бумаги въ даръ Библіотекѣ.

Кромѣ исчисленныхъ рукописныхъ собраній, въ 1891 году въ Библіотеку поступили еще слѣдующія собранія печатныхъ книгъ: коллекціи привилегій на изобрѣтенія, выдаваемыхъ Британскимъ и Германскимъ правительствами, за 1889 и 1890 годы; собраніе официальныхъ изданій правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ за вторую половину 1890 и за первую половину 1891 годовъ, въ количествѣ 360 томовъ; коллекція сочиненій и брошюръ, на разныхъ языкахъ, по вопросамъ тюремнѣдѣнія, изданныхъ по случаю четвертаго тюремнаго конгресса происходившаго въ С.-Петербургѣ въ 1890 году; наконецъ, переданное изъ главнаго управленія по дѣламъ печати собраніе русскихъ повременныхъ изданій съ 1882 по 1889 годъ, послужившее къ пополненію экземпляровъ тѣхъ же изданій, уже имѣвшихся въ читальномъ залѣ Библіотеки.

Въ ряду *отдѣльныхъ приобритеній* первое принадлежитъ тремъ гравированнымъ портретамъ Петра Великаго, которые Государю Императору благоугодно передать на храненіе въ Библіотеку по поднесеніи ихъ Его Императорскому Величеству херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства И. И. Курисомъ. Эти три портрета суть единственные извѣстные оттиски означенныхъ изображеній. Первый изъ нихъ, самый важный и интересный, представляетъ Петра Великаго въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, по грудь, въ русскомъ кафтанѣ, съ застежками на груди съ непокрытою головою; поверхъ кафтана на плечахъ царя подбитая горностаемъ мантия. Надпись на англійскомъ языкѣ. Портретъ гравированъ неизвѣстнымъ англійскимъ граверомъ въ началѣ XVIII вѣка съ оригинала, писаннаго масляными красками Готфридомъ Кнеллеромъ съ самого царя въ 1697 году и находящагося въ Гемптонкуртскомъ дворцѣ близъ Лондона.

Оригиналъ Кнеллера былъ неоднократно воспроизводимъ въ гравюрахъ, которыя всѣ уже имѣлись въ Библиотекѣ, кромѣ поступившей въ нее въ 1891 году. Второй изъ приобретенныхъ портретовъ также поясной, изображаетъ Петра 44 лѣтъ, въ латахъ; онъ гравированъ неизвестнымъ нѣмецкимъ граверомъ съ оригинала, приписываемаго живописцу Купецкому. Наконецъ, третій портретъ, также поясной, исполненъ крѣпкою водкой съ оригинала, писаннаго голландскимъ живописцемъ Аартомъ ванъ-Гельдеромъ и хранящагося въ Амстердамскомъ музеѣ. Поступившій въ Библиотеку экземпляръ этой гравюры представляетъ собою тѣмъ болѣе рѣдкость, что онъ есть оттискъ съ далеко не конченной доски голландскаго гравера, неизвестнаго по имени.

Другое цѣнное приобретение Библиотеки, однородное съ вышеописаннымъ, составляетъ огромная, на четырехъ листахъ, гравюра, изображающая русское посольство, отправленное въ 1576 году царемъ Иваномъ Грознымъ на Регенсбургскій сеймъ къ императору Максимилиану II. Единственный известный экземпляръ этой гравюры, на которой нѣмецкій мастеръ отчетливо изобразилъ фигуры и костюмы русскихъ людей XVI вѣка, хранился въ Висбаденскомъ музеѣ, а фотографическій снимокъ съ этого экземпляра былъ подаренъ въ 1875 году Библиотекѣ бывшимъ ея директоромъ, графомъ М. А. Корфомъ. Известный знатокъ и любитель художествъ, почетный членъ Библиотекъ, сенаторъ Д. А. Ровинскій, получивъ возможность приобрести покупкой подлинный экземпляръ Висбаденскаго музея и подарилъ его Библиотекѣ, какъ учрежденію, въ которомъ онъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, почерпалъ матеріалы для своихъ художественныхъ изслѣдованій и изданій.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Библиотека въ 1891 году продолжала получать, въ силу предоставленнаго ей права, всѣ вновь выходящія въ предѣлахъ Имперіи книги, брошюры, періодическія изданія, ноты, географическія карты, эстампы и проч., какъ отъ цензурнаго вѣдомства, такъ и отъ другихъ ученыхъ и административныхъ учрежденій, имѣющихъ право печатанія подъ собственною отвѣтственностью. Изъ числа припошений со стороны частныхъ лицъ и учреждений, какъ въ Россіи, такъ и за границей, значительнѣйшія по количеству томовъ были слѣдующія: отъ почетнаго корреспондента Библиотеки въ Лейпцигѣ К. Креля — 247 томовъ, отъ Эрлангенскаго университета — 204 тома, отъ почетнаго члена библиотеки графа И. Д. Делянова — 192 тома, отъ Итальянской комиссіи по международному обмѣну изданій — 169 томовъ, отъ Боннскаго университета — 134 тома, отъ Бри-

танскаго правительства—134 тома, отъ Геттингскаго университета—125 томовъ, отъ почетнаго члена Библіотеки Г. К. Рѣпинскаго—118 томовъ, отъ Гамбургской городской библіотеки—95 томовъ. Нѣкоторыя изъ частныхъ приношеній, не будучи обильны количествомъ томовъ, заслуживаютъ вниманія по своему внутреннему достоинству и цѣнности, либо по своей рѣдкости; такъ, напримѣръ, просвѣщенный индѣйскій правитель, Джейпурскій раджа Савайи-Мадгу-Сингъ, препроводилъ предпринятое по его почину въ Лондонѣ роскошное изданіе „Jeypore Portofolio of architectural details“, содержащее въ себѣ изображенія различныхъ частей памятниковъ древней и старинной индѣйской архитектуры, а начальство Британскаго музея въ Лондонѣ доставило изданныя музеемъ снимки съ хранящихся въ немъ древнегреческихъ надписей, факсимиле съ открытаго тамъ же папируса, содержащаго въ себѣ сочиненіе Аристотеля объ Аѳинской политикѣ, и сверхъ того, печатное изданіе этого памятника.

Библіотека поставила себѣ цѣлью сосредоточить въ своемъ составѣ по возможности всѣ произведенія славяно-русской старопечати и затѣмъ всѣ книги, когда-либо отпечатанныя на русскомъ языкѣ, а изъ книгъ инопозычныхъ приобрѣтаетъ, во первыхъ, всѣ книги, касающіяся Россіи въ какомъ-либо отношеніи, въ томъ числѣ переводы съ русскаго языка, и вовторыхъ, всѣ важнѣйшія сочиненія по разнымъ отраслямъ знанія, какъ вновь выходящія, такъ и изданныя въ прежнее время, но еще не имѣвшіяся въ Библіотекѣ. Значительныя пополненія по всѣмъ этимъ отдѣламъ сдѣланы и въ 1891 году, при чемъ при выборѣ научныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ имѣлось въ виду прежде всего приобрѣтеніе тѣхъ особенно важныхъ и цѣнныхъ изданій, которыя мало доступны для покупателей изъ частныхъ лицъ. Такъ, въ 1891 году приобрѣтенъ рядъ дорого стоящихъ сочиненій по археологій, исторіи искусства, палеографіи, естествознанію, обширныя серіи научныхъ періодическихъ изданій, а равно нѣсколько фотографическихъ сборниковъ различнаго содержанія. Произведенія на иностранныхъ языкахъ по части изыщѣнной словесности приобрѣтаются Библіотекой лишь въ исключительныхъ случаяхъ, преимущественно если это—произведенія авторовъ, уже получившихъ въ своемъ отечествѣ значеніе классическихъ писателей, сочиненія которыхъ издаются въ научно обработанномъ видѣ, съ вариантами, комментаріями и т. п. Тѣмъ не менѣе, иностранный беллетристическій отдѣлъ Библіотеки не можетъ быть названъ скуднымъ, ибо онъ постоянно и обильно пополняется изъ частныхъ пожертвованій.

Отдѣльными приобрѣтенія рукописнаго отдѣленія въ 1891 году, полученные какъ въ даръ, такъ и путемъ покупки, были также довольно многочисленны и представляютъ интересъ. Большая часть новыхъ поступленій относится къ памятникамъ славяно-русской письменности; такъ, приобретены нѣсколько старинныхъ сборниковъ со статьями религіознаго и духовно-нравственнаго содержанія; нѣсколько сборниковъ XVIII вѣка, заключающихъ въ себѣ духовные стихи, псалмы, народныя пѣсни и сказки; списки нѣсколькихъ переводныхъ романовъ первой половины XVIII вѣка; хорошій списокъ Стоглава, исхода XVI вѣка; рукопись малороссійскаго письма первой четверти XVIII вѣка, подъ заглавіемъ „Путникъ“, содержащая въ себѣ изложенное въ силлабическихъ стихахъ описаніе путешествія митрополита Сибирскаго Іоанна Максимовича изъ Чернигова въ Тобольскъ, въ 1711 году, по назначеніи его на сибирскую каедрю. Къ XVIII и XIX вѣкамъ относятся: Псалтырь, въ стихотворномъ переводѣ В. К. Тредіаковского, произведеніе не изданное; „Москва съ окрестностями“, извѣстная записка Н. М. Карамзина, въ его автографѣ; нѣсколько автографовъ В. А. Жуковскаго, И. А. Гончарова, О. М. Достоевскаго, М. И. Глинка и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ музыкальных композиторовъ; автографы художниковъ Н. И. Крамского и О. А. Васильева; 58 писемъ и записокъ къ графу Н. Д. Делянову отъ разныхъ представителей высшей администраціи и проч. Изъ рукописей иноязычныхъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія записки, на англійскомъ языкѣ, Веніамина Тиздея, состоявшаго въ русской морской службѣ въ царствованіе императрицы Екатерины II. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о собственноручныхъ рисункахъ карикатуриста начала текущаго вѣка И. И. Теребенева и современной художницы Е. М. Бемъ.

Въ общемъ выводѣ, въ теченіе 1891 года въ Библиотеку поступило:

а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 28.879 сочиненій въ 31.704 томахъ; въ томъ числѣ:

по Высочайшему повелѣнію изъ министерства внутреннихъ дѣлъ	54 соч. въ	54 тт.
по закону цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено, большею частью въ двухъ экземплярахъ	14.237	15.094
пораспоряженіямъ разныхъ учреждений.	3.287	3.378
частныхъ приношеній отъ 280 лицъ и учреждений въ Россіи и за границей	8.384	9.100
куплено самою библиотекон	2.917	4.068

б) рукописей, автографовъ и актовъ 1.497; въ томъ числѣ: по Высочайшему повелѣнію изъ министерства внутрен- нихъ дѣлъ	45
частныхъ приношеній отъ 2-хъ учреждений и 34-хъ лицъ 1.398 куплено самою Библіотекою	54
в) эстамповъ и фотографій 1.243; въ томъ числѣ: по Высочайшему повелѣнію	4
изъ цензурныхъ учреждений	751
частныхъ приношеній отъ 10-ти лицъ и учреждений .	141
куплено самою библіотекой	347
г) географическихъ картъ и плановъ	239
д) нотъ	678

Каталогизація поступавшихъ въ Библіотеку въ теченіе 1891 года книгъ и рукописей производилась безостановочно по всѣмъ отдѣленіямъ, и въ то же время новыя приобрѣтенія размѣщались по шкафамъ. чтѣ, впрочемъ, становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія. Наиболѣе сложныя работы по каталогизаціи произведены въ отдѣленіи рукописномъ, гдѣ библіотекаръ Гаркави продолжалъ разборъ еврейско-арабскихъ рукописей изъ второй коллекціи Фирковичей; въ 1891 году имъ описано 198 манускриптовъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены новыя любопытныя данныя для исторіи средневѣковой еврейской письменности.

О пользованіи Библіотекой въ теченіе 1891 года можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

Въ 1891 году выдано было билетовъ для занятій въ Библіотекѣ 11.594 (въ 1890 году 11.565), въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 1.808 (въ 1890 году 1.829). Читателей было въ общей читательной залѣ 108.378 (въ 1890 г. 107.971). Потребовано книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей либо гражданскимъ шрифтомъ, 225 томовъ (въ 1890 г. 141 тт.), на русскомъ языкѣ 48.845 тт. (въ 1890 г. 41.258 тт.) и на иностранныхъ языкахъ 15.638 тт. (въ 1890 года 15.038 тт.); изъ библіотеки при читальной залѣ: книгъ 140.415 тт. (въ 1890 году 136.251 тт.), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 130.393 тт. (въ 1890 году 126.186 тт.) и на иностранныхъ языкахъ 10.022 тт. (въ 1890 году 10.065 тт.); поврежденныхъ изданій 40.155 номеровъ (въ 1890 году 44.372 номера). Общее количество томовъ, книгъ и номеровъ поврежденныхъ изданій,

бывшихъ въ обращеніи въ читальной залѣ, составляетъ 274.931 томъ и номеръ (въ 1890 году 269.981 томъ и номеръ).

Въ теченіе 1891 года было отказано въ отдѣленіяхъ по 9.383 требованіямъ (въ 1890 году по 9.505 требованіямъ); въ томъ числѣ: въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гражданскимъ шрифтомъ, по 92-мъ требованіямъ (въ 1890 году по 41-му требованію); въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 4.204 требованіямъ (въ 1890 году по 4.321 требованію); въ отдѣленіяхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ по 5.087 требованіямъ (въ 1890 году 5.143 требованіямъ); изъ библиотеки при читальной залѣ по 7.808 требованіямъ (въ 1890 году по 7.978 требованіямъ) въ томъ числѣ по 3.358 требованіямъ повременныхъ изданій (въ 1890 году по 3.524 требованіямъ), и изъ нихъ по 3.021 требованію русскихъ (въ 1890 году по 3.062 требованіямъ) и по 337 требованіямъ иностранныхъ (въ 1890 году по 462 требованіямъ) періодическихъ изданій. Значительное число отказовъ по выдачѣ русскихъ періодическихъ изданій объясняется позднимъ поступленіемъ ихъ изъ цензурныхъ учрежденій, особливо иностранныхъ, а также одновременностью требованія одного и того же номера журнала нѣсколькими лицами.

Изъ отдѣленій было отказано: за неизмѣненіемъ требуемыхъ книгъ въ Библиотекѣ и за неполученіемъ ихъ въ моментъ требованія изъ цензурныхъ учрежденій—по 3.832 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 324 требованіямъ (въ 1890 г. по 4.071 требованію, и въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 488 требованіямъ); по случаю требованія одной и той же книги—по 549 требованіямъ, въ томъ числѣ по отдѣленію русскихъ книгъ по 340 требованіямъ (въ 1890 г. по 841 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 667 требованіямъ); за отдачею потребованныхъ сочиненій въ чтеніе другимъ посѣтителемъ Библиотеки—по 2.711 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 2.135 требованіямъ (въ 1890 г. по 2.234 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 1.777 требованіямъ); за отдачею требованныхъ книгъ въ переплетъ—по 406 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 272 требованіямъ (въ 1890 г. по 464 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 300 требованіямъ); по случаю требованія книгъ запрещенныхъ и особенно рѣдкихъ—по 605 требованіямъ (въ 1890 г. по 575 требованіямъ); за неполученіемъ сочиненій, заказанныхъ за границую,—по 129 требованіямъ (въ 1890 г. по 140

требованіямъ); по разнымъ другимъ причинамъ, каковы: неопредѣленность или неточность требованій, неразборчивость почерка посетителя, требованіе книгъ. не существующихъ въ печати, а также романовъ, не выдаваемыхъ въ чтеніе по уставу Библіотеки,—по 1.059 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 701 требованію (въ 1890 г. по 1.139 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 777 требованіямъ).

Изъ паходившихся въ читальной залѣ 510 поврежденныхъ изданій за 1891 и предшествующіе годы были требованы: болѣе 1000 разъ 5 изданій, болѣе 500—8 изданій, болѣе 250 разъ—13 изданій, болѣе 100 разъ—48 изданій, болѣе 50 разъ—49 изданій, болѣе 20 разъ—78 изданій, болѣе 10 разъ—66 изданій, менѣе 10 разъ—201 изданіе, и наконецъ, 42 изданія не были требованы ни разу. Равнымъ образомъ, изъ 180 періодическихъ изданій иноязычныхъ 8 были требованы болѣе 100 разъ, 10—болѣе 50 разъ, 21—болѣе 20 разъ, 17—болѣе 10 разъ, 86 менѣе 10 разъ и 46 изданій вовсе не были требованы.

Въ отдѣленіе рукописей было допущено къ занятіямъ 91 лицо, которыми вытребовано было въ чтеніе 777 рукописей (въ 1890 г. 84 лицамъ выдано было въ чтеніе 1.046 рукописей). Въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ кирилловской печати занимались 25 лицъ послѣдствіе требованія ими рѣдкихъ изданій, не выдаваемыхъ въ читальную залу; имъ было выдано 128 старопечатныхъ книгъ (въ 1890 г. 12 лицамъ былъ выданъ 91 томъ). Кромѣ того, 16 ученымъ учрежденіямъ и лицамъ въ Россіи и за границей были предоставлены, съ Высочайшаго разрѣшенія, во временное пользованіе 23 рукописи, и наконецъ, 3 рукописи были препровождены въ археографическую комиссію министерства народнаго просвѣщенія, согласно предоставленному ей праву. Принадлежащими Библіотекѣ печатными книгами пользовались внѣ ея 20 административныхъ и ученыхъ учреждений и лицъ.

Обозрѣвали Библіотеку 2.663 лица (въ 1890 г. 2.213 лицъ).

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Юль 1894 года.

I.

Вслѣдствіе перемѣны министерства постъ министра народнаго просвѣщенія заняло новое лицо—г. Лейгъ (Léygues). Онъ былъ сначала адвокатомъ и журналистомъ на югѣ; кромѣ того, онъ—поэтъ: изданный имъ сборникъ стихотвореній былъ увѣнчанъ Французскою академіей. На другой же день по своему назначенію онъ предсѣдательствовалъ на торжествѣ открытія новыхъ зданій для факультетовъ города Кана, умственного центра Нормандіи. Канъ—одинъ изъ городовъ Франціи, гдѣ наиболѣе занимаются литературой; въ немъ существуетъ академія, изданія которой пользуются большимъ уваженіемъ, археологическое общество и замѣчательные музеи. Юридическій факультетъ города Кана, быть можетъ, лучшій во Франціи послѣ Парижскаго. Канскій университетъ былъ основанъ еще въ XV вѣкѣ и исчезъ, вмѣстѣ съ другими нашими университетами, во время первой революціи; но нормандцы сильно надѣются на его возстановленіе послѣ того, какъ университетскій законъ будетъ наконецъ вотированъ палатами; пока они справедливо гордятся процвѣтаніемъ Канскихъ факультетовъ. На открытіе новыхъ факультетскихъ зданій въ Канѣ приглашены были представители французскихъ факультетовъ и представители нѣкоторыхъ иностранныхъ университетовъ; университеты Кембриджа, Абердина, Гента, Люттиха, Болоньи, Лейдена, Уисла, Берна, Женевы и Лозанны прислали туда своихъ делегатовъ. Министръ обнадежилъ въ своей рѣчи, что наконецъ настанетъ возрожденіе французскихъ университетовъ, и что они явятся одною изъ

живыхъ силъ страны. Къ сожалѣнію, другіе предметы поглощаютъ теперь все вниманіе нашихъ палатъ, и законъ, столь давно ожидаемый, все еще остается *pium desiderium*.

Тѣмъ временемъ наши большіе провинціальныя города соперничаютъ въ усиліяхъ развить свои высшія учебныя учрежденія. Въ Марселѣ группа законовѣдовъ основала частный юридическій факультетъ. Городъ Клермонъ намѣренъ сдѣлать то же. Въ Дижонѣ открытъ курсъ санскритскаго языка. Курсъ русскаго языка открылся при словесномъ факультетѣ въ Бордо; но въ настоящее время я еще не могу вамъ сказать, какихъ результатовъ достигло здѣсь преподаваніе.

Въ послѣдній разъ я писалъ вамъ о попыткахъ, сдѣланныхъ для распространенія русскаго языка во Франціи. Я отнесся нѣсколько недовѣрчиво къ этому предпріятію. Справки, наведенныя мною въ послѣдствіи, укрѣпили меня въ этомъ недовѣрѣ. Для француза русскій языкъ также труденъ, какъ греческій, быть можетъ, даже еще труднѣе по произношенію, а такъ какъ изученіе его необязательно, то и студенты, которые берутся за эти занятія, скоро бросаютъ ихъ. На словесномъ факультетѣ въ Лионѣ (городъ, имѣющій 200.000 жителей) было не болѣе десяти серьезныхъ слушателей, и изъ нихъ только двое—мѣстные жители, а остальные—учителя и офицеры. Въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ, насчитывающемъ около 2.000 учащихся, русскій языкъ изучаютъ лишь 8 человѣкъ, и притомъ изъ нихъ 5 русскихъ и 3 француза. Русскій языкъ, правда, стоитъ въ числѣ языковъ, требуемыхъ при полученіи новаго аттестата зрѣлости, но до сихъ поръ это требованіе большею частью не соблюдалось. Между тѣмъ во Франціи дѣйствительно пробудилось нѣкоторое стремленіе къ изученію новыхъ языковъ; основалось даже общество для распространенія занятій ими, но пока оно еще не имѣло случая особенно поощрять изучающихъ русскій языкъ. Оно даетъ пособія для поѣздокъ въ Германію, Англію, Италію и Испанію; но для путешествія въ Россію имъ еще не было выдано пособія ни разу.

II.

За послѣднее время вышло въ свѣтъ довольно много сочиненій по исторіи французской литературы.

Коллекція „*Les grands écrivains français*“, издаваемая Гашетомъ, увеличилась тремя новыми томами: Жоржа Когордана—о Жо-

зефъ де-Местрѣ, Жозефа Рейнаха—о Дидро, и г-жи М. Дармстеттеръ—о Фруассарѣ. Какъ вамъ извѣстно, эта коллекція біографическихъ и историко-литературныхъ очерковъ предназначена не для ученыхъ, а для большой публики. Книга Жозефа Рейнаха о Дидро—далеко не такое ученое сочиненіе, какъ книга Дюкро, о которой я вамъ скажу далѣе. Оно даетъ только общее понятіе о знаменитомъ энциклопедистѣ. Самъ Рейнахъ—прежде всего публицистъ и политикъ. Когорданъ, авторъ книги о де-Местрѣ, еще недавно выступилъ на литературное поприще. Бывшій питомецъ школы политическихъ знаній, онъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и состоитъ теперь представителемъ Франціи въ Египтѣ. Этюдъ о Жозефѣ де-Местрѣ обѣщалъ написать Вогюз, но множество занятій вынудило его предоставить этотъ трудъ Когордану. Когорданъ особенно занялся политическими взглядами изучаемаго имъ автора. Вліяніе Жозефа де-Местра на католиковъ было глубокое, хотя воззрѣнія его были поразительно далеки отъ современности: онъ воображалъ, что міръ можетъ вернуться къ теократіи папы Григорія VII. Его справедливо называли пророкомъ прошлаго. Для вашихъ читателей особенно любопытна будетъ глава о пребываніи Жозефа де-Местра въ Россіи. Авторъ этюда о Фруассарѣ—не депутатъ и не дипломатъ, это—даже не француженка, а англичанка, рожденная Мэри Робинсонъ. Сперва она печатала на англійскомъ языкѣ стихи и статьи въ различныхъ журналахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она вышла замужъ за профессора Джемса Дармстеттера и съ того времени пишетъ по французски; интересуясь особенно средними вѣками, она старалась подражать стилю нашихъ старинныхъ хроникъ. Ею уже издана на французскомъ языкѣ въ 1892 году книга, подъ заглавіемъ „*Marguerite des temps passés*“, собраніе повѣстей изъ средневѣковой эпохи.

Профессоръ Парижскаго словеснаго факультета Леніанъ напечаталъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, любопытную книгу: „Исторія патріотической поэзіи во Франціи въ средніе вѣка“ (*Histoire de la poésie patriotique en France au moyen-âge*). Теперь онъ издалъ „Исторію патріотической поэзіи въ новой Франціи“ (у Гашетта). Содержаніе книги оригинально: предметъ этотъ никогда не былъ еще разработанъ. Періодъ, взятый Леніаномъ, обнимаетъ войны съ Италіей, борьбу Франциска I съ Карломъ V, гражданскія и религіозныя войны XVI вѣка, царствованія Генриха IV, Людовика XIII и Людовика XIV. Патріотизмъ сказывается въ это время преимущественно въ стихотвореніяхъ лирическихъ и сатирическихъ, въ пѣс-

няхъ и въ эпиграммахъ. Эпопея онъ не вызвалъ, хотя и не было недостатка въ матеріалѣ—въ видѣ крупныхъ событій. Во время Людовика XIV Демаре написалъ поэму о Кловисѣ, Лемуанъ — поэму о Людовикѣ Святомъ, и Шапеленъ—о Дѣлѣ Орлеанской; но всѣ эти произведенія постигла жалкая участь. Книга Лепіана испещрена цитатами, дѣлающими ее какъ бы хрестоматіей. Французскіе историки и историки тѣхъ странъ, съ которыми Франція боролась, найдутъ въ этой книгѣ много любопытнаго.

Къ той же эпохѣ относится любопытная монографія о Сирано-де-Бержеракѣ, написанная Алтуаномъ Бреномъ (у Колена). Сирано де-Бержеракъ принадлежитъ къ группѣ писателей, которыхъ Теофиль Готье называлъ „grotesques“, и которыхъ теперь обыкновенно называютъ „bohémienens litteraires“. Онъ былъ поэтъ трагическій и комическій, писалъ эпистолы и фантастическіе романы. Біографія его мало извѣстна, а произведенія его порядкомъ забыты. Бренъ собралъ свѣдѣнія объ его жизни и рассмотрѣлъ его сочиненія въ добросовѣстно написанной книгѣ, за которую Парижскій словесный факультетъ присудилъ ему степень доктора словесности.

Эдмонъ Бирѣ только что окончилъ свой обширный трудъ о Викторѣ Гюго, начатый имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ заключаетъ въ себѣ три отдѣла: „Викторъ Гюго и реставрація“, „Викторъ Гюго послѣ 1830 года“ и „Викторъ Гюго послѣ 1852 года“. Это сочиненіе пополняетъ и исправляетъ все, что прежде было писано о великомъ поэтѣ. Авторъ имѣлъ въ рукахъ множество не изданныхъ документовъ—письма Виктора Гюго, Альфреда де-Виньи, Шарля Нодье, Суме, Сень-Бѣна, а также очень мало извѣстный журналъ *Conservateur litteraire*, который съ декабря 1819 до мая 1821 года издавался Гюго и наполнялся большею частью его собственными статьями. Извѣстно, что знаменитый поэтъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы говорить о себѣ въ своихъ сочиненіяхъ. Сопоставляя сказанное имъ самимъ съ другими достовѣрными документами, Бирѣ пришелъ къ заключенію, что сообщенія самого поэта были часто неточны. Такъ, онъ рассказывалъ, что его отецъ происходилъ отъ одной старинной дворянской фамиліи изъ Лотарингіи; Бирѣ имѣлъ возможность убѣдиться изъ подлинныхъ документовъ, что Гюго былъ внукомъ столара изъ Нанси. Викторъ Гюго утверждалъ, что его мать участвовала въ Вандейской войнѣ.—Бирѣ доказываетъ, что она не выѣзжала изъ Нанта. Онъ утверждаетъ, что Викторъ Гюго безпрестанно искажалъ подлинные факты для своихъ личныхъ выгодъ; не называя его лжецомъ,

Бирё даёт чувствовать, что признаёт его таковымъ. Быть можетъ, Бирё слишкомъ строго относится къ показаніямъ поэта. Воображеніе было преобладающею чертою Виктора Гюго и заставляло его видѣть дѣйствительность по своему. Онъ могъ бы взять себѣ девизомъ слова Гёте: „Wahrheit und Dichtung“. Во всякомъ случаѣ книга Бирё полезна, любопытна и будетъ имѣть прочное будущее.

Луи Дюкро, профессоръ французской литературы на словесномъ факультетѣ въ Эксѣ, посвятилъ Дидро любопытную монографію: „Дидро какъ человекъ и писатель“ (Diderot, l'homme et l'écrivain). Самъ Дюкро—литераторъ и философъ. Онъ уже напечаталъ этюды о Шопенгауэрѣ, о Геприхѣ Гейне и о его времени, о Жанъ-Жакѣ Руссо и о д'Аламберѣ, котораго вступленіе къ „Энциклопедіи“ имъ перепечатано. Онъ хорошо знаетъ восемнадцатый вѣкъ и пишетъ пріятно. Его книга о Дидро дѣлится на двѣ части: въ первой разказывается жизнь автора, во второй объясняются и комментируются его произведенія. Для Дюкро Дидро — прежде всего реалистъ, предтеча современнаго реализма, который онъ ввелъ въ живопись и скульптуру. въ романъ и въ драму. Онъ считаетъ его предшественникомъ Дарвина и Мериме.

Одно изъ самыхъ популярныхъ именъ Франціи XVI вѣка—имя Бернара Палисси. Онъ особенно извѣстенъ какъ лѣшникъ изъ глины и керамики, произведенія котораго оспариваются европейскими музеями. Но этотъ художникъ былъ въ то же время и весьма своеобразнымъ ученымъ, и замѣчательнымъ писателемъ. Какъ ученый, онъ предугадалъ нѣкоторыя открытія современной науки, особенно геологія; какъ писатель, онъ отличался могучимъ и своеобразнымъ слогомъ и заслуживаетъ изученія на ряду съ самыми славными изъ своихъ современниковъ. Всѣ эти заслуги побудили Эрнеста Дюпюи изучить Бернара Палисси. Дюпюи состоитъ инспекторомъ Парижскаго учебнаго округа, а въ литературѣ онъ—истинный эклектикъ. Онъ написалъ восторженную книгу о Викторѣ Гюго и не менѣе восторженную — о великихъ мастерахъ русской литературы (Гоголѣ, Тургеневѣ, Толстомъ). Онъ изучалъ Бернара Палисси въ теченіе многихъ лѣтъ и издалъ теперь въ свѣтъ прекрасную монографію о немъ (у Лесена и Удена). Къ книгѣ приложенъ словарь языка Палисси. Это—любопытный вкладъ въ исторію французскаго языка XVI вѣка.

Литературный этюдъ болѣе современнаго содержанія написалъ Огюстеномъ Филономъ — о Меримѣ. Филонъ, бывшій воспитатель покойнаго императорскаго принца Луи Наполеона, жилъ въ Тюльери и тамъ познакомился съ Меримѣ. Теперь онъ живетъ въ Англии, при

императрицѣ Евгеніи. Императрица, какъ извѣстно, — дочь знатной испанки, графини Монтихо, состоявшей въ дружескихъ отношеніяхъ къ Мериме; она-то и сообщила Филону множество не изданныхъ писемъ его. Личность Мериме — весьма любопытная; археологъ, романистъ, драматургъ, онъ познакомилъ Францію съ сочиненіями Пушкина, Гоголя, Тургенева и въ своей „Guzla“ такъ искусно поддѣлался подъ складъ сербскихъ народныхъ пѣсень, что обманулъ Шафарика, Мицкевича и Пушкина. Его литературная жизнь связана съ началомъ романтизма, хотя онъ и не сочувствовалъ его излишествамъ. Хорошо принятый въ Тюльери благодаря вліянію императрицы, онъ обратилъ вниманіе императора на изученіе исторіи и даже помогъ ему написать „Жизнь Цезаря“; какъ человекъ, онъ былъ прежде всего скептикъ; какъ писатель — несомнѣнно одинъ изъ лучшихъ французскихъ прозаиковъ нашего времени. Книга Филона составляетъ вкладъ въ исторію литературы и французскаго общества XIX столѣтія. Къ ней приложенъ библиографическій указатель сочиненій Мериме, составленный знаменитымъ бельгійскимъ библиографомъ де-Лованжулемъ.

По литературной критикѣ являлось въ эти послѣдніе годы нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій. Репутація критика ввела во Французскую академію Фердинанда Брюнетьера, самаго трудолюбиваго и самаго серьезнаго изъ нашихъ современныхъ цѣнителей литературы. Около него группируется нѣсколько другихъ критиковъ, стремящихся въ свою очередь сдѣлаться мастерами своего дѣла; читателямъ *Revue des deux Mondes*, *Journal des Débats* и *Correspondant* знакомы имена Эмиля Фагэ, Жюля Леметра и Рене Думика. И уже имѣлъ случай писать вамъ о двухъ первыхъ. Рядомъ съ ними и по ихъ примѣру Думикъ начинаетъ занимать выдающееся мѣсто. Его критическія статьи, собранныя въ небольшіе томики, составляютъ уже цѣлую серію. Первый томъ — „Портреты писателей“ (*Portraits d'écrivains*, у Де-лапласа), заключаетъ въ себѣ этюды о романистахъ XIX столѣтія; второй — „Отъ Скриба до Ибсена“ (*De Scribe à Ibsen*, тамъ же) заключаетъ въ себѣ опыты о современномъ театрѣ; третій томъ — „Нынешніе писатели“ (*Ecrivains d'aujourd'hui*, академическая книготорговля) состоитъ изъ этюдовъ о новѣйшихъ романистахъ — Поль Бурже, Мопассантѣ. Лоти и современныхъ критикахъ — Леметрѣ, Брюнетьерѣ, Фагэ. Довольно забавно видѣть критиковъ, изучающихъ другъ друга. Разборъ историческихъ этюдовъ Лависса и статья о современныхъ проповѣдникахъ заключаютъ собою этотъ занимательный томъ.

Ларруме, подобно Думику, собралъ въ одну книгу свои разсѣланныя по журналамъ статьи, подъ заглавіемъ: „Новыя этюды по литературѣ и искусству (*Nouvelles études de littérature et d'art*, у Гашетта). Въ этомъ сборникѣ прежде всего укажу на этюдъ о наполеонизмѣ, о которомъ я буду говорить ниже, и объ Ибсенѣ. Ларруме, авторъ біографіи Мольера, конечно, строго относится къ Ибсену; онъ упрекаетъ его за нескладницу его вымысловъ и доказываетъ, что въ сущности все, пущенное имъ въ литературный оборотъ, уже давно встрѣчается у французскихъ драматурговъ. Борясь противъ „ибсенизма“, которому теперь поклоняются, Ларрумъ оказалъ истинную услугу хорошему вкусу и здравому смыслу.

Рекомендую любителямъ классической литературы новое изданіе: „Литературныя этюды о французскихъ классикахъ“ (*Etudes littéraires sur les classiques français*) покойнаго Гюстана Мерле (у Гашетта). Мерле былъ превосходный преподаватель и хорошій писатель. Его упомянутый сборникъ сталъ классическимъ; профессоръ Лаптильякъ дополнилъ эту книгу весьма умѣло; она заключаетъ въ себѣ этюды о Корнелѣ, Расинѣ, Мольерѣ, о Ибсенѣ о Роландѣ, о Виллардуэнѣ, Жуаннилатѣ, Фруассарѣ, Комминѣ, Монтанѣ, Лафонтенѣ, Буало, Боссюэтѣ, Паскалѣ, Фенелонѣ, Ла-Брюерѣ, Монтескье, Бюффонѣ, Вольтерѣ, Руссо. Лаптильякъ переработалъ статьи о писателяхъ среднихъ вѣковъ, дополнилъ кое-что въ отдѣлѣ классиковъ XVII вѣка и приложилъ весьма полезныя бібліографическія указанія. Такимъ образомъ хорошій трудъ сдѣлался превосходнымъ.

III.

Перо и Шипль только что окончили VI-й томъ своей монументальной „Исторіи искусства въ древности“ (*Histoire de l'Art dans l'Antiquité*). Пять первыхъ томовъ посвящены Египту, Ассирии, Финикии, Іудеѣ, Средней Азій, Персій. VI-й томъ посвященъ Греціи, преимущественно искусству города Микенъ. Послѣ общаго введенія о главныхъ чертахъ греческой цивилизаціи здѣсь говорится о камennomъ вѣкѣ и о главныхъ центрахъ такъ-называемой „микенской“ цивилизаціи (Троя, Тиринъ, Микены, Атика, Фессалія, Архипелагъ), описываются главныя архитектурныя особенности „микенскаго“ стиля, погребальная архитектура, религіозная и гражданская скульптура, живопись и художественныя ремесла того времени. Около 500 рисунковъ помѣщены въ этомъ томѣ, который дѣлаетъ большую честь какъ авто-

рамъ, такъ и издателью Гашетту. По первоначальному плану, полное изданіе должно было составить всего восемь томовъ. Но можно думать, что число это увеличится. Послѣ Греціи, только что начатой, остается еще Этрурія и Римъ, которые, вѣроятно, займутъ не одинъ томъ. Авторы этого сочиненія еще не старые люди; надо надѣяться, что имъ удастся довести благополучно до конца свое колоссальное предпріятіе.

Вамъ уже извѣстно чрезвычайно любопытное сочиненіе Гастона Дешана: „Путешествія Греціи“ (*La Grèce d'aujourd'hui*). Дешанъ, какъ и большая часть его товарищей, былъ въ Афинской школѣ, чтобы сдѣлаться археологомъ; но онъ охотѣе наблюдалъ живыхъ, нежели мертвыхъ; онъ возвратился оттуда литераторомъ и занялъ мѣсто въ ряду нашихъ литературныхъ критиковъ. Поопреившій успѣхомъ своей книги о Греціи, онъ печатаетъ теперь другую — „По азіатскимъ дорогамъ“ (*Sur les routes d'Asie*, у Колена). Онъ описываетъ въ ней свои археологическія экскурсіи на островъ Хіосъ, въ Смирну, въ Эфесъ, въ Траллы, въ Пазли и внутрь Малой Азіи. Не сдѣлавъ значительныхъ археологическихъ открытій, онъ вывезъ изъ своихъ странствованій любопытнѣйшіе виды и типы, впечатлѣнія, очень хорошо переданныя и весьма интересные въ чтеніи.

Учрежденіе французскаго протектората въ Тунисѣ обратило за послѣдніе годы вниманіе археологовъ на римскую Африку. Вышло изъ свѣтъ не мало сочиненій о тамошнихъ памятникахъ и объ исторіи этого края. Профессоръ Монсо занялся изученіемъ латинской литературы римской Африки, о которой онъ и напечаталъ книгу: „*La littérature latine d'Afrique*“. Монсо — бывшій питомецъ Афинской школы, и въ качествѣ такового онъ принималъ участіе въ важномъ трудѣ реставраціи Олимпіи. Кроме того, онъ написалъ книгу объ Апулеѣ. Посѣтивъ Африку, онъ старался отдать себѣ отчетъ во вліяніи, которое она имѣла на мѣстныхъ латинскихъ писателей, и убѣдился въ значительности этого вліянія. Африканскіе писатели составляютъ какъ бы семью и связаны узами духовнаго родства. Монсо старается доказать это въ своей монографіи, написанной съ большимъ знаніемъ дѣла. Все его сочиненіе составитъ двѣ части: первая посвящена язычникамъ; во второй пойдетъ рѣчь объ авторахъ христіанскихъ. Въ книгѣ объ языческихъ писателяхъ Монсо изучаетъ складъ ума африканскихъ писателей и характеризуетъ ихъ классическое образованіе, говоритъ о Маннійѣ, Флорѣ, Фронтонѣ, Авлѣ Геллійѣ, Апулеѣ, Немезіанѣ, Макробіѣ, Канелѣ и о литературной жизни Карфагена.

Въ „Собраніи ученыхъ изданій латинскихъ классиковъ“, печатаемомъ Гашеттомъ, Томасъ издалъ Цицероновы рѣчи противъ Верреса. Томасъ считается у насъ однимъ изъ лучшихъ латинистовъ. Къ его книгѣ приложенъ весьма тщательный комментарий, планъ Сиракузъ и факсимиле рукописи, известной подъ названіемъ *Codex Regius*. Введение довольно любопытно. Томасъ какъ бы защищаетъ Верреса противъ Цицерона и старается доказать, что въ концѣ концовъ онъ не на столько былъ виновенъ. Фирмою Гашетта будутъ вскорѣ напечатаны въ томъ же собраніи произведенія Теренція подъ редакціей Анз, и вторая часть сочиненій Тацита, подъ редакціей Луи Гбльцера.

Въ Парижѣ существуетъ уже нѣсколько лѣтъ музей религій, называемый также музеемъ Гимно—по имени его основателя. При немъ находится интересная бібліотека; ежегодно нѣкоторые изъ выдающихся ученыхъ читаютъ въ немъ публичныя лекціи по вопросамъ исторіи религій. Въ минувшемъ году читалъ лекціи Поль Реньо, профессоръ санскритскаго языка и сравнительной грамматики въ Лионскомъ словесномъ факультетѣ. Онъ издалъ эти лекціи въ книжкѣ подъ заглавіемъ: „Первоначальный видъ религій и преданія въ Индіи и въ Греціи“ (*Les premières formes de la religion et de la tradition dans l'Inde et dans la Grèce*, у Леру). Реньо излагаетъ новую теорію происхожденія мноа; по его мнѣнію, не свѣтотыя явленія неба породили его, а жертвенныя церемоніи. Гимны жертвоприношеній служили мноу исходною точкой и поводомъ. Позже, когда истинный смыслъ обрядовыхъ словъ былъ забытъ, они получили истолкованіе отъ явленій природы. Въ Реньо есть что-то апокалиптическое; свои гипотезы онъ высказываетъ съ горчивымъ убѣжденіемъ, но я долженъ сказать, что онъ нѣсколько не убѣдилъ нашихъ индіанистовъ и былъ встрѣченъ полнымъ недоумѣніемъ со стороны еллинистовъ.

Преподаваніе русскаго языка при Лилльскомъ словесномъ факультетѣ было вѣрено одному молодому достойному историку Оману (*Hauman*). Онъ только что защитилъ въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ двѣ диссертациі на степенъ доктора словесности, относящіяся обѣ къ исторіи славянскихъ земель. Латинская диссертациія озаглавлена: „*Quid detrimenti ex invasione Hungarorum Slavi ceperint*“, а французская диссертациія носитъ названіе: „Сѣверная война (1655—1660)“ (*La guerre du Nord*; оба сочиненія вышли у Армана Колена). Въ своей латинской диссертациі авторъ старается доказать, вопреки мнѣнію Палацкаго и почти всѣхъ историковъ, что вторже-

ніе мадьяръ не было роковымъ для славянъ, и что славянамъ и безъ мадьяръ не удалось бы основать Славянскую имперію на среднемъ Дунаѣ. Еслибы не приняли мадьяры, верхняя часть нынѣшней Венгріи была бы занята нѣмцами, а остальная часть—румынами. Французская диссертація Омана изучаетъ съ военной и дипломатической точкѣ зрѣнія войну между Швеціей, Бранденбургомъ и Польшей съ 1655 по 1660 годъ. Эпизодъ запутанный и мало извѣстный. Оманъ приложилъ все свое стараніе, чтобъ освѣтить его по возможности, пользуясь неизданными документами, сочиненіями нѣмецкими, шведскими, даже польскими и русскими. Книга читается нелегко по причинѣ сложности предмета, но она отличается большею дѣльностью. Эта вторая диссертація Омана посвящена Лависсу, положившему у насъ начало изученію исторіи Пруссіи, а первая—Лежеру. Оба профессора принимали участіе въ диспутѣ, который былъ весьма интересенъ.

Этнографъ и натуралистъ Шарль Рабо совершалъ неоднократно научныя путешествія на сѣверъ. Въ 1890 году онъ посѣтилъ бассейны Камы и изучилъ на мѣстѣ черемисъ, чувашей, пермяковъ, остяковъ. По пріѣздѣ въ Парижъ онъ устроилъ этнографическую выставку экспонированныхъ имъ вещей, имѣвшую большой успѣхъ, и дѣлалъ сообщенія въ различныхъ ученыхъ обществахъ. Теперь онъ издалъ книгу о своемъ путешествіи, озаглавивъ ее: „По сѣверной Россіи“ (*A travers la Russie Boréale*, у Гашетта). Содержаніе этой книги довольно ново, по крайней мѣрѣ для французовъ, и можетъ возбудить въ нихъ живой интересъ. Къ ней приложено много гравюръ, сдѣланныхъ по фотографіямъ. Рабо выражаетъ признательность мѣстнымъ русскимъ властямъ и другимъ лицамъ за оказанный ему пріемъ. Онъ советуетъ Франціи подражать русской политикѣ по отношенію къ жителямъ ея колоній.

Книжная фирма Плопа, спеціально издающая большія историческія сочиненія, только что выпустила въ свѣтъ „Мемуары канцлера Накье“. Накье, родившійся въ 1767 году, зналъ до-революціонный строй нашей жизни, затѣмъ служилъ при Наполеонѣ, но время реставраціи былъ министромъ, президентомъ палаты депутатовъ и, наконецъ, при Луи-Филиппѣ президентомъ палаты пэровъ и канцлеромъ. Давно уже было извѣстно, что онъ писалъ мемуары, и рукописью этихъ драгоценныхъ записокъ пользовались многіе историка, между прочими Тэнъ, часто ссылающійся на нихъ. Наконецъ мемуары эти вышли въ свѣтъ и, благодаря любопытному содержанію своему, имѣли большой успѣхъ. Накье не ограничился однимъ воспоминаніемъ; онъ

окружилъ себя и многими документами. Бывъ на службѣ и при Наполеонѣ, и при Бурбонахъ, и при Луи-Филиппѣ, онъ старался быть безпристрастнымъ въ отношеніи всѣхъ этихъ правительствъ. Онъ даетъ очень вѣрные характеристики лицъ и большею частію безъ односторонности. Къ одному только лицу онъ чувствуетъ ненависть — къ Талейрану.

Выше я упомянулъ объ этюдѣ Ларрумэ о наполеонизмѣ. Послѣ войны 1870 года Наполеонъ и Бонапарты вообще подверглись у насъ проклятію; но нѣкоторое время спустя мнѣніе общества измѣнилось: режимъ Наполеона не любятъ по прежнему, но самимъ Наполеономъ стали очень заниматься. О немъ вышелъ цѣлый рядъ оригинальныхъ сочиненій; перепечатано множество мемуаровъ о его царствованіи. Я уже писалъ вамъ о прекрасныхъ этюдахъ Вандаля о Наполеонѣ и Александрѣ I; теперь кстати упомянуть о двухъ томахъ Анри Гуссе о 1814 и 1815 годахъ (академическая книготорговля). Они составляютъ часть задуманнаго имъ сочиненія подъ названіемъ: „Исторія паденія первой имперіи, по оригинальнымъ документамъ“ (*Histoire de la chute du premier empire d'après les documents originaux*). 1814 годъ занимаетъ собою одинъ томъ; 1815 годъ займетъ два тома. Теперь вышелъ въ свѣтъ первый томъ, посвященный 1815 году; въ немъ идетъ рѣчь о первой реставраціи, о возвращеніи Наполеона съ Эльбы и о ста дняхъ. Во второй томъ войдетъ Ватерлоо, вторая реставрація и время бѣлаго террора. Анри Гуссе желаетъ быть членомъ Французской академіи и, безъ сомнѣнія, достигнетъ этого. Въ своемъ сочиненіи онъ воспользовался многими неизвѣстными доселѣ документами, а нѣкоторые его описанія и характеристики лицъ набросаны образцово. Вообще, книга Анри Гуссе имѣетъ значительный успѣхъ.

Подобно наполеонизму, вошелъ у насъ въ моду ибсенизмъ; но увлеченіе скандинавскимъ театромъ сказывается, къ счастью, только въ средѣ нѣкоторыхъ литераторовъ и любителей литературы; поются гимны въ честь Ибсена и Бюрнсона, пьесы ихъ исполняются на любительскихъ спектакляхъ. Но когда онѣ играются на публичной сценѣ, передъ настоящею публикой, то ни одна изъ этихъ драмъ не выдерживаетъ болѣе трехъ или четырехъ представленій. Молодой писатель Эраръ посвятилъ Ибсену книгу, истинный гимнъ триумфа. Другой литераторъ, швейцарецъ родомъ, Эрнестъ Тиссо, написалъ также книгу о норвежской драмѣ, въ которой изучаетъ Ибсена и Бюрнсона. Тиссо посвятилъ свое сочиненіе Полю Вурже и объявилъ себя космополитомъ. „Для всѣхъ есть мѣсто здѣсь на землѣ“, говоритъ онъ въ своемъ

предисловія.—„Думаемъ ли мы оспаривать разнообразность расъ? Приходимъ ли мы въ негодованіе отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотимъ ли грубо истребить ихъ? Если нѣтъ, то зачѣмъ же оспаривать нѣкоторые умы?“ Это—старая теорія Виктора Гюго по поводу Шекспира. Но французская публика и до сихъ поръ не можетъ выносить Шекспира безъ поправокъ. Эраръ, Тиссо и люди, разделяющіе ихъ мнѣнія, хотятъ сдѣлать для норвежской драмы то, что Вогюэ сдѣлалъ для русскаго романа; но удастся ли эта попытка? Реформа труднѣе примѣняется къ драматургін, чѣмъ къ роману. Торжество скандинавской драмы еще не наступило и, Богъ дастъ, не наступитъ. Мы видимъ изъ заключеній Ларрумэ, что въ этомъ и нѣтъ никакой надобности для французовъ.

Л. Л—ръ.

Н. М. ЯДРИНЦЕВЪ.

(некрологъ).

Въ городѣ Барнаулѣ, Томской губерніи, 7-го іюня скончался извѣстный изслѣдователь Сибири, Николай Михайловичъ Ядринцевъ.

Сынъ кунца, переѣхавшаго въ Сибирь изъ Пермской губерніи, Н. М. Ядринцевъ родился въ городѣ Омскѣ, учился въ Томской гимназій, въ началѣ 1860-хъ годовъ пробылъ три года вольно-слушателемъ въ Петербургскомъ университетѣ. Здѣсь въ то время изъ студентовъ-сибиряковъ составилъ кружокъ съ цѣлью изученія вопросовъ изъ быта своей родины; кружокъ развивалъ мысли о необходимости въ Сибири университета, объ умноженіи школъ, о научныхъ изслѣдованіяхъ края, разборѣ мѣстныхъ архивовъ, собраніи этнографическихъ матеріаловъ, созданіи мѣстной печати. Вернувшись въ Томскъ съ нѣкоторыми другими изъ молодыхъ сибиряковъ этого университетскаго кружка, Николай Михайловичъ немедленно началъ какъ свои публицистическіе труды, такъ и разнообразныя изслѣдованія о прошломъ и современномъ бытѣ Сибири. Въ 1863 году, между прочимъ, онъ прочелъ въ Омскѣ публичную лекцію о значеніи университета для Сибири и предлагалъ основать общество для собранія на него пожертвованій. Лекція была напечатана въ *Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1864 года. Извѣстно, что затѣмъ дѣйствительно стали собираться пожертвованія, дошедшія наконецъ до крупныхъ суммъ, что значительно содѣйствовало благопріятному разрѣшенію вопроса объ университетѣ въ Сибири. Въ тѣ же годы Николай Михайловичъ принималъ участіе въ мѣстной газетѣ. Однако его работы въ Сибири были прерваны политическимъ процессомъ, послѣ котораго Николай Михайловичъ былъ посланъ на

жительство въ Архангельскъ и только въ 1874 году получилъ амнистию. Высылка, однако, не помѣшала писателю работать надъ изученіемъ Сибири и писать въ различныхъ журналахъ. Въ то время, между прочимъ, появились его статьи: „Женщина въ Сибири въ XVII — XVIII столѣтій“, біографія Чокаша Валиханова и др. Въ 1872 году Николай Михайловичъ собралъ и дополнилъ свои журнальныя статьи о сибирской ссылке, образовавшія отдѣльное изслѣдованіе „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“, которое впоследствии послужило, какъ матеріалъ, для комиссіи, работавшей по вопросу о преобразованіи тюремъ и ссылки. Въ 1873 году Николай Михайловичъ продолжалъ статьи по сибирскимъ вопросамъ въ *Камско-Волжской Газетѣ*, издававшейся въ Казани. Съ 1874 года, когда обсуждался вопросъ о тюремномъ преобразованіи, Ядрищевъ снова выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей о ссылкѣ, а также о другихъ вопросахъ сибирской жизни: объ административной реформѣ, о „золотомъ дѣлѣ“, о сибирской желѣзной дорогѣ, о нуждахъ рабочаго населенія Сибири, о реформѣ Сперанскаго, о сибирскомъ университетѣ. Съ 1875 года основалась въ Иркутскѣ газета *Сибирь*, подъ редакціей В. И. Вагина и М. В. Загоскина, гдѣ Николай Михайловичъ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ. Въ 1876 году онъ поступилъ на службу, приглашенный генераль-губернаторомъ Западной Сибири Казнаковымъ, который, между прочимъ, интересовался вопросомъ о сибирскомъ университетѣ и желалъ вообще подвинуть впередъ дѣло серьезнаго изученія Сибири. Служба при генераль-губернаторѣ дала Николаю Михайловичу возможность дѣлать статистическія, экономическія и этнографическія изысканія, тѣмъ болѣе, что въ тѣ же годы основанъ былъ въ Омскѣ Западно-сибирскій отдѣлъ географическаго общества, гдѣ Ядрищевъ также принималъ дѣятельное участіе. Онъ составилъ здѣсь программу для изслѣдованія сельской общины въ Сибири, по которой собранъ былъ потомъ обширный матеріалъ, и программу для изученія сибирскихъ инородцевъ. Въ 1878 году онъ предпринималъ, въ качествѣ официально командированнаго лица, путешествіе въ Алтайскій горный округъ для изслѣдованія движенія переселенцевъ и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ. Затѣмъ была выработана имъ программа для изслѣдованія переселенческаго движенія и колонизаціи. Въ 1880 году онъ предпринималъ новое путешествіе въ Алтай для изученія инородческаго быта, причемъ посѣтилъ Телецкое озеро и проникъ до верховьевъ Катунѣ, собиравъ свѣдѣнія о кочевыхъ инородцахъ. Въ 1881 году П. М. Ядрищевъ, оставивъ службу и возвра-

тившись въ Петербургъ, работалъ надъ книгой, которая составила главный его трудъ, гдѣ онъ собралъ важный матеріалъ по сибирской этнографіи и по различнымъ вопросамъ современной сибирской жизни, пародіи и общественной. Эта книга, озаглавленная „Сибирь какъ колонія“, имѣла уже два изданія; кромѣ того, въ 1886 г. она вышла въ нѣмецкомъ переводѣ проф. Э. Ю. Петри. Въ 1882 г., когда праздновалось трехсотлѣтіе русской Сибири, Николаемъ Михайловичемъ сдѣланъ былъ докладъ въ Обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ о культурныхъ успѣхахъ Сибири въ 300 лѣтъ; другой докладъ былъ сдѣланъ имъ въ Географическомъ Обществѣ о положеніи сибирскихъ инородцевъ и ихъ вымираніи; въ *Русской Мысли* тогда же была имъ помѣщена статья „Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ“. Съ того же 1882 г. Николай Михайловичъ основалъ въ С.-Петербургѣ еженедѣльное изданіе *Восточное Обозрѣніе*, съ 1888 г. перенесенное въ Иркутскъ. Это изданіе было самымъ серьезнымъ органомъ сибирской печати по обилію разнообразныхъ свѣдѣній о краѣ. Кромѣ того, при *Восточномъ Обозрѣніи* издавался отдѣльными книжками *Сибирскій Сборникъ*. Въ тѣ же годы въ *Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества* и *Сибирскомъ Сборникѣ* Николай Михайловичъ помѣстилъ статьи о нѣкоторыхъ сибирскихъ древностяхъ; въ томъ же „Живописной Россіи“, посвященномъ Сибири, имъ написана статья „Западно-Сибирская низменность“. Въ 1886 году Идринцевъ сдѣлалъ новую поѣздку въ Сибирь до Иркутска и Байкала съ цѣлью осмотра сибирскихъ музеевъ, въ томъ числѣ Минусинскаго, а также и для этнографическихъ наблюденій надъ остяками и саянскими племенами въ Минусинскомъ округѣ. Доклады о результатахъ этой поѣздки сдѣланы имъ въ 1887 г. въ обществахъ Географическомъ и Археологическомъ, въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ въ Географическое Общество внесены были составленные имъ карты распредѣленія сибирскихъ инородцевъ по губерніямъ. Новѣйшимъ обширнымъ трудомъ Н. М. Идринцева была книга объ инородцахъ, заключающая много важныхъ данныхъ и соображеній по этому вопросу. Далѣе, въ связи съ давно занимавшимъ его вопросомъ объ исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ, Николай Михайловичъ предпринялъ изслѣдованія въ Сѣверной Монголіи, гдѣ и открылъ развалины Каракорума: это открытіе возбудило живѣйшій интересъ въ средѣ специалистовъ, и по слѣдамъ Николая Михайловича направилась въ ту мѣстность ученая экспедиція изъ Гельсингфорса, а затѣмъ лѣтомъ 1891 года извѣстная экспедиція отъ Императорской Академіи Наукъ, которая

поручена была В. В. Радлову совместно съ Ядринцевымъ. Въ послѣдніе годы Николай Михайловичъ интересовался вопросомъ переселенческимъ; съ цѣлью изученія этого вопроса онъ совершалъ лѣтнія поѣздки въ Западную Сибирь. Въ послѣднее время, кромѣ того, онъ получилъ мѣсто въ городѣ Барнаулѣ въ качествѣ завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ при начальникѣ Алтайскаго горнаго округа. Неутомимый изслѣдователь съ обычной своей энергіей принялся за порученное ему дѣло, но скоропостижная кончина, какъ извѣстилъ телеграфъ, застала Николая Михайловича вскорѣ по пріѣздѣ его въ Барнауль, на мѣсто новой его дѣятельности, не давъ ему возможности еще съ пользою поработать для роднаго края.

А. О—въ.

Пустозвонъ.

Занеслась ты высоко!

Мильфидиппа.

Не мнѣ то желанье!

Нѣтъ! Любовью пылаешь къ тебѣ господа.

Пустозвонъ.

Что-жь? И многія-бъ такъ же хотѣли:

Но вѣдь я не для всѣхъ!

Мильфидиппа.

То не диво, ей-ей! Знать себѣ долженъ
цѣну ты точно!

Ты красавецъ собой, и дѣлами герой! Изъ боговъ никого я не знаю,
Кто-бъ твой образъ принять заслужилъ на землѣ!

Палэстрионъ.

Человѣкъ онъ, и вправду, едва-ли!

(Въ сторону)

А скотиной его было-бъ лучше назвать!

Пустозвонъ.

Расхвалила меня она славно:

Вотъ сейчасъ я надменнымъ себя покажу.

Палэстрионъ (Мильфидиппѣ).

Какъ надулось животное,
видишь?

(Пустозвону).

Дай же ей ты отвѣтъ! Вѣдь она—отъ «нея»; помнишь ту, про кого
говорилъ я?

Пустозвонъ.

Гдѣ-жь упомнить мнѣ всѣхъ? Вѣдь за мной миллионъ вьется ихъ:
отъ которой же эта?

Пустозвонъ.

Мильфидиппа.

Я отъ той, что сняла дорогой свой уборъ и твою нить украсила
руку:
Этотъ перстень отъ ней я ему принесла, а тебѣ отъ него онъ до-
стался.

Пустозвонъ.

Въ чемъ же просьба твоя, говори!

Мильфидиппа.

Пожалѣй ту, что любить тебя без-
завѣтно!
Ты—вся жизнь для нея, и ей быть или не быть — на тебя одного
унованье!

Пустозвонъ.

Ну, чего ей еще?

Мильфидиппа.

Слово молвить съ тобой, хоть коснуться тебя на
мгновенье!
Если ей не поможешь ты,—съ жизнью она распростится сейчасъ же
навѣрно.
О, вспомни, Ахиллесь, ты молениямъ моимъ, и спаси ты красоту,
красавецъ!

Палэстрионъ.

Милосердіе намъ ты яви, городовъ разоритель, царей полонитель!

Пустозвонъ.

Тьфу! Нѣтъ мочи мнѣ слушать! Вѣдь сколько ужъ разъ мой приказъ
получалъ ты, бездѣльникъ,
Не сулить безъ разбора моей красоты!

Палэстрионъ.

Ну, теперь ты сама услышала:
Говорилъ я давно, и теперь говорю — коль награды приличной не
будетъ—

Нѣ съ какою свинушкой нашъ боровъ отнюдь хлопотать не захочетъ
задаромъ!

Мильфидиппа.

Пусть назначить онъ самъ,—все получить сполна!

Палэстрионъ.

Припасай-ка червончиковъ
сотню!

Нѣ гроша никому не уступить ужъ онъ!

Мильфидиппа.

О, мой богъ, дешевизна какая!

Пустозвонъ.

Пусть и такъ: я не скряга душой, и казной и засынанъ—всѣ зна-
ють—по-горло!

Больше тысячи мѣръ тутъ червонцевъ однихъ!

Палэстрионъ.

/

Отъ богатства тре-
щать кладовыя!

Выше Этны гора у него серебра не одна тамъ насыпана!

Такъ то!

Мильфидиппа (въ сторону)

Вотъ-то враль!

Палэстрионъ (тихо ей)

Каково разубралъ я его?

Мильфидиппа (тихо ему)

А моя какъ игра?

Палэстрионъ.

Превосходна!

Мильфидиппа.

Отпусти же меня поскорѣй!

Палэстріонъ (воеводѣ)

Не держи ты ее: дай отвѣтъ ей короткій!
Или да, или нѣтъ; что-жъ за радость тебѣ ту бѣдняжку до смерти
замучить?

Провишилася въ чемъ предъ тобою она?

Пустозвонъ.

Самое ты сюда призови-ка:
Да скажи, что мольбу я исполню ей.

Мильфидиппа.

То поступокъ и въправду ге-
ройскій:
Ты желаешь вѣдь ту, что желаетъ тебя!

Палэстріонъ (въ сторону)

Рѣчь преумную держать
плутовка!

Мильфидиппа.

Не презрѣлъ ты мольбы, и себя умолить разрѣшилъ ты весьма ми-
лосердно!

(тихо Палэстріону)

Каково?

Палэстріонъ.

Пощади же! Иракломъ клянусь—я отъ смѣха умру!

Мильфидиппа.

Отъ того-то

На тебя и глядѣть перестала вѣдь я.

Пустозвонъ.

Ты себѣ и представить не мо-
жешь,
Что за честь ей оказана мною теперь.

Мильфидиппа.

Понимаю, я той растолкую.

Палэстрюиъ.

Вѣдь на золота вѣсь могъ бы трудъ свой продать для другихъ онъ!

Мильфидиппа.

О, вѣрю охотно!

Палэстрюиъ.

Лишь вонтелей грозныхъ родить отъ него тѣ, кого удостоить онъ
ласки,

Восемьсотъ лѣтъ живутъ его дѣти, повѣрь!

Мильфидиппа.

Перестань ты молоть, пу-
стомеля!

Пустозвонъ.

И не правда! Живутъ даже тысячу лѣтъ, существуютъ отъ вѣка
до вѣка!

Палэстрюиъ.

Я нарочно убавилъ, чтобъ слово мое ей казалось вовсе не ложнымъ!

Мильфидиппа.

Пощади! Сколько-жъ самъ онъ намѣренъ прожить, коли дѣти жи-
вуть безконечно?

Пустозвонъ.

А родился я, женщина, день лишь спустя, какъ Юпитеръ на свѣтъ
появился!

Палэстрюиъ.

Наканунѣ-бъ Зевеса родиться ему, онъ бы царствомъ заоблачнымъ
правилъ!

Мильфидиппа.

Охъ, довольно! Помилуйте оба меня! Хоть живую дохой отпустите!

пустозвонъ.

Палэстрюнь.

Что-жъ нейдешъ ты? Отвѣтъ вѣдь ужъ дали тебѣ!

Мильфидиппа.

Ухожу, и съ хозяйкой вернусь.
За нее хлопочу! Въ чемъ же воля твоя?

Пустозвонъ.

Я прекраснѣе стать не желаю!
Нѣтъ! Довольно хлопотъ мнѣ съ моей красотой!

Палэстрюнь.

Ну, чего-жъ ты стоишь!

Мильфидиппа.

Удаляюсь.

Палэстрюнь.

Да смотри, растолкуй помскуснѣ все!

Мильфидиппа.

Вотъ-то сердце у ней воз-
ликуеть!

Палэстрюнь (тихо ей)

Филокомѣ скажи, чтобъ вернулась домой: ужъ хозяйнѣ вназадъ
воротится.

Мильфидиппа.

Хорошо! Разговоръ нашъ онѣ съ госпожей втихомолку тутъ слуша-
ють возлѣ.

Палэстрюнь.

Тѣмъ и лучше! Урокъ свой вѣрнѣй затвердятъ, коль подслушавъ
нашу бесѣду.

Мильфидиппа.

Не держи же меня: мнѣ пора!

Палэстріонъ.

Не держу, и не трогаю, и... ну, ступай же!

Пустозвонъ.

Будетъ вамъ! Отпусти ты ее поскорѣй! Есть забота у насъ тутъ другая!

(Мильфидиппа уходитъ).

* * *

Куда-жъ теперь подругу мнѣ свою дѣвать,
Скажи, Палэстріонъ? Вѣдь, право, невозможно,
Ту въ домѣ пріютить, не сбывши этой съ рукъ?

Палэстріонъ.

Что спрашивать? Ужъ подаль я тебѣ совѣтъ,
Какъ по добру устроить дѣло то получше.
Ей золото отдай и всѣ уборы вмѣстѣ,
Что для нея ты сдѣлалъ: пусть себѣ владѣтъ!
Скажи притомъ, что случай ѣхать ей домой,
Что прибыли сюда ея и мать съ сестрою,
Что съ ними въ путь какъ разъ удобно ей пуститься!

Пустозвонъ.

Какъ знаешь ты про то?

Палэстріонъ.

Своими я глазами
Сестру ея здѣсь видѣлъ!

Пустозвонъ.

Въ гости заходила
Она къ намъ!

Палэстріонъ.

Да!

Пустозвонъ.

Пустозвонъ.

Собою недурна?

Палэстрионъ.

Ишь, все

Ему подай!

Пуутозвонъ.

А что-жъ про мать она сказала?

Палэстрионъ.

Хозяинъ судна мнѣ, что ихъ привезъ, повѣдалъ,
Что мать больна лежитъ на суднѣ томъ—глазами;
А самъ онъ у сосѣда тутъ присталъ на время.

Пустозвонъ.

А онъ каковъ? Хорошъ?

Палэстрионъ.

Подя ты! Вотъ какъ разъ
Въ заводѣ конскомъ было-бъ мѣсто для тебя:
Ужъ спуску ты не дашь ни мужику, ни бабѣ!
Ну, къ дѣлу!

Пустозвонъ.

Твой совѣтъ мнѣ по душѣ пришелся:
Подя же, самъ ты съ ней о томъ уговоришься,
У насъ всегда бесѣда клеится недурно!

Палэстрионъ.

Не лучше-ли тебѣ съ ней дѣло повершить?
Жениться, скажешь ты, нужда тебѣ большая,
Родня вся и друзья—на томъ лишь и стоять.

Пустозвонъ.

Ты думаешь?

Палэстрионъ.

Конечно: почему не такъ?

Пустозвонъ.

Пойду домой. А ты побудь здѣсь у дверей,
И лишь завидишь ту, меня тотчасъ ты кликни!

Палэстріонъ.

Заботся о своемъ ты дѣлѣ.

Пустозвонъ.

Позабочусь:

Коль не пойдетъ добромъ, такъ выгоню я силой.

Палэстріонъ.

Ну, этого не дѣлай! Пусть ужъ полюбовно
Уходить отъ тебя, подарки всѣ забравши!

Пустозвонъ.

Согласенъ.

Палэстріонъ

Думаю—возни тебѣ немного!

Ну, уходя, не стой!

Пустозвонъ.

По твоему пусть будетъ!

(Уходить)

Палэстріонъ (зрителямъ)

Ну, что-жъ? Видали вы такого гдѣ сластѣну?

Вѣдь правду вамъ еще я давеча сказалъ?

Теперь бы Акротелію мнѣ повидать,

Служанку, да Плевзника.... Всемогущій Зевсъ!

Лишь захотѣлъ—сейчасъ и вышло по желанью:

Вотъ и они, кого я видѣть пожелалъ:

Выходятъ отъ сосѣда виѣстъ всѣ сюда.

(Входятъ Плевзникъ, Акротелія и Мильфидища.)

Явленіе 3-е.

Палэстріонъ, Плевзникъ, Акротелія и Мильфидиппа.

Акротелія.

Ну, за мной! Да посмотрите, нѣтъ-ли постороннихъ тутъ?

Мильфидиппа.

Лишь одинъ тутъ есть, кого мы ищемъ.

Палэстріонъ.

А я васъ ищу.

Мильфидиппа.

Здравствуй, нашъ механикъ!

Палэстріонъ.

Я механикъ? Полно!

Мильфидиппа.

Что же такъ?

Палэстріонъ.

Да ужъ вѣрно! И въ подмѣтки не гошуся я тебѣ!

Акротелія.

Ого-го!

Палэстріонъ.

Она плутовка, и преловкая, ей-ей!
Какъ поддѣла воеводу!

Мильфидиппа.

Жаль еще, что не совсѣмъ!

Палэстріонъ.

Будь покойна! Дѣло наше ужъ совсѣмъ у насъ въ рукахъ:
Лишь, какъ начали, впередъ мнѣ помогайте: будетъ прокъ!

Самъ упрасивать подругу воевода ужъ пошелъ,
Чтобъ съ родней она въ Аены уѣзжала.

Плевзникъ.

Вотъ отлично!

Палэстрюнь.

Золото все и уборы, что онъ сдѣлалъ для нея,
Все дарить ей на дорогу: въ томъ меня послушалъ онъ.

Плевзникъ.

Дѣло легкое, коль оба одного они хотятъ.

Палэстрюнь.

Вылѣзешь какъ изъ глубокой ямы ты на самый верхъ,
Тутъ-то, знаешь, и держиси, какъ бы внизъ не угодить!
Вотъ теперь и дѣло наше наверху: а вдругъ о немъ
Свѣдаетъ нашъ воевода—и конецъ! Теперь какъ разъ
И хитрить!

Плевзникъ.

Что-жъ? Рать большая снарядилася въ походъ:
Бабы три, ты самъ—четвертый, пятымъ я, шестымъ старикъ;
Шесть полковъ, да самыхъ хитрыхъ; головой стоять готовъ,
Подавай любую крѣпость—вмигъ возьмемъ!

Палэстрюнь.

Лишь похитрѣй

Помогайте!

Акротелия.

Съ тѣмъ сошлися и подъ знамя мы твоё.

Палэстрюнь.

И отлично! Ну, готовься мой приказъ ты исполнять!

Акротелия.

Командиръ! Стараться рада, хоть изъ кожи-бъ лѣзть пришлось!

ПУСТОЗВОНЪ.

ПЛАЭСТРІОНЪ.

Чисто, гладко, безъ подкраски, облапошить воеводу
Ты должна!

АКРОТЕЛІЯ.

Утѣха это, а не служба!

ПЛАЭСТРІОНЪ.

Знаешь, какъ?

АКРОТЕЛІЯ.

Пѣ-уши въ него влюбленной я прикинусь.

ПЛАЭСТРІОНЪ.

Точно такъ.

АКРОТЕЛІЯ.

Для него и мужа бросить я собираюсь, да совсѣмъ:
Страсть хочу за воеводу выйти!

ПЛАЭСТРІОНЪ.

Вѣрно! Такъ и есть!

Да прибавь: въ твоёмъ приданомъ тѣ хоромы состоятъ:
(указываетъ на домъ Хитроума)

И сейчасъ-де по разводѣ ужъ убрался твой старикъ,
Чтобъ безъ страха и сомнѣнья влѣзъ вояка нашъ къ тебѣ.

АКРОТЕЛІЯ.

Дѣльно сказано!

ПЛАЭСТРІОНЪ.

Лишь выйдетъ онъ сюда, смотри ты тутъ
Притворися, что красую ты пѣвнилася его,
Отъ богатства—отупѣла; и пустися потомъ хвалить
Ты его и такъ, и этакъ, чтобъ сомлѣть ему совсѣмъ.
Ну, довольно? Все понятно?

АКРОТЕЛІЯ.

Все. Доволенъ будешь ты,
Коль во всей моей работѣ ни сучечка не найдешь?

Палэстріонъ.

Ну, еще бы. (Къ Плевзиклу)

Твой чередъ теперь прислушать мой наказъ.
Съ этимъ только мы покончимъ, и она уйдетъ,—сейчасъ
Морякомъ ты приодѣнься и сюда явися къ намъ:
Шляпу ты напяль морскую и повязку на глаза,
Плащъ коричневый надѣнь-ка: моряки тотъ носятъ цвѣтъ;
Закрѣпи его на лѣвомъ ты плечѣ, чтобъ на свободѣ
Вся рука была, да поясъ не забудь ты нацѣпить:
Вотъ и выйдешь принаряженъ коричнемъ ты,—ни дать ни взять!
Все найдется тутъ у дѣда: рыбаковъ вѣдь держать онъ.

Плевзиклъ.

Ну, когда я наряжуся, что-жъ тутъ дѣлать мнѣ, скажи?

Палэстріонъ.

Приходи, и Филокомѣ ты скажи, что мать зоветъ,
Чтобъ въ Аенны собиралась и съ тобой бы въ гавань шла,
Да поклажу бы велѣла на корабль свою снести;
Вѣтеръ-де хорошъ: пусть ѣдетъ, а не то—не станешь ждать.

Плевзиклъ.

Ладно ты придумалъ: дальше!

Палэстріонъ.

Да напomini ей тотчасъ,
Чтобъ свою не задержала мать она.

Плевзиклъ.

Ей-ей, хитро!

Палэстріонъ.

А меня она отпросить ей поклажу донести,
Воевода согласится, я уйду,—и—между нами—
Удери съ тобой въ Аенны!

Плевзиклъ.

И лишь только будешь тамъ—
И трехъ дней не продержу тебя въ неволѣ: отпущу!

Пустозвонъ.

Палэстріонъ.

Ну, ступай, переодѣвйся!

Плевзникъ.

Что еще?

Палэстріонъ.

Запомни все.

Плевзникъ.

Ухожу.

Палэстріонъ (женщинамъ):

И вы ступайте: вотъ сейчасъ придетъ сюда
Воевода, я увѣренъ.

Акротелія.

Твой приказъ—законъ для насъ.

Палэстріонъ.

Уходите же! (Всѣ уходятъ, кромѣ Палэстріона.)

Вотъ кстати дверь открылася какъ разъ:

Сладилъ онъ: глядитъ весельемъ; и поддѣли-жъ бѣдняка!

(Входятъ Пустозвонъ)

Явленіе 4-е.

Палэстріонъ и Пустозвонъ.

Пустозвонъ.

По любви и по пріязни сладилъ дѣло я сейчасъ
Съ Филокомой.

Палэстріонъ.

Что жъ такъ долго провозился дома ты?

Пустозвонъ.

Да любви такой не видѣлъ никогда я отъ нея!

Палэстріонъ.

Какъ такъ?

Пустозвонъ.

Страшно упиралась: ужъ насилу уломалъ!
Еле-але все уладилъ: надарилъ уборовъ всякихъ —
Все, чего ни захотѣла, да тебя въ придачу далъ!

Палэстріонъ.

Какъ?! Меня?! Да безъ тебя мнѣ жизнь не въ жизнь!

Пустозвонъ.

Ну, ободрись:

Отпущу тебя на волю!хлопоталъ, положимъ, я,
Чтобъ домой она убралась безъ тебя, — не удалось:
Какъ съ ножомъ пристала къ горлу!

Палэстріонъ.

Знать, угодно тѣ богамъ —
И тебѣ! Хотя разлука мнѣ съ тобою страсть горька,
Все-жъ пріятно, что уладилъ я съ сосѣдкою тебѣ
То дѣльцо, что красотою ты своею заслужилъ.

Пустозвонъ.

Что тутъ говорить? И волю ты получишь, и казну,
Коли согласишь!

Палэстріонъ.

Ужъ устрою!

Пустозвонъ.

Ждать нѣтъ мочи!

Палэстріонъ.

Потерпи!

Ужъ скрѣпись душой и сердцемъ! Э, да вотъ она сама!
(Входятъ Акротелія и Мильфидиппа.)

Явленіе 5-е.

Тъ же, Акротелія и Мильфидиппа.

Мильфидиппа.

Ну, вотъ и воинъ, госпожа!

Акротелія.

А гдѣ?

Мильфидиппа.

Налѣво.

Акротелія.

Вижу.

Мильфидиппа.

Сторонкой на него гляди: его-де мы не видимъ.

Акротелія.

Да, это онъ! Теперь-то намъ на хитрость и подняться!

Мильфидиппа.

Ну, начинай!

Акротелія (громко)

Да неужель ты съ нимъ самимъ видалась?

(Тихо) Кричи погромче: слышать пусть!

Мильфидиппа.

Ей-ей, я говорила

Я съ нимъ сама и безъ помѣхи, всласть, наговорила!

Пустозвонъ.

Ты слышишь?

Палэстрионъ.

Слышу. Какъ она тебя увидѣть рада!

АКРОТЕЛІЯ.

Счастливица ты!

ПУСТОЗВОНЪ.

Любить какъ она меня!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Безъ фальши!

АКРОТЕЛІЯ.

Ей-ей, чудно ты говоришь, что будто съ нимъ видалась:
Къ нему, что во дворецъ къ царю, спроста не попадешь вѣдь!

МИЛЬФИДИППА.

И я, положимъ, до него не сразу-то добилаcь.

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Какъ любить женщины тебя!

ПУСТОЗВОНЪ.

Чтожъ! Воля то Венеры!

АКРОТЕЛІЯ.

Венерѣ благодарную молитву возсылаю,
Да ниспешлетъ мнѣ обладать любимымъ человекомъ,
Да снизойдетъ ко мнѣ герой, и стану я счастливой!

МИЛЬФИДИППА.

Да будетъ такъ! Хотя за нимъ не мало женщинъ вьется,
Но лишь тебя одну къ себѣ приблизить онъ желаетъ.

АКРОТЕЛІЯ.

Его гордыни я страшусь до смерти: вдругъ увидеть
Меня мой милый, и тотчасъ съ презрѣньемъ отвернется?
Такой красавецъ вдругъ моей побрезгаетъ фигурой?

МИЛЬФИДИППА.

Не бойся: будь спокойна!

ПУСТОЗВОНЪ.

Пустозвонъ.

Какъ себя она не цѣнитъ!

Акротелія.

Боюсь, не слишкомъ ли меня ему ты расхвалила?

Мильфидиппа.

Нѣтъ! Кое-что и на твою теперь осталось долю.

Акротелія.

Коль не захочетъ взять меня онъ замужъ—на колѣни
Паду предъ нимъ съ мольбой; и если онъ меня отвергнетъ,
Съ собой покончу: безъ него не жить мнѣ, я ужъ знаю!

Пустозвонъ.

Спасти я женщину хочу. Идти къ ней?

Палэстрионъ.

Не подумай:

Вѣдь ты унизишься въ конецъ, коль самъ себя предложишь;
Пускай сама придетъ, пускай тоской и ожиданьемъ
Помучится,—не то свою ты похоронишь славу!
Счастливецъ! Только двухъ мужчинъ такъ отличили боги
Любовью женскою: тебя и Фаона Лесбосца!

Акротелія.

Пойду къ нему, иль вызови его ты, Мильфидиппа!

Мильфидиппа.

Нѣтъ, подождемъ кого-нибудь!

Акротелія.

Охъ, ждать—не стало силы!

Войду туда!

Мильфидиппа.

Дверь заперта.

Акротелія.

Сломаю!!

Мильфидиппа.

Ты въ умѣ-ли?

Акротелія.

Простить любящую герой, коль самъ любовь извѣдалъ,
Коли его краса подъ стать его уму и сердцу!

Палэстрионъ.

Какъ влюблена, бѣдняжка!

Пустозвонъ.

Охъ, и я уже влюбился!

Палэстрионъ.

Молчи, услышать!

Мильфидиппа.

Что-жъ стоишь? Чего не постучишься?

Акротелія.

Тамъ нѣтъ его!

Мильфидиппа.

Какъ знаешь ты?

Акротелія.

Ужъ знаю, будь покойна:

Его почувяла бы я, будь дома онъ!

Пустозвонъ.

И вправду!

Знать, за ея любовь ей умъ Венера просвѣтила!

Акротелія.

Онъ гдѣ-то близко здѣсь: сейчасъ мнѣ въ носъ такъ и захнуло!

6*

Пустозвонъ.

Пустозвонъ.

Ишь какъ! Глаза у ней въ носу!

Плэстрионъ.

Влюбленный слѣпъ, ты знаешь!

Акротелія.

Ой, поддержи!

Мильфидиппа.

Зачѣмъ?

Акротелія.

Сважусь!!

Мильфидиппа.

Что такъ?

Акротелія.

Стоять нѣтъ мочи!

Въ глазахъ темнѣть.....

Мильфидиппа.

А, клянусь Поллуксомъ, увидела

Ты воеводу?

Акротелія.

Да!

Мильфидиппа.

Гдѣ-жъ онъ?

Акротелія.

Не видишь? Знать, не любишь!

Мильфидиппа.

Не больше любишь ты его, чѣмъ я, позволю замолвить.

ПЛАЭСТРИОНЪ.

Лишь взглянуть бабы на тебя—съума сейчасъ же сходятъ!

Пустозвонъ.

Я говорилъ тебѣ, яль нѣтъ? Вѣдь я Венеринъ внучекъ!

Акротелия.

О, Мильфидиппа! Подойди къ нему!

Пустозвонъ.

Сама бовтса....

ПЛАЭСТРИОНЪ.

Идетъ она.

Мильфидиппа.

Я къ вамъ.

Пустозвонъ.

Мы очень рады.

Мильфидиппа.

По приказу

Я вывела хозяйку.

Пустозвонъ.

Видю.

Мильфидиппа.

Подойти позволь ей.

Пустозвонъ.

Ея рѣшилъ я не презрѣть, твою исполнить просьбу.

Мильфидиппа.

Нѣтъ! Коли подойдетъ она—сейчасъ и онѣмѣетъ;
Смотри: твоя краса языкъ связала ей совсѣмъ ужъ!

Пустозвонъ

Пустозвонъ.

Сейчасъ я вылечу ее.

Мильфидиппа.

Дрожить она отъ страху,

Тебя узрѣвъ!

Пустозвонъ.

Ну, предо мной дрожать и легіоны,
Не то, что бабы! Но чего ей надобно, скажи мнѣ?

Мильфидиппа.

Пойди ты къ ней: съ тобой на вѣкъ соединиться хочетъ!

Пустозвонъ.

Какъ такъ? Вѣдь замужемъ она: ея боюсь я мужа!

Мильфидиппа.

Его ужъ выгнала она!

Пустозвонъ.

Да какъ ей удалось?

Мильфидиппа.

Ея приданое—тотъ домъ.

Пустозвонъ.

Да?

Мильфидиппа.

Вѣрно!

Пустозвонъ.

Ну, пускай же

Идетъ домой: сейчасъ приду!

Мильфидиппа.

Не мѣшкай: ожиданьемъ

Ея не мучь!

Пустозвонъ.

Приду, приду; ступай же!

Мильфидиппа.

Мы уходимъ.

(Акротелія и Мильфидиппа уходятъ, входитъ Плевзиклъ.)

Пустозвонъ.

А это кто?

Палэстрионъ.

Кого ты видишь?

Пустозвонъ.

Вонъ идетъ какой-то

Въ одеждѣ моряка.

Палэстрионъ.

Сюда идетъ: тебя онъ ищетъ.

Пустозвонъ.

То—корабельщикъ!

Палэстрионъ.

Знать за ней пришелъ онъ.

Пустозвонъ.

Да, пожалуй!

Явленіе 6-е.

Тъ же и Плевзиклъ.

Плевзиклъ.

Дурачество мало ли влюбленные творять?
Самъ знаю я, что такъ; не то—въ нарядѣ этомъ
Мнѣ было-бъ совѣстно влюбленному таскаться!
Но что-жъ? Вѣдь не одну ужь глупость сотворили
Въ чадѣ любви почтенные герои наши:

Иракль заставленъ былъ за прялкою сидѣть, ¹⁾
 Своихъ согражданъ на смерть клялъ Ахиллъ влюбленный...
 А, вонъ Палэстріонъ стоитъ тамъ съ воеводой:
 Сейчасъ и я другую пѣсню запою! (Громко)
 Охъ, бабы! Поспѣшить—не ихъ ужъ. видно, дѣло:
 Копаются да тянутъ! Хоть съ ума сойти;
 Онѣ собираются, а ты ихъ жди да жди!
 Въ привычку, что ли, имъ такая проволочка?
 Иду вотъ я теперь за Филокомой. Въ дверь
 Къ ней постучусь. Эй, кто тамъ?

Палэстріонъ.

Ну, чего тебѣ?

Что надо? что стучишь?

Плевзикль.

Ищу я Филокому;

Послала мать: коль ѣдетъ, въ путь пора собираться:
 Для всѣхъ задержка: намъ отчаливать пора!

Пустозвонъ.

Давно готово все. Ступай, Палэстріонъ,
 Вели слугамъ тащить поклажу всю на судно.
 Все золото, одежду и уборы всѣ;
 Пускай беретъ себѣ.—уложено все это.

Палэстріонъ.

Иду.

Плевзикль.

Не мѣшкай попусту. (Палэстріонъ уходитъ.)

Пустозвонъ.

Онъ не задержитъ.

А это что? Что съ глазомъ у тебя случилось?

¹⁾ Стихъ принадлежитъ переподчику, въ подлинникѣ лагуна, гдѣ пропасть, вѣроятно, примѣръ „глупости влюбеннаго“.

Плевзникъ.

Глазъ цѣлъ.

Пустозвонъ.

Нѣтъ, съ лѣвымъ что?

Плевзникъ.

Сейчасъ тебѣ скажу.

Любовь мнѣ этотъ глазъ, по истинѣ, закрыла;

А безъ любви—на оба вѣрно-бъ я глядѣлъ.

Но скоро ли они!

Пустозвонъ.

Да вотъ сюда идуть.

(Входитъ Палэстріонъ, Филокома и слуги съ поклажей).

Явленіе 7-е.

Пустозвонъ, Плевзникъ, Палэстріонъ, Филокома и слуги.

Палэстріонъ.

Перестань ты плакать! Полно!

Филокома.

Какъ же слезы мнѣ не лить?

Разстаюсь съ своимъ я счастьемъ!

Палэстріонъ.

Отъ сестры и матери

Человѣкъ пришелъ вонъ, видишь.

Филокома.

Вижу.

Пустозвонъ.

Эй, Палэстріонъ!

Пустозвонъ.

Палэстрюиъ.

Что тебѣ?

Пустозвонъ.

Вели подарки ты нести всѣ поскорѣй!

Плевзникъ.

Филокома, здравствуй!

Филокома.

Здравствуй!

Плевзникъ.

Мать съ сестрой тебѣ поклонъ

Шлютъ съ привѣтомъ.

Филокома.

Очень рада. Благодарствую на томъ.

Плевзникъ.

Просятъ поспѣшить, съ попутнымъ вѣтромъ чтобъ домой отплыть;
Мать-то все больна глазами, а не то-бъ со мной пришла.

Филокома.

Я иду; скрѣпивши сердце, долгъ исполню!

Плевзникъ.

Хорошо!

Пустозвонъ.

Не живи со мной—доселѣ бъ дурую она была.

Филокома.

И съ такимъ-то человѣкомъ мнѣ разстаться! Охъ, бѣда!
Кто живетъ съ тобой,—умиѣетъ день за день, часъ отъ часу;
Какъ душою ликовала я, съ тобой нока жила:
И со всѣмъ проститься надо!

Пустозвонъ.

Ну, не плачь!

Филокома.

Охъ, не могу!

Наглядѣться дай!

Пустозвонъ.

Утѣшься: не робѣй!

Филокома.

Болить душа!

Палэстрионъ.

И не диво, Филокома, что жилось тебѣ тутъ всласть:
Красота его и доблесть—все влечетъ къ нему сердца!
Я и рабъ, а все-жъ въ разлукѣ съ нимъ расплакаться готовъ.

Филокома.

Дай обнять хоть на прощанье мнѣ тебя?

Пустозвонъ.

Ну, обними!

Филокома.

Ненаглядный мой, сердечный! (Падаетъ въ обморокъ.)

Палэстрионъ (Плевзиглу)

Поддержи-ка ты ее:

Упадетъ! (Плевзиглъ обнимаетъ Филокому.)

Пустозвонъ.

Что тамъ такое?

Палэстрионъ.

Отъ тебя лишь отошла,

Дурно сдѣлалось бѣдняжкѣ.

Пустозвонъ.

Пустозвонъ.

Эй, бѣги, достань воды!

Палэстріонъ.

Нѣтъ, не надо; лучше самъ ты отойди и не вертись
На глазахъ, пока очнется.

Пустозвонъ.

Головы зачѣмъ у нихъ
Близко такъ? Губами выѣстъ?! Берегися ты, морякъ!

Плевзяклъ.

Дышетъ ли она, я слушаю.

Пустозвонъ.

Ухомъ слушаютъ, не ртомъ!

Плевзяклъ.

Брошу я ее, коль хочешь!

Пустозвонъ.

Нѣтъ, держи!

Палэстріонъ.

Какъ горько мнѣ!

Пустозвонъ.

Эй, тащите же скорѣе вы подарки всѣ сюда!

Палэстріонъ.

Ну, прощай, прощай же, Ларъ нашъ! Уходить и мнѣ пора!
Вы, товарищи, прощайте! Будьте здоровы и счастливы!
Да меня не поминайте лихою въпредъ вы за глаза!

Пустозвонъ.

Ну, Палэстріонъ, крѣпился!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Хм! Хм! Дай поплакать мнѣ!

Какъ разстаться мнѣ съ тобою!

ПУСТОЗВОНЪ.

Полно!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Охъ, какъ горько мнѣ!

ФИЛОКОМА (узнавъ Плевзикла)

Что это?! Что вижу? Ты-ли? Здравствуй, свѣтъ мой ненаглядный!

ПЛЕВЗИКЛЪ.

Ты очнулась, Филокома?

ФИЛОКОМА.

Да кого жъ я обняла?

Смерть моя! Съ ума схожу я!

ПЛЕВЗИКЛЪ.

Дорогая, не страшись!

ПУСТОЗВОНЪ.

Эт-то что за штука?!

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Память, знать, отшибло у нея:

Охъ, боюсь, боюсь, наружу выйдетъ все сейчасъ у насъ!

ПУСТОЗВОНЪ.

Что такое?

ПАЛЭСТРІОНЪ.

Да поклажу какъ за нами понесутъ,

Осуждать тебя не стали-бъ.

пустозвонъ.

Пустозвонъ.

То мое, а не чужое:

Наплевать на нихъ. Ступайте-жь! Да хранять васъ боги всѣхъ!

Палэстрионъ.

Для тебя вѣдь хлопочу я!

Пустозвонъ.

Вѣрю!

Палэстрионъ.

Ну, прощай!

Пустозвонъ.

Прощай!

Палэстрионъ.

Ну, ступайте: догоню васъ; слова два съ нимъ перемолвлю.

(Плевзникъ, Филонома и слуги уходятъ.)

Хоть всегда другихъ я ставилъ слугъ ты выше, чѣмъ меня,

На прощанье благодарность все-жь тебѣ я приношу!

Ахъ,—я если-бъ ты позволилъ, лучше быть твоимъ рабомъ,

Чѣмъ свободнымъ, да въ разлукѣ!

Пустозвонъ.

Ну, не бойся и крѣпися!

Палэстрионъ.

Сердце рвется, какъ припомню, что по новому придется

Жить,—не съ воиномъ, а съ бабой! Примѣняться къ ней изволь!

Пустозвонъ.

По хорошему живи!

Палэстрионъ.

Охъ, не могу! Охоты нѣтъ!

Пустозвонъ.

Догоняй ихъ поскорѣе!

Палэстріонъ.

Ну, прощай!

Пустозвонъ.

И ты прощай!

Палэстріонъ.

Не забудь же: какъ на волю я отпущенъ буду тамъ,
Извѣщу тебя: возьмешь ли?

Пустозвонъ.

Не оставлю: не таковскій!

Палэстріонъ.

Службу вѣрную мою ты добрымъ словомъ помяни;
А опять возьмешь, узнаешь, кто хорошъ, кто негодяй.

Пустозвонъ.

Знаю: добрымъ ты слугой былъ прежде: нынче-жъ вижу самъ.

Палэстріонъ.

Да! Добромъ меня помянешь за сегодняшній ты день!

Пустозвонъ.

Не оставить-ли тебя ужъ?

Палэстріонъ.

Что ты? Что ты?! Берегись!

Вѣдь сейчасъ тебя ославятъ и лжецомъ всѣ назовутъ!
Неприличенъ тотъ поступокъ! Я-бъ и самъ остаться радъ:
Ужъ теперь нельзя, ты видишь!

Пустозвонъ.

Ну ступай! Пусть будетъ такъ!

Палэстріонъ.

Будь здоровъ!

Пустозвонъ.

Пустозвонъ.

Ступай скорѣе!

Палэстрюнь,

И еще разъ: будь здоровъ!

(Уходитъ.)

Пустозвонъ.

Вотъ поди-жъ ты! Негодяемъ я его всегда считалъ,
А слуга, выходить, добрый! Какъ подумаю теперь,—
Отпустилъ, а вышла глупость!—Ну, теперь пойду сюда
Я къ своей красоткѣ.—Кто тамъ? Застучала дверь никакъ.
(Входитъ молодой рабъ.)

Явленіе 8-е.

Пустозвонъ и молодой рабъ.

Молодой рабъ (внутри дома Хитроума)

Да полно вамъ! Свое я вѣрно дѣло знаю:
И воеводу, гдѣ-бъ онъ ни былъ, отыщу,
Да выслѣжу: трудовъ своихъ не пожалѣю!

Пустозвонъ.

Меня, кажись, онъ ищетъ; самъ пойду къ нему.

Молодой рабъ.

Тебя-то мнѣ и надо! Здравствуй, мой красавецъ,
Дарами счастья осыпанный герой,
Любимецъ двухъ боговъ!

Пустозвонъ.

Какихъ?

Молодой рабъ.

Венеры съ Марсомъ.

Пустозвонъ.

Ишь, умница!

Молодой рабъ.

Тебя она ждетъ, не дождется:
Тоскуеть, мучится, чуть-чуть отъ страсти дышетъ;
Спаси любящую! Не медли же!

Пустозвонъ.

Иду. (Уходитъ.)

Молодой рабъ.

Ну, въ петлю влѣзь своей охотой воевода!
Готово все! Старикъ его ужъ караулитъ
И волокиту тамъ красавца угоститъ!
„Лишь на кого взгляну, съ ума тотчасъ сведу“,
Онъ думаетъ, а всѣмъ тошнѣй онъ горькой рѣдьки!
Ого, кричатъ! Пойду: ужъ дѣло закипѣло! (Уходитъ.)

Явленіе 9-е.

Хитроумъ, Пустозвонъ, Карюнь, рабы; потомъ Скеледръ.

Хитроумъ.

Ну, тащите негодя! Не пойдеть—въ толчки его!
Да встряхните хорошенько! Разорвите на куски!

Пустозвонъ.

Хитроумъ, помилуй!

Хитроумъ.

Нѣтъ, братъ! Лучше ты и не проси!
Карюнь! Смотри-ка ножъ твой хорошо ли отточенъ?

Карюнь.

Ужъ давно готовъ мерзавца я на славу окарнать:
Вотъ сейчасъ ему на шею погремушку прицѣплю!

Пустозвонъ.

Пустозвонъ.

Смерть моя!

Хитроумъ.

Пожди немножко!

Кларюнъ.

Ну, приняться за него?

Хитроумъ.

Нѣтъ! Сперва его мы въ палки примемъ.

Кларюнъ.

Славно отдеремъ.

Хитроумъ.

Ты зачѣмъ жену чужую трогать смѣлъ, безсовѣстный?

Пустозвонъ.

Провалиться мнѣ: сама вѣдь навязалась!

Хитроумъ.

Врешь!—Катай!

Пустозвонъ.

Ой, хоть слово дайте молвить!

Хитроумъ.

Что жъ вы стали?

Пустозвонъ.

Дай сказать...

Хитроумъ.

Говори!

Пустозвонъ.

Меня сюда зазвали....

Хитроумъ.

Смѣлъ ты?—Вотъ тебѣ! (Бьетъ его.)

Пустозвонъ.

Ой, довольно колотили! Будеть!

Карионъ.

Цапнуть мнѣ его?

Хитроумъ.

Начинай! Да растяните хорошенько вы его.

Пустозвонъ.

Пощади! Одно хоть слово прежде дай мнѣ вымолвить!

Хитроумъ.

Ну, пока ты цѣлъ, скорѣе!

Пустозвонъ.

Я ядовой ее считалъ:

Такъ служанка говорила, что за мной сюда пришла.

Хитроумъ.

Ну, клянись, что зла не вспомнишь ты за все тутъ ни на комъ,
И побой всѣ, что были и что будутъ,—всѣ простишь,—
Такъ и быть, Венеринъ внучекъ, цѣлымъ выпустимъ тебя.

Пустозвонъ.

Марсомъ я клянусь и Зевсомъ, что не трону никого;
Что побой по-дѣломъ я нынче принялъ; по винѣ
Что добромъ мнѣ заплатили, коль отпустите живымъ.

Хитроумъ.

Ну, а слова коль не удержишь?

Пустозвонъ.

Пусть негоднымъ окажусь!

Пустозвонъ.

Карюнь.

Вадуть его ужъ на прощанье, а потомъ домой пустить!

Пустозвонъ.

Награди тебя всевышній: заступился за меня!

Карюнь.

Мину золота давай-ка!

Пустозвонъ.

Да за что-жь?

Карюнь.

За то, что цѣлъ

Ты отъ насъ, Венеринъ внучекъ, уберешься: вотъ за что!

Иначе—живымъ не пустимъ!

Пустозвонъ.

Дать согласенъ!

Карюнь.

Вотъ и ладно!

А съ туникой и хламидой и съ мечомъ—протись совсѣмъ!

Одинъ изъ слугъ.

Вадуть его, или довольно?

Пустозвонъ.

Въ лоскъ избилъ ужъ меня:

Ношадите!

Хитроумъ.

Ну, пустите!

Пустозвонъ.

Вотъ теперь благодарю!

Хитроумъ.

Попадешься впредь, ужъ даромъ ты не вырвешься изъ рукъ!

Пустозвонъ.

Такъ и бытъ!

Хитроумъ.

Ну, Каріонъ, идемъ! (Уходить.)

(Входитъ Скеледръ съ рабами воеводы.)

Пустозвонъ.

А, вотъ моя рабы!

Ну, а что же Филокома? Ужъ уѣхала? Скажи!

Скеледръ.

Ужъ давно!

Пустозвонъ.

Вѣда!

Скеледръ.

Еще бы! Зналъ бы ты, что знаю я:

Тотъ, морякъ-то съ перевязкой—вѣдь совсѣмъ онъ не морякъ!

Пустозвонъ.

Ну, а кто-жъ?

Скеледръ.

Да Филокоминъ другъ!

Пустозвонъ.

Неправда!

Скеледръ.

Вѣрно, такъ!

Вотъ какъ за городъ-то вышли, всю дорогу тутъ они

Цѣловались да ласкались!

Пустозвонъ.

Вотъ несчастье для меня!

Какъ надули! Какъ вѣдь ловко негодяй Палэстріонъ
Заманилъ меня въ ловушку!

Скеледръ (къ зрителямъ)

Подѣломъ, братъ, по-дѣломъ!

Волокитъ помевъше-бъ (ыло, коля всѣхъ такъ угостить:
Страхъ бы отучилъ!

Пустозвонъ.

Идемъ-те! (Уходятъ.)

Музыкантъ (къ зрителямъ)

Ну, похлопать вашъ чередъ!

Занавѣсъ.

Н. Х—нъ.

HOR. SAT. I, 9, 43 sqq.

Удовольствіе, доставляемое чтеніемъ одной изъ лучшихъ повѣствовательныхъ сатиръ Горация, именно I, 9, въ значительной степени нарушается разнорѣчивостью и чувствуемой всѣми неудовлетворительностью толкованій слѣдующаго мѣста этой сатиры:

.....Maecenas quomodo tecum? hinc repetit. Paucorum hominum et mentis bene sanae. Nemo dexterius fortuna est usus. Haberes magnum adiutorem, posset qui ferre secundas, hunc hominem velles si tradere; dispeream, ni summosses omnes.

Вопросъ „Maecenas quomodo tecum?“ принадлежитъ назойливому спутнику Горация, и съ него онъ, какъ замѣчаетъ самъ поэтъ словами „hinc repetit“, вновь начинаетъ прерванный разговоръ. Относительно словъ „Paucorum hominum et mentis bene sanae“ Порфирионъ замѣчаетъ: [hoc] Horatius dicit. Изъ этого лаконическаго примѣчанія можно заключить, что смыслъ этихъ словъ, въ устахъ Горация, Порфириону представлялся вполне яснымъ и поэтому не требующимъ дальнѣйшихъ поясненій.

Между тѣмъ, новые толкователи Горация, не смотря на безконечный рядъ разсужденій и споровъ по поводу разсматриваемаго мѣста, до сихъ поръ не могутъ прийти къ соглашенію относительно того, кому отнести слова „Paucorum hominum et mentis bene sanae“ и каковъ ихъ точный смыслъ, а также и насчетъ того, каковъ точный смыслъ слѣдующей за ними фразы „Nemo dexterius fortuna est usus“¹⁾.

Причина такой неопредѣленности и неудовлетворительности интерпретаціи даннаго мѣста, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что новые толкователи, не уяснивъ себѣ, какъ слѣдовало бы, словъ

¹⁾ Перечень разныхъ толкованій см. въ изд. Orelli-Mewes'a, p. 122 слѣд.

„*Raucorum... sapae*“ съ грамматической стороны. влагають въ нихъ такой смыслъ, котораго они въ данномъ случаѣ имѣть не могутъ и о которомъ Гораций, очевидно, вовсе и не думалъ.

Основываясь на чисто вѣишемъ сходствѣ, толкователи сравниваютъ выражение „*raucorum hominum*“ съ Ter. Eun. 409: *immo sic homost: perpaucorum hominum* и Cic. de fato (apud Macrob. III, 16, 4): *acipenser iste paucorum hominum est*, и, комбинируя смыслъ этихъ мѣстъ съ извѣстной строгостью Мецената въ выборѣ своихъ друзей, толкуютъ слова „*Raucorum hominum et mentis bene sapae*“ такъ: „онъ доступенъ лишь для немногихъ и отличается осторожностью въ выборѣ своихъ друзей“. При этомъ одни изъ толкователей, слѣдуя Порфириону, отводятъ эти слова Горацию и видятъ въ нихъ уклончивый отвѣтъ послѣдняго на нескромный вопросъ спутника, межъ тѣмъ какъ другіе, находя такой отвѣтъ по разнымъ причинамъ (см. напр., изд. Л. Миллера, Sattren u. Epist. des Horaz, I, p. 120) неумѣстнымъ, соединяютъ разсматриваемыя слова, въ видѣ добавленія, съ предшествующимъ имъ вопросомъ и приписываютъ все назойливому спутнику поэта ¹⁾.

Но слова „*Raucorum hominum et mentis bene sapae*“, въ качествѣ *gen. qualitatis*, за который принимаютъ ихъ комментаторы, не могутъ, по нашему мнѣнію, ни служить отвѣтомъ на вопросъ „*Maecenas quomodo tecum?*“, ни входить въ его составъ.

Отвѣтомъ на данный вопросъ они, въ качествѣ *gen. qual.*, не могутъ служить потому, что *gen. qual.*, не выражая образа дѣйствія и, стало быть, не отвѣчая на *quomodo*, въ данномъ случаѣ долженъ былъ бы быть сказуемымъ къ подразумеваемому подлежащ. *Maecenas*, а въ такомъ случаѣ не могла бы отсутствовать при немъ указывающая на эту функцію связь (*copula*). Эллипсиса связи, при отсутствіи подлежащаго, предполагать нельзя, а одинъ *gen. qual.* могъ бы служить лишь отвѣтомъ на вопросъ о качествѣ кого-нибудь или чего-нибудь, то-есть на вопросъ, съ которымъ данный не имѣетъ ничего общаго.

Разсматриваемыя слова, однако, не могутъ также входить въ составъ предшествующаго имъ вопроса и быть толкуемы въ смыслѣ опредѣленія къ *Maecenas*, такъ какъ этому положительно мѣшаетъ

¹⁾ Для насъ совершенно непонятна интерпункція Hertz'a (въ его изданіи, Berol. 1892), который, отводя эти слова спутнику, ставитъ послѣ нихъ запятую, какъ будто они относятся къ слѣдующему.

разстановка словъ, въ связи съ отсутствіемъ всякихъ указаній на подобное отношеніе. При какихъ условіяхъ возможно было бы такое толкованіе. лучше всего видно изъ ряда примѣровъ, доказывающихъ, что Гораций въ подобныхъ случаяхъ выражался опредѣленно, тщательно избѣгая всякой неясности; вотъ относящіеся сюда примѣры: C. I, 36, 13 *neu multi Damalis meri Bassum Threlcia vincat amystide*; III, 7, 4 *constantis iuvenem fide Gygen*; III, 9, 7 *multi Lydia nominis Romana vigui clarior Illa*; Epod. 5, 41 *masculae libidinis Ariminese Foliam*; Sat. I, 1, 33 *magni formica laboris*; 4, 8 *Lucillus... emunctae naris, durus componere versus*; II, 3, 309 *longos imitatis, ...totus moduli bipedalis*; Epist. I, 20, 23. 24 *me primis urbis belli placuisse domique, corporis exigui, praecanum, solibus aptum*. Бездѣ или разстановка словъ, или стояція рядомъ съ *gen. qual.* прилагательныя указываютъ ясно, къ чему *gen. qual.* относится.

Итакъ, на основаніи всего до сихъ поръ нами сказаннаго, мы имѣемъ, кажется, полное право отвергнуть толкованіе словъ „*Paucorum hominum et m. b. s.*“ въ смыслѣ *gen. qual.*, а равно и соединеніе ихъ съ предшествующимъ имъ вопросомъ, и, констатировавъ пока правильность толкованія Порфиріона, отводящаго разсматриваемыя слова Горацию, искать болѣе удовлетворительнаго ихъ объясненія.

Въ устахъ Горация разсматриваемыя слова могутъ составлять лишь отвѣтъ на предыдущій вопросъ; но такъ какъ они, какъ выше нами было указано, не могутъ заключать въ себѣ предполагаемаго нѣкоторыми толкователями *уклончиваго* отвѣта, то необходимо видѣть въ нихъ отвѣтъ *прямой*, то-есть, отвѣтъ на *quomodo*. Но такъ какъ род. пад. можетъ выражать обстоятельство образа дѣйствія лишь въ зависимости отъ сущ. *mos, modus, consuetudo* и т. п., то не остается ничего другаго, какъ признать, что возбуждившіе столько толковъ и споровъ слова зависятъ отъ дополняемой къ нимъ изъ *quomodo* формы *abl. modo*. Отъ *modo* можетъ, конечно, зависѣть лишь род. пад. „*paucorum hominum*“; заключающійся же въ отвѣтѣ другой род. пад. „*mentis bene sanae*“ составляетъ параллельное къ *paucorum* опредѣленіе (*gen. qual.*) слова *hominum*¹⁾; ср. Cic. Tusc. disp. II, с. 6: *primum igitur de imbecillitate multorum et de variis disciplinis philosophorum loquar*.

Итакъ, на вопросъ своего назойливаго спутника „*Maecenas quomodo tecum?* (scil. *vivit s. agit*), Гораций отвѣчаетъ: „*Paucorum ho-*

¹⁾ Такъ толковали этотъ *gen.* и нѣкоторые изъ прежнихъ комментаторовъ; см. Orelli-Mewes, I. с.

minum (modo) et (quidem hominum) mentis bene sanae“, въ переводѣ: „Какъ относится къ тебѣ Меценатъ?“— „Какъ немногіе люди и притомъ люди вполне разумные“. Что этимъ хотѣлъ сказать Гораций, видно изъ Sat. I, 6, 1—6: Non... ut plerique solent, naso suspendis adunco | ignotos, ut me libertino patre natum.

Такимъ образомъ, Гораций далъ не *уклончивый* и не *замосчивый*, какъ полагали нѣкоторые по прежнимъ толкованіямъ, а *прямой, откровенный и полный такти и достоинства* отвѣтъ на пискронный вопросъ непрощеннаго спутника. Теперь совершенно ясны и слѣдующія слова послѣдняго: „Nemo dexterius fortuna est usus (scil. quam tu). Haberes“ и т. д., то-есть: „никто не воспользовался болѣе ловко своимъ счастьемъ (чѣмъ ты, достигшій того, что такой человекъ, какъ Меценатъ, относится къ тебѣ, какъ къ равному и другу); но, нѣтъ хорошаго союзника, въ родѣ меня, ты могъ бы добиться еще большихъ успѣховъ“.

Такъ, полагаемъ мы, понималъ разсмотрѣнныя нами слова поэта Порфиріонъ, короткое примѣчаніе котораго навело насъ на предложенное нами незамысловатое толкованіе.

Ф. Шиберъ.

THUCYD. VIII 97₂. И ARISTOT. 'ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤ. 33₂.

Съ легкой руки первоиздателя Кеніона слова *Λεωνισκῆς Πολιτικῆς* доходить δὲ καλῶς πολιτεύεσθαι (афиняне) κατὰ τούτους τοὺς καιροὺς, πολέμου τε καθεστῶτος καὶ ἐκ τῶν ὅλων τῆς πολιτείας οὐσης (33 кон.) сближаются у послѣдующихъ комментаторовъ съ замѣчаніемъ Фукидида: οὐχ ἥμισυ δὲ τὸν πρῶτον χρόνον ἐπὶ γ' ἐμοῦ 'Αθηναῖοι φθίνονται εὖ πολιτεύσαντας· ματρίᾳ γάρ ἢ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς εὐτυχῶς ἐγένετο, καὶ ἐκ πονηρῶν τῶν πραγμάτων γενεμένων τοῦτο πρῶτον ἀνῆνεγκε τὴν πόλιν (VIII 97₂ Stahl). Для Кеніона слова *Πολιτικῆς* представляютъ собою не болѣе, какъ „намѣренное повтореніе“ Фукидида, только въ болѣе сжатомъ видѣ, а послѣдній по времени издатель Аристотелева сочиненія, Сандисъ, выписываетъ безъ всякихъ оговорокъ то-же мѣсто изъ Фукидида,—съ нѣкоторою, впрочемъ, неисправностью,—въ подстрочномъ примѣчаніи къ Аристотелю, какъ бы оригиналъ этого послѣдняго. Таково въ сущности общее отношеніе къ занимающимъ насъ текстамъ.

Оба мѣста, по времени происхожденія раздѣленные чуть не цѣлымъ столѣтіемъ, относятся къ одному и тому же событію, именно, къ демократическому перевороту въ Афинахъ, совершившемуся въ августъ или сентябрь 411 года до Р. Х., и содержать въ себѣ сходныя, хотя далеко не тождественныя сужденія двухъ писателей. Одинъ изъ нихъ — великій историкъ, современникъ событія, писавшій однако не по личнымъ наблюденіямъ, по на основаніи показаній другихъ свидѣтелей; кромѣ того, относящійся къ событію разказъ историка находится въ наименѣе отдѣленной части его сочиненія, и мы не знаемъ, какую форму получила бы эта часть его исторіи въ окончательной редакціи. Другой писатель — великій мыслитель, располагавшій при возстановленіи далекаго прошлаго не однимъ источникомъ и имѣющій на своей сторонѣ преимущество болѣе широкаго историческаго опыта.

Тутъ же мы обязаны отмѣтить, что, судя по сообщаемымъ имъ извѣстиямъ, Оукидидъ былъ недостаточно освѣдомленъ объ организаціи правленія Четырехсотъ и что онъ не дастъ намъ яснаго понятія даже о томъ способѣ, какимъ должны были избираться 5.000 гражданъ, по смыслу конституціи замѣнявшихъ при Четырехстахъ упраздненную экклісію. По Оукидиду выходитъ, что избраніе 5.000 гражданъ было въ зависимости отъ Четырехсотъ, равно какъ и оповѣщеніе именъ ихъ: ни того, ни другаго Четыреста, понятно, не желали ¹⁾. Между тѣмъ у Оукидида есть нѣсколько выраженій, обязывающихъ читателя 5.000 правящихъ гражданъ считать избранными. Въ одномъ мѣстѣ о наличности собранія 5.000 говорятъ друзья Четырехсотъ съ цѣлью, быть можетъ, обмануть своихъ слушателей; но въ другомъ то же самое говоритъ прагматъ властвующихъ олигарховъ ²⁾. Недостаткомъ ясности отличаются извѣстія Оукидида и о смѣнѣ Четырехсотъ пятью тысячами, какъ увидимъ ниже. Зато печать документальности и правдивости лежитъ на разказѣ Аристотеля, связанномъ и фактическомъ, какъ объ олигархіи Четырехсотъ, такъ и объ отмѣнѣ ихъ господства ³⁾.

При скудости нашихъ источниковъ показаніе столь авторитетнаго писателя, какъ Оукидидъ, весьма важно и было до сихъ поръ единственнымъ прямымъ свидѣтельствомъ о формѣ правленія въ афинской общинѣ въ періодъ времени, слѣдовавшій непосредственно за низложеніемъ Четырехсотъ. къ тому же показаніемъ этимъ обыкновенно пользуются для характеристики политическихъ убѣжденій автора, усматривая въ немъ выраженіе сочувствія „смѣшанному управленію“, будто бы смѣнившему олигархію Четырехсотъ ⁴⁾. Оно же служило

¹⁾ Οἱ τετρακόσιοι διὰ τοῦτο οὐκ ᾔθελον τοὺς πεντακισχιλίους οὔτε εἶναι οὔτε μὴ ὄντας; δῆλous εἶναι. VIII 92a. Послы отъ 400 общаются собравшемуся въ Аканей народу: τοὺς τε πεντακισχιλίους ἀποφραῖν, καὶ ἐκ τούτων ἐν μέραι ᾗ ἂν τοῖς πεντακισχιλίους δοκῇ τοὺς τετρακόσιους ἐκλεῖναι. 93a. Срвн. 86a. „Thucydides war also in diesem, wie in manchem andern Punkt, über die Ereignisse in Athen nicht genügend unterrichtet, als er die Darstellung dieser Zeit entwarf“. Busolt, *Gr. Staats- u. Rechtsalterthüm.* 174, прим. 6².

²⁾ Главные виновники низложенія Четырехсотъ между прочимъ желали: τοὺς πεντακισχιλίους ἔρψαι καὶ μὴ ὀνόματι χρῆναι ἀποδεδειγμέναι. VIII 89a. Срвн. 72a. Что списки 5.000 были составлены, свидѣтельствуетъ Лисій въ рѣчи за *Полистрата* XX 13.

³⁾ 'Αθ.γ. Πολιτ. 29—34 нач.

⁴⁾ См. нашу статью: Оукидидъ—сторонникъ афинской демократіи: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890, авг. Отвѣтъ проф. В. П. Бузескула тамъ же, 1890, дек.

опорнымъ пунктомъ въ вопросѣ о долговременности режима 5.000. Если къ этому прибавить редакціонную незаконченность текста, подающую поводъ къ разнорѣчивымъ грамматическимъ толкованіямъ, то понятнымъ станетъ живой интересъ, съ какимъ къ немногословному выраженію Фукидида относятся филологи и историки. Къ счастью, и въ настоящемъ вопросѣ *Аѳинская Политія* прибавляетъ кое-что существенное къ освѣщенію потемокъ.

Теперь едва-ли не съ полною увѣренностью можно утверждать, что правленіе 5.000, номинальное при Четырехстахъ, не получило силы и послѣ переворота. Собраніе 5.000 гражданъ „наиболѣе способныхъ служить государству жизнью и имуществомъ“, образовалось и существовало, согласно народному постановленію, раньше 400. Эти послѣдніе, по смыслу конститутіи замѣнившіе собою совѣтъ 500, были выбраны по филамъ комиссіей Ста. избранной собраніемъ 5.000 изъ его среды. Тогда какъ у Фукидида избраніе или назначеніе 5.000 отмѣчается общими терминнами εἶναι, ἀποδείκνυσθαι, ἀποφαίνεσθαι, Аристотель употребляетъ для этого собственныя терминны αἰρεῖσθαι, самое предоставленіе власти этому числу гражданъ выражено словомъ ἐπιτρέψαι, а составленіе списковъ 5.000 сотнею выборныхъ для этой цѣли гражданъ называется καταλέγειν ¹⁾). Но, какъ кажется, дѣятельность собранія 5.000 гражданъ сведена была къ назначенію учредительной комиссіи Ста, по крайней мѣрѣ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ 5.000 не говорится ни слова ни у Аристотеля, ни у Фукидида за все время господства Четырехсотъ. По Аристотелю, не только составлены были списки 5.000 „способнѣйшихъ“ гражданъ, но эти граждане были созваны въ собраніе; оно-то и призвало къ жизни совѣтъ Четырехсотъ. Образование этого самаго совѣта иначе описываетъ Фукидидъ. По настоянію Писандра и его сообщниковъ народъ принялъ предложеніе заговорщиковъ-олигарховъ: выбрать черезъ пятерыхъ предсѣдателей сто человѣкъ, каждому изъ сихъ ста выбрать себѣ тронхъ, всѣмъ четверемстамъ занять думу и править государствомъ

¹⁾ τὴν δ' ἄλλην πολιτείαν ἐπιτρέψαι πάσας Ἀθηναίων τοὺς δυνατωτάτους ἰ τοῖς σωμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν λητοῦργεῖν μὴ ἑλαττον ἢ πεντακισχίλοις, ὥς ἂν ὁ πόλεμος ἢ κυρίους δ' εἶναι τούτους καὶ συνθήκας συντίθεσθαι πρὸς οὓς ἂν ἐθέλωσιν ἐλεῶσθαι δ' ἐκ τῆς φυλῆς ἑκάστου δέκα ἄνδρας ὑπὲρ τετραράκοντα ἐτη γιγνόμεναι οἵτινες καταλέξουσιν τοὺς πεντακισχίλους. 29 κοιν. οἱ μὲν αἰρεθέντες. 30 нач. οἱ μὲν πεντακισχίλιοι λόγῳ μόνον ἡρέθησαν 32a. οἱ μὲν οὖν ἑκάτῃ οἱ ὑπὸ τῶν πεντακισχιλίων αἰρεθέντες. 32 нач. Определеніе δυνατωτάτοις—λητοῦργεῖν у Фукидида передано такъ: οἱ ἂν μάλιστα τοῖς τε χρήμασι καὶ τοῖς σώμασιν ὠφελεῖν οἱοὶ τε ὧν VIII 65a.

самовластно по своему соизволенію, собирая пять тысячъ гражданъ, когда заблагоразсудится ¹⁾). Въ изложеніи Фукидида замѣчаются разпорѣчивыя показанія изъ двухъ источниковъ: одни свидѣтели сообщали о существованіи собранія 5.000 при Четырехстахъ, другіе, которымъ, очевидно, больше довѣрялъ историкъ, разказывали только о непрерывномъ рядѣ беззаконій олигарховъ съ самаго начала и о томъ, между прочимъ, что по ихъ винѣ не было даже приступлено къ избранію 5.000 полномочныхъ. Въ всякомъ случаѣ нѣсколько сотъ олигарховъ вершили дѣла республики своею властью, ничего не доводя до собранія гражданъ, болѣе многочисленнаго: совѣщательная, подготовительная инстанція обратилась въ рѣшающую окончательно, верховную ²⁾). Допустить къ управленію столь большое число гражданъ, какъ 5.000, значило для 400 то же, что возвратиться къ демократіи ³⁾). Напротивъ, въ видахъ усиленія власти олигархи старались сокращать по возможности число полномочныхъ правителей: неограниченными полномочіями они надѣлили 10 военачальниковъ, выбранныхъ ими изъ среды 5.000, на ближайшій годъ они положили выбрать десятичленную коллегію съ секретаремъ, съ тѣмъ, чтобы она правила общиною по своему усмотрѣнію, обращаясь къ совѣту 400, когда сама найдетъ нужнымъ ⁴⁾). Когда Писандръ и другіе зачинщики олигархическаго переворота обѣщали народу, что дѣлами республики будутъ управлять 5.000 гражданъ, то они сознательно обманывали народъ, лишь бы поскорѣе добиться отміны демократіи ⁵⁾).

И все-таки число 5.000, слишкомъ большое для горсти честолюбцевъ, было въ Аѣнахъ меньшинствомъ, а правленіе 5.000 было бы

¹⁾ προέδρου; τε εἶναι πάντε ἀνδρας, τούτους δὲ εἶναι ἑκατὸν ἀνδρας, καὶ τῶν ἑκατὸν ἕκαστον πρὸς ἑαυτὸν τρεῖς· ἐλθόντα; δὲ αὐτοὺς τετρακοσίους ὄντας ἐς τὸ βουλευτήριον ἄρχειν ὅπῃ ἂν ἄριστα γινώσκουσιν αὐτοκράτορας, καὶ τοὺς πεντακισχίλους δὲ συλλέγειν ὅπόταν αὐτοῖς δοκῇ. VIII 67α. 69 нач.

²⁾ οἱ δὲ τετρακοῖοι μετὰ τῶν δέκα αὐτοκρατόρων εἰσελθόντες; εἰς τὸ βουλευτήριον ἔρχον τῆς πόλεως. 'Αθην. Πολιτ. 32α. ἀπαντα γὰρ δι' αὐτῶν ἐπραττον οὐδὲν ἐπαναφέροντες τοῖς πεντακισχίλοις. 33α.

³⁾ τὸ μὲν καταστήσαι μετόχους τοσούτους ἀντικρυς; ἀν δὴμον ἡγούμενοι. Thucyd. VIII 92α.

⁴⁾ τῶν δὲ στρατηγῶν τὸ νῦν εἶναι τὴν αἵρεσιν ἐξ ἀπάντων ποιῆσθαι τῶν πεντακισχιλίων, τὴν δὲ βουλὴν, ἐπειδὴν καταστῇ, ποιήσασαν ἐξέτασιν ἐν ὅπλοις, εἶναι δέκα ἀνδρας; καὶ γραμματεῖς τοῖς τοῖς; δὲ αἰρεθέντα; ἄρχειν τὸν εἰσόντα ἑνιαυτὸν αὐτοκράτορας, κἄν τι δέωνται συμβουλευέσθαι μετὰ τῆς βουλῆς. 33α. Сравни. 32α.

⁵⁾ ἦν δὲ τοῦτο εὐπρεπὲς πρὸς τοὺς πλείους, ἐπεὶ εἴηεν γε τὴν πόλιν οἷον καὶ μερίστασαν ἐμείλον. Thucyd. VIII 66 нач.

олигархіей. „Еслибъ всѣхъ гражданъ, говоритъ Аристотель, было въ общинѣ 1300 человекъ, и изъ нихъ тысяча—люди богатые, и они не допускали бы къ управленію остальныхъ триста, бѣдныхъ, но свободныхъ и во всемъ прочемъ сходныхъ съ первыми, то никто не называлъ бы такого управленія демократіей“ ¹⁾. „Въ одномъ изъ видовъ олигархіи, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, занятіе должностей зависитъ отъ имущественнаго ценза настолько значительно, что неимущіе, хотя бы ихъ было и больше, не допускаются къ должностямъ и управленіе вѣдаютъ только имущіе“ ²⁾. Въ Афинахъ 411 г. насчитывалось однихъ тяжеловооруженныхъ не менѣе 9.000, да флотскихъ воиновъ было не менѣе 17.000, если побѣды афинянъ при Абидѣ и Кизикѣ (Ol. 92, 2 и 3 = 411, 410) одержаны были при участіи 86-ти кораблей ³⁾. Ясно, что для древняго эллина правленіе 5.000 въ Афинахъ было не чѣмъ инымъ, какъ олигархіей; тѣмъ же именемъ они называются и въ нашей *Политиі*. Такъ, афинскій народъ (οἱ πολλοί) послѣдовалъ увѣщаніямъ заговорщиковъ больше всего въ томъ убѣжденіи, что царь скорѣе окажетъ имъ поддержку въ войнѣ, если править государствомъ будутъ немногіе (ὅτι οἱ ὀλίγοι ποιήσονται τὴν πολιτείαν) ⁴⁾. Въ виду этихъ данныхъ нельзя считать правильнымъ наименованіе правленія 5.000 въ Афинахъ демократіей, хотя бы и съ добавкою эпитетовъ: „ограниченная“, „умѣренная“, „тимократическая“ и т. п., какъ она называется у Фишера и у большинства историковъ и филологовъ. Фишеръ впадаетъ при этомъ въ противорѣчіе. Доказывая, что правленіе 5.000 не продержалось до конца пелопоннесской войны, уступивши мѣсто „полной“ демократіи уже въ 410 году, Фишеръ обращаетъ вниманіе на то, что въ литературѣ послѣдующаго за обратнымъ переворотомъ времени правленіе 5.000 вовсе не упоминается; напротивъ, весьма обычны термины: δῆμος, πλῆθος, δῆμοκρατία, ἐκκλησία и т. п. ⁵⁾. Но доводъ этотъ теряетъ силу, если правленіе 5.000 было тоже демократіей, какъ утверждаетъ многократно самъ авторъ. Это же правле-

¹⁾ *Politic.* VI 4 p. 1290a, 33—37.

²⁾ *Ibid.* VI 5 p. 1292a 39—41. Busolt. о. с. 34¹. *Латышевъ*, Очеркъ греческихъ древностей, 49¹.

³⁾ *Lys. pro Polyst.* (XX) 13. , Böckh, Staatshaushalt. 333 сл.

⁴⁾ 29 г.

⁵⁾ *Vischer*, Untersuchungen über die Verfassung von Athen in den letzten Jahren des Peloponn. Krieges (Basel 1844), Kl. Schriften. I. Leipz. 1877, стр. 220 сл. 235.

не называется еще „умѣреннымъ смѣшеніемъ олигархіи съ демократіей“, „смѣшанною формою правленія“, „демократіей, разбавленной аристократическими элементами“, основаніемъ для чего служатъ слова Оукидиды: μετρίᾳ γὰρ τῇ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς εὐχρησὶς ἐγένετο. Но предметомъ похвалъ историка служить не самая форма правленія, но тотъ политическій тактъ аѳинянъ во время переворота, благодаря коему обратная революція совершилась мирно, безъ потрясеній; этимъ обезоружены были злѣйшіе враги общины. Возставшіе противъ Четырехсотъ начали съ того, что объявили существующимъ на дѣлѣ (ἐν ᾧ) собраніе 5.000 съ полномочіями верховнаго учрежденія республики, признали дѣйствительными тѣ самыя ограниченія для занятія общественныхъ должностей, какія когда-то были предложены самими олигархами, какъ обязательныя; возмущившіеся граждане возстановили порядокъ отношеній, насильственно и обманнымъ образомъ упраздненный совѣтомъ 400. Передача народомъ власти 5.000 гражданъ обезпечивала сочувствіе перевороту со стороны достаточнѣйшей части населенія и многихъ членовъ совѣта Четырехсотъ, которые не одобряли крайнихъ правонарушеній сотоварищей. „Мудро было, говорить Оукидидъ, объединить меньшинство и большинство“, таковъ смыслъ предложенія: μετρίᾳ и проч.: „оно вывело государство изъ тогдашняго труднаго положенія“ (καὶ ἐκ πονηρῶν τῶν πραγμάτων γαμονένων τοῖτο πρῶτον ἀνῆλθεν τὴν πόλιν). Не только у Оукидиды, но ни у Платона или Аристотеля, ни у Стоиковъ и Поливія, которые говорятъ о смѣшанныхъ формахъ правленія, οὐχρησὶς въ подобномъ смыслѣ нигдѣ не встрѣчается.

Правленіе 5.000 было олигархіей; предложеніе о немъ первоначально было проведено черезъ народное собраніе врагами государства; собраніе 5.000 оказалось не въ силахъ охранить республику отъ безчинствъ Четырехсотъ, найти союзниковъ извнѣ или привести войну къ почетному концу; болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы народъ имѣлъ охоту повторить неудавшійся только что опытъ. Катастрофа Четырехсотъ лишній разъ показала всю непригодность олигархическаго строя для аѳинской общины, торговой, промышленной, морской, открытой для обильнаго притока иностранцевъ; даже единоличное правленіе, то-есть тираннія, была легче примирима съ господствовавшимъ въ Аѳинахъ демократическимъ настроеніемъ, нежели олигархія: доказательствомъ тому служить многолѣтнее правленіе Писистрата и сыновей его.

Не существуетъ ни единого свидѣтельства, ни прямого, ни ко-

- Schlacht bei Chaironeia, von *Georg Busolt*. Gotha. 1888. — Рец. А. Н. Нейфельда. 1889, ч. 262, апрѣль, отд. II, стр. 398—407.
3110. *Георгъ Бузолтъ*. Очеркъ государственныя и нравовыхъ греческихъ древностей. Переводъ съ нѣмецкаго студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета А. (М+В.). Изъ „Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft v. Iw. Müller, B. IV“, въ обработкѣ и съ дополненіями автора. Харьковъ. 1890. — Рец. О. Г. Мищенко. 1890, ч. 272, декабрь, отд. II, стр. 329—336.
3111. Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Alterthumswissenschaft, herausgegeben von *Con. Bursian*. Berlin. 1874. — Рец. И. Цвѣтаева. 1875, ч. 177, февраль, отд. V, стр. 123—130.
3112. Manuel des institutions Romaines par *Bouché-Leclercq*. Paris. 1886. — Отзывъ въ статьѣ Ю. Кулаковскаго: Новое руководство по римскимъ древностямъ.
3113. Untersuchungen zur römischen Kaiser Geschichte von d-r *Max. Büdinger*. Leipzig. 1868. — Рец. (Нов. иностр. ученой литер.) 1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 386—387.
3114. *Bücher*. Die Aufstände der unfreien Arbeiter 143 — 129 v. Chr. — Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 407—408.
3115. Πολιτορικητὰ καὶ πολιτορικαὶ διαφορῶν πόλεων. Poliorétique des Grecs, par. *C. Wescher*. Paris. 1867. — Рец. (въ отд. Нов. иностр. ученой литературы). 1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 472—474.
3116. *P. Willems*. Le Sénat de la république romaine. Tome II. Liège. 1883. — Рец. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 468—471. (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3117. *Wilf*. Römische Geschichte. 2 Band. Vom ersten Punischen Kriege bis zum Ende des zweiten. Leipzig. 1870. — Рец. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 320—321.
3118. *Wincler*, d-r. Die Wohnhäuser der Hellenen. Berlin. 1868. — Рец. (въ ст. Нов. иностр. ученой литер.). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 524.
3119. *Л. Вовводскій*. Введение въ миеологию Одиссея. Часть I. Одесса. 1881. — Отзывъ въ статьѣ К. Люгебилья: Новые взгляды на миеологию.
3120. *Л. Вовводскій*. Каннибализмъ въ греческихъ миамахъ. С.-Пб. 1874. — Отзывъ въ статьѣ К. Люгебилья: Новые взгляды на миеологию.
3121. *Volquardsen*, d-r. Untersuchungen über die Quellen der griechischen und sicilischen Geschichte bei Diodor. Buch XI bis XVI. Kiel. 1868. — Рец. (Нов. иностр. ученой литер.) 1869, ч. 141, августъ, отд. II, стр. 391—392.
3122. Объ источникахъ Г. Светонія Транквила въ біографіяхъ XII Цезарей. Историко-литературное изслѣдованіе *Сергія Выхова*, ч. I, (общая). Варшава. 1888. — Рец. 1888, ч. 256, апрѣль, отд. II, стр. 536. (Княжныя новости).
3123. Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Собралъ и перевелъ съ подлинниковъ К. Гамъ. Ч. I, отъ Гомера до VI ст. по Р. Хр. Тифлисъ. 1884. — Рец. В. В. Латышева. 1885, ч. 239, май, отд. II, стр. 97—119.
3124. *O. Hartwig*. Aus Sicilien. Cultur- und Geschichtsbilder. Cassel und Göttingen. 1867—1869. — Рец. 1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 19—20.
3125. Дачная обстановка и образъ дачной жизни знатнаго и богатаго римлянина въ I ст. по Р. Хр. Че-

- тыре письма Плинія Младшаго въ русскомъ переводѣ *И. Гвоздева*. Казань. 1888. — Рец. 1888, ч. 256, апрѣль, отд. II, стр. 536—537. (Книжныя повости).
3126. *Ed. Gebhardt*. De civitatis donatione deque civitatis diplomatis Atticis. — 1876, ч. 187, сентябрь, отд. V, стр. 1—25.
3127. *B. Heil*. Logographis qui dicuntur num Herodotus usus videatur. Dissertatio inauguralis. 1884. — См. статью *О. Г. Мищенко*: Неудачная и пенужная защита Геродота.
3128. *Dr. E. Heydenreich*. Livius und römische Plebs. Ein Bild römischer Geschichtsschreibung. Berlin. 1882. — Рец. 1883, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 394. (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3129. *K. Fr. Hermann*. Lehrbuch der griechischen Antiquitäten neubearbeitet von H. Blümmer und W. Dittenberger. Vierter Band. Die griechischen Privatalterthümer, dritte vermehrte und verbesserte Auflage von Blümmer. 1882. — Рец. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 479—482 (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3130. *Геродотъ*. Исторія въ девяти книгахъ. Переводъ съ греческаго *О. Г. Мищенко*, съ его предисловіемъ и указателемъ, т. I. М. 1885. — Рец. *А. Н. Щукарева*. 1886, ч. 243, январь, отд. II, стр. 149—172.
3131. *Геродотъ*. Исторія въ 9 книгахъ. Переводъ съ греч. *О. Г. Мищенко*, т. II. Вѣсто предисловія: Не въ мѣру строгій судъ надъ Геродотомъ. Кн. V—IX. Указатель съ примѣчаніями. М. 1886. — Рец. *А. Н. Щукарева*. 1887, ч. 249, февраль, отд. II, стр. 383—387.
3132. *О. Г. Мищенко*. Отвѣтъ рецензенту „Московскихъ Вѣдомостей“ *П. Каленосу* по поводу разбора перевода Геродота. — 1888, ч. 260, декабрь, отд. II, стр. 299—304.
3133. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи. *Эдуарда Гиббона*. Съ примѣч. Гизо и др. Перевелъ *В. Н. Нестодомскій*. Пять томовъ. М. 1883—1885. — Рец. 1885, ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 95. (Книжныя новости).
3134. *A. Holm*. Geschichte Siciliens im Alterthum. 2 Band. Leipzig. 1874. — Рец. 1875, ч. 179, июль, отд. II, стр. 405—406.
3135. *Adolf Holm*. Griechische Geschichte von ihrem Ursprunge bis zum Untergange der Selbstständigkeit des griechischen Volkes. I Bd.: Bis zum Ausgange des VI Jahrhunderts v. Chr. Berlin. 1886. — Рец. *А. И. Нейфельда*. 1887, ч. 250, апрѣль, отд. II, стр. 343—349.
3136. La vie municipale en Attique. Essai sur l'organisation des demeures au quatrième siècle, par *B. Haussoullier*. Paris. 1884. — Отзывъ въ статьѣ *В. В. Латышева*: Муниципальная жизнь въ Атикѣ.
3137. Der Kaiser Hadrian. Gemälde der römisch-hellenischen Welt zu seiner Zeit. Von *Ferd. Gregorovius*. Dritte Auflage. Stuttgart. 1884. — Отзывъ въ статьѣ *Ю. Кулаковскаго*: Новыя книги по исторіи Римской имперіи.
3138. *Huschke, Ph. E.* Das alte römische Jahr und seine Tage. Breslau. 1869. — Рец. (въ отд.: Нов. иностр. ученой литературы) 1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 480—481.
3139. *Dr. E. Doehler*. Das Zeitalter des Pericles. Nach *Filleul* deutsch bearbeitet. — Рец. 1875, ч. 179, июль, отд. II, стр. 406—407.
3140. César et ses Contemporains par *M. S. Delorme*. Paris, 1869. — Рец. (въ статьѣ: Новости иностр. ученой

- литературы) 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 526.
3141. *Dunger, d-r H.* Die Sage vom Trojanischen Kriege in den Bearbeitungen des Mittelalters und ihre antiken Quellen. Leipzig. 1869. — Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 150—152.
3142. *Maz. Duncker.* Geschichte des Alterthums. Neue Folge. I—II Band. Leipzig. 1884—1886. — См. статью: Новый взгляд на государственную деятельность Перикла, В. П. Бузескула.
3143. *Дьячов, Ф. Н.* Геродот и его музы. Историко-литературное исследование. Ч. I. Варшава, 1877. — Рец. Ю. Е. 1880, ч. 210, август, отд. II, стр. 405—412.
3144. *Les ligues Etolienne et Achéenne, leur histoire et leurs institutions, nature et durée de leur antagonisme, par M. Dubois.* Paris. 1885. — См. статью О. Г. Мищенко: Федерация этолян и ахейцев.
3145. *E. Evers.* Ein Beitrag zur Untersuchung der Quellenbenutzung bei Diodor. Berlin. 1882. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 453—454. (Учено-литер. новости по классич. филологии).
3146. *Eutann.* Kypros und der Ursprung des Aphroditenkultes (Записки Императорской Академии Наук). — См. статью О. Ф. Зялинкова: Кипр и его богиня.
3147. *Essellen, M. F.* Geschichte der Sigambren und der von den Römern bis zum Jahre 16 n. Chr. im nord-westlichen Deutschland geführten Kriege. Leipzig. 1863. — Рец. (Нов. иностр. ученой литературы). 1869, ч. 144, август, отд. II, стр. 388.
3148. *Givard, Jules.* Le sentiment religieux en Grèce d'Homère à Eschyle étudié dans son développement moral et dans son caractère dramatique. Paris. 1869. — Рец. (Новости иностр. ученой литературы), 1869, ч. 144, август, отд. II, стр. 392—393.
3149. *Histoire de la Grèce sous la domination romaine, par L. Petit de Julleville.* Paris. 1875. — Рец. О. Г. Мищенко. 1877, ч. 191, май, отд. II, стр. 169—182.
3150. *H. Sauppe.* Die Quellen Plutarchus für das Leben des Pericles. — Рец. И. П. (Новости иностр. ученой литературы), 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 517—521.
3151. *O. Seyffert.* Lexicon der classischen Alterthumskunde. Culturgeschichte der Griechen und Römer. Mythologie u. Religion, Literatur, Kunst etc. Lpz. 1882. — Рец. 1883, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 395—396. (Учено-литературные новости по классич. филологии).
3152. *Григорій Землер.* Еврейский вопрос в древнем Риме. Варшава. 1889. — Рец. 1890, ч. 267, февраль, отд. II, стр. 387. (Книжные новости).
3153. *Historia miscella, Franciscus Eyssenhardt recensuit. Beroolini.* MDCCCLXIX. — Рец. (в ст. Новости иностранной ученой литературы). 1869, ч. 144, август, отд. II, стр. 399.
3154. Правственное и умственное развитие римского общества во II вв. н. э. Соч. В. Кожеевникова. Козлов. 1874. — Рец. Н. И. 1874, ч. 176, декабрь, отд. II, стр. 325—330.
3155. Коллеги в древнем Риме. Опыт по истории римских учреждений. Юлиана Кулаковская. Киев. 1882. — Рец. И. Помяловского. 1883, ч. 228, август, отд. II, стр. 251—278.
3156. *Юлиан Кулаковский.* К вопросу о начале Рима. Киев. — Рец. 1888, ч. 258, июль, отд. II, стр. 198. (Кн. новости).
3157. *E. Kurtius und I. A. Kaupert.*

- Wandplan von Alt-Athen. Berlin. — Рец. 1883, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 389 — 390. (Учено-литературные новости по классической филологии).
3158. *Kühnast, Ludw.* Ueber Livius als Schullektüre. I. Th. Rastenburg. 1863. II и III. Th. Marienwerder. 1867, 1868. — Рец. (Новости иностранной учебной литературы). 1869, ч. 144, август, отд. II, стр. 399—400.
3159. *Flavii Vegeti Renati epitomae rei militaris.* Recensuit *Carol. Lang.* Lipsiae. 1869. — Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 415—416.
3160. *Kleine Schriften aus dem Gebiete der classischen Alterthumswissenschaft von Ludwig Lange.* Göttingen. 1887. Два тома. — Рец. *Э. Ф. Зильманова.* 1889, ч. 265, сентябрь, отд. II, стр. 148—161.
3161. *В. В. Латышев.* Очерк греческих древностей. Пособие для гимназистов старших классов и для начинающих филологов, ч. I. Государственные и военные древности. Изд. 2-е. С.-Пб. 1888. — Рец. 1888, ч. 257, июнь, отд. II, стр. 467—468. (Кл. новости).
3162. *В. В. Латышев.* Очерк греческих древностей. Пособие для гимназистов старших классов и для начинающих филологов, ч. I. Государственные и военные древности. Изд. 2-е, переработанное. С.-Пб. 1888. — Рец. *А. Н. Щукарева.* 1889, ч. 261, февраль, отд. II, стр. 409—423.
3163. *В. В. Латышев.* По поводу рецензии *А. Н. Щукарева.* — 1889, ч. 262, март, отд. II, стр. 225—232.
3164. *В. В. Латышев.* Очерк греческих древностей. Пособие для гимназистов старших классов и начинающих филологов, ч. II. Богослужбные и сценические древности. С.-Пб. 1889. — Рец. *Н. И. Новосадожаго.* 1890, ч. 263, март, отд. II, стр. 182—199.
3165. *De rebus Prieniensium scripsit Thomas Lenschau* (Leipziger Studien zur classischen Philologie, herausgegeben von O. Ribbeck, H. Lipsius, C. Wachsmuth. 12 Band. I Heft. Leipzig. 1890). — Рец. *С. А. Селиванова.* 1890, ч. 272, ноябрь, отд. II, стр. 191—202.
3166. *Lindenschmit.* Tracht und Bewaffnung des römischen Heers während der Kaiserzeit, mit besonderer Berücksichtigung der rheinischen Denkmale und Fundstücke. Braunschweig. 1882. — Рец. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 482—483. (Учено-литературные новости по классической филологии).
3167. Историко-филологическія изслѣдованія *К. Любвицкаго*: 1) Афинскій царь Кодръ и отмена царской власти въ Афинахъ. 2) Архонтство и стратегія въ Афинахъ во время Персидскихъ войнъ. С.-Пб. 1868. — Рец. *Г. О. Дестунжова.* 1868, ч. 140, ноябрь, отд. II, стр. 636—640.
3168. Историко-филологическія изслѣдованія *К. Любвицкаго*, ч. 2. Архонтство и стратегія въ Афинахъ во время Персидскихъ войнъ. — Рец. *В. В. Вауера.* 1869, ч. 141, январь, отд. II, стр. 251—258.
3169. *G. Lumbroso.* L'Egitto al tempo dei Graeci e dei Romani. Roma. 1882. — Рец. 1884, ч. 232, отд. II, стр. 180—181.
3170. *Handbuch der Römischen Alterthümer von Iochim Marquardt und Theodor Mommsen.* Viertes Band. Römische Staatsverwaltung, von I. Marquardt. Leipzig. 1873. — Рец. *М.* 1874, ч. 172, март, отд. V, стран. 75—77.
3171. *I. Martha.* Les sacerdoxes athéniens. Paris. 1882. — Рец. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 474 — 476.

- (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3172. *Handbuch der klassischen Alterthums-Wissenschaft in systematischen Darstellung.* Herausgegeben von *Juan Müller*. Nördlingen. 1885 — 1886. — Отзывъ въ статьѣ Ю. Кулаковского: Учебныя пособия по классической филологіи.
3173. *Römische Geschichte von Th. Mommsen*. Fünfter B., zweite Auflage. Berl. 1885. — Отзывъ въ статьѣ Ю. Кулаковского: Новыя книги по исторіи Римской имперіи.
3174. Римская исторія *Θ. Mommsen*. Т. V. Провинціи отъ временъ Цезаря до временъ Диоклетіана. Переводъ Нелѣдомскаго. Изд. Солдатенкова. М. 1885. — Рец. 1885, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 254. (Книжныя новости).
3175. *Giuseppe Morosi*. Intorno al motivo dell' abdicazione dell' imperatore Diocleziano. Firenze. 1880. — Рец. В. Е. 1881, ч. 215, май, отд. II, стр. 163—164.
3176. Послѣсловіе къ переводу: Оукендидъ и его сочиненіе. *Θ. Г. Мищенко*. М. 1887. — Рец. 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 260. (Кн. новости).
3177. *Mücke d-r. I. F. A.* Flavius Claudius Iulianus. Gotha. 1869. — Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 415.
3178. *K. K. Mueller*. Eine griechische Schrift über Seekriege. Zum ersten Male herausgeb. Würzburg. 1882. — Рец. 1884, ч. 233, июль, отд. II, стр. 337—338. (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3179. *B. Niese*. Der homerische Schiffskatalog als historische Quelle betrachtet. Kiel. 1873. — Рец. М. 1875, ч. 178, апрѣль, отд. V, стр. 117—120.
3180. *Charles Nisard*. Notes sur les lettres de Cicéron. Paris. 1883. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 456—457. (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
3181. Евлевскія мистеріи. Изслѣдованія *Н. Н. Новосадскаго*. С.-Пб. — Рец. 1887, ч. 251, май, отд. II, стр. 221. (Кн. новости).
3182. *Athen und Hellas*. Forschungen zur nationalen und politischen Geschichte der alten Griechen, von *W. Oelken*. — См. ст. В. Г. Васильевского: Взглядъ Грота на исторію Афинской демократіи.
3183. De historiae Herodoteae fontibus scripsit *Ugo Rahofsky*. Berglini. 1881. — См. статью *Θ. Г. Мищенко*: Къ вопросу объ источникахъ и о добросовѣстности Геродота.
3184. *Histoire de la civilisation hellénique*, par *M. C. Paparrigopulo*. Paris. 1878. — См. ст. В. Г. Васильевского: Законодательство иконоборцевъ.
3185. *Роб. Пельманъ, проф.* Краткій очеркъ греческой исторіи. Переводъ *Н. Шамомина*. М. 1890. — Рец. 1891, ч. 274, мартъ, отд. II, стр. 219—220.
3186. *Полибий*. Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Переводъ съ греческаго *Θ. Г. Мищенко*, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Т. I. М. — Рец. 1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 215. (Кн. новости).
3187. *Raun, d-r. Car.* De Clitarcho Diodori, Curtii et Justinii auctore. Bonn. 1868. — Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 410.
3188. *Retzlaff, d-r. Otto*. Vorschule zu Homer: 1) Homerische Antiquitäten in Form eines Vokabularium. 2) Abriss der Homerischen Mythologie und Geographie. Mit 2 Taf. Abbildungen. Berlin. 1869. — Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 142—143.
3189. *Gallia C. Iulii Caesaris tempo-*

- ribus, edid. *Herm. Rheinhard*. Stuttgart. 1868.—Рец. (Новости иностранной ученой литературы). 1869, ч. 144, август, отд. II, стр. 390.
3190. *Atlas orbis antiqui*, edidit *Arm. Reinhard*. Stuttgart. 1868.—Рец. (Новости иностранной ученой литературы). 1869, ч. 144, август, отд. II, стр. 390—391.
3191. *W. H. Roscher*. Studien zur vergleichenden Mythologie der Griechen und Römer. I. Apollon und Mars. Lpz. 1873.—Рец. М. 1879, ч. 172, мартъ, отд. V, стр. 77—79.
3192. *Fy. Ruhl*. Ueber die Quellen des Plutarcheischen Periclis.—Рец. И. П. (Новости иностр. ученой литературы). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 517—521.
3193. *E. Rwele*. Die Correspondenz Ciceros in den Jahren 44 und 48. Marburg. 1884.—Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 341—342. (Ученолитературныя новости по классической филологии).
3194. *Julius Caesar*. Did he cross the Channel? *Scott T. Surtees*. London. 1868. (Юлій Цезарь. Переплывалъ ли онъ каналъ? Соч. Скотта Сэр-тиза. Лондонъ. 1868).—Рец. (въ ст.: Новости иностранной ученой литературы). — 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 526.
3195. *A. H. Sayce*. The ancient Empires of the East. Lond. 1884.—Отзывъ въ статьѣ О. Мищенко: Не въ мѣру строгій судья Геродота.
3196. *A. H. Sayce*. The ancient Empires of the East. Herodotos. I—III. With notes, introductions and appendices. Lond. 1883.—Отзывъ въ статьѣ О. Мищенко: Не въ мѣру строгій судья Геродота.
3197. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый для учениковъ гимназій Кіевскаго отдѣленія Общества классической филологій и педагогики. Вып. I. Кіевъ. 1884.—Рец. 1894, ч. 236, ноябрь, отд. III, стр. 25—28.
3198. Сборникъ статей по классической древности. Изд. Кіевск. отд. Общества классич. филологій и педагогики. Вып. II. Кіевъ. 1885.—Рец. 1885, ч. 242, декабрь, отд. III, стр. 94—99.
3199. Сборникъ статей по классической древности. Изданіе Кіевскаго отдѣленія Общества классической филологій и педагогики. Выпускъ III. К. 1897.—Рец. И. В. П.—скаго. 1887, ч. 254, ноябрь, отд. II, стр. 123—127.
3200. *Sicovs d-r*. Das Leben des Libanius. Berlin. 1868.—Рец. (въ отд.: Новости иностранн. ученой литературы). 1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 477.
3201. Die Studien des Polybius. Von *Rudolf v. Scala*, Dr. Phil., Privatdocenten an d. K. K. Universität Innsbruck. I. Stuttgart, Kohlhammer. 1890.—Рец. А. И. Пожровскаго. 1891, ч. 276, июль, отд. II, стр. 171—208.
3202. *P. E. Sonnenburg*. Der Historiker Tanusius Geminus, die Annales Volusi. Ein Catullianum. Bonn. E. Strauss.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 459—460. (Ученолитературныя новости по классич. филологій).
3203. Исслѣдованіе ряда вопросовъ по государственнымъ древностямъ Ломни, написалъ *Ромуальдъ Стемповскій*. Варшава. 1882.—Рец. В. Латышева. 1883, ч. 228, августъ, отд. II, стр. 278—323.
3204. Врачи у древнихъ римлянъ. Эпиграфическіе очерки *Александра Стрелицова*. М.—Рец. 1888, ч. 257, май, отд. II, стр. 253—254. (Кн. повости).
3205. Сочиненія *Корнелія Тацита*.

- Русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ *В. И. Модестова*. Т. I. С.-Пб. 1886.—Рец. 1886, ч. 243, февраль, отд. II, стр. 370. (Кн. новости).
- 3206.** Сочиненія *Корнелія Тацита*. Русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ и его сочиненіяхъ *В. И. Модестова*. Т. I. Агрикола. Германія. Исторія. С.-Пб. 1886.—Рец. *И. В. Помяловскаго*. 1886, ч. 247, сентябрь, отд. II, стр. 157—175.
- 3207.** *В. И. Модестовъ*. Замѣтка на рецензію проф. Помяловскаго.— 1886, ч. 247, октябрь, отд. II, стр. 407—414.
- 3208.** Сочиненія *Корнелія Тацита*. Русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ и его сочиненіяхъ *В. И. Модестова*. Т. II. Лѣтописи. Разговоръ объ ораторахъ С.-Пб. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 261. (Кн. новости).
- 3209.** Сочиненія *Корнелія Тацита*. Русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ и его сочиненіяхъ *В. И. Модестова*. Ч. II. Лѣтописи. Разговоръ объ ораторахъ. С.-Пб. 1887.—Отзывъ въ статьѣ *И. Турцевича*: Новый русскій переводъ сочиненій Тацита.
- 3210.** Сочиненія *П. Корнелія Тацита*, всѣ какія сохранились. Съ латинск. перевелъ и издалъ съ предисловіемъ и историческими примѣч. *А. Клеванова*. М. 1870.—Рец. *И. Цвѣтаева*. 1871, ч. 157, октябрь, отд. II, стр. 330—351.
- 3211.** *Caroli Ludovici Urlichsii commentatio de vita et honoribus Agricolaе*. Wirceburg. 1868.—Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 413—414.
- 3212.** *Der Periplus des Erythräischen Meeres von einem Unbekannten. Griechisch und deutsch. Mit kriti-* *schen und erklärenden Anmerkungen nebst vollständigem Wörterverzeichnis von B. Fabricius.* Lpz. 1883.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 454—455. (Учено-лит. новости по классич. филологін).
- 3213.** *Der Raub und die Rückkehr der Persephone in ihrer Bedeutung für die Mythologie, Litteratur und Kunst-Geschichte, von Richard Förster.*—Рец. *Л. I.* 1875, ч. 178, мартъ, отд. V, стр. 54—56.
- 3214.** Картины изъ исторіи римскихъ правовъ отъ Августа до послѣдняго изъ Антониновъ, соч. *Л. Фридрихс-дера*, пер. *Нидежды Бялозерской*. Т. I. II. С.-Пб. 1873.—Рец. *Н. О. Фом-жова*. 1873, ч. 167, июнь, отд. II, стр. 363—370.
- 3215.** *Hermann Fritzsche. Die Sullanische Gesetzgebung.* 1882.—Рец. 1884, ч. 232, мартъ, отд. II, стр. 169—173 (Учено-литературныя новости по классич. филологін).
- 3216.** *Fustel de Coulanges. Recherches sur quelques problèmes d'histoire.—Le colonat Romain.* Paris. 1885.—Отзывъ въ статьѣ *И. Гревса*: Новое изслѣдованіе о колонатѣ.
- 3217.** *Karl Zangmeister, Die Periochae des Livius.* 1882.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 458. (Учено-литер. новости по классич. филологін).
- 3218.** Аврелій Пруденцій Клементъ. Изслѣдованіе *Петри Цотткова*. М.—Рец. 1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 216—217. (Кн. новости).
- 3219.** *Champagny (comte de). Les Antonins—ans de I. C. 69—180—ouvrage couronné par l'Akadémie française en 1865. 2-me édition. t. I—III.* Paris, 1867.—Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 413.
- 3220.** *Schlie, Dr. Fr. Die Darstellungen des Troischen Sagenkreises auf Etruskischen Aschenkisten, be-*

- schrieben und nach den poetischen Quellen untersucht. Mit einem Vorworte von H. Brunn. Stuttgart. 1868. — Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 144—146.
- 3221. Schneidewirth.** Geschichte der Insel Rhodus, nach den Quellen bearbeitet. Heiligenstadt. 1868.—Рец. (въ ст.: Нов. иностр. ученой литер.). 1868, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 387—388.
- 3222. Karl von Jan.** Die Griechischen Saiteninstrumente. Mit 6 Abbildungen in Zinkätzung. Lpz. 1882.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 464—466. (Учено-литер. повости по классич. филологин).
- 3223. Jahn. O.** Aus der Alterthumswissenschaft. Bonn. 1868.—Рец. (въ ст.: Нов. иностранной ученой литературы). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 524—525.
- 3224. Ed. Ioannes Iulig.** Vita L. Aeli Seiani. 1883.—Рец. 1884, ч. 232, мартъ, отд. II, стр. 177—178. (Учено-литературныя повости по классической филологин).
- 3225. I. Jung.** Die romanischen Landschaften des Roemischen Reiches. Studien über die inneren Entwicklungen in der Kaiserzeit. Innsbruck. 1881.—Рец. 1883, ч. 230, декабрь, стр. 471—474. (Учено-литературныя повости по классич. филологин).
- 3226. Оукидидъ.** Исторія Пелопонесской войны въ восьми кн. *Переводъ* съ греч. **Θ. Г. Мишенка**, съ его предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ. Т. I. Предисловіе: Оукидидъ и его сочиненіе. Кн. I — IV съ примѣчаніями. М. 1887. — Рец. В. Ж. Л. 1887, ч. 254, ноябрь, отд. II, стр. 122—123.
- 3227. Оукидидъ.** Исторія Пелопонесской войны въ восьми книгахъ. *Переводъ* съ греческаго **Θ. Г. Мишенка**, съ его предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ. Томъ I. М. — Рец. 1887, ч. 251, май, отд. II, стр. 221—222. (Кн. нов.).
- 3228. Оукидидъ.** Исторія Пелопонесской войны въ восьми книгахъ. *Переводъ* съ греч. **Θ. Г. Мишенка**, съ его предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ. Т. II (Книги V—III, съ примѣчаніями. Указатель). М. 1887. — Рец. 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 259—260 (Кн. новости).

IV. ИСТОРИЯ ЗАП. ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ ВЪ СРЕДНІЕ И НОВЫЕ ВѢКА.

А. Статьи.

- 3229. В. Н. Александренко.** Участіе англійскаго тайнаго совѣта въ дипломатическихъ сношеніяхъ Англіи съ Россіей. 1556—1649.—1889, ч. 266, декабрь, отд. II, стр. 265—279.
- 3230. Г. Е. Афанасьевъ.** Условія хлѣбной торговли во Франціи въ концѣ XVIII вѣка (Нэккеръ и Де-Колоннъ). — 1891, ч. 278, ноябрь, отд. II, стр. 1—39; декабрь, стр. 247—298.
- 3231. В. В. Вауеръ.** Іоаннъ Слейдауъ и его комментаріи. Матеріалы для исторіографин XVI ст.—1873, ч. 170, декабрь, отд. II, стр. 139—167.
- 3232. Л. В. Вережнѣвъ.** Политическія отношенія тріединаго королевства къ Венгріи.—1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 82—112; октябрь, стр. 260—301.
- 3233. А. Г. Врикнеръ.** Новыя монографіи объ исторіи тридцатилѣт-

- ней войны. (1) Gustaw Adolf, von *G. Droysen*. Lpz. 1869—1870. 2) *Ranke*. Geschichte Wallenstein's. Lpz. 1869). 1871, ч. 158, декабрь, отд. II, стр. 315—346.
- 3234. А. Г. Вржнеръ.** Новые изданія по вопросу о началѣ семилѣтней войны. 1) *L. Ranke*. Der Ursprung des siebenjährigen Krieges, Lpz. 1871. 2) Архивъ кн. Воронцова. Кн. III. М. 1871. Бумаги Мих. Лар. Воронцова. — 1872, ч. 163, сентябрь, отд. II, стр. 125—193.
- 3235. Н. М. Вубновъ.** Мотивы извращенія Гугона Капета на царство. — 1890, ч. 272, ноябрь, отд. II, стр. 135—174.
- 3236. Н. М. Вубновъ.** О математическихъ сочиненіяхъ Герберта (Отзывъ о сочиненіи: *Dr. H. Weissenborn*. Gerbert. Beiträge zur Kenntniss der Mathematik des Mittelalters. Berlin. 1888). — 1889, ч. 264, августъ, отд. II, стр. 398—437.
- 3237. А. С. Вуджловичъ.** Новые данныя для исторіи восточнаго вопроса. По поводу изданія: *Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI-e siècle. Par VI. Lamansky*. St.-Pbg. 1884). — 1885, ч. 237, февраль, отд. II, стр. 316—348; ч. 233, апрѣль, стр. 285—299; ч. 239, май, стр. 147—166; июль, стр. 238—280.
- 3238. В. П. Вузецкулъ.** Всемирная исторія Ранке. (Отзывъ о: *Weltgeschichte von Leopold Ranke*. 5 Th. 3-te Auflage. 1883—1884). — 1885, ч. 240, августъ, отд. II, стр. 232—246.
- 3239. В. П. Вузецкулъ.** Шестой томъ Всемирной исторіи Ранке. (*Weltgeschichte. Von Leopold Ranke. VI-ter Theil. Versetzung des Karolingischen, Begründung des Deutschen Reiches*. 1—2 Abtheilung. Lpz. 1885). — 1886, ч. 244, апрѣль, отд. II, стр. 344—362.
- 3240. В. П. Вузецкулъ.** Нѣмецкая историографія (Отзывъ о соч. *Wegeler*: *Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus*. 1885). — 1886, ч. 245, май, отд. II, стр. 150—153.
- 3241. В. Г. Васильевскій.** Вопросъ о кельтахъ. — 1882, ч. 223, сентябрь, отд. II, стр. 103—184; 1883, ч. 228, августъ, стр. 221—250.
- 3242. А. Н. Веселовскій.** Старые итальянскіе монастыри (По поводу изд.: *I codici e le arti a Monte-Cassino, per D. Andrea Garavita*. 3 vv. Monte-Cassino. 1869—1870). — 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 186—204.
- 3243. А. Н. Веселовскій.** Противорѣчія итальянскаго возрожденія (По поводу сочиненій: *Zanelli, Vincenzo Crescini, Michele Scherbillio, Stoppato, Torraca, Barsellotti, Trolle*). — 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 317—349.
- 3244. П. Виноградовъ.** Новые ученныя работы по феодализму въ Италіи. — 1878, ч. 200, ноябрь, отд. IV, стр. 17—29.
- 3245. П. Виноградовъ.** Историческія розысканія въ итальянскихъ архивахъ и бібліотекахъ. — 1879, ч. 201, февраль, отд. IV, стр. 151—159.
- 3246. П. Виноградовъ.** Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи. — 1880, ч. 207, январь, отд. II, стр. 136—212; февраль, стр. 344—383; ч. 208, апрѣль, стр. 183—218; ч. 210, августъ, стр. 217—253; ч. 211, сентябрь, стр. 186—221; октябрь, стр. 333—368; ч. 212, ноябрь, стр. 131—164, декабрь, стр. 330—378.
- 3247. П. Виноградовъ.** Очерки за-

- падноевропейской историографіи.— 1883, ч. 228, августъ, отд. II, стр. 390—408; ч. 229, сентябрь, стр. 160—182, октябрь, стр. 371—385; ч. 230, ноябрь, стр. 176—198; декабрь, стр. 485—498; 1883, ч. 231, январь, 237—250; 1884, ч. 233, июль, стр. 310—331; ч. 234, июль, стр. 172—185; августъ, стр. 414—428; ч. 236, ноябрь, стр. 183—193.
- 3248. П. Г. Виноградовъ.** Исслѣдованія по социальной исторіи Англіи въ средніе вѣка.—1886, ч. 245, май, отд. II, стр. 1—72; ч. 246, августъ, стр. 276—310; ч. 247, сентябрь, стр. 58—97; ч. 248, ноябрь, стр. 1—20; декабрь, стр. 285—306; 1887, ч. 250, апрѣль, стр. 189—221; ч. 251, май, стр. 18—57.
- 3249. П. А. Виноградовъ.** Эпоха гуманизма въ Германіи.—1872, ч. 161, июль, отд. II, стр. 157—184.
- 3250. Ен. П. П. Виземскій.** Синды, Зунды и Сундары.—1876, мартъ, ч. 184, отд. II, стр. 1—49.
- 3251. И. М. Гревсъ.** Новое изслѣдованіе о колонатѣ. (См. № 3042).
- 3252. Я. Г. Гуревичъ.** Война за испанское наслѣдство. Обзоръ литературы по этому вопросу.—1883, ч. 230, ноябрь, отд. II, стр. 94—113.
- 3253. Я. Г. Гуревичъ.** Происхождение войны за Испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи.—1884, ч. 231, июль, отд. II, стр. 22—67; августъ, стр. 187—233; ч. 235, октябрь, стр. 271—305; ч. 236, декабрь, стр. 195—292.
- 3254. В. Ф. Дерюжниковъ.** Призрѣніе прокаженных во Франціи.—1889, ч. 265, сентябрь, отд. II, стр. 1—22.
- 3255. Г. С. Дестунисъ.** О духѣ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII в. (Рец. труда Эпир. II. Λαμπρού. Καταὰς Λακχαρίας καὶ Βασιλείας Βαταλῆς δυο Ἑλλήνων; περιήγηται τοῦ ΙΕ' καὶ ΙΙΙ' αἰώνος. Ἐν Αθῶν. 1881). —1881, ч. 218, декабрь, отд. II, стр. 354—365.
- 3256. М. С. Еуторга.** Изъ незнакомыхъ сочиненій. Водвореніе на западѣ изученія еллинизма съ эпохи возрожденія.—1891, ч. 275, май, отд. II, стр. 81—120; июль, стр. 216—251.
- 3257. В. Макушевъ.** Объ изданіи историческихъ памятниковъ Марки Анкошской.—1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 315—317.
- 3258. П. М. М.—въ.** Цеховая система въ Пруссіи. (Отзывъ о соч. *Молчановскаго*: Цеховая система въ Пруссіи XVIII в. Кіевъ. 1887).—1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 233—246.
- 3259. Н. Осожкиъ.** Внутреннее состояние католической церкви въ XIII вѣкѣ и отношеніе къ ней общества.—1870, ч. 149, май, отд. II, стр. 136—190.
- 3260. М. Н. Петровъ.** Ульрихъ фонъ Лихтенштейнъ (рыцарское служеніе женщинъ въ средніе вѣка)—1867, ч. 136, ноябрь, отд. II, стр. 360—417.
- 3261. М. Н. Петровъ.** Жанна д'Аркъ. (Историко-психологическій опытъ).—1867, ч. 135, июль, отд. II, стр. 91—124.
- 3262. М. А. Пинто.** Петрарка и его политическое значеніе.—1867, ч. 134, июль, отд. II, стр. 794—838. (Изъ рукописныхъ „Историческихъ очерковъ италіанской литературы“; переводъ г-жи С. Никитенко).
- 3263. Н. А. Поховъ.** Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи до прагматической санкціи.—1868, ч. 137, январь, отд. II, стр. 53—77; мартъ, отд. II, стр. 639—678; ч. 138, май, стр. 457—524; июль, стр. 716—786.
- 3264. О. С. Равенна** и ея древности. (Изъ путевыхъ записокъ).—1877, ч. 191, июль, отд. II, стр. 300—347; ч. 192, июль, стр. 1—36.

3265. Новые соображенія о древнѣйшихъ обитателяхъ Европы. — 1879, ч. 205, сентябрь, отд. IV, стр. 62—74.
3266. А. С. Трачевскій. Международная политика въ эпоху Людовика XIV.—1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 54—83; февраль, стр. 404—444.
3267. Э. И. Успенскій. Франція на востокѣ въ XIV вѣкѣ. (Отзывъ о соч.: *La France en Orient au XIV-e siècle. Expéditions du maréchal Boucicaut. Par I. Delaville le Roulx.* Paris, 1886).—1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 486—504.
3268. Э. И. Успенскій. Сельская община въ Англіи. (Отзывъ о книгѣ: *The English villago community examined in its relations to the manorial and tribal systems and to the common or open field system of husbandry. An essay in economic history by Fred. Seebohm.* Lond. 1883).—1885, ч. 241, октябрь, отд. II, стр. 253—323.
3269. Г. В. Форстенъ. Архивныя заявленія въ Берлинѣ, Дрезденѣ и Мюнхенѣ по исторіи скандинавскаго стѣвера въ XVI и XVII ст.—1886, ч. 245, май, отд. IV, стр. 19—39.
3270. Г. В. Форстенъ. Архивныя заявленія въ Парижѣ, Брюсселѣ, Копенгагенѣ и Стокгольмѣ по исторіи Скандинавскихъ и Московскаго государствъ въ XVI и XVII стол.—1887, ч. 251, іюнь, отд. IV, стр. 50—74.
3271. Г. В. Форстенъ. Политика Швеціи въ смутное время—1889, ч. 261, февраль, отд. II, стр. 325—345; ч. 265, октябрь, стр. 185—213; ч. 266, ноябрь, стр. 17—65.
3272. Г. В. Форстенъ. Архивныя заявленія въ Любекѣ и Данцигѣ по исторіи балтійскаго вопроса.—1890, ч. 270, августъ, отд. II, стр. 291—331.
3273. Г. В. Форстенъ. Сношенія Швеціи съ Россіей въ царствованіе Христины.—1891, ч. 275, іюнь, отд. II, стр. 348—375.
3274. Е. С. Шварцалонъ. Восточный вопросъ въ новомъ сочиненіи по исторіи папства (Отзывъ о сочин. *Dr. Ludw. Pastor: „Geschichte der Päpste“.* I, 1886, II, 1889).—1890, 271, сентябрь, отд. II, стр. 205—233.
3275. Е. Н. Щепкина. Армія роялистовъ въ Россіи.—1881, ч. 261, январь, отд. II, стр. 36—79.
3276. Е. М. Θεοφιλωτὸς. Замѣтки о пребываніи графа Канодистріа въ Россіи (По поводу книги: Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи и возстановленія королевства при вѣнцательствѣ Россіи, Англіи и Фралціи. Составилъ Г. Παλεολогὸς и Μ. Σιωνιτισ. С.-Пб. 1867).—1868, ч. 137, февраль, отд. II, стр. 460—494.

В. Рецензін.

3277. F. Albanese. L'inquisitione religiosa della repubblica di Venezia. 1875.—Рец. Н. И. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 214—215.
3278. В. Александренко. Англіійскій тайный совѣтъ и его исторія. Т. I, ч. I. Отъ начала XIII столѣтія до смерти Генриха VIII. 1888, ч. II, (1547—1649), 1890. — Рец. Н. М. Коржунова. 1890, ч. 272, декабрь, отд. II, стр. 365—374.
3279. В. Н. Александренко. Отвѣтъ г. Коркунову.—1891, ч. 274, мартъ, отд. II, стр. 221—231.
3280. Н. М. Коржуновъ. Отвѣтъ г. Александренку. — 1891, ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 450—453.
3281. Allgemeine deutsche Biographie-

- Auf Veranlassung und Unterstützung S. M. des Königs von Bayern Maximilian II. herausgegeben durch die Historische Commission bei der Akademie der Wissenschaften. — Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 435.
- 3282.** *M. Amari.* Storia dei musulmani in Sicilia. 1854—1872.—Рец. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 136—138.
- 3283.** Monumenta Academica, or Documents illustrative of academical life and studies of Oxford by *Rev. Henry Anstey. M. A.* London. 1868.—Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 165—167.
- 3284.** *A. v. Arneth.* Maria Theresia und der siebenjährige Krieg. 2 Bände.—Рец. Н. И. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 229—230.
- 3285.** Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel, herausgegeben von *Alfred Ritter von Arneth.* Wien. 1869.—Рец. А. Г. Вржжнера. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 82—139.
- 3286.** Archäologische Zeitung. Neue Folge. Erster Band. Der ganzen Folge sechs und zwanzig Jahrgang. Berlin. 1868.—Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 417—422.
- 3287.** *D. Bancroft.* History of the United States from the discovering of the American Continent. Vol. X. 1874.—Рец. Н. И. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 211—213.
- 3288.** *Darzellotti.* Santi, solitari e filosofi. Saggi psicologici, 2-a edizione. Bologna. 1886. — См. ст. А. Н. Веселовскаго: Противорѣчія италіанскаго Возрожденія. 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 317—349.
- 3289.** Лекціи по новой исторіи проф. В. В. Бауера, читанныя въ С.-Петербургскомъ унiversитетѣ. Изданіе гр. Мусина-Пушкина, т. I. С.-Пб. 1886.—Рец. 1886, ч. 244, апрѣль, отд. II, стр. 439—441 (Кн. новости).
- 3290.** *Ludwig Baner.* Der deutschen Hochschulen Anthoil am Kampfe gegen Frankreich.—Рец. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 157—163.
- 3291.** *Adolf Beer.* Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel.—Рец. 1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 316.
- 3292.** Wiener Vorlegerblätter für archäologische Uebungen. 1889. Mit Unterstützung des K. K. Ministeriums für Cultus und Unterricht herausgegeben von *Otto Benndorf.* Wien. 1889.—Рец. В. Е. Максимовска. 1889, ч. 263, май, отд. II, стр. 209—213.
- 3293.** *Nicomede Bianchi.* Carlo Matteucci e Italia del suo tempo.—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 437—438.
- 3294.** Bibliografia Chronologica Romana, seu Catalogu Generalu de Cartille Romane imprimate de la adoptarea imprimeriei, diumetate seculu XVI si pana Asta—di. 1550—1873. Bucureschtu. 1874. — Рец. Н. Попова. 1875, ч. 178, апрѣль, отд. II, стр. 386—389.
- 3295.** *K. Biederman.* Deutschland im XVII Jahrhundert. 2 Band. Deutschlands geistige sittliche und gesellige Zustände von 1740 bis zum Ende des Jahrhunderts. — Рец. Н. И. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 231.
- 3296.** *F. Brandes.* Der Kanzler Krell, ein Opfer des Orthodoxismus. 1873. — Рец. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 144—146.
- 3297.** Nouvelles recherches sur l'anthropologie de la France en général et de la Basse Bretagne en particulier par *M. Paul Broca.* (Новыя изысканія по антропологии Франціи вообще и нижней Бретани въ особенности) (Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris т. II,

- 1869).—Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 155—159.
- 3298.** *B. Бузескуль.* Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ. Харьковъ. 1885.—Рец. 1886, ч. 243, январь, отд. II, стр. 292. (Кн. новости).
- 3299.** *G. Waits.* Dahlmans Quellenkunde der deutschen Geschichte. Göttingen. 1869. — Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 162—163.
- 3300.** *Fr. Wallon.* La terreur. Etudes critiques sur l'histoire de la révolution française. — Рец. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 287—288.
- 3301.** *Weber, Dr. (Karl von).* Moritz, Graf von Sachsen, Marchall von Frankreich. Nach archivalischen Quellen. Mit Portrait. 1870.—Рец. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 331.
- 3302.** *Wegele.* Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. 1885. (Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit. 20-ter Band).—См. ст. В. П. Вуэскула: Нѣмецкая историография.
- 3303.** *Dr. H. Weissenborn.* Gerbert, Beiträge zur Kenntniss der Mathematik des Mittelalters. Berlin. 1888. — См. статью Н. М. Вуэкова: О математическихъ сочиненіяхъ Герберта.
- 3304.** Despatches, Correspondence and Memoranda of Field-Marshal Arthur Duke of Wellington. Vol. III: London. 1868. (Депеши, корреспонденція и записки фельдмарш. Артура герц. Веллингтона. Т. III. Лондонъ. 1868).—Рец. (въ ст.: Нов. иностр. ученой литер.). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 532.
- 3305.** *L. Vian.* Histoire de Montesquieu, sa vie et ses oeuvres d'après les documents nouveaux et inédits. — Рец. 1878, ч. 199, сентябрь, отд. II, стр. 119—122.
- 3306.** *Dixon, Will.* Heyworth, Der Tower von London. Berlin. 1869.—1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 312—313.
- 3307.** 'Jahrbücher der deutschen Geschichte. *E. Winckelmann:* Philipp von Schwaben.—Рец. 1873, ч. 166, мартъ, отд. II, стр. 149—151.
- 3308.** *K. Wittich.* Magdeburg, Gustaw-Adolf und Tilly.— Рец. Н. И. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 220—223.
- 3309.** Womankind in Western Europe. from the earliest times to the Seventeenth century by *Thomas Wright.* London. 1870.—Рец. 1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 314.
- 3310.** *Casimir Gailardin.* Histoire du règne de Louis XIV, récits et tableaux.—Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 223—224.
- 3311.** I codici e le arti Monte-Cassino per *D. Andrea Garavita.* 3 vv. Monte-Cassino. 1869—1870.—См. ст. А. Н. Веселовскаго: Старые итальянскіе монастыри.
- 3312.** *S. R. Gardiner.* The thirty year's war.—Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 220.
- 3313.** *O. Hartwig.* Aus Sicilien. Cultur-und Geschichtsbilder. (Гартвигъ. Изъ Сициліи. Очерки ея культуры и исторіи). 2 t. Cassel und Göttingen. 1867—1869.— Рец. 1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 19—20.
- 3314.** *Le C-te A. de Gasparin.* Luther et la réformation au XVI siècle. — Рец. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 279.
- 3315.** *Giuseppe Guersoni.* La vita di Nino Bixio, con lettere e documenti. — Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 437—438.
- 3316.** *E. Gebhart.* De l'Italie, essais de critique et d'histoire. Paris. 1876.— Рец. А. Н. Веселовскаго. 1876, ч. 187, сентябрь, отд. II, стр. 99—108.
- 3317.** *Gebler.* Galilei und die roemi-

- sche Curie.—Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 227—228.
3318. *Heidel.* Ludwig I, König von Baiern.—Рец. 1873, ч. 166, мартъ, отд. II, стр. 157—160.
3319. История французской революции 1789—1799, соч. Гейссера, пер. Мамонтова. С.-Пб. 1871.—Рец. А. Г. Врикнера. 1871, ч. 156, августъ, отд. II, стр. 293—298.
3320. *Hippen.* Avènement des Bourbons au trône d'Espagne. Correspondance inédite du marquis d'Harcourt et des archives du château d'Harcourt et des archives du ministère des affaires étrangères. — Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 224—226.
3321. *Giesebricht.* Geschichte der deutschen Kaiserzeit. 4. Band. Staufer und Welfen. 1-te Abth. 1872.—Рец. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 146—147.
3322. *H. von Holst.* Verfassung und Demokratie in den Vereinigten Staaten von Amerika. 1 Theil. — Рец. 1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 300—307.
3323. *A. Holm.* Geschichte Siciliens im Alterthum. 2 Band. Leipzig, 1874. — Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 405—406.
3324. *Honegger.* Kritische Geschichte der französischen Cultureinflüsse in den letzten Jahrhunderten. Berlin. 1875.—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 430—431.
3325. История вѣдшей культуры. Ф. Готтешрота. Пер. съ вѣмец. С. А. Ляшко. Т. I, С.-Пб. и М. 1885.—Рец. 1886, ч. 243, январь, отд. II, стр. 187—188. (Кн. новости).
3326. *Gauthier, Jules.* Histoire de Marie Stuart. Tome I. (Горье, Ж. История Марія Стюартъ, т. I), Paris 1869.—Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 163.
3327. *Fridolin Hoffmann.* Geschichte der Inquisition. Nach den besten Quellen dargestellt.—Рец. 1878, ч. 199, сентябрь, отд. II, стр. 122—123.
3328. *Gregorovius.* Lucrezia Borgia. Nach Urkunden und Correspondenzen ihrer eigenen Zeit.—Рец. 1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 319—322.
3329. *Gregorovius.* Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Achter und letzter Band.—Рец. 1873, мартъ, ч. 166, отд. II, стр. 151—154.
3330. *И. Гриморовичъ.* Заняски по новѣйшей исторіи. Изданіе второе (исправленное). С.-Пб. 1869.—Рец. 1870, ч. 149, июнь, отд. III, стр. 122—141.
3331. Заняски по новѣйшей исторіи (1815—1856 г.) сост. И. Гриморовичъ. Изд. 2. С.-Пб. 1869.—Рец. Е. Вѣлова. 1873, ч. 169, октябрь, отд. II, стр. 326—332.
3332. *K. Grün.* Kulturgeschichte des sechszehnten Jahrhunderts, 1872. — Рец. 1872, ч. 164, декабрь, отд. II, стр. 402—403.
3333. *Grünhagen.* Die Hussitenkämpfe der Schlesier. 1420—1435.—Рец. 1873, ч. 166, мартъ, отд. II, стр. 154—156.
3334. *L'abbé Houssaye.* Le cardinal de Bérulle et le cardinal de Rischelieu. 3 vol.—Рец. Н. И. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 217—218.
3335. *Hubner (baron),* Ancien ambassadeur d'Autriche à Paris et Rome. Sixte — Quint. 3 vol. 1870.—Рец. 1872, ч. 164, декабрь, отд. II, стр. 412—425.
3336. *Edmond Hugues.* Antoine Court. Histoire de la restauration du protestantisme en France au XVIII siècle, d'après des documents inédits.—Рец. 1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 317—319.
3337. *Hugo Hungerbühler.* Étude critique sur les traditions relatives aux origines de la confédération Suisse.

- (Г. Гюнгербюлеръ. Критическія на-
сѣдкованія о преданіяхъ касающихся
возникновенія Швейцарской кон-
федерации 1869).—Рец. 1870, ч. 140,
мартъ, отд. II, стр. 226.
3338. *O. Delarc. Les Normands en Ita-
lie. Paris. 1883.*—Рец. II. Венобра-
зова. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II,
стр. 363—369.
3339. *Codice diplomatico del regno di
Carlo I-e e II d'Angiò ossia colle-
zione di leggi, statuti, privilegi,
mandati, lettere regie e pontificio,
instrumenti, placidi ed altri docu-
menti etc. dal 1265 al 1309. Raccolti,
annotati e pubblicati per Giuseppe Del
Giudice. Napoli. 1863.* (Сборникъ ди-
пломатическихъ актовъ, относящих-
ся ко времени правленія Карла I и
II изъ дома Анжуйскаго отъ 1265
до 1309 г. Сост. Иос. Дель-Джудиче.
Неаполь. 1863).—Рец. В. В. Мажу-
шева. 1870, ч. 148, апрѣль, отд. II,
стр. 463—472.
3340. *Ambroise Firmin Didot. Alde
Manuce au P'hellenisme à Venise.
1875.*—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд.
II, стр. 420—422.
3341. *Her Majesty's Tower, By W.
Hepworth Dixon. London 1869* (Баш-
ня ея Величества, соч. Гопворса
Диксона, Лонд. 1869).—Рец. (въ ст.
Нов. иностр. ученой литер.) 1869,
ч. 141, февраль, отд. II, стр. 529—
530.
3342. *Dixon (William Hepworth) Der
Tower von London. Mit Bewilligung
des Verfassers übersetzt und mit Be-
merkungen versehen. Erster Band.
Berlin. 1869.*—Рец. 1870, октябрь, ч.
151, отд. II, стр. 312—313.
3343. *Dreydorff. Pascal, sein Leben
und seine Kämpfe. 1870.*—Рец. 1871,
ч. 155, июль, отд. II, стр. 330—331.
3344. *Gustaw Adolf von G. Droysen.
Leipzig. 1869—1870. 2 Bände.*—См.
статью А. Г. Вригнера: Новые
- монографіи объ исторіи тридцатип-
лѣтней войны.
3345. *Meister Eckart und die Inqui-
sition (Мейстеръ Эккартъ и инкви-
зиція).—Рец. 1870, ч. 147, февраль,
отд. II, стр. 450—451.*
3346. *Eberty. Geschichte des preussi-
schen Staates. V—VII Bände (1763—
1871).*—Рец. 1875, ч. 179, июль, отд.
II, стр. 436.
3347. *Ennem, Leonard. Geschichte der
Stadt Köln, meist aus den Quellen
des Kölner Stadtarchivs. 3 Band.
1869.*—Рец. 1871, ч. 155, июль, отд.
II, стр. 324—326.
3348. *Essellen, M. F. Geschichte der
Sigamborn und der von den Römern
bis zum Jahre 16 n. Chr. im nord-
westlichen Deutschland geführten
Kriege. Leipzig. 1868.*—Рец. см. ст.
Нов. иностр. ученой литер. 1869,
ч. 144, августъ, отд. II, стр. 388.
3349. *Guibal, Arnold de Brescia et les
Hohenstaufen ou la question du pou-
voir temporel de la papauté au
moyen-âge. (Арнольдъ Брешианскій
и Гогенштауфены, или вопросъ о
свѣтской власти папъ въ средіе
вѣка). Paris. 1869.*—Рец. 1870, ч.
150, июль, отд. II, стр. 167—168.
3350. *Sybel. Geschichte der Revoluti-
onszeit von 1789 bis 1800. IV Band,
2 Abth.—Рец. 1872, ч. 161, декабрь,
отд. II, стр. 417—419.*
3351. *H. v. Sybel. Geschichte der Re-
volutionszeit. V Band, 1 Abth.—Рец.
1875, ч. 177, январь, отд. II, стр.
288—290.*
3352. *Th. Sickel. Zur Geschichte des
Consils von Trient (1559—1563). Nach
Actenstücken aus oesterreichischen
Archiven.—Рец. 1873, ч. 169, сен-
тябрь, отд. II, стр. 147—149.*
3353. *Sicherer. Staat und Kirche in
Baiern 1799—1821.—Рец. 1874, ч.
173, июль, отд. II, стр. 323—326.*
3354. *Oscar Läger. 1815—1871. Ge-*

- schichte der neuesten Zeit von Wiener Congress bis zum Frankfurter Frieden. 3 Bände.—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 433—435.
- 3355.** *Th. Iorissen.* Mémoires de Constantin Huygens, publiés pour la première fois. 1873.—Рец. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. I, стр. 149—150.
- 3356.** *Iorissen.* Napoléon I et le Roi de Hollande, 1806—1813 (*Иориссен*, Наполеон I и голландский король, 1806—1813). La Haye et Paris. 1868.—Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 172.
- 3357.** *Gino Capponi.* Storia della repubblica di Firenze. 1875.—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 422—425.
- 3358.** Старые итальянские монастыри, per *D. Andrea Caravita*. 3 vv. Montecassino. 1869—1870.—Рец. А. Веселовского. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 186—204.
- 3359.** *Kaemmel O.* Die Anfänge des deutschen Lebens in Oesterreich bis zum Ausgange der Karolingerzeit. Leipzig. 1879.—Рец. К. Грота. 1880, ч. 208, апрель, отд. II, стр. 301—326.
- 3360.** *R. Kervilier.* Le chancelier Pierre Séguier.—Рец. Н. И. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 216—217.
- 3361.** *Clément Pierre.* Lettres, instructions et mémoires de Colbert. T. V. Paris. 1869. (Письма, инструкции и записки Кольбера). Paris. 1869.—Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 170—171.
- 3362.** *O. Klopp.* Der Fall des Hauses Stuart und die Succession des Hauses Hannover in Gross-Britanien v. Irland im Zusammenhange der europäischen Angelegenheiten von 1660—1714.—Рец. Н. И. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 226—227.
- 3363.** *A. Kluckhohn.* Zur Vorgeschichte des dreissigjährigen Krieges.—Рец. Н. И. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 218—220.
- 3364.** *Codex diplomaticus Cavensis.* I t. Napoli, Piazz. 1873.—Рец. А. Н. Веселовского. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 186—204.
- 3365.** *Koel.* Geschichte des preussischen Staates und Volkes unter den Hohenzollernschen Fürsten.—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 436.
- 3366.** *Koser.* Der Kanzleistreit.—Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 218—220.
- 3367.** *The Mythology of the Aryan Nations, by the Rev. George Cox.* 1870.—Рец. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 317—318.
- 3368.** *Vincenzo Crescini.* Contributo agli studi sul Boccaccio, con documenti inediti. Torino. 1887.—См. ст. А. Н. Веселовского: Противоречия итальянского Возрождения. 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 317—349.
- 3369.** *Les courtisanes et la police des mœurs à Venise. Documents officiels empruntés aux archives de la République, accompagnés de quelques observations.* Bordeaux. 1886.—См. ст. А. Н. Веселовского: Противоречия итальянского Возрождения 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 317—349.
- 3370.** *Ernst Curtius.* Alterthum und Gegenwart.—Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 235.
- 3371.** *Isidore La-Lumia.* Carlo Cotonno, principe di Castelnuovo.—Рец. 1873, ч. 166, март, отд. II, стр. 157.
- 3372.** Эпор. II. Λαμπρου. Καναρος Λαοχαρις και Βασίλειος Βατατζης του Ελληνες περιηγηται του ΙΕ' και ΙΗ' αιωνος. Εν Αθην. 1881.—Рец. Г. Достужикова въ статьѣ: О двухъ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII вѣковъ.
- 3373.** *Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves*

- et la Ottoman à la fin du XV-e et au XVI-e siècle. Par *Vi. Lamansky*. S.-Pbg. 1884.—Отзывъ въ статьѣ А. Будиловскаго: Новые данныя для исторіи восточнаго вопроса.
- 3374.** *Histoire de Napoléon I, par M. Lanfrey*. Paris. 1869.—Рец. (въ ст. Нов. иностр. ученой литер.) 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 532.
- 3375.** *P. Lafitte*. Notice sur Barthélemy Laffemas, Controleur général du commerce sous Henri IV.—Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 215—216.
- 3376.** *E. Levasseur*. Histoire de classes ouvrières en France depuis 1789 jusqu'à nos jours. Tom. I. (*Левассеръ*. Исторія рабочихъ классовъ во Франціи съ 1789 года до нашихъ дней). Paris. 1869.—Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 172.
- 3377.** *Louis XIV et Strasbourg*. Par *A. Legrelle*. 3-me édition. Paris. 1883.—Рец. В. В. Вауера. 1884, ч. 231, январь, отд. II, стр. 165—201.
- 3378.** *Lecoy de la Marche*. La chaire française au moyen-âge, spécialement au XIII siècle, d'après les manuscrits contemporains. Paris. 1868.—Рец. 1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 230.
- 3379.** *William E. H. Lecky* A history of England in the eighteenth century. Vol. I and II.—Рец. 1878, ч. 199, сентябрь, отд. II, стр. 123—124.
- 3380.** *Max Lens*. König Sigismund und Heinrich V von England. 1874.—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 419—420.
- 3381.** *Lespois*. Le Vandalisme révolutionnaire. Fondations scientifiques, littéraires et artistiques de la Convention. (*Леспюа*. — Революціонный вандализмъ. Научныя, литературныя и художественныя учрежденія Конвента). Paris. 1868.—Рец. 1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 230—231.
- 3382.** *Lindner*. Geschichte des deutschen Reiches vom Ende des XIV Jahrh. bis zur Reformation. I. Abth. Geschichte des deutschen Reiches unter König Wenzel.—Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 214.
- 3383.** *Franz v. Löher*. Geschichte des Kampfes um Paderborn. 1597—1604.—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 427—428.
- 3384.** *Longman, W.* History of the life and times of Edward the Third. 2 Vols. (*Лонгманъ*, В. Исторія времени и жизни Эдуарда III. 2 т.). London. 1869.—Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 168—169.
- 3385.** *Etudes sur l'Histoire de l'Humanité. La Révolution française, par T. Laurent*. Paris. 1868.—Рец. (въ ст.: Новости иностранной ученой литературы). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 530.
- 3386.** *Lorenz, Ottokar*. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter von der Mitte des XIII bis um Mitte des XIV Jahrhunderts. 1870.—Рец. 1871, ч. 155, июль, отд. II, стр. 324.
- 3387.** Первые дни французской революціи 1789 года. По неизданнымъ запискамъ очевидца. II. *Любимовъ*. М. 1886.—Рец. 1886, ч. 248, ноябрь, отд. II, стр. 226. (Кн. новости).
- 3388.** *Les chroniques de Froissart*, publiées pour la Société de l'histoire de France par *Siméon Luce*.—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 415—418.
- 3389.** *Fr. Mayer*. Geschichte Oesterreichs mit besonderer Rücksicht auf Kulturgeschichte. Wien. 1874.—Рец. 1875, ч. 179, июль, отд. II, стр. 431—432.
- 3390.** *Recollections of my Life by Maximilian I, Emperor of Mexico*. London. 1868. (*Мои воспоминанія*. соч. Максимилиана I, императора

- Мексиканскаго. Лондонъ. 1868).—
Ред. (въ ст. Новости иностранной
ученой литературы). 1869, ч. 141,
февраль, отд. II, стр. 532.
3391. *Heinrich Marsali*. Ungarns Ge-
schichtsquellen im Zeitalter der Agra-
den. Berlin. 1882.—Ред. В. Кражау.
1883, ч. 227, май, отд. II, стр. 120
—127.
3392. *Machiavelli (Niccolo)*. Fanfanie
Pessierini. Firenze. 1873.—Ред. 1873,
ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 138—139.
3393. *Giuseppe Massari*. Graf Cavour's
Leben und Wirken.—Ред. 1875, ч.
179, июнь, отд. II, стр. 435—436.
3394. *Major (R. H.)*. The life of
Prince Henry of Portugale surnamed
the Navigator, and its results from
authentic contemporary documents.
London. 1868.—Ред. 1870, октябрь,
ч. 151, отд. II, стр. 308—310.
3395. *Otto Meyer*. Zur Geschichte der
römisch-deutschen Frage. I Theil:
Deutscher Staut und römisch-kato-
liche Kirche von der letzten Reichs-
zeit bis zum Wiener Congressse. 1872.
—Ред. 1872, ч. 164, декабрь, отд. II,
стр. 419.
3396. *Mendelson-Bartoldy*. Geschichte
Griechenlands von der Eroberung
Constantinopels durch die Türken
bis auf unsere Zeit. II. Th. — Ред.
1876, ч. 187, октябрь, отд. II,
стр. 233—234.
3397. *Menke (Th)*. Spruner's Hand-
Atlas für die Geschichte des Mittel-
alters und der neuen Zeit. — Ред.
1874, ч. 174, июнь, отд. II, стр. 326.
3398. Histoire de la Révolution fran-
caise, Par *S. Michelt*. Paris. 1868.
—Ред. (въ ст. Новости иностран-
ной ученой литературы). 1869, ч.
141, февраль, отд. II, стр. 530—532.
3399. *W. N. Molesworth*. The History
of England from the year 1839. —
Ред. 1874, ч. 173, июнь, отд. II,
стр. 322—323.
3400. *W. N. Molesworth*. Geschichte
des Grossbritannischen Reiches von
1832 bis 1871 (in *Ersch und Gruber*
Allgemeine Encyclopädie). — Ред.
1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 322—323.
3401. Цеховая система въ Пруссии
XVIII вѣка и реформа цеховъ при
Штеинъ и Гарденбергъ. Исследо-
вание *Н. Моляковского*. Киевъ. 1887.
—Ред. II. М. М.—ва. 1888, ч. 255,
январь, отд. II, стр. 233—246.
3402. *G. Monod*. Etudes critiques sur
les sources de l'histoire Mérovin-
gienne. I partie: Introduction—Gré-
goire de Tours—Marius d'Avenches.
Paris. 1872.—Ред. 1872, ч. 164, де-
кабрь, отд. II, стр. 400—402.
3403. *G. Monod*. Bibliographie de
l'histoire de France. Paris. 1883. Ha-
chette et Cie.—Ред. И. А. Рос-
сиуса. 1890, ч. 272, декабрь, отд.
II, стр. 352—358.
3404. *W. Maurenbrecher*. Studien und
Skizzen zur Geschichte der Reforma-
tionszeit.—Ред. 1874, ч. 173, июнь,
отд. II, стр. 312—314.
3405. *Mörkofer, I. C.*, Ulrich Zwingli,
nach den urkundlichen Quellen. 1-r
B. 1867, 2-r B. 1869.—Ред. 1870, ч.
148, мартъ, отд. II, стр. 226—228.
3406. *John Morley*. Rousseau. — Ред.
1875, ч. 177, январь, отд. II, стр.
283—285.
3407. The history of Canada from its
first discovery to the present time
by *John Mac Mullien* esq. Brook-
wille. 1868.—Ред. 1870, ч. 151, ок-
тябрь, отд. II, стр. 310—311.
3408. *Müller Wilh*. Politische Ge-
schichte der neuesten Zeit. 1816—
1858 mit besonderer Berücksichti-
gung Deutschlands. Zweite Auflage.
(Мюллеръ. В. Политическая исто-
рія новаго времени 1816—1868.
въ особенности Германія). Stuttgart.
1870.—Ред. 1870, ч. 150, июль, отд.
II, стр. 174.

3409. Адалбертъ Бременскій, — правитель Германіи въ молодые годы Генриха IV. Соч. В. Надлера. Харьковъ. 1867. — Рец. М. Н. Петрова. 1867, ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 201—221.
3410. Реакція въ Пруссіи (1848 — 1848). Изслѣдованіе А. Назимова. Ярославль. 1886. — Рец. А. Романовича-Славянского. 1887, ч. 251, май, отд. II, стр. 147—162.
3411. *Nasse E. Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Einhegungen des sechszehnten Jahrhunderts in England.* Bonn. 1869. — Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 163—165.
3412. The Pedigree of the English People: an Argument historical and scientific on English Ethnology, showing the Progress of Raceamalgamation in Britain, from the earliest times to the Incorporation of the Celtic Aborigines, by *Thomas Nicholas*. London. 1868. (Генеалогія англійскаго народа: историческій и научный очеркъ англійск. этнологіи, показывающій ходъ смѣшанія въ Британіи съ древнѣйшихъ временъ и до окончательнаго поглощенія туземцевъ кельтскаго происхожденія *О. Никласа*. Лондонъ. 1868). — Рец. (въ ст. Нов. пюстр. ученой литературы). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 527.
3413. *Carl von Noorden. Europäische Geschichte im achtzehnten Jahrhundert. Erste Abtheilung. Der spanische Erbfolgekrieg. Zweiter Band.* — Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 428—430.
3414. Сочиненія и переписка рейхсканцлера Акселя Оксеншерны (*Rikskanslern Axel Oxenstiernas skrifter och brefuexling Utgifna af Kongl. Vitterhets-Historie och Antiquities-Akademien I, 1—2, II, 2.* Stockh.
- 1868—1889). — Рец. Г. В. Фортена. 1890, ч. 272, декабрь, отд. II, стр. 336—352.
3415. *Mrs Oliphant. Memoir of count Montalembert.* 2 vol. — Рец. 1873, ч. 166, мартъ, отд. II, стр. 160—162.
3416. Исторія среднихъ вѣковъ. Съ приложеніемъ очерка средновековной историографіи. Университетскія чтенія проф. А. Осокина. Т. I. (до XIII столѣтія) 1888. Казань. — Рец. В. Г. В-скаго. 1889, ч. 264, августъ, отд. II, стр. 386—398.
3417. Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи и возстановленія королевства приимѣшательства великихъ державъ Россіи, Англіи, Франціи, сост. Г. Палеоловъ и М. Сивинисъ С.-Пб. 1867. — См. ст. Е. Θεοφιλοτοῦ. Замѣтки о пребываніи гр. Каподистрія въ Россіи.
3418. *Dr. Ludw. Paster. Geschichte der Päpste.* — См. статью Е. С. Шварцалона: Восточный вопросъ въ новыхъ сочиненіи о папствѣ.
3419. *R. Pauli. Geschichte Englands seit den Friedensschlüssen von 1814 und 1815.* 3 Theil. — Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 234—335.
3420. *Pauli, Reinhardt. Aufsätze zur englischen Geschichte.* 1869. — Рец. 1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 311—312.
3421. *Monumenta Germaniae historica, edidit G. H. Pertz. Scriptorum tomus XXI.* Hannover. 1869. — Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 159—162.
3422. М. Н. Петровъ. Лекція по всемірной исторіи. Т. I. Исторія древняго міра, обработанная приимѣдочествомъ А. Деревницкимъ. Харьковъ. 1888. Т. II Исторія среднихъ вѣковъ, обработанная и дополненная проф. В. К. Надлеромъ. Х.

1888. Т. III. Исторія новыхъ вѣковъ (реформаціонная эпоха) въ обработкѣ В. II. Бузескула. X. 1888. — См. Двѣнадцатое присужденіе премій императора Петра Великаго.
3423. Проф. М. Н. Петровъ. Лекція по всемірной исторіи, издаваемая подъ ред. проф. В. К. Надлера. Т. III. Исторія новыхъ вѣковъ (реформаціонная эпоха) въ обработкѣ В. II. Бузескула. Харьковъ.—Рец. 1888, ч. 257, июль, отд. II, стр. 469 (Кн. новости).
3424. Electron oder über die Vorfahren, die Verwandtschaft und die Namen der alten Preussen, von W. Pietsch. 1869.—Рец. 1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 307—308.
3425. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste. Recueillies et publiées par Ch. Potvin., avec des notes géographiques et une carte, par I. C. Houzeau. Louvain. 1878.—Рец. Д. Н. Майкова. 1879, ч. 206, декабрь, отд. II, стр. 233—243.
3426. F. Ravissou. Los archives de la Bastille.—Рец. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 279—283.
3427. Samuel Rawson Gardiner. The thirty year's war.—Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 220.
3428. Weltgeschichte von Leopold Ranke. 5 Th., 3-te Auflage. 1883—1884.—Отзывъ въ статьѣ Вл. II. Бузескула: Всемирная исторія Ранке.
3429. Weltgeschichte von Leopold Ranke. VI-ter Theil. Zersetzung des Karolingischen, Begründung des Deutschen Reiches. 1—2 Abtheilung. Lpz. 1885.—См. статью В. Бузескула: Шестой томъ Всемирной исторіи Ранке.
3430. Englische Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert, von L. Ranke. T. VI. Leipzig. 1866.—Рец. А. Г. Вржжнера. 1867, ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 221—242.
3431. L. Ranke. Geschichte Wallensteins. Lpz. 1869.—См. статью А. Вржжнера: Новая монографія объ исторіи тридцатилѣтней войны.
3432. Briefwechsel Friedrich des Grossen mit dem Prinzen Wilhelm IV von Oranien und mit dessen Gemahlin Anna geborene Princess Royavon England, von Leop. v. Ranke. Berlin. 1869.—Рец. 1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 313—314.
3433. Leopold Ranke. Der Ursprung des siebenjährigen Krieges. Leipzig 1871. — См. ст. А. Г. Вржжнера: Новая паданія по вопросу о началѣ семилѣтней войны.
3434. L. Ranke. Die deutschen Mächte und der Fürstenbund. Deutsche Geschichte von 1780—1790. Erster Band. Leipzig. 1871.—Рец. А. Г. Вржжнера. 1871, ч. 156, августъ, отд. II, стр. 280—292.
3435. L. von Ranke. Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilhelm IV mit Bunsen. 1873.—Рец. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 152—154.
3436. L. v. Ranke. Genesis des Preussischen Staates. Vier Bücher Preussischer Geschichte.—Рец. 1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 309—310.
3437. Denkwürdigkeiten des Staats Kanzlers Fürsten von Hardenberg, herausgegeben von L. v. Ranke. 4 Bände. Berlin 1877.—Рец. 1877, ч. 191, май, отд. II, стр. 182—185.
3438. G. Raschkoff. Geschichte des Teufels. (Расковъ. Исторія дьявола) 1869. Wien.—Рец. 1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 229—230.
3439. H. Ratjen. Geschichte der Universität zu Kiel. 1870.—Рец. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 329—330.
3440. Alfred Reumont. Lorenzo de Medici il Magnifico.—Рец. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 275—277.

- 3441.** *A. v. Reumont.* Geschichte Toscana's seit dem Ende des florentinischen Freistaates. — Ред. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 228—229.
- 3442.** *Albert Rilliet.* Les origines de la confédération Suisse (Альбертъ Риллье. Возникновение Швейцарской конфедерации) 2 изд. 1869.— Ред. 1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 220—226.
- 3443.** *Moris Ritter.* Geschichte der deutschen Union. Von der Vorbereitung des Bundes bis zum Tode Kaiser Rudolfs II (1598—1612)—Ред. 1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 314—316.
- 3444.** *Moris Ritter.* Die Memoiren Sully's und der grosse Plan Heinrich IV.—Ред. 1872, ч. 164, декабрь, отд. II, стр. 411.
- 3445.** *Riezler, S.* Die litterarischen Widersacher der Päpste zur Zeit Ludwig des Baiers.—Ред. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 274—275.
- 3446.** *A. L. von Rochau.* Geschichte des deutschen Landes und Volkes. 1870—1872. 2 т.—Ред. 1872, ч. 164, декабрь, отд. II, стр. 415—417.
- 3447.** *La France en Orient au XIV-e siècle.* Expéditions du maréchal Boucicaut. Par *I. Deluville de Roulf.* Paris. 1886.—См. статью *О. И. Успенского*: Франция на востокъ въ XIV вѣкѣ.
- 3448.** *Rubino (Joseph).* Beiträge zur Vorgeschichte Italiens. Leipzig. 1868.—Ред. 1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 214—219.
- 3449.** *History of the Inquisition, in every Country where its Tribunals have been established, from the Twelfth Century to the Present Time.* By *W. H. Rule.* London. 1868. (Исторія инквизиціи во всѣхъ странахъ, гдѣ она была учреждена, съ XII в. до нашего времени. Соч. В. Руля. Лондонъ. 1868).—Ред. (въ ст. Пов. ипостр. ученой литер.) 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 528—529.
- 3450.** *Camille Roussel.* Les volontaires 1791—1794.—Ред. 1873, ч. 166, мартъ, отд. II, стр. 157.
- 3451.** *Сасиника.* Dejiny pobiatkow terajšieho Uhorska. V Skalici. 1868.—Ред. (въ ст. *А. Будиловича*: Славян. библиогр. за 1868 г.) 1869, ч. 143, июнь, отд. II, стр. 417—419.
- 3452.** *Сасиника.* Dejiny drievnych národov na dzemi terajšieho Uhorska. V Skalici. 1867.—Ред. (въ ст. *А. Будиловича*: Славян. библиография за 1868). 1869, ч. 143, июнь, отд. II, стр. 417—419.
- 3453.** *The English Village Community examined in its relations to the monorial and tribal systems and to the common or open field system of husbandry. An essay in economic history by Fr. Seebohm.* Second edition. Lond. 1883.—Отзывъ въ статьѣ *О. Успенского*: Сельская община въ Англіи.
- 3454.** *И. Н. Смирновъ.* Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи съ 1358 до 1573 г. Казань. 1884.—Ред. *Н. Осожина.* 1885, ч. 238, мартъ, отд. II, стр. 123—131.
- 3455.** *Stoppato.* La commedia popolare in Italia. Padova. 1887. См. ст. *А. Веселовского*: Противорѣчія италіанскаго Возрожденія. 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 317—349.
- 3456.** *Tabarrini.* Cronache della città di Fermo colla giunta di un sommario cronologico di carte Fermane, interiori al secolo XIV. 1870.—Ред. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 142—144.
- 3457.** *Gianotti, su vie, son temps et les doctrines.* Par *M. Tassin.* Paris.

- 1869.—Рец. (въ ст. Новости иностранной ученой литературы) 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 530.
3458. *H. Taine. Les origines de la France contemporaine. T. I. L'ancien régime.*—Рец. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 231—233.
3459. *Torraca. Il teatro italiano dei secoli XIII, XIV e XV. Firenze. 1885.*—См. статью А. Н. Веселовскаго: Противорѣчія итальянскаго Возрожденія. 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 317—349.
3460. Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II. 1780—1790. Изслѣдов. А. Травецкаго С.-Пб. ч. I. (Пулкисъ).—См. Отчетъ о двадцать первомъ присужденіи награды графа Уварова.
3461. *Trinchera. Codice aragonese ossia lettere regie ordinamenti ed altri atti governativi de'sovrani Aragonesi in Napoli riguardanti l'amministrazione interna del reame et lo relazione all'estero.*—Рец. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 140—142.
3462. *Trolle. Das italienische Volkthum und seine Abhängigkeit von den Naturbedingungen. Leipzig. 1885.*—См. статью А. Веселовскаго: Противорѣчія итальянскаго Возрожденія. 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 317—349.
3463. *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française. T. IV—V. Pologne avec une introduction et des notes, par Louis Farges. Paris. 1888.*—Рец. Н. И. Карцева. 1889, ч. 263, май, отд. II, стр. 218—223.
3464. *History of Tree and Serpent Worship, by I. Ferguson. London. 1869.*—Рец. 1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 304—305.
3465. *P. Georges Fischer. The Reformation.*—Рец. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 277—278.
3466. *Flaſche. Geschichte des Kurstaates und Königreichs Sachsen. III B. Neuere Geschichte Sachsens von 1806 — 1866.*—Рец. 1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 310—312.
3467. *Георгъ Фойшъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Перевелъ съ 2-го нѣмецкаго изданія Н. Н. Рассадинъ; съ предисловіемъ и указателемъ. Т. I. М. 1884.*—Рец. А. И. Кирпичикова. 1884, ч. 236, ноябрь, отд. II, стр. 64—69.
3468. *Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 г. Ѳ. Фортинскаго. Кіевъ. 1877.*—Рец. М. Верещакова. 1877, ч. 190, апрѣль, отд. II, стр. 306—315.
3469. *Leon Faucher. Tome 1-er. Biographie et correspondance. Tom 2. Vie parlementaire.*—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 438.
3470. *Edward Freeman. Historical Essays. London. 1872.*—Рец. 1872, ч. 164, декабрь, отд. II, стр. 419—420.
3471. *E. Freeman. Historical Essays. T. II.*—Рец. 1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 307—309.
3472. *The History of the Norman Conquest of England, its causes and its results by Ed. A. Freeman. Oxford. 1886.* (Исторія нормандскаго завоеванія Англіи: его причины и послѣдствія, соч. Е. Фримана. Оксфордъ. 1868).—Рец. (въ ст. Нов. иностр. ученой литер.) 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 527—528.
3473. *Fustel de-Coulanges. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris. 1875.*—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 411—415.

3474. Die Chroniken der Oberrheinischen Städte. Strassburg. 1870.—Ред. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 326—327.
3475. Zanelli. Le schiave orientali a Firenze nei secoli XIV et XV. Firenze. 1885.—См. ст. А. Н. Веселовского. Противорѣчія итальянскаго возрожденія. 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 317—349.
3476. Ignazio Ciampi. Cronache e statuti di Viterbo. 1872.—Ред. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 139—140.
3477. Ciavarini. Collezione di documenti storici antichi, etc. Ancona. 1870.—Ред. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 142—144.
3478. Zirngiehl (Eberh.). Studien über das Institut der Gesellschaft Jesu mit besonderer Berücksichtigung der pädagogischen Wirksamkeit dieses Ordens in Deutschland. 1869.—Ред. Н. К. 1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 314—315.
3479. Schenkel, Dr. Luther in Worms und Wittenberg und die Erneuerung der Kirche in der Gegenwart. 1870.—Ред. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 327—328.
3480. Michele Scherillo. La commedia dell'arte in Italia. Studie profili. Torino. 1884.—См. ст. А. Н. Веселовского: Противорѣчія итальянскаго Возрожденія. 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 317—349.
3481. Histoire de Charles VIII, roi de France, d'après des documens diplomatiques inédits, par M. de Cherrier. Paris. 1869.—Ред. (въ ст. Новостии иностр. ученой литерат.). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 529.
3482. Arnold Schaefer. Geschichte des siebenjährigen Krieges.—Ред. 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 285—286.
3483. Scheffer-Boichorst. Florentiner Studien. Leipzig. 1874.—Ред. 1875 ч. 179, июнь, отд. II, стр. 425—427.
3484. Tableaux de la révolution française publiés sur les papiers inédits du département et de la police secrète de Paris, par Ad. Schmidt. 1869.—Ред. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 330.
3485. Ad. Schmidt. Pariser Zustände während der Revolutionszeit von 1789—1800. I Theil. 1874.—Ред. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 432—433.
3486. A. Springer. Friedrich Christoph Dahlmann. 2 Theil.—Ред. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 155—156.
3487. Stälin. Württembergische Geschichte. IV. Theil. Schwaben und Franken vornehmlich im XVI Jahrhundert.—Ред. 1874, ч. 173, июнь, отд. II, стр. 310—312.
3488. Erasmus von Rotterdam. Seine Stellung zu der Kirche und zu den kirchlichen Bewegungen seiner Zeit. Von Fr. O. Stickart. 1870.—Ред. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 328—329.
3489. Bibliotheca Rerum Germanicarum, edidit Philippus Iaffé. Tomus Quintus: Monumenta Bambergensia. Berlin. 1869.—Ред. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 162.

V. ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ.

А. Стати.

3490. П. Везобразовъ. Бозмундъ Тарентскій.—1883, ч. 226, мартъ, отд. II, стр. 37—119.
3491. П. В. Везобразовъ. Византия въ XI в. (Разборъ трудовъ: 1) Н. Скабалановичъ. Византийск. госуд. и

- церковь въ XI в. С.—Пб. 1884. 2) *Скабалановичъ*. Византійская наука и школы въ XI в. (Христ. Чтеніе, 1884). 3) *W. Ficher*. Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts. Plapou. 1883). — 1884, ч. 236, ноябрь, отд. II, стр. 153 — 174.
- 3492. П. В. Везобразовъ**. Греческія рукописи въ Македоніи. (По поводу изданія: Παπαδόπουλος Καραμυος. Ἐκφαισις παλαιογραφικῶν καὶ φιλόλογικῶν ἱερῶν ἐν Θράκῃ καὶ Μακεδονίᾳ. Κόν-στ. 1886). — 1887, ч. 249, январь, отд. II, стр. 196—198.
- 3493. П. В. Везобразовъ**. Матеріалы для исторіи Византійской имперіи. (I. Неизданные монастырскіе указы). 1887, ч. 254, ноябрь, отд. II, стр. 65—78.—(II. Неизданный протоколъ суда 1075 г.) 1889, ч. 262, мартъ, стр. 72—91.—(III. Неизданный брачный договоръ Михаила VII Дуки съ Робертомъ Гвяскаромъ.—IV. Неизданная обвинительная рѣчь противъ патріарха Михаила Кирүлларія.). — 1889, ч. 265, сентябрь, отд. II, стр. 23—84.
- 3494. А. С. Вудиловичъ**. Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса. (Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV-e et au XVI-e siècle. Par Vladimir Lamansky. St.-Pétérshbourg. 1884). — 1885, ч. 237, февраль, отд. II, стр. 316—318; ч. 238, апрѣль, стр. 285—299; май, стр. 147—166: июнь, стр. 238—280.
- 3495. П. Вурачцовъ**. О запискѣ Готскаго Топарха. — 1877, ч. 192, августъ, отд. II, стр. 199—252.
- 3496. В. Г. Васильевскій**. Обзоръ трудовъ по Византійской исторіи. — 1887, ч. 250, апрѣль, отд. II, стр. 222 — 266; ч. 252, іюль, отд. II, стр. 113 — 147; ч. 253, сентябрь, отд. II, стр. 97—153; 1888, ч. 259, сентябрь, стр. 98—173; 1889, ч. 266, декабрь, стр. 380—392.
- 3497. В. Г. Васильевскій**. Русско-византійскіе отрывки. — I. Два письма Византійскаго имп. Михаила Дуки къ Всеволоду Ярославичу. — 1875, ч. 182, декабрь, отд. II, стр. 270—315. — II. Къ исторіи 976—996 гг. (Изъ Агъ-Мекина и Іоанна Геометра). III. Замѣтка о пѣшнхъ и конныхъ. — 1876, ч. 184, мартъ, отд. II, стр. 117—187; — IV. Записка греческаго топарха — ч. 185, июнь, стр. 368—434; V. Хожденіе апостола Андрея въ страну Мирмидонянъ. — 1877, ч. 189, январь, отд. II, стр. 41—82; февраль, стр. 157—185; — VI. Житіе Стефана Новаго, ч. 191, іюнь, стр. 283—329. VII. Житіе Іоанна Готскаго. — 1878, ч. 195, январь, отд. II, стр. 86—154; VIII. Житіе Георгія Амастридскаго. 1878, ч. 195, февраль, стр. 277 — 306; ч. 196, мартъ, стр. 123 — 181.
- 3498. В. Г. Васильевскій**. Законодательство иконоборцевъ. — 1878, ч. 199, октябрь, отд. II, стр. 258—309; ч. 200, ноябрь, отд. II, стр. 95—129.
- 3499. В. Г. Васильевскій**. Житіе св. Стефана Сурожскаго. — 1889, ч. 263, май, отд. II, стр. 97—161; июнь, стр. 391—452.
- 3500. В. Г. Васильевскій**. О синодальномъ спискѣ эклоги императоръ Льва и Константина и о двухъ спискахъ земледѣльческаго закона. — 1879, ч. 201, январь, отд. II, стр. 161—173.
- 3501. В. Г. Васильевскій**. Одеяніе изъ греческихъ сборниковъ Московской Синодальной бібліотеки (включающій Житія Мелетія Міупольскаго и Мелетія Новаго). —

- 1886, ч. 248, ноябрь, отд. II, стр. 65—106.
3502. В. Г. Васильевскій. О построении крѣпости Саркела. (Полемиическая замѣтка о статьѣ *Θ. Н. Успенскаго*: Византійскія владѣнія на сѣв. берегу Чернаго м. въ IX и X в., *Киѣвск. Стар.*, май, июнь).—1889, ч. 265, октябрь, отд. II, стр. 273—289.
3503. В. Г. Васильевскій. Отвѣтъ на статью *Ο. Н. Успенскаго*.—1889, ч. 266, декабрь, отд. II, стр. 555—557.
3504. В. Г. Васильевскій. О жизни и трудахъ Симеона Метафраста. — 1880, ч. 212, декабрь, отд. II, стр. 379—437.
3505. В. Г. Васильевскій. Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства. Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнія.—1879, ч. 202, мартъ, отд. II, стр. 160—232; апрѣль, стр. 386—438; 1880, ч. 210, июль, отд. II, стр. 98—170; августъ, стр. 355—404.
3506. В. Г. Васильевскій. Византія и Печенѣги (1048—1094).—1872, ч. 164, ноябрь, отд. II, стр. 116—165; декабрь, стр. 243—332.
3507. В. Г. Васильевскій. Письмо Алексѣя Комнина къ гр. Роберту Фландрскому. (По поводу изданія письма гр. Ріаномъ, *Riant*, въ Парижѣ (1879) и книги *Ekkehardi Uragiensis abbatis Hierosolymita... hegausegebeu v. H. Hagenmeyer*. Tübingen. 1887).—1880, ч. 207, январь, отд. II, стр. 223—268.
3508. В. Г. Васильевскій. Совѣты и разказы Византійскаго боярина XI в. По неизданной греческой рукописи XV в.—1881, ч. 215, июнь, отд. II, стр. 242—299; ч. 216, июль, стр. 102—171; августъ, стр. 316—357.
3509. В. Г. Васильевскій. Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ.—1874, ч. 176, ноябрь, отд. II, стр. 105—144; 1875, ч. 177, февраль, стр. 394—451; ч. 178, мартъ, стр. 76—152.
3510. А. Н. Веселовскій. Видѣніе Василія Новаго о походѣ русскихъ на Византію въ 941 году.—1889, ч. 261, январь, отд. II, стр. 80—92.
3511. А. Н. Веселовскій. Генварскія русалія и готскія игры въ Византіи.—1885, ч. 241, сентябрь, отд. II, стр. 1—18.
3512. В. В. Грефе. Новое изданіе Зосима. Отзывъ объ изданіи: *Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova*. Editit Ludovicus Mendelssohn. Lipsiae. 1887. — 1888, ч. 258, июль, отд. II, стр. 151—165.
3513. Г. С. Дестунисъ. Топографія средневѣковаго Константинополя. I. Обзоръ главныхъ сочиненій по историч. топографіи средневѣковаго Константинополя, написан. съ середины XVI вѣка до послѣдней четверти XVIII вѣка.—1882, ч. 219, январь, отд. II, стр. 1—32; 1883, ч. 225, январь, стр. 1—29.—II. Обзоръ главныхъ сочиненій по историч. топографіи средневѣковаго Константинополя, написанныхъ въ послѣднюю четверть прошедшаго вѣка и въ настоящемъ. 1883, ч. 225, февраль, стр. 229—263.
3514. Г. С. Дестунисъ. Историческія разысканія Сп. Ламбра. (Отзывъ о сочин. *Ιστορία μελετημάτων, υπό Σπυρίδωνος Π. Λαμπρού. Αθήναι 1884*).—1885, ч. 241, сентябрь, отд. II, стр. 107—122.
3516. Г. С. Дестунисъ. О каталогѣ греческихъ аеонскихъ рукописей, составленномъ въ 1880 г. (Извлеченіе изъ отчета греческаго ученаго *Λαμβρα* о командировкѣ его на Аеонъ).—1881, ч. 213, февраль, отд. IV, стр. 159—171.

- 3516. Г. С. Дестуниъ.** Новонизданный списокъ Повѣсти о Царьградѣ. (Повѣсть о Царьградѣ, его основаніи и плѣтѣ турками въ 1453 г. Пестора Искандера, XV вѣка. По рукоп. Троице-Сергіевой лавры, сообщ. архим. Леонидъ. С.-Пб. 1886. Въ Памятникъ древн. письменности).—1887, ч. 249, февраль, отд. II, стр. 366—383.
- 3517. Г. С. Дестуниъ.** Каталогъ греческихъ воонскихъ рукописей. (Отзывъ объ изд.: Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ Ἀγίου Ὄρους ἐλληνικῶν κειμένων. Ὑπο Σπυρίδωνος Π. Λαμπροῦ. Τ. Α. Μαρ. Α. ἐν Ἀθῆν. 1888).—1889, ч. 264, июль, отд. II, стр. 132—157.
- 3518. Г. С. Дестуниъ.** Новая греческая книга объ Аеопѣ. (О соч. Μαρούλη Γ. Γεωργίου. Ο Αἰώας. Αναμνήσεις—εὑρεμα—σημειώσεις. ἐν Κωνστ. 1885).—1886, ч. 245, май, отд. II, стр. 349—375.
- 3519. Г. С. Дестуниъ.** Дополненіе къ византийскимъ источникамъ. (Отзывъ о сочиненіи: Georgii Cyprii Descriptio Orbis Romani. Accedit Leonis Imperatoris Diatyposis genuina adhuc inedita. Edidit praefatus est commentario instruxit Henricus Gelzer. Adjectae sunt quattuor tabulae geograficae, par Emile Legrand. Lipsiae. 1890. (Bibl. Teubn.).—1881, ч. 276, июль, отд. II, стр. 204—213.
- 3520. Г. С. Дестуниъ.** Иванъ и Θεοδόσιος Ζυγομάλα, греческіе дѣтели XVI столѣтія. (Отзывъ о сочиненіи Notice biographique sur Jean et Theodose Zygomalas, par Emile Legrand. Paris. 1889).—1891, ч. 273, январь, отд. II, стр. 166—187.
- 3521. Г. С. Дестуниъ.** Записки греческ. историч. и этнологич. общества. (Отзывъ о Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος. Τ. I, τευχος 2. 1883, τ. 3. 1884. Ἀθῆν.).—1884, ч. 234, июль, отд. II, стр. 155—172.
- 3522. Г. С. Дестуниъ.** Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества. (Отзывъ объ изд.: Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος. Τом. I, τευχος 4. 1884. Ἀθῆν.).—1885, ч. 237, февраль, отд. II, стр. 384—397.
- 3523. Г. С. Дестуниъ.** Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества. (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος. Τ. II, τευχος 5, 6. 1885. Ἀθῆν.).—1887, ч. 252, июль, отд. II, стр. 148—172.
- 3524. Г. С. Дестуниъ.** Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества. — 1888, ч. 257, май, отд. II, стр. 210—236.
- 3525. Г. С. Дестуниъ.** Статьи по Византии въ греческомъ журналѣ „Аеопей“ Ἀθηναίων εὐρεμα περίοδικον κατὰ διμηνίαν ἐκδιδόμενον συμπτᾶται πολλῶν λόγων Ἀθῆναιον. 1872—1882 (Τομοὶ 10). — 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 415—446.
- 3526. Г. С. Дестуниъ.** Греческая библиографія Эмиля Леграна. (Отзывъ о соч.: Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des grecs au XV et XVI siècles par Emile Legrand. Paris. 1885).—1885, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 217—226.
- 3527. Г. С. Дестуниъ.** Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ. Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ и сущихъ въ немъ мѣстъ. Изданная, переведенная и объясненная В. Г. Васильевскимъ. (Православный Палестинскій Сборникъ. Т. IV. Вып. 2. С.-Пб. 1886).—1886, ч. 247, сентябрь, отд. II, стр. 125—143.
- 3528. Н. Кедровъ.** Николай Спафарій и его ориентология.—1876, январь, ч. 183, отд. II, стр. 1—31.

3529. П. Д. Погодинъ. Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками въ 1453 году. — 1889, ч. 264, августъ, отд. II, стр. 205—258.
3530. Варонъ В. Розенъ. Замѣтка (къ статьѣ В. Г. Васильевскаго „О жизни и трудахъ Симеона Метафраста“, декабрь 1880). — 1881, ч. 213, февраль, отд. II, стр. 319—320.
3531. Варонъ В. Р. Розенъ. Замѣтки о лѣтописи Агапія Мамбиджскаго. — 1884, ч. 231, январь, отд. II, стр. 47—75.
3532. Э. И. Успенскій. Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи. — 1883, ч. 225, январь, отд. II, стр. 30—87; февраль, стр. 301—360.
3533. Э. И. Успенскій. Наблюденія по сельско-хозяйственной исторіи Византіи. — 1888, ч. 259, октябрь, отд. II, стр. 229—259.
3534. Э. И. Успенскій. О рукописяхъ исторіи Никиты Акомината въ Парижской національной бібліотекѣ. — 1877, ч. 194, ноябрь, отд. II, стр. 64—79.
3535. Э. И. Успенскій. О миражахъ, открытыхъ В. Г. Васильевскимъ. — 1889, ч. 266, декабрь, отд. II, стр. 550—555. (Отвѣтъ на статью: О построеніи крѣпости Саркела).
3536. Э. И. Успенскій. Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи. — 1884, ч. 231, январь, отд. II, стр. 1—43; февраль, стр. 433—443; 1885, ч. 240, июль, отд. II, стр. 1—52.
3537. Э. И. Успенскій. Константинопольскій соборъ 842 года и утвержденіе православія. — 1891, ч. 273, январь, отд. II, стр. 73—158.
3538. Э. И. Успенскій. Патріархъ Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь—Дромиты у Симеона Магистра. — 1890, ч. 267, январь, отд. II, стр. 1—34.
3539. Э. И. Успенскій. Синодаль въ недѣлю православія. (Составъ и происхожденіе частей его). — 1891, ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 267—323.
3540. Э. И. Успенскій. Царь Алексѣй II и Андроникъ Комнинъ (1180—1185). — 1880, ч. 212, ноябрь, отд. II, стр. 93—130; 1881, ч. 214, мартъ, стр. 52—86.
3541. Э. И. Успенскій. Богословское и философское движеніе въ Византіи XI и XII вѣковъ. — 1891, ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 102—159; октябрь, стр. 283—324.
3542. Э. И. Успенскій. Неизданныя рѣчи и письма Михаила Акомината. — 1879, ч. 201, январь, отд. II, стр. 112—130; февраль, стр. 367—396.
3543. Т. Д. Флоринскій. Андроникъ Младшій и Іоаннъ Кантакузинъ. Очеркъ исторіи Византіи во второй четверти XIV вѣка. — 1879, ч. 204, июль, отд. II, стр. 87—144; августъ, стр. 219—251; ч. 205, сентябрь, стр. 1—48.
3544. Т. Д. Флоринскій. Отвѣтъ моему критику (по поводу статьи К. въ № 4 „Критическаго Обозрѣнія“ о книгѣ „Очеркъ исторіи Византіи во второй четверти XIV вѣка“). — 1880, ч. 208, апрѣль, отд. II, стр. 327—334.

Б. Рецензін.

3545. Αθηναίων συγγραμμα περίοδικον χάτα διμηναίαν εκδόμενον συμπράξει πολλών λογίων Αθηνησιν 1872—1882. (Томъ 10). — См. статью Г. Дестуже-де-Ланса: Статьи по Византіи въ греческомъ журналѣ „Аевеней“.
3546. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae

- comitem epistola spuria. Paris. Leroux 1879.—Рец. В. Г. Васильевского. 1880, ч. 207, январь, отд. II, стр. 223—268.
- 3547.** Byzantina. Очерки, материалы и замѣтки по византийскимъ древностямъ. Д. Θ. Бяллева. Книга I. Обзоръ главныхъ частей большого дворца византийскихъ царей. Приложение. Материалы и замѣтки по исторіи византийскихъ чиновъ. Съ планомъ (Лабарта) Большаго дворца, пиподрома и храма св. Софіи. С.-Пб. 1891.—Рец. Г. С. Дестунжиса. 1891, ч. 277, октябрь, отд. II, стр. 532—547.
- 3548.** Μαρούλη Ι. Γεωργίου. Ο Αθως. Ανάμνησις; — γύρραφ; — αφηγηματις;. Εν Κωνστ. 1885.—См. статью Г. Дестунжиса: Новая греческая книга объ Аѳонѣ.
- 3549.** Георгія Клиріяннина описаніе Римской державы, съ приложеніемъ подлинной доселѣ неизданной діатипоси царя Льва. Издалъ и снабдилъ предисловіемъ и комментаріемъ *Генрихъ Гельцеръ*. (Georgii Cyprii Descriptio Orbis Romani. Accedit Leonis Imperatoris Diatyposis genuina adhuc inedita. Edidit praefatus est commentario instruxit Henricus Geizer. Adjectae sunt quattuor tabulae geograficae. Lipsiae. 1890. (Bibl. Teubn.).—См. статью Г. С. Дестунжиса. Дополненіе къ византийскимъ источникамъ.
- 3550.** *Gfrörer*. Byzantinische Geschichten.—Рец. 1876, ч. 177, январь, отд. II, стр. 273—274.
- 3551.** O. Deluc. Les Normands en Italie. Paris. 1833.—Рец. П. Весобрадова. 1833, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 363—369.
- 3552.** Δελτιον της ιστορικης και εθνολογικης εταιριας της Ελλάδος. Τομ. I, τευχος I. Ιουλιος 1883. Αθην. 1883.—Рец. Г. Дестунжиса. 1883, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 294—304.
- 3553.** Δελτιον της ιστορικης και εθνολογικης εταιριας της Ελλάδος. Τομ. I, τευχος 2, 1833; τ. 3, 1884. Αθην.—Отымъ въ статьѣ Г. Дестунжиса: Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества.
- 3554.** Δελτιον της ιστορικης και εθνολογικης εταιριας της Ελλάδος. Τ. I, τ. 4. Αθην. 1884.—Рец. въ статьѣ Г. Дестунжиса: Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества.
- 3555.** Δελτιον της ιστορικης και εθνολογικης εταιριας της Ελλάδος. Τ. II, τευχος 5, 6. Αθην. 1836.—См. статью Г. С. Дестунжиса: Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества.
- 3556.** Δελτιον της ιστορικης και εθνολογικης εταιριας της Ελλάδος. Τ. II, τευχ. 7 (385—576). Αθην. 1887 (со снимкомъ и картой).—Рец. Г. С. Дестунжиса. 1888, ч. 257, май, отд. II, стр. 210—236.
- 3557.** Ekkehardi Urangiensis abbatis, Hierosolymita. Nach der Waltz'schen Recension mit Erläuterungen und einem Anbange herausgegeben von H. Hagenmeyer. Tübingen. 1877.—Рец. В. Г. Васильевского. 1880, ч. 207, январь, отд. II, стр. 223—268.
- 3558.** Ioannis Zonarae Epitome Historiarum cum Caroli Ducangii suisque annotationibus edidit Iud. Dindorfius. Lipsiae. 1863.—Рец. (въ статьѣ: Новости иностранной ученой литературы). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 515—516.
- 3559.** Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova. Edidit Iudovicus Mendelssohn. Lipsiae.—См. статью В. В. Грефе: Новое изданіе Зосима.
- 3560.** Ioannis Euchaitarum metropolitae, quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt, Iohannes Bollig S. S., bibliothecae Vaticanae praefectus descripsit, Paulus de Lagarde edidit.

- Gottingae. 1882.—Рец. В. Васильевского. 1882, ч. 222, августъ, отд. II, стр. 388—400.
- 3561.** Ioannis Comneni medici Vita Ioannis Cantacuzeni Romaeorum imperatoris. Edidit graece *Chrysanthus Loparev Samarovensis*. Petropoli.—Рец. 1888, ч. 257, июнь, отд. II, стр. 468—469 (Кн. новости).
- 3562.** *Jordanis Romana et Getica. Monumenta Germaniae historica. Auctorum antiquissimorum tomus V pars prior.* Berolini. MDCCCLXXXII.—Рец. В. Васильевского. 1882, ч. 222, августъ, отд. II, стр. 371—388.
- 3563.** Византийскія церкви и памятники Константинополя. *Н. Кондакова.* Одесса. 1886—1887.—Рец. Г. С. Дестуниса. 1887, ч. 250, апрѣль, отд. II, стр. 303—324.
- 3564.** Византийскія церкви и памятники Константинополя. *Н. Кондакова.* Одесса. 1886.—Рец. 1886, ч. 247, октябрь, отд. II, стр. 418. (Кн. новости).
- 3565.** Путешествіе на Синай въ 1881 году. Изъ путевыхъ впечатлѣній. Древности Синайскаго монастыря. *Н. Кондакова.* Одесса.—Рец. В. Стасова. 1883, ч. 226, апрѣль, отд. II, стр. 325—346.
- 3566.** Ιστορικα μελετηματα, υπο Σπυριδωνος Αμπερου. Αθην. 1884.—Отзывъ въ статьѣ Г. Дестуниса: Историческія разысканія Сп. Амбра.
- 3567.** Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ Ἀγίου Ὁρους ἀλλήνων χειρῶν. Υπο Σπυριδωνος Π. Αμπερου. Τ. Α. Μπρ. Α. Εν Αθην. 1888.—См. статью Г. С. Дестуниса: Каталогъ греческихъ афонскихъ рукописей.
- 3568.** Сказаніе о св. Софїи Цареградской. Памятникъ древней русской письменности исхода XII вѣка. По рукописи исхода XIV в. библиотеки А. С. Уварова. Сообщилъ архимак-
дритъ Леонидъ. С.-Пб.—Рец. 1889, ч. 263, май, отд. II, стр. 234—236. (Кн. новости).
- 3569.** Повѣсть о Царьградѣ (его основаніи и взятіи турками въ 1453 г.) Нестора Искандера, XV в. (По рукоп. Троице-Сергиевской лауры) Сообщилъ архим. Леонидъ. С.-Пб. 1886. (Въ Памятникъ древней письменности).—См. статью Г. Дестуниса: Нововзданный списокъ Повѣсти о Царьградѣ.
- 3570.** Notice biographique sur Jean et Theodose Zygomalas, par *Emile Legrande*.—См. статью Г. С. Дестуниса: Иванъ и Осодосій Згомала, греческіе дѣятели XVI столѣтія.
- 3571.** Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des grecs au XV et XVI siècles par *Emile Legrand*. Paris. 1885.—Рец. въ статьѣ Г. Дестуниса: Греческая библиографія Эмиля Леграна.
- 3572.** Матеріалы изслѣдованія по старинной русской литературѣ *Л. Майкова.* I. Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамяностяхъ Цареграда. С.-Пб. 1890.—Рец. Г. С. Дестуниса. 1890, ч. 271, сентябрь, отд. II, стр. 233—269.
- 3573.** Б. Мансуровъ. Базиллика императора Константина въ святомъ градѣ Іерусалимѣ. По поводу раскопокъ близъ храма Гроба Господня. Съ 14-ю чертежами. Москва. 1885—1886.—Рец. П. Р. 1886, февраль, ч. 243, отд. II, стр. 360—367.
- 3574.** *L. Mabilis.* Zwei Wiener Handschriften des Johannes Skylitzes. Breslau. 1890.—Рец. П. В. Воеводова. 1891, ч. 278, ноябрь, отд. II, стр. 230—236.
- 3575.** *Mendelssohn-Bartholdy.* Geschichte Griechenlands von der Eroberung Constantinopels durch die Türken bis auf unsere Zeit. II Theil.—Рец.

- 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 233—234.
3576. *Fr. Miklosich et Jos. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi Vol. V. Vindobona. 1887.*—Рец. П. В. Везобразова. 1888, ч. 267, июнь, отд. II, стр. 410—417.
3577. А. Παπαδοπούλος Κεραιεύς 'Εκθεσις παλαιογραφικῶν καὶ φιλολογικῶν κειμένων ἐν Θρακῇ καὶ Μακεδονίᾳ. Κωνστ. 1886.—См. статью П. Везобразова: Греческія рукописи въ Македоніи.
3578. Histoire de la civilisation hellénique, par M. C. Paparrigopulo. Paris. 1878.—См. статью В. Г. Васильевского: Законодательство ико-ноборцевъ.
3579. Порфирій Успенскій, епископъ. Востокъ христіанскій. Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты въ 1846 г. Кіевъ. 1877.—Рец. В. Кочановскаго. 1879, ч. 201, февраль, отд. II, стр. 397—407.
3580. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Лхѣи Антиохійскаго. Издавъ, перевелъ и объяснилъ баронъ В. Р. Розенъ. С.-Пб. 1883. — Рец. Э. И. Успенскаго. 1884, ч. 232, апрѣль, отд. II, стр. 282—315.
3581. Патмская библіотека издавшая, Ιωαννὶς Σακκελίουμъ. Λοινны. 1890. (Πατριακή Βιβλιοθήκη... υπό Ιωάννου Σακκελίουμъ. Αθην. αρω). Рец. Г. С. Дестуниса. 1891, ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 426—437.
3582. Τοῦ μακρῆσττου Θεοδώρητο ἐπισκόπου Κύρου ἐπιστολαὶ τοῖς ἐκείνου παντήχοντα ἐκ πατριακῶ χειρογράφου ταύτους νῦν πρῶτον τύποις, ἐκδομέναί ὑπὸ Ιωάννου Σακκελίουμъ. Αθην. ΑΩΠΕ'.—Рец. Сп. П. Ламбра. 1886, ч. 243, февраль, отд. II, стр. 358—369.
3583. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη, ἐπιστάσι. Κ. Ν. Σαφ. Α. Τόμος Α. 'Εν Βενέτις. 1872.—Рец. В. Кочановскаго. 1877, ч. 190, апрѣль, отд. II, стр. 315—320.
3584. Н. Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ. С.-Пб. 1884.—Отзывъ въ статьѣ П. Везобразова: Византія въ XI в.
3585. Н. Скабалановичъ. Византійская наука и школа въ XI в. (Христіанск. Чтеніе 1884).—Отзывъ въ статьѣ П. Везобразова: Византія въ XI вѣкѣ.
3586. Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго, пожертвованныхъ имъ въ Императорскую Академію Наукъ по завѣщанію. Составлено по порученію Академіи Наукъ П. Сыржу. С.-Пб. 1891.—Рец. 1891, ч. 276, июль, отд. II, стр. 244 — 246. (Кн. новости).
3587. Автобіографія императора Михаила Палеолога и отрывокъ изъ устава, даннаго имъ монастырю св. Димитрія. Издавъ Н. Троицкій. С.-Пб. 1885. — Рец. 1886, ч. 243, январь, отд. II, стр. 189—190. (Кн. новости).
3588. Θ. Η. Успенскій. Византійскіе землемѣры. Одесса. 1888. — Рец. П. В. Везобразова. 1888, ч. 260, декабрь, отд. II, стр. 272—280.
3589. W. Fischer. Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts. (Wissenschaftliche Beilage zu dem Programm der Gymnasial- und Real-schul-Anstalt zu Plauen). Plauen. 1883.—Рец. въ статьѣ П. Везобразова: Византія въ XI вѣкѣ.
3590. L'instruction publique chez les Grecs depuis la prise de Constantinople par les Turcs jusqu'à nos jours. Par G. Chassiotis. Paris. 1881. — Рец. П. А. Сыржу. 1882, ч. 220, апрѣль, отд. II, стр. 279—300.

VI. ИСТОРИЯ СЛАВЯНЪ.

А. Статьи.

3591. Архимандритъ Ароескій. Церковный и политическій бытъ православныхъ сербовъ и волоховъ въ австрійскихъ земляхъ съ IX столѣтія до настоящаго времени.—1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 197—251.
3592. Игуменъ Ароескій. Русскіе въ Венгріи. — 1868, ч. 138, июнь, отд. II, стр. 699—716.
3593. Д. Важицъ. Черногорія подъ управленіемъ владыкъ. — 1878, ч. 198, августъ, отд. II, стр. 207—272.
3594. Л. В. Веревкинъ. Политическія отношенія тріединаго королевства къ Венгріи.—1874, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 82—112; октябрь, стр. 260—301.
3595. В. А. Вильбасовъ. Римскіе папы и славянскіе первоучители. — 1868, ч. 138, май, отд. II, стр. 327—377.
3596. Ф. Врунцъ. Пѣкоторые историческія соображенія по поводу названія Добруджи.—1877, ч. 193, сентябрь, отд. II, стр. 62—77.
3597. Ф. Врунцъ. Догадки относительно участія русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ. — 1878, ч. 200, декабрь, отд. II, стр. 227—238.
3598. А. С. Вудилловичъ. Важнѣйшіе моменты юго-славянской исторіи. (По поводу сочиненія профессора Московской духовной академіи, Е. Голубинскаго: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской или молдаво-валашской). — 1872, ч. 159, январь, отд. II, стр. 107—134.
3599. А. С. Вудилловичъ. Славянская бібліографія за 1868 годъ. — 1869, ч. 143, июнь, отд. II, стр. 416—436.
3600. А. Вудилловичъ. Славянская бібліографія. — 1871, ч. 157, октябрь, отд. II, стр. 352—378.
3601. А. Вудилловичъ. Славянскія Матицы и ученые дружства.—1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 459—475.
3602. Важнѣйшія явленія польской исторической литературы въ Познаніи и Галиціи въ 1876 году. — 1877, ч. 194, ноябрь, отд. II, стр. 80—107.
3603. В. Г. Васильевскій. Обновленіе болгарскаго патріаршества при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II въ 1235 году. — 1885, ч. 238, мартъ, отд. II, стр. 1—56; апрѣль, стр. 206—238. (Въ прилож. I. О письмахъ Георгія, митроп. Керкирскаго, помѣщенныхъ въ церковныхъ лѣтописяхъ Баронія II. О синодикѣ царя Бориса. III. 1) Письмо Мавула деспота Эпирскаго къ патріарху. 2) Патріаршая грамота о назначеніи патріаршимъ намѣстникомъ Анкирскаго митрополита. 3) Другая грамота патріарха Германа о возстановленіи власти патріарха надъ царскими монастырями во владѣніяхъ Эпирскаго деспота).
3604. П. Васильевъ. Причины и характеръ чешскаго религіознаго движенія (историко-критическіе этюды). — 1876, ч. 186, июль, отд. II, стр. 90—125; августъ, стр. 234—260.
3605. Ф. Вержбовскій. Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 годахъ, по допесеніямъ напскаго купца В. Лаурео. — 1892, ч. 222, августъ, отд. II, стр. 208—242.
3606. Я. Г—вій. Попытки и старанія римской курии ввести грегорианскій календарь у славянъ православныхъ и униатовъ.—1877, ч. 193, сентябрь, отд. II, стр. 1—36.

3607. Я. Е. Гротъ. Замѣтка о топографич. названіяхъ вообще. — 1867, ч. 136, ноябрь, отд. II, стр. 617—628.
3608. К. Я. Гротъ. Новый нѣмодкій трудъ чешскаго слависта. (*Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage. Skizzen zur ältesten Geschichte der Rumänen, Ungarn und Slaven. Von Jos. Lad. Pö. Lpz. 1886*). — 1886, ч. 246, июль, отд. II, стр. 90—133.
3609. Эмилъ П. Драговичъ. Графъ Вуячъ въ Черногоріи. (Очеркъ изъ исторіи сношеній Россіи съ Черногоріей). — 1892, ч. 221, май, отд. II, стр. 115—134.
3610. М. С. Дриновъ. Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ. — 1885, ч. 238, апрѣль, отд. II, стр. 174—205.
3611. І. Ербенъ. Замѣтка о славянскихъ топографическихъ названіяхъ. — 1867, ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 243—252.
3612. Л. Э. Змѣевъ. Словарь польскихъ врачей. (Отзывъ о книгѣ: *Słownik lekarzów polskich. Ułożył St. Kosmicki. Warsz. 1883—1885*). — 1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 163—169.
3613. Л. Каравеловъ. Южно-славянская библиографія за 1867 г. — 1878, ч. 138, июнь, отд. II, стр. 882—904.
3614. Н. И. Карѣевъ. Паденіе Польши въ исторической литературѣ. — 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 24—53; ч. 256, мартъ, стр. 1—71; ч. 257, май, стр. 1—73; июнь, стр. 350—395; ч. 259, сентябрь, стр. 1—69; ч. 260, ноябрь, стр. 1—86; декабрь, стр. 232—251.
3615. Н. И. Карѣевъ. Вопросъ о религиозной реформаціи XVI вѣка въ Рѣчи Посполитой въ польской историографіи. — 1885, ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 1—51.
3616. В. Качановскій. Византіискіе лѣтописцы, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ, въ періодъ паденія ихъ самостоятельности. — 1878, ч. 198, июль, отд. II, стр. 63—112.
3617. Вл. Качановскій. Годъ смерти св. Саввы, перваго апостола Сербскаго архіепископа. (По пов. соч.: Дотаѣи извори за српску историју *Ис. Поповић.*) — 1878, ч. 199, октябрь, отд. II, стр. 310—317.
3618. В. Качановскій. Дѣятельность боснійскаго короля Степана Твердка I. (Ред. книги: *Boanien, das Land und seine Bewohner von A. F. v. Schweiger-Lerchenfeld. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage. Wien. 1880*). — 1881, ч. 217, октябрь, отд. II, стр. 346—364.
3619. В. Качановскій. Балканскіе славяне, въ эпоху покоренія ихъ турками. — 1877, ч. 189, январь, отд. II, стр. 83—114.
3620. В. Качановскій. Хорватскія лѣтописи XV—XVI вѣковъ. — 1881, ч. 217, сентябрь, отд. II, стр. 68—76.
3621. А. И. Екпрличниковъ. Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ славянъ. — 1885, ч. 241, сентябрь, отд. II, стр. 47—65.
3622. М. Кожловичъ. Пренія воззрѣнія польскаго писателя Крашевскаго на бывшее Литовское княжество, то-есть, Западную Россію. — 1883, ч. 225, январь, отд. II, стр. 88—99.
3623. М. О. Кожловичъ. О раздѣлахъ Польши. (По поводу соч. Д. Пловийскаго: *Гродненскій сеймъ 1793 г.*). — 1871, ч. 158, ноябрь, отд. II, стр. 148—158.
3624. В. Кракау. Задачи славянской исторіи. (Вступительная лекція). — 1882, ч. 224, декабрь, отд. II, стр. 274—297.
3625. Н. Н. Куликовъ. Коменскій, педагогъ XVII столѣтія (по Люцу

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(іюль и августъ 1894 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (1-го мая 1894 года). Объ учрежденіи при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ допозднихъ промій въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра Николаевича. 3
2. (2-го мая 1894 года). Объ открытіи въ С.-Петербургѣ трех-класснаго городского училища —
3. (2-го мая 1894 года). Объ увеличеніи пособія отъ казны Императорскому обществу любителей естествознанія, антропологін и этнографін при Московскомъ университетѣ 4
4. (2-го мая 1894 года). О преобразованіи Ялтинской четырех-классной прогимназіи въ шестиклассный составъ
5. (9-го мая 1894 года). О предоставленіи главной физической обсерваторіи производить полярку метеорологическихъ инструментовъ. 6
6. (9-го мая 1894 года). Объ утвержденіи при Ташкентской астрономической и физической обсерваторіи должности астрофизика. 7
7. (9-го мая 1894 года). Объ утвержденіи положенія и штата Алексиндронскаго казанскаго духовнаго училища въ г. Енисаторіи 29
8. (9-го мая 1894 года). Объ учрежденіи въ городѣ Тулѣ ремесленнаго и въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ низшаго механико-техническаго училищъ и объ утвержденіи штата Иваново-Вознесенскаго технического училища 34

9. (12-го мая 1894 года). Объ утвержденіи рисунка медали для преміи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Батюшкова 38
10. (23-го мая 1894 года). Объ окладахъ пенсій и одиовременныхъ нособій лицамъ, служащимъ по учебной части въ городскихъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа —
11. (23-го мая 1894 года). Объ учрежденіи въ Константинополѣ Русскаго археологическаго виститута и объ утвержденіи устава и штата названнаго виститута 39
12. (30-го мая 1894 года). Объ увеличеніи оклада содержанія лаборанта при физическомъ кабинетѣ Императорской Академіи Наукъ . 45
13. (30-го мая 1894 года). О преобразованіи Оренбургскаго учительскаго виститута въ реальное училище. —
14. (30-го мая 1894 года). Объ учрежденіи должности окружнаго инспектора училищъ Приамурскаго края 47
15. (30-го мая 1894 года). О преобразованіи Кокандскаго приходскаго училища въ двухклассное городское и объ утвержденіи штата упомянутаго училища 48
16. (30-го мая 1894 года). Объ открытіи при Батумскомъ ремесленномъ училищѣ шелкоткацкаго отдѣленія 50
17. (30-го мая 1894 года). О примѣненіи въ Пермской мужской гимназій общихъ устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года . —
18. (3-го іюня 1894 года). О закрытіи Вытегорской учительской семинаріи и Краснослободской прогимназій, о преобразованіи Харьковской прогимназій и объ учрежденіи въ г. Валкѣ учительской семинаріи и объ утвержденіи штата оной 53

ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 58

ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- 12-го мая 1894 года 8
- 17-го іюня 1894 года 64

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (1-го мая 1894 года). Положеніе о стипендіяхъ имени торговаго дома К. Ф. Горико при Видавскихъ мореходныхъ классахъ Курляндской губерніи . 11
2. (3-го мая 1894 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Дмитрія Семеловича Лепешкина въ женской ромослобной школѣ Московскаго общества распространенія техническихъ знаній 12
3. (3-го мая 1894 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Дмитрія Семеловича Лепешкина въ слесарно-ремесленномъ училищѣ Московскаго общества распространенія техническихъ знаній. 14

4. (22-го іюня 1894 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о принятіи мѣръ къ разведенію садовъ и огородовъ при народныхъ училищахъ . 65
5. (22-го іюня 1894 года). Положеніе о стипендіи имени камергера двора Его Императорскаго Величества дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Андреевича Бѣлухи-Кохановскаго при Полтавской Маріинской женской гимназій 66

ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- 12-го іюня 1894 года 15
- 20-го іюня 1894 года 67

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ 23 и 74

- Открытіе училищъ 77

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

- Д. М. Позднѣевъ. Вопросы древней исторіи Китая (окончаніе). 1
- В. П. Бузескулъ. 'Αἰτιαὶ τῆς Πολιτείας Аристотеля, какъ источникъ для исторіи аѳинской демократіи до конца V вѣка до Р. Х. (продолженіе) . 19
- И. Н. Ждановъ. Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ и былія „Перваказанный сонъ“ . 62
- В. М. Владиславовъ. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи. 207
- Е. В. Пѣтуховъ. Михаилъ Никитичъ Муравьевъ . 265
- Н. А. Любимовъ. Исторія физики (продолженіе) 103 и 297
- Л. А. Саккетти. О музыкальной художественности древнихъ грековъ . 326

КРИТИКА И ВИВПОГРАФІЯ.

- Д. П. Никольскій. La Diplomatie Française et la Ligue des neutres de 1780 (1776—1783), par Paul Fauchille. Paris. 1893. 148
- П. П.-С. А. Пилленко. Международныя литературныя конвенціи. С.-Пб. 1894. 167
- Д. Д. Гриммъ. А. М. Гуллеа. Паомъ услугъ. Юрьевъ. 1893. 172
- С. А. Адриановъ. Пермская Старина. Сборникъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Александра Дмитриева. Выпускъ V. Покореніе Угорскихъ земель и Сибири. Пермь. 1894 190
- М. К. Любавскій. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстныхъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ 348

Ю. А. Кулаковскій. <i>П. В. Непомный</i> . Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Выпускъ первый. Харьковъ. 1894	394
П. П. Добольскій. <i>В. Сергиевичъ</i> . Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. Томъ II. Власть. Вып. 1. Въче и князь. С.-Пб. 1890—1893.	406
Книжныя новости	204 и 448

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

П. А. Зомятченскій. Пѣкоторыя замѣчанія о трудахъ спеціальной коммисіи по техническому образованію	1
Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	8 и 25

СОВРЕМЕННАЯ ЛВТОНІИ.

Императорское Московское Археологическое Общество въ 1893—1894 году	1
Императорская Публичная Библиотека въ 1891 году	37
Б. А. Турасовъ. Занятія египтологією и ассириологією въ Берлинѣ.	12
Л. М. Воспоминаніе о П. А. Трескинѣ	26
Л. Л — ръ. Письмо изъ Парижа	47
А. О — въ. П. М. Ядринцовъ (<i>искрологъ</i>)	59

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. И. Х — къ. Пустозвонъ (<i>Miles Gloriosus</i>), комедія Плавта (<i>окончаніе</i>)	1 и 65
О. А. Шеборъ. <i>Hor. Sat. I. 9. 43 sqq.</i>	103
Ө. Г. Мищенко. <i>Thucyd. VIII 97, и Aristot. 'Αθηναίων Πολιτ. 33.</i>	107

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ (<i>продолженіе</i>).	177 и 193

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Новыя изданія учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ.

(С.-Пб. Лиговская ул., № 19).

-
- Святѣи города Вильны. *Е. А. Карскаго*. Ц. 10 коп.
 - Императоръ Николай Первый. Съ портретомъ. Ц. 12 к.
 - Путешествіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича на востокъ въ 1890—1891 гг. Два чтенія: I. *Въ иноземныхъ странахъ*. II. *По Сибири*. Съ портретомъ Его Императорскаго Высочества. Ц. 15 к.
 - Гора Араратъ. *Е. П. Ковалевскаго*. Ц. 10 к.
 - О Греціи и Гречахъ. Ц. 10 к.
 - Олонецкій край. Ц. 10 к.
 - О Тамбовской старинѣ. *И. Падугева*. Ц. 8 к.
 - О холерѣ. Народное чтеніе доктора *В. В. Гориневскаго*. Съ рисункомъ въ текстѣ. Ц. 5 к.
 - Дешевое и выгодное кормленіе домашнихъ животныхъ, особенно при неурожаѣ кормовъ. Для сельскихъ хозяевъ и крестьянъ. Составилъ ветеринарный врачъ С.-Петербургскаго земства *С. И. Самборскій*. Ц. 15 к.
 - Какъ дѣлаютъ бумагу и какъ печатаются книги. *А. Валтиарова*. Съ тремя карточками. Ц. 10 к.
 - Повѣсть о славномъ атаманѣ Бѣлякѣ и о юномъ княжичѣ Федорѣ. *А. Стѣпковой (Катенкампа)*. Ц. 35.

Продолжается подписка на 1894 г. на общепедагогическій журналъ

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ вышедшихъ книжкахъ (январь—июнь) помѣщены между прочимъ, слѣдующія статьи:

- 1) Казнь Фортунки (очеркъ). Д. Н. Машинъ-Сибирякъ; 2) Школьные типы былыхъ годовъ. В. О. Михневича; 3) Какъ возникъ первый въ Россіи музей прикладныхъ знаній въ Петербургѣ (Изъ моего дневника). Н. Х. Весселя; 4) Педагогъ-идеалистъ 40-хъ годовъ. Д. А. Семенова; 5) Изъ прошлаго второй Петербургской гимназіи. Н. Мавра; 6) Изъ дневника учительницы воскресной школы. (Наблюденія и замѣтки). И.; 7) Къ вопросу о продолжительности классныхъ уроковъ и паузъ между ними. Д-ра В. В. Гориневскаго; 8) О воскресномъ отдыхѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Н. Займича; 9) О назначеніи и обязанностяхъ школьнаго врача. А. С. Виреніуса; 10) Вопросы школьной гігіены въ связи съ санитарной обстановкой учебныхъ заведеній въ Швейцаріи. Д-ра В. В. Святловскаго; 11) Санитарный надзоръ въ Петербургскихъ городскихъ школахъ. Д-ра Г. М. Герценштейна; 12) Развѣтїе и разновидности дѣтскаго ума. П. Ф. Мантерева; 13) Воспитаніе умственныхъ способностей (по Ноже). А. С. Виреніуса; 14) О необходимости поднять уровень эстетическаго образованія въ современной школѣ. Вл. Бѣловича; 15) Воспитательное вліяніе семьи и школы. Д-ра М. М. Поповскаго; 16) Воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ трезвости и воздержанія. Е. П. Новалевскаго; 17) О самообразованіи учителя. М. М. Демшова; 18) Богатѣйшія бібліотеки на земномъ шарѣ. А. Я. Острогорскаго; 19) Школьное дѣло и женскій трудъ на выставкѣ въ Чикаго. В. В. Святловскаго; 20) Дѣтскіе дневные пріюты въ Берлинѣ. М. А. Сабашникова; 21) Медицинское образованіе и классицизмъ во Франціи. А. О.; 22) Высшее сельско-хозяйственное образованіе. В. В. Бирюковича; 23) Сельско-хозяйственное образованіе для женщинъ. Его-же; 24) Обязательный минимумъ образованія. М. Л. Пескомскаго; 25) Какъ достигнуть образовательнаго минимума населенія. Его-же; 26) Воскресныя школы и повторительные курсы. В. П. Вахтерова; 27) О необходимости однообразной отчетности по воскреснымъ школамъ. Я. В. Абрамова; 28) По поводу педагогическихъ курсовъ. Н. М. Ларионова; 29) Связи народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическаго ядра. А. М. Тютрюмова; 30) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1893 года. М. П. Бѣловскаго; 31) Объ устройствѣ публичныхъ бібліотекъ при городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. А. Козьменкова; 32) Учебныя пособія, учительскія и ученическія бібліотеки въ начальныхъ городскихъ школахъ Москвы и Петербурга. Е.; 33) Предметные уроки въ начальной школѣ. П. Р.; 34) Чему и какъ учить на урокахъ ариметики. С. И. Шехоръ-Троцкаго; 35) Расположеніе учебнаго матеріала при преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Д. И. Тихомерова; 36) Черченіе и рисованіе въ народныхъ учили-

цахъ. В. Ч.; 37) Къ вопросу о лѣтнихъ естественно-историческихъ занятіяхъ учащагося юношества. Проф. Д. Н. Кайгородова; 38) Потенціальная теорія электрическихъ явленій на основаніи аналогій. В. А. Розенберга; 39) Распространеніе „естественнаго“ метода изученія языковъ въ Америкѣ и значеніе американскаго опыта для Россіи. П. Т. Минусова; 40) Къ вопросу о прямомъ почеркѣ. М. Е. Евстова.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ вышедшихъ книжкахъ журнала „Русская Школа“ за текущій годъ помѣщено около 70 рецензій, а также печатались: ежемѣсячный хроника народнаго образованія Я. В. Абрамова, отчеты о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго комитетовъ грамотности; сверхъ того, напечатано около пятидесяти статей и замѣтокъ въ отдѣлѣ „Педагогическая хроника“ множество мелкихъ замѣтокъ и сообщеній въ отдѣлѣ „Разныя извѣстія и сообщенія“, Уставъ С.-Петербургскаго Общественнаго собранія педагоговъ и мног. друг.

Подписка на журналъ „Русская Школа“ принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Литовки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Карбасникова и Калмыковой.

Подписная цѣна за годъ: въ Петербургѣ безъ пересылки—ШЕСТЬ рублей; съ пересылкою ШЕСТЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою СЕМЬ рублей; за границу—ДЕВЯТЬ рублей; учителя же и учительницы сельскихъ начальныхъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль.

№№ 7 и 8 (за іюль и августъ) выйдутъ одновременно около 20-го августа.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книги посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Влѣдкому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. 1894 г. Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вышласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЦЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе пятое, дополненное, 1893 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. П. Просвѣщенія для класснаго и вышласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

•ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ.

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-нѣть копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-нѣть копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльных его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

